

Е. Г. Неклюдов

ГОРНАЯ РЕФОРМА В РОССИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА:
ОТ ЗАМЫСЛА К РЕАЛИЗАЦИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК • УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

Е. Г. Неклюдов

**ГОРНАЯ РЕФОРМА В РОССИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА:
ОТ ЗАМЫСЛА К РЕАЛИЗАЦИИ**

Нестор-История
Санкт-Петербург
2018

УДК 94
ББК 63.3(2)5
Н47

*Рекомендовано к изданию ученым советом Института истории и археологии
Уральского отделения РАН*

*Исследование выполнено в рамках госзадания ИИиА УрО РАН 2013–2015 гг.
и при финансовой поддержке РГНФ 2016 г. (проект № 6-01-00137)*

Ответственный редактор

доктор исторических наук, профессор *Г. Е. Корнилов*

Рецензенты

доктор исторических наук *Н. А. Иванова* (ИРИ РАН)

доктор исторических наук *В. Л. Степанов* (ИЭ РАН)

кандидат исторических наук *В. П. Микитюк* (ИИиА УрО РАН)

кандидат исторических наук *Г. Н. Шумкин* (ИИиА УрО РАН)

Неклюдов Е. Г.

Н47 Горная реформа в России второй половины XIX — начала XX века: от замысла к реализации. — СПб.: Нестор-История, 2018. — 576 с.

ISBN 978-5-4469-1344-2

В монографии раскрываются вопросы подготовки и проведения малоизвестной горной реформы в России, направленной на совершенствование системы отраслевого управления и деятельности казенного, посессионного и владельческого секторов горнозаводской промышленности. Прослеживается история создания проектов Горного устава в Горной комиссии (1857–1866 гг.) и в Податной комиссии (1866–1868 гг.), а также Правил о выкупе посессионных имений и Правил о продаже казенных горных заводов. Выявляется роль участников разработки законопроектов: чиновников горного и других ведомств, ведущих экономистов, горных инженеров и горнозаводчиков. Исследуется судьба подготовленных проектов и отражение их содержательных новаций в законодательстве Российской империи. Рассматриваются процессы отчуждения казенных заводов и золотых промыслов и ликвидации посессий во второй половине XIX — начале XX в. в Уральской, Замосковной, Западно-Сибирской, Кавказской, Западной, Северной и Южной горных областях империи.

Для историков, юристов, горных специалистов и студентов вузов, а также всех, кто интересуется историей России и российского предпринимательства.

The book reveals the history of the preparation and holding of the little-known mining reform in Russia, aimed at improving the management of sectorial operations and the state and possessory sectors of the mining and metallurgical industry. It traces the history of the creation of projects in the Mining Statute of Mines Commission (1857–1866) and Taxable Commission (1866–1868), as well as the Rules to buyout possessional estates and the Rules of sale the state-owned mining plants. Reveal the role of the participants of development draft laws: officials of mining and other departments, leading economists, mining engineers and plant owners. Investigated the fate of the prepared projects and reflection of their substantial innovations in the following legislation of the Russian Empire. Presents the processes of alienation of state-owned plants and eliminate possessional estates in the second half of XIX — early XX century in the Urals, Moscow, West Siberian, Caucasus, Western, Northern and Southern mining areas of the empire.

For historians, lawyers, mining specialists and students as well as anyone interested the history of Russia and Russian business.

ISBN 978-5-4469-1344-2

9 785446 913442

© Неклюдов Е. Г., 2018

© Институт истории и археологии УрО РАН, 2018

© Издательство «Нестор-История», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
----------------	---

Глава I Проекты Горного устава

1. Проект Горной комиссии (1857–1866).....	12
Предыстория Комиссии и организация ее работы.....	12
Участие заводчиков в работе Комиссии	24
Совершенствование системы горного управления.....	31
Порядок казенного надзора за частным горным промыслом	39
Отношение к владельческим и посессионным заводам	41
Условия для частного предпринимательства на казенных и общественных землях	51
Совершенствование системы налогообложения и взысканий за нарушение горных законов.....	59
2. Проект Податной комиссии (1866–1868).....	68
Состав Комиссии	68
Ликвидация системы управления горным промыслом и надзора за ним.....	70
Дискуссии о частной промышленности.....	80
Изменение условий для частного горного промысла на казенных и общественных землях	86
Обсуждение вопросов о горных податях и съездах заводчиков.....	91
3. Судьба проектов в контексте эволюции горного законодательства (1863–1917) ...	101
Изменения в горном законодательстве в 1863–1873 гг.	101
Законодательные инициативы 1874–1893 гг.	116
Проекты и решения 1894–1917 гг.	139

Глава II Отчуждение казенных заводов и промыслов

1. Подготовка Правил о продаже (1866–1874).....	161
Определение заводов и промыслов, подлежащих продаже.....	161
Разработка Правил в Податной комиссии.....	173

Отчет В. П. Безобразова и полемика вокруг него	182
Утверждение проекта и его корректировка	197
2. Дальнейшее движение правительственного курса (1881–1915)	209
Корректировка курса в 1880-е гг.	209
Колебания курса в 1890-е гг.	214
Намерения властей в начале XX в.	226
3. Ход отчуждения заводов и промыслов (1870–1915)	241
Попытки продажи и аренды заводов	241
Состоявшиеся продажи заводов	304
Отчуждение казенных лесных дач	328
Переход золотых промыслов в частные руки	332

Глава III Ликвидация посессий

1. Подготовка проектов выкупа посессий (1863–1879)	353
Деятельность Горной комиссии	353
Коррективы Податной комиссии	361
Обсуждение проекта в министерствах и заводоуправлениях	367
Разработка «проекта Валуева – Штофа»	372
2. Новые проекты и решения (1880–1914)	380
Инициативы заводчиков	380
Смена парадигм: «проект А. А. Штофа»	387
Проекты выкупа холуницкой и невьянской посессий	394
Особое межведомственное совещание 1905–1907 гг.	398
Последние предложения заводчиков и властей	409
3. Практика отмены посессионного статуса заводов (1861–1917)	424
«Перечисление» заводов по законам 1863 и 1886 гг.	424
Частные попытки отмены посессионного статуса заводов	446
Изменение статуса заводов в ходе продаж	450
«Отобрание» посессий за нарушение законодательства	482
Особые случаи по отдельным посессиям	496
Решения по закавказским медеплавильным заводам	527
Заключение	546
Именной указатель	558

*ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ КОНСТАНТИНОВНЫ
И АНГЕЛИНЫ КОНСТАНТИНОВНЫ ГУСЬКОВЫХ*

ВВЕДЕНИЕ

«Горный промысел составляет один из важнейших источников народного богатства, и успехи его... могут служить мерилом экономического развития страны. Находящиеся в недрах земли минеральные произведения заключают в себе обильные запасы для снабжения государства необходимыми металлами. Разработка золота, серебра, меди, железа и каменного угля, служа к удовлетворению общих потребностей, является вместе с тем поддержкой благосостояния многих тысяч рабочих, находящихся в горном промысле главнейший источник существования»¹. Такое представление о значении горной промышленности было характерно для эпохи Великих реформ царствования Александра II. Эти системные реформы не могли не затронуть организацию в стране экономической деятельности, в том числе и столь важную горную отрасль.

Широко распространенное в середине XIX в. понятие «горный промысел» (в источниках встречаются также равнозначные термины «горное дело», «горная промышленность», «горнопромышленность», «горнозаводский промысел», «горнозаводское дело», «горнозаводская промышленность») включало как добычу минералов, так и их обработку на «горных» же (металлургических) заводах. Такая отраслевая неразделенность была следствием особых условий становления и развития крупной промышленности в России. Провозглашая «горную свободу» в 1719 г., власти подталкивали предпринимателей «как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы»². Поэтому «рудокопные заводы», упоминавшиеся в Берг-привилегии, создавались как предприятия не только по добыче руд, но и по их переработке в металлы. В течение XVIII в. в регионах освоения складывалась комбинированная промышленность, включавшая весь цикл производства металлов от добычи руды и заготовки топлива до выделки разнообразных их сортов и изделий. В большинстве случаев она действовала в форме горнозаводских округов — самостоятельных территориально-хозяйственных комплексов, принадлежавших казне или частным предпринимателям на посессионном праве или на праве собственности. Как правило, в крупных округах действовало несколько металлургических заводов, специализировавшихся на отдельных стадиях производственного процесса. Округа обычно назывались по наименованию головного предприятия, часто с использованием множественного числа слова «завод» (например, «Нижнетагильский округ», или «Нижнетагильские заводы»). Когда в XIX в. стали появляться самостоятельные добывающие отрасли (золотоплатиновая, каменноугольная, нефтяная и др.), их тоже отнесли к горной промышленности,

отделяя от металлургии, которая в старинных районах своего распространения сохраняла окружную форму и по-прежнему именовалась «горнозаводской промышленностью».

Условия функционирования горной промышленности стали предметом особой отрасли права³. В XVIII в. «горное право» в России существовало в виде отдельных актов; в начале XIX в. был создан первый кодекс — Проект горного положения 1806 г., вошедший в себя подробные правила ведения горнопромышленности. В середине XIX в. уже действовал специальный Горный устав, претерпевший три издания (1832, 1842 и 1857 гг.). Именно он и должен был подвергнуться существенной переработке с целью расширить возможности для развития всех секторов и отраслей горной промышленности в новых социальных и экономических условиях, сложившихся в период Великих реформ 1860–1870-х гг.

Реформы царствования Александра II стали одной из основных тем отечественной и зарубежной историографии. Несмотря на сохраняющуюся дискуссионность вопроса об их значении, большинство авторов все-таки склоняются к определению «эпохи Великих реформ» как «одного из ключевых этапов русской истории»⁴. Большое внимание в историографии справедливо уделяется крупным реформам — крестьянской, судебной, земской, городской, военной, — изучение которых началось еще в XIX в. и продолжается до сих пор⁵. Расширение диапазона исследований привело к «открытию» других, не менее значимых для отдельных сфер деятельности реформ, таких как банковская, контрольная, откупная и пр.⁶ К преобразованиям, имевшим специальное назначение, можно отнести и горную реформу, составившую предмет настоящего исследования.

Горную реформу с полным правом можно назвать забытой, поскольку ни в дореволюционной, ни в советской, ни в постсоветской историографии ей не было посвящено ни одного исторического труда. Исследователи рубежа XIX–XX вв. лишь упоминали о работе Комиссии для изыскания средств к развитию железного производства в России и Комиссии по пересмотру Горного устава (Горной комиссии), действовавших на начальных этапах подготовки реформы⁷. Современные историки тоже дают далеко не полное представление о деятельности этих комиссий, а о работе Комиссии для пересмотра системы податей и сборов (Податной комиссии) на заключительном этапе подготовки горной реформы совсем не упоминают⁸.

Больше внимания исследователей привлекали такие составные части горной реформы, как отчуждение казенных заводов и ликвидация посессий, но рассматривались эти вопросы вне общего замысла реформаторов 1860-х гг. Из дореволюционных исследователей наиболее полную, но фрагментарную информацию об аренде и продаже уральских казенных заводов представил В. Д. Белов⁹. Советские историки М. П. Вяткин, Д. В. Гаврилов, К. Ф. Шаццло затрагивали эту тему в контексте изучения государственной политики в отношении уральской военной промышленности или деятельности казенных заводов во второй половине XIX — начале XX в.¹⁰ Из современных исследователей тему отчуждения уральских казенных заводов плодотворно изучают в том же ракурсе В. Г. Железкин и Г. Н. Шумкин¹¹, а В. В. Поликарпов рассматривает судьбу этих заводов при выяснении вопроса о роли предприятий горного ведомства на железном рынке в начале XX в.¹² В монографии Л. В. Сапоговской и Е. Ю. Рукосуева прослеживается переход в частные руки Березовских золотых промыслов¹³, а в нашем исследовании, посвященном уральским горнозаводчикам, — история приватизации Богословского и Вятского округов и аренды Холуницких заводов¹⁴.

Правовед В. А. Удинцев и горный инженер А. Н. Митинский, занимавшиеся в начале XX в. изучением горноземельных отношений и посессионного права, в своих работах упоминают о проектах выкупа посессионных имений, подготовленных в Горной и Податной комиссиях, а также о «ликвидации» некоторых посессий на Урале и в Сибири¹⁵. После длительного перерыва в исследовании темы нами в 2011 г. была опубликована монография о роли посессионного права в истории уральской горнозаводской промышленности XIX — начала XX в. В ней разработаны сюжеты, связанные не только с историей формирования этого права и его содержанием, но и с попытками его ликвидации во второй половине XIX — начале XX в. Впервые там приведены тексты проектов выкупа и «разверстания» посессий. Однако задачи исследования не предусматривали изучение процесса ликвидации посессий как одной из сторон горной реформы; не рассматривались там и посессионные горнозаводские имения за пределами Урала¹⁶.

Сопряженная с предметом нашего исследования тема правовых условий развития российской промышленности во второй половине XIX — начале XX в. нашла своих исследователей как в лице корифеев советской историографии (Б. В. Ананьич, И. Ф. Гиндин, В. Я. Лаверычев, Л. Е. Шепелев и др.)¹⁷, так и среди ведущих современных историков (М. Н. Барышников, И. В. Поткина, В. Л. Степанов и др.)¹⁸. Однако специфическое горное право и вопросы его реформирования в их трудах фактически не затрагиваются.

История отраслевого горного управления освещалась с разной степенью охвата и осмысления в трудах А. М. Лоранского и В. В. Запария¹⁹, а на примере Уральского горного управления — в работах П. А. Иванова, Н. С. Корепанова, Е. С. Тулисова и др.²⁰ При этом лишь отдельные авторы (О. Н. Ишутова)²¹, обращая внимание на последовательность административных преобразований второй половины XIX в., связывали их с какой-либо продуманной перспективной программой, разработанной реформаторами 1860-х гг.

В такой историографической ситуации целью настоящего исследования стало детальное изучение подготовленной в середине XIX в. горной реформы от ее истоков до реализации. Необходимо было выяснить, как вызревал план преобразований, кем создавались важнейшие законопроекты, как проходило обсуждение деталей реформы, какие предлагались варианты решения тех или иных вопросов и насколько убедительными оказывались аргументы участников обсуждения. Закономерной задачей стало рассмотрение судьбы подготовленных проектов и перспективных идей, которые были в них заложены, в последующем законодательстве Российской империи. Наконец, следовало собрать и систематизировать факты, связанные с реализацией тех составных частей реформы, которые относились к казенному и посессионному секторам горной промышленности.

Цель и задачи исследования определили его хронологические рамки, охватывающие как время подготовки горной реформы в 1850–1860-е гг., так и последующий период развития горного законодательства и осуществления отдельных составных частей реформы, длившийся до конца имперского периода. Территориально исследование охватывает всю Российскую империю, но особое внимание закономерно уделено районам, в которых был сосредоточен горный промысел (Уральская, Замосковная, Западно-Сибирская, Кавказская, Западная, Северная и Южная «горные области»).

Комплекс привлеченных исторических источников составляют преимущественно законодательные акты, делопроизводственная документация и материалы

периодической печати. К первым относится большой массив горного законодательства, который представлен как отдельными актами, включенными в Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-I, ПСЗ-II и ПСЗ-III) и отчасти в Собрание узаконений и распоряжений правительства (СУиРП), так и кодексами — сводами действующих правил недропользования, добычи и переработки минеральных ресурсов. Последние представлены в основном двумя редакциями Горного устава — 1857 и 1893 гг., — вошедшими в 7-й том свода законов Российской империи (СЗ) и его «продолжения».

Из текущего законодательства отметим разнообразные «мнения», «положения», «правила», «уставы» и «штаты», которые определяли структуру и организацию деятельности органов горного управления (Положение о круге ведомства, правах и обязанностях должностных лиц и установлений местного горного управления 1892 г. и пр.); условия развития горного промысла в отдельных регионах (Положение о горном промысле в Земле войска Донского 1864 г., Положение о горном промысле в губерниях Царства Польского 1870 г. и пр.) или на некоторых категориях земель (Правила о частной горной промышленности на свободных казенных землях 1887 г. и пр.); условия разведки, добычи и переработки отдельных минералов (Устав о частной золотопромышленности 1870 г. и пр.). Правила о продаже казенных горных заводов и промыслов и Временные правила для дачи и исполнения нарядов Военного и Морского министерств 1871 г. входили в состав утвержденных законопроектов горной реформы. Близкими к этому виду источников по структуре и содержанию являлись подготовленные, но неутвержденные проекты Горного устава 1866 и 1868 гг., а также проекты Правил выкупа посессий тех же лет, министерский «проект Валуева — Штофа» 1878 г., проект «разверстания» посессий А. А. Штофа 1899 г. и разработанный заводчиками проект выкупа посессий 1908 г.

Важное значение в исследовании имеет документация многочисленных ведомственных и межведомственных комиссий и совещаний, занимавшихся во второй половине XIX — начале XX в. обсуждением разнообразных вопросов горного права и подготовкой предложений для совершенствования действующего законодательства или отдельных законопроектов. Главное место среди этих источников закономерно заняла делопроизводственная документация двух комиссий, разрабатывавших проекты горной реформы. Отдельным изданием выходили журналы заседаний Комиссии по пересмотру Горного устава за 1861–1863 гг., а материалы о ходе заседаний в 1864 г. публиковались в «Горном журнале»²². Дополнительную информацию предоставляют документы текущего делопроизводства Комиссии из ее архивного фонда (РГИА. Ф. 47).

Особенно информативны многотомные Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов, представляющие собой полноценные комплексы подготовительных материалов («статистические сведения», «записки», «мнения» и «замечания» членов Комиссии), журналов заседаний, самих законопроектов и объяснительных записок к ним, которые позволяют полно и всесторонне представить ее работу²³. Ход последующего обсуждения проектов или утверждения некоторых из них прослеживается по делопроизводственной документации Податной комиссии из ее архивного фонда (РГИА. Ф. 572) и по отчетам, публиковавшимся в «Горном журнале». К документации Комиссии относится и отчет экономиста В. П. Безобразова о его командировке на уральские заводы в 1867 г., опубликованный как в Трудах Комиссии, так и отдельным изданием²⁴.

Отметим также репрезентативную публикацию материалов Особого межведомственного совещания 1905–1907 гг., призванного выработать проект ликвидации посессионного права²⁵. Представление о работе других совещаний и комиссий дает сохранившаяся делопроизводственная документация Горного департамента (в 1811–1863 гг. — Департамента горных и соляных дел) — центрального органа управления горной промышленности России в 1807–1917 гг. (РГИА. Ф. 37).

Текущая документация Горного департамента, а также Уральского горного управления (ГАСО. Ф. 24, 43) и нескольких окружных заводоуправлений (ГАСО. Ф. 14, 72, 643) дает обширную информацию в первую очередь о ходе приватизации или сдачи в аренду казенных горных заводов на Урале и Кавказе, в Донбассе и Царстве Польском, а также о снятии посессионного статуса с некоторых уральских, замосковских и кавказских заводов. Она представлена просительными документами, разнообразными справками и сведениями, отчетами, деловой ведомственной и межведомственной перепиской и пр.

В исследовании используются также материалы специальных периодических изданий, в частности «Горного журнала», издававшегося Горным ученым комитетом, где публиковались многие правительственные постановления, отчеты о работе некоторых комиссий, годовые обзоры деятельности горного ведомства, извлечения из отчетов и рапортов министров или из журналов заседаний ученого комитета, а также статьи и заметки экспертов, касавшиеся вопросов горного законодательства и подготовки горной реформы.

Исследование состоит из трех глав, последовательно раскрывающих ход подготовки горной реформы, ее содержание и реализацию ее составных частей. Первая глава посвящена разработке основного законопроекта — Горного устава — в двух его вариантах (1866 и 1868 гг.), а также анализу последующего горного законодательства с точки зрения реализации содержательных новаций этих вариантов Устава по отношению к организации горного управления и к развитию частного предпринимательства. Во второй главе рассматривается история подготовки Правил о продаже казенных горных заводов и промыслов 1871 г. и прослеживается изменение отношения горных властей к приватизации государственных имуществ вплоть до начала XX в. Отдельным сюжетом представлена реализация планов отчуждения казенных заводов и промыслов в частные руки. Третья глава повествует об истории создания проектов «перечисления» (1863 г.) и выкупа (1866 и 1868 гг.) посессионных заводов, а также о последующей законотворческой деятельности горного ведомства и горнозаводчиков в этом направлении. Особый раздел главы посвящен разнообразным практическим шагам по отмене посессионного статуса заводов, предпринятым властями и заводчиками во второй половине XIX — начале XX в. В заключении подведены итоги работы Горной и Податной комиссий, предложена трактовка сути подготовленных ими проектов горной реформы и раскрыто их значение для дальнейшего развития российской горнозаводской промышленности.

Автор признателен РГНФ и РФФИ за помощь в организации и публикации исследования, а также благодарен своим учителям, коллегам и друзьям, которые с сочувствием и искренней заинтересованностью отнеслись к подготовке этой книги. Она посвящается выдающимся ученым и моим незабвенным наставникам в науке и жизни — Т. К. Гуськовой (1926–2016) и А. К. Гуськовой (1924–2015).

Примечания

¹ Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 13: О горном промысле. Ч. 3: Проект Горного устава, составленный особой Комиссией. СПб., 1868. С. 1.

² ПСЗ-И. Т. 5. № 3464.

³ См.: *Грамматчиков В. А.* Горное законодательство и горная администрация Англии, Бельгии, Франции, Австрии и Пруссии. СПб., 1870; *Штоф А. А.* Горное право. Сравнительное изложение горных законов, действующих в России и в главнейших горнопромышленных государствах Западной Европы. СПб., 1896; *Струкгов В. Г.* Курс горного права: изложение основных начал горного законодательства России в связи с кратким обзорением принципов горных законодательств важнейших горнопромышленных государств Западной Европы. СПб., 1907.

⁴ Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 6.

⁵ Отметим лишь некоторые крупные исследования: *Семенов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. СПб., 1889; *Корнилов А. А.* Крестьянская реформа. СПб., 1905; *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 гг. СПб., 1904; *Джаншиев Г. А.* Эпоха Великих реформ. СПб., 1907; *Титов А. А.* Реформы Александра II и их судьба. М., 1910; *Гессен И. В.* Судебная реформа. М., 1915; *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России. М., 1954; *Он же.* Военные реформы 1860–1870-х гг. в России. М., 1952; *Гармиза В. В.* Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957; *Виленский Б. В.* Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969; *Field D.* The Reforms of the 1860s. New York, 1977; Революционная ситуация в России в середине XIX в. М., 1978; *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984; *Нардова В. А.* Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. Л., 1984; *Эйдельман Н. Я.* «Революция сверху» в России. М., 1989; *Литвак Б. Г.* Переворот 1861 г. в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991; *Христофоров И. А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850-х — середина 1870-х гг.). М., 2002; *Он же.* Крымская война и Великие реформы Александра II в российской истории. М., 2016; Александр II: Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. СПб., 2012; Реформы России с древнейших времен до конца XX в. Т. 3: Вторая половина XIX — начало XX в. М., 2016.

⁶ См.: *Хок С.* Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция в России. 1857–1861 // Великие реформы в России. С. 90–105; *Крисчн Д.* Забытая реформа: отмена винных откупов в России // Там же. С. 126–139; *Толмачев Е. П.* Александр II и его время. Ч. 2: Александр II и Великие реформы 60–70-х гг.: достижения и проблемы. М., 1998; *Латин В. В.* Реформа постоянной повинности в ряду преобразований эпохи Александра II // Александр II: Трагедия реформатора. С. 175–194.

⁷ См.: *Латынин В. А.* Исторический очерк вопроса о ввозе из-за границы чугуна, железа и машин // Горный журнал. 1890. № 4/5/6. С. 292–305; *Белов В. Д.* Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896. С. 97.

⁸ См.: *Рукоусев Е. Ю., Тулисов Е. С.* «Историческая записка о состоянии горной администрации» в 1806–1861 гг. и реформа горного законодательства в начале 60-х гг. XIX в. // Урал. ист. вестн. 2001. № 7. С. 375–395; Территориально-экономическое управление в России XVIII — начала XX в.: Уральское горное управление // К. И. Зубков, Н. С. Корепанов, И. В. Побережников, Е. С. Тулисов. М., 2008. С. 289–293.

⁹ См.: *Белов В. Д.* Указ. соч. С. 139, 140.

¹⁰ См.: *Вяткин М. П.* Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. М.; Л., 1965; *Гаврилов Д. В.* Казенные горные заводы Урала во второй половине XIX — начале XX в., 1861–1904 гг. // Уч. зап. Ульян. пед. ин-та. 1972. Т. 24, вып. 4. С. 80–121; *Шаццлло К. Ф.* Государство и монополии в военной промышленности России конца XIX в. — 1914 г. М., 1992.

¹¹ См.: *Железкин В. Г.* Казенные горные заводы Урала в экономической политике царского правительства в период доминирующего капитализма (1861–1900 гг.) // Вопросы экономической истории горнозаводской промышленности Урала периода капитализма (1861–1917 гг.) Свердловск, 1989. С. 3–26; *Он же.* Техно-экономическое развитие уральской казенной горнозаводской промышленности в 1861–1885 гг. // Промышленность Урала в период капитализма: социально-экономические и экологические проблемы. Екатеринбург, 1992. С. 25–48; *Шумкин Г. Н.* Казенные горные заводы Урала в политике горного ведомства в конце XIX — начале XX в. // Урал. ист. вестн. 2007. № 16. С. 38–44; *Он же.* Состояние военного производства на Урале накануне Первой мировой войны // Там же. 2014. № 1 (42). С. 59–68.

¹² См.: *Поликарпов В. В.* От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX в. М., 2008.

¹³ См.: *Сапоговская Л. В., Рукоусев Е. Ю.* Березовская золотопромышленная компания (1874–1917 гг.). Екатеринбург, 2004.

¹⁴ См.: *Неклюдов Е. Г.* Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013. С. 413–428, 497–522.

¹⁵ См.: *Удинцев В.А.* Русское горноземельное право. Киев, 1909; *Митинский А.Н.* Посессионное право. СПб., 1911.

¹⁶ См.: *Неклюдов Е.Г.* Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX — начала XX в. Екатеринбург, 2011.

¹⁷ См.: *Ананьич Б.В.* Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991; *Гиндин И.Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 гг.) М., 1960; *Лаврычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861–1900. М., 1974; *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981; *Он же.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987.

¹⁸ См.: *Барышников М.Н.* Политика и предпринимательство в России. СПб., 1997; *Поткина И.В.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. XIX — первая четверть XX в. М., 2009; *Степанов В.Л.Н.Х.* Бунге: судьба реформатора. М., 1998; *Он же.* Министр финансов М.Х. Рейтерн и Александр II: история отношений и сотрудничества // Александр II: Трагедия реформатора. С. 70–83; История предпринимательства в России. Кн. 2: Вторая половина XIX — начало XX в. М., 1999.

¹⁹ См.: *Лоранский А.М.* Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России. 1700–1900 гг. СПб., 1900; *Запарий В.В.* Управление горнозаводской промышленностью России в XVI–XX вв. // Металлургическая промышленность России XVIII–XX вв. Саранск; Екатеринбург, 2007. С. 97–142.

²⁰ См.: *Иванов П.А.* Краткая история управления горной частью на Урале. Екатеринбург, 1900; Территориально-экономическое управление в России XVIII — начала XX в.: Уральское горное управление; Акторы российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016. С. 149–181.

²¹ *Ищутова О.Н.* Административные реформы 60–70-х гг. XIX в. в горном ведомстве России и их реализация на Южном Урале: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1999.

²² См.: Журналы высочайше утвержденной при Министерстве финансов Комиссии по пересмотру Горного устава за 1861 г. СПб., 1862; Журналы высочайше утвержденной при Министерстве финансов Комиссии по пересмотру Горного устава за 1862 г. СПб., 1862; Журналы высочайше утвержденной при Министерстве финансов Комиссии по пересмотру Горного устава за первую половину 1863 г. СПб., 1863; О ходе занятий Комиссии по пересмотру Горного устава // Горный журнал. 1864. № 1. С. 1–21; Журналы Комиссии по пересмотру Горного устава // Там же. С. 29–51; № 4. С. 1–11; № 5. С. 31–52.

²³ См.: Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 13, ч. 1: О передаче некоторых казенных горных заводов и золотых приисков в частные руки. СПб., 1867; Т. 13, ч. 2: О нарядях, делаемых казенным горным заводам военным и морским ведомствами. СПб., 1867; Т. 13, ч. 3: Проект Горного устава, составленный особой Комиссией. СПб., 1868; Т. 13, ч. 4: Проект Горного устава, составленный общим собранием Комиссии. СПб., 1868.

²⁴ См.: Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 13, ч. 5: Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов: отчет В.П. Безобразова. СПб., 1868; *Безобразов В.П.* Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869.

²⁵ См.: Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов с журналами Особого совещания, образованного в 1905 г. для рассмотрения этого вопроса. Ч. 1. СПб., 1906; Ч. 2. СПб., 1907; Ч. 3, вып. 1, 2. СПб., 1908.

ГЛАВА I

ПРОЕКТЫ ГОРНОГО УСТАВА

1. Проект Горной комиссии (1857–1866)

Предыстория Комиссии и организация ее работы

Осознание необходимости изменений в организации горнозаводской промышленности — стратегически важной отрасли экономики страны — возникло у представителей высшей власти в середине XIX в. Причиной тому стали разноплановые проблемы, связанные с развитием российской металлургии, которые особенно зримо проявились на фоне начавшегося железнодорожного строительства, а поводом — подготовка изменений в сфере внешней торговли, в частности — пересмотр действовавшего таможенного тарифа 1850 г. на ввоз чугуна и железа морем из Европы.

Обсуждение актуального вопроса об импорте металлов сначала проходило в Тарифной комиссии при Министерстве финансов, а также в соединенном собрании Совета и Ученого комитета Корпуса горных инженеров (в 1834 г. все чины горного ведомства были включены в военизированный Корпус горных инженеров, созданный при Министерстве финансов)¹ с приглашением «экспертов» от частных заводладельцев (участвовали генерал-адъютант И. О. Сухозанет, муж владелицы Юрюзанских заводов; граф А. М. Борх, директор правления Товарищества Суксунских горных заводов; титулярный советник И. А. Яковлев, совладелец Верх-Исетских и Невьянских заводов; полковник С. И. Мальцов, владелец Людиновских заводов). В январе 1852 г. рассмотрение вопроса было перенесено в Департамент государственной экономии Государственного совета. Во всех инстанциях обнаружилось существенные разногласия как в оценке перспектив развития отечественной горнозаводской промышленности, так и в вопросе о необходимости введения разрешительного таможенного тарифа или сохранения запретительного.

В Тарифной комиссии, в частности, прозвучало мнение о том, что «русское железо чрезвычайно дорого и цены на оное постоянно возвышаются, что количество выделываемого железа недостаточно для внутреннего потребления увеличивающегося народонаселения, что местное нахождение главнейших заводов слишком отдалено от окраин империи, что заводчики овладели монополией и пользуются огромными барышами к стеснению потребителей и, наконец, что дороговизна чугуна и железа препятствует развитию всех отраслей промышленности и народного благосостояния»².

Соглашаясь с этими оценками, пессимистично настроенные члены Государственного совета несколько позже разясняли, что из 15 млн пуд. годового производства чугуна в стране почти $\frac{4}{5}$ падало на Урал, откуда, «по значительности издержек на провоз, металл вовсе не доходил до отдаленных... оконечностей империи». В замосковных заводах, которые «в сравнении с уральскими имеют более выгодное положение по близости

к центру государства, добыча чугуна, составляющая не более $\frac{1}{5}$ доли всего производства, постепенно приходит в упадок и вместо доставления пользы краю, оказывается, напротив того, вредною, потому что ведет к истреблению лесов в таких местах, где недостаток и дороговизна топлива становятся весьма ощутительными». В Минской губернии делались опыты выплавки чугуна, но, «по бедности тамошних руд, опыты эти не имели успеха». В других же местностях Западного края «надежды на развитие сего производства... являлись весьма гадательными». Остзейские (прибалтийские) губернии и Санкт-Петербург получали чугун из Финляндии, «но в малых количествах, и по дорогой цене, стесняя чрез то развитие как механических заводов, так и других нуждающихся в нем производств».

Оптимисты из Государственного совета, «не отвергая надобности принятия мер к удешевлению чугуна, не допускали, однако же, той мысли, чтобы производство оно у нас не могло увеличиться». Опираясь на мнение горных деятелей, они констатировали, что «северный край, особенно Олонецкая губерния, изобилует минеральными богатствами, а доставка получаемого из тамошних руд чугуна в Санкт-Петербург и остзейские губернии по водяным путям оказывается весьма удобною. На западе России открыты во многих местах Виленской, Витебской и Минской губерний месторождения железных руд, дающие от 35 до 45 % чугуна; некоторые из этих месторождений уже разрабатываются, другие же предполагается подвергнуть тщательной разведке. В южной части России, именно в Екатеринославской губернии, также открыто много таких месторождений. В Земле войска Донского найдены богатые запасы антрацита, а с тем вместе, по опытам других стран, нельзя не предполагать открытия там же железных руд». Могла значительно увеличиться и выплавка чугуна в Царстве Польском, что особенно было важно для западных российских губерний, «ибо, со снятием таможенной линии между царством и империей, обмен произведений их облегчился, а улучшающиеся пути сообщения дали бы возможность доставлять... чугун без значительных провозных расходов»³.

Как бы ни расходились оценки состояния и перспектив развития горнозаводской промышленности, все участники обсуждения признали важным поднять сопутствующий вопрос о действующем в стране горном законодательстве. Еще Тарифная комиссия предлагала подвергнуть правовые условия развития отрасли «тщательному пересмотру». Это же мнение было поддержано и на заседаниях Департамента государственной экономики в апреле — мае 1852 г. Сторонник отмены запрета на ввоз металлов Л. В. Тенгоборский признавал «весьма полезным... пересмотр Горного устава... в тех видах, чтобы убедиться, не заключается ли в нем таких постановлений, которые бы стесняли нашу промышленность или препятствовали бы ее успехам». Другие члены Государственного совета Н. Н. Анненков, Ф. П. Опочинин и П. А. Тучков предложили совершить пересмотр законов прежде, чем разрешить ввоз иностранного чугуна и железа, чреватый упадком отечественной промышленности. «Вызывает крайнее удивление, — прозвучало в выступлении Н. Н. Анненкова, — что сперва находят нужным разрешить ввоз чугуна и железа, а потом подвергнуть тщательному пересмотру наше горное законодательство и учреждения; между тем последнее должно предшествовать первому, и не логично ли приступать к мерам внешним уже тогда, когда внутренние оказались недостаточными»⁴.

Отсутствие точных сведений об «истинном состоянии» горнозаводской промышленности и «недостаточность опыта действия» введенного лишь два года назад тарифа

стали причиной того, что общее собрание Государственного совета 16 июня 1852 г. отложило его корректировку до конца следующего года. При этом министру финансов П. Ф. Броку было предложено «в видах содействия к распространению и усовершенствованию у нас горнозаводского производства, а равно и к удешевлению цен на заводские изделия... приступить ныне же к пересмотру Горного устава и в случае обнаружения в оном таких постановлений, которые, болезненно стесняя горнозаводскую в государстве промышленность, препятствуют ее успехам и останавливают дальнейшее оной развитие... представить... предложения свои о мерах облегчения в пользу сей промышленности»⁵. Члены Государственного совета признали также необходимым с этой целью учредить особую комиссию при Министерстве финансов, в ведение которого еще в начале XIX в. перешла от Берг-коллегии российская горнозаводская промышленность.

Как свидетельствует изучавший таможенную политику инженер В. А. Латынин, по докладу Департамента горных и соляных дел министру финансов от 17 июля 1852 г. была образована подготовительная комиссия «для подробного рассмотрения и обсуждения всех указаний, сделанных Государственным советом». В ее состав вошли директор Департамента генерал-майор И. А. Фуллон, начальник штаба Корпуса горных инженеров генерал-майор В. Е. Самарский-Быховец, начальник Санкт-Петербургского монетного двора генерал-майор Р. А. Армстронг, вице-директор Департамента обербергаутман Е. А. Шапошников, полковник Л. А. Соколовский и подполковник В. К. Рашет. Председателем подготовительной комиссии был назначен бывший директор Департамента генерал-лейтенант Ф. Ф. Бегер, а делопроизводителем — начальник Отделения частных горных заводов статский советник В. А. Лонгинов. Большинство участников комиссии являлись членами Совета и Ученого комитета Корпуса. Первое заседание состоялось 13 августа, когда новая инстанция приняла официальное наименование «Высочайше учрежденная Комиссия для изыскания средств к развитию железного производства в России».

В октябре был составлен план действий, который предполагал первоочередной сбор сведений о состоянии горной промышленности и «разъяснение причин недостатка предприимчивости для учреждения новых заводов», особенно на юге России. Комиссия сразу же затребовала от главного начальника горных заводов хребта Уральского В. А. Глиники «некоторые новые соображения и сведения по поводу замечаний Государственного совета» о таможенном тарифе, а от начальника казенного Луганского горнозаводского округа Ф. И. Фелькнера — «полный план усиленной разведки известных в Новороссийском крае железных руд для определения возможности учредить там доменную плавку». В южные губернии отправилась экспедиция для разведки минеральных месторождений, а В. А. Лонгинов был командирован на Нижегородскую ярмарку «для ближайшего, секретным образом, наблюдения за ходом железной торговли с целью открыть истинное положение этой торговли на сем главном рынке»⁶. Столь сложные задания задержали подготовительную работу Комиссии до 1854 г., что вместе с обстоятельствами, связанными с Крымской войной, заставило отложить введение намечавшихся тарифных изменений до 1857 г.

Как утверждалось в одной из справок, составленных в Департаменте горных и соляных дел, к 1854 г. Комиссия «окончила многосложный труд о ввозе иностранного чугуна и железа и немедленно приступила к занятиям по пересмотру устава о частном горном промысле». Первостепенное внимание было обращено «на тщательное собрание

исторических и практических данных, которые, с одной стороны, положительным образом указывали бы на необходимость изменения действующих законоположений о частной горнозаводской промышленности, а с другой — послужили бы основанием к постановлению новых по сему предмету мероприятий». Для этого был составлен «исторический обзор» законодательства; из дел горного ведомства извлекались упоминания о «неудобствах, затруднениях и недоразумениях по разным частям горнозаводской промышленности»; собирались сведения «о соответствии современным условиям действующего порядка обеспечения заводов лесами» и назначения «штатного числа рабочих» в зависимости от количества заводских устройств, а также «пересматривались штаты и положения заведующих частным горным промыслом учреждений».

Обнаруженные материалы со всей очевидностью доказывали, что «по множеству и важности возникавших в разное время неудобств и возбуждавшихся местными начальствами вопросов» требуются не «частные для заводчиков облегчения», а преобразование самих «основных начал горнозаводской промышленности, остающихся без изменения столетия и по сему самому не вполне соответствующих современному положению горного дела». «Исторический обзор» горного управления, в частности, показал, что «с самого начала учреждения горного промысла в России он составлял собственность царской казны и состоял под ведением общего гражданского управления, воевод и наместников». В допетровские времена для этого промысла «не существовало никаких узаконений» и сам он имел «весьма ограниченное значение». Но со времени царствования Петра Великого «начинают обнаруживаться заботы правительства к развитию и распространению горнозаводского дела». Благодаря Берг-привилегии 1719 г. горнозаводская промышленность «сделалась доступной предприимчивости и деятельности частных лиц, была отделена от общего гражданского управления и поручена особому учреждению, сначала под наименованием Рудного приказа, а потом Берг-коллегии». Эти условия поставили горнозаводское дело «в исключительное, привилегированное положение, под влиянием которого, а равно и под управлением людей сведущих», оно начало быстро развиваться. Но впоследствии, особенно во время управления Берг-директориума (1736–1742) и горных экспедиций при казенных палатах (1784–1796), оно подверглось многим «невыгодным переменам... не имевшим между собою ни надлежащей связи, ни общей цели, ни применения к действительным потребностям горного дела, порученного управлению недостаточно сведущим в оном лицам». В результате горнозаводская промышленность «доведена была до крайнего расстройства и пришла в совершенный упадок, так что вскоре же было признано необходимым постепенно устранить влияние гражданского управления... и в 1796 г. последовало восстановление Берг-коллегии».

С учреждением министерств в начале XIX в. и переходом горного промысла под начало Министерства финансов он «вошел в число источников государственных доходов», что отразилось в изданном в 1806 г. Проекте горного положения — первом российском кодексе законов о горнозаводской промышленности. По оценке членов Комиссии, Проект был составлен на существующих в то время «основаниях обязательного горнозаводского труда и подчинения горнозаводского промысла исключительному заведыванию горного управления» и принадлежал «к числу лучших уставов своего времени». Предполагалось испытать его на практике в течение пяти лет и затем скорректировать. Однако «по обстоятельствам того времени» Проект не был пересмотрен и вошел в седьмой том Свода законов Российской империи 1832 г. в виде Горного устава, но «не

в общей связи, а отдельными частями, сообразно принятой в Своде системе распределения предметов». При последующих двух изданиях Свода законов в 1842 и 1857 гг. Горный устав лишь пополнялся вновь принятыми узаконениями, но не пересматривался «в совокупности» и до начала работы Комиссии регулировал деятельность чиновников и горнозаводчиков. Однако со времени издания Проекта горного положения, как полагали члены Комиссии, «новые открытия и улучшения... произвели много перемен как в технической части, так и во всех хозяйственных операциях горнозаводского дела, которые не обнимают уже действующие постановления»⁷.

К 1857 г. Комиссией для изыскания средств был определен круг вопросов, требующих первостепенного решения. Они составили своего рода начальную программу преобразований. В частности, члены Комиссии сочли, что назрела необходимость коренных перемен в форме казенного надзора над «партикулярными заводами», который еще со времен Берг-привилегии «был вверен лицам и учреждениям, назначенным для казенных заводов». Сопровождавшийся «многими формальностями», казенный надзор не соответствовал «современным условиям свободных отраслей промышленности», к числу которых должен был относиться и горный промысел.

Требовалось разобраться и со статусом «крепостных заводских людей», приобретенных дворянами от недворян вместе с заводами. В этой связи еще 27 января 1854 г. Государственный совет рекомендовал Комиссии «подвергнуть сей вопрос совокупному соображению с другими, в большей или меньшей с ним связи состоящими предметами в общем их объеме».

Насущным представлялся и вопрос о размере горной подати, который различался для владельческих и посессионных заводов, но был одинаковым для всех посессионных заводов независимо от того, какими «казенными пособиями» они пользовались. Членам Комиссии было известно, что одним заводам «все средства даны казною», а другие «при собственных землях, лесах и людях имеют в пособие от казны одни рудники или же... только небольшое число казенных людей». Несправедливым показалось и то, что подать с владельческих заводов, «имевших все собственные средства», была всего на 5% меньше подати с заводов, «пользующихся всеми казенными средствами».

Не учитывало действующее законодательство и развития новых видов горнозаводского производства, в частности получившей распространение «в киргизской степи» выплавки свинца, а также появления новых технологий, таких как пудлингование, сварочное или рельсовое производство, которые требовали иных расчетов необходимого количества рабочих, установленных еще в середине XVIII в. для доменного, кричного и медеплавильного цехов.

Наконец, надо было решать вопрос об участии казенной администрации в управлении новыми горно-металлургическими районами, возникшими за последние полвека на востоке и западе России. «Высочайше утвержденным 29 апреля 1812 г. мнением Государственного совета, — напоминали члены Комиссии, — горные заводы в западных губерниях оставлены без особого от казны ведомства по маловажности их; для горного промысла в округах сибирских киргизов составление подробных правил узаконением 3 ноября 1835 г. отложено до другого времени, когда самый промысел получит некоторое образование и потребуют того обстоятельства. Сейчас в западных губерниях выплавляется до 500 тыс. пуд. чугуна, в киргизских степях рудники почетных граждан Поповых доставляют в течение двух последних лет до 240 тыс. пуд. свинца и до 250 тыс. пуд. серы... Настало посему время... некоторые частные правила заменить подробными

постановлениями, дабы чрез то... доставить горнопромышленникам обеспечение и руководство в их предприятиях». Члены Комиссии заключили, что все эти «предметы, относясь к главнейшим условиям благосостояния горнозаводской промышленности и находясь в тесной связи со многими второстепенными вопросами», не могли быть «разрешены отдельно, в виде частных облегчений для заводчиков или же временных мер», но требовали «совокупного обозрения всех действующих о частном горном промысле законов»⁸.

Эти вопросы и предложения, сформулированные через пять лет после начала работы подготовительной Комиссии, шли намного дальше тех изменений в Горном уставе, которые вносились туда при издании очередной редакции Свода законов. Так, когда в 1854 г. во Втором отделении Собственной Его императорского величества канцелярии началась подготовка третьего издания Свода законов, главноуправляющий Д. Н. Блудов сообщил, что предполагалось изменить в Горном уставе «лишь некоторые статьи по соображению с другими его статьями, измененными на основании новейших постановлений»⁹. Намерения Комиссии шли дальше и первоначальных требований Государственного совета о пересмотре лишь отдельных статей Устава. Как считали члены Комиссии, «труд их необходимо должен был принять обширнейшие размеры», а потому и не мог быть окончен одновременно с введением нового таможенного тарифа, к которому приурочивались в 1852 г. «меры обеспечения в пользу частной промышленности». Более того, Комиссия вообще не бралась определить срок окончания своей работы, полагая, что «по многим предметам, имеющим отношение к другим ведомствам, необходимо будет войти еще и в соглашение с ними, как например с министерствами государственных имуществ и внутренних дел, с кредитными установлениями и некоторыми местными... начальниками». В совместном докладе, подписанном министром финансов П. Ф. Броком и директором Департамента горных и соляных дел А. Р. Гернгроссом и направленном в Государственный совет 9 марта 1857 г., пояснялись причины неисполнения Комиссией возложенной на нее обязанности по совершенствованию горного законодательства ко времени утверждения Тарифного устава и ставилась новая задача — «составить полный проект всех узаконений, до частного горного промысла относящихся, и по соглашению с подлежащими ведомствами внести оный на дальнейшее в установленном порядке рассмотрение»¹⁰.

Обсудив это предложение, Государственный совет 13 мая 1857 г. одобрил его и возложил задачу подготовки «полного проекта» на ту же Комиссию для изыскания средств, которая в связи с этим приняла новое наименование — Комиссия по пересмотру Горного устава (кратко ее стали называть Горной комиссией)¹¹. В нее включили прежних участников и новых членов Совета и Ученого комитета Корпуса горных инженеров во главе с начальником штаба Корпуса генерал-лейтенантом В. Е. Самарским-Быховцом. Членами обновленной Комиссии стали генерал-лейтенант Р. А. Армстронг, директор Департамента горных и соляных дел генерал-майор А. Р. Гернгросс, директор Горного департамента Царства Польского, профессор металлургии и горного искусства генерал-майор Г. А. Иосса, бывшие горные начальники Алтайских заводов генерал-майоры Л. А. Соколовский и А. Р. Гернгросс (брат директора Департамента горных и соляных дел), профессор минералогии и статистики генерал-майор А. Д. Озерский (назначенный главным начальником Алтайских заводов, он вскоре выбыл из состава Комиссии), начальник Инспекторского отделения штаба Корпуса полковник А. А. Петец, работавший прежде на уральских казенных заводах, начальник Отделения

частных горных заводов Департамента действительный статский советник В. А. Лонгинов, начальник Отделения частных золотых промыслов действительный статский советник Ф. И. Раселли и директор канцелярии Министерства императорского двора и уделов действительный статский советник И. П. Арапетов¹².

От предварительного этапа работы, задачей которого было определение основных направлений реформирования горной отрасли, можно было переходить к непосредственной подготовке проекта. Но сразу приступить к своим прямым обязанностям Горной комиссии помешали новые обстоятельства, отвлекшие внимание на оказавшийся более насущным вопрос о разработке мер «по улучшению быта крепостных заводских людей» в связи с начавшейся подготовкой крестьянской реформы. Министерство финансов должно было энергично включиться в это дело, поскольку меры в отношении горнозаводского населения были непосредственно связаны с «предполагаемыми изменениями в законах, до частной горной промышленности относящихся». П. Ф. Брок 22 января 1858 г. предписал Комиссии «немедленно заняться собиранием сведений и составлением соображений об устройстве крестьян, находящихся при казенных и частных горных заводах и соляных промыслах», а 1 марта — еще и «рассмотреть дело о крестьянах посессионных фабрик».

Эта новая обязанность, по удостоверению чиновников Департамента, «остановила исполнение первоначально возложенного на Комиссию труда». «Когда возник вопрос об улучшении быта крепостного населения, — записано в одной из их справок, — в той же Комиссии сосредоточены были все занятия по составлению предварительных соображений о мерах к улучшению быта крестьян, находящихся при казенных и частных заводах. Выработанные по сему предмету в особых комитетах частных заводладельцев — Уральском, Оренбургском и Московском — предположения также подвергнуты были рассмотрению Комиссии». В ходе этой деятельности Горная комиссия «подготовила сведения: а) о мастеровых казенных заводов ведомства Министерства финансов и Кабинета Его величества; б) о крестьянах, приписанных к сим заводам; в) о рабочем населении частных заводов и г) о людях соляных промыслов. Затем, приступив к соображениям об устройстве заводских людей, она выработала главные основания, по которым, по ее мнению, можно было бы улучшить быт горнорабочего населения всех казенных заводов»¹³. Результатом этого оказались законодательные акты, ставшие основой для отмены крепостного права на казенных и частных горных заводах России (Дополнительные правила о приписанных к частным горным заводам людям ведомства Министерства финансов от 19 февраля 1861 г. и Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов от 8 марта 1861 г.).

Лишь когда были разрешены «существенно важные вопросы по освобождению заводских крестьян от крепостной зависимости», у Комиссии появилась возможность возвратиться к своей «прямой работе» по составлению нового Горного устава. Об этом было заявлено в журнале заседания от 18 апреля 1861 г. Но и позже Комиссия попутно занималась вопросами, возникавшими по ходу отмены крепостного права. Так, именно она подготовила мнение Государственного совета от 3 декабря 1862 г. «О мерах к обеспечению горнозаводского населения частных горных заводов», призванное облегчить реализацию реформы для заводчиков и рабочих¹⁴.

Работать по прежней программе, составленной до начавшихся в стране преобразований, члены Комиссии сочли уже недостаточным. «Действующие положения и условия, принятые в видах покровительства горному промыслу, ныне, вследствие современных

потребностей, успехов разных отраслей промышленности и вообще развития нашего законодательства... во многом изменились», — записано в том же журнале заседаний. Дело заключалось не только в том, что в 1857 г. был отменен «покровительственный в пользу заводов тариф и ожидалось еще большее понижение пошлин», а в 1861 г. были отменены «обязательный труд и крепостная зависимость людей заводам». Судя по новым «недостаткам» действующего горного законодательства, выявленным членами Комиссии, приоритетом в его совершенствовании становилось «освобождение от чрезмерной опеки» не только частного, но и казенного сектора горнозаводской промышленности. Так, Комиссия сочла, что с введением должности главного начальника горных заводов хребта Уральского в 1826 г., штатов казенных заводов — в 1827–1829 гг. и в 1847 г., а также «излишнего надзора над частными заводами со стороны как горной, так и гражданской власти» оказалась «стеснена свобода действий заводоуправлений, столь необходимая для прочного успеха всякого промышленного предприятия». Наконец, в 1852 г. с отменой так называемого «правового пособия» (в соответствии с ним заводчикам-недворянам разрешалось пользоваться трудом крепостных) были «изменены основания и для заводской посессии». Эти новые условия предполагали необходимость еще более существенных изменений в горном законодательстве.

Был скорректирован и взгляд на смысл кодификации горных законов. Действующий Устав, по оценке членов Комиссии, сложился «из разновременных постановлений, указов и даже инструкций», но преимущественно из разделов Проекта горного положения 1806 г. и Учреждения министерств 1811 г., из постановлений 1826 г. о должности главного начальника, а также из Положения о Корпусе горных инженеров 1834 г., согласно которому штабу этого Корпуса передавалось «заведование распорядительной и искусственной частью горного, монетного и соляного производств». Поэтому Устав «отличался довольно смешанным характером изложения, вследствие чего в нем являются неоднократные разногласия, повторения и противоречия, причем постановления, касающиеся собственно законодательной стороны горного промысла, не отделены с должной положительностью от постановлений административных». Кроме того, кодекс признавался фактически состоявшим из «нескольких уставов, изданных в разное время для отдельных местностей», а не «общим сводом горных узаконений». В качестве самостоятельных разделов в него входили постановления о горном промысле на Урале, в Алтайском и Нерчинском округах, в сибирских, центральных, северо-западных, западных, южных, кавказских и закавказских губерниях. Новый Горный устав должен был устранить эти недостатки, в частности включить «только такие постановления, которые относились бы до общих оснований горной промышленности, и в этом отношении по своим началам... быть одинаковым для всех местностей России». Его структура, таким образом, могла существенно сократиться: кодекс мог состоять всего из нескольких главных разделов, посвященных «общим положениям», казенному, частному (владельческому и посессионному) секторам горнозаводской промышленности и горным податям.

«Новые начала» для горного законодательства на этом этапе работы Комиссии основывались на сформировавшемся у ее членов представлении о значении казенного, посессионного и владельческого секторов промышленности. «Правительство имеет право по особым соображениям признать полезным временное существование казенной горной промышленности, — полагали они, — но во всяком случае успех развития горного дела в России зависит всегда от частной горной промышленности и того

влияния, которое будет иметь на нее правительство как со стороны технической, так и со стороны фискальной». В этой связи предусматривалось «дозволение свободно производить горный промысел всем сословиям государства без исключения и притом на всех без изъятия казенных землях, в чьем бы ведении и заведовании они ни находились», что означало отмену действующих на этот счет ограничений. Предполагалось частичное возвращение к отмененному по манифесту Екатерины II от 28 июня 1782 г. принципу «горной свободы» на казенных землях и предоставление «первым открывателям рудных месторождений на казенных и частных землях некоторого поощрительного участия в выгодах, от открытия их получаемых». Контроль над частными, в первую очередь над посессионными, заводами со стороны правительства должен был сопровождаться отменой «всех существующих ныне стеснений, которые большей частью скрывались в неточном или неопределительном выражении закона или укоренились в административных обычаях и в нашей многосложной бюрократии». По мнению членов Горной комиссии, назрела также необходимость «уровнять и облегчить горные подати соответственно выгодам, промыслом приносимым», что предполагало переход от действовавшей системы налогообложения в зависимости от объема производства к подоходному налогу. Для казенных заводов предлагалось «положительно определить пределы власти и обязанности горного начальника округа, управителя завода и прочих чиновников, степень надзора за их действиями и распоряжениями, избегая при том излишних формальностей», отменить «стеснительные штаты» и «допустить для мастеровых и рабочих предпочтительно задельные платы, а для администраторов — участие в прибылях, от заводов получаемых», и вообще «в основание упрочения казенных заводов принять коммерческие начала как наиболее выгодные для всякого рода промышленности»¹⁵.

Эти планы Горной комиссии существенно расширяли первоначальные предложения властей по совершенствованию горного законодательства, выводя перемены на уровень структурной реформы, касавшейся всех секторов российской горнозаводской промышленности. Вероятно, такое изменение представлений о будущем отрасли было связано не только с общим «реформаторским настроением», охватившим тогда российское общество, но и с частичным обновлением состава самой Комиссии, в которой появились члены, относившиеся к новому поколению горных чиновников.

Судя по спискам 1861–1862 гг., председателем Комиссии все еще был уже оставивший свою должность начальника штаба Корпуса горных инженеров генерал-лейтенант В. Е. Самарский-Быховец, а членами состояли генерал-лейтенанты А. Р. Гернгросс, Р. А. Армстронг, Г. А. Иосса и Л. А. Соколовский, новый начальник штаба генерал-майор А. А. Перетц и новый директор Департамента горных и соляных дел генерал-майор В. К. Рашет, а также генерал-майор А. Р. Гернгросс, действительные статские советники И. П. Арапетов, В. А. Лонгинов и вице-директор Департамента Ф. И. Раселли. Среди новых членов оказались бывший горный начальник Олонецких заводов генерал-лейтенант Н. Ф. Бутенев, бывший начальник Воткинского завода генерал-майор В. И. Романов и молодые делопроизводители Комиссии капитаны А. И. Антипов, Н. И. Михайлов и штабс-капитан Н. Н. Аксаков¹⁶.

О последних двух участниках председатель лично просил начальника штаба в марте 1861 г. «Состоящий для особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе Корпуса горных инженеров капитан Михайлов, имевший возможность по должности своей познакомиться на месте с настоящим положением и нуждами горной

промышленности, — писал В. Е. Самарский-Быховец, — и находящийся при Комиссии по пересмотру Горного устава штабс-капитан Аксаков, доказавший уже свои способности к трудам Комиссии, могли бы с особой пользой участвовать в одной при обсуждении вопроса о составлении нового Горного устава». Позже председатель отмечал, что Н. И. Михайлов стал одним из наиболее деятельных членов Комиссии. В ноябре того же года он «признал полезным» и участие в заседаниях Комиссии начальника Екатеринбургского монетного двора и механической фабрики полковника В. И. Рожкова¹⁷. Для решения отдельных вопросов приглашались и другие специалисты. Так, встречаются упоминания об участии в работе Комиссии И. М. Чарноцкого — секретаря начальника штаба Корпуса горных инженеров, столоначальника Департамента А. А. Петрова, секретаря Ученого комитета Корпуса Я. И. Ламанского.

На открывшемся новом этапе деятельности Горной комиссии заседании 18 апреля 1861 г. был разработан порядок ее «занятий». «Работа содержательная» была поделена на три части: первая касалась подготовки собственно Горного устава, т. е. «общих для всей империи постановлений от разведки и разработки минеральных веществ и до постройки заводов», вторая — учреждений горного управления, третья — горных податей. Для рассмотрения двух первых вопросов предполагалось создать из членов Комиссии два «редакционных комитета», которые должны были «составить все необходимые статистические данные и программы занятий, а затем приступить к постепенной разработке предметов Устава, вносить... о том записки на рассмотрение Комиссии и указывать в них статьи действующие... или отмененные». Вопрос о горных податях сочли компетенцией другой инстанции — созданной в 1859 г. при Министерстве финансов Комиссии для пересмотра системы податей и сборов (Податной комиссии). Она, как представлялось, должна была рассмотреть этот вопрос и свои предложения передать в Горную комиссию. Составить и издать «новые положения» предполагалось к началу 1863 г.¹⁸

Уже на следующий день, 19 апреля, Комиссия занялась распределением обязанностей по подготовке отдельных разделов будущего Устава. «Общий» редакционный комитет, судя по журналам заседаний, возглавил отличавшийся ученостью Г. А. Иосса, а «административный» — опытный в делах управления В. Е. Самарский-Быховец. Тогда же установили, что «каждый раздел проектируемого Устава... с общего согласия поручался одному из членов или производителю дел, которые по всестороннему рассмотрению обстоятельств дела составляли особые доклады Комиссии». После ознакомления председатель редакционного комитета принимал решение о публикации и рассылке докладов «на рассмотрение членов». Затем предлагалось на общем собрании Комиссии обсудить доклад и выработать «окончательную редакцию проектируемых законов».

Н. Ф. Бутнев взял на себя разработку раздела о казенной горной промышленности, А. А. Перетц — о горно-судебной власти, В. А. Лонгинов при содействии И. М. Чарноцкого составляли «общий обзор горных узаконений и горной администрации», А. И. Антипов определял «общие понятия, роды, виды и главные центры горного промысла», Н. И. Михайлов готовил «полное обозрение предметов о частной горной промышленности» и вместе с Н. Н. Аксаковым «собирал и разрабатывал статистические сведения о казенном и частном горном промысле». Сам председатель занялся «соображениями об изменениях управления горным промыслом», а для «разработки предметов, относящихся до пробирного и монетного дела», пригласил начальника Отделения добывания соли и минералов Департамента горных и соляных дел Н. И. Ольховского¹⁹.

Наряду с организованной таким образом работой Комиссии, министр финансов А. М. Княжевич по согласованию с В. Е. Самарским-Быховцом предпринял и со своей стороны меры «в видах всестороннего обсуждения всех предметов Горного устава». В журналах «Вестник промышленности», «Северная пчела», «Экономический указатель», в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 23 февраля 1861 г. было опубликовано его обращение: «В Министерстве финансов приступлено с высочайшего соизволения к пересмотру Горного устава в видах облегчения и развития нашей горнозаводской промышленности. Наука и практика, бесспорно, может принести великую услугу правительственным соображениям по устройству этой важной отрасли промышленного законодательства. В таком убеждении министр финансов приглашает всех, кто знаком с потребностями горнозаводского промысла, сообщить письменно мысли свои как о затруднениях, встречаемых ныне горным промыслом, так и об основаниях, которые могли бы дать ему более свободное и согласное с современными условиями развитие. Отзывы могут быть доставлены в Департамент горных и соляных дел»²⁰. В мартовском номере «Горного журнала», где было перепечатано это «объявление», появилась также статья редактора этого издания И. А. Полетики, в которой акцентировалось внимание на важности сделанного «вызова горных людей к выяснению понятия о будущем устройстве горного дела» в связи с «освобождением обязательного труда»²¹.

Однако действие этого дополнительного способа получения информации «забуксовало» с первых же шагов. Как сообщал председатель Комиссии, знатоки горного дела особой активности не проявили. К лету 1861 г. был получен единственный отзыв от отставного горного инженера генерал-майора А. И. Арсеньева, находившегося тогда на частной службе в Нытвенском округе Голицыных на Урале. В отзыве, в частности, поднимался вопрос «о необходимости соединения гражданской и горной власти» в лице губернатора, который одновременно выступал бы и в роли главного начальника заводов. Только так, полагал автор, между двумя ветвями власти можно было преодолеть прежние распри, которые, по его мнению, должны были только усилиться «с переходом подзаводских крестьян, мастеровых и ремесленников из крепостного в свободное состояние»²².

В такой ситуации В. Е. Самарский-Быховец в июне — июле того же года направил письма по конкретным адресам с просьбой «не оставить Комиссию советом». «Постоянно и повсюду говорят о стеснительных постановлениях действующего Горного устава, — сокрушался он. — Нет сомнения, что эти стеснительные постановления и меры к устранению их ближе всего известны лицам, практически занимающимся горным делом, а посему указания и мнения таких лиц были бы драгоценными материалами и руководителями при составлении нового Устава... Прошу доставить к сентябрю со всею откровенностью свои мнения как о тех причинах, которые препятствуют правильному и успешному развитию казенного и частного горного промысла, так и о тех мерах, которыми можно устранить недостатки нынешнего горного управления». Персональные письма адресовались редактору «Горного журнала» И. А. Полетике, главному начальнику Алтайских заводов А. Д. Озерскому в Томск, инспектору каменноугольных разработок в Земле войска Донского И. Ф. Фелькнеру в Новочеркасск, уральскому берг-инспектору А. П. Стрельману в Екатеринбург, директору оружейной фабрики Г. В. Лизелю в Златоуст и некоторым другим известным специалистам. В. К. Рашету поручалось организовать «отзывы с уральских заводов», особенно с посессионных, откуда «в прежнее время нередко доходили жалобы заводчиков на стеснительный

со стороны правительства надзор за их действиями и на вмешательство в их распоряжения», а генерал-лейтенант А. Р. Гернгросс получил задание «сделать по возможности полные выписки из дел Горного департамента о просьбах заводладельцев». Были потребованы «соображения» от главного начальника уральских заводов и от окружных горных начальников.

Однако к осени 1861 г. завершить сбор отзывов так и не удалось: в делах Комиссии сохранилась лишь записка главного механика уральских заводов А. А. Грамматчикова, поступившая в октябре из Илецкой зацщиты, и несколько писем, в частности от И. Ф. Фелькнера и А. Д. Озерского, с просьбой продлить срок подготовки записок до января нового года. «Замечания на историческую записку о составе горной администрации» с ее одобрением от главного начальника уральских заводов Ф. И. Фелькнера поступили лишь в июне 1862 г., а его «особое мнение о рудниках посессионных и владельческих», где он высказался против их «открытия для частной деятельности», обсуждалось только в мае 1863 г.²³

Самый значительный отзыв, даже получивший в делопроизводстве Комиссии название «Проект Горного устава», представил генерал-майор А. П. Строльман. «Труд этот, заслуживающий полного внимания, как мнение специального горного инженера, находившегося в продолжение многих лет в соприкосновении с практической деятельностью одного из главных центров горной промышленности России — Уральского хребта, может быть очень полезен для соображений членам Комиссии», — полагали в Департаменте горных и соляных дел. В своем проекте опытный инженер, служивший как на частных, так и на казенных заводах, высказался по поводу горноземельной собственности, посессионного права, «нераздробимости» горнозаводских имуществ, форм контроля над частной промышленностью и по другим важным вопросам. Критикуя известные ему подходы Комиссии к решению этих вопросов, скептически настроенный берг-инспектор настаивал на первостепенном значении не столько «теоретических начал в деле законодательства», сколько «указаний собственного опыта». «Горнозаводская производительность в России представляет так много местных, исключительно ей свойственных условий, так отличается от заграничной, — предостерегал он, — что и регламентация ее должна основываться преимущественно на своих коренных началах, и опыт других образованных стран может служить для нее образцом только в немногих случаях»²⁴.

Сами же члены Горной комиссии, «дружно принявшись за составление главных по производству горного промысла оснований», к началу 1863 г. завершили подготовку порученных им разделов и, как сообщал председатель, занялись «обсуждением почти всех отдельных предметов, должных служить основанием проекта нового Горного устава». По его сведениям, за 1863 г. было составлено 60 журналов заседаний Комиссии, рассмотрены вопросы о центральном горном управлении, о местном управлении казенными заводами и о местном надзоре за частной горной промышленностью, о частном горном промысле на праве посессионном и на полном владельческом праве, о частном горном промысле на свободных казенных землях и в отдельных регионах России, а также о горной подати и о взысканиях за нарушение горных законов. Эти журналы заседаний были отпечатаны и разосланы местному начальству. Комиссия также приступила к печатанию «особого статистического по горной части сборника» (видимо, имелась в виду «Памятная книжка для русских горных людей», издававшаяся Ученым комитетом Корпуса горных инженеров в 1862 и 1863 гг.).

Кроме прямых обязанностей, Горная комиссия продолжала и в 1863 г. дополнительно заниматься вопросами, возникшими после введения в действие Положений 19 февраля 1861 г. о горнозаводском населении. Как сообщал В. Е. Самарский-Быховец в декабре 1863 г., «истекающий год по сравнению с предыдущими был наиболее обилен как по числу, так и по важности... вопросов, переданных на рассмотрение Комиссии». В частности, он отметил участие Комиссии в составлении «проекта правил об общественном устройстве горнозаводских людей, главных оснований найма рабочих и о льготах для рабочего населения и проч.». Что же касается основной деятельности Комиссии, председатель планировал «с начала будущего года приступить к облечению своих изысканий в форму, установленную для вопросов законодательных, и составлению на основании сделанных уже выводов самого кодекса горных законоположений»²⁵.

Но прежде предполагалось разрешить некоторые особо сложные и вызвавшие общественный резонанс проблемы. «Из всех предметов Горного устава, — докладывал В. Е. Самарский-Быховец министру финансов М. Х. Рейтерну, назначенному на эту должность в 1862 г., — наиболее предстояло затруднений при разрешении вопроса о посессионном праве, сбивчиво и неопределенно выраженном в действующем законе». «Посессионные горные заводы... — излагал он далее свое представление о предмете, — были снабжены от казны огромными пространствами земель и лесов, и с тем вместе подверглись стеснительному со стороны горного управления надзору в видах ограждения их от упадка, поддержания казенного дохода, поступавшего в виде горной подати, и обеспечения горнозаводского населения, к ним приписанного. Комиссия, внимательно исследовав посессионное право в историческом его развитии и экономическом значении, признала нужным постановить (в журнале 6 марта сего года) ряд новых правил, которые, с одной стороны, обеспечивают интересы казны, предоставившей посессии для горного промысла, а с другой — ограждают права и интересы посессионных владельцев и предоставляют им больше экономической свободы в распоряжении заводами».

Однако посессионеры, как показывали «подаваемые ими записки и помещенные в периодических изданиях статьи», имели иное представление о своих правах на посессию: в отличие от чиновников, они считали их своей собственностью и предлагали «в видах дальнейшего поощрения горного дела сравнить посессионеров в правах с владельцами заводов, состоявших на полном праве собственности». Чтобы окончательно разрешить этот спорный вопрос и по возможности «предупредить происки заинтересованных лиц», председатель предложил приглашать на заседания Комиссии «главнейших из проживающих в столице горных заводчиков или их поверенных для обсуждения всех тех предметов нового Горного устава, которые относятся до частной горной промышленности владельческой и посессионной, ознакомив их предварительно с самими изысканиями по сим предметам Комиссии»²⁶.

Участие заводчиков в работе Комиссии

Мысль о необходимости согласовать позиции чиновников, занятых подготовкой горной реформы, и заводчиков, которых она непосредственно касалась, стала одним из очевидных проявлений начавшейся «эпохи реформ» в российском обществе и сопряженной с ней относительной либерализации самого процесса законотворчества, вышедшего за традиционные рамки исключительно правительственной деятельности. К этому членов Комиссии подталкивали и сами заводчики, в нестабильных условиях

пореформенного времени осознавшие необходимость объединения усилий для защиты своих интересов.

Известно, что еще 7 октября 1861 г. в петербургском доме крупного уральского заводчика Д. Е. Бенардаки прошло совещание владельцев и управляющих частных заводов «для рассуждения о том, какие условия необходимы для этих заводов, чтобы пережить настоящее тяжелое время, выдержать открывшуюся ныне конкуренцию со стороны иностранных металлических изделий и дать горной промышленности прочное существование и развитие». «Нельзя не порадоваться, что мы дожили до такого времени, — писал автор заметки в «Горном журнале» И. А. Полетика, — когда интересы каждой отрасли промышленности обсуждаются открыто самими участниками в ней и выводы их суждений оказывают большое влияние на изменение государственных узаконений». Он отметил, что некоторые из заводладельцев собирались и ранее для предварительного обсуждения своих нужд. Одним из их желаний было участие в «Комитете для пересмотра Горного устава», который, как опасались заводчики, мог «легко упустить из виду» их насущные интересы. Они намеревались «просить правительство допустить к постоянному участию в занятиях этого Комитета депутатов от заводладельцев, избранных самими ими». Эти неназванные лица тогда же «приняли на себя обязанность обсудить дело в большей подробности и заготовить представление о потребностях частных горных заводов». Присутствовавший на совещании уполномоченный Строгановых Н. Н. Анцыферов даже предложил образовать «постоянную общину» из заводчиков, что было «принято с единодушным одобрением». Воодушевленный происходящим, И. А. Полетика полагал, что объединившиеся заводчики «произведут огромное влияние на горный промысел», а день открытия совещания станет «горным праздником как годовщина возрождения этого промысла»²⁷.

Не все ожидания заводчиков оправдались, но их все-таки пригласили принять участие в работе Горной комиссии в качестве экспертов. Министр финансов М. Х. Рейтерн 18 января 1864 г. дал свое согласие «сообщить господам владельцам заводов, в Петербурге находящимся, проектированные Комиссией положения и просил их доставить замечания с тем, чтобы сии последние были потом обсуждены в Комиссии в присутствии и с участием владельцев». «Если по заключению сих совещаний, — заверял он заводчиков, — окажутся по ключевым вопросам некоторые мнения, несходные с окончательным проектом Комиссии, то все таковые мнения будут приложены к общему проекту и вместе с ним представлены министру для дальнейшего в законодательном порядке решения»²⁸.

В отличие от горных специалистов, заводчики дружно откликнулись на призыв министра, а их отзывы, поступившие в феврале — апреле 1864 г., составили целый документальный комплекс в делах Горной комиссии. В журнале заседаний от 30 мая 1864 г. зафиксировано, что индивидуальные отзывы были получены от совладельца Кыновского округа и поверенного своей жены графини Н. П. Строгановой (владелицы Строгановского майората с Билимбаевскими заводами) графа С. Г. Строганова; владельца Авзяно-Петровских, Троицких и Кирсинско-Кажимских заводов Д. Е. Бенардаки; поверенного своей жены О. П. Дружининой (владелицы Кыштымского округа) Г. В. Дружинина; директоров правления Компании Кнауфских заводов Г. В. Лерхе и А. А. Гитасова; владельца Чёрмозских заводов Х. Е. Лазарева; членов Главного правления Алапаевских заводов наследников С. С. Яковлева графа Ф. В. Орлова-Денисова, Ф. С. Чернышева и М. К. Линденбаума; поверенного своей матери Е. В. Дашковой

(владелицы Благовещенского медеплавильного завода) Д. Д. Дашкова; поверенно-го своего отца А. В. Пашкова (совладельца Воскресенского, Верхоторского и Богоявленского медеплавильных заводов) В. А. Пашкова; поверенного своей матери графини Н. А. Стенбок-Фермор (владелицы Верх-Исетского округа) графа А. А. Стенбок-Фермора; главноуполномоченного Нижнетагильских заводов П. П. Демидова профессора С. М. Добровольского; сибирского рудопромышленника (и, как он сам представлялся, «сына первооткрывателя рудного промысла в области Сибирских киргизов» коммерции советника С. И. Попова) А. С. Попова²⁹. В Комиссию поступила также коллективная записка от Д. Е. Бенардаки, Д. Д. Дашкова и совладельца оренбургских медеплавильных заводов Н. М. Пашкова. Все эти представители горнозаводчиков России, оказавшиеся в то время в столице, были владельцами уральских предприятий, как по-сессионных, так и владельческих (за исключением А. С. Попова). Поэтому большинство их замечаний и предложений касалось в основном организации заводского хозяйства в этом крупнейшем металлургическом регионе страны.

Горячо благодарил Горную комиссию «за ее истинно просвещенное и полезное направление — освободить частный горный промысел от той тяжелой регламентации и опеки, которая не приносила пользы, но разоряла заводы», — генерал-майор Г. В. Дружинин. В такой нарочито вежливой форме он пытался донести свою мысль о том, что «принципы правительственной деятельности... всегда имевшие благотворную цель», на практике могли приносить и огромный вред. «Даже наблюдение за безопасностью работ (совершенно основательное и везде в образованных государствах имеющееся), — писал он, — может сделаться источником притязаний и даже корыстных целей». Вместо постоянного казенного надзора в лице предложенных Комиссией окружных инженеров он предлагал дать заводчикам право «самим обращаться к горным инженерам за полезным направлением дела», а еще лучше — позволить заводчикам избирать окружных инженеров, «конечно, по рекомендации и с утверждения горного начальства». Также Г. В. Дружинин призывал отменить «годовой запас хлебного провианта», который, по закону, требовалось содержать на заводах «для продовольствия населения», и, будучи представителем по-сессионного округа, не соглашался с установившимся в Горной комиссии мнением о праве собственности казны на по-сессию. «По смыслу законов» по-сессионеры всегда имели более прав, чем одно право владения, утверждал он, указывая в качестве доказательства на дарованное им в 1824 г. право заклада своих имений, относившееся по российским законам только к частной собственности. Он также высказался против предполагавшегося «разрешения посторонним искать руды и минералы в по-сессионных дачах» без согласия владельцев, поскольку полагал, что «эти искатели будут только притонами всякого хищничества и беспорядков» и потребителями необходимого для заводов леса. Он намекнул, что заводчики легко смогут «обойти этот закон», противопоставив «заявлению искателя» необходимость «исследовать ту же местность на золото», право добычи которого на территории горнозаводских округов с 1824 г. было предоставлено исключительно их владельцам³⁰.

Не совсем правильной признавал трактовку по-сессионного права горными чиновниками и один из крупнейших российских предпринимателей Д. Е. Бенардаки, которому на Урале принадлежало два по-сессионных округа и один владельческий. Хорошо ощущая разницу в своих правах на эти округа, он настаивал на необходимости уравнять по-сессионеров с вотчинниками «в награду за услугу, принесенную ими всему государству развитием горного промысла», и в первую очередь предоставить им полное

право собственности на недра. Как и Г. В. Дружинин, он полагал, что, помимо посессионных дач, «для охотников заняться горным промыслом найдутся... сотни миллионов десятин казенных земель, которые ждут только деятелей, чтобы открыть им свое девственное лоно». Вместо «открытия» посессионных дач для посторонних рудопромышленников он предлагал разрешить им промысел на «пустопорожных казенных землях», которые можно было бы «безобидно для других отдать (для поисков и разработки. — *Е. Н.*), не касаясь прав собственности, освященных давностью владения и важностью жертв, приносимых для пользы государственной»³¹.

Профессор права С. М. Добровольский попытался подвести научную основу под высказанное всеми посессионерами желание получить свои имения в собственность. «Выражение „посессионное владение“, — убеждал он членов Комиссии, — как определенный юридический термин, составилось совершенно случайно и несколько не объясняет внутреннего содержания заключенного в нем понятия. Это очередной плеоназм, этимологическая неправильность, получившая право гражданства в русском словаре только вследствие долговременного безотчетного употребления». В том же 1864 г. он опубликовал брошюру, в которой категорически настаивал на том, что «посессионное владение не есть только одно право владения или пользования, но составляет действительное право собственности заводчиков... ограниченное только известным образом»³².

Позиция С. М. Добровольского нашла полную поддержку и у директоров правления Компании Кнауфских заводов, и у членов Главного правления Алапаевских заводов наследников С. С. Яковлева. Последние, ссылаясь на пример Англии, признаваемый образцовым и самой Горной комиссией, оценивали посессионное право как «какую-то аномалию, вследствие которой горнозаводское дело становится у нас уже вне всякого сравнения с Англией». «Прилагательное „посессионные“, — утверждали они, — изобретено вследствие усилий присвоить казне земли, безвозвратно отданные заводчикам». Они предлагали совсем отменить присущие посессионному праву ограничения на использование минеральных ресурсов и устранить вмешательство чиновников в распоряжения заводчика по лесному хозяйству³³.

Наиболее развернутые предложения по вопросу о посессионном праве сделал граф А. А. Стенбок-Фермор, которому, судя по всему, помогал его хорошо осведомленный поверенный Д. А. Огородзинский. Вначале он сформулировал основные недостатки действующего Горного устава в этом аспекте, среди которых назвал «крайнюю неопределенность прав посессионного владения, стеснительные для заводладельцев ограничения в пользовании заводским имуществом и предоставление местной администрации слишком обширного на посессионные заводы влияния, лишаящего заводчиков свободы хозяйственных по имению распоряжений». Не вдаваясь в тонкости квалификации посессионного права, А. А. Стенбок-Фермор заострил внимание на видимом противоречии между провозглашенными намерениями Горной комиссии и ее предложениями о сохранении некоторых «посессионных ограничений», вытекавшими из господствующего среди чиновников представления о праве собственности казны на посессионные земли, леса и на так называемые «непрофильные минералы» (т. е. те, которые содержались в недрах посессионных округов, но не использовались при выплавке металлов). «Нерешительность Комиссии в применении одобряемой ею теории к практике, такие полумеры, такие колебания между свободой промысла и регламентацией, между явлениями современной государственной жизни и давно уже окончившим свой век... действующим горным законодательством, — полагал он, — можно объяснить

только тем, что Комиссия предназначала себе трудную к выполнению задачу — облегчить частную горную промышленность и оградить ее от вмешательства со стороны казны, но, вместе с тем, непременно отнять у посессионного владения принадлежащий ему характер собственности. Желание достигнуть таких диаметрально противоположных целей должно, конечно, вести к противоречиям и непоследовательности». Граф считал, что нарушение прав посессионера на минеральные ресурсы «в пользу воображаемых горнопромышленников» приведет лишь к «хищничеству золота» и к уничтожению лесов, находившихся в распоряжении владельцев. Он утверждал, что «благотворная цель пересмотра Горного устава» будет достигнута только тогда, когда казна полностью откажется от своих прав на посессию в пользу заводчиков, как она это сделала по отношению к посессионным фабрикантам³⁴.

Среди заводчиков-вотчинников энергично поддержал посессионеров Д. Д. Дашков. Он открыто заявил, что «казенный интерес», положенный в начале XIX в. в основу государственной политики по отношению к горнозаводской промышленности, является «ложным началом», которое заставляет совершенно забыть о том, что «польза от всякого, а тем более горного, промысла несравненно важнее для государства, чем прямая прибыль от вносимых в казну податей и другого рода поборов». «Столетнего опыта, кажется, достаточно, чтобы сознать ошибочность принятого начала и сойти с ложной дороги... — писал он. — Необходимо уничтожить неопределительность посессионного права... и затем навсегда исключить понятие и само название посессионного владения из нашего горного законодательства... Всякое частное развитие или изменение посессионного права в настоящую минуту только затуманит его еще более и приведет к необходимости через несколько лет опять возиться с ним». «Определенность и неизменяемость гражданских и имущественных отношений» он справедливо рассматривал как «первые условия успеха всякого промысла» и опасался того, что они «могут быть упущены из виду горным ведомством» при составлении нового Устава. «Право полного хозяйственного распоряжения», к установлению которого следовало стремиться властям и посессионерам, по его мнению, могло быть достигнуто «равно при обращении заводчиков в собственников или в арендаторов». Наряду с первым, второй «вид владения» ему представлялся вполне приемлемым и даже более соответствовавшим истории возникновения «горной посессии». Желая все-таки сохранить свои конкурентные преимущества, этот представитель вотчинников полагал, что посессионное право могло быть превращено в бессрочную аренду при условии безостановочного заводского действия, а повышенная горная подать — считаться в этом случае арендной платой.

В отдельных записках Д. Д. Дашков выразил свое отношение к структуре нового Горного устава и к некоторым его формулировкам. Он предложил, в частности, отказаться от разделения «правил для частной промышленности на посессионные и владельческие», сократить количество статей, исключив те из них, которые «не вносят ничего нового», а также ясно выразиться по поводу введения отдельного права собственности на недра — «допущено оно или прямо запрещено». В отношении предложенных «мер взыскания за нарушение горных законов» он рекомендовал «соблюдать соразмерность между преступлением и наказанием»³⁵.

Против разрешения свободной добычи минералов в посессионных дачах высказался и Х. Е. Лазарев, опасаясь, видимо, того, что это может привести в итоге к возвращению к принципу «горной свободы», чреватому лишением вотчинников права

собственности на недра. Он также полагал, что следует отменить «тяжелый и разорительный для заводчиков налог иметь запас провианта» ввиду того, что после отмены крепостного права эта «помещичья обязанность» не могла больше относиться «до людей свободных, полноправных и ничем... с заводчиками не связанных». Главное внимание в своем отзыве он уделил вопросу о «нераздробимости» горнозаводских имений, высказавшись за ее безусловное сохранение³⁶.

На актуальный для всех заводчиков вопрос о залоге металлов, разрешенном с 1847 г., обратили внимание члены Главного правления Алапаевских заводов и В. А. Пашков. Особенно их беспокоило запрещение заводчикам самим продавать секвестрованные в случае недоимки металлы, что оказывалось для них крайне обременительным. Был также поставлен не менее важный вопрос о величине горной подати. Те же члены правления желали существенно понизить размер подати с чугуна, не ограничиваясь предложенной Комиссией отменой одной из разновидностей налога — «оброчной подати».

В своем совместном отзыве Д. Е. Бенардаки, Н. М. Пашков и Д. Д. Дашков, представлявшие медеплавильные заводы, обращали внимание на значительные размеры подати с меди по сравнению с податью на чугун. А. А. Стенбок-Фермор отметил, что предложенная Комиссией замена натуральной подати с меди денежной «имеет и обратную сторону — необходимость сдавать деньги, которые предстояло еще получить от продажи металла». Он полагал, что справедливее будет позволить заводчику «платить подать на волю — либо натурой, либо деньгами». Потомственный почетный гражданин А. С. Попов не поднялся в своем отзыве на уровень общих требований, а просил лишь сохранить дарованное еще его отцу право учредить «во внутренних округах Западной Сибири плавильный завод с отводом ему земель и лесов»³⁷.

Влиятельный граф С. Г. Строганов ограничился только несколькими общими фразами, признав «самыми справедливыми и рациональными для горного промысла... начала в отношении владельческих заводов», и предложил отменить «обязательный годовой запас провианта для горнозаводского населения, обременительный для заводчиков из-за разности цен и необязательности для мастеровых брать его». «Ни я, ни жена моя... — писал граф, — не считаем себя вправе желать участия уполномоченного от нас в окончательных занятиях Комиссии», но в случае необходимости он соглашался направить для этого коллежского асессора Н. Н. Анцыферова³⁸.

«По надлежащем обсуждении представленных отзывов» на заседания Комиссии 5, 12, 19 и 26 мая были приглашены заводовладельцы и их поверенные. От имени Строгановых выступал Н. Н. Анцыферов, от лица Х. Е. Лазарева — его зять князь С. Д. Абамелек, от лица Е. В. Дашковой — сын Д. Д. Дашков. Нижнетагильские заводы представлял С. М. Добровольский, Кыштымские — Г. В. Дружинин, Верх-Исетские — А. А. Стенбок-Фермор, Алапаевские — К. Н. Манзей (сын совладелицы заводов С. С. Манзей), Кнауфские — Г. В. Лерхе. Лично присутствовали заводчики Д. Е. Бенардаки, А. В. Пашков, Н. М. Пашков и А. С. Попов. «По некоторым из отзывов состоялось в Комиссии соглашение, — извещал В. Е. Самарский-Быховец, — по другим же господа заводовладельцы изъявили согласие взять назад свои предложения, и, наконец, в заседаниях были возбуждаемы словесные предложения, которые по обсуждению или были приняты и включены в журналы... или признаны не подлежащими к включению в проект Устава»³⁹.

В журналах заседаний, таким образом, оказались зафиксированными те предложения заводчиков, которые были приняты Горной комиссией. Большинство их касалось, как и можно было предположить, посессионного права. Членам Комиссии

удалось отстоять точку зрения на посессию как собственность казны и свое предложение об освобождении горных заводов от посессионного права путем выкупа посессий заводчиками у казны (об этом см. разд. 1 гл. III). В этом плане заводчики не смогли добиться того, чего хотели, — безвозмездной передачи им посессионных земель и лесов. Но некоторые значимые предложения они все-таки сумели отстоять. Так, право искать минералы в их дачах и делать земельные отводы для устройства рудников было представлено «усмотрению самого заводовладельца с объявлением местному окружному инженеру». Прежде действовавшее правило обязательной для посессионеров разработки заявленных рудников было заменено разрешением «оставлять их в запасе». Леса оставались «под надзором горного ведомства», но лишь за тем, чтобы они употреблялись только «на горнозаводские надобности и отпуск местному населению». «По усмотрению заводчика» посессионные заводы разрешалось временно закрывать на срок до пяти лет; в случае же просрочки они могли быть проданы с публичных торгов, а вырученная сумма «за удовлетворением казенных и частных долгов обращалась в пользу заводовладельца». Сохранялась и возможность «переукрепления округов по частям», т. е. их продажа или наследование с раздроблением, но лишь в случае, когда от этого «не последует ущерба или расстройства в горнозаводском действии, и с предварительного согласия министра финансов».

Важные нововведения касались всех частных заводов. Главным из них было признание возможности отчуждать недра своих земель отдельно от поверхности, которую «закон ясно не подтверждал, хотя и не отрицал положительно». Было расширено и право заводчика заключать арендные контракты с «посторонними лицами» на поиск минералов, разработку рудников и отвод земель под устройство завода. Владельцы заводов добились также отмены исключительного права казны продавать секвестрованные у них металлы. Они заручились поддержкой Горной комиссии в намерении ходатайствовать перед правительством об отмене содержания годового запаса провианта для горнозаводского населения.

Мнения же, «несходные с окончательным проектом», как и было обещано, включили в качестве приложения к материалам Комиссии для ознакомления министра финансов. В июне 1864 г. В. Е. Самарский-Быховец обратился к С. Д. Абамелеку, Н. М. Пашкову и А. А. Стенбок-Фермору с просьбой «прислать свои отзывы для публикации в Трудах Горной комиссии»⁴⁰.

В целом, участие заводчиков в подготовке проекта Горного устава не осталось без последствий. Разработанный Комиссией проект в части, относящейся к владельческим и посессионным заводам, стал своего рода компромиссом между уральскими заводовладельцами и горными властями. Сами члены Комиссии отмечали значимость участия как заводчиков, так и отдельных горных специалистов в подготовке проекта. Дальнейшая работа свелась к редакционной правке и систематизации итогов многолетней деятельности Горной комиссии для представления всех материалов министру финансов и Государственному совету.

Итоговые материалы включали две части — небольшое Вступление (10 с.), представлявшее «общий взгляд на горнопромышленность и горное законодательство», и объемную Объяснительную записку (300 с.), в которой были «распределены по разрядам предметы, вошедшие в проект, с изложением по каждому предмету отдельно: а) изложение действующих законов с историческим о них обозрением; б) соображения об удовлетворительности или неудовлетворительности оных; в) выводы

и заключения». Составителями записки были Н. И. Михайлов, А. А. Петров, А. И. Антипов и И. П. Арапетов. Более чем 100-страничный проект нового Горного устава являлся главной частью подготовленных материалов.

Председатель Комиссии В. Е. Самарский-Быховец отмечал, что дополнительно к проекту были созданы «несколько правил, не столь важных или подлежащих изменению от обстоятельств» (о порядке делопроизводства в заводских округах и в Уральском горном правлении; формы ведомостей для оценки металлов, выделанных на казенных заводах; инструкция для окружных инженеров «по заведованию частными заводами» и пр.). Он упомянул о том, что ближе к концу работы Комиссии ей было поручено министром финансов рассмотреть и «постановления о главном, или центральном, управлении горной частью в Санкт-Петербурге». Но из-за того, что «соображения о необходимости таких преобразований» уже были составлены в самом Горном департаменте и одобрены министром, Комиссия «ограничилась рассмотрением постановлений только об учреждении Совета и Ученого комитета Корпуса горных инженеров, которые, признав возможным соединить в одно учреждение Совета Корпуса, изложила отдельно от Горного устава». Следовало бы, по мнению В. Е. Самарского-Быховца, к проекту приложить и штаты «для вновь преобразованной администрации по заведованию горным промыслом». Но Комиссия сочла, что до утверждения и тем более до введения разработанных законоположений это было бы преждевременно. Наконец, Комиссии было поручено министром и обсуждение статей Лесного устава, «относящихся до заведования лесами, приграниченными к казенным и посессионным заводам». Результаты этой работы были представлены «особо от Горного устава»⁴¹.

Получив проект, министр финансов М. Х. Рейтерн 11 сентября 1865 г. предложил Горному департаменту «внести его с Объяснительной к нему запиской на окончательную редакцию в Комиссию по пересмотру системы податей и сборов». Это предписание было исполнено через восемь месяцев в соответствии с решением, принятым Горной комиссией на заседании 10 мая 1866 г. Итоговые документы тогда подписали 13 членов Комиссии, до конца оставшиеся в ее составе: В. Е. Самарский-Быховец, Г. А. Иосса, Л. А. Соколовский, А. Р. Гернгросс, В. К. Рашет, Ф. И. Раселли, Я. И. Ламанский, Н. Ф. Бутенев, И. П. Арапетов, А. А. Перетц, В. А. Лонгинов, В. И. Романов и Н. И. Михайлов⁴². Объяснительная записка, опубликованная впоследствии в Трудах Податной комиссии, не дает представления о ходе обсуждения, но поясняет мотивацию принятия тех или иных решений, обусловивших итоговые формулировки статей проекта Горного устава. Как писали ее составители, «настоящие соображения обнимают собою: сущность горнозаводского промысла; порядок управления оным; порядок и правила производства частного горного промысла в землях владельческих, посессионных, казенных и общественных; порядок взимания горных податей, взысканий за нарушение горных законов и судебного управления по горной части». В соответствии с этим Объяснительная записка, как и сам проект Горного устава, включали десять разделов, которые в свою очередь были разбиты на главы.

Совершенствование системы горного управления

Небольшой по объему первый раздел проекта Горного устава «Общие положения» был посвящен определению объектов горного законодательства, или, как выражались члены Горной комиссии, разъяснению, «какие именно полезные ископаемые и какие способы обрабатывания их должны подлежать специальным горным узаконениям».

Анализ европейской и отечественной практики приводил к заключению, что «правила горных законов» распространяются лишь на металлические руды, драгоценные камни и ископаемые угли (антрацит, каменный и бурый уголь). Именно их добыча и переработка, в отличие от других минералов, уже составляли в России «одну из важнейших отраслей народного хозяйства» и к тому же требовали «специальных знаний и особого искусства». Все прочие ископаемые, к которым члены Комиссии отнесли глины, строительные камни, известь, гипс, торф, купорос, квасцы и т.п., были признаны «не подлежащими никаким горным постановлениям» на том основании, что они «находятся в природе в таком виде, что для извлечения их требуются только поверхностные или весьма неглубокие подземные работы, могущие быть производимыми и без знания горного искусства».

Используя терминологию действующего законодательства, «горными заводами» сочли предприятия, занимавшиеся обработкой металлических руд «с целью извлечения из них металлов посредством металлургических процессов». К ним отнесли также «фабричные заведения», перерабатывавшие металлы в изделия, в случае, если они «имели с заводами неразрывную связь», т.е. состояли в общем с ними производственном комплексе. «Прочие же частные заведения, отдельно и независимо от горных заводов расположенные и занимавшиеся только переработкой металлов в изделия», отнесли «к заведениям фабричным, не подлежащим горным узаконениям». Были учтены и особенности организации казенной горнозаводской промышленности, которая «имела предметом не только приготовление сырых металлов, но также и обращение сих металлов в изделия, как например, якоря, артиллерийские снаряды, орудия и пр.». Поэтому и такие «фабрики, состоящие в ведомстве казенного горного управления», включили в предмет Горного устава⁴³.

Во втором разделе проекта определялась структура управления горным промыслом в России, которая включала главное, или центральное, управление, местное управление казенными заводами и местный надзор за производством частного горного промысла. Как уже упоминалось, Горная комиссия не сочла себя вправе что-либо менять в организации центрального управления, сосредоточенного в Министерстве финансов и определявшегося особым законом — Учреждением министерств. Поэтому в короткой (состоявшей всего из двух параграфов) первой главе этого раздела были «удержаны только общие положения». В соответствии с ними, министр финансов признавался «главноуправляющим горной частью», который «заведовал горными промыслами и заводами посредством Горного департамента и местных управлений»⁴⁴.

Пояснение нововведений в местном, или региональном, управлении казенными заводами начиналось с исторического обзора его организации и деятельности со времени издания Проекта горного положения 1806 г., который распространялся на уральские заводы. Местная горная администрация тогда была представлена пермским генерал-губернатором, обладавшим «властью разрешающей и покровительствующей», его «ближайшим помощником» берг-инспектором, осуществлявшим «надзор за искусственной и хозяйственной частью горнозаводского производства», а также Пермским горным правлением, состоявшим из административно-хозяйственного и судебного департаментов. «Непосредственное управление» осуществляли горный начальник казенного горнозаводского округа (в 1806 г. таких округов на Урале было шесть), который «по всем частям и во всех отношениях» признавался «полным хозяином своего округа», его помощник и управители отдельных заводов, входивших в состав округа, а также горная

полиция и суд, которые в своей деятельности руководствовались «общим учреждением о городской и земской полиции и суде».

Финансирование заводов происходило через систему «казенных нарядов», или заказов, которые распределялись между заводами и выполнялись «за постоянные цены, утверждаемые на каждые пять лет высочайшей властью по предварительному соглашению министра финансов с горным начальником». В соответствии с этими нарядами и ценами «хозяину округа» отпускались суммы на действие заводов «с правом пополнять сбережением от одной статьи расхода недостаток по другой». Горный начальник мог после выполнения наряда продавать «остатки металлов и прочие заводские изделия частным лицам» с обязательством выручить для казны хотя бы «указные (т. е. установленные за кредитные банковские операции. — *Е.Н.*) 6% сверх штатной цены». Половина суммы, вырученной сверх этих процентов, делилась между самим начальником и его подчиненными; другая половина поступала в казну. Такой порядок распределения доходов назывался «коммерческой системой», или «системой прибылей», и вместе с описанным порядком управления действовал до 1826 г. К этому времени, по сведениям Комиссии, «с возвышением цен на металлы выдача горным чинам прибылей прекратилась, заводы в некоторых отношениях, а особенно по строительной части, пришли в упадок, оборотные капиталы истощились, и с упадком курса ассигнационного рубля суммы на заводские действия ассигновались уже не по соразмерности вышеупомянутых постоянных цен, но по особым сметам».

После отставки пермского и вятского генерал-губернатора К. Ф. Модераха в 1811 г. оставалась вакантной и вскоре была упразднена и эта высшая в региональной горной и гражданской администрации должность. В 1824 г. «в виде временной меры» была введена новая должность главного начальника горных заводов хребта Уральского, которому поручалось, «не отвлекаясь другими, особенно гражданскими, делами и находясь почасту лично на самих заводах... привести их в лучшее устройство». С 1826 г. эта должность стала постоянной, заменив прежние функции генерал-губернатора «по горной части». Резиденцией главного начальника и его канцелярии стал горный город Екатеринбург, куда было перемещено из Перми и Горное правление, получившее наименование Уральское.

Нововведения коснулись также способа «надзора на месте» и системы финансирования казенных заводов. В 1827–1829 гг. были введены «штатные положения» (т. е. нормативы), которыми определялась производительность каждого завода «по мере его устройства и естественных средств», количество рабочих «с уроками и задельной платой» и служащих «с постоянным содержанием». Прежнюю «систему коммерческого управления» сменила «система годовых планов и смет для действий заводских».

Введенные временно (на три года), первые штаты действовали, тем не менее, около 20 лет, когда обнаружилась их «несоразмерность с кругом и средствами заводской производительности», изменившимися «при постепенном усовершенствовании технических производств и при перемене самих нарядов в заводских изделиях». Новые штаты 1847 г. отличались от прежних тем, что фиксировали «количество и род металлов и главных металлических изделий» для каждого казенного горнозаводского округа приблизительно, «в круглых числах». Для государственных предприятий, расположенных за пределами Урала, были изданы только «личные штаты, определявшие число высших и низших чинов управления» (для Олонцевских заводов — в 1839 г., для Суоярвского завода — в 1856 г., для Луганского — в 1828 и 1853 гг., для Алагирского — в 1850 г.,

для Николаевского — в 1853 г.). После учреждения в 1834 г. Корпуса горных инженеров все административные и технические должности на казенных заводах стали замещаться горными инженерами, «специально приготавливаемыми для этой цели».

Оценивая действующую систему управления казенным сектором горнозаводской промышленности, члены Комиссии пришли к заключению, что она сложилась под влиянием «двух главных условий: обязательного труда и обязательной системы хозяйства». Влияние первого фактора привело к тому, что рабочие «обратились в особое горнозаводское сословие на военном положении». «Не одни действительные рабочие, а вся масса заводского сословия, составляя принадлежность казенных заводов», оказалась в «непосредственном ведении и на ближайшем попечении заводского управления». Следствием этого стало «соединение в администрации обязанности вести горное дело... с обязанностью управлять заводским населением, устраивать его быт, охранять права, общественный порядок и т.д.». Но с освобождением горнозаводского населения и с переходом его под общее гражданское управление эта обязанность упразднилась, поэтому «состав и пределы горной администрации» надлежало сосредоточить лишь на управлении горным делом. Должна была измениться и «обязательная система хозяйства, введенная штатными положениями». Влияние этого фактора Комиссия оценила негативно. «Сколько на опыте оказалось неудобств от бывшей, по Проекту горного положения, системы прибылей, основанной на безграничной свободе местных распоряжений, — констатировали члены Комиссии, — столько же, если не более, представляют затруднений и заменившие ту систему штатные положения, стесняющие местную распорядительность». Обе эти системы признавались крайностями, «несовместными с потребностями рационального хозяйства и с интересами казны». Такое представление, сложившееся у членов Комиссии, служило обоснованием необходимости «установить иные, более соответствующие современным условиям правила для хозяйственных распоряжений по казенным горным заводам и, сообразно тому, к внесению изменений в существующую местную администрацию»⁴⁵.

«Уральской горной области» как основному региону, где было сосредоточено казенное горное производство, было уделено в проекте особое внимание. Действующие здесь органы местного управления в лице главного начальника и Уральского горного правления решено было сохранить, ограничив их функции в соответствии с происшедшими изменениями в «общем строе горной области». Прежде этот «полный строй отдельного управления», включавший «особые права и законы по имуществу, состоянию, общественному устройству, полиции, суду... имевший свои горные города и селения, особую военную команду из нескольких батальонов», представлял собой «все элементы особой губернии, во главе которой требовалось специальное административное лицо». Но после реформ начала 1860-х гг. «управление общественное, полицейское и судебное, а также права по имуществу и состоянию» вышли из круга обязанностей горной администрации, которая сохранила в своей компетенции лишь «собственно одно горное дело, т.е. казенные земли с лесами, предназначенными для горнозаводского производства, и самое производство это в разных его проявлениях».

Вместе с тем располагавшиеся на Урале казенные округа, по мнению Комиссии, все-таки должны были действовать «в общей связи и находить один в другом содействие и поддержку». Они по-прежнему «составляли экономическую статью казны» и к тому же были «слишком отдалены от центрального управления», чтобы стало возможным совсем отказаться «от такого лица, которое... сосредоточило бы в себе общий

местный надзор за правильным ходом горнозаводского дела». Поэтому решили сохранить должность главного начальника, делегировав ему часть полномочий Горного департамента по координации деятельности уральских казенных заводов, а также «присвоив ему единоличное право иметь ближайшую наблюдательную и ревизионную власть» и «права командира над всеми служащими на Урале горными инженерами». Эти обязанности должны были реализоваться посредством его ежегодных «личных ревизий» всех казенных округов в регионе, организации совещаний с горными начальниками «о мерах к лучшему устройству разных частей управления и искусственного производства» и представления отчетов министру финансов. Делопроизводство передавалось от ликвидированной канцелярии главного начальника к «подлежащим отделениям» Уральского горного правления, а «в помощь и на замену главного начальника» в случае его отсутствия или болезни сохранялась должность его помощника.

Однако единолично управлять столь сложным и обширным хозяйством, включавшим недвижимое имущество на сумму более 10 млн руб., и оперировать значительными денежными средствами, ежегодно отпускаемыми для казенных заводов, по мнению членов Комиссии, было затруднительно. «Владение и распоряжение таким имуществом и такими суммами, отчетность в них, равно составление планов заводского действия и смет, — полагали они, — не могут оставаться без строгой... местной поверки, которая по обширности и многосложности для единоличного управления невозможна». Эти и другие общие административные функции «благонадежнее было предоставить постоянному учреждению, состоящему из нескольких лиц с правом голоса, чем одному лицу с состоящей при нем канцелярией». В этой связи было предложено сохранить и Уральское горное правление, упразднив его второй, судебный, департамент и ограничив деятельность первого, административно-хозяйственного, «только теми предметами, которые касаются собственно казенного горнозаводского имущества и производства», а также некоторыми обязанностями по частному горному промыслу. Сохранив коллегиальный характер Горного правления, предлагалось в то же время упростить его состав и «устранить всякую излишнюю регламентацию». Главный начальник должен был председательствовать в «общем присутствии» Горного правления, где дела решались бы большинством голосов. Он же выступал бы и председателем во «временном совещательном учреждении» — Уральском горном совете, включавшем членов Горного правления и горных начальников, который рассматривал бы годовые отчеты и определял «круг заводских действий» в наступающем году⁴⁶.

Основной недостаток следующего уровня управления — местного окружного — был определен как «несогласие между правом горного начальника по управлению округом в качестве полного хозяина... и теми ограничениями, которые постановлены для него штатными положениями и подчиненностью главному начальнику в хозяйственных распоряжениях». На практике это «почти уничтожало... власть горного начальника распорядительную, сделав ее только исполнительною». «Находясь в таком положении, — констатировала Комиссия, — он не в состоянии ни расширить производство при явных выгодах, ни уменьшить его при несомненном убытке, ни делать улучшений по технической части, не дозволяемых штатами, ни вообще свободно действовать по правилам горного искусства и сообразно общим экономическим условиям или же современному требованию промышленности». Комиссия признала, что сложившееся положение «не принесло существенной пользы ни развитию горного дела, ни государственной казне, ни даже учету, для которого преимущественно изданы были штатные

положения». Поэтому был сделан вывод о том, что «при большем просторе местных хозяйственных распоряжений и при отсутствии излишней регламентации усовершенствование и развитие горного дела пошло бы быстрее и с большей для казны пользой». Вместе с тем расширение самостоятельности горных начальников должно было сопровождаться усилением их «прямой ответственности» за результаты принятых решений.

На основании этих соображений Горная комиссия признала необходимым «восстановить в лице горных начальников ближайшую распорядительную власть, вверяя ее достойным лицам с необходимым доверием, но под строгим контролем». В этом плане действующие штаты 1847 г. отменялись. За норму как для ассигнования сумм, так и для отчетности принимались ежегодные планы и сметы, которые составлялись особым при горном начальнике советом, в состав которого входили управители заводов «с правом каждому из них представлять свои мнения, предложения и изобретения». Права горного начальника расширялись до возможности назначать служащих, за исключением своих помощников и управителей отдельных заводов, которые по его представлению утверждались высшей властью. Ему предоставлялась также возможность уменьшать или увеличивать содержание своим подчиненным, прибегая даже «к отчислению известного процента с валового дохода». Взамен такого расширения полномочий горного начальника на его «прямую ответственность» отдавались все «хозяйственные статьи управления» и «своевременное и удовлетворительное исполнение казенных нарядов». В случае же, если заводы не получали таких нарядов или их было мало, ему разрешалось «принимать заказы частных лиц или выделять металлы и готовить изделия на вольную продажу с возможно большей выгодой для казны». Обязанности горного начальника «по управлению приграниченными к заводам землями, лесами и угодьями» определялись новым Лесным уставом, проект которого уже обсуждался в особой комиссии при заведовавшем всеми казенными лесами в империи Министерстве государственных имуществ⁴⁷.

Изменения коснулись и власти горных начальников в отношении горнозаводского населения. Вследствие перехода населения в ведение гражданской губернской власти, все инстанции, прежде управлявшие общественным порядком на заводах (горная полиция во главе с горным исправником и полицеймейстером, а также суд), изымались из ведения окружной горной администрации. За ней оставалась лишь функция надзора «за охранением общественного порядка и общественной безопасности».

Прежде исключительной обязанностью горного управления, тоже регулировавшейся Горным уставом, было содержание масштабной социальной инфраструктуры в казенных округах. Теперь, с изданием Положения о горнозаводском населении казенных горных заводов от 8 марта 1861 г., «в видах улучшения связи между заводами и работающими людьми и для поощрения последних к горному труду» учреждались так называемые «горнозаводские товарищества», которым переходили многие ранее лежавшие на горном управлении «попечительские обязанности». Предполагалось, что в эти товарищества войдут все служащие и рабочие крупного завода (или нескольких мелких заводов), которые будут отчислять в особые вспомогательные кассы 2–3% своего заработка. Бюджет товариществ должен был дополняться за счет сумм, вносимых самим заводом и равных совокупной величине этих вычетов. Всеми делами товарищества заведовал попечительский приказ из четырех выборных членов и председателя, назначаемого заводоуправлением. С учетом создания этих общественных органов определялись и полномочия окружного горного управления в отношении учебных

и лечебных заведений, призрения сирот и неимущих, а также «церковного благоустройства».

Ко времени реформы в каждом казенном горном округе действовала система учебных заведений, содержавшихся за счет заводов. В заводских поселках находились мужские и женские начальные, или заводские, школы, в центре округа — окружное училище «на правах уездных училищ». В Екатеринбурге в 1853 г. было открыто Уральское горное училище, сравнимое по статусу с губернскими гимназиями, дающими законченное среднее образование. Учащиеся заводских школ могли поступать в окружные училища, и если показывали там отличные успехи, то переводились в Уральское училище, где подготавливались на должности уставщиков, мастеров и наставников для заводских школ. Остальные выпускники окружных училищ «определялись по письменной части или к другим занятиям по усмотрению начальства».

Комиссия предложила начальные горнозаводские школы содержать на заводские средства «по мере надобности», предоставив членам горнозаводских товариществ право бесплатно обучать в них своих детей, даже «не подлежа за сие обязательной службе на заводах». «По мере надобности» сохранялись и окружные училища «для приготовления учеников к письменной и хозяйственной части по горнозаводской службе». Действующее Уральское горное училище признавалось «не приносящим ожидаемой пользы», поскольку более отвечало общему образованию, чем специальному. В связи с открытием в Екатеринбурге обычной гимназии Комиссия предложила преобразовать это горное училище в реальное, где можно было приобрести «технично-ремесленное образование исключительно для горнозаводских работ».

По действующему Горному уставу, при казенных заводах содержались за счет заводских сумм также госпитали и аптеки, медицинские чины, лекарские ученики, прислуга и комиссар, в ведении которого находилась вся хозяйственная часть лечебных учреждений в округе. Все служащие при заводах, какого бы состояния и звания ни были, имели право на стационарное лечение в госпиталях бесплатно, но с удержанием за это время половины жалованья и всего своего провианта. По проекту нового Устава, эта система врачебной помощи сохранялась для членов горнозаводских товариществ, поскольку соответствовала требованиям Положения от 8 марта 1861 г. В течение двух месяцев больных лечили бесплатно с удержанием всего (для холостых) или части их заработка, и только в случае, если болезнь была «следствием заводских занятий», больной «содержался в больнице за счет завода до совершенного выздоровления». Кроме того, Комиссия сочла возможным «сделать казенные больницы доступными и для посторонних лиц со взиманием с них платы, обычной для больниц гражданского ведомства».

Для призрения неимущих в каждом казенном округе действовали богадельни, куда имели право поступать «больные и неимущие обоого пола, престарелые, увечные, не имеющие пристанища и сироты». Там им гарантировалось «получение пищи и пристойной одежды». Если же в богадельнях не хватало мест, престарелым, увечным и сиротам выдавался бесплатный провиант за счет заводов. Эти заведения, в соответствии с тем же Положением от 8 марта 1861 г., передавались на содержание горнозаводских товариществ и исключались из ведения местного горного начальства.

Наконец, обязанностью казенных горных заводов было содержание православных церквей и церковного причта, который за это бесплатно исполнял все требы «для людей горного ведения». Священно- и церковнослужители к тому же преподавали

в заводских школах. Этот порядок, в соответствии с тем же Положением от 8 марта 1861 г., сохранялся, и статьи о нем были оставлены без изменения в новом Горном уставе «впредь до общего преобразования быта православного духовенства» (проект этого преобразования разрабатывался тогда в особом комитете)⁴⁸.

В контексте принятого Горной комиссией принципа унификации законодательства были представлены и основы управления казенными заводами и промыслами вне пределов Урала с учетом их региональной специфики. Так, особенностью управления крупным Олонецким округом, расположенным в одноименной губернии, было наличие там, наряду с горным начальником, самостоятельного Олонецкого горного правления. Поскольку проект нового Устава не предусматривал «особых в горных округах коллегияльных учреждений, а только временных окружных советов», было предложено сосредоточить управление Олонецкими заводами в руках одного горного начальника с сохранением его подчинения непосредственно Горному департаменту в Санкт-Петербурге. Спецификой Луганского казенного округа в Екатеринославской губернии было наличие каменноугольной отрасли, организованной там с целью проведения опытов выплавки чугуна на минеральном топливе. Поскольку это дополнительное производство «входило в общий круг обязанностей горного ведомства», его организация была отнесена к «области постановлений не законодательных, а административных». В этой связи Комиссия решила не упоминать отдельно об этом округе в проекте нового Устава. Находившийся же в Иркутской губернии казенный Николаевский железодобывательный завод, по мнению членов Комиссии, был «обременителен для казны», поскольку не приносил никакого дохода «по ограниченности размера его действий». Было известно, что обсуждение судьбы этого предприятия в Сибирском комитете (состоял из высших чинов империи и действовал в 1852–1864 гг.) привело к решению продать его с публичных торгов. В октябре 1864 г. Николаевский завод был продан почетному гражданину Н. К. Трапезникову и вышел из числа казенных горных заводов и объектов казенного управления. Совершенствование системы управления Алтайским и Нерчинским округами не входило в компетенцию Горной комиссии, поскольку эти крупнейшие по территории округа принадлежали Кабинету Его императорского величества и находились под его управлением.

Подверглись пересмотру и статьи о так называемой горной страже, предназначенной «для караулов, конвоев и вообще отправления гарнизонной службы по казенным заводам». На Урале эта стража состояла из трех линейных батальонов Отдельного Оренбургского казачьего корпуса, в Олонецком округе ее представляла подвижная инвалидная полурота, а в Луганском — полурота, откомандированная от Славяносербской инвалидной команды. Кроме того, при полиции горных заводов состояла особая конная команда из казаков. Командиром и инспектором уральских батальонов считался главный начальник горных заводов, подчинявшийся в этом отношении командиру Отдельного Оренбургского казачьего корпуса. Когда с 1858 г. Военное министерство начало сокращение нестроевых военных команд, горное начальство тоже признало «излишним и обременительным» содержать за счет заводов (в 1863 г. на это было отпущено 165 тыс. руб.) горную стражу «в таком значительном размере». По соглашению между Министерством финансов и Военным министерством, были сокращены до одного уральские батальоны, упразднена стража на Олонецких заводах, а состав луганской полуроты доведен до одного унтер-офицера и 22 рядовых. «За упразднением горнозаводской окружной полиции» ликвидировали и постоянную казачью команду.

В такой ситуации Горная комиссия предложила осуществлять охрану казенного имущества «через вольнонаемных людей», а часть оставшихся команд горной стражи передать «в полную зависимость от военного начальства», которое, в свою очередь, предлагало вскоре их совсем упразднить⁴⁹.

Порядок казенного надзора за частным горным промыслом

Признание приоритета частного предпринимательства в развитии горнозаводской промышленности и необходимости предоставить ему больше хозяйственной свободы потребовало от Горной комиссии тщательного анализа существующего казенного надзора и продуманной системы мер по его совершенствованию. При этом ее члены, как опытные специалисты, основывались на собственных представлениях, на полученных сведениях от местных горных чиновников и заводчиков, а также на примере европейских стран. Последний, в частности, показывал, что «всюду, где частный горный промысел получил развитие, правительственное наблюдение за производством одного находилось в заведовании особой специальной администрации», хотя пределы ее действий были различны. Так, в Саксонии и Пруссии, где существовала горная регалия, казенный надзор был особенно строгим и осуществлялся независимой от гражданских властей горной администрацией, которая обладала и полицейскими функциями. Во Франции рудники и горные заводы подлежали совместной компетенции гражданской полицейской и горной технической властей, которые могли как приказывать горнопромышленникам исправить недостатки или даже остановить работы в случае опасности для рабочих, так и давать им советы в случае «неправильности в техническом производстве». В Англии, где, как и в России, действовало правило акцессии, горная промышленность пользовалась экономической свободой, и вмешательство государства происходило крайне осторожно в форме «особого надзора через горных инспекторов за безопасностью горнозаводских работ».

Сама суть горного промысла, заключающаяся в добыче и переработке минеральных богатств страны, по мнению членов Комиссии, «ставит его в обязанность идти путем правильным, согласно с видами правительства и потребностями общественными». Этим и обуславливалась нераздельность частного горного промысла и специального надзора со стороны особого горного ведомства. Такой надзор следовало сохранить в России, «определив в точности круг действий и обязанности одного и имея в виду... не препятствовать, а содействовать развитию частной горнозаводской промышленности».

По действующему законодательству, этот надзор осуществлялся путем периодических ревизий частных заводов берг-инспектором (эта должность была в штатах Уральского и Московского горных правлений) и постоянного контроля со стороны заводских исправников (по штатам уральских заводов 1847 г. их было 22, по штатам замосковных заводов — 4; кроме того, 10 «своекоштных» исправников состояли в обоих горных районах «на счет заводчиков»)⁵⁰.

Ревизия берг-инспектора касалась всех сторон деятельности частных заводов и рудников, включая организацию труда и содержание рабочих. Но неясные и неопределенные формулировки в законах, касающиеся методов контроля качества металлов и изделий, а также состояния технических устройств, часто давали повод «к произвольному истолкованию», а данные владельцам рекомендации не были обязательными для них. Комиссия полагала, что «личный интерес и выгоды заводчика» скорее побудят его

вводить технические усовершенствования, чем советы берг-инспектора. Его же функции по наблюдению за горнозаводским населением «с заменой обязательного труда вольнонаемным» должны были прекратиться. Жалобы населения теперь разбирались и решались не горным ведомством, а мировыми посредниками, уездными съездами и губернскими по крестьянским делам присутствиями; условия найма регламентировались особыми правилами, а деятельность социальных учреждений ставилась под общественный контроль горнозаводских товариществ.

«Ближайшее наблюдение» за частными округами осуществляли заводские исправники, которые, в соответствии с Проектом горного положения 1806 г., составляли «низшую инстанцию горного управления» с обширным кругом обязанностей, включая надзор за горнозаводской деятельностью, сбором податей, за содержанием «заводских людей», а также полицейские функции. После крестьянской реформы заводская полиция была упразднена и у исправников временно оставалась лишь обязанность по надзору за «горнозаводским действием». Однако Комиссия пришла к заключению, что эту специальную функцию они не могли выполнять эффективно, поскольку «выбирались исключительно из гражданских чиновников, недостаточно знакомых с искусственной (т.е. технической. — *Е.Н.*) частью горнозаводского производства». «Недостаточность заводских исправников для принесения существенной пользы горному делу по специальности их в оном давно уже сознана на практике», — утверждали члены Комиссии, опираясь на мнения главного начальника уральских заводов и московского берг-инспектора. «Комиссия, — констатировали они, — вполне разделяет такие соображения, имея в виду, что правильный ход частного горного дела и полезное для страны развитие его могут установиться только при содействии лиц, вполне понимающих это дело». Следствием этого стало решение упразднить должность заводских исправников, заменив их образованными горными специалистами. Предлагалось разделить «местности частной деятельности на округа», поставив во главе их окружных инженеров. С 1862 г. два таких инженера уже работали в Замосковном районе⁵¹.

Определение границ новых горно-административных округов зависело от «объемов частной горнозаводской деятельности и пространства самих местностей». По предложениям главного начальника и берг-инспектора, в учреждаемых Уральской горной области (в состав которой входили Пермская, Вятская, Оренбургская, Вологодская и Казанская губернии, где тогда действовало 144 частных завода) можно было образовать десять округов, в Замосковной (в состав которой входили Орловская, Тульская, Нижегородская, Тамбовская, Калужская, Пензенская, Владимирская, Рязанская и Ярославская губернии с 43 заводами) — четыре. На юге России, в Сибири и западных губерниях, где в те годы не существовало специального горного управления «по незначительности горного промысла», Комиссия решила до упрочения новой формы казенного надзора на практике не фиксировать в законе количество округов. Это право было предоставлено министру финансов, который должен был решать вопрос «соразмерно с действительной потребностью впредь до указания опыта».

Функции окружных инженеров ограничивались лишь «специальными, непосредственно до горной промышленности относящимися предметами»: наблюдением за учетом выработки металлов и зависящим от этого определением и своевременным отчислением горных податей; отводом рудничных площадей; надзором за безопасностью работ на заводах и рудниках, для чего инженеры снабжались «подробными и определительными инструкциями»; составлением протоколов по случаям

нарушения горных законов; сбором горнотехнических и статистических сведений; оказанием горнозаводчикам и рудопрмышленникам содействия по горнотехнической части «в случае их желания», а также контролем за исполнением правительственных распоряжений. На посессионных заводах окружной инженер наблюдал еще и «за использованием лесов исключительно на горнозаводские надобности и на удовлетворение потребностей населения по закону». Кроме того, он должен был удостоверить «свидетельства» на залог металлов и в случае необходимости участвовать в судебно-следственном производстве «по делам, до горной промышленности относящимся». Порядок наблюдения включал осмотр инженером всех действующих на территории подведомственного ему округа заводов и рудников «не менее одного раза в год... во всякое время, днем и ночью». О замеченных недостатках (особенно об опасных для людей условиях труда) он должен был сообщать владельцу или управляющему и «требовать отвращения оных» вплоть до привлечения полиции «к удалению рабочих от угрожающей им опасности».

В отношении подчиненности окружных инженеров Горная комиссия высказалась как в пользу предоставления им самостоятельности «при устранении всяких стеснительных административных распоряжений и указаний», так и за необходимость «отчетности и ответственности пред высшим начальством в видах направления надзора за частной горнопромышленностью в разных местностях к одной общей цели, т. е. правильному ее развитию». Комиссия признала необходимым поставить окружных инженеров на Урале в прямое подчинение Уральскому горному правлению в Екатеринбурге, во всех других регионах — Горному департаменту в Санкт-Петербурге, а «для упрочения связи и единства в действиях» разрешить им ежегодно собираться на «советательные съезды». Предлагалось на эту должность назначать только горных инженеров, «приобретших практические сведения в горнозаводском деле», обеспечив «их достаточным от казны содержанием», а на Урале предоставить им право участия в заседаниях Горного правления по делам, касающимся частной промышленности. В итоге получалось, что функции нового института казенного надзора исключали должность как заводского исправника, так и уральского берг-инспектора, а также заменяли обязанности Московского горного правления и его главы — московского берг-инспектора, которые и решено было упразднить⁵².

Отношение к владельческим и посессионным заводам

Прежде чем принимать решения в отношении частных заводов, которым предполагалось посвятить два раздела нового Устава, члены Горной комиссии нашли полезным «обозреть в главных основаниях законодательство государств Западной Европы... и сообразить, в какой степени принятые в них начала могут быть применимы к нашему законодательству, не отступая, впрочем, от своеобразных и нередко исключительных условий нашей горной промышленности». Такое сравнение, как и следовало ожидать, привело к выводу о наличии в России двух «видов» частной горной промышленности — «частного горного промысла на казенных землях и такового же на землях владельческих». По своему правовому статусу первый был сопоставим с горным промыслом во Франции, Бельгии и германских государств, где недра земли являлись достоянием государства и разрабатывались с разрешения правительства на основании известных правил и с уплатой горной подати. Второй «вид» промысла в большей степени соответствовал условиям Англии, где «поверхность и внутренность земли» составляли

нераздельную собственность землевладельца и только от него зависело решение о распоряжении минеральными ресурсами; влияние же горной администрации ограничивалось лишь надзором за безопасностью работ и взиманием «известного процента с получаемой промышленником прибыли». Именно такая полная экономическая свобода была расценена Комиссией как одна из главных причин «обширного развития горного промысла в Англии». На этот образец с учетом разумных требований российских заводладельцев и намеревались ориентироваться реформаторы при разработке законодательства в отношении «частной горной промышленности на полном владельческом праве», которой был посвящен третий раздел проекта Устава.

Признавалось, что действующий в России с 1782 г. принцип акцессии, т. е. принадлежности недр владельцу земли, вполне соответствовал «духу существующих гражданских законов о праве собственности». Его следовало сохранить и в новом Уставе, изменив лишь старую редакцию, содержащую «не совсем удобоприменимые выражения и пояснения». Но по заявлению некоторых заводчиков члены Комиссии сочли необходимым расширить это право и дополнить первую главу «О правах владения по имуществу» статьей, разрешавшей землевладельцу не только отдавать недра земли в пользование другому лицу, но и продавать их. Это мнение нашло больше сторонников, чем точка зрения, выраженная в упоминавшемся выше проекте уральского берг-инспектора А. П. Стрельмана. «Вопрос о том, должны ли минеральные произведения составлять общее или отдельное с поземельной собственностью владение, — писал он, сопрягая право собственности на недра с правом на минеральные ресурсы, — был предметом подробных и глубоких исследований во многих юридических сочинениях и государственных актах и горячих состязаний между замечательными авторитетами Европы. Как ни справедливо в основании, как ни необходимо для успехов горного промысла отдельное от поземельной собственности право над минеральным веществом, оно, однако же, и до сих пор не имеет однообразного применения в западных государствах». В случае введения этого права в России, после того как реформа 1861 г. вызвала значительное увеличение количества собственников земли, берг-инспектор предрекал большие затруднения «в производстве горного промысла»⁵³. Однако члены Комиссии сочли, что введение отдельного права собственности на недра, которыми землевладелец мог столь же свободно распоряжаться, как и поверхностью, не противоречит теории, а на практике позволит ему отчуждать недра своих земель отдельно от поверхности «тем же законным порядком, какой установлен для отчуждения недвижимой собственности вообще», и тем самым не будет препятствовать горнорудному предпринимательству⁵⁴.

Особое внимание было уделено введенному указом от 20 апреля 1762 г. «правилу нераздробимости» горнозаводских имуществ «в общем составе всех своих принадлежностей, как то: земель, лесов, рудников, заведений и пр.»⁵⁵. Делить частные горнозаводские округа можно было и на основе существующего законодательства, но с разрешения горного начальства и лишь в случае, если отделяющиеся заводы «продолжать могли действие свое, независимо от прочих, и без которых остальные из разделяемых заводов совершенно обойтись в состоянии». Такое ограничение в правах, повторенное и уточненное 11 ноября 1836 г.⁵⁶, по мнению членов Комиссии, «клонилось к поддержанию горнозаводского действия в обширных размерах... и при известной связи и зависимости, существующей в производстве горного промысла между различными частями хозяйства... казалось необходимым как для поддержания горного промысла, так и для

сохранения единства в заводском управлении». Однако это правило не только не соответствовало «условиям полного права собственности», но и на деле «оказывало положительно вредное влияние на успехи горнозаводской промышленности», поскольку требовало «постоянного задолжения значительных капиталов, которыми не всегда свободно могли располагать промышленники». Между тем дробление громадных горнозаводских округов (большинство их включало от 200 тыс. до 800 тыс. дес. земли) «могло бы существенно способствовать привлечению капиталов к занятиям горным промыслом и сделало бы его более доступным для частной предприимчивости». Под сомнение была поставлена и жесткая зависимость между различными частями горнозаводского имущества, которую члены Комиссии признали не столь значительной, чтобы она могла служить основанием нераздробимости горнозаводских округов. В доказательство приводились примеры действующих договоренностей заводчиков об использовании одних и тех же рудников, а также опыт Пруссии и Швеции, где металлургия, как и в России, работала на древесном угле, но где не было «громадных промышленных единиц» и недвижимое имущество свободно дробилось, «проявляя при сем богатое развитие горного промысла». Следствием возможности дробления округов становилась отмена введенных в том же 1836 г. ограничений, касавшихся продажи частей общего владения.

Не были проигнорированы и отрицательные отзывы по этому вопросу А. П. Стрельмана и князя С. Д. Абамелека, который, как уже упоминалось, был уполномоченным своего тестя Х. Е. Лазарева. Первый возразил по поводу предложенной Комиссией мотивации введения в середине XVIII в. «правила нераздробимости» и его современной трактовки как нарушения права собственности. Указ 1762 г., со знанием дела пояснял берг-инспектор, «вводил завод как неделимую единицу, равно как и владение заводом или заводами не могло подразделяться между несколькими лицами». Следовательно, цель законодателя заключалась не столько в «поддержании заводского действия в обширных размерах», сколько в «отвращении споров именно в целях охранения права собственности». Он также напоминал о главной исторической особенности организации горнозаводской промышленности в виде замкнутых производственных комплексов — горнозаводских округов, состоявших, как правило, из нескольких заводов. «Настоящий вид наших заводов сложился под влиянием местных условий, — писал он, — и каждый отдельный завод округа, составляя дополнение или вспомогательную часть других, имеет самостоятельность и важное хозяйственное значение только в целой системе округа». «Если нераздельность одного завода по тесной взаимной зависимости между его устройствами составляет в юридическом отношении условие, необходимое и не нарушающее право собственности, то почему же это самое условие в применении к совокупности заводов, также между собой зависимых... становится бесполезным и несправедливым?» — задавался риторическим вопросом А. П. Стрельман. Разрешая дробление заводских комплексов, делал он заключение, Комиссия «создает право мнимое, которое в большей части случаев не может быть осуществлено»⁵⁷.

Князь С. Д. Абамелек, явно находясь под влиянием своего авторитетного тестя, тоже высказался за сохранение «правила нераздробимости», доказывая, что «заводские имения не подходят во многих отношениях под условия имений земледельческих» и их дробление при разделе или продаже может нанести вред не только наследникам и покупателям, но и «бесчисленному множеству мастеровых людей и государственному хозяйству вообще». Эти выводы, видимо, были сделаны Х. Е. Лазаревым после его

многолетней борьбы со своим братом Л. Е. Лазаревым за право единоличного владения их Пермским имением с Чёрмоозскими заводами⁵⁸. Как и А. П. Стрельман, авторы этого мнения предлагали ограничить «право полного распоряжения заводскими имениями» некоторыми условиями, которые бы предотвращали возможный вред от их дробления⁵⁹.

Однако остальные заводчики, участвовавшие в работе Комиссии, находили, что «охранительное разумение каждого собственника достаточно ограждает нужную для хозяйства цельность имения, не допуская дробить их в таких непроизводительных условиях, при коих ограничивалась бы ценность сих имений». Признавалось, что некоторые горнозаводские округа действительно не могли быть разделены без ущерба «заводскому действию», но эти случаи не давали основания сохранять общее для всех «правило нераздробимости», тем более что его исключение из Устава не отнимало права сохранять цельность горнозаводского имения «по усмотрению и взаимному соглашению владельцев». Возражая оппонентам, члены Комиссии указали еще на то, что значительный вред в хозяйственном отношении представляют скорее не столько дробящиеся имения, сколько те, которые остаются в нераздельном владении «размножившихся и составляющих уже разные семьи наследников одного бывшего владельца». Имелись в виду, вероятно, известные случаи конфликтов между действительно многочисленными совладельцами старейших на Урале Невьянских заводов наследников П. С. Яковлева⁶⁰.

Любопытны и аргументы Комиссии (скорее всего, сформулированные составителем раздела о частных заводах Н. И. Михайловым) относительно возможности дробления округов по отраслевому принципу. «Нигде не требуется, чтобы для мнимого обеспечения производства источники сырого материала и завод, обрабатывающий его, принадлежали непременно одному и тому же лицу, — было записано в возражениях Комиссии на отзыв С. Д. Абамелека, — напротив, разделение труда признается наиболее производительной силой. Владелец рудника будет находить выгодным сбывать руду, а завод приобретать ее, и это есть самый обыкновенный путь, на котором сходится всякая промышленная сделка... Желательно, чтобы оставлены были устаревшие понятия о недробимости горнозаводских имений... и только на этом разовьется у нас настоящее коммерческое горнозаводское производство, стесняемое ныне антиэкономическими условиями»⁶¹. В результате обсуждения Комиссия «признала полезным отменить правило нераздробимости горнозаводских имений и подчинить их в отношении раздела и продажи общим гражданским законам»⁶².

Было сохранено уже зафиксированное в законодательстве право заводовладельца распоряжаться «произведениями горного промысла» вплоть до продажи их за границу в соответствии с существующими «таможенными постановлениями». Исключение составляли только драгоценные металлы: в России действовали особые правила, по которым золото и серебро должны были сдаваться на Санкт-Петербургский монетный двор по установленным «передельным ценам». Но это правило признали не обязательным, а зависящим от требований казны, которая могла позволить заводчику «употребить сии металлы и по его собственному распоряжению».

При обсуждении второй главы «О горнозаводском производстве» Комиссия высказалась в пользу уже действовавшего исключительного права заводовладельца на поиск и передачу права поиска минералов в принадлежавших ему землях, «не испрашивая для сего разрешения горного начальства». Решено было упростить порядок заявки

об открытии нового рудника и форму договора между землевладельцем и арендатором рудника. Прежде заявка подавалась в местное Горное правление «для сведения». Она составлялась по особой форме с планом и описанием рудника, затем эти сведения проверялись заводским исправником, после чего выдавалось свидетельство на право владения. Передавая рудник для разработки другому лицу, владелец «непременно обязан был сделать по договору отвод» и доставить его план в Горное правление. Этот порядок был расценен как «довольно сложный, немало задерживающий ход дела» и совсем не связанный с «казенным интересом». Комиссия сочла возможным ограничиться частным соглашением владельца с открывателем или арендатором рудника и информированием об этом окружного инженера. Таким образом, полагали члены Комиссии, «будет значительно сокращен порядок заявки и отвода площадей к рудникам на землях частных владельцев, и правительство будет всегда иметь возможность удобнее, нежели до сих пор, следить чрез посредство окружных инженеров за развитием горного дела в России».

Благодаря настойчивости заводчиков были существенно увеличены сроки аренды «горнозаводских имуществ», которые по существующим узаконениям не должны были превышать 30 лет (только башкирские земли допускалось взять в аренду на срок до 70 лет). Приняв во внимание то, что «разработка рудника зависит от степени его благонадежности и может быть производима в течение весьма продолжительного времени и что для устройства горного завода необходимо... задолжение значительного капитала», Комиссия предложила «в видах предупреждения преждевременного истощения рудников и для обеспечения промышленников в устройстве горных заводов на землях владельческих» допустить заключение арендных контрактов «на всякие сроки до выработки полезного ископаемого, но не свыше 99 лет».

По действовавшему законодательству, само металлургическое производство в отношении «хозяйственной и искусственной части» было предоставлено «полному усмотрению заводовладельцев». Но они должны были своевременно уведомлять Горное правление не только об открытии новых предприятий для назначения предусмотренного законодательством десятилетнего «льготного срока» в платеже горной подати, но и «о каждой перемене заводского действия с присоединением всех сведений, которые Горному правлению иметь предписано». Признав «основательность правил уже существующего свободного распоряжения владельцем горнозаводским производством», члены Комиссии высказались за облегчение сбора статистических сведений. Вполне сознавая всю важность горно-статистических материалов, они отметили в то же время, что исполнение заводовладельцами этой обязанности, «излишне обременяя их, принимает характер одной формальности и нимало не подвигает вперед успехов горной статистики». «Частной горнопромышленной статистики в строгом смысле слова у нас почти не существует, — ответственно заявляли чиновники, — и горная промышленность разработана в статистическом отношении менее, нежели какая-либо другая отрасль промышленности». В этой связи признали необходимым освободить заводовладельцев от обязанности доставлять Горному правлению подробные статистические сведения с планами заводов и передать их составление окружным инженерам. Десятилетнюю же льготу в платеже горной подати, предоставляемую новым предприятиям, было решено не только сохранить, но и удвоить срок ее действия «в таких местах, где до сего времени вовсе не существовало горного промысла или где этот промысел учрежден будет вновь на минеральном горючем материале», как это уже допускалось в Екатеринославской губернии и «киргизских округах» Западной Сибири.

Наконец, из Горного устава предлагалось исключить правила об устройстве частных оружейных фабрик и о поставке казне оружия, которые, как заявили члены Комиссии, «в продолжении более полувека на практике применяемы не были». Поскольку производство вооружения на частных заводах могло осуществляться только по заказам военного ведомства, было решено общие правила отменить, заменив условиями этих заказов, которые «всякий раз могли определяться по соглашению военного ведомства с промышленником, принимающим на себя поставку оружия»⁶³.

Четвертый раздел проекта был посвящен решению судьбы посессионных горных заводов. В Объяснительной записке члены Комиссии представили свое видение истории посессионного права и отношение к нему. По их заключению, посессии в России «возникли в то время, когда правительство стремилось создать промышленность широкими поощрительными мерами за недостаток самостоятельной частной предприимчивости». К числу таких мер были отнесены «обильное снабжение заводов всеми средствами, необходимыми для производства горнозаводского дела, ограждение от иностранного соперничества долгим запретительным тарифом, неоднократное вспомоществование значительными денежными ссудами от правительства, постоянно заботившегося о поддержании в них горнозаводского действия в обширных размерах».

Особо значимыми для многих предпринимателей, начавших в XVIII в. возведение заводов, стали так называемые «вещественные казенные пособия», или посессии, в числе которых были и обширные отводы казенных земель, «заклучавших в себе обильные запасы минеральных и лесных богатств». Правительство также «передавало им устроенные казенно заводы и казенных людей на крепостном праве и положило основание тому особому виду частного владения, из которого возникло и развилось посессионное право с его условиями и обязанностями». Перечень пособий, напомнили члены Комиссии, был определен при проведении второй министерской реформы в 1811 г. К ним тогда отнесли «пособия в людях, землях, лесах и рудниках». Особым «правовым пособием» стало признание права посессионеров «владеть заводом и при оном крепостными людьми, не имея права дворянства». С помощью казенных пособий посессионные заводы были «поставлены в положение, вполне обеспечивающее их преуспеяние».

Но «при избытке материальных и других средств» посессионеры в то же самое время оказались «в значительной зависимости от правительства во всех действиях и распоряжениях данными им средствами, как принадлежностью казны». При проведении очередной реформы горного управления был составлен уже упоминавшийся Проект горного положения 1806 г., который вводил многочисленные ограничения в распоряжение посессиями и устанавливал над пользовавшимися ими заводами своего рода казенную опеку. «Весь... сложный правительственный контроль имел целью побуждение к поддержанию производства именно в тех размерах и условиях, кои были заранее предначертаны, — разъясняли члены Комиссии. — Такие понудительные меры вполне соответствовали потребностям времени и видам правительства, находившего в них не только ограждение промышленности от упадка, но и поддержание доходов казны и верное обеспечение быта бывшего прикрепленным к заводам населения, находившего в горнозаводском труде главнейший и по большей части единственный источник своего существования». Однако с течением времени «к обеспечению успехов промышленности, кроме понудительных со стороны правительства путей, явились более сильные побуждения», заключавшиеся в «личных выгодах и расчетах промышленников». Кроме того, отмена крепостного труда должна была повлечь за собой «устройство всего

горнозаводского хозяйства на совершенно новых началах, требующих большей свободы в распоряжении заводским имуществом».

В новых условиях «самые коренные начала» посессионного права, «находившиеся до сих пор в соответствии с прежним экономическим бытом и правительственными соображениями», представлялись уже «не совсем согласными с нынешними потребностями промышленности и необходимою для успешного развития ее свободой действий». Поэтому Комиссия сочла «самым действенным средством побуждения заводчиков к правильному употреблению данных им от казны пособий обращение посессионных горнозаводских имений в полную собственность владельцев, с правомерным соблюдением как казенных, так и частных интересов». Согласование этих интересов привело к идее, видимо подсказанной крестьянской реформой, о выкупе посессий заводчиками у казны. Реализация этой идеи потребовала от Горной комиссии подготовки особого законопроекта (см. разд. 1 гл. III). При этом предполагалось, что выкупная операция займет много времени, в течение которого следовало бы предоставить посессионным заводам «по возможности более свободы... и сообразовать законоположения по сей части с действительными потребностями и пользою горного промысла»⁶⁴. В этой связи были определены «важнейшие условия владения» посессионным горнозаводским округом, которые должны были действовать до окончания выкупной операции.

Судя по составленной частной записке представителя посессионеров Д. А. Огородзинского, обсуждение этого предмета началось в марте 1863 г. с важного вопроса о правах заводчиков на минеральные ресурсы посессионных земель. Выяснилось, что, по действующему законодательству, эти ресурсы оказывались под влиянием «двух разнородных прав»: частью состояли в распоряжении заводчиков под наблюдением казны, частью в распоряжении самой казны. Посессионеры пользовались исключительным правом на поиск и разработку драгоценных металлов (с 1824 г.) и так называемых «профильных минералов», т. е. руд тех металлов (в первую очередь железа и меди), для выделки которых строился завод. Остальные минералы считались собственностью казны, и право на их поиск и разработку предоставлялось как заводовладельцам, так и всем желающим на общем основании. Такое разграничение в праве распоряжения рудами в совокупности с природными особенностями месторождений, сочетавших, как правило, различные минералы, оказывало неблагоприятное влияние на развитие горнодобывающей отрасли. С одной стороны, посессионеры «не могли развивать своей деятельности сообразно естественным минеральным богатствам отведенных казенных земель без особого на то распоряжения», с другой — «посторонняя предприимчивость не имела возможности заниматься в сих землях поиском и разработкой руд других металлов». Такое положение было признано ненормальным, требующим иного порядка недропользования, который устранял бы означенные препятствия.

Звучали и голоса «консерваторов», например того же берг-инспектора А. П. Стрельмана. В своем проекте он, в частности, утверждал, что «посессионные заводы приносят казне такой ничтожный доход по сравнению с естественными богатствами, предоставленными в их безвозвратное пользование, что не может быть никакого повода к изменению... закона и к предоставлению посессионным владельцам всех вообще минеральных произведений, которые могут быть открыты в данных им наделах для определенного производства». «Без сомнения, — писал он, — владельцы посессионных заводов всегда будут иметь преимущество перед прочими конкурентами, но казна, сохраняя за собой право собственности, должна иметь полную возможность отвращать монополию

и управлять разработкой минеральных произведений в посессионных землях с большей для общественной потребности пользой»⁶⁵.

Тем не менее, Комиссия сочла невозможным оставить в прежнем виде «двойственный» порядок недропользования, затруднявший развитие горного промысла в посессионных имениях. Сначала было предложено оставить посессионерам только те рудники, которыми они уже владели и которые будут открыты в течение трех лет со дня издания нового Устава. По предложению Н. И. Михайлова, «по миновании этого срока» все другие месторождения (кроме золота) предоставлялись в пользование желающим их разрабатывать на общем основании. Но присутствовавший тогда в Комиссии в качестве временного члена главный начальник уральских заводов Ф. И. Фелькнер подал особое мнение, в котором доказывал, что такое решение «лишит посессионеров ныне принадлежавших им законных прав и нанесет существенный вред интересам этих главных на поприще горнозаводской промышленности деятелей». Его мнение было отвергнуто Комиссией, но после вызова заводчиков и обсуждения их предложений члены Комиссии «убедились в его целесообразности». Особую роль сыграла обстоятельная записка графа А. А. Стенбок-Фермора, представленная в Комиссию в марте 1864 г., в которой доказывалась бесосновательность и вред «открытия посессионных дач посторонним лицам для горного промысла». «Не подлежит сомнению, — писал будущий владелец посессионного Верх-Исетского округа, — что когда заводчикам будет предоставлена полнота прав на недра земли, то они, побуждаясь личным интересом, который служит самым надежным двигателем в делах промышленности, усилят, по возможности и полезной надобности, поиски и разведки в заводских дачах как собственным своим иждивением, так и через посторонних, вполне благонадежных людей, с которыми войдут в выгодные с обеих сторон соглашения; а это будет способствовать к усилению развития частной горной промышленности без вреда чьим-либо ранее приобретенным правам и без нарушения освященных законом и временем условий посессионного владения»⁶⁶.

Убежденные его аргументами и аналогичными мнениями других заводчиков, члены Комиссии постановили, что нарушение «основных прав, предоставленных законом посессионным заводовладельцам... могло поколебать спокойствие владения и возбудить в посессионных землях беспорядки и столкновения, а также было несовместно с правом на прииск и разработку золота», принадлежавшим исключительно заводовладельцам. Ввиду этого Комиссия предложила именно посессионерам предоставить право на поиск и разработку всех полезных ископаемых в отведенных землях «на том же основании, на коем им ныне предоставлена добыча руд того металла, для выделки ко-его была первоначально отведена к заводу земля». Предполагалось, что посессионеры, от которых теперь будет зависеть предоставление права на поиск и разработку минералов, «в видах собственных своих интересов сделают дачи их заводов доступными для посторонней рудопромышленности», руководствуясь правилами отвода и проведения рудничных работ на свободных казенных землях⁶⁷.

Другой важный ресурс — леса посессионных заводов — по действующему законодательству находился «в заведовании горного начальства»: оно осуществляло дополнительные отводы в случае истощения лесов; проводило их «уравнение» (т. е. перераспределение) между заводами; утверждало ежегодные объемы рубки, определявшиеся не столько потребностью заводов, сколько «в видах охранения приписанных лесов для заводского действия на вечные времена». Члены Горной комиссии согласились с тем,

что казенный контроль «не в состоянии был, по недостатку необходимых для сего средств и вследствие местных условий, предохранить леса во многих случаях от расстройств», а потому его усиление «едва ли привело бы к более существенным последствиям».

«Побудительнейшую причину к сохранению отведенных к заводам казенных лесов надлежит искать теперь не столько в казенном надзоре и стеснительной, останавливающей производство регламентации, сколько в собственном интересе заводчиков», — решили члены Комиссии. Необходимо было только твердо придерживаться буквы закона от 18 марта 1863 г., запретившего впредь безвозмездные отводы казенных лесов к заводам и тем самым предупредившего появление новых посессионных имений в европейской части России и на Урале. «Ввиду могущей наступить нужды, которой уже правительство не поможет новым отводом, — рассуждали они, — посессионные заводчики озаботятся о сохранении лесов и определении размеров потребления топлива... точно так же, как всякий собственник... заботится о сохранении своего достояния. Такое побуждение сильнее всякого внешнего надзора заставит заводчиков беречь как старый лес, так и молодые его поросли, вводить усовершенствования, более экономические средства углежжения и вместе с тем стремиться к отысканию каменного угля». При этом сочли необходимым сохранить запрет на продажу леса и использование его «на всякие другие цели, кроме горнозаводского действия того округа, к которому лес отведен, и отпуска местному населению для топлива и построек», чем и должен был ограничиваться казенный надзор за посессионными лесами.

С расширением прав посессионеров в пользовании лесом были сопряжены и сделанные Горной комиссией предложения об отмене ограничений в распоряжении самими металлургическими предприятиями. Прежде эти ограничения заключались в необходимости санкции горных властей на постройку или закрытие завода, а также на увеличение или уменьшение его производительности. Эти меры «клонились к сбережению казенных лесов от истребления чрез несоразмерное с количеством их распространение горнозаводского производства, к ограждению интересов казны», а также «к обеспечению быта крепостных горнозаводских людей», лишавшихся работы в случае сокращения или прекращения «заводского действия». Однако с изменением «гражданского быта» заводского населения и его землеустройством по реформе 1861 г. а также в связи с предусмотренными переменами в распоряжении посессионными лесами существующие ограничения утрачивали свое значение. «Понуждение производить непременно в известном размере, вопреки всем средствам и обстоятельствам владельца, не только не может служить обеспечением к правильному употреблению производительных сил имения, но, напротив, ведет сие последнее к окончательному расстройству», — утверждали члены Комиссии. Они предложили «все внутренние горнозаводские операции и хозяйственные соображения об умножении печей, горнов и машин и введении новых заводских устройств» предоставить на усмотрение заводчиков без вмешательства горного начальства.

Был рассмотрен и случай вынужденного прекращения посессионером заводского производства «вследствие общего промышленного кризиса или частного своего расстройства». Чтобы обеспечить интересы казны, предоставившей посессию «для производительной цели», а также «оградить права и интересы владельца, затратившего на устройство завода значительные капиталы», предусмотрели пятилетний срок, в течение которого завод мог оставаться закрытым «без нарушения прав владельца

на посессию». Если же по истечении данного срока действие предприятия не возобновлялось, то эти права прекращались и заводское имение, поступив в казенное управление, назначалось в публичную продажу на том же посессионном праве.

Наконец, был признан нецелесообразным и принцип «нераздробности» посессионных горнозаводских имений, который уже обсуждался в Комиссии по отношению к владельческим заводам. Особенно ввиду предстоящего выкупа посессий, «удоборазделяемость» обширных посессионных горнозаводских округов, по мнению членов Комиссии, могла бы «облегчить переуступку права на них, возвысить их ценность и производительность, а вместе с тем усилить и доход казны». Однако, для того чтобы «не нарушить самую цель посессии, т. е. горное производство», следовало сохранить казенный контроль, в частности «право и возможность горного ведомства решать, в какой мере посессионный горнозаводский округ, впредь до выкупа, может дробиться без нарушения интересов казны». Лишь это «ограничение», заключавшееся в необходимости получить предварительное согласие министра финансов, отличало посессионные заводы от владельческих, поставленных «в отношении переукрепления и раздела» под действие общих гражданских законов⁶⁸.

Забегая вперед, отметим, что еще один — восьмой — раздел проекта Горного устава непосредственно касался всех частных заводов и промыслов: он был посвящен порядку найма рабочих. В этот раздел включили без изменения правила о найме, разработанные в Горной комиссии и утвержденные 4 июня 1862 г. в качестве приложения к 39-й статье Дополнительных правил о приписанных к частным горным заводам людях от 19 февраля 1861 г.⁶⁹ Как сообщал один из ее членов, правила о найме были составлены «на основании существующих в Бельгии по этому предмету постановлений» с некоторыми дополнениями. Они устанавливали, что на горные работы могут поступать все «свободные люди русские и иностранцы» по добровольным условиям на общих основаниях, но с учетом некоторых особенностей. В частности, сохранялось положенное в основу реформы 1861 г. деление людей на мастеровых (занятых на «технических заводских и рудничных работах») и сельских работников (исполняющих вспомогательные работы). В связи с особой тяжестью горнозаводских работ вводились половозрастные ограничения: на работы могли наниматься «малолеты и подростки» в возрасте 12–18 лет лишь с согласия родителей; дети до 15 лет и женщины могли работать только днем, на рудниках — «только на поверхности, а не внутри оных» и не более восьми часов в сутки. Главные условия найма, прописанные в индивидуальных или коллективных договорах, включались и в «расчетные книжки», которые выдавались каждому работнику для записи заработной платы, вычетов и наград и, кроме того, как решили члены Комиссии, могли служить «видом для свободного проживания в горнозаводских округах».

«Для упрочения связи между заводами и работающими людьми и для приобщения их к горному труду» предусмотрели возможность создания и на частных предприятиях горнозаводских товариществ, которые «имели целью попечение о рабочих в болезнях, старости и при домашних несчастиях, призрение вдов и сирот, распространение нравственности между горнорабочим населением, успешнейший разбор возникающих по работам несогласий и вообще меры для благосостояния... полезные». Товарищества учреждались «по обоюдному попечению и соглашению заводладельцев и работающих людей» по правилам, разработанным для казенных заводов, с той лишь разницей, что попечительства здесь были добровольными и их председатели назначались

заводовладельцем. Если же горнозаводское товарищество на предприятии не учреждалось, то заводчик обязан был содержать имевшиеся там больницы за свой счет «с предоставлением ему права за пользование и содержание больных из числа нанявшихся у него в работы взимать плату не свыше той, которая установлена таксами для больниц ведения Приказа общественного призрения». Больных же, «получивших увечье и другие повреждения на заводских или рудничных работах», полагалось «содержать заводам безвозмездно до выздоровления». Об учебных заведениях в частных округах должны были заботиться соответствующие государственные ведомства или общественные организации⁷⁰.

Условия для частного предпринимательства на казенных и общественных землях

Пятый и шестой разделы проекта Горного устава поясняли условия для развития частного горного промысла на казенных и общественных землях. К первым относились так называемые «свободные», или «пустопорожные», земли, находившиеся в управлении разных казенных ведомств, но не использовавшиеся ни этими ведомствами, ни крестьянскими обществами; земли, приграниченные к казенным горным заводам, но им «не нужные или излишние», а также земли, составлявшие «оброчные статьи» разных казенных ведомств, т. е. сдаваемые в аренду. Действующие постановления относительно использования этих земель «на горнозаводские надобности» были расценены членами Горной комиссии как «изложенные не с полной определенностью и не по одним твердо принятым началам». Смыслом разработки новых правил стало приведение их «к надлежащему единству в степени применения к различным местностям России, кои в порядке управления подчинены общим законам империи», а также создание более широких возможностей для предпринимателей по использованию минеральных богатств казенных земель с целью развития горной промышленности.

Еще 12 декабря 1859 г. при утверждении правил добычи частными лицами золота на казенных землях Государственный совет предписал министру финансов и министру государственных имуществ, в чьем ведомстве находились эти земли, обсудить «общие основания для разрешения рудопромышленникам поисков и разработки на казенных землях разного рода металлов и минералов, кроме золота». Как следует из Объяснительной записки, после получения «соображений» на этот счет от Министерства государственных имуществ Горная комиссия составила «первоначальный проект правил как в отношении производства на казенных землях собственно рудного промысла, так и в отношении устройства на них горных заводов». Эти правила и были включены в проект Горного устава⁷¹.

Предварительный анализ действующего законодательства привел к заключению, что в нем не был ясно определен даже круг лиц, которым разрешалось заниматься поисками и разработкой полезных ископаемых. Согласно одним статьям Устава 1857 г., это право предоставлялось каждому, согласно другим — были некоторые исключения (например, такого права не имели чиновники, состоявшие на службе в сибирских губерниях, и их жены, а также ссыльнокааторжные). Добыча же драгоценных камней в казенных землях Пермской и Оренбургской губерний принадлежала только императорским Екатеринбургской и Петергофской гранильным фабрикам. Члены Комиссии полагали, что «горный промысел не включает в себе никаких особенностей, которые бы делали необходимым, чтобы право заниматься им предоставлено было только

некоторым сословиям государства», тем более что по Положению о пошлинах за право торговли и других промыслов от 1 января 1863 г. право заниматься промышленным и торговым предпринимательством давалось всем русским подданным⁷². Более того, по мнению Комиссии, не должны были отстраняться от этого и иностранцы⁷³.

Правила об извлечении руд, ископаемых углей и драгоценных камней составили первую главу пятого раздела проекта Устава и были распределены на пять «отделений», соответствовавших различным горным операциям. Первоначальный «поверхностный геогностический обзор» местности, не связанный с какими-либо земельными работами, разрешили проводить «без испрошения на то особого разрешения правительства, бесплатно и без ограничения пространства местности, подлежащей исследованию». Поиски, «сопряженные с подземными работами», уже требовали такого разрешения, но его получение было предложено облегчить, предоставив право решать этот вопрос не министру финансов, как было прежде, а «тому местному управлению, в ведении которого состояли казенные свободные земли». Управления лишь обязывались сообщать об этом горным властям «для сведения».

Следующим шагом была так называемая «заявка» открытого месторождения, представлявшая собой важный акт, от которого зависело получение «узаконенного отвода площади для разработки». Эту операцию было решено осуществлять по примеру «заявки золотоносных россыпей». «Тридцатилетнее существование золотопромышленности, — полагали члены Комиссии, — уже выработало... много таких постановлений, которые на практике оказываются весьма удобоприменимыми и могут с пользою быть приложены и к рудопромышленности». Прежде всего, следовало обозначить месторождение «особым знаком, состоящим из глубокой ямы и глубоко вкопанного столба с вырезкою на нем первоначальных букв имени заявителя и времени постановки столба», а затем — написать заявку по особой форме в «выданной на сей предмет полицейскому управлению шнуровой книге». Это управление уведомяло о сделанной заявке горное управление, а сведения о заявке публиковались в местных губернских ведомостях.

Комиссией была введена новая операция — разведка рудного месторождения, относительно которой в действующем законодательстве не имелось постановлений. Она требовалась «для ближайшего дознания свойств заявленного месторождения и исследования его характера, а равно и для указания наиболее выгодного расположения площади отвода». Первооткрывателю было предоставлено право, «буде пожелает», проводить разведочные работы на одну версту во все стороны от заявочного столба в течение двух лет со дня заявки. Этот срок сочли достаточным «для определения направления и степени благонадежности месторождения». Если после истечения этого срока не последовала бы просьба на отвод, то прежняя заявка утрачивала силу, и публиковалось объявление о том, что заявленная местность является вновь свободной для заявок.

«Допуская в казенных землях беспрепятственное развитие частной горной промышленности», члены Комиссии в то же время сочли необходимым во избежание захвата земель производить отвод под разработку только после освидетельствования «произведенного открытия» командированным от горного управления отводчиком в присутствии самого открывателя (или его поверенного) и депутата от местного управления государственных имуществ, в ведении которого находилась казенная земля. Действующие правила отвода земли под разработку было решено сохранить и в проекте нового Устава. Они допускали для всех рудных месторождений получение

участка площадью от $\frac{1}{4}$ до 1 кв. версты, что, как считалось, было «совершенно достаточно для устройства правильных горных работ в большом размере». На отвод составлялись план и описание по особой форме и выдавался «владенный акт». Составление этого акта предлагалось передать горному ведомству, в функции которого сохранялось и дальнейшее наблюдение за рудничным отводом, становившимся в этом случае «особого рода горным имуществом». Полученная земля переходила во владение горнопромышленника «до совершенной выработки месторождения или прекращения разработки»: он мог возводить на ней жилые здания и хозяйственные сооружения, которые считались его собственностью, а также имел право передавать землю по наследству или «переуступать другому на законном основании».

По действующим правилам о разработке полезных ископаемых, в обязанность горнопромышленнику вменялась добыча не менее 100 пуд. руды в год в качестве гарантии того, что «богатства земные, отданные кому-либо для разработки, не лежали сокрытыми, но были бы действительно разрабатываемы». Члены Комиссии сочли, что такое «ничтожное количество руды... весьма недостаточно и дает возможность захватывать большое количество месторождений при самой незначительной их разработке». Но с другой стороны, они признали и вероятность остановки работ на продолжительное время по непредвиденным причинам, например при затоплении рудника. Поэтому «для устранения сих неудобств» было решено обязать предпринимателей вести постоянную разработку месторождения с тем, чтобы «в продолжение каждых трех лет добывалось из выработок не менее 12 куб. саженей полезного ископаемого или окружающей его пустой породы». «Внутреннее рудничное хозяйство» Комиссия отдавала «усмотрению самого промышленника» при условии безопасности работ, осуществляемых под наблюдением окружного инженера. В случае полного прекращения работ горнопромышленник имел право имущество рудника перенести или продать, а землю вернуть тому ведомству, которому она прежде принадлежала. За отвод казенной земли и право разработки в пользу этого ведомства взималась «поземельная оброчная плата», норма которой составляла 30 коп. серебром в год с десятины. Если же доходность земли до отвода превосходила эту сумму, то плата назначалась «по оценке, соразмерно приносимому землей доходу». Особую плату (так называемые «попенные деньги») промышленник должен был внести и за казенный лес, необходимый ему для работ⁷⁴.

Отдельные правила действовали в России для частного рудного промысла на землях, приграниченных к казенным заводам. Искать руды и разрабатывать их мог каждый желающий, но поставлять руду разрешалось только на тот завод, в отводе которого располагался рудник, «с получением за то установленной платы». Горнопромышленник также мог передать свое право казне «за узаконенное вознаграждение». По сведениям Горной комиссии, площадь таких земель составляла 4873 185 дес. (включая 4422 447 дес. на Урале). Эти обширные территории содержали «обильные запасы минеральных произведений», и, по мнению членов Комиссии, необходимо было «принять надлежащие меры, чтобы богатства эти не оставались напрасно сокрытыми». Для этого предлагалось открыть их для частного горного промысла на тех же основаниях, «кои установлены на сей предмет для земель казенных свободных». Члены Комиссии надеялись, что это повлечет за собой открытие новых или восстановление заброшенных рудников, а возникающая конкуренция приведет к удешевлению руды, в результате чего казенные заводы получат возможность выгодно покупать ее вместо разработки «на собственный счет». Проведенные расчеты показали, что уральским казенным

заводам принадлежало 65 действующих и 185 запасных рудников, а олонекским — 54 и 455 рудников соответственно. Все они находились «в первом периоде разработки» и содержали обильные запасы руд, вполне обеспечивавшие работу заводов. В целях же «ограждения заводов от истребления необходимого им для действия леса» постановили ограничить рудопромышленника правом пользоваться на территории отвода только валежником, «не касаясь ни мало до стоячего леса», а для горных работ покупать лес «за попенные деньги».

В казенных же землях, составлявших «оброчные статьи» различных ведомств, Комиссия сочла возможным допустить частный горный промысел на общих основаниях, но при условии получения разрешения от того управления, в ведении которого находилась «оброчная статья»⁷⁵.

Отдельная глава проекта Горного устава потребовалась для изложения условий по устройству на казенных землях частных горных заводов. В соответствии с Проектом горного положения 1806 г., горному начальству предписывалось «стараться распространять металлургические заводы, умножая их количество» и для этого «давать частным людям позволение учреждать новые заводы, назначать им нужные леса и земли и делать им в сих случаях вспоможение». Разрешал постройку завода только министр финансов по заключению Горного правления, «ежели найдет оный полезным для казны». «Получив от казны пособие в землях или лесах», заводчик обязывался в пятилетний срок ввести в действие завод и мог им владеть на посессионном праве. Но, как уже упоминалось, 18 марта 1863 г. были утверждены новые правила для снабжения частных горных заводов лесами: безвозмездный отвод отныне заменялся передачей заводчику лесного участка в 48-летнее пользование с ежегодной уплатой определенной суммы, не менявшейся в течение всего этого срока⁷⁶. Условия посессии, таким образом, заменялись арендным правом.

Ввиду отказа от дальнейшего распространения посессионного права в европейской части России и на Урале, Горная комиссия сохранила эти правила в силе, предоставив заводчику возможность на такой же срок арендовать и казенную землю «под устройство завода» с правом возобновления аренды после истечения этого срока или же приобретения земли в собственность путем «покупки по оценке». Представлялось, что площадь участка для строительства завода «со всеми следующими к нему техническими и хозяйственными принадлежностями» можно ограничить 3 кв. верстами. Все эти вопросы предлагалось решать на уровне местного горного начальства при участии депутата от местного же управления государственных имуществ. Поскольку «даровых от казны пособий» при возведении нового горного завода не предусматривалось, то по платежу податей и «в отношении распоряжения заводским действием» такой завод приравнивался «к разряду заводов, состоявших на полном владельческом праве» и, как и рудник, мог принадлежать «лицам всех состояний, как русским подданным, так и иностранцам».

Применение этих правил к территории Восточной Сибири, на которую действующий Горный устав ранее не распространялся, потребовало согласования не только с Министерством государственных имуществ, но и с региональным начальством. Для развития металлургии в этом обширном регионе указом от 9 октября 1862 г. повелевалось обсудить вопрос о необходимости поощрения там «частной предприимчивости». В обсуждении приняли участие исполняющий должность генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсаков и военный губернатор Забайкальской области Е. М. Жуковский,

предложившие варианты льготных мер, которые частично совпадали с уже разработанными Горной комиссией правилами для заводов Европейской России и Урала. Эти изложенные выше правила решили распространить и на заводы Восточной Сибири с некоторыми дополнениями. Так, льготный период освобождения от уплаты горной подати увеличивался для основанных там заводов с 20 до 30 лет. С согласия Министерства государственных имуществ, промышленникам, которые устроят заводы в течение 10 лет со дня издания новых правил, 24 года разрешался бесплатный отпуск казенного леса «под условием употребления оного исключительно на заводское действие»⁷⁷.

Кроме казенных земель, в России имелись еще и так называемые «общественные земли», которые принадлежали обществам проживавших на них людей. Это, в частности, были земли, отведенные казенным селениям и «сибирским инородцам», земли «сибирских киргизов и внешних округов Семипалатинской области», земли «киргизов Оренбургского ведомства», башкир и различных казачьих войск. Действующие горные законоположения относительно этих территорий содержали существенные различия «в главных своих основаниях» и «по отсутствию в них твердых и единообразных начал» оказывали, по мнению членов Комиссии, «не совсем благоприятное влияние» на развитие частного предпринимательства.

Особенностью обширных земель, отведенных в надел государственным крестьянам и «сибирским инородцам», приравненным «к званию казенных поселян», было то, что право общего владения ими относилось лишь к поверхности надельной земли и не касалось ее недр, остававшихся собственностью казны. Добывать минералы на таких землях могло само государство или — с его разрешения — частные предприниматели, причем без согласия населения и без его участия в выгодах, но «с вознаграждением казенных селений за отходящие от них под сие употребление земли соразмерным отводом в другом месте». Комиссия констатировала, что случаев открытия каких-либо рудных месторождений, а тем более их разработки, в таких землях еще не бывало. Вероятной причиной этого сочли отношение самого населения, которое действующие правила побуждали к сокрытию месторождений «для ограждения своего хозяйства от расстройств», тем более что определяемый законом обмен земли не мог представлять «удовлетворительного вознаграждения», поскольку отводные участки находились в менее удобном месте и требовали значительного труда, «не говоря уже о тех случаях, когда и вовсе не имелось в соседстве свободной казенной земли».

Такое положение было признано не соответствующим цели развития горной промышленности и требующим «изменения и согласования с истинными потребностями горного промысла и выгодами населения». «Наилучшим и вернейшим средством... для побуждения к открытию заключающихся в недрах помянутых земель минеральных богатств» Комиссия сочла предоставление казенным селениям и инородцам права пользования не только поверхностью, но и недрами отмежеванных им земель, «соблюдая лишь правила, исходящие из права казны на сии земли». Население получало возможность самостоятельно заниматься добычей руд или заключать «добровольные условия» с рудопромышленниками в соответствии с изложенными выше правилами производства горного промысла на казенных землях. «Только такую меру, — полагали члены Комиссии, — могут быть вызваны в обращение заключающиеся в недрах означенных земель минеральные богатства, что, несомненно, принесет пользу горному промыслу и не останется без благоприятного влияния на быт самих крестьян и на общее умножение производительных сил государства»⁷⁸.

Для внешних округов Семипалатинской области и Области сибирских киргизов (с центром в Омске) с 3 ноября 1835 г. действовало положение первого Сибирского комитета (действовал в 1821–1838 гг.) о разрешении поиска и разработки золота и металлических руд купцу С. И. Попову (его сын А. С. Попов участвовал в работе Горной комиссии) «не иначе как по добровольному согласию и по заключенным условиям с самими киргизами, коим сии земли принадлежат, и при том с ведома и согласия непосредственных властей сих киргизов». Ему же давалось право построить там «плавильный завод» с отводом земель и лесов. Другим «приискателям» разрешалось искать и разрабатывать руды, «применяясь к действующим для этих областей правилам о золотопромышленности», а возводить заводы только тогда, когда «правительству достоверно будет известно об открытии весьма значительных, а по количеству и по содержанию благонадежных руд, каковы, например, серебряные». Составление же подробных правил было отложено до того времени, когда горный промысел в этих отдаленных и опасных «от набегов кочующих племен» землях «получит некоторое образование и потребуют того самые обстоятельства».

Горная комиссия констатировала, что за прошедшие почти 30 лет в казахской степи получила значительное развитие золотодобыча, но «рудный промысел остается в первобытном состоянии, несмотря на обилие и богатство минеральных произведений, из коих месторождения медных руд доходят до 10% содержания». Еще в 1859 г. министр финансов А. М. Княжевич предоставил в Государственный совет сведения об открытых там богатых серебряноцинковых и медных месторождениях, которые «привлекали к себе значительных горнопромышленников». Но, кроме С. И. Попова, лишь компания известного екатеринбургского предпринимателя А. Т. Рязанова учредила там всего один Спасский медеплавильный завод. Причина этого крылась в «отсутствии местных постановлений собственно для рудного промысла и подчинении оного правилам для золотопромышленности», несмотря на то что эти производства различались и в техническом, и в экономическом отношениях. «Цель золотопромышленности, — поясняли члены Комиссии, — заключается не только в выгоднейшем, но и в скорейшем извлечении золота из россыпи, для разработки которой далеко не требуется ни того тщательного исследования, ни тех капитальных работ, как при рудном месторождении, ни тех обширных устройств, как при горнозаводской операции». Кроме того, особая зависимость горнопромышленника от правительства, разрешавшего устройство заводов только при условии открытия богатых рудных месторождений, также затрудняла развитие отрасли. Та же компания А. Т. Рязанова, например, подав заявку об устройстве завода в 1853 г., получила разрешение от Департамента горных и соляных дел «при соблюдении предписанных формальностей» лишь в 1857 г. «Много надо твердости и настойчивости в предпринимателе, — констатировала Комиссия, — чтобы ожидать осуществления предприятия по четыре года, и обязанного при том в это время иметь в запасе, без оборота, значительный капитал». Все это свидетельствовало о наступлении того времени, когда потребовалось наконец составление правил о развитии в Области сибирских киргизов и во внешних округах Семипалатинской области горнозаводской промышленности, тем более что «со стороны военной» там уже было «обеспечено спокойствие».

Право разработки руд и устройства заводов предоставили на общем основании как «местным обитателям края», так и всем русским и иностранным подданным на основании арендного договора, заключенного «с подлежащим аулом или волостью» как

общим владельцем земли. Этот договор «о сроках и условиях кортома» утверждался «установленным порядком» в областном правлении. На основании опыта решено было лишь несколько ограничить площадь арендуемой земли. По свидетельству местного начальства, при отсутствии конкуренции тот же заводчик С. И. Попов «закортомил и продолжал кортомить значительные пространства земель, не заботясь о развитии самого промысла». Чтобы избежать подобных случаев «для предупреждения могущей развиться монополии», Комиссия постановила «размер кортома киргизских земель установить... двойным против предположенного для заводов Европейской России, устраиваемых на свободных казенных землях, пространством», т. е. по 6 кв. верст для устройства завода и по 3 — для рудной или каменноугольной разработки. Лес отводился на основании действующих правил от 18 марта 1863 г., но из-за его «значительной скудости» в степной полосе рекомендовалось промышленникам искать и использовать каменный уголь. «Впредь до развития в этой местности частного горного промысла» функцию надзора сохранили за состоявшими при генерал-губернаторах горными ревизорами (на правах окружных инженеров), которые прежде следили за золотопромышленниками. Предприятия были причислены «к разряду заводов, состоящих на полном владельческом праве», что снимало с их владельцев прежнее обязательство платить повышенную (посессионную) горную подать. Заводчикам на основании общих постановлений (правил от 4 июня 1862 г.) давалось право организовывать поселения «из вольных людей по взаимному с ними соглашению». Участие А. С. Попова в обсуждении этих условий сохранило в тексте проекта замечание о том, что введение общих положений не лишает «некоторых лиц» тех особых прав, которые были предоставлены им «прежними узаконениями и распоряжениями правительства»⁷⁹.

Еще 26 июня 1855 г. были введены «временные правила о производстве горного промысла в землях киргизов Оренбургского ведомства» (Малой орды), расположенных за пограничной Оренбургской линией. В соответствии с ними, желающие должны были получить предварительное разрешение на поиск и разработку руд от оренбургского и самарского генерал-губернатора в целях «ограждения стеснения киргизов в их кочевках, а также в отношении к военным и торговым путям». Договоры о пользовании отведенным участком, заключенные в губернском правлении на срок от пяти до 20 лет, устанавливали «плату в доход сумм областного правления оренбургских киргизов», казна же удовлетворялась получением установленной законом горной подати с выплавленного металла в случае возведения там металлургических заводов. Рудопромышленники получили право беспошлинно перевозить руду «из степи на заводы внутрь линии чрез таможенную черту».

После того как истек пятилетний срок действия этих правил, оренбургский генерал-губернатор А. П. Безак ходатайствовал о его продлении «впредь до того времени, когда развитие рудного промысла в степи укажет необходимость ввести новые правила, сообразно пользам правительства, выгодам киргизов и частных лиц, занимающихся горным промыслом». По его сведениям, с 1855 г. были «окортомлены» только два участка медных месторождений южноуральскими заводчиками М. В. Пашковым и А. П. Загряжским. Но первый из них вскоре прекратил разработку руды «по скудости ее», а «от других лиц не поступало даже и просьб об отдаче земель в кортом». Исходя из этого, генерал-губернатор делал вывод о том, что «рудный промысел в степи не представляет особенных выгод, сколько по неудобству устраивать заводы в самой степи, столько и по ничтожности содержания добываемой руды, которое не превосходит средним

числом 4%, а также по дороговизне содержания рабочих и перевозки руд для проплавки на заводы внутри губерний». При этом А. П. Безак полагал все-таки возможным распространить на земли оренбургских киргизов «начала, принятые для развития горного промысла у сибирских киргизов», ограничив его «определенным размером» и подчинив местному начальству, учитывая при этом «особенности географического положения степи, населенной кочующими племенами, существование которых обеспечивается единственно скотоводством». По указу от 13 января 1861 г. действие правил 1855 г. было продлено еще на пять лет, а Горная комиссия, как и в случае с сибирскими землями, оставила их в силе «впредь до того времени, когда самый промысел в степи получит некоторое развитие и потребуют того самые обстоятельства»⁸⁰.

Имелись особенности и в организации горной промышленности на общественных башкирских землях, тоже находившихся под военным управлением оренбургского генерал-губернатора. Общинам разрешалось отдавать обнаруженные в их землях рудные месторождения либо в казну «за приличное вознаграждение», либо «во временное содержание посторонним желающим» по договорам, утверждаемым генерал-губернатором, под условием, чтобы «башкирцы не могли оставаться без достаточных угодий». В 1852 г. Военный совет, имевший широкие полномочия по хозяйственному управлению, разрешил в башкирских землях разработку каменного угля на основе тех же правил. Но, по заявлению местного начальства, недостатком этих правил оказалась необходимость договариваться «с несколькими сотнями или тысячами владельцев земли». Такая зависимость промышленников от многочисленных башкир-вотчинников «служила главным препятствием... развитию сей отрасли промышленности», которая ограничивалась разработкой лишь немногих золотоносных площадей, медных и железных рудников. Военный совет 31 декабря 1857 г. дополнил свое прежнее разрешение допуском промышленников к поискам каменного угля без предварительного заключения договора с башкирами, а 17 июля 1861 г. санкционировал на тех же условиях и возможность разработки угля «с платежом в пользу вотчинников одинаковой пошлины по 1 коп. серебром с каждого вывезенного пуда угля» и с компенсацией за причиненные убытки «по определению их особыми посредниками».

Во время работы Горной комиссии вступило в действие утвержденное 14 мая 1863 г. Положение о башкирах, где оговаривались и условия развития горного промысла в местах их проживания. Поиск и разведку золота, руд и каменного угля на общественных башкирских землях разрешалось производить каждому желающему с санкции генерал-губернатора, а разработку месторождений — вести на основе арендных договоров, заключаемых на срок до 70 лет, «на общих основаниях, постановленных для сего промысла в землях владельческих». Комиссия сочла эти правила «вполне согласованными с современными местными условиями края», потребностями производства и «общими основаниями», а потому оставила их без изменения, включив в текст подготовленного ею проекта.

Для общественных казачьих земель, по свидетельству членов Комиссии, был составлен проект правил, переданный «на предварительное соглашение» в Военное министерство. Но ко времени окончания работы Комиссии никакого заключения отсюда еще не последовало. Относительно же Земли войска Донского особое положение было составлено и утверждено 8 марта 1864 г.⁸¹, но его не сочли нужным включать в текст проекта нового Горного устава, как и правила для других территорий с особым статусом (для Царства Польского, Великого княжества Финляндского и Закавказья)⁸².

Совершенствование системы налогообложения и взъисканий за нарушение горных законов

Важное значение для развития промышленности имела действующая в стране налоговая система. Хотя, как объясняли члены Горной комиссии, в России с 1782 г. не существовало «права распоряжения правительства произведениями минерального царства», но «правительственная регалия» на взимание горной подати со всех частных горных заводов удерживалась со времен Берг-привилегии 1719 г. К началу XIX в. в основных чертах сложилась система горных налогов, включавшая так называемые «попудную» и «оброчную» подати. Первая собиралась с количества выплавленного металла, вторая — с числа заводских устройств. К началу работы Горной комиссии «попудная подать» с чугуна составляла для владельческих заводов $2\frac{1}{2}$ коп., для посессионных — $3\frac{3}{4}$ коп.; с меди и драгоценных металлов подать собиралась натурой в размере 10% или 15% в зависимости от статуса завода. «Оброчная подать» взималась по 60 руб. с домны и по 3 руб. с каждой медеплавильной печи.

Оставляя неприкосновенным исторически сложившееся право правительства на взимание подати с произведений горного промысла, Комиссия, судя по Объяснительной записке, признала необходимым обсудить действовавшие правила, сравнить их с налоговыми системами европейских стран и, вопреки первоначальным намерениям, свои предложения о совершенствовании системы налогообложения в области горнозаводской промышленности внести в Податную комиссию, занимавшуюся налоговой реформой.

Выяснение вопроса о «предметах взимания горных податей» привело к заключению, что из числа полезных ископаемых в России облагаются налогами металлы (золото, платина, серебро, медь и чугун) и некоторые минералы (к их числу законодательство без особых на то оснований относил лишь купорос и селитру). Совсем не облагалась податью добыча драгоценных камней и каменного угля, а также производство таких новых металлов, как свинец, олово, цинк, никель и кобальт.

После обсуждения было предложено исключить купорос и селитру из «произведений собственно горной промышленности» как «предметы химической переработки», обложение которых податью к тому же приносило казне минимальный доход из-за ограниченных объемов производства (всего селитры добывалось до 32 тыс. пуд. в год, а купороса — до 23 тыс.). В отношении налогообложения металлов и минералов члены Комиссии предложили подход, который учитывал как «верное поступление доходов в казну от обширных и установившихся отраслей промышленности», так и необходимость «споспешествования» новым отраслям производства. В связи с этим было решено сохранить подати на те металлы, с которых они уже собирались, и освободить от налогов все остальные металлы и минералы на том основании, что «добывание их в настоящее время весьма незначительно и подать, стесняя разработку, не принесет казне дохода, который стоил бы сбора»⁸³.

Вопрос о вариантах взимания податей вызвал необходимость сравнить действующее в России законодательство с правилами других стран. Изучение опыта европейских государств показало, что там были горные подати «двоякого рода» — пропорциональная и постоянная. Первая взималась «или с произведений горного производства, или с чистой прибыли, получаемой от сего производства»; вторая составляла «плату за поверхность земли, отводимой для производства промысла». Пропорциональная (т.е. собственно горная) подать в Австрии, Франции, Бельгии, Саксонии, Баварии

и Португалии собиралась с чистой прибыли и не превышала 5%. В Англии «правительство определяло известный процент с общего дохода», а в Пруссии подать уплачивалась со стоимости добытых полезных ископаемых, независимо от доходов или даже убытков промышленников, но была весьма умеренной и не превышала 3%. Россия отличалась от всех этих стран, поскольку горная подать взималась здесь «не с прибыли, получаемой горнопромышленником от горного производства, и даже не с сырого продукта, т. е. с полезного ископаемого, извлекаемого из недр земли, но с металла, полученного из руды». Такое положение сложилось еще в XVIII в. и было следствием нераздельности горного промысла, когда горнопромышленник одновременно являлся и горнозаводчиком.

Обсуждение вопроса о наиболее приемлемых способах взимания горных податей привело членов Комиссии к заключению, что самый рациональный из них, рассчитывавшийся от величины прибыли, не может применяться в России по нескольким причинам. Главной из них сочли невозможность точного определения прибыли горнозаводчика из-за отсутствия механизма сбора и контроля сведений о доходах, который бы исключал «вмешательство в частное горное хозяйство и счетоводство». Определение величины подати «с ценности сырых минеральных произведений» также потребовало бы учреждения «самого строгого правительственного контроля» на многочисленных рудниках, разбросанных «на большом пространстве в различных местностях России». Кроме того, руда не была в России «товарным продуктом», а следовательно, не имела «какой-либо определенной торговой цены». При таких условиях было предложено сохранить существующий порядок взимания горной подати с выплавленного из руд или добытого из россыпей металла. «Несмотря на некоторую неправильность в основании, — решили члены Комиссии, — система эта имеет за собою то важное удобство, что надзор правительства... сосредотачивается на одних только горных заводах, число которых гораздо менее числа рудных месторождений, а потому, независимо от сокращения расходов по взиманию подати, самый учет в количестве получаемых металлов в заводе может быть производим гораздо вернее и удобнее, нежели учет руд при рудниках и определение непостоянной ценности оных»⁸⁴.

Натуральную подать с золота, серебра и платины было предложено сохранить, отменив лишь обязательную предварительную очистку сырой платины на Санкт-Петербургском монетном дворе (введенную в 1845 г.), которая была не только «тягостна для промышленников, ибо стесняла их в распоряжении своей собственностью», но и не столь же качественна, как за границей, где для аффинажа использовались более совершенные способы. Судя по неоднократным «заявлениям» заводчиков, Комиссия сочла обременительной для них натуральную подать с меди, которую те обязаны были доставлять в Екатеринбург, где на монетном дворе чеканилась звонкая монета. Различия в расстояниях перевозки делало этот налог еще и «неуравнительным» для заводчиков. Члены Комиссии также полагали, что дополнительно к меди, выплавлявшейся в Пермском казенном округе, казна без всякого затруднения может приобретать медь у Алтайских кабинетских заводов, и предложили совсем отказаться от натуральной подати с частных медеплавильных предприятий. В итоге они рекомендовали сохранить натуральную подать с драгоценных металлов, несколько облегчив механизм ее взимания, а с чугуна и меди — брать денежную подать и впоследствии распространить ее на свинец, олово, цинк, никель и кобальт, когда в стране разовьется производство этих металлов.

Установленную еще в начале XVIII в. величину горной подати (10% от выплавленного металла) было предложено оставить без изменения. Следовало лишь определить размер денежной подати с меди, которая должна была заменить прежнюю натуральную подать (в последнее десятилетие в виде подати в казну поступало в среднем 41,7 тыс. пуд. этого металла в год). За основу была принята цена пуда меди на Нижегородской ярмарке, составлявшая тогда около 10 руб. серебром. Выходило, что «десятичная» денежная подать для владельческих заводов могла составить 1 руб. с пуда, а для посессионных — 1,5 руб. Замена натуральной подати денежной и отмена доставки меди за счет заводов в Екатеринбург, по мнению членов Комиссии, стали бы «довольно значительным для заводов облегчением и послужили к некоторому поддержанию частного медеплавильного производства без чувствительного ущерба для казенного интереса».

Однако с этим не согласились «медеплавильные заводчики Оренбургской губернии» Д. Е. Бенардаки, Д. Д. Дашков и Н. М. Пашков. Они утверждали, что новая подать с меди будет значительно выше подати с чугуна «относительно валового дохода». По их расчетам выходило, что подать с пуда чугуна, равная для владельческих заводов $2\frac{1}{2}$ коп., составляет всего 2% от средней цены пуда железа в 1,3 руб., в то время как подать с меди равнялась 10%. Заводчики сочли такую разницу несправедливой и обременительной для их медеплавильных заводов, которые из-за выросших в последние годы расходов и без того должны были сократить производство или совсем остановить работу (например, Верхотровский завод Пашковых). «Если обстоятельства не изменятся и заводчики Оренбургской губернии, имеющие дело с совершенно убогими рудами, при всех лежащих на них тягостях будут еще обременены несоответственной с выгодами промысла податью, тогда, по необходимости, они последуют примеру г-на Пашкова и, закрыв действие своих заводов, лишат местное население единственных средств к существованию», — предупреждали владельцы. Ввиду такой перспективы члены Комиссии рекомендовали снизить налог с меди до 5%, что «послужило бы значительной поддержкой к развитию медного производства, заметно клонящегося к упадку». Однако из-за «настоящих финансовых потребностей правительства» они не стали выносить по этому вопросу окончательного заключения, «предоставив оное благоусмотрению высшей власти».

Подать с чугуна, приносившая казне ежегодно в среднем до 433 тыс. руб., была сочтена необременительной для заводчиков, даже несмотря на заметное повышение себестоимости чугуна в начале 1860-х гг., связанное с переходом на вольнонаемный труд и с подорожанием провианта. Определив эти причины как временные, члены Комиссии предложили оставить горную подать с чугуна в прежнем размере, т. е. по $2\frac{1}{2}$ коп. с пуда для владельческих заводов и по $3\frac{3}{4}$ коп. — для посессионных, имевших в пользовании казенные леса и земли⁸⁵.

Сохранив форму и величину «попудной подати» с металлов, Комиссия однозначно высказалась против «оброчной подати» с домен и медеплавильных печей, которая была введена в 1763 г. «преимущественно для увеличения государственных доходов по случаю военных действий». Эту подать сочли, по сути, добавочным налогом, «падающим на выплавленные при помощи сих устройств металлы, которые в свою очередь облагаются горной податью». Этот «оброк», с одной стороны, оказывал «неблагоприятное влияние на хозяйственную сторону горнозаводского производства», а с другой — не составлял «особо важной статьи казенного дохода» (всего собиралось до 8,5 тыс. руб. в год). Его было предложено совсем отменить, тем более что предполагаемое введение

«поземельного сбора с площадей, отходящих под горную разработку», могло с избытком покрыть возможный ущерб.

Этот новый, поземельный, сбор предлагалось ввести в России по образцу европейских стран вместо существующей пошлины с руд, добываемых частными лицами из рудников, расположенных «на пустопорожных казенных землях» (она составляла $\frac{1}{4}$ коп. с пуда руды). «Продолжительный опыт показал, — констатировали члены Комиссии, — что учет руды, добываемой из сих рудников, был часто даже невозможным по многим местным условиям и самый сбор пошлины был так ничтожен, что не вошел даже в доходные статьи горного ведомства». Как уже упоминалось, Комиссия сочла более удобным установить сбор с отводившихся частным предпринимателям рудных площадей поземельной платы, которая равнялась бы 30 коп. серебром с десятины, подобно той, что с 1863 г. платили винокуренные заводчики за аренду казенных земель в Сибири. Поскольку наибольшая отводная площадь для рудника составляла 1 кв. версту, или 104 дес., плата за полный рудничный отвод достигала бы не более 31,2 руб. Эта сумма представлялась необременительной для промышленников, тем более что они не платили никаких податей с количества добытой руды, и в то же время она могла «доставить государству соразмерное вознаграждение» за отмену «оброчной подати».

Финансовым итогом всех этих изменений должно было стать некоторое сокращение государственного дохода от горных промыслов вследствие отмены подати с селитры и купороса и оброчной платы с доменных и медеплавильных печей. Но подсчет убытков показал, что они не превысят 9,5 тыс. руб. и вполне покроются вводимым поземельным сбором за рудничные отводы на казенных землях⁸⁶.

Следующим был рассмотрен вопрос о механизмах взимания горных податей и взыскания недоимок. Действующий сложный «порядок взноса, счетоводства, отчетности и ревизии податей», по мнению членов Комиссии, должен был унифицироваться «с остальными отраслями государственных доходов» и подчиниться общим правилам, которые поэтому совсем не требовалось включать в Горный устав. В нем могли сохраниться лишь положения «в отношении... исчисления горных податей, основанного на местном учете». Ввиду уже рассмотренных предложений о местном горном управлении, надзор над соблюдением заводчиками налогового законодательства возлагался на окружных инженеров, ответственных в этом отношении перед учреждениями Государственного контроля. Они должны были вести «наблюдение... за верным записыванием в шнуровые книги металлов», а также за «правильным и своевременным поступлением податей в казну». Предполагалось, что, получив «свидетельство» о величине подати от окружного инженера, заводчики сами или через поверенных вносили бы деньги в местные казначейства и в подтверждение уплаты получали «квитанцию с талоном».

Упрощения требовал и существующий порядок взыскания горных недоимок с «неисправных заводчиков». Действующие «обеспечительные меры» включали секвестр и продажу заводских изделий, учреждение казенного присмотра и управления, назначение опеки и продажу заводов с публичных торгов. Наиболее действенной из этих мер признавался секвестр с последующей продажей металлов на величину недоимки. Однако, как показывал опыт последнего десятилетия, горным властям ни разу не удавалось применить эту меру, поскольку многие заводчики прибегали к так называемой «запродаже» металлов на несколько лет вперед, а «на задаточные деньги производили... заготовление заводских припасов и материалов». Чтобы усилить значение секвестра

как «обеспечительной меры», Комиссия предложила ввести обязательное для заводчиков и покупателей металлов правило о взыскании недоимки не только «через продажу соответственной части наличных незапроданных металлов», но и «из сумм, которые заводам причитаться будут за металлы уже проданные». Учитывая пожелание заводчиков, им разрешили в случае наложения секвестра самим выбирать, где и кому продавать «арестованные» металлы — «или в заводе, или в местах постоянного сбыта с тех заводов изделий».

Казенный присмотр, осуществлявшийся командированным в частный округ чиновником горного ведомства, хотя и применялся довольно часто, был признан «по своей неопределенности не достигавшим назначенной цели». Функции чиновника ограничивались, как правило, «наблюдением за безостановочным действием заводов и производством мастеровых», без вмешательства в хозяйственное управление. Даже при всем желании добросовестно исполнить поручение такой чиновник, по мнению Горной комиссии, «находился в прямой невозможности настаивать на возмещении казенных недоимок, т. к. на всякое требование о заготовлении материалов для заводов или провианта для рабочих он мог получать постоянные отзывы управления, что требование его относится до хозяйственных распоряжений».

При учреждении же казенного управления заводчик полностью устранялся от управления, переходившего в руки назначенного горным начальством управляющего, который действовал «под одну норму с администрацией казенных заводов». Такая мера вводилась «по каким-либо особым уважениям», с согласия министра финансов и с высочайшего разрешения. Ко времени работы Горной комиссии под казенным управлением находилось пять обанкротившихся уральских горнозаводских округов: Сысертские заводы потомков А. Ф. Турчанинова, Шурминско-Залазинские — Мосоловых, Сергинско-Уфалейские — наследников К. М. Губина, а также Суксунские и Кнауфские заводы первых на Урале акционерных компаний. Хотя при казенном управлении владельцы доходов не получали, казна вынуждена была расходовать значительные суммы «для поддержания заводского действия». По имевшимся в Комиссии данным, только за последние три года из государственного бюджета на поддержку таких заводов было отпущено 1602 тыс. руб., т. е. сумма, которую трудно было компенсировать даже за счет продажи заводов.

Учреждение опеки, по действующему законодательству, происходило не столько за податные недоимки, сколько «в видах обеспечения существования бывшего крепостного населения». Но, как полагали члены Комиссии, если «присмотр и управление со стороны казны не приносили существенной пользы... то учреждение опеки над горнозаводскими имениями прямо вело к положительному расстройству заводов». Примером тому служили Выксунские заводы Шепелёвых во Владимирской и Нижегородской губерниях, которые состояли в опекуновском управлении с 1846 г., но «при огромных естественных средствах и выгодности географического положения» были доведены до полного банкротства и в 1862 г. назначены к продаже с публичных торгов⁸⁷. «Да и каким образом горнозаводское имение, требующее от управителя специальных знаний и административного опыта, — вопрошали члены Комиссии, — могло управляться когда-либо успешно местным дворянином, избираемым по усмотрению уездной дворянской опеки и вовсе незнакомым с условиями горнозаводского производства».

«На основании указаний опыта» (было учтено и мнение А. П. Стрельмана, совпавшее в отношении форм казенного контроля с общим мнением Комиссии)⁸⁸ и ввиду стремления

«оградить частный горный промысел от вмешательства со стороны казны», Комиссия сочла наилучшим ограничиться в качестве меры по взысканию недоимок лишь «секвестром и продажей выработанных на заводах изделий, а в случае недостаточности оных — продажей заводов с публичного торга». Все иные меры были признаны ненужными⁸⁹.

Предложения Горной комиссии по совершенствованию системы взысканий за нарушение горных законов были изложены в девятом разделе Объяснительной записки и проекта Горного устава. В первом документе констатировалось, что особенностью «основных начал по сему предмету», введенных еще в XVIII в., являлось применение в отношении нарушителей преимущественно строгих карательных мер. Их необходимость обосновывалась тем, что при удаленности основных горнозаводских регионов от центра и их обширности «администрация не могла быть устроена столь правильно, чтобы иметь возможность предупреждать отступления от постановленных законов». Но ныне, «при предполагаемом устройстве правильного надзора и отчетности», такие меры, по мнению членов Комиссии, не составляли уже «существенную потребность», тем более что «практика представляла весьма мало примеров применения к владельцам горных заводов карательных мер за нарушение горных законов» не столько по причине отсутствия таких нарушений, сколько из-за излишней строгости мер (например, «неправильная запись выплавки металлов в шнуровую книгу» наказывалась лишением виновного всех прав состояния и ссылкой в Сибирь на поселение или на каторжные работы). Комиссия сочла более адекватными современным условиям и предполагаемым методам надзора за горнопромышленниками «по преимуществу» денежные взыскания, определяемые «по соразмерности с виной». За ту же «неправильную записку», например, предлагалось, помимо платежа «двойных пошлин» в первый раз оштрафовать заводчика на 150 руб., во второй — на 300, в третий — на 600 руб. «с лишением, сверх того, личного права продолжать действие завода». Были подробно расписаны штрафы и за нарушения порядка устройства горных заводов, разработки рудных месторождений, а также платежа горных податей.

Впервые вводились наказания за нарушения в сфере общественного порядка, охраны жизни и здоровья людей, «обращающихся при рудничных и горнозаводских работах». Образцом для них явилось законодательство западноевропейских стран. Комиссия выяснила, что во Франции и Бельгии за этим следил горный инженер, который имел право либо доносить префекту об опасности для рабочих, указывая на необходимые меры, либо в особо тяжелых случаях требовать немедленного прекращения работ. Неисполнение распоряжений префекта, основанных на указаниях горного инженера, каралось штрафом и даже тюремным заключением на срок от шести дней до пяти лет. В случае же увечья или смертельного исхода «владелец рудника и директор работ предавались суду и, независимо от вознаграждения пострадавших, подвергались взысканию на основании уголовных законов». В Пруссии, Саксонии и других германских государствах, как и в дореформенной России, само горное начальство обладало функцией горно-полицейского надзора: оно имело право останавливать работы и налагать штрафы на горнопромышленников. В Англии же надзор за безопасностью работ осуществляли горные инспекторы, которые «с согласия выборных от общества могли приступать к репрессивным мерам», диктуемым обстоятельствами.

В России наблюдение за точным исполнением горных постановлений в частных хозяйствах, как уже упоминалось, было предложено осуществлять окружным инженерам. Им предоставлялось право составлять протоколы о нарушениях и подавать их на рассмотрение вышестоящему начальству, которое в административном порядке

за нарушение, например, правил безопасности работ могло назначать штраф в размере от 10 до 150 руб. При несчастном случае, происшедшем из-за несоблюдения правил безопасности работ или «от небрежения владельца», последний обязывался не только вознаградить пострадавшего «за понесенные убытки», но и лечить его за свой счет, а «при совершенной неспособности работать или смерти рабочего — обеспечить его или его семью пенсией в размере, определяемом по судебному приговору».

Чтобы укрепить авторитет окружающих инженеров, был даже предусмотрен штраф за препятствование выполнению ими своих обязанностей или за неисполнение их законных требований. В то же время в случае уклонения от исполнения своих обязанностей, «а равно за небрежение и злоупотребления» инженеры как государственные служащие могли быть подвергнуты «общим взысканиям и наказаниям», наряду с «классными чинами» горного ведомства, допускавшими те же «упущения по должности, нерадение и поведение, несоответственное их званию»⁹⁰.

Новый порядок судебного управления горной отраслью, определявшийся в заключительном десятом разделе проекта Устава, учитывал происшедшие в стране социальные перемены и новые начала судопроизводства. Прежде, констатировали члены Комиссии, действовал специализированный горно-судебный порядок, который составлял «особое исключение из общих правил». Заводское население, объясняли они, хотя и считалось крепостным, но, по закону, «было крепко не земле и владельцу, как крестьяне помещичьи, а заводским работам, составляя принадлежность завода»; мастеровые же, а также непременные и урочные работники казенных и части посессионных заводов «состояли на правах людей военного ведомства... и не могли иметь права личной защиты своих интересов, каковая должна была по необходимости перейти к горному начальству». Столь «своеобразные основания в быте горнозаводских людей» и обуславливали особый порядок, при котором горное ведомство имело свою полицию, свой суд гражданский, уголовный и военный.

Новый порядок судопроизводства необходимо было подвести под общие правила «с некоторыми лишь изъятиями и особенностями», которые вызывались уже не спецификой положения населения, получившего общегражданские права, а «исключительностью горного промысла». Так, некоторые действия горных чиновников, повлекшие за собой ущерб казне до 300 руб. не «по злоупотреблению или злонамеренности», а «по неизбежной случайности самого производства», Комиссия предложила оставить на усмотрение горного начальства, предоставив ему право самому решать, следует ли наказывать виновного. У горного ведомства сохранялась и возможность внесудебного административного производства по нарушениям, влекущим за собой лишь денежное взыскание. В казенных округах дознание предоставлялось «начальствующему на оных лицу», в частных — местному окружному инженеру, а определение размера взыскания доверялось Уральскому горному правлению (для заводов Урала) и Горному департаменту (для заводов других регионов). Иные преступления и проступки, влекущие за собой «личное наказание или лишение прав», были отнесены к компетенции гражданского или военного суда⁹¹.

* * *

В таком существенно сокращенном по сравнению с действующим Горным уставом виде (404 статьи вместо 2653) структурно и содержательно обновленный проект нового Устава вышел из Горной комиссии в 1866 г. Первый раздел «Положения общие» состоял всего из четырех статей. Второй раздел включал три главы. Первая, состоявшая

из двух статей, называлась «О главном горном управлении»; вторая глава «О местном управлении казенным горным промыслом» состояла из четырех «отделений» и 170 статей; третья глава «О местном надзоре за производством частного горного промысла» содержала 14 статей. Третий раздел Устава «О частной горной промышленности на полном владельческом праве» состоял из двух глав — «О правах владения по имуществу» (6 статей) и «О горнозаводском производстве» (7 статей). В четвертый раздел «О частной горной промышленности на праве посессионном» входили две одноименные главы (3 статьи и 13 статей соответственно) и особая глава «О порядке и правилах выкупа посессионных горнозаводских имений в собственность владельцев» (7 статей). Пятый раздел был посвящен «производству частного горного промысла в землях казенных» и состоял из двух глав — «Об извлечении металлических руд, ископаемых углей и драгоценных камней в землях казенных свободных» (9 «отделений» и 42 статьи) и «Об устройстве частных горных заводов на землях казенных свободных» (15 статей). Шестой раздел представлял условия «производства горного промысла в землях общественных» и состоял из четырех глав — «О производстве горного промысла в землях, отведенных казенным селениям» (13 статей), «О производстве горного промысла во внешних округах Семипалатинской области и в Области сибирских киргизов» (9 статей), «О производстве горного промысла в землях киргизов оренбургского ведомства» (12 статей) и «О производстве горного промысла на землях башкирских» (2 статьи). Седьмой раздел «О горных податях с произведений горного промысла» включал три главы — «Предметы, виды и размеры податей» (9 статей), «О взимании горных податей и счетоводстве оных» (8 статей) и «О взыскании горных недоимок» (5 статей). Восьмой раздел «О порядке найма рабочих по частным горным промыслам и заводам» (13 статей) и девятый «О взысканиях за нарушение горных законов» (21 статья) не делились на главы. Наконец, десятый раздел «О порядке судебного управления по горной части» включал две главы — «О порядке судопроизводства по нарушению законов о казенном имуществе» (7 статей), «О порядке судопроизводства по нарушению постановлений Горного устава» (19 статей). В качестве приложения рассматривались правила «О порядке оценки металлов и изделий, добываемых и приготавливаемых на казенных горных заводах»⁹².

В мае 1866 г. проект Горного устава поступил в Податную комиссию. Завершился этап подготовки реформы, связанный с деятельностью Горной комиссии, и начался новый этап, смыслом которого было составление «окончательной редакции» нового кодекса горных законов России.

Примечания

¹ ПСЗ-И. Т. № 6685.

² Цит. по: *Латынин В. А.* Исторический очерк вопроса о ввозе из-за границы чугуна, железа и машин // Горный журнал. 1890. № 4/5/6. С. 269.

³ Цит. по: *Латынин В. А.* Указ. соч. // Горный журнал. 1894. № 4/5. С. 203–204.

⁴ Цит. по: *Латынин В. А.* Указ. соч. // Горный журнал. 1890. № 4/5/6. С. 258–291.

⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 2. Д. 184. Л. 24.

⁶ *Латынин В. А.* Указ. соч. // Горный журнал. 1890. № 4/5/6. С. 292–305.

⁷ Вступление // Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1868. Т. 13, ч. 3. С. 1–5; РГИА. Ф. 37. Оп. 2. Д. 184. Л. 24–39 об.

⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 939. Л. 9–17 об.; Оп. 2. Д. 184. Л. 24–39 об.

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 168. Л. 1–2.

¹⁰ Там же. Д. 184. Л. 4–10, 24–39 об.

¹¹ См.: *Латынин В. А.* Указ. соч. // Горный журнал. 1894. № 4/5. С. 211.

- ¹² РГИА. Ф. 37. Оп. 2. Д. 184. Л. 18 об. — 23 об.
- ¹³ Там же. Л. 1, 4–10; Журналы высочайше утвержденной при Министерстве финансов Комиссии по пересмотру Горного устава за 1861 г. СПб., 1862.
- ¹⁴ Журналы... за 1862 г. СПб., 1862. С. 90–126.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 47. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–23.
- ¹⁶ Там же. Ф. 37. Оп. 5. Д. 939. Л. 18, 18 об.
- ¹⁷ Там же. Ф. 44. Оп. 4. Д. 157. Л. 1–9.
- ¹⁸ Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–23, 27–31.
- ¹⁹ Там же. Л. 41–44, 84–92.
- ²⁰ Там же. Д. 7. Л. 1–2.
- ²¹ *Полетика И.А.* О пересмотре Горного устава и об изданных 19 февраля сего года положениях относительно приписанных к частным горным заводам людей, вышедших из крепостной зависимости // Горный журнал. 1861. № 3. С. 536–548.
- ²² РГИА. Ф. 47. Оп. 1. Д. 7. Л. 4, 4 об.
- ²³ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 399. Л. 1–2 об.; РГИА. Ф. 47. Оп. 1. Д. 7. Л. 6–15, 17, 19, 26–30; Д. 1. Л. 1, 86.
- ²⁴ РГИА. Ф. 47. Оп. 1. Д. 87; Д. 102. Л. 1, 44.
- ²⁵ Там же. Д. 78. Л. 1–4 об.; Д. 15. Л. 84–92.
- ²⁶ Там же. Д. 78. Л. 1–2; О ходе занятий Комиссии по пересмотру Горного устава // Горный журнал. 1864. № 1. С. 1–3.
- ²⁷ *Полетика И.А.* Собрание господ владельцев и управляющих частными горными заводами // Горный журнал. 1861. № 10. С. 141–148.
- ²⁸ РГИА. Ф. 47. Оп. 1. Д. 78. Л. 7–8.
- ²⁹ Там же. Д. 6. Л. 114.
- ³⁰ Там же. Л. 25–29 об.
- ³¹ Там же. Л. 12–24.
- ³² Там же. Л. 34, 34 об.; *Добровольский С.М.* О посессионном горном владении в России ввиду предстоящей ему реформы. СПб., 1864. С. 6.
- ³³ РГИА. Ф. 47. Оп. 1. Д. 78. Л. 30–33, 55–69.
- ³⁴ Там же. Л. 103–222.
- ³⁵ Там же. Л. 70–87.
- ³⁶ Там же. Л. 34–54.
- ³⁷ Там же. Л. 88–90, 93–96 об., 101–102.
- ³⁸ Там же. Л. 9–11.
- ³⁹ Там же. Д. 6. Л. 114–125; Д. 78. Л. 216.
- ⁴⁰ Там же. Д. 6. Л. 125–141; Д. 78. Л. 216.
- ⁴¹ Там же. Д. 15. Л. 57–61, 84–92.
- ⁴² Там же. Ф. 37. Оп. 5. Д. 939. Л. 18 об.–21 об., 22–24; Журнал заседания 10 мая 1866 г. № 34 // Труды Комиссии... С. 431–435.
- ⁴³ Объяснительная записка // Труды Комиссии... С. 11–16, 317, 318.
- ⁴⁴ Там же. С. 17, 319.
- ⁴⁵ Там же. С. 18–29, 319–320.
- ⁴⁶ Там же. С. 29–37, 320–334.
- ⁴⁷ Там же. С. 37–49, 334–351.
- ⁴⁸ Там же. С. 49–60, 351–362.
- ⁴⁹ Там же. С. 60–66, 364.
- ⁵⁰ Там же. С. 77, прим.
- ⁵¹ Там же. С. 68–79.
- ⁵² Там же. С. 80–89, 366–371.
- ⁵³ РГИА. Ф. 47. Оп. 1. Д. 102. Л. 1–33.
- ⁵⁴ Объяснительная записка. С. 90–97, 372, 373.
- ⁵⁵ ПСЗ-І. Т. 15. № 11511.
- ⁵⁶ ПСЗ-ІІ. Т. 11. № 9699.
- ⁵⁷ РГИА. Ф. 47. Оп. 1. Д. 102. Л. 44–58.
- ⁵⁸ См.: *Неклюдов Е.Г.* Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2006. С. 246–264.
- ⁵⁹ См.: Мнение генерал-майора князя Абамелека, излагаемое по уполномочию заводчика тайного советника Лазарева // Труды Комиссии... Прил. к разд. III.

- ⁶⁰ См.: Неклюдов Е. Г. Указ. соч. С. 151–157.
- ⁶¹ Возражения Комиссии // Труды Комиссии... Прил. к разд. III.
- ⁶² Объяснительная записка. С. 97–102, 373, 374.
- ⁶³ Там же. С. 102–114, 374–376.
- ⁶⁴ Там же. С. 135–145.
- ⁶⁵ РГИА. Ф. 47. Оп. 1. Д. 102. Л. 1–33.
- ⁶⁶ Извлечение из записки графа А. А. Стенбок-Фермора о предоставлении посессионным заводчикам полных прав на недра земли // Труды Комиссии... СПб., 1868. Т. 13, ч. 4. Прил. XVIII.
- ⁶⁷ См.: Объяснительная записка. С. 146–152.
- ⁶⁸ Там же. С. 152–167, 377–380.
- ⁶⁹ ПСЗ-II. Т. 37. № 38339.
- ⁷⁰ Объяснительная записка. С. 289, 412–415.
- ⁷¹ Там же. С. 168–170.
- ⁷² ПСЗ-II. Т. 38. № 39118.
- ⁷³ Объяснительная записка. С. 170–173, 383.
- ⁷⁴ Там же. С. 173–196, 384–392.
- ⁷⁵ Там же. С. 196–203, 392, 393.
- ⁷⁶ ПСЗ-II. Т. 38. № 39388.
- ⁷⁷ Объяснительная записка. С. 204–216, 393–396.
- ⁷⁸ Там же. С. 217–221, 397–400.
- ⁷⁹ Там же. С. 221–234, 400–402.
- ⁸⁰ Там же. С. 234–239, 402–404.
- ⁸¹ ПСЗ-II. Т. 39. № 40666.
- ⁸² Объяснительная записка. С. 217, 218, 239–244, 404, 405.
- ⁸³ Там же. С. 245–251.
- ⁸⁴ Там же. С. 251–257.
- ⁸⁵ Там же. С. 258–265.
- ⁸⁶ Там же. С. 265–273.
- ⁸⁷ См.: Арсентьев Н. М. Замосковский горный округ: заводовладельцы и рабочие. Саранск, 1994. С. 55–57.
- ⁸⁸ РГИА. Ф. 47. Оп. 1. Д. 102. Л. 116–153.
- ⁸⁹ Объяснительная записка. С. 274–288, 410, 411.
- ⁹⁰ Там же. С. 290–302, 416–420.
- ⁹¹ Там же. С. 303–310, 421–426.
- ⁹² Проект Горного устава // Труды Комиссии... Т. 13, ч. 3. С. 317–430.

2. Проект Податной комиссии (1866–1868)

Состав Комиссии

В сентябре 1865 г. министр финансов М. Х. Рейтерн и товарищ министра А. К. Гирс направили председателю Горной комиссии В. Е. Самарскому-Быховцу предписание, в котором ему предлагалось принять участие в работе возглавляемой ими Комиссии по пересмотру системы податей и сборов и «доложить о призыве в оную других членов Горной комиссии в качестве членов-экспертов». Это было вызвано тем, что близилось к завершению составление проекта Горного устава, который предполагалось рассмотреть в окончательной редакции в Податной комиссии «по связи его с системой налогов вообще и по отношению к делам общего управления».

Определение состава приглашенных участников началось в мае 1866 г., когда председатель Горной комиссии предложил, кроме директора Горного департамента В. К. Рашета и вице-директора Ф. И. Раселли, кандидатуры активно участвовавших в составлении проекта генерал-лейтенанта Л. А. Соколовского, тайного советника И. П. Арапетова и капитана (вскоре он стал подполковником) Н. И. Михайлова. Впоследствии в заседаниях Податной комиссии участвовали члены Горного совета

генерал-майоры А. А. Иосса, А. Д. Озерский и Н. А. Фелькнер, начальник Отделения частных золотых промыслов Горного департамента П. Н. Николаев; от Уральского горного правления выступал Н. Г. Мальгин¹.

В Горном департаменте составили список владельцев уральских и замосковных заводов и их уполномоченных на случай приглашения кого-либо из них в Податную комиссию при рассмотрении проекта Горного устава. В него вошли (и затем действительно были включены в состав членов-экспертов) уже известные Д. Е. Бенардаки, Г. В. Дружинин, С. М. Добровольский, Н. Н. Анцыферов и генерал-майор А. В. Пашков (впоследствии его сменил сын В. А. Пашков), а также совладелец Илевского и Вознесенского заводов в Нижегородской и Тамбовской губерниях полковник Д. П. Шипов и владелец Людиновских заводов в Калужской и Орловской губерниях генерал-майор С. И. Мальцов. В ноябре — декабре 1866 г. добавились поверенный владелицы Верх-Исетских заводов графини Н. А. Стенбок-Фермор надворный советник Д. А. Огородзинский и член попечительства над совладельцем Сысертских заводов П. Д. Соломирским капитан Генерального штаба Г. Д. Корибут-Кубитович, который, как сообщалось, был «близко знаком с внутренней торговлей железом»². В отличие от Горной комиссии, в Податной представители заводчиков получили право голоса, равное праву приглашенных представителей ведомств и постоянных членов Комиссии, и могли участвовать на всех заседаниях при обсуждении проекта Горного устава.

По просьбе оренбургского генерал-губернатора в состав Комиссии был включен его представитель титулярный советник В. В. Лукошков (в будущем — пермский губернатор); от Министерства финансов — чиновник по особым поручениям (затем заведующий Горным департаментом Царства Польского) подполковник А. И. Антипов; со стороны Государственного контроля — статский советник Е. И. Ададуров и чиновник по особым поручениям М. Н. Островский (будущий министр государственных имуществ), а после его отъезда — старший ревизор коллежский асессор Ф. В. Тугендгольд, который был ценен тем, что участвовал «в применении нового кассового и ревизионного порядка к денежным оборотам уральских горных заводов». Членами-экспертами от Военного министерства стали А. М. Беляев, И. А. Вышнеградский (будущий министр финансов) и О. П. Резвой, от Морского министерства — И. А. Пещуров, от Министерства внутренних дел — В. К. Ржевский. В качестве эксперта пригласили также директора Горного института знаменитого геолога Г. П. Гельмерсена; почетным членом стал президент Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества герцог Н. М. Лейхтенбергский.

Из числа постоянных членов Податной комиссии в обсуждении проекта Горного устава участвовали директор Департамента неокладных сборов К. К. Грот и чиновник по особым поручениям Н. Н. Тютчев, директор Департамента окладных сборов К. И. Домонтович, управляющий общей канцелярией Министерства финансов Д. Ф. Кобеко, член Совета министра финансов А. А. Абаза (будущий министр финансов), управляющий Государственного банка Е. И. Ламанский, директор Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел П. П. Семенов (Семенов-Тянь-Шанский) и др. Были приглашены также «лучшие экономические деятели» того времени — В. П. Безобразов, И. В. Вернадский, А. П. Заблоцкий-Десятовский и М. П. Веселовский³.

Судя по опубликованным журналам Податной комиссии, проект Горного устава обсуждался на 44 заседаниях, проходивших с ноября 1866 г. по апрель 1868 г. Эти

информативные документы дают возможность детально представить ход обсуждения коренных вопросов развития горнозаводской промышленности и выяснить позиции участников заседаний. Журналы заседаний Комиссии свидетельствуют о том, что состав и количество участников менялись, но, как правило, на каждом заседании присутствовало около 20 членов. По количеству зафиксированных выступлений из представителей государственных ведомств наибольшую активность проявляли финансист Е. И. Адагуров и статистик П. П. Семенов, позицию Горного департамента отстаивали Л. А. Соколовский и Н. И. Михайлов, а также главный лесничий уральских заводов Н. Г. Мальгин. Интересы горнозаводчиков чаще других представляли Д. А. Огородзинский и Г. В. Дружинин, находя, как правило, поддержку у последовательного сторонника предпринимательской свободы экономиста В. П. Безобразова.

Предварительно ознакомившись с представленным проектом Горного устава, на расширенных заседаниях Податной комиссии ее постоянные члены и приглашенные члены-эксперты приступили к постатейному анализу проекта с целью составления окончательной редакции Устава.

Ликвидация системы управления горным промыслом и надзора за ним

Уже с первых шагов работы Податной комиссии стало ясно, что она не будет спокойной и скоротечной, а примет острополемический характер и, скорее всего, затянется. При этом прежние «радикалы» из Горной комиссии оказывались в роли «консерваторов» на фоне новых участников обсуждения, придерживавшихся популярных тогда в России либеральных взглядов. Один из них, В. П. Безобразов, предложил сразу же «для пользы дела... не становиться на такую точку зрения, которая представляет горный промысел исключительно важным». «Подобное воззрение, — полагал он, — сопровождается желанием постановить и исключительные правила». По его мнению, подготовленный Горной комиссией проект Устава отчасти смягчил это стремление к исключительности, но не искоренил его полностью. Другой экономист, И. В. Вернадский, стал доказывать, что любая промышленность, в том числе и горнозаводская, является в первую очередь деятельностью частных лиц, и в этой связи предлагал изменить структуру Устава, в которой «частные промыслы должны занимать первое место, а казенные — второе». Он также усмотрел в проекте «много повторений, много подробностей, которые могли бы быть предметом особых инструкций, много таких правил, которые в качестве временных мер следовало бы отделить»⁴. Горному уставу предстояло, судя по всему, измениться и содержательно, и структурно.

Обсуждение раздела «Об управлении горным промыслом» началось с громкого заявления А. П. Заблоцкого-Десятовского и Е. И. Ламанского о некорректности самого этого названия. Министру финансов закон вменил в обязанность попечение о частных горных заводах, полагали они, но это попечение «не должно быть равносильно управлению», которое может распространяться только на казенные заводы. Кроме того, было предложено указать на географические ограничения действия «проектируемых правил», которые относились к территориям, «кои в порядке управления подчинены общим законам империи», и не имели отношения к Кавказу и Закавказью, подвластных наместнику; к Польше и Финляндии, где действовали собственные органы управления — соответственно Горный департамент и Горное управление, подчинявшиеся высшим органам этих автономных частей Российской империи; к Земле войска Донского, управлявшейся военными властями, а также к Алтайским и Нерчинским заводам

ведомства Кабинета Его императорского величества, «подлежащим особым узаконениям». Ввиду того что к началу работы Податной комиссии над проектом Горного устава «правительство решилось уже на постепенное отчуждение казенных горных заводов в частные руки» и что Комиссии было поручено также составить правила об их продаже (см. разд. 1 гл. II), несколько ее членов предложили исключить из Устава всю главу о местном управлении казенной промышленностью, заменив ее «временным положением». Однако их не поддержали остальные участники, приняв во внимание то обстоятельство, что отчуждение должно было коснуться лишь некоторых казенных заводов, не имевших значения для военных потребностей, и что продажа их «едва ли совершится в скором времени».

После этого В. П. Безобразов и И. В. Вернадский поставили принципиальный вопрос «о целях и обязанностях» казенных заводов, от решения которого зависело дальнейшее обсуждение их судьбы. В проекте экономисты обнаружили на этот счет такие установки, которые были «не совсем согласны с истинным значением Горного устава». Первоочередной целью заводов там провозглашалось «удовлетворение государственных нужд приготовлением металлов и изделий на военные и другие казенные потребности». Эксперты же полагали необходимым уточнить, что при той «неподвижности и обязательности для казны самой нынешней системы заказов», когда она «обращается в тягость как для ведомств, делающих заказы, так и для управлений, их исполняющих», более выгодной становится передача военных заказов частным заводчикам, что, в свою очередь, ведет к постепенной утрате казенными заводами своей главной функции. Далее в проекте эти заводы представлялись «образцами для технических усовершенствований», которые «способствовали развитию горных промыслов». Такая задача была оценена экономистами как «крайне непрактичная... ведущая к пожертвованиям экономическими выгодами и к чрезвычайно большим денежным затратам». Эксперты сочли, что она бы обязывала министра финансов «предпринимать такие по сей части улучшения, которые прямо противоречили бы коммерческому расчету, с ущербом для интересов казны и в подрыв частной заводской деятельности, не могущей соперничать с капиталами, какие находятся в распоряжении казны». За исключением названных функций, из прежних у казенных заводов оставалась только одна — «доставлять казне доход через продажу металлов и других произведений горного и заводского дела». Но «экономические деятели» указали на то, что, «с точки зрения современной финансовой науки, извлечение доходов путем казенных коммерческих операций вообще не оправдывается» (об этом же в своем письменном мнении высказался и отсутствовавший на заседании член-эксперт С. И. Мальцов). После такого энергичного натиска лишь Л. А. Соколовский решился отстаивать значение казенных заводов, предложив новую формулировку, устроившую общее собрание. Она представила эти предприятия «частью государственных имуществ, обязанной с соответствующими прибылями исполнять казенные заказы, ей порученные»⁵.

В ходе дальнейшего обсуждения основной акцент был перенесен на вопрос о составе и характере местного управления. Несмотря на общее желание членов Комиссии сократить и удешевить управление «как для пользы горного производства, страдавшего от излишних административных формальностей, так и для доставления больших выгод казне, несущей убытки от непроизводительных накладных расходов по управлению», по этому важному вопросу «обозначились два противоположных воззрения». Одна сторона «доказывала пользу приведения казенных заводов в такое положение,

чтобы они действовали совершенно самостоятельно, чтобы вся распорядительная и хозяйственная деятельность была в руках заводских управлений и чтобы местная власть, контролирующая эти управления, имела характер исключительно инспекторский, без права вмешательства в хозяйственные распоряжения». Другая сторона была убеждена в том, что «по особым свойствам горных промыслов все упрощения в администрации, какие можно было допустить без вреда для дела, уже предусматривались проектом и что задаваться еще дальнейшими упрощениями в этой сфере значило бы увлекаться соображениями чисто теоретическими». Сторонниками этой точки зрения были, конечно же, участники Горной комиссии, которые оказались все-таки в меньшинстве. Как следует из журнала заседаний, «по совокупности представленных соображений» общее собрание убедилось в том, что местная заводская власть должна быть «полным хозяйственным распорядителем на заводах в пределах известного бюджета», а над ней может стоять только «власть инспектирующая». Этому требованию не соответствовало устройство Уральского горного правления, сохраненного проектом Устава. Учреждение предложено было упразднить, заменив «известным числом» инспекторов Горного департамента, которые «посылались бы в округа, смотря по ходу дел, и которые могли бы иметь весьма продолжительное пребывание в тех местах, где свойство промыслов требует более постоянного надзора», например на Урале. Здесь надзор инспектора соответствовал бы надзору главного начальника, но был бы «более подвижным, бдительным и беспристрастным уже потому, что инспектор не был бы причастен делам управления».

В. Е. Самарский-Быховец и Л. А. Соколовский возражали (причем первый даже в форме особой записки), убеждая членов Комиссии в необходимости сохранения коллегиального органа при главном начальнике, или инспекторе, для наблюдения за правильным расходованием казенных денег, за выполнением «сложной операции» распределения нарядов военного и морского ведомств, а также для «уравновешивания» его власти, которая могла в противном случае «переродиться в диктатуру». Учтя эти опасения, большинство членов Комиссии (18 против упомянутых выше двух) постановило, тем не менее, упразднить Уральское горное правление, но все-таки оставить при главном начальнике (инспекторе) небольшую канцелярию из чиновников по особым поручениям, а для обсуждения некоторых особо важных дел созывать совет из окружающих горных начальников «в виде временных съездов». «Подробнейшее развитие предположений о распределении занятий между горными начальниками, главным начальником и Горным департаментом» было поручено особой подкомиссии, в которую избрали А. И. Антипова, М. П. Веселовского, А. Д. Озерского, Ф. И. Раселли, В. К. Рашета и П. П. Семенова. Но каких-то заметных последствий это не имело, поскольку в окончательном варианте проекта Устава не осталось даже упоминания о главном начальнике, зато создавались должности инспекторов горных заводов, в обязанности которых входило «обозрение и ревизия казенных заводов по всем частям местного горнозаводского управления» на основе инструкций министра финансов⁶.

Далее Податная комиссия перешла к обсуждению взаимоотношений между окружающими чиновниками — горным начальником и заводским управителем. В. К. Ржевский заявил, что при существовании заводских управителей горный начальник становится «излишней инстанцией», а И. В. Вернадский усомнился в необходимости даже горнозаводских округов как административных единиц. «Горные промыслы способны к развитию и видоизменениям, — полагал он. — Не будет ли учреждение округов мешать

свободе этого развития, закреплять промыслы неподвижными административными рамками?» А. Д. Озерскому и В. К. Рашету пришлось объяснять эксперту-экономисту, что горнозаводские округа — не «искусственные образования» или всего лишь управленческие структуры. «По местным обстоятельствам уральского горного промысла», сообщили они, отдельные заводы не являются «даже в промышленном смысле самостоятельными единицами» и, составляя элемент хозяйственной системы, не могут «жить собственной жизнью». Поэтому, настаивали специалисты, «настоящим распорядителем промышленного дела» должен оставаться окружной горный начальник, который мог быть инженером, поскольку горное хозяйство в первую очередь подчиняется «указаниям техники», но в то же время и хорошим администратором, кроме заводов заведующим «значительными имуществами и угожьями, составлявшими принадлежность заводских дач». Заводские же управители должны быть в первую очередь техниками и выбираться из молодых горных инженеров, которым потребуются более опытный руководитель в лице горного начальника. «Звание заводского управителя будет школой для приготовления начальников округов», — заявили они. Убежденное этими доводами, общее собрание Комиссии оставило без изменений смысл обсуждавшихся статей проекта.

Полемику вызвал и вопрос о «практической пользе» окружных горных советов, которые, как предвещалось И. В. Вернадскому и В. П. Безобразову, «лишь прикрывали бы ответственность окружного начальника, тогда как для пользы дела надо было бы желать от него ответственности непосредственной, личной». «Хозяин, который в случае неудачи может свалить ответственность на другое лицо... будет всегда плохим хозяином, — полагали они. — Съезды, ограничивающие власть горного начальника, шли бы вразрез с их самостоятельной ролью». Согласившись с мнением горных чиновников о необходимости съездов для решения таких «общих дел», как обсуждение годового плана и сметы, распределение военных нарядов между заводами округа, экономисты (вместе с А. И. Антиповым и П. П. Семеновым), тем не менее, отстаивали необязательность для горного начальника решений съездов в целях придания этой должности «полной и нераздельной ответственности» во всех сферах деятельности, включая назначение и увольнение подчиненных лиц. Это мнение и было признано большинством членов Комиссии⁷.

Обсуждение статей проекта, касавшихся отношений с горнозаводским населением, даже вышло за пределы темы казенных заводов, поскольку некоторые аспекты этих отношений имели значение для всех секторов промышленности и не могли оставить равнодушными участвовавших в заседаниях представителей заводчиков. Особую активность они проявили при обсуждении обременительного и бессмысленного обязательства содержать на заводах не менее годового запаса провианта. Г. В. Дружинину пришлось даже углубиться в историю появления этого правила, возникшего во времена, когда «участь крестьян как в нравственном, так и в материальном отношениях была возложена на попечение владельцев», в результате чего выдача провианта превратилась в своеобразную натуральную часть заработной платы. Ныне, когда действовали уже договорные отношения между работниками и заводчиками, нельзя, полагал он, обязывать заводчика заготавливать провиант и при этом не обязывать работника приобретать его. Наличие обязательства не дополнялось соответствующим правом, поэтому с юридической точки зрения оно было несостоятельным. На практике же это правило заставляло заводчика «затрачивать значительную сумму на провиант без

непременной возможности его сбыта», что, принося одни убытки, явно вредило развитию промышленности. «Всякий, посетивший Урал с 1861 г., хотя бы как турист, — констатировал этот уполномоченный Кыштымских заводов, — легко мог заметить, что уральское население принимает на себя работу не иначе, как только за одни деньги, и никакие предложения, или условия, заменяющие хотя бы часть денежного вознаграждения, им не принимаются». Вопросы содержания «хлебных магазинов», считал эксперт, нужно передать Комиссии народного продовольствия «на общем основании существующих законов».

Обращаясь к практике ведения казенного хозяйства, В.К. Рашет сообщил, что «правило годичного провианта» исполняется только на отдаленных северных заводах, где недостаточно развита хлебная торговля. На прочих же казенных заводах этот закон «оставался без применения», что не приводило, однако, «ни к каким неудобствам или затруднениям». И.В. Вернадский же вообще стал отрицать значение «системы казенных запасов для продовольствия народонаселения», оценив ее как меру, во-первых, недостаточную «в сравнении с размерами народных потребностей» и, во-вторых, способствующую «экономическому колебанию цен — злу, которым парализуется правильная хлебная торговля». А.И. Антипов указал на более успешную практику открытия местных торжков, которой полностью преодолевались существующие затруднения в обеспечении рабочих хлебом. Собрание также сочло, что начавшееся по закону 3 декабря 1862 г. взимание с мастеровых по 5 коп. в «продовольственный капитал», а также деятельность земств будут способствовать решению продовольственной проблемы успешнее, чем «стеснительный и непрактичный» действующий закон, и признало необходимым ходатайствовать об его отмене как для казенных, так и для частных заводов⁸.

По письменному заявлению Д.П. Шипова Комиссия обсудила вопрос о «расчетных книжках» в том расширенном значении, как они трактовались в проекте Горного устава. Заводчик и поддержавший его И.В. Вернадский заявили о смешении там «понятия о книжке расчетной и книжке рабочей», заимствованном из Положения от 8 марта 1861 г. Если первая, предназначенная для записи условий найма и расчетов, признавалась полезной для «предупреждения возникновения обоюдных между двумя сторонами пререканий», то придание ей значения паспорта или аттестата обращало ее «в средство притеснения рабочего». Для того чтобы разобраться в этом важном вопросе, были привлечены действующие и проектировавшиеся постановления (в частности, Правила о найме сельских рабочих и служителей от 1 апреля 1863 г.; составленный в Податной комиссии проект правил о найме рабочих на частных золотых промыслах; составленный Комиссией для пересмотра уставов фабричного и ремесленного проект Устава о промышленности⁹; составленный в Мануфактурном совете проект Устава о фабричной, заводской и ремесленной промышленности, а также рекомендации Комиссии при Государственном контроле для определения общих начал материального счетоводства и отчетности), которые показали отсутствие единства в трактовке значения «рабочих книжек». Горная комиссия сочла необходимым обратить внимание правительства на это разногласие и удалить из текста соответствующей статьи проекта упоминание о расчетной книжке как о «виде на проживание».

Сопоставив статьи проекта с требованиями действующего законодательства, И.П. Арапетов и Г.В. Дружинин обнаружили, что проект вводил новое ограничение в использовании женского труда на горных работах «только в дневное время». «Женская работа на рудниках необходима, — заявили они. — Подноскою руд занимаются

почти исключительно женщины... и странно ограничивать какими бы то ни было нормами труд лиц, не имеющих иногда других средств к жизни, кроме рудничной работы». П. П. Семенов стал доказывать, что особенности рудничной, особенно подземной, работы ставят женщину в совершенно незащитное положение и, безусловно, требуют «вмешательства закона». «Вопрос о женском и детском труде принадлежит к числу тех вопросов, где принцип свободного распоряжения собственным трудом приходит в столкновение с интересами народного здоровья и народной нравственности», — полагал и М. П. Веселовский, ссылаясь на европейское законодательство, тоже предусматривавшее на этот счет «известные ограничения»¹⁰. Большинством голосов (19 против восьми) Комиссия сохранила эту «оговорку» в проекте и сочла необходимым оставить пункт о полном запрете женского труда на подземных работах в рудниках в любое время суток¹¹.

Много сомнений у членов Комиссии возникло по поводу необходимости содержания обширной социальной инфраструктуры в казенных округах. В. П. Безобразов даже заявил, что наличие «особых для горного населения врачей и больниц, церквей с причтами и школ... несогласно с принципом доброго хозяйства», особенно когда это хозяйство не приносит прибылей. Конечно, соглашался Л. А. Соколовский, «эти учреждения по существу их не составляют принадлежности горных заводов», но не следует забывать, что большая часть заводов «находится в местах глухих, весьма удаленных от значительных административных центров... а горнозаводское население... еще не довольно окрепло после эмансипации, чтобы не нуждаться в помощи правительства». Его поддержал и И. П. Арапетов, заметив, что обязанности казны в отношении этого населения, «скупенного на окраинах государства насильственными методами», так важны, что их «нельзя ставить в зависимость от размера прибылей, доставляемых заводами». По его мнению, казна должна была исполнять свои попечительские обязанности, пока население «не достигло полной хозяйственной самостоятельности». В противном случае, «устранив эти попечения разом», она рисковала бы «привести в полное расстройство и местные церкви, и школы, и врачебную часть, а такое явление отразилось бы весьма важными неудобствами не только для самих жителей горнозаводских округов, но и для правительства».

После этих заявлений дальнейшее обсуждение проблемы сконцентрировалось лишь вокруг вопроса о величине «попечительских расходов». «Если нельзя отвергать безусловную важность и полезность этих учреждений, — заявил представитель Государственного контроля Е. И. Ададунов, — то нельзя также оставить без внимания и средства к возможному сокращению издержек». По его данным, только в уральских казенных округах имелось 35 церквей, на содержание которых уходило около 41 тыс. руб., на богадельни расходовалось 83 тыс., на школы — 28 тыс., на госпитали и аптеки — 91 тыс. руб., и это при том, что в 1867 г. убыток от казенного горнозаводского производства исчислялся суммой в 700 тыс. руб. «Если справедливо, что население не достигло еще желаемой самостоятельности, — размышлял он, — то не подлежит также сомнению, что, привыкнув пользоваться правительственными попечениями и продолжая ими пользоваться, оно никогда не выработает в себе задатков самостоятельного развития». Поэтому необходимо беречь казенные деньги и постепенно сокращать попечительские обязанности.

Это мнение нашло поддержку у И. В. Вернадского, П. П. Семенова и Ф. В. Тундгольда, которые попытались, в частности, доказать, что на заводах «необходимы

и полезны не столько госпитали, сколько врачи». Они обратили внимание на тот факт, что после отмены «обязательного труда» заводские больницы опустели (это подтвердил и представитель строгановских заводов Н. Н. Анцыферов). «Ныне рабочему уже не представляется выгоды сказываться больным», как это нередко происходило прежде, разъясняли они, да и сами рабочие предпочитают лечиться дома и неохотно идут в больницы. «При таких условиях врачи, подающие в лечебнице помощь приходящим, гораздо более удовлетворяют требованиям заводского населения, чем госпитали, рискующие остаться без больных, и госпитальные врачи, рискующие не найти себе практики».

Вступивший в полемику А. А. Абаза напомнил о положении Комитета министров от 26 августа 1866 г., обязавшем частных фабрикантов и заводчиков иметь больницы «соразмерно числу занимаемых ими рабочих». Это заявление прекратило прения по данному вопросу. Ф. И. Раселли предложил лишь ориентироваться при решении судьбы действующих госпиталей на штаты заводского управления и не учреждать больницы там, где «можно обойтись одним врачом или фельдшером при лечебнице». Это предложение и было признано «наиболее удобным». Дальнейшее обсуждение условий содержания больных в заводских госпиталях привело к решению сократить срок бесплатного лечения с двух месяцев до одного, чтобы «не побуждать рабочих притворяться больными», но сохранить на это время выдачу пособия семьям тех из них, кто состояли членами горнозаводских товариществ.

Был поставлен и вопрос о целесообразности содержать действующие при уральских казенных округах, а также при Олонецком и Луганском, заводские школы и окружные училища. Е. И. Ададуров, В. П. Безобразов, И. В. Вернадский и П. П. Семенов сочли подобный порядок «аномалией, не оправдываемой никакими серьезными интересами», и предложили передать эти 33 учебных заведения в управление Министерства народного просвещения вместе с обязанностью бесплатно обучать детей членов горнозаводских товариществ. Только Уральское горное училище «с чисто специальной программой обучения», а также Горный институт в Санкт-Петербурге должны были остаться в горном ведомстве.

Если принятое Горной комиссией решение передать «богоугодные заведения» на попечение горнозаводских товариществ не вызвало возражений у членов Податной комиссии, то расходы на «церковное благоустройство при заводах» были расценены как «превышающие меру действительной потребности». «Положение духовенства на Урале в разных местностях не одинаково, — заявил Е. И. Ададуров, — местами причты живут в избытке, местами же крайне нуждаются». Самым правильным решением этого вопроса, на его взгляд, была бы передача церковей в духовное ведомство «с обеспечением причтов на общих основаниях... или припиской к церквям земель, или так называемым ружным довольствием». Податная комиссия рекомендовала именно так и решить этот вопрос «высшему правительству» и исключила статьи о содержании православных и единоверческих церковей из проекта Горного устава¹².

Далее был поднят вопрос об отчетности казенных заводов, которую поделили на два вида — контрольную, «ведущуюся для целей Государственного контроля, составления правильного бюджета и определения государственного баланса», и административную, востребованную «хозяйственными видами» самого горного ведомства. Первую решили согласовать с разрабатывавшимся тогда в особой комиссии при Государственном контроле «порядком ревизионной отчетности»; вторую же как «дело

специальное и по существу своему изменчивое» предложили определять инструкциями, т. е. в административном, а не в законодательном порядке. «Отсутствие подобных законодательных определений открывает простор административному произволу и ставит дело в зависимость от личных взглядов администрации», — предупредили члены Горной комиссии. Но большинство участников общего собрания (16 против девяти) все-таки постановило «предметы, порядок и формы административной отчетности по казенным горным заводам предоставить министру финансов определять особыми инструкциями».

При обсуждении заключительных статей главы проекта о местном управлении казенными заводами, посвященных горной страже, Е. И. Ададунов и примкнувший к нему Л. А. Соколовский инициировали дебаты по вопросу: «Нельзя ли вовсе обойтись без военных караулов и конвоев и ограничиться прислугой из вольнонаемных людей?» Отмена расходов на стражу значительно сократила бы и упростила бюджет Горного департамента, убеждали они членов Комиссии, да и после введения так называемой «системы единства кассы» при заводоуправлениях не хранились уже значительные денежные суммы, и поэтому не требовалось охраны «со стороны военной силы». Но В. К. Рашет и П. П. Семенов напомнили, что, кроме охраны денежной наличности, на казенном управлении остаются еще такие операции, как «препровождение золота и медной монеты», и что «в Приуральском крае есть еще до того глухие и пустые местности, где присутствие охраняющей военной силы совершенно необходимо». В качестве доказательства они ссылались на «нравственную статистику Пермской губернии, представляющей весьма значительные цифры преступлений». В итоге члены Комиссии проявили осторожность, признав необходимость военных караулов и стражи на казенных заводах, но сочли нужным полностью передать вопросы их формирования и финансирования Военному министерству. После заявления его представителя в Податной комиссии Г. В. Мещеринова о том, что «без передачи расхода на стражу в бюджет этого Министерства оно не будет в состоянии «отделить часть войска для потребностей горных заводов и промыслов», постановили ходатайствовать об этом перед правительством¹³.

Была также подробно обсуждена записка члена Податной комиссии Д. Ф. Кобеко по вопросу о возможности горным чинам владеть заводами или арендовать их, упущенному Горной комиссией. Автор предлагал запретить это лицам, служащим «по главному управлению горной частью», а окружным чиновникам — «в пределах тех округов, где они состоят в службе», и не дозволять никаким чинам «быть поверенными частных заводоладельцев или управляющими их делами». Часть членов Комиссии поддержала это мнение, полагая, что такое «соединение обязанностей по казенной и частной службе... было опасно при столкновении интересов казны и частного промысла». Другие заявляли, что не менее вредно было бы «слишком расширять рамку запрещений». «Есть казенные должности по горному ведомству, которые без вреда для государственной службы и для интересов казны могут быть соединяемы с частными занятиями, хотя бы и у горных заводчиков», — полагали сторонники этого мнения. В горном ведомстве, например, служило «много техников из молодых людей, которые, не имея заметного служебного влияния, могли бы с большей для дела пользой приобрести горный завод в собственность, взять его в аренду или принять на себя управление частным заводом или делами заводчика, не оставляя службы», как это уже практиковалось в ведомстве инженеров путей сообщения. В ходе баллотировки было поддержано мнение

о нецелесообразности запрета «всем вообще горным служащим быть поверенными или управляющими частных заводчиков» (14 голосов против двух). При уточнении номенклатуры должностей, попадающих под запрет, приняли редакцию А. А. Абазы: владельцами и арендаторами, а также поверенными и управляющими частных округов не могут быть те лица, служебное влияние которых распространяется на эти округа. Собрание лишь дополнило, что это «изъятие» относилось также к женам и детям чиновников¹⁴.

Особенно остро проходило обсуждение третьей главы проекта, посвященной «местному надзору за производством частного горного промысла». Главной новацией Горной комиссии в этом плане была передача надзора институту окружных инженеров. Первым резко критически высказался В. П. Безобразов. «Правила, указанные в этой главе, — настаивал он, — заключают в себе такую регламентацию и стеснения для частной горной промышленности, которой нет даже и в ныне действующем Горном уставе». Существование этой регламентации, по его мнению, обуславливалось прежде двумя главными факторами: крепостным правом и связанной с ним «опекой казенного заводского населения», а также посессионным правом и «соединенными с ним пособиями от казны в виде рудников, лесов и обязательного труда в пользу владельцев-недворян». Отношения между правительством и заводчиками имели до 1861 г. «патриархальный характер». В настоящее время, когда крепостное право отменено, а заводы предложено освободить от посессионного права, необходимо «поставить частную горную промышленность под действие общего закона, в условия всех прочих промыслов в России, т. е. уничтожить стеснения, допустив полное право распоряжения, и подчинить заводчиков в отношении обязательств общим гражданским законам». Введение же института окружных инженеров означало, по мнению экономиста, «удержание специального надзора над частными заводами». «Правительство должно быть освобождено от опеки над горными заводами, от ответственности за их несостоятельность, от обязанности помогать им», — заключал В. П. Безобразов, предлагая вообще исключить третью главу из проекта Устава, а обязанности окружных инженеров распределить между различными ведомствами¹⁵.

Один из авторов обсуждаемого проекта, Л. А. Соколовский, попытался снизить накал критики, пояснив, что регламентация вполне закономерно сохранялась в основном для посессионеров, которым в то же время «давался широкий выход из настоящего положения обращением посессий в собственность посредством выкупа». «Небольшой надзор за частным горным промыслом нужен уже потому, что он составляет государственный доход... — доказывал он. — Если признать нужным учитывать подать, иметь надзор за машинами, усилить полицию, отводить новые прииски, то все это необходимо соединить в одни руки». «Даже в Англии, — вторил ему Н. И. Михайлов, — где горный промысел вполне свободен, установлен весьма строгий надзор над безопасностью работ в рудниках». Там, на сравнительно небольшой территории, действовали 12 инспекторов, а на Урале, при всей «огромности его протяжения», предполагалось учредить всего шесть должностей окружных инженеров. Стремление же «подвести горное производство под действие общих гражданских законов» осуществляется в проекте Устава настолько, насколько это возможно «при специальных условиях горного промысла». «Раздробление обязанностей окружных инженеров между разными органами правительства, — предупреждал Н. И. Михайлов, — повлечет за собой еще большие стеснения»¹⁶.

Позицию Государственного контроля по этому вопросу представил Е. И. Ададулов: он высказался против введения этих новых должностных лиц, которые, «посещая один или даже два раза в год заводы», не могли контролировать ни их производительность, ни безопасность горных работ. Пришлось бы, по его мнению, либо увеличить количество инженеров, либо предоставить их функции другим учреждениям. В такой ситуации представители заводчиков Г. В. Дружинин и Д. А. Огородзинский сплоченно выступили против введения «нового института», утверждая, что заводчики сами в состоянии следить за правильностью ведения заводской документации, на основе которой рассчитывалась сумма податей, а для соблюдения безопасности работ достаточно «одних только репрессивных мер». «Русские заводчики человеколюбивы в своем отношении к рабочим и вовсе не эксплуатируют их, — поддержал их позицию В. П. Безобразов, видимо, основываясь на собственных наблюдениях во время поездки на заводы в 1867 г. — На Урале нет и слуха о каких-либо вредных распоряжениях собственников заводов. Большая часть несчастных случаев происходит от неосторожности самих рабочих». В ответ на заявление представителя Уральского горного правления Н. Г. Мальгина о том, что надзор за лесами все-таки требует специальных знаний, Д. А. Огородзинский возразил, что, в соответствии с проектом, этот надзор ограничен лишь наблюдением «за неупотреблением лесов на заводские надобности», поэтому он вполне доступен и неспециалистам. Новым горным чиновникам нечего будет делать, настаивал В. П. Безобразов, и их должности «обратятся в синекуры», или они «станут показывать свою деятельность, развивать ее и усердствовать на счет свободы производства». Институт окружных инженеров с легкостью может «развиться в орудие произвола». «Нам надобно совершенно отрешиться от прошлого, полумеры бесполезны», — заключил он.

Оспорить некоторые из этих утверждений решился Ф. И. Расели. Чтобы не быть голословным, он привел имевшиеся в его распоряжении сведения, полученные от двух окружных инженеров, с 1862 г. работавших в Замосковном районе. «Общеобывновенным случаем» там было, например, занижение заводоуправлениями количества выплавленного на заводах чугуна по сравнению с выделанным железом, а один из управляющих совсем отказался доставлять сведения «о времени, когда была пущена и остановлена доменная печь». «Если предоставить определение податей на усмотрение заводчиков, то только добросовестные из них будут платить, а остальные станут уклоняться», — заявил вице-директор Горного департамента. Изучавший историю горного управления Н. И. Михайлов напомнил членам Комиссии о том, что опыт непрофессионального надзора над частным горным промыслом уже имел место в конце царствования Екатерины II (тогда он был поручен казенным палатам), но оказался безуспешным и просуществовал всего несколько лет. «Следует очень осторожно относиться к вопросу о передаче горного надзора не специальным лицам», — предупредил он.

В такой непростой ситуации было решено голосовать отдельно по каждой из зафиксированных в проекте Устава обязанностей окружных инженеров и по результатам «баллотировки» определить, необходим ли этот новый институт местного надзора за частными заводами. Итог голосования оказался не в его пользу. Члены Комиссии не пришли к общему заключению по вопросу об учете податей и решили отложить его до обсуждения соответствующих разделов Горного устава. Надзору за безопасностью работ большинством голосов предпочли уже «установленную по закону ответственность заводладельцев за вред от несчастных случаев». Комиссия сочла, что обязанность по отводу приисков и рудников проще было возложить «на то ведомство,

в распоряжении которого будут состоять земли, испрашиваемые для отвода». Выдачу свидетельств о металлах, закладываемых в Екатеринбургской банковской конторе, решили исключить из функций окружных инженеров по причине того, что, по заявлению Е. И. Ламанского, «права и обязанности Государственного банка были достаточно определены его Уставом». Обязанность оказания заводчикам содействия «к правильному ведению горнозаводских и рудничных работ» тоже нашли излишней, основываясь на том представлении, что «собственный интерес заводчика лучше укажет ему, к кому обратиться за советом», тем более что «даровые советы большей частью обходились дорого».

Таким образом, ни одна из обязанностей окружных инженеров не получила поддержки большинства членов Податной комиссии, что и послужило основанием для итогового заключения «о бесполезности повсеместного введения этого нового института»¹⁷.

Дискуссии о частной промышленности

В начале обсуждения главы «О частной горной промышленности на полном владельческом праве» В. П. Безобразов заявил о необходимости уточнить ее название, используя не устаревший термин «владельческое право, а соответствующее новейшим представлениям понятие «собственность». Комиссия одобрила это предложение, оставив «для сохранения исторического следа» лишь выражение «так называемые владельческие заводы», подразумевая под ними «частные горные заводы на полном праве собственности».

Обсуждение содержания этой главы началось с вопроса о введенном Горной комиссией в проект Устава отдельном праве собственности на недра. Выступление Е. И. Ададунова, основанное на известном ему опыте Пруссии, спровоцировало полемику о возможности возвращения России к противоположному принципу «горной свободы». «Не стоит ли, — задавал он вопрос, — отделить право владения поверхностью земли от владения недрами ее и подвергнуть последнее некоторым ограничениям?» Имелись в виду случаи, когда собственник был «либо не в силах, либо не в состоянии» вести, например, разработку остро необходимого для развития отечественной металлургии минерального топлива или «не хотел допустить к тому других».

Однозначно против возвращения к «горной свободе» высказались Г. В. Дружинин, В. А. Пашков и Д. А. Огородзинский, поддержанные В. П. Безобразовым. Он, в частности, стал доказывать, что «изменение в началах полной собственности» неизбежно «введет государственную деятельность в область частного горного производства, а с тем вместе и регламентацию», от которой Податная комиссия как раз и намеревалась освободить горный промысел. У правительства нет недостатка в средствах поднять промысел, полагал экономист, помимо ограничения частной собственности. «Настоящий вопрос имеет такую громадную важность, что требует самого тщательного и всестороннего обсуждения, — предостерегал он. — В иностранной весьма обширной литературе по этому предмету, юридической и экономической, он разрешен различно. Большинство же экономических воззрений в Европе высказывается против ограничения частной горной собственности». На общий характер поставленного вопроса, превышающего полномочия Комиссии, указал и Н. И. Михайлов.

Е. И. Ададунов и поддержавшие его Г. П. Гельмерсен и члены Податной комиссии Н. Н. Тютчев и К. И. Домонтович отметили, что ограничение права собственности

«предлагается не в видах развития правительственной регламентации и деятельности, а с целью предоставления возможно большей свободы капиталу, труду, знаниям и предприимчивости» и поэтому никак не идет вразрез с намерениями Комиссии. Полемику прекратил председатель заседания А. К. Гирс, обративший внимание на то, что в обсуждаемом проекте уже допускается свободная частная деятельность на казенных землях и тем самым открывается «обширное поприще для развития горной промышленности». При голосовании большинство членов Податной комиссии (12 против восьми) постановили «не подвергать обсуждению коренной гражданский закон о праве полной собственности как на поверхность, так и на недра земли», и оставили в тексте проекта предложение Горной комиссии¹⁸.

При рассмотрении условий горнозаводского производства на владельческих предприятиях основательной критике были подвергнуты подготовленные пять лет назад Горной комиссией правила от 3 декабря 1862 г. о мерах по обеспечению горнозаводского населения при закрытии завода¹⁹. В соответствии с этими правилами, заводчик должен был за год до закрытия объявить мастерам о своем намерении и в течение этого времени или давать им работу, или снабжать провиантом и дровами. Д. А. Огородзинский находил, что эти меры были необходимы «на первых порах» после реформы 1861 г., когда «признавалось нужным обеспечить заводских рабочих на случай внезапного лишения их работы». Ныне же, утверждал представитель заводчиков, когда «отношения между населением и владельцами установились», надобность в них исчезла. Подверглась сомнению и сама возможность точного исполнения закона. «Закрытие завода, — объяснял он, — никогда не бывает добровольное, а есть следствие крайней необходимости. Владельцу не из чего обеспечивать рабочих на определенный законом срок. Наконец, действие завода может остановиться и по непредвиденным обстоятельствам... Таким образом, заводчика, которого судьба разорила, разоряет еще и закон. В результате же выйдет то, что все-таки поплатится казна». Е. И. Ададуров тоже заступился за заводчиков, полагая, что обязательство за год объявлять о закрытии завода на деле неисполнимо. «Как он (заводчик. — *Е. И.*) может объявить об этом, если за год не имеет еще этого намерения, и можно ли заставить его работать, если производство разорит его?» — размышлял эксперт. В. П. Безобразов дополнил эти рассуждения своим собственным наблюдением: «...на практике все указанные меры предосторожности в видах обеспечения заводского населения не принесли пользы». Положило предел этим прениям замечание Л. А. Соколовского о том, что вопрос о хлебом обеспечении горнозаводского населения находится на рассмотрении Горного совета и в скором времени его заключение будет передано в Податную комиссию «для совокупного рассмотрения с имеющимися в Комиссии данными». Приняв это к сведению, общее собрание перешло к обсуждению вопроса о посессионных заводах²⁰.

Решение их судьбы заняло большую часть времени работы Податной комиссии. Как записано в журнале заседаний, члены Комиссии «обстоятельно обсудили все доводы, высказывания за и против существующего порядка». Видимо, это было вызвано желанием постоянных членов Комиссии, недостаточно знакомых с особенностями «горнозаводской посессии», понять суть обсуждавшихся вопросов и выработать свое отношение к ним. Представители же заводчиков, присутствовавшие на заседаниях, предполагали воспользоваться случаем и добиться еще больших уступок со стороны властей.

В начале обсуждения возглавлявший «партию посессионеров» Д. А. Огородзинский обратил внимание на серьезные финансовые трудности, переживаемые этими заводами

на рубеже 1850–1860-х гг. Он убеждал членов Комиссии, что причиной «кризиса» были не заводчики, а «длительный ряд следовавших одно за другим неблагоприятных для горной промышленности условий», к числу которых относились рекрутские наборы периода Крымской войны; закрытие казенных кредитных учреждений ввиду подготавливавшейся реформы банковской системы; дороговизна хлеба из-за нескольких следовавших подряд неурожайных лет; начало крестьянской реформы, сопряженной с переходом на свободный труд; понижение рыночных цен на металлы, последовавшее за установлением льготного тарифа на ввоз заграничного железа, и пр. «Чтобы выйти из такого положения или, по крайней мере, улучшить его по возможности, нужны коренные в заводском хозяйстве преобразования, — настаивал Д. А. Огородзинский. — Для этого нужна заводчикам экономическая свобода и капиталы, но экономической свободой заводчики пользуются не вполне... Специальный контроль, существующий над посессионными заводами... не вызванный историческими или государственными потребностями, находится в прямом противоречии с твердо установившимися понятиями о процветании каждой отрасли народной промышленности только при возможно большей свободе действий и при возможно меньшей регламентации со стороны государства». Но прежде чем решать судьбу посессионного права, он предлагал «определить с точностью, в чем должно заключаться это право... что, как и сколько принадлежит посессионным владельцам».

«В настоящее время более, нежели когда-нибудь, стоит крайняя необходимость устранить всякие сомнения относительно прав посессионных заводладельцев, — считал и В. П. Безобразов. — Прежде обязательный труд сугубо вознаграждал их за все неудобства, которым они подвергались. Теперь же, когда они должны вести горнозаводское дело на коммерческих основаниях, когда требуется усиление производства, для чего необходимы технические усовершенствования, затрата капиталов, когда некоторые заводы должны будут перейти в другие руки, точное определение прав посессионных заводладельцев должно быть ясно и положительно выражено в законе»²¹.

Видимо, понимание важности и сложности проблемы, требующей специально-го разъяснения, побудило составить особые документы, с которыми члены Комиссии могли ознакомиться дополнительно. Д. А. Огородзинский стал автором «Записки о значении посессионного права», в которой, «обращаясь к историческим и юридическим фактам», он доказывал, что право заводчиков на посессию есть право частной собственности, но не полное, а ограниченное обязанностью осуществлять заводское производство и платить в казну добавочную подать. С точки зрения «установившейся в науке теории гражданского права», полагал он, посессионное право составляет «один из видов ограниченной собственности». В этой связи на заседании Комиссии он предложил новую трактовку статьи Горного устава, определявшей принадлежность заводов к этой группе: «К посессионным горным заводам относятся все те, которые, составляя собственность частных лиц, имеют в своем владении, пользовании и распоряжении отданные им правительством для производства горного промысла посессионные леса и земли»²². Такое представление не только сохраняло за посессионерами монопольное право на использование природных ресурсов их округов, но и давало основание для желаемой заводчиками безвозмездной передачи им посессий или хотя бы для расширения их прав, что отчасти уже было зафиксировано в проекте Горной комиссии.

Однако его мнение не было поддержано большинством участников заседания. Н. И. Михайлов, защищая официальное воззрение на посессию как на временно

переданную в распоряжение заводчиков собственность казны, составил свою «Записку о посессионном праве в горной промышленности». В ней он пояснял, что не имеет «каких-либо злонамеренных целей относительно посессионных земель и лесов», а желает «главнейше развития... горной промышленности в этих землях, независимо от посессионных владельцев». Он сообщал, что еще в 1863 г. представил это свое мнение Горной комиссии, но «при обсуждении проектируемых мер в присутствии частных заводладельцев и их поверенных» оно было отвергнуто, и вместо сокращения монополии заводчиков им было предоставлено исключительное право ведения горного промысла на посессионных землях. «В лице г-на Огородзинского, — оценивал Н. И. Михайлов оппонента, — посессионные заводладельцы приобрели весьма талантливого адвоката своих интересов. Желательно было бы, чтобы и права казны в посессионном вопросе, и тесно связанная с ним возможность широкого развития частной горной промышленности нашли бы себе в среде Податной комиссии защитника более-менее способного»²³.

Е. И. Ададуров подвел промежуточный итог дискуссии о посессионном праве: «В виду Комиссии есть два противоположных мнения о посессионных заводах. Одно право собственности удерживает за казною, другое — за заводчиками. Обе стороны правы, когда опровергают одна другую, и не правы, когда доказывают свои положения... Казна не может иметь на них (заводы. — *Е. И.*) права собственности, т. к. по отношению к ним она не имеет ни права пользования, ни права распоряжения. С другой стороны, и право заводчика на эти заводы ограничено временем и условием исправности в производстве горных работ... Когда существует такая неопределенность во мнениях и правах посессионных заводчиков, нельзя надеяться, чтобы заводское горное дело могло совершенствоваться и развиваться».

Не придя в этом вопросе к единой точке зрения, Податная комиссия в то же время однозначно высказалась за ликвидацию посессионного права. В выступлении того же Е. И. Ададунова прозвучало: «Посессионное право устарело и не имеет *raison d'être* (смысла существования — *Е. И.*). Две системы владения в одном и том же государстве немислимы... Надо ввести совершенную полноправность во всех заводах». По вопросу о способе ликвидации этого права посредством предложенного Горной комиссией выкупа посессий заводчиками у казны вновь обнаружились существенные разногласия, в связи с чем было принято решение «поручить особой комиссии разработать и представить общему собранию предложения об основаниях к самому способу выкупа» (см. разд. 1 гл. III).

Ввиду определенной перспективы выкупа член Податной комиссии А. П. Заблоцкий-Десятовский предложил компромиссное решение: «Не входить в обсуждение юридического определения посессионного права... и удержать то определение... которое существует в действующем законодательстве». Оно в итоге восторжествовало, что позволило Комиссии двигаться вперед. «Находя, что с разрешением вопроса о выкупе посессий на весьма льготных условиях не представляется никакой практической необходимости в точном юридическом определении посессионного права», члены Комиссии сохранили устроившее тогда всех прежнее определение: «К частным горным промыслам и заводам, состоящим на праве посессионном, принадлежат те, которым отведены в пособие от казны или земли, или леса для производства горного промысла и которые платят особую горную подать, именно для них установленную»²⁴.

Далее следовало обсудить те условия ведения горного промысла на посессионных землях, которые, по предложению Горной комиссии, должны были действовать

до завершения выкупной операции. Их критике Д. А. Огородзинский посвятил свою вторую «Записку по поводу проектируемых Комиссией по пересмотру Горного устава изменений в ныне действующие законоположения, относящиеся до частной горной промышленности на посессионном праве», датированной апрелем 1867 г. Он утверждал, что составленный Горной комиссией проект Устава «далеко не оправдал возложенных на него надежд», особенно в вопросе снятия посессионных ограничений: одни статьи Устава сохранили постановления, «бесполезно затрудняющие частную горную деятельность», другим «недоставало полноты, ясности и точности», некоторые же важные вопросы были вообще обойдены молчанием, что могло «возродить впоследствии большие неудобства, открывающие... поле произволу личных взглядов». Причину этого эксперт видел в том, что Комиссия состояла из горных чиновников, «до того времени только и занимавшихся по долгу службы наблюдением, контролированием и всякими другими способами опекавших частную горную деятельность». И в новый Устав они «внесли ту же регламентацию и те же стеснения для частной промышленности»²⁵.

Конечно, эта намеренно преувеличенная критика была вызвана стремлением добиться скорейшего и полного уравнения в правах посессионных заводов с владельческими. В этом стремлении посессионеров поддержал Е. И. Ададунов, высказавшийся в том смысле, что посессионное право должно прекратиться «со дня издания об этом постановления в законодательном порядке», после чего все заводчики должны получить уже «полную равноправность». Однако противник монопольных прав Н. И. Михайлов призвал «не решать вопрос валовым образом и не учитывать только интересы заводчиков». Он полагал, что государственные интересы должны быть «тесно соединены» не только с интересами горнозаводчиков, но и с правами других частных предпринимателей, которым тоже следует предоставить возможность эксплуатации природных ресурсов посессионных округов. А. П. Заблоцкий-Десятовский же полагал, что это нарушало бы право частной собственности, которое Комиссия намеревалась предоставить посессионерам²⁶.

Перейдя к обсуждению предложенных Горной комиссией конкретных мер по расширению прав посессионеров, участники заседания согласились с предоставлением заводчикам возможности разработки всех минеральных богатств посессионных дач, но проголосовали против поступивших вновь предложений о распространении этого права и на проектировавшиеся наделы государственных крестьян, проживавших в посессионных дачах, а также о возможности заготавливать лес и обмениваться им «между соседними посессионными владельцами». По первому из этих вопросов учли, что казна была обязана заботиться «об обеспечении быта» государственных крестьян и, желая предоставить им наделные земли в собственность, не могла даровать заводчикам право поиска и разработки там рудных месторождений без согласия крестьян. «Весьма сомнительно, — с иронией заметил Е. И. Ададунов, — чтобы заводчики согласились дать посторонним лицам право распоряжаться таким же образом их землями». Обмен же лесными материалами между соседними посессионными округами, который на деле способствовал бы рациональному использованию ресурсов, отвергли только потому, что сочли недоступным для проверки.

Не прошла и предложенная Д. А. Огородзинским поправка, ограничивавшая возможность министра финансов отказывать посессионерам в просьбе дробить горнозаводские округа при продажах или наследовании только случаем, «если от сего последует убыточное для казны расстройство в горнозаводском действии». В. П. Безобразов

предположил, что министр может отказать и по другим причинам, например из-за уменьшения ценности имения. В результате в проекте сохранилась статья об обязательности согласия министра на дробление округа без упоминания о причинах отказа. Таким образом, желая ограничить полномочия министра в этом отношении, посессионеры добились в итоге лишь их возможного расширения²⁷.

Когда пришло время обсудить вопрос о праве посессионеров распоряжаться заводами, с которым был связан и вопрос об обеспечении горнозаводского населения в случае сокращения или прекращения производства, в Податную комиссию поступил давно ожидаемый отзыв Горного совета. Смысл предложений сводился к тому, чтобы обязать заводчиков содержать годовой запас провианта и «продовольствовать» в случае сокращения только тех рабочих, которые включили это условие в договор при найме на работу. Представитель Министерства внутренних дел В. К. Ржевский напомнил собранию о том, что по закону платежным средством признаются только деньги. «В этом есть глубокий смысл, — поддержал его В. П. Безобразов. — Известны злоупотребления, которые позволяют себе фабриканты, расплачиваясь с рабочими гнилым фабричным товаром, браком. Если дозволить горнозаводчикам производить плату мастеровым хлебом вместо денег, то очень легко может случиться, что они станут сбывать им затхлый, гнилой хлеб из запасов». Этот нелестный по отношению к заводчикам пассаж был необходим экономисту для того, чтобы предложить совсем снять с них обязанность обеспечивать мастеровых продовольствием, поскольку это якобы «парализовало правильную хлебную торговлю, развитие которой более обеспечивало население, нежели всевозможные заводские запасы». На это последовало возражение Е. И. Ададурова. Он напомнил о том, что на Урале хлебная торговля была сосредоточена в руках монополистов, которые ставят «в затруднительное положение» и заводчиков, и горнозаводское население. Во время неурожаев 1859–1861 г., сообщал этот информированный представитель Государственного контроля, они скупили весь хлеб на Урале и подняли его цену с 25 коп. до 1 руб. за пуд. Едва ли возможно, резюмировал он, отменять заготовку провианта как по этой причине, так и потому, что на основании именно этих условий «совершилось освобождение горнозаводского населения». На это последовало замечание председателя заседания А. К. Гирса о том, что «с установлением более правильных отношений между заводчиками и мастеровыми» первоначальные условия уже «перестали соответствовать целям, ввиду которых они были установлены». В итоге большинством голосов решили распространить и на посессионные заводы ходатайство об отмене обязанности иметь годовой запас провианта и дополнительно просить о «снятии всякой обязанности с заводчиков продовольствовать мастеровых провиантом в случае закрытия или прекращения заводского действия», установленной правилами 3 декабря 1862 г.²⁸

Вызвал сомнение и определенный Горной комиссией пятилетний срок возможной остановки завода, по истечении которого он поступал в управление казны или назначался в публичную продажу на том же посессионном праве. Вслед за П. П. Семеновым Е. И. Ададуров предположил, что за столь долгий срок «заводское действие совершенно уничтожится, а население станет изыскивать другие средства к существованию». Казенное управление в таком случае окажется бессмысленным, поэтому следует заменить его более конкретным выражением о переходе таких заводских имений «в ведение казны». Ввиду взятого курса на уничтожение посессионного права нельзя было согласиться и на сохранение прежнего статуса заводов после публичной продажи.

Но перемена статуса с посессионного на владельческий влекла за собой и необходимость учета операции выкупа посессий. Поэтому было предусмотрено из денег, вырученных от продажи, не только погашать первостепенные по значимости казенные долги и долги владельца по найму рабочих, но и вычитать выкупную сумму. Остаток же шел «на удовлетворение заводчика». Члены Комиссии одобрили все эти предложения, сократив «льготный» срок прекращения производства до трех лет. Учли и особенности окружной организации уральской промышленности, оговорив, что закрытие одного или нескольких заводов посессионного округа не становилось «поводом к отдельной продаже этих заводов в случае, если общая производительность округа не уменьшалась».

В такой ситуации с публичной продажей заводов, складывающейся явно не в пользу заводчиков, их представители попытались сохранить за ними хоть какие-то льготы. Они предложили закрепить за посессионерами право получить вознаграждение за заводские строения и устройства, если сумма, предложенная на торгах, была ниже (или равна) выкупной суммы, а также право на отвод заявленных в трехлетний срок после закрытия завода золотых приисков внутри посессионной дачи. Но оба предложения не прошли процедуру голосования. «Лишение посессионера права на разработку рудников должно иметь последствием и потерю права на золотые прииски, иначе под предлогом разработки их можно будет захватить земли... и истребить леса», — выразил свое мнение по второму вопросу Ф. И. Раселли, к которому и присоединилось большинство участников заседания²⁹.

Изменение условий для частного горного промысла на казенных и общественных землях

В Податной комиссии экспертизу раздела проекта о частном горном промысле на казенных землях провел чиновник Министерства государственных имуществ П. А. Шульц. В предложенных к обсуждению статьях он обнаружил «невольное противоречие», ограничивавшее провозглашенное право всякому искать и разрабатывать полезные ископаемые на свободных казенных землях. В Европейской России, сообщил он, почти все эти земли составляли «оброчные статьи», а на таких землях тем же проектом горный промысел допускался лишь «по усмотрению и с дозволения» того управления, в ведении которого находилась эта «статья». «Ставя таким образом промышленников в зависимость от усмотрения казенных чиновников, — добавлял он, — проект вместе с тем предоставляет и лишнее вмешательство горного ведомства в дела частных промышленников, дает ему право распоряжаться землями ведомства государственных имуществ и выдавать акты на владение казенными землями». Для устранения всех этих «неудобств» П. А. Шульц на открывшихся в январе 1868 г. заседаниях, посвященных данному вопросу, выдвинул ряд новых подходов, расходившихся с предложениями Горной комиссии. В частности, он говорил о введении упрощенной разрешительной системы и льготных общих правил для горнопромышленников, при этом участие горного ведомства ограничивалось бы лишь удостоверением «в действительном производстве горного промысла» на отведенных казенных землях.

Но даже это полномочие горного ведомства вызвало критику В. П. Безобразова, уже неоднократно выступавшего за полное устранение административного вмешательства в частную хозяйственную деятельность. С другой стороны, не было необходимости, на его взгляд, и в особых льготах «при сдаче казенных земель под горный промысел».

«Он только тогда приносит пользу, — свидетельствовал эксперт, — когда развивается естественно. Казна должна брать везде как можно больше за аренду земли, и ей все равно, для чего снимается земля, под горный ли промысел или под хлебопашество». П. А. Шульца, который отстаивал необходимость как специального наблюдения за исполнением условий отвода месторождений во избежание злоупотреблений, так и льгот для горнопромышленников, поддержал А. И. Антипов, добавивший, что для устройства рудника, а тем более для постройки завода, необходима затрата огромных капиталов, окупавшихся только по прошествии нескольких десятков лет, и льготы промышленникам в такой ситуации будут более чем уместными. В его представлении они должны были касаться в основном пользования лесом для рудничных работ за уменьшенную плату³⁰.

Л. А. Соколовский и Н. И. Михайлов пытались сохранить хотя бы частично роль представляемого ими учреждения, настаивая на необходимости присутствия горного инженера при процедуре отвода. Специальных знаний требовало, по их мнению, сопровождавшее отводу составление плана и описания месторождения с указанием его расположения и свойств руды. Д. А. Огородзинский возразил, заявив, что на Урале горные отводы всегда осуществлялись не горными инженерами, а межевщиками, «не имевшими никаких сведений о горном деле». «Межевщики эти состояли в горном ведомстве, — парировал Л. А. Соколовский, — и работы их поверялись в Горном правлении, которое всегда могло исправить сделанные ими ошибки и упущения». В ходе голосования сначала в текст соответствующей статьи внесли только признание необходимости «уверять в действительности открытия и в том, что отвод испрашивается в размерах, согласных с установленными правилами», но после повторного выступления Л. А. Соколовского внесли и дополнение о присутствии при этом лица, «специально знакомого с горным делом»³¹.

Тот же Л. А. Соколовский попытался отстоять и назначенный Горной комиссией двухгодичный срок для отвода месторождения «как самый крайний, наибольший срок», указав, что при многочисленности заявок дела по ним ведутся по нескольку лет. Однако Комиссия нашла, что «назначение срока, возможно непродолжительного, для отвода открытого месторождения и выдачи промышленнику акта на владение просимой им площади необходимо для ограждения его от излишних проволочек и для предоставления ему возможности скорее приступить к разработке отведенного месторождения, для разведок и открытия которого употребил он и время, и капитал», и назначила для этого не более года «со дня получения в местном управлении просьбы об отводе». В этой связи до одного года был сокращен и срок, в течение которого промышленник обязан был принять отвод; при несоблюдении этого условия отвод объявлялся вновь свободным для заявок.

Ежегодная «оброчная плата» в размере 30 коп. с десятины сохранялась, если прежде отводная земля вообще не приносила дохода казне; в противном случае величина оброка равнялась среднему ежегодному доходу за последнее трехлетие или вычислялась «по оценке». Если же территория отвода составляла «оброчную казенную статью», т. е. уже находилась в частной эксплуатации, то до подачи просьбы об отводе промышленник обязывался «войти в непосредственное соглашение с арендатором на счет уступки ему рудничной площади». По аналогии с действовавшим с 1864 г. Положением о горном промысле в Земле войска Донского решили увеличить с 12 до 15 куб. сажень норму обязательной добычи минерала в продолжение каждых трех лет.

Баллотировался также вопрос о введении (по предложению П. А. Шульца) максимального срока аренды отвода в 48 лет «с правом переобработки», т. е. пересмотра условий аренды. «Отдача земель в аренду на неопределенное время за неизменную плату всегда сопряжена с большими неудобствами», — объяснял это нововведение автор. Позицию Горной комиссии о бессрочности аренды (до выработки полезного ископаемого) отстаивал А. И. Антипов, а член-эксперт В. А. Пашков предложил продлить ее срок до 99 лет по аналогии со сроком концессии железных дорог, постройка которых тоже требовала больших капиталов. При баллотировании больше голосов (20 против шести) отдали все-таки за предложение Горной комиссии³².

П. А. Шульц поднял также и сопряженный вопрос о возможности выкупа арендованной земли. Против этого выступил В. П. Безобразов, предположив, что право выкупа даст возможность «спекуляторам» захватывать большое количество отводов и перепродавать их «по значительно увеличенной цене, т. к., сделавшись полными собственниками, они не будут обязаны заниматься горным промыслом». Л. А. Соколовский уподобил продажу земель «с недостаточно еще открытыми в них подземными богатствами» продаже лотерейных билетов. «В продаже отводов не представляется никакой надобности», — соглашался с ним Н. И. Михайлов, указывая на то, что и за границей, где есть еще казенные земли, действуют правила концессии, аналогичные предложенным Горной комиссией.

Однако многие участники заседания поддержали возможность выкупа. «Он не есть стеснение, а поощрение для горного промысла, — констатировал А. А. Абаза. — Он устраняет все неудобства, неизбежные для промышленника при переобработке, а также и ту неопределенность взаимных прав его и казны, которая при бессрочной аренде и неизменном оброке может впоследствии возбудить те же сомнения, недоразумения и затруднения, которые неоднократно заявлялись в Комиссии при обсуждении... посессионного права». «Для устранения монополии» П. П. Семенов предложил не отводить одному лицу несколько площадей. В. А. Пашков же отверг все опасения относительно того, что, получив отвод в собственность, промышленник перестанет заниматься горным промыслом: затратив значительный капитал на открытие и разработку месторождения, он вряд ли откажется от дальнейшей его эксплуатации. Автор этой идеи не согласился и со сравнением выкупа с лотереей, указав на то, что выкупать, конечно, будут только те земли, где горные работы «находились бы в полном ходу» и приносили прибыль. В результате столь бурной дискуссии большинство (22 голоса против четырех) допустило возможность выкупа отведенного участка «по истечении известного срока по начатии работ». По предложению того же П. А. Шульца этот срок установили в три года, а «продажную сумму» решили определять «по капитализации из 5% ежегодного оброка». Предполагалось, что после выкупа горнопромышленник при дальнейшей разработке подчинится уже тем правилам, которые были установлены в отношении частной промышленности на полном праве собственности³³.

Перейдя к обсуждению условий возведения заводов на свободных казенных землях, П. А. Шульц заявил, что в первую очередь необходимо эти условия привести в соответствие с только что принятыми изменениями. В частности, отвод земель под строительство предприятий тоже должен быть исключен из компетенции горного ведомства и передан тем учреждениям, в управлении которых находились эти земли. Он же поставил вопрос о возможности распространить на заводские отводы установленное для горных отводов «право экспроприации», т. е. право получения отвода на льготных

условиях без торгов. Это право, полагал он, «может дать повод к злоупотреблениям», в частности к использованию земель для других целей. Чтобы не допустить этого, следовало ввести некоторые ограничения, в том числе предоставлять «пустопорожные земли» лишь тем претендентам, которые уже имели рудничный отвод и вели его разработку.

По предложению об исключении участия горного ведомства при организации новых частных заводов вопросов не возникло. Присутствовавшие на заседании горные инженеры заспорили лишь о том, кому давать льготы. Л. А. Соколовский отдавал предпочтение горнопромышленникам, уже доказавшим, что они занимаются масштабной добычей руды. А. И. Антипов, напротив, полагал, что «нет основания связывать отвод земли для разработки руд с отводом ее под устройство завода и подчинять, таким образом, заводское дело рудному». Цель Устава, говорил он, заключается в поддержке «всех отдельных отраслей горного промысла, будь это добыча руд или переделка чугуна в железо». «Невозможно приохотить рудопромышленника к поискам и разведкам, стоящим значительных денежных затрат, — отвечал своему более молодому коллеге Л. А. Соколовский, — если не обеспечить его в том, что он будет иметь средства воспользоваться разработкой открытых им подземных богатств. Права его в этом отношении должны быть обеспечены в законе. Конечно, можно желать, чтобы все отдельные части развивались самостоятельно, чтобы один занимался только рудопромышленностью, а другой заводским делом. Но едва ли основательно стремиться к установлению этого разделения горного труда путем закона». В заключение он рекомендовал узнать об этом мнение заводчиков.

От имени горнозаводчиков выступил Г. В. Дружинин. «Никто не станет искать руды, если не будет уверен, что получит место для завода, — уверенно заявил он. — При настоящем состоянии горного промысла на Урале всякий, разрабатывающий рудник, старается и плавить металл, и доводить его до таких сортов в продаже, которые могут выдержать и дальнюю перевозку, и сбыт один раз в год, и накладные расходы». Он не исключал возможности отраслевой специализации в будущем, но полагал, что стараться вводить ее искусственно «едва ли было бы полезно и рационально». Выступивший вслед за ним В. П. Безобразов тоже не исключал льгот в предоставлении рудопромышленникам земли «для разных хозяйственных надобностей», но не отвергал и возможности специализации. Однако это, на его взгляд, еще не означало, что необходимо «отводить заводам специальное положение в Горном уставе», что неизбежно вело бы к регламентации. В качестве примера он обратился к опыту Северо-Американских Соединенных Штатов, имеющих много общего с Россией «в хозяйственно-промышленном отношении». Там, объяснял В. П. Безобразов, сначала земли под металлургические заводы отдавали в аренду, но впоследствии, из-за «затруднений в установлении надзора за использованием этих земель согласно назначению, их стали продавать». Необходимо поэтому и в России допустить продажу казенных земель для постройки заводов.

Голосование по вопросу о предоставлении некоторых преимуществ в приобретении свободных казенных земель под горный завод владельцам разрабатываемых рудников выявило, что большинство участников заседания являлись сторонниками этой меры. Арендный срок установили в 24 года с правом продления его на то же время «с возвышением прежней платы на 20%». На строительство завода давалось шесть лет, а при несоблюдении этого срока отвод возвращался в ведение казны. Установили

также, что начало действия завода давало владельцу право выкупить отвод «на том же основании, как и рудничную площадь, т. е. по капитализации из 5% платимого им оброка». Предприниматели же, которые собирались устроить завод для выплавки покупной руды, могли арендовать или покупать казенные земли на публичных торгах на основании общих правил³⁴.

Главный лесничий Н. Г. Мальгин напомнил Комиссии о необходимости установить и новый порядок пользования лесами для нужд заводов. Действовавшие с 1863 г. в России правила о снабжении частных горных заводов казенными лесами, по его мнению, «не имели поощрительного и льготного характера, а в некоторых отношениях были даже крайне стеснительны». Пятилетний опыт показал, что эти правила аренды «не получили ни одного практического приложения к горному промыслу и, следовательно, не принесли никакой пользы ни казне, ни горнопромышленникам». Их главные недостатки заключались в обязанности заводчика охранять собственными средствами отведенные ему леса и в возможности вырубать не более одной лесосеки в течение года. Точку зрения Н. Г. Мальгина поддержали как представители заводчиков, так и чиновники горного ведомства. Для согласований на заседание Комиссии был приглашен вице-директор Лесного департамента Министерства государственных имуществ П. Р. Казицын, который заявил, что со стороны его ведомства не возникнет препятствий в процессе совершенствования действовавших, но неработавших правил. Ввиду важности и значения этого вопроса Комиссия признала необходимым «заявить перед высшим правительством об указанных недостатках закона... и ходатайствовать об их устранении»³⁵.

Следующей темой для обсуждения членов Податной комиссии стали условия горного промысла на общественных землях, включенные в особый раздел проекта Устава. Они тоже подверглись серьезному корректированию ввиду происшедших за истекшее время изменений в законодательстве. В частности, указами от 24 ноября 1866 г. и от 16 мая 1867 г. государственные крестьяне были признаны собственниками своих земельных наделов³⁶. В этой связи статья проекта, предоставлявшая право крестьянским обществам (при общинном владении) или домохозяйствам (при «участковом владении») самим заключать договоры о разработке полезных ископаемых на их землях, «из исключения обращалась в общее правило» и перемещалась в раздел о частной горной промышленности на праве полной собственности.

В отношении правил для «киргизских земель» на заседании выступил приглашенный председатель Комиссии для изучения быта киргизов и устройства управления в киргизских степях Ф. К. Гирс (брат помощника председателя Податной комиссии). Он сообщил о последних решениях Степной комиссии относительно поземельного вопроса. Земли, на которых проходили киргизские кочевки, пока оставили государственными, находящимися в общественном пользовании, для того чтобы они не оказались захваченными «влиятельными родоначальниками и султанами». В частную же собственность в степи отдавалась только та земля, которая была пожалована царями «по узаконенным актам». Определение размеров и условий горных отводов на этой земле предлагалось «предоставить соглашению промышленников с собственниками». На «зимовых стойбищах», составлявших «особо необходимое условие существования киргизов», отвод тоже предоставлялся добровольному соглашению промышленников с киргизскими общинами. На летних же кочевках, где «горный промысел несколько не стеснял киргизов», отводы можно было подчинить общим правилам, установленным

для свободных казенных земель, без какой-либо особой платы в пользу киргизов. Такой «безусловный отвод» представлялся тем более необходимым, пояснил Ф. К. Гирс, что «в последнее время бухарцы и татары стали подговаривать киргизов, из опасения сближения их с русскими, не отдавать последним земель в пользование». Кроме того, уверял он, «с отменой составления акта о кортомлении, сопряженного со значительными расходами на уговор и угощение киргизов, горный промысел, столь важный даже в деле русификации пограничного края, мог бы значительно облегчиться».

Ввиду того что эти предложения Степной комиссии уже были одобрены заинтересованными министерствами и переданы на рассмотрение в Государственный совет, Податная комиссия постановила без обсуждения внести соответствующие изменения в проект Горного устава. Учли также и то, что предложенные Степной комиссией правила касались не только «сибирских киргизов», но и так называемых «киргизов Оренбургского ведомства», земли которых «не представляли никаких особенностей, могущих служить основанием для издания исключительных для них правил». В этой связи было решено новые правила «для производства горного промысла во внешних округах Семипалатинской области и в Области сибирских киргизов распространить и на земли киргизов Оренбургского ведомства».

В башкирских землях, как сообщил собранию представитель оренбургского генерал-губернатора В. В. Лукошков, горный промысел затруднялся тем, что права башкир-вотчинников были ограничены необходимостью утверждения арендного договора самим генерал-губернатором, «соображений которого в этом случае кортомщик предвидеть не мог». Для устранения этого «затруднения» член-эксперт с разрешения самого губернатора, видимо склонного освободиться от ответственности за столь специфические сделки, предложил предоставить башкирам «полные права вотчинничества в сделках по горному промыслу... без административной опеки». «Принимая в соображение, что башкиры с обращением их из военного управления в гражданское ведомство должны были рассматриваться как крестьяне-собственники», члены Комиссии сочли возможным и на них распространить те правила, которые они установили для этой категории населения, с примечанием, что «у самих башкирских обществ должно было оставаться земли не менее узаконенного по числу душ количества», как того требовало Положение о башкирах 1863 г.³⁷

Обсуждение вопросов о горных податях и съездах заводчиков

Большинство членов Податной комиссии согласилось с необходимостью сокращать горные подати. Об этом, в частности, свидетельствовал отчет о поездке герцога Н. М. Лейхтенбергского в 1866 г. на Урал, в котором отмечалось, что «горная подать слишком высока и что она ложится тяжким бременем на нашу горную производительность». Уменьшить размер податей рекомендовала и Горная комиссия, но «ввиду настоящих финансовых потребностей правительства» она не сочла себя «вправе постановить по сему предмету окончательное заключение, предоставляя оное благоусмотрению высшей власти».

Чтобы задать нужное направление дискуссии, В. П. Безобразов счел необходимым углубиться в историю вопроса. «Сначала, — утверждал он, — брали подати со всего того, с чего могли брать. Затем явилось регальное право, на основании которого недра земли признавали безразлично достоянием государства. Наконец, учение меркантилизма считало металлы особым богатством. Когда эти понятия пали, на горный

промысел стали смотреть иначе, а теперь стараются вновь учредить регальное право и подчинить этот промысел относительно налогов общей системе податей». «Говоря теоретически, — заключал эксперт свое выступление, — нельзя признать никакого финансового или юридического основания для взимания горных податей как специальных податей, т. е. чтобы металлы платили более, нежели другие предметы промышленности». По его подсчетам, подать с чугуна и меди составляла в целом по России всего около 743 тыс. руб. — сумму «далеко не громадную, чтобы можно было пугаться ее понижения». Подготовив таким образом почву для своего предложения, В. П. Безобразов сделал вывод о том, что, «основываясь на чистом разуме и справедливости, следовало бы горную промышленность вовсе освободить от всяких специальных податей, подчинив общим налогам: гильдейским повинностям, патентным сборам и т. п.». Однако, сам себе возражал эксперт, это было бы затруднительно, поскольку «всякий существующий налог получает право гражданства в системе государственного хозяйства, с ним свыкаются и уничтожение его требует нового налога». Потому целесообразнее было бы «удержать старый налог, но со значительным понижением», в частности совсем отменить подать с чугуна, оставив только добавочную подать для посессионных заводов ($1\frac{1}{4}$ коп. за пуд), а подать с меди уменьшить вдвое, установив ее в размере 50 коп. за пуд для владельческих заводов и 75 коп. — для посессионных.

Предложение понизить налоги поддержали и представители ведомств, сочтя, что это могло бы привести к развитию горного производства, привлечь больше покупателей казенных заводов, а посессионеров подтолкнуть к выкупу. Размышляя над вопросом о пределах этого снижения, П. П. Семенов обозначил два влияющих на решение фактора: во-первых, необходимо было учесть «фискальные соображения», чтобы не лишиться казну значительного дохода; во-вторых, это снижение должно было реально «облегчить и поднять» горное производство, а не остаться бесполезным. Подсчеты подтолкнули его к допущению предложенного В. П. Безобразовым снижения подати с меди, но он высказался против полной отмены подати с чугуна, которая была бы «довольно тяжела для правительства», и предложил сократить ее наполовину. Л. А. Соколовский привел известные аргументы о трудности введения других налоговых систем. Точное определение размера подоходного налога, напоминал он, невозможно без специального сложного надзора за производством, который был устранен Комиссией, а налог с печей оказывался «в высшей степени несправедливым и нерациональным» по причине большого разнообразия этих устройств. Он признавал желательным, чтобы «подать с нашего чугуна не была выше пошлины с иностранного».

Другого мнения придерживались представители горнозаводчиков. Так, Г. В. Дружинин настаивал на том, что при отсутствии регального права вообще нет юридических оснований для взимания горных податей. Он призывал брать пример с динамично развивавшейся металлургии Пруссии, где подать с чугуна была отменена, и обращал внимание участников заседания на несправедливость взимания подати с «нашего чугуна» на фоне беспошлинного ввоза иностранного металла. Член-эксперт С. И. Мальцов в своем письменном мнении (датированном еще 12 ноября 1867 г.) тоже указывал на противоречие правительственной политики, которая провозглашала покровительство отечественной горной промышленности и в то же время разрешала беспошлинный импорт железа. «Как бы незначительна ни казалась попудная подать, она и сопряженные с нею формальности, конечно, не суть поощрение», — заявлял он, предлагая

в целях развития «нашего ничтожного чугунно-железного производства» полностью отменить «попудный налог»³⁸. В. А. Пашков в очередной раз обратил внимание на особое положение южноуральских медеплавильных заводов, «извлекающих медь из песчаных руд». Он полагал, что довольно низкое качество этих руд дает основание для уменьшения подати хотя бы для таких предприятий.

Разнообразие высказанных предложений заставило членов Комиссии голосовать по каждому из них в отдельности. В результате абсолютное большинство участников заседания все-таки отвергло мнение о полной отмене «попудной подати» для владельческих заводов, но поддержало предложение о понижении подати с чугуна до $1\frac{1}{2}$ коп. за пуд и с меди — до 50 коп. за пуд для коренных месторождений и до 25 коп. — для песчаных. При этом представители заводчиков призвали правительство еще больше понизить подать в случае, если оно «найдет возможность заменить ее другими доходами»³⁹.

Отдельного рассмотрения удостоился вопрос о податях с драгоценных металлов. Разработанный особой комиссией в 1865 г. первый вариант Устава о частной золотопромышленности устанавливал налог для приисков на казенных землях, но оставил открытым вопрос о подати с золота, добытого во владельческих и посессионных округах, до времени пересмотра Горного устава. Теперь Податная комиссия занялась обсуждением прежде отложенного вопроса.

Д. А. Огородзинский обратил внимание членов Комиссии на податные различия между заводчиками, добывающими золото на территории своих округов, и золотопромышленниками, занимавшимися этим промыслом на казенных землях: если первые платили подать в 10% (вотчинники) или 15% (посессионеры) от выработки, независимо от содержания золота в песке, то вторые платили «подать подвижную, или прогрессивную», размеры которой менялись, «смотря по большему или меньшему богатству приисков». Получалось, что заводчики-вотчинники платили вдвое больше золотопромышленников при разработке прииска, дающего не более 2 пуд. металла в год, в полтора раза — при выработке 5 пуд., и только при разработке прииска, дающего более 5 пуд., они «находились в более благоприятных условиях, чем промышленники», которые платили в этом случае 15%. «Что же касается заводчиков-посессионеров, — констатировал их представитель Д. А. Огородзинский, — то они платят двойную и тройную подать против промышленников, от чего страдают не только заводчики, но и золотой промысел». Поддерживавший заводчиков В. П. Безобразов предложил установить общую для всех подать в 5% от выработки. В этом он нашел понимание у А. А. Абазы, который сообщил, что уменьшение подати «не скажется на доходах казны», получавшей от этого налога всего 150 тыс. руб. в год. При голосовании большинство присутствовавших членов (22 против двух) утвердило предложение «не вводить для заводчиков прогрессивной подати, а ограничиться однообразной податью в 5% со всего количества золота, добытого каждым владельцем, а не с каждого прииска». Попытка заводчиков добиться исчисления подати по прогрессивной шкале с каждого из многочисленных приисков, открытых в горнозаводских округах, была отвергнута из-за сложности учета. До 5% от выработки решили снизить и подать с серебра. Для развития более трудоемкой добычи рудного золота и серебра было предложено давать промышленникам освобождение от платежа подати на 20 лет. Эту же льготу попутно распространили и на новые чугуноплавильные заводы в случае, если они «устраивались в губерниях и областях, где вовсе не существовало горного производства», или учреждались «на минеральном горячем материале».

Более решительно поступили с податью на платину, которая в 1860-е гг. составляла «весьма незначительную сумму» в 25370 руб. ввиду довольно ограниченных объемов добычи. «Кроме Демидовских заводов на Тагиле, есть также Гороблагодатские залежи платины, но они не разрабатываются вследствие невыгодности производства», — констатировал Е. И. Ададулов. Он также отметил, что на Санкт-Петербургском монетном дворе накопились большие запасы этого металла, которые после изъятия из обращения в 1846 г. платиновых монет фактически не использовались и только стесняли активность платинопромышленников, опасавшихся, что «казна может во всякое время пустить в продажу большие массы платины» и тем самым существенно понизить ее цену. В. П. Безобразов подтвердил, что платина «ныне не имеет промышленного значения, а употребляется только на научные цели». «Подвергать платину налогу значит облагать орудие науки», — заключил он, предприняв общее постановление Комиссии отменить подать на этот драгоценный металл. В то же время большинством голосов была сохранена добавочная подать для посессионных заводов: с золота — на 5% с пуда больше, чем для владельческих заводов, с серебра — на $2\frac{1}{2}\%$, с меди — на 50 коп., с чугуна — на $1\frac{1}{4}$ коп.⁴⁰

Особого внимания удостоился вопрос о порядке взимания горных податей. Представители Государственного контроля Е. И. Ададулов и финансового ведомства К. К. Грот не прочь были переложить сбор податей с горного ведомства на действовавшие в стране акцизно-питейные учреждения, что еще в начале работы Комиссии предложил в своей записке заводчик Д. П. Шипов. На замечание Л. А. Соколовского о том, что «незнакомому с горным делом чиновника очень легко можно было бы провести при проверке заводских шнуровых книг», куда записывались сведения о выработке металлов, К. К. Грот сослался на пример свеклосахарной промышленности. Там сбором податей занимались те же акцизно-питейные учреждения вместе с тремя специалистами, которые «в случае надобности командировались на места для разрешения сомнительных вопросов». «Это же самое, — полагал он, — можно применить и к горному производству, тем более что налог на чугун, как и на сахар, очень мал и, следовательно, не требует совершенно точного учета». Вместе с представлявшим Центральный статистический комитет П. П. Семеновым он напомнил собравшимся о том, что сбор горных податей и раньше контролировался заводскими исправниками, часто «не знакомыми специально с горным делом». Ведение шнуровых книг, по их мнению, следовало сохранить, но проверять их лишь «в случае сомнения в верности сведений». «Всякая регламентация по этому предмету, — заключили они, — должна быть устранена, т. к. она только бы стесняла заводчиков без особой пользы для казны».

Такую позицию не могли не поддержать представители горнозаводчиков, добивавшиеся максимального сокращения казенного надзора. От их лица Г. В. Дружинин стал убеждать членов Комиссии в том, что заводчики никогда не пойдут на подлог записей в книгах, чтобы «не рисковать своим именем и не навлекать на себя преследование закона». Введение же «технического учета» горных податей, сопряженного со специальными расчетами, только стеснит заводчиков «без всякой нужды и пользы делу», или же этот учет останется «чисто номинальным», т. е., по словам Г. В. Дружинина, «не будет вовсе производиться, как в настоящее время, несмотря на многочисленный состав местной горной администрации, состоящей из горных инженеров».

В ситуации, когда представители горного ведомства не протестовали, Е. И. Ададулов предложил возложить наблюдение за поступлением горных податей на Департамент неокладных сборов Министерства финансов и на подведомственные ему

акцизные управления. Чиновники этих местных органов должны были не менее четырех раз в год «свидетельствовать» выдаваемые заводчикам шнуровые книги для записи ежедневной выработки и, если не обнаруживалось «никаких упущений и недоразумений», составлять расчеты о податях и передавать их местным казенным палатам, а заводчикам выдавать копии этих расчетов, заменявшие платежное свидетельство. Как и заводчики, К. К. Грот и П. П. Семенов тоже предлагали не вести постоянный «технический учет» записей, а проверять их «только в случае сомнения в верности показанных в книгах сведений». Однако это предложение, существенно облегчавшее податный контроль как для заводчиков, так и для акцизных чиновников, вызвало возражения. А. И. Антипов заметил, что сбор горных податей «едва ли удобно производить на основании одних показаний заводчиков». «Для соглашения возникшего разномыслия» ему вместе с Е. И. Ададуровым и П. П. Семеновым поручили составить вариант статьи, посвященной этой «поверке». В итоге они предложили проводить проверку путем «сличения» записей в шнуровой книге с данными ведущегося на заводе «плавильного журнала», а техническую проверку, или «дознание», с участием приглашенного эксперта «для испытания руд» назначать лишь в случае сомнения. «При таких условиях горные подати не останутся без надлежащего контроля, — полагали составители статьи, — а... заводчики не будут без всякой надобности подвергаться преследованиям, терять время и отвлекаться от дела». Как и прежде, подати предлагалось вносить по полугодиям в уездные казначейства в определенные сроки, за нарушение которых назначался штраф по 1% за каждый месяц просрочки. Двухмесячная задержка каралась секвестром металлов, а полугодовая — давала право начать распродажу заводского или иного имущества, принадлежавшего владельцу⁴¹.

Обсуждение заключительных — восьмого, девятого и десятого — разделов проекта Устава не потребовало много времени. Раздел о найме рабочих решили совсем исключить, поскольку его статьи соответствовали правилам от 4 июня 1862 г., вошедшим в состав приложений к Положениям от 19 февраля и 8 марта 1861 г. Их повторение в Горном уставе сочли излишним. Решение о разделах, посвященных взысканиям за нарушение горных законов и порядку судебного управления по горной части, было принято под влиянием сообщенного Комиссии заявления управляющего Министерством юстиции графа К. И. Палена по поводу уже внесенного в Государственный совет Устава о частной золотопромышленности. В этом заявлении глава юридического ведомства предложил, чтобы проектируемые правила о взысканиях были отделены от проекта Горного устава и изданы в виде дополнения к общему Уложению о наказаниях, поскольку «было бы неудобно изменить действующие в Уложении правила в отношении золотопромышленности, оставляя в то же время их в силе в отношении прочих горных промыслов». Согласившись с этим мнением, члены Комиссии нашли, что упомянутые разделы «не могут подлежать ныне обсуждению, т. к. должны быть отделены от проекта Горного устава и рассмотрены... совокупно с постановлениями по этому предмету в Уложении о наказаниях, а также проектированными правилами в новом Уставе о частной золотопромышленности». Разработку таких постановлений предложили возложить на особую комиссию, в которую бы вошли лица, принимавшие участие в составлении Горного устава и Устава о частной золотопромышленности, а также эксперты по уголовным вопросам.

Когда в Податной комиссии закончилось постатейное обсуждение проекта Горного устава, помощник председателя А. К. Гирс «заявил мысль» о возможности

предоставления права заводчикам «собираться в съезды для совещания о нуждах и пользах промысла и для ходатайства по сему предмету перед правительством». Эта идея уже возникала на заседаниях и прежде, когда, например, В. К. Ржевский предлагал заменить «попудную подать» с металлов «общим годовым окладом горных податей», который сами бы заводчики распределяли между собой подобно тому, как это происходило при раскладе городских налогов. Тогда возражавший ему Д. А. Огородзинский заявил, что введение такого порядка по отношению к горным податям невозможно именно из-за отсутствия общества горнозаводчиков. В апреле 1868 г. он же подал особую «Записку относительно учреждения съездов из владельцев горнозаводских имений». «Нельзя не сознаться с прискорбием, — писал член-эксперт, — что ныне между горными заводчиками нет никакого единения в начинаниях, никакого соглашения действий, никакой солидарности в общем деле. Каждый идет своей дорогой и хлопочет только о том, что относится непосредственно до его имени; а вопросы общие, касающиеся участи многих заводов или даже всего горного промысла, никогда не подвергаются совокупному, всестороннему, практическому обсуждению со стороны лиц, посвятивших этому производству свою деятельность и свои капиталы».

Обращаясь к прошлому, Д. А. Огородзинский указывал на давнее намерение властей разрешить подобное общество и на отдельные примеры привлечения заводчиков к решению важных вопросов. Так, организовать общество горнозаводчиков предложил в своем «всеподданнейшем докладе» министр финансов А. И. Васильев еще в 1806 г. Предполагалось, что в условиях введенной тогда Проектом горного положения «казенной опеки» участие заводчиков, избранных обществом, в горном управлении могло бы стать реальным противовесом, сбалансировавшим казенные и частные интересы. Общество так и не было организовано, хотя позже правительство «во многих случаях почитало полезным узнавать предварительное мнение заводчиков... требуя отзывов от каждого из них». Д. А. Огородзинский привел также примеры приглашения правительственными учреждениями «для совещаний» некоторых заводчиков, преимущественно проживавших в столице.

Наиболее ярким примером попытки сплочения заводчиков для решения важной государственной задачи стало учреждение в 1842 г. Общества горнозаводовладельцев для выделки рельсов и железнодорожных принадлежностей. Тогда, утвердив проект строительства железной дороги от Санкт-Петербурга до Москвы, Николай I «изъявил желание, чтобы все количество железа для этой дороги приобретено было от русских заводов». С этой целью отечественным горнозаводчикам и было разрешено организовать коммерческое общество, составить уставный капитал и учредить «образцовое заведение к производству опытов заготовления рельсов». Откликнулись 23 заводчика и их представителя. Заводовладельцы Н. В. Всеволожский, М. А. Голицын, Э. А. Белосельский-Белозерский, А. А. Балашов и С. И. Мальцов составили Устав, а для «образцового заведения» Обществу был передан принадлежавший казне старый Санкт-Петербургский чугунолитейный завод на Петергофской дороге. Председателем Общества стал граф Г. А. Строганов (владелец Кыновских заводов в Пермской губернии), а председателем исполнительной комиссии — генерал-адъютант И. О. Сухозанет (муж владелицы Юрюзанских заводов в Оренбургской губернии). К весне 1847 г. Общество должно было поставить 1 млн пуд. рельсов. Хотя в апреле 1844 г. на опытном заводе получили первый рельс, стало понятно, что справиться с заданием в срок не получится «по новизне этого дела в России». Малорезультативная деятельность Общества

вызвала неудовольствие императора, а образцовый пудлинговый завод сначала передали в распоряжение С. И. Мальцова, который остановил производство, перенеся его на собственные заводы. В 1847 г. завод был возвращен в казенное ведомство и передан сначала в аренду, а затем и в собственность Н. А. Огареву⁴². При строительстве же Николаевской железной дороги пришлось использовать преимущественно заграничные рельсы. Это был неудачный пример объединения заводчиков, но не последний.

В 1858 г. заводладельцам было позволено составить три временных совещательных комитета (Московский, Оренбургский и Уральский в Санкт-Петербурге) для решения крестьянского вопроса. В жесткой полемике там рождался проект будущих *Дополнительных правил о приписанных к частным горным заводам людях* ведомства Министерства финансов, который впоследствии корректировался в Горной комиссии⁴³. «Вполне сознавая благонамеренные цели» всех этих действий властей, Д. А. Огородзинский все-таки считал их «несовершенными в практическом отношении».

Вслед за А. К. Гирсом он призывал «ясно и положительно обеспечить горным заводчикам право образовывать из себя официальные, покровительствуемые правительством съезды для совокупного обсуждения и заявления в установленном порядке насущных нужд горной промышленности». Но в составленную программу этих представительских съездов Д. А. Огородзинский включил и некоторые новые положения, выходящие за рамки заявленных функций. Так, он допускал, что заводчики могли бы обсуждать и вопросы «о рациональных платах за горнозаводские работы и о продажных ценах на заводские изделия, а также о направлении производительной деятельности заводов сообразно с требованиями торговли». Особенно его тревожило «отсутствие взаимных сообщений» между заводчиками при формировании «продажных цен» на Нижегородской ярмарке, где они попадали «в совершенную зависимость от немногих гуртовых покупателей, действующих обыкновенно по предварительному между собой соглашению»⁴⁴.

Однако эти предложения о программе съездов, прозвучавшие на одном из последних заседаний Податной комиссии, не получили общей поддержки. Категорически против предоставления заводчикам возможности устанавливать согласованные заработные платы, ассортимент продукции и «продажные цены» на металл выступили Е. И. Адауров и В. К. Ржевский. Они полагали, что эти «предметы никак не должны входить в круг занятий горнозаводских съездов, потому что шли вразрез с общественными интересами». Согласованные заработные платы, по их мнению, могли привести к «новому крепостному праву» и к совершенной зависимости горнозаводского населения от заводчиков, а согласованные цены — к «стачке» заводчиков, что повлекло бы за собой и необходимость разрешить «стачки» рабочих. «Мы не так роскошно наделены железом, — высказался Е. И. Адауров, — чтобы платить за него дорогую цену», а для развития торговли предпринимателям следовало бы не договариваться об ассортименте, а развивать конкуренцию. «Если заводчики наши находятся в руках покупателей-монополистов, — заметил он, — то в этом виноваты они сами или, лучше сказать, их безденежье, вынуждающее их уступать товар свой крайне дешево капиталистам-покупателям, которые выдают им разом большие суммы, что поддерживает вредную монополию». Не убедило участников заседания и напоминание Г. В. Дружинина о трудности ведения горного промысла в условиях отдаленности его от рынков сбыта и длительности оборота капитала, что и вызывало острую потребность в наличных деньгах и нередко провоцировало «запродажи» металлов еще до их выработки. Представители финансовых ведомств видели в учреждении съездов «единственную цель»:

они рассматривали их лишь как «совещания о научно-технических вопросах... и для заявления правительству о пользах и нуждах горного промысла».

Представитель горного ведомства А. Д. Озерский напомнил членам Комиссии, что в 1806 г. предполагалось основать общество горнозаводчиков по примеру шведской Железной конторы, которая как раз была учреждена для ограждения горнопромышленников от скупщиков-монополистов. В ней заседало несколько доверенных лиц от заводчиков, они «входили в прямое сношение с правительством для продажи металлов помимо скупщиков и вообще заправляли всеми делами по части горной промышленности». Именно такая совместная деятельность заводчиков и чиновников принесла, по его мнению, существенную пользу промыслу.

Здесь уместно вспомнить, что похожую идею еще в 1854 г. высказывал начальник Отделения частных горных заводов В. А. Лонгинов (он вошел впоследствии в состав Горной комиссии) после своей командировки на Урал и Нижегородскую ярмарку. Среди прочих мер «для развития нашей железной торговли» он рекомендовал «учредить при Министерстве финансов особый постоянный комитет от заводчиков и горных чинов для обсуждения вопросов, касающихся общего интереса заводчиков», который «главнейше служил бы... посредником между заводчиками и правительством». Там полезно было бы обсуждать технические вопросы, «распространяя по всем заводам полезные сведения, извлеченные из науки и опыта», а также «изыскивать средства к общему расширению производства железа, указывая заводчикам, какие сорта и изделия требуются в торговле... чтобы каждый заводчик, не бросаясь на приготовление всех сортов, занимался тем, что для него сподручно по качеству руд и средствам обработки». Комитет мог бы «следить за качеством выделяемых произведений и определять стоимость их по соглашению между заводчиками, изыскивать средства к продаже железа, указывая удобнейшие источники сбыта как на внутренних рынках, так и за границей, озабочиваться о доставлении заводчикам заказов и подрядов», а на местах продажи железа «стараться соглашать заводчиков к действиям единодушным и к установлению цен уравновешенных»⁴⁵.

В 1866 г. на страницах «Горного журнала» свои предложения на этот счет высказал и будущий директор Горного департамента К. А. Скальковский, в то время работавший на Кушвинском заводе. Он полагал, что правительству, особенно в трудные для промышленности времена, «оказывается весьма важным выслушивать мнение самих частных заводчиков и золотопромышленников, выраженное или чрез посредство особо выбранных для того из их среды лиц, или же коллективно». В первом случае, по его мнению, можно было бы включить в преобразованный Горный совет двух членов от этих предпринимателей, как это уже имело место в Коммерческом и Мануфактурном советах. Еще больше пользы могло бы принести учреждение периодически созываемых съездов горно- и золотопромышленников в Москве, Екатеринбурге и Красноярске, где вместе с окружными инженерами, ревизорами и начальниками горных округов они обсуждали бы «установление цен на металлы, на заготовление, на перевозку, установление рабочих плат, ходатайства о некоторых местных нуждах, о вопросах кредита, улучшения путей сообщения, телеграфов и т. п.». Такие съезды, напоминал инженер, уже собирались «помесячно и по третям года» в Шотландии, Англии, Бельгии и во Франции и везде приносили для заводчиков «большую пользу, позволяя им действовать единодушно и не во вред друг другу». «В наше время гласности пора бросить систему келейного обсуждения дел», — полагал автор, предлагая проводить заседания и составлять программу съездов «совершенно свободно» и в удобное для промышленников время⁴⁶.

В свое время Горная комиссия не заинтересовалась вопросом об обществе горнозаводчиков, хотя и осуществила опыт их привлечения к обсуждению отдельных тем. Члены же Податной комиссии рассмотрели несколько возможных вариантов подключения заводчиков к решению насущных проблем развития горной промышленности, склоняясь в сторону возможного учреждения представительной организации с довольно ограниченными полномочиями. Хотя А. Д. Озерский, отдавая предпочтение непосредственному участию заводладельцев в горных учреждениях, полагал, что от «предлагаемых ныне съездов вряд ли можно ожидать каких-либо практических результатов», он остался в меньшинстве. В итоге обсуждения большинством голосов горнозаводчикам и рудопромышленникам было предоставлено право «съезжаться для совещаний», но только «о нуждах и пользах горной промышленности и для представления о них правительству». Более того, правила, касающиеся порядка деятельности таких съездов, должны были утверждаться высшей властью в лице министра финансов⁴⁷.

* * *

В результате проделанной в Податной комиссии работы проект Горного устава существенно сократился в объеме (с 404 до 142 статей) и изменился структурно⁴⁸. Первый раздел «Общие положения» состоял всего из восьми статей. Второй — «О заведении делами, до горных промыслов относящимися» — включал главы «О главном горном управлении» (2 статьи), «О местном управлении казенными горными промыслами» (24 статьи) и «О порядке определения и увольнения, содержания, правах и преимуществах должностных лиц по управлению казенными горными промыслами» (6 статей). Третий раздел «О частной горной промышленности на праве полной собственности» состоял из двух глав — «О правах владения по имуществу» (5 статей) и «О горном производстве» (8 статей). Четвертый раздел «О частной горной промышленности на праве посессионном» даже не делился на главы и состоял всего из семи статей. Самым значительным был пятый раздел «О производстве частного горного промысла в землях казенных», состоявший из двух глав — «Об извлечении металлических руд, ископаемых углей и драгоценных камней в землях казенных свободных» (6 «отделений», 38 статей) и «О дополнительном отводе горнопромышленникам свободных казенных земель для надобностей устраиваемых ими заводов» (13 статей). Небольшой шестой раздел «О производстве горного промысла в землях киргизов Оренбургского и Сибирского ведомств» включал всего восемь статей. Последний, седьмой, раздел «О горных податях с произведений горного промысла» состоял из трех глав — «Предметы, виды и размеры податей» (3 статьи), «О порядке взимания и учета горных податей с чугуна и меди» (16 статей) и «О взыскании горных податей» (3 статьи). Устав стал более компактным и приобрел четкую структуру, что существенно облегчало его восприятие. Дополнения к Уставу должны были стать разрабатывавшиеся Податной же комиссией Правила о продаже казенных заводов и Правила о выкупе посессионных заводов.

Примечания

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 939. Л. 23–24.

² Там же. Л. 25–27, 51, 70.

³ Там же. Л. 31–32, 39, 49, 55, 58 об.

⁴ Журнал общего собрания Комиссии № 61 по проекту Горного устава // Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1868. Т. 13, ч. 4. С. 1–15.

⁵ Там же. С. 50–53; Мнение С. И. Мальцова о Проекте Горного устава // Труды Комиссии... Прил. IV.

- ⁶ Журнал общего собрания Комиссии № 61 по проекту Горного устава. С. 18–25.
- ⁷ Там же. С. 29–47.
- ⁸ Там же. С. 58–66.
- ⁹ Проект Устава о промышленности с объяснительной запиской // Труды Комиссии, высочайше утвержденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. СПб., 1863. Ч. 1.
- ¹⁰ *Веселовский М. П.* Обзор постановлений, определяющих условия женской и детской работы в главных государствах Европы // Там же. С. 337–365.
- ¹¹ См.: Журнал общего собрания Комиссии № 61 по проекту Горного устава. С. 68–81.
- ¹² Там же. С. 82–105.
- ¹³ Там же. С. 105–113.
- ¹⁴ Там же. С. 115–120.
- ¹⁵ Там же. С. 121–124.
- ¹⁶ Там же. С. 124–126.
- ¹⁷ Там же. С. 127–148.
- ¹⁸ Там же. С. 149–157.
- ¹⁹ См.: ПСЗ-II. Т. 37. № 38989.
- ²⁰ См.: Журнал общего собрания Комиссии № 61 по проекту Горного устава. С. 163–169.
- ²¹ Там же. С. 169–174, 203, 204.
- ²² Записка Д. А. Огородзинского о значении посессионного права // Труды Комиссии, высочайше утвержденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 13, ч. 4. Прил. XIV.
- ²³ Мнение Н. И. Михайлова о посессионном праве в горной промышленности // Там же. Прил. XVI.
- ²⁴ Журнал общего собрания Комиссии № 61 по проекту Горного устава. С. 174–175, 183–184, 201.
- ²⁵ Записка Д. А. Огородзинского об изменениях в ныне действующих законоположениях, относящихся до частной горной промышленности на праве посессионном // Труды Комиссии, высочайше утвержденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 13, ч. 4. Прил. XV.
- ²⁶ См.: Журнал общего собрания Комиссии № 61 по проекту Горного устава. С. 175, 189.
- ²⁷ Там же. С. 208–227.
- ²⁸ Там же. С. 227–233.
- ²⁹ Там же. С. 233–251.
- ³⁰ Там же. С. 274–280.
- ³¹ Там же. С. 282–291.
- ³² Там же. С. 293–297, 300.
- ³³ Там же. С. 297–299, 312, 313.
- ³⁴ Там же. С. 314–324.
- ³⁵ Там же. С. 325–330.
- ³⁶ ПСЗ-II. Т. 41. № 43888; Т. 42. № 44590.
- ³⁷ См.: Журнал общего собрания Комиссии № 61 по проекту Горного устава. С. 334–344.
- ³⁸ Мнение С. И. Мальцова об отмене попудной пошлины с выплавленного чугуна // Труды Комиссии, высочайше утвержденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 13, ч. 4. Прил. XXII.
- ³⁹ Журнал общего собрания Комиссии № 61 по проекту Горного устава. С. 345–354.
- ⁴⁰ Там же. 354–372.
- ⁴¹ Там же. С. 373–399.
- ⁴² См.: *Латышин В. А.* Общество горнозаводладельцев, учрежденное в 1842 г. с высочайшего соизволения для выделки рельсов и железнодорожных принадлежностей // Горный журнал. 1892. № 7. С. 97–122.
- ⁴³ См.: *Горовой Ф. С.* Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961; *Шустов С. Г.* Пермское нераздельное имение графов Строгановых во второй половине XIX — начале XX в. Пермь, 2008. С. 74–91.
- ⁴⁴ Записка Д. А. Огородзинского относительно учреждения съездов из владельцев горнозаводских имений // Труды Комиссии, высочайше утвержденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 13, ч. 4. Прил. XXIII.
- ⁴⁵ *Латышин В. А.* Исторический очерк вопроса о ввозе из-за границы чугуна, железа и машин // Горный журнал. 1890. № 4/5/6. С. 300, 301.
- ⁴⁶ *Скальковский К. А.* Что такое горная администрация и каков должен быть круг ее деятельности? // Горный журнал. 1866. № 9. С. 377, 378
- ⁴⁷ Журнал общего собрания Комиссии № 61 по проекту Горного устава. С. 404–409.
- ⁴⁸ См.: Проект Горного устава (Исправленный и дополненный по заключению общего собрания Податной комиссии) // Труды Комиссии, высочайше утвержденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 13, ч. 4. С. 1–40.

3. Судьба проектов в контексте эволюции горного законодательства (1863–1917)

Изменения в горном законодательстве в 1863–1873 гг.

Дальнейшая судьба подготовленного Податной комиссией проекта Горного устава подверглась серьезным испытаниям сразу же после завершения ее работы в начале 1868 г. Тогда семь членов-экспертов, представлявших в ее составе Горную комиссию и Горный департамент (В.Е. Самарский-Быховец, Л.А. Соколовский, Г.П. Гельмерсен, И.П. Арапетов, В.К. Рашет, Н.И. Михайлов и А.Д. Озерский), подали свое «особое мнение»¹. В ходе заседаний, писали они, «возникало по многим существенным предметам разногласие между экспертами горными, представлявшими обыкновенно меньшинство голосов, и прочими членами Комиссии, образовавшими большинство, и новый проект Горного устава Податной комиссии составлен вследствие этого по решениям, противным мнению членов горных». Поэтому эксперты сочли своим долгом уклониться от безоговорочного подписания проекта Устава Податной комиссии.

«Исходную точку разногласия», по их мнению, составляло нарушенное новым проектом прежнее «единство власти» Министерства финансов над горным промыслом, ограниченное влиянием других министерств по таким предметам, которые были «для горного дела существенно необходимыми». У горнозаводской промышленности к тому же отбиралось то «особое значение», которое отличало ее от других отраслей, «не обложенных податями и не требовавших по надзору за производством работ тех специальных сведений, какие в горном деле необходимы и признавались необходимыми не в одной России, но и во всех государствах Европы». Эксперты настаивали на сохранении этого «значения», вызванного как возможностью хищнической разработки невозобновляемых минеральных ресурсов, так и безопасностью труда «горнорабочего класса».

Предусмотренное проектом упразднение регионального уровня горного управления также признавалось нежелательным или хотя бы преждевременным в условиях, когда казенные заводы оставались еще не проданными, а посессионные — не выкупленными своими владельцами. Эксперты полагали, что «в видах сохранения единства действий» между отдельными казенными горнозаводскими округами Урала и надзора за частными, в особенности за посессионными, заводами сохранялась необходимость и в должности главного начальника с канцелярией и небольшим штатом чиновников по особым поручениям. Вводившуюся же должность горного инспектора они рассматривали как «совершенно излишнюю» и к тому же лишенную всякой ответственности, в отличие от того же главного начальника, который нес эту ответственность «иногда в материальном и всегда в нравственном отношении, будучи на месте главным представителем заводского управления, заинтересованным в успехе подведомственного ему горного промысла». Эксперты соглашались с тем, что было бы желательно не стеснять окружные казенные заводоуправления «излишними ограничениями, формами и обрядами», но полагали, что следовало все-таки обозначить в законе «пределы этой власти и степень ответственности каждого служащего», не ограничиваясь предусмотренными проектом на этот счет особыми инструкциями.

«Горные генералы» признавали неудачной и включенную в проект формулировку, касающуюся общего назначения казенных заводов, поскольку она ограничивала их деятельность изготовлением лишь отдельных видов вооружения для Военного

и Морского министерств. «Едва ли удобно включать подобное ограничение в закон, не изменяемый без высочайшего разрешения», замечали они, имея в виду, что со временем требования оборонных ведомств могли существенно корректироваться. Эксперты упомянули о разработанных в той же Податной комиссии правилах о военных заказах для казенных заводов², в ходе обсуждения которых они тоже остались в меньшинстве, требуя «полной равноправности казенных заводов с частными по приему заказов при соблюдении совершенно одинаковых условий как в отношении достоинства изготавливаемых изделий, так и в отношении цены за изделия». Отличалось от мнения большинства и отношение «горных чинов» к приватизации казенных заводов. «Не отвергая принципа продажи некоторых заводов», они остались при убеждении, что «спешить этим делом нет настоятельной надобности» и еще менее нужно облегчать условия продажи «до крайних пределов», чтобы только «сбыть... государственное имущество за что бы то ни было». Взамен предлагалось «безотлагательно ограничить недвижимое имущество всех казенных заводов крайним, кругу заводского действия соответствующим пределом в лесах, землях и рудных месторождениях, дабы, предоставляя излишек частной горнозаводской деятельности, способствовать тем ее развитию и прекратить не всегда справедливые упреки частных лиц на казенный горный промысел, будто бы вредящий частному».

Особое недовольство вызывало фактическое устранение специального надзора за частным горным промыслом даже в виде предложенного Горной комиссией института окружных инженеров. Этот надзор, полагали эксперты, был совершенно необходим как для учета и взимания горных податей (эти функции в последнем проекте были переданы акцизно-питейным учреждениям), так и для наблюдения за безопасностью рудничных и заводских работ (оно было предоставлено полиции). «Поверка цифр только с одной арифметической стороны» по вводимым на заводах учетным документам, по их мнению, грозила превращением надзора «в одну формальность» и распространением податных злоупотреблений. Между тем «рациональный надзор», к которому казне следовало бы стремиться, должен сопровождаться «поверкой показанных цифр техническими соображениями». «Зная свойства и содержание руд, употребляемых в плавку, состав шихты, силу воздуходушных машин, свойства горючего материала... и вообще все технические условия горнозаводского процесса, — полагали эксперты, — только техник может верно определить, насколько показания плавильных журналов и шнуровых книг согласны с действительными размерами производства». Не только горные чиновники, напоминали авторы записки, но и представители Государственного контроля сознавали необходимость осуществления податного надзора специальными лицами, имевшими горное образование. Конечно, соглашались они, некоторые горные инженеры, «привлекаемые обеспеченным содержанием», могут поступить на службу в акцизное ведомство, но вряд ли это будут «опытные специалисты, искренне преданные горному делу и посвятившие себя вполне этой, хотя и трудной, но в то же время научной и развивающей деятельности».

Еще более сомнительным выглядела в глазах экспертов передача полиции наблюдения за безопасностью горных работ, особенно подземных. Они настаивали на том, что «своеобразность этих работ... понятна только людям, изучившим горное и маркшейдерское искусство — наук весьма специальных и не входящих в область общего образования, достаточного для исполнения полицейской службы». Они напоминали, что, например, в Англии «установлено инспектирование рудников через особых горных

инспекторов», во Франции — через горных инженеров, назначаемых правительством, в Пруссии — через чиновников бергамта. «Безопасность рудников, а следовательно, и обращающихся в них рабочих заслуживает серьезного внимания правительства, — поясняли российские чиновники, озабоченные возможными последствиями устранения горного надзора. — Несчастья в рудниках редко ограничиваются единичными случаями... Взрывы горючих газов, удушливые испарения, обвалы горных пород от небрежности или недостаточной прочности крепления, пожары и наводнения в рудниках уносят сразу множество жертв и повергают целые местности в нищету и горе». Если обязанность «специальной горной полиции» состояла в «профилактике» несчастных случаев, то предоставленные общей полиции карательные права по отношению к владельцам рудников совсем не достигали этой главной цели и, кроме того, были чреватые «ослаблением доверия рабочих к попечительности правительства об их быте». Эксперты напоминали, что в этом вопросе с ними были согласны новороссийский, оренбургский и туркестанский генерал-губернаторы, кавказский наместник, а в Земле войска Донского и в подмосковных губерниях специальный горный надзор за безопасностью работ уже успешно действовал в лице инспектора и окружных инженеров. Необходимостью того же специального надзора аргументировали «горные чины» и свое несогласие с передачей Министерству государственных имуществ функций горного ведомства по организации частного горного промысла на свободных казенных землях.

Эти во многом разумные замечания высших чинов Горного департамента, вызванные беспокойством за судьбу горного промысла, не могли не оказать влияния на дальнейшую участь проекта Горного устава, которая после завершения подготовительной работы зависела в первую очередь от министра финансов М. Х. Рейтерна. Он, будучи принципиальным сторонником реформ, в то же время хорошо понимал, что позиция «горных генералов», отразившаяся во мнении семи членов-экспертов, может серьезно усложнить ход дальнейшего обсуждения и утверждения проекта.

Показателем значимости этого мнения среди горных деятелей можно счесть замечание инженера А. М. Лоранского, будущего автора исследований по истории горного управления. В обзоре горнозаводского дела в России за 1875 г. он нашел нужным упомянуть о том, что «изменения, проектированные Податной комиссией, были настолько существенны и вместе с тем настолько противоречили истинным потребностям горной промышленности, что эксперты горного ведомства, представлявшие обыкновенно меньшинство в Податной комиссии, не считали со своей стороны возможным подписать проект, составленный Комиссией, и подали свое отдельное мнение». «Это было в 1868 году, т. е. восемь лет тому назад, — напоминал он, — и с тех пор вопрос о новом Горном уставе как-то затих и почти не подымался более»³.

Отмеченное «затишье», скорее всего, можно объяснить тем, что в сложившейся ситуации министр финансов предпочел не торопиться с передачей проекта по инстанциям, как того требовал «законодательный порядок». Тем более что создание Устава несколько опередило подготовку сопутствующих законопроектов, с которыми были увязаны его статьи. Вместе с тем известно, что в том же 1868 г. министр «сообщил на заключение» государственного контролера, министра внутренних дел и министра государственных имуществ подготовленные правила о выкупе посессионных заводов, а выделенный из проекта Устава «отдел о подати с главнейших предметов нашей горнопромышленности — меди и чугуна» передал сразу в Государственный совет⁴. Это свидетельствует о том, что М. Х. Рейтерн в сложившейся ситуации признал более

целесообразным скорейшее продвижение отдельных частей горной реформы, не терпящих отлагательства и не вызывавших серьезной полемики. В одной из позднейших записок о преобразовании горного управления упоминалось о том, что в Министерстве финансов «найденно было более целесообразным изменять горные законоположения по частям, по указанию опыта».

Об этом же в конце 1880-х гг., когда началась подготовка нового издания Свода законов Российской империи, напомнил важный чиновник Горного департамента А. А. Штоф. «Задача, возложенная на Горную и Податную комиссии по составлению проекта Устава, — объяснял он, — была слишком обширна и потому не могла быть немедленно разрешена в полном своем объеме; пересмотр Горного устава включал в себя столько частных задач, из которых многие касались предметов существенной важности, что дело это само собою раздробилось на части. Такие вопросы, каковы, например, продажа казенных горных заводов, наряды им от военных ведомств, выкуп посессий, порядок производства горного промысла в землях казенных и частных, преобразование местной горной администрации и т. п., представляли каждый в отдельности дело настолько обширное и важное, что неизбежно требовали самостоятельной разработки и отдельного законодательного движения. Вследствие этого пересмотр Горного устава совершался и совершается постепенно, по частям, а новое издание его все отсрочивается»⁵.

«Частичные» изменения в организации горной отрасли начались еще в период подготовки проекта Устава. Отчитываясь в 1873 г., когда Горный департамент передавался в ведение Министерства государственных имуществ, директор В. К. Рашет сообщил о том, что за последнее десятилетие «в видах большего единства администрации и экономии» были упразднены штаб Корпуса горных инженеров, горный аудиториат, военно-судные комиссии, Московское горное правление, второй (судебный) департамент Уральского горного правления, линейные батальоны, находившиеся в распоряжении главного начальника уральских заводов. Горнозаводская полиция ликвидировалась, а школы, церкви и почтовые конторы переходили «в подлежащие ведомства». «Управление соляной частью из Горного департамента передано в Департамент неокладных сборов, физическая и метеорологическая обсерватории — в ведение Академии наук, а депо мер и весов — в Департамент торговли и мануфактур, — дополнял он. — Горному же департаменту подчинено заведование горной частью в Царстве Польском. Наконец, Корпус горных инженеров преобразован в гражданское ведомство... В тот же период... введены новые сметные правила, правила единства кассы и контроля, а ныне вводятся правила материального счетоводства и отчетности и выработаны уже основания для технического контроля. Независимо от сего исполнены следующие законодательные труды: новое Положение о Горном институте, Устав о частной золотопромышленности, Правила о даче и исполнении нарядов Военного и Морского министерств, Правила о продаже в частные руки казенных горных заводов, Положение о разведках и разработке минеральных месторождений в губерниях Царства Польского, Правила о производстве нефтяного промысла»⁶.

Перечень новаций в горном ведомстве действительно выглядел весьма внушительно. Многие из них, в первую очередь административные, были вызваны начавшимися в стране реформами, в ходе которых существующий «строй особого управления» горнозаводской отраслью должен был оперативно подстроиться под происходившие перемены в общественной жизни. Дождаться утверждения нового Горного устава,

который бы определил новации в горном ведомстве, в такой ситуации означало отстать от движения времени. Насущные преобразования, как упоминалось выше, обсуждались в Горной комиссии, но их разработкой занимался в основном сам Горный департамент в лице его высших руководителей, которые входили и в состав Комиссии. Некоторые важные инициативы исходили от других ведомств.

В. К. Рашет и В. Е. Самарский-Быховец занимались, в частности, разработкой преобразований центральных органов горного управления, что вылилось в соответствующие законоположения⁷. Основными из них стали мнение Государственного совета от 15 апреля 1863 г. и положение Комитета министров от 22 апреля 1867 г. Первым актом упрощалась структура органов управления за счет ликвидации штаба Корпуса горных инженеров и учрежденного при нем горного аудиториата с передачей принадлежавших им инспекторской, технической, учебной и военно-судной «частей» Горному департаменту⁸; вторым — сам Корпус горных инженеров преобразовывался из военного ведомства в гражданское «с присвоением горным инженерам соответствующих гражданских чинов»⁹. Совет и Ученый комитет Корпуса 6 июня 1867 г. также были подчинены Горному департаменту¹⁰. Переименование же самого Департамента горных и соляных дел в Горный департамент произошло еще в 1863 г. в связи с введением акциза на соль и связанной с этим передачей управления соляной отраслью в другой департамент Министерства финансов. Институт Корпуса горных инженеров утратил свой статус закрытого военно-учебного учреждения и 15 июня 1866 г. был преобразован в Горный институт, сохранивший, впрочем, ведомственную подчиненность Министерству финансов и Горному департаменту¹¹.

Существенные изменения претерпела и организация регионального горного управления, которая находилась в сфере компетенции Горной и Податной комиссий. Из трех действовавших региональных правлений, подчиненных Горному департаменту, было упразднено Московское, осуществлявшее контроль лишь над частными заводами Замосковского района, где не было казенных горных предприятий. Это произошло в соответствии с мнением Государственного совета от 17 мая 1865 г. Тогда же были официально учреждены (практически они действовали уже с 1862 г.) должности двух окружных инженеров. Одному из них поручалось наблюдение за заводами Владимирской, Нижегородской, Тамбовской и Костромской губерний, второму — за заводами Рязанской, Тульской, Калужской, Орловской и Пензенской. Особой инструкцией определялись их полномочия, главными из которых были: наблюдение за правильным и своевременным поступлением горных податей; надзор за безопасностью рудничных и горнозаводских работ; отвод рудничных площадей на свободных казенных землях; сбор и обработка горнотехнических и статистических сведений; «приведение в исполнение всех высших правительственных распоряжений относительно частных горных заводов и промыслов, наблюдение за точным исполнением горных постановлений», а также «оказание частным заводоладельцам содействия к правильному и выгодному ведению горнозаводских работ и преподание им надлежащих по горнотехнической части советов, но без произвольного вмешательства в частные дела завода». Окружные инженеры подчинялись непосредственно Горному департаменту¹². Так было положено начало введению новой формы казенного горного надзора, которая полностью соответствовала предложениям Горной комиссии, заложенным в подготовленный ею проект Устава 1866 г. По этому поводу будущий директор Горного департамента К. А. Скальковский писал: «С прошлого года правительство заменило Московское

горное правление, имевшее более 50 чиновников, сочинявших несколько тысяч бумаг в год, двумя окружными инженерами, которые, исполнив все законные требования правительства и заводчиков, ограничились, быть может, только двумястами бумаг в год». «То же самое, — прогнозировал он, — по всей вероятности, произойдет и в Сибири и на Урале при сокращении излишней бюрократии»¹³.

Были реализованы и некоторые предложения Горной комиссии относительно управления казенными заводами. Тем же мнением Государственного совета от 17 мая 1865 г. упразднялись «все должности, оказавшиеся излишними с введением нового общественного управления горнозаводским населением и с передачей касавшихся сего населения дел в общегражданские и уголовные учреждения». При Уральском горном правлении ликвидировался военный суд, в казенных округах — окружные военные суды и заводская полиция; в Олонецком горном правлении упразднялись должности советников и столоначальников, военный суд и заводская полиция, что на деле означало ликвидацию и этого регионального органа управления; на Луганских заводах отменили судебные и полицейские должности в окружном управлении. Был изменен штат одного остававшегося на Урале горнозаводского батальона, переподчиненного Казанскому военному округу¹⁴. В связи с предстоящим введением в уральских губерниях новых судебных уставов, Государственный совет 13 мая 1868 г. упразднил второй (судебный) департамент Уральского горного правления с передачей его дел «в общие судебные места гражданского ведомства для рассмотрения и решения на общем основании»¹⁵.

Еще в 1862 г. началось создание горнозаводских товариществ, которые уже в начале 1870-х гг. включили работников почти всех казенных заводов. Однако утверждение разработанного Горной комиссией проекта Устава таких товариществ задержалось после его обсуждения на местах. Тогда выяснилось, что собранные данные «не давали твердого основания для определения размера пенсионных окладов», а Горный департамент затруднялся в распределении имевшегося в его ведении начального капитала. В результате деятельность вспомогательных касс, призванных обеспечивать материальную защиту членов товариществ, имела на каждом заводе «существенные отклонения от единого плана» и требовала улучшения¹⁶.

Еще в начале работы Горной комиссии Комитет министров 23 августа 1863 г. вывел из ведения горного начальства город Екатеринбург, где располагалось Уральское горное правление и резиденция главного начальника, которому с 1851 г. подчинялось городское управление¹⁷. Как свидетельствовал в 1804 г. министр финансов А. И. Васильев, создание «горных городов» в России — Екатеринбурга, Барнаула и Нерчинска — по образцу немецких *Bergstadt* было инициировано «мудрым преобразителем Петром Великим и непосредственно за ним последовавшими всепресветлейшими его потомками». Но Учреждение о губерниях Екатерины II «поставило горные дела на одних правах и узаконениях с гражданскими» и отменило особый статус этих поселений. После нового отделения горного управления от гражданского при Павле I возникла возможность вернуться к прежним «началам». В 1804 г. министр финансов предложил вновь «поставить главные заводские поселки на основании горных городов». При этом многочисленные заводские селения по всей России «отделялись от прочих и подчинялись горным городам под управлением особенных начальств, независимых от гражданского правительства». Создание такого «горного царства» было санкционировано Проектом горного положения 1806 г. В соответствии с ним, «селения при заводах

и рудниках казенных со стороны гражданского благоустройства... учреждались на основании городов», а те из них, где «пробывание свое имеют горные начальники», считались «главными горными городами, в ведении которых состояли прочие заводы или горные города с их округами». Новые города должны были получить «все права, утвержденные Городовым положением, выключая те, кои несовместны с правами и надобностями заводскими»¹⁸.

Однако «постановления о горных городах не привились к жизни». В 1838 г. министр финансов Е.Ф. Канкрин сообщал, что, кроме Екатеринбурга, куда в 1830 г. из Перми было переведено Уральское горное правление, «заводские поселения еще не переименованы в города, как по Проекту горного положения следовало». Это же подтвердили в 1886 г. чиновники Горного департамента и Управления горной частью на Урале при подготовке нового издания продолжения Свода законов¹⁹. Вместе с тем известно, что в 1850 г. город Дедюхин в Соликамском уезде Пермской губернии также был назван «горным», когда после пожара император утвердил его новый план²⁰. Прочие же казенные заводские поселки имели лишь статус «горных селений». Этот статус был утрачен ими с введением Положения о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов от 8 марта 1861 г., в соответствии с которым «поземельному быту и общественному управлению населения казенных заводов было дано устройство, в главных чертах одинаковое с установленным для других селений обывателей»²¹.

Инициатива перемены статуса Екатеринбурга исходила от Министерства внутренних дел, которое еще в 1862 г. составило «программу о принятии мер к улучшению общественного управления во всех городах империи». Уже по распоряжению горного начальства в Екатеринбурге была учреждена особая комиссия. Участвовавшие в ее работе депутаты от городских сословий «выразили мнение о необходимости изъятия общественного управления города Екатеринбурга из ведения горного начальства». «Принимая во внимание, с одной стороны, что город Екатеринбург был подчинен в отношении своего хозяйства и общественного управления горному начальству по участию сего последнего в отправлении городских повинностей за своих заводских людей, составлявших значительную часть населения Екатеринбурга, а с другой, имея в виду, что с прекращением обязательных для сих людей к горным заводам отношений мастеровые и урочные работники перешли уже в городское сословие и вместе с тем поступили в ведомство общих губернских и уездных учреждений, — было записано в положении от 23 августа 1863 г., — Министерство внутренних дел, согласно с заключением по сему предмету Министерства финансов, нашло, что затем было бы более соответственным город Екатеринбург подчинить на общем основании губернскому начальству»²².

Город Дедюхин, видимо, лишился своего особого статуса после передачи соляной отрасли в ведение Департамента неокладных сборов в связи с введением системы акцизного налогообложения. Располагавшееся в этом «безуездном» городе Дедюхинское соляное правление, распространявшее свою власть не только на одноименный казенный солеваренный завод, но и на все соляные промыслы Пермской губернии, по положению Комитета министров от 19 сентября 1865 г. было ликвидировано, а его полномочия переданы Пермскому губернскому акцизному управлению. Само казенное предприятие предписали, «не назначая в продажу впредь до более благоприятного для сего времени, разделить... на четыре участка и затем отдать оные в аренду желающим»²³.

При подготовке проекта Устава члены Горной и Податной комиссий предполагали, что он должен распространяться только на территории, «управлявшиеся по общим законам империи». Поэтому они не обсуждали правил развития горного промысла для тех частей государства, которые «подлежали особым узаконениям». Горному департаменту пришлось самому устанавливать такие правила или участвовать в их подготовке по мере того, как в этом возникала необходимость.

Еще 10 февраля 1858 г. был утвержден Устав Горного управления в Великом княжестве Финляндском. Новому органу вверялось попечение о горной промышленности в этой автономной части Российской империи. Территорию княжества тогда разделили на два горных округа — северный и южный — во главе с бергмейстером, имевшим надзорные функции. Самостоятельность Горного управления определялась тем, что его начальник — интендант — назначался Хозяйственным департаментом финского Сената и не подчинялся Горному департаменту в Санкт-Петербурге. В княжестве сохранялись и особые горные законы, действовавшие на основе регального права еще со времен вхождения Финляндии в состав Шведского королевства²⁴.

Военное министерство, в ведении которого находились казачьи войска, 8 марта 1864 г. инициировало действие Положения о горном промысле в Земле войска Донского и создание Управления горной частью в Новочеркасске во главе с инженер-инспектором. На войсковых землях закон допустил применение принципа «горной свободы»: право искать и разрабатывать открытые там месторождения каменного угля и антрацита было предоставлено каждому, «как принадлежащему, так и не принадлежащему к войсковому сословию», но под надзором инспектора за правильностью и безопасностью работ. За добытый горнопромышленником каменный уголь предлагалось взимать в пользу войска пошлину по $\frac{1}{4}$ коп. серебром за пуд. Но на так называемых «станичных» и на владельческих землях в границах войсковой территории право разведки и добычи полезных ископаемых сохранялось исключительно за станичными обществами и землевладельцами, которые, пользуясь правом собственности, могли допускать посторонних лиц «по добровольному с ними условию», лишь известив об этом местное управление²⁵.

Крупнейшим актом «регионального значения», упомянутом в отчете В. К. Рашета, можно по праву назвать Положение о разведках и отводах для горной добычи минеральных ископаемых в губерниях Царства Польского (Варшавской, Калишской, Келецкой, Ломжинской, Люблинской, Петроковской, Плоцкой, Радомской, Сувальской и Седлецкой), утвержденное Александром II 16/28 июня 1870 г. Его особенностью стало распространение «горной свободы» уже и на частновладельческие земли. В публицистике этот отход от принятых в Российской империи устоев объяснялся порой политическими мотивами. Так, член Горного совета крупный уральский заводчик С. С. Абамелек-Лазарев полагал, что «после второго мятежа (имелось в виду Польское восстание 1863–1864 гг. — *Е. Н.*) правительство не стеснялось нарушать права польских помещиков... и в подражание прусскому горному закону было отнято от землевладельцев право распоряжения каменным углем, цинковой и свинцовой рудой за скупое вознаграждение»²⁶.

Официальные горные власти объясняли отступление от принципа акцессии чисто экономическими соображениями, в частности необходимостью развития в польских землях горного промысла. Как пояснял заведующий Горным департаментом Царства Польского А. И. Антипов (участник заседаний Податной комиссии), «при проведении

в 1815 г. границ в юго-западной части царства в его состав вошли земли, которые по геогностическому строению составляли продолжение каменноугольных и рудонесных формаций, залегающих в соседственной области Пруссии — Верхней Силезии». Однако, обладая богатыми минеральными ресурсами, эти земли бывшего Герцогства Варшавского, где Наполеоном еще в 1808 г. было введено правило акцессии, значительно отставали в своем экономическом развитии от зарубежных с действовавшим там регальным правом на недра. Попытки российского правительства самому возродить в Польше горную промышленность не привели к желаемым результатам: основанные казной предприятия оказались убыточными. Этим и было вызвано повеление 1862 г. (подтверждено в 1864 г.) «об обращении казенной горной промышленности Царства Польского на путь частных предприятий»²⁷. Однако одной этой меры оказалось недостаточно, особенно после того как 19 февраля 1864 г. польские крестьяне стали собственниками своих наделов²⁸, а 28 октября 1866 г. и горожане-хлебопашцы были освобождены от домениальной зависимости²⁹. Появление дополнительно 500 тыс. мелких землевладельцев существенно усложнило организацию частного горного промысла в Польше. «Ввиду густоты населения и чрезвычайной дробности землевладения, а равно и характера месторождений важнейших минеральных ископаемых, — полагал А. И. Антипов, — следует признать, что общий закон империи о праве владельца поверхности на недра не применим в горном деле к местным особенностям этого края... и для горного законодательства царства было бы весьма полезным следовать за горными узаконениями соседних стран в их существенных частях, а именно в отношении облегчения горной промышленности»³⁰.

Доклад А. И. Антипова, составленный в 1867 г., был «доведен до высочайшего сведения». «Прошу обратить на дело это особое внимание и представить мне соображения, чтобы не отставать нам от того, что делается по горному ведомству в соседстве нашем в Пруссии», — начертал на нем Александр II, санкционировав тем самым обсуждение насущного вопроса в Министерстве финансов. Там этим вопросом занимался сенатор В. М. Маркус, член Податной комиссии, начальник Отдела по финансам Царства Польского, созданного при Министерстве финансов в 1866 г.³¹ Результатом стало представление М. Х. Рейтерна в Комитет по делам Царства Польского (этот Комитет был организован из высших чинов империи во главе с самим императором в начале 1864 г. «для соблюдения надлежащей последовательности и единства направления» реформ, проводившихся после подавления Польского восстания; гласным стал в декабре 1866 г.³²). В этом документе отвергалось предложение о введении в Польше (по примеру Пруссии) регального права на недра «ввиду того вреда, который приносит излишнее вмешательство правительства и чрезмерная регламентация в деле промышленности». Для развития горного промысла в Царстве Польском предлагалось по примеру таких европейских стран, как Франция и Бельгия (здесь тоже преобладало мелкое землевладение), ввести отдельное право собственности на недра и допустить возможность не только добровольного, но и обязательного отчуждения поверхности земли и недр под горнозаводские предприятия³³.

То, что предлагали в свое время некоторые члены Горной комиссии, очевидно, решено было испытать в Польше. Тем более что там еще с 1817 г. действовал указ наместника, согласно которому все желающие могли проводить разведку и разработку месторождений полезных ископаемых на частных землях с разрешения горного начальства и с вознаграждением владельца поверхности земли. По мнению А. И. Антипова, это

означало «признание минеральных ископаемых общественным благом», а горной промышленности Царства Польского — свободной для частного предпринимательства. Однако эти правила не распространялись на главные минеральные богатства края — галмеей (цинковая руда) и каменный уголь — и были крайне стеснительными для рудопромышленников, вынужденных в случае разработки месторождений отдавать землевладельцу третью долю участия в деле и дополнительно 5% чистой прибыли. Именно это «несоразмерно высокое» вознаграждение собственника и стало причиной неудачи реформы 1817 г., не принесшей «ни малейшей пользы промышленности»³⁴. Учитывая этот негативный опыт, деятели 1860-х гг. предприняли попытку новой реформы, более приближенной к реальности.

Предварительно управление горной отраслью перевели из Варшавы в Санкт-Петербург, тем самым включив горный промысел в Польшу в компетенцию общеимперского органа. Рассмотрев представление М. Х. Рейтерна об упразднении варшавского Горного департамента, Комитет по делам Царства Польского «нашел означенное предложение соответствующим своей цели» и утвердил его 5 мая 1870 г. В составе Горного департамента Министерства финансов появилось тогда новое Отделение польских горных заводов, а управления Западного и Восточного горно-административных округов царства стали подведомственны Департаменту «на тех же основаниях, как подчинены ему подобные учреждения в прочих губерниях империи»³⁵. «Присоединение польских заводов к нашему горному управлению, без сомнения, послужит началом их будущего преуспеяния», — незадолго до этого события заявлял генеральный контролер Царства Польского И. И. Фундуклей³⁶.

В июне 1870 г. последовало издание самого Положения, в соответствии с которым разведку и разработку месторождений минералов в землях казенных, институтских (принадлежали разным учреждениям) и частных (в том числе и майоратных) разрешилось вести не только собственникам земли, но и посторонним лицам с вознаграждением землевладельца за убытки. Основные полезные ископаемые (каменный уголь, галмеей и свинцовую руду) допускалось разведывать и без соглашения с собственником земли, но с разрешения министра финансов, а отвод земли под горную разработку в таком случае требовал еще и санкции императора, «порядком, установленным для принудительного отчуждения недвижимых имуществ на государственную или общественную пользу». Как было записано в законе, выдаваемый Горным департаментом акт об отводе образовывал из отводной площади, не превышавшей 500 тыс. кв. сажен, «новую, отдельную от поверхности земли, недвижимую собственность». Однако о таких правах отводовладельца, как возможность продажи участка или передачи его по наследству, не упоминалось. Горнопромышленник, скорее, становился условным владельцем отвода, ограниченным не только условиями договора, но и некоторыми общими правилами. Так, если в течение года он не начинал разработку или добывал ежегодно менее 30 куб. саженей полезного ископаемого, отвод у него отбирался и возвращался землевладельцу или по требованию последнего мог быть продан с публичных торгов.

Собственника земли обязали уступить получившему отвод горнопромышленнику и определенный участок на поверхности земли «для всякого рода строений и сооружений». При этом отводовладелец обязывался вознаградить землевладельца за отошедшие ему недра и поверхность земли или «по добровольному соглашению», или в административном порядке с участием экспертов. За поверхность земли закон устанавливал плату, равную «двойному количеству теряемого собственником ежегодного

чистого дохода» от участка. При этом землевладелец в случае невозможности возвращения ему участка «в прежнем виде» мог требовать от горнопромышленника покупки участка «за капитальную его стоимость». Вознаграждение за пользование недрами при отсутствии договоренности устанавливалось в размере 1 % ежегодной добычи угля и галмея и 0,5 % — добычи прочих ископаемых. Надзор же за частной горной промышленностью на территории Царства Польского возлагался на двух окружных инженеров, непосредственно подчинявшихся Горному департаменту³⁷.

Первые же случаи применения нового Положения выявили его неполноту. В частности, в одной из записок утверждалось, что «благие намерения» законодателя, выраженные в этом законе, «в известной степени ослаблялись затруднительностью их исполнения». Главный недостаток безымянный автор записки не совсем справедливо видел в том, что новый закон ставил разведку полезных ископаемых и получение отвода под горную разработку «в зависимость от согласия владельца поверхности». Но он верно заметил, что горный промысел особенно был труден в местностях с мелким землевладением, где рудопромышленнику приходилось договариваться со множеством собственников земли. Положением не предусматривался и порядок отвода в случае подачи просьбы несколькими соискателями, отдавая решение этого вопроса министру финансов³⁸. Горный совет «по опыту Пруссии» рекомендовал отдавать предпочтение тому из соискателей отвода, которому, по удостоверению окружного инженера, принадлежало «первенство открытия минерального ископаемого». Это дополнение было одобрено Комитетом по делам Царства Польского и утверждено императором 18 мая 1873 г.³⁹

Открытие месторождений полезных ископаемых на других территориях Российской империи потребовало распространения и на них горного надзора, который организовывался в том виде, как было представлено в проекте Устава Горной комиссии. «С прошлого столетия... не явилось промышленников, желавших производить поиски и добычу руд в Архангельской и Олонецкой губерниях, — сообщалось в положении Комитета министров от 6 февраля 1870 г., — но в последнее время с разрешения Министерства финансов произведены были многими частными предпринимателями, особенно в Архангельской губернии, значительные поиски, вследствие чего открыты и заявлены как прежние разработки, древние шахты и штольни, так и новые месторождения преимущественно серебросвинцовых и медных руд в землях казенных свободных и на землях, поступивших в надел государственных крестьян».

Большая часть этих открытий древних разработок в Архангельской губернии производилась по поручению Санкт-Петербургского купца Фиксена командированным в 1868 г. Академией наук магистром Гебелем. Купец и другие предприниматели «обратились с требованием об отводе заявленных площадей и о допущении их к разработке открытых месторождений». «Признавая необходимость споспешествовать устройству и развитию сего промысла на прочных началах», министр финансов тогда инициировал учреждение особой должности горного инженера по Олонецкой и Архангельской губерниям. По образцу уже действовавшего надзора по замосковным заводам ему предоставлялись полномочия окружного инженера на период «до предстоящего преобразования по новому Уставу горного управления»⁴⁰. В соответствии с мнением Государственного совета от 25 января 1871 г., две такие же должности окружных инженеров учреждались и для западной части Донецкого бассейна, не относившейся к Области войска Донского⁴¹.

Еще одним важным актом государственного значения стало принятие 24 мая/5 июня 1870 г. Устава о частной золотопромышленности, определявшего «порядок отыскания и добычи частными лицами золота из россыпей»⁴². Разработка такого золота, месторождения которого были широко распространены на Урале, началась вскоре после его открытия в 1814 г. на казенных Березовских промыслах под Екатеринбургом. Регулирование доходного промысла было инициировано указом от 9 сентября 1824 г., запретившим отдавать прииски, открытые на казенных землях и в округах казенных заводов, во владение частным лицам под предлогом «сохранения сих сокровищ для казны на будущее время». Заслуживавшие же «уважения» предложения таких лиц о разработке приисков предписывалось «представлять особо». На землях частных заводчиков, «как владельческих, так и посессионных», право разработки золотых приисков предоставлялось «единственно владельцам, другим же людям не иначе, как по добровольным с ними условиям». Надзор за разработкой сочли тогда излишним, а прием золота в казну оставили «на прежних основаниях»⁴³. В соответствии с указом от 28 мая 1812 г., эти основания предусматривали обязательную поставку золота «по требованию казны» на Санкт-Петербургский монетный двор и получение «за каждый золотник чистого по пробам золота и серебра переделной цены золотой и серебряной монетой» за вычетом расходов казны на перевозку и сплав золота. На монетном же дворе изымалась горная подать «натурою в количестве, равном взимаемому натурою же с выплавленной меди, и с разделением заводчиков на имеющих пособие и на не имеющих оного»⁴⁴.

Развитие золотопромышленности не только на Урале, но и в Сибири обусловило издание 30 апреля 1838 г. Особых правил о частной разработке приисков на казенных землях в этой части Российской империи. Такое право получили тогда дворяне, потомственные почетные граждане, купцы первой и второй гильдий, которым еще по Городовому положению 1785 г. «даровалась» возможность заниматься крупным промышленным предпринимательством. Разрешение на промысел давал министр финансов при посредничестве или Алтайского горного правления в Барнауле, ведавшего кабинетскими заводами Западной Сибири, или генерал-губернатора Восточной Сибири, располагавшегося в Иркутске. Отвод площадей под разработку осуществляли упомянутые горные и губернские власти, причем этот отвод не давал промышленнику «инога права на земли, кроме права добывать из них золото», и с прекращением добычи возвращался в казну. Надзор «по искусственной части» проводился горными ревизорами (в 1842 г. такая должность появилась и в штате Уральского горного правления «для ближайшего наблюдения» за частными золотыми промыслами в Оренбургской губернии), а полицейский — особыми заседателями местного земского суда, в обязанности которых входило не только поддержание общественного порядка, но и «искоренение хищничества золота» (в 1844 г. они были переименованы в горные исправники «по примеру подобных чинов на горных заводах», но оставались в гражданском ведомстве)⁴⁵. Драгоценный металл доставлялся самими золотопромышленниками «для сплава и пробы» в Барнаул, а оттуда его отправляли «казенными караванами» на Санкт-Петербургский монетный двор. Были установлены также особые правила расчета казны с предпринимателями и правила найма работников на прииски⁴⁶. С некоторыми особенностями эти правила распространялись и на земли Оренбургского казачьего войска, а также на внешние округа Семипалатинской области и на Область сибирских киргизов⁴⁷. Первоначально с золотопромышленников взыскивалась в пользу казны равная для всех «полоторная десятина» (15% от добычи натурой), но с 1848 г. ее заменила дифференцированная

подать (от 5 до 35%), зависевшая от объемов годовой добычи на прииске⁴⁸. В 1854 г. верхнюю планку подати снизили до 20%, а в 1858 г. — до 15%⁴⁹.

Горная и Податная комиссии, как уже упоминалось, не включили разработку золотых россышей (в отличие от добычи рудного золота она не считалась предметом «горного искусства») в юрисдикцию Горного устава, но их общая установка на сокращение казенного контроля отразилась и на Уставе о частной золотопромышленности. Еще в 1860 г. разработку этого Устава поручили особому «отделу» Податной комиссии. В августе 1865 г. проект вместе с объяснительной запиской и подготовительными материалами был передан «на заключение» Второго отделения Собственной Его императорского величества канцелярии, а также министров внутренних дел и государственных имуществ. После доработки проект поступил в сентябре 1866 г. в Государственный совет, где рассматривался в мае 1869 г. Но Совет одобрил лишь его «коренные меры», предложив министру финансов еще раз «согласовать проект с новыми узаконениями по горной части и новейшими статистическими сведениями о положении частного горного промысла в России». В июле — октябре 1869 г. Податная комиссия «сделала новую редакцию проекта», а в декабре министр финансов М. Х. Рейтерн представил проект в Государственный совет⁵⁰.

Одобренный в мае 1870 г. Устав о частной золотопромышленности предоставил возможность заниматься этим промыслом правоспособным «лицам всех состояний, как русским подданным, так и иностранцам» (за исключением белого духовенства, евреев за пределами «черты оседлости» и некоторых категорий служащих «по горной части», их жен и «неотделенных» детей) на землях частных, казенных и кабинетских (исключение составляли казенные Богословский, Златоустовский и Екатеринбургский округа, где прииски было решено продать в частные руки; значительные территории Алтайского и Нерчинского округов, где право разработки сохранялось за Кабинетом; Кавказ и Закавказье). «Дозволительное свидетельство» на поиск золота на казенных и кабинетских землях Урала и Сибири можно было получить уже не от министра финансов, а в «местных главных по золотому промыслу управлениях» (ими становились действовавшие там горные или гражданские органы), а для остальных губерний — в Горном департаменте. Отводы осуществлялись под контролем окружных ревизоров, а «общая полиция» и горные исправники, назначаемые губернаторами на «значительные золотые промыслы», наблюдали «за сохранением общественного порядка и безопасности». Отвод давался промышленнику за «посаженную плату» (по 15 коп. за погонную сажень) во временное пользование до выработки золота; он признавался движимым имуществом, что позволяло свободно передавать отвод другому лицу «явочным порядком». Прежнее правило вновь «заявлять прииски, объявленные свободными», заменили возможностью продавать их с публичных торгов «для разработки» в пользу того, кто предложит большую цену. На частных и посессионных землях право поисков и разработки золота сохранялось за владельцами, которые могли заключать «добровольные условия с другими лицами».

Добытое шиховое золото записывалось в шнуровые книги, вместе с которыми оно доставлялось в Барнаульскую или Екатеринбургскую золотосплавочные конторы, действовавшие при Алтайском и Уральском горных правлениях. Там совершалась приемка металла и выдача введенных еще в 1866 г. «ассигновок» — своего рода ценных бумаг с полугодовым сроком действия, которые можно было закладывать или передавать частным лицам и кредитным учреждениям. «Ассигновки» служили основанием

для получения денег в Санкт-Петербургском монетном дворе, куда золото отправлялось горными правлениями. Там же происходило взимание подати и удержание сумм расходов на доставку и обработку металла. Размер натуральной подати не изменился: на владельческих землях он составил 10%, на посессионных — 15%, на казенных землях сохранилась дифференцированная подать (от 5 до 15% в зависимости от качества прииска). Разрешенное Уставом открытие казенных земель для частной золотопромышленности стало важным шагом в развитии этой горной отрасли. Хотя «горная регалия» на сам драгоценный металл здесь сохранилась, но его добыча на казенных землях стала свободной. Министру финансов лишь давалось право в случае необходимости «закрывать» отдельные территории для частного промысла⁵¹. Устав 1870 г. сопровождался также новыми правилами о найме рабочих и ссыльнопоселенцев на сибирские промыслы, правилами о ссудах, выдаваемых из Государственного банка под шливовое золото, а также дополнениями к статьям Уложения о наказаниях и Устава уголовного судопроизводства, касавшимися нарушений законодательства⁵².

Еще ранее, 20 января 1867 г., «впредь до издания Горного устава» было разрешено частным лицам, товариществам и обществам производить поиски и разработку месторождений каменного угля на свободных землях, приграниченных к уральским казенным заводам. Это предпринималось «в видах поддержания на Урале частной промышленности и отвращения затруднений, встречаемых ею от недостатка топлива». Горные начальники казенных округов давали свидетельства на разведку месторождений и производили отвод для копи по действующим правилам за «оброчную плату» в 30 коп. с дес., отпускали необходимый для крепления лес за «попенные деньги» и осуществляли общий надзор. Добытый уголь отдавался «в полное распоряжение» промышленника и никакой горной подабью не облагался, как это и предлагалось действовавшей тогда Податной комиссией⁵³.

Правила о разработке относительно новых для России нефтяных месторождений были изданы 1 февраля 1872 г. «Главный надзор» за этим промыслом возлагался на Горный департамент, а в Закавказье, где промысел получил наибольшее развитие, — на наместническое управление. Как и добыча драгоценных металлов, нефтяной промысел на владельческих и посессионных землях предоставлялся самим владельцам, а другим лицам — по добровольным и согласованным с ними условиям. Поиск же и добыча нефти на свободных казенных землях дозволялись «лицам всех состояний, пользовавшимся гражданской правоспособностью, как русским подданным, так и иностранцам». Промышленник вносил за отвод «подесятинную арендную плату» и в течение двух лет обязан был начать добычу. Как и полагалось в отношении «новых горных произведений», подать на нефть не взималась, но на продукты ее переработки вводился акциз, сбором которого занимались местные акцизные управления, подчинявшиеся Департаменту неокладных сборов⁵⁴.

Сама же система горного налогообложения подверглась изменениям вскоре после окончания работы Податной комиссии в соответствии с ее предложениями, которые, как уже упоминалось, 1 марта 1869 г. были переданы М. Х. Рейтерном в Государственный совет отдельно от проекта Устава. Основной причиной «выделить один отдел из целого проекта и дать ему движение в законодательном порядке прежде других отделов и частей» стало осознание того, что слишком высокие подати, «в особенности на главные предметы этой промышленности — медь и железо... вредно влияли на частную горную промышленность». Сыграло свою роль и понимание того, что

увеличившийся в последнее время (особенно в 1868 г.) ввоз иностранной меди вызвал застой в продаже этого металла и грозил «в будущем, при сохранении высоких размеров подати, значительным сокращением медного нашего производства»⁵⁵.

Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 29 мая 1869 г. был отменен «оброчный сбор» с домен и медеплавильных печей; натуральная подать с меди заменена денежной (для владельческих заводов — по 50 коп. за пуд меди, выплавленной из коренных месторождений, и по 25 коп. — из песчаных месторождений, и соответственно по 1 руб. и по 75 коп. — для заводов посессионных). Подать с чугуна была также понижена до $1\frac{1}{2}$ коп. для владельческих заводов и до $2\frac{3}{4}$ коп. — для посессионных⁵⁶. Натуральная подать сохранилась только для драгоценных металлов, причем предложения Податной комиссии по вопросу о ее размере не были приняты.

Частично реализовалось намерение освободить горное ведомство от содержания социальной инфраструктуры казенных округов. Мнением Государственного совета, утвержденным 20 февраля 1873 г., заведование православными и единоверческими церквями на уральских, Олонецких, Луганском и Алагирском заводах «со всем принадлежащим им имуществом» передавалось в ведение епархиального ведомства вместе с 54 492 руб., расходовавшимися прежде Горным департаментом на содержание причтов. Лютеранская и римско-католическая церкви в Златоусте тогда же были временно переданы в управление Министерства внутренних дел⁵⁷.

В начале 1870-х гг. завершились и труды Податной комиссии по разработке Правил о продаже казенных горных заводов и промыслов (утверждены 18 октября 1871 г.) и Временных правил для дачи и исполнения нарядов Военного и Морского министерств по изготовлению орудий, снарядов и холодного оружия на казенных горных заводах (утверждены 1 сентября 1871 г.)⁵⁸. Они стимулировали предложенное Комиссией сокращение казенного сектора горнозаводской промышленности и специализацию военного производства. Однако установленная Государственным советом в 1871 г. зависимость продажи заводов от завершения землеустройства проживавшего там населения послужила причиной отсрочки приватизации. По той же причине задержалось и утверждение проекта выкупа посессий: Особое совещание при Министерстве финансов, видимо ориентируясь на известное ему мнение Государственного совета, отложило в 1872 г. реализацию этого проекта до завершения землеустройства населения посессионных округов (см. разд. 1 гл. II и разд. 1 гл. III). Эти события не позволили министру финансов М. Х. Рейтерну осуществить главное свое намерение — ввести в действие новый Горный устав до конца срока управления горной отраслью возглавляемым им Министерством финансов. Возможно, это повлияло и на его предложение о передаче горного ведомства, заведовавшего «одним из видов государственных имуществ», в профильное министерство⁵⁹.

Когда В. К. Рашет в 1873 г. подводил итоги работы Горного департамента за последнее десятилетие, помимо осуществленных мер, он вспомнил и о Горном уставе. «И, наконец, — отчитывался директор, — выработанный сначала в особой Горной комиссии, а потом в Податной комиссии проект нового Горного устава, вместе с предложениями о выкупе посессий, хотя и не получил еще дальнейшего движения, составляет, однако же, вполне подготовленный труд для издания сего важного законоположения». В его устах эти слова прозвучали несколько неожиданно, если учесть, что всего пять лет назад он в числе других «горных генералов» отказался подписывать проект. Сомнительно, чтобы директор изменил к нему свое отношение; скорее всего, уходя со своего поста,

он упомянул о проекте лишь для того, чтобы усилить впечатление о результатах деятельности возглавляемого им Департамента. Более ценным представляется его замечание о том, что Устав даже после утверждения многих сопутствующих законопроектов не продвинулся по пути реализации. Был сделан и намек на причину этой задержки. «Все вышеупомянутые улучшения, — полагал В. К. Рашет, — ...без сомнения, отразятся благотворно на горном деле, которое, пережив... самое трудное, переходное, время, получило теперь прочное начало к дальнейшему преуспеянию»⁶⁰.

Надо полагать, что созданное усилиями самого горного ведомства «прочное начало» уже не требовало столь кардинальных преобразований, которые были заложены в подготовленном Податной комиссией проекте Горного устава 1868 г. Дальнейшее реформирование отрасли могло быть осуществлено лишь силами самого горного ведомства, вроде бы успешно справлявшегося со своими задачами. Ориентироваться при таком подходе можно было не на проект межведомственной Податной комиссии, а на меры, предложенные еще Горной комиссией при разработке Устава, с учетом, конечно, выявившихся в последние годы обстоятельств. Заметим, что осуществленные преобразования не противоречили взглядам горных чиновников, изложенным в проекте 1866 г. и во «мнении меньшинства», и уже включали отдельные новации проекта, одобренные Горным департаментом.

Законодательные инициативы 1874–1893 гг.

По именному указу от 21 декабря 1873 г., «в видах соединения в одном главном управлении заведования государственными имуществами», горное ведомство с 1 января 1874 г. переводилось из Министерства финансов в Министерство государственных имуществ. При этом Горный департамент лишался Монетного отделения, а также управления столичным монетным двором и пробирной лабораторией, оставленных в финансовом ведомстве. Екатеринбургский монетный двор с 1875 г. предполагалось закрыть, а чеканку медных денег — перевести в столицу⁶¹.

Как представляется, при министре государственных имуществ П. А. Валуеве (1874–1879), при управляющем Министерством А. А. Ливене (1879–1881), директоре Горного департамента Ф. И. Раселли (1873–1881) горное ведомство шло по выработанному ранее пути совершенствования горного законодательства «по частям» и реагирования на текущие «вызовы». В «Историческом обозрении...» деятельности Министерства прямо заявлялось, что главные направления этой работы определялись проектом Горного устава, разработанным в 1860-е гг. «С переходом горного ведомства в Министерство государственных имуществ, — сообщалось в том обозрении, — ...были выделены из проекта Горного устава вопросы об отмене горных податей с минералов, о выкупе посессионных горнозаводских имений в собственность владельцев... о частной горной промышленности на казенных землях, о горной промышленности на частных землях»⁶². Эти и некоторые другие актуальные вопросы и определили основные направления деятельности горного ведомства на последующие годы.

В 1875 г. активизировался процесс приватизации тех казенных заводов, которые оказались наиболее подготовленными для этой операции (см. разд. 3 гл. II). Были предприняты шаги в решении вопроса о землеустройстве населения казенных и посессионных округов с целью устранить главное препятствие для реализации проектов продажи казенных заводов и выкупа посессионных. В этом плане в 1876 г. разработали инструкцию о порядке отграничения земельного и лесного наделов государственным

крестьянам, «водворенным в казенных и посессионных горнозаводских дачах в губерниях Вятской и Пермской»; в 1877 г. утвердили подобную же инструкцию для горнозаводского населения казенных горных заводов⁶³. В 1879 г. эти правила землеустройства были распространены и на бывших государственных крестьян и мастеровых Олонечских заводов⁶⁴. В 1877 г. продвинулось вперед решение застарелой проблемы частных заводов, еще находившихся в казенном управлении. Недавно утвержденные правила землеустройства горнозаводского населения казенных заводов распространили на жителей Кнауфского, Суксунского и Мосоловского округов на Урале, что должно было ускорить процедуру продажи этих частных округов, тяжелым бременем лежавших на горном ведомстве⁶⁵.

Из тех регионов Российской империи, где быстрыми темпами стала развиваться горная промышленность, во второй половине 1870-х гг. обратили на себя внимание Кавказ и Закавказье, подчинявшиеся особому наместническому управлению. Введенные для этих территорий 1 ноября 1875 г. Правила о поиске и разработке месторождений каменного угля на казенных землях основывались на принципе «горной свободы». Предприниматели должны были лишь получить разрешение на разведку в Управлении горной частью на Кавказе; «по сношению с местным управлением государственных имуществ» первооткрыватель мог получить и отвод для копи⁶⁶. В следующем году Кавказ и Закавказье были подведены под действующие Правила от 18 марта 1863 г. о снабжении заводов лесами на праве аренды с сохранением прежних условий посессионного владения для уже существующих предприятий. Этим было остановлено распространение посессионного права на новые территории Кавказа, перспективные для развития горнозаводской, в первую очередь медеплавильной, промышленности. С 1876 г. кавказские горные предприятия стали платить и общие для империи подати за золото, серебро, платину, медь и чугун⁶⁷. Незадолго до этого, 17 февраля 1876 г., Государственный совет подтвердил, что горные подати не собираются со всех других «горных произведений» с целью развития их добычи и производства⁶⁸.

Другое мнение Государственного совета от 6 июня 1877 г. сняло существующие ограничения, касающиеся разработки золоторудных месторождений, и распространило на них действие Устава о частной золотопромышленности. Отныне «во всех местностях, где дозволено производство золотопесчаного промысла», частные предприниматели получили разрешение на поиск и разработку коренных месторождений золота⁶⁹.

Дальнейшее развитие получил и институт горного надзора, сочетавший тогда прежние формы (должности заводских исправников), действовавшие с начала XIX в., и новейшие элементы (должности окружных инженеров), которые распространялись на отдельные регионы. В 1877 г. П. А. Валуев утвердил инструкцию для новой должности — казенного маркшейдера как помощника окружного инженера, отвечавшего за требовавшие особого внимания рудничные разработки. Маркшейдер составлял планы рудников, периодически дополнял их и контролировал безопасность работ. С 1880 г. он и другие представители надзора опирались на введенный 13 мая «порядок производства промышленниками подземных работ». В соответствии с этим порядком, предприниматели должны были уведомлять чиновников горного надзора о несчастных случаях и следовать их указаниям под угрозой «законной ответственности... в установленном порядке». Заводские исправники, окружные инженеры и маркшейдеры могли давать промышленникам лишь указания «с запискою в книге», но «при очевидной и неизбежной опасности» имели право принимать и «должные меры» вплоть до остановки

работ⁷⁰. По разработанной в этой связи уточненной инструкции для маркшейдеров, им была вменена обязанность посещать все копи и рудники подведомственного округа не менее двух раз в год⁷¹.

В 1874 г. получила воплощение идея, высказывавшаяся членами Податной комиссии, об учреждении отраслевых предпринимательских съездов как представительных организаций. По докладу П. А. Валуева Комитет министров 14 июня того года разрешил их проведение сначала «для горнопромышленников Донецких горных округов». Видимо, от этих предпринимателей власти прежде всего ожидали предложений для развития перспективного и выгодно расположенного Южного региона, где были обнаружены запасы каменного угля и железных руд, но действовало всего два металлургических завода — Дж. Юза и Д. А. Пастухова. Это было первое официальное разрешение, которое положило начало подобному рода совещаниям, распространившимся впоследствии по всей России⁷². Оно же определило и базовые принципы их проведения под контролем властей: разрешение на открытие съезда надо было получать в Министерстве государственных имуществ и уведомлять о нем местное губернское начальство; организатором съезда горнопромышленников Южной России выступал местный горный начальник казенного Луганского округа, а участники ограничивались «в суждениях своих... только предметами до нужд горной промышленности относящимися»⁷³. Первый съезд состоялся в декабре 1874 г. в Таганроге.

Вероятно, этому разрешению способствовала и показавшаяся властям полезной инициатива Императорского технического общества, которое, выслушав в январе 1874 г. доклад крупного предпринимателя Л. Э. Нобеля (старшего брата знаменитого изобретателя динамита и учредителя научной премии) «о влиянии казенных заводов на развитие частной механической промышленности», организовало Комиссию для исследования состояния в России машиностроения и отраслей промышленности, имеющих к нему непосредственное отношение. «Для правильного разъяснения положения нашей машиностроительной промышленности» эта Комиссия сочла полезным «просить разрешения правительства созвать съезд русских машино- и железозаводчиков и представителей промышленных предприятий, употребляющих машины и строительные металлы». Комиссия под председательством члена Совета торговли и мануфактур Е. Н. Андреева при участии многих заводчиков разработала проект организации съезда и программу вопросов для обсуждения и опубликовала их в «Горном журнале»⁷⁴.

Этот общероссийский съезд предпринимателей смежных отраслей состоялся в апреле — мае 1875 г. в Санкт-Петербурге. Его значение подчеркивалось присутствием генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, который курировал развитие в стране крупной промышленности. Одно из четырех «отделений» съезда рассматривало вопросы развития горнозаводской промышленности, действуя под руководством члена Горного совета и Горного ученого комитета А. А. Иоссы. В отчете о деятельности съезда его председатель инженер-генерал-лейтенант барон А. И. Дельвиг писал, что все «отделения и комиссии работали самым усердным образом», в их заседаниях принимали участие «известнейшие заводские фабрики, инженеры, артиллеристы, технологи, многие известные экономисты и проч. и проч.». Заседания иногда продолжались далеко за полночь, причем их посещали так усердно, что «даже в последних заседаниях решения баллотировались слишком сотнею присутствующих членов». Правда, констатировал председатель, оказавшийся самым актуальным вопросом о таможенных тарифах отодвинул на второй план многие не менее серьезные и важные вопросы, входившие

в программу съезда. В результате заседания «горнозаводского отделения» были часто немногочисленны. Среди участников этих заседаний отметились заводчики С. И. Мальцов, В. А. Пашков, Д. А. Пастухов, Д. П. Шипов, Б. К. Пржибыльский, Л. П. Семечкин, А. О. Жонес-Спонвиль, представлявший П. П. Демидова, предприниматели и горные деятели А. А. Иосса, Г. П. Гельмерсен, И. П. Котляревский, К. А. Скальковский, А. М. Лоранский, Н. А. Кулибин, В. А. Полетика, П. Н. Горлов, А. И. Скиндер, Е. Н. Андреев, Л. Э. Нобель, А. А. Ауэрбах и др.

К числу предложенных правительству мер, направленных на развитие горнозаводской промышленности на Урале, отнесли приватизацию казенных заводов, отмену посессионных ограничений, в частности запрета дробить такие имения, что могло бы привести к появлению новых предпринимателей и, следовательно, к усилению «внутренней конкуренции». Польские горнопромышленники просили распространить право свободной разработки месторождений не только на каменный уголь, галмей и свинцовую руду, но и на железные руды, а также устранить конкуренцию со стороны силезских углепромышленников, «которые старались изыскивать всевозможные средства для воспрепятствования развитию горнозаводской промышленности в Привисленском крае», скупали перспективные площади, но не вели там разработку минералов. Горнозаводчики формирующегося Южного металлургического района желали повсеместного введения отдельного права собственности на недра. Участники заседаний говорили о необходимости «сложить» накопившиеся на горнопромышленниках казенные долги, упростить возведение заводов на свободных казенных землях, отменить горную подать с чугуна и меди, создать трудовое законодательство, регулировавшее отношения с рабочими, в частности «закон о работе мало- и несовершеннолетних», и, конечно, просили правительство энергичнее строить железные дороги и повышать тарифы на ввоз металлов из-за границы. Прозвучало и мнение о том, что действующий Горный устав «составлен весьма давно и во многом весьма сильно устарел» и что его пересмотр ожидается заводчиками «с большим нетерпением». Согласившись с этим, отдельным пунктом в рекомендациях съезда записали: «Для прекращения того неопределенного положения, в котором находятся многие заводладельцы в настоящее время вследствие перемены в положении рабочих, просить о скорейшем пересмотре Горного устава и определении прав на недра земли»⁷⁵.

Важной вехой в развитии инициативы организации съездов горнозаводчиков стал 1880-й год, когда власти дали разрешение на их учреждение сразу в нескольких старейших металлургических регионах России. Поводом к этому послужило бурное развитие железнодорожного строительства в стране и желание правительства сделать его менее затратным для казны. Весной того года Министерство путей сообщения созвало съезд представителей чугуноплавильных и сталелитейных заводов России для обсуждения актуального вопроса о возможности замены дорогих импортных рельсов более дешевой отечественной продукцией, в частности «о возможности снабжения сталелитейных заводов западной половины империи чугуном, выплавленным внутри страны». В составе этого съезда действовали уральская, польская, московская, южная и северная секции, представленные региональными горнопромышленниками.

Так же как и на общероссийском съезде 1875 г., на заседаниях секций вновь прозвучали просьбы о введении запретительных таможенных пошлин, понижении железнодорожных тарифов и развитии современных путей сообщения между регионами России. Уральская секция поднимала вопрос о скорейшей ликвидации посессионного

права, облегчении и расширении промышленного кредита, о продаже или облегченном отпуске частным заводам казенных лесов; подмосковные заводчики просили о снятии горной подати с чугуна; польские горнопромышленники — о распространении «правил горной свободы» на добычу железных руд и пр. Общей рекомендацией съезда вновь стал «пересмотр Горного устава, весьма устаревшего, и издание его... в применении к настоящему положению горного промысла». При этом «большинство членов... выразило желание, чтобы подземные богатства (руды, каменный уголь, каменная соль) были изъяты по всей империи из исключительного права владения владельцев поверхности и сделаны по возможности доступными для всех желающих заняться добычей оных». Главными аргументами в пользу этого предложения стали «быстрое развитие горнозаводской промышленности во время господства Берг-привилегии Петра Великого и заметное оживление горного промысла в Царстве Польском со времени введения там горных законов, сходных с принятыми в большей части государств Западной Европы». Уральская секция, возглавляемая А. А. Иоссою, высказалась и за учреждение ежегодных съездов заводладельцев и управляющих в Екатеринбурге «для общих совещаний о положении горнозаводского промысла в Приуральском крае и обсуждения мер к улучшению его». Об этом же в начале 1880 г. заявили и предприниматели других регионов Российской империи⁷⁶.

Реакция правительства на последнее заявление не задержалась: горнопромышленники Подмосковного района и уральские заводчики, получив предварительное разрешение Комитета министров соответственно 11 января и 15 февраля 1880 г., провели в том же году свои первые съезды в Туле и Екатеринбурге⁷⁷. У промышленников Царства Польского такая возможность появилась после разрешения, данного 14 мая 1882 г.⁷⁸

Активное участие заводчиков и горных деятелей в подобных съездах, поддержка их со стороны высших властей свидетельствовали не только о начале нового этапа в отношениях между государством и предпринимателями, но и о неблагополучии в горнозаводской отрасли России и о необходимости ускорения преобразований. Публичное обсуждение назревших проблем развития металлургии и тесно связанных с ней других отраслей российской промышленности выявило пробелы в правительственной политике. Видимо, острота вопросов была близко воспринята пришедшим к управлению Министерством государственных имуществ в мае 1881 г. М. Н. Островским. Новых руководителей назначили тогда и в Горном департаменте: после ухода в отставку в январе 1881 г. 74-летнего Ф. И. Раселли его должность ненадолго занял Г. Л. Грасгоф, а в 1882 г. директором стал профессор Горного института Н. А. Кулибин, внук знаменитого механика.

Оценка сложившейся ситуации и программа насущных мер были изложены во всеподданнейшем отчете министра за 1881 г., подготовленном в части горного управления с помощью чиновников профильного департамента. «В конце прошлого и даже в начале текущего столетия, — констатировалось в этом программном документе, — Россия играла на западноевропейских рынках роль первенствующего поставщика продуктов минерального царства и по общему количеству своего производства в этом отношении стояла в одном ряду с другими первоклассными державами. Ныне как поставщик металлов и минералов, за исключением золота, Россия занимает на всемирном рынке ничтожное место; по размеру же внутренней производительности столь важного металла, как железо, уступает даже такому небольшому государству, какова... Бельгия. Наше

горное производство не уменьшилось с начала столетия; напротив того, оно значительно возросло; но развитие его шло не такими быстрыми шагами, как на Западе, и потому численное соотношение продуктов стало ныне совсем иное».

Причины такого положения горной отрасли виделись как «в самом характере страны и в условиях производства, не допускавших быстрого применения изобретений последнего времени», так и в «не совсем верных административных воззрениях и приемах к законодательным постановлениям». К первому фактору авторы отчета отнесли обилие лесов и дешевизну древесного топлива, а также водного транспорта, что долгое время делало невыгодным использование каменного угля и железных дорог. Сложности перехода от принудительного труда к вольнонаемному принесли дополнительные проблемы, «поставили многих... заводчиков, не имевших оборотных капиталов, в весьма затруднительное положение и в первое время повлекли за собой даже немаловажное уменьшение производства». К ошибкам же управления отраслью отнесли, в частности, открытие российского рынка для широкого импорта металлов. «Поразительным примером может служить тот факт, — сокрушался министр, — что в центре нашей горнопромышленности, на Урале, у подножия богатейшего в мире месторождения магнитного железняка, горы Благодати, проложены иностранные рельсы»⁷⁹.

«Наиважнейшей мерой» признавалось совершенствование Горного устава. Вслед за участниками прошедших съездов предпринимателей министр считал действующий Устав «во многих частях устаревшим и не соответствовавшим настоящему положению дела». Но это, по его мнению, требовало лишь новых «частных изменений». Особенно настоятельным шагом виделось министру обновление правил о горном промысле на свободных казенных землях.

Как констатировали еще члены Горной комиссии, действующее горное законодательство не запрещало поиска руд и получения отводов под их разработку, но ограничивало этот промысел землями горного ведомства на Урале и лишь отчасти распространяло разрешение на казенные земли в других регионах России. В законе точно не определялись и те полезные ископаемые, на которые «могло быть приобретено право путем открытия», и сам порядок приобретения такого права. Наконец, закон, требуя от промышленников «правильной разработки ископаемых, не давал правительству никаких почти средств к побуждению предпринимателя исполнять принятые им на себя обязательства». Вследствие этого в действующих правилах не было «ни последовательности, ни определительности, ни достаточной полноты», поэтому на практике «беспрестанно являлись случаи, этими правилами не предусмотренные».

М. Н. Островский в своем отчете уведомлял императора о том, что в возглавляемом им Министерстве еще в конце 1870-х гг. был составлен проект Правил о частной горной промышленности на казенных землях, который предварительно опубликовали в «Правительственном вестнике» с целью «получить практические указания от лиц, близко стоящих к делу». Поступившие «весьма интересные отзывы» были уже рассмотрены, а окончательный проект предполагалось внести в Государственный совет «в течение текущей сессии».

Не менее важным виделся министру и поднятый общественностью вопрос о горном промысле на частных землях. В основе его решения могли лежать два противоположных начала — принцип «горной свободы», действующий во Франции, Германии и Бельгии, и принцип акцессии, принятый в Великобритании, Северной Америке и России. Пример «примирения» этих начал М. Н. Островский видел во введенном в 1870 г.

Положении о разведках и отводах для горной добычи минеральных ископаемых в губерниях Царства Польского: в этом акте «безусловное право собственности владельца на недра земли» сочеталось с «безусловным правом разработки первого открывателя рудного месторождения». Министр упомянул о том, что еще до его вступления в должность был подготовлен проект распространения этого закона на всю Европейскую Россию, видимо, под влиянием пожеланий горнопромышленников формирующегося Южного района. Однако сам он оценил такой проект как «слишком крутой поворот в нашем горном законодательстве» и признал «более осторожным ограничиться в настоящее время проектированием некоторых частных изменений, дабы, не нарушая права землевладельцев на недра земли, регулировать применение этого права с большим вниманием к интересам нашего горного дела». В частности, сообщалось об уже переданном на рассмотрение министра юстиции и министра внутренних дел предложении относительно возможности заключения долгосрочных арендных договоров на землю для горных и горнозаводских целей на срок до 90 лет вместо разрешенных 12–36 лет.

Насущным представлялось и уточнение формулировок Горного устава относительно того, какие предприятия считаются горными и подведомственными отраслевому управлению. Это было связано с появлением в стране заводов, специализировавшихся исключительно на производстве железа или стали и не образующих горнозаводских округов. Они распространились в основном в Польше и в Санкт-Петербурге и не попали под действие горного надзора. В результате, по сведениям министра, на 17 таких заводах в 1879 г. произошло 165 несчастных случаев, в то время как на 229 горных предприятиях — только 188. М. Н. Островский сообщил, что уже вошел с представлением в Государственный совет об изменении подлежащих статей Горного устава и о подчинении всех металлургических заводов горному управлению «на общем основании»⁸⁰.

Нуждались в совершенствовании и законы, касавшиеся развивающихся отраслей горной промышленности. В частности, следовало изменить остававшийся до сих пор сложным способ расчетов с золотопромышленниками и отрегулировать отношения между нанимателями и рабочими на приисках. Требовались изменения и в организации соляного дела. Управление этой отраслью в 1881 г. вновь вернулось в Горный департамент в связи с отменой акциза на соль вследствие голода, охватившего некоторые восточные и южные губернии⁸¹. Тогда же было решено «для противодействия возникновению монополий в соляной торговле» не отчуждать в частную собственность принадлежавшие казне солеваренные заводы. Развитие всех горных отраслей, особенно же «перевозка продуктов каменноугольной и нефтяной промышленности», требовало устройства новых железных дорог и «поднятия техники этого дела, находящейся на весьма низкой ступени совершенства», а также изменения тарифов⁸².

По плану административных преобразований предлагались изменения в организации Уральского горного правления. «Ныне, — полагал министр, — как главный начальник заводов хребта Уральского, так и горное при нем правление, под влиянием последовательного ряда узаконений по горному делу, несут лишь часть тех обязанностей, которые первоначально были на них возложены. Вследствие же коллегиального устройства Уральского горного правления замечается такая медленность в производстве дел и так часто, по неясности и неполноте самого закона, происходят столкновения между главным начальником и местными на заводах начальствами, что упразднение этой излишней инстанции и более точное разграничение круга обязанностей горных начальников, с одной стороны, и главного уральского управления — с другой,

представляются делом не только полезным, но и необходимым». В планах Министерства также было увеличение жалования служащим в соответствии с «успехами казенного горного производства» и с уровнем их образования, предоставление заводоуправлениям более широких прав «в делах внутреннего хозяйства и распоряжения личным составом», разработка более простых правил и форм отчетности и делопроизводства. Первостепенной задачей представлялось и совершенствование надзора за частными заводами и промыслами. Не стесняя предпринимателей, он должен был надежно ограждать «обильные, но истощимые природные ресурсы... от неблагоприятной или хищнической разработки». Не менее актуальным выглядело и «обеспечение отрасли горнополицейскими правилами безопасности рабочих», а также «производство в обширных размерах разведок и геологических описаний».

Все эти пояснения и предложения министра почти дословно повторяли аргументы, звучавшие еще в Горной комиссии, и свидетельствовали о неослабевающей актуальности преобразований в горном ведомстве. Министр упомянул и о якобы уже подготовленном проекте общего изменения местного горного управления, но полагал на время отложить его реализацию «по важности и сложности предложенных в нем мер», составив «проект временного положения» и ограничившись отменой «коллегияльного порядка рассмотрения дел в Уральском горном правлении». Предложения Министерства государственных имуществ касались и горного управления в Сибири и Царстве Польском. При этом в первом регионе предполагалось усилить казенный контроль развивавшейся частной промышленности, а в Польше следовало «без вреда для дела» значительно сократить состав управления казенных заводов.

Наконец, предусматривались изменения и в сфере горного образования. После передачи в 1879 г. заводских школ и окружных училищ в подчинение Министерства народного просвещения, в горном ведомстве остались только Горный институт и средние профессиональные училища⁸³. Для вуза актуальной представлялась корректировка программ учебных дисциплин, преподавание которых предполагало бы ориентацию на новые отрасли горной промышленности (золотоплатиновую, нефтяную, соляную), механическое производство, ирригацию и осушение, которые нуждались в специалистах не меньше, чем рудная промышленность и металлургия. Для Уральского горного училища в Екатеринбурге, где преподавание все еще «было лишено практического характера», требовалось существенное увеличение финансирования. Учрежденная в 1872 г. Лисичанская штейгерская школа, сходная по своему назначению с Уральским горным училищем, по оценке министра, действовала «несравненно более удовлетворительно». Но и ее десятилетняя практика «указывала на некоторые желательные изменения в программах» и, конечно, на необходимость усиленного финансирования⁸⁴.

Следует признать, что план мероприятий, разработанный в Министерстве, отличался комплексным характером, охватывал основные отрасли горной промышленности, старые и новые металлургические регионы, частный и казенный сектора промышленности, органы казенного управления и надзора. Опираясь на решения съездов предпринимателей, составители плана определили крупные недостатки действующего горного законодательства и выдвинули ряд инициатив, способных ускорить развитие промышленности. Однако при этом министр намеревался действовать столь же осторожно, шаг за шагом исправляя законодательство, как и его предшественники. Несоответствие Горного устава требованиям времени, полагал он, «заставляло и впредь будет заставлять вырабатывать отдельные узаконения и положения, вынуждаемые крайней

необходимостью». Такой подход предполагал текущую переработку Устава в плане согласования всех его частей, «во многом уже измененных», что рассматривалось как достаточное средство для придания «твердого основания всему горнозаводскому делу». Задача пересмотра Горного устава в целом, что пытались сделать реформаторы 1860-х гг., не ставилась, но перспективные идеи, заложенные полтора десятилетия назад в проектах Горной и Податной комиссий и все еще отвечавшие «веяниям времени», брались за основу намеченных преобразований. М. Н. Островский, завершая изложение программы действий возглавляемого им Министерства, выражал надежду, что «последовательное принятие вышеуказанных мер способно поставить наше горное дело на путь, который со временем при надлежащем сочувственном отношении правительства к этому делу приведет его к степени развития, соответствующей размеру наших естественных минеральных богатств»⁸⁵. Для широкого ознакомления с планами Министерства этот важный документ был опубликован в «Горном журнале» в 1883 г.

Хотя М. Н. Островский довольно осторожно высказывался о реформировании местного горного управления, именно оно стало важнейшим мероприятием того времени, потребовавшим пятилетней подготовки и вполне закономерно начавшимся с реорганизации Уральского горного правления — единственного регионального органа, оставшегося под началом Горного департамента. Как и предполагалось, именно на нем апробировались основы будущей управленческой сети. В соответствии с инициированным министром мнением Государственного совета от 10 марта 1886 г., это коллегиальное учреждение, действовавшее 80 лет, упразднялось вместе «с состоящими при нем должностями и установлениями». В частности, ликвидировали Канцелярию главного начальника, должности заводских исправников, окружных ревизоров, а также управление Екатеринбургским горнозаводским округом. «Все предметы ведомства» бывшего Горного правления передавались новому учреждению — Управлению горной частью на Урале, единоличную власть в котором осуществлял главный начальник.

Полномочия нового органа были определены «принятой к руководству» 3 мая того же года инструкцией, в соответствии с которой Управление заведовало «всеми входящими в состав Уральской горной области горными заводами, казенными и частными, с приписанными к ним рудниками и лесами, рудниками и копиями частных промышленников и частными золотыми промыслами». Главный начальник обновленного органа отвечал за «все дела, к заводам и промыслам относящиеся, единолично, в пределах власти, определенной в уставах горном и о золотопромышленности для главного начальника уральских горных заводов, берг-инспектора и Уральского горного правления». О предусмотренных Горной комиссией элементах коллегиальности в региональном управлении уже не было и речи. Образовывалось три «делопроизводства», которые вели дела казенных и частных заводов и частных золотых промыслов, а особое учреждение во главе с главным лесничим отвечало за казенные и посессионные леса⁸⁶.

Для надзора за частной промышленностью Уральская горная область (так по предложению Горной комиссии стали называться регионы, подведомственные новым органам горного управления) делилась на семь горно-административных округов (в 1890 г. их количество довели до восьми, в 1899 г. — до 12) во главе с окружными инженерами. По образцу окружных инженеров Замосковной горной области (в 1913 г. она делилась уже на три округа) в их функции входили контроль за частной золотопромышленностью «в порядке, предписанном для окружных ревизоров», обязанности заводских исправников по надзору за действием посессионных горных заводов и «по выдаче

горнозаводчикам свидетельств на металлы, закладываемые в Екатеринбургском отделении Государственного банка и отправляемые для продажи». На двух лесных ревизоров и шесть лесных кондукторов возложили обязанности бывших заводских исправников по надзору за лесами посессионных заводов «на правах лесничих ведомства государственных имуществ». В штат Управления горной частью вошли также должности помощника главного начальника, двух делопроизводителей с шестью помощниками, двух чиновников по особым поручениям, бухгалтера, трех маркшейдеров, юрисконсульта, журналиста, архивариуса, семи горных землемеров и пр. В целом же количество служащих Управления сократилось в четыре раза по сравнению с последними по времени штатами 1847 г. Было также составлено «расписание» лесных дач посессионных заводов на шесть округов (по числу лесных кондукторов) и осуществлено «распределение» уральских заводов по горно-административным округам⁸⁷.

Следующим шагом в формировании системы регионального горного управления стало создание Управления горной частью Кавказского края. В соответствии с утвержденным еще 26 апреля 1883 г. актом — Учреждение управления Кавказского края (край делился на две части — Северный Кавказ, куда входили Ставропольская губерния, Терская и Кубанская области, и Закавказье, в состав которого входили Тифлисская, Кутаисская, Елизаветпольская, Эриванская и Бакинская губернии, Дагестанская область с Дербентским градоначальством, Карская и Батумская области, Черноморский и Закатальский округа и Сухумский отдел), — горный орган был передан из наместнического управления в ведение Министерства государственных имуществ. Новую структуру и штатное расписание (по образцу уральского) Управление горной частью получило 3 февраля 1887 г. Подведомственная территория Кавказской горной области разделялась на четыре округа во главе с окружными инженерами, подчинявшимися, в свою очередь, начальнику Управления. В штате значились важные для развития края должности геолога, двух маркшейдеров и трех инженеров «для исследований и разведок»⁸⁸. В 1884 г. Управлению подчинили и Кавказские минеральные воды, а на следующий год издали закон об охране минеральных источников, имевших «общественное значение»⁸⁹.

В 1887 г. появился окружной инженер в Северной горной области с подконтрольными ему немногочисленными частными предприятиями в Олонецкой и Архангельской губерниях (позже к ней присоединили территории Петербургской, Новгородской, Псковской, Тверской, Вологодской и Ярославской губерний в составе двух горных округов)⁹⁰. В 1888 г. были созданы новые органы горного управления в Сибири. В соответствии с мнением Государственного совета от 18 января того года, упразднилось Отделение частных золотых промыслов при начальнике Алтайского горного округа, а также Горный отдел при Управлении иркутского генерал-губернатора. Надзор вновь учрежденного в Западно-Сибирской области Томского горного управления охватывал Томскую, Тобольскую и Енисейскую губернии, а также Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую области Степного генерал-губернаторства (всего здесь будет образовано семь горных округов). В Томск из Барнаула перемещалась и золотосплавочная лаборатория. Новое Иркутское горное управление в Восточно-Сибирской области контролировало Бирюсинскую золотоносную систему Енисейской губернии, Иркутскую губернию и Якутскую область, а также все местности, входившие в состав Приамурского генерал-губернаторства (всего здесь будет 11 округов). В те годы на огромной территории от Урала до Дальнего Востока активно развивалась

золотопромышленность, «ведать» которую и призваны были новые органы горного управления. Они подчинялись Горному департаменту, а их штаты составлялись по образцу уральского. Каждая из подведомственных горных областей разделялась на шесть округов во главе с окружными инженерами. Горно-полицейские функции там исполняли 13 горных исправников, включенных в штаты управлений⁹¹.

Еще в 1883 г. горные промыслы, развивавшиеся в Черниговской, Киевской, Волынской, Подольской, Таврической, Херсонской и Бессарабской губерниях, были подчинены казенному надзору в лице окружного инженера вновь образованного Юго-Западного горного округа⁹². В 1891 г. «для заведования горным и соляным промыслом» в этих же губерниях (с присоединением еще Екатеринославской и Харьковской) учредили Горное управление Южной России с центром в Екатеринославе. Подведомственные территории образовавшейся Южной горной области разделили на четыре округа (к 1916 г. их количество возрастет до 11), руководство которыми осуществляли окружные инженеры. Вместе с маркшейдерами, смотрителями соляных промыслов и прочими должностными лицами они подчинялись начальнику местного Горного управления. Ему же перешло и курирование Лисичанской штейгерской школы⁹³.

Важным мероприятием стало издание Положения о круге ведомства, правах и обязанностях должностных лиц местного горного управления, утвержденного 21 декабря 1892 г. Этим актом, подготовленным в Горном департаменте, унифицировались структура и обязанности созданных за предшествующие годы региональных управлений горной, металлургической, соляной, золотоплатиновой и нефтяной отраслями, а также минеральными водами. Им непосредственно подчинялись управления казенных горных заводов, если таковые имелись на подведомственной территории; на них возлагался контроль за посессионными заводами и надзор за частновладельческими предприятиями. Общие требования устанавливались и для начальников управлений, «единолично заведовавших всеми делами», для окружных инженеров, их помощников и маркшейдеров. Тогда же Управление горной частью на Урале и Управление горной частью Кавказского края получили наименование Уральского и Кавказского горных управлений⁹⁴.

Если эти административные преобразования осуществлялись самим Министерством государственных имуществ, то учреждение Постоянной совещательной конторы железозаводчиков стало следствием инициативы общероссийского съезда предпринимателей в 1885 г. Этот съезд, организованный Обществом для содействия русской промышленности и торговле с целью в очередной раз надавить на правительство для установления протекционистского таможенного тарифа (он был введен в 1887 и 1891 гг.), дополнительно сделал ряд важных предложений относительно деятельности региональных съездов предпринимателей. Заводчики сочли, что «движению ходатайств съездов», на которые горное начальство слабо реагировало, могло бы помочь создание особого постоянно действовавшего в столице их представительства, подобного Шведской железной конторе. По положениям Комитета министров от 7 ноября 1887 г. и от 15 января 1888 г. (дополнены 9 июня 1892 г.), Постоянная совещательная контора железозаводчиков образовывалась в Санкт-Петербурге на средства самих заводчиков и состояла из семи членов, избираемых на региональных съездах. Контора получала право собирать сведения о положении железной промышленности, обсуждать вопросы, касающиеся нужд этой отрасли, «вести сношения с правительственными установлениями и представителями заводов по предмету дальнейшего движения ходатайств

съездов», разрабатывать их программу, издавать периодический орган (им стали ежегодные «Труды»), доставлять сведения и давать заключения по запросам Министерства государственных имуществ. Изначально из «круга деятельности» Конторы были исключены вопросы, «относящиеся к нормировке и ограничению промышленности помощью союзов заводчиков», чем предупреждалась возможность «стачек» (договоренностей) предпринимателей⁹⁵. В 1902 г. такую же контору было разрешено учредить в столице золото- и платинопромышленникам, которым удалось организовать издание специального журнала «Золото и платина»⁹⁶.

Исследователи в целом положительно оценивают значение постоянных совещательных контор⁹⁷, хотя, надо признать, они все-таки не были встроены в структуру нового горного управления и использовались властями в основном для получения интересующих их сведений. Назначаемый министром чиновник Горного департамента присутствовал на заседаниях контор лишь для надзора за тем, чтобы их действия «не выходили из пределов дозволенной деятельности», и «для обозрения делопроизводства». В. Д. Белов увидел в создании Постоянной совещательной конторы железозаводчиков «осуществление мысли, высказанной в 1806 г. первым нашим министром финансов графом Васильевым», о чем в свое время вспоминали на своих заседаниях и члены Податной комиссии. Однако, судя по тексту доклада А. И. Васильева, предлагавшееся им общество заводчиков отличалось от созданной конторы тем, что могло не только проводить совещания и делать представления о нуждах промышленности, но и судить своих членов и выбирать по два из них для участия в заседаниях открываемых тогда Московского и Пермского горных правлений⁹⁸. Не имея подобных полномочий, Постоянная совещательная контора железозаводчиков, тем не менее, просуществовала до 1918 г., что свидетельствует о признании предпринимателями и властями ее деятельности полезной.

Задуманное же в Министерстве государственных имуществ расширение возможностей для развития частного горного промысла реализовалось в издании 2 июня 1887 г. высочайше утвержденных Правил о частной горной промышленности на свободных казенных землях. Как уже упоминалось, составленный в Горном департаменте и несколько измененный в Горном совете проект этих Правил в 1881 г. был опубликован в «Правительственном вестнике», а также в «Горном журнале» вместе с Объяснительной запиской. Эта записка ценна не только содержащейся в ней аргументацией принятых решений, но и часто встречающимися в ней отсылками к работе Горной и Податной комиссий. В ней, в частности, упоминалось о том, что предложения комиссий «не получили до настоящего времени окончательного разрешения, хотя и послужили основанием ко многим отдельным мерам и постановлениям по горной части», а собранные комиссиями «богатые материалы» использовались при подготовке новых законов. Это дает повод говорить о том, что и проект Правил, разработанный в Горном департаменте в 1881 г., не просто совпадал во многих частях с установками проектов Горного устава 1866 и 1868 гг., он и основывался на них.

«Особая важность таких Правил для нашего отечества, — объяснялось в записке, — ясна уже из того, что ни в каком другом европейском государстве не существует такого значительного количества казенных земель, заключающих в недрах своих минеральные месторождения, как у нас». К «свободным казенным землям» отнесли те, которые находились в ведомстве государственных имуществ, за исключением состоявших в бессрочном пользовании, т. е. земель посессионных, крестьянских, войсковых и инородческих.

Не исключались из общего правила и казенные земли, состоявшие в «оброчном владении», или временной аренде, если арендатор не получал права на разработку недр находившейся в его эксплуатации земли. Правила распространялись даже на земли, приграничные к казенным заводам. Хотя за время, прошедшее с 1860-х гг., количество таких земель, по подсчетам авторов записки, сократилось с 4873 185 дес. до приблизительно 3464 000 дес. (за счет перехода в частное владение около 683 тыс. дес. земли проданных казенных заводов на Урале, а также за счет перевода в другое ведомство 21 тыс. дес. земли Луганского завода и 704,8 тыс. дес. наделной земли, отошедшей 183,4 тыс. ревизских душ населения казенных округов), эти земли, тем не менее, оставались еще «настолько обширными, что недопущение там частной промышленности не имело бы основания и было бы вредно для развития этой промышленности». Разработчики закона сочли необязательным и сохранение действующего правила поставки добываемых на этих землях руд на казенные заводы. В то же время из приграничных земель исключили те, которые обеспечивали деятельность самих казенных заводов «в настоящее время и в ближайшем будущем» и были значимы для них в «лесохозяйственном отношении». Их определение отдавалось на усмотрение министра.

Действие новых Правил не должно было распространяться на Область войска Донского и Царство Польское, где действовали «особые горные положения». В Сибири, Туркестанском генерал-губернаторстве и Кавказском наместничестве, находившихся тогда еще «на особых условиях», новые Правила могли быть введены лишь «по предварительному сношению с их начальствами».

К минералам, разрешенным для частной добычи, отнесли те, которые «по своему значению для народного хозяйства и по способу своего производства требовали... поощрения». Таковыми еще Горная комиссия признала металлы и металлургические руды (из них следовало исключить россыпи и коренные месторождения золота, разработка которых подчинялась Уставу о частной золотопромышленности 1870 г.), ископаемые угли и смолы (кроме нефти в жидком виде, добыча которой подчинялась особым Правилам, изданным в 1872 г., и янтаря по Правилам от 21 декабря 1874 г.⁹⁹), драгоценные камни (за исключением добываемых на казенных землях Пермской, Уфимской и Оренбургской губерний, предоставленных Екатеринбургской гранильной фабрике в исключительное пользование), а также каменную соль, графит, горючий сланец, серу, серные колчеданы и огнеупоры.

При определении круга лиц, которые могли заниматься горной промышленностью на казенных землях, авторы проекта опирались на мнение Горной комиссии о том, что эта промышленность «не представляет условий, которые требовали бы допущения к ней только некоторых сословий». Горнопромышленниками могли стать «все лица, не лишенные по общим законам права промышленной деятельности в той местности, где они желают заняться сим промыслом», за исключением лишь лиц, служебное положение которых «несовместимо с занятием горной промышленностью». По мнению, выраженному еще Податной комиссией, это были служащие горного ведомства, к которым прибавили и служащих управлений казенными землями, а также их жен и «неотделенных» детей, сочтя, что «иначе запрещение это весьма легко могло бы быть на практике обходимо».

Процедура получения права на горный промысел включала всего три операции — получение «дозволительного свидетельства» на разведку, подачу заявки на открытие месторождения и отвод земли под разработку. Чтобы облегчить первую операцию,

предлагалось передать эту функцию от центральных учреждений местным управлениям и, согласно предложению обеих комиссий, занимавшихся проектом Горного устава, освободить «предварительный осмотр местности от необходимости получать какие-либо разрешения». Разведка же, сопряженная с «земляными работами», разрешалась по индивидуальному прошению «на пространстве одной версты во все стороны от разведочного столба», если все это пространство оказывалось свободно от других, ранее разрешенных, разведок. Время для поиска минералов определили в два года, как и предлагала Горная комиссия. Во избежание прежде распространенного «излишнего захвата местностей», по примеру правил, действовавших в Царстве Польском, решили обязать промышленника в каждой избранной им для разведок местности не прерывать разведку на срок более шести месяцев «под опасением потери права на данную местность».

Податная комиссия в свое время предлагала горнопромышленнику договариваться с арендатором казенной земли о компенсации ущерба от разведочных работ. Это сочли равнозначным недопущению горного промысла и предложили при отсутствии добровольного соглашения устанавливать вознаграждение, «независимо от воли арендатора», с участием экспертов. Право первенства на заявку определялось временем подачи заявления в местное управление, а в случае одновременной подачи — по жребию, т. е. по примеру правил, действовавших в Области войска Донского. О выдаче «дозвожительного свидетельства» на разведку следовало сообщить Горному департаменту «как месту, в котором должны быть сосредоточены статистические сведения о горном деле», и опубликовать сообщение «в местных губернских ведомостях».

Следующую операцию — отвод земли под горную разработку — отдавали в компетенцию местных управлений, заведовавших землями. При этом земля оставалась в их же ведении и после отвода, как это предлагала Податная комиссия. Чтобы устранить возможность получения отвода для иных целей под предлогом горного промысла, сочли необходимым (уже вопреки мнению той же Комиссии) установить предварительное удостоверение специалистами «действительности открытия в просимом отводе полезного ископаемого, как условия для разрешения отвода». Решили, что для ускорения процедуры отвода достаточно одного года от подачи заявления до установки межевщицом «нетленных знаков» на его границах, как и предлагалось обеими комиссиями. Площадь отвода увеличили с 1 кв. версты до «круга, имеющего радиусом версту», и предоставили возможность получить до четырех отводов на одного заявителя «с тем только, чтобы отвод не заходил в участки, отданные для разведок другим промышленникам, а также не входил, без согласия заинтересованных лиц, во дворы и сады и не подходил ближе 25 сажень к строениям».

Податная комиссия в свое время предлагала казне заключать контракт с промышленником на пользование отводной площадью, что было сочтено «излишней формальностью» и заменено лишь выдачей ему акта об отводе с утвержденным планом. В качестве вознаграждения казне за отведенные земли сочли возможным, как и предполагали Горная и Податная комиссии, заменить действующую «попудную плату» неизменным в течение всего срока разработки месторождения поземельным оброком «по действительной доходности земли и не ниже 30 коп. с десятины».

Полностью были включены в проект общие предложения комиссий о праве владельца пользоваться отводом до выработки месторождения, о праве передачи его другим лицам и перехода по наследству, а также о праве возводить на отводе необходимые

строения и сооружения и сносить их или продавать при прекращении разработки. Ему также предоставлялась возможность пользоваться всеми ископаемыми, лежащими в недрах отведенной земли (в отличие, например, от правил, действовавших в Царстве Польском, где допускалось «существование отводов, расположенных один над другим, в разных слоях недр земли»). В то же время отводовладелец не получал права на лес, растущий на площади отвода. Лес оставался собственностью казны, но промышленник мог бесплатно пользоваться валежником, а также рубить деревья на месте работ, хотя казна сохраняла право «оставить их в своем распоряжении или потребовать оплаты их по местной таксе».

По существующим законам, для обеспечения действительной разработки полезных ископаемых устанавливалась минимальная норма их годовой добычи. От такой практики сочли возможным отказаться и, воспользовавшись примером прусского и французского горных законов, «предоставить правительству право в тех случаях, когда оно признает, что неразработка или недостаточная разработка месторождения наносит вред интересам общественной пользы, требовать возобновления, усиления или изменения способа разработки его и, в случае неисполнения горнопромышленником сего требования, отобрать от него отвод». Это постановление, полагали разработчики, «будет служить угрозой, побуждающей промышленников к действительной и правильной разработке данных им отводов». Решили также, что правило, согласно которому отобрание отвода могло производиться лишь по распоряжению Министерства государственных имуществ и с утверждения Сената, являлось достаточной гарантией того, что «мера эта не будет применяться без уважительных причин и не будет нарушать интересов частных лиц». В случае, если рудник не разрабатывался «по разным причинам», предложили поступать так же, как полагалось по Уставу о золотопромышленности, т. е. выставлять его на торги¹⁰⁰.

Направляя проект Правил в редакцию «Горного журнала», министр уверял, что «всякое замечание... высказанное путем печати или заявлений в Департамент, будет принято горным ведомством с благодарностью и что было бы весьма желательно, чтобы такие замечания были высказаны... в ближайшем времени». Впоследствии в журнале был опубликован всего один отзыв, поступивший от инженера Д. Д. Лесенко с Урала. Вероятно, значение этого отзыва в глазах редакции не ограничивалось частными замечаниями относительно деталей законопроекта. Так, инженер указывал на нечеткость отдельных формулировок, писал о целесообразности сокращения количества разведочных площадей в одних руках, о необходимости проводить периодически переоценку земли, данной в отвод, для начисления платы за ее использование, об обязанности горнопромышленника «вверять техническую часть разработки рудника специалисту» и пр.

Основной же критический посыл Д. Д. Лесенко касался ограничения действия обсуждаемых Правил лишь свободными казенными землями. «Открывая частным лицам доступ к недрам, хотя только небольшой и известной части казенных земель, — замечал автор, — проект, несомненно, делает шаг вперед по пути к общему началу, выраженному великим государем (имелся в виду Петр I, установивший «горную свободу» в России. — *Е.Н.*), но еще далеко не достигает его. Он не устанавливает разделения права собственности на поверхность земли от права собственности на ее недра — разделения, справедливость которого уже признана и установлена на твердых юридических основаниях большинством европейских государств... Без всякого сомнения, применение

его ко всему пространству России, без каких бы то ни было исключений, дало бы еще лучшие результаты». Инженер отмечал, что, открывая частному промыслу земли казенных заводов на Урале, авторы законопроекта не распространяли «начала горной свободы» на 9405063 дес. частновладельческих уральских земель, где «тунележащими» оставались до 4374 открытых месторождений медных и железных руд. «Введение этого начала в жизнь имело бы своим основанием ту высшую справедливость, до понятия о которой в настоящее время уже достигло человечество... — с пафосом заявлял он. — Необходима общая реформа нашего горного положения в смысле сообщения ему того устоя, при котором оно было бы в состоянии выполнить возлагаемые на него справедливые надежды»¹⁰¹.

Вероятно, этот не случайно опубликованный в специализированном журнале отзыв должен был подтолкнуть горное начальство к распространению «горной свободы» и на частные земли империи. Но на этот серьезный шаг Министерство государственных имуществ не решилось. В утвержденный Государственным советом вариант Правил, включавший 74 статьи, были внесены лишь небольшие изменения по сравнению с проектом. Так, был уточнен круг лиц, которым промысел запрещался: это относилось к белому духовенству (ему разрешалось участвовать лишь в горнопромышленных товариществах), к чиновникам по горной части Министерства государственных имуществ, к их женам и «неотделенным» детям, а также к евреям за «чертой оседлости». До трех лет увеличили срок подготовительных работ и вернулись к нормированию обязательной добычи в размере, который устанавливался для каждого отвода «подлежащим горным начальством». Промышленника обязали вносить «оброчную плату» в размере среднего годового дохода, поступающего с этой площади в казну в течение трех последних лет перед отводом, но не менее 1 руб. за десятину. Ее величина оставалась неизменной в течение только 20 лет. На отводе промышленнику позволили рубить лес с оплатой по таксе и открывать заводы и рудообогатительные фабрики на общем основании с разрешения Министерства государственных имуществ. Был добавлен также особый раздел, регулирующий взаимоотношения владельцев смежных отводов¹⁰². Все это свидетельствует о том, что корректировка проекта в ходе публичного обсуждения не затронула его базовых основ, сохранив установки Горной и Податной комиссий о введении «горной свободы» на казенных землях.

В последующие годы Правила о частной горной промышленности на свободных казенных землях периодически уточнялись и дополнялись «по показаниям опыта», а также распространялись на азиатские территории империи. Так, 17 февраля 1892 г. под их действие попали Тобольская и Томская губернии, Степное, Иркутское и Приамурское генерал-губернаторства, Туркестанский и Кавказский края. Тогда же горный промысел «на землях, находившихся в бессрочном общественном пользовании киргизов, бродячих и кочевых инородцев, сибирских и иных, за исключением зимовых стойбищ... и возделанных земель», был разрешен «на общем для свободных казенных земель основании без всякого вознаграждения инородцев»¹⁰³. На новую Закаспийскую область эти правила распространились по указу от 10 июня 1892 г. Там за их исполнением должен был наблюдать начальник области, а плата за право разведки и «оброчная плата» за отвод уменьшались в три раза в первые десять лет при условии сбережения рудопромышленником особо ценных в этой пустынной местности «древесной и кустарниковой заросли» и источников воды¹⁰⁴. В том же году Императорской гранильной фабрике в Екатеринбурге были оставлены в исключительное пользование лишь месторождение

орлеца и изумрудные копи в Монетной даче. Иные драгоценные камни разрешили добывать на казенных и посессионных землях местному населению по «трехрублевым билетам», выдававшимся на один год¹⁰⁵.

В отношении владельческих земель министр государственных имуществ М. Н. Островский, как и намеревался, ограничился лишь некоторыми частными изменениями, хотя к коренным переменам в вопросе о недропользовании его призывали не только предприниматели и инженеры, но и некоторые набиравшие вес чины Горного департамента. Так, на уже упоминавшемся съезде железозаводчиков в 1885 г. член Горного совета А. А. Штоф сделал доклад, в котором признал желательным пересмотр действующего законодательства «с целью предоставления горнопромышленникам возможности отыскивать и разрабатывать ископаемые в землях частного владения независимо от согласия на то землевладельцев»¹⁰⁶.

Внимание Горного департамента в этом вопросе сконцентрировалось в первую очередь на совершенствовании горного законодательства для Царства Польского, о чем просили на своих съездах польские промышленники. Важным с точки зрения охраны их интересов стал именной указ от 24 декабря 1888 г., распространивший на горный промысел изданные 14 марта 1887 г. Временные правила относительно приобретения иностранцами в собственность, а также во временное владение и пользование, недвижимых имуществ в западных губерниях империи. Отныне иностранцам-горнопромышленникам и иностранным торговым и промышленным компаниям, владевшим землями в Царстве Польском, отвод площадей для добычи ископаемых мог производиться лишь в пределах принадлежавших им имений¹⁰⁷. Это лишало иностранцев (особенно развивавших там свой бизнес немецких предпринимателей) права занимать участки земель смежных владельцев и тем самым фактически выводило их из-под действия Положения о разведках и отводах для горной добычи минеральных ископаемых в губерниях Царства Польского 1870 г.

Само это Положение было пересмотрено в 1892 г. с целью устранения возникавших на практике «разного рода недоумений, неустраимых властью министра», и согласования его с изданными за истекшее двадцатилетие законами. Результатом редакционной работы стало утвержденное Александром III 28 апреля 1892 г. новое Положение о горном промысле в губерниях Царства Польского, заменившее собой законы 1870 и 1873 гг.

По оценке чиновников Департамента, новое Положение отличалось «значительно большей полнотой и обстоятельностью, распространяя действие правил о принудительном отчуждении от землевладельца права разработки ископаемых, сверх каменного угля, галмея и свинцовой руды, еще и на железные руды», и упрощало получение разрешения на разведку и заявку месторождений, которые отныне осуществлялись местными окружными инженерами. Оно сохраняло в силе уже оформленные отводы недр и земель, но вносило некоторые дополнения в права и обязанности отводовладельца, в частности разрешало ему передавать отвод другим лицам, известив об этом окружного инженера и Горный департамент, «составлять Товарищества и участвовать в них». Горнопромышленник обязывался «вести разработку отвода по правилам горного искусства, не затрудняя (физически или экономически) дальнейшей разработки того же или соседнего месторождения», а также соблюдать изданные к тому времени правила производства подземных работ. Уточнялось, что он ограничивался правом разрабатывать на отводе только те ископаемые, которые

указаны в акте об отводе, а в случае прекращения работ без уважительной причины по распоряжению министра отвод мог быть «отобран» у него и выставлен на продажу или (в случае ее несостоятельности) «объявлен уничтоженным, а местность свободной для заявок на общем основании».

Сам же отвод на частных (без согласия владельцев) и майоратных (даже с согласия владельца) землях по-прежнему требовал санкции верховной власти. Был детализирован порядок подачи прошения об отводе, а его площадь сокращалась до 250 тыс. кв. сажен. Казна получила право промысла на владельческих землях «на тех же основаниях, как и частные лица, посторонние землевладельцу», а министру давалось право запрещать или ограничивать разведку и добычу ископаемых на «площади лесов защитных или охраняющих верховья и источники рек и их притоков или покрытых ценным лесом». Вводился также запрет на горный промысел отдельным категориям граждан («лишенным прав», белому духовенству и некоторым чинам горного ведомства). В новое Положение включили и уже действовавшие ограничения в отношении иностранцев¹⁰⁸.

В отличие от Царства Польского, где горнопромышленники пользовались существенно расширенными правами, в остальных регионах Российской империи в полной мере сохранилось действие акцессии. Но, как и предполагалось, министр государственных имуществ в 1885 г. получил право «впредь до издания законоположения о горной промышленности на частных землях» разрешать заключение договоров об аренде этих земель «на сроки, превышающие определенную законом продолжительность таких сделок с целью разработки минеральных богатств, повергая в уважительных случаях на высочайшее разрешение чрез Комитет министров»¹⁰⁹. В 1882 г. установили и правила отдачи казенных соляных источников с торгов в аренду сроком до 25 лет «за попудную или годовую оброчную плату»¹¹⁰.

Профессионально организованную помощь горнозаводской промышленности был призван оказывать особый Геологический комитет, созданный при Горном департаменте 19 января 1882 г. по образцу подобных учреждений в Западной Европе и Северо-Американских Соединенных Штатах. В состав Комитета вошли директор, члены присутствия (включая академиков, профессоров Горного института и Санкт-Петербургского университета), три старших и три младших геолога (их должности замещались горными инженерами, «заявившими себя трудами по геологии»), «консерватор», ведущий делопроизводство и архив, а также внештатные геологи-сотрудники и «коллекторы». Перед Комитетом были поставлены важные научные и практические задачи: систематическое исследование геологического строения России, издание научных сочинений, составление подробной геологической карты государства, «собрание горных пород и полезных ископаемых и составление из них систематических коллекций, содействие другим ведомствам и частным лицам по предметам занятий комитета». Деятельность этого нового органа впоследствии высоко оценивалась специалистами¹¹¹.

Выполнялись и планы развития специального образования и «усиления средств» ведомственных учебных заведений. С 1885 г. в Горном институте был введен новый учебный план, включавший курсы технологии металлов и дерева, нефтяного производства и заводской бухгалтерии. Студенты выпускного курса стали заниматься выполнением технических проектов и практических заданий. В 1889 г. в центре горной промышленности Царства Польского было открыто Домбровское горное училище «для приготовления низших служащих по технической части на горных заводах

и рудниках». До устройства училища служащие эти пополнялись преимущественно из числа иностранных специалистов¹¹².

Шаг вперед в развитии правового обеспечения и унификации деятельности горнозаводских товариществ на казенных заводах был сделан в начале 1880-х гг., когда по настоянию рабочих и окружного начальства Горный совет рассмотрел вопрос о вспомогательных кассах. Управляющий Министерством государственных имуществ А. А. Ливен созвал в 1880 г. комиссию под руководством П. А. Шульца для составления Положения о деятельности таких касс на казенных заводах. По утвержденному уже министром Н. П. Игнатьевым 9 апреля 1881 г. временному Положению, кассам разрешалось не только собирать взносы и выдавать пособия и пенсии, но и принимать вклады и выдавать ссуды своим членам. После пятилетнего испытания этих правил, новый министр М. Н. Островский поручил А. А. Штофу составить дополненный проект Положения, который был утвержден уже А. С. Ермоловым 26 мая 1893 г. Тем самым был установлен единообразный порядок работы вспомогательных касс. Горнозаводские товарищества «получили прочную организацию», а выдача пособий и ссуд, прием вкладов и помощь больным «были поставлены в определенные нормы». Вместе с тем горнозаводские товарищества, призванные защищать экономические интересы рабочих и оказывать им социальную поддержку, на частных заводах не прижились. По мнению исследователей, причины этого крылись в отсутствии как разработанных для таких заводов общих правил, так и опыта их организации у промышленников и рабочих¹¹³.

Важное направление в развитии горнозаводского законодательства определилось в 1880 г., когда были изданы Правила о порядке производства подземных работ. «С развитием подземных работ, особенно от быстрого увеличения добычи каменного угля и с появлением в наших каменноугольных коях гремучих газов, уносящих столько жертв за границей, число это должно возрастать, и естественно, что горная администрация не может оставаться к тому равнодушной», — вторил М. Н. Островский членам-экспертам из Податной комиссии. Дальнейшими шагами горных властей стало издание в 1882 г. особых инструкций по надзору за горным промыслом, а также распространение действия Правил и инструкций на новые территории, где развивался этот промысел. В 1885 г. они были введены в Кавказском и Закавказском краях¹¹⁴; в 1888 г. — в землях Оренбургского, Терского и Кубанского казачьих войск¹¹⁵. Совершенствовались и сами Правила. Так, в 1893 г. их дополнили, введя разделение подземных разработок на «значительные» и «менее значительные» (в зависимости от объемов производства и численности рабочих). На первых «ответственное за ведение разработки лицо» должно было обладать «необходимыми в горном искусстве познаниями, удостоверенными дипломом на звание горного инженера или аттестатом горного училища», т. е. пройти так называемый «технический ценз». Региональные горные управления получили право признавать разработки опасными и даже назначать на них особых горных надсмотрщиков¹¹⁶.

Еще в 1882 г. были установлены Правила о работе малолетних, которые распространялись и на горные предприятия. Правила ограничили возраст приема на работу (с 12 лет) и продолжительность рабочего времени для детей и подростков (до 15 лет — не более восьми часов в сутки и не более четырех часов подряд); их труд не мог использоваться в ночное время и на вредных для здоровья работах. Владельцы заводов обязаны были предоставить возможность работающим детям посещать народные училища, отводя на это не менее трех часов в день. Надзор над частными заводами в этом

отношении первоначально отдали фабричным инспекторам, состоявшим в ведении Министерства финансов (так называемая «фабричная инспекция»); на казенных заводах он возлагался «на тех должностных лиц, которым вверено управление заводами»¹¹⁷.

В 1892 г. надзор «за соблюдением должного благоустройства и порядка на частных горных заводах и промыслах (за исключением золотых)» передали окружным инженерам и их помощникам. Помимо своих прежних обязанностей, они должны были вести «наблюдение за исполнением постановлений о занятиях женщин, подростков и малолетних рабочих и о посещении последними начальных училищ, за исполнением нанимателями и рабочими правил, определяющих их обязанности и взаимные между ними отношения» и пр. При Горном департаменте и горных управлениях создавались присутствия по горнозаводским делам, куда, кроме горных чиновников, назначались представители от полиции и прокуратуры, а также от горнопромышленников «по избранию местными съездами». По образцу подобных же органов фабричной инспекции (действовали в центральных губерниях с 1886 г.) присутствия могли «издавать постановления о мерах... для охранения жизни, здоровья и нравственности рабочих во время работ... и в отношении врачебной помощи рабочим», рассматривать дела о нарушениях рабочего законодательства и жалобы на распоряжения окружных инженеров¹¹⁸. Представители заводчиков, таким образом, все-таки были допущены к участию в управлении, но лишь в части надзора за исполнением законов о горнорабочих.

Несколько новых законодательных актов касались действующей системы горных податей, с 1876 г. распространявшейся лишь на чугун, медь и на драгоценные металлы. В 1888 г. сочли, что обложить податью можно цинк (по 8 коп. с пуда), выплавляемый на заводах Царства Польского; в 1892 г. подать стали брать с металлической ртути (по 50 коп. с пуда), производство которой в Южной России выросло настолько, что ее даже стали вывозить за границу¹¹⁹. В 1886 г. частные горные заводы, устроенные на окормленных у киргизов землях (имелись в виду небольшие предприятия наследников С. И. Попова), были причислены «по отношению к размеру горных податей» к разряду владельческих¹²⁰. В 1888 г. горной податью обложили частные чугуноплавильные заводы Царства Польского, которые прежде ее не платили. Отныне эти предприятия вносили подать «на основаниях, установленных для взимания такой же подати с владельческих заводов империи», т. е. по 1½ коп. с пуда¹²¹. Особое совещание при Министерстве финансов обсуждало и вопрос о введении налога на нефть, добыча которой динамично развивалась преимущественно в Закавказье. Но чтобы «не воспрепятствовать свободному развитию нефтяной промышленности», участвовавший в работе совещания министр государственных имуществ настоял на сохранении лишь акциза на продукты нефтепереработки.

В 1891 г. М. Н. Островский отчитался перед императором за десятилетие своего управления горной промышленностью. Сославшись на поставленные в начале отчетного периода задачи, он ответственно заявил, что «почти все вышеуказанные вопросы были подвергнуты тщательной разработке и большей частью получили благоприятное разрешение». «Если по некоторым из них не удалось еще провести в жизнь всех разработанных в Министерстве мероприятий, — пояснял министр, — то причина сего лежит в обширности и разносторонности задач, подлежащих разрешению горного ведомства, в сложности некоторых наиболее важных вопросов и в той осторожности, которая требуется при коренных преобразованиях в твердо установившихся отраслях промышленности и государственного хозяйства».

Упомянул он и о личном вкладе в ускорение преобразований вследствие его поездок в Донецкий угольный бассейн в 1882 г., на Урал в 1884 г., в Олонецкий округ в 1885 г. и на Кавказ в 1883 и 1887 гг.¹²² Несколько поездок на Урал и Кавказ, заготовочные и олонечские заводы, в Польшу и Финляндию предпринял в 1880-е гг. и директор Горного департамента Н. А. Кулибин. В 1901 г., когда отмечалось его семидесятилетие, в поздравительном адресе Горного совета прозвучало, что за время его управления был «произведен ряд в высшей степени важных административных и законодательных реформ, имевших целью развитие горнозаводской промышленности в России». К ним отнесли преобразование Уральского горного управления, по образцу которого учреждались подобные же органы в других горных областях; передачу в горное ведомство горного промысла и минеральных вод на Кавказе; издание положений и правил (о частной горной промышленности на казенных землях, об отдаче частным лицам разработки торфа, о добыче золота из отвалов, о пользовании водой на золотых промыслах, о разработке цветных камней, о рабочих на золотых промыслах, о частном горном промысле в Царстве Польском, о частном нефтяном промысле и пр.). «Те замечательные успехи, которые проявились в разных отраслях горнозаводской промышленности, указывают, что предпринятые реформы достигли своей цели, — писали коллеги юбиляра, — и Вам, без сомнения, приятно сознавать, что этим успехам Вы во многом содействовали Вашими трудами и заботами»¹²³. После знакомства императора с отчетом М. Н. Островского «вся вообще деятельность чинов горного ведомства удостоилась все милостивейшего одобрения и поощрения», что проявилось в «отметке» Александра III: «Сделано много; надеюсь, что и дальше по горной части Министерство будет идти все вперед»¹²⁴.

В своем отчете министр государственных имуществ лишь упомянул о том, что «ввиду многочисленных изменений за последнее время в нашем горном законодательстве» в подведомственном ему Министерстве по соглашению с Кодификационным отделом Государственного совета разрабатывался проект нового Горного устава. Этот Устав, вошедший в Свод законов Российской империи 1893 г., и стал главным итогом законотворческой деятельности Горного департамента и курировавших его министерств. Он пришел на смену Уставу 1857 г., который за прошедшие годы лишь пополнялся статьями текущего законодательства и подвергался редакции при публикации «продолжений» Свода законов. Как замечал знаток горного права А. А. Штоф, «пересмотр, производимый таким порядком, никогда не будет вполне закончен, т. к. всегда найдутся более или менее важные вопросы по горной части, требующие законодательного разрешения».

В докладной записке министру, датированной 1888 г., А. А. Штоф доказывал, что «потребность в упорядоченной кодификации наших горных законов становится все более ощутительной. Новые законоположения, являющиеся одно за другим как результат пересмотра крупных отделов горного законодательства... не только не способствуют такому упорядочению, но, напротив, вносят в Горный устав все больше разрозненности». Часто, констатировал он, не удавалось даже органично включить в текст устаревшего Устава новые положения: их приходилось размещать как приложения к той или иной статье. Например, первая статья, определявшая понятие «горный промысел», сопровождалась тремя приложениями, уточнявшими его. Существенно усложняло восприятие кодекса горных законов и наличие в нем большого количества статей (более 2 тыс. из 2653), относившихся к отдельным местностям. Так, вторая «книга»

Устава включала 1391 статью, посвященную исключительно уральским заводам; в третью «книгу» входили статьи об Алтайском и Нерчинском кабинетских округах (соответственно 448 статей и 33), о заводах и промыслах сибирских (39), замосковных (12), олонецких (37), луганских (15), южных (60), кавказских (77) и западных (2). В свое время издание «местных законов» было оправданно, но такая система кодификации «оказалась крайне неудобной с появлением горных законов, предназначенных для повсеместного действия или даже изданных для отдельных районов, но не для тех, которые имелись в виду при издании Устава 1857 г.». Предстоящее издание горного кодекса, полагал А. А. Штоф, должно сопровождаться «переработкой системы его изложения с заменой, по возможности, распределения узаконений по местностям группировкой их по предметам». Кроме того, многие статьи (например, более 250 статей о браковке, пробировании и приемке изделий казенных заводов) утратили свое практическое значение, но все еще оставались в тексте Устава.

«Желательно также сделать Горный устав, — советовал эксперт, — полным кодексом горных узаконений, включающим не только постановления по уже определенным предметам... но еще и некоторые положения и правила, по существу своему относящиеся... к горному делу, но ныне по каким-либо причинам не включенные в Горный устав». Речь шла о таких актах, как Положение о горном промысле в губерниях Царства Польского, Правила об охране минеральных источников (входили в Устав врачебный), Устав о частной золотопромышленности, Устав о соли, Правила о найме горнорабочих (помещались в законах о сельском состоянии) и пр.¹²⁵ Цель критики действующего Горного устава заключалась в том, чтобы новое его издание не могло, как прежде, осуществляться «в порядке чисто кодификационном», а сопровождалось бы основательной структурной и содержательной переработкой.

В Горном уставе, вошедшем в Свод законов Российской империи 1893 г., действительно удалось реализовать многие предложения, высказанные А. А. Штофом. Устав, подготовленный в Горном департаменте, включил четыре «книги» и приложения. Первая «книга» «Общий Горный устав» содержала 976 статей и состояла из Введения и четырех разделов. В них последовательно определялась организация центрального, регионального горного и местного заводского и соляного управлений, деятельность учебных заведений горного ведомства и служба горных инженеров (180 статей); затем шли статьи, посвященные частной (владельческому и посессионному секторам) промышленности (625), казенному горному промыслу (113) и казенному снабжению солью (47). В самый объемный — второй — раздел, посвященный частной промышленности, отдельными главами вошли постановления, касающиеся Царства Польского, золотоплатиновой промышленности, нефтяного и соляного промыслов, а также о найме рабочих, о порядке подземных работ и о горных податях. Вторая «книга» включала положения о горном промысле в Области войска Донского, подведомственной Военному министерству (68 статей). Третья — определяла особенности функционирования Алтайского и Нерчинского кабинетских горных округов, Санкт-Петербургской и Екатеринбургской гранильных фабрик, относящихся к ведомству Министерства императорского двора и уделов (208). Четвертая «книга» была посвящена правилам о наказаниях и взысканиях за нарушение горных постановлений и порядку производства дел по этим нарушениям (33 статьи). В приложения вошли правила об янтарном промысле и о разработке цветных камней, о добыче торфа и каменного угля, Временные правила о военных нарядах казенным заводам и некоторые другие специальные законы¹²⁶.

По сравнению с Горным уставом 1857 г. структура нового кодекса горных законов России существенно изменилась, вобрав в себя законоположения, распределенные (на чем и настаивал А. А. Штоф) «по предметам», таким как государственное управление отраслью, к тому времени сложившееся в довольно унифицированную систему; сектора промышленности (владельческий, посессионный, казенный), условия функционирования которых существенно различались, причем в раздел о частной промышленности были включены особые правила для предпринимателей в отдельных отраслях промышленности или регионах страны. Произошло и существенное уменьшение объема Устава (с 2653 статей до 1285, т.е. в два раза). Значительно сократились разделы о горных учебных заведениях, были исключены разделы о ликвидированной горной страже, о многочисленных категориях работников казенных и частных заводов, ушедших в прошлое после реформы 1861 г., о прежних «попечительских обязанностях» горного управления, о горных городах и селениях, о судебном управлении и порядке судопроизводства на казенных и частных заводах, переданных гражданским ведомствам, об обязанностях отмененных чинов горного управления (берг-инспектора, заводских исправников) и о приемке и браковке изделий казенных заводов.

Несмотря на то что составители Горного устава 1893 г. совсем не упоминали о проектах Горной и Податной комиссий четвертьвековой давности, их сравнение приводит к выводу о совпадении общей логики изложения законоположений: в том и в другом случае они были распределены «по предметам». Различие заключалось в том, что проекты регулировали горный промысел в узком смысле слова, ограничиваясь лишь рудной, каменноугольной и металлургической отраслями, которые, как полагали составители, требовали специальных знаний и особого искусства, а значит, и государственного регулирования. Создатели же Устава 1893 г. во главе с А. А. Штофом реализовали более широкую задачу: включили в его состав законоположения, касавшиеся всех отраслей горной промышленности (в том числе золотоплатиновой, соляной, нефтяной), получивших развитие в империи во второй половине XIX в. и курировавшихся горным ведомством. Стремление создать «полный кодекс горных законоположений» заставило создателей Устава также включить в него статьи о наказаниях за нарушение законов и о найме рабочих, а также особые правила для горных предприятий вне ведомственной принадлежности. Эти отделы законодательства только частично были представлены в проекте Горной комиссии и полностью исключены из проекта Податной комиссии. В новый Горный устав вошли также еще не выработанные в 1860-е гг. правила о безопасности горных работ. Все это, конечно, увеличило объем Устава в три раза (с 404 статей до 1285) по сравнению с проектом Горной комиссии и в девять раз — в сравнении с проектом Податной комиссии, содержавшем всего 142 статьи. «Устав в новом издании хотя и представляет значительно большее, чем прежде, единство, но все же имеет характер не единого Положения, а сборника нескольких Положений, в числе которых есть и относящиеся к отдельным местностям... а еще более касающихся отдельных ископаемых, иногда в отдельных же местностях», — критически оценивал А. А. Штоф свою работу¹²⁷. Эти структурные отличия нового Устава были следствием развития отрасли и регулировавшего ее права (а также и самого правоведения) за те 25 лет, которые прошли со времени работы комиссий.

Принципиальное же отличие проектов Горной и, особенно, Податной комиссий от Горного устава 1893 г. состояло в том, что последний основывался на действующем законодательстве, систематизированном в улучшенном виде, в то время как проекты

были инновационными и по структуре, и по содержанию, поскольку, ломая действующие правила, устанавливали во многих отношениях новые ориентиры и смыслы. Если же взглянуть в содержательные различия и совпадения, то следует признать, что Устав 1893 г. имел больше сходства с проектом Горной комиссии, что не удивительно, поскольку преобразования, особенно в отношении регионального управления, горного надзора, податей, правил о горном промысле на свободных казенных землях, как было показано выше, проводились Горным департаментом в ключе разработанного его высшими чинами проекта Устава 1866 г.

Проекты и решения 1894–1917 гг.

С изданием нового Горного устава совпали изменения в руководстве Министерства государственных имуществ. В марте 1893 г. его главой был назначен А. С. Ермолов, специалист по сельскому хозяйству, которому и было поручено преобразование Министерства. Оно виделось в ориентации на первостепенное «попечение о развитии и усовершенствовании земледелия, скотоводства и других отраслей сельского хозяйства». В следующем году Министерство государственных имуществ превратилось в Министерство земледелия и государственных имуществ, но заведование горной промышленностью сохранилось в «предметах» его ведомства. В таком виде Министерство действовало до мая 1905 г., когда было преобразовано в Главное управление землеустройства и земледелия, а Горный департамент сначала ненадолго вернулся в ведение Министерства финансов, а уже 27 октября 1905 г. был переведен в новое Министерство торговли и промышленности, в составе которого и оставался до конца имперского периода¹²⁸. За эти годы сменилось несколько директоров Департамента: в 1891–1896 гг. его возглавлял К. А. Скальковский, затем — Н. А. Денисов, в 1900–1907 гг. — Н. А. Иосса; Н. Н. Курмаков руководил Департаментом в 1907–1910 гг., Я. И. Хованский — в 1910–1912 гг., В. И. Арандаренко — в 1912–1915 гг. и Н. И. Разумов — в 1915–1917 гг.

Горный департамент, «стремясь вперед», как пожелал император, шел по избранному еще в 1860-е гг. пути текущих преобразований, акцентировав внимание на распространении формирующейся системы горного управления на новые территории империи. В 1894 г. к уже созданным горным областям (Уральской, Замосковной, Западно-Сибирской, Восточно-Сибирской, Кавказской, Северной и Южной) прибавилась Волжская область, включившая территорию Костромской, Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Астраханской губерний. Там было образовано два округа (позже с переводом Астраханской губернии в Юго-Восточную горную область останется один) во главе с окружными инженерами, непосредственно подчиненными Горному департаменту¹²⁹. В соответствии с мнением Государственного совета от 16 января 1895 г., появилось еще две горные области. Западная — в составе семи округов образовывалась из губерний Царства Польского. Действовавшее там Управление казенными заводами упразднялось, вместо него «для заведования казенными и частными заводами и промыслами... а равно Домбровским горным училищем» учреждалось Западное горное управление в Сухедневе Келецкой губернии (в 1903 г. переведено в Варшаву). В Северо-Западную горную область вошли Курляндская, Ковенская, Гродненская, Виленская, Минская, Могилевская, Витебская, Смоленская и Псковская губернии. (Тверскую губернию и часть Вологодской тем же актом включили в Северную область.) Окружной инженер, осуществлявший надзор за частной горной промышленностью в границах всей области, непосредственно подчинялся

Горному департаменту. Тогда же должности окружного инженера и его помощника были учреждены при генерал-губернаторе Туркестана в Ташкенте¹³⁰. При начальнике Закаспийской области в Ашхабаде с 1890 г. состоял особый техник по горной части на правах окружного инженера.

Унификация имперской системы регионального горного управления завершилась созданием Юго-Восточной горной области. В 1897 г. военный министр инициировал перевод подведомственной ему Области войска Донского под действие «общих законоположений по горной части». Переходный период завершился в 1900 г., когда на основе войсковой территории, а также смежных Воронежской, Саратовской и Астраханской губерний была образована Юго-Восточная горная область во главе с Горным управлением в Новочеркасске. Область делилась на три округа (к 1916 г. их количество довели до шести), в каждом из которых действовал окружной инженер с помощником. На землях станичных и владельческих частный горный промысел подчинялся «общим постановлениям, относящимся к землям владельческим», а на войсковых землях действовали прежние особые правила, вошедшие во вторую «книгу» Горного устава 1893 г.¹³¹ В 1907 г. на Сахалине, где проводились разведки каменного угля и нефти, тоже был образован горный округ во главе с окружным инженером, подчинявшимся Иркутскому горному управлению¹³².

В результате этих преобразований обширная территория Российской империи была разделена на 11 горных областей, в семи из которых действовали специальные учреждения — горные управления, а четыре находились в непосредственном ведении Горного департамента. Министру предоставлялось право менять количество и состав горно-административных округов, входивших в эти области. Наиболее крупным оставалось Уральское горное управление в Екатеринбурге с главным начальником во главе. Ему подчинялись и казенные округа Урала. Надзор за частной горной и горнозаводской промышленностью осуществляли окружные инженеры и их помощники; окружные маркшейдеры отвечали за подземные разработки и производили «межевые работы». Всего, по данным за 1911–1913 гг., местный горный надзор обеспечивали 63 окружных инженера и один техник, 42 их помощника, а также 17 штатных маркшейдеров, 8 сверхштатных и один помощник. Делопроизводство вели 30 письмоводителей при окружных инженерах и 12 чертежников¹³³.

В штаты отдельных областных управлений включили также горных исправников, «заведовавших полицейской частью» на золотых промыслах в Сибири и на Урале (в 1896 г. шесть таких же должностей появились в Уральском горном управлении)¹³⁴. Дополнительно «высший надзор за соблюдением порядка, благоустройства и безопасности» на частных золотых и платиновых приисках (в связи с введением тогда правил о найме рабочих) был возложен в 1895 г. на действующие присутствия по горнозаводским делам при горных управлениях и на окружных инженеров¹³⁵. В 1900 г. «для охраны порядка и безопасности» на приисках создали конную и пешую горно-полицейскую стражу, но подчинялась она Министерству внутренних дел¹³⁶.

В 1899 г. попытались скоординировать деятельность фабричного и горного надзора, необходимость чего обуславливалась как удобством организации казенного надзора в отдельных местностях, так и наличием предприятий «со смешанным производством», где горное производство сочеталось с фабрично-заводским (механическим, химическим, лесопильным и пр.). Учрежденные семь лет назад при Горном департаменте и горных управлениях в Европейской России присутствия по горнозаводским

делам упразднились, и вместо них создавались Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие и подобные же губернские присутствия, объединявшие полицейский, горный и фабричный надзор в части «соблюдения на фабриках, заводах и горных промыслах должного порядка и благоустройства». Эти новые учреждения, важнейшими функциями которых было «издание инструкций, наказов и правил в развитие действующих законоположений» о надзоре за соблюдением порядка и безопасности работ, о найме рабочих, а также рассмотрение жалоб на распоряжения чиновников надзора и разбор спорных дел, отныне подчинялись Департаменту мануфактур и торговли Министерства финансов, а на местах — губернаторам. В состав губернских присутствий, помимо высших чинов губернского управления, включались фабричный инспектор, окружной инженер, а также представители от местных фабрикантов и горнопромышленников. При этом руководители Министерства финансов и Министерства земледелия и государственных имуществ, служащие которых совместно заседали в этих присутствиях, «по взаимному соглашению» могли поручать «надзор за соблюдением должного благоустройства и порядка на отдельных заводах, подведомственных одному из сих министерств, чином другого»¹³⁷. С организацией Министерства торговли и промышленности в 1905 г. фабричный и горный надзор соединились в одном ведомстве, но оставались в разных департаментах; кроме того, в отношении своих социальных обязанностей окружные инженеры по-прежнему подчинялись не горным, а гражданским властям.

Периодически совершенствовались правила безопасности горных и горнозаводских работ и найма рабочих, за исполнением которых следили чиновники надзора. Так, изменения действующих узаконений, касавшихся подземных работ, и установление Правил для горнозаводских работ произошли в апреле 1894 г.¹³⁸ В 1911 г. были введены новые Правила для ведения горных работ в видах их безопасности и Дополнительные правила для ведения горных работ в видах их безопасности на золотых и платиновых промыслах, одобренные Горным ученым комитетом¹³⁹. В 1912 г. издали сразу несколько законов о страховании рабочих и об их «обеспечении на случай болезней». Для обсуждения мер по организации и совершенствованию деятельности предусмотренных этими законами больничных касс на заводах и промыслах весной 1914 г. был созван в Екатеринбурге Первый съезд окружных инженеров Уральской горной области, обсудивший и некоторые другие актуальные проблемы, включая и вопрос о достижении «полного согласования и однообразия» в работе горного надзора¹⁴⁰. Подобные же съезды прошли и в других областях.

На рубеже XIX–XX вв. произошли существенные изменения в горном налогообложении, связанные с общим реформированием налоговой системы в России, в частности с введением 8 июня 1898 г. Положения о государственном промысловом налоге. С этого времени предприниматели должны были оплачивать основной промысловый налог в виде «патентного сбора», зависевшего от величины предприятия. Самые крупные предприятия (свыше 1 тыс. рабочих) платили ежегодный сбор в размере 1,5 тыс. руб., самые мелкие (2–4 рабочих) — от 2 до 6 руб. Дополнительный промысловый налог состоял из нескольких видов сборов. Так, предприятия, принадлежавшие акционерным обществам или паевым товариществам и обязанные публиковать отчеты о своей деятельности, платили налог с капитала и «процентный сбор» с прибыли. Первый начислялся в размере 15 коп. с каждой сотни рублей основного капитала, который значился в отчете о деятельности предприятия за истекший операционный год. Если

прибыль была выше 3% от основного капитала, предприятие платило еще и «процентный сбор» с прибыли, определявшийся по прогрессивной шкале, достигая максимума в 6%. Не входили в налогооблагаемую базу лишь суммы, направленные на «дела благотворительного характера», включая отчисления на улучшение быта рабочих и служащих, устройство учебных и лечебных учреждений.

Предприятия, «не обязанные публичной отчетностью», облагались «раскладочным сбором» и «процентным сбором» с прибыли. Сумма первого назначалась каждые три года «в законодательном порядке» и распределялась по губерниям, «согласно степени развития в них торговли и промышленности». Для предприятий, занимавшихся добычей и переработкой сырья, включая горнозаводские, определялся валовый оборот по доставляемым ими данным о стоимости проданных за год изделий. В зависимости от его величины казенные палаты вычисляли размер возможной прибыли и сумму налога. «Процентный сбор» начислялся с прибыли, превышавшей в 30 раз оклад основного промыслового налога, и составлял 1 руб. с каждых 30 руб. излишка прибыли. Ответственным за сбор промыслового налога было назначено Особое присутствие при Департаменте торговли и мануфактур Министерства финансов, а на местах им занимались казенные палаты с помощью чиновников податного надзора — инспекторов и их помощников.

На первом этапе реформы промысловый налог заменил горную подать с меди, ртути и цинка. Однако для посессионных заводов сохранялась добавочная подать, т.е. прежняя разница в величине горной подати, взимаемая с посессионных и владельческих заводов, в размере 50 коп. с пуда меди (25 коп. брали в Закавказском крае и Ставропольской губернии)¹⁴¹.

Введенный 7 июня 1899 г. новый Монетный устав отменил горную подать с серебра, а мнение Государственного совета от 12 марта 1901 г. распространило промысловый налог на предприятия, добывающие золото и платину на владельческих, посессионных и свободных казенных землях, что означало отмену горной подати и на эти металлы. Добыча драгоценных металлов была обложена «раскладочным сбором», который производился «по совокупности прибыли от всех расположенных в пределах одного раскладочного участка приисков»¹⁴². Распределением сбора было поручено заниматься особым раскладочным присутствиям при губернских казенных палатах с участием окружного инженера и представителей от местных съездов золотопромышленников, деятельность которых была разрешена в 1895 г.¹⁴³ Наконец, указом от 20 июля 1901 г. на всей территории империи отменялась и горная подать с чугуна. С целью «уравнять положение чугуноплавильного производства в отношении государственного обложения с другими отраслями промышленности» она была заменена тогда общим промысловым налогом. Но, как и в отношении меди, для посессионных заводов в дополнение к новому налогу была сохранена добавочная горная подать, составлявшая тогда $1\frac{1}{4}$ коп. с пуда чугуна¹⁴⁴.

В результате этой многоступенчатой реформы сбор промыслового налога был выведен из-под контроля горного ведомства и передан Министерству финансов. Такой порядок сбора налога с горнозаводских предприятий (правда, в лице акцизного ведомства) предлагала в свое время Податная комиссия, хотя она не решилась тогда заменить «попудную подать» налогом на капитал и прибыль, как это произошло четыре десятилетия спустя. С этого времени круг обязанностей окружных инженеров в отношении надзора за сбором горных податей сузился до контроля за уплатой посессионной

подати с меди и чугуна, а также сохранявшейся натуральной подати с золота и платины, добываемых на землях Кабинета Его императорского величества и казенных землях, сданных в аренду «на основании особых условий».

Завершая в начале XX в. создание новой системы горного управления и горного надзора, Министерство земледелия и государственных имуществ озаботилось и совершенствованием горного законодательства, открыв, по сути, новый виток подготовки его реформирования. В конце 1902 г. с высочайшего разрешения была образована Комиссия для выработки законоположений в развитие, дополнение и изменение статей Горного устава под председательством директора Горного департамента Н. А. Иоссы. По своему назначению она напоминала Горную комиссию 1860-х гг., хотя ее задачи, судя по официальному наименованию, были несколько уже. Участниками заседаний Комиссии стали председательствующий в Горном совете тайный советник Н. А. Денисов, члены этого Совета: тайные советники А. А. Штоф, В. В. Веселовский, П. П. Деви, вице-директор Горного департамента действительный статский советник Е. Н. Васильев и начальник Отделения частных горных заводов статский советник А. А. Сорокин. В отличие от Горной комиссии, в новую законосовещательную инстанцию вошли также представители Департамента государственных земельных имуществ, Лесного департамента, министерств финансов, юстиции, внутренних дел и Государственного контроля.

На первом заседании, состоявшемся 30 декабря 1902 г., председатель изложил программу деятельности Комиссии. «В настоящее время, — пояснял он, — все почти отделы действующего Устава о частной горной промышленности находятся в разных стадиях законодательной переработки». Она заключалась в первую очередь в установлении общих правил для ведения горного промысла на землях различных категорий. Достижение этой важной цели сопрягалось с принципиальным вопросом о праве собственности на недра.

Как уже упоминалось, с 1782 г. это право было предоставлено российским помещикам. По разъяснению, сделанному Главным комитетом об устройстве сельского состояния 19 мая 1875 г., «право пользоваться и распоряжаться на основании общих законов находящимися в их землях ископаемыми без испрошения особого разрешения» предоставлялось также крестьянам-собственникам, как бывшим крепостным, получившим свои наделы по «уставным грамотам», так и бывшим казенным, получившим наделы по «владенным записям» (это положение не касалось горнозаводского населения)¹⁴⁵.

Вступая в длившийся еще с 1860-х гг. спор, Н. А. Иосса и другие «горные генералы» (тон на заседаниях Комиссии задавал специалист по горному законодательству А. А. Штоф) сочли предоставление землевладельцам права собственности на недра «крупной законодательной ошибкой» и высказались за нераспространение принципа акцессии «на ту часть России, где государство сохранило еще свои регальные права на недра, включая посессионные земли и земли поселян всех наименований, инородцев, кавказских горцев, кочевого населения и пр.». «В мусульманских провинциях, например, — заявляли участники заседания, — заселенные имения не подлежали крепостному владению, а давались только для пользования определенными доходами по смерти или потомственно, право же собственности принадлежит в них исключительно верховной власти. Поэтому предоставление права на недра туземному населению было бы простым дарением, не имеющим оправдания с точки зрения государственных интересов и несправедливым по отношению к другим видам наших сельских обывателей».

В этом контексте целесообразным выглядело предоставление различным категориям крестьян-переселенцев и «иностранцев» казенных земель с сохранением горной регалии и распространением на эти земли «основных начал» закона о горном промысле на свободных казенных землях или порядков, действовавших в Царстве Польском и Великом княжестве Финляндском. Там, как поясняли члены Комиссии, «подобно всем значительным западноевропейским государствам, за исключением лишь Великобритании, распоряжение месторождениями главнейших ископаемых... не предоставлено самим владельцам поверхности, но отдано в руки правительства, допускающего к их поискам и добыче посторонних лиц на основании правил, законами установленных, вне зависимости от согласия на это землевладельца».

Причиной отрицательного отношения к акцессии стали происшедшие к началу XX в. изменения в структуре землевладения, связанные с распространением в стране мелких хозяйств, в результате чего акцессия, по признанию некоторых теоретиков, стала мешать развитию частного горного промысла из-за якобы сопряженного с ней произвола землевладельцев. Главный сторонник этой точки зрения А. А. Штоф в своей книге о горном праве, переизданной в 1896 г., доказывал, что «горная свобода является самым совершенным из всех типов горных законов и потому представляет одно из необходимых условий развития горного промысла в тех местностях, где он действует»¹⁴⁶.

Министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов первоначально, видимо, склонялся к признанию отдельного права собственности на недра, в пользу которого в свое время высказались и члены Горной и Податной комиссий. Еще в декабре 1896 г. он предложил А. А. Штофу «принять на себя труд по составлению проекта нового закона, поставив целью... предоставление собственнику земли возможности выделять из состава его имения недра оного в самостоятельное и отдельное от поверхности имущество»¹⁴⁷. Через год он же выступил с предложением составить особую комиссию под своим председательством «из представителей заинтересованных в деле ведомств и частных горнопромышленников». «Испрашивая высочайшее соизволение», министр писал, что «настала пора приступить к коренному пересмотру действующего у нас горного законодательства с целью установления такого порядка пользования недрами земли, который позволил бы более широкую эксплуатацию их в интересах частной горнопромышленности при уравнивании... условий добычи ископаемых на землях как частных, так и казенных, что позволило бы вместе с тем объединить и упростить горные узаконения, относящиеся к обоим сим разрядам земель». Это означало, что министр не был тверд в своих убеждениях и склонялся, скорее, уже в сторону «горной свободы». Получив монаршее разрешение в январе 1898 г., он утвердил состав комиссии, в которую вошли члены Горного совета и Горного ученого комитета (в частности, А. М. Лоранский и И. Н. Урбанович), а также представители министерств внутренних дел, юстиции, финансов, военного, императорского двора и уделов¹⁴⁸.

Видимо, эта комиссия так и не приступила к работе, но сам факт ее созыва получил большой общественный резонанс. Вопрос о праве на недра вызвал «горячее обсуждение» на страницах периодической печати. Откликнулись газеты «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Свет», «Урал». Большинство авторов статей доказывали необходимость следования «заветам Петра» и предлагали в основу нового Горного устава положить «то начало, которое служит залогом процветания горной промышленности в западноевропейских государствах, — горную регалию ради горной свободы». Звучали и иные голоса, трактующие подобные взгляды ни много ни

мало как результат «проникновения в Россию социалистических идей»¹⁴⁹. Наиболее активным сторонником акцессии выступил авторитетный член Горного совета, шталмейстер князь С. С. Абамелек-Лазарев, подготовивший книгу, в которой пытался опровергнуть мнение о целесообразности возвращения России к принципу «горной свободы». Автор полагал, что этот принцип с неизбежностью приведет к усилению казенной регламентации, считавшейся главным препятствием для свободно развивающейся промышленности. Там, где существует законодательство, основанное на праве акцессии, считал князь, невозможно установить «горную свободу», не нарушив самым существенным образом права собственности¹⁵⁰.

Известно, что в начале 1899 г. Николаю II были поданы ходатайства о сохранении существующих порядков от екатеринославских и санкт-петербургских дворян. Первые убеждали императора, что и при акцессии уже ощутили пользу от динамично развивавшегося на Юге горного промысла, позволившего помещикам и крестьянам «подняться в своем благосостоянии»; вторые, повторяя аргументы С. С. Абамелек-Лазарева, утверждали, что в «сознании всего русского народа... прочно укоренилось представление о праве владельца на недра земли и никогда и никто не слышал в последнее столетие о посползовении на это право... должное остаться непоколебимым». На ходатайстве екатеринославских дворян Николай II начертил: «Обратить серьезное внимание на это справедливое ходатайство»¹⁵¹.

Пришлось министру земледелия и государственных имуществ вновь корректировать свою точку зрения. В январе 1902 г. он уже испрашивал высочайшее соизволение на отмену разрешения четырехлетней давности о созыве комиссии. Аргументами стали не только вышеупомянутые ходатайства и пришедшее понимание того, что отмена акцессии «усугубила бы и без того тяжелое ныне положение землевладельцев». Оказалось, что против намерений Министерства земледелия и государственных имуществ резко выступило Министерство внутренних дел. Поводом для этого стал составленный в Горном департаменте проект о распространении закона о частной горной промышленности на свободных казенных землях на надельные горнозаводского населения. «Едва ли существует поэтому повод для сомнения, — предполагал А. С. Ермолов, — что по вопросу о правах на недра земель частновладельческих, по отношению к которым вопрос о праве горной разработки на землях населения уральских горнозаводских дач имеет лишь значение частного случая, Министерство внутренних дел не окажется принципиально несогласным с проектируемым Министерством земледелия и государственных имуществ порядком». Более того, действующие правила 1887 г. были признаны министром «крайне несовершенными и требующими коренной переработки». В частности, опыт их применения показал, что «положенные в их основу начала горной свободы... вели в большинстве случаев... к захватам обширных пространств казенных земель частными лицами вовсе не в видах их разработки, а в целях чисто спекулятивных». Но даже совершенствование этих правил, по мнению министра, не давало оснований для их применения к частным землям. «Если казна жертвует своими выгодами и преимуществами, ограничивая свои землевладельческие права в видах общегосударственных — развития промышленности, то правительство, очевидно, не может требовать того же от землевладельцев частных... — рассуждал А. С. Ермолов. — Применение того же начала ограничения прав частного землевладения в пользу частной же горной промышленности при всем значении ее для народного хозяйства едва ли может быть вполне приравнено упомянутым выше государственным нуждам». В результате царским указом

от 28 января 1902 г. пересмотр действующего закона о праве на недра был признан несвоевременным¹⁵².

Однако мысль о возвращении к началам «горной свободы», видимо, уже достаточно прочно укоренилась в сознании многих горных деятелей. Когда в начале 1904 г. члены Комиссии под председательством Н. А. Иоссы обсуждали законопроект о горном промысле на казенных землях, предоставленных в постоянное пользование крестьян и иных поселян, они вернулись к мысли о сохранении горной регалии на довольно обширных землях колонизации. «Настоящий момент удобен для реформы пополнения законодательного пробела о недрах земель (имелось в виду распространение «горной свободы». — *Е. Н.*), — утверждали они. — Позднее такая реформа будет сопряжена уже с большими трудностями, т. к. местные землевладельцы, пользующиеся отсутствием специального для края горного закона и примером общего закона России, мало-помалу усвоят себе этот взгляд. Осуществление в скорейшем времени проектируемой реформы, хотя бы в небольшой части России, имело бы значение полезного для будущего прецедента и еще более — значение опыта, который дал бы возможность практически судить о подробностях горного закона такого же характера, желательного для всей той наибольшей части России, где государство сохранило еще свои регальные права на недра».

Однако, как и прежде, с этой принципиальной установкой не согласились представители Министерства внутренних дел и Министерства юстиции, присутствовавшие на заседаниях Комиссии. Первые настаивали на предоставлении переселенцам в Сибирь права самим распоряжаться недрами надельных земель «для поощрения их к разработке ископаемых». Вторые — находили преждевременным распространять на земли «оседлого туземного населения» правила «горной свободы», по крайней мере до того времени, пока «окончательно не установится законодательной властью объем их прав на заселенные участки». Споры о том, кому должно принадлежать право на недра и связанное с этим право горной разработки на землях колонизации, продолжались до середины мая 1904 г., когда, «наметив желательные изменения», Комиссия поручила особой подкомиссии под председательством А. А. Штофа «проектирование окончательной редакции проекта» и завершила свои занятия¹⁵³.

Судя по статьям Горного устава, победа осталась за сторонниками горной регалии: недра казенных земель, отведенные в постоянное пользование бывших государственных крестьян и иных поселян, сохранялись за казной, которой и было дано право самой разрабатывать недра или привлекать частных лиц с предоставлением поселянам земельного участка в другом месте. Такое решение обосновывалось как «непосредственными нуждами» государства в «предметах обороны», топливе для флота и железных дорог, так и необходимостью «регулирования промысла в целях устранения монополии, спекуляции и пр.». Члены Комиссии сочли также, что казне «не может быть приписано злого умысла, какой представляется допустимым в отношении частных лиц». Кроме того, они полагали, что казну «и с юридической, и с нравственной стороны неверно и несправедливо было бы лишать права распоряжаться недрами своих земель... в то время как права этого не лишены по действующим законам полные собственники земли». Впрочем, у казенных селений не отнималась и возможность самим разрабатывать рудники, но лишь «с особого высочайшего разрешения»¹⁵⁴.

Из крупных законодательных актов ко времени работы Комиссии под председательством Н. А. Иоссы можно отнести утверждение 2 июня 1903 г. Временных правил

о пользовании недрами земель в Забайкальской области. Но, судя по тому, что в Государственном совете проект представил председатель Совещания о поземельном устройстве населения Забайкальской области, они составлялись именно в этом органе, хотя, скорее всего, не без участия горного ведомства. В соответствии с этими Правилами, участки под горный отвод на землях, занятых крестьянским и инородческим населением, а также состоящих во владении Забайкальского казачьего войска, изымались у владельцев либо в ведение Кабинета (на территории принадлежавшего ему Нерчинского округа), либо в казну «с заменой из свободных, по возможности близлежащих, земель». Горнопромышленник обязан был вознаградить население за эти неудобства по добровольному соглашению, а «за невоспоследованием такового» — по оценке, производимой особой комиссией с участием представителя местного горного управления. При невозможности замены участка промышленник платил владельцам поверхности земли за аренду сумму, равную среднему доходу от этой земли. За пользование же недрами предприниматель вносил «попудную плату», поступавшую в казну, Кабинет или в доход Забайкальского казачьего войска. В то же время разведка и добыча ископаемых на землях, принадлежавших частным лицам или обществам на праве собственности, «производились только по особому соглашению с собственниками земель на основании существующих законоположений, касающихся горного промысла на владельческих землях»¹⁵⁵. В 1909 г. тот же порядок распространили на Степную, Уральскую и Тургайскую области¹⁵⁶. Принцип акцессии для частных земель остался, таким образом, нерушимым, как и права государства в качестве собственника казенных земель.

Скорее всего, не случайно с внезапным прекращением работы Комиссии под председательством Н. А. Иоссы совпадает создание при Министерстве земледелия и государственных имуществ (по утвержденному 7 июня 1904 г. мнению Государственного совета) нового совещательного органа «для обсуждения мер, имеющих целью развитие и усовершенствование горной промышленности вообще и отдельных ее отраслей в частности». От действующих органов — Горного совета и Горного ученого комитета — межведомственный Совет по горнопромышленным делам отличался составом своих участников: кроме чиновников Горного департамента, в него входили представители министерств финансов, путей сообщения, военного, внутренних дел, императорского двора и уделов, а также Главного управления торгового мореплавания и портов. Право совещательного голоса получали представители съездов промышленников (по два от каждого съезда), а также «приглашаемые председателем лица, обладавшие специальными познаниями». Совет должен был рассматривать ходатайства съездов, учреждений и частных лиц, «касающиеся общих правительственных мер в отношении горной промышленности», а также предложения об издании новых горных законов и «вообще все вопросы и дела, к горному делу относящиеся, по коим министр земледелия и государственных имуществ признает необходимым выслушать мнение Совета». Предусматривались и совместные заседания вновь созданного органа с Горным советом и Горным ученым комитетом¹⁵⁷.

Пытаясь создать для совершенствования горного законодательства не временные комиссии и совещания, а постоянно действующий орган, «построенный на началах сотрудничества двух элементов — правительственной власти и представителей горнопромышленного капитала», Министерство земледелия и государственных имуществ, а затем и Министерство торговли и промышленности, судя по всему, в этом не преуспели. «Несмотря на широту предоставленной законом компетенции, — констатировали

позже чиновники Временного правительства, — Совет... не был, однако, в состоянии начертать более или менее целостной программы горной законодательной деятельности, как равно не мог создать и системы горной политики, хотя и был... правомочным выполнить то и другое».

Из не так уж далекого 1917 года причины этого виделись в первую очередь в неравноценном представительстве интересов различных отраслей горной промышленности, что вытекало из положенного в основу организации Совета принципа участия в его работе лишь представителей отраслевых съездов. Вследствие этого представительство различных групп предпринимателей «явилось и неполным, и непропорциональным». В частности, почти половину членов Совета составляли золотопромышленники, «имевшие многочисленные местные съезды». В результате этого «представительство одного только вида капитала оказалось... недостаточным, чтобы придать Совету значение органа, способствующего делу горного законодательства и горной политики».

Не снималась вина и с органов власти, собиравших Совет за 13 лет его существования всего семь раз (причем во время Первой мировой войны не было организовано ни одной сессии). «Спорадичность, прерывность в его работе... — полагали чиновники, — явились обстоятельствами, еще более замыкавшими деятельность Совета в узкую сферу рассмотрения дел, касавшихся не столько интересов горной промышленности в ее целом, сколько интересов частных лиц и учреждений»¹⁵⁸. Известно, например, что на первой сессии Совета по горнопромышленным делам, состоявшейся в 1905 г., рассматривались вопросы о выработке общего положения о съездах горнопромышленников, о сроках предоставления в разработку ископаемых на казенных землях, о затруднениях в перевозке каменного угля, о тарифах на перевозку по железным дорогам минерального топлива и прочих «горнозаводских грузов», о мерах «к распространению русского угля в портах Балтийского моря» и о вывозе за границу железной руды¹⁵⁹.

В условиях, когда специальный Совет по горнопромышленным делам, погруженный в обсуждение конкретных тем, инициированное региональными съездами, фактически устранился от решения общих вопросов развития горного законодательства, новое Министерство торговли и промышленности пыталось действовать старыми методами, организуя многочисленные комиссии и совещания. Так и не решенную проблему посессионного права обсуждали на межведомственном совещании 1905–1907 гг.; в 1908–1909 гг. заседала Комиссия для выработки законопроекта о частной горной промышленности на землях оседлого населения в Туркестанском крае и Закаспийской области, проводились совещания — о праве распоряжения недрами в связи с дроблением земельной собственности, о мерах против хищнической разработки ископаемых, по выработке мер к подъему горнопромышленной жизни Урала и др. Результаты работы некоторых из них будут освещены ниже (разд. 2 гл. II, разд. 2 гл. III), здесь же остановимся чуть более подробно на совещании, посвященном вновь поднятому вопросу о праве собственности на недра.

Эта тема была актуализирована разразившимся в начале XX в. острым металлургическим кризисом и начавшейся стольпинской аграрной реформой, призванной создать из бывших общинников армию крестьян-собственников. Продвигалось вперед и землеустройство горнозаводского населения в казенных и посессионных округах, что еще более обостряло вопрос о праве собственности на недра надельных участков¹⁶⁰. Совещание, организованное в 1909 г., было призвано, по выражению одного из его руководителей А. А. Штофа, «решить принципиальный вопрос: признается ли необходимым

введение в наше законодательство начал горной свободы?» На этот раз угроза акцессии исходила не только от теоретиков или защитников мелкой и средней горной промышленности, но и от влиятельных горнопромышленников Южной области, где к началу XX в. сформировался крупнейший металлургический район, потеснивший Урал на вторые роли. В отличие от уральских заводчиков, эти промышленники часто не являлись владельцами земель и вынуждены были арендовать отводы у собственников — местных помещиков и крестьянских общин. «Завышенные требования землевладельцев», по мнению председателя Совета съездов горнопромышленников Юга Н. Ф. фон Дитмара, не позволяли заводчикам вести расширенные поиски руд. «Обнаружение естественных богатств страны только и может быть достигнуто путем введения горной свободы», — утверждал он¹⁶¹. Ориентируясь на интересы горнопромышленников Юга, с которыми в первую очередь связывалось тогда будущее развитие отрасли, многие крупные российские чиновники поддержали эту идею. Главным ее идеологом выступал все тот же А. А. Штоф, опубликовавший накануне статью «Нужна ли нам горная свобода»¹⁶².

Но, как и десятилетие назад, нашлись и не менее ярые защитники акцессии, в числе которых наибольшую активность проявлял князь С. С. Абамелек-Лазарев, в то время уже унаследовавший от матери богатейшее промышленное имение в Прикамье с Чёрмозскими металлургическими заводами, Кизеловскими каменноугольными копиями, платиновыми приисками и соляными промыслами. К открытию совещания он переиздал свой дополненный 400-страничный труд «Вопрос о недрах и развитие горной промышленности с 1808 по 1908 г.», а на статью А. А. Штофа ответил публикацией «Нужно ли вводить в России горную свободу, отмененную в Германии»¹⁶³.

В книге он последовательно рассматривал горные законы разных стран и на основе значительного массива статистических данных, занимавших $\frac{2}{3}$ объема издания, выяснял последствия их воздействия на развитие мировой горно-металлургической промышленности. Сравнение темпов ее роста в государствах, где действовал принцип акцессии (Англия, Северо-Американские Соединенные Штаты, Австралия и Канада), и в странах, где царили «горная регалия» и «горная свобода» (Австрия, Пруссия, Франция, Бельгия и др.), демонстрировало преимущество первых. По стоимости «горных продуктов» их доля в мировом производстве за истекшее столетие возросла, по подсчетам князя, с 40% до 70,5%. «Первенствующее положение этих государств показывает, — писал он, — как странно считать права землевладельцев на недра земли тормозом развития горной промышленности. Они не только в течение XIX в. отвоевали у государств второй группы первенствующее положение, но их горная промышленность развивалась несравненно быстрее, а именно в 49 раз, а в остальных государствах — только в 14 раз. Эти цифры доказывают, что если признавать за горными законами важное влияние на развитие горной промышленности, то надо вывести заключение, что России незачем делать заимствования из законов тех стран, которые в XIX в. отстали в развитии этой промышленности».

Главный вывод С. С. Абамелек-Лазарева заключался в предложении совершенствовать отечественное горное законодательство, ориентируясь на иностранный опыт, но перенимать из него только то, что уже принесло существенную пользу и что не нарушает «основ российской государственности». «Для чего нарушать право собственности без всякой необходимости, — вопрошал он, — почему не брать примера с культурных стран, тщательно оберегающих право собственности, почему не заимствовать

из иностранных законодательств то, что может, не нарушая ничьих прав, улучшить наши законы, наконец, почему их не улучшать и без подражания иностранным образцам? Ничто не совершенно, и наши горные законы могли бы быть значительно улучшены и дополнены с целью при развитии горной промышленности одновременно не стеснять ни ее роста, ни землевладельцев».

Выходом, по мнению князя, являлось «не умаление, а, наоборот, расширение права землевладельца» за счет введения уже существующих в динамично развивавшихся странах Европы и Америки и не принесших «ничего кроме пользы» двух видов собственности — на поверхность земли и на ее недра, из чего вытекала возможность «продавать, дарить, завещать по желанию землевладельца поверхность земли отдельно от ее недр и недра отдельно от их поверхности». Предлагаемый вариант «дробления» земельной собственности, по его мнению, «устранил бы почти все нарекания на произвол землевладельца, как крупного, так и мелкого». «Если капитал ищет данное ископаемое, — резюмировал князь свои наблюдения, — то никакие преграды, никакой произвол землевладельцев не воспрепятствуют созданию горного предприятия, т. к. интерес землевладельцев побуждает их извлекать пользу из недр своей земли, а не оставлять их без разработки. Не отвлеченные принципы создают промышленность, а капитал и энергия предпринимателя»¹⁶⁴. Вывод этот во многом перекликался с тем, что полстолетия назад предлагали Горная и Податная комиссии, включившие отдельное право собственности на недра в свои проекты Горного устава.

На совещании 1909 г. мнение С. С. Абамелек-Лазарева, безоговорочно поддержанное представителями Совета съездов горнопромышленников Урала, сыграло во многом определяющую роль. Сначала ход совещания направляли сторонники «горной свободы». На первом же заседании А. А. Штоф авторитетно заявил, что «необходимость введения начал горной свободы нет никакой возможности доказать какими-либо статистическими данными, т. к. дробление недр совершенно не поддается статистическому учету, и тип горного законодательства, построенный на принципе горной свободы, может совершенно потеряться в массе других условий, не в меньшей мере влияющих на развитие горной промышленности». Гораздо важнее решить вопрос о том, можно ли допустить в государственных интересах «некоторые ограничения по отношению к известным ископаемым такого, бесспорно, непоколебимого института, как право собственности». Особой подкомиссии было предложено обосновать признание права на разработку недр частных земель «особым вещным правом в чужом недвижимом имуществе», как это декларировалось в законах Царства Польского. Лично подключившийся к обсуждению С. С. Абамелек-Лазарев сумел доказать тогда, что это «новое начало» не предоставляет «широкого простора» ни горнопромышленнику, ни собственнику имения.

Под влиянием его аргументов многие представители министерств и даже горнопромышленники Юга «признали желательным установление в законе особого вида права на недра», сочтя, что это право предпочтительнее «горной свободы». А. А. Штоф остался при своем мнении, полагая, что, «как бы ни была полезна эта реформа, она не может заменить собой установления горной свободы, ибо не достигает главной цели последней, т. е. не устраняет произвола землевладельца»¹⁶⁵. Сложившийся в итоге расклад сил привел к тому, что совещание так и не смогло выработать общего решения.

В такой ситуации А. А. Штоф по собственной инициативе составил Проект главных оснований нового закона о горной промышленности добывающей, напечатанный

в «Горном журнале» в октябре 1909 г. Он пояснял, что «обсуждать одни начала в отвлеченном их виде, не имея сколько-нибудь ясных указаний на то, в какой форме начала эти могли бы быть введены в наше законодательство, было бы едва ли не вполне бесплодно».

«Для того чтобы богатства недр не лежали втуне, а приносили пользу народному хозяйству», полагал авторитетный автор, необходимо было как можно скорее «устранить препятствия, встречаемые горнопромышленником со стороны землевладельца». Однако отмена акцессии и передача права собственности на недра государству рассматривались А. А. Штофом уже как меры настолько жесткие по отношению к землевладельцу, что об этом не могло быть и речи. Нереальным представлялся и выкуп недр у землевладельцев по причине невозможности провести их объективную оценку. «Остается встать на тот путь, — размышлял правовед, — который уже испытан нашим законодательством по отношению к губерниям Царства Польского, а именно: сохранив за землевладельцем право собственности на недра его земли, обязать его в известных случаях уступать это право постороннему лицу за установленное законом вознаграждение, получаемое... по мере добычи ископаемого. Если при этом определить в точности законом же как условия, при которых наступает действие такого ограничения права землевладельца в пользу горнопромышленника, так и отношение этого последнего к землевладельцу и к государству, то получится горный закон такого же характера, как Берг-привилегия Петра Великого (но без провозглашенной ею горной регалии) и как действующий у нас в губерниях Царства Польского и в большинстве континентальных государств Европы»¹⁶⁶.

Предвидя уже неоднократно звучавшие возражения, А. А. Штоф счел наименее существенным то, которое «отвергает реформу лишь потому, что она противоречит уже более века существующему в нашем законе безусловному праву землевладельца, ибо если признать такое возражение правильным, то следовало бы вообще отказаться от реформ, т. к. все они противоречат чему-либо существующему более или менее долго». Самые серьезные, на его взгляд, возражения заключались в признании неизбежности вреда, наносимого землевладельцу в ходе горных работ, а также «спекулятивных захватов месторождений со стороны лиц, не имеющих ни средств, ни желания действительно их разрабатывать и удерживающих их за собой с целью перепродажи за дорожную цену». (Об этих негативных последствиях введения «горной свободы» на примере Царства Польского упоминал в своих трудах С. С. Абамелек-Лазарев.) Средства для их преодоления заключались, по мнению автора проекта, «в целесообразных постановлениях самого закона». Повреждение поверхности земли при горных разработках могло компенсироваться платой землевладельцу и некоторыми ограничениями в пользовании участками поверхности отвода, с которыми связаны «ближайшие интересы землевладельца», а также возможностью продажи этих участков «за двойную ценность», как это предусматривалось законами, действующими в Польше. Вознаграждение землевладельца за недра предлагалось поднять с 1% до 2%, подобно нормам Берг-регламента 1739 г. «Непроизводительные захваты» предполагалось предотвращать по образцу польского и финляндского законов — путем установления «известных годовых результатов, требуемых от горнопромышленника», которые бы определялись местными съездами предпринимателей с участием окружного инженера и оставались неизменными в течение длительного срока (до 20 лет)¹⁶⁷.

«Было бы ошибочно видеть в нем (проекте. — *Е. Н.*) законопроект, могущий подлежать внесению в законодательные учреждения, — пояснял А. А. Штоф, — это только

программа работ, требуемых для составления законопроекта, подлежащая внесению на обсуждение учрежденной при Горном департаменте особой комиссии, а затем — Совета по горнопромышленным делам». Публикуя проект в «Горном журнале», А. А. Штоф, видимо, рассчитывал на поддержку своих сторонников, которая помогла бы преодолеть сопротивление переменам со стороны в первую очередь уральских горнозаводчиков, видевших в возвращении начал «горной свободы» покушение на их монопольные права.

Однако большого резонанса проект не вызвал. Через год в журнале была опубликована всего лишь одна статья горного инженера С. И. Буковецкого, направленная не столько в поддержку проекта А. А. Штофа, сколько на критику труда С. С. Абамелек-Лазарева. Проследившая эволюцию горного законодательства в мире, автор приходил к выводу о том, что она шла в направлении от акцессии к «горной свободе». Тем самым он намекал на закономерность отказа от безусловного права землевладельца на недра и для Российской империи¹⁶⁸. Но дальнейшего обсуждения этого проекта не последовало. В последнем «продолжении» Свода законов Российской империи за 1912 г. по-прежнему было записано, что «право полной частной собственности в имуществах недвижимых объемлет не одну поверхность земли, но и самое ее недра; и потому оно простирается на все сокровенные минералы и на все металлы, из них происходящие»¹⁶⁹.

Уже после Февральской революции вопрос о праве на недра частных земель был вновь поставлен настойчивыми горнопромышленниками Юга, так и не получившими удовлетворения своих требований. В подготовленных ими Правилах о порядке отчуждения частновладельческих земель под разработку ископаемых предусматривалось, что собственник мог уступить в пользу другого лица право на разработку недр на определенный срок или бессрочно с возможностью его наследования и отчуждения. Договор о передаче права должен был составляться в нотариальной форме и утверждаться местным Горным управлением. Проект рассматривался Временным особым совещанием для разработки и проведения в жизнь мероприятий, направленных к подъему горного промысла в России, созданным при Министерстве торговли и промышленности по декрету от 19 апреля 1917 г. После обсуждения на заседаниях в июне — июле под председательством товарища министра С. Ф. Малявина законопроект был направлен на рассмотрение Временного правительства, и 17 августа им было принято решение «установить эти правила» и обнародовать их 3 октября 1917 г.¹⁷⁰ Таким образом, реформа права на недра частных земель все-таки осуществилась накануне Октябрьской революции в виде установления «самостоятельного вещного права в чужом имуществе», но вряд ли горнопромышленники успели им воспользоваться до скорой национализации недр по Декрету о земле от 26 октября 1917 г.

Начало подготовки еще одной реформы положило Совещание по подъему горнопромышленной жизни Урала, организованное при Министерстве торговли и промышленности в 1909 г. под председательством товарища министра Д. П. Коновалова. В состав его участников вошли председательствующий в Горном совете и Горном ученом комитете Н. А. Иосса, директор Горного департамента Н. Н. Курмаков, вице-директор Г. Д. Азанчеев, главный начальник уральских заводов П. П. Боклевский, инспектор по горной части И. Н. Урбанович и причисленный к Министерству правоведа П. М. Саладиллов. Помимо конкретных проблем развития края, на Совещании обсуждались и вопросы управления горнозаводской промышленностью России, в частности совершенствование структуры и функций Горного департамента, Уральского горного

управления и управлений казенных округов. Инициировал обсуждение сам председатель, высказавшись на заседании 14 апреля (впервые за последние 40 с лишним лет) в пользу «коренной реорганизации» центрального горного учреждения ввиду перевода всех отделов Министерства «к системе делопроизводства». Он сравнил «современное состояние учреждений по горной части» с «ветхим зданием, к которому сделан целый ряд пристроек, необходимость которых вызывалась той или иной потребностью».

Энергично поддержал товарища министра П. П. Боклевский, по мнению которого перемены требовались не столько в связи с общей реорганизацией Министерства, сколько потому, что «форма» Горного департамента уже не отвечала возросшей роли горной промышленности, «имеющей притом тенденцию к постепенному развитию». Кроме того, реформирование системы регионального (областного) горного управления, осуществленное в середине 1880-х — 1890-е гг., фактически не затронуло этот центральный орган, в котором происходили лишь структурные изменения, связанные с появлением новых «отделений» (технического, соляных промыслов и минеральных вод, нефтяных промыслов, касс горного ведомства и пр.). «Департамент не имел никакой самостоятельной власти, за исключением лишь функции горного управления по отношению к северным горным областям», — заявил главный начальник уральских заводов. Деятельность Департамента преимущественно заключалась «в докладе министру обширного материала, поступавшего от местных горных управлений». «Настала пора, — доказывал П. П. Боклевский, — создать из Горного департамента Главное управление с начальником его на правах товарища министра и разделить все вопросы на три группы: первые разрешались бы властью министра, вторые — Главного управления, третьи составляли бы компетенцию регионального горного управления». В новом центральном органе он предлагал создать несколько «крупных единиц — отделов, характеризующихся родом работы, выполняемой ими». Правда, эти отделы (казенных заводов, золотоплатиновой промышленности, частных заводов и рудников, геологических исследований и разведки) фактически не отличались от уже существующих. Д. П. Коновалов же видел распределение функций между отделами в «естественном разделении горного дела» на горнодобывающую и заводскую промышленность. Н. А. Иосса обратил внимание участников Сопоставления на действовавший под его руководством Горный ученый комитет, загруженный рассмотрением в год до 100 смет для казенных заводов, разработкой правил о ведении горных работ «в видах их безопасности» и изданием «Горного журнала». Н. Н. Курмаков напомнил присутствовавшим, что по приказу министра Департамент уже занят составлением проекта своего переустройства, но предлагаемая ему «система делопроизводства... не вполне соответствует задачам горного ведомства вообще и интересам управления казенными заводами в частности», и тоже высказался за создание самостоятельного центрального управления казенными заводами. Председатель прервал обсуждение данного вопроса, поручив сравнить структуру российского горного управления с аналогичными учреждениями в Западной Европе¹⁷¹.

На заседаниях 2 и 4 мая 1909 г. обсуждение возобновилось. Рассматривались «главнейшие черты компетенции проектируемых делопроизводств» Центрального управления горной частью, которое, видимо, решили учредить вместо Горного департамента. Основным принципом структурирования нового органа, настаивал Д. П. Коновалов, должно стать «распределение дел по единообразному плану Министерства так, чтобы наименование каждого отделения делопроизводства соответствовало общей характеристике его деятельности». Судя по сохранившемуся журналу заседания, тогда

предложили создать отдельное делопроизводство по геологическим изысканиям, статистике, по вопросам законодательства и некоторые отделы по отраслям горной промышленности, а также провести реорганизацию Совета по горнопромышленным делам¹⁷².

Параллельно обсуждались и насущные преобразования в структуре управления уральскими казенными заводами. Председатель Сопевания известил, что уже разработана новая «схема местного управления», в основу которой положено несколько принципов. Один из них предполагал предоставление горным начальникам «большой, нежели ныне, самостоятельности», что вело бы к «естественному уменьшению компетенции главного начальника», отвечавшего как за работу казенных заводов, так и за надзор над частными заводами Уральской горной области. Эту единственную в своем роде должность предлагалось заменить должностью начальника горного управления, имевшейся в других региональных органах и наделенной в основном инспекторскими функциями. Горные же начальники подчинялись бы непосредственно центральному органу управления казенными заводами в Санкт-Петербурге.

Другой принцип предполагал необходимость «выдвинуть на должную высоту ведение хозяйственной части на заводах», т. е. передать эту обязанность ответственному лицу и тем самым «облегчить функции горного начальника», позволив ему «обратить все свое внимание на общее руководство делом и на надзор за деятельностью подведомственных ему органов и лиц». «В настоящее время, — пояснял Д. П. Коновалов, — техническая и хозяйственная части... смешались до такой степени, что совершенно невозможно различить, кто из служащих на заводе несет ответственность за одну и кто — за другую. Хотя по закону горный начальник и является хозяином заводов, однако при крайнем разнообразии возложенных на него обязанностей он... фактически передоверяет свое право хозяйственного распоряжения массе мелких и совершенно неотчетливых служащих, которые, действуя без однообразного систематического плана и без всякого контроля, низводят хозяйственную часть на заводах до настоящего печального ее положения, а весьма нередко допускают и злоупотребления». Предлагалось, «исходя из той же идеи объединения замкнутого круга дел в одном лице», разделить хозяйственную часть от технической и передать их в ведение двух помощников горного начальника. При этом заведующий хозяйственной частью исполнял бы решения создававшегося при горном начальнике Хозяйственного совета, призванного заниматься составлением планов и смет.

Еще одним условием реорганизации называлось «сокращение до минимума числа штатных должностей». К таковым предлагалось отнести, кроме горного начальника и двух его помощников, делопроизводителя и бухгалтера, а остальных служащих «сделать вольнонаемными, предоставив вместе с тем служащим на заводах горным инженерам числиться состоящими по Главному горному управлению», как это уже практиковалось по отношению к инженерам, находившимся на частной службе. Кроме основного жалования предусматривалось всем служащим выплачивать дополнительное вознаграждение «в зависимости от успеха их деятельности»¹⁷³.

Главным следствием работы этого Сопевания стала не столько реформа горного управления, сколько дальнейшее широкое обсуждение этой темы. Из литературы известно, что активное участие в проектировании преобразований приняли не только официальные органы, но и горнопромышленники. Так, весной 1910 г. реорганизацию горного ведомства обсуждали на своих заседаниях члены учрежденного в 1906 г. Совета съездов представителей промышленности и торговли во главе с его председателем

Н. С. Авдаковым. В группу входили В. И. Арандаренко, А. А. Ауэрбах, А. А. Вольский, Н. Н. Изнар, И. И. Ясюкович и другие видные члены «делового мира» России. В записке, представленной в Министерство торговли и промышленности, пояснялись причины недовольства предпринимателей деятельностью горного ведомства, которые оказались неизбежным следствием произошедшей бюрократизации управления. Среди них назывались такие, как необходимость «бесконечных согласований», медленность ведомственного делопроизводства, отсутствие деловой осведомленности и инициативности у чиновников, неразграниченность горной и горнозаводской отраслей в структуре управления. Отмеченные недостатки фиксировались и самим Министерством. «Случаи медленности движения дел в Горном департаменте и местных установлениях горного ведомства» не были изжиты. «Переписка по многим, даже спешного характера, вопросам затягивалась на долгое время и притом без видимых к тому оснований, — констатировалось в одной из записок. — Часто по вопросам, не требующим ни длительного собирания материалов, ни сложного обсуждения, лицом или учреждением горного ведомства давались ответы спустя несколько месяцев, а иногда и лет, после получения запроса»¹⁷⁴.

Члены Совета съездов сочли, что наиболее эффективной система горного управления была во времена Берг-коллегии, ввиду чего предлагали, как и члены Совецания 1909 г., повысить статус Горного департамента хотя бы до уровня Главного горного управления (которое бы включало Управление частным горным промыслом и Управление казенными горнопромышленными предприятиями) в составе того же Министерства торговли и промышленности под руководством лица с полномочиями товарища министра. С целью привлечения предпринимателей к управлению предлагалось создать Горнопромышленный совет за счет слияния Горного совета и Совета по горнопромышленным делам¹⁷⁵.

Проект, подготовленный в том же 1910 г. в самом Министерстве (автором пояснительной записки к нему был начальник Инспекторского отделения Горного департамента Г. Ф. Тигранов), был отчасти даже более кардинальным. С высоты центральной власти смысл реформы тоже виделся в разделении надзорных функций Горного департамента по отношению к частным предприятиям и его хозяйственных обязанностей в отношении казенных заводов. В этой связи предлагалось оставить за Департаментом первые функции, а управление казенными предприятиями передать самостоятельному органу — Отделу казенного горного хозяйства. Структура обоих органов включала несколько делопроизводств, объединявших «круг однородных дел». Совершенствование коммуникаций и средств связи, полагали чиновники, делало возможным упразднение должности главного начальника уральских заводов и уравнение в правах Уральского горного управления с другими региональными органами. Казенные округа во главе с горными начальниками могли бы подчиняться непосредственно центральному органу. Для надзора же за частным сектором предлагалось увеличить штат окружных инженеров и учредить при них канцелярии. В составе Министерства оставались Горный совет и Совет по горнопромышленным делам, а Горный ученый комитет переименовывался в Горнотехнический комитет, который бы имел прежние полномочия. Согласования, видимо, продолжались до начала Первой мировой войны. По некоторым сведениям, летом 1916 г. эта работа вновь активизировалась в связи с острой необходимостью усиления центрального управления горнозаводской промышленностью, что приобрело особое значение в условиях войны¹⁷⁶.

Судя по всему, последним приступом к реформированию стала работа уже упомянувшегося Временного особого совещания для разработки и проведения в жизнь мероприятий, направленных к подъему горного промысла в России, созданного в апреле 1917 г. Подготовленный там проект предполагал существенное усиление роли центрального учреждения путем преобразования Горного департамента в Главное горное управление в составе того же Министерства. Предлагалось создать при этом органе особый отдел казенного горного хозяйства, а остальные отделы разделить по отраслевому принципу (минерального топлива, металлов, соляных промыслов, минеральных вод, строительных материалов) и по направлениям деятельности (статистико-экономический, технический, учебный, административно-счетный). Сохранялись юрисконсультская часть, Геологический комитет, Горный совет и Горный ученый комитет. Штаты нового центрального органа управления предполагалось ввести с 1 ноября 1917 г.¹⁷⁷

По словам авторов проекта, вместо Совета по горнопромышленным делам создавался орган, который включал бы в свой состав «все действенные ныне в народнохозяйственной жизни страны элементы и был бы вместе с тем компетентен в обсуждении мероприятий, направленных к подъему промышленности». Исходя из того соображения, что «горное дело входит большим слагаемым в общую сумму народного хозяйства и как таковое имеет точки соприкосновения со всеми частями управления России», участники Совещания признали целесообразным, чтобы в составе нового органа были представители всех министерств. Но основная идея заключалась в том, чтобы «услышать мнение организованных групп населения, имеющих отношение к горному делу». Поэтому предлагалось пригласить еще 25 избранных членов от организаций горнопромышленников и металлостроителей, а также «представителей от общественных, политических, профессиональных, ученых и других организаций и учреждений, имеющих отношение к горной и горнозаводской промышленности». Председатель получал право объявлять деятельность нового органа «непрерывной в течение всего года для немедленного обсуждения всех важных вопросов, возникающих в связи с мероприятиями по развитию горной промышленности». В сентябре 1917 г. министру торговли и промышленности был представлен проект Положения об учреждении Совещания по вопросам законодательства и горной политики¹⁷⁸. Российская демократическая власть призывала создавать новые горные законы новой же организации, но история лишила ее возможности реализовать свои планы.

Примечания

¹ Мнение по Проекту Горного устава семи членов-экспертов Податной комиссии // Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1868. Т. 13, ч. 4. Прил. XXVII.

² Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1867. Т. 13, ч. 2: О нарядях, делаемых казенным горным заводам военным и морским ведомствам.

³ Лоранский А. М. Горнозаводское дело в России в 1875 г. // Горный журнал. 1876. № 3. С. 266, 267.

⁴ О занятиях высочайше учрежденной Комиссии для пересмотра системы податей и сборов // Горный журнал. 1870. № 3. С. XXXIII, XXXIV.

⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2280. Л. 1.

⁶ Рапорт директора Горного департамента, представленный господину министру финансов, о состоянии горнозаводской промышленности в России за последние десять лет // Горный журнал. 1874. № 1/2. С. 2, 3.

⁷ Территориально-экономическое управление в России XVIII — начала XX в.: Уральское горное управление / К. И. Зубков, Н. С. Корепанов, И. В. Побережников, Е. С. Тулисов. М., 2008. С. 290–292.

⁸ ПСЗ-П. Т. 38. № 39487.

⁹ Там же. Т. 42. № 44487.

¹⁰ Там же. № 44661.

- ¹¹ ПСЗ-II. Т. 41. № 43397.
- ¹² Там же. Т. 40. № 42108.
- ¹³ *Скальковский К. А.* Что такое горная администрация и каков должен быть круг ее деятельности? // Горный журнал. 1866. № 9. С. 380.
- ¹⁴ ПСЗ-II. Т. 40. № 41923.
- ¹⁵ Там же. Т. 43. № 45832.
- ¹⁶ См.: *Тигранов Г. Ф.* Обзор деятельности горнозаводских товариществ при казенных горных заводах и рудниках в период 1881 по 1893 г. // Горный журнал. 1895. № 1. С. 42–46.
- ¹⁷ ПСЗ-II. Т. 26. № 25753.
- ¹⁸ ПСЗ-I. Т. 28. № 21460; Т. 29. № 22208. Ст. 13–15.
- ¹⁹ ПСЗ-II. Т. 14. № 12755; ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 30. Л. 4–8.
- ²⁰ ПСЗ-II. Т. 25. № 24416.
- ²¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 232. Л. 15–28 об.
- ²² ПСЗ-II. Т. 38. № 39987.
- ²³ Там же. Т. 40. № 42477.
- ²⁴ См.: Устав Горного управления в Великом княжестве Финляндском, высочайше утвержденный 10 февраля 1858 г. // Горный журнал. 1858. № 10. С. 1–26.
- ²⁵ ПСЗ-II. Т. 39. № 40666.
- ²⁶ *Абамелек-Лазарев С. С.* Нужно ли вводить в России горную свободу, отмененную в Германии. СПб., 1909. С. 39–45.
- ²⁷ ПСЗ-II. Т. 39. № 40611.
- ²⁸ Там же. № 40609–40612.
- ²⁹ Там же. Т. 41. № 43788.
- ³⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 457. Л. 8–16.
- ³¹ ПСЗ-II. Т. 41. № 43218.
- ³² Там же. № 43924.
- ³³ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 457. Л. 8–16.
- ³⁴ Представление заведующего Горным департаментом Царства Польского горного инженера статского советника Антипова заведующему Финансовым управлением Царства от 22 октября 1867 г. // Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 13, ч. 4. Прил. XII.
- ³⁵ ПСЗ-II. Т. 45. № 48322.
- ³⁶ Казенные заводы Царства Польского // Горный журнал. 1867. № 12. С. 410–412.
- ³⁷ ПСЗ-II. Т. 45. № 48499.
- ³⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 7. Д. 464. Л. 248–260.
- ³⁹ ПСЗ-II. Т. 48. № 52288.
- ⁴⁰ Там же. Т. 45. № 48001.
- ⁴¹ Там же. Т. 46. № 49181.
- ⁴² Подробнее об этом см.: *Сапоговская Л. В.* Национальная золотопромышленная политика XVIII–XX вв., или Нужно ли России золото? Екатеринбург, 2008. С. 29–36.
- ⁴³ ПСЗ-I. Т. 39. № 30056.
- ⁴⁴ Там же. Т. 32. № 25119.
- ⁴⁵ ПСЗ-II. Т. 17. № 16115; Т. 19. № 17775.
- ⁴⁶ Там же. Т. 13. № 11188.
- ⁴⁷ СЗ 1857 г. Т. 7: Устав Горный. Ст. 2429, 2554–2567.
- ⁴⁸ ПСЗ-II. Т. 24. № 23176.
- ⁴⁹ Там же. Т. 29. № 28459; Т. 33. № 33028.
- ⁵⁰ См.: Предложения о переменах в Уставе о золотопромышленности // Горный журнал. 1863. № 12. С. 486–518; О занятиях высочайше учрежденной при Министерстве финансов Комиссии для пересмотра системы податей и сборов // Горный журнал. 1870. № 3. С. LIII–XCIV.
- ⁵¹ ПСЗ-II. Т. 45. № 48399.
- ⁵² Там же. № 48400–48404.
- ⁵³ Там же. Т. 42. № 44145.
- ⁵⁴ Там же. Т. 47. № 50495.
- ⁵⁵ О занятиях высочайше учрежденной при Министерстве финансов Комиссии для пересмотра системы податей и сборов // Горный журнал. 1870. № 4. С. XXXIII, XXXIV.
- ⁵⁶ ПСЗ-II. Т. 44. № 47149.
- ⁵⁷ Там же. Т. 48. № 51913.

⁵⁸ Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 13, ч. 2: О на-
рядах, делаемых казенным горным заводам военным и морским ведомствами.

⁵⁹ *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной по-
литики. Л., 1981. С. 120–125.

⁶⁰ Рапорт директора Горного департамента... С. 3.

⁶¹ ПСЗ-II. Т. 48. № 52910.

⁶² Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ.
1837–1887. Ч. 5: Горное дело. СПб., 1888. С. 154, 155.

⁶³ ПСЗ-III. Т. 51. № 55687; Т. 52. № 57054.

⁶⁴ Там же. Т. 54. № 60397.

⁶⁵ Там же. Т. 52. № 57480.

⁶⁶ Там же. Т. 50. № 55216.

⁶⁷ Там же. Т. 51. № 56489, 56598.

⁶⁸ Там же. № 55587.

⁶⁹ Там же. Т. 52. № 57446.

⁷⁰ Там же. Т. 55. № 60903.

⁷¹ Там же. Т. 52. № 57015; Т. 55. № 61352.

⁷² См.: *Шандра И.А.* Съезды горнопромышленников Юга России в системе государственных и обще-
ственных учреждений (1874–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Луганск, 2007; *Вороцова Е.А.* Предпринима-
тельские организации в России: историография, источники, история. М., 2013; *Рукосуев Е.Ю.* Съезды горно-
но- и золотопромышленников Урала в конце XIX — начале XX в.: организация и направления деятельности.
Екатеринбург, 2015.

⁷³ ПСЗ-II. Т. 49. № 53650.

⁷⁴ Смесь // Горный журнал. 1875. № 2. С. 314–319.

⁷⁵ Там же. № 6. С. 350–401; № 7/8. С. 218–253.

⁷⁶ См.: *Иосса Н.А.* Заключение съезда заводчиков, созванного Департаментом железных дорог весною
текущего 1880 г. // Горный журнал. 1880. № 10. С. 113–138; *Гыдельский В.И.* Первый съезд заводчиков и уг-
лепромышленников Подмосковного бассейна // Там же. С. 139–145.

⁷⁷ ПСЗ-II. Т. 54. № 60370, 60521.

⁷⁸ ПСЗ-III. Т. 2. № 876.

⁷⁹ Извлечение из всеподданнейшего отчета министра государственных имуществ по горной части
за 1881 г. // Горный журнал. 1883. № 2. С. 351, 352.

⁸⁰ Там же. С. 357–363.

⁸¹ ПСЗ-II. Т. 55. № 61578, 61857.

⁸² Извлечение из всеподданнейшего отчета министра государственных имуществ... С. 363–367.

⁸³ ПСЗ-II. Т. 54. № 59674.

⁸⁴ Извлечение из всеподданнейшего отчета министра государственных имуществ... С. 368, 369.

⁸⁵ Там же. С. 370.

⁸⁶ См.: Официальный отдел // Горный журнал. 1886. № 6. С. I–XXVI; Территориально-экономическое
управление в России XVIII — начала XX в. С. 294–298.

⁸⁷ ПСЗ-III. Т. 6. № 3569.

⁸⁸ Там же. Т. 3. № 1522; Т. 7. № 4214.

⁸⁹ Там же. Т. 4. № 2038; Т. 5. № 2755.

⁹⁰ Там же. Т. 7. № 4920; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1520. Л. 124.

⁹¹ ПСЗ-III. Т. 8. № 4951.

⁹² Там же. Т. 3. № 1846.

⁹³ Там же. Т. 11. № 7689; Указания и распоряжения правительства // Горный журнал. 1916. № 7/8.
С. 42–47.

⁹⁴ Там же. Т. 12. № 9182.

⁹⁵ Там же. Т. 7. № 4769; Т. 8. № 4944; Т. 12. № 8675.

⁹⁶ Там же. Т. 22. № 21782.

⁹⁷ См.: *Белов В.Д.* Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896. С. 124–127; *Нестеров-
ский Н.Я.* По поводу исполненного 10 октября 1913 г. десятилетия существования Постоянной совеща-
тельной конторы золото- и платинопромышленников // Горный журнал. 1913. № 10. С. 55–56; *Рукосуев Е.Ю.*
Указ. соч. С. 131–141.

⁹⁸ ПСЗ-I. Т. 29. № 22208.

⁹⁹ ПСЗ-II. Т. 49. № 54191.

¹⁰⁰ Проект правил о частной горной промышленности на свободных казенных землях. Объяснительная записка // Горный журнал. 1881. № 10. С. 116–162.

¹⁰¹ *Лесенко Д.Д.* По поводу опубликованных «проектных работ по составлению новых правил о частной горной промышленности на свободных казенных землях» // Горный журнал. 1881. № 12. С. 448–463.

¹⁰² ПСЗ-III. Т. 7. № 4521.

¹⁰³ Там же. Т. 12. № 8342.

¹⁰⁴ Там же. № 8687.

¹⁰⁵ Там же. № 8331.

¹⁰⁶ *Белов В.Д.* Указ. соч. С. 127.

¹⁰⁷ ПСЗ-III. Т. 7. № 4286; Т. 8. № 5664.

¹⁰⁸ Там же. Т. 12. № 8545.

¹⁰⁹ Там же. Т. 5. № 2756.

¹¹⁰ Там же. Т. 2. № 662.

¹¹¹ Там же. № 614; Исторический обзор деятельности Геологического комитета и план работ Комитета на десятилетие 1912–1922 гг. СПб., 1912.

¹¹² Извлечение из обозрения деятельности Министерства государственных имуществ по горной части с 1881 по 1891 г. // Горный журнал. 1892. № 8. С. 193, 194.

¹¹³ См.: *Тигранов Г.Ф.* Указ. соч. С. 45–46, 66–67.

¹¹⁴ ПСЗ-III. Т. 5. № 3322.

¹¹⁵ Там же. Т. 8. № 5610.

¹¹⁶ Там же. Т. 13. № 9347.

¹¹⁷ Там же. Т. 2. № 931; *Валетов Т.Я.* Фабричное законодательство в России до Октябрьской революции // Экономическая история. Обзорение. Вып. 13. М., 2007. С. 34–44.

¹¹⁸ ПСЗ-III. Т. 6. № 3769; Т. 12. № 8402.

¹¹⁹ ПСЗ-III. Т. 8. № 5240; Т. 12. № 8222.

¹²⁰ Там же. Т. 6. № 3843.

¹²¹ Там же. Т. 8. № 4950.

¹²² См.: Извлечение из обозрения деятельности Министерства государственных имуществ... С. 189, 216.

¹²³ Смесь // Горный журнал. 1901. № 6. С. 361–363.

¹²⁴ Положение горной части в России в 1892 г. // Горный журнал. 1892. № 10/11. С. 326.

¹²⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2280. Л. 1–4, 100–102 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 232. Л. 1–3, 15–28 об.

¹²⁶ СЗ 1893 г. Т. 7. Устав горный.

¹²⁷ *Штоф А.А.* Горное право. СПб., 1896. С. 5.

¹²⁸ ПСЗ-III. Т. 14. № 10457; Т. 25. № 26172, 26369, 26851, 26949.

¹²⁹ Там же. Т. 14. № 10420.

¹³⁰ Там же. Т. 15. № 11262.

¹³¹ Там же. Т. 17. № 13937; Т. 20. № 18117.

¹³² Там же. Т. 27. № 29807.

¹³³ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 144. Л. 11; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1520. Л. 124–131.

¹³⁴ ПСЗ-III. Т. 16. № 12359.

¹³⁵ Там же. Т. 15. № 11391.

¹³⁶ Там же. Т. 20. № 18547.

¹³⁷ Там же. Т. 19. № 17122.

¹³⁸ Там же. Т. 14. № 10497

¹³⁹ СУиРП. 1911. № 85. Ст. 130.

¹⁴⁰ ПСЗ-III. Т. 32. № 37444–37447; Первый съезд окружных инженеров Уральской горной области. Екатеринбург, 1914.

¹⁴¹ ПСЗ-III. Т. 18. № 15601.

¹⁴² Там же. Т. 19. № 17120; Т. 21. № 19788.

¹⁴³ Там же. Т. 15. № 12341.

¹⁴⁴ Там же. Т. 21. № 20572.

¹⁴⁵ ПСЗ-III. Т. 50. № 54718.

¹⁴⁶ *Штоф А.А.* Горное право. С. 7–168.

¹⁴⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2719. Л. 1.

¹⁴⁸ Там же. Оп. 5. Д. 2078. Л. 3–6, 48–49.

¹⁴⁹ Там же. Л. 7–18.

- ¹⁵⁰ См. об этом: *Абамелек-Лазарев С. С.* Вопрос о недрах и развитие горной промышленности в XIX столетии. СПб., 1902.
- ¹⁵¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 2078. Л. 43–44 об., 48–49.
- ¹⁵² Там же. Л. 52–53 об.; Оп. 73. Д. 447. Л. 4–14, 87–97.
- ¹⁵³ Там же. Оп. 73. Д. 447. Л. 98–119.
- ¹⁵⁴ СЗ. Прод. 1906 г. Т. 7: Устав горный. Ст. 201.
- ¹⁵⁵ ПСЗ-III. Т. 23. № 23059.
- ¹⁵⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1591. Л. 2.
- ¹⁵⁷ ПСЗ-III. Т. 24. № 24735.
- ¹⁵⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 72. Д. 152. Л. 6–12.
- ¹⁵⁹ *Бисарнов М. Д.* Краткий обзор деятельности горного ведомства в 1905 г. // Горный журнал. 1907. № 8. С. 201.
- ¹⁶⁰ ПСЗ-III. Т. 19. № 16496; Т. 21. № 20339; Т. 28. № 30663; Т. 30. № 33695; *Алеврас Н. Н.* Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, 1996.
- ¹⁶¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 491. Л. 1–4.
- ¹⁶² *Штоф А. А.* Нужна ли нам горная свобода. Харьков, 1908.
- ¹⁶³ *Абамелек-Лазарев С. С.* Вопрос о недрах и развитие горной промышленности с 1808 по 1908 г. СПб., 1909; *Он же.* Нужно ли вводить в России горную свободу... СПб., 1909.
- ¹⁶⁴ *Абамелек-Лазарев С. С.* Вопрос о недрах и развитие горной промышленности с 1808 по 1908 г. С. 3–4, 69, 72, 85–86.
- ¹⁶⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 491. Л. 1–4, 18–21 об., 23.
- ¹⁶⁶ *Штоф А. А.* По проекту главных оснований нового закона о горной промышленности добывающей // Горный журнал. 1909. № 10. С. 81–87.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 87–113.
- ¹⁶⁸ *Буковецкий С. И.* Горная свобода // Горный журнал. 1910. № 8. С. 246–263; № 9. С. 388–402.
- ¹⁶⁹ СЗ. Прод. 1912 г. Т. 7: Устав Горный. Ст. 193.
- ¹⁷⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1939. Л. 48–49, 52, 67, 70, 75.
- ¹⁷¹ Там же. Оп. 73. Д. 181. Л. 175–180.
- ¹⁷² Там же. Л. 228–231.
- ¹⁷³ Там же. Л. 118–126 об., 188–209.
- ¹⁷⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1520. Л. 308.
- ¹⁷⁵ Территориально-экономическое управление в России XVIII — начала XX в. С. 301–310.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 311–316.
- ¹⁷⁷ Там же. С. 317–325.
- ¹⁷⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 72. Д. 152. Л. 1–12.

ГЛАВА II

ОТЧУЖДЕНИЕ КАЗЕННЫХ ЗАВОДОВ И ПРОМЫСЛОВ

1. Подготовка Правил о продаже (1866–1874)

Определение заводов и промыслов, подлежащих продаже

Органичной частью горной реформы стало определение участи заводов и промыслов, принадлежавших казне. Во время своей работы Горная комиссия сосредоточилась в основном на совершенствовании системы управления этими предприятиями. К началу обсуждения проекта Горного устава в Податной комиссии в 1866 г. произошел поворот к более решительному подходу, включавшему и возможность отчуждения казенных заводов и промыслов в частные руки. Стимулом к этому стала назревшая необходимость сокращения государственных расходов.

Об «обращении в продажу некоторых казенных имуществ в видах уменьшения кредитных билетов» было объявлено сразу по окончании Крымской войны 1853–1856 гг., серьезно подорвавшей бюджет государства. Но казенные горные заводы тогда не рассматривались в качестве объекта приватизации, поскольку, по признанию главного начальника уральских заводов Ф. И. Фелькнера, «доставляли казне верную возможность получить всегда по умеренным ценам необходимые для артиллерии и флота металлы и изделия». Он оптимистично заявлял, что эти предприятия не только нужны государству, но и выгодны, т. к. «приносят прибыли, а не убытки». Послевоенная распродажа была прекращена 30 января 1861 г., а отчуждение тех недвижимых казенных имуществ, которые, «по соображению министров и главноуправляющих... признавались для казны ненужными», в дальнейшем могло происходить «на основании закона через публичные торги»¹. Однако такая практика большой пользы, очевидно, не принесла.

Обострение хронического бюджетного дефицита в середине 1860-х гг. вызвало разработку целой программы мер, сформулированной в известной «записке М. Х. Рейтерна» 1866 г. В ней обосновывалась необходимость «отказаться не только от всякого излишества, но даже от многого полезного и необходимого». Конкретные «соображения о переменах в законоположениях, от которых можно ожидать уменьшения расходов», предполагалось предоставить императору в совместном докладе министра финансов и государственного контролера².

Поднесенный Александру II 16 сентября 1866 г. доклад М. Х. Рейтерна и В. А. Татаринова «О мерах к устранению дефицитов по нашей государственной росписи» к числу вопросов, «разрешение коих помогло бы достигнуть установления равновесия в государственном бюджете», относил и вопрос «о возможности продажи или отдачи в аренду казенных горных заводов». В докладе утверждалось, что «некоторые из сих заводов требуют весьма значительных ежегодных затрат, не возмещаемых ценностью вырабатываемых ими продуктов». Убыточность таких заводов можно было терпеть только

в том случае, полагали авторы, если их продукция являлась «совершенно необходимой для государственной обороны или для других высших правительственных целей» и не могла быть приобретена «с частных заводов или в торговле». Ознакомившись с докладом, 24 октября 1866 г. Александр II одобрил его и повелел разработать правила продажи заводов Податной комиссии, куда незадолго до этого был передан для обсуждения и проект нового Горного устава³. По распространенному мнению, к такому решению императора подтолкнул герцог Н. М. Лейхтенбергский, предпринявший в том году поездку на горные заводы Урала⁴. Так началась еще одна длительная кампания, охватившая важную часть горной реформы, которая касалась казенного сектора горнозаводской промышленности.

К тому времени принадлежавшие государству и подведомственные Горному департаменту предприятия располагались в Уральском, Северо-Западном, Юго-Западном регионах России, а также на Кавказе и в Царстве Польском. Основная их часть находилась на Урале (в Пермской, Оренбургской и Вятской губерниях) и была включена в состав семи горнозаводских округов.

Лучшим из них, по данным Горного департамента за 1865 г.⁵, признавался Гороблагодатский округ, «как по географическому своему положению и удобству отправлять изделия к местам назначения по реке Чусовой, так и по изобилию превосходных магнитных руд (округу принадлежал один из крупнейших на Урале Гороблагодатский рудник. — *Е.Н.*) и по количеству лесов» (вместе с территориями, находившимися в споре с соседними частными владениями, округ занимал 856395 дес., включая 560 тыс. дес. леса). Дополнительное преимущество ему давала проектируемая в те годы первая на Урале Горнозаводская железная дорога, которая должна была пересекать округ на протяжении 80 верст. В округе действовали пять металлургических заводов (Кушвинский, Баранчинский, Серебрянский, Верхнетуринский и Нижнетуринский), которые снабжали чугуном (до 400 тыс. пуд. в год) пушечные и железные казенные заводы, расположенные на Каме, и сами переделывали до 380 тыс. пуд. чугуна в железо, пушки, снаряды и «иные изделия для военных ведомств». Имелись там и золотые прииски, с 1861 г. предоставленные «в частную разработку».

Не менее крупный Златоустовский округ обладал качественной рудой, позволявшей производить «высокие сорта стали» и изготавливать холодное оружие («отличающееся своими превосходными качествами»), а также богатыми Миасскими золотоносными россыпями. Но его недостатками признавались истощение лесов и неудобство сплава готовой продукции по мелководной и извилистой речке Ай. В этом округе действовали четыре металлургических завода (Златоустовский, Кусинский, Саткинский и Артинский), Златоустовская фабрика холодного оружия и Князе-Михайловская сталепушечная фабрика. Его территория простиралась на 785 тыс. дес. (включая 472 тыс. дес. леса). Производительность предприятий округа достигала 464 тыс. пуд. чугуна, 85 тыс. пуд. полосового железа, 52 тыс. пуд. артиллерийских снарядов и чугуна литья и 46 пуд. золота; на 115 тыс. руб. в год изготавливалось «белого оружия» и на 43 тыс. руб. — разных изделий и стали.

Богословский округ, расположенный на севере Пермской губернии, был «весьма обилён лесами» (занимали площадь до 300 тыс. дес. из 396225 дес. территории округа), славился богатыми Туринскими медными рудниками (только разведанные запасы меди составляли от 200 тыс. до 1 млн пуд.) и золотыми россыпями. Главные же его «неудобства» заключались в недостатке рабочих рук, дороговизне хлеба и других

«жизненных припасов», а также в отдаленности от сплавных рек. После отмены крепостного права здесь особенно обострилась кадровая проблема: и без того малочисленное население округа, состоявшее в основном из мастеровых, переселенных «за проступки и дурное поведение», «поспешило оставить этот негостеприимный край, не представляющий по суровости климата никакого удобства к жизни». Принятые властями меры (обновление оборудования на рудниках и наем рабочих из соседних уездов) несколько улучшили состояние дел в округе. На Богословском заводе производилось до 19 тыс. пуд. меди в год, а на приисках промывалось до 21 пуд. золота. Часть выплавленной меди перевозили гужом на Екатеринбургский монетный двор «для передела в монету», часть — сплавляли по Чусовой «в наряд для военных ведомств». В округе было еще два недействующих завода — Петропавловский (с 1827 г.) и Николае-Павдинский (с 1837 г.). Последний из них в 1861 г. вместе с лесной дачей (78,2 тыс. дес.) был отдан в аренду частной компании, обязавшейся в течение пяти лет возобновить производство.

Центральное место в казенном горнозаводском хозяйстве на Урале по своему расположению занимал Екатеринбургский округ, к которому относилась огромная территория в 1120 тыс. дес. Здесь действовали Каменский и Нижнеисетский металлургические заводы, Екатеринбургская механическая фабрика и Екатеринбургский монетный двор, а также Березовские промыслы (именно здесь было обнаружено первое в России месторождение золота). Однако округ не отличался большими объемами производства, поскольку был «наименее обеспеченным горючими материалами» из-за расстроенного состояния принадлежавших ему лесов (до 445 тыс. дес.). Причина крылась в использовании этих лесов населением крупного города Екатеринбурга, а также «в смежности округа с безлесным Камышловским уездом, весьма густонаселенным хлебопашцами, также сильно истреблявшими леса юго-восточной части Екатеринбургской дачи». В округе выплавлялось до 200 тыс. пуд. чугуна в год для выделки различных сортов железа и изготовления артиллерийских снарядов, пушек и чугунного литья. Механическая фабрика «производила машины как для казенных горных заводов, так и по заказам частных лиц», а на монетном дворе издавна чеканилась медная монета; Березовские промыслы давали до 33 пуд. золота в год.

В Пермском округе (его территория составляла 310 640 дес.) до 1863 г. на двух заводах — Юговском и Мотовилихинском — выплавлялось в год в среднем 16 тыс. пуд. меди, идущей преимущественно на «дело монеты». Кроме того, на Юговский завод поступала «десятичная штыковая медь» (в качестве горной подати) с частных предприятий, из которой изготовлялась листовая медь и «некоторые изделия для артиллерийского ведомства». В округе имелось 57 медных рудников, разрабатывавшихся как казной, так и частными предпринимателями, и 183 279 дес. лесов. На месте закрытого в 1863 г. Мотовилихинского завода возвели сталепушечную и чугунопушечную фабрики «для приготовления пушек всех калибров, начиная с малых полевых до самых громадных крепостных». Строительство новых военных предприятий на полноводной Каме объяснялось как дешевой и удобной доставкой «сырых материалов» в основном из Гороблагодатского округа, так и не менее выгодной поставкой готовой продукции «ко всем главным стратегическим пунктам». В 1868 г. оба предприятия должны были выйти на плановую мощность, при этом Юговский завод продолжал выплавлять в год до 11 тыс. пуд. меди, в основном идущей на изготовление капсулей. В 1872 г. военные предприятия были слиты и стали называться Пермские пушечные заводы.

В районе Камы располагался также Камско-Воткинский казенный округ, территория которого составляла 368 722 дес. Его леса (до 162 тыс. дес.) были истощены «значительным крестьянским населением, проживавшим в близком соседстве от заводов». «По неимению руд» чугуна в округ поставлялся с заводов Гороблагодатского округа, а два собственных предприятия — старый Воткинский железоделательный завод «с судостроительным при нем заведением» и новый Камский броневой завод, возведенный в 1864 г., — изготовляли в год до 125 тыс. пуд. кубового и котельного железа, 18 тыс. пуд. стали и 80 тыс. пуд. цепей, якорей и броневых плит для флота. Ранее относившийся к этому округу Ижевский железоделательный завод в 1807 г. был перепрофилирован в оружейный и передан в ведение Военного министерства.

Наконец, Вятский округ (бывший посессионный Кирсинский) перешел казне только в 1865 г. от Д. Е. Бенардаки в счет его долга по винным откупам. Территория округа составляла 208 307 дес. (в том числе 140 тыс. дес. леса). Здесь действовало два металлургических завода — Песковский и Кирсинский, — производивших в год до 250 тыс. пуд. чугуна (в том числе литейный чугун для Воткинского завода) и 150 тыс. пуд. железа разных сортов, шедших на рынок.

На северо-западе России, на территории Олонецкой и Выборгской губерний, располагался старинный Олонецкий казенный округ площадью 1085 тыс. дес. с центром в Петрозаводске. Там находился Александровский пушечно-литейный завод, выполнявший «заказы артиллерии и флота на чугунные орудия огромных размеров по американскому способу весом до 1200 пуд.». Из-за отдаленности рудников чугун для него (до 250 тыс. пуд. в год) выплавляли смежные Кончезерский, Суоярвский и строившийся Валазминский заводы. По своему расположению вблизи Санкт-Петербурга Олонецкий округ «имел полную возможность быстро и дешево снабжать артиллерию и флот боевыми снарядами и пушками», что и составляло «исключительную его специальность».

На юго-западе России находился небольшой (площадью 38 746 дес.) Луганский казенный округ, растянувшийся (чересполосно с частными землями) более чем на 100 верст вдоль Северного Донца. Один относившийся к этому округу завод — опытный Петровский чугуноплавильный, возведение которого началось в 1857 г., — уже не действовал, другой — Луганский чугунолитейный завод — работал, но не имел собственного сырья, а потому находился в зависимости от уральских поставщиков. Тем не менее, его основная продукция — артиллерийские снаряды по заказам военных ведомств — сыграла важную роль в Крымской войне, когда в месяц завод производил до 60 тыс. пуд. снарядов для обороны Севастополя. В 1866 г. там дополнительно было введено пудлинговое производство «для приготовления мелких сортов железа». Достоинство округа заключалось еще и в том, что его северо-западный участок (Лисичанские копи) «врезался в каменноугольный бассейн Екатеринославской губернии», что позволяло возвести здесь опытный завод для выплавки чугуна и выделки рельсов с использованием нового для России минерального топлива.

Казенный Алагирский серебросвинцовый завод с Садонским рудником был пущен в 1853 г. в Терской области на Кавказе с целью «водворения горного промысла» в этом отдаленном крае. Но, выполняя такую функцию, он приносил постоянный убыток казне.

В Приангарье до 1864 г. казна владела Николаевским заводом, построенным для «снабжения жителей Иркутской и частью Енисейской губерний железом, чугунными

и железными изделиями»⁶. Однако вскоре после основания он был признан нерентабельным и продан с торгов иркутскому купцу Н. К. Трапезникову. В дальнейшем это предприятие неоднократно меняло владельцев, но в казну не возвращалось, несмотря на предпринимавшиеся попытки. Так, в 1903 г. конкурсное управление по делам несостоятельного Общества Восточно-Сибирских заводов, которому тогда принадлежал этот уже остановленный завод, предложило горным властям приобрести его «для нужд правительства». Как сообщалось, почти 60 лет Николаевский завод был «одним из самых крупных центров сибирской промышленности, и вокруг него в силу благоприятных естественных условий кипела жизнь», пока «по недостатку средств и несовершенству организации дела все не рухнуло». Не надеясь найти предпринимателей, которые бы «предложили сколько-нибудь соответствующие положению дела условия», конкурсное управление и попыталось вернуть завод казне, полагая, что в противном случае «придется по необходимости буквально разорять этот центр промышленной жизни, распродавая все по частям, в лом за ничтожную цену», и тем самым обречь местное трехтысячное население на голод. Завод с лесами и рудниками был оценен в 1934 тыс. руб., однако власти признали ходатайство «не подлежащим удовлетворению»⁷.

В начале 1860-х гг. государству также принадлежало несколько горных заводов в Царстве Польском. По свидетельству министра финансов А. И. Васильева, готовившего в 1806 г. Проект горного положения, тогда о польских заводах его ведомству ничего не было известно и только собирались «нужные сведения». По данным директора Горного департамента Царства Польского А. И. Антипова, в 1815 г. «за неимением в крае частного горного промысла... правительство приступило к нему само», построив здесь металлургические заводы. К 1860-м гг. уже насчитывалось несколько таких чугуноплавильных и железоделательных предприятий, а также действовали казенные цинковые и цинкопрокатные заводы с рудниками, каменноугольными копями и лесными дачами, в основном расположенные в юго-западной части Царства Польского — в Бендинском уезде Петроковской губернии и в Олькушском уезде Келецкой губернии⁸. Еще в 1862 г., «ввиду неудовлетворительного финансового положения казенного горного промысла в Царстве Польском», Александр II повелел «не расширять там действие казенных заводов и обсудить условия, на коих казенное горнозаводство могло бы быть обращено на путь частных предприятий». По указу от 19 февраля 1864 г. образовали Ликвидационную комиссию с целью определения условий для «обращения в продажу части принадлежавшего казне недвижимого имущества», включая и упомянутые горные заводы⁹. Создание этой Комиссии временно отделило вопрос о продаже польских заводов от круга проблем, обсуждавшихся в Податной комиссии и касавшихся остальных казенных горных предприятий империи. Как уже упоминалось, только в 1870 г. польские заводы перешли в ведение Горного департамента в Санкт-Петербурге, вследствие чего их приватизация стала прерогативой имперских органов власти.

Когда в мае 1866 г. министр финансов М. Х. Рейтерн подготавливал «всеподанный доклад», он поручил директору Горного департамента генерал-майору В. К. Рашету «войти в подробные соображения о том, в какой степени необходимо удержание казенных горных заводов в руках правительства и не будет ли выгоднее в финансовом отношении предоставить оные или некоторые из них частной деятельности». Получив важное поручение, директор летом того же года отправился на Урал.

В составленной к февралю 1867 г. записке¹⁰ глава горного ведомства в принципе соглашался с тем, что «промышленная деятельность в руках частных лиц, видящих

в успехе дела свой личный интерес, может быть выгоднее и производительнее, нежели в казенном управлении, подчиненном разным формальностям и где хозяева-распорядители — не собственники». Вместе с тем он полагал, что существуют «отрасли промышленности, из коих некоторую, по меньшей мере, часть необходимо правительству иметь в своих руках». К таким он и относил горнозаводскую отрасль, которая, по его мнению, в России была еще недостаточно развита для того, чтобы в конкурентной борьбе «вполне обеспечивать умеренность цен и своевременное выполнение экстренных заказов армии и флота в военное время». «Частная промышленность наша, — размышлял директор Департамента, — имеет еще слишком малое число предпринимателей, которые бы, с полным призванием и неутомимым постоянством посвящая себя этому многотрудному делу, вызвали... благодетельную конкуренцию, без которой не может быть полного развития, а рождается только вредная монополия». Передавать все казенные заводы в частные руки в такой ситуации «было бы преждевременно и составляло бы важную политико-экономическую ошибку», полагал В. К. Рашет, находя подтверждение своему выводу в современном опыте Пруссии и Австрии, где, несмотря на промышленные успехи, сохранялось «немалое число казенных горных заводов, приготовляющих не только военные принадлежности, но и все сорта железа, рельсы и пр.»¹¹. Дополнительным аргументом стало признание того, что казенные заводы «служили примером к усовершенствованиям и нововведениям по горнозаводской части» и что именно на них «представлялось более возможности практически вырабатываться лицам, желающим посвятить себя горному делу».

Конечно, соглашался директор, количество российских казенных горных заводов «слишком велико» и далеко не все они «стоят в отношении устройств своих на степени, удовлетворяющей современным требованиям». Поэтому он предлагал оценить заводы по степени их вовлеченности в выполнение военных заказов и на этом основании решить их дальнейшую судьбу. Проведенный им анализ показал, что «хотя все казенные заводы участвуют... в выделке изделий по заказам Военного и Морского министерств, но... этот характер их деятельности расположен по заводам не вполне равномерно». Так, Олонецкие, Пермские пушечные, Камско-Воткинские заводы и Златоустовская фабрика изготавливали военную продукцию «специально»; Гороблагодатский и Златоустовский округа «служили для приготовления доброкачественного чугуна и других сырых материалов для заводов, занимавшихся окончательной выделкой военных изделий»; остальные же предприятия производили медь и золото и «приготавливали изделия, не требовавшиеся для военных ведомств».

В результате В. К. Рашет предложил оставить за казной округа Гороблагодатский (за исключением Нижнетуринаского завода), Златоустовский (за исключением Артинского завода), Пермский (за исключением Юговского завода), Камско-Воткинский и Олонецкий (с отделением части принадлежавших ему финляндских земельных дач), а Екатеринбургский (за исключением монетного двора), Богословский и Вятский округа, а также Алагирский завод «передать в руки частной промышленности». Луганский округ предполагалось сохранить за казной (с отделением некоторой части отдаленных дач) до тех пор, пока там не завершится начатое строительство экспериментального Лисичанского доменно-рельсового завода.

Самым простым и выгодным для казны способом совершить «передачу» директор счел продажу заводов. «Ввиду не блестящего у нас положения частной горной промышленности и недостатка путей сообщений, препятствующего скорому обороту

капиталов», для привлечения покупателей он предлагал даже допустить «раздробительную продажу» округов по отдельным «заводским участкам» с длительной рассрочкой платежей. По его предварительным подсчетам, основанным на методике капитализации (исходя из обычных для того времени «банковских» 6%) чистого дохода «от продажи изделий каждого участка», общая выручка могла составить 4566 тыс. руб., при этом самую значительную долю (2 млн руб.) предполагалось получить от продажи Богословского округа с его медными рудниками.

Особое внимание было обращено на золотые промыслы, принадлежавшие казне на Урале. Исключение составляли лишь прииски Гороблагодатского округа, которые не входили в оценку В. К. Рашета, поскольку уже были предоставлены для частной эксплуатации. Этому решению предшествовало заявление отставного генерал-майора П. П. Ушакова (мужа совладелицы Сергинско-Уфалейских заводов А. И. Губиной), датированное февралем 1861 г., о намерении получить для разработки запущенные казенной прииски с обещанием «уплатить за каждый предоставленный... прииск определенную единовременно, сверх установленной подати, сумму на составление капитала для призрения сирот и увечных нижних горных чинов». Его претензия распространялась тогда на все казенные округа, где велась добыча золота. По именному указу от 21 апреля 1861 г. такое разрешение было получено одновременно с правом «принимать в это дело участников». Главному начальнику уральских заводов предписывалось «дозволять разработку заявленных просителем приисков... но без малейшего для казенных заводов ущерба».

В мае 1861 г. в Санкт-Петербурге образовалось Товарищество, в которое, кроме П. П. Ушакова, вошли министр императорского двора граф В. Ф. Адлерберг, отставной поручик Д. Е. Бенардаки и почетный гражданин Я. И. Расторгуев. Последний, проживая в Екатеринбурге и будучи уполномоченным Товарищества, подал в Уральское горное правление заявки на многие прииски Богословского, Гороблагодатского, Екатеринбургского, Златоустовского округов и казенной Вагранской дачи Верхотурского уезда. Но, «по ближайшему соображению местного главного начальства», министр финансов А. М. Княжевич признал возможным «до окончания перехода от обязательного труда к свободному» ограничиться открытием для частной золотопромышленности только Вагранской дачи и Гороблагодатского округа. По высочайшему повелению от 27 октября 1861 г., казенная добыча золота в этом округе прекращалась как «не обещавшая особых выгод», а главному начальнику предписывалось все прииски «раздать желающим для разработки оных за обыкновенную подать»¹². Товариществу П. П. Ушакова пришлось умерить свои требования и ограничиться получением в апреле 1862 г. 50 приисков на открытой для промысла территории. Еще 28 приисков приобрели тогда другие предприниматели¹³.

Таким образом, в предложениях В. К. Рашета учитывались только золотые промыслы Златоустовского, Екатеринбургского и Богословского округов. По его подсчетам, с начала разработки месторождений еще в XVIII в. и до 1866 г. казна добыла 5043 пуд. золота, получив значительную прибыль (до 39,1 млн руб.), которая существенно превышала сумму горных податей, если бы это золото добывалось частными предпринимателями. Но, констатировал директор, в последние пореформенные годы казенная добыча золота повсеместно сократилась, а в некоторых округах совсем не принесла дохода вследствие не столько обеднения россыпей, сколько роста цен на рабочие руки и хлеб, а также из-за недостатка «предуготовительных разведочных работ, на которые

отпускались слишком малые средства». Сознавая, что подъем производства в этой отрасли казенного хозяйства возможен только в случае значительного роста финансирования (на что вряд ли можно было рассчитывать), В. К. Рашета соглашался «для пользы дела» на продажу промыслов, но не одновременно, а «с соблюдением строгой постепенности», чтобы, польстившись на лучшие участки, золотопромышленники не забросили менее богатые прииски, уже находившиеся у них в разработке. Начать продажу директор предлагал с Екатеринбургских промыслов «с их коренным месторождением и всеми золотоносными россыпями».

Получив записку В. К. Рашета, министр финансов М. Х. Рейтерн направил ее для обсуждения в Совет Корпуса горных инженеров «с тем, чтобы заключение Совета вместе с запиской генерал-майора Рашета было потом передано в Комиссию, высочайше учрежденную для пересмотра системы податей и сборов». Совет под председательством начальника штаба Корпуса В. Е. Самарского-Быховца к 5 апреля 1867 г. подготовил отзыв¹⁴, в котором сосредоточился в первую очередь на уточнении списка казенных заводов, предложенных директором Горного департамента к продаже. Дополнительным критерием стал для Совета показатель убыточности их производства. На этом основании подверглась сомнению необходимость продажи Артинского железоделательного и стального завода, «действовавшего с выгодой даже в последние неблагоприятные для горной промышленности годы», а также Каменского, Нижнеисетского и Нижнетуринского заводов, которые «могли подлежать обращению в продажу только во внимании к убыточности их действия за последнее трехлетие». Выяснилось, что и Богословский завод «постоянно приносил и ныне приносит казне чистый доход» и был вполне способен его увеличить при условии переоборудования Туринских рудников. Ввиду такой перспективы Совет признал возможным оставить и этот завод за казной, отделив его от остальной части Богословского округа с недействующим Петропавловским заводом, который можно было «предоставить частной деятельности». В результате обсуждения из списка предлагаемых к продаже казенных заводов были исключены еще Артинский и Богословский. Кроме того, горным начальникам предписывалось «точно определить ту площадь лесов и земель с рудниками, которую необходимо было оставить для обеспечения заводского действия... с тем, чтобы всю излишнюю... продать, а в случае неуспешности торгов — передать в ведение Министерства государственных имуществ».

В отношении казенных золотых промыслов Совет, опираясь на сведения об их доходности, полностью поддержал мнение директора Горного департамента. Однако было введено отсутствовавшее у В. К. Рашета важное уточнение о том, что продаваться мог не сам казенный прииск, а только возможность его разработки, что оставляло за казной право собственности на землю и ее недра. Способом такой «продажи» признавались публичные торги, начинавшиеся «с рубля». Они устанавливали цену права на разработку промысла, к которой прибавлялась стоимость уже имевшегося на прииске имущества, заранее оцененного и «заблаговременно предьявленного торгующимся». Особые условия передачи, определяемые «по взаимному соглашению с покупателями», предусматривались лишь по отношению к Березовскому золоторудному месторождению Екатеринбургского округа.

Совет озаботился также несколькими вопросами, которые не затрагивались в записке В. К. Рашета. Первый касался незавершенного землеустройства местного населения, особенно проживавших «в заводской округе» бывших государственных крестьян, которым (в отличие от горнозаводского населения) наделы предоставлялись

в собственность. Так, в Екатеринбургском округе крестьянам по закону должно было отойти около 47 % его площади. Для ускорения продажи заводов Совет «полагал необходимым немедленно приступить к вымежеванию государственных крестьян из отчуждаемых заводских дач». Члены Совета подняли также вопрос о необходимости учета при продаже тех «попечительных обязательств», которые возлагались на заводы по отношению к горнозаводскому населению даже после его освобождения от «обязательного труда» (в частности, речь шла об отпуске дров и строевого леса, о бесплатном содержании школ и больниц, об обеспечении годового запаса провианта и пр.).

Наконец, Совет высказался и по поводу условий приватизации. Принимая во внимание тяжелое положение всей горнозаводской промышленности, вызванное «совокупностью многих причин», «горные генералы» рекомендовали не спешить с продажей заводов «под влиянием лишь временных невыгод... на условиях, крайне легких для покупателей», чтобы «не сделать большую экономическую ошибку... и сбить дорогое уже и ныне и еще большую ценность приобрести могущее государственное имущество за что бы то ни было». Но даже если бы продажа заводов и не состоялась, они полагали, что необходимо безотлагательно привести громадное и нерационально организованное казенное хозяйство в соответствие с его реальными потребностями, а излишек земель, лесов и рудников предоставить «частной горнозаводской деятельности, способствуя тем самым ее развитию и прекращению не всегда справедливых упреков частных лиц на казенный горный промысел, будто бы вредящий частному». Этим, считали они, государство «откроет новые пути для увеличения народного богатства, преуспевание которого должно... основываться на частном труде и частном же капитале, но без посягательства на приносящие уже доход имущества казенные».

Заключение Совета Корпуса горных инженеров вместе с запиской директора Горного департамента и вспомогательными материалами поступило в Податную комиссию, когда там уже были обсуждены «нормальные правила» продажи казенных заводов: их еще к январю 1867 г. составила подготовительная комиссия под председательством А. К. Гирса. В первой статье проекта Правил были перечислены объекты, которые, по мнению составителей, должны были быть исключены из продажи: Олонецкий округ, Пермские сталепушечная и чугунопушечная фабрики, Князе-Михайловская сталепушечная фабрика и Златоустовская фабрика холодного оружия. Таким образом, в казне были оставлены лишь предприятия, специализировавшиеся на изготовлении военной продукции, за исключением нескольких металлургических заводов, входивших в Олонецкий округ. Однако общее собрание Податной комиссии проявило осторожность и решило отложить обсуждение столь важного вопроса до того момента, как будет получено заключение на этот счет специалистов из Горного департамента. Отмечалось лишь, что в самих Правилах «нет надобности поименовывать те заводы, которые правительство намерено оставить в своем заведовании», а целесообразнее составить «список продаваемых заводов» и впоследствии обнародовать его отдельно от Правил¹⁵.

Время обсуждения данного вопроса наступило весной 1867 г., когда Податная комиссия трижды (5, 12 и 19 мая) собиралась для того, чтобы рассмотреть поступившие «предложения горного ведомства о некоторых казенных горных заводах и золото-содержащих приисках, подлежащих отчуждению». Обсуждение началось с того, что большинство участников заседаний не согласилось с критериями назначения заводов в продажу, предложенными Советом Корпуса горных инженеров. «Задавшись уже

желанием продавать заводы, — заявили они, — правительство, оставаясь верным себе, не должно... выделять из этой общей операции такие заводы, которые более или менее выгодны». Аргументов в пользу такого вывода высказывалось несколько: в случае продажи только «недействующих или действующих с явным убытком» заводов сама продажа оказывалась бы под угрозой срыва; доходность казенных заводов «не подчинялась точной поверке» по причине того, что их продукция не имела рыночной стоимости; с переходом в частные руки тот или иной завод мог принести еще ббльшие выгоды «путем поступления горных податей и вследствие развития частной предприимчивости»; продажа заводов привела бы к сокращению расходов на управление, что уменьшало дефицит бюджета; наконец, более выгодное имущество могло бы получить на торгах и большую цену. В результате большинством голосов (16 против пяти голосов членов Совета — В. К. Рашета, В. Е. Самарского-Быховца, А. Д. Озерского, А. А. Иоссы и Н. И. Михайлова) Комиссия постановила «руководствоваться в настоящем случае лишь потребностью государственной обороны, все же прочие заводы и фабрики предназначить в продажу». Но горные инженеры проявили настойчивость и стали доказывать, что, кроме специализированных заводов, необходимых для обороны, следует оставить в горном ведомстве и некоторые рудные месторождения и заводы, вырабатывавшие металлы для этих предприятий.

На общем собрании развернулась дискуссия о выборе таких заводов. Судя по журналам заседаний, не вызвало споров только сохранение за казной всех вспомогательных предприятий к Александровскому пушечно-литейному заводу в Олонецком округе. Большинство голосов было решено оставить в Гороблагодатском округе только Кушвинский завод (с Благодатским рудником), который выделывал в год до 350 тыс. пуд. чугуна, что сочли «совершенно достаточным для обеспечения заказов военного ведомства, требующих чугуна в мирное время до 200 тыс. пуд.». Видимо, по тем же соображениям не выставили на продажу и Саткинский завод, обеспечивавший сырьем оружейные предприятия Златоустовского округа. Несмотря на то что, по мнению представителей горного ведомства, Луганский округ обеспечивал «изделиями и снарядами Кавказскую армию и южные порты», большинством голосов он был включен в список предприятий, выставляемых на продажу. Как сочли 15 из 24 участников заседания, достоинства этого округа (в первую очередь его географическое положение) не выдерживали сравнения с его недостатками (с отсутствием собственной рудной базы, большими расходами на управление и дороговизной продукции). Камско-Воткинский округ, где для флота изготавливались якоря и цепи (всего в объеме 14 тыс. пуд. в год), было решено «не исключать из числа подлежащих продаже» ввиду возможного перенесения этого производства на адмиралтейские Ижорские заводы.

На удивление легко прошло обсуждение вопроса о казенных золотых промыслах, хотя большинство членов Комиссии вновь не разделило предложенное Советом «воззрение о предоставлении для частной золотопромышленности пока только округа Екатеринбургского». Видимо, на них повлияла оглашенная на заседании записка представителя оренбургского генерал-губернатора В. В. Лукошкова. Чтобы доказать преимущество частной разработки, он привел пример Гороблагодатских приисков, где казна добывала в год не более 5 пуд. золота, тогда как после передачи их в частные руки в 1864 г. было намыто 50 пуд., а в 1865 г. — 90. С учетом того что Миасские прииски Златоустовского округа были несравнимо богаче Гороблагодатских, в случае их «открытия для частной разработки» эксперт прогнозировал рост добычи с 50 пуд. в год до 200, что дало бы казне

более 300 тыс. руб. горной подати. Кроме того, развитие частной золотопромышленности в Оренбургской губернии, по его мнению, повлекло бы за собой рост занятости местного (в первую очередь башкирского) населения и повышение его благосостояния¹⁶.

На позицию председателя собрания А. К. Гирса, возможно, повлияла и полученная им месяцем ранее записка действительного статского советника К. В. Лерхе, в которой тот напоминал, что еще в 1865 г. просил передать ему для разработки Миасские прииски, и вновь подтверждал это свое намерение. Он доказывал, что с переходом от обязательного труда к свободному все промышленные предприятия казны, в частности прииски, принесут только убытки. Выход из сложившегося положения, при котором казна не теряла бы «ни одного из своих прав», он, как и члены Совета Корпуса горных инженеров, видел в «передаче права деятельности без передачи права собственности, или иначе: промыслы должны оставаться собственностью казны, но на разработку их следует употребить частную деятельность»¹⁷. Вряд ли А. К. Гирс руководствовался частными интересами конкретных лиц, но его информированность о том, что на казенные промыслы уже есть покупатель, не могла не повлиять на его отношение к их участи. Возможно, на заседании Податной комиссии он и упомянул об уже имеющемся в Министерстве финансов предложении.

«Золотые прииски в руках частных лиц должны быть несравненно прибыльнее для самой казны, нежели оставаясь в казенном управлении, не говоря уже об общих экономических выгодах, возникающих из расширения частной деятельности», — рассудили члены Комиссии, сумевшие убедить представителей горного ведомства, из которых только двое (А. Д. Озерский и А. А. Иосса) не разделили этого мнения. Большинство голосов было решено «приступить к передаче уральских золотых промыслов в частные руки одновременно во всех округах».

Видимо, столь поспешное заключение Комиссии заставило главного начальника уральских заводов А. А. Иоссу выступить со своим «особым мнением». «В заседании Податной комиссии 12 мая... перед концом собрания предложен был вопрос о продаже казенных золотых приисков в округах заводов Екатеринбургских, Богословских и Златоустовских, — писал он, воссоздавая атмосферу дискуссии, которую не передают опубликованные журналы заседаний, — причем прочитано было первоначально представление оренбургского генерал-губернатора к министру финансов о дозволении частным лицам добывать золото в Миасской даче... При баллотировке сего вопроса после краткого, по позднему уже времени, обсуждения его большинство собрания оказалось на стороне продажи всех казенных золотых промыслов без исключения». Такое решение вопроса, «чрезвычайно важного для государственной экономии, недостаточно обсужденного во всех обстоятельствах оно», и побудило его «сказать несколько слов, чтобы уяснить положение казенных золотых промыслов на Урале».

Особенно задело А. А. Иоссу не соответствовавшее статистическим данным утверждение о невыгодности промыслов для казны. «Из сведений директора Горного департамента видно, — писал он, — что казенные промыслы приносили казне огромный доход, и хотя член Комиссии со стороны Государственного контроля выразился при ссылке на эти сведения, что цифры ничего не доказывают, но с таким отзывом нельзя согласиться, ибо, по всей вероятности, и Контроль руководствуется в своих заключениях также цифрами». Он не стал повторять уже известные сведения, а сосредоточился на критике сомнительного утверждения о том, что «золотые промыслы принесут больше пользы казне, находясь в частных руках». «Вопрос этот весьма

сложный, — утверждал А. А. Иосса, — и решение его тем труднее, что члены Комиссии мало знакомы с местными обстоятельствами и с условиями сего производства».

Главный начальник уральских заводов не сомневался в том, что при частной добыче производительность приисков возрастет, но полагал, что тем скорее они будут исчерпаны и даже испорчены «хищническими старательскими работами», которые практиковались золотопромышленниками. «Если бы Миасские прииски были отданы 20 лет тому назад, на что являлись и тогда охотники, то теперь представляли бы изрытое, бесплодное поле, из которого старатели извлекли бы каких-нибудь 10–15 пуд. золота... — утверждал он. — Разрабатывая сама золотые прииски в трех округах, казна получит от них прибыли более 400 тыс. руб. при добыче 120 пуд. Отдав их в руки частных промышленников, которые, без сомнения, затратив значительные суммы, вскоре усилят добычу и, может быть, доведут ее до 200 пуд., чтоб скорее возратить затраты свои; в таком случае казна будет получать в виде подати 20 пуд. золота на сумму до 270 тыс. руб. Но при умеренной и правильной казенной работе добыча золота продолжится, без сомнения, еще 30 или 40 лет, тогда как при усиленной частной разработке она начнет упадать уже через 10–15 лет».

Приводимый якобы положительный пример Гороблагодатских приисков А. А. Иосса считал ошибочным, поскольку прежде эти прииски разрабатывались казной в очень ограниченном размере, определенном давно устаревшими штатами 1847 г., при незначительном финансировании на оборудование и разведки, а также «по недостатку вообще рабочей команды». При таких условиях «золотое производство в округе и не могло развиваться, и оно упало там почти совершенно». Но из этого, полагал А. А. Иосса, «никак не следовало, что оно не могло быть ведено с большим успехом и с большей выгодой самим правительством». После открытия приисков для частной разработки в 1861 г., по его сведениям, только на разведки было потрачено более 300 тыс. руб., хотя эти частные капиталы в основном «были зарыты безвозвратно». Конечно, размышлял главный начальник, «такая потеря не составляет прямой потери казны, но, вероятно, никто не будет спорить, что для государства потеря и частных капиталов... составляет также невыгоду».

Из своего «краткого, но совершенно верного очерка казенных золотых промыслов на Урале» А. А. Иосса делал вывод о том, что «положение их не так дурно, как стараются представить многие, желающие воспользоваться некоторыми из казенных приисков, и обещают от передачи их частным лицам огромные выгоды для правительства, которые оно никогда не получит в действительности, но потеряет верный и немаловажный доход»¹⁸. Это мнение специалиста, близко знакомого с делом, не могло повлиять на уже принятое большинством голосов постановление, но его вполне разумные аргументы были учтены впоследствии при решении вопроса о порядке передачи промыслов в частные руки.

Новый повод для полемики в Податной комиссии дало предложение Совета Корпуса горных инженеров об аукционной продаже приисков, начиная торг «с рубля», и с дополнительной платой «по оценке» за находившиеся на приисках строения и устройства. Представитель Строгановых Н. Н. Анцыферов полагал, что такой способ, приемлемый для неразработанных приисков, нельзя применять в отношении уже давно известных, хотя и малоисследованных, казенных промыслов. Он прогнозировал, что в таком случае «за них, быть может, выручится лишь весьма ничтожная сумма, особенно при недостатке конкуренции и вероятности стачек». Предложение поверенного заключалось в сдаче приисков в аренду по контракту с установленной «обыкновенной»

платой в 30% от добычи, что позволило бы казне «получать с каждого прииска тем более, чем он богаче». При этом отмечалось, что заключать контракты следовало только «с людьми благонадежными» и что надо было «оговаривать и устранять все то, что могло бы истощать прииск». Это мнение поддержал и представитель Кыштымских заводов Г. В. Дружинин, дополнительно предложивший сдавать прииски в аренду крупными участками крупным же «капиталистам», которые только и могли «применять усовершенствованные машины, стоящие весьма дорого».

Противники аренды отмечали, что в этом случае нельзя гарантировать полной выработки прииска, поскольку арендаторы «будут работать только ввиду большого барыша на самых богатых находениях, а остальное, менее прибыльное, забросят» (Л. А. Соколовский), что уследить за каждым золотником, выработанным арендатором, невозможно без создания «сложной администрации» (Ф. И. Раселли) и что при арендной плате придется отказаться от взимания горной подати как основного государственного налога (И. В. Вернадский и М. Н. Островский). П. П. Семенов доказывал, что именно единовременный взнос за право разработки прииска стимулирует покупателя «выручить затраченный на приобретение прииска капитал, не пренебрегая менее богатыми частями прииска».

Действительным затруднением как в случае аренды, так и в случае продажи приисков участниками заседания было признано отсутствие «обстоятельных сведений» об их состоянии, что могло, с одной стороны, оттолкнуть потенциальных покупателей, с другой — привести к «дешевой продаже многоценных площадей» и, как следствие, вполне вероятным потерям казны. Ф. И. Раселли напомнил тогда, что правила продажи предполагают передачу только права разработки приисков, что не отнимает у казны ее права собственности на землю и в то же время соответствует интересам самих золотопромышленников, расходовавших на такую покупку меньший капитал. Кроме того, Комиссия сочла, что опасаться слишком низких цен вряд ли следует, поскольку «вся местность не может не быть знакома промышленникам и конкуренция их при аукционной продаже... определит действительную ценность приисков». В итоге единогласно было признано целесообразным «отчуждать право добычи золота путем продажи известной площади за единовременную плату». Лишь два эксперта (Л. А. Соколовский и Н. Н. Анцыферов) предлагали не распространять этого правила на считавшиеся самыми богатыми Миасские прииски. При дальнейшем обсуждении были несколько скорректированы предложенные Советом правила отвода площади прииска и решено не отходить от установленного законом его размера (250 тыс. кв. сажень), что позволяло не только крупным, но и мелким золотопромышленникам участвовать в торгах¹⁹.

Таким образом, Податная комиссия к середине мая 1867 г. уточнила круг заводов, остающихся в распоряжении казны; определила, что золотые промыслы назначаются к продаже одновременно во всех округах; выработала порядок продажи приисков на аукционе. Свои «соображения и предложения» вместе с журналом заседаний и относящимися к нему приложениями Комиссия представила «на благоусмотрение министра финансов».

Разработка Правил в Податной комиссии

Как уже упоминалось, еще 16 декабря 1866 г. министр финансов М. Х. Рейтерн, исполняя «высочайшее повеление», предложил тайному советнику А. К. Гирсу составить «проект основных нормальных правил об условиях продажи или отдачи в аренду

казенных горных заводов». Созданная во главе с А. К. Гирсом подготовительная комиссия (в нее входили А. И. Антипов, М. П. Веселовский и П. П. Семенов) уже через месяц представила общему собранию Податной комиссии свой проект, состоявший из 16 статей. Основной вопрос о способе передачи заводов в нем был однозначно решен в пользу «полного отчуждения», т. е. продажи.

Податной комиссии предстояло постатьейно обсудить проект, что и происходило на семи заседаниях — 20 и 27 января, 11, 17 и 24 февраля, 3 и 10 марта 1867 г. Первым был рассмотрен вопрос о способе отчуждения — продаже или аренде — горных заводов, развернутый одним из создателей проекта, П. П. Семеновым, в сторону критики аренды и ее последствий. Арендование, особенно на короткие сроки, могло бы привести, по его мнению, «к хищнической разработке казенных имуществ, что особенно вероятно в отношении медной руды и лесов», и к необходимости создания особого надзора для предотвращения этого. Генерал-лейтенант Л. А. Соколовский в своем выступлении подчеркнул специфику аренды «горного имущества», при которой руды и леса неизбежно истощаются в течение любого срока содержания, а следовательно, ценность сданного в аренду имущества уменьшается. Кроме того, строгий правительственный надзор, требующийся в этом случае, превращал бы арендованное имущество в «вид по-сессионного владения со всеми его стеснениями», от чего было уже намечено отказаться еще на заседаниях Горной комиссии.

Однако профессор политэкономии И. В. Вернадский заявил, что едва ли будет осторожно проводить в правилах исключительно либо принцип продажи, либо принцип аренды. «Если правительство желает избавиться от невыгодных для него имуществ, то, конечно, полное отчуждение их более соответствовало бы его видам, — полагал он. — Но если состояние денежного рынка делает продажу неосуществимой, то нет причины отказываться и от попытки сдать заводы в аренду». Долгосрочная аренда, по его мнению, могла сопровождаться и «возвышением ценности имущества», а средством предотвратить злоупотребления могли бы стать ревизии. Ученый сослался на опыт «английского заводского хозяйства, состоявшего преимущественно из аренд», который «не противоречил условиям хорошего ведения дел», а прозвучавшее мнение о том, что «истощение имущества ведет к ослаблению производительных сил», основанное на представлениях немецкого ученого Ю. фон Либиха, назвал небесспорным среди экономистов.

С практической точки зрения смотрел на аренду заводов директор Департамента неокладных сборов Министерства финансов К. К. Грот. Он выразил сомнение в том, что быстро найдутся крупные капиталы для покупки заводов, поскольку купцу-капиталисту прежде надо «всмотреться в дело», а для этого аренда на короткий срок «представляет лучший путь». «Рассчитывать на затрату громадных капиталов на горнозаводское дело, прибыльность которого в настоящее время столь сомнительна, значит увлекаться мечтою», — заявил он в своем выступлении, полагая, что «благоразумнее испытать сначала аренду, которая ограничивается более скромными денежными средствами».

В пользу аренды высказался и представитель Строгановых Н. Н. Анцыферов, который озаботился судьбой заводского населения, поскольку его благосостояние могло пострадать в случае покупки завода «в видах чисто спекулятивных: распродажи имущества по частям и прекращения дела» (возможность этого, по его мнению, не исключалась). «В интересах местного населения придется, может быть, предпочесть полному

отчуждению аренду, предполагающую продолжение заводского производства», — заявил он.

В такой ситуации участвовавший в заседании Ф. Г. Тернер попытался «согласить выразившиеся мнения», отметив, что в проекте совсем не обязательно «проводить разграничение» между покупкой и арендой, поскольку долгосрочная аренда «весьма близко подходит к покупке имущества с рассрочкой платежа... а подобная покупка — есть как бы та же аренда, но с амортизацией капитальной стоимости». «Условиться в принципе весьма важно заранее, — возразил ему К. К. Грот. — Принцип арендования резко отличается от принципа покупки. Покупка имущества предполагает полное распоряжение им, чего не бывает при взятии имущества в аренду». Чтобы подчеркнуть важность понимания этого отличия, в дискуссию включился главноуполномоченный Кыштымских заводов Г. В. Дружинин. Он первым высказал вполне здравую мысль о необходимости обеспечить продажу казенных заводов всей «совокупностью проектируемых постановлений о частной горной промышленности», до утверждения которых, по его мнению, едва ли можно было рассчитывать на успешную продажу. Тем самым этот представитель посессионеров в Комиссии намекнул на необходимость ускорить решение и вопроса о горнозаводской посессии с ее неопределенностью права собственности.

«Сообразив сделанные заявления о достоинствах и недостатках той и другой системы передачи заводов в частные руки», Комиссия все-таки признала совершенно необходимым четко определить, какой системе отдать предпочтение — прямой продаже или продаже с одновременным допущением аренды. Участники заседания сошлись во мнении, что второй способ сделал бы продажу неосуществимой. На голосование были вынесены два варианта — заявить в Правилах лишь о продаже, с тем чтобы сдача в аренду «предоставлена была последующим соглашением администрации с частным лицом», или же «выразить оказываемое правительством преимущество системе продажи, но в то же время заявить, что при невозможности продажи правительство не отказывается и от сдачи заводов в аренду». Большинством голосов (20 против восьми) прошло первое предложение «в пользу прямой продажи». Таким образом, одержала верх первоначальная установка финансового ведомства полностью освободиться от большинства казенных заводов, по выражению А. К. Гирса, «ввиду признаваемой необходимости безотлагательно сократить расходы казны по содержанию горных заводов и тем восстановить до некоторой степени равновесие в бюджете»²⁰.

Затем началось постатейное обсуждение проекта Правил²¹. Как уже упоминалось, из первой статьи был исключен список заводов, остающихся во владении казны, поскольку нашли уместным рассмотреть его после подготовленных в горном ведомстве предложений и представить в отдельной «росписи». Видимо, тогда же была заслушана записка В. А. Пашкова, где он размышлял о мерах, которые могли поспособствовать более выгодной для казны продаже заводов. В частности, заводчик предлагал не выставлять на торги все предприятия разом, а «соблюсти в продаже некоторую постепенность»²². Комиссия сочла вопрос этот важным «по влиянию... на цены, могущие быть до крайности пониженными в случае единовременного предложения такого большого числа однородных имений», и включила в статью эту оговорку, указав, что постепенность будет определяться министром финансов.

Для того чтобы «сделать заводы доступными и для не громадных капиталов», со- ставители проекта предложили во второй статье указать, что заводы отчуждались

не целыми округами, а отдельно, причем каждый завод «должен представлять самостоятельную хозяйственную единицу, т. е. иметь отвод рудников, лесных дач и необходимых для заводского хозяйства угодий». При этом покупатель мог приобрести и несколько заводов, если между ними «существовала какая-либо хозяйственная связь». На возражение И. В. Вернадского, что не следует исключать продажу целых округов, один из авторов проекта П. П. Семенов предложил уточнить, что заводы не «отчуждаются отдельно, а предназначаются в продажу не целыми округами, а отдельно». Это и означало бы, по его мнению, что «правительство предлагает приобрести заводы или отдельно каждый, или в совокупности», с чем и согласились другие участники заседания.

Статья третья определяла состав покупателей. Ими могли стать «лица всех состояний, как русские, так и иностранные подданные», а также товарищества и акционерные компании. Исключение делалось лишь для служащих Министерства финансов и Государственного контроля, которые могли участвовать в торгах только в случае «оставления службы по сим ведомствам до выдачи владенного акта за купленный завод». Согласившись с общим предложением, члены Комиссии поспорили о необходимости ограничений.

«Слишком стеснительным и неоправданным необходимостью» назвал включенное в проект ограничение управляющий Государственного банка Е. И. Ламанский. Большинство чиновников упомянутых ведомств, заявил он, «не могут иметь ни малейшего влияния ни на оценку, ни на торги по продаже заводов». В то же время значительная часть «наших капиталистов... служила по Министерству финансов — в банках, биржевых и учетных комитетах, мануфактурном и коммерческом советах и т. п.». «Исключить их всех от конкуренции значило бы мешать успеху операции продажи», — пояснял он. Вспомнили также уже действующие ограничения для акцизных чиновников, которые не могли владеть винокурными заводами и винными складами, и планируемые запрещения для отдельных горных и гражданских чиновников «участвовать в золотом промысле».

В ходе полемики определились полярные точки зрения. Несколько участников обсуждения признавали излишними «всякие в сем отношении изъятия» на том основании, что закон «всегда можно было обойти посредством покупки через подставных лиц» и что «от самой администрации зависело, или не продать завода лицу, которому, по служебному положению его, владеть заводом неудобно, или же уволить или перевести такое лицо, если оно приобрело завод в районе его служебного влияния». Другие настаивали на необходимости «хотя бы некоторых ограничений» для лиц, участвовавших в оценке заводов и в организации торгов, а также для горных чинов того округа, которому принадлежал завод, причем «изъятие это касалось также жен и неотделенных детей означенных лиц и чинов». Это последнее предложение и было включено в проект: за него проголосовало 15 участников заседания из 28.

При обсуждении четвертой статьи, где говорилось об отводах земель, рудников и угодий к заводам оценочными комиссиями, полемика возникла по поводу необходимости увязывать продажу завода с конкретным отводом, а также о способе определения его размеров. Особое мнение о затруднительности таких отводов представил член Комиссии от Межевого департамента К. И. Марченко. Он акцентировал внимание на отсутствии планов генерального межевания в Пермской губернии (где сосредоточивалось большинство казенных заводов), без чего, по его убеждению, невозможно было

осуществить «правильные отводы». «В таком положении края, — предупреждал он, — частное лицо, которое решилось бы приобрести казенный завод с землями, не будучи совершенно обеспечено в спокойном владении проданной ему землей с рудами и лесами, рискует вслед за тем иметь процесс, а следовательно, остановку и убытки в заводском производстве, что может повести к значительным претензиям на казну». Автор предлагал «в видах обеспечения навсегда казенных горных заводов от споров и претензий» безотлагательно провести государственное генеральное межевание и только потом приступить к продаже²³.

«Составление подробных планов, основанных на топографической съемке, — опасались некоторые участники заседания, — вело бы за собой задержку продажи на неопределенное время». П. П. Семенов предложил простой выход — определять отвод не по планам, а «по свойству и размеру продаваемых имуществ» и предоставить право покупателю «привести для себя в полную ясность относительные достоинства известного имущества... посредством личного наблюдения и исследования». Л. А. Соколовский полагал, что удобнее будет «оценить заводы по нынешнему их состоянию в настоящем размере заводских угодий» и дать «покупщику» право приобрести из отвода только такие участки, которые он признает необходимыми.

В своих размышлениях И. В. Вернадский пошел еще дальше: он высказался вообще против отводов. Обязательность земельного отвода, полагал он, «ставит покупщика в необходимость вместе с предметами, действительно ему нужными, приобретать и предметы малополезные» в случае, например, если он захочет изменить горный профиль завода. Целесообразнее было бы, считал он, допустить продажу «по участкам с тем, чтобы сначала продавался собственно завод, а принадлежащие к нему угодья были предметом особого торга». «Но правительство не может решиться на отчуждение казенных имуществ клочками, выбираемыми случайно или даже с намерением уронить ценность других смежных участков... — возражал П. П. Семенов. — Такой путь привел бы к беспорядочной распродаже лучших участков и оставлению на руках правительства всех прочих участков, менее прибыльных. Устранение принципа отводов сделает невозможным правильные торги».

В ходе дискуссии определились два мнения: одни члены Комиссии придерживались принципа отводов «с облегчительными правилами» определения их территории; другие предлагали описать и оценить то, что имелось при заводах, и «не стеснять покупателей размерами приобретаемых ими участков». При голосовании прошло первое мнение (15 голосов против 11), которое и было зафиксировано в проекте Правил.

Статья пятая определяла состав оценочной комиссии, председатель которой назначался министром финансов, а другие три члена представляли Государственный контроль, горное и лесное ведомства. В. П. Безобразов предложил для «сообщения занятиям комиссии большего единства и ускорения хода работ» ввести еще «особое лицо, назначаемое по высочайшему повелению». Но «влияние одного начальствующего лица не обеспечит беспристрастие действиями комиссии», а назначение сроков принятия решения «устранит опасение за излишнюю медленность», сочло большинство участников заседания. В новый вариант проекта этой статьи была внесена лишь поправка о том, что лучше ввести в состав комиссии не одного, а двух горных инженеров, увеличив его до пяти человек.

Существенные разногласия возникли при обсуждении некоторых пунктов шестой статьи, в которой речь шла об основаниях для производства отводов к отчуждаемым

заводам. Довольно быстро уточнили формулировки пунктов, касавшихся заводских строений и рудников. Не детализируя перечень имущества, решили, что в состав отвода должны войти все без исключения заводские устройства и действующие рудные месторождения, а также те «жилые и хозяйственные строения» и запасные рудники, которые признает необходимыми оценочная комиссия; оставшееся имущество может быть продано «на основании общих узаконений».

Когда же дошли до обсуждения пункта об отводе лесных дач, вся подготовительная работа была фактически поставлена под сомнение. «Крестьянское дело в Приуральском крае далеко от разрешения, — констатировал экономист В. П. Безобразов. — Государственные крестьяне, там поселенные, еще не наделены землями... Наделы бывших горнозаводских крестьян не определены с достаточной точностью и не нанесены на планы». «Осторожно ли усложнять его (отвод. — *Е.Н.*) еще передачею казенных земель и угодий, неразмежеванных и неразверстанных, в частные руки?» — вопрошал он. В заявлении же И. П. Арапетова прозвучала даже мысль о том, что «крестьянский вопрос на Урале... должен стоять впереди вопроса о продаже казенных горных заводов, и до обеспечения правильного и успешного разрешения первого вопроса едва ли может идти речь о разрешении второго». «Если казна, оставаясь собственником заводских дач, считает себя до сих пор нравственно обязанною заботиться об обеспечении находящегося на тех дачах населения, прежде ей принадлежавшего... — размышлял он, — то нельзя требовать, чтобы подобный же взгляд усвоили себе частные приобретатели тех же дач. Они... будут, прежде всего, заботиться о своих выгодах и здесь... могут встретиться столкновения с бывшими заводскими людьми к весьма вероятному ущербу для последних».

Комиссия признала незавершенность крестьянского землеустройства, предусмотренного реформой 1861 г., серьезной, но все же не непреодолимой помехой в достижении поставленной задачи. С разъяснениями выступил один из авторов проекта П. П. Семенов. Он утверждал, что далеко не во всех округах в этом плане «затруднительное положение», что вполне возможен обмен земель и отвод угодий за пределами заводских дач из обширных свободных казенных земель, что допустимы сервитуты, например в случае частных покосов, лежащих внутри казенных дач, что возможно, наконец, и «округление дач» для устранения их чересполосности. Некоторые участники заседания (А. И. Антипов, И. П. Арапетов, В. К. Ржевский) настаивали на том, что составление планов на земли крестьян и казны все-таки «представляется одним из важнейших условий самой операции продажи заводов», а В. К. Рашет посетовал, что Государственный совет наполовину сократил расходы на составление таких планов в 1867 г. На это П. П. Семенов заявил, что при заключении сделки с покупателем совсем не обязательно составлять новый план землеотвода: продаваемая земля может быть отмечена и на существующих заводских планах с указанием в особом примечании исключенных участков, «состоящих в пользовании крестьян и заводских обывателей». В случае необходимости, полагал он, «казна, конечно, не отступит и перед некоторыми незначительными пожертвованиями, лишь бы без нарушения прав частных лиц достигнуть скорейшего отчуждения своих малоходных имуществ». П. П. Семенова поддержал представитель Государственного контроля М. Н. Островский, предложив в затруднительном случае «приостановиться продажей по тем дачам, где поземельный вопрос будет обставлен непреодолимыми препятствиями, впредь до разъяснения прав поземельного владения и до составления планов».

Как записано в журнале заседаний, в ходе горячего обсуждения Комиссия «убедилась доводами защитников отводов» и включила в новую редакцию статьи предложение о проектировании заводского отвода с учетом обеспечения землеустройства местного населения. Было сохранено также предложенное составителями проекта правило определять размер лесного отвода для каждого завода исходя из среднего объема его производства «за пятилетие, наиболее выгодное для заводского действия», и принимая во внимание по возможности 60-летний срок оборота вырубки леса.

Следующий важный (особенно для потенциальных покупателей) аспект продажи — способ оценки заводов и их отводов — тоже сопровождался довольно острой полемикой. Тон обсуждению был задан заранее опубликованным «мнением частного промышленника» (на самом деле — управляющего Нижнетагильских заводов И. И. Вольстета), который летом 1866 г. сопровождал В. К. Рашета в объезде уральских заводов. «Обозревая казенные горные заводы, — делился он своими впечатлениями, — я убедился в невыгодности для правительства содержания их на свой счет. Да и иначе быть не может, потому что казенная промышленность лишена тех оснований, какие составляют всю силу и залог успеха частной промышленности, а именно: личного интереса и конкуренции, вызванных нуждою, самым сильным двигателем промышленности; отсутствия убивающего время формализма; свободы действия, соображаясь с обстоятельствами». Для доказательства этого он сделал сравнительные расчеты «производительного использования лесов». Выяснилось, что на частных Нижнетагильских заводах на 1 куб. сажень дров приходилось металлов на 19,33 руб., в то время как на казенных — всего на 11,44 руб. При этом многочисленные просьбы Демидовых и Яковлевых о нарезке им лесов от смежных казенных дач для устранения недостатка в древесном топливе «всегда оставались безуспешными», в то время как эти дачи совсем не использовались для нужд государственных заводов. Основной посыл И. И. Вольстета заключался в уверенности, что только «возможно большая дешевизна при оценке отдаваемых имуществ» станет «лучшим залогом» успешной продажи заводов и привлечения к покупке «лиц, преданных делу». Достойный пример этому он находил в Пруссии, где в подобной же ситуации государство как «первый учредитель заводов... нередко переуступало свои предприятия другим промышленникам за сотни тысяч вместо миллионов». «Я смею думать, что правительство... поставлено в необходимость во избежание дальнейших потерь предоставить свои предприятия другим деятелям по возможно умеренной цене», — заключал управляющий, представлявший интересы своего работодателя П. П. Демидова²⁴.

Задетый неясными обвинениями в «безвыгодном управлении» заводами, Горный департамент ответил на это «мнение» своими «замечаниями», ссылаясь на некорректность проведенного сравнения Нижнетагильских заводов, «представлявших редкое в целом свете сосредоточение на небольшом пространстве огромных естественных богатств», с казенной горной промышленностью, «рассеянной на большом протяжении нескольких округов по 30 заводам с весьма разнообразными экономическими условиями», а также обратив внимание на использование автором неточных данных. Этой критикой горные чины и ограничились, предоставив высказаться по поводу оценки заводов представителю Государственного контроля Е. И. Адаурову, составившему особую записку. Он ополчился против заниженной, по его мнению, оценки, предложенной составителями проекта Правил. Заводские устройства оценивались ими по «заготовительной стоимости», т. е. по величине первоначально затраченного на них капитала с учетом амортизации за годы

эксплуатации, что в случае давно основанных предприятий существенно снижало их цену, а входящие в отвод рудные месторождения предлагалось уступать покупателю вообще бесплатно. Это, по мнению эксперта, приводило бы к тому, что те же, например, высокорентабельные Нижнетагильские заводы, оценивавшиеся в 12 млн руб., продавались за 150 тыс. Уступив заводы «за чрезвычайно дешевую цену», казна создала бы, наряду с владельческим и посессионным правом, «третье право, которое, ввиду несообразных льгот, предоставляемых покупщику, может быть названо даровым», — замечал Е. И. Адауров. Это право сделает приобретателей «опасными конкурентами для нынешних частных заводчиков... отразится убытками для казны и новыми потрясениями интересов горного промысла, и без того уже сильно поколебленных». «Если же горные заводы упадут, — прогнозировал эксперт, — то при политических столкновениях с другими государствами, в случае коалиции и блокады, Россия в 3–4 года может прийти в крайне затруднительное положение, оставшись без оружия и без снарядов»²⁵.

Этот сильный аргумент не мог остаться без ответа. П. П. Семенов напомнил участникам обсуждения, что с целью обеспечения оборонных нужд правительство уже решило не продавать военные предприятия и что даже если бы возник гипотетический недостаток сырья для них, то он мог быть восполнен за счет импорта металлов. Полная же блокада берегов и границ империи даже при самых неблагоприятных обстоятельствах казалась ему немыслимой «уже по одному громадному протяжению России». Предложенные подготовительной комиссией «нормальные правила», уверял он, определяют только «исходную точку» для начала торгов. Уже в этом смысле они не создают особого «дарового права», тем более что после покупки владелец обязан будет совершать крупные финансовые операции (платить проценты с рассроченной «покупной суммы», производить операционные и разные накладные расходы) и «будет подлежать горной подати наравне с другими владельцами». «Такое положение не представит никаких чрезмерных преимуществ в сравнении с другими собственниками или посессионными заводчиками», — полагал П. П. Семенов.

В том же духе высказался и В. П. Безобразов, добавив, что рудники «как продукт естественных сил природы» вообще не имеют стоимости, а их ценность только и может определиться на торгах. И. В. Вернадский предположил даже, что, как бы дешево правительство ни оценило свои заводы, оно в любом случае не рискует понести убыток. «С одной стороны, — утверждал он, — дешевая первоначальная оценка усиливает конкуренцию между торгующимися, что ведет в свою очередь к возвышению продажной цены. С другой стороны, уступка за дешевую цену предполагает более дешевое производство, более обильное потребление, следовательно, ведет к возвышению народного благосостояния. Уступив дешево малоодоходные имущества, правительство выиграет тем, что избавится от забот и расходов по заведованию сими имуществами, уяснит свой бюджет и вознаградит себя доходами от горной подати с усиленного производства и другими сборами с предметов потребления».

Аргументы ученых укрепили позицию составителей проекта, и участники заседания от «общих соображений» перешли к конкретным предложениям по пунктам седьмой статьи. Они скорректировали первоначальные формулировки, особенно по оценке рудников и лесов. В новой редакции было указано, что оценочные комиссии должны «принимать во внимание свойства и характер рудных месторождений» и в соответствии с ними определять «долю, на которую может быть повышена общая стоимость отвода», а ценность лесной дачи исчислять исходя из ее «местной стоимости».

Последующее обсуждение сконцентрировалось на порядке работы оценочных комиссий и проведения торгов. Определение сроков деятельности комиссий оставили «административному усмотрению» министра финансов; сочли полезным (по предложению В. А. Пашкова) объявления о продаже публиковать за год до торгов не только в российских, но и в иностранных газетах с целью привлечения «заграничных капиталов»; решили организовывать как торги «по системе подачи предложений в запечатанных конвертах», так и «изустные торги, как открывающие поле состязаниям и, следовательно, обещающие большее возвышение цен». Было установлено, что предложения о покупке должны включать наименование завода (или, «если такова цель приобретателя», двух и более заводов), а также просьбу о продаже лесных дач и других угодий сверх заводского отвода «с обозначением цены, предлагаемой за каждое из имуществ отдельно». К торгам следовало представить документы о личности покупателя и залог в размере $\frac{1}{10}$ части оценочной суммы. В связи с распространенной тогда «двойственной системой торгов» было предложено проводить их без обычной «переторжки» (т. е. без повторных торгов после объявления результатов первых), «обращающей обыкновенно торги в пустую формальность и поприще для злонамеренных сделок».

Предполагалось организовывать торги в Совете министра финансов, а их результаты представлять на утверждение Комитета министров. В этом проницательный В. А. Пашков увидел скрытую возможность нарушения гарантии того, что «продаваемое имущество непременно останется за предложившим высшую цену». В таком случае, полагал он, необходимо установить правило, согласно которому вслед за закрытием торгов «немедленно публикуются имена и условия, предложенные всеми торговавшимися, и, по утверждению торгов Комитетом министров, имя того, за которым остался завод»²⁶. Однако это предложение, затрагивавшее честь высшего правительственного учреждения, даже не обсуждалось.

Большинство участников заседания проголосовало за взыскание «крепостных пошлин» при выдаче покупателю «владенного акта» с наложением запрещения на какие-либо сделки с приобретенным имуществом (в первую очередь на залог), как то требовалось «законным общим порядком». Покупателю разрешалось перепродать завод, но только «с ведома казны и с тем, чтобы новый его владелец принял на себя... все обязательства прежнего владельца».

Безусловно, обсуждался и порядок уплаты «покупной суммы». Для облегчения покупки составители проекта предложили допустить рассрочку платежей на 37 лет «на основании банковских правил» (т. е. с уплатой ежегодно 5% «интереса» и 1% погашения). Но в качестве «обеспечения против возможных злоупотреблений и независимо от самих заводов, отбираемых от несостоятельного приобретателя», они установили обязательный первоначальный взнос (т. е. «известную долю всей состоявшейся на торгах цены»), который при обсуждении был понижен с $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{6}$ части «покупной суммы», с тем чтобы «эта доля вносилась покупщиком при самой покупке, а прочая затем сумма рассрочивалась по банковским правилам». Взамен снижения первоначального взноса признали необходимым дополнительно получить от покупателя «благонадежный залог» на ту же $\frac{1}{6}$ долю, и при этом разрешили платить первоначальный взнос не только наличными деньгами, но и государственными процентными бумагами, что могло повысить их курсовую стоимость. После обсуждения решили, что залог должен возвращаться покупателю «пропорционально уплате капитала в продолжение всего времени, на которое дана отсрочка». В случае несвоевременной уплаты ежегодного платежа

владельцу завода предоставлялась отсрочка на три месяца с уплатой штрафа в 1% от этой суммы. По истечении льготного срока завод выставлялся на торги или «отбирался в казну» в случае, если предложенная на торгах сумма не покрывала взыскания. Было также пояснено, что, помимо платежей, владелец завода «подчинялся общим узаконениям в отношении уплаты горной подати за выплавленный металл наравне с другими собственниками частных горных заводов». Этим подчеркивался статус владельца бывшего казенного завода как полного собственника.

Земли и леса, оставшиеся после продажи заводов, предложили сохранить в течение трех лет в ведении Министерства финансов, поскольку ему было бы проще как ведомству, заинтересованному в скорейшем окончании задуманной операции, и распродать их, и отграничить от них крестьянские наделы. Лишь затем участки, которые «к истечению упомянутого трехлетнего срока признано будет невозможным или невыгодным продать в частные руки», поступали, как это и полагалось, в ведение профильного Министерства государственных имуществ. Все эти положения вошли в статьи 8–15 уточненных Правил о продаже казенных горных заводов.

На заключительном заседании было сделано еще несколько частных предложений. Л. А. Соколовский счел необходимым дополнить Правила напоминанием о том, что лежащие на казне обязанности по содержанию церквей, школ, больниц и богаделен при казенных заводах «переходят на приобретателя в том виде, в каком подобные же обязательства лежат на частных лицах, владеющих заводами на праве полной собственности». Это предложение было поддержано и включено в одну из статей. И. В. Вернадский заметил, что правительству следовало бы заявить о возможности рассмотреть и другие предложения частных лиц, которые могли бы и отклоняться от Правил, но обещали «выгодные для казны соглашения». В этой связи Ф. И. Раселли повторил не раз уже высказанную мысль о возможности сдачи заводов в аренду в случае несостоявшихся торгов, тем более что предусмотренная Правилами рассрочка платежей, по его мнению, «сообщала всей проектируемой операции продажи почти тот же экономический характер, какой свойственен долгосрочной аренде». Эти заявления, как выходящие за пределы рассматриваемого проекта, решили передать «на разрешение высшего правительства».

Исполнив свой долг, Податная комиссия на заседании 10 марта 1867 г. постановила передать исправленный проект Правил «на благоусмотрение министра финансов». После того как на майских заседаниях та же Комиссия обсудила и «расписание горных заводов, подлежащих оставлению в казне», оба документа были представлены М. Х. Рейтерну.

Отчет В. П. Безобразова и полемика вокруг него

Дальнейшая судьба проекта решалась в высших правительственных учреждениях — в самом Министерстве финансов, которому предстояло организовать продажу заводов, и в ведомствах, сфера деятельности которых соприкасалась с работой казенных предприятий, т. е. в Государственном контроле, Военном и Морском министерствах. Главное значение имело, конечно, отношение к проекту министра финансов.

М. Х. Рейтерн положительно оценил проделанную Податной комиссией работу, но его как чиновника, непосредственно отвечавшего за предстоящие торги, озаботили некоторые практические вопросы. «Комиссия, тщательно рассмотрев и обсудив возложенную на нее задачу, — писал он, — составила уже проект... условий, но при

сем возникло относительно времени, к которому заводы, подлежащие продаже, могут быть оценены для публичных торгов и подготовлены к поступлению в частные руки, и относительно вероятных последствий таковой продажи несколько вопросов...» Решение этих вопросов требовало, как полагал министр, «предварительных местных изысканий и соображений чрез особо утвержденное лицо... обладающее основательными экономическими и финансовыми сведениями». Ограничиваться имевшимися в распоряжении Министерства данными, «собиравшимися доселе исключительно горными техниками», он счел недостаточным. Ответственное задание было предложено возложить на уже не раз привлекавшегося к подобным делам энергичного члена Совета министра финансов и Императорской академии наук действительного статского советника В. П. Безобразова, который к тому же участвовал в работе Податной комиссии и был в курсе дела. Александр II утвердил 30 мая 1867 г. представление министра о командировании ученого на Урал, где располагалась большая часть казенных горных заводов.

В соответствии с заданием, ему предстояло ответить на три вопроса: «1) Каким образом ускорить окончательные отводы и разверстание земель, следующих населению при казенных заводах по Положению 8 марта 1861 г. и расположенных отчасти чересполосно среди дач тех заводов, которые предназначены к продаже; 2) каким порядком и какими межевыми средствами, при отсутствии планов генерального межевания на заводские дачи, составить по имеющимся общим планам горнозаводских округов без потери времени частные планы поземельных имуществ, должностующих составить отвод каждого продаваемого завода, и 3) в какой степени настоящее хозяйственное положение казенных горных заводов и общий ход горнозаводского промысла на Урале подают надежду как на выгодную для казны продажу казенных заводов, так и на успешное развитие в них промысла»²⁷.

Как писал сам В. П. Безобразов, «план путешествия был расположен мною таким образом, чтобы по возможности в течение летних и первых осенних месяцев до тех пор, пока не прекращается возможность разъездов по нашим путям сообщений, исполнить возложенные на меня поручения». В ходе поездки он посетил многие казенные предприятия (за исключением Нижнеисетского, Баранчинского, Кусинского, Песковского и Кирсинского заводов), некоторые частные заводы, расположенные по маршруту путешествия, и, по его словам, «устранял всякий формализм в личных отношениях со мною и всякую искусственную подготовку со стороны должностных лиц для моего путешествия». Эксперт не только проводил совещания со специалистами, но и «старался... сблизиться со всеми слоями местного населения, чтобы слышать голос всех разнообразных интересов... начиная от высших должностных лиц и заводчиков до... низших служащих и даже простых мастеровых и рабочих». Составленная им «программа вопросов» рассылалась на заводы, которые оказались вдали от его маршрута.

Свой многостраничный доклад (вошедший в «Труды» Податной комиссии и опубликованный отдельной книгой в 1869 г.)²⁸ он рассматривал в качестве «первоначальной местной рекогносцировки» для составления инструкций оценочным комиссиям и «для всех вообще соображений правительства по вопросу о продаже казенных горных заводов и по пересмотру Горного устава». Множество включенных в доклад сведений и статистических данных, по мнению В. П. Безобразова, могло быть полезно и для самих покупателей казенных заводов, поскольку эта информация помогала «коммерческой публике раскрыть со всем беспристрастием... благоприятные и неблагоприятные

шансы хозяйства на каждом заводе». Ответы на поставленные перед экспертом вопросы и его рекомендации были сформулированы в заключительном разделе отчета.

Эксперт подтвердил уверенность членов подготовительной комиссии в возможности осуществления землеотводов по имевшимся в распоряжении заводоуправлений картам и планам. Звучавшее в Податной комиссии мнение о том, что «будто бы генеральное межевание еще и не коснулось Урала», признавалось им «странным и ошибочным». Управляющий чертежной частью Уральского горного правления В. Ф. Закожурников представил ему записку, в которой описал этапы межевых работ на Горнозаводском Урале. Оказалось, что в 1815–1823 гг. здесь проводилось так называемое «горное межевание» с определением границ дач, приписанных к каждому заводу. Эти границы были проверены и исправлены «генеральными землемерами» в 1843–1852 гг. «с нанесением на все заводские планы и обозначением в натуре формальными межевыми знаками». В 1824–1842 гг. осуществлялось само «генеральное межевание», в ходе которого, «как в натуре, так и на всех горнозаводских планах, обозначались генеральные межи всюду, где земли, приписанные к казенным горным заводам, граничили с землями других ведомств и частных владельцев». Кроме того, по распоряжению уральского главного лесничего И. И. Шульца в 1833–1852 гг. составлялись карты заводских лесов, а в 1854–1862 гг. французскими инженерами Бержье и Аллори проводилась топографическая съемка заводских дач, которая завершалась уже русскими военными топографами. В 1867 г. были начаты «съемочные работы» горного ведомства по «разверстанию» (т.е. отмежеванию угодий с целью уничтожения чересполосицы с заводскими землями) покосов и пашен, находившихся в пользовании горнозаводского населения. Они уже были окончены в Камско-Воткинском округе и до 1869 г. должны были завершиться в Екатеринбургском, Гороблагодатском и Пермском округах²⁹.

Таким образом, полагал В. П. Безобразов, «имеется ныне совершенно достаточно документальных межевых данных как для продажи целых дач, так и для отрезки из этих дач земельных отводов в тех случаях, когда не будет признано нужным отчуждать в пользу покупателя завода всей приписанной к нему ныне дачи». Он предложил соединить в одну операцию начавшееся «разверстание» угодий с предстоящим отводом земель к продаваемым заводам и «с прочими условиями устройства их для передачи в частные руки». Эти меры можно осуществить без лишних трат, полагал эксперт, если только заводы будут оцениваться и поступать в продажу «в известной постепенности», как, впрочем, и было уже предложено Податной комиссией. Серьезные затруднения, на его взгляд, могли возникнуть лишь в ходе измерения и оценки лесов, при изобилии минеральных богатств составлявших «первый элемент ценности горнозаводских имений» на Урале. Требовалось «привести в известность» и описать леса, о которых горное ведомство не имело «даже приблизительного понятия» (этот вывод он сделал не только по своим впечатлениям, но и на основе сведений, полученных от главных лесничих Гороблагодатских и Екатеринбургских заводов)³⁰. Следовало обратить на эту операцию «все наличные силы лесного ведомства при горных заводах и начать деятельность таксаторов не дожидаясь учреждения оценочных комиссий».

Изучение так называемого «крестьянского вопроса», тоже опиравшееся как на личные наблюдения, так и на сообщения специалистов (например, депутата от горного ведомства в Пермском по крестьянским делам присутствии П. Т. Лыкина)³¹, привело эксперта к неутешительному выводу о «безуспешности» землеустройства населения на казенных заводах. По его оценке, эти заводы «находились по отношению

к крестьянскому вопросу в том исключительном и, может быть, единственном во всей империи положении, что со стороны собственника, т. е. казны, или его представителя, т. е. горного ведомства, не было интереса, ни, по крайней мере, сознания интереса в возможно скорейшей развязке своих отношений к временно-обязанному народонаселению и, сверх того, было весьма мало знакомства с новыми узаконениями». Землеустройство горнозаводского населения на казенных заводах «гораздо менее продвинулось к своей развязке, чем на частных заводах», а уставные грамоты почти везде оспаривались с обеих сторон.

В то же время В. П. Безобразов подтвердил важность завершения «разверстания» угодий до продажи заводов, иначе, считал он, «земельные отношения горнозаводского населения, и без того весьма запутанные, усложнились бы донельзя». Правда «степень его затруднительности была весьма неодинакова» по отдельным округам, к тому же при «разверстке» предстояло обменивать не все виды угодий, а в основном лишь покосы, «испещряющие леса». Пашни, «расположенные особняками и около заводов», и тем более усадьбы этого не требовали.

Кроме того, наблюдения и общение с населением навели В. П. Безобразова на мысль о том, что «после укоренившейся здесь в период крепостного права безусловной правительственной опеки над бытом народа, отвыкшего от всякой самостоятельности, предписанный им порядок обмена будет даже более приемлемым, чем добровольные сделки». При этом в вознаграждение за принудительный характер «разверстания» угодий казна, по мнению эксперта, должна была проявить «свойственную ей щедрость» и наделить население землей в большем количестве, чем назначено по уставным грамотам. Но поскольку в некоторых округах это привело бы к выходу из состава заводских дач значительных территорий с необходимыми для работы предприятий ресурсами, В. П. Безобразов предлагал в этом случае проводить наделение землей «в несколько меньшем количестве, но с правом полной на нее собственности и без уплаты оброка». Это, по его мнению, исключило бы обычные затруднения со сбором оброка (тем более что вся сумма оброка по Пермской губернии составляла ничтожную для государственного бюджета величину в 21,3 тыс. руб.). Эта мера к тому же прочнее связала бы население «с нынешними местами его водворения» и обеспечила бы заводы рабочими руками, что было немаловажно и для покупателей. Эксперт предлагал также не вводить на заводах обязательного общинного землевладения (оно, по его наблюдениям, было «совершенно чуждо и даже ненавистно уральскому горнозаводскому населению») и устранить введенное Положением 8 марта 1861 г. деление людей на мастеровых и сельских работников. Осуществить «разверстание» угодий между населением и казной он предлагал тем же оценочным комиссиям, которые, по его мнению, одни только и «имели интерес ускорить развязку крестьянского вопроса».

Отвечая на вопрос о своевременности продажи заводов в неблагоприятных экономических условиях последних лет, В. П. Безобразов пришел к заключению, что «именно эти условия и заставляют особенно желать продажи казенных заводов как меры необходимости для самих этих заводов и также как меры содействия успехам частной горной промышленности».

Проведенный «полный разбор государственных доходов и расходов» поразил эксперта «громадностью денежных жертв, приносимых государством на содержание и сооружение казенных горных заводов». Он признавал казенные заводы отсталыми и в техническом отношении: за исключением изделий Воткинских заводов, а также

изготовления орудий, снарядов и литой оружейной и орудийной стали, «все вообще производства находились... большей частью на низшей и ни в каком случае не на высшей степени, чем на частных заводах». Он нашел подтверждение этому своему наблюдению не только у «всех знатоков дела» (в частности, горного начальника Гороблагодатских заводов В. А. Грамматчикова)³², но и в очевидном сокращении нарядов военных ведомств, предпочитавших «делать все заказы частным лицам». По всем критериям, таким образом, казенные заводы не выдерживали сравнения с частными, и, по мнению эксперта, они обязательно должны были изменить свой статус.

Вместе с тем современное (в 1858–1868 гг.) положение частных заводов оценивалось экономистом тоже как «жестокий кризис», который был «следствием и разрешением недугов прежнего ненормального развития этой промышленности на основах крепостного права и под казенной опекой». Этот кризис «затянулся и осложнился под влиянием местных административных замешательств, в особенности по крестьянскому вопросу», а также из-за «неправильной системы отношений казны к частным заводам». Последнее выражалось прежде всего в установлении казенного управления над несколькими округами «несостоятельных заводчиков» (ценные сведения об этом виде «помощи» заводчикам предоставил управляющий от казны Суксунскими заводами инженер-полковник И. А. Соваж)³³ и в поддержке частных заводов разного рода казенными ссудами, доходившими до 15 млн руб. «Почти весь этот громадный капитал... — констатировал эксперт, — погиб безвозвратно, и лишь самая ничтожная его часть может быть выручена продажей заводов». Вместо улучшения казенное управление создало на частных заводах, по его оценке, «новые искусственные интересы, чуждые интересам заводладельцев и правильным коммерческим успехам горнозаводского хозяйства; эти новые личные интересы по необходимости получили расположение не к улучшению дел на частных заводах, а к поддержанию их несостоятельности». Систематическая правительственная поддержка таких заводчиков «развратила горный промысел», «несостоятельность заводов сделалась самым выгодным делом... а борьба с трудными обстоятельствами времени — самым невыгодным предприятием, не могущим рассчитывать ни на какое покровительство». Государственная поддержка, кроме того, «подрывала и условия производства состоятельных заводов, производила давление на условия торга и цены... искусственно привязывала рабочее народонаселение к несостоятельным заводам, мешая естественному распределению рабочих рук». «Всего изумительнее, — полагал эксперт, — что казенные ссуды испрашивались преимущественно ради рабочего населения, тогда как своим влиянием на быт этого населения... они угрожают самыми опасными в государственном отношении последствиями».

«Освобождение от бремени государственного содержания частных заводов должно быть поставлено... на одном ряду с вопросом о продаже казенных заводов... — советовал В. П. Безобразов. — Расстроенные заводы должны перейти в коммерческие и капитальные руки, и если бы даже в случае непроджи они... закрылись, то это зло было бы ничтожно в сравнении с заразою несостоятельности и хозяйственной неурядицы, которую они распространяют в промышленном горнозаводском мире».

Однако, несмотря на серьезные трудности, многие частные заводы, по наблюдению эксперта, прошли уже время кризиса и находились «и в хозяйственном, и в техническом отношении в цветущем состоянии». «Состоятельные заводладельцы, — писал он, — с энергией выдержали борьбу с самыми крайними затруднениями, и ныне можно сказать, что они уже пережили самую трудную для себя эпоху, приблизительно

закрывающуюся между 1860 и 1864 гг.». Об этом, в частности, свидетельствовало зафиксированное им понижение заводской стоимости чугуна и железа в 1865–1867 гг., несмотря на сохранявшуюся дороговизну работ и заводских материалов. В этом, по мнению эксперта, «блестательным образом выказались благодетельные последствия отмены крепостного права».

«В противоположность улучшающемуся положению дел на состоятельных частных заводах, обстоятельства казенных горных заводов постоянно ухудшались»: стоимость металлов возрастала, а убытки увеличивались. И причины этого, по убеждению экономиста, «не могли быть устранены без передачи заводов в частные руки», поскольку «все новые условия времени подрывали в основании казенные горные заводы и лишали их всяких видов на будущее». «Каждый дальнейший успех... величайших реформ нынешнего царствования... будет содействовать развитию частного горного промысла и парализовать развитие казенного», — уверял В. П. Безобразов.

Ответил эксперт и на прозвучавшие предложения (в частности, того же В. А. Грамматчикова) о необходимости введения «коммерческих начал» в казенное управление, когда «с ответственностью должностных лиц за убытки производства соединялось бы участие их в прибылях». Немногим ранее о том же писал в Горный департамент начальник Камско-Воткинского округа А. И. Арсеньев. Отзыв его как инженера-практика ценен и общим взглядом на развитие отечественной промышленности. «Как бы совершенно устроено ни было казенное управление по промышленным предприятиям, — писал он, — оно всегда будет страдать ужасающей сложностью счетоводства и письмоводства, двумя болезнями, пагубными для каждого торгового дела, в котором выгода целого зависит иногда от одного часа. При казенном управлении неизбежно создаются рамки каждому делу, из которых оно если и выходит, то всегда скачками, а не тем ровным органическим ходом, которым горное дело развивается на иностранных частных заводах. Наши казенные заводы если и догоняют по временам заграничные заводы, то всегда для того только, чтобы в следующие затем пять или шесть лет снова отстать от них на огромное расстояние, и вот казенный завод должен снова тратить большие деньги для того, чтобы снова догнать и потом опять отстать и т. д. При казенном управлении заводом нельзя рассчитывать на постоянную выгоду и своевременность выполнения работы, потому что есть возможность привести тысячи оправдывающих причин... тогда как невыполнение наряда частным лицом заставляет его терпеть убытки и доводит до разорения. Собственный интерес — вот рычаг, которым создавались все богатства таких стран, как Англия и Америка, собственный интерес должен быть поставлен и у нас первым двигателем каждому делу, если только мы желаем идти по пути обогащения».

Способ, с помощью которого можно было выйти из сложившегося положения, по мнению А. И. Арсеньева, заключался в «предоставлении казенного завода в коммерческое управление одному лицу, который тем самым будет поставлен в возможность, быстро и решительно действуя, повести дело самым выгодным образом». «Только этим путем, — полагал руководитель округа, — можно избавиться от громадных убытков и даже достичь значительного дохода и... своевременно и с выгодой удовлетворять требования морского и военного ведомств». В мае 1867 г. он предложил передать ему в «коммерческое управление» на десять лет Воткинский завод с судостроительной фабрикой³⁴. Вероятно, делая такое предложение, он опирался на уже имевшиеся примеры подобного управления военными предприятиями. Так, по положению Военного

совета в 1863 г. Тульский оружейный завод был отдан «в арендно-коммерческое управление» на пять лет генерал-майору К. К. Стандершельду; в 1864 г. после увольнения оружейников от «обязательных отношений» Сестрорецкий оружейный завод перешел на тех же условиях в управление полковника О. Ф. Лилиенфельда, а в 1865 г. Ижевский оружейный завод — в управление полковника Д. С. Фролова³⁵.

Размышляя над подобными «случаями и предложениями», В. П. Безобразов назвал их «химерическими», не соответствовавшими сущности казенного хозяйства. Только в результате передачи казенных заводов в частные руки, настаивал экономист, государственная казна «освобождалась от тяжкого бремени» и появлялись «многие новые условия, чрезвычайно важные в общем ходе развития горнозаводской промышленности»: прекращалась конкуренция «некоммерчески производимых на казенных заводах изделий» и расширялся рынок сбыта для частных заводов; могла образоваться мелкая горнозаводская собственность, «почти не существующая ныне на Урале»; заводы переходили бы «в руки техников и коммерческих людей», что способствовало бы столь необходимой для успехов промышленности «специализации заводов», т. е. отделению чугуноплавильных и железоделательных предприятий в коммерческом отношении. Наконец, «решимость правительства навсегда расстаться с казенными заводами» должна была «окончательно совлечь с частных заводов казенный характер, придаваемый им совместным заведованием... одной и той же администрацией, в глазах которой частные заводы являются чем-то подчиненным казенным заводам».

Продажа казенных заводов, заверял В. П. Безобразов, «ожидается на Урале с радостными надеждами во всех слоях народонаселения, даже в кругу образованнейших горных инженеров, для которых нынешнее несостоятельное... положение этих заводов в высшей степени тягостно». Вместе с тем эти ожидания несколько омрачались, по его словам, «еще живыми преданиями о неудавшейся попытке правительства передать заводы в частные руки в прошедшем столетии» (имелась в виду «номенклатурная приватизация» казенных заводов Урала в царствование Елизаветы Петровны). Однако «непопулярный и привилегированный характер этой меры, которой воспользовались с целями личного обогащения несколько высокопоставленных лиц, не имеет ничего общего с государственными задачами, предположенными правительством ныне, и с проектированными способами продажи заводов», — заключал В. П. Безобразов свои наблюдения.

Общий вывод экономиста, отражавший не только результаты увиденного на Урале, но и его либеральные воззрения, существенно отличался от сложившегося к тому времени в правительстве отношения к казенным заводам, воплощенного в подготовленном Податной комиссией проекте. Непосредственное знакомство эксперта с положением горного промысла на Урале, очевидно, укрепило его мнение о необходимости ликвидации казенного сектора горнозаводской промышленности как несовместимого с новыми экономическими и социальными условиями, возникшими в ходе реформ. Выставив на продажу казенные заводы, правительство тем самым должно было, на его взгляд, «поселить твердое убеждение, что отныне преуспевание частной, а не казенной горной промышленности будет на первом плане его забот». Для этого предстояло «устранить все зависящие от него затруднения для развития частного горного промысла»: снять «стеснительную правительственную опеку» путем преобразования горной администрации, в частности упразднения Уральского горного правления («своим делопроизводством оно только тормозило ход заводского хозяйства, обходилось казне

в год до 86 тыс. руб. и содержало до 195 должностных лиц»); превратить посессионные заводы, «подчиненные по закону особым строгостям этой опеки», во владельческие «посредством самого легкого выкупа»; преобразовать систему горных податей «со значительным понижением медной подати и с отменой чугунной» (это в очередной раз доказывал в своей обстоятельной записке для эксперта и будущий владелец Благовещенского завода Д. Д. Дашков)³⁶. «Вполне сознавая все это, — констатировал В. П. Безобразов, — правительство уже и озаботилось означенными мерами, составив проект нового Горного устава, который предположено рассмотреть в законодательном порядке одновременно с вопросом о продаже казенных горных заводов». Одним из первых он связал продажу казенных заводов, которая рассматривалась прежде как вполне самостоятельная операция, осуществлявшаяся с целью сокращения государственных расходов, с другими планируемыми преобразованиями в горной отрасли, что придавало им характер целенаправленной структурной реформы.

Предложения эксперта «относительно порядка и условий продажи» сводились как к общим рекомендациям, так и к конкретным мерам. Для того чтобы покупка заводов «не сделалась предметом рискованных и недобросовестных спекуляций», требовалось оценку сделать «справедливой и непреувеличенной», организовать продажу «обдуманно и систематически» в условиях законности и гласности. «В высшей степени желательно», полагал он, чтобы заводы перешли в руки «нынешнего среднего класса уральского населения», а именно: к управляющим, приказчикам, поверенным, высшим техникам, «закрывающим в себе главные элементы жизни уральского горного хозяйства». Они могли бы создать «небольшие товарищества... в соединении с хорошими техниками из горных инженеров и с иногородними капиталистами». Не исключалось и привлечение «крупных капиталистов с Поволжья, из столиц и даже из-за границы».

Из состава казенного имущества В. П. Безобразов предлагал сначала продать золотые прииски, поскольку, по его мнению, «золотой промысел всего менее был свойственен казенному хозяйству», а при переходе в частные руки «обещал наибольшее развитие и доходы для казны» (на этом настаивал и поверенный Нижнетагильских заводов А. С. Оленев, записка которого была включена в приложения к отчету)³⁷. К тому же эта операция «не требовала почти никаких подготовительных работ». Публичные торги, полагал эксперт, следовало начать с приисков Богословского округа, затем продать Березовские — в Екатеринбургском и, наконец, Миасские — в Златоустовском округе.

«Сообразив всю совокупность обстоятельств горных заводов, убыточность действий и степень необходимости изделий каждого завода для казны, шансы привлечения покупателей и успеха дела в их руках, местоположение и проч.», эксперт определил и очередность их продажи. Прежде всего, предстояло «разделаться» со всеми частными заводами, находившимися в казенном управлении, посредством возвращения их в руки владельцев или публичной продажи. Затем надо было продавать поочередно Вятский округ, Юговский завод Пермского округа, Богословский, Екатеринбургский, Гороблагодатский, Златоустовский и Камско-Воткинский округа. Выставлять на продажу следовало целые округа «для облегчения управления остающимися заводами», но продавать каждый завод отдельно. Сознавая, что «распределенная в указанном порядке продажа... не может совершиться быстро», В. П. Безобразов отводил на «предварительные работы» два года, в течение которых подготавливалась продажа казенных заводов и продавались частные заводы, находившиеся в казенном управлении. На всю операцию (при условии продажи по одному округу каждый год)

отводилось 8–10 лет. В течение этого переходного времени не исключалось «улучшение нынешнего хозяйства на заводах», в частности упрощение управления. Аренда как более предпочтительная мера, чем казенное управление, допускалась экспертом лишь в случае неудачи торгов.

Объемный отчет В. П. Безобразова о поездке на Урал, в целом, видимо, удовлетворил М. Х. Рейтерна, поскольку эксперт подтвердил главное — возможность и насущность продажи казенных заводов по проекту Податной комиссии, что соответствовало и взглядам министра. В своих замечаниях он лишь настаивал на том, чтобы проекты земельных отводов составлялись все-таки «не прежде окончательного наделения горнозаводского населения», и с этой целью осенью 1867 г. выделил на «съемку крестьянских угодий» более 50 тыс. руб. Утвержденное 12 марта 1868 г. положение Главного комитета об устройстве сельского состояния закрепило за этим населением некоторые льготы и не исключило возможности предоставления ему наделов в частную собственность (как это уже было сделано указом от 24 ноября 1866 г. для бывших государственных крестьян). Предложение В. П. Безобразова тем самым уже подтверждалось намерениями правительства. Было одобрено и вполне разумное предложение о создании одной оценочной комиссии в связи с «постепенностью» назначения заводов на торги. Министр все-таки признал правильной передачу казенных золотых промыслов одновременно во всех округах, «но не иначе как по предварительному разделению промыслов на участки с определенными границами и в размерах достаточных для самостоятельной их разработки», как того требовал Устав о частной золотопромышленности, проект которого был внесен в Государственный совет 26 декабря 1869 г. Даже предложение экономиста о «ликвидации» всех казенных заводов, противоречившее господствовавшему тогда мнению, не вызвало резкой ответной реакции. Видимо, намереваясь опубликовать отчет со всеми вспомогательными материалами не только в «Трудах» Комиссии, но и отдельным изданием, М. Х. Рейтерн хотел прозондировать общественное мнение и по этому важному вопросу. Главное же, сочли в Министерстве, столь детальный отчет мог «доставить будущим приобретателям заводов необходимые им сведения».

Но в этом публикаторы просчитались, поскольку отчет вызвал критические отзывы преимущественно со стороны горных деятелей. Первым на отчет В. П. Безобразова 28 апреля 1868 г. откликнулся директор Горного департамента В. К. Рашет, ведомство которого было основательно задето экспертом. Не входя в подробное рассмотрение всего объемного текста, он сосредоточил свою критику на оценке деятельности казенных заводов и казенного управления, аккумулированной в заключительной части отчета.

В. К. Рашет оспаривал утверждение эксперта о вреде широкой финансовой поддержки частных заводов, предпринятой в самое последнее время. Именно в это время, констатировал он, никаких ссуд не выдавалось, а из 15-миллионного долга частных заводов $\frac{2}{3}$ относилось к ссудам, данным еще «сохранными казнами» под залог заводов в дореформенное время и «ничего общего не имевшим с пособиями... для поддержания заводской деятельности». Самые существенные пособия (в размере 1 213 746 руб.) были даны почти всем заводчикам в 1863 г. «во внимание к затруднительности их положения, причиненной крестьянской реформой». «Лишенные вдруг даровой рабочей силы, не имея достаточного капитала, при дороговизне рук и припасов, вследствие предшествующих нескольколетних неурожаев, горные заводы на Урале без означенного пособия вынуждены были бы прекратить свое действие, — утверждал В. К. Рашет, — и тогда,

конечно, последовало бы неизбежно гораздо большее зло не только от упадка горной промышленности, но и, что гораздо хуже, от тех смут и беспорядков, которые возникли бы в среде многочисленного рабочего класса, существующего исключительно трудом своим на заводах». Эти пособия, по мнению директора, никак нельзя было ставить в упрек правительству, впрочем как и те «отпуски денег, которые по существующим узаконениям ассигнуются на действие частных заводов, поступивших в казенное управление». По его сведениям, с 1862 г. пяти таким уральским округам (Суксунскому, Кнауфскому, Сергинскому, Сысертскому и Мосоловскому) было отпущено из Государственного казначейства 1522 тыс. руб. В.К. Рашет соглашался, что эта затрата казенных денег была непроизводительной, но полагал, что сразу же ожидать «барыша» от заводов, поступавших в казенное управление по причине «окончательного оных расстройств», было безосновательно.

Директор Горного департамента, конечно же, не мог обойти вниманием общие расчеты В.П. Безобразова, доказывавшие убыточность казенных заводов. Оказывается, они были сделаны экспертом на основе данных предварительной сметы на 1868 г., не соответствовавших тем параметрам «сметного расписания», которые утвердил на тот год Департамент государственной экономии. Поэтому, по подсчетам В.П. Безобразова, выходил убыток в 1,2 млн руб., а по данным В.К. Рашета, — доход в 466 тыс. руб. «При таком взгляде на дело, — полагал директор, — сделанный г-ном Безобразовым вывод относительно непроизводительности и убыточности казенных заводов должен сам собою измениться».

Будучи членом Податной комиссии, В.К. Рашет разделял в принципе вывод эксперта о постепенной передаче в частные руки горных заводов и промыслов, но предлагал иной порядок этой операции. Уточняя свои предложения годичной давности, он рекомендовал начать продажу золотых промыслов с Екатеринбургских «как наименее выгодных для казенной разработки», затем приступить к продаже Богословских, а Миасские прииски, «по содержанию своему весьма богатые и благонадежные», вообще бы желал оставить в руках казны, которая от разработки их могла получить «несравненно бóльшие выгоды». Он соглашался в первую очередь продать частные заводы, находившиеся в казенном управлении, а в отношении казенных заводов полагал начать продажу с Екатеринбургского округа, затем выставить на торги заводы Артинский, Юговский, Верхнетурунский, Нижнетурунский и, наконец, Песковский и Кирсинский. Рудники и прииски Богословского округа директор предлагал продать «в одни и те же руки», чтобы «по малонаселенности края одно производство не действовало бы во вред другому». Идею о продаже всех казенных горных заводов В.К. Рашет как бы и не заметил, видимо, считая ее не заслуживающей внимания.

Замечания по отдельным заводам, содержащиеся в отчете В.П. Безобразова, тоже требовали, на взгляд директора, подробных объяснений. «Впрочем, — писал В.К. Рашет, — все эти подробности были вполне известны Горному департаменту, так же как и недостатки, которые препятствовали успешному ходу горнозаводского дела, нерационально развивавшегося у нас в течение целого столетия и требующего теперь, при изменившихся условиях его производства и при совершенно иных требованиях, радикального изменения как в самом устройстве сих заводов, так и в их администрации»³⁸.

Высказавшись по общим вопросам, директор поручил сделать трудоемкий разбор обширной основной части отчета начальнику Отделения казенных заводов Горного департамента инженер-подполковнику И.П. Котляревскому, хорошо знакомому

с работой как казенных, так и частных уральских заводов. Как сообщал сам инженер, до переезда в Санкт-Петербург он 13 лет служил на Воткинском заводе (в том числе девять лет был его управляющим) и три года управлял Сергинско-Уфалейскими заводами Губиных. Он посвятил разбору исследования экономиста несколько статей, напечатанных в ведомственном «Горном журнале» (в 1870 г. они были опубликованы отдельным сборником, по своему объему не уступавшим рецензируемому труду В. П. Безобразова)³⁹.

Как и директор Горного департамента, И. П. Котляревский направил острие своей критики на предвзятое, на его взгляд, мнение В. П. Безобразова о полной экономической несостоятельности казенных заводов в сравнении с частными. «Для меня становится очевидным, — писал он, — что автор не расположен в пользу казенных заводов и при нерасположении своем старается находить в хозяйстве их, по-видимому, одну только дурную сторону». В доказательство он привел множество свидетельств, проистекавших из действительно слабого знакомства экономиста с технической стороной и организацией горнозаводского производства. «Там, где автор не касается технической стороны дела, где он дает волю только умозаключениям своим, там он, безусловно, справедлив, — отмечал инженер, — но лишь только он касается технической стороны дела или даже экономической, где она связана с техникой, там он не прав, тем более что свои неправильные соображения, предположения и мнения он старается доказывать крайностями, всегда выходящими из пределов справедливости».

Необоснованными И. П. Котляревский счел и некоторые выводы экономиста, касающиеся, казалось бы, его специальности, а именно утверждение об убытках, которые приносили казне ее горные заводы. Убыточность казенных заводов вообще невозможно точно определить, уверял инженер-подполковник, вследствие особенностей финансовой организации хозяйства, основанного на военных нарядах, при выполнении которых «казна все равно что перекладывает деньги из одного кармана в другой, и определение это тем труднее, что казенные заводы готовят одни изделия, а частные — другие». Более того, эти изделия «не сталкивались на рынке», и поэтому невозможно сопоставить их стоимость и цену. На Нижегородскую ярмарку казенные заводы отправляли лишь бракованное, непригодное для изготовления вооружения железо, которое продавалось по низким ценам. К тому же они несли такие накладные расходы, каких частные заводы совсем не имели (например, содержание военной команды и окружных училищ, добавочное жалованье артиллерийским приемщикам и пр.).

Несостоятельные доказательства убыточности казенных заводов и невысокого качества их продукции могли только мешать продаже казенных заводов, полагал критик. «Избави Бог, — восклицал он в этой связи, — если покупщики заводов будут руководствоваться книгой г-на Безобразова и поверят его исследованиям на слово; тогда кому придет охота покупать заводы, выделяющие дурное железо?» Отчет, представлявшийся его автором и Министерством финансов в качестве собрания достоверных сведений о предложенных к продаже заводах, по мнению авторитетного инженера, совсем не соответствовал этому предназначению.

Не мог чиновник, отвечавший в Горном департаменте за казенные заводы, согласиться и с утверждением В. П. Безобразова о потере ими своей ведущей роли в развитии горнозаводского дела. «Конечно, многие частные заводы устроены в техническом отношении очень хорошо, — размышлял И. П. Котляревский, — и некоторые производства их лучше таковых же в некоторых казенных заводах; но, строго говоря, общего

в этом отношении между казенными и частными заводами немного, потому что каждые из них преследуют свою цель». Пионерную роль казны в развитии горнозаводской промышленности он подкрепил последним фактом — информацией о начале строительства в Луганском округе Лисичанского коксового завода. «В том-то и дело, что наша частная предприимчивость еще так робка и неопытна, что сама собою она ни на что не решится без почина казны... А казалось бы, что именно на юге России должна бы основаться частная железная промышленность; здесь все есть к ее развитию: и руды, и уголь, и спрос на железо, в котором вся южная Россия крайне нуждается. После всего этого отнимать заслугу у ведомства, когда оно начало почин в деле государственной важности, по меньшей мере, преждевременно», — заключал он.

И эксперт, и его строгий критик подчеркивали в первую очередь военное предназначение казенных заводов. Но если И. П. Котляревский видел в этом «особенное их политическое значение, которое являлось преимущественно важным в трудные минуты жизни государства», то В. П. Безобразов доказывал, что военные заказы с успехом могут выполнять и частные заводы. В пользу этого предположения свидетельствовало замеченное им сокращение нарядов военных ведомств для уральских казенных заводов в 1867 г. при увеличении заказов на частных заводах Санкт-Петербурга. Тогда, отвечал горный чиновник, уменьшение заказов было следствием общего сокращения сметы Морского министерства, а также «отдаленности уральских заводов от портов» в условиях срочности исполнения заказа. «Если военное ведомство заявляло... намерение свое заказывать некоторые предметы на частных заводах, то, скорее всего, потому, что в то время казенные заводы не были совершенно подготовлены к исполнению внезапно изменившихся нарядов, — размышлял он. — Но в последнее время они настолько освоились с приготовлением новых заказов, благодаря данным им средствам, что артиллерийское ведомство переменяло свое мнение и год от году начало увеличивать заказы»: с 1867 по 1870 г. их объем вырос на 96%.

Для прояснения роли частных заводов в выполнении военных заказов И. П. Котляревский привлек и известные ему «исторические данные». Когда перед Отечественной войной 1812 г. Департамент горных и соляных дел обращался к владельцам уральских и замосковных заводов «с приглашением принять на себя отливку хотя части орудий и снарядов... все они уклонились от этого предложения под разными предлогами». Тогда правительство было вынуждено «принять крайние меры» и принудительно «расположить наряды на частные заводы» за цены, превышавшие в полтора-два раза установленные для казенных заводов. Но при ослабленном в условиях войны контроле «большая часть принятых с тех заводов артиллерийских снарядов осталась, по разным недостаткам, без употребления и поступила в лом чугуна».

В Крымскую войну 1853–1856 гг., «когда правительство не могло ограничиться одними казенными заводами и противопоставить свои средства средствам четырех держав... и по необходимости прибегло к помощи частных заводчиков для снабжения чугуном Луганского завода, который с замечательным успехом поддерживал оборону Севастополя в течение 11 месяцев, какие из частных заводов, — вопрошал И. П. Котляревский, — настолько помогли правительству, чтобы помощь эту можно поставить примером? Достаточно сказать, что для приобретения чугуна с замосковных заводов Министерство финансов должно было прибегнуть к командированию инженеров для покупки чугуна, конечно, по цене, далеко не дешевой... и если поставлялись снаряды с частных заводов, то по ценам, далеко превосходящим цены казенных заводов».

Уральские частные заводы, добавлял он, и тогда не принимали участия в поставке снарядов, и «нельзя полагать, что взялись бы за приготовление снарядов нынешней системы, когда от них требуется чрезвычайная точность, когда для отливки их нужен особый чугу́н, когда строгость приема... еще более увеличилась».

Имелись у критика и свежие примеры. Так, вследствие чрезвычайной строгости приемки Алапаевские заводы отказались от производства железа для лафетов; в 1863 г. уже все уральские заводчики отказались от поставки железа для постройки судов, «находя более выгодной для себя продажу железа на ярмарке, нежели поставку его в морское ведомство». «Наша частная горнозаводская промышленность, — заключал он, — далеко не так сильна и могуча, чтобы в надежде на нее правительство могло отказаться от своих заводов». В условиях, когда «казенные заводы достигли замечательного успеха в приготовлении снарядов», горному чиновнику казалось странным «желать перенесения нарядов на частные заводы, которые к этому еще вовсе не были готовы... и менять верное настоящее на неверное будущее». Частные заводы, по мнению инженера, должны удовлетворять «частную же громадную потребность в железе», а казенные — специальные военные нужды государства.

Опыт показал, соглашался И. П. Котляревский, что «всякая казенная опека над частными заводами скорее губит дело» и даже открытие Екатеринбургской конторы Государственного банка в 1847 г. «послужило ко вреду многим заводам». «Оно последовало по мысли покойного герцога М. Е. Лейхтенбергского в тех видах, чтобы ссудами под залог выделяемых металлов оказать временную помощь частным заводам; а между тем некоторые из них... на залоги смотрели как на средство ведения заводского дела», — со знанием дела констатировал бывший управляющий заводами Губиных, где как раз и были обнаружены крупные злоупотребления по этим краткосрочным залогам.

Кроме военных заводов «первой важности», казне были нужны и обслуживающие их чугуноплавильные предприятия. Количество таких заводов на Урале избыточно, полагал чиновник, но часть их совершенно необходимо оставить в руках государства — и для того, чтобы не оказаться в зависимости от заводчиков, по смыслу своего дела стремившихся к прибыли, и потому, что деятельность таких предприятий отличалась особыми условиями, а продукция — повышенными требованиями. Так, наиболее пригодным для пушечных фабрик считалось «смешение гороблагодатского, каменского и уткинского чугунов», на что казна была способна, но что вряд ли сумели бы осуществить частные заводчики. «Не говоря о том, — дополнял И. П. Котляревский, — что получение пушечного чугуна сопряжено с особыми расходами для заводов, когда каждый выпуск чугуна из доменных печей поверяется особыми техниками и сортируется на выборе... Сама браковка чугуна поставит любого заводчика в необходимость или непомерно возвысить ценность чугуна, или, скорее всего, отказаться от его приготовления, т. к. забракованный чугун не может быть... продан дешево, как выплавленный при условиях, несовместных с дешевизною его получения. Наконец... приготовление таких важных изделий, каковы орудия, требует, прежде всего, отстранения могущих быть недоразумений и пререканий, которые при малейших неудачах со стороны пушечного завода могут быть относимы на частный завод».

К чему же призывал начальник Отделения казенных заводов Горного департамента? «Естественно, к осторожности, — отвечал он, — т. е. к тому, что продажа должна совершаться исподволь, что продажа всех казенных заводов, ввиду разорения многих частных, как мера крутая, никогда не может служить достаточным ручательством, что

будто бы горнозаводская промышленность тогда только и разовьется, когда не будет казенных заводов». «Из осторожности, ввиду совершившихся и совершающихся у нас доселе фактов, — заключал И. П. Котляревский, — я нахожу более основательным пустать казенные заводы в продажу исподволь и затем, поставив в другие условия администрацию заводов, главнейшие из них оставить в руках казны, для того чтобы в военное время правительство в своих собственных заводах имело твердую поддержку».

Отметим, что несколько позже по резонансному вопросу о судьбе казенных горных заводов высказались и участники вышеупомянутого Первого съезда заводчиков и главных по машиностроительной промышленности деятелей, проведенного Императорским Русским техническим обществом в 1875 г. Как отмечалось в отчете о деятельности съезда, этот вопрос возбудил там «весьма жаркие и продолжительные прения, в которых принимали участие многие из присутствующих лиц». Так, инженер А. И. Скиндер увидел в приватизации казенных предприятий фактически «единственное средство развития нашей промышленности», когда «новые деятели» могли войти в «заколдованный круг» горнозаводчиков, монополизировавших главные сырьевые ресурсы Урала. Мнение о необходимости продажи заводов поддержал и видный член Общества Е. Н. Андреев, находя, что их существование «только тогда может иметь оправдание, когда казенные заводы служат действительной школой для частной промышленности». Во всяком другом случае, заявлял он, заводы «должны прекратить свое существование». Инженер и предприниматель Л. Э. Нобель допускал, что в руках казны могли бы остаться заводы, которые служат «арсеналами», поскольку правительство «должно иметь средство снабжать себя». В отношении же заводов, производивших только чугун и железо, он был настроен пессимистично. «Быть передовыми и постоянно следить за движением промышленности» таким заводам мешало, по мнению Л. Э. Нобеля, отсутствие «больших оборотов и известной обширной свободы действия», что было свойственно казенной промышленности не только в России, но и в мире. «Начальник казенного завода есть только... хозяин временный, — добавлял он, — пребывание его на заводе зависит от многих условий, а потому он не может относиться к делу с таким интересом и любовью, как собственник завода». Известный горный инженер А. Ф. Мевюс, подготовивший доклад о перспективах развития горнозаводской промышленности на юге России, полагал целесообразным, опираясь на опыт Западной Европы, где «правительства не занимались никакой промышленностью и предоставляли ее всецело деятельности частной», казне отказаться от Лисичанского завода, продать его по примеру такого же опытного Петровского завода, «оставить за собой только обязанность горного надзора за ходом... промышленности и облегчать своим покровительством подобные предприятия». В то же время польский заводчик Б. К. Пржибыльский предлагал не продавать выставленные на торги казенные заводы в районе Домбровы, а «устроить их для рельсового производства и практической школы образования русских инженеров» для предприятий Царства Польского. Не придя в этом отношении к единому мнению, участники съезда все-таки сочли возможным ходатайствовать перед правительством «о скорейшей продаже тех заводов, которые оно считает ненужными для себя». Они также просили «допустить частные заводы к широкой и полной конкуренции с казенными» в получении военных заказов⁴⁰.

Участовавший в работе того съезда И. П. Котляревский несколькими годами ранее предлагал безоговорочно оставить в казенном владении Пермские пушечные фабрики и три чугуноплавильных завода Гороблагодатского округа (Кушвинский — для

производства пушечного чугуна, Верхнетуруинский — для литья «закаленных снарядов», Баранчинский — для литья «снарядов простой конструкции, незакаленных»). Впоследствии из них можно было бы продать Баранчинский завод с Малоблагодатским рудником, оставив Кушвинский и Верхнетуруинский с горой Большая Благодать. Казенными оставались также Златоустовская фабрика холодного оружия и связанная с ней Князе-Михайловская сталепушечная фабрика со снабжавшими их качественным металлом Кусинским и Саткинским заводами. Златоустовский завод предлагалось закрыть «ввиду сохранения лесов для оружейных фабрик». Камско-Воткинский округ предназначался им для выделки особых сортов железа и корабельных принадлежностей, а из Екатеринбургского округа оставался один монетный двор. Богословский завод предлагалось продать только после того, как его медные рудники «углубятся настолько правильными работами, чтобы завод был обеспечен если не навсегда, то на долгое время добычею руды в надлежащем количестве».

Все остальные заводы можно было продать, как и золотые промыслы, которые, по мнению И. П. Котляревского, совпавшему в этом случае с точкой зрения В. П. Безобразова, «в руках казны никогда не дадут тех выгод, как в руках частных лиц, не стесняемых свободой распоряжений, преимущественно нужной этому промыслу». Кроме того, инженер сомневался в возможности продажей заводов способствовать развитию мелкой горнозаводской промышленности на Урале, которая, по его мнению, «не могла быть существенно полезна ни для государства, ни для самих промышленников». Он также не видел перспективы для «специализирования» заводов, т. е. разрыва сложившихся производственных связей между заводами при их «отдельной продаже», как предлагал сделать его оппонент.

Продажа части заводов, уверял горный чиновник, намекая на одно из предложений В. П. Безобразова, «ождается с нетерпением самим горным ведомством... и именно тех, которые при настоящем ходе дел только затрудняют администрацию и мешают правильному распределению нарядов между остальными, чем... и удорожаются приготавливаемые заводами изделия». Сократив количество заводов, правительство смогло бы «выбрать для ведения дела... лучших деятелей и, обеспечив их большими материальными средствами, расположить их к вящему труду и усердию, тем самым устранив всякое поползновение к переходу в частную службу». Продажа привела бы и к ликвидации Уральского горного правления с его «канцелярскими порядками, ужасающей массой бумаг» и значительными расходами.

Кроме И. П. Котляревского, с аналогичной критикой основных положений отчета В. П. Безобразова выступили в 1869 г. на страницах «Горного журнала» сотрудники редакции и член Горного ученого комитета В. И. Рожков. Выводы эксперта о состоянии казенных заводов были названы ими «поспешными и смелыми», составленными «в известном, одностороннем и заранее предначертанном направлении». Они «в состоянии скорее оттолкнуть, чем привлечь покупателей, — до того картина, им написанная, непривлекательна», — заявлял В. И. Рожков⁴¹.

«Не знаю, — замечал позднее И. П. Котляревский в одной из своих статей, — самолюбие автора спустится ли настолько, чтобы сознать свои промахи и ошибки, согласится ли он пожертвовать ими?» Видимо, после публикации критики на свой труд В. П. Безобразов все-таки уклонился от открытой полемики. Но в 1870 г. в газете «Современная летопись» появились за подписью «Ф.» статьи «Курьезы казенной ученой литературы», написанные «с целью возразить г-ну Котляревскому и защитить г-на

Безобразова». «К сожалению, тон этих писем весьма странен, — иронично констатировали публикаторы работ И. П. Котляревского, — вместо того чтобы просто разъяснить спорные пункты, Ф. занялся главнейше вопросом: подлежит ли труд г-на Безобразова критике, могла ли эта критика быть помещена в Горном журнале и т. д. Видимо, вопрос об отношениях казенных журналов к частным литературным произведениям обратил на себя особое внимание автора»⁴².

Известно, что еще в июле 1867 г. экономист откликнулся на упоминавшиеся замечания директора Горного департамента В. К. Рашета, видимо, в дальнейшем решив этим и ограничиться. «Я не нахожу, — писал он министру финансов, — ...чтобы эти замечания могли сколько-нибудь изменить мой взгляд на дело, ибо, с одной стороны, в записке генерала Рашета не сообщается никаких новых, неизвестных мне фактов и, с другой стороны, прочтение этой записки убеждает меня, что он весьма мало ознакомлен с моим отчетом и даже некоторые его части остались, кажется, вовсе не известны г-ну Рашету»⁴³.

Утверждение проекта и его корректировка

К началу 1870 г. от высших чинов разных ведомств в Министерстве финансов были получены замечания на разработанный Податной комиссией проект Правил о продаже казенных заводов, разосланный им в августе 1867 г.

Первым в декабре 1867 г. поступил отзыв от управляющего Морским министерством Н. К. Краббе. «Член от Морского министерства принимал участие в занятиях Комиссии, докладывал мне постоянно о ходе работ и получал от меня надлежащие указания, — сообщал он, — и поэтому в настоящее время могу ограничиться лишь общим заявлением, что вообще согласен с заключениями Комиссии». Адмирала больше озаботила необходимость увеличения финансирования его ведомства в случае перенесения производства якорей и цепей с Воткинского завода на Ижорский. Кроме того, он рекомендовал сохранить за казной Кусинский завод Златоустовского округа, а выплавлявшийся там качественный чугун «обратить в тот постоянный источник, из которого Обуховский завод мог бы получать однородных свойств металлы в соответствующем количестве». «Высшие сорта английской стали приготавливаются из материалов, приобретаемых из Швеции и даже с наших весьма удаленных от Англии заводов Белосельских и др., — добавлял он, — а сталелитейный французский завод Петен-Годе приобретает чугун для выделки стали из Корсики и с острова Эльбы»⁴⁴. В марте 1868 г. свое полное согласие с проектом Правил о продаже казенных горных заводов выразил и военный министр Д. А. Милютин⁴⁵.

Государственный контролер В. А. Татаринов свой отзыв подготовил в августе 1868 г. Он писал, что «не может не согласиться как с общими началами... так и с большей частью подробностей, выработанных Комиссией, по применению сих начал к делу». Но при этом он вновь поднял вопрос о возможной аренде заводов, поскольку сомневался в полном успехе их продажи. «Покупщики могут возникнуть только из среды более или менее крупных капиталистов, тогда как арендаторами могут быть люди и с небольшими денежными средствами», — предполагал он, советуя в случае неудачи торгов приступить к передаче заводов в аренду, для чего требовалось составить «дополнительные правила». Присущая контролеру «бережливость в употреблении денежных и имущественных средств государства» выразилась в корректировке условий продажи, которые он оценивал как слишком льготные. В. А. Татаринов предлагал не делать

рассрочку платежей «на столь продолжительный срок общим правилом». «Рассрочка платежей на 37 лет допускается у нас только при продаже казенных имений в Западном крае... в видах водворения там русского элемента, — сообщал он, — продажа казенных заводов с целью улучшения нашего финансового положения, очевидно, должна иметь в виду получение от этой операции возможно больших для казны выгод». Вследствие этого он предлагал ограничиться «гораздо кратчайшим трехлетним периодом, с тем чтобы министру финансов предоставлено было право для успеха продажи того или иного завода рассрочить платежи... и на более долгий срок». Ущерб казне, по его мнению, мог произойти и при допущенной проектом оплате «правительственными процентными бумагами по номинальной стоимости», поскольку настоящий курс этих бумаг был ниже номинала на 15–20%. Слишком долгим представлялся ему и годичный срок проведения торгов, лишавший возможности включить доход от продажи заводов в ближайший государственный бюджет. Правильность же оценки заводского имущества должна была обеспечиваться, на взгляд государственного контролера, «не столько достоинствами инструкции, сколько личным составом оценочных комиссий». Он считал, что из четырех членов этой комиссии только представитель от его ведомства будет «совершенно равнодушным» к этой операции, и предлагал министру финансов назначать хотя бы председателя комиссии не из горных и лесных чиновников. В то же время он не видел необходимости устранять от покупки горных чинов продаваемых округов, которые «при правильной организации оценки» не имели бы возможности влиять на нее. Не исключал он и возможности «допускать отклонения от правил в применении к тому или иному заводу». Состав же заводов, «подлежащих оставлению в казне», замечаний у В. А. Татаринова не вызвал⁴⁶.

Рассмотрев эти отзывы, М. Х. Рейтерн ограничился объяснением уже известных мотивов тех или иных решений возглавляемой им Податной комиссии, признав нужным лишь заявить в проекте о допустимости отступления от общих правил продажи в случае необходимости. Особо пришлось остановиться на вопросе о составе участников торгов, поскольку, кроме замечания В. А. Татаринова, из Комитета министров поступил доклад новороссийского и бессарабского генерал-губернатора П. Е. Коцебу с предложением «для увеличения числа наших горных инженеров-собственников и применения ими к делу знаний и опыта, взращенных на местной почве... в приобретении казенных горных заводов давать благонадежнейшим из них преимущество перед другими покупателями». Министр финансов счел возможным исключить из проекта запрещение горным чинам участвовать в торгах с учетом того, что, согласно новому Горному уставу, такой чиновник, став владельцем или арендатором горного завода, должен был покинуть казенную службу. Но он выступил против предоставления кому-либо преимуществ, поскольку этим, по его словам, «был бы нарушен принцип публичной продажи с торгов... и могло быть стеснено самое соискание серьезных покупателей».

Министру финансов, конечно, было известно и отношение к казенным заводам крупного австрийского ученого-металлурга, директора Леобенской горной академии Г. Ф. Туннера, посетившего Урал по приглашению М. Х. Рейтерна в 1870 г. Он приезжал, чтобы составить свое мнение о горнозаводской промышленности «в техническом отношении», но в своем «кратком обзоре», опубликованном в «Горном журнале», попутно высказался и по поводу намеченной продажи российских казенных заводов, связав ее с аналогичными мерами, уже предпринятыми в Пруссии и Австрии. «Отчасти

справедливо, что правительство не способно к ведению торговым образом какой-либо отрасли промышленности... — полагал ученый. — Поэтому в основании против продажи казенных железных заводов нельзя ничего сказать». В то же время он не советовал «по многим причинам» сразу же продавать все казенные заводы. Одновременная и скорая продажа большого количества предприятий, по его мнению, не дала бы возможности получить за них «соответствующую цену». Кроме того, правительству было бы полезно оставить несколько заводов в своих руках «с целью производства на них опытов и практического изучения производства». Хотя, отмечал он, в последнее время «стремление к усовершенствованию» распространилось и на частных заводах, оно совсем не исключало вероятности полезной деятельности казенных предприятий, например, «чтобы ввести быстрее новую отрасль промышленности, произвести опыты или поднять какое-либо производство, пренебрегаемое частными заводчиками». С сомнением Г. Ф. Туннер отзывался и о возможности предпринимателей полностью обеспечить поставки военной продукции. «Мне кажется, — писал он, — что военное ведомство для удовлетворения своих потребностей в железе и стали должно быть предоставлено в России менее, нежели в каком другом государстве, одной только частной промышленности и спекуляции». Наконец, полагал наблюдательный австрийский ученый, «в России дух ассоциации и общественные понятия не развились еще так совершенно, чтобы горная промышленность могла быть предоставлена уже теперь совершенно покойно одним частным деятелям», как это было, например, в Англии, Франции, Германии и Швеции. «Не следует, — предупреждал ученый, — обманываться тем обстоятельством, что железные заводы в частных руках приносят более дохода, нежели в казенном управлении». Часто это вызывалось «многими производящимися опытами и в уважении, принимаемом к конкуренции частных заводов», а нередко и слишком сложным и дорогим управлением и контролем. «Однако ж, где что оказывается дурным, то следует исправить, а не осуждать безусловно все дело», — резюмировал автор свои размышления, во многом совпадавшие со взглядами отечественных горных деятелей⁴⁷.

Были учтены министром финансов и конкретные предложения о заводах, которые следовало оставить в распоряжении казны. В этом вопросе М. Х. Рейтерн, конечно же, не поддавался настроениям В. П. Безобразова и, вполне возможно, учел не только официальное мнение В. К. Рашета, но и аргументированные предложения И. П. Котляревского, известные, по выражению публикаторов его статей, «почти всем лицам, знакомым с делом и им интересующимся». На позицию министра не могли не повлиять и выросшие в последнее время заказы казенным заводам от военных и других ведомств, а также непрекращавшееся техническое совершенствование этих предприятий.

М. Х. Рейтерн считал возможным оставить в Златоустовском округе, кроме Саткинского завода, и Златоустовский чугунолитейный завод, который находился «в тесной и неразрывной связи с оружейной фабрикой и не мог быть отдельно от нее передан в частные руки» до тех пор, пока его продукции не будет найдена замена с частных заводов. Целесообразным показалось ему сохранение и Князе-Михайловской фабрики («вследствие данных ей в последнее время заказов»), и Кусинского завода («для большего обеспечения оставляемых в казне фабрик чугуном и железом»). Из Гороблагодатского округа, кроме Кушвинского завода, он согласился оставить Баранчинский и Верхнетуринский («для выплавки чугуна как для камских казенных заводов, так и в наряд для артиллерии и на отливку снарядов для военного ведомства»). Министр призвал

преждевременной продажу Камско-Воткинского округа «как обладавшего всеми механическими средствами для успешного приготовления броневых плит, морских судов, крепостных укреплений и других военных принадлежностей, а также по случаю значительного расширения его производства в последние годы»⁴⁸.

Все эти предложения вместе с запиской, в которой излагался ход подготовки проекта Правил о продаже в Податной комиссии, а также отчетом В. П. Безобразова 7 февраля 1870 г. были направлены в Государственный совет. При этом М. Х. Рейтерн полагал после утверждения проекта начать подготовительные работы по продаже казенных золотых приисков, «сообразуясь с правилами Устава о частной золотопромышленности», который в то время уже находился на рассмотрении Совета. В отличие от намерений Податной комиссии, Министерство финансов выставляло золотые промыслы на торги не одновременно, а в «известной последовательности» (как предлагал В. П. Безобразов), определить которую министр оставлял за собой⁴⁹.

Департамент государственной экономии Государственного совета 3 апреля и 20 мая 1871 г. обсуждал представленную записку и сделал некоторые замечания. Судя по составу присутствовавших на заседаниях, они были вполне компетентны в предложенном их вниманию вопросе. Председателем Департамента в то время был генерал от инфантерии К. В. Чевкин, который по своей прежней должности начальника штаба Корпуса горных инженеров хорошо представлял положение российских горных заводов. На заседаниях присутствовал и министр финансов М. Х. Рейтерн, а также члены Податной комиссии — бывший директор Департамента неокладных сборов К. К. Грот и недавно назначенный государственный контролер А. А. Абаза, знакомые с проектом Правил о продаже. Среди участников обсуждения были также крупный экономист Г. П. Небольсин, бывший управляющий Морского министерства адмирал Н. Ф. Метлин, адмирал Ф. М. Новосильский, генерал от инфантерии граф Э. Т. Баранов, товарищ министра государственных имуществ князь Д. А. Оболенский.

Департамент поддержал точку зрения Податной комиссии и Горного департамента на судьбу казенного сектора горнозаводской промышленности, не поддавшись на далеко идущие предложения В. П. Безобразова. «Система казенного хозяйства давно уже осуждена и опытом, и наукой... — было записано в его решении. — Но существование казенных горных заводов вынуждается необходимостью поставить страну в отношении средств обороны в положение, независимое от иностранных государств и в некоторой степени даже от собственной частной промышленности». Поэтому особое внимание было уделено «расписанию» заводов, остающихся в казне для этих целей. К списку, составленному Податной комиссией и дополненному министром финансов, были добавлены еще Нижнетуринский железоделательный завод Гороблагодатского округа и Луганский горный округ. Первый с Качканарским месторождением оставили «ввиду того, что завод этот по обилию превосходных качеств руд и по богатству лежащих около него лесов» мог служить «обеспечением для будущности прочих заводов Гороблагодатского округа на случай истощения их рудных месторождений». Второй сохранили потому, что здесь на новом Лисичанском заводе производилась опытная выплавка собственных руд на каменном угле и в случае удачи этот округ «по своему положению на юге России... мог получить важное значение в отношении удовлетворения потребностей возобновления флота в Черном море». В список включили и прежде забытый Екатеринбургский монетный двор с его лесной дачей, а также Илимскую и Ослянскую пристани с Илимской лесной дачей в Гороблагодатском округе, откуда по Чусовой отправлялись караваны

с металлами и где строились необходимые для этого суда. Поскольку Алагирский серебряноцинковый завод находился в ведении кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича, участники заседания сочли необходимым соблюсти субординацию и уточнить его намерения прежде назначения этого предприятия в продажу.

Департамент государственной экономии обратил особое внимание на одну, но принципиальную деталь проекта: продавать заводы было предписано лишь «после обеспечения поземельного устройства крестьян». Эти два вопроса были все-таки поставлены в жесткую взаимозависимость и последовательность. Для того чтобы ускорить землеустройство в горнозаводских округах «без явного ущерба делу», решили разделить, как «совершенно разнородные», операции по оценке заводов и по наделению землей населения, которые прежде возлагались на одну оценочную комиссию. «Полезно было бы возложить отвод земель горнозаводскому населению и отграничение сих земель от угодий, остающихся за наделом по уставным и владенным грамотам в распоряжении заводоуправлений, на особую поземельную комиссию, определение состава и порядка деятельности которой может быть представлено взаимному соглашению министров финансов и государственных имуществ», — записано в журнале заседаний. В остальном проект Правил о продаже остался без изменений.

Решения Департамента были одобрены на общем собрании Государственного совета и 18 октября 1871 г. утверждены Александром II. Мнение Совета включало два пункта. Первым санкционировались Правила о продаже казенных горных заводов. Новая (четвертая) статья устанавливала, что «предварительно обращения в продажу каждого завода должно быть обеспечено поземельное устройство водворенного при нем населения», что возлагалось на особую поземельную комиссию. Ее состав и порядок действий должен был определяться особой инструкцией, которую предстояло составить в Министерстве финансов, после чего представить в Главный комитет об устройстве сельского хозяйства.

Второй пункт мнения Государственного совета был одобрен без поправок: министру финансов предлагалось «приступить ныне же к разделению казенных золотых промыслов на участки... с целью отдачи сих участков в определяемой министром постепенности в частные руки с торгов», ориентируясь при этом на утвержденный 24 мая/5 июня 1870 г. Устав о частной золотопромышленности, «с тем лишь изменением, чтобы торги производились в Совете министра финансов и утверждались им, министром, за предложившим высшую сумму». К акту прилагалось и сократившееся «расписание уральских казенных горных заводов, подлежащих отчуждению в частную собственность»⁵⁰. На принятие этих решений Государственному совету потребовалось более полутора лет. Вся же подготовительная работа, инициированная императором 24 октября 1866 г., заняла ровно пять лет.

За это время были разработаны общие, или «нормальные», Правила о продаже казенных горных заводов, определен перечень таких заводов (в него включили Юговский, Артинский, Каменский, Нижнеисетский, Серебрянский заводы, Богословский и Вятский округа и Екатеринбургскую механическую фабрику), а также сформулирован подход к передаче в частные руки всех казенных золотых промыслов в Екатеринбургском, Златоустовском и Богословском округах. Организация торгов возлагалась на Министерство финансов, ему же было доверено определение последовательности выставления заводов и промыслов на продажу в зависимости от завершения землеустройства местного населения и интересов казны.

Вслед за утверждением Правил 18 октября 1871 г. началась практическая работа по уточнению условий продажи конкретных заводов и промыслов. В соответствии с мнением Государственного совета, 10 декабря 1871 г. В.К. Рашет предписал главному начальнику уральских заводов И.П. Иванову «составить подробные соображения» о степени готовности золотых промыслов к торгам, а также назначил бывшего депутата горного ведомства в Оренбургском губернском по крестьянским делам присутствии генерал-майора А.Б. Иваницкого членом комиссии по составлению инструкции для поземельной комиссии. Она была тогда образована из представителей Министерства финансов, Министерства внутренних дел и Министерства государственных имуществ под председательством тайного советника А.А. Иоссы, который, как писал В.К. Рашет, «по прежней службе своей в должности главного начальника уральских заводов... был близко знаком с местными условиями... и, бесспорно, будет весьма полезен для надлежащего направления трудов сей комиссии»⁵¹.

Составленные этой комиссией «предварительные соображения об отчуждении земель и лесов для населения» были одобрены министром финансов, но деятельность комиссии приостановили до окончательного их утверждения министром государственных имуществ. Именно он был вправе «дать этому делу дальнейший ход в законодательном порядке», сообщал В.К. Рашет, полагая, что операция «потребует довольно значительного времени». Так и случилось. В Министерстве государственных имуществ тогда же разрабатывались «правила для вымежевания государственных крестьян». Поскольку те и другие правила касались казенных округов, было решено предварительно согласовать их друг с другом и получить одобрение в Главном комитете об устройстве сельского состояния. В январе 1874 г. произошло переподчинение Горного департамента ведомству государственных имуществ, следствием чего стало возложение на комиссию А.А. Иоссы подготовки правил о землеустройстве всех категорий населения казенных и частных заводов Урала. В итоге подготовка и утверждение сопутствующих документов, от которых зависел дальнейший ход операции по продаже казенных заводов, растянулись на шесть лет. Только 10 марта 1876 г. была утверждена Инструкция о порядке отграничения земельного и лесного надела и о способе исчисления оброчной подати с государственных крестьян, водворенных в казенных и посессионных заводских дачах в губерниях Вятской и Пермской, а 12 марта 1877 г. — подобная же Инструкция о землях мастеровых и сельских работников казенных горных заводов⁵².

Предвидя эту задержку, В.К. Рашет еще в январе 1873 г. предложил вариант ускорить продажу отдельных заводов. Как выяснила еще Податная комиссия и подтвердил В.П. Безобразов, в отношении землеустройства населения положение заводов было неодинаковым. Так, на отведенной к Юговскому, Артинскому, Каменскому и Нижнеисетскому заводам территории в 971 тыс. дес. проживало 18 тыс. ревизских душ мастеровых и сельских работников, а также до 60 тыс. душ государственных крестьян. «Вымежевание всей массы этого населения вследствие разбросанности селений и чересполосицы угодий среди лесов, необходимых для заводского действия, было бы сопряжено с особенными затруднениями и во множестве случаев могло потребовать принудительной разверстки и обмена», — полагал он, предлагая отложить отчуждение этих заводов до окончания работы поземельной комиссии. Но «совершенно в других условиях» находились остальные предложенные к продаже казенные предприятия.

Так, Екатеринбургская механическая фабрика «вовсе не имела ни приписанного к ней населения, ни земель, ни лесов». Поэтому ничто не мешало начать ее опись

и оценку «в обыкновенном порядке», а затем «сделать через публикацию вызов желающих» для покупки. В казенном Богословском округе проживало до 8 тыс. душ горнозаводского населения, почти не занимавшегося хлебопашеством «по суровости здешнего климата». При самом широком наделении работников землей под выгоны, покосы и заготовку дров потребовалось бы всего около 40 тыс. дес., которые, по мнению директора Горного департамента, легко могли быть вымежеваны самой оценочной комиссией с участием представителя губернского по крестьянским делам присутствия. Несколько осложняло продажу округа намерение Министерства внутренних дел продолжать использование там ссыльнокаторжных на тяжелых рудничных работах, что могло оттолкнуть покупателей. Но оказалось, что в Министерстве государственных имуществ уже имелось предложение графа Строганова «о передаче сих заводов составляемой им компании» с согласием на «водворение ссыльнокаторжных». «С этой целью, — извещал В. К. Рашет, — граф Строганов положительно заявляет, что компания в случае предоставления ей помянутых заводов готова подчиниться всем условиям, какие правительством будут постановлены как на этот предмет, так и в отношении поземельного устройства местных жителей, если бы таковое ко времени отчуждения заводов не было приведено к окончанию». Дополнительно директор Департамента сообщал, что Богословский округ не перестал быть убыточным для казны и при «ничтожном кредите» в 97 тыс. руб. на 1873 г. положение его только усугубится.

По данным Горного департамента, в дачах Серебрянского завода площадью 202,5 тыс. дес. проживало всего 2535 ревизских душ крестьян. «Съемка» их наделов уже завершалась, чем «значительно облегчалось и окончательное устройство этого населения». В Вятском же округе «быт горнозаводского населения был окончательно устроен» еще при прежнем владельце Д. Е. Бенардаки, а оценка входивших в округ Кирсинского и Песковского заводов производилась при их приемке в казну в 1865 г. Осуществленные с того времени «некоторые затраты на улучшение заводов», по мнению В. К. Рашета, потребовали бы только проверки описей. Кроме мастеровых, в округе проживало еще 1615 душ государственных крестьян, но они желали приписаться к составу заводских обществ. На это еще в августе 1872 г. Уральское горное правление и Горный совет дали свое согласие. В такой ситуации В. К. Рашет не видел препятствий для продажи этого округа и предлагал направить оценочную комиссию после окончания занятий в Богословском округе на Серебрянский завод и в Вятский округ.

Совершенно не было необходимости посылать поземельную комиссию на кавказский Алагирский завод, где «быт населения был уже устроен». Получив разрешение наместника, директор Горного департамента рекомендовал приступить к описи и оценке этого предприятия, поскольку продажа его могла быть совершена «на основании капитализации приносимого им теперь дохода». Он настаивал также на пересмотре отношения к Луганскому округу, который Государственный совет оставил за казной. Дело в том, что за последние годы в Донецко-Криворожском бассейне началось строительство частных металлургических предприятий, действующих на каменном угле, и стал формироваться новый промышленный регион России. «Опыты, производимые на Лисичанском заводе над выплавкой чугуна из собственных руд и угля, оказались успешными, — констатировал В. К. Рашет, — и, основываясь на этих результатах, частные лица возвели и возводят значительные на юге России чугуноплавильные и железоделательные заводы (Юз, Поляков и Пастухов), которые по положению своему и по удобнейшим путям сообщений в состоянии будут скорее и с большим

удобством удовлетворить в случае надобности все требования Черноморского флота, нежели отдаленный Луганский округ». Удерживать его в руках казны не было оснований еще и потому, полагал директор, что, по заявлениям Военного и Морского министерств, с 1875 г. округ оставался совсем без нарядов. Новый Лисичанский завод, введенный в строй только в 1871 г., предлагалось продать для возмещения затрат казны, а его рудники и копи — «отдать не в полную собственность, а для разработки из попутной платы». Сообщалось, что на этот завод уже сделаны предложения «со стороны частных лиц»⁵³.

Значительные сложности возникли при обсуждении порядка продажи казенных золотых промыслов, которые, по замыслу реформаторов, из-за отсутствия препятствий, сопряженных с отчуждением казенных заводов, предлагались первыми к продаже с разделением на участки в соответствии с вступившим в действие Уставом о частной золотопромышленности. Определение «степени готовности промыслов к торгам», как уже упоминалось, еще в 1871 г. было поручено главному начальнику уральских заводов И. П. Иванову. Собранные им сведения об уральских казенных промыслах свидетельствовали о том, что утвержденные условия их продажи требуют существенной корректировки.

Так, выяснилось, что в Богословском округе могут быть разделены на участки только несколько приисков, открытых в последние семь лет, поскольку запасы золота на заявленных ранее площадях оставались «весьма сомнительными». К этому округу относились еще и прииски, открытые в 1830–1840-х гг. так называемой Северной горной экспедицией, которые располагались за пределами округа, в 150–355 верстах от Богословского завода, и требовали нового межевания. Главный начальник предполагал, что «по разбросанности приисков на большом незаселенном пространстве» округа постоянный надзор за ними был невозможен и многие из них могли быть уже «выработаны хищниками». «Затруднение с Миасскими приисками» тоже заключалось в отсутствии планов выработки после введения штатов 1847 г., когда были упразднены должности бергмейстера и чертежников, прежде занимавшихся составлением планов. Кроме того, управитель приисков Н. Д. Севастьянов в своих статьях в «Горном журнале» предостерегал от «малой раздробительной продажи» приисков из-за невозможности в таком случае «постановки правильных работ»⁵⁴. Выяснилась и нереальность продажи мелкими участками Березовских промыслов: они включали как поверхностные россыпи, так и подземное жильное месторождение, которые невозможно было разделить и которые «требовали общего водного хозяйства». По подсчетам И. П. Иванова, на предварительное межевание отводов по всем трем округам потребовалось бы около 79 тыс. руб., которые «едва ли будет возможность возратить в казну от продажи промыслов». Подтверждение тому он находил в первом опыте продажи приисков в соответствии с Уставом о частной золотопромышленности, когда из 200 выставленных на торги золотоносных площадей, расположенных вне горнозаводских дач, были проданы только 15⁵⁵.

Ввиду выявившихся сложностей, 23 июля 1872 г. в Екатеринбурге состоялось совещание, на которое прибыл сам В. К. Рашет вместе с членом Горного совета П. Н. Николаевым и начальником Отделения частных золотых промыслов Горного департамента Я. П. Лебедевым. В нем участвовали также главный начальник уральских заводов И. П. Иванов, управляющий Екатеринбургскими промыслами, окружной ревизор, три золотопромышленника, «издавна занимавшихся этим промыслом и практически знакомых с местными условиями» (это были Я. И. Расторгуев, Ф. Ф. Щелков и М. А. Нуров),

и «два частных лица, которые могли преподать весьма полезные для дела мысли» (видимо, В. И. Базилевский и А. С. Оленев, подавшие еще и особые записки).

Екатеринбургские золотопромышленники поддерживали намерение казны, но опасались высоких цен. Так, Я. И. Расторгуев, один из участников компании, еще в 1861 г. получившей в разработку прииски Гороблагодатского округа, настаивал на том, что «казне нужно иметь в виду не столько значительную выручку за прииски денег, сколько самое деятельное развитие золотого промысла в ее округах». «В Гороблагодатском округе, — приводил он пример, — в течение более чем 20 лет при казенном ведомстве добыто золота до 320 пуд., при частной же золотопромышленности с 1862 по 1872 г. до 720 пуд., и казна получила подати до 580 тыс. руб. После чего очевидно, что казна, не затрачивая ни копейки, получила громадные выгоды, чего можно безошибочно ожидать от предоставления и прочих казенных округов для частной золотопромышленности»⁵⁶. Вероятно, тогда он добивался преимущественного права своей компании на заявленные еще в 1861 г. казенные прииски в Екатеринбургском, Златоустовском и Богословском округах. Об этом его компаньоны заявляли еще в феврале 1871 г., после вступления в силу нового Устава о частной золотопромышленности. Когда им пришел отказ из Министерства, учредитель компании П. П. Ушаков подал жалобу в Правительствующий сенат на министра, а после того как и Сенат «оставил ее без последствий» — самому Александру II уже на Сенат. Однако и император не подтвердил свое давнее разрешение, ориентируясь на отзыв М. Х. Рейтерна, в котором указывалось, что «допущение какого-либо изъятия из Правил 18 октября 1871 г. могло бы повлечь за собой неблагоприятные последствия для успеха продажи с торгов казенных заводов и промыслов»⁵⁷.

Как свидетельствовал главный начальник уральских заводов, мнения участвовавших в екатеринбургском совещании специалистов оказались во многом «разноречивы», но большинство участников признало, что предварительное разделение промыслов на участки «с определением границ в размере, достаточном для разработки», с одной стороны, потребовало бы «продолжительного времени и... значительных расходов на обмежевание», с другой — поставило бы покупателей в положение, когда они должны были торговаться за неразведанные участки с неизвестным содержанием золота. Было поддержано предложение И. П. Иванова продавать только те казенные прииски, которые «с достоверностью исследованы, так что пространство их и содержание песков известны с достаточной точностью, а все остальные объявить свободными для заявок на общем основании». При этом «открытие» дач казенных заводов для таких заявок следовало объявлять «не прежде того, как будут проданы все разрабатывавшиеся прииски каждого округа». Особая осторожность требовалась при «открытии» дач Екатеринбургского округа во избежание истребления золотопромышленниками лесов, необходимых для металлургических заводов. «Свободно допущенная во всем округе частная золотопромышленность может поставить нас в такое положение, что высочайшая воля о продаже заводов Каменского и Нижнеисетского с их лесными дачами останется не приведенной в исполнение», — опасался И. П. Иванов.

Спорными оставались и вопросы о передаче приисков с земельным отводом или в полную собственность покупателя, или в аренду, а также о способе организации продажи — или в виде «чистых торгов», когда предложения принимались в запечатанных конвертах и побеждал тот, чья сумма оказывалась выше, или в форме аукциона с «осмысленной конкуренцией». Опасались, что в первом случае анонимность может

дать «все шансы аферисту, более или менее капитальному, или же лицу совершенно некомпетентному».

Предлагалось начать передачу промыслов с самых отдаленных из них и уже в 1872 г. продать прииски Северной экспедиции, затем приступить к продаже приисков, принадлежавших Петропавловскому заводу, а остальные прииски Богословского округа «удержать в казне до того времени, пока там не будут введены каторжные работы», из-за опасения, что «мастеровые предпочтут промысловые работы перед рудничными и заводскими и тогда завод и рудник останутся без рабочих рук». Затем выставлялись на торги Екатеринбургские промыслы, а позже всех — Миасские, «как наиболее благонадежные и приносящие казне значительные выгоды». Березовские промыслы И. П. Иванов предлагал продавать «в одни руки и в полную собственность», но на определенных условиях и с проверкой на торгах «благонадежности конкурентов», как это обычно практиковалось при выдаче концессий на устройство железных дорог⁵⁸.

М. Х. Рейтерн, который не намеревался оттягивать продажу, согласился с большинством новых предложений, выработанных на совещании в Екатеринбурге и представленных ему В. К. Рашетом. Министр 2 марта 1873 г. предписал «испросить высочайшего разрешения» на продажу Березовских золотых промыслов «без раздробления на участки», но, в отличие от предложения И. П. Иванова, все-таки «не в полную собственность, а только для разработки». Кроме того, требовалось получить санкцию на отчуждение Луганского и Лисичанского заводов», в случае необходимости возложить на оценочную комиссию некоторые функции поземельной комиссии, составить для нее инструкцию и назначить одну такую комиссию для описи и оценки Богословского и Серебрянского заводов, вторую — для Вятского и Луганского округов и третью — для Алагирского завода. Хотя казенные заводы Царства Польского к этому времени уже перешли в ведение Горного департамента, вопрос об их отчуждении пока не ставился.

Составление инструкции для оценочной комиссии возложили на члена Горного совета П. Н. Николаева, а разрешение спорных вопросов поручили особому совещанию из директора и вице-директора Горного департамента, а также председательствующего в Горном совете А. А. Иоссы. В ходе консультаций выявились новые предложения. Так, П. Н. Николаев «ставил вопрос о выгодности продажи каждого завода в отдельности», в частности, он не видел необходимости разделять Кирсинский и Песковский заводы и в то же время продавать вместе Богословский и недействовавший Петропавловский заводы. Он же предлагал продавать золотые прииски вместе с округами, к которым они относились.

Предложения Министерства финансов о продаже казенных заводов и промыслов были направлены в Министерство государственных имуществ. Товарищ министра светлейший князь А. А. Ливен в сентябре 1873 г. согласился с необходимостью отложить до разработки инструкции для поземельной комиссии продажу четырех заводов, где еще не было завершено землеустройство населения, и в то же время откладывать продажу Екатеринбургской механической фабрики, получив на это санкцию императора. Но он воспротивился предложению выставлять на торги остальные заводы «до утверждения законодательным порядком предположений о поземельном устройстве крестьян горнозаводского ведомства», без чего, по его мнению, «едва ли возможно было приступить к окончательному вымежеванию крестьянских наделов из горнозаводских дач».

Пока неторопливо шли консультации и переговоры между ведомствами, 1 мая 1874 г. Горный департамент получил уведомление государственного контролера С. А. Грейга об итогах деятельности казенных заводов и промыслов за 1872 г.: доход составил 4576480 руб., что оказалось на 284401 руб. меньше расходов по смете. «Невыгодность операций многих казенных заводов для государственного бюджета признана уже высшим правительством, — констатировал контролер, — и затем осталось ожидать лишь скорейшего исполнения высочайшего повеления об отчуждении некоторых из сих заводов в частную собственность». Рядом с этим текстом рукой Александра II было начертано: «Желаю весьма, чтобы оно было приведено в исполнение если не в нынешнем, то в будущем году»⁵⁹.

В такой ситуации дальнейшее промедление становилось невозможным. Видимо, Министерству государственных имуществ пришлось пересмотреть свои прежние намерения в отношении отдельных казенных заводов, тем более что с 1 января 1874 г. Горный департамент перешел в его подчинение и решение судьбы заводов стало насущной задачей именно этого Министерства. Летом 1875 г. сам П. А. Валуев побывал на Урале. «Министр государственных имуществ лично удостоверился, бывши... на заводах казенных и частных, что значат штаты в казенных горных заводах, насколько они помогают делу горного производства, — констатировалось в отчете, — мог лично сравнить, например, невыгодность действия казенного Саткинского завода с выгодностью действия частного Каслинского завода: один дает отличный дивиденд, другой — тянет лишь свое существование»⁶⁰. Этот год и стал решающим для казенного сектора российской горнозаводской промышленности, когда были совершены крупные сделки (см. разд. 3 гл. II).

Примечания

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 13. Д. 1241. Л. 5–8 об.

² М. Х. Рейтерн. Биографический очерк. Составлен А. Н. Куломзиним и графом В. Г. Рейтерн — бароном Нолькен. С приложениями из посмертных записок М. Х. Рейтерна. СПб., 1910. С. 64, 121.

³ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 871. Л. 47.

⁴ Там же. Оп. 11. Д. 1138. Л. 1 (об этом упоминается, в частности, в прошении И. И. Вольстета и И. П. Печаткина, служивших на уральских заводах).

⁵ См.: По вопросу о передаче некоторых казенных горных заводов в частные руки // Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1868. Т. 13, ч. 1. Прил. I к журн. № 59; Записка по вопросу о передаче некоторых казенных горных заводов в руки частной промышленности // Там же. Прил. II к журналу № 59.

⁶ ПСЗ-II. Т. 28. № 27812.

⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1211. Л. 1–3.

⁸ *Кетпен А. П.* Историко-статистический обзор промышленности России. Группа IV. Горная и соляная промышленность. СПб., 1882. С. 153–157.

⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1211. Л. 6–8.

¹⁰ Записка по вопросу о передаче некоторых казенных горных заводов в руки частной промышленности. С. 1–54.

¹¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 2. Д. 211. Л. 1–2.

¹² ПСЗ-II. Т. 36. № 37546.

¹³ РГИА. Ф. 37. Оп. 41. Д. 285. Л. 1–4 об., 11–18 об.; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 748. Л. 1–12.

¹⁴ По вопросу о передаче некоторых казенных горных заводов в частные руки. С. 1–38.

¹⁵ См.: Проект Правил о продаже казенных горных заводов в частные руки (Составлен особой подготовительной комиссией) // Труды Комиссии... Т. 13, ч. 1. С. 1; Журнал общего собрания Комиссии № 58 // Там же. С. 10.

¹⁶ Записка члена от управления оренбургского генерал-губернатора по вопросу о золотопромышленности в Златоустовском округе // Труды Комиссии... Т. 13, ч. 1. Прил. VI к журн. № 59.

¹⁷ РГИА. Ф. 572. Оп. 1. Д. 82. Л. 68–73.

- ¹⁸ Мнение главного начальника уральских заводов о продаже казенных золотых приисков // Труды Комиссии... Т. 13, ч. 1. Прил. VII к журн. № 59.
- ¹⁹ Журнал общего собрания Комиссии № 59 // Труды Комиссии... Т. 13, ч. 1. С. 1–25.
- ²⁰ Журнал общего собрания Комиссии № 58. С. 1–10.
- ²¹ Там же. С. 10–79.
- ²² Замечания В. А. Пашкова на проект Правил о продаже казенных горных заводов в частные руки // Труды Комиссии... Т. 13, ч. 1. Прил. III к журн. № 58.
- ²³ См.: Мнение члена Податной комиссии К. И. Марченко о необходимости производства государственного генерального межевания в Пермской губернии прежде продажи казенных горных заводов с землями в частную собственность // Труды Комиссии... Т. 13, ч. 1. Прил. IV к журн. № 58.
- ²⁴ См.: Мнение частного промышленника о действии казенных горных заводов и необходимости передачи их в частные руки в видах развития горной промышленности в России // Труды Комиссии... Т. 13, ч. 1. Прил. V к журн. № 58.
- ²⁵ Записка об оценке казенных горных заводов, предназначенных к отчуждению в частные руки (сост. Е. И. Адауровым) // Труды Комиссии... Т. 13, ч. 1. Прил. VII к журн. № 58.
- ²⁶ Замечания В. А. Пашкова... С. 1–6.
- ²⁷ РГИА. Ф. 572. Оп. 1. Д. 82. Л. 75–76 об.
- ²⁸ См.: Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 13, ч. 5: Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. Отчет В. П. Безобразова. СПб., 1868; *Безобразов В. П.* Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869.
- ²⁹ См.: *Безобразов В. П.* Уральское горное хозяйство... Прил. С. 163–169.
- ³⁰ Там же. С. 115–136.
- ³¹ Там же. С. 1–41.
- ³² Там же. С. 51–78.
- ³³ Там же. С. 43–50.
- ³⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 23. Д. 1013. Л. 2–11 об.
- ³⁵ См.: ПСЗ-II. Т. 38. № 39555; Т. 39. № 41576; Т. 40. № 42540; *Белов В. Д.* Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896. С. 139.
- ³⁶ См.: *Безобразов В. П.* Уральское горное хозяйство... Прил. С. 149–162.
- ³⁷ Там же. С. 221–236.
- ³⁸ РГИА. Ф. 572. Оп. 1. Д. 82. Л. 107–124 об.
- ³⁹ См.: *Котляревский И. П.* Заметки об уральском горном хозяйстве. СПб., 1870.
- ⁴⁰ Смесь // Горный журнал. 1875. № 6. С. 350–401; Смесь // Там же. № 7/8. С. 218–253.
- ⁴¹ *Рожков В. И.* Заметки на статью В. П. Безобразова об уральском горном хозяйстве, напечатанную в «Русском вестнике» // Горный журнал. 1869. № 2. С. 309–331; По поводу статьи В. П. Безобразова: Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных заводов // Там же. С. 332–351.
- ⁴² *Котляревский И. П.* Указ. соч. Предисловие.
- ⁴³ РГИА. Ф. 572. Оп. 1. Д. 82. Л. 126–131.
- ⁴⁴ Там же. Л. 96–100.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 37. Оп. 5. Д. 871. Л. 47–69.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 572. Оп. 1. Д. 82. Л. 78–93 об.
- ⁴⁷ Отчет Г. Ф. Гуннера, австрийского министерского советника и директора Леобенской горной академии о поездке по уральским заводам и Южной России // Горный журнал. 1871. № 1. С. 41–43.
- ⁴⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 871. Л. 47–69.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 572. Оп. 1. Д. 82. Л. 133.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 37. Оп. 5. Д. 871. Л. 2–5, 21–34; ПСЗ-II. Т. 46. № 50048.
- ⁵¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 871. Л. 35–37 об.
- ⁵² Там же. Л. 104, 160, 162; ПСЗ-II. Т. 51. № 55687; Т. 52. № 57054.
- ⁵³ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 871. Л. 104–124 об.; Оп. 11. Д. 1525. Л. 4–7.
- ⁵⁴ *Севастьянов Н. Д.* По поводу продажи Миасских золотых промыслов в частные руки // Горный журнал. 1872. № 7/8. С. 387–394.
- ⁵⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 880. Л. 87; Д. 873. Л. 50–53.
- ⁵⁶ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 748. Л. 116–123 об.
- ⁵⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 41. Д. 285. Л. 7, 10–10 об., 19–23.
- ⁵⁸ Там же. Оп. 5. Д. 880. Л. 106–110, 113–146 об., 149–168 об., 171–175 об.; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 748. Л. 116–143 об., 166–178, 203–216.
- ⁵⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 871. Л. 126–127, 132, 154, 154 об., 167.
- ⁶⁰ Там же. Д. 875. Л. 22–23 об.

2. Дальнейшее движение правительственного курса (1881–1915)

Корректировка курса в 1880-е гг.

Эволюция отношения власти к отчуждению казенных горных имуществ была непосредственно связана с ходом начавшейся приватизации. Ее первые результаты были подведены во всеподданнейшем отчете министра государственных имуществ М. Н. Островского за 1881 г.¹ В нем указывалось, что к тому времени на Урале состоялась передача золотых промыслов и продажа Богословского и Вятского округов, а в Царстве Польском перешли в частную собственность Стараховицкие и Домбровские (Гута-Банкова) заводы. Прочие назначенные к продаже предприятия оставались в руках казны «отчасти по безуспешности торгов, отчасти по другим причинам». Более того, министр признал «не вполне удовлетворительными» и результаты заключенных сделок, касавшихся двух уральских горнозаводских округов. «Продавать казенные земли с лесами, минеральными месторождениями и заводскими строениями по 5 руб. 32 коп. (для Богословских заводов) и по 1 руб. 30 коп. (для Вятских заводов) за десятину не значит ли отчуждать казенные имущества за слишком ничтожную цену?» — задавался министр риторическим вопросом. «Единственные выгоды, которые получает казна от продажи вышеозначенных заводов, — констатировал он, — состоят в уничтожении большого убытка, ежегодно оказывавшегося по сметам, и в выручке нескольких десятков тысяч рублей от горных податей». Министру, недавно назначенному на должность, этот доход от приватизации показался слишком незначительным. Его пессимистичное настроение только усилилось, когда, посетив Урал в 1884 г., он узнал о перепродаже Богословского округа за сумму, значительно превышавшую ту, на которую в свое время согласилась казна². Все это послужило причиной пересмотра прежней политики в отношении казенных горных имуществ.

«Дальнейшая передача заводов на прежнем основании» была признана «неосторожной мерой». «Полному отчуждению путем продажи с торгов, — решил М. Н. Островский, — могут подвергнуться впредь только такие горнозаводские имущества, которых сохранение в руках правительства не вызывается никакой необходимостью, а аренда их принесла бы слишком незначительный доход сравнительно с расходами по надзору за исполнением договора». При таком условии продаже подлежали бы на Урале лишь закрытые Камский броневой завод и Екатеринбургская механическая фабрика с монетным двором (позже к этой группе был отнесен и Нижнеисетский завод), в Царстве Польском — остановленный в 1880 г. Панковский завод с каменноугольной копью Реден, на Юге — Лисичанский, на Кавказе — Алагирский завод.

Новым в этом списке был Камский завод. Как уже упоминалось, он сооружался в целях «приготовления броневых плит для обшивки судов и крепостей и выделки разных сортов фигурного железа огромных размеров, необходимого для современного судостроения». Но спустя всего десятилетие после открытия завода механизмы «оказались недостаточно сильными» вследствие распространения «новейших способов обороны». Заказы на его продукцию резко сократились. Кроме того, расположенный на берегу Камы, завод «подверглся затоплению весенним разливом реки». Поэтому в 1879 г. его оборудование было перенесено на Воткинский завод, а на продажу, видимо, предполагалось выставить оставшиеся сооружения, скорее всего, без обязательства восстановить металлургическое производство. Так казна уже поступала в отношении

закрытого еще в 1860 г. Николаевского оружейного завода в Гороблагодатском округе. В 1870-е гг. его помещения и остатки оборудования выставлялись на торги, но не привлекли внимания предпринимателей. В 1883 г. территория бывшего завода будет передана губернским властям для организации там тюрьмы³.

Другим способом «привлечения частных капиталов к казенным горным заводам» представлялась министру их аренда, от которой после долгих дебатов отказались разработчики Правил 18 октября 1871 г. (включая и самого М. Н. Островского в бытность его представителем Государственного контроля). «Не скрывая от себя слабой стороны такого способа эксплуатации, именно возможности хищнического хозяйствования, — отмечалось в записке Горного департамента, — министр полагал, однако, что могут быть изысканы меры к предотвращению подобных разорительных действий арендаторов с помощью строгого надзора и обеспечения точного исполнения контракта достаточными залогами». «Арендный способ» мог быть применен к таким казенным имуществам, «видимая ценность которых была незначительна, но которые могли давать большой доход при затрате соответствующего капитала». К таким объектам отнесли цинковый завод под Бендином в Польше и Юговский медеплавильный завод на Урале. Отчуждение же заводов, «не подходящих под упомянутые две категории», М. Н. Островский признал нужным приостановить «на некоторое время, впредь до разрешения вопроса о будущей деятельности казенных горных заводов».

Этот последний вопрос встал тогда довольно остро в связи с наметившимся стремлением Военного министерства «освободиться от обязательных отношений к горному ведомству». По действовавшим с 1 сентября 1871 г. Временным правилам для дачи нарядов Военным и Морским министерствами, разработанным той же Податной комиссией (действие этого акта, рассчитанного на три года, затем периодически продлевалось до издания новых правил в 1888 г.), эти ведомства должны были давать заказы на орудия, снаряды и холодное оружие преимущественно казенным заводам, хотя им не запрещалось размещать заказы и на частных предприятиях «теми способами, какие, по усмотрению министерств, окажутся более удобными и для казны выгодными»⁴. Как свидетельствовали специалисты, стремление военных ведомств передавать свои наряды частным заводам отчетливо проявилось как раз в 1880-е гг., «когда неисправность поставок предметов обороны укоренила убеждение, что казенные горные заводы не в состоянии удовлетворять не только экстренной, но и обыкновенной потребности сухопутной артиллерии»⁵. При заметном уменьшении военных заказов М. Н. Островский считал убыточность казенных заводов непреодолимой без усиления их роли на российском рынке металлов. Дело в том, что значительная и все возрастающая потребность в чугуна наталкивалась, по мнению министра, на уже во многом исчерпанные возможности частной уральской промышленности, «достигшей пределов возможной своей производительности, ограниченной запасом горнозаводских лесов». Богатые же леса некоторых казенных округов, в частности Гороблагодатского, еще позволяли существенно увеличить выплавку чугуна на казенных металлургических предприятиях, в том числе и на назначенном в продажу Серебрянском заводе. Новые направления деятельности казенных заводов могли проявиться и в изготовлении железнодорожных принадлежностей, «потребность в которых постоянно возрастала с распространением сети железных дорог». В этом плане наиболее перспективным выглядел Каменский завод, находившийся вблизи строящейся дороги Екатеринбург — Тюмень и располагавший, как тогда казалось, значительным запасом каменного угля. Даже изготовление

ручных кос на Артинском заводе Златоустовского округа показалось министру выгодным для казны в случае увеличения их производства с 38 тыс. штук до 180 тыс., что способствовало бы «вытеснению иностранной косы и могло оказать тем сельскому хозяйству немаловажную услугу».

В заключение своего отчета М. Н. Островский предложил в первую очередь «согласовать деятельность казенных заводов с потребностями военных ведомств» с целью устранения все возрастающей опасной зависимости их от частных заводчиков. После этого заводам, которые «оказывались бы для приготовления предметов военной обороны излишними», следовало «доставить средства для переустройства их в техническом отношении так, чтобы они могли выдержать соперничество с частными заводами, по крайней мере в приготовлении некоторых предметов, потребных для рынка». Наконец, необходимо было «развязать руки» правительству «относительно некоторых совершенно ему ненужных казенных заводов».

На всеподанный отчет министра 28 июня 1882 г. последовало «высочайшее соизволение»: Александр III разрешил «испытать новый арендный способ отдачи заводов», не лишавший казну права собственности на горнозаводскую недвижимость. Таким образом, правительственный курс на продажу горных заводов как на основной способ их отчуждения отклонился в сторону аренды. Следствием этого стали разработанные в Министерстве государственных имуществ Правила для отдачи заводов в арендное содержание. Однако, переданные на обсуждение в Министерство финансов и в Государственный контроль, они вызвали неоднозначную реакцию. Со стороны министра финансов Н. Х. Бунге не последовало возражений, но государственный контролер Д. М. Сольский в своем отзыве от 3 апреля 1884 г. раскритиковал предложенные Правила и порекомендовал «испробовать другие возможные средства к более выгодной эксплуатации казенных заводов, как, например, сокращение накладных расходов, преобразование администрации и подчинение заводских операций более действительному техническому надзору»⁶. Видимо, общие Правила аренды казенных заводов так и не были утверждены, но Министерство государственных имуществ всё же не отказалось от испытания «арендного способа привлечения частных капиталов», который был санкционирован императором. Скорее всего, там решили ориентироваться не на стандартные правила, а на особые условия, разрабатываемые в каждом конкретном случае.

В 1885 г. пристального внимания М. Н. Островского удостоились Олонецкие заводы, прежде не рассматривавшиеся ни им, ни его предшественниками в качестве возможных объектов отчуждения. Поводом к некоторой корректировке такого отношения послужило личное «обозрение» министром этих заводов в ходе поездки в Олонецкий край в 1885 г., когда проявилась их несокращавшаяся убыточность для казны. Впечатления главы горного ведомства нашли отражение в особой записке, составленной от его лица. Начиналась она с констатации того, что эти заводы «не могли пока действовать с выгодой для казны и, напротив того, убытки от их действия на некоторое время были неизбежны». «Ввиду такого прискорбного обстоятельства» министр «неволью задавался вопросом: не лучше ли прекратить действие заводов и взамен приплат от казны на их производство оказать щедрую помощь тому населению, которое питается от этих заводов, предоставив ему иные к существованию средства путем переселения в случае надобности в другую местность?» Такой выход из «ненормального положения» лишь на первый взгляд представлялся министру «наиболее простым и естественным». Не колеблясь, он отвечал на поставленный вопрос отрицательно. «Указанный выход

мог бы считаться правильным исключительно в том случае, — полагал М. Н. Островский, — если бы по естественным и экономическим условиям Олонецкого края следовало отказаться от мысли о развитии здесь горного промысла».

«Но если нельзя закрыть казенные заводы Олонецкого округа, то не лучше ли передать их в частные руки? Если казна не может пока вести дело безубыточно, то не могут ли взяться за него с большим успехом частные лица как более свободные в своих распоряжениях промышленными предприятиями?» — возникали новые вопросы. По зрелом размышлении и на них «приходилось отвечать в настоящее время отрицательно», поскольку продать горные заводы с обширными казенными лесными дачами Олонецкого края «можно было только на самых невыгодных для казны условиях». Доказательством этому выступали как известные министру «опыты продажи казенных горных заводов в других, более благодарных местностях», так и сложившиеся тогда в Олонецкой губернии низкие цены на лесные участки «при совершении покупок их между частными лицами». «Очевидно, — полагал министр, — что прибегнуть к такой мере значило бы вовсе не избежать убытков, приносимых Олонецким округом, а только понести убытки в другой форме — в виде уступки значительной части ценности тех лесов, которые в будущем, несомненно, должны приобрести немаловажное экономическое значение». Продажа заводов без лесов и аренда заводов «с правом получения от казны лесных материалов за попенные деньги» также представлялись нереальными. Министр признал, что попытка найти покупателя или «солидного арендатора» Олонецкого округа выглядела весьма сомнительной. Он упомянул о том, что к нему уже обращались «желающие воспользоваться Олонецкими заводами путем аренды» и что «между ними были лица состоятельные», но по ближайшем ознакомлении с условиями дела на месте они отказались от своего намерения.

Известно о попытке арендовать этот казенный округ, предпринятой еще в августе 1879 г. «русским изобретателем» А. П. Давыдовым (проживал в Санкт-Петербурге, в доме № 22 на Знаменской улице). Прославился он тем, что в конце 1860-х гг. выдвинул план обороны Балтийского побережья с помощью изобретенных им подводных мин, а позже «создал целую систему автоматической стрельбы... и применил принцип этой стрельбы в артиллерии береговых крепостей и к управлению минами». В своей записке на имя министра государственных имуществ П. А. Валуева он сообщал, что «как собственник» обладает аппаратом Базена, который использовался для углубления фарватера рек и извлечения донного грунта. С его помощью изобретатель собирался добывать озерную руду (она преимущественно употреблялась в Олонецком округе) «при гораздо менее дорогих затратах, какие производятся в настоящее время». «Сочувствуя всецело развитию всякого железного дела в нашем отечестве, — писал он, — я как сын земли русской не могу оставаться равнодушным к закрытию такого завода (имелся в виду Александровский пушечный завод, предшественник которого был основан в 1703 г. — *Е. Н.*), на котором бессмертный преобразователь России император Петр I положил первое начало устройства разработки железа — этого рычага народного благосостояния». А. П. Давыдов просил отдать ему Олонецкий округ «в арендное содержание», предполагая не только развивать там в широких масштабах чугуноплавильное и литейное производство, но и «водворить железную и стальную выработку, если найдутся руды», и тем самым «сохранить много денег в государстве взамен вывоза их за границу на уплату за рельсы и другие железнодорожные принадлежности». Поскольку на осуществление задуманного плана требовались большие затраты, проситель желал продлить аренду

заводов на возможно больший срок и получить разрешение «пригласить товарищей или образовать установленным порядком акционерное общество» в случае недостатка собственных средств. Это предложение не было серьезно воспринято в Министерстве государственных имуществ и осталось без ответа⁷. Вряд ли его имел в виду М. Н. Островский, упоминая в своем докладе о состоятельных претендентах на Олонецкий округ.

Скорее всего, внимания министра удостоились другие, более перспективные предложения от близких друг другу групп отечественных и иностранных предпринимателей. Еще в декабре 1880 г. было получено прошение от учредителей Общества Прионежской горнозаводской промышленности дворянина и петербургского кушца первой гильдии Ж. Ф. Берда, инженер-механика Ф. А. Пеля и коллежского секретаря П. С. Янова. В нем пояснялось, что представитель знаменитой машиностроительной фирмы Ж. Ф. Берд решил продать принадлежавший ему в Санкт-Петербурге завод французской компании «ввиду постепенно ухудшавшегося положения столичного заводского производства», а освободившийся значительный капитал направить «при соучастии русских и иностранных капиталистов» на развитие заводов Олонецкого края для обеспечения петербургских предприятий «доброкачественным металлом». Это не только ослабило бы их «зависимость от иностранцев», но и «предоставило правительству на случай войны обширный источник для удовлетворения военных потребностей». Просители уверяли, что только приватизация, «уже давно приведенная в исполнение всеми правительствами Западной Европы и признаваемая у нас всеми за непреложное», могла стать «рациональным разрешением вопроса, угнетающего нашу казенную промышленность». Учредители вышеупомянутого Общества просили продать Олонецкий округ, полагая, что только так можно «с наибольшей пользой утилизировать (т. е. найти применение. — *Е. Н.*) исстари образовавшееся в Петрозаводске значительное горнозаводское население, которое ныне обречено влачить жалкое существование и постоянно обременять казну непроизводительными расходами для его поддержки». Несмотря на все эти аргументы, Министерство государственных имуществ не сочло нужным тогда «вести дальнейшее производство по этому делу»⁸.

В сентябре 1883 г. новое предложение было сделано главноуполномоченным Общества франко-русских заводов (бывших Ч. Берда) французским инженером П. К. Дюбуи. «Узнав, что Кончезерский и Валазминский заводы предполагается закрыть, и желая иметь возможность употреблять в будущем чугуны означенных заводов, который в настоящее время нами употребляется для пудлингования, — писал этот представитель вполне солидного Общества в Горный департамент, — имею честь покорнейше просить... уведомить меня, не найдет ли Департамент возможным продать мне или отдать в аренду заводы с принадлежащими к ним лесными дачами в полном количестве или в части оных, необходимой для разработки металла». Чуть позже он просил разрешить своим доверенным лицам — инженерам К. Я. Коху и В. Н. Бек-Гергардту — «воспользоваться временем до закрытия навигации» для осмотра Олонецких заводов «на предмет сделанного предложения».

Разрешение было дано, и горный начальник Олонецкого округа В. В. Перловский уже делал предположения о возможном отводе 70 тыс. дес. леса к Кончезерскому заводу, когда в ноябре 1883 г. пришло новое заявление П. К. Дюбуи. Он извещал Горный департамент о том, что полученные им от доверенных лиц сведения оказались недостаточно полными «по причине осеннего времени» и, основываясь на них, было невозможно «теперь же сделать вполне разработанные предложения относительно устройства

дела, которое по первому взгляду оказалось довольно затруднительным». Новый «подробный осмотр на месте» он планировал провести весной, но этого, видимо, так и не произошло⁹. Дело не получило продолжения, и, вероятно, именно о нем вспоминал министр два года спустя в своей записке.

В 1885 г. «единственным благоразумным образом действия по отношению к заводам Олонецкого округа» М. Н. Островскому представлялось все-таки сохранение их в руках казны «в видах будущего развития горного промысла». Предвидя неизбежные убытки, министр полагал, что «с государственной точки зрения более выгодно было бы решиться на эти убытки и даже на новые единовременные затраты с целью улучшения заводов... нежели уничтожением здесь горного дела надолго отсрочить возможность его развития и тем нанести государству экономический вред гораздо более серьезный, нежели упомянутые убытки». Кроме того, министр и его эксперты в горном деле обращали внимание на то «важное значение, какое могли приобрести снарядно-литейный Александровский завод, а с ним и чугуноплавильные заводы Валазминский и Суоярвский, вследствие открытия военных действий, театром которых были бы западные границы или Балтийское море».

Изложенные соображения министра государственных имуществ, как сообщалось в цитируемой записке, «удостоились высочайшего одобрения собственноручной Его императорского величества отметкой на докладе», определившей судьбу заводов Олонецкого округа, оставшихся во владении казны. Как позднее, в 1898 г., сообщали министерские чины, Олонецкие заводы вскоре «вышли из временно причинявшихся ими казне убытков» и стали давать «весьма значительный доход». Это, по их мнению, как нельзя лучше доказывало правильность принятого в свое время М. Н. Островским решения¹⁰.

Намерения Министерства государственных имуществ в отношении других казенных заводов, судя по имеющимся сведениям, не осуществились полностью. В 1880-е — начале 1890-х гг. не удалось продать ни одного предприятия. Екатеринбургскую механическую фабрику с монетным двором в 1883 г. передали в ведение Министерства путей сообщения. Нижнеисетский завод был перепрофилирован самой казной на изготовление железнодорожной продукции и после долгого периода убыточности стал приносить небольшой доход. Как сообщалось в «обзоре деятельности Министерства государственных имуществ по горной части», представленном Александру III в 1892 г., Каменский завод, «ввиду постройки Екатеринбург-Тюменской железной дороги и открытия каменного угля на восточном склоне Урала», был исключен из списка заводов, назначенных к продаже¹¹. В Луганском округе в аренду удалось сдать только каменноугольные копи; Лисичанский завод в 1882 г. был упразднен с распродажей имущества, а Луганский — в 1892 г. передан в военное ведомство. Лишь польские цинковые заводы в 1890 г. были сданы в аренду на выгодных для казны условиях да Юговский завод арендован в 1892 г., но уже не на столь выгодных условиях. Нет сведений о каких-либо попытках продажи или сдачи в аренду закрытых Камского броневых завода и польского завода Панки. Остался во владении казны и Алагирский завод на Кавказе (см. разд. 3 гл. II).

Колебания курса в 1890-е гг.

Результаты деятельности Министерства государственных имуществ во время управления М. Н. Островского сказались на дальнейшей истории передачи казенных заводов в частные руки, когда Министерством земледелия и государственных имуществ руководил А. С. Ермолов, вступивший в должность министра в 1893 г.

Осенью 1895 г. А. С. Ермолов посетил Олонецкий край, верхневолжские губернии и Урал, отчитавшись о поездке во всеподданнейшем докладе. В этом документе, подкрепленном результатами проверки заводов профессором И. А. Тиме и горным инспектором И. Н. Урбановичем в 1894 г., министр представил и новый взгляд на дальнейшее развитие казенных горных заводов. «Предместник мой, статс-секретарь Островский, полагал возможным (кроме недействующих Камского броневого и Юговского медеплавильного заводов) продать только один Нижнеисетский завод как наиболее убыточный для казны вследствие сравнительно высокой цены переплавляемого им чугуна, незначительности размеров производства и большого процента накладных расходов, падающего на его изделия, — напоминал А. С. Ермолов о решениях прежнего министра. — Я же лично полагал бы необходимым идти в этом направлении еще далее и, по крайней мере, в отношении уральских горных заводов не отчуждать ни одной пяди казенной земли, ни одного рудного месторождения в казенных дачах, не продавать и не закрывать ни одного завода». «Для эксплуатации казенных рудных богатств, для утилизации казенных лесов, для предоставления заработков местному населению, живущему... в местах почти недоступных для хлебопашества и искони приверженному горному промыслу», он решался даже возбудить вопрос о возведении новых казенных заводов. «Я полагаю, что казна как собственник громадных земельных, рудных и лесных богатств не должна оставлять эти богатства лежащими втуне, — писал министр, — а напротив, обладая потребными на то денежными средствами и техническими силами, обязана их разрабатывать как в своих собственных выгодах, так и в интересах поднятия общенародного благосостояния»¹².

Позиция А. С. Ермолова развивала представление его предшественника о назначении казенного сектора горнозаводской промышленности. Если М. Н. Островский допускал коммерческую деятельность заводов лишь как вспомогательную задачу в условиях сокращения казенных заказов, то вновь назначенный министр намеревался превратить ее в основное направление их деятельности, несмотря на то что еще 10 августа 1888 г. были утверждены новые Временные правила для дачи и исполнения на казенных горных заводах нарядов Военного и Морского министерств (в дальнейшем эти «временные правила» были продлены на год, затем, с небольшими уточнениями, — на пять лет)¹³, установившие обязательные нормы этих нарядов¹⁴.

Подобным образом вопрос не ставился со времени работы Горной и Податной комиссий. Напомним, что первая из них допускала некоторое участие казенных заводов в коммерческих операциях лишь с целью понижения цен на металлы на внутреннем рынке, вторая же в лице либеральных экономистов вообще не считала казенное предпринимательство эффективным. А. С. Ермолов отводил государству роль одного из значимых участников динамично развивавшегося в те годы российского рынка металлов, что, конечно, требовало пересмотра некоторых «организационных начал» казенного сектора промышленности. Министр предлагал, в частности, провести специализацию заводов и изменить подход к их финансированию.

«Главную задачу казенных горных заводов на Урале, — размышлял А. С. Ермолов, — я вижу в извлечении из недр земли... рудных богатств и обращении их в такой вид, в котором они могли... служить для нужд частной промышленности, другими словами, в добыче железной руды и выплавке из нее чугуна. Операция эта настолько проста и... выгодна для казны даже при неизбежном... понижении цен на чугун, что нет достаточных оснований передавать ее в частные руки. Более того, я считал бы

необходимым, сохранив эту операцию за казной, постепенно ее развивать хотя бы в тех видах, чтобы сколь возможно обеспечивать частную промышленность потребными ей сырыми материалами, идти навстречу с каждым днем возрастающему спросу на чугун и железо с тем, чтобы путем обращения этих материалов в продажу по умеренным, хотя и прибыльным для казны, ценам противодействовать пагубному стремлению частных заводчиков искусственно повышать цены для доставления себе громадных, ничем не оправдываемых барышей в ущерб интересам всех прочих отраслей промышленности и общенародному благосостоянию». Но, признавая «безусловную необходимость, чтобы казна в интересах государственных сохранила в своих руках казенные горные заводы и как собственник богатейших в России рудных месторождений продолжала и даже усиливала бы их разработку», министр счел столь же необходимым «организовать такую постановку горнозаводского дела на Урале, при которой она не ложилась бы бременем на Государственное казначейство». Данная перспектива не только исключала продажу казенных заводов, но и ограничивала возможность их аренды, которая допускалась министром лишь для «наиболее убыточных заводов железодельных, работающих на привозимом... чугуна, и притом... тех из них, которые вовсе не были нужны для удовлетворения нужд армии и флота, и равно не иначе, как без земли и без лесов, и лишь после окончания поземельного устройства горнозаводского населения, донныне едва только начатого»¹⁵.

За столь существенными переменами в отношении к казенным заводам стояло мнение, конечно же, не одного человека, хотя бы и состоявшего в должности министра. Оно, как минимум, должно было поддерживаться руководством Горного департамента и другими ведомствами, сфера ответственности которых сопрягалась с горнозаводской деятельностью.

В Горном департаменте было проведено исследование, показавшее, что 22 учтенных казенных завода (13 уральских, 4 олонекских и 5 польских) произвели в 1897 г. по заказам Военного и Морского министерств, Министерства путей сообщения и Министерства земледелия и государственных имуществ 4 134 319 пуд. металлов, 124 орудия, 473 001 снаряд, 46 551 шт. холодного оружия и шесть паровозов на общую сумму 6 760 592 руб. На долю Урала пришлось 85,6% этой суммы, Олонекского округа — 12,33 и Царства Польского — 2,07%. Частные заказы в том же году составили 1 302 292 пуд. металлов, 16 495 шт. земледельческих орудий, 22 984 косы, 3 тыс. шт. холодного оружия и три парохода на сумму 2 044 298 руб. На долю уральских заводов пришлось 90,77% от этой суммы, олонекских — 0,15 и польских — 9,08%. В общей же стоимости выполненных заказов доля казенных составила 76,78%, частных — 23,22%. Прояснилась также тенденция к сокращению финансирования казенных заводов за последнее десятилетие: сумма операционных и строительных капиталов, ассигнованных по сметам, оказалась существенно ниже (на 10%) той, которая запрашивалась заводоуправлениями, причем в первую очередь это касалось строительного капитала (его объем уменьшился на 21,4%), идущего на ремонт заводского оборудования и модернизацию производства.

Вывод, сделанный на основе этих данных, был представлен в особой записке, свидетельствующей о поддержке высшим горным начальством своего министра. «По настоящее время общее положение казенных горных заводов оставляет желать многого как в отношении выгодности их действия, так и в смысле качества и количества изделий, изготовленных по казенным нарядам и на частную продажу, — отмечалось

в ней. — Удовлетворяя лишь до известной степени потребностям военного и морского ведомств, казенные горные заводы в то же время в очень скромных размерах участвуют в общей производительности страны по приготовлению разного рода металлов, чем, главным образом, и объясняется убыточность их действия. Последствием этой убыточности явились затруднения в отпуске из Государственного казначейства сумм, требуемых на операционные и строительные надобности заводов... При таких обстоятельствах проявившееся в последние годы под влиянием главнейше покровительственной таможенной политики (осуществлявшейся с начала 1880-х гг.) громадное оживление и развитие частной горнозаводской деятельности в империи не отразилось в должной мере на казенных горнозаводских предприятиях, которые хотя и усилили... производство чугуна, но по недостатку средств далеко не в той степени, как это представляется возможным по естественным их условиям»¹⁶.

Придя к согласию в собственном ведомстве, А. С. Ермолов организовал несколько совещаний с участием «других заинтересованных в деле министерств» в надежде увлечь их своими планами. Так, горные чиновники вместе с представителями оборонных ведомств в 1896 г. обсуждали вопросы «усиления деятельности казенных горных заводов, в особенности по выплавке чугуна, большей, чем ныне, специализации работ на некоторых из заводов при значительном усовершенствовании приемов производства, в большинстве случаев не соответствовавших требованиям настоящего времени».

Однако участие представителей Военного и Морского министерств, видимо, направило обсуждение в сторону от проблем коммерциализации производства: внимание было акцентировано на совершенствовании выпуска оборонной продукции как основной для казенных горных заводов. Итогом совещания стал вывод о том, что «для надлежащей постановки выделки пушек, снарядов и других предметов вооружения... требуются единовременные затраты довольно значительных сумм на переустройство заводов», которые «никоим образом не могли быть покрыты из ежегодно ассигнуемых горному ведомству сметных сумм». Было также сделано заключение о необходимости «коренных изменений системы отчетности заводов, не дающей в настоящее время верного понятия о действительной их доходности или убыточности для казны».

На Урале с целью «ближайшего обсуждения и подробной разработки на месте» решений совещания были организованы «горные советы» из местных инженеров под председательством руководителей казенных округов. Их рекомендации затем обобщались и рассматривались главным начальником уральских заводов «при участии горных начальников и других чинов горного ведомства». Опираясь упомянутыми выше данными, участники совещаний увидели «главнейшие недостатки современной постановки деятельности казенных заводов в трудности получения необходимых не только строительных кредитов, но даже и операционных капиталов... в стеснении свободы действий руководителей заводского производства различными формальностями, тормозящими живое заводское дело... и в малой заинтересованности лиц» в успешном действии заводов¹⁷.

Сопряженные с этим выводом вопросы о целесообразности сохранения во владении казны тех или иных заводов обсуждались на другом межведомственном совещании, организованном в ноябре 1897 г. под председательством А. С. Ермолова и при участии представителей Министерства финансов, Военного министерства и Государственного контроля. Это совещание «признало... нужным, во-первых, определить, какие из существующих заводов необходимы для изготовления предметов вооружения...

и, следовательно, подлежат непременно оставлению в руках казны и на каких возможно было бы прекратить выполнение заказов военного и морского ведомств, и, во-вторых, выяснить, какие из заводов последней категории представлялось бы желательным... оставить в руках казны, а какие следует признать подлежащими передаче в частную эксплуатацию».

Основное внимание по вполне понятным причинам было уделено уральским предприятиям. Совещание согласилось с тем, что в ведении казны безоговорочно должны остаться Пермские пушечные заводы и Златоустовский снарядный завод с оружейной фабрикой, «самое назначение которых устраняло вопрос о передаче их в частные руки». В Златоустовском округе следовало сохранить также чугуноплавильные Саткинский и Кусинский заводы, деятельность которых обеспечивала сырьем военные предприятия. «Громкая известность, которой пользуется по своим высоким качествам саткинский чугун, и значительная потребность Морского министерства в этом чугуне составляют совершенно достаточное основание к оставлению Саткинского завода в казенном управлении, — полагали участники совещания. — То же заключение следует сделать и о Кусинском заводе. Последний является единственным из уральских казенных заводов, на котором предположено сосредоточить отливку чугунных артиллерийских снарядов мелких калибров, а высокие литейные качества кусинского чугуна снискали себе такую же известность, как передельные свойства саткинского». Иное отношение проявилось к Артинскому заводу, который «без ущерба для изготовления предметов обороны» мог быть передан «в пользование частных лиц». До последнего времени там изготовлялось кричное железо для морского ведомства, а также косы «на вольную продажу». Как свидетельствовали участники совещания, «теперь в означенном железе ведомство это надобности не встречает, да и самое кричное производство оставлено в Артинском заводе лишь временно, до установления чугуноплавильного дела; выделка же кос... может лучше процветать в частных руках, чем в казенном управлении».

Вследствие «сходных условий производства» на всех Гороблагодатских заводах совещание признало нерациональным «расчленять этот округ в хозяйственном отношении с целью отдачи некоторых заводов в эксплуатацию частным лицам». Округ следовало рассматривать как одно целое, которое и необходимо было удержать в казенном управлении по двум основным причинам. Лишь здесь изготовлялись чугунные снаряды крупных калибров для сухопутной и морской артиллерии, которые вследствие особых качеств гороблагодатского чугуна не могли производиться на других казенных заводах «с таким же успехом». Кроме того, крупнейший рудник округа — Благодатский — представлял собой «такое государственное богатство, оценить которое в случае передачи частным лицам было бы весьма затруднительно, если даже не совсем невозможно». Совещание рекомендовало для увеличения доходности Нижнетуринского и Серебрянского заводов «предназначить их исключительно для выплавки чугуна с постепенным упразднением железоделательного производства». «Вообще же заводы Гороблагодатского округа способны к значительному усилению выплавки на них чугуна, а потому и с этой точки зрения необходимо сохранить их в руках казны», — резюмировали участники совещания свои размышления.

Обсудили и варианты судьбы оставшихся в ведении горного начальства заводов бывшего Екатеринбургского округа. Поскольку размещенные на Нижнеисетском заводе заказы Морского министерства могли быть переданы другим казенным предприятиям, не исключалась возможность предоставления его «в пользование желающим».

Каменский же завод, ввиду его «несомненной и значительной доходности, обусловливаемой простотой и выгодностью производства», желательно было оставить в казенном управлении. Но если бы случилось так, что «предприниматель, пожелавший получить в свое пользование Нижнеисетский завод, поставил бы непременно условием отдачу ему также и Каменского завода в видах обеспечения первого завода потребным ему количеством чугуна», то «в случае выгоды предложения» не исключалась и возможность «отказаться от удержания Каменского завода в ведении казны».

По-новому совещание отнеслось к Воткинскому заводу, прежде не назначавшемуся к отчуждению. Совещание сочло, что «вследствие весьма малого количества выполняемых им нарядов Военного министерства» (арсенальное железо и «светящие ядра»), несмотря на то что по своим благоприятным естественным условиям завод «представляет все данные для своего процветания», он по роду своей деятельности может быть передан в частные руки в случае, если найдутся желающие и предложат «подходящие условия».

Прежнее отношение к Олонецким заводам тоже было несколько скорректировано. С одной стороны, участники совещания не нашли «особых побудительных причин желать передачи их частным лицам», поскольку эти заводы «не представляли бремени для казны и даже доставляли ей значительный доход». Вместе с тем не исключалась возможность такой передачи, «если бы нашлись желающие получить их на выгодных для казны условиях». Производство же чугунных артиллерийских снарядов в таком случае можно было перевести на уральские заводы.

Весьма желательной была признана отдача предпринимателям оставшихся в руках казны нескольких польских чугуноплавильных заводов, которые не работали на нужды обороны и имели «небольшую производительность». Тем более что продажа «древесного материала» из казенных лесных дач Царства Польского, по расчетам чиновников, могла бы принести казне «не меньший, если не больший, доход, сравнимый с ныне производимым отпуском леса для поддержания в крае казенного горнозаводского дела»¹⁸. Судьба Алагирского завода не рассматривалась, поскольку с 1895 г. он уже находился в аренде.

Таким образом, из оставшихся к тому времени казенных горных заводов межведомственное совещание 1897 г. вновь предложило к отчуждению Артинский и Нижнеисетский заводы (правда исключило Серебрянский завод с устроенной там домной), повторив решения 26-летней давности. Признавалась возможность передачи в частные руки исключенного из этого списка в 1882 г. Каменского завода, но только вместе с Нижнеисетским. Кроме того, допускался отказ от управления Воткинским заводом на Урале, всеми польскими заводами и Олонецким округом. В этом отношении совещание не согласилось в полной мере с мнением своего председателя А. С. Ермолова, выраженным в его всеподданнейшем докладе 1895 г. В соответствии же с представлениями министра совещание сочло «наиболее желательным способом отчуждения аренду заводов на более или менее продолжительный срок». Главной опасностью, сопряженной с продажей, сочли сложность определения «настоящей цены» отчуждаемых имуществ. «Легко могло бы случиться, — рассуждали участники совещания, — что через короткий промежуток времени при изменившихся условиях промышленности цена эта оказалась бы совершенно ничтожной, тогда как при самом определении ее она представлялась достаточно высокой». Кроме того, совещание признало нежелательной, как полагал и А. С. Ермолов, передачу арендаторам принадлежавших заводам лесов и рудных

месторождений. «Лес и руда на заводское действие могли бы предоставляться арендаторам по соглашению с ними и на основании существующих узаконений», — постановили участники совещания, тем самым существенно усложнив реализацию своих собственных решений.

Одновременно на межведомственном совещании 1897 г., как и в 1896 г., обсуждались вопросы совершенствования системы управления казенными заводами. Обратившись к истории, чиновники вспомнили, что еще в 1860 г. появилось высочайшее повеление о передаче ведомствами в Государственное казначейство всех оборотных капиталов, а 22 мая 1862 г. были утверждены новые Правила о составлении, рассмотрении, утверждении и исполнении Государственной росписи и финансовых смет (так называемые «правила единства кассы») ¹⁹. Этими законоположениями казенные горные заводы «сразу же были поставлены в большое затруднение, в особенности по выполнению заказов, и новый порядок исчисления и ассигнования операционного кредита оказался непригодным для действия этих заводов, не удовлетворяя в то же время ни Государственный контроль, ни Министерство финансов». С 1863 г., когда этот порядок был впервые применен к составлению годовой сметы, он подвергался «многочисленным изменениям» для достижения соответствия форм смет и отчетности требованиям финансовых учреждений. Однако «оставался неизменным сам внутренний строй заводского хозяйства в отношении к системе отчетности... оказавшийся совершенно безуспешным для поднятия деятельности и значения заводов».

«Для развития и улучшения заводов, — решили участники межведомственного совещания 1897 г., — необходимо перейти к такой системе управления ими на коммерческом основании, которая, с одной стороны, допускала бы полный правительственный надзор за всеми операциями заводов, а с другой — не лишала бы их администрацию той свободы и оборотливости, которая главным образом обуславливает успех частных промышленных предприятий». Через три десятилетия после того как это предложение было отвергнуто реформаторами 1860-х гг., оно оказалось в центре внимания членов правительства. Это стало следствием не только принципиально не улучшавшегося положения казенных горных заводов, но и примера других ведомств. В частности, тогда Морское министерство решилось ввести «новый способ управления», приближенный к модели ведения частного хозяйства, на приобретенных казной для нужд военно-морского флота Обуховском сталелитейном и Балтийском судостроительном и механическом заводах в Санкт-Петербурге ²⁰. Главным новшеством такого управления был отказ от действующего в казенном хозяйстве способа финансирования путем составления ежегодных смет и замена его способом организации деятельности за счет предоставленного оборотного капитала, находившегося в распоряжении заводууправления, которое получало самостоятельность при заключении договоров, но само же и отвечало за результаты своей коммерческой деятельности. Этот способ, по заведомо оптимистичной оценке участников совещания, уже «послужил к успешному действию» упомянутых предприятий морского ведомства «как в техническом, так и в материальном отношении».

Оппозицию этому предложению составил представитель Министерства финансов (видимо, им был товарищ министра В. Н. Коковцов), который на одном из заседаний высказал опасение, что «коммерческий строй деятельности», перенесенный на горные заводы, вызвал бы необходимость снабжения их значительным операционным капиталом, изъятым из Государственного казначейства, а «обособление их в финансовом

отношении находилось бы в противоречии с принятой в государстве бюджетной системой». Отстаивая целесообразность действующей системы, Министерство финансов, по заявлению его представителя, «не могло согласиться на отступление от нее в обсуждаемом частном случае»²¹.

В сложившейся ситуации многое зависело от отношения к предложенным мерам высшей инстанции в лице Департамента государственной экономии Государственного совета, где вопрос о казенных горных заводах поднимался на заседаниях 20 и 27 ноября 1897 г. при утверждении сметы доходов и расходов Горного департамента на следующий год. «Вопрос о коренном изменении в положении... заводов, доходящий даже до предположений об отчуждении этих учреждений из казенного управления, уже давно останавливает на себе внимание правительства, — записано в журнале заседания. — Более 20 лет тому назад этот вопрос был поручен особой разработке со стороны подлежащих ведомств. До сего времени, однако, не имеется таких в этом отношении результатов, которые давали бы основание рассчитывать на близкое его разрешение».

Причину такой задержки члены Государственного совета видели в особой сложности вопроса и в его «близком соприкосновении с самыми разнообразными экономическими и административными условиями». «С вопросом о положении казенных горных заводов соединяются не только соображения об использовании принадлежавших государству лесных и минеральных богатств, о поддержке того или иного производства, о сосредоточении в руках правительства таких работ, которые по особым условиям не желательно было бы передавать в частные руки, и т. п., но и необходимость иметь в виду интересы горнозаводского населения, — размышляли члены Совета, припоминая свое же давнее решение увязать продажу заводов с завершением землеустройства. — Приписанное к заводам с давних пор население это находит в производствах заводов источник существования, и дальнейшая судьба его стоит в непосредственной зависимости от продолжения горнозаводских операций». Поэтому при решении вопроса о судьбе того или другого казенного завода следовало принимать в расчет «не только убыточность этого предприятия для Государственного казначейства, но и интересы местного населения». Поскольку эта зависимость населения от заводов «до сего времени не утратила своей напряженности», Департамент «не усмотрел оснований рассчитывать на то, что возбужденный ныне, хотя бы и с особой настоятельностью, вопрос... мог быть разрешен в самом непродолжительном времени, особенно «в смысле прекращения дальнейших операций всех казенных горных заводов в виде отчуждения в частную собственность или даже полного уничтожения существующего в них производства». С большей вероятностью, по мнению членов Совета, следовало ожидать разрешения данного вопроса «в форме такого преобразования казенных учреждений, которое обеспечит и горнозаводское население предоставлением ему необходимых заработков, и Государственное казначейство освобождением от нынешних убытков».

Это преобразование казенных горных заводов, как и предлагал А. С. Ермолов, включало как «специализацию производства для конкуренции с частными заводами, вполне достижимой для казенных заводов, находящихся в особенно благоприятных условиях в отношении обеспечения ценными минеральными богатствами и дешевым топливом», так и новую организацию «хозяйственных условий заводов». «В настоящее время деятельность эта подчинена общим порядкам казенного хозяйства, согласованным прежде всего с действующей у нас системой единства кассы и ревизии казенных оборотов со стороны учреждений Государственного контроля», — констатировали

участники заседания, предполагая, что этот порядок вполне мог быть изменен по образцу заводов морского ведомства. Для этого потребовалась бы лишь разработка таких «оснований, которые предоставили бы возможность изъять... горные заводы от действия общих правил единства кассы и дать им средства получать необходимые операционные суммы непосредственно от заказчиков».

Однако, соглашаясь с предложением Министерства земледелия и государственных имуществ в части реформирования управления, Департамент государственной экономии не считал возможным «предрешать подробности этой реформы» в связи с позицией Министерства финансов, в лице В. Н. Коковцова вновь заявившего, что не может «всцело присоединиться к изложенным соображениям, ибо поддержание всех казенных заводов, хотя бы и на коммерческих основаниях, могло бы потребовать совершенно непосильных для Государственного казначейства пожертвований». По авторитетному мнению товарища министра финансов, переход всех горных заводов со сметно-бюджетной системы финансирования на коммерческую, по образцу Обуховского и Балтийского заводов, являлся преждевременным и требовал «более тщательного и всестороннего соображения всех тех условий, наличие которых, обеспечивая свободу действия заводов, устраняло бы в то же время столь обычное у нас обращение к ресурсам казначейства при всяких случайностях и неудачах в распорядительных операциях». Восприняв эту рекомендацию, Департамент государственной экономии ограничился тогда лишь пожеланием, чтобы «изложенные суждения были приняты в соображение при разработке общего вопроса».

Но уже через месяц при обсуждении долгосрочного заказа Воткинскому заводу на 120 паровозов Департамент государственной экономии возвратился к вопросу о необходимости «коренного преобразования условий управления и хозяйства казенных горных заводов». На заседании 18 декабря 1897 г. многозначительно прозвучало мнение о том, что этот вопрос «находится в разработке в течение столь продолжительного времени, что необходимо горному ведомству приступить к окончательному решению в возможной скорости». Вследствие этого в начале 1898 г. была образована комиссия из чинов горного ведомства под председательством директора Горного департамента Н. А. Денисова с участием управляющего Пермской контрольной палаты С. В. Иванова «для выработки проекта временного положения о новом управлении уральскими казенными горными заводами применительно к действующему положению об управлении Обуховским и Балтийским заводами». Составленный ею проект был затем «подвергнут подробному обсуждению» на особом совещании в Екатеринбурге под председательством главного начальника уральских заводов П. П. Боклевского (в этом совещании приняли участие горные начальники и «некоторые другие местные заводские служащие»). После этого проект «был вновь рассмотрен в комиссии и окончательно ею отредактирован»²². Вопрос об отчуждении казенных заводов в частные руки был, таким образом, отнесен на второй план вопросом о совершенствовании их управления и финансирования.

«В современной организации казенных горнозаводских предприятий, — констатировалось в записке Горного департамента в связи с разработкой «временного положения», — наиболее слабой и неудовлетворительно поставленной является финансовая сторона заводского хозяйства. Действительно, существующий порядок испрошения по финансовым сметам операционных и строительных кредитов заводам на каждый год отдельно при постоянном... сокращении, против сметных предложений, размера

этих ассигнований по бюджетным соображениям совершенно не соответствует потребностям дела и сопряжен с весьма существенными практическими неудобствами и затруднениями для заводов». «Необходимо поставить заводы так, чтобы они были совершенно независимыми от установленного порядка рассмотрения и утверждения финансовых смет казенного ведомства и необходимые им средства почерпали не из платежных сил всего населения империи, а из ими же вырученных доходов в соответствии с ростом последних, иначе говоря, чтобы они были снабжены отдельным оборотным капиталом и действовали в духе коммерческих предприятий», — таков был основной замысел реформы.

Решая, распорядиться ли планируемые меры на все предприятия или только на те, которые «подлежали оставлению в руках казны», горные чины учли уже имевшийся «продолжительный опыт отчуждения казенных горнозаводских имуществ», который не давал «достаточной уверенности в возможности успешной и притом скорой передачи в частные руки намеченных к сему казенных горных заводов». «Напротив того, — констатировали чиновники, — опыт этот, скорее, заставляет предполагать, что пройдет еще... продолжительное время, прежде чем удастся осуществить таковую передачу их на выгодных для казны условиях». К такому выводу они пришли, несмотря на имевшиеся в то время в Министерстве предложения «некоторых частных предпринимателей», сделанные после того, как стали известны «предположения» межведомственного совещания 1897 г. Однако, за исключением «более серьезных предложений, относящихся к польским заводам», по которым велись переговоры, все предложения, касавшиеся уральских заводов, представлялись «не только неудобными и невыгодными для казны по своим условиям, но даже и вовсе неприемлемыми».

Вместе с тем, полагали в Министерстве земледелия и государственных имуществ, неизбежное улучшение положения казенных заводов в случае введения в действие нового порядка управления только «способствует возможной передаче их в частную эксплуатацию». В этом случае, рассчитывали чиновники, предприниматели предложат и «более выгодные для казны условия, нежели при существующем положении этих заводов». Такое представление, а также понимание того, что именно на Урале располагались «важнейшие заводы», от которых зависело общее состояние всего казенного сектора российской горнозаводской промышленности, привели к решению «временно в качестве испытания» применить новые правила ко всем уральским заводам.

Предполагалось, что вместо ассигнования по ежегодным сметам Государственное казначейство предоставит казенным горным заводам «раз и навсегда» оборотный капитал, из которого и будут покрываться расходы. Но, выйдя «по своему финансовому устройству из общего строя казенных предприятий», эти заводы все-таки оставались государственным имуществом и потому полученную прибыль должны были отдавать казне «за производством надлежащих отчислений». Одним из основных было отчисление 20% «для вознаграждения служащих в дополнение к содержанию», что должно было повысить их заинтересованность в результатах своей деятельности. Это фиксированное отчисление отличало правила для горных заводов от действовавших правил для Обуховского и Балтийского заводов, в соответствии с которыми оно составляло часть полученных заводом за истекший год прибылей, определявшуюся по усмотрению управляющего Морским министерством. Вместо существующего «последующего контроля» вводился «контроль предварительный и фактический» — посредством учреждения совета при главном начальнике уральских заводов «для рассмотрения

выработанных в округах заводских смет с участием представителя Государственного контроля», а также окружных советов при горных начальниках, которые должны были контролировать текущие дела на каждом заводе. Лесное хозяйство в округах отделялось от заводского и получало собственный оборотный капитал и формы отчетности, вступая с заводами в «коммерческие отношения». Подсчитаны были и примерные расходы на проведение реформы, составившие около 10 млн руб. Предполагалось представить «временные правила» на высочайшее утверждение и ввести их с 1 января 1899 г.²³

В октябре 1898 г. проект Положения об управлении казенными горными заводами был направлен А. С. Ермоловым в Государственный совет вместе с положительными отзывами государственного контролера Т. И. Филиппова и управляющего Морским министерством П. П. Тыртова. Первый полагал, что только так заводы начнут приносить прибыль государству, второй — что таким путем они станут лучше выполнять военные заказы²⁴. На местах было организовано обсуждение порядка введения Положения. Сохранившиеся протоколы совещаний горных начальников свидетельствуют о том, что там разгорелись споры в первую очередь по поводу очередности введения «начал коммерческого управления». Одни предлагали начать с Воткинского завода, а затем охватить Гороблагодатский и Златоустовский округа, другие высказывали предложение об одновременном введении новых правил на всех предприятиях. В итоге обсуждения последнее и было признано наиболее целесообразным²⁵.

Однако, как сообщалось в журнале заседаний Горного совета, «проект сей вновь встретил сильное возражение со стороны Министерства финансов в самой основе своей». Между горным и финансовым ведомствами «возникла продолжительная и объемистая переписка», но она не привела к соглашению и даже «не выяснила вполне сущности обнаружившегося разноречия». Оно же заключалось в принципиальном отличии взглядов двух высших чиновников — А. С. Ермолова и С. Ю. Витте — и стоявших за ними ведомств на назначение казенных горных заводов. Если «план Ермолова» предполагал превращение казенного сектора горнозаводской промышленности в выгодное для казны коммерческое предприятие, способное конкурировать с частным сектором и не допускать повышения рыночных цен на металлы, то «план Витте» был сориентирован на привлечение в промышленность частного предпринимательства как раз за счет высоких цен на продукцию. Поэтому дальнейшее существование казенных горных заводов министр финансов связывал не с введением «коммерческих начал» в их управление, а с ориентацией их производства на нужды частной промышленности для стимулирования ее скорейшего развития. Кроме того, передачу заводов в полное распоряжение местных управлений «со сложной и неясной организацией» он счел «таким коммерческим риском, который едва мыслим даже для частного предприятия»²⁶.

Таким образом, «план Ермолова» противоречил не только действующим в стране бюджетным правилам, о чем открыто высказывались представители финансового ведомства, но и экономической политике С. Ю. Витте, направленной на всемерное поощрение частного промышленного предпринимательства. Еще в августе 1897 г. он писал, что «казенные горные заводы должны быть преобразованы так, чтобы деятельность их... была направлена к содействию и поощрению частной промышленности, а само ведение хозяйства стало безубыточным для казны». Чтобы отвечать «современным запросам экономической жизни России», по мнению министра финансов, необходимо было открыть для частных предпринимателей доступ к лесным и рудным богатствам Урала и специализировать казенные заводы на выплавке чугуна для нужд частных

«передельных заводов»²⁷. Известный знаток Урала В. Д. Белов обращал внимание еще на одно важное следствие такого направления реформирования казенной промышленности, заключавшееся в ломке «заводско-окружной системы» в связи с отделением от заводов рудников и лесов. «Одной из важных целей преобразования казенного хозяйства на Урале, — цитировал он записку С. Ю. Витте, — должно быть установление такого порядка, чтобы благоразумный промышленник и без приобретения заводского округа с рудниками и лесами имел возможность основать заводское дело и чувствовать себя обеспеченным сырыми материалами»²⁸.

Детализация взгляда С. Ю. Витте произошла после подведения итогов научной экспедиции во главе с Д. И. Менделеевым, командированной весной 1899 г. на Урал за счет средств Министерства финансов. Рекомендации маститого ученого, очевидно, и легли в основу предложений созданной в том же году особой комиссии во главе с В. Н. Коковцовым. То, на чем в свое время настаивали либеральные экономисты 1860-х гг. во главе с В. П. Безобразовым, предписал через 30 лет в качестве «рецепта» и Д. И. Менделеев. «Казенные предприятия промышленного свойства можно считать разумно выгодными, — писал он в объемном отчете экспедиции, — ...только при условии монополизма или как начинания или примера для подражания. Ни того ни другого для казенных металлургических заводов ныне даже придумать невозможно». Предлагалось заводы, необходимые «для надобностей военной обороны», отдать Военному и Морскому министерствам, остальные заводы «немедленно закрыть... передав их во владение или арендное содержание частным предпринимателям с тем, что они смогут получать руды и лес из казенных дач за определенную, заранее обусловленную плату и с другими соответственными... облегченными условиями, дабы через то частная металлургическая деятельность стала развиваться на Урале при содействии новых предприимчивых сил». Не вдаваясь в подробные доказательства явной убыточности казенных заводов, известный ученый «не увидел иного исхода... как в прекращении казенного хозяйства на уральских заводах». «Я смотрю на необходимость закрытия казенных железных заводов не столько как на средство сократить казенные расходы, сколько как на единственный способ легко ввести на Урале, куда стремятся уже многие, новых частных предприимчивых капиталистов, борьба которых должна служить умножению количества и удешевлению железа... Те же люди, те же средства тут же рядом дают иные результаты — доходы, а не убытки, как только дело попадает в частные руки», — резюмировал он свои наблюдения²⁹.

Вслед за этими рекомендациями, в целом совпавшими с мнением С. Ю. Витте, комиссия В. Н. Коковцова отклонила проект «коммерциализации управления» А. С. Ермолова и предложила другой вариант решения проблемы — передать оборонные Пермские пушечные и Златоустовский заводы в ведение соответствующих министерств, железоделательные казенные заводы (Воткинский, Серебрянский, Нижнетуринский, Нижнеисетский и Артинский) продать или сдать в аренду частным предпринимателям и только доменные заводы (Каменский, Кушвинский, Верхнетуринский, Баранчинский, Саткинский и Кусинский) оставить в горном ведомстве с целью обеспечения нуждающихся частных заводов высококачественным чугуном; леса же и рудные месторождения оставить в казенном владении, но открыть на взаимовыгодных условиях для частной эксплуатации³⁰. «План Витте», таким образом, возвращал отчуждению государственных имуществ первостепенное значение в процессе реформирования казенного сектора горнозаводской промышленности. Разумеется, он не мог получить

поддержку в Министерстве земледелия и государственных имуществ, которому подчинялся в те годы Горный департамент.

Не случайной в этой связи выглядит и рекомендация Д. И. Менделеева передать управление металлургическими заводами в Министерство финансов, ведавшее другими отраслями российской промышленности и торговлей. «Было время, когда земли, люди и заводы скреплялись в одно хозяйственное целое, — писал он в том же отчете, — но с тех пор, как произведено освобождение крестьян и их стали ведасть не хозяева, а Министерство внутренних дел, землю с рудами и лесами следует ведасть Министерству государственных имуществ, а заводы — Министерству финансов как главному управлению, сосредоточенно ведающему фабриками и заводами страны». Горному начальству рекомендовалось заняться собственно «горными обязанностями» (организацией геологических разведок и добычей минералов) и тем самым «сослужить новую службу родине, для которой оно поработало довольно, ведаая до сих пор частными и казенными металлургическими заводами». Такое разделение функций министерств ученый ставил на первое место «между мероприятиями правительства, необходимыми для успеха уральской металлургии»³¹. Рекомендация эта отчасти реализуется в 1905 г., когда С. Ю. Витте будет уже председателем Комитета министров. Пока же разногласия между двумя министерствами привели к тому, что ни один из предложенных вариантов реформирования казенной горнозаводской промышленности не был реализован.

Намерения властей в начале XX в.

Между тем в начале нового столетия стали меняться обстоятельства, некогда приведшие к разработке проектов реформирования казенного сектора горнозаводской промышленности. С одной стороны, под влиянием технических улучшений, осуществленных на казенных заводах в 1890-е гг., значительно выросли заказы «сухопутной и морской артиллерии», что обеспечило предприятия работой, с другой — в стране начался острый металлургический кризис, или, как выражались горные чиновники, «в металлургической промышленности произошли известные всем затруднения, сопровождавшиеся необыкновенным падением цен на металлы и исключительным уменьшением спроса на них». В Министерстве земледелия и государственных имуществ «ввиду неблагоприятного состояния денежного рынка» перевод заводов на «коммерческие основания» был отложен до лучших времен и отозван с рассмотрения в Государственном совете. Однако вопрос об эффективности работы казенных заводов не утратил своей актуальности, и, как свидетельствовал директор Горного департамента Н. А. Иосса, Государственный контроль и Министерство финансов по-прежнему «находились в ожидании того, каким образом он будет разрешен». Особенно многозначительной показалась «высочайшая отметка в виде знака вопроса» на той части всеподданнейшего отчета государственного контролера за 1901 г., где упоминалось об убытках, понесенных казной от деятельности принадлежавших ей заводов.

Летом 1902 г. на Урал отправилась комиссия во главе с директором Горного департамента «для ближайшего ознакомления с положением заводов». «Внимательное обозрение... и изучение всех сторон современной их деятельности» сформировало у ее членов особое представление о путях дальнейшего развития заводов. Обобщая выводы комиссии, Н. А. Иосса утверждал, что главным средством улучшения экономического положения казенных предприятий могло стать «установление для них нормального

бюджета строительного и операционного», а совсем не «единовременный отпуск оборотного капитала». Он полагал, что казне «торговая деятельность была совершенно не свойственна, а потому с этой дороги ей следовало сойти бесповоротно» и основывать работу заводов «исключительно на исполнении заранее получаемых заказов». Не отрицая выгоды от возможного введения новых производств, директор все-таки полагал, что секрет успеха заводов заключался прежде всего в «усовершенствовании старых производств настолько, чтобы выходили действительно хорошие и возможно недорогие изделия». Для этого требовалось лишь «взять заводы в твердые руки» и навести порядок, для чего вверить управление ими особому органу, который бы «ведать только одни заводы, нес представительство и полную ответственность за их деятельность». Так заявила о себе «консервативная» позиция, актуализированная условиями кризиса, но противоречившая планам и А. С. Ермолова, и С. Ю. Витте. Видимо, поэтому, как следует из журнала заседаний Горного ученого комитета, выводы комиссии под председательством Н. А. Иоссы сразу «не получили дальнейшей разработки». «Осуществление возникающих предположений, — констатировали члены Комитета, — встречалось с огромными затруднениями, в особенности от того, что в том или другом направлении деятельности казенных заводов заинтересовано не одно какое-либо ведомство, а несколько; стремления же разных ведомств очень часто не совпадали между собой»³².

Тем временем в условиях начавшейся войны с Японией расходы государства на поддержание деятельности казенных заводов показались настолько чрезмерными, что на отчете государственного контролера за 1904 г. Николай II уже решительно наметил: «Пора поставить уральские казенные горные заводы в такое положение, чтобы они окупали себя и приносили действительную пользу». За этим последовала активизация подготовительной работы, усиленная происшедшей в мае 1905 г. кратковременной передачей Горного департамента в ведение Министерства финансов, во главе которого уже находился В. Н. Коковцов. По его поручению главный начальник уральских заводов П. П. Боклевский составил «подробные соображения о мерах к более выгодному действию заводов... при сохранении существующих оснований их организации и деятельности». В его записке был представлен комплексный план развития заводов, не предполагавший закрытия ни одного предприятия, причем все они были сориентированы как на выполнение казенных нарядов, так и на расширение коммерческой деятельности. «Необходимо с полной и категорической ясностью выяснить принципиальный вопрос о значении и роли казенных горных заводов, — настаивал П. П. Боклевский. — До сих пор многие отрицают надобность самого их существования и настаивают на передаче их в частные руки». Одним из главных аргументов против такого мнения было, видимо, опасение (высказанное на одном из совещаний) «захвата всего Урала иностранными предпринимателями», что он находил недопустимым с государственной точки зрения»³³.

В такой ситуации П. П. Боклевский видел для казны два выхода — либо, «дав все нужные средства для успешной конкуренции», добиться высокой доходности заводов, либо, «преследуя общегосударственную пользу» и не рассчитывая на доходы, позволить казенным заводам «стать во всех отношениях передовыми, могущими служить образцом для частной промышленности... словом, элементом прогресса в промышленной жизни страны». Как сторонник второго варианта, он полагал, что казенные заводы могли бы специализироваться на таких производствах, которых еще не было в России или

которые были недостаточно развиты. Ввиду крупных затрат на введение новых производств казенные заводы, по его мнению, уже не могли бы рассматриваться «как источник государственных доходов», но зато «польза, приносимая ими государству, была бы неисчислима и неоспорима, так же как польза, приносимая университетами и всякими школами»³⁴. В условиях войны и продолжавшегося экономического кризиса эти воззрения вряд ли могли найти поддержку как в Горном департаменте, так и в Министерстве финансов, где уже сложились упомянутые выше мнения о назначении и будущем казенных горных заводов.

Индивидуальные отзывы на предложения главного начальника уральских заводов поступили от членов Горного ученого комитета И. Н. Урбановича и А. О. Иванова. Первый, в отличие от П. П. Боклевского, основывавшего свои выводы на данных о недостаточном финансировании заводов, подсчитал убытки, которые несло Государственное казначейство от деятельности уральских, олонецких и польских казенных заводов (за 1895–1904 г. они достигли 17 млн руб.). Различия же в подсчетах он справедливо связывал с действующей системой заводской отчетности, которая только «затемняла истинное положение дела». Критически отнесся И. Н. Урбанович и ко взгляду П. П. Боклевского на роль казенных заводов. «Частные заводы совершенно самостоятельно и быстро совершенствуют технику своего производства, — отмечал он, — и пример казны мог бы быть для них поучительным лишь в случае достижения последней блестящих экономических результатов, на что, судя по опыту прежних лет, решительно не имеется никакой надежды». Кроме того, предлагаемое П. П. Боклевским направление в деятельности казенных заводов «грозило государству слишком рискованными и значительными затратами». А. О. Иванов в своем письменном отзыве подтвердил первостепенную значимость вопроса о назначении казенных заводов, от решения которого и должно было зависеть их будущее, но уклонился от прямого ответа на него. Он предложил поручить «предварительную разработку вопроса лицам, особо компетентным в горнозаводском деле и близко знакомым с деятельностью уральских заводов, не только казенных, но и частных».

Обсудив все эти отзывы, Горный ученый комитет под председательством Н. А. Иоссы на своем заседании 23 декабря 1905 г. решился поставить точку в многолетней дискуссии. Он вполне разделил мнение об отсутствии «правильной отчетности», давно уже ставшей причиной противоречивых оценок финансовой деятельности казенных заводов. Это должно было ускорить ведущуюся с начала 1900-х гг. в Санкт-Петербурге и на Урале разработку новых правил счетоводства и отчетности. Свое же отношение к назначению казенных заводов Комитет обосновал действующим Горным уставом, где было ясно указано, что их главная задача состоит в исполнении нарядов военных ведомств. «Что же касается существующих на некоторых из этих заводов производств, имеющих целью изготовление изделий по частным заказам и для сбыта на рынок, то вопросы их дальнейшего существования... следует строго сообразовать с прибыльностью таких производств, причем только выгодные из них могут быть развиваемы, убыточные же следует всеми мерами стремиться сокращать, а по возможности и вовсе упразднить», — отметил Горный ученый комитет³⁵. Эта начальная установка и была положена в основу отношения к казенным горным заводам вновь образованного в октябре 1905 г. Министерства торговли и промышленности, куда вместе с другими ведомствами, отвечавшими за различные отрасли российской экономики, был передан Горный департамент.

Разработать детальные рекомендации о назначении казенных заводов в соответствии с рекомендациями Горного ученого комитета было поручено комиссии под председательством члена Горного совета и Горного ученого комитета Е. Н. Васильева. В состав комиссии вошли члены Комитета И. Н. Урбанович, Н. И. Оссовский и В. Н. Липин, а также профессор Горного института А. Н. Митинский и начальник Отделения казенных заводов Горного департамента Г. Д. Азанчеев. (Включение двух последних кандидатур объяснялось их участием в комиссии Н. А. Иоссы, обследовавшей в 1902 г. уральские заводы³⁶.)

Комиссия сконцентрировала свое внимание именно на уральских казенных предприятиях, поскольку в Царстве Польском последние такие заводы в 1904 г. были сданы в аренду, а в Олонецком округе происходило постепенное закрытие большинства предприятий. Первым в конце 1904 г. «по невыгодности действия» прекратил свою деятельность Суоярвский завод. В июне 1905 г. вместе с лесной дачей его передали из горного ведомства в ведение местного управления землеустройства и земледелия. В июле 1906 г. остановился Кончезерский завод «вследствие убыточности для казны выплавки на нем чугуна и низкого качества последнего». Валазминский завод в 1908 г. действовал всего 15 суток, выплавив 5505 пуд. чугуна. Тогда доменная печь была выдута вследствие возгорания воздуходувной машины, и работа ее более не возобновлялась. Прекращение производства чугуна в округе объяснялось значительными его запасами, дошедшими до 1,5 млн пуд., в то время как для надобностей Александровского завода требовалось всего около 100 тыс. пуд. чугуна в год. Этот завод, еще в 1881 г. перефилированный на изготовление снарядов, продолжал работать, но, по оценке специалистов, так и оставался самым отсталым в отрасли³⁷.

В марте 1906 г. комиссия Горного департамента уже вынесла свое заключение, в котором последовательно анализировалось текущее состояние каждого из действующих на Урале заводов и определялась его дальнейшая судьба в контексте установок Горного ученого комитета, а также с учетом крайне ограниченных в связи с Русско-японской войной 1904–1905 гг. и Первой русской революцией финансовых ресурсов. В таких условиях вновь на первый план вышел вопрос об отчуждении казенных предприятий.

Из пяти заводов Гороблагодатского округа в руках казны предлагалось оставить только Баранчинский и Верхнетурицкий, поскольку там «весьма успешно» производились артиллерийские снаряды из собственного высококачественного и дешевого чугуна. Хотя такие снаряды использовались главным образом для учебных стрельб, комиссия признала, что эти предприятия «следует пока эксплуатировать средствами казны при существующей постановке на них производства» как в расчете на текущие заказы чугунных снарядов, так и в видах снабжения чугуном других казенных заводов.

На Кушвинском заводе лишь треть чугуна шла на удовлетворение нужд казенных Пермских, Ижевского и Ижорского заводов, остальная часть отправлялась на рынок «либо непосредственно в виде чугуна, либо по переделу в железо и изделия на Серебрянском и Воткинском заводах». Кушвинский чугун не обладал к тому же «какими-либо особенными свойствами, которые побуждали бы к непременному снабжению именно им заводов, готовящих предметы вооружения», и без ущерба для дела мог быть заменен чугуном Верхнетурицкого и Баранчинского заводов. Более того, предприятие работало с убытком из-за недостатка древесного топлива в заводской даче, что повышало себестоимость металла. Строившаяся там мартеновская печь, как предполагал в разработанных в 1905 г. рекомендациях главный начальник уральских заводов

П. П. Боклевский, могла расширить ассортимент заводской продукции и способствовать выходу ее на петербургский рынок. Но в этом случае, отмечали члены комиссии, завод «совершенно почти уклонился от того главного назначения, для которого содержатся казенные горные заводы, и по характеру своей деятельности превратится в обыкновенное промышленное заводское предприятие». Предлагаемое усиление его производительности «при существующем превышении предложения над спросом» не могло, по их мнению, помочь делу, а только привело бы к новым непроизводительным затратам со стороны казны. В связи с этим Кушвинский завод следовало «всеми мерами стремиться передать в частную эксплуатацию».

Нижнетуринский завод, выпускавший листовое железо из собственного чугуна, также сочли предприятием «чисто промышленно-коммерческого характера, совершенно не отвечающим тем задачам, которые возлагались на казенные горные заводы». Его тоже следовало «передать в частную эксплуатацию», а до этого момента лишь поддерживать «в существующем виде».

Удаленный от остальных предприятий Гороблагодатского округа Серебрянский завод «с большим убытком» (в 1903 г. он составил 100 тыс. руб., а за последнее пятилетие — 320 тыс. руб.) изготовлял небольшое количество кровельного железа на продажу и «поддерживался исключительно лишь для того, чтобы не оставлять без заработка местное горнозаводское население». Предпринятая попытка организации здесь чугуноплавильного производства не удалась из-за невысокого качества местных руд. По своим географическим и «естественным» условиям этот завод был признан «в экономическом смысле совершенно безнадежным предприятием», в связи с чем комиссия «категорически высказалась за принятие самых энергичных мер к возможно скорому закрытию Серебрянского завода» при условии «широкого восполнения местному населению».

Разработку Гороблагодатского рудника тоже предлагалось не увеличивать, как советовал главный начальник, а «ограничить размерами потребности собственных заводов». Предложенное же восстановление в округе выгодного медного производства могло быть осуществлено лишь в случае привлечения «частной предприимчивости». В этой связи Е. Н. Васильев сообщил, что Нижнетагильское заводууправление уже выразило желание приступить к разведке медных руд на территории соседнего Гороблагодатского округа и только завышенные требования главного начальника остановили эти планы.

Параллельно решалась и судьба Серебрянской и Илимской лесных дач, расположенных по Чусовой и изобиловавших лесом, не имевшим сбыта. П. П. Боклевский предлагал начать масштабную лесозаготовку в этих дачах, организацию сплава леса до железнодорожной станции «Чусовая» и устройство там «центрального углежжения» с последующим снабжением углем как казенных, так и нуждающихся частных заводов. Комиссия отвергла эти затратные предложения, разрешив лишь провести опыт сплава леса из этих дач для оборонных заводов, расположенных на Каме.

Из четырех предприятий Златоустовского округа только Златоустовский снарядный завод с оружейной фабрикой полностью отвечали военному назначению, «отдавая частным заказчикам и рынку» лишь 20 % своей разнообразной продукции для того, «чтобы дать занятие избытку рабочих». Даже несмотря на большой пожар, случившийся в 1902 г., предприятия работали не в убыток. Очень дешевый и «высокого достоинства» чугун Саткинского завода, идущий «для самых ответственных артиллерийских

изделий», определил необходимость сохранения в руках казны и этого предприятия вместе с обеспечивавшим его качественным сырьем Бакальским рудником. Ценился и «отличающийся высокими литейными свойствами» чугун Кусинского завода, 83% которого шло «для целей правительства». «Для достижения большей прибыльности и увеличения заработка населения» П. П. Боклевский предлагал расширить здесь литейное производство и даже устроить местное художественно-литейное училище. Хотя такое намерение «несколько уклоняло завод от его прямого назначения», члены комиссии сочли возможным «мириться с ним» ввиду незначительных трат, которые могли бы компенсироваться «увеличением ценности завода при сдаче его в аренду частным лицам в том случае, когда казенные заказы на чугунные снаряды совершенно прекратятся, а сталеснарядного дела водворить на нем не явилось бы возможности». Наиболее подходящим для сдачи в аренду признавался Артинский завод, специализировавшийся на выделке кос, которые, конечно же, не относились к военной продукции и к тому же «не находили полного сбыта» из-за конкуренции «австрийского синдиката», предлагавшего свои косы крестьянам «в легкий кредит». Не исключалось и полное закрытие этого предприятия ввиду того, что местное население было «давно уже устроено в земельном отношении». Как выразились члены комиссии, его закрытие «не знаменовало бы собою наступление экономического кризиса для жителей окрестного района».

Пермские пушечные заводы, где изготавливались стальные орудия и снаряды, сохраняли свою неоспоримую ценность для государства, особенно в связи с необходимостью пополнения арсеналов после окончания Русско-японской войны. «Направление будущей деятельности Пермских заводов определяется самой силой вещей, — полагали члены комиссии, — и изменять этого направления не только нежелательно, но и невозможно».

Более сложным показалось положение Воткинского завода, где, помимо металлургического производства, строились паровозы по заказу Министерства путей сообщения, морские и речные суда по частным заказам и изготавливались земледельческие орудия на рынок. По стоимости производства завод более чем на треть работал не для казны, да и казенные железнодорожные заказы доставались ему ежегодно «с такими хлопотами и затруднениями, что отнюдь не могли составлять верного обеспечения в работе... огромного кадра рабочих... и далеко не давали права сказать, что Воткинский завод нужен указанному ведомству». Комиссия высказалась за сохранение этого предприятия в горном ведомстве, но лишь при условии обеспечения его казенными заказами на паровозы и суда. В противном случае «оставался один путь — сдача его в аренду».

Благодаря высокому качеству чугуна Каменского завода и казенным заказам на бомбы и трубы для железных дорог и городского водопровода, а также умелому управлению инженера Ч. В. Панцержинского, это предприятие бывшего Екатеринбургского округа «обеспечивало постоянный хороший заработок, несмотря на переживаемое критическое положение промышленности, столь губительно отразившееся на деятельности множества других заводов». «Удовлетворение частных покупателей и заказчиков» составляло здесь только 13% общего заводского оборота, что не давало повода «для перемен в направлении деятельности» этого предприятия. Закрытие же в 1905 г. Нижнеисетского завода — основного потребителя каменского чугуна — вело к переориентации Каменского завода на потребности Пермских пушечных заводов. Предложение П. П. Боклевского восстановить Нижнеисетский завод, прежде работавший «исключительно для рынка», не нашло поддержки у членов комиссии. Они

высказались за скорейшее открытие его дачи для поиска и разработки полезных ископаемых и за передачу его в частные руки. Не исключалась и возможность предоставления его в аренду рабочей артели, уже сделавшей такое предложение.

В итоге комиссия Горного департамента разделила казенные уральские заводы на две группы в соответствии с их назначением. К первой безоговорочно отнесли Пермские, Златоустовский и Саткинский заводы, ценность которых для казны не вызвала никаких сомнений. Заводы Кусинский, Каменский, Баранчинский и Верхнетуринский, где изготовлялись в основном устаревшие чугунные снаряды, имели перспективу либо оказаться в первой группе в случае перепрофилирования на изготовление стальных снарядов или на производство чугуна для других казенных заводов, либо перейти во вторую группу. К этой группе отнесли Артинский, Кушвинский, Нижнетуринский, Серебрянский и Воткинский заводы, «по характеру своей деятельности не соответствовавшие назначению казенных горных заводов и не выгодные в финансовом отношении». Комиссия рекомендовала не «продолжать эксплуатировать их средствами казны... а озаботиться передачей в аренду частным предпринимателям». При этом Серебрянский завод, «не подающий благоприятных надежд» даже на сдачу в аренду, предлагалось закрыть подобно Нижнеисетскому. Воткинский же завод, «стоявший особняком» в этой группе, в случае обеспечения постоянными казенными заказами получал возможность перейти в первую группу³⁸.

После обсуждения этих предложений в Горном ученом комитете, в целом согласившемся с выводами комиссии, было решено Артинский, Кушвинский и Нижнетуринский заводы передать в аренду при условии сохранения лесных дач за казной. До этого момента рекомендовалось поддерживать их производство, чтобы «не привести в расстройство и не понизить шансы на более выгодные условия аренды... и не оставить без заработка местное население». Главному начальнику уральских заводов поручалось выяснить, будет ли менее убыточным для казны закрыть Серебрянский завод и материально поддержать его население либо продолжить «заводское действие» до возможной передачи в аренду. Переговоры с Морским министерством и Министерством путей сообщения о заказах для Воткинского завода должны были решить и его судьбу — оставить в казенном управлении или сдать в аренду³⁹.

Выяснилось, однако, что у регионального горного начальства все еще имелись в виду иные варианты реформирования, не исключавшие введения коммерческих начал в работу отдельных предприятий. На совещании, состоявшемся в марте 1908 г. под председательством П. П. Боклевского, прозвучало предложение с учетом этой возможности поделить уральские заводы на три группы: к первой отнесли работавшие на оборону и для казенных железных дорог Пермские, Воткинский и Златоустовские заводы, для которых сохранялся действующий принцип сметного финансирования; работу Гороблагодатских заводов, в полном составе включенных во вторую группу, предлагалось перевести на коммерческие начала и сориентировать на рынок; Артинский и Каменский заводы третьей группы, которые «не имели существенного значения для удовлетворения надобностей государства в изделиях», было желательно «передать в частные руки». Совещание также высказалось за усиление роли управления казенными заводами в структуре горного ведомства. Наряду с Горным департаментом, было предложено создать или особое Правление горнопромышленных предприятий казны, или хотя бы коллегиальный Комитет по казенным горнопромышленным предприятиям под председательством директора Горного департамента⁴⁰.

Эти же вопросы рассматривались летом 1908 г. на совещаниях директора Департамента Н. Н. Курмакова с региональным начальством во время его поездки на Урал, но достичь согласованного решения тогда не удалось: мнения о будущем казенных заводов оставались разноречивыми. Между тем не только горные деятели, но и частные предприниматели все более настойчиво требовали реформирования казенного сектора. Если первые желали лишь преодоления «неудовлетворительности хозяйственной деятельности» казенных предприятий, то вторые доходили до требования их полной «ликвидации» с целью «искоренить громадный вред», якобы наносимый ими частной промышленности. При этом точка зрения предпринимателей на конкурента в лице казенных заводов не только выражалась их представительными организациями, но и нашла поддержку у такого авторитетного органа, как Финансовая комиссия преобразованного Государственного совета, которая тоже высказывалась за отказ казны от эксплуатации горных предприятий «своими средствами» и за передачу их в частные руки. При этом предлагалось сохранить в казенном управлении лишь Пермские, Златоустовский и Воткинский заводы да предприятия, снабжающие их чугуном, а в отношении остальных обязать Горный департамент подготовить «постепенную ликвидацию... и продажу в частные руки». В то же время другая законосовещательная инстанция — Бюджетная комиссия Государственной думы — считала работу казенных заводов на рынок полезной для регулирования цен, «угрожающих ростом при развитии трестов и синдикатов». По мнению ее членов, отчуждению подлежали лишь те предприятия, которые существовали «исключительно ради доставления заработка местному населению».

Однако, когда в мае 1909 г. вопрос рассматривался в Государственном совете, против предложений Финансовой комиссии выступили многие его члены, поддержанные министром торговли и промышленности В. И. Тимирязевым и бывшим министром земледелия и государственных имуществ А. С. Ермоловым. Последний, как и десятилетие назад, настаивал на сохранении во владении казны всех, даже «мелких», заводов, полагая, что казенные горные заводы составляют «одно целое, одну систему». Вместо предложенного Комиссией отчуждения предприятий общее собрание Государственного совета потребовало от Горного департамента «достигнуть правильной постановки казенного хозяйства на этих заводах». Не вполне ясно, имел ли при этом в виду давний план «коммерциализации» управления заводами, предложенный А. С. Ермоловым в 1898 г. Вероятно, из-за выявившихся к тому времени недостатков действия этой системы на предприятиях Морского министерства, «коммерциализация» уже не рассматривалась как возможная перспектива для заводов горного ведомства⁴¹.

Таким образом, самые разные точки зрения на «больной вопрос» о назначении казенных горных заводов сопутствовали деятельности Министерства торговли и промышленности в первое его четырехлетие, отличавшееся нестабильностью руководства. Ситуация должна была стать более определенной со вступлением в ноябре 1909 г. в должность министра С. И. Тимашева, задержавшегося на этом посту дольше других (до февраля 1915 г.). Ожидания общественности выразил тогда в одной из своих работ В. Д. Белов. «Давно уже пора сознать, — писал он, — что стремление на рынок — вовсе не дело казенных заводов. Горький опыт достаточно показал, что погоня казны за барышом, за коммерческим расчетом ничего, кроме убытков, казенным заводам не дает и не может дать... Значение казенных заводов и цель их производства точно определены

законом и закреплены практикой... Ограничивая... деятельность казенных заводов пределами удовлетворения потребностей армии и флота, я оставил бы за ними, и то только на время, выплавку чугуна в целях образования у нас рынка чугуна. Реформа казенных горных заводов в указанном направлении не представляет труда и может быть проведена в жизнь быстро. Около подобной реформы давно уже ходит Горный департамент, но стать на точку, договориться до самой сути до сих пор не может. Пишут и говорят, что теперь вопрос о подобной реформе как раз опять возбужден в Министерстве: ждут даже ее осуществления в ближайшем времени»⁴².

Действительно, в начале 1910 г. состоялось совещание под председательством нового министра торговли и промышленности с участием горнозаводчиков, на котором вновь прозвучало мнение о том, что «деятельность казенных заводов должна быть сосредоточена... на изготовлении предметов государственной обороны с постепенной ликвидацией самостоятельного производства изделий частного обихода». Пермские, Златоустовский, Кусинский и Саткинский, Кушвинский, Баранчинский и Верхнетуриинский заводы предложили оставить в собственности казны и специализировать на производстве различных видов военной продукции. В случае же прекращения заказов на чугунные снаряды в этом списке оставались только Пермские, Златоустовский и Верхнетуриинский заводы, ориентированные на производство стальных снарядов. Остальные заводы было рекомендовано передать в руки частных предпринимателей или кооперативов, но только не рабочим артелям. По мнению участников совещания, опыт арендного управления разлагающе действовал на рабочих»⁴³.

В докладе от 15 июля 1910 г., подготовленном для заседания Совета министров, был сформулирован своего рода «план Тимашева», рассматривавшийся в качестве «общей программы правительственных действий». В нем совпавшей с решениями совещания осталась лишь рекомендация о том, что во владении казны должны находиться заводы, «изготавливающие предметы государственной обороны». В то же время министр признал, что «прекратить совершенно производство рыночных изделий на казенных заводах» было бы неосторожно. При этом под «рыночными изделиями» имелась в виду не столько специальная продукция, сколько так называемая «побочная» (например, тот же чугун или стальная болванка), выход которой на рынок удешевлял военное производство, помогал сохранить занятость работников при отсутствии военных заказов и оказывал «полезное влияние на урегулирование рыночных цен». Несколько по-иному виделось министру и распределение казенных заводов по группам. Было предложено бесспорно оставить в руках казны Пермские, Златоустовский и Верхнетуриинский заводы, а также поставлявшие им металл Кушвинский и Саткинский заводы. Изготовление чугунных снарядов предлагалось перенести с Кусинского и Баранчинского заводов, прежде оставленных во владении казны, на Верхнетуриинский и Саткинский. В итоге к назначенным «в частную эксплуатацию» на предварительном совещании Нижнетуриинскому, Каменскому и Артинскому заводам добавился еще Кусинский. Баранчинский же завод, профиль которого невозможно было изменить без «коренного переустройства», признали «нежизнеспособным» и вместе с Серебрянским предложили к закрытию. Не упустили из виду и еще не завершенное «устройство быта населения» этих заводов, которое казна должна была принять на себя.

На основе именно этих рекомендаций Совет министров в октябре — декабре 1910 г. рассмотрел вопрос о судьбе казенных горных заводов. В итоге он принял предложения

Министерства торговли и промышленности как в отношении военной и рыночной продукции, так и о назначении отдельных заводов. Сущность «плана Тимашева», на наш взгляд, нашла адекватное отражение во всеподданнейшем отчете государственного контролера за 1910 г. «По этому плану, — записано там, — деятельность заводов должна быть сосредоточена в будущем преимущественно на изготовлении предметов государственной обороны с ликвидацией самостоятельного производства рыночных изделий и допущением изготовления сих изделий лишь в виде побочных продуктов при выполнении казенных нарядов в целях главным образом понижения стоимости последних. В соответствии с изложенным признано необходимым сохранение в руках казны лишь тех заводов, в коих происходит либо самое производство орудий, снарядов и холодного оружия, либо выделка потребных для такового производства чугуна, стали и железа»⁴⁴.

При этом предстояло разработать для остающихся во владении казны пяти уральских предприятий (а также для единственного действовавшего тогда в Олонечком округе Александровского завода) производственные планы на ближайшее десятилетие и провести их масштабное переоборудование. Действие шести казенных заводов, «работавших на рынок», было предложено прекратить «путем передачи в частную эксплуатацию или, при невозможности сего, закрытия их». По сравнению с перечнем предприятий, назначенных к отчуждению в 1871 г., новый список пополнился двумя заводами Гороблагодатского округа (Нижегургинский, Баранчинский) и одним заводом Златоустовского округа (Кусинский). Каменский завод, продажа которого еще в 1882 г. была приостановлена, вновь назначался к отчуждению. В списке остались Серебрянский и Артинский заводы, которые до сих пор не были приватизированы, несмотря на то что, как было записано в Горном уставе, «подлежали передаче в частные руки путем полного отчуждения на основании правил 18 октября 1871 г.»⁴⁵. Судьба Воткинского завода, выполнявшего заказы Министерства путей сообщения, должна была решаться «в особом порядке». Николай II утвердил положение Совета министров 25 декабря 1910 г.⁴⁶

Известно, что комплексный план «по переоборудованию казенных горных заводов для изготовления предметов артиллерийского вооружения» разрабатывался и уточнялся в течение последующих двух с половиной лет. Его окончательный вариант был одобрен законодательными органами и утвержден Николаем II лишь 23 июня 1913 г.⁴⁷ В течение этого времени было, конечно, нецелесообразно приступать к массовому отчуждению «ненужных» казне горных заводов, поскольку первоначальный план Министерства торговли и промышленности после согласований с военным и финансовым ведомствами мог существенно измениться. Видимо, поэтому не составлялись и общие правила аренды или продажи, подобные тем, которые сформулировала Податная комиссия в конце 1860-х гг. Однако в отношении нескольких предприятий в предвоенные годы предпринимались попытки отчуждения на основе специально разработанных условий. В первую очередь это коснулось Воткинского завода, занимавшего особое место в структуре казенного горного хозяйства.

Вопрос об отчуждении Воткинского завода был поднят еще в 1909 г., когда во время пожара, случившегося 5 марта, сгорела часть паровозостроительного цеха. В июне совещание «о дальнейшем направлении деятельности завода» провел товарищ министра торговли и промышленности Д. П. Коновалов. Горные деятели признали завод «крупным промышленным центром с культурным 28-тысячным народонаселением, дающим в руки последнего ежегодный заработок на сумму не менее 2 млн руб.», поэтому

прекратить его деятельность сочли «немыслимым». Присутствовавшие на совещании предвидели и «весьма большие затруднения в осуществлении передачи завода частным лицам в ближайшем будущем, особенно имея в виду переживаемый Уралом тяжелый промышленный кризис и расстроенность действий завода после постигшего его бедствия». Но даже если бы нашелся арендатор, то, затратив большие суммы на восстановление предприятия, он, по мнению участников совещания, не смог бы предложить высокую арендную плату. «Кроме того, — констатировали они, — опыт сдачи казенных заводов в частную эксплуатацию показывал, что частные лица ведут дело лишь пока оно приносит им выгоду. Но как только оно, в силу каких бы то ни было причин, складывается для них неблагоприятным образом, они или требуют льгот, или совершенно покидают предприятие, оставляя его на руках казны в худшем состоянии, чем до начала аренды. Правительство, тем не менее, опять остается лицом к лицу с вопросом как о дальнейшей судьбе завода, так и о поддержке рабочего населения средствами казны». Не придя к общему решению, министерское совещание передало вопрос на обсуждение особого межведомственного совещания⁴⁸.

Бывший тогда короткое время министром торговли и промышленности В. И. Тимирязев в конце 1909 г. созвал такое совещание, которое и должно было решить вопрос о Воткинском заводе, выполнявшем заказы многих гражданских ведомств. Из пяти предложенных там вариантов сразу же отвергли «предположение о полном закрытии завода, по крайней мере, в ближайшие годы, а равно и о передаче завода в частную собственность с принадлежащими ему дачами». Вместе с тем участники совещания затруднились определить, какое из производств на заводе должно стать основным в случае сохранения его во владении казны. Поэтому выходом из сложившегося положения, «наиболее отвечающим интересам дела», им показалась сдача завода в аренду «при условии сохранения существующих производств в нынешних размерах, но лишь в течение нескольких ближайших лет». Новым веянием времени можно назвать прозвучавшее предложение о возможности совместной эксплуатации завода казной и частными лицами путем образования акционерного общества. Спорным оказался лишь вопрос о том, стоило ли казне ограничить свое участие в таком обществе передачей одного заводского имущества или внести в уставный капитал еще некую сумму при условии, что «деятельность общества будет отвечать требованиям государственной пользы и находиться под правительственным контролем».

Для окончательного ответа было, видимо, рекомендовано провести «подробную ревизию заводских порядков», для чего в 1910 г. на Урал отправился чиновник по особым поручениям Д. С. Старынкевич. Он обнаружил на Воткинском заводе «совершенно нетерпимые порядки», в частности недостоверную отчетность, срывы выполнения заказов, низкое качество продукции и пр. Было установлено, что за три предшествующих года завод израсходовал почти на 2 млн руб. больше того, что возвратил в казначейство. «Крайне неосмотрительным и небрежным» назвал ревизор отношение к делу со стороны заводской администрации. Он предложил даже подвергнуть судебному преследованию бывших управляющих В. В. Воронцова и А. И. Афанасьева⁴⁹.

Когда в конце 1910 г. стали известны результаты ревизии, министр торговли и промышленности С. И. Тимашев признал необходимым «войти в новое обсуждение вопроса о судьбе Воткинского завода» с тем, чтобы дополнительно учесть и «видоизмененные данные» о его работе после того, как с 1909 г. на всех казенных заводах была введена усовершенствованная система отчетности. Сообщалось также, что в Министерство

поступили заявления неназванных лиц с просьбой «о передаче им прав на Воткинский завод».

Новая комиссия, составленная только из чинов Министерства торговли и промышленности, поддержала решение совещания 1909 г. «продолжать впредь до сдачи завода в частную эксплуатацию производство средствами казны тех изделий, которые изготовляются на рынок» (имелись в виду в первую очередь пароходы). Рекомендовалось «возбудить вопрос о предоставлении министру... права передать Воткинский завод путем состязания тому из соискателей, предложения которого наиболее будут отвечать требованиям прочной постановки дела на заводе и интересам местного рабочего населения». Совет министров 14 декабря 1911 г. уполномочил С. И. Тимашева «внести на законодательное рассмотрение законопроект о передаче казенного Воткинского завода в частную эксплуатацию по предварительному согласию с Министерством финансов и Государственным контролем относительно условий указанной передачи».

Размышляя над этими условиями, чиновники Горного департамента сочли, что в данном случае «обычные применяемые меры» недостаточны для успешного «обращения казенного имущества на путь частной эксплуатации». Они предложили заменить традиционные публичные торги, совершаемые «по сумме предложенных участниками платежей», торгами, на которых первостепенное значение имела бы «степень промышленной благонадежности претендентов». Результатом такого «соревнования» стал бы переход завода к тому из соискателей, который бы не только предложил выгодные для казны условия, но и предоставил «возможно большие гарантии прочной и достаточно обеспечивающей интересы населения постановки дела». Такая форма торгов представлялась «более сложной, но и более жизненной».

Кроме того, продажа Воткинского завода следовало предпочесть его долгосрочную аренду для того, чтобы казна и после передачи своих прав имела возможность наблюдать «за точным выполнением арендатором принятых на себя в интересах населения обязательств». Но, вспомнив «неуспешные случаи» передачи казенных заводов в аренду, чиновники предложили уступить завод не частному лицу, а акционерному обществу, и не за наличные деньги, а за процентные бумаги. Сообщалось, что такие предложения уже поступили в Министерство, причем казне предлагалось получить в уплату как акции, так и облигации. «Можно было бы признать в принципе возможным допущение и такого соревнования, — размышляли чиновники, — при котором за казной сохранилось бы право дальнейшего влияния на судьбу завода в качестве, например, более или менее крупного обладателя акциями завода». Но этот вариант имел то «неблагоприятное последствие», что сохранял ответственность правительства за деятельность общества, а его имущественные интересы оказывались необеспеченными, поскольку акции в случае несостоятельности общества «могли утратить всякую ценность». Облигации с гарантированным доходом рассматривались в качестве «более допустимого способа расчета с казной».

В июне 1912 г. Горный департамент рекомендовал передать Воткинский завод (без лесов, но с 18-верстной железнодорожной линией и пристанью в селе Галево на Каме) в аренду на 48 лет или в собственность «по соревнованию» с правом получать «дровяной лес» на торгах⁵⁰. О реакции на эти предложения Министерства финансов и Государственного контроля не упоминалось. Но, судя по тому, что вопрос об отчуждении этого предприятия не рассматривался, как это полагалось, в законодательных

органах, до этого момента дело не дошло. Известно, что уже осенью 1912 г. заводу дали большой казенный заказ на паровозы. Это означало, что он не утратил своего значения если не для Горного департамента, то для Министерства путей сообщения. Когда же в 1913 г. открылась возможность продать завод фирме «Армстронг, Витворт и К°», предложившей переоборудовать его для выпуска тяжелых орудий, англичанам было отказано на том основании, что на завод претендовало именно это Министерство. Возможно, это означало намерение передать предприятие из одного государственного ведомства в другое, как это произошло в свое время с Екатеринбургской механической фабрикой. Но, по данным за 1914 г., завод по-прежнему состоял в горном ведомстве, выполняя заказы на паровозы, мосты и железнодорожные скрепления, а также изготовлял землечерпалки, пароходы и шаланды для Главного управления торгового мореплавания и портов, при этом принеся казне прибыль до 231 тыс. руб.⁵¹ В условиях начавшейся мировой войны особое значение приобрело там производство рельсовых скреплений, расширенное благодаря кооперации Воткинского завода с переданным в его управление Нижнеисетским заводом, который в 1914 г. был возвращен из аренды рабочей артели.

Когда решалась участь Воткинского завода, остро встал вопрос о другом казенном предприятии — Пермских пушечных заводах. Предположение о возможной отдаче в аренду этого объекта государственной собственности, в отношении которого ранее такое даже не рассматривалось, возникло в связи с необходимостью переоборудования завода на крупноснарядное производство. Осуществить это предложила «Русская группа для эксплуатации Пермского завода» во главе с председателем правления Русско-Азиатского банка А. И. Путиловым, которая представляла интересы крупной французской оружейной фирмы «Шнейдер — Крезо». Предприниматели брали обязательство за два года провести реконструкцию предприятия и начать выпуск орудий при условии передачи заводов в аренду на 20 лет.

В октябре 1912 г. для обсуждения этого вопроса было организовано межведомственное совещание под председательством Д. П. Коновалова и с участием высших чинов Горного департамента (Г. Д. Азанчеев, В. И. Арандаренко, М. И. Лазаревский, Н. И. Разумов, Д. С. Старынкевич, И. Н. Урбанович, А. П. Шеповальников), членов Горного совета и Горного ученого комитета (Н. А. Иосса, А. Н. Митинский, Н. И. Оссовский) и представителей Военного министерства, Министерства финансов и Государственного контроля. Приглашены были также профессор И. Х. Озеров, начальник Обуховского завода генерал-майор А. П. Меллер, представители крупного капитала А. И. Путилов и К. К. Ракуса-Суцевский. Известно, что по результатам обсуждения 29 ноября 1912 г. Совет министров отказал в аренде фирме «Шнейдер — Крезо», приняв предложение британской фирмы «Виккерс» построить орудийный завод в Царичине⁵².

Позиция горного начальства по поводу участия «посторонних лиц» в работе Пермских пушечных заводов проясняется благодаря сохранившемуся журналу заседания межведомственного совещания от 20 ноября 1913 г., где обсуждался вопрос о возможности постройки там отделения дальнобойных 16-дюймовых орудий для флота с помощью иностранных фирм. На заседании присутствовали главный начальник уральских заводов П. И. Егоров и начальник Пермских заводов И. Н. Темников. Они-то и настояли на том, что могут выполнить переоборудование «собственными средствами завода», поскольку «дело это было в значительной мере знакомо заводу и никакого содействия

фирм не требовало». «Вторжение постороннего лица или учреждения во внутренний распорядок действующего завода... может вносить существенные затруднения и неудобства в исполнение весьма значительных текущих нарядов завода», — заявили начальники. С этим мнением в итоге согласились представители финансового и контрольного ведомств, что и привело к отклонению предложений нескольких иностранных фирм⁵³.

Известно также об относившихся к предвоенному времени предложениях местных рабочих артелей взять в аренду Артинский и Серебрянский заводы по примеру Нижнеисетского. Вопрос о передаче Артинского завода в аренду рассматривался в июне 1908 г. на совещании при Министерстве торговли и промышленности, на котором обсуждались меры по «поднятию мелкой металлообрабатывающей промышленности на Урале». Против предложения рабочей артели выступил главный начальник П. П. Боклевский, доказывавший, что в этом случае убытки только увеличатся. Министерство признало тогда возможным сдать в аренду лишь один Нижнеисетский завод (см. разд. 3 гл. II).

В начале 1910-х гг. рабочие Артинского завода возобновили свое ходатайство. О передаче предприятия в аренду просили Николая II и рабочие Серебрянского завода. Очевидно, проявившиеся к тому времени неутешительные результаты деятельности Нижнеисетской артели только укрепили прежнюю позицию горных властей. Горный департамент заключил, что эти заводы «едва ли могут быть переданы в частные руки даже на арендных началах ввиду несомненной убыточности их производства». В его записке к смете на 1914 г. туманно сообщалось, что в отношении этих заводов (а также Воткинского) «были предложения от частных предпринимателей, и таковые предложения рассматривались горным ведомством, но оказались неприемлемыми»⁵⁴.

Первая мировая война сняла с повестки дня перспективные планы горного ведомства по закрытию или отчуждению казенных заводов: всем им было найдено место в структуре казенного горного хозяйства военного времени. Лишь Холуницкий округ в Вятской губернии, неожиданно оказавшийся во владении казны накануне войны, когда все его предприятия бездействовали, в 1915 г. был передан в аренду губернскому земству с целью восстановления там чугуноплавильного производства (см. разд. 3 гл. II).

Примечания

¹ Извлечение из всеподданнейшего отчета министра государственных имуществ по горной части за 1881 г. // Горный журнал. 1883. №2. С. 354–357, 370.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. Д. 4081. Л. 9 об.

³ См.: Шумкин Г. Н. К вопросу о месте Николаевского оружейного завода в истории русской промышленности // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. 2015. №4 (16). С. 192–204.

⁴ Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1868. Т. 13, ч. 2: О нарядах, делаемых казенным горным заводам военным и морским ведомствами; ПСЗ-II. Т. 46. №49486, 49951.

⁵ Пономаревский-Свидерский В. Обзор деятельности казенных горных заводов в отношении исполнения нарядов сухопутной артиллерии и их роль при будущих казаках // Горный журнал. 1901. №10. С. 74.

⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. Д. 4081. Л. 9 об., 10.

⁷ Там же. Оп. 12. Д. 388. Л. 1–4.

⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1919. Л. 2–3 об.

⁹ Там же. Д. 786. Л. 1–3, 7–8.

¹⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. Д. 4081. Л. 10, 10 об.

¹¹ См.: Извлечения из обозрения деятельности Министерства государственных имуществ по горной части с 1881 по 1891 г., представленного Его императорскому величеству государю императору министром государственных имуществ статс-секретарем Островским // Горный журнал. 1892. № 8/9. С. 198.

¹² ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. Д. 4081. Л. 12 об.

¹³ ПСЗ-III. Т. 14. № 10433; Т. 22. № 21333; Т. 27. № 29166.

¹⁴ Там же. Т. 8. № 5443.

¹⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. Д. 4081. Л. 13.

¹⁶ Там же. Л. 2.

¹⁷ Там же. Л. 2 об.

¹⁸ Там же. Л. 3–4.

¹⁹ ПСЗ-II. Т. 37. № 38309.

²⁰ ПСЗ-III. Т. 18. № 15322. Подробнее об этом см.: *Поликарпов В. В.* От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX в. М., 2008. С. 218–241.

²¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. Д. 4081. Л. 4, 4 об., 17–26.

²² Там же. Л. 4 об.–5 об.

²³ Там же. Л. 17–26.

²⁴ См.: *Железкин В. Г.* Развитие казенной горнозаводской промышленности Урала в пореформенный период (1861–1900 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992. С. 71; *Шумкин Г. Н.* Казенные горные заводы Урала в политике горного ведомства в конце XIX – начале XX в. // Урал. ист. вестн. 2007. № 16. С. 38–44.

²⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1205.

²⁶ См.: *Шумкин Г. Н.* Казенные горные заводы Урала в политике горного ведомства... С. 39, 40.

²⁷ См.: *Железкин В. Г.* Указ. соч. С. 72.

²⁸ *Белов В. Д.* Кризис уральских горных заводов. СПб., 1910. С. 19.

²⁹ См.: Уральская железная промышленность в 1899 г. по отчетам о поездке, совершенной с высочайшего соизволения: С. Вуколовым, К. Егоровым, П. Земятченским и Д. Менделеевым, по поручению г-на министра финансов, статс-секретаря С. Ю. Витте. СПб., 1900. Ч. 3. С. 134, 135.

³⁰ См.: *Шумкин Г. Н.* Казенные горные заводы Урала в политике горного ведомства... С. 39.

³¹ См.: Уральская железная промышленность в 1899 г. ... С. 123, 124.

³² О выработке мероприятий для более выгодного действия уральских казенных горных заводов. Журнал Горного ученого комитета от 29 декабря 1905 г., утвержденный управляющим Министерством торговли и промышленности тайным советником Штофом 16 мая 1906 г. // Горный журнал. 1906. № 9. С. 344, 369–373.

³³ РГИА. Ф. 37. Оп. 73. Д. 181. Л. 2–4.

³⁴ О выработке мероприятий... С. 346–369.

³⁵ Там же. С. 373–379.

³⁶ Там же. С. 379–382.

³⁷ См.: *Сурдул Н. И.* Сведения о действии доменных печей на уральских и олонечких казенных горных заводах за 1908 г. // Горный журнал. 1911. № 1. С. 111, 112; *Он же.* Сведения о действии доменных печей на уральских и олонечких казенных горных заводах за 1909 г. // Там же. 1912. № 9. С. 379.

³⁸ См.: О выработке мероприятий... // Горный журнал. 1906. № 10. С. 71–91.

³⁹ Там же. С. 92–108.

⁴⁰ См.: *Шумкин Г. Н.* Состояние военного производства на Урале накануне Первой мировой войны // Урал. ист. вестн. 2014. № 1 (42). С. 61.

⁴¹ См.: *Поликарпов В. В.* Указ. соч. С. 224–226, 244–248.

⁴² *Белов В. Д.* Указ. соч. С. 62–67.

⁴³ См.: *Шумкин Г. Н.* Состояние военного производства на Урале... С. 61.

⁴⁴ Цит. по: *Поликарпов В. В.* Указ. соч. С. 253.

⁴⁵ СЗ 1893 г. Т. 7. Устав Горный. Ст. 818. Прил. 1.

⁴⁶ См.: *Поликарпов В. В.* Указ. соч. С. 248–254; *Шумкин Г. Н.* Состояние военного производства на Урале... С. 61.

⁴⁷ ПСЗ-III. Т. 33. № 39570.

⁴⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 94. Л. 1–5.

⁴⁹ Там же. Д. 105. Л. 1–3, 14–34.

⁵⁰ Там же. Д. 94. Л. 14–34.

⁵¹ Там же. Л. 37; *Поликарпов В. В.* Указ. соч. С. 256.

⁵² См.: *Шумкин Г. Н.* Состояние военного производства на Урале... С. 63.

⁵³ Там же. С. 64; РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 111. Л. 1–3, 6–11 об.

⁵⁴ *Поликарпов В. В.* Указ. соч. С. 261, 262.

3. **Ход отчуждения заводов и промыслов (1870–1915)**

Попытки продажи и аренды заводов

Екатеринбургская механическая фабрика и монетный двор

Идея продажи казенных горных заводов «в известной постепенности», сформулированная еще в 1860-е гг. Податной комиссией, в ходе доработки Правил о продаже 18 октября 1871 г., как уже упоминалось, была поставлена в зависимость от решения вопроса о землеустройстве местного населения. В этом плане наиболее подготовленной к отчуждению выглядела Екатеринбургская механическая фабрика, тем более что у горного ведомства уже имелась в виду просьба об ее покупке.

Еще в июле 1868 г., а затем в январе 1870 г. известный екатеринбургский предприниматель надворный советник Н. И. Севастьянов и петербургский купец первой гильдии А. В. Михайлов (они указали свой петербургский адрес: напротив Круглого рынка в доме принца Ольденбургского, кв. 9) известили министра финансов М. Х. Рейтерна о совместном намерении организовать на Урале производство подвижного состава для железных дорог с целью заменить поставку локомотивов и вагонов из-за границы. «Мы убедились из многих примеров, что высшая инициатива развития наших производительных сил принадлежит исключительно Вашему высокопревосходительству», — писали предприниматели, прося передать им Екатеринбургскую механическую фабрику «в полное распоряжение» с обязательством выполнять своевременно и казенные заказы. «Если первые локомотивы, которые будут доставлены нами с Урала в навигацию 1871 г., окажутся по испытанию совершенно удовлетворительными, — делились они своими далеко идущими планами, — правительству, не делая нам никаких субсидий, окажет свое благосклонное содействие к дальнейшему развитию и упрочению этого дела на Урале, передав нам один или два из своих заводов, где могла бы быть введена выделка в потребном размере тех сортов железа и стали, какие необходимы с расширением производства». Очевидно, что намерения Министерства финансов в отношении казенных заводов тогда уже были известны столичному и местному предпринимателям, которые обещали уплатить за эти заводы казне «следующую за них сумму на тех общих началах, какие будут приняты для продажи казенных заводов»¹. Оба раза им отказали, скорее всего, в расчете на то, что просители дождутся утверждения разработавшихся «нормальных правил» продажи, но повторения просьбы не последовало.

Когда в Горном департаменте был поставлен вопрос об очередности продажи казенных предприятий, главный начальник уральских заводов И. П. Иванов в марте 1872 г. сообщил, что Екатеринбургская механическая фабрика «совсем не имела приписанных земель и лесов» и, следовательно, для ее продажи «не предстояло надобности в предварительном обеспечении быта горнозаводских людей, которые притом, как поступившие в число граждан города Екатеринбурга, и не имели права на земельный надел». Не было необходимости откладывать продажу и в связи с отсутствием на фабрике казенных заказов: если в 1872 г. здесь изготовлялись только железные лафеты для артиллерийского ведомства, то на 1873 г. не было запланировано «никакого наряда» и с 1 января производство должно было неминуемо остановиться. «Для скорейшей продажи этой фабрики не только не встречается препятствий, — констатировал И. П. Иванов, — но даже она необходима для устранения неудобств и расходов, всегда неизбежных при бездействии фабрики».

Согласившись с этим мнением, министр финансов М. Х. Рейтерн и директор Горного департамента В. К. Рашет вскоре подготовили свои предложения для Комитета министров. Описав ситуацию, они заключили, что порядок продажи, зафиксированный в недавно утвержденных Правилах, в сложившейся ситуации «не может быть применим к описи и оценке Екатеринбургской механической фабрики». По их мнению, оценку следовало поручить особой комиссии из местных чинов горного и контрольного ведомств с участием заводского архитектора и экспертов, а утверждение описи возложить на главного начальника; сами же торги «по предварительной о том публикации» производить в Совете министра финансов, «применительно к Правилам о продаже казенных горных заводов». Комитет министров 25 апреля 1872 г. одобрил эти предложения, и 5 мая Александр II утвердил их².

Горному начальнику Екатеринбургского округа немедленно было поручено составить «подробный инвентарь с показанием первоначальной и заготовительной стоимости фабричного имущества», а вслед за этим образована оценочная комиссия с участием советника Уральского горного правления Ф. М. Ботышева, главного механика уральских заводов П. К. Штейнфельда, архитектора К. Г. Турского и старшего ревизора Пермской контрольной палаты Н. Ежевского. И. П. Иванов сообщал, что 4 января 1873 г. опись и оценка имущества была завершена (из нее исключили лишь нескольких станков, переданных на Пермские и Гороблагодатские заводы). Комиссия также предложила проект условий продажи, в соответствии с которым покупателю вместе с фабричными зданиями отводилась территория в 7560 кв. саженей, «граничившая с севера — с Императорской гранильной фабрикой и за ней на пространстве 24 саженей — с плотиной заводского пруда; с запада — на расстоянии 69 саженей 2 аршин — с оградой Екатеринбургского монетного двора, мостом через реку Исеть, рекой Исетью до каменного моста». С востока она примыкала к гранильной фабрике и квартальному проезду из Первой Береговой улицы во Вторую, «всего на расстоянии от гранильной фабрики на 162 сажени 2 аршина; к югу по направлению Сибирского тракта... в длину 36 саженей 2¹/₂ аршина». В течение трех лет владелец должен был установить ограду и «содержать в исправности» берега Исети, соседствующие с заводской территорией. Ему ежегодно отпускалось 2,5 тыс. куб. саженей «лесных материалов» и предоставлялось «право пользоваться водой из пруда для действия водяных колес, но только во время избытка ее в пруде, т. е. в летнее время и осенью, а для питания паровых котлов — в течение всего года». Плотина и водопровод оставались в «исключительном распоряжении» Екатеринбургского монетного двора, но владелец фабрики должен был нести треть расходов на охрану и ремонт плотины, выплачивая ежегодно на эти меры 175 руб. Фабричное имущество было оценено в 223 874 руб., включая строения стоимостью 88 790 руб.³

Однако, как свидетельствовали чиновники Горного департамента, «к немедленному совершению продажи встретились некоторые затруднения». Одно из них заключалось в том, что «при ближайшем осмотре инвентарей» выявилось имущество, «не годное к употреблению или... не составлявшее непрременной принадлежности механической фабрики». Его целесообразнее было продавать отдельно, но это не предусматривалось утвержденными Правилами о продаже заводов и вызывало необходимость отступления от них, санкционированного верховной властью. Выявилось также принадлежавшее фабрике имущество, находившееся вне ее территории (в частности, два деревянных сооружения, возведенных «для пробы лафетов» на острове Верх-Исетского пруда). «Весьма стеснительными» для покупателя были признаны и условия

продажи: ему предстояло возвести стену, отделявшую фабрику от монетного двора; владелец фабрики оказывался в зависимости от соседнего предприятия в использовании «водяной силы» и подвергался в этом отношении казенному контролю. «Опасаясь, что такие условия продажи будут иметь в значительной степени невыгодное влияние на цену фабрики», Министерство государственных имуществ сочло необходимым «приостановиться совершением продажи» до планировавшегося тогда закрытия Екатеринбургского монетного двора.

Дело в том, что высочайшим указом от 21 декабря 1873 г. о передаче горного ведомства в Министерство государственных имуществ в числе прочего повелевалось Екатеринбургский монетный двор «оставить до окончания данного ему на 1874 г. наряда медной монеты в заведовании горного начальства с тем, чтобы с 1875 г. означенный монетный двор был закрыт, а выделка монеты переведена на Санкт-Петербургский монетный двор»⁴. В связи с этим и возник вопрос о том, не будет ли выгоднее «совершить продажу механической фабрики совокупно со зданием и устройствами Екатеринбургского монетного двора ввиду общего их пользования водяным действием». Это предположение надолго приостановило начатую операцию продажи бездействовавшей с 1873 г. фабрики. Срок остановки соседнего предприятия был определен именным указом от 8 августа 1875 г.: монетный двор должен был закрыться к 15 апреля 1876 г., когда окончится выполнение последнего наряда медной монеты на сумму в 1,7 млн руб. В феврале 1875 г. в Екатеринбург приезжал горный инженер М. М. Семенов «для удостоверения в том, не пригодны ли машины и механизмы монетного двора для открываемого в Петербурге передела медной монеты». Оказалось, что машины и механизмы были «устарелой конструкции» и их не имело смысла перевозить в столицу. Получив это сообщение, министр финансов предписал «сверить имущество с инвентарем... и те штампея, машины, приборы, снаряды и инструменты, которые могли служить исключительно для чеканки монеты, уничтожить на месте».

Акт о проверке имущества монетного двора был подписан 6 мая 1876 г. членами особой комиссии в составе помощника горного начальника Екатеринбургских заводов Н. П. Иванова, управителя монетного двора А. А. Москвина и заводского архитектора И. А. Бояршинова с участием управляющего Екатеринбургской конторы Государственного банка Ф. Л. Миллера «в качестве члена от Министерства финансов»⁵. И. П. Иванов сообщал, что имущество бывшего монетного двора «поверено» этой комиссией; машины, которые служили для чеканки медных денег, уничтожены; часть имущества передана на другие казенные заводы Екатеринбургского округа и осталось только то имущество, которое «ни к какому употреблению не годно и должно быть продано». Все имущество было оценено в 216 214 руб., включая строения стоимостью 98 184 руб. Но еще до его продажи надлежало решить судьбу как Монетной лесной дачи, принадлежавшей монетному двору и снабжавшей его древесным топливом, так и Екатеринбургского пруда, которым пользовались не только казенные горные предприятия, но и жители города, а также расположенная на той же производственной площадке Екатеринбургская гранильная фабрика, подведомственная Кабинету Его императорского величества.

Лесную дачу, видимо, сохранили в горном ведомстве, но разрешили использовать ее ресурсы не только для нужд заводов, но и для «обеспечения Екатеринбурга лесными материалами»⁶. Заводскую плотину главный начальник уральских заводов сначала предложил в ведение гранильной фабрики «с дозволением владельцу

механической фабрики пользоваться водяной силой на тех или других условиях». Однако Министерство императорского двора, в ведении которого находились кабинетские предприятия, в мае 1877 г. от такого предложения отказалось, поскольку на гранитной фабрике действовало всего два водяных колеса, и, «приняв в свое распоряжение пруд», Кабинет должен был бы «взять обязательство поддерживать и охранять гидравлические устройства и понести расходы, не соответствующие заимствованной от пруда пользы». Министерству желательно было лишь сохранить за гранитной фабрикой «право пользования прудовой водой в настоящем виде и размере»⁷.

Пока неспешно решались эти вопросы, казенное имущество «подвергалось порче и теряло свою стоимость», да и на его охрану «производился значительный расход». Наконец, после обсуждения в Горном совете, 26 января 1878 г. последовал указ Сената продать «ненужное имущество» Екатеринбургской механической фабрики (деревянные дома, котлы, тисы, насос, судно, инструменты, припасы и материалы) по «приходной стоимости» на сумму 119 010 руб. (по оценке — на 42 321 руб.), а городской пруд передать «в руки покупателя благонадежного, в интересах которого было бы сохранение заводской плотины в настоящей исправности».

Публичные торги были организованы 24 сентября 1879 г. в Уральском горном правлении при участии начальника Екатеринбургского округа. Но к их открытию стоимость «ненужного имущества» почему-то поднялась до 152 тыс. руб. (по оценке — на 44 тыс. руб.), что не соответствовало указу Сената. Тем не менее, в первый день на торги явились потомственный почетный гражданин А. И. Харитонов, купцы А. С. Оленев, М. Г. Яринский и В. М. Бородин, а также крестьянин Брехов. Из них только трое — Яринский, Бородин и Харитонов — «изъявили согласие торговаться на предъявленных им кондициях». Кроме них в «переторжке» 28 сентября участвовали еще горный инженер Н. А. Пивинский, купец И. В. Журавлев, мещанин А. А. Коробейников и иностранец В. В. Бентхен. Всего покупатели приобрели имущества, оцененного в 26 837 руб., на сумму 32 429 руб. Воодушевленные успехом торгов, организаторы предлагали оставшемуся непроданным имуществу «сделать новую оценку и вновь назначить на публичные торги». Но Горный департамент не утвердил результаты проведенных торгов под предлогом того, что на них имущество было выставлено по завышенной оценке. Дело направили в Горный совет, который отнесся к небольшому нарушению местных горных властей более прагматично, решив, что «одно лишь ошибочное показание стоимости без изменения в качестве самого имущества... не может иметь последствием отмену торгов». Опираясь на это мнение, Сенат все-таки утвердил их результаты 11 апреля 1880 г. Новые торги на оставшееся фабричное имущество состоялись 25 и 29 мая 1881 г. Тогда в них приняли участие 16 человек, причем были «достигнуты цены на каждый предмет выше оценки»: продали имущество на сумму 8245 руб. (по оценке на 4576 руб.).

Одновременно подготавливались торги и на имущество бывшего Екатеринбургского монетного двора. Разрешение Сената последовало 10 декабря 1882 г. К тому времени главный начальник уральских заводов И. П. Иванов уже имел несколько предложений об использовании территории и зданий бывших казенных предприятий в центре Екатеринбурга. В декабре 1880 г. он сообщал, что строения были осмотрены губернским инженером Карбовским «с целью устройства мест заключения», но для размещения арестантской роты признали удобным лишь здание бывшей механической фабрики. И. П. Иванов отметил тогда, что эти здания было бы «основательнее и полезнее продать

для целей, соответствующих устройству их, именно для возобновления каких-либо фабрик, действующих водяной и паровой силой». В декабре 1880 г. он получил прошение о покупке здания монетного двора и заводской плотины от екатеринбургского купца И. И. Симанова. Тогда же в Министерство государственных имуществ поступило подобное заявление от другого екатеринбургского купца М. М. Скачкова. Однако главный начальник высказался против раздельной продажи предприятий, предлагая организовать торги «на то и другое учреждения вместе»⁸.

Видимо, это преобладавшее во властных кругах намерение так и не позволило реализоваться плану частных предпринимателей. В последующих документах прозвучал и еще один мотив отказа в продаже — опасение «поставить дальнейшее существование плотины и пруда», значимых как для города, так и для гранитной фабрики, «в зависимость от воли и распорядительности частного лица»⁹. Проблема решилась, когда здания монетного двора и механической фабрики заинтересовали начальника работ Екатеринбург-Тюменской железной дороги с точки зрения устройства там механических мастерских. После обращения министра путей сообщения к министру государственных имуществ последний согласился с предложением передать строения в другое ведомство, поставив лишь одно условие — «поддерживать в исправном состоянии плотину Екатеринбургского пруда и не препятствовать Императорской гранитной фабрике по-прежнему пользоваться водой из сего пруда». Александр III санкционировал эту передачу казенного имущества из одного ведомства в другое 13 июня 1883 г.¹⁰ Вскоре здания были переданы Управлению железной дороги, а часть движимого имущества продана. Так, воздуходушную машину, первоначально оцененную в 7775 руб., через год продали уже в виде лома всего за 201 руб. В апреле 1888 г. поверочная комиссия «освидетельствовала оставшееся имущество монетного двора и нашла, что многие из вещей... испорчены или изломаны и по этой причине некоторые из них должны быть проданы, а другие — исключены из прихода без возврата». Но торги, организованные в 1890 г., не состоялись «из-за неявики желающих торговаться». Всего, по данным Горного департамента, при закрытии Екатеринбургской механической фабрики и монетного двора казна понесла убытка на 110 тыс. руб. Эту сумму предлагалось списать со счетов горного ведомства, что, очевидно, и произошло после разрешения императора от 11 декабря 1892 г.¹¹

Но прежде чем это случилось, вопрос о назначении зданий бывшего монетного двора и механической фабрики вновь был возбужден в связи с закрытием в 1888 г. помещавшихся в них железнодорожных мастерских. Годом ранее эти здания уже использовались для размещения экспозиций первой Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки. В январе 1889 г. министром государственных имуществ было получено прошение от потомственного дворянина Х. Я. фон Таля и гражданского инженера В. А. Щицинского о поддержке их намерения разместить там «фабрику по изготовлению машин для золотых приисков и каменноугольных копей, а также земледельческих орудий», что, по их мнению, «принесло бы существенную пользу стране и правительству». «Мы желали бы воспользоваться зданиями, в которых помещались Екатеринбургские ремонтные мастерские Уральской дороги... испросив разрешения на продажу нам их в собственность или на отдачу в арендное пользование», — заявляли предприниматели.

Директор Горного департамента Н. А. Кулибин вступил в переписку с председателем Временного управления казенных железных дорог Н. П. Петровым, прося

уведомить, «представляется ли в настоящее время для Министерства путей сообщения надобность в этих зданиях или они могут быть переданы обратно в ведение Министерства государственных имуществ для продажи или нового назначения». «Вопрос о передаче зданий бывших железнодорожных мастерских, работа которых в настоящее время прекращена, для пользования как другими ведомствами, так и частными лицами, возбуждался неоднократно, — ответил председатель, — но Министерство путей сообщения, ввиду неразрешенного еще вопроса о дальнейшем направлении сибирских железных дорог, не считает возможным согласиться на передачу этих зданий». Он предположил, что работа мастерских может возобновиться в случае, если Транссиб пройдет через Екатеринбург, или же эти здания, «представляя значительный капитал», будут использоваться «для каких-либо иных целей правительства». Но если бы Министерство государственных имуществ «нашло полезным для своих интересов обратное принятие зданий», намекал председатель, то «соглашение по сему предмету... сделалось бы возможным лишь при готовности Министерства испросить по своим сметам оборотные ассигнования на погашение... тех затрат, которые были сделаны Министерством путей сообщения для приведения зданий бывшего монетного двора в настоящий вид». После такого ответа в апреле 1889 г. Х. Я. фон Талю и В. А. Щицинскому объявили, что, «как выяснилось из сношения с Министерством путей сообщения, означенное ходатайство не может быть удовлетворено»¹².

Артинский и Саткинский заводы

В 1876 г., еще до разработки инструкции о наделении землей горнозаводского населения, забрезжила возможность продажи нескольких заводов Златоустовского округа. В начале февраля того года министру государственных имуществ П. А. Валуеву была подана записка надворного советника П. И. Сысоева. Известно, что еще в 1871 г. вместе с екатеринбургскими купцами Злоказовыми он получил в двухгодичную аренду Юрюзанские заводы А. И. Сухозанета¹³. Видимо, это подогрело интерес к горнозаводскому предпринимательству у сложившейся компании, от имени которой и выступал надворный советник.

Предварив свою просьбу общими рассуждениями о преимуществах частного владения заводами, что доказывалось «опытом европейских государств», П. И. Сысоев предложил купить или взять «в виде опыта в арендное содержание составленной компании или товариществу» Саткинский и Артинский казенные заводы. По словам просителя, для этого имелись все основания: сам он был «знаком практически с горным хозяйством», а его пока не названные компаньоны «обладали капиталом и желали употребить его на горнозаводское дело». Заводы же, которые предполагалось взять в аренду, — Саткинский чугуноплавильный и железоделательный, работавший по нарядам военных ведомств, и Артинский железоделательный, изготовлявший «мелкие железные изделия (серпы, косы и пр.) для частной продажи» — могли составить единый производственный комплекс и в руках частной компании «значительно развить свою производительность». На первое время предполагалось увеличить изготовление кос и вытеснить с российского рынка импортируемую «штирийскую косу», которая, по словам ходатая, уже «заполонила Запад, Юг и Среднюю Россию». Выражалась надежда в будущем найти в «неразведанных заводских дачах» каменный уголь и намерение «приспособить заводы к рельсопрокатному производству». Компаньоны брали обязательство исполнять также и военные наряды, а арендную плату просили определить «по десятилетней доходности» предприятий с прибавкой к ней 50%.

Не прошло и полмесяца, как министр получил новую докладную записку уже от двух лиц — того же П. И. Сысоева и первогильдейского купца Н. А. Злоказова. Теперь компаньоны однозначно просили продать им те же заводы, доказывая, что отделение этих предприятий от Златоустовского округа не нанесет ущерба казенному хозяйству и не снизит производительности оставшихся Златоустовского и Кусинского заводов, «имевших смежные лесные дачи и рудные месторождения, по достоинству не только не уступающие саткинским, но даже превосходящие последние». Они предлагали четверть «договорной платы» внести при совершении купчей крепости, а остальную сумму рассрочить по усмотрению министра; наряды военных ведомств предприниматели обязывались выполнять «за ту же цену и на тех же основаниях, на каких подобного рода заказы исполняются казенными заводами».

Наконец, 20 апреля 1876 г. П. И. Сысоев подкрепил прежние ходатайства новым прошением, в котором изложил уже окончательно сложившийся у компаньонов замысел освоить на купленных Артинском и Саткинском заводах новое для России рельсопрокатное производство. «Побудительной причиной для меня и Злоказова, — писал он, — ...было именно желание создать первый стальной рельсопрокатный завод на Урале, работающий своими русскими материалами». Очевидно, хорошо понимая, что такая продажа может осуществиться только с разрешения императора, надворный советник привел необходимые для такого случая весомые аргументы. Акцентируя свой патриотический настрой, он доказывал, что зависимость от английского и шведского чугуна, импорт которого был разрешен в те годы для петербургских рельсовых заводов, «подвергает Россию всем невзгодам и колебаниям заграничных денежных рынков, подводит под влияние стачек английских рабочих» и ведет к удорожанию рельсового производства. Если в мирное время это выражалось «лишь одной денежной утратой», то «в военное время или во время разрыва с западными державами... когда порты России будут находиться в блокаде, а по границам ее будут стоять неприятельские войска», зависимость от внешних рынков, по его мнению, становилась прямой угрозой национальной безопасности. «Несмотря на 30-летнее существование железных дорог, — констатировал предприниматель, — Россия не завела своего собственного рельсопрокатного завода, работающего своими собственными же русскими материалами; идея иметь завод остается... невыполненной, тогда как ее... должно осуществить... потому что это дело не только первой потребности для существования железных дорог, но дело чести России... иметь свой русский рельсопрокатный завод, и не на окраинах государства, которые могут подвергнуться всем случайностям войны, а внутри России, на Урале, и готовить стальной, а не железный рельс». Он не просил у правительства помощи, а только желал быстрее решить вопрос о продаже заводов, для того чтобы, «не теряя драгоценного времени», начать покупку машин и заготовку строительных материалов.

На все эти просьбы Горный департамент отреагировал лишь составлением небольшой справки для П. А. Валуева, в которой излагались известные точки зрения В. К. Рашета, Горного совета и Податной комиссии насчет Артинского и Саткинских заводов. Напомним, что первый завод был предложен к продаже в частные руки (хотя В. К. Рашет не видел возможности для его деятельности при разрыве производственных связей с тем же Саткинским заводом, откуда тот получал чугун), второй же все инстанции оставляли за казной «в целях государственной обороны». Данные о результатах работы заводов за 1873–1876 гг., представленные в справке, свидетельствовали о том, что оба предприятия приносили небольшой доход казне. К тому же там не было еще завершено

землеустройство населения. Видимо, этих сведений министру хватило для того, чтобы проигнорировать просьбу уральских предпринимателей, несмотря на их далеко идущие обещания¹⁴.

В начале XX в., как уже упоминалось, Артинский завод вновь предполагалось передать «в частную эксплуатацию», а в 1908 и 1914 гг. даже строились планы отдачи завода в аренду рабочей артели. Но они тоже не реализовались¹⁵.

Серебрянский и Нижнетагильский заводы

В 1875 г. у Министерства государственных имуществ появилась возможность продать Серебрянский завод Гороблагодатского округа. В январе того года П. А. Валуеву поступила докладная записка уполномоченного демидовского Нижнетагильского округа П. Н. Шиленкова с просьбой «об уступке Серебрянского завода с его дачей на объявленных условиях». «Нижнетагильские горные заводы, приготавливающие в самом разнообразном ассортименте медь, железо и сталь, единственные на Урале заводы, где введена и осуществляется уже 20 лет выделка рельсов для железных дорог, — пояснял он. — Они первые попытались ввести на Урале бессемерование и в настоящее время приступили к устройству его на рациональных началах и в большом промышленном размере. Они сами идут на это важное нововведение, потому что обладают Высокогорским месторождением железных руд, с которым по качеству могут соперничать разве одни шведские рудники». Но серьезным препятствием на этом пути оказался недостаток лесных ресурсов. «Несмотря на все заботы... по устройству правильного лесного хозяйства и на введение всех возможных усовершенствованных способов с целью уменьшения потребления сгораемого, — сообщал уполномоченный, — дача Тагильских заводов при настоящей их производительности не может удовлетворять потребностям заводов, которые вследствие сего неизбежно поставлены будут в необходимость сократить действие». Он напоминал также о многочисленных прежних просьбах об уступке смежных казенных дач.

Оказывается, еще в январе 1864 г. главноуполномоченный Нижнетагильских заводов С. М. Добровольский обращался к главноуправляющему путей сообщения П. П. Мельникову с просьбой об оказании содействия в приобретении соседних Серебрянской и части Илимской лесных дач Гороблагодатского округа. Тогда дорожное ведомство намеревалось дать Нижнетагильским заводам крупный заказ на рельсы и было заинтересовано в его своевременном исполнении. Однако министр финансов М. Х. Рейтерн ответил отказом на ходатайство П. П. Мельникова, сославшись на «значительный круг деятельности казенных горных заводов, обязанных снабжать государство в потребностях армии и флота». Через год, в мае 1865 г., М. Х. Рейтерн получил повторную просьбу от главноуправляющего с сообщением о том, что после проведенных испытаний «рельсы Демидова оказались достоинством лучше заграничных и что уступкой упомянутых лесных дач достигается возможность получать ежегодно до 1,4 млн пуд. рельсов, не прибегая к заграничным заводчикам». В приложенной записке подполковника Верта, проводившего испытания, упоминалось, что Серебрянская и Илимская лесные дачи простирались на 289 309 дес., из которых 224 519 дес. «оставались без всякого употребления», и что от их уступки казенный округ не страдает. «Дачи эти, — последовал ответ из Горного департамента, — в самое непродолжительное время понадобятся Гороблагодатским заводам для снабжения металлами строящихся Пермских пушечных заводов... а Нижнетагильским заводам выгоднее и полезнее было бы изготовлять рельсы при употреблении каменного угля»¹⁶.

Почти четыре года демидовское заводууправление не поднимало вновь этого большого вопроса, пока в январе 1869 г. не известило министра финансов о том, что вообще вынуждено будет отказаться от казенных заказов на рельсы из-за недостатка древесного топлива, если ему не передадут для выжига угля хотя бы ближайшие участки Илимской (20 тыс. дес.) и Серебрянской (14 тыс. дес.) дач «с платежом попенных денег по таксации». Горный начальник Гороблагодатского округа соглашался передать эти участки в аренду на 24 года с правом пользования по 12 тыс. куб. саженой леса в год по цене 35 коп. за сажень. Главный начальник уральских заводов А. А. Иосса тоже находил эту сделку «не только полезной, но и выгодной для казны». Получив такую поддержку, заводууправление уже планировало использовать заготовленный в этих дачах уголь на ближайшем Висимо-Шайтанском заводе, где намеревалось устроить вторую доменную печь. Но и этот вариант не осуществился, поскольку министр отложил дело «до рассмотрения вопроса о продаже казенных горных заводов». «Тогда еще не было известно, какие заводы назначаются в продажу и не войдут ли в продажу Серебрянская и Илимская дачи, — объяснял причину отказа директор Горного департамента В. К. Рашет в октябре 1872 г. — Ныне окончательно стало известно, что дачи оставлены за казной и связь их с делом о продаже казенных заводов совершенно прекратилась». Желая, видимо, помочь Нижнетагильским заводам, где в свое время он работал управляющим, директор попросил главного начальника уведомить его о том, «не встречаются ли какие-либо препятствия к удовлетворению ходатайства Нижнетагильского заводууправления и желает ли оно ныне воспользоваться просимой в 1869 г. уступкой казенных лесных дач».

Новый главный начальник уральских заводов И. П. Иванов прежде всего потребовал от гороблагодатского и екатеринбургского горных начальников «сведений и соображений относительно возможности или затруднительности уступки лесных участков». В июле 1873 г. он рапортовал в Горный департамент о проделанной работе, усложнившейся в связи с тем, что о продаже казенных лесов просили еще и владельцы Невьянских и Верх-Исетских заводов, причем эти просьбы отчасти касались и тех участков, на которые претендовал Нижнетагильский округ. В результате сложных расчетов для отчуждения были предложены участки Серебрянской и Илимской дач общей площадью 22,8 тыс. дес. Главный начальник советовал «продать их в полную собственность заводов, а не предоставлять во временное пользование», поскольку полагал, что «этот способ сопряжен с большими неудобствами относительно наблюдения за правильностью лесных работ и легко мог привести к совершенному уничтожению леса». Но только в феврале 1875 г. он получил известие от В. К. Рашета о том, что «по изменившимся обстоятельствам» и эта сделка признавалась «неудобной» (было отказано в продаже участков казенных дач и нуждавшимся в топливе Верх-Исетскому и Невьянскому округам)¹⁷.

Скорее всего, причиной нового отказа послужило упомянутое выше предложение уполномоченного владельца Нижнетагильских заводов о покупке Серебрянского завода «в полном составе». П. Н. Шиленков полагал, что «едва ли можно было бы ожидать более выгодной для правительства продажи завода с его дачею в другие руки, кроме Тагильских заводов, если — как это и есть — оно при этом имеет в виду не спекулятивные цели, но одно исключительно возможно широкое развитие железного производства в России»¹⁸.

В Горном департаменте всерьез озаботились разработкой условий продажи казенного завода с его обширной дачей площадью 182 тыс. дес., полагая выручить от этой

операции от 650 тыс. до 975 тыс. руб. В марте 1875 г. несколько тагильских техников прибыли на казенный завод для его оценки, а летом того же года демидовский главноуполномоченный А. О. Жонес-Спонвиль лично пообщался с П. А. Валуевым во время поездки министра на Урал. Но тогда, видимо, они не сошлись в цене сделки. Предложение уполномоченного, скорее всего, не устроило министра, и он отказался обсуждать его «впредь до выработки оснований этой продажи». Но П. А. Валуев пообещал рассмотреть просьбу о продаже «отдельных смежных с округом Нижнетагильских заводов и, наоборот, отдаленных от Серебрянского завода лесных участков», указав при этом «на необходимость категорического определения безобидной для обеих сторон цены».

Когда же в марте 1876 г. А. О. Жонес-Спонвиль воспользовался этим обещанием и предложил за смежные с территорией Нижнетагильского округа участки Серебрянской и Илимской дач (площадью 19 136 дес.) несколько более 40 тыс. руб. (по 2,1 руб. за десятину), П. А. Валуев распорядился не продать, а лишь «допустить в виде опыта на один год» снабжение Нижнетагильских заводов древесным углем из казенных дач¹⁹.

Видимо, этим разрешением Нижнетагильские заводы все-таки воспользовались, поскольку в ноябре 1879 г. другой представитель П. П. Демидова кандидат права В. Д. Белов сообщал, что «установленный размер этого отпуска уже в прошлом году оказался недостаточным» из-за высоких темпов развития бессемерования в округе. На этот раз он просил «уступить в полную собственность» одну Илимскую лесную дачу площадью 119 550 дес. земли, включая 112 735 дес. леса, за которые предлагалось уплатить уже по 2,65 руб. «с рассрочкой от шести до десяти лет с 5% интереса». Заводоуправление брало на себя обязательство наделить землей небольшое местное население «на основании ожидающихся постановлений... с возвратом ему той суммы, какая выразилась бы по количеству выделенных десятин». В Горном департаменте вновь собирали справки о параметрах возможной сделки, но 29 марта 1880 г. управляющий Министерством государственных имуществ А. А. Ливен, «по рассмотрении сих записок, не признал в интересах казны желательным подвергнуть означенную дачу отчуждению в частные руки»²⁰. Оказалось, что в Министерстве рассматривалось тогда другое, показавшееся более привлекательным предложение. Нижнетагильские же заводы вскоре решили топливную проблему без участия казны — за счет покупки в 1884 г. богатого природными ресурсами Никитинского (Луньевского) горнозаводского округа в Прикамье у наследников Н. В. Всеволожского.

Дальнейшая история торгов на Гороблагодатские заводы заслуживает особого внимания по своей явной абсурдности. Началась она с того, что 8 октября 1877 г. П. А. Валуев получил прошение рижского купца первой гильдии А. И. Гоберга. «Желая споспешествовать развитию отечественной промышленности, — писал предприниматель, — я намерен учредить обширное горнозаводское производство на Урале, главнейше выделку рельсов из бессемеровской стали». Купец просил отчуждения в полную свою собственность Верхнетуриинского чугуноплавильного и Нижнетуриинского железодельного заводов с упраздненной Николаевской оружейной фабрикой, Баранчинского чугуноплавильного и Верхнебаранчинского железодельного, а также Серебрянского заводов «со всеми лесами, землями, угодьями, устройствами и строениями» и с половиной Илимской лесной дачи по течению реки Чусовой. Он также просил передать ему в аренду «не менее как на 99 лет такие участки горы Благодать, из которых возможно было бы добывать ежегодно не менее 5 млн пуд. железной руды», и согласен был платить подать по $\frac{1}{4}$ коп. за пуд или же предлагал продавать

ему ежегодно те же 5 млн пуд. гороблагодатской руды, за которую обязывался платить «сверх стоимости ее казне еще $\frac{1}{4}$ коп. с пуда арендной платы». За все это имущество казне обещалось 1245 тыс. руб., с тем чтобы «производить платежи на точном основании мнения Государственного совета от 18 октября 1871 г.».

Пока в Министерстве государственных имуществ обдумывали столь неожиданное предложение купить чуть ли не весь Гороблагодатский округ (А. И. Гоберг не просил только Кушвинский завод), 10 ноября от того же адресанта пришло «дополнение», в котором излагались еще более выгодные для казны условия. Купец предлагал при подписании купчей сразу уплатить не $\frac{1}{6}$ часть суммы (т. е. 207,5 тыс. руб.), как того требовали Правила, а 300 тыс. руб., оставшуюся же сумму рассрочить не на 37 лет, а всего на 16 с половиной с ежегодным начислением 5%. Он также отказывался от части Илимской дачи и просил только отвести удобное место на Чусовой для устройства пристани с правом пользоваться лесом из той дачи для постройки судов. Изменилось и прежнее предложение о поставке руды: казна продавала бы купцу четыре участка Гороблагодатского рудника, а «для улучшения качества литейного чугуна» еще и Балашинский рудник, по его сведениям открытый в 1805 г. пермским купцом Валуевым «за деревней Лайской по дороге в Тагил, около 30 верст от Кушвинского завода». Столь детальные знания уральской топографии, скорее всего, свидетельствовали о том, что у рижского купца был хорошо осведомленный информатор.

В Горном департаменте тогда подсчитали, что за более чем 470 тыс. дес. земли в заводских дачах, могущих отойти просителю за вычетом крестьянских наделов, можно было получить хорошую цену в 2,65 руб. за десятину. Но в январе 1878 г. А. И. Гоберг сделал новое предложение. «Желая по возможности ускорить и облегчить продажу», он просил отдать ему только металлургические предприятия с рудниками за 475 тыс. руб., из которых 100 тыс. вносилось наличными деньгами, а остаток рассрочивался на 15 лет «по банковским правилам». В таком случае казна должна была бы отпускать ежегодно до 150 тыс. куб. саженей леса «за попенные деньги, согласно лесной таксы», и разрешала бы пользоваться лесными материалами из Илимской дачи для постройки барок.

Однако и эти условия оказались не последним предложением предприимчивого покупателя. Осенью того же года поступило новое его прошение, сориентированное уже на проведенную к тому времени оценку предприятий. Теперь купец просил отдать ему только Серебрянский и Нижнетурицкий заводы с принадлежавшими им землями, которые в сентябре 1878 г. осмотрела и описала комиссия во главе с вице-инспектором Корпуса лесничих Новицким. Первый завод был оценен тогда в 133 тыс. руб., второй — в 255 550 руб. Отведенные к заводам части лесных дач общей площадью 236 тыс. дес. планировалось продавать по 1,5 руб. за десятину. «Как я слышал, — писал А. И. Гоберг, — правительству предполагается продавать частным заводам руду из горы Богодать, а потому прошу ежегодно получать до 5 млн пуд. по цене, которую правительством назначит, но не выше других частных заводов». Он соглашался сразу уплатить 10% стоимости имущества и предоставлял равнозначную сумму в виде залога процентными бумагами, затем через шесть месяцев — еще 10%, а оставшуюся часть платить в течение 15 лет «согласно банковским правилам»²¹.

Удивительно, но столь быстро менявшиеся предложения рижского купца не насторожили обычно бдительных министерских чиновников. О нем было известно как об авторе проекта постройки «развлекательного комплекса» с большим аквариумом,

консерваторией, концертным и выставочным залом и с зимним садом на месте Новой Голландии в Санкт-Петербурге. Но это предложение купца, сделанное Морскому министерству в 1876 г., «как влекущее за собой крайнее неудобство для деятельности Петербургского порта» было отклонено²². Через два года новый проект А. И. Гоберга о покупке казенных горных заводов все-таки привлек внимание Министерства государственных имуществ. Там решили, что последнее предложение купца может оказаться выгодным для казны даже несмотря на то, что один из двух заводов — Нижнетуринский — совсем не предназначался к продаже в соответствии с Правилами 18 октября 1871 г. Дело в том, что, по данным за 1876 г., на нем было выплавлено всего около 54 тыс. пуд. железа и 320 пуд. стали. Отчуждение предприятия с такой незначительной производительностью не могло нанести ущерб казне, решили горные чиновники. Сумма же сделки по проведенной оценке достигала 773 700 руб. В Горном департаменте предположили также, что могли бы справиться с продажей требуемого А. И. Гобергом количества руды «без всякого затруднения с условием замены на Благодатском руднике ручного труда машинным». Но, как и полагалось, продажа могла осуществиться только посредством публичных торгов.

В апреле и мае 1879 г. поступили отзывы от министра финансов и государственного контролера. Первый был явно обрадован предстоящей продажей. «Помянутые заводы не приносят достаточного казне дохода, — писал С. А. Грейг, — а купец Гоберг... предлагает такие условия, при коих казна может получить дохода более чем вдвое против ныне получаемого». Министр предложил поднять начальную цену на торгах до 800 тыс. руб. и сократить рассрочку с 15 лет до трех. Государственный контролер Д. М. Сольский выразил сомнение в необходимости брать обязательство по поставке покупателю 5 млн пуд. руды в год, полагая, что это ставит казну «в полную зависимость от неперемennого исполнения этого условия». По его мнению, лучше было бы предоставить купцу возможность «провести на свой риск разведку рудных месторождений в пределах заводских дач или же приобретать чугун от соседних заводов». Явно намекая на П. П. Демидова, контролер полагал, что это условие могло привлечь на торги также и «соседних заводчиков, обладавших большими рудниками и устроенными чугуноплавильными заводами, но нуждавшихся в расширении лесных дач».

В мае 1879 г. были подготовлены особые условия продажи Серебрянского и Нижнетуринского заводов, что разрешалось одной из статей утвержденных в 1871 г. Правил. Эти условия в большей степени были сориентированы на предложения А. И. Гоберга и несколько отличались от первоначальных. Видимо, Горный департамент не рассчитывал на высокую конкуренцию на предстоящих торгах. Заводы вместе с 256 713 дес. земли продавались за исходную сумму 800 тыс. руб.; казна отпускала покупателю в течение пяти лет до 5 млн пуд. руды по $\frac{1}{2}$ коп. с пуда сверх цены, в которую обходилась ее добыча, в дальнейшем заключались новые соглашения; при утверждении купчей крепости покупатель платил 10% стоимости имущества, через полгода — еще 10%, а остальные 80% рассрочивались на 15 лет «с уплатой 5% интереса и 5% погашения»; обеспечением сделки служил, кроме самих заводов, залог в процентных бумагах в размере 10% всей «покупной суммы», вносимый в течение месяца после совершения торгов; из находившихся на заводах различных «материалов и припасов» покупатель мог оставить нужные, за которые платил бы деньги по оценке с рассрочкой на три года.

В июне 1879 г. эти условия П. А. Валуев представил в Комитет министров. Там он пояснил, что вместе с заводами отчуждаются лишь части принадлежавших им лесных

дач, а «лучшие участки» сохраняются за остающимися в руках казны Гороблагодатскими заводами, полностью обеспеченными «горючим материалом». «За такими объяснениями министра государственных имуществ, — записано в журнале заседания, — Комитет министров не встретил вообще препятствий к отчуждению в частные руки Серебрянского и Нижнетурина казенных заводов путем публичных торгов, совершаемых по высочайше утвержденным Правилам 18 октября 1871 г.». Единственное, что потребовали министры, это исключить из условий обязательство казны по поставке определенного количества руды, заменив его более мягкой формулировкой — «поставлять руду в том количестве, в каком это окажется возможным». Было также установлено, что в случае невзноса платежа в трехмесячный срок назначается штраф, а при повторном нарушении срока платежа сделка расторгается, а залог остается в казне. Александр II утвердил постановление Комитета министров 22 июня 1879 г.²³

Условия продажи были опубликованы в «Правительственном вестнике». Торги назначили на 16 августа «в два часа пополудни» в Совете министра государственных имуществ «посредством одних запечатанных объявлений». В день торгов оказалось, что на покупку заводов были поданы две заявки — одна, как и ожидалось, от рижского купца первой гильдии А. И. Гоберга и его компаньона петербургского купца второй гильдии А. А. Ломача; вторая — от подполковника П. В. Берга. Имя А. А. Ломача появилось здесь впервые, хотя, видимо, партнерство двух купцов образовалось ранее: свои ходатайства рижский купец подписывал, как правило, «Гоберг и К°». Компаньон принадлежал к известной в столице семье владельцев крупной городской недвижимости. Сам он в те годы владел знаменитой гостиницей «Демутов трактир», где открыл роскошный ресторан и пристроил два театральные зала²⁴. Именно он внес необходимый для участия в торгах залог в 20 тыс. руб. Соперник купцов П. В. Берг был одним из крупнейших российских предпринимателей и уже владел на Урале Шайтанскими заводами²⁵. Поскольку А. И. Гоберг и А. А. Ломач предложили 1045 тыс. руб., а П. В. Берг всего 851 тыс. руб., они и выиграли торги. Теперь предстояло рассчитаться за купленные заводы в соответствии с условиями продажи и заключить купчую крепость.

В первую очередь в течение месяца необходимо было предоставить залог в 104,5 тыс. руб., но с этим сразу же возникли проблемы. А. И. Гоберг известил Горный департамент, что не может в срок внести всю сумму залога «ввиду возникшей необходимости в изменении условий участия компаньонов во владении заводами и предстоящей по сему поводу разверстке между ними срочных платежей». Видимо, между купцами-компаньонами произошел разлад по причине предложенной на торгах суммы: она, вероятно, была установлена А. И. Гобергом спонтанно, ввиду неожиданного участия в торгах опасного конкурента, значительно превышала начальную цену и не соответствовала возможностям или договоренностям компаньонов. В ситуации, когда А. А. Ломач отказался от сотрудничества, А. И. Гоберг и просил отсрочить уплату залога на три месяца. Сомневаясь в том, что на новых торгах могут быть получены «более выгодные предложения», Горный департамент согласился на отсрочку. В то же время П. В. Берг подал протест, полагая, что из-за нарушения условий продажи заводы должны были перейти к нему «за цену, предложенную на торгах». Ему ответили, что в случае повторной просрочки заводы будут вновь выставлены на торги, где он сможет принять участие²⁶.

«Не имея положительных распоряжений о времени передачи Нижнетурина и Серебрянского заводов покупщикам, — беспокоился в это время горный начальник

Гороблагодатских заводов, — я встречаю поэтому затруднения в распоряжениях по заготовке для тех заводов материалов и припасов». Вице-директор Горного департамента Г.Л. Грасгоф предусмотрительно рекомендовал ему пока «поступать так, как бы заводы вовсе не были предлагаемы в продажу, и согласно с сим ни заготовлением материалов, ни постройкой судов для сплава заводских изделий не останавливаться»²⁷.

Когда подошел срок уплаты первого взноса, от А. И. Гоберга и А. А. Ломача вместо денег или ценных бумаг поступила просьба внести залог недвижимым имуществом. В Министерстве государственных имуществ это было расценено как явное свидетельство «неисправности покупателей», что влекло за собой отмену результатов торгов. Управлявший Министерством А. А. Ливен предписал подготовить обращение в Комитет министров с вопросом о назначении новой продажи Серебрянского и Нижнетуринского заводов, «не стесняясь утверждением сей продажи на торгах 16 августа 1879 г.».

Но участники тех торгов не собирались устраняться от борьбы за заводы. В июне 1880 г. поступило заявление компаньонов «о вступлении пермского первой гильдии купца М. И. Любимова в участники по приобретению заводов... с тем, что Любимов принимает в свое владение и исключительную эксплуатацию Серебрянский завод». Он, сообщали компаньоны, уже прибыл в Санкт-Петербург и готов предоставить требуемый залог. Тогда же и сам М. И. Любимов подтвердил свои намерения в личном заявлении на имя министра. Он был представителем известной на Урале предпринимательской фамилии и в те годы занимал должность пермского городского головы. Предположим, что, имея широкие связи, именно он и направлял действия своих столичных агентов. Одновременно с этим поступило заявление А. А. Ломача. «По состоявшемуся с купцом Гобергом соглашению, — извещал он, — я уже не состою вместе с ним участником по приобретению заводов... и все права передал ему, а потому прошу относиться по всем делам к купцу Гобергу». Компаньон подтвердил происшедшие изменения в составе участников сделки и даже просил министра назначить срок для составления купчей. В то же самое время в Министерстве было получено два заявления П. В. Берга, в которых он просил утвердить заводы за ним, соглашаясь уплатить предложенную его соперниками сумму в 1045 тыс. руб., полагая, что в этом случае «казна избавится от убытков и приобретет капитал, дающий годового дохода более 50 тыс. руб.». Он также обещал направить на устройство заводов более 1,6 млн руб.

Но, несмотря на эти заманчивые предложения, А. А. Ливен отказал всем просителям. Участникам сделки ответили, что из-за нарушения условия о предоставлении залога в назначенный срок они утратили право на покупку. В октябре 1880 г. М. И. Любимову было заявлено, что «действительность торгов уничтожена» и министр «не счел себя вправе в отступление от высочайше утвержденных условий продажи принять от просителя залог и вообще вступить с ним в какие-либо отношения». Прошение П. В. Берга по тем же мотивам было «оставлено без удовлетворения». Известно, что А. И. Гоберг и П. В. Берг подавали жалобы в Сенат, но и тому и другому было отказано по формальным причинам. Более того, министр счел возможным не возвращать покупателям 20 тыс. руб., предоставленных ими в качестве залога для участия в торгах. Горному начальнику Гороблагодатского округа в этой связи было предложено подсчитать убытки от несостоявшейся продажи. «Определить их невозможно, — отрапортовал тот, — т. к. если убытки и есть, то не прямые, а косвенные, именно: возбужденный, но не разрешенный окончательно вопрос о продаже вредно отозвался на действии заводов в том отношении, что ввиду передачи их в частные руки не было принимаемо никаких

мер к необходимому для большей доходности увеличению производства и усовершенствованию устройств, чтобы не увеличивать стоимости последних, оцененных для продажи в настоящем их виде». Сенаторы постановили все-таки вернуть бывшим компаньонам залог, но взыскать с них 177 руб. «за публикацию объявлений»²⁸.

Прошло целых два года, прежде чем А. И. Гобергу и А. А. Ломачу вернули залог. К тому времени новому министру государственных имуществ М. Н. Островскому поступило еще одно предложение насчет назначенных в продажу Серебрянского и Нижнетуринаского заводов. В июле 1882 г. полковник в отставке светлейший князь А. А. Суворов, правнук генералиссимуса, сообщал министру о том, что известные ему «французские капиталисты» готовы сделать предложение правительству относительно покупки этих заводов на прежних условиях, обещая внести полностью всю сумму при совершении купчей; требовалось только дать разрешение на осмотр заводов. Но, судя по всему, на это предложение реакции не последовало²⁹. В сентябре 1885 г. «кушвинский сельский обыватель» Д. А. Байтулин попытался выяснить в Горном департаменте, на каких «кондициях» он мог бы арендовать или купить Серебрянский завод вместе с его лесными дачами и рудными месторождениями. «Кроме сего... я был бы согласен точно так же арендовать или купить и Баранчинский завод», — сообщал, видимо, совсем не бедный «обыватель», обещая вносить деньги «исправно по срокам, предложенным кондициями». Очередной претендент, за которого «по безграмотности» подписался его представитель, только через год получил ответ, «что в настоящее время в Министерстве государственных имуществ предположения о передаче названных заводов в частные руки не существует»³⁰. Продажа даже части Гороблагодатского округа уже не соответствовала планам нового горного начальства.

Когда же в 1893 г. управляющим Министерством государственных имуществ стал сторонник развития казенной промышленности А. С. Ермолов, у Гороблагодатских заводов появились большие перспективы для развития. В 1894 г. там побывали профессор И. А. Тиме и горный инженер И. Н. Урбанович, отчеты и предложения которых рассматривались в марте 1895 г. в Горном ученом комитете. Высоко оценивая природные богатства округа, И. Н. Урбанович предлагал увеличить выплавку чугуна в год с 2,2 млн пуд. до 10,5 млн за счет постройки шести новых домен, в том числе на Серебрянском и Нижнетуринаском заводах. Внимательно рассмотрев технические, ресурсные и финансовые аспекты, Комитет не стал детально вдаваться в вопрос о возможности сбыта такого количества металла на рынке, хотя на заседании и прозвучало мнение о нежелательности «уклонения от намеченной для казенных заводов задачи удовлетворения нужд государственной обороны». Комитет решил ограничиться на первых порах завершением уже начатой постройки серебрянской домны и возведением еще одной на Нижнетуринаском заводе. При такой перспективе продажа или аренда этих предприятий ушла на второй план, а лесные дачи были «закрыты» для частной горной промышленности³¹.

Вопрос об отчуждении этих заводов, как уже упоминалось, вновь поднимался в начале XX в. Из них для Серебрянского завода был даже разработан «проект кондиций, или основных условий, для сдачи в аренду с торгов». Поводом послужил «всеподданнический отчет» государственного контролера П. Л. Лобко за 1904 г., в котором это казенное предприятие вновь признавалось убыточным и подлежащим закрытию. После неудачной попытки организовать доменное производство, на нем по-прежнему изготавливалось листовое кровельное железо, а чугун доставлялся с Баранчинского

и Кушвинского заводов. При этом, вследствие отдаленности завода от железной дороги, доставка чугуна обходилась дорого, а «получаемый продукт мог сбываться только раз в году сплавом по реке Чусовой». Главный начальник сообщил, что завод тогда действовал «лишь в целях использования заготовленных уже запасов сырья и угля и с истощением таковых должен был остановиться».

Однако Горный ученый комитет в декабре 1905 г. решил все-таки предварительно выяснить, «что будет менее убыточным для казны: закрыть ли завод и оказывать населению вспомоществование в возможно широких размерах или поддержать действие завода, не расширяя значительно его производительности, до тех пор, пока не найдется частный предприниматель, который пожелал бы взять завод в аренду при условии сохранения заводской дачи в руках казны». Вопрос обострился, когда на имя императора от мастеровых поступило прошение «об увеличении производительности завода», а горный начальник Гороблагодатского округа А. С. Левитский уточнил, что в случае закрытия завода придется не только выдавать рабочим и их семьям провиант, но еще и полугодовую заработную плату.

Приняв во внимание эти аргументы, в мае 1907 г. Горный ученый комитет заключил, что закрытие Серебрянского завода должно «существенно нарушить материальное благосостояние местного горнозаводского населения и потому не может быть допущено». Оставался единственный вариант — «поддерживать производительность предприятия в существующем размере от 130 тыс. до 140 тыс. пуд. железа с ассигнованием операционного и провозного кредита в 250 тыс. руб. впредь до передачи завода в другие руки». Инспектору И. Н. Урбановичу было поручено «собрать на месте подробные данные о возможности поднять производительность и свыше указанного размера», а А. С. Левитскому — подготовить проект условий сдачи завода в аренду.

Первоначальный проект, разработанный в том же году, предусматривал аренду сроком на 30 лет за ежегодную плату в размере 2% от стоимости всего недвижимого имущества с правом пользования рудниками и горючим материалом из заводских дач. После обсуждения проект был дополнен обязательством арендатора «вести производство ежегодно в таком размере, чтобы сумма заработной платы всех рабочих и служащих достигала не менее 250 тыс. руб.», а арендная плата, с которой начинались торги, обозначалась твердой цифрой в 6 тыс. руб.³² Но до практических шагов в этом направлении дело не дошло. Как уже упоминалось, лишь накануне Первой мировой войны рабочие Серебрянского завода просили взять его в аренду, но получили отказ от Горного департамента.

Юговский завод

Юговский медеплавильный завод Пермского округа вызывал интерес частных предпринимателей задолго до его назначения к продаже. Еще в мае 1861 г. министр финансов А. М. Княжевич получил прошение от коллежского советника в звании камер-юнкера А. Ф. Дурасова и его брата гвардии ротмистра П. Ф. Дурасова (проживали в Санкт-Петербурге, по Пантелеймоновской ул., 8), потомков знаменитого заводчика XVIII в. И. С. Мясникова, видимо пожелавших вернуться к утраченному их родом еще в начале XIX в. владению металлургическими предприятиями на Урале путем покупки Юговского и тогда еще действовавшего Мотовилихинского заводов. Они пытались воспользоваться неблагоприятными условиями для горнозаводской промышленности, сложившимися на рубеже 1850–1860-х гг., когда, по их информации, «расходы на заводские материалы увеличились до того, что самим заводам каждый пуд меди

обходится на целую треть дороже против положенного по штату». «Между тем, — доказывали просители, — частная промышленность может поднять это дело усилением разведок и разработкой новых месторождений руды, улучшением и расширением самого производства, но с тем, разумеется, условием, что ей будут дарованы те же права, которые ныне принадлежат заводам, если ей предоставят больше свободы деятельности по всем отраслям, которые она найдет полезным основать и разрабатывать». Братья просили передать им заводы в пятидесятилетнюю аренду, желая получить и «все исключительные права по поиску и разработке руд на всех приграничных землях... и постройке всякого рода заводов и фабрик по их усмотрению». Выгода для казны, по их мнению, заключалась в получении арендной платы по 20 тыс. руб. в год, что составляло за весь срок действия договора «целый миллион серебром вместо нынешних убытков», а также в «усилении промышленности в крае отдаленном и бедном заработками». «Крайняя умеренность наших требований служит доказательством того, что, не рассчитывая на огромные от этого дела выгоды, мы желаем вести его добросовестно», — уверяли Дурасовы.

После согласований директор Горного департамента А. Р. Герингросс и главный начальник уральских заводов Ф. И. Фелькнер признали преждевременным, да и невозможным, соглашаться на передачу казенных заводов в частные руки. Оптимистично настроенный главный начальник акцентировал внимание на возможном улучшении положения казенных заводов в связи с переходом к вольнонаемному труду. «В настоящее время нельзя еще оценить всех последствий этого, — полагал он, — но можно смело ожидать, что когда преобразование это исполнится... то доходы заводов не потерпят от того никакого ущерба потому, что хотя платы рабочим и увеличатся против прежних, но зато заводы избавятся от многих непроизводительных расходов, которые они должны были нести, пока на них лежала обязанность содержать все принадлежащее к ним население». Директор добавил к этим умозрительным рассуждениям более вескую причину отказа: по закону казенные имущества продавались или отдавались в аренду «не иначе как с торгов»³³.

Но предполагавшихся в начале 1860-х гг. улучшений так и не последовало; не обновлялись, по всей видимости, и попытки со стороны частных предпринимателей купить или арендовать Юговский завод. В 1866 г. ввели новый «временный штат» (в 1871 г. его действие было продлено «впредь до продажи завода»), в соответствии с которым годовая производительность завода ограничивалась 11 040 пуд. меди. Кроме того, существующее окружное управление было закрыто и вместо него учреждено самостоятельное управление Юговского завода, руководитель которого получил права горного начальника³⁴.

Войдя в группу заводов, продажа которых была отложена до завершения землеустройства многочисленного населения, завод неоднократно назначался вместо продажи к закрытию. «Действие Юговского завода, как известно, оказывается для казны убыточным, — сообщал главный начальник уральских заводов И. П. Иванов в октябре 1874 г. — Причиной тому служит ограниченная производительность завода, не соразмерная с расходами, требующимися на содержание администрации и другие нужды завода; увеличить же производительность не представляется возможным за неимением в достаточном количестве рудных запасов». «Хотя и были принимаемы меры к обеспечению производства через приискание новых рудных месторождений от казны и через поощрение к развитию частного рудного промысла... но за всем тем положение завода

к лучшему не меняется», — разъяснял он свою позицию, предлагая «во избежание убытков» остановить производство. Тогда заводоуправлению впервые было предписано составить смету расходов на случай закрытия предприятия.

Переписка о судьбе Юговского завода возобновилась летом и осенью 1875 г. в связи с необходимостью планировать «операционную смету» на будущий год. Директор Горного департамента Ф. И. Раселли вновь обратился к И. П. Иванову с просьбой «разъяснить, какое направление будет признано нужным дать действию Юговского завода». Главный начальник представил обстоятельную записку, доказывая, что «со времени введения свободного труда» завод стал убыточным из-за «упадка частного рудного промысла... и истощения рудников, открытых и разрабатывавшихся средствами казны». Выплавка меди не только уменьшалась год от года, но и «всегда обходилась дороже существующих цен». Так, в 1873 г. с учетом цеховых и накладных расходов себестоимость производства пуда меди составила 16 руб. 40 коп., в 1874 г. — 18 руб. 68 коп., в 1875 г. достигла уже 20 руб. 93 коп., в то время как рыночная цена не поднималась в эти годы выше 12 руб. за пуд. При плане в 3 тыс. пуд. убыток составил бы около 30 тыс. руб. в год. «Упадок завода не раз был предметом суждения составляемых с этой целью горных советов в самом заводе и в Санкт-Петербурге, — сообщал И. П. Иванов, — и последствием оных были сначала увеличение плат частным рудопромышленникам за медь, выплавленную из поставляемой ими руды, и, наконец, ограничение производства завода и сокращение администрации... но мерами сими не достигнуто выгодных для казны результатов». Проведенные геологические разведки не обнаружили новых «благонадежных» меднорудных месторождений. В результате был сделан вывод о том, что таковые на западном склоне Урала полностью выработаны, и «вследствие этого все медеплавильные заводы остановлены». В очередной раз главный начальник предложил закрыть Юговский завод, упразднить состоявшие при нем госпиталь, аптеку, богадельню и конюшню, уволить служащих, а лесные дачи передать в ведение горного начальника Пермских пушечных заводов. Было даже сделано предупреждение мировому посреднику, а через него — заводскому населению, о возможном закрытии завода к 1 апреля 1876 г., как того требовал закон.

Но в ответ Ф. И. Раселли телеграфировал «не останавливать заготовку материалов», сообщив, что в смете на 1876 г. Юговскому заводу все-таки сохранена норма выплавки меди в 3 тыс. пуд. Объяснение этого решения было простым: в случае закрытия завода казна понесла бы более значительные расходы «как на предоставление местному населению дарового провианта, так и на охранение имущества». Из двух зол выбрали меньшее, но «предупреждение о предположительном закрытии завода» все-таки предписывалось не отменять³⁵.

Прошло полгода, прежде чем директор Горного департамента дал задание горному начальнику Пермских пушечных заводов Н. В. Воронцову вновь осмотреть завод и «сообразить на месте, не лучше ли будет для предупреждения дальнейших убытков завод этот продать или отдать в арендное содержание» как альтернативу закрытию. Видимо, неожиданно и для директора, и для главного начальника авторитетный инженер сделал вывод о том, что «с принятием некоторых мер действие Юговского завода могло быть еще с пользой для казны восстановлено». И. П. Иванов был вынужден лично отправиться на завод, чтобы «удостовериться на месте... в возможности продолжать действие либо сделать распоряжение об описи и оценке завода», необходимых для его продажи с публичных торгов.

Заключение главного начальника уральских заводов на этот раз оказалось неоднозначным. Он выяснил, что себестоимость меди в 1876 г. несколько снизилась, а в следующем году пуд меди мог обойтись даже в 14 руб. Это объяснялось тем, что местному начальству было дано разрешение покупать руду у частных поставщиков по договорной, а не по фиксированной высокой цене. «Убыток все-таки будет, — предупреждал И. П. Иванов, — но непрерывность действия завода впредь до продажи его устранил расходы казны и затруднения, неизбежные при совершенной остановке завода». Тем не менее, не исключая продажи, главный начальник распорядился создать оценочную комиссию и подготовить опись заводского имущества. К концу августа 1876 г. комиссия в составе управителя завода статского советника А. Г. Померанцева и коллежского советника Н. А. Грамматчикова завершила свою работу. Недвижимое имущество было оценено в 79 568 руб., движимое — в 125 433 руб. В пояснительной записке инженеры доказывали, что себестоимость меди на Юговском заводе могла бы снизиться до уровня «продажной цены» лишь в случае увеличения производительности до 8–10 тыс. пуд. в год. Но возросшие при этом расходы на заготовку припасов и заработную плату все-таки не позволили бы достигнуть рентабельности производства. И. П. Иванов решил, что эти выводы только подтверждают давно уже выраженное им мнение, и отправил в Горный департамент оценочную ведомость «на случай продажи завода»³⁶.

Но на этом дело о возможном закрытии или продаже Юговского завода временно приостановилось. О предприятии ненадолго вспомнили в 1880 г., когда «во время обозрения уральских заводов» управляющий Министерством государственных имуществ А. А. Ливен намекнул главному начальнику о том, что «завод, статья может, будет закрыт». Управитель, которому вновь было поручено составить справку о расходах, обеспокоился возможным при остановке действия завода срывом заключенных контрактов с частным поставщиком руды Вавиловым, который все эти годы снабжал предприятие сырьем. Тогда же он распорядился окончательно остановить «казенные подготовительные работы по рудникам», но не решился прекратить заготовку древесного топлива. «Сведения об Юговском заводе требуются только на случай, если Государственным советом не будет дан кредит на действие завода в будущем году... — успокоил его И. П. Иванов. — Но т. к. никакого окончательного распоряжения об этом еще не поступило, и может быть, и не последует еще в скором времени, то все заводские операции следует вести и выполнять установленным порядком»³⁷.

«Окончательное распоряжение» тогда так и не было сделано, и решение судьбы Юговского завода отложили еще на десятилетие. Вероятно, на это повлияла положительная динамика цен на медь в последующие годы, на какое-то время сделавшая рентабельной работу казенного предприятия. Кроме того, с распространенным мнением об исчерпанности рудных месторождений в заводской даче не согласилась экспедиция, направленная Горным департаментом в 1884 г. на Урал для исследования хозяйства казенных горных заводов. «Оскудение руд должно быть приписано не столько естественным причинам, — сделали вывод ее участники, — сколько нерадению местного начальства к открытию новых месторождений». Было предложено усилить разведки, а для снижения себестоимости меди увеличить ее производство до 10 тыс. пуд. в год, для чего на заводе «имелись все нужные устройства и не могло встретиться затруднений ни в заготовке угля, ни в рабочей силе». В результате экспедиция не нашла тогда «достаточно уважительных причин для отчуждения из казны Юговского завода». Напротив, ее участники признали, что «при усилении производительности завода явится полная

возможность удешевить медь, на которую к тому же есть постоянный спрос со стороны других казенных заводов»³⁸.

Однако рекомендованных мер, видимо, так и не осуществили. Горный департамент 22 сентября 1890 г. сообщил главному начальнику, что «ввиду вновь обнаружившейся убыточности действия предположено сдать завод в аренду частным лицам» или закрыть его. Когда убыток достиг 15 тыс. руб., 24 июля 1891 г. из Департамента поступило предписание остановить работы к 1 января 1892 г. Высочайшее повеление последовало 31 августа того же года. В нем предписывалось «действие завода» прекратить, принадлежавшие ему Юговскую и Аннинскую лесные дачи «причислить к округу Пермских пушечных заводов», мастеровых обеспечить земельными наделами, а заводоуправление упразднить³⁹. «Таковое повеление вызвано убыточностью действия завода... — пояснялось в указе, — основанного в прошлом столетии для выплавки меди из гнездовых и пластовых месторождений окисленных медных руд пермской почвы бедного содержания».

Однако на этом история предприятия не закончилась. Было решено все-таки попытаться сдать завод в аренду. Комитет министров 16 ноября 1891 г. санкционировал «передачу завода в арендное содержание частным лицам с торгов, а в случае безуспешности последних — без торгов по усмотрению министра государственных имуществ». Из справки Уральского горного управления следует, что торги были назначены на 18 декабря того года, но они не состоялись «за неявкою желающих». Видимо, предпринимателей не устроили предложенные казной условия или же они не хотели переплачивать, поскольку конкурсная сумма неизбежно повышалась на публичных торгах. Тем более что вариант отдачи завода в аренду без торгов на компромиссных условиях не исключался положением Комитета министров, которое не являлось тайной.

Именно о таком настрое предпринимателей свидетельствуют их последующие действия, когда почти через 30 лет после неудачной попытки Дурасовых в Министерство государственных имуществ было подано сразу несколько прошений об аренде Юговского завода. В феврале 1892 г. об этом «изъявил желание» французский гражданин Ю. П. Гужон; 15 апреля о том же заявили статский советник И. Н. Урбанович и коллежский советник Д. И. Захаровский; чуть позже это сделали надворный советник Н. Е. Кротов (Кротков) и потомственный почетный гражданин Н. М. Лавров. Условия аренды согласовывались в Горном департаменте, а ход сделки курировал сам министр государственных имуществ М. Н. Островский. Он отклонил предложения Ю. П. Гужона, Н. Е. Кротова и Н. М. Лаврова. Иностранец (в 1893 г. Ю. П. Гужон станет одним из учредителей Общества Вишерских чугуноплавильных заводов, позже преобразованного в Волжско-Вишерское акционерное общество) «подал новое заявление с изменениями», в июле то же сделали И. Н. Урбанович и Д. И. Захаровский, которые настаивали на включении в договор «права отказаться от аренды до срока в случае истощения руд». Именно с ними 13 августа 1892 г. и был заключен контракт на 36-летнюю аренду завода.

По условиям договора, И. Н. Урбановичу и Д. И. Захаровскому предоставлялось право получать по мере потребности лес из Юговской и Аннинской дач на расстоянии 36 верст от завода для выжига угля и 20 верст — для заготовки дров и строевого леса. За это они должны были платить по 45 коп. за куб. сажень дров, а за строевой лес — «попенные деньги по низшей таксе». Арендаторы могли также беспопылинно пользоваться медными рудниками, находившимися в этих дачах, и разрабатывать торфяники.

Арендной платы как таковой не устанавливалось, если не считать горной подати с выплавленной меди в размере, установленном для владельческих заводов. Обеспечением служил залог всего в 3 тыс. руб. В октябре арендаторам было передано заводское имущество по оценочной стоимости на 117 608 руб., убыток при этом составил около 48 тыс. руб., «принятых на счет казны»⁴⁰.

В прессе этот случай получил однозначную оценку. «Значение „арендного договора“ для интересов казны едва ли требует разъяснений, — писал публицист И. С. Сигов, — завод подарен без арендной платы»⁴¹. Но, вероятно, не все было так просто. Как известно, заводские рудники были истощены, а разведки не дали результатов. Арендаторы же пообещали на свои средства организовать новые поиски руд и провести ремонт оборудования. Кроме того, они платили горную подать и все иные, земские и имущественные, сборы. В предпочтении их другим претендентам, видимо, сыграл свою роль и статус обоих арендаторов как профессиональных горных инженеров, по своей прежней службе знакомых с горнозаводским делом. Они же в своем намерении были обнадужены окружным инженером М. Д. Белоусовым, который одно время служил вместе с И. Н. Урбановичем. Инженер считался «хорошим знатоком медного дела, которое он изучал во всех частях России», и составителем «самого обстоятельного описания Юговского завода». На страницах авторитетного «Горного журнала» он доказывал, что положение предприятия не безнадежно, поскольку «северо- и юго-западная части дачи были мало исследованы и если глубже бурить до 50 сажень, то можно надеяться найти второй пласт медистых песчаников».

Симптоматично, что в начале аренды Юговского завода М. Д. Белоусов с удовлетворением отмечал появление в подведомственном ему округе «новой отрасли частной горной промышленности». «С декабря начата добыча руд, и завод пущен в действие, — писал он. — Богатство Юговской дачи медными рудами, хотя и невысокого содержания в 2 и 3% металла, а также достаточные запасы казенных лесов и обеспеченность дешевым рабочим населением — все это говорит в пользу того, что предприятие это имеет все задатки к развитию не без выгоды для предпринимателей, тем более что юговская медь по своим высоким качествам давно уже пользуется на рынке прекрасной репутацией». Но в своем отчете за 1894 г. он был уже не столь оптимистичен. Хотя выплавка меди тогда возросла до 5697 пуд. в год, но руд было заготовлено значительно меньше, что окружной инженер объяснял «неподготовленностью к добыче» двух новых заложённых арендаторами шахт. «Вообще, небогатство медных руд по содержанию в них металла и недостаток в рабочих руках для заготовок угля еще долгое время будут служить препятствием к увеличению выплавки меди, тем более что и рыночная цена меди значительно понизилась в последнее время», — с сожалением констатировал он. Вероятно, перемена настроений «идейного вдохновителя» аренды (он скончался в 1895 г.)⁴² повлияла на отношение к ней одного из арендаторов. Формальным поводом для отказа от аренды И. Н. Урбановичу послужило назначение его 21 марта 1894 г. членом Горного ученого комитета и горным инспектором, в результате чего министр А. С. Ермолов разрешил ему «права свои по аренде передать инженеру Захаровскому». Новый окружной инженер Н. И. Штраус в отчете за 1896 г. отмечал, что выплавка меди на заводе упала до 2632 пуд. из-за низкого качества руды. «Юговский завод работал вяло в 1896 г., — констатировал он в следующем отчете, — и так же вяло идет в нынешнем, дорабатывая добытую руду... и уголь. Арендатор подал прошение министру об облегчении условий аренды»⁴³.

В упомянутом прошении от 7 марта 1897 г. Д. И. Захаровский сообщал о неудачных поисках руд, организованных им в заводских дачах, о значительных тратах на ремонт зданий, полученных от казны «в расстроеном состоянии», о ежегодном расходе до 3 тыс. руб. «в виде земских и страховых платежей за многочисленные и дорогие заводские сооружения», совершенно не нужные ему «за неимением руд». «Продолжать работы в Юговском заводе при таких условиях, когда ремонты, земские и страховые платежи со всех зданий поглощают весь доход, — заключал арендатор, — для меня невозможно по убыточности их, отказаться от арендования завода я также не могу, т. к. на большой ремонт завода, принятого в совершенно разрушенном виде, и на разведочные работы мною затрачено в настоящее время уже до 35 тыс. руб.». Он просил министра разрешить ему «вернуть в казну ненужные постройки» или купить их на слом по вольной цене, а также окончить аренду ранее срока. Но в случае, если бы министр пожелал «продлить 100-летнее существование Юговского завода», арендатор предлагал «ввести, не уничтожая медеплавильного дела, еще и железоделательное производство» и для этого поставлять ему ежегодно до 200 тыс. пуд. чугуна из Гороблагодатского округа «по заводской цене». Он обещал таким путем «выйти из нынешнего тяжелого положения, восстановить вполне Юговский завод, расширить заработки населения, дать возможность вполне эксплуатировать лесные запасы Юговской дачи и организовать для казны своими средствами передельный завод», который обязывался отдать казне в конце арендного срока «без всякого для себя вознаграждения». На обновленном предприятии Д. И. Захаровский предполагал изготавливать «чугунные и железные части по определенному шаблону для земледельческих орудий и сдавать, по указанию министерства, таковые в центры кустарного производства сих орудий».

В Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и Перми началось обсуждение этих предложений и их проверка. Н. И. Штраус попросил арендатора предоставить сведения о проведенных им разведках и расходах на ремонт. Но когда в августе они были получены, оказалось, что по этим данным невозможно было сделать точное заключение. После неоднократных напоминаний дополнительные сведения были получены только к ноябрю, а когда в начале декабря окружной инженер прибыл на Юговский завод для оценки проведенных работ, сделать это оказалось невозможно из-за снежного покрова. Поэтому вместо детальной проверки Н. И. Штраус ограничился осмотром «видимых признаков работ», а также сбором сведений «от лиц, хорошо знакомых с положением завода». Свой отзыв предоставил, в частности, инженер А. А. Клинка, уже шесть лет работавший на заводе помощником управляющего и смотрителем рудников, а отзыв, поданный арендным управляющим А. Е. Жалобинным, был «конфискован» арендатором, не разрешившим ему «давать самостоятельные отзывы». Видимо, Д. И. Захаровскому было что скрывать. Окружной инженер все-таки признал «положение Юговского округа небезнадежным», но предположил, что «правильная его эксплуатация и разведка только под силу солидной акционерной компании, которая не страдала бы излишней осторожностью и нерешимостью»⁴⁴.

Подготовить окончательный вердикт было поручено чиновнику по особым поручениям при Уральском горном управлении Н. А. Салареву, который, в отличие от окружного инженера, счел совершенно бесперспективными новые разведки рудных месторождений в Юговской даче: руду не могли обнаружить ни казна, ни арендатор, и они едва ли согласились бы «повторить этот расход». «А потому, в конце

концов, следует, кажется, с медной плавкой в Юговском заводе покончить», — заключил он. За время пятилетней аренды на заводе добыли 797 229 пуд. руды, выплавили 21920 пуд. меди, но «имел ли Д. И. Захаровский какой-либо барыш и окупил ли свои расходы, осталось неизвестно». Зато выяснилось, что его собственные затраты не превышали 15 тыс. руб., т. е. были значительно меньше той суммы, которую он указал в своем прошении. Эксперт рекомендовал не соглашаться и на предложенное арендатором репрофилирование завода, поскольку счел, что ежегодный отпуск 200 тыс. пуд. чугуна по заводским, а не по рыночным ценам «равнялся бы субсидии от казны в 40 тыс. руб.». Это тем более было невозможно ввиду того, что министр уже отказал арендатору в поставке чугуна. Выходило, что все испрашиваемые Д. И. Захаровским льготы «не могли помочь делу» в первую очередь из-за отсутствия руды. В таком случае Н. А. Саларев предлагал воспользоваться тем условием договора 1892 г., которое предоставляло арендатору возможность отказаться от аренды именно по причине истощения руд.

Мнение эксперта поддержал и недавно вступивший в должность главного начальника уральских заводов П. П. Боклевский, которого особенно задел обман арендатора, указавшего завышенную сумму своих затрат. Они же, как оказалось, ежегодно не превышали 1 % стоимости переданного ему имущества. «Казна, отдавая Захаровскому Юговский завод и пользование лесной дачей в 133 тыс. дес. на чрезвычайно льготных условиях, имела в виду, что арендатор, сделавши солидные затраты, исследует рудные месторождения, разовьет производство и тем принесет пользу и казне, и местному населению, — размышлял П. П. Боклевский, — но на самом деле Захаровский совсем не выполнил эту задачу, а только постоянно добивался лишь различных льгот». В своем «отпуске» в Горный департамент в январе 1898 г. главный начальник настаивал на том, чтобы инженеру было предложено отказаться от аренды, а в случае несогласия потребовать от него «точного выполнения контракта, обязав производить необходимый ремонт зданий и сооружений». Он даже осторожно предложил «сделать публикацию, быть может, найдутся еще желающие попытать счастья»⁴⁵.

В 1900 г. Горный департамент считал Юговский завод уже закрытым. Вероятно, предприятие еще некоторое время функционировало, после кончины Д. И. Захаровского в 1901 г. перейдя его наследникам, пока в 1902 г. они окончательно не остановили производство и не отказались от аренды⁴⁶. В феврале 1902 г. в Мотовилиху был перевезен заводский архив, а из недвижимого имущества на казенном балансе оставалось только каменное здание бывшей заводской конторы, которое занимал лесничий, отвечавший за леса упраздненного завода. Имущество, в свое время переданное арендаторам, вернулось во владение казны в 1903 г. в ходе работы особой ликвидационной комиссии⁴⁷. Главный начальник П. П. Боклевский в октябре 1908 г. сообщал, что «население Юговского завода со времени сокращения заводского действия, а затем и полного его прекращения вынуждено было обратиться к кустарным промыслам, между которыми самым замечательным является столярный». Всего в бывшем заводском поселке им занималось около 400 семейств, которые изготовляли мебель на 75 тыс. руб. в год. Горные власти разрешили тогда отвести местному земству участок земли на территории бывшего предприятия для устройства паровой лесопилки, лесосушки и магазина «для отпуска кустарям доброкачественных лесных материалов»⁴⁸.

Каменский и Нижнеисетский заводы

Долгой и незавершенной оказалась история «передачи в частные руки» двух металлургических заводов Екатеринбургского округа, в 1871 г. назначенных к продаже во «вторую очередь». На старейшем уральском Каменском заводе в то время выплавлялся чугун для Нижнеисетского железоделательного завода, а также выполнялись наряды артиллерийского ведомства по изготовлению снарядов. Объем производства на обоих смежных заводах был небольшим из-за оскудения окрестных лесов. Еще до утверждения Правил о продаже на эти казенные предприятия, расположенные в густонаселенной и хорошо освоенной местности, уже находились претенденты.

В ноябре 1870 г. о желании купить оба завода «на праве полной собственности» заявил гвардии полковник А. А. Киреев (проживал в Санкт-Петербурге, на Невском проспекте в собственном доме № 88). В своем прошении на имя министра финансов он указывал на нерентабельность этих казенных предприятий, изготавливавших продукции на 370 тыс. руб. в год, а тративших до 543 тыс. руб., включая 24 тыс. руб. «на содержание местной администрации». «Полагаю, — писал он, — что в частных руках бо́льшая часть накладных расходов, составляющих теперь довольно крупную цифру (до 100 тыс. руб.), значительно сократится и что вследствие разных сбережений по хозяйству, а также от исключительной на вольную продажу деятельности заводской частный владелец сможет рассчитывать на некоторую, хотя и ограниченную, выгоду». Для того чтобы «обоюдовыгодная» сделка состоялась «в возможно скорейшем времени», полковник просил «сделать распоряжение о безотлагательном приведении в известность как всего имущества тех заводов, так и стоимости оно́го для определения суммы, подлежащей уплате в казну». Будучи довольно осведомленным человеком, полковник, тем не менее, еще не знал о решении Государственного совета обусловить продажу завершением землеустройства местного населения. Из Министерства финансов его известили об этом, намекнув, что назначение к продаже Каменского и Нижнеисетского заводов вряд ли последует скоро, поскольку в приписанных к ним дачах проживало до 60 тыс. душ, которые следовало прежде наделить землей. Вероятно, это обстоятельство надолго отвратило не только А. А. Киреева, но и других предпринимателей от попыток заявить свои претензии на эти казенные предприятия.

Между тем положение Каменского и Нижнеисетского заводов не улучшалось: в связи с назначением их в 1871 г. к продаже не выделялись средства на развитие, а казенные наряды уже в 1877 г. стали сокращаться, и к 1882 г. предполагалось совсем прекратить снарядное производство на Каменском заводе. Была даже создана особая комиссия для оценки его недвижимого имущества. Но избежать закрытия и продажи этому предприятию помогло неожиданное обстоятельство. Как сообщалось в записке Горного департамента, в 1876 г. две геологические партии «с высочайшего разрешения» были командированы в район восточного склона Уральского хребта «с целью выяснения вопроса, насколько эта местность обеспечена запасами ископаемого топлива». Работы, проводившиеся в течение шести лет «на прострaнстве около 15 тыс. кв. верст между реками Нейвой и Синарой, где были уже известны признаки каменного угля, определили существование здесь каменноугольных образований, проходивших полосами по направлению с севера на юг». Самая южная из залежей находилась как раз вблизи Каменского завода. Исследование выходов угольных пластов по берегам реки Исети позволило предположить, что они «идут непрерывно от Исети к самому заводу, продолжаясь непосредственно под его устройствами». Оказалось, что завод, свертывая

производство от недостатка топлива, в буквальном смысле слова стоял на нем. Такое «чудесное открытие» не могло не воодушевить горное начальство. «Явилось обстоятельство, — решили в Горном департаменте, — делающее весьма вероятным, что в недалеком будущем недостаток в топливе будет восполнен самым счастливым образом и тем устранится единственный пока повод к самому отчуждению завода». При таких перспективах не оставалось оснований спешить с продажей завода. «Если действительно окажется, что Каменское каменноугольное месторождение достаточно благонадежно, — сочли горные чиновники, — то завод этот явит собой первый на Урале пример чугуноплавильного производства, основанного на минеральном топливе, и обещает стать предприятием не только весьма важным для будущности всего горнозаводского дела на Урале, для которого переход на минеральное топливо есть жизненный вопрос, но и выгодным для казны»⁴⁹. В очередной раз казенный завод мог послужить примером для частной промышленности и тем самым выполнить одно из своих «общегосударственных предназначений».

Горный департамент, видимо обнадеженный сведениями из Екатеринбурга, еще до уточнения возможности строительства коксового завода решил воспользоваться этой перспективой. Главный начальник уральских заводов И. П. Иванов 27 июля 1882 г. был проинформирован о том, что «ввиду открытия близ Каменского казенного горного завода залежей каменного угля, обещающих дать необходимое для действия сего завода топливо», министр государственных имуществ М. Н. Островский «входил в Комитет министров с представлением, в коем полагал в интересах не только казны, но и развития горного дела на Урале необходимым: 1) исключить Каменский чугуноплавильный завод из числа предназначенных... к продаже в частные руки и 2) представить ему, министру, войти с надлежащим представлением о продаже этого завода в том случае, если имеющееся предположение о возможности его действия на местном минеральном топливе не оправдается». Комитет министров, а вслед за ним и император 16 июля 1882 г. согласились с этим предложением⁵⁰.

И. П. Иванов поручил смотрителю Каменского завода горному инженеру К. Ю. Черневскому при участии управляющего «составить предположения» о введении нового производства. К октябрю 1882 г. они подготовили проект, в соответствии с которым «старый завод по своим устройствам и недостатку водяной движущей силы» признавался негодным «к переделке его в коксовый завод» и ему отводилась роль вспомогательного предприятия к новейшему заводу, который можно было возвести в двух верстах от старого. «По совершенной новости в здешнем крае вновь предполагаемого производства, по капиталности его и ввиду того соображения, что подобный завод имеет серьезную будущность для Урала, — писал И. П. Иванов в Горный департамент в октябре 1882 г., — должно полагать, что правительство примет на себя почин в этом деле, дабы и частные предприниматели с уверенностью последовали примеру казенного завода».

Однако высшее горное начальство на этот раз проявило осторожность: одно дело приостановить еще и не начинавшуюся продажу, другое — предпринять затратное строительство нового завода. На позицию Горного департамента, вероятно, повлияло и мнение горного начальника Екатеринбургского округа. С одной стороны, полагал он, разработка месторождений, а также проведение Тюменской железной дороги вблизи завода предоставляют возможность для расширения производства железа и рынка сбыта за счет Европейской России и Сибири. Поэтому «надолго оставлять открытым

вопрос о том, казенному ли управлению поручить основать чугунное и железное производство здесь на ископаемом горючем или же предоставить это частным лицам... кроме напрасной потери времени для эксплуатации столь редких естественных богатств... будет неудобно и для населения, нуждающегося в работах». В то же время горный начальник считал, что и для частных промышленников, и для казны существенное значение должно иметь «первоначальное детальное исследование хотя некоторых каменноугольных участков для убеждения, что... имеются здесь надежные запасы каменного угля, возможные для разработок». По его мнению, следовало разведать и некоторые железные месторождения, чтобы «проектировать выбор места для завода и чтобы вообще более обеспечить всеми данными для установки нового дела на прочных основаниях»⁵¹.

В январе 1883 г. директор Горного департамента Н. А. Кулибин уведомил главного начальника уральских заводов, что рассмотрение, а тем более утверждение планов и смет может последовать только по выяснении «детальными разведками... полной благонадежности каменноугольного месторождения и свойств угля», а также после оценки ресурсов местных железных рудников, востребованность которых в случае строительства нового завода могла существенно возрасти. Было предложено за два с половиной года провести разведки в Каменской даче и даже распространить их на Закамскую дачу, относившуюся к Воткинскому округу. «Возможность обеспечения Воткинского завода железными рудами для выплавки чугуна, — предполагал директор, — значительно подняла бы цену и этого завода в случае, если бы представилась необходимость передать завод в частные руки»⁵².

Но «детальные разведки» в обеих дачах не оставили надежды ни Воткинскому, ни планируемому коксовому заводу. Весной 1884 г. горный начальник Екатеринбургского округа сообщал, что из восьми разведанных рудников семь оказались «или вовсе безрудными, или же малорудными» и только на одном, Овсянниковском, были обнаружены «явные признаки рудоносности». Незученными оставались еще восемь рудников, но они располагались под крестьянскими угодьями и были пока недоступны. Горный начальник Камско-Воткинского округа тоже отрапортовал о «малонадежности» своих рудников, а также о «фосфористости» и дороговизне выплавлявшегося в округе чугуна. «Если и есть в окрестностях Воткинского завода довольно отдаленные признаки железных руд, — подтверждал эти сведения и главный начальник, — то месторождения их весьма бедны, так что и проведение дальнейших разведок не представляет повода».

Горный департамент отреагировал на эти неутешительные сообщения лишь в феврале 1885 г. «В октябре 1882 г. доставлены были на утверждение проекты на постройку в Каменской даче чугуноплавильного завода, — напоминали чиновники, — но т.к. произведенными там разведками обнаружено было неудовлетворительное состояние рудных месторождений, то и само предположение о постройке завода осталось нерассмотренным». Проекты были возвращены на Урал и, очевидно, сданы в архив⁵³. Каменская каменноугольная копь тоже не оправдала надежд. Ее признали «неблагонадежной» и в 1893 г. закрыли⁵⁴. К 1900 г. имущество копи «состояло из разрушенных сооружений и устройств и из неисправных металлических вещей и инструментов». В начале 1903 г. управитель Каменского завода сообщал, что с закрытой копи был перевезен бывший дом управляющего «для квартиры врача Каменской заводской больницы», но оставались еще бесхозными магазин, рабочая казарма, кузница, надшахтное

здание и коксовальная печь. «Желательно бы ускорить развязку с копейским имуществом, — намекал он на необходимость организовать торги, — т. к. большая половина заводских магазинов завалена разным хламом»⁵⁵.

Но решение Комитета министров от 16 июля 1882 г., в соответствии с которым была приостановлена продажа Каменского завода, Совет министров отменил лишь 25 декабря 1910 г. На основании представленного тогда министром торговли и промышленности С. И. Тимашевым «общего плана мероприятий для улучшения положения горнозаводского дела на Урале», это предприятие в числе нескольких других «мелких казенных заводов» было вновь предложено к отчуждению⁵⁶. Мотивы этого решения не вполне ясны. Судя по материалам предварительных совещаний, власть колебалась в определении судьбы Каменского завода, но, видимо, в итоге сочла, что может обойтись без его продукции. Однако никаких практических шагов для отчуждения не было предпринято, и этот старейший на Урале завод так и остался во владении казны.

Смежный с Каменским Нижнеисетский железодельный завод Екатеринбургского округа тоже долгое время оставался во владении казны, несмотря на то что постоянно испытывал финансовые трудности. Уже летом 1877 г. управитель Н. П. Коженков оценивал его положение как «незавидное». Лесная дача была расстроена длительной эксплуатацией и могла удовлетворять заводские потребности лишь «с соблюдением самой строгой экономии» в отпуске лесных материалов многочисленному населению не только самого завода, но и располагавшегося в 12 верстах Екатеринбурга. Сооружения и оборудование нуждались в обновлении, но правительство «в видах предположенного отчуждения завода в частные руки» необходимых на это средств не отпускало. Заводоуправление вынуждено было тратить «более или менее значительные суммы на ремонтировки с отнесением их в цену изготовляемых изделий, от чего стоимость последних неминуемо удорожалась». С закрытием Екатеринбургской механической фабрики и монетного двора на продукцию Нижнеисетского завода легли и расходы по содержанию окружного управления.

В условиях, когда год от года сокращались военные наряды, «последним средством к удешевлению производства», по мнению управителя, оставалось «приготовление железа для вольной продажи». Но в 1877 г. и оно было ограничено высшей властью из-за якобы убыточной продажи нижнеисетского железа на Нижегородской ярмарке, хотя убыток был вызван «не дурным качеством металла, а общим застоём в торговле вследствие опасения войны». В то же время Н. П. Коженков отмечал, что наряды артиллерийского ведомства всегда исправно выполнялись, а в последние четыре года были достигнуты «более или менее значительные успехи» в изготовлении листового кровельного железа, в отливке чугунных изделий, а также в использовании в качестве топлива пней, корней и прочих «лесных суррогатов». «В принятии заказов от Общества Уральской горнозаводской железной дороги, — с гордостью сообщал он, — завод с давних пор конкурирует с лучшими частными заводами на Урале, между прочим и с Тагильскими, как это случилось, например, при взятии им заказа на поворотные круги». Н. П. Коженков был уверен в том, что Нижнеисетский завод мог приносить немалый доход казне, если бы имел собственное доменное производство и не зависел от поставок дорогого (вследствие дальней перевозки) чугуна из Каменского завода, если бы было введено «нагретое дутьё», установлены паровые молоты и печи Сименса, расширена торговля железом и изделиями как постоянная (в Москве и Екатеринбурге), так и временная (в Троицке и Ирбите), а также предоставлена заводууправлению возможность принимать

частные заказы «на более-менее капитальные суммы». Поэтому «понятие о невыгодности для казны действия завода и необходимости его закрытия сложилось преждевременно», полагал управитель. «Если же принятие перечисленных мер... по каким-либо обстоятельствам неудобно, — заключал он свои размышления, — то было бы небесполезно, не прибегая к закрытию завода, прямо продать его в частные руки. В этом случае местное население не было бы лишено средств существования, а правительство могло бы передать завод на более выгодных для себя условиях».

О нежелательности закрытия казенного предприятия высказался тогда и главный начальник уральских заводов И. П. Иванов, который полагал, что его нельзя было считать убыточным, поскольку «заводская стоимость» его продукции без учета накладных расходов была вполне приемлемой. К аргументам управителя он добавил еще и то, что «на заводе образовались специалисты по разным отраслям производства, которых невыгодно было упускать казне».

Однако в Горном департаменте думали по-иному. Там подсчитали, что не только расширять, но и сохранить прежний объем производства было невозможно в первую очередь из-за ограниченных ресурсов заводской дачи, отпуск леса из которой в четыре раза превышал его ежегодный прирост. «С предстоящим наделом горнозаводского населения в распоряжении завода останется лишь небольшая часть лесной дачи, средства которой будут поэтому еще менее соответствовать потребности завода», — убеждал главного начальника директор Департамента В. К. Рашет. Происходившая в то время передача золотых промыслов Екатеринбургского округа в частные руки, начавшиеся землеустроительные работы, усиленная охрана лесов — все эти меры влекли за собой дальнейшее повышение расходов на управление и, как следствие, рост стоимости продукции Нижнеисетского и Каменского заводов. «Единственным средством для выхода из такого затруднительного положения, — с сожалением констатировал В. К. Рашет, — представляется закрытие действия Нижнеисетского завода вместе с упразднением управления Екатеринбургского округа, причем Каменский завод мог бы быть поставлен относительно управления в такие же условия, в каких находится Юговский завод, а Нижнеисетская лесная дача могла бы приносить казне некоторый доход путем правильной ее эксплуатации для продажи». «Конечно, — добавлял он, — было бы желательно продать Нижнеисетский завод до прекращения его действия, но по неизвестности того, когда представится удобный случай для таковой продажи, это не может останавливать закрытие убыточного заводского действия». В качестве первого шага на этом пути предприятию совсем отказали в «артиллерийских нарядах» на 1878 г. и более чем наполовину сократили норму производства железа «для вольной продажи»⁵⁷.

Пока шла переписка, видимо, неожиданно министру государственных имуществ и главному начальнику уральских заводов поступило предложение о покупке, правда, не всего Нижнеисетского завода, а только его плотины и зданий «без внутренних устройств и механизмов, лесной дачи и рудников, к заводу принадлежащих». Британские подданные — временный екатеринбургский купец второй гильдии В. Е. Ятес и его брат, временный красноуфимский купец второй гильдии Ф. Е. Ятес (владелец машиностроительного завода в Екатеринбурге) — сообщали, что намереваются «учредить в этом заводе фабричные заведения на каменном угле и торфе», для чего им и были нужны плотина с прудом и строения (по их оценке, примерно на 100 тыс. руб.). Купцы просили лишь обеспечить их будущее предприятие необходимым количеством дров для отопления жилых помещений и фабричных зданий, а также бревнами для ремонта.

Шестую часть «покупной суммы» они обязывались уплатить немедленно по заключении купчей, а остальную часть — в рассрочку в течение 37 лет «с уплатой процентов, какие будут назначены». Заинтересовавшись этим предложением, вице-директор Горного департамента Г. Л. Грасгоф 21 июля 1877 г. срочно телеграфировал главному начальнику «поспешить сообщением о результатах переговоров с Ятесами».

По предварительным расчетам, братьям Ятесам могло перейти имущество на сумму 118 тыс. руб., а казне оставались бы устройства на 126 тыс. руб. и еще имущество на 311 тыс. руб. Горный начальник Екатеринбургского округа полагал, что «разборка и уничтожение некоторых частей механических устройств, на которые Ятесы не изъявляют желаний, составят казне значительный убыток». Он предлагал в интересах казны назначить торги «с повсеместной о них публикацией», что могло бы привлечь желающих купить завод «со всеми механическими устройствами и всем тем имуществом, которое господа Ятесы приобрести не желают». Горный начальник настаивал и на продаже завода вместе с лесной дачей. И. П. Иванов тоже считал невыгодным для казны предложение купцов Ятесов, но видел пользу в сохранении за казной лесной дачи, которая, в отличие от завода, могла еще приносить доход. К тому же обновленное окружное управление, по его мнению, могло бы значительно сократить расходы, сохранив в своем ведении только Каменский завод, лесные дачи, золотосплавочную операцию и архив⁵⁸.

Видимо, наконец-то проявившийся интерес частных предпринимателей к убыточному казенному заводу пробудил надежду у высшего начальства на его «небезвыгодную продажу». Министр государственных имуществ приказал «особой на месте комиссии» провести оценку всего Нижнеисетского завода, «применяясь к высочайше утвержденным 18 октября 1871 г. Правилам». Это означало, что предложение «великобританских подданных» не могло быть принято, поскольку в соответствии с теми Правилами покупатель не должен был изменять профиль горного предприятия, как намеревались это сделать Ятесы. Более того, отчуждение завода в частные руки могло состояться только после завершения землеустройства местного населения, а процесс этот там еще и не начинался. Понимая это, оценочная комиссия, составленная из управителя Н. П. Коженкова, главного механика уральских заводов П. К. Штейнфельда, механика Екатеринбургского округа Е. Л. Ружицкого и местного лесничего А. А. Бузунова, подготовив к августу 1878 г. опись имущества, «не нашла себя настолько компетентной», чтобы оценить еще и принадлежавшую заводу земельную дачу и определить, какой участок после землеустройства останется за заводом и может быть вместе с ним отчужден (по приблизительным расчетам, дача могла сократиться более чем наполовину). Но даже самый компетентный в этом вопросе член оценочной комиссии А. А. Бузунов предполагал, что землеустройство населения «составит труд целой таксационной партии в течение не менее двух лет»⁵⁹. Видимо, так, с подачи представителей местного заводоуправления и положившегося на их заключение высшего горного начальства, и была отведена «угроза» продажи Нижнеисетского завода иностранцам. Как сообщал И. П. Иванов еще в августе 1877 г., «несмотря на мои приглашения, господин Ятес до сих пор не сделал никаких заявлений... но обещает сделать спустя некоторое время»⁶⁰. Обещание, скорее всего, так и не было исполнено.

Однако интерес частных промышленников к этому выгодно расположенному казенному предприятию вновь проявился через четыре года. Осенью 1881 г. «более солидный» претендент — владелец соседнего Сысертского горнозаводского округа

Д. П. Соломирский — просил министра государственных имуществ продать ему Нижнеисетский завод вместе с лесной дачей. По словам главного начальника, это было вызвано тем, что Сысертский округ «имел хорошие рудники и постоянный запас чугуна, но нуждался во вспомогательных устройствах для переделки его в железо». Затухшая было переписка о продаже завода возобновилась, как и в прошлый раз, с участием управителя Н. П. Коженкова и горного начальника.

Н. П. Коженков был не против продажи завода, но предлагал все же не торопиться. «Мы очень хорошо видим и знаем, — убеждал он И. П. Иванова, — что большая часть уральских частных горных заводов как в техническом, так и в экономическом отношении находятся в положении несравненно худшем, нежели Нижнеисетский завод, и только весьма немногие частные горнозаводские округа и отдельные заводы действуют хорошо. Исторически доказано, что многие частные заводы перешли впоследствии в казну в разоренном состоянии, и кто может поручиться, что то же самое не повторится в будущем. Наконец, за границей, например в Германии, очень многие горные заводы, находясь в казенном управлении, приносят последнему значительные выгоды». Управитель допускал, что уже скоро может наступить «то счастливое время, когда экономическое положение этого забытого завода будет значительно лучше настоящего». К такому выводу его подталкивала обозначившаяся перспектива улучшения снабжения завода сырьем и топливом, а также расширение рынка сбыта его продукции вследствие превращения Екатеринбурга в «крупный центр нескольких железнодорожных линий». Открытие же каменного угля в округе, полагал Н. П. Коженков, могло повлиять на работу не только Каменского завода, но и смежного Нижнеисетского, отчего, по мнению управителя, стоимость сырья понизится и предприятие «станет действовать для казны выгодно». С другой стороны, это же могло значительно повысить ценность завода, и его можно было бы тогда продать или сдать в аренду «на более выгодных условиях».

Горный начальник Екатеринбургского округа, хотя и подтвердил, что в продолжение почти 15 лет «в видах предполагаемой продажи» Нижнеисетскому заводу «не давалось никаких сумм на развитие и усовершенствование», но все же отметил и несомненные достоинства расположения этого предприятия: обилие в заводской даче давно не разрабатывавшихся железных рудников и залежей торфа, пригодного для некоторых металлургических операций; близость Каменских каменноугольных копей и железной дороги; наконец, наличие населения, привыкшего к разнообразным заводским работам. Все это, по его мнению, делало завод привлекательным для частных предпринимателей. Однако на пути продажи стояло серьезное затруднение в виде «необустроенности земельного надела и больших сервитутных отпусков леса окрестному населению и Екатеринбургу». Поскольку ожидать «скорого вымежевания участков для крестьян» не приходилось, горный начальник вслед за управителем предлагал продать завод или сдать его в аренду «на первые десять лет без лесных площадей, а затем передать покупателю и лесную дачу, но с обязательством продолжать горнозаводское дело, а не пользоваться заводом и его лесной дачей для других промышленных предприятий».

Главный начальник уральских заводов И. П. Иванов, мнение которого было особенно важным для Горного департамента, с некоторыми замечаниями склонился к этому же варианту. По его данным, в заводской даче не только не закончились землеустроительные работы, но и значительные территории (97706 из 137716 дес.)

по уже заключенным договорам были переданы для разработки золота В. А. Кокореву, П. И. Губонину, А. Э. Коцебу и В. И. Асташеву, а из 79 рудничных участков 44 принадлежали на праве собственности Сергинским, Ревдинским, Шайтанским и Верх-Исетским заводам, остальные же отданы частным лицам «на срок и без срока». По этим причинам продажа дачи была фактически неосуществима. «Я со своей стороны полагаю бы, — писал И. П. Иванов в Санкт-Петербург в феврале 1882 г., — продать собственно фабричные и прочие устройства завода с обязательством со стороны казны отпустить в первые десять лет до 10 тыс. куб. саженой леса и обязать приобретателя продолжать выделывать металл, а не обращать завод в промышленное заведение другого рода, как раньше ходатайствовали иностранцы Ятесы. Это условие, по моему мнению, ближе других выполнимо именно для Сысертских заводов, которые, конечно, не объявят завод в винокуренное или тому подобное вредное заведение. Между тем в десятилетний период население Нижнеисетской дачи получит следующие ему земельные наделы... и ясно определится территория дачи для отчуждения в частную собственность». Возможность аренды завода И. П. Иванов отверг, полагая, что «по истечению арендного срока завод может поступить в казну в таком состоянии, что не будет иметь никакой ценности и значения»⁶¹. Однако предложенный им вариант не был утвержден высшей властью, и дело о продаже Нижнеисетского завода вновь приостановилось.

В то же время екатеринбургское земство обратило внимание на бедственное положение населения Нижнеисетского завода. Главный начальник выяснил, что из 1086 «годных работников», числившихся в заводском селении, только 311 чел. постоянно работали на заводе, 320 — «на соседних фабриках, в гончарных и кожевенных заведениях», 337 — отправились на заработки «по паспортам», 28 — находились «в безвестной отлучке» и 190 чел. «совсем не имели работ... и поддерживали свое существование единственно поденной работой». Местное заводское начальство утверждало, что работники «не поступали на завод по лености и другим предосудительным наклонностям». Например, «несмотря на хороший заработок, многие рабочие, в особенности кричного и плющильного цехов, очень часто отказывались от работ и пьянствовали неделями, так что заводоуправление вынуждено было вызывать мастеров из Ревдинского и Мариинского заводов». Положение населения действительно оказалось неблагоприятным, но, по мнению заводоуправления, «никак не от недостатка работ, а от других причин, от завода не зависящих». В такой ситуации И. П. Иванов настаивал на предоставлении Нижнеисетскому заводу казенных заказов, в которых оборонные ведомства отказывали ему «под предлогом дороговизны сравнительно с частными заводами». «Эта дороговизна только кажущаяся, — убеждал он высшее начальство, — ибо оставление казенных заводов без работ и тем более остановка их принесет государству несравненно большие убытки, нежели относительно незначительные переплаты за изделия, не говоря уже о тех затруднениях, с какими неизбежно сопряжено всякое закрытие заводов»⁶². В результате нерентабельный завод не стали закрывать, видимо предпочтя по перечисленным выше причинам ежегодно нести убытки вместо инвестирования средств на развитие предприятия в надежде на новые предложения о его покупке.

Почти одновременно несколько просьб о передаче Нижнеисетского завода поступило в 1887 г. Так, в марте министр государственных имуществ М. Н. Островский получил докладную записку, в которой инженер путей сообщения С. С. Гендель, занимавшийся в Нижнем Тагиле производством рельсовых скреплений, просил передать ему завод в аренду. Он указывал на нерентабельность предприятия, «доставлявшего казне

ежегодно до 40 тыс. руб. убытка», а также на «косвенный вред железному делу», который наносят казенные заводы, «приготавливая железо на продажу на Нижегородской ярмарке... увеличением скопления железа в запасах... и понижением цены». Особо проситель подчеркнул, что вероятное закрытие завода привело бы к росту безработицы, хотя уже и «в настоящее время проезд в окрестностях завода считается положительно опасным».

Выходом из сложившегося положения инженер считал специализацию предприятия «на выделке железа в готовые изделия, и притом не на продажу, а по заказу». Именно так, по заказам ведомства железных дорог, уже действовал его завод рельсовых скреплений, на нужды которого предпринимателю приходилось покупать до 100 тыс. пуд. железа в год. «При аренде же Нижнеисетского завода, соединяя производство этого завода с моим, я мог бы иметь некоторые выгоды от этого соединения», — полагал проситель, называя себя «единственным лицом, которое при небольших выгодах для себя... могло бы доставить горному ведомству не только сбережение, но и верные доходы». Во время действия договора он хотел бы получать лес из ближайших дач «за возможно меньшие попенные деньги» и чугун из Гороблагодатского округа «с наложением узаконенной прибыли», а арендную плату просил «назначить не более 5 коп. за пуд изготовленного железа, принимая минимальным производство 80 тыс. пуд.». От всех этих операций казна, по его подсчетам, вместо убытка в 40 тыс. руб. получала бы доход в 12 тыс. руб. В докладной записке С. С. Гендель просил также освободить его от обязательного залога ввиду предполагавшейся «затраты значительного капитала» на ремонт и обновление оборудования и обещал застраховать «заводские и жилые здания». В дополнении к записке, полученном через неделю, инженер соглашался на покупку чугуна «за наличные деньги по продажной цене», уточнял, что лесная дача останется в горном ведомстве, и, кроме страховки имущества, обещал предоставить залог в 10 тыс. руб. «ценными бумагами». Он также просил министра «возможно скорее разрешить вопрос об аренде, клонящейся к безусловным выгодам казны», желая воспользоваться открывающейся в Екатеринбурге промышленной выставкой, куда, по его словам, должны были прибыть представители железных дорог «для ознакомления с силами уральских заводов и передачи им заказов»⁶³.

Однако местное горное начальство неодобрительно отнеслось к новой затее с арендой Нижнеисетского завода. Его управитель Н. А. Огильви уточнил, что, по смете 1887 г., убыток действительно был исчислен в 38 тыс. руб., исходя из «существующих низких цен на железо». Но за последние шесть лет постоянным этот убыток не был: в 1881 г. он составил 9623 руб., в 1882 г. — 39526, в 1883 г. — 5606, в 1886 г. — 3656 руб., а в 1884 и в 1885 гг. завод даже принес прибыль — соответственно 2217 руб. и 34713 руб. Не мог управитель не ответить и на замечание С. С. Генделя относительно заводского населения. Оно, по оценке Н. А. Огильви, «находилось относительно других заводов в более благоприятном положении» из-за близости Екатеринбурга и «массы промышленных заведений», которые «давали свою долю заработка жителям». «При отдаче завода в аренду, — не без иронии пояснял он, — всякий арендатор из своих личных выгод постарается довести и настоящее число рабочих до возможного минимума и тем увеличит контингент лиц, не имеющих участия в заводских заработках, а от этого действительно может произойти увеличение опасности проезда в окрестностях Нижнеисетского завода, на что указывает г-н Гендель в своей докладной записке». Управитель также напомнил о том, что действовавшая на заводе в 1883–1884 гг. артель рабочих,

не получая субсидий от железной дороги, изготовила значительно больше рельсовых скреплений, чем С. С. Гендель на своем предприятии, имея субсидии. Арендатор, по мнению управителя, желал воспользоваться «силами, готовыми и приноровленными к известного рода производству, за сравнительно дешевую плату». Но этого же результата могла достигнуть и артель рабочих «под ведением казенного управления», что было бы выгоднее и местному населению, и казне и «не столь шатко, как отдача завода в аренду лицу, не пользующемуся притом репутацией солидного финансиста». Этот последний вариант и вариант продажи завода в частные руки управитель счел более желательными для подведомственного ему предприятия.

Поскольку к тому времени горное начальство Екатеринбургского округа было уже ликвидировано, а еще действовавшие заводы подчинены непосредственно главному начальнику, решающее слово оставалось за И. П. Ивановым. В своем отзыве, направленном в Горный департамент в июне 1887 г., он тоже склонился к более предпочтительной, на его взгляд, продаже Нижнеисетского завода, напомним о том, что в 1881 г. об этом заявлял владелец Сысертских заводов. Опираясь на это заключение, управляющий Министерством государственных имуществ отклонил ходатайство С. С. Генделя, не увидев в нем «благонадежного арендатора»⁶⁴.

Однако при всем старании местного начальства финансовая несостоятельность казенного предприятия так и не была преодолена. Директор Горного департамента Н. А. Кулибин вскоре вновь просил И. П. Иванова «представить свои соображения, как при существующих устройствах и без задолжения особых расходов поставить заводское действие без убытка» или на каких условиях сдать завод в аренду. Именно последний вариант передачи предприятия в частные руки, в первую очередь из-за «неопределенности поземельного владения», возобладал тогда в представлении высшего начальства, хотя у него уже имелось новое предложение о покупке, причем сразу и Нижнеисетского, и Каменского заводов. Его сделал 24 сентября 1888 г. представитель торгового дома «Братья Злоказовы» екатеринбургский купец первой гильдии П. А. Злоказов, проживавший в Каслинском заводе. Он заявил о своем желании приобрести оба завода «на правах полной собственности со всеми принадлежавшими к ним лесами, дачами и рудниками» за цену, определенную Департаментом». Ее четвертую часть купец обещал уплатить сразу вместе с оплатой стоимости «материалов и припасов».

Управитель Н. А. Огильви в своем рапорте усомнился в целесообразности продажи завода, видимо, подозревая, что Злоказовы, известные на Урале винокуры, перепрофилируют производство обоих заводов для своих нужд. «Если правительство найдет несвоевременным и рискованным затрачивать деньги на расширение заводского действия, то при настоящих условиях завода вопрос о его продаже вступает на очередь как средство для прекращения убыточного его действия, — рапортовал он главному начальнику. — Но при продаже завода... было бы желательно, чтобы будущий владелец не закрывал заводского действия для перехода на мануфактурную промышленность. Частное лицо, не занимавшееся никогда горнозаводской деятельностью, легко может воспользоваться всеми устройствами завода для перехода на какую-нибудь другую отрасль промышленности и будет еще извлекать барыш на счет сверху и внизу лежащих мельниц путем торговли водой. Поэтому населению и соседним владельцам была бы более желательной продажа завода кому-нибудь из владельцев частных заводов, например Верх-Исетских или Сысертских, одна уже теперешняя деятельность которых является гарантией продолжения железодельного производства в Нижнеисетском заводе»⁶⁵.

В январе 1889 г. И. П. Иванов предложил П. А. Злоказову, а вместе с тем и Д. П. Соломирскому, взять завод в аренду при условии сохранения его горнозаводского профиля. Первым откликнулся Д. П. Соломирский, выразивший от лица совладельцев Сысертских заводов согласие на аренду как на «наилучший по удобству исход... как для казны ввиду неоконченности земельного устройства крестьян и существования различных арендных договоров внутри дачи, так по этой же причине и для арендаторов». Он предложил заключить договор на 24 года с платежом всех повинностей и ежегодной платой в 5 тыс. руб. при условии, что казна согласится «отпускать без попенных денег потребное для заводского действия количество леса». При этом другие «припасы», в первую очередь чугуна, предполагалось получать из собственных Сысертских заводов.

Судя по тому, что П. А. Злоказов откликнулся только через два месяца, он был разочарован предложением главного начальника, но от аренды хотя бы одного Нижнеисетского завода тоже не отказывался. Выдвинутые им условия предусматривали перспективу превращения убыточного предприятия в приносящий доход завод полного металлургического цикла. В этой связи купец намеревался организовать там, наряду с железоделательным, доменное производство, рассчитывая в течение первых двух лет аренды получать 200–300 тыс. пуд. чугуна из Каменского или Гороблагодатских заводов «не дороже 40 коп.» или покупать его дешевле у частных заводчиков. Топливную базу предполагалось расширить за счет рубки дров в соседних Березовской и Монетной дачах, но не далее 35 верст от завода, или же за счет использования каменного угля в случае появления такой возможности. Поскольку на обновление производства, по подсчетам купца, необходимо было затратить до 200 тыс. руб., он предлагал срок аренды увеличить до 50 лет с ежегодной уплатой казне 6 тыс. руб.⁶⁶

Условия же главного начальника уральских заводов, составить которые требовал Н. А. Кулибин, во многом расходились с предложениями потенциальных арендаторов. Так, он видел возможность поставлять лес из Монетной и Уткинской дач только с расстояния 60–70 верст, а доменную печь строить не повышая уровня воды в заводском пруду. Видимо, эти условия оказались неприемлемыми для Злоказовых. (Лишь в 1903 г. они сумели реализовать свое давнее намерение, став владельцами небольшого Никольского чугуноплавильного завода в Златоустовском уезде⁶⁷.)

В апреле 1889 г. объявился еще один претендент на аренду Нижнеисетского завода: заявку в Горный департамент подал екатеринбургский купец второй гильдии М. А. Тимофеев, который, по собственному признанию, «не считал себя новичком в заводском деле», поскольку уже несколько лет вел дела с Нижнеисетским и другими заводами и управлял «чугунолитейным делом» своего отца А. Е. Тимофеева, совместно с купцами Белиньковыми владевшего уже закрытым к тому времени Михайловским заводом около Кыштыма.

Узнав из статьи «Делового корреспондента» о намерениях казны и о готовности Злоказовых и Д. П. Соломирского взять завод в аренду, купец «постарался ознакомиться с кондициями обоих конкурентов» и предложил свои, как он полагал, более выгодные условия. Они основывались, по словам просителя, на «поднятом в 1860-е гг. во время приездов на Урал покойного тайного советника Рашета... весьма важном, но с того времени забытом вопросе о возможности передачи заводов на коммерческом праве в распоряжение их управлений». «Но чтобы на первых порах не мог явиться вопрос о том, чем будет гарантирована казна в выполнении сметы со стороны заводоуправления, — писал М. А. Тимофеев, — я предлагаю свои услуги произвести этот опыт с полной

гарантией как с моей стороны, так и со стороны тех лиц, которые изъявили желание вести дело со мною на паях». Не раскрывая имен своих компаньонов, он брал обязательство «выделять сполна сметное количество металла» в течение 12 или 24 лет и гарантировал казне «чистой прибыли» 13450 руб. в год под залог всего в 5 тыс. руб. При этом казенный управитель оставался при заводе, но не мог вмешиваться в распоряжения «контрагента», или же приглашался им «за особое вознаграждение для заведения технической частью», а казна давала бы ежегодный кредит и получала в свое распоряжение готовую продукцию. Во время этой специфической аренды не исключалось и «водворение на заводе доменного дела или способа Хусгавеля», предполагавшего прямое получение железа из руды.

Заводский управитель, получавший в случае передачи завода в аренду М. А. Тимофееву более спокойную роль наблюдателя, да еще и перспективу дополнительного заработка, оценил предложение купца как наиболее выгодное для казны. Если за Д. П. Соломирским как арендатором им признавалась «нравственная гарантия для успешного ведения заводского дела в образе его фирмы», то М. А. Тимофеев «имел за собой гарантию в постоянном наблюдении за его действиями правительственной инспекции в лице управителя завода». Главный же начальник И. П. Иванов заметил скорее «невыгоды и неудобства» от предложенной М. А. Тимофеевым аренды: для работы завода по-прежнему нужно было «ассигновывать казенные средства»; его продукция оставалась «на руках правительства и при поступлении в продажу могла или продаваться невыгодно, или же оставаться совсем не проданной»; казна также не избавлялась от надзора за заводом и от платежа земских налогов⁶⁸.

Из-за своей неоднозначности дело об аренде вновь приостановилось, но это не погасило желание предпринимателей получить в свое распоряжение выгодно расположенный казенный завод. В ноябре 1893 г. управляющий Сысертским округом И. И. Чиканцев напомнил главному начальнику о давнем намерении владельцев округа купить Нижнеисетский завод. По всей видимости, на этот раз поводом к очередному ходатайству стало новое издание Горного устава, где (в соответствии с Правилами 1871 г.) этот казенный завод был назван «подлежащим передаче в частные руки путем полного отчуждения». «Дача Сысертских заводов граничит на востоке, севере и северо-западе с Нижнеисетской казенной дачей, и непрерывная смежность их тянется на протяжении 100 верст, — в очередной раз доказывал управляющий целесообразность продажи казенного завода владельцам округа. — Такая непосредственная близость обоих имений и тождество их производства служат для Сысертских заводов поводом желать приобретения Нижнеисетского завода... в надежде, что условия окажутся более или менее доступными». Он пояснил, что продажа завода с лесной дачей особенно важна ввиду предстоящего отвода наделов мастеровым по изданным в мае 1893 г. Правилам о поземельном устройстве мастеровых и сельских работников посессионных заводов, к которым относился Сысертский округ. В результате проведенного по этим Правилам землеустройства заводы должны были «потерять довольно крупную часть своей горнозаводской дачи», которую и предполагалось восполнить за счет покупки казенного завода с отведенными к нему землями. «Сысертские заводы, — уверял управляющий, — представляют собой твердо поставленное горнозаводское производство», поэтому можно было не сомневаться в том, что они «совершенно обеспечат население работой на будущее время и введут в даче те же порядки, которые уже существуют в их хозяйстве».

Однако подготовленные сведения о Нижнеисетской земельной даче не давали шанса и на этот раз пойти навстречу вполне перспективному предложению частного горнозаводского округа. По-прежнему значительная ее часть (около 70 %) находилась в руках золотопромышленников, проведенный к тому времени надел бывших государственных крестьян составил 20 613 дес., а землеустройство горнозаводского населения еще и не начиналось. К тому же сам казенный завод стал в начале 1890-х гг. приносить прибыль, как сообщал управитель, в связи с «приспособлением к приготовлению исключительно рельсовых скреплений для большой Сибирской железной дороги», масштабное строительство которой затеяло правительство. Эти скрепления обходились намного дешевле за счет удобной их доставки с завода на близлежащую железнодорожную станцию Екатеринбурга. В результате уже с 1890 г. прежние убытки сменились небольшой прибылью, составившей в 1892 г. 5218 руб. В феврале 1894 г. И. П. Иванов известил Горный департамент, что в силу этого «нет поводов к передаче завода в частные руки». Тогда же министр государственных имуществ А. С. Ермолов «признал несвоевременным возобновление вопроса об отчуждении Нижнеисетского завода, не дающего ныне убытка»⁶⁹.

Так была упущена, скорее всего, последняя возможность продать казенное предприятие, давно утратившее свое оборонное значение. Сменивший М. Н. Островского на должности министра государственных имуществ А. С. Ермолов, как уже упоминалось, был решительным противником дальнейшего отчуждения казенного горнозаводского имущества. Судя по последующим событиям, подъем «общенародного благосостояния» он связывал отчасти с введением кооперации, или артельных начал, в организацию производства.

Подобный опыт уже проводился в 1860–1870-е гг., когда при горном начальнике В. А. Грамматчикове на заводах Гороблагодатского округа отдельные производственные операции были переданы в распоряжение рабочих артелей. Так, нижнетуринская артель, действовавшая в 1867–1874 гг., изготовляла ударные трубки, верхнетуринская — занималась отливкой снарядов, на Кушвинском заводе на артельных началах была организована выплавка чугуна. На Нижнетуринском заводе возникла также артель кричных рабочих, на Екатеринбургской фабрике какое-то время рабочая артель «исполняла временные механические работы». По свидетельству В. Д. Белова, все они действовали достаточно успешно, но «новое строгое горное начальство... пресекло зарождающееся дело в самом корне». Артели находились в полной зависимости от казны: они работали в казенных заводских зданиях, на казенном оборудовании, получали топливо из казенных дач и выполняли заказы государственных ведомств. Поэтому, когда заказы прекратились, артели распались, и только одна нижнетуринская «механическая артель» добилась утверждения устава и позволения работать по частным заказам, но «не иначе как с разрешения горного начальства». Это ограничение, по мнению историка, и «погубило артель, которая, без всякого сомнения, могла бы развиваться в обширное предприятие»⁷⁰.

По свидетельству Горного департамента, в начале 1890-х гг. «был сделан новый опыт артельного ведения дела» на Нижнеисетском заводе, но он оказался неудачным. Несколько позже на Воткинском заводе образовалась артель рабочих механического цеха, которая тоже вскоре распалась, «не уплатив долгов и доказав всю несбыточность возложенных на нее надежд». «Иначе было бы, — полагали горные чиновники, намекая на финансовую причину неудач, — если бы рабочие вошли в компанию с более или

менее состоятельным лицом, которое могло бы внести залог, участвовало бы своими оборотными средствами и заботилось бы о своевременной распродаже приготовленных металлов».

Неудачное введение артельных начал на Нижнеисетском заводе, вероятнее всего, усугубило бедственное положение предприятия, которое в руках казны так и не смогло стать доходным. «Держать Нижнеисетский завод в том виде, как он существует теперь, для казны прямо убыточно, — свидетельствовал участник научной экспедиции С. П. Вуколов, посетивший Урал в 1898 г., — нужно или перестроить его, на что потребуются большие расходы, или передать в частные руки, если будут делаться выгодные предложения»⁷¹. Таковых, видимо, уже не последовало. В 1903 г., когда к неблагоприятным местным обстоятельствам добавились тяжелые условия общего промышленного кризиса, было принято решение с 1 мая 1905 г. завод закрыть «за безнадежной убыточностью его» и оповестить об этом рабочих. Но в феврале 1905 г. рабочие подали жалобу Николаю II, в которой описали свое тяжелое положение и вместо остановки завода предложили ввести там доменное производство, чему, по их мнению, «способствовало нахождение в заводской даче обильных залежей железных руд, поступающих ныне в продажу другим заводам». Было созвано особое совещание под председательством министра финансов В. Н. Коковцова. Оно «не оставило и тени сомнения в правильности решения» о закрытии предприятия, вновь принесшего в 1903 г. убытки в размере 218052 руб., а в 1904 г. — 131008 руб. «Уже более 30 лет тому назад завод, согласно высочайше утвержденному 18 октября 1871 г. мнению Государственного совета... подлежал продаже в частные руки, — констатировали члены совещания, — что однако же до сих пор не могло осуществиться ввиду практических затруднений, возникающих при отчуждении такого рода недвижимых имуществ... Принимая во внимание, что Нижнеисетский завод работает не для нужд армии и флота, а для потребностей рынка, нельзя не признать, что прекращение его деятельности желательнее в интересах как государственной казны, так и частных горнопромышленников». Было также установлено, что для введения доменной плавки там недоставало топлива, а торф, на котором тогда работало предприятие, для выплавки чугуна не годился. К тому же другие казенные заводы изготавливали чугун «с избытком». Рабочим предлагалось устроиться на соседние золотые промыслы; им также намечалось передать 17952 дес. земли, включая 2244 дес. леса. Кроме того, до конца 1905 г. планировалось выплачивать рабочим субсидии в размере половины средней заработной платы. На основе этого заключения, император 16 июня 1905 г. санкционировал закрытие Нижнеисетского завода, а 17 декабря утвердил доклад министра торговли и промышленности В. И. Тимирязева об упразднении заводоуправления с 1 января 1906 г.⁷²

Однако рабочие не сдались: в декабре 1905 г. их уполномоченные И. В. Калинин и И. М. Степанов подали новое ходатайство, в котором просили либо возобновить работу предприятия «на средства казны впредь до фактического отвода им земельного надела», либо отдать им завод в аренду «для производства работ на товарищеских артельных началах» с предоставлением субсидии в размере 50 тыс. руб. Главный начальник уральских заводов П. П. Боклевский выразил свое негативное отношение к этим просьбам. «Отдача Нижнеисетского завода артели рабочих — дело крайне мудреное, — телеграфировал он в Горный департамент. — По-видимому, уполномоченные имеют весьма смутное представление, на каких именно условиях это можно устроить. Опыт передачи завода артели, бывший в начале 1890-х гг., дал весьма

печальные результаты. Теперь при крайне низких ценах на железо и затруднениях сбыта сомневаюсь в успешном исходе нового опыта. Денежных средств рабочие иметь не могут, тогда не понятно, как они намерены вести дело. Если рассчитывают на казенную субсидию деньгами, чугуном и топливом, тогда несравненно целесообразнее и осторожней возобновить казенное действие завода». Рабочим было сначала отказано, но 23 марта 1906 г. именным указом горному начальству поручалось «разработать проект кондиций на отдачу Нижнеисетского завода в аренду артели рабочих того же завода без торгов, а в случае отказа рабочих — на производство по сим кондициям публичных торгов для отдачи завода в аренду желающим на общих основаниях». Это был последний эпизод в череде многолетних попыток казны избавиться от приносящего убытки горного завода.

Условия передачи Нижнеисетского завода в аренду разрабатывались с участием комитета Общества содействия кустарной промышленности, на заседании которого 9 мая 1906 г. П. П. Боклевский, уже выражая сочувствие идее передачи завода артели рабочих, настаивал на том, чтобы она «не носила филантропический характер» со стороны казны, как это происходило ранее в подобных же случаях. В соответствии с утвержденными 19 октября 1906 г. условиями, аренда устанавливалась на 12 лет, плата за нее не взималась до 1 января 1908 г., затем два года она составляла 1 тыс. руб., в 1910 г. увеличивалась до 1,5 тыс. руб., а во все последующие годы равнялась 2 тыс. руб. с предоставлением залога в 5 тыс. руб. На публикацию этих условий аренды в местной печати никто, кроме рабочих, не откликнулся. Они же приняли эти условия 12 ноября 1906 г. на собрании созданной артели рабочих и кустарей Нижнеисетского завода и выразили желание быстрее заключить договор «ввиду крайней нужды членов артели в заработке и уже поступивших в артель срочных заказов». Залог за них ценными бумагами внесло Попечительство о трудовой помощи.

Договор аренды был подписан 9 января 1907 г., после чего началась передача имущества, в том числе и части «материалов, припасов и инвентаря» на сумму 45 тыс. руб., которую артельщики пожелали оставить за собой. Остальное движимое имущество было описано особой ликвидационной комиссией, после чего оно неоднократно выставлялось на торги, как правило, признававшиеся «малоуспешными». Смотрителем закрытого завода был назначен горный инженер В. М. Иванов, который не только «ведет отчетностью по ликвидации казенного имущества» и расчетами с уволенными служащими и рабочими, но и руководил деятельностью оставшейся на попечении казны плотины и финансируемые казной разведками марганцовой руды. Его должность была ликвидирована лишь к 1 января 1910 г.⁷³

Артельщики вступили в управление предприятием 12 февраля 1907 г. Тогда они отправили Николаю II телеграмму следующего содержания: «Трудовая артель рабочих Нижнеисетского завода, приступая сегодня к открытию действия арендованного у казны завода, считает своим нравственным долгом повергнуть к священным стопам Вашего величества сердечную благодарность более 300 человек безземельных рабочих за дарованную им милость пользоваться цехами закрытого завода». Упомянув о том, что они «полтора года страдали от безработицы», артельщики просили оказать им «какое-либо денежное вспомоществование средствами казны и освободить от платежа столь тягостного промыслового налога», обещая «оправдать монаршее доверие». Император поблагодарил рабочих «за выраженные чувства», а их просьбу передал на рассмотрение министра финансов⁷⁴.

Деятельность нижеисетской артели оказалась успешной лишь в первые годы, когда, по словам экономиста И. Х. Озерова, «на всю Россию прогремела слава о баснословно дешевом железе, вырабатываемом нижеисетской артелью»⁷⁵. Судя по рекламному объявлению, она бралась производить «сортовое железо, чугунное и медное литье, кузнечно-механические изделия, сельскохозяйственные машины, кирпичные прессы, столярные работы, буксы, тормозные аппараты, вагонную оковку и прочие железнодорожные скрепления». Но долго поддерживать низкие цены за счет казенных кредитов и конкурировать с крупными предприятиями артель не смогла. С 1910 г. производство стало сокращаться, а долги накапливаться. На общем собрании 30 декабря 1913 г. рабочие постановили «ввиду убыточности и отсутствия оборотных средств закрыть дальнейшее действие пудлингово-сварочного цеха и остановить прием заказов для вспомогательных цехов, а затем действие этих цехов также прекратить». Тогда и рабочие, и местные власти надеялись еще на получение «восполнения» от Горного департамента. Но помощи не последовало: слишком большими оказались казенные долги артели, достигшие к концу 1913 г. 116 тыс. руб., включая не вносившуюся с 1911 г. арендную плату и так и не погашенный залог.

Из журнала общего собрания от 1 июня 1914 г. следует, что к этому времени рабочие столярного и литейного цехов стали отлучаться «на отхожие заработки», в результате чего продолжать работы уже не было возможности. Исполняющий обязанности главного начальника уральских заводов М. П. Деви подвел своеобразный итог деятельности артели: «...в течение шестилетнего своего существования, несмотря на неоднократные пособия и льготы от казны, она никак не смогла справиться со своим долгом казне». «Очевидно, — вслед за рабочими делал он свое заключение, — что дальнейшее действие завода ничего, кроме убытков, дать не может».

Начавшаяся мировая война еще более усугубила тяжелое положение артели в связи с мобилизацией многих работников. Из 135 числившихся артельщиков в работах участвовало лишь 14 человек. Общее собрание, проведенное 1 октября 1914 г., приняло судьбоносное решение о полной ликвидации дел артели и о ходатайстве перед горным начальством о возвращении Нижнеисетского завода в казенное управление. Ликвидационная комиссия под руководством того же М. П. Деви начала составление «передаточных списков», а также опись и распродажу артельного имущества. Всего разнообразных «припасов» было продано на сумму около 15 тыс. руб. в счет казенного долга. Оставшийся за артелью значительный долг (около 96 тыс. руб.) министр торговли и промышленности князь В. Н. Шаховской счел «безнадежным ко взысканию» и предложил в Совете министров сложить долг «на путях монаршего милосердия»⁷⁶.

Одновременно решалась и судьба Нижнеисетского завода. В декабре 1914 г. главный начальник уральских заводов П. И. Егоров предлагал уступить его «на самых льготных условиях» артиллерийскому ведомству для размещения «трубочного завода» или приспособить к изготовлению кос «в помощь к Артинскому заводу». Но организованное по этому поводу в Петрограде межведомственное совещание решило сохранить производство железнодорожных костылей и скреплений, формально передав предприятие в качестве отделения в ведение Воткинского завода. В сентябре 1915 г. представитель головного предприятия уже отдал распоряжение о начале ремонта «с целью пуска пудлингового, кузнечного и механического цехов Нижнеисетского завода в действие средствами казны». Некоторое ценное заводское имущество было передано на другие казенные заводы или сдано в аренду, а открытый артельщиками при заводе

Народный дом, названный ими в честь Николая II, был, видимо, передан по просьбе Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников в его распоряжение. «По прекращению в настоящее время торговли водкой и пивом, — писали представители регионального отделения Союза, — народ очень нуждается в полезных развлечениях, которые и доставляет ему Народный дом, в котором имеется ныне кинематограф и ставятся спектакли»⁷⁷.

Луганский округ

Как уже упоминалось, еще в марте 1873 г. М. Х. Рейтерн обратился в Кабинет министров с просьбой о пересмотре решения оставить Луганский округ в руках казны ввиду отказа в казенных нарядах и о назначении его к продаже «применительно к Правилам 1871 г.»⁷⁸. В июле Горный департамент уже сформулировал конкретные предложения по поводу организации торгов. Предлагалось разделить все имущество на три отдельные группы. В первую включили Луганский завод, поселение которого планировалось «обратить» в уездный город вместо имевшего этот статус небольшого Славяносербска. Годовая производительность завода составляла тогда около 35 тыс. пуд. железных изделий. Во вторую группу входил опытный Лисичанский чугуноплавильный завод с рудниками и каменноугольными копиями, построенный в 85 верстах от центра округа, в Бахмутском уезде. Этот завод был основан казной по разрешению Александра II, последовавшему в ноябре 1867 г., с целью «водворения на юге России чугуноплавильного и железного дела при казенных каменноугольных копиях», но, как и закрытый ранее Петровский завод, он весьма скоро оказался «не удовлетворяющим своему назначению». Изначально предполагалось, что новейшее предприятие будет выплавлять до 250 тыс. пуд. чугуна стоимостью не выше 57 коп. за пуд., и «в этих видах было затрачено на устройство завода и копей 544 787 руб.». Хотя испытания «и указали возможность получения чугуна из местных руд», но его себестоимость оказалась несоразмерно выше планируемой: в 1870 г. выплавляли 12 043 пуд. по 4,28 руб., в 1871 г. — 30 972 пуд. по 3,04 руб. и в 1872 г. — 15 057 пуд. по 3,76 руб. (цена же импортного чугуна составляла в той местности 78 коп. за пуд). Вследствие этого производство было остановлено, но на содержание завода, его управления и на откачку воды из шахт расходовалось ежегодно до 39 тыс. руб.⁷⁹ Кроме того, с 1872 г. там действовала штейгерская школа на 40 учеников «для приготовления мастеров по добыче каменного угля». Наконец, в третью группу вошли «отдельные участки свободной и для заводов не нужной земли» площадью 21 тыс. дес. (общая территория округа равнялась 38 746 дес.). Все горнозаводское население округа — 5982 ревизские души — получило уже «однадесятинный надел», но ходатайствовало об увеличении его до размеров крестьянского надела.

Управляющий Морским министерством Н. К. Краббе, ведомство которого давало заказы Луганскому округу, поддержал представление заводов к продаже. Предприятия, сообщал он в июле 1873 г., «находятся в гораздо менее благоприятных условиях по отношению к нашим черноморским портам и потому далеко не могут в этом случае заменить заводы Юза и Пастухова», которым возглавляемое им Министерство «оказало уже содействие в устройстве... при условии пользования для своего производства местными рудами и местным топливом». В отношении же Лисичанских копей, расположенных «на самой северной окраине Донецкого бассейна и ближе других к Москве», у адмирала сложилось иное мнение. Он высказался в пользу постройки

железнодорожной ветки от копей до Харьковско-Таганрогской дороги или же превращения Северного Донца в судоходную реку для поставки дешевого минерального топлива к российским столицам.

Эти, по признанию министра, еще недостаточно исследованные каменноугольные копи представляли собой наибольшую ценность из имущества казенного Луганского округа. Поэтому еще в ноябре 1872 г. мануфактур-советник И. А. Варгунин предлагал взять концессию на их разработку. Месторождение, уверял он министра финансов, может давать ежегодно до 20 млн пуд. каменного угля, но для его выгодной разработки и сбыта было необходимо «соединить копи железной дорогой с ближайшей к ним станцией Славянск Курско-Харьковско-Азовской железной дороги» длиной 67,5 версты. По его подсчетам, если на постройку дороги потребовалось бы всего 30 тыс. руб., то «капитальные работы» на копиях могли обойтись не менее как в 1,1 млн руб., а оборотный капитал должен был составлять 500 тыс. руб. Советник ходатайствовал о разрешении учредить «общество с негарантированным акционерным капиталом в 1,6 млн руб. и приблизительно с 2,4 млн руб. гарантированного правительством облигационного капитала» для разработки копей и строительства железной дороги от Лисичанска до Славянска. Концессия, по его мнению, могла быть заключена на 85 лет с условием «обязательно окончить подготовительные работы в течение шести лет» и платить за аренду «по соглашению». Сверх того И. А. Варгунин обещал «производить ежегодно взносы для покрытия стоимости передаваемого обществу казенного имущества»⁸⁰.

Скорее всего, тогда эту просьбу сочли преждевременной, и последствий она не имела, но проявленный интерес частного предпринимателя к казенным копиям не остался незамеченным. В Министерстве финансов нашли рациональным предложение соединить копи с не оправдавшим надежд Лисичанским коксовым заводом в одну имущественную группу и «предоставить их тому из соискателей, который, принимая на себя возврат казне задолженной на устройство завода суммы и ценность поверхности занятой им земли, предложит на торгах наибольшую за право разработки принадлежавших сему заводу рудных и каменноугольных месторождений попудную плату»⁸¹.

Однако первостепенное значение копей не исключало интереса предпринимателей к другим частям окружного хозяйства. Так, еще в феврале 1868 г. закрытым Петровским заводом заинтересовался князь С. В. Кочубей, владелец знаменитой Диканьки. Взяв обязательство построить на юге России рельсовый завод, он, видимо, искал для этого подходящее место. «Я имел честь словесно объяснить Вашему превосходительству, — напоминал он директору Горного департамента В. К. Рашету, — что на первое время, до избрания удобной местности для основания завода, необходимы помещения, которых нигде в степной местности не имеется. Хотя Вы изволили согласиться предоставить безвозмездное пользование помещениями Петровского завода в течение четырех лет, но такое предложение имеет свои неудобства, заключающиеся как в приемке полуразрушенных зданий, так и в сдаче их по истечению срока; наконец, на чужой земле едва ли кто согласится сделать какие-либо устройства или улучшения». Князь намеревался купить бывший Петровский завод с землей и теми сохранившимися постройками, которые «могли быть обращены для помещения служащих, чертежной и для склада вещей, необходимых для приступа к делу». Горный начальник Луганского округа И. Ф. Фелькнер уже назначил оценочную комиссию,

когда в сентябре того же года пришло предписание «приостановиться продажей». «В настоящее время не представляется возможности делать исключение для господина Кочубея, — говорилось в нем. — Князь может явиться на торги вместе с прочими покупателями, если они окажутся, и предложить... большую сумму против других покупателей». Видимо, отказ последовал не только ввиду разрабатывавшихся тогда правил публичной продажи, но и из-за возникшей в Горном департаменте неуверенности в выгодности сделки, оцененной всего в 41 тыс. руб. По словам горного начальника, эта сумма была «очень умеренной», особенно если принять во внимание то, что «по близости начатой постройкою железной дороги эти имущества получали теперь особую важность»⁸². Известно, что в 1869 г. С. В. Кочубей переуступил Дж. Юзу концессию на строительство рельсового завода и, видимо, утратил интерес к бывшему казенному предприятию.

Через семь лет Петровский завод, выведенный из основного состава окружного имущества, все-таки оказался проданным. В марте 1875 г. об этом упомянул член Общества для содействия русскому торговому мореходству, будущий известный теоретик «крейсерской войны» капитан-лейтенант Л. П. Семечкин⁸³ (проживал в Санкт-Петербурге, на Литейном проспекте, 48). В своей докладной записке в Горный департамент он сообщал, что кроме этого завода, где можно было «в короткое время» возобновить выплавку чугуна из местной и привозной руды, он приобрел еще «каменноугольные рудники» в имении графини Гендриковой в Славяносербском уезде и собирался приступить к их разработке, «как только там пройдет предположенная Луганская ветвь Донецкой железной дороги». «Обеспеченный относительно чугуна и горючего материала, — делился своими планами предприниматель, — я рассчитываю основать механический, а затем стальной рельсовый завод, а на Донце — постройку железных судов для торгового флота». Желая привлечь к своему делу рабочих Луганского завода, он обратился с просьбой продать ему это предприятие «по необременительной оценке». «Правительство избежит всех затрат по обеспечению заводского народонаселения в случае остановки действия Луганского завода по недостатку работ и окажет помощь моему делу, а тем самым и делу развития частного дела на юге России вообще», — полагал проситель, выражая желание совершить сделку уже в текущем году. Иначе, писал он, «я буду поставлен в затруднительное положение, оставляя в невозможности приступить к дальнейшему ведению моего дела за нерешением вопроса о передаче».

Это предложение заставило власти поторопиться. Уже в апреле 1875 г. министр государственных имуществ П. А. Валуев «нашел необходимым ныне же принять меры к отчуждению Луганского завода без угодий и лесов» и разработать условия его продажи для торгов, куда предполагалось вызвать не только Л. П. Семечкина, но и других предпринимателей. После личных переговоров капитан-лейтенанта с вице-директором Горного департамента Ф. И. Раселли были уточнены условия продажи: опись имущества проводилась в присутствии поверенного Л. П. Семечкина горного инженера Н. Ф. Мещерина; завод продавался «с возможно меньшим количеством земли»; покупатель принимал на себя обязательство выполнить казенные заказы текущего года и следующего; он должен был принять имевшиеся на заводе запасы и оплатить их в рассрочку «в видах обеспечения платежа» с залогом, равным $\frac{1}{6}$ «оценочной суммы»; покупатель брал обязательство «завести на заводе производства рельсовое и локомотивное и выработку стали... с предоставлением залога в 100 тыс. руб.»⁸⁴.

Условия продажи казенного завода требовалось утвердить в Комитете министров. Там 8 апреля 1875 г. было заслушано заявление П. А. Валуева; высказались также военный министр Д. А. Милютин и управляющий Морским министерством С. С. Лесовский, признавшие «скорейшую продажу Луганского завода крайне желательной». Военный министр объяснил, что «за усилением частной горнозаводской деятельности... этот заслуженный казенный завод потерял прежнее свое значение». Данные ему в последние годы «некоторые незначительные военные наряды» были обусловлены «единственно заявлениями о необходимости оказать сему заводу некоторую поддержку... дабы не остановить окончательно заводскую деятельность». Со своей стороны С. С. Лесовский заверил Комитет, что «для Черноморского флота не представляется никакой надобности в указанном заводе, т. к. потребности флота удовлетворяются вполне и с большей для казны выгодой частными заводами, устроенными на юге России». «Дальнейшее сохранение Луганского завода в распоряжении казны при убыточности его действия может привести лишь к ежегодным более или менее значительным затратам», — констатировали министры. Но, ввиду того что с постройкой ветки железной дороги ценность завода могла увеличиться, они решили организовать торги после ее сооружения и при условии, что «к состязанию будет привлечено возможно большее число благонадежных лиц». Это постановление император утвердил 18 апреля 1875 г.⁸⁵

Видимо, в то время предполагалось, что небольшая по протяженности Луганская ветка будет построена быстро, но этого не случилось. В ноябре 1875 г. П. А. Валуев обратился к министру финансов (который, скорее всего, и предложил на заседании Комитета дожидаться повышения стоимости завода) с вопросом, считает ли он необходимым задерживать продажу завода вследствие переноса строительства железной дороги на весну следующего года. М. Х. Рейтерн не стал настаивать на отсрочке торгов, и Комитет министров, пересмотрев свое прежнее решение, 12 декабря согласился на немедленную продажу⁸⁶.

Утвержденные еще в апреле условия торгов несколько отличались от тех, которые были согласованы с Л. П. Семечкиным. «Предметом состязания» стала начальная сумма в 310 тыс. руб., которая была определена в результате оценки заводских зданий «с механизмами, машинами и приборами». Пятая часть установленной на торгах суммы уплачивалась при совершении купчей, а остальная часть рассрочивалась на 36 лет «по банковским правилам». Обеспечением рассрочки служил залог в $\frac{1}{5}$ «покупной суммы». Покупатель обязывался также приобрести движимое заводское имущество, «кроме негодного к употреблению», по оценке, которую должна была провести особая комиссия.

Как и требовалось, условия продажи завода были опубликованы в прессе, торги же назначены на 10 апреля 1876 г. в Министерстве государственных имуществ. Но, судя по протоколу, туда не только не явились «желающие торговаться», но и «ни от кого запечатанного объявления прислано не было». Не прибыл в Министерство по неизвестной причине и сам капитан-лейтенант Л. П. Семечкин. Видимо, выставленная за завод начальная цена в 310 тыс. руб. показалась потенциальным покупателям слишком высокой. Вполне вероятно и то, что Л. П. Семечкин намеренно не явился для того, чтобы сорвать торги и заставить власти пойти на индивидуальную сделку без конкуренции и на более выгодных для него условиях. Так или иначе, но имя Л. П. Семечкина более не встречалось в этой истории, правда вскоре в ней вновь прозвучало имя горного

инженера Н. Ф. Мещерина, вероятно бывшего не только поверенным, но и компаньонном капитан-лейтенанта.

После несостоявшихся торгов местное начальство с разрешения вышестоящих властей начало распродажу того заводского имущества, на которое был спрос. Так, продали дом, находившийся за оградой завода и сдававшийся прежде в аренду отставному аптекарю Дриттенпрейсу, а дом лесничего вместе с самой лесной дачей завода передали в ведение губернской казенной управы⁸⁷.

В письме П. А. Валуева, отправленному министру финансов М. Х. Рейтерну 2 марта 1878 г., через два года после неудачных торгов, упоминалось о том, что с того времени «заявлений о покупке ни от кого не поступало». Однако известно, что в августе 1876 г. правление Кавказского строительного общества подавало просьбу о продаже ему Луганского завода и Лисичанских рудников. Общество намеревалось строить порты на берегах Черного и Азовского морей и считало, что «более удобного и подходящего для его целей завода, чем Луганский, нельзя было найти на юге России». Правление Общества получило разрешение от Горного департамента на осмотр завода, но больше себя никак не проявило⁸⁸.

Наконец, в 1878 г. долгожданное предложение о покупке Луганского завода было получено от серьезного претендента. Оказывается, еще в августе 1876 г. министру путей сообщения было дано высочайшее разрешение на заказ рельсов инженеру Н. Ф. Мещерину, который хотел устроить для этого завод. Заказ тогда отложили до времени, «когда предприятие его по устройству завода будет осуществлено настолько, что представится достаточное ручательство в прочности оно и в исправном исполнении заказа». К началу 1878 г. инженер «вошел в Товарищество с господином Барклей, железнодорожным строителем и акционером сталелитейного завода Ландор, и с фирмой „Браун, Болей и Диксон“, владеющей заводом в Шеффилде и много лет поставляющей стальные рельсы для русских железных дорог». Н. Ф. Мещерин уверял, что Товарищество располагало капиталом в 300–400 тыс. фунтов стерлингов (что примерно соответствовало 2,4–3,2 млн руб.) и «готово было на затрату этой суммы для осуществления своего предприятия». План заключался в приобретении Луганского завода «на условиях публикации о продаже с торгов» для изготовления там до 1,5 млн пуд. рельсов и 200 тыс. пуд. листовой и корабельной стали. Переустройство завода предполагалось закончить за два года «без всякой помощи со стороны правительства», но с его обязательством дать заказ на поставку 5 млн пуд. рельсов «на общих основаниях, принятых для других заводов». В феврале 1878 г. просьбу Н. Ф. Мещерина подтвердил в личном обращении к П. А. Валуеву доверенный фирмы «Браун, Болей и Диксон» британский подданный Мортимер Сальмон.

У просителей оказались влиятельные заступники. Письмо с просьбой поддержать это ходатайство было получено от управляющего Морским министерством. В этом письме упоминалось и о протекции генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича. «Ввиду важного значения, которое, несомненно, будет иметь для Черноморского флота существование по соседству... железодельного завода... — писал изменивший свою прежнюю точку зрения управляющий, — Его императорское высочество поручил мне просить Ваше высокопревосходительство не отказать в Вашем содействии к успешному разрешению ходатайства господина Мещерина». Управляющий упомянул и о желании английского Товарищества восстановить Петровский завод (видимо, приобретенный Л. П. Семечкиным в компании с Н. Ф. Мещериным) и заняться разработкой каменного угля и железной руды⁸⁹.

В Горном департаменте, куда министр направил прошение инженера и поверенного для экспертизы, сочли, что в случае продажи завода без торгов следует несколько изменить прежние условия. Цена завода оставалась той же, но рассрочка давалась лишь на 15 лет при платеже 5% «интереса» и 5% погашения. Товарищество согласилось с новыми условиями, попросив лишь ускорить ход дела. В уже упоминавшемся письме министру финансов от 2 марта 1878 г. П. А. Валуев описал состояние предназначенного к продаже предприятия. «По окончанию с августа 1876 г. работ по исполнению казенного заказа, — сообщал он, — деятельность Луганского завода могла быть продолжена еще на некоторое время с помощью небольшого наряда, переведенного на него с уральских заводов, но в сентябре должна была приостановиться; усилия заводского начальства получить частный заказ не увенчались успехом, и правительство вынуждено было оказывать местному населению денежное пособие». Хотя по случаю открытия военных действий с Турцией завод вновь получил заказ, он оказался «не больше обыкновенного». П. А. Валуев предполагал, что надеяться на новые заказы в будущем нельзя «без приспособления завода к какому-нибудь новому производству, на что потребовались бы от казны немаловажные затраты». Перепрофилирование же предприятия в рельсовый завод по предложению Товарищества «могло бы обеспечить его будущность и тем принести немалую пользу горному делу на юге России», поскольку завод этот, уверял министр, «предстает доньше единственным центром опытного горнозаводского рабочего населения в том крае, созданного продолжительными усилиями и затратами правительства».

М. Х. Рейтерн проникся доводами П. А. Валуева, в отличие от государственного контролера С. А. Грейга, видимо, не знакомого с великокняжеской протекцией. «Ввиду тех услуг, которые оказаны были Луганским заводом во время последних военных событий ежемесячным приготовлением 43 тыс. штук снарядов и какие могут, судя по теперешнему тревожному политическому положению Европы, потребоваться от него в будущем, — извещал он, — я признаю более удобным решение вопроса об отчуждении Луганского завода в частные руки до времени отложить»⁹⁰. Комитет министров тоже проявил осторожность и отклонил представление П. А. Валуева о продаже Луганского завода британскому Товариществу.

С этим получившим огласку случаем оказался сопряженным еще один любопытный эпизод «приватизационной кампании»: в марте — мае 1876 г. министру государственных имуществ были поданы три прошения инженер-технолога Петровского завода (видимо, тогда уже перешедшего во владение князей Долгоруких) А. И. Ганке (Ганне). «Ввиду безуспешности вести у нас горнозаводское дело, правительство, кажется, решается продать все свои горные заводы иностранным компаниям, — заявил он. — Поступок этот был бы крайне непатриотичным, и меня, технолога, крайне возмущает, что хотят допустить иностранцев заведовать нашими отечественными промыслами, как будто мы, русские, уже совсем безголовые!» Патриотично настроенного технолога рассердило и намерение «полуиностранных компаний, просящих у правительства... готовить стальные рельсы на юге России на Луганском и Петровском заводах». «Моей конкуренции этим компаниям не устоять», — самонадеянно заявлял А. И. Ганке в расчете на якобы изобретенную им «методу приготовления стали прямо из руды в газовых печах, газовым огнем при усиленном давлении и тяге воздуха». Казне он предложил либо «войти с ним в компанию сроком на 15 лет для выделки на всех казенных горных заводах в округах Сибирском, Югороссийском и в Царстве Польском стальных

рельсов» с уступкой 70% от их стоимости, но с кредитом по 600 тыс. руб. на каждый, либо уступить ему те же заводы «в арендное содержание за известную плату» сроком на 25 лет и «для ведения дела разрешить учредить акционерную компанию», разумеется, без какого бы то ни было иностранного участия. «Для меня будет очень прискорбно, если правительство на мое изобретение взглянет как на аферу», — заключал технолог, видимо предполагая, что замахнулся все-таки на многое. В Горном департаменте подсказали, что передовая «идея изобретателя» заключалась в устройстве газосварочных печей, но министр, скорее всего, воспринял предложение А. И. Ганке так, как тот и предполагал, и оставил его прошения без ответа⁹¹.

Более скромная просьба в отношении Луганского завода поступила в 1880 г., когда славяносербский уездный предводитель дворянства Ф. Н. Булацель предложил министру государственных имуществ принимать на заводе частные заказы «по исправлению сельскохозяйственных машин по удешевленным ценам... в видах воспособления развитию сельского хозяйства в Новороссийском крае»⁹². Последствий эта просьба тоже не имела. Причиной всех отказов стало успешное выполнение Луганским заводом казенных заказов на производство бомб и гранат (на сумму более 1,7 млн руб.) во время войны с Турцией 1877–1878 гг. Вследствие этого, по оценке Министерства государственных имуществ, он «был приведен в такое положение, что был в состоянии удовлетворить требованиям военного ведомства»⁹³.

К 1883–1887 гг. относится последняя известная нам попытка возродить завод. Выход из затруднительного положения (тогда завод вновь оказался не в состоянии «своевременно и удовлетворительно выполнять свои срочные заказы») в апреле 1883 г. предложил бежецкий купец второй гильдии С. С. Орнштейн. В докладной записке, поданной в Горный департамент, он доказывал, что «самый характер казенного управления, формальный, медленный и подчиненный, не пригоден к заводскому делу, где требуется быстрая и самостоятельная распорядительность». Для того чтобы «казенные заводы могли с успехом конкурировать с частными», он предлагал поставить их «в одинаковые условия, т. е. отдать в частные руки производство на этих заводах казенных работ». Луганский завод представлялся купцу наиболее подходящим для такого опыта, поскольку «даже в частных руках его существование могло поддерживаться лишь при условии обеспечения казенными заказами». «Лица, желающие взять управление заводом, — уверял проситель, — не только не думают об отчуждении его от горного ведомства, но, наоборот, вполне подчиняют его требованиям ведомства, обязуясь выполнять только все казенные заказы на условиях, более выгодных для казны и более ее обеспечивающих». В качестве гарантии предлагался денежный залог. Со стороны казны лишь требовалось снабжать завод заказами от артиллерийского ведомства в течение шестилетнего срока «хозяйственно-технического управления» по ценам, «для завода неубыточным».

«Артиллерийским ведомством не раз уже заявлялось, что обязательные заказы казенным горным заводам оно считает для себя стеснительными и что для себя на будущее время оно желает оставить только два завода — Пермский сталепушечный и Златоустовскую оружейную фабрику, — отвечал на поступившее предложение директор Горного департамента Н. А. Кулибин. — При таких не выясненных на будущее время отношениях горное ведомство, конечно, не может принять на себя обязательство обеспечить Луганский завод на шесть лет вперед артиллерийскими заказами, от него не зависящими. Не может оно гарантировать и выгодные цены... поскольку в большинстве

случаев цены военного ведомства, вследствие конкуренции с частными заводчиками, крайне низки». Чтобы получить прибыль, полагал он, частное управление должно будет понизить себестоимость снарядов «более чем наполовину», что в шестилетний срок представлялось ему «положительно невозможным». Кроме того, помимо «денежной гарантии», он счел нужным получить от предпринимателя, желавшего взять завод в управление, и «особенную личную гарантию, состоящую в испытанной опытности его как заводчика», которой С. С. Орнштейн, видимо, дать не смог. По этим причинам Горный департамент, а вслед за ним и министр государственных имуществ отказались принять его предложение⁹⁴.

Через два месяца С. С. Орнштейн отреагировал на сделанные Н. А. Кулибиным замечания. В июне 1883 г. Горный департамент получил новую докладную записку, подписанную уже не только малоизвестным купцом, но и заслуженным генерал-майором К. П. Величковским. В ней были представлены «обновленные предложения, видоизмененные согласно указаниям господина директора»: компаньоны просили продлить срок своего управления заводом до 12 лет, предлагали в залог 50 тыс. руб., предусматривали неустойку в 5% за невыполненный наряд и даже соглашались на то, чтобы горное ведомство не отвечало за количество и выгодность военных заказов, но взамен они оставляли за собой право выбора заказов. Для большей убедительности К. П. Величковский направил еще одну записку в Горный совет, где обсуждалось это предложение. В ней он подчеркивал необходимость сохранения Луганского завода в собственности казны «в интересах государственной обороны». Продажа предприятия в частные руки привела бы, по мнению генерал-майора, к неизбежному изменению его профиля. Но, «причинив за последние только годы казне убыток в несколько сотен тысяч рублей», завод не мог оставаться и в нынешнем казенном управлении. «Только частное управление, не стесненное излишними формальностями, при общекommerческих условиях личной инициативы и риска, — настаивал он, — могло бы предоставить заводу ту усовершенствованную организацию, которая необходима для того, чтобы он способен был удовлетворять своему назначению как в мирное, так и в военное время». Генерал-майор был готов заменить предложенный проект частного управления арендой, которую предпочитало тогда Министерство государственных имуществ во главе с М. Н. Островским, и соглашался «испытать разные системы управления» по усмотрению Горного совета⁹⁵.

Но осторожные «горные генералы» решили, что вопрос этот настолько серьезный, что необходимо первоначально «исследовать положение, в котором находится заводская техника и хозяйство». Они полагали, что только после обстоятельной ревизии можно было бы судить об эффективности частной аренды казенного завода. Для этого в Луганский округ отправился инженер В. Ф. Поляков. Через год он представил свой отчет, в котором констатировал «практический упадок техники» на заводе, значительную долю (до $\frac{2}{3}$) брака снарядов, высокую стоимость чугуна, приобретавшегося на заводах Новороссийского товарищества, высокую заработную плату, «не соответствовавшую действительному труду или искусству рабочего и качеству изделий», «небрежность лиц, управляющих заводом», и недостаток сумм, отпускаемых по сметам. Горный департамент ограничился лишь сообщением этих замечаний окружному начальству «для руководства», как бы забыв об основной цели ревизии.

Задержка решения побудила К. П. Величковского отправить в мае 1884 г. новую докладную записку. «Почти целый год тому назад в Горный совет поступило

на рассмотрение наше предложение об отдаче Луганского завода в частное управление... — напоминал он. — Мы не касаемся вопроса, в какой мере производившаяся ревизия способствовала уяснению дела, ибо такая ревизия производилась не один раз... и никогда не препятствовала приходить заводу в более и более неудовлетворительное состояние. Горному совету более чем кому-либо известно, что бедственное состояние Луганского завода обуславливается общим характером принятой теперь системы управления и не может быть устранено проектами частных изменений, как бы рациональны последние ни были. Таких проектов, более или менее удачных, было немало, и применение их на практике поглотило не одну сотню тысяч казенных денег, не принося ни малейшей пользы». «Луганский завод не единственный горный завод, который приносит крупные убытки казне. Явление это стало хроническим для значительной части горных заводов», — констатировал генерал-майор, полагая, что «опыт передачи в частное управление представлялся бы неизлишним».

Судя по всему, председатель Горного совета А. А. Иосса склонялся к разрешению такого опыта. Отправляясь на Урал в июне 1884 г., он предлагал своему заместителю «ближе вникнуть во все подробности дела». «Не могу отделаться от тревожной мысли, — писал он, — что Луганский завод будет продолжать действовать со значительным убытком, от которого предложение Величковского и Орнштейна нас освобождает. Заподозрить же их недоброжелательность я права не имею». Видимо, после его возвращения дело сдвинулось с места, и 11 сентября просители были приглашены для переговоров в Министерство государственных имуществ. Там, скорее всего, и были им предложены условия аренды завода. Судя по проекту договора, Горный департамент выделял «по своему усмотрению» часть заказов для Луганского завода, но «не принимал никакой ответственности ни относительно качества и рода сих заказов, ни за выгодность цен, а также не ручался за ежегодное поступление означенных заказов»⁹⁶.

Условия аренды, утвержденные Комитетом министров 23 января 1887 г., существенно расходились с планами компаньонов, и это, вероятно, послужило причиной их отказа, тем более что заказов, которые обеспечивали бы работу предприятия, не последовало. Известно, что «по несостоявшейся передаче в аренду частным лицам Луганского литейного завода» 20 июля 1887 г. Александр III повелел «действие завода прекратить впредь до приискания новых арендаторов, предложения которых, если бы они явились, внесены были на рассмотрение Комитета министров». В марте следующего года Горный департамент сообщал уже о закрытии завода, увольнении служащих и мастеровых «с обеспечением последних установленным продовольствием на один год» и о проведении оценки оставшегося заводского имущества. «Ввиду приискания новых арендаторов» Департамент намеревался сделать вызов желающих «через публикацию как в Правительственном вестнике, так и в Санкт-Петербургских, Московских и местных Екатеринбургских ведомостях». Но и это, очевидно, не помогло. Высочайшим указом от 12 октября 1892 г. недействующий Луганский казенный завод «со всем имуществом движимым и недвижимым» был передан из горного ведомства в военное «для приспособления к устройству патронного завода». Военному министерству предлагалось воспользоваться лишь необходимой частью движимого имущества, «состоявшего преимущественно из ветхих и потерявших ценность материалов и вещей», а остальное «продать с торгов или списать с прихода по своему усмотрению»⁹⁷. Сам же бывший заводский поселок еще в 1882 г. был преобразован в уездный город Луганск⁹⁸.

Другая часть Луганского округа, представленная Лисичанским заводом, его рудниками и копиями, имела особую «историю отчуждения в частные руки». С 1876 по 1882 г. было сделано несколько попыток продать это предприятие, недавно возведенное, но не оправдавшее полностью своего назначения. Как уже упоминалось, в 1873 г. Горный департамент настаивал на продаже завода «для возмещения затрат казны», для чего потребовалось пересмотреть прежнее решение Государственного совета. Департамент государственной экономии «убедился в необходимости отказаться от дальнейших опытов... водворения за счет Государственного казначейства чугунолитейного и железного дела на юге России» и на заседаниях в ноябре — декабре 1874 г. призвал «к скорейшей продаже» Лисичанского завода. Комитет министров своим положением, утвержденным 26 декабря 1875 г., санкционировал торги, назначив начальную сумму в 550 тыс. руб., куда входила стоимость не только самого завода, но и принадлежавших ему «каменноугольных рудников». Торги были проведены в июне 1876 г., но никто не захотел купить предприятие по такой цене, хотя, по сведениям Горного департамента, претенденты на завод имелись. То же произошло и на новых торгах в октябре 1879 г., несмотря «на понижение оценочной суммы более чем наполовину против оценки на первых торгах (завод продавался за 111 тыс., копи — за 112 тыс. руб.), на допущение покупки копией отдельно от завода, на беспроцентную до семи лет рассрочку покупной суммы и на самую широкую гласность, которая придана была условиям продажи».

Тогда Горный департамент в начале 1880 г. «путем публикаций» обратился к промышленникам с предложением самим заявить об условиях, на которых они желали бы приобрести завод и копи. Были получены заявления от семи лиц. Действительный статский советник Жемчужников предложил 125 тыс. руб., дворянин Д. Д. Щелин — 91 тыс. руб., дворянин В. А. Крашенинников — 87 тыс. руб. «единовременным взносом». В рассрочку на шесть лет намеревался заплатить 60 тыс. руб. коллежский регистратор Чеботарев, ту же сумму, но с рассрочкой на 12 лет, предлагал мещанин Краков, а статсекретарь князь С. А. Долгорукий заявлял о намерении выплатить 100 тыс. руб. с рассрочкой на 37 лет. Надворный советник Булацель готов был выложить только за копи 80 тыс. руб. с рассрочкой на 33 года и уплатой 6 % годовых. Управляющий Министерством государственных имуществ А. А. Ливен «не нашел возможным ни одно из этих предложений признать вполне для казны удовлетворительным и испросил высочайшего разрешения на новые торги». Однако начальная сумма была установлена им с учетом сделанных предложений: за основу приняли наибольшую сумму в 125 тыс. руб. в надежде, что она будет повышена во время торгов.

Как следует из сохранившегося протокола, после «распубликования условий продажи в Правительственном вестнике, а также в столичных и некоторых губернских Ведомостях» новые торги были назначены на 18 июня 1880 г. В Совете Министерства государственных имуществ в два часа пополудни должны были вскрываться запечатанные конверты с предложениями. Однако «по открытию заседания Совета для производства сих торгов... оказалось, что желающих принять участие в торгах не явилось и ни от кого объявления прислано не было, почему торги и были признаны Советом несостоявшимися»⁹⁹.

По словам А. А. Ливена, очередная неудача заставила его «испытать последнее средство для продажи и обратиться последовательно к лицам, которые ранее торгов представляли на покупку заводов и рудников свои предложения». В сентябре — ноябре

1880 г. Горный департамент отправил письма тем трем «промышленникам», которые прежде желали расплатиться с казной без рассрочки и давали за завод и копи от 87 тыс. до 125 тыс. руб. Однако они отзывов не дали «за временным отсутствием из Петербурга». К остальным претендентам, видимо, не обращались, поскольку А. А. Ливен решил, что «уменьшение продажной суммы до 87 тыс. руб. достигло уже пределов возможного». В ситуации, когда, с одной стороны, понижать цену было невыгодно, а с другой — содержать заводы и копи становилось все более убыточно, он предложил ни много ни мало затопить рудники, избавив тем самым казну от больших расходов на их содержание. «Можно полагать, — писал управляющий в январе 1881 г. министру финансов и государственному контролеру, — что со временем, когда средства железнодорожных сообщений разовьются до больших размеров, при которых отправка угля не будет встречать тех немаловажных затруднений, какие испытывают ныне каменноугольные копи южной России, ценность Лисичанского месторождения возвысится, и казна будет в состоянии возместить убытки, происшедшие от затопления рудников».

«Мне кажется, что затопленные рудники едва ли могут найти себе выгодного для казны покупателя даже при самых благоприятных условиях», — отреагировал государственный контролер Д. М. Сольский, предлагая пока «ограничиться возможными сбережениями в производимых ныне расходах через упразднение некоторых, по-видимому, излишних должностей... и сокращением других издержек». Только что назначенный вместо А. А. Ливена министром государственных имуществ Н. П. Игнатьев тоже не поддержал мнение своего предшественника. Вкупе с директором Горного департамента Г. Л. Грасгофом он предложил вместо затопления сдавать одну из двух шахт Лисичанского рудника в аренду. «Хотя такой вид передачи казенных имуществ в частные руки и не может быть признан... соответствующим особенностям имуществ горных, на которых более чем на других может вредно отзываться нехозяйственность действий арендаторов, — писали чиновники, — но настоящий случай представляется вполне исключительным». По их мнению, аренда доставила бы казне средства для «безубыточного» содержания имуществ: опасность затопления шахты арендатором можно было бы «подстраховать» залогом, достаточным для откачки воды, а угроза «хищнической неправильной разработки» в значительной степени предотвращалась бы тем, что в руднике уже была построена шахта, открывавшая большое «угольное поле» (до 15 млн пуд.), выработка которого «дочиста» была в «прямом интересе арендатора». В отличие от этой шахты, называемой «Дагмара», шахта «Капитальная» находилась «в более плохом состоянии», но и ее, полагали в Министерстве, можно было тоже попытаться сдать в аренду и лишь в крайнем случае — затопить. Обнадеживало чиновников уже сделанное купцом Б. И. Эстровичем предложение об аренде, сулившее успех торгам¹⁰⁰.

Разработка условий потребовала некоторого времени, так что успел вступить в должность министра государственных имуществ М. Н. Островский. Ему и пришлось представлять в Комитете министров доклад о назначении торгов на аренду Лисичанских копей. Император Александр III 1 августа 1881 г. утвердил одобренные министрами условия, в соответствии с которыми обе шахты сдавались на 12 лет с правом выработки из «Дагмары» 15 млн пуд. угля и из «Капитальной» — 5 млн пуд. Начальная арендная плата устанавливалась в $\frac{1}{4}$ коп. с пуда, а залог составлял 2 тыс. руб. «Арендой казна избавляется от одного из главных расходов по содержанию лисичанского

горнозаводского имущества и взамен сего будет получать от него в течение арендного срока некоторый доход от 8 до 9 тыс. руб.», — заверял министр.

Торги проводились 3 ноября 1881 г. в конторе Луганского округа. Было подано три заявления — от купцов С. Н. Иванова и Б. И. Эстровича, а также от инженера А. А. Виноградова. В итоге «Дагмара» досталась С. Н. Иванову, предложившему $\frac{3}{4}$ коп. за пуд, а «Капитальная» — А. А. Виноградову, давшему за пуд $\frac{2}{5}$ коп. Купец Б. И. Эстрович, первым заявивший об аренде, предложил всего $\frac{3}{10}$ коп. и остался ни с чем. Результаты торгов были утверждены 26 февраля 1882 г. До лета задержалось заключение контракта из-за неявки А. А. Виноградова, проживавшего в Москве. Исполняющий должность горного начальника Луганского округа Д. В. Данчич информировал Горный департамент о том, что арендатор «отозвался нездоровьем», но обещал все-таки приехать, и просил разрешения заключить контракт с С. Н. Ивановым, не дожидаясь прибытия А. А. Виноградова, «ввиду плохого состояния водоотливных устройств, грозивших Дагмаре прекращением водоотлива»¹⁰¹.

Заключенный с купцом С. Н. Ивановым договор действовал восемь лет, до мая 1890 г., когда был прекращен «ввиду неисполнения арендатором условий договора». По положению Комитета министров от 28 мая 1892 г. шахта «Дагмара» передавалась в разработку Обществу содового производства под фирмой «Любимов, Соловьев и К^о» на 30 лет с платой по $\frac{1}{2}$ коп. с пуда добытого угля и с обязательством вносить ежегодно попудную плату не менее как за 1 млн пуд. под контролем горного ведомства¹⁰².

Шахта же «Капитальная» осталась без хозяина, который так и не явился. Ввиду того что на ее содержание требовались значительные средства, было принято решение затопить шахту «с разборкой машины и других сооружений». Согласно «высочайшему соизволению» от 23 августа 1883 г. все имевшееся на шахте казенное имущество было продано с торгов, а сама шахта затоплена. Оставшиеся части Лисичанского каменноугольного месторождения были разбиты на шесть участков, четыре из которых перешли арендаторам на торгах в октябре 1884 г. и в январе 1885 г.¹⁰³

В то же время решилась и участь Лисичанского завода, надежда на продажу которого без копей представлялась еще более сомнительной. Сложившаяся ситуация была оценена чинами Горного департамента в записке, подписанной министром М. Н. Островским и директором Департамента Г. Л. Грасгофом в апреле 1882 г. Причина неудачи торгов крылась, по их мнению, «в неблагоприятных условиях местности», где всего лишь несколько лет назад было построено это предприятие. «Не обладая ни залежами доброкачественного спекающегося каменного угля, необходимого для выплавки чугуна, ни значительным месторождением железных руд, местность эта не удовлетворяет главным требованиям чугуноплавильного завода и не представляет возможности для такого завода конкурировать с горнозаводскими предприятиями, основанными в местностях, богатых рудой и спекающимся углем или даже одним из этих ископаемых», — объясняли они прежние ошибки горного ведомства. Проницательные чиновники заявили о том, что желание некоторых лиц приобрести Лисичанский завод в начале 1880 г. не опровергает их мнения, поскольку, «во-первых, желание это относилось не к одному заводу, но к заводу вместе с рудниками, причем, по всей вероятности, намерение заявителей относительно завода состояло лишь в том, чтобы воспользоваться материалами его построек для возведения какой-либо негорнозаводской фабрики, а машины продать, и, во-вторых, желание это, при заявлении коего не требовалось

никакого залога, было, как оказывается, вовсе не серьезно, ибо впоследствии не было высказано ни на торгах 1880 г., ни позднее». Единственным способом решить проблему они сочли продажу заводского имущества с торгов. «Само собой разумеется, — сообщалось в записке, — что этот способ продажи... не обещает возратить казне затраты ее на устройство завода, от чего она впрочем уже отказалась при последних попытках продажи, и может доставить ей лишь незначительные суммы. Однако министр государственных имуществ находит, что такой исход все же выгоднее настоящего положения дела».

Д. В. Данчич в это время уже планировал закрыть штейгерскую контору «с оставлением короннослужащих... за штатом», а «доменную печь, все здания и машины разобрать и, рассортировав полученные строительные материалы, продать и машины, и земли по переоценке с публичных торгов». В Горном департаменте, однако, не решились на столь радикальные меры, не особо надеясь на успех продажи уже использованных строительных материалов. Было предложено организовать торги «на продажу машин, дорогого движимого имущества и на право сноса зданий», а земли передать в ведение местного управления государственных имуществ вместо продажи, не обещавшей особых выгод. Комитет министров 21 мая 1882 г. одобрил это решение и упразднил местное заводское и рудничное управление. Земли и заводские сооружения были переданы управлению государственных имуществ, за исключением строений, необходимых для Лисичанской штейгерской школы. В 1883 и 1885 гг. «состоялась продажа предназначенной к отчуждению части имущества Лисичанского завода»¹⁰⁴.

Алагирский завод

На Кавказе казне принадлежал Алагирский серебряноцинковый завод. Еще в 1843 г. министр финансов Е. Ф. Канкрин инициировал геологическое исследование региона «на предмет учреждения там цинкового производства». Французский инженер Картерон в 1843–1845 гг. описал около десятка месторождений, признав наиболее перспективным из них Садонское серебряноцинковое месторождение в Осетии, расположенное в 70 верстах от окружного центра — Владикавказа. Его «открывателем» считался грек Спиридон Чекалов, который с 1839 г. (или 1840 г.) вел там разработку одной из жил «серебряноцинкового блеска». Направленные в этот район кавказским наместником князем М. С. Воронцовым управляющий горной частью на Кавказе и в Закавказье подполковник А. Б. Иваницкий и капитан Э. М. Рейнке установили, что Садонское месторождение вместе с соседними жилами Алагирского и Дегорского ущелий «дают возможность учреждения горного промысла в этой местности в обширном размере». Они рассчитали, что устроенный там на средства казны завод может в течение длительного времени выплавлять до 100 пуд. серебра и 10 тыс. пуд. свинца в год. Место для строительства было первоначально выбрано в 36 верстах от рудника, в ущелье Црау.

Под покровительством наместника начались подготовительные работы. В 1847 г. С. Чекалову запретили выплавку металла «в видах сбережения леса», а добычу руды «во избежание порчи рудной жилы неправильною выработкой». Прибывшая с Урала партия из 80 горнорабочих начала прокладку дороги вдоль Садонского и Алагирского ущелий от рудника до завода. В 1848 г. А. Б. Иваницкий, Э. М. Рейнке и младший партионный офицер Д. В. Пиленко отправились на Луганский завод для составления проекта предприятия и сметы расходов на его строительство, а также «для

изготовления машин и снарядов, потребных для завода». Как сообщали командированные, луганские мастера и чертежники помогли им составить план, при этом горный начальник Ф. И. Фелькнер «принял самое живое участие в работе и опытностью своей непрестанно наводил... на простейшие и удобоисполнительные средства». В апреле 1849 г. М. С. Воронцов утвердил подготовленный проект и приказал «теперь же приступить к постройке завода» с помощью вольнонаемных мастеровых и «военнорабочих»¹⁰⁵.

Однако выбранное для завода место, где уже шла вырубка леса, было забраковано начальником Владикавказского округа генерал-майором М. С. Ильинским, который «нашел его неудобным в военном отношении». Он предложил перенести строительство в устье Ардонского ущелья, находящееся в шести верстах от выбранного инженерами места, что позволяло предохранить завод «от неприятельских покушений», но предполагало переселение аула Салугардан. Именно это обстоятельство заставило инженеров в свое время выбрать для строительства другое место, где были «свободные земли». «Я не нахожу никаких препятствий переменить место, тем более что проект от этого нисколько не изменяется», — сообщал А. Б. Иваницкий, указывая еще и на то, что расстояние до рудника в этом случае только сократится и появится возможность «гораздо просторнее устроить станицу для рабочих».

В октябре 1849 г. сам М. С. Воронцов осмотрел новое место и «остался вполне довольным». Наместник объяснил жителям аула, что «польза казны сопряжена с их собственной выгодой, и обещал, что никто не будет обижен, а еще менее принужден к переселению». Как следует из записки наместнического управления, в ответ «осетины единодушно отозвались, что как они прежде не мешали частному человеку, каков Чекалов, так еще менее могут противиться распоряжениям главного начальства по тому же предмету и что они сами надеются от всего этого получить пользу». Грек же С. Чекалов «от дела охотно отказался» и по представлению наместника был «достойно награжден офицерским чином». После обсуждения вопроса в Кавказском комитете Николай I 27 февраля 1850 г. повелел выделить на устройство завода «в виде отдельной крепости», рудника, дороги, акведука, горной станицы на 350 семейств «с цитаделью, валом и бастионами», а также на вознаграждение согласившихся переселиться местных жителей 160 тыс. руб. серебром из Государственного заемного банка «с отпуском в течение трех лет частями по мере надобности». «Нижних и рабочих чинов» разрешалось перевести с луганских, уральских и алтайских заводов. Управителем завода назначили Э. М. Рейнке, плавильным мастером и пробирером был принят Авилов, бухгалтером и письмоводителем — унтершихтмейстер Гушин, рудничным смотрителем — коллежский регистратор Звонков. Профессор Г. В. Абих предложил для нового завода технологию отделения серебра от свинца «посредством кристаллирования».

В октябре 1852 г. А. Б. Иваницкий докладывал, что «завод уже окончен и остались одни недоделки», а «команда» жгла уголь из заготовленных дров. Дорога до Садонского рудника тоже была проложена, и нужно было только «настлать три моста». На руднике была пройдена штольня и разрабатывалась часть жилы, «испорченная старыми работами». Начать пробную выплавку металлов предполагалось в течение шести недель¹⁰⁶. Так появился на Кавказе казенный Алагирский завод.

По публикациям в «Горном журнале» установлено, что завод вступил в действие в мае 1853 г. и проработал до конца 1855 г., когда закончились запасы извлеченных

руд. Работы возобновились лишь через четыре года, после основательной подготовки рудника. В 1860 г. завод выплавил 28 пуд. серебра и 7 тыс. пуд. свинца, идущего на военные нужды. Несмотря на то что завод постепенно наращивал производство, он считался нестабильно действующим и нерентабельным, почему и был предложен Горным департаментом к продаже при обсуждении этой темы в Податной комиссии¹⁰⁷. Горный инженер П. И. Миклашевский, осмотревший завод в 1878 г., объяснял причину убыточности предприятия не совсем верным определением его профиля как серебряно-свинцового, в то время как руда Садонского месторождения содержала значительно больше цинка, который вместо того, чтобы приносить доход, поступал в отвалы¹⁰⁸. Как уже упоминалось, в 1871 г. Государственный совет не включил это предприятие в перечень заводов, назначенных к продаже, но только потому, что считал нужным предварительно узнать мнение кавказского наместника, в чьем ведении находился край.

После обращения министра финансов в августе 1872 г. по поручению наместника великого князя Михаила Николаевича начальник наместнического управления барон А. П. Николаи дал согласие «для скорейшего назначения Алагирского завода в продажу по Правилам 18 октября 1871 г.» и на проведение торгов в Совете управления в соответствии с инструкциями для оценочной и поземельной комиссий, которые должно было разработать Министерство финансов. «С того времени, — отмечали чиновники Горного департамента, — вопрос... не восходил на рассмотрение Государственного совета или других высших правительственных установлений, но между Министерством финансов, впоследствии Министерством государственных имуществ, и наместником кавказским производилась переписка о порядке продажи завода и ее условиях, причем вопрос о самом назначении сей продажи считался как бы решенным в утвердительном смысле».

Препятствием к назначению торгов стало не отсутствие санкции Государственного совета, а невозможность оценки заводских лесов из-за того, что, как оказалось, формального отвода этих лесов до сих пор не было проведено. В 1874 г. наместник распорядился как можно скорее совершить отвод разрешенных Министерством финансов 21 770 дес. земли, но начальство Терской области «затруднилось» выполнить это поручение, уверяя, что в таком случае «остались бы без лесов многие аулы и станицы». Только в 1880 г. партия лесных и межевых чиновников приступила «к лесотаксационным изысканиям»¹⁰⁹.

Между тем в Министерство государственных имуществ и в Главное управление наместника стали поступать заявки на покупку завода от частных предпринимателей. В марте и апреле 1880 г. были получены прошения от коллежского секретаря Николая Кабата, заявлявшего «о желании своем приобрести в собственность через покупку казенный Алагирский завод». При этом он предлагал уплатить 175 тыс. руб. «за завод с рудниками, лесами, заводской землей и недвижимым инвентарем». В ответ Главное управление уведомило просителя о том, что «продажу завода предложено провести с публичных торгов, применяясь к Правилам 1871 г., и что по утверждению надлежащей властью составляемых для сего кондиций они будут своевременно опубликованы в установленном для того порядке». Видимо, столь строгое уведомление отбило у коллежского секретаря охоту бороться за горный завод.

Но подобный же ответ местных властей не испугал другого претендента, объявившегося еще в феврале 1880 г. Прошение в Главное управление наместника подал

отставной гвардии ротмистр барон Альберт фон Гейкинг. Когда и ему было отказано в передаче завода без торгов, он в мае снова «вошел с прошением», в котором предложил продать ему завод с рудниками, но без предполагаемых к отводу лесов, которые преувеличенно оценивал чуть ли не в 1 млн руб. Он писал, что такое обширное «лесное хозяйство может стать более выгодным для покупателя завода, чем горнопромышленное дело, на которое он будет смотреть как на совершенно побочное». Скорее всего, таким путем предприимчивый барон хотел ускорить продажу и снизить цену завода, рассчитывая приобретать топливо «с преимущественным правом из казенных лесов, где будет ему угодно и в каком количестве найдет нужным». Для этой же цели он предлагал не включать в оценку находившиеся на заводе оборонительные сооружения, которые после «замирения Кавказа» оказались ненужными, причем многие уже разрушились и могли продаваться лишь на слом. «Насколько вообще известно, — демонстрировал проситель свою осведомленность, — Алагирский завод большую часть времени своего существования действовал при отсутствии больших запасов руд... и вскоре после основания должен был приостановиться на некоторое время с целью приискания бóльших и лучших запасов руд». Этот экскурс в историю потребовался барону для того, чтобы попросить уступить ему Садонское месторождение, «которое еще недостаточно разработано вглубь и характер которого еще не выяснен», не за единовременную плату, а «за подать, процент которой увеличивался бы по мере добычи металлов из руд». Еще одним его условием стало разрешение выплавлять другие металлы, которые могли обнаружиться в садонских рудах¹¹⁰.

Рассмотреть эти предложения поручили бывшему управляющему Алагирского завода С. И. Щастливцеву, который, назвав само прошение «наполненным не идущими к делу рассуждениями и неверно изложенными фактами о лесах, лесных материалах, рудниках и заводском хозяйстве», не нашел в нем главного — «намек на цену», а потому и не счел возможным рассматривать его «препятствием к продаже завода с торгов на общих для прочих основаниях».

Новое прошение А. фон Гейкинга поступило в Главное управление наместника в июне 1880 г. Он отказывался от вызвавшего сомнения местного горного начальства «преимущественного права» покупать топливо, «вполне будучи уверен, что нужное для заводского дела небольшое количество горючего материала он весьма легко может получить из того огромного количества лесов, которые находятся вокруг Алагира, лишь бы его предложение было как можно скорее удостоено рассмотрения и разрешения, т. к. для людей деловых и для капиталов время имеет значение наивысшей важности». Когда суть дела была доведена до бывшего тогда временно наместником князя Л. И. Меликова, он счел более целесообразным, основываясь на предложениях барона, все-таки проводить торги, но «в двояком виде: с условием продажи леса и без оной», и поручил сообщить об этом министру государственных имуществ.

М. Н. Островский «разделил мнение» князя о необходимости «скорейшей продажи с торгов Алагирского завода, приносящего казне почти постоянные убытки». Согласился он и с отчуждением завода в частные руки вместе с Садонским рудником, что могло способствовать успеху торгов, и даже счел возможной его продажу без лесов и без обязательства казны обеспечивать завод топливом. Министр поддержал и мнение А. фон Гейкинга о том, что следовало в цену рудника внести лишь стоимость его устройств, а «в вознаграждение за самые ископаемые обязать покупателя платежом известной поудной платы с добытого минерала или с выплавленного из него металла».

Эту подать он не рекомендовал «определять конкуренцией на торгах», учитывая уже известный ему опыт, когда покупатели предлагали «слишком большую плату, при которой выгодная разработка рудника оказывалась возможной только при условии ограничения ее самыми богатыми и доступными частями месторождения, т. е. хищническим ведением работ, крайне вредным в горном деле». «Предметом состязания на торгах, — советовал министр, — должен стать лишь размер суммы, платимой за оцененные земли, постройки, сооружения и машины с тем, чтобы она, конечно, не была ниже оценки». Уплату же «покупной суммы», по его мнению, можно было рассрочить на пять или шесть лет «с обеспечением залогом»¹¹¹.

Управление горной частью на Кавказе восприняло рекомендации М. Н. Островского как руководство к действию и создало оценочную комиссию во главе с заведующим управлением горным инженером А. И. Валбергом. Судя по протоколу заседания, «открыв свои занятия 12 июня 1882 г., комиссия прежде всего приступила к собиранию справок и сведений» и выяснила, что еще в конце 1840-х гг. «для устройства завода» казна приобрела у окрестных аулов 4115 дес. земли, из которых после отрезок осталось 1210 дес. «в четырех отдельных участках». Но к снабжавшему завод сырьем Садонскому руднику своевременно не было сделано отвода, а значит, отсутствовали доказательства права казны на владение им. Поэтому комиссия вынуждена была заняться не только составлением описи и оценкой имущества, но и решением выявившихся проблем, что затянуло ее работу на целый год. Составленный к июню 1883 г. проект условий устанавливал цену завода и рудника без лесов в 129 651 руб.; шестую часть этой суммы предлагалось уплатить «при утверждении торгов», а остаток рассрочивался на шесть лет «равными частями» и обеспечивался денежным залогом в размере ежегодного платежа. Видимо, этот проект не успели еще утвердить, как изменилось отношение к важному условию продажи, вроде бы согласованному и с министром, и с потенциальным покупателем. «За нахождением завода в весьма дальнем расстоянии от месторождений каменного угля, — отмечалось в одной из справок, — комиссия положительно признала действие завода без лесных материалов невозможным и включила в проект обязательство правительства производить отпуск леса, т. к. лесов, принадлежавших частным владельцам, в окрестностях завода не имеется». Но для этого требовалось завершить отвод более 20 тыс. дес., приостановленный ввиду разрешенной продажи завода без лесов, что могло вызвать многочисленные земельные споры¹¹².

Как выясняется, тогда изменилось не только мнение местного горного начальства, но и позиция по отношению к Алагирскому заводу министра М. Н. Островского, посетившего Кавказ летом 1883 г. В своем докладе он отметил, что «ввиду последовавшего улучшения в деятельности Алагирского завода было бы в интересах казны и заводского дела более осторожным приостановиться продажей сего завода». «Вследствие этого дело о продаже считается остановленным», — констатировали в Горном департаменте¹¹³.

Но если продажа казенного имущества признавалась М. Н. Островским «неосторожным» действием, то совсем не исключалась возможность передачи его в аренду частным предпринимателям. О развитии дальнейших событий в отношении кавказского завода предоставляет информацию прошение, поданное министру государственных имуществ в феврале 1888 г. двумя генерал-майорами Терского казачьего войска И. И. Сафоновым и Паниным. «На днях в газетах был напечатан слух, что иностранцы,

прибывшие в Тифлис, имеют намерение взять Алагирский завод в арендное содержание, — свидетельствовали обеспокоенные этим известием местные патриоты. — Многие источники отечественного хозяйства перешли уже в посторонние руки и служат обогащению иностранцев в ущерб наших интересов, и потому мы, соседи завода, жители Терской области, не желая, чтобы на наших глазах могло погибнуть производство горной промышленности, начатое русскими трудами и на отечественные средства, решились обратиться к Вашему высокопревосходительству с предложением в случае, если слух... окажется верным, иметь нас в виду для конкуренции с иностранными соискателями этого дела». «От рождения знакомые с краем, — раскрывали генерал-майоры свои планы, — мы надеемся образовать товарищество в России для эксплуатации этого, пока не богатого, но давно уже начатого русскими руками горного производства». В Министерстве объявили «о допущении просителей к конкуренции в случае отдачи в аренду Алагирского завода», но не подтвердили слухов об иностранцах¹¹⁴. Последствий эта просьба не имела.

Следующий эпизод истории отчуждения Алагирского завода в частные руки был связан с именем нового претендента — лейтенанта запаса Черноморского флота Н. В. Фильковича, тоже пожелавшего стать горным предпринимателем. В своем прошении на имя М. Н. Островского, поданном в январе 1891 г., он сообщал о том, что открыл в районе Хевсурии рудное месторождение, «представлявшее из себя соединение сурьмяного блеска со свинцовым», и желал бы, «не строя завода, сплавлять и обжигать руды» для получения нужных государству сурьмы и свинца на близлежащем казенном заводе. «Прошу объявить, могу ли я купить или взять в арендное содержание Алагирский завод с принадлежавшим ему Садонским рудником на условиях, которые я буду иметь честь изложить по получению ответа о согласии Министерства в принципе в этом вопросе», — заключил он свое прошение.

Директор Горного департамента Н. А. Кулибин известил министра государственных имуществ, что Алагирский завод в настоящее время действует довольно успешно: по смете на 1891 г. он должен был выплавить 33 пуд. 10 фунт. серебра и 8613 пуд. свинца и получить около 10 тыс. руб., или 12% прибыли. Кроме того, в связи с реформой монетной системы в Северо-Американских Соединенных Штатах и с увеличением спроса на серебро планировалось повысить производительность завода, о чем просило Министерство финансов, заинтересованное в экспорте драгоценного металла. Опираясь на эти сведения, М. Н. Островский отказал тогда Н. В. Фильковичу в его ходатайстве.

Но вскоре от лейтенанта запаса поступило новое прошение, в котором он сообщал о своем желании «проплавить» на единственном в той местности Алагирском заводе 5 тыс. пуд. серебряно-свинцовой руды из месторождения, заявленного им в Тифлиской губернии, близ селения Ахиели, «для практического определения содержания металлов в руде». Когда такое разрешение было дано в марте 1891 г., оказалось, что Н. В. Филькович «еще не имел достаточного количества руды для опытной плавки». Вследствие этого переписка была прекращена «до нового с его стороны заявления»¹¹⁵.

Тем не менее, настойчивость Н. В. Фильковича сумела преодолеть бюрократические препоны. В том же 1891 г. он все-таки заключил контракт на использование рудничных отвалов, а в 1895 г. добился долгосрочной аренды и Садонского рудника, и Алагирского завода с Цейскокассарской лесной дачей. Перемена отношения властей к передаче этого предприятия в частные руки произошла в связи с изменившейся конъюнктурой рынка.

Поясняя мотивы заключенной сделки, чиновники Горного департамента упоминали о том, что из-за последовавшего в 1893 г. значительного понижения цен на серебро и свинец выплавка их на заводе «оказалась для казны крайне невыгодной», между тем как «предложенные Фильковичем условия, обеспечивая получение известного дохода... в то же время устраняли необходимость совершенного прекращения работ на Алагирском заводе, что повлекло бы за собой разорение не только рабочих... но и всего окрестного населения»¹¹⁶. Не снятое с обсуждения предложение предприимчивого лейтенанта запаса послужило основанием для назначения торгов. По положению Комитета министров от 13 января 1895 г., был «сделан вызов посредством объявлений в столичных и местных газетах лиц, желающих взять завод в аренду на выработанных Горным советом и одобренных Комитетом министров условиях». «В видах достижения наиболее выгодных для казны условий относительно размеров арендной платы за выплавляемые серебро и свинец и добываемые серебряно-цинковую и цинковую руды» министру земледелия и государственных имуществ предлагалось «провести состязание, допустив к оному тех из числа заявивших наиболее выгодные условия лиц, которые будут признаны... заслуживающими более доверия», а из их числа уже сделать «окончательный выбор арендатора». Эти торги и выиграл Н. В. Филькович, скорее всего оказавшийся единственным претендентом на аренду казенного завода.

По контракту, заключенному 20 июня 1895 г., Н. В. Филькович становился арендатором сроком на 60 лет (до 17 июня 1955 г.) с ежегодной арендной платой в первые три года не менее 14 тыс. руб., в последующие — по 42 тыс. руб. Кроме того, он должен был платить с каждого пуда выплавленного свинца по 20 коп., а с пуда химически чистого серебра — по 100 руб. За обнаруженную цинковую руду следовало уплачивать по 8 коп. с пуда («безразлично, будет ли арендатор продавать последнюю или обрабатывать собственными средствами»). В случае продажи серебряно-цинковой руды другим лицам он должен был отдавать в казну по 24 коп. с каждого пуда руды¹¹⁷.

Необходимость соблюдения довольно рискованных условий договора заставила Н. В. Фильковича искать компаньонов, которых он нашел в лице бельгийских предпринимателей (встречаются упоминания о том, что лейтенант запаса и появился на Кавказе как представитель бельгийского капитала). Уже в апреле 1896 г. правительство разрешило учредить российско-бельгийское акционерное Горнопромышленное и химическое общество «Алагир» с уставным капиталом в 4,5 млн руб. Передача имущества произошла 12 марта 1897 г. на условиях, заключенных Н. В. Фильковичем с казной. То, чего опасались патриотически настроенные «местные жители» в 1888 г., все-таки случилось: «иностранным капиталистам» принадлежало 75% акций нового Общества. Сам же лейтенант запаса стал его директором-распорядителем.

Однако, как свидетельствовали чиновники Горного департамента, «Общество, приняв в свое ведение Алагирский завод, нашло, что существующие заводские устройства и приспособления устарели и далеко не соответствуют современным требованиям правильной постановки горнозаводского дела и что такое состояние завода является весьма серьезным препятствием к предположенному Обществом значительному расширению Садонского месторождения». «Алагир» планировал для эксплуатации рудника построить новую обогатительную фабрику в удобном месте на реке Ардон и соединить ее с рудником воздушной «проволочной дорогой», а «для колесного сообщения» расширить действующую дорогу вдоль реки Садон, заключив

последнюю в трубу до слияния с Ардоном с целью предотвращения размыва дороги. Предполагалось также установить у фабрики турбины для выработки электрической энергии.

«Как предприятие кустарное, удаленное от промышленных центров, не имевшее железнодорожной связи и нерентабельное», Алагирский завод был закрыт 1 июня 1897 г. Директор Горного департамента Н. А. Денисов не препятствовал этому шагу арендатора, поскольку считал остановку завода временной, вызванной намерением Общества «расширить его действие в будущем». К тому же по условиям договора арендная плата должна была вноситься независимо от того, «находился завод в действии или нет», а значит, его закрытие не наносило ущерба казне¹¹⁸.

Получив санкцию властей, Общество «Алагир» в декабре 1897 г. заключило нотариально заверенный договор с жителями селения Нузал на аренду земли на месте будущей фабрики и приступило к подготовительным работам. Однако сразу несколько обстоятельств существенно затруднило реализацию его далеко идущих планов. Как сообщал Н. В. Филькович, жители соседнего селения Мизур «силой воспрепятствовали работам и, явившись вооруженными в количестве до 150 чел., разнесли бараки и захватили строительные материалы, инструменты и вещи рабочих, грозя прибить всякого, кто будет продолжать работы». Поводом к беспорядкам послужило то, что «мизурцы считали землю, сданную в аренду нузалцами, своей собственной» и желали перезаключить договор. «Ведя бесконечные споры между собой о праве пользования землями», местные жители, по свидетельству директора-распорядителя, «явно недоброжелательно расположены к Обществу и имеют наклонность хотя бы силой отстаивать свои действительные или мнимые права... при отсутствии на месте сильной полицейской власти». «После завоевания Кавказа силой оружия в настоящее время идет повсюду работа пионеров промышленности, закрепляющих это завоевание развитием труда и экономического благосостояния и тем самым способствующих умиротворению края и обращению местного, отчасти дикого еще, горского населения в мирных труженников на почве разработки естественных богатств этого края. Общество „Алагир“, являясь одним из таких пионеров в наименее культурной части Горной Осетии, по всей справедливости может считаться общепользным хотя бы для данного края предприятием», — убеждал Н. В. Филькович местное начальство, требуя отселить «буйных горцев» с казенных земель.

Отказали в аренде участков вдоль дороги и жители селения Садон. Сначала они «не изъявили согласия на предложенные им условия», а затем заключили договор с Товариществом «Кавказская ртуть», предоставивший право пользования водой реки Садон и близлежащими землями для разведки полезных ископаемых. Переговоры между двумя компаниями не привели к соглашению, что грозило «парализовать всякую деятельность „Алагира“» и к тому же, по мнению Н. В. Фильковича, не соответствовало действующему законодательству о праве первенства на получение рудничного отвода, которое он оставлял за собой, поскольку еще в 1891 г. «делал заявки по всему Садонскому ущелью»¹¹⁹.

В августе 1898 г. Горный департамент командировал в Алагир помощника окружного инженера Г. И. Иващенко «для расследования недоразумений между Обществом и местными жителями». Однако тот «не смог точно определить, кому принадлежат земли», и даже счел, что «Общество отчасти само способствовало возникновению беспорядков, т. к. не обратило своевременно должного внимания... и не приняло меры

к разрешению вопроса при помощи местной администрации». Ни горные, ни гражданские власти так, видимо, и не сумели помочь в этом запутанном деле, решение которого осталось за самими предпринимателями. В январе 1900 г. один из директоров Общества «Алагир» инженер Дор уведомил Горный департамент о том, что «постройка зданий на заарендованном у нузальцев участке уже производится без всякого помешательства со стороны окрестных жителей», а права Товарищества «Кавказская ртуть» перешли к Терскому горнопромышленному обществу, которое «не препятствует Обществу „Алагир“ пользоваться землей Садонского ущелья»¹²⁰.

Остановленные работы были продолжены. По свидетельству исследователей, бельгийские предприниматели, вложив свои капиталы в выгодное дело, осуществили то, чего так долго не делала казна: провели геологоразведочные работы, переоборудовали Садонский рудник, построили обогатительную фабрику, расширили сеть дорог, но при этом не стали модернизировать сам Алагирский завод. Вместо него Обществом «Алагир» во Владикавказе в 1901 г. был построен новый цинкоплавильный завод¹²¹. Видимо, в связи с этим в том же году в устав Общества были внесены некоторые изменения, в частности касающиеся количества директоров и увеличения уставного капитала на 1,5 млн руб.¹²² В 1913 г. «вовсе не нужные для целей горного ведомства», но все еще находившиеся в аренде земли бывшего казенного завода Горный департамент предложил передать в ведение Ставропольско-Терского управления земледелия и государственных имуществ, а неиспользовавшиеся заводские здания — «тюремному ведомству под тюремное помещение»¹²³.

Холуницкий округ

В начале XX в. горное ведомство вынужденно оказалось владельцем еще одного горнозаводского округа на Урале. Холуницкие заводы располагались в Вятской губернии и с 1898 г. принадлежали И. А. Поклевскому-Козелл, младшему сыну знаменитого «водочного короля» Урала А. Ф. Поклевского-Козелл¹²⁴. После признания его в 1902 г. «несостоятельным должником» заводы перешли в конкурсное управление, затянувшееся на восемь лет, пока наконец на торгах, организованных в сентябре 1910 г., казна из-за отсутствия покупателей не «оставила их за собой за сумму казенных претензий» (см. разд. 3 гл. III). Судьба новых казенных заводов решалась непросто.

Санкт-Петербургский окружной суд 7 мая 1911 г. утвердил результаты торгов и «укрепил» Холуницкий округ за новым владельцем в лице Министерства торговли и промышленности. Процедура получения «владенного акта» и передачи имущества затянулась до 15 марта 1914 г. в связи с необходимостью перевода вятскому земству накопленного долга в 1 млн руб. Все это время предприятия бездействовали, что вызвало жалобы оказавшегося без работы заводского населения.

В июне 1914 г. в Министерство торговли и промышленности поступило прошение доверенного от рабочих П. А. Захваткина «о возобновлении заводского действия хотя бы чрез частного благонадежного арендатора». Кандидаты на эту роль имелись у Министерства с 1909 г., когда оно получило предложения взять заводы в аренду «от господ Фармаковского, Матвеева и других». В сентябре 1913 г. в перечне предполагаемых арендаторов значились член Государственного совета В. А. Бутлеров, годом ранее приобретший Кажимские заводы у наследников Д. Е. Бенардаки; управляющий Омутнинским округом инженер Р. Я. Гартван и управляющий делами синдиката «Кровля» С. П. Фармаковский. В марте 1914 г. к ним присоединились полковник

лейб-гвардии Кавалергардского полка А. П. Родзянко, а также вятское губернское земство, которое, получив крупный долг и располагая необходимыми средствами, обещало на льготных условиях перепрофилировать заводы на изготовление сельскохозяйственных машин и орудий. В ноябре 1914 г. заявку подал крупный банкир, владелец Ревдинских заводов П. Г. Солодовников. Именно на его кандидатуре настаивали рабочие в своем новом прошении, поступившем в Министерство торговли и промышленности в марте 1915 г.

В первых строках прошения рабочих тот же поверенный П. А. Захваткин извещал о том, что «население ждет, что заводы будут пущены в действие, и никак не дождется». Напоминая о состоявшихся еще в 1910 г. встречах представителей рабочих с министерскими чиновниками, он уверял, что рабочим уже тогда предлагали «пригласить какого-либо капиталиста и, как на пример, указывали на князя Львова (С. Е. Львов, владелец Пожевских заводов. — *Е. Н.*), которому обещали сделать всевозможные льготы, если он возобновит действие всего округа, но, к сожалению, ввиду крупной задолженности заводов и затяжки судебного процесса сделать этого не пришлось». «В настоящее время... — сообщал П. А. Захваткин, — на взятие в аренду претендует довольно крупный предприниматель, московский капиталист Солодовников, подобный тому же князю Львову. С нашей стороны нет сомнения, что г-н Солодовников может и действительно сумеет оборудовать заводы по-современному и поставить производство Холуницкого горного округа на более прочных и хороших началах... Насколько нам известно, г-н Солодовников, назад тому год купивший на Урале Ревдинский округ, дело ставит именно на хороших и широких началах. И мы полагаем, что при взятии в аренду округа производство сельскохозяйственных машин и орудий само по себе может осуществиться совместно с земством»¹²⁵.

Решить судьбу новых казенных заводов и заводского населения было призвано особое межведомственное совещание «по вопросу о дальнейшем назначении Холуницкого горного округа», проводившееся при Министерстве торговли и промышленности еще в конце 1913 г. Обсуждение началось с вопроса о перспективах возобновления металлургического производства. Основываясь на данных, сообщенных представителями горного ведомства, участники совещания заключили, что «производство железа в этом округе, состоявшем из пяти заводов и лесной дачи около 200 тыс. дес., за последние восемь лет являлось убыточным и себестоимость железа далеко превышала продажную стоимость его, что объясняется чрезвычайной устарелостью как прокатных устройств заводов, так и применяемых на них металлургических процессов (кричный — для листового и пудлинговый — для сортового железа), так что для восстановления в округе железоделательного производства потребовалось бы построить совершенно новые заводы, более приспособленные в техническом отношении». «Несколько в иных условиях находится на заводах выплавка чугуна, — констатировали участники совещания. — Имеющиеся на них домны по своей работе давали в прошлом довольно благоприятные технические результаты, и цеховая стоимость чугуна за те же восемь последних лет колебалась от 39 до 41 коп. за пуд. Однако широкому развитию чугуноплавильного производства в округе мешает бедное процентное содержание металла в рудах, а равно гнездовой и требующий подземной разработки характер их залегания».

Основываясь на этих наблюдениях, участники совещания пришли к выводу о том, что «под восстановлением металлургического действия заводов округа

следует главным образом подразумевать выплавку чугуна». Вместе с тем они решительно отказались от мысли восстановить заводы средствами казны «ввиду необходимости для этого крупных затрат... а равно и того обстоятельства, что в местном населении в случае сего могло бы возникнуть предположение, что казна вновь организует для них восполнение на благотворительных началах, как в прошлые годы». Кроме того, Холуницкие заводы «не имели никакого отношения к изготовлению предметов государственной обороны», что считалось главным назначением всех казенных заводов.

В результате согласований совещание признало, что «одним из наиболее соответственных способов эксплуатации богатств названного округа является отдача заводов в аренду посторонним лицам». Но при изучении поступивших в Горный департамент прошений об аренде обнаружилось, что «главным предметом их являлось не ходатайство о предоставлении права восстановления металлургического действия заводов, а право эксплуатации лесной дачи округа для продажи лесной массы на сторону». Участники совещания единогласно заключили, что арендатору «можно было бы разрешить продавать лишь избыток лесной массы, остающийся после пользования лесом для металлургических целей», поскольку «при неблагоприятных существующих в округе условиях в отношении руды вряд ли можно было ожидать появления арендатора без изъясненной меры». Однако предоставление этой льготы должно было сопровождаться «тем неперемennым условием, чтобы вся лесная дача находилась в казенном управлении, дабы не допускать хищнического хозяйничанья в лесах округа, и только в том случае, если бы льгота по отпуску леса вызывалась действительными интересами горного дела». Был обсужден и вопрос о порядке сдачи заводов в аренду. Совещание постановило делать это «не посредством торгов, а путем соревнования с учетом личности и благонадежности арендатора»¹²⁶.

Основываясь на заключениях этого совещания, в марте 1914 г., когда Холуницкий округ утвердили за казной, Совет министров постановил «передать его в арендное пользование по соревнованию на срок 24 года» и определил минимальный объем восстановленного производства — 720 тыс. пуд. чугуна в год. Вероятно, эти условия и оттолкнули большинство претендентов. К тому же вскоре Россия вступила в войну с Германией, что привело к ужесточению условий аренды. В Горном департаменте тогда решили «возложить на будущего контрагента обязательства выплавки более высокого минимума, а именно 2 млн пуд. чугуна ежегодно, и совершенного недопущения продажи на сторону дровяной массы». Из частных предпринимателей на эти условия соглашался лишь П. Г. Солодовников, на кандидатуре которого в качестве арендатора, как уже упоминалось, и настаивали заводские рабочие.

В ноябре 1914 г. П. Г. Солодовников направил министру С. И. Тимашеву прошение, в котором изложил свой план. «Сейчас... особенно резко выразилась нужда военного, а особенно морского, ведомства в инструментальной и вообще высоких сортах хромо- и просто никелевой стали, — писал он. — Принадлежащий мне Ревдинский горнозаводский округ имеет большие запасы никеля. Данные разведок по сему вопросу профессоров Карпинского и Никитина, а равно разведки, результаты коих видел на месте представитель Морского министерства... дают мне возможность приступить в скором времени к выплавке ферроникеля, на поставку которого я заключаю договор с морским ведомством. Обладая же единственным в России месторождением никеля, я имею возможность доставить его в Холуницкий округ, где ввиду

нахождения в оном горного и заводского населения буду иметь возможность выделять разные сорта стали и стальных отливок высшего качества, причем в передел пойдет чугуна, имеющий выплавляться в Холуницком округе, и таким образом, несмотря на его сравнительно большую цену, он может быть вполне использован с выгодой, также могут быть эксплуатируемы и доменные газы. Кроме того, ввиду недостатка в принадлежащем мне Ревдинском округе горючего я получу возможность вести передел ревдинского чугуна в Холуницком округе, и наоборот, в случае получения кокса на Урале из Кузнецкого района я мог бы переделывать в Ревде слитки из холуницкого чугуна. Вышеуказанная связь двух округов дала бы мне возможность поставить и развить большое и крайне необходимое для русской промышленности и обороны дело». Вскоре поступило второе прошение, в котором П. Г. Солодовников извещал министра о том, что в течение ближайших двух-трех лет он мог бы инвестировать 1 млн руб. на переоборудование округа «под получение заказа на изготовление снарядов», в частности построить мартеновскую печь и прокатный стан, для чего уже внес залог в 125 тыс. руб.¹²⁷

Однако у этого претендента оказался сильный конкурент в лице вятского губернского земства, за которое хлопотал вятский губернатор А. Г. Чернявский; к земству в конце концов прониклись симпатией и заводские рабочие. Тот же поверенный П. А. Захваткин летом 1915 г. уже настаивал на передаче земству Холуницкого округа, «не разделяя его на отдельные части». Вероятно, правительство отдало предпочтение земству в первую очередь из-за его поддержки Вятским губернским военно-промышленным комитетом, о чем в августе 1915 г. уведомил Министерство торговли и промышленности тот же губернатор. «Ходатайство земства, — писал он, — поддерживается военно-промышленным комитетом, который, имея в виду недостаток чугуна на заводах Омутнинского горного округа, взявших на себя значительный подряд по выделке снарядной стали для артиллерийского ведомства, признал возможным пополнение означенного недостатка путем открытия действия остановленных чугуноплавильных заводов смежного Холуницкого округа с тем, чтобы последние были сданы для этой цели в аренду вятскому губернскому земству». Основываясь на этих ходатайствах, председатель губернской земской управы П. И. Паньков настаивал на передаче заводов земству «в ускоренном порядке без соревнования для обслуживания нужд военного времени, а в дальнейшем для использования их земством совместно с Министерством земледелия с целью устройства заводов сельскохозяйственных машин».

Земство предлагало следующие условия передачи округа: арендную плату установить в размере 1½ коп. за пуд чугуна и «попенный сбор» за лес на дрова — по 1 руб. за куб. сажень. «Заводы, — обещало земство, — будут пускаться в ход по мере обеспечения их рабочей и конной силой... и выплавка чугуна будет восстанавливаться... в пределах возможности и имеющихся денежных средств, стремясь довести производство на первый же год до 400 тыс. пуд.». В этих целях земство обещало ассигновать 300 тыс. руб.

Совет министров, рассмотрев вопрос об аренде Холуницкого округа на заседании 17 октября 1915 г., принял эти условия вятского земства и утвердил «временную аренду в целях возобновления выплавки чугуна на Холуницких заводах для удовлетворения потребностей, вызванных военным временем... с тем, чтобы эти условия по окончании войны подвергнуты были пересмотру в соответствии с намеченной земством в будущем организацией сельскохозяйственного машиностроения». Не дожидаясь

заключения договора, министр торговли и промышленности В. Н. Шаховской поручил заводууправлению передать земству сначала один из заводов округа — Климковский — с запасами материалов «для безотлагательного приступа земства к возобновлению заводского действия»¹²⁸.

Передача заводов арендатору началась в январе 1916 г., но лишь в июле 1917 г. уполномоченный от казны по охране имущества Холуницкого округа А. И. Елькин известил Горный департамент о том, что полностью сдал «материалы и имущество» под расписку представителей земства. По некоторым данным, выплавку чугуна возобновили уже в 1916 г. на Климковском заводе, но в объеме всего лишь 42,6 тыс. пуд. В 1917 г. выплавляли 149,4 тыс. пуд. чугуна, что далеко не соответствовало заявленным земством объемам. Холуницкий округ был национализирован 6 марта 1918 г.¹²⁹

Состоявшиеся продажи заводов

Богословский округ

Горное ведомство, наряду с явными неудачами, смогло осуществить несколько продаж казенных горных заводов. Первой состоялась продажа Богословского округа, привлекшего внимание предпринимателей еще в начале 1860-х гг.

В ноябре 1860 г. о желании приобрести округ заявил уржумский (вятский) купец первой гильдии Н. Д. Лохвицкий (живший в Санкт-Петербурге по Никольской ул., 1, в доме барона Фиттингофа) в составе компании «из немногих привлеченных им лиц». В своем прошении на имя министра финансов А. М. Княжевича купец сообщал о том, что для этой цели уже готов капитал в 500 тыс. руб., который не может «лежать непроизводительно» долгое время. В повторном прошении в марте 1861 г. он настаивал на продаже округа без торгов, опасаясь того, что в противном случае «проволочки времени» не позволят компании сохранить собранные деньги. «Если же представленный мною проект удостоен будет Вашего утверждения без производства публичных торгов, — обещал проситель министру, — то я и компания моя изъявляем готовность принять заводы с уплатой за здания, машины и прочую заводскую движимость по оценке и вносить казне по 15 % от выработанных металлов».

В приложенной к делу безымянной докладной записке приводились доводы в пользу такой продажи, сравнимой с переходом казенного округа в посессионное владение. Убедившись в том, что «промышленные и фабричные предприятия достигают должного развития только в руках частных деятелей», правительство, по подсчетам автора записки, избавилось бы в случае продажи от затраты 300 тыс. руб. оборотного капитала и получило бы до 127 тыс. руб. податей. Однако директор Горного департамента А. Р. Гернгросс, которому пришлось отвечать на прошение Н. Д. Лохвицкого, вынужден был отказать ему, поскольку, по действующему законодательству, продажа казенного имущества допускалась лишь с торгов, на что не соглашался предприниматель¹³⁰.

В мае 1868 г., уже в ходе подготовки в Податной комиссии проекта Правил о продаже казенных горных заводов, с аналогичной просьбой обратились к М. Х. Рейтерну бывший управляющий Нижнетагильского округа И. И. Вольстет и представитель известной семьи писчебумажных фабрикантов кандидат минералогии Дерптского университета И. П. Печаткин (просители указали свой адрес в Санкт-Петербурге — угол ул. Торговой и Большой Мастерской, в доме Печаткиной, кв. 4). «Опытность и знакомство с делом, приобретенные нами при управлении большими уральскими заводскими

округами (господ Демидовых и Яковлевых), — объясняли предприниматели, — мы надеемся, заслужат необходимое доверие Вашего высокопревосходительства и могут быть ручательством в основательности нашего предложения». Оно заключалось в продаже им Богословского округа «на правах полной собственности» за цену, которую они вычислили «из доходов, ожидаемых от меди и золота», и которая составила 637 560 руб., с рассрочкой уплаты в течение 37 лет «по банковским правилам» и под залог самого округа. «Чтобы одна отрасль промышленности не вредила другой», просители желали вместе с заводами и лесными дачами приобрести золотые рудники и за это дополнительно обещали платить по 734 руб. с каждого пуда добытого золота в продолжение тех же 37 лет. В случае неисправности платежей «по истечении шестимесячного льготного срока» округ возвращался в казну «без права требовать возвращения ни платежей, ни затраченного капитала». «Мы остановились на Богословском округе, — поясняли компаньоны свой выбор, — потому что он, представляя вполне самостоятельную единицу, вместе с тем стоит вне всякой зависимости от других казенных заводов, и отчуждение его не произведет поэтому ни малейшего расстройств в общем казенном хозяйстве. Кроме того, округ этот не выполняет никаких специальных нарядов для армии и флота и, занятый исключительно приготовлением штыковой меди и добычей шлихового золота, не имеет характера правительственного завода и скорее других заводов может сделаться торговым предприятием». Но и эти надежды не оправдались: просителям было отказано по причине незавершенности к тому времени работы Податной комиссии¹³¹.

Не осуществились и попытки нескольких предпринимателей приобрести Петропавловский медеплавильный завод Богословского округа. Интерес к нему в июле 1865 г. проявили потомственный почетный гражданин В. Г. Медведников и московский купец первой гильдии А. И. Кузнецов. «Занимаясь золотопромышленностью в Верхотурском уезде... и желая более развить это дело и вообще горную промышленность», эти предприниматели «нашли возможным для себя и выгодным для правительства и тамошнего края возобновить давно не действовавший Петропавловский казенный завод, отстоящий к северу от Богословского завода верстах в 60-ти». Они просили отмежевать к заводу лесную дачу и предоставить им право в течение 50 лет «отыскивать и добывать там всякого рода руды, металлы и минералы, производить рубку леса, жжение угля и мыть золото». «Мы, будущие заводчики, — обещали компаньоны, — обязуемся в течение десяти лет выстроить чугуноплавильный завод для производства не менее 200 тыс. пуд. чугуна с правом учредить железоделательные и медные заводы и золотые прииски».

Рассматривавший эту просьбу главный начальник уральских заводов А. А. Иосса отметил основную преграду на пути «отдельной продажи» Петропавловского завода — отсутствие приписанной к нему лесной дачи. Отвод же более 130 тыс. дес. земли от действовавшего Богословского завода мог воспрепятствовать запланированному тогда горным ведомством удвоению производительности этого предприятия. «Правительству не следует лишать себя необходимых запасов и пособий для предприятия развития здесь медного производства», — констатировал А. А. Иосса. «Перевозка отсюда чугуна и железа в Европейскую Россию будет слишком дорога и потому невозможна; для Сибири же такого количества чугуна и железа будет слишком много даже и через десять лет. Это заставляет думать, — полагал главный начальник, — что постройка чугунного завода есть только предлог, главная же цель — добыча золота,

которой они и будут пользоваться в течение десяти льготных лет с большой выгодой для себя, но без всякой пользы для казны». А. А. Иосса советовал отказать просителям «до того времени, как будет утвержден новый Горный устав и определены будут на основании его излишки земли, для разработки которых, без сомнения, явятся и другие лица на условиях более выгодных». «Ничто не мешает им заняться разведками руд в соседней Вагранской даче и приступить к постройке там завода», — заключал он. Опираясь на это мнение, М. Х. Рейтерн в феврале 1866 г. объявил просителям об отказе.

Но через год, в январе 1867 г., в Министерство финансов было подано новое прошение теми же предпринимателями, утверждавшими, что их «золотопромышленное дело» не могло развиваться далее столь же успешно «без окончательного вырешения возбужденного вопроса об арендовании Петропавловского завода». «Разрешение нам возобновить завод и на чугунолитейное и железоделательное производство с правом добычи на свободных местах приграниченной к оному дачи золота и развитие впоследствии медеплавильного производства при громадном изобилии в этой местности лесов, в особенности горелых, напрасно от времени гниющих, и не сокращая настоящего медного и золотого дела в округе Богословского завода, кроме очевидной пользы для казны и правительства и в особенности для оживления края, не принесет ни малейших никому убытков», — настаивали В. Г. Медведников и А. И. Кузнецов. Они соглашались с тем, что провоз чугуна представляет «некоторое затруднение», но это обстоятельство, по их мнению, компенсировалось «возросшей потребностью в чугуне на других заводах». «Мы готовы принять приграничную дачу в уменьшенном количестве по назначению Уральского горного правления, — сообщали просители, — с включением в нее участка по речке Вагран для устройства пристани для сплава продукции в Восточную и Западную Сибирь».

Виды на желанную московскими золотопромышленниками территорию с Петропавловским заводом имели и другие предприниматели. Так, верхотурский купец первой гильдии Н. Т. Ислентьев просил Горный департамент о позволении купить ее в собственность «прямо для добычи золота», а некое Товарищество содового производства ходатайствовало о получении дачи «во временное пользование для добычи колчедана и золота». Это, по мнению вновь отвечавшего просителям А. А. Иоссы, свидетельствовало о том, что дача «обещает значительные выгоды» именно от разработки золотых россыпей, и еще раз доказывало его прежнее предположение о том, что намерение развивать металлургическое производство только прикрывает главную цель ходатаев — добиться монопольного права на добычу золота в перспективной местности. В результате в ноябре 1867 г. всем этим предпринимателям было вновь отказано под предлогом неоконченной разработки общих правил продажи казенных заводов¹³².

Однако никакие вышеперечисленные причины не помешали властям все-таки совершить частную сделку по другой части Богословского округа, где находился еще один бездействующий Николае-Павдинский медеплавильный завод. Но для этого сложились особые условия. Еще по договору с Горным департаментом от 19 октября 1861 г. это предприятие с собственной лесной дачей в 78,2 тыс. дес., с 24 железными и 84 медными рудниками отдавалось в аренду специально созданному Николае-Павдинскому товариществу. Его участники (ярославский купец и почетный гражданин А. М. Пастухов, действительный статский советник М. П. Погодин, генерал-майор П. П. Ушаков

и горный инженер А. В. Вагнер) намеревались через пять лет восстановить предприятие, но с задачей не справились из-за отдаленности завода и неразвитости местной инфраструктуры. В прессе появлялись сообщения и о «непостижимом легкомыслии», с которым вели дело арендаторы¹³³.

Видимо, после смерти А. М. Пастухова, выступавшего инициатором дела, в 1864 г. эта компания распалась. Его сыновья-наследники, которым от отца досталось еще и участие во владении Омутнинским горнозаводским округом в Вятской губернии, попытались возобновить работы; им удалось в 1869 и 1870 гг. выплавить на заводе небольшое количество меди, но из-за нерентабельности производство было прекращено¹³⁴.

Один из братьев, И. А. Пастухов, в такой ситуации решился самостоятельно продолжить начатое дело. Видимо, после утверждения Правил 18 октября 1871 г. он обратился в Горный департамент с предложением о приобретении арендованного имени вместе с частью соседней Вагранской лесной дачи, намереваясь основать там чугуноплавильное и железоделательное производство. Департамент, не надеясь на успех торгов на это отдаленное, расположенное на севере Верхотурского уезда, и не приносящее дохода имущество, поспешил разработать особые условия превращения аренды во владение по договоренности с покупателем. По положению Комитета министров, утвержденному 29 мая 1872 г., каждая десятина уступалась казной за 75 коп. При совершении купчей И. А. Пастухов платил единовременным взносом $\frac{1}{6}$ часть общей суммы, остальная часть рассрочивалась на десять лет без взимания процентов. Он брал на себя обязательство в течение пяти лет устроить в границах приобретенных земель чугуноплавильный завод «в размере ежегодной выплавки не менее 240 тыс. пуд.». При неисполнении этого условия уплачивалась неустойка в размере единовременного взноса; ее взимание повторялось через каждые пять лет до тех пор, «пока завод в означенном размере не будет построен». При заключении сделки И. А. Пастухов отказывался от всяких претензий к казне по арендному контракту 1861 г. и соглашался с тем, что «все отведенные и заявленные частными лицами золотые прииски, месторождения металлов и минералов» в покупаемых им землях поступят в его собственность «не прежде, как по потере права на разработку их нынешними владельцами»¹³⁵. Предполагалось, что выплавленный чугун будет перерабатываться на восстановленном железоделательном Николае-Павдинском заводе. Таким образом, в Верхотурском крае должен был появиться новый частновладельческий горнозаводский округ.

Потребовалось почти три года для урегулирования вопроса о границах Николае-Павдинской и части Вагранской дач, прежде чем была заключена купчая крепость. В Екатеринбурге 22 августа 1875 г. ее подписали горный начальник Богословских заводов статский советник Н. В. Кузнецов (от Уральского горного правления) и коллежский регистратор Г. В. Буслов (по доверенности И. А. Пастухова). В купчей указывалось, что Николае-Павдинская дача Богословского горного округа передается в размере 77 510 дес. без установленных межевых столбов. Часть большой Вагранской дачи, занимавшей 887 347 дес. и находившейся в споре между Пермским управлением государственных имуществ и несколькими наследниками Строгановых, передавалась новому владельцу под названием Сухогорской. В течение двух лет он должен был «войти с прошением» об окончательном ее межевании. Общая площадь переходившей в собственность И. А. Пастухова земли составляла около 332 600 дес., что определило

и полную стоимость покупки в размере 249 450 руб., и первоначальный платеж, равный $\frac{1}{6}$ ее части, — 41 575 руб. Выплата остальных 207 875 руб. рассрочивалась на десять лет (по 20 787 руб. в год)¹³⁶.

Купчую утвердили 25 августа 1875 г., когда уже дал первый чугун возведенный в Вагранской даче Сухогорский доменный завод, действовавший за счет энергии пара. Завод был пущен 20 июня 1875 г.; по 16 мая 1876 г. на нем выплавляли 205 784 пуд. чугуна, а с 30 августа 1876 г. по 4 июня 1877 г. — еще 184 007 пуд. Затем производство было остановлено. Местный исправник в сентябре 1877 г. докладывал, что во время осмотра нового предприятия он не заметил там никаких работ «по наименованию руды, которой хотя и находилось много на площади, но она оказалась с серою или малопробной». «Видно, — констатировал исправник, — что владелец теперь только обратил внимание на розыски руд и на надлежащую разработку существующих рудников... При этих работах находится более 100 чел. На золотых приисках занимаются старатели, и золота с 1 января добыто до 32 фунтов». В Николае-Павдинском заводе дела обстояли тоже не блестяще. «В передельной фабрике ставят только на место два паровых котла и собирают паровую машину, рабочих при этом 6 чел., — сообщал исправник. — В этой фабрике ни печей и никаких горнов нет. Под одной же кровлей за стеной поставлено две вагранки и отражательная печь, но они находятся в разрушенном состоянии, рядом с фабрикой в деревянном здании устроены четыре кузнечных горна, на которых работают 7 чел.»

Выплавка чугуна на Сухогорском заводе возобновилась в октябре 1879 г. В последующие годы она колебалась в пределах 100–182 тыс. пуд. Одновременно сооружались сварочные и пудлинговые печи на Николае-Павдинском заводе, где в 1880–1881 гг. из сухогорского чугуна произвели 130 тыс. пуд. железа и 13,8 тыс. пуд. чугунного литья. Но в апреле — мае 1882 г. оба завода остановились, как сообщало заводоуправление, из-за «недостатка руд для проплавки»¹³⁷.

Очевидно, что доходов своему владельцу заводы не приносили. Тем не менее, он осуществлял ежегодные платежи по условиям купчей после напоминания горных властей. Вероятно, небольшой доход давала лишь золотодобыча. В 1886 г. истек срок платежей и десятилетней льготы по уплате податей. Горный департамент запросил сведения о «выполнении Пастуховым обязательств своих перед правительством». Главный начальник уральских заводов И. П. Иванов полагал, что «условие по заводу» нельзя было считать выполненным, поскольку предприятие так и не достигло установленной производительности в 240 тыс. пуд. чугуна в год, а об исполнении «условия по межеванию» он не имел сведений, т. к. этим занималось другое ведомство. Но в столице решили не усугублять ситуацию. «Норма в 240 тыс. пуд. относилась не к размеру обязательной выплавки чугуна, а к размеру завода, — разъяснял директор Горного департамента Н. А. Кулибин, — причем договор не имел в виду обязать Пастухова производить эту выплавку непременно в размере, не меньшем 240 тыс. пуд., хотя бы (как и было на деле) таковая оказалась, по свойствам руды, невыгодною».

Расчеты показали, что в первый год работы на Сухогорском заводе ежедневно в среднем выплавлялось по 662 пуд. чугуна, что равнялось годовой выплавке в 248 250 пуд. Поэтому Горный департамент полагал, что «означенное условие должно бы считаться Пастуховым выполненным». И. П. Иванов на полях полученного документа записал: «Значит, можно было построить доменную печь, способную давать в год 240 тыс. пуд. чугуна, и затем вовсе не пустить ее в действие, а между

тем воспользоваться купленными дачами для эксплуатации, совершенно чуждой целям продажи их правительством». Однако настаивать на том, что условие договора не выполнено, он, тем не менее, не стал. Второе условие о межевании дач, за что заводчик заплатил в казну 1570 руб., тоже оказалось выполненным. Когда все это наконец прояснилось, в июле 1889 г. запрещение на продажу было снято, что, видимо, устранило и препятствия в реализации созревшего у владельца решения продать имение¹³⁸.

Сначала в 1893 г. И. А. Пастухов сдал имение в аренду графине Е. Л. Игнатьевой. Став через два года владелицей Николае-Павдинского округа, графиня в 1898 г. продала его потомственному дворянину Ю. В. Попову. В 1902 г. имение вновь было продано астраханскому купцу К. П. Воробьеву уже за 2,1 млн руб., став, очевидно, предметом спекуляции. Новый владелец, как и все предыдущие, совсем не собирался возобновлять заводское производство, признанное нерентабельным еще при И. А. Пастухове. Но, в отличие от своих предшественников, К. П. Воробьев основательно занялся добычей золота и платины, построил Павдинскую узкоколейную железную дорогу, соединив ее с Богословской веткой Уральской дороги, основал крупные Лобвинский и Лялинский лесопильные заводы. В 1912 г. уже наследники купца учредили в Санкт-Петербурге Акционерное общество Николае-Павдинского горного округа с капиталом в 15 млн руб. Оно стало одним из крупнейших в лесообработывающей промышленности России. Из горнозаводских отраслей здесь развивалась только добыча золота и платины¹³⁹.

Следующий эпизод «раздробительной» приватизации Богословского округа касался другой его части, включавшей Богословский и Петропавловский заводы. В отличие от Николае-Павдинской части, она была выставлена на публичные торги. Как упоминалось выше, уже в 1872 г. имелись претенденты на ее покупку в лице компании графа Строганова (скорее всего, это был граф Г. А. Строганов, женатый на великой княгине Марии Николаевне, в первом браке герцогине Лейхтенбергской) и герцога Е. М. Лейхтенбергского, предлагавших 950 тыс. руб. В феврале 1875 г., когда было принято решение о начале приватизации, П. А. Валувев «сделал представление в Комитет министров о разрешении продажи округа упомянутой компании без торгов, на предложенных основаниях». Между тем выяснилось, что в Министерство государственных имуществ обратились новые претенденты, сделавшие более выгодные предложения: золото-промышленник Д. В. Белов давал 1,1 млн руб., а генерал-майор Дурново (скорее всего, это был склонный к предпринимательству московский губернатор П. П. Дурново, родственник уральских заводчиков Демидовых, Строгановых, Белосельских-Белозерских) — 1,3 млн руб. Представленные в Комитет министров, эти ходатайства вызвали пересмотр прежнего решения. «В вопросе, столь важном для интересов государственного казначейства и народного благосостояния, — сочли министры, — единственным средством определить действительную стоимость отчуждаемого имущества представляется допущение конкуренции между благонадежными горнозаводскими предпринимателями»¹⁴⁰.

Подготовленные и утвержденные Комитетом министров 21 февраля 1875 г. условия продажи были составлены на основании Правил 18 октября 1871 г., но включали и некоторые существенные дополнения. Вместе с заводами и «приписанными к ним землями, лесами, водами, угодьями и рудниками» общей площадью 386 706 дес. покупателю отходили и располагавшиеся на этой территории золотые прииски за исключением

тех, которые были открыты Северной экспедицией вне пределов округа. Однако новый владелец не мог «приступить к разработке золотых россыпей, ныне еще не разработавшихся, прежде чем работы в медных рудниках не будут приведены в такое положение, по которому могло бы обратиться в них не менее 750 рабочих». За семь лет требовалось привести заводы и рудники «в состояние, которое допускало бы возможность ежегодной выплавки в продолжение 30 лет не менее 50 тыс. пуд. меди». В противном случае владелец «подвергнется ежегодной уплате в казну в течение 30 лет подати за разность между 50 тыс. пуд. и количеством действительно выплавленной меди». На таких достаточно жестких условиях округ переходил «в разряд горнозаводских имуществ, на владельческом праве состоящих»¹⁴¹.

Торги прошли 2 апреля 1875 г. Они начались с наибольшей предложенной суммой в 1,3 млн руб., но результаты оказались несколько неожиданными как для участников, так и для чиновников Министерства государственных имуществ. «Великосветская компания» подняла свое предложение только до стартовой цены, в то время как П. П. Дурново предложил 1648 тыс. руб. Третьим участником вместо Д. В. Белова стал статский советник С. Д. Башмаков, который дал 2050 тыс. руб. Он и выиграл торги. Этот новый владелец округа тоже был представителем аристократического рода (его мать — внучка генералиссимуса А. В. Суворова), известного своей предпринимательской деятельностью. Сам С. Д. Башмаков состоял учредителем Общества минеральных вод в Липецке, обществ Ряжско-Моршанской и Моршанско-Сызранской железных дорог, Общества конно-железных дорог в Санкт-Петербурге. Вероятно, при столь дорогостоящей покупке он заручился поддержкой своего не менее предприимчивого брата А. Д. Башмакова и других лиц, поскольку иногда в документах встречается упоминание о покупке округа «С. Д. Башмаковым и К°».

«Столь крупная цена за округ была назначена С. Д. Башмаковым в надежде на богатство Богословских золотых россыпей... — свидетельствовал известный инженер А. А. Ауэрбах, — причем обязательство восстановить медное дело, доведя годичную выплавку меди до 50 тыс. пуд., он брал на себя как обузу, без которой Министерство государственных имуществ не соглашалось отдать округ»¹⁴². Положение Комитета министров, утвержденное 11 апреля 1875 г., «укрепило» за ним Богословский округ.¹⁴³

Но еще до заключения купчей крепости С. Д. Башмаков столкнулся с проблемами, заставившими его просить о пересмотре условий продажи. Перевод округа из казенной собственности в частную и передача его новому заводууправлению, состоявшаяся 23 июля 1875 г., вызвали скрытое сопротивление членов бывшей заводской администрации, лишившихся своих должностей. Вскоре возник пожар на Воздвиженской шахте, затем сгорела конюшня с сеновалом, а на следующий день загорелся Фроловский мост, расположенный вдали от селения. Местные жители при этом «не оказали никакого содействия пожарной команде». «Столь часто повторяющиеся пожары» вызвали у заводчика предположение об умышленных поджогах. «Население враждебно настроено против моего управления всеми теми лицами, которые были близки к упраздненному казенному управлению», — констатировал он через год после передачи заводов. Министр государственных имуществ П. А. Валув в «конфиденциальной записке» в Горный департамент добавил, что «вполне прогнозируемое недовольство служащих и рабочих... отразилось, к сожалению, и на отношении к новому управлению местного горного начальства, которое вместо того, чтобы содействовать заводовладельцу в трудном деле восстановления горнозаводского значения округа, пришедшего при

казенном управлении в полный упадок, стало относиться к нему с особой притязательностью».

Недовольство было вызвано, в частности, тем, что владельцу, старавшемуся выполнить основное условие покупки, пришлось обратить все усилия на подъем запущенных рудников, что привело к временному прекращению выплавки меди на Богословском заводе и закрытию госпиталя «вследствие неимения работающих при заводе людей». Заболевших, по свидетельству главного начальника уральских заводов И. П. Иванова, лечил фельдшер «в домах по приглашению». Своевременно получали заработную плату и «не предъявляли никаких претензий» лишь рабочие действовавших золотых промыслов (именно они тогда и приносили доход). Чтобы привлечь работников, переселившихся после 1861 г. «частью на другие заводы, а частью на берега реки Сосьвы», владелец увеличил объем старательских работ и повысил плату за сданное золото, что и привело к росту его добычи.

Еще большие сложности возникли в ходе восстановления рудников. В марте 1876 г. С. Д. Башмаков сообщал П. А. Валуеву о том, что принятые им условия «побудили тотчас же привести в известность настоящее положение рудников». Однако исследование показало, что «все рудники в верхних горизонтах... где руды были наиболее богаты, выработаны окончательно». Более того, многие рудники оказались затоплены, а на действовавших работа по углублению шахт шла медленно «частью вследствие чрезвычайной твердости горных пород, частью по причине слабости машин». Все заводские здания и рудничные устройства были «ветхи, а больница в полном разрушении». «В таких условиях, — констатировал заводчик, — восстановление медеплавильного производства... в означенный срок становится делом весьма трудным, требующим чрезвычайных усилий и весьма значительных затрат... до 1 млн руб., не считая оборотного капитала». Необходимо было восстановить обветшалые здания и устроить дороги в округе, а также «содержать заводское население, которое, даже без занятий, следовало удерживать на месте впредь до восстановления заводского действия».

Владелец просил причитавшийся с него при заключении купчей взнос (410 тыс. руб.) «причислить к общей сумме и затем уплату всего рассроченного на 37 лет капитала начать по истечении пяти лет, т. е. с 1881 г., когда окончательно восстановятся рудники». Обеспечением мог служить уже внесенный залог в размере 342 тыс. руб. «Это даст мне возможность обратиться все наличные денежные средства на выполнение принятого мною обязательства... — пояснял С. Д. Башмаков, — с использованием вместо рутинного ручного способа... принятого в западных государствах Европы метода машинного (с алмазным прибором) бурения шпуров посредством сжатого воздуха; снабдить рудники сильными водоотливными и подъемными машинами, паровыми дробилками и другими приспособлениями для механического обогащения руды. Все исчисленные здесь новые устройства и машины будут теперь же мною выписаны. С принятием этих усовершенствований я надеюсь в течение пяти лет достичь таких результатов, которые при установившемся до сих пор в Богословском округе производстве нельзя было бы ожидать ранее десяти лет»¹⁴⁴.

П. А. Валуев принял во внимание, что «неудовлетворение ходатайства имело бы верным последствием отказ Башмакова от дальнейшего владения, тогда как при настоящем состоянии Богословского округа успешная продажа его другому лицу представляется весьма маловероятной, обращение же его в казну было бы, как можно судить

по прежнему опыту, невыгодным». На заседании Комитета министров 3 августа 1876 г. после дополнительных переговоров с заводчиком П. А. Валуев убедил министров рассрочить выплату первой части покупной суммы на восемь лет без процентов «с условием взноса ее равными частями по 51 250 руб. начиная с 1877 г., а уплату остальной суммы (1640 тыс. руб.) дозволить начать с 1879 г.». При этом С. Д. Башмаков должен был непременно заключить «покупной акт» до конца 1876 г. Александр II санкционировал новые льготные условия продажи Богословского округа 13 августа, но заводчик не стал торопиться с подписанием купчей.

В январе 1877 г. министру государственных имуществ поступила новая просьба от покупателя. «К сожалению, предложения мои и надежды далеко не оправдались, — уверял он П. А. Валуева. — Несмотря на затраченные уже мною в продолжение полутора лет со дня передачи мне округа более 500 тыс. руб., я с прискорбием узнал из только что полученной сметы, что для приведения Богословского медного рудника в такое положение, чтобы можно было с осени будущего 1878 г. приступить к плавке меди по 10 тыс. пуд. в год, необходимо еще ассигновать 500 тыс. руб. Ввиду столь значительных расходов... мне остается только или отказаться от Богословского округа с потерей всего того, что уже затрачено мною, или ходатайствовать о таких облегчениях, которые бы, не требуя больших пожертвований со стороны казны, дали мне возможность продолжать начатое мною дело без окончательного разорения моего». К этим дополнительным «облегчениям» заводчик относил сокращение с 343 680 руб. до 40 тыс. руб. исчисленной комиссией стоимости движимого имущества и передаче ему 240 тыс. руб. из внесенного им залогового капитала, который, как он полагал, «лежал непроизводительно в банке».

Комитет министров 1 февраля 1877 г. вновь рассматривал условия продажи бывшего казенного округа. Было учтено, что уже сделанные С. Д. Башмаковым инвестиции в развитие округа могли «в некоторой степени служить заменой части денежного залога». Император 11 февраля разрешил передачу заводчику 200 тыс. руб. «с оставлением в казне 142 тыс. руб. залога». Вопрос о снижении покупной суммы за движимое имущество отложили до лета¹⁴⁵. Чиновники, направленные на заводы, еще не закончили «пересчет» этого имущества, как пришло известие о внезапной кончине 20 июня С. Д. Башмакова, так и не успевшего заключить купчую крепость на доставшееся ему на торгах горнозаводское имение.

Его наследниками оказались четверо малолетних детей. Как и полагалось в таком случае, 16 июля 1877 г. было учреждено опекунское управление «над детьми, имуществом и делами» умершего, которое возглавил его брат гофмейстер А. Д. Башмаков, а от Министерства государственных имуществ был определен тайный советник А. О. Таборовский. Предпринимая попытки «свести активы и пассивы» наследственного имущества, опекуны сосредоточили основное внимание на уральском горнозаводском имении, куда уже были вложены огромные средства и из доходов которого только и возможно было расплатиться с оставшимися долгами, в первую очередь казне за сам Богословский округ.

Прежде всего предстояло отсрочить ближайшие платежи в сумме 51 250 руб. по условиям продажи и в размере 42 800 руб. за недвижимое имущество округа. «Опекунское управление убедилось, — писали опекуны в Горный департамент в октябре 1877 г., — что это предприятие покойного может сделаться впоследствии... солиднейшей статьёй баланса наследства и тем послужить верным пособием к исполнению

обязанностей опекунского управления, возложенных на него высочайшей волей, либо окончательно расстроить имущественную состоятельность наследников, а следовательно, и подвергнуть убыткам кредиторов покойного. Тот или другой оборот дела зависит вполне от средств, которыми в ближайшем будущем может располагать опекунское управление для полного развития производительности Богословского округа». Поскольку «все прочие имущества статского советника Башмакова, служа обеспечением других его обязательств с разными кредитными учреждениями и частными лицами, не могли быть обращены в ресурсы для поддержки горнозаводской операции в Богословском округе», опекуны просили «оказания некоторых льгот, которые могли бы устранить без ущерба казны препятствия к достижению той общегосударственной пользы, которая ожидалась от уступки казенного горного округа частному лицу». Они обещали уже к концу текущего года установить закупленное оборудование и в течение трех с половиной лет израсходовать свыше 500 тыс. руб. «на прочную постанковку медного производства» за счет доходов от золота, добыча которого за время частного владения округом увеличилась с 12 пуд. до 36,5 пуд. Просьба опекунского управления заключалась в отсрочке всех платежей до 1 ноября 1881 г., в сокращении покупной суммы за движимое имущество с 343 680 руб. до 86 тыс. руб. и в освобождении от уплаты пошлин при заключении купчей крепости¹⁴⁶.

Эта просьба вызвала неоднозначную реакцию в правительстве. Критически отнесся к ней государственный контролер С. А. Грейг, несмотря на то что был свойственником опекаемых детей (его дочь была замужем за племянником С. Д. Башмакова Г. А. Канкринным). «Из совокупности всех данных... — писал принципиальный контролер в январе 1878 г., — оказывается с очевидностью, что продажа Богословского округа статскому советнику Башмакову сопровождалась до сих пор полной неудачей. Поэтому позволительно думать, что и в будущем вряд ли можно ожидать чего-либо другого, кроме новых для казны потерь. Коль скоро даже при жизни покупателя правительство в течение двух лет уже принуждено было согласиться на такие уступки, которые цену, предложенную Башмаковым на торгах, понизили на 658 тыс. руб., то едва ли есть основания ожидать успеха от будущего хода этого предприятия, которое передано в руки опекунского управления, лишенного того единственного средства к его поддержанию, какое было в руках покойного покупателя, — именно кредита». «С точки зрения Государственного казначейства и Государственного контроля, имеющих своим призванием радеть о выгодах казны и охранять ее от потерь, вопрос о предоставлении опекунскому управлению... просимых льгот представляется вопросом крайне сомнительным», — заключал С. А. Грейг.

Но министр государственных имуществ П. А. Валуев полагал, что все иные решения обошлись бы казне еще дороже. «В случае отказа в ходатайстве, — отвечал он, — при невозможности для опекунского управления уплатить ныне требуемые с него суммы... предстояло бы... приступить к продаже округа с торгов и для этой цели взять его в казенный присмотр с некоторыми затратами для казны для предохранения рудников от затопления и для удержания в округе достаточного числа рабочих впредь до совершения торгов». Поскольку после продажи в 1875 г. «заводское действие» было остановлено, размышлял министр, у потенциальных покупателей «могла бы возникнуть мысль, что приобретатель не нашел в округе тех богатств, каких ожидал при его покупке». Поэтому «результатом новых торгов мог бы явиться значительный для казны убыток». «Отобрание округа в казну», по мнению П. А. Валуева, также не могло быть

признано желательным по финансовым соображениям, между тем как испрашиваемая отсрочка платежей «не причинила бы казне никакого убытка». Министерство государственных имуществ, замечал он, «будет иметь возможность наблюдать через своего представителя в опекунском управлении, чтобы весь полученный в Богословском округе чистый доход от золота был употреблен на улучшение медеплавильного производства, а... опекунское управление, затратив уже сумму в 670 тыс. руб., найдет для себя невыгодным отказаться в 1881 г. от производства срочных платежей». «Если бы, однако, эта надежда не оправдалась, — полагал министр, — то произведенные к тому времени... улучшения медных рудников доставили бы возможность продать округ или взять его в казну с меньшим для нее риском, нежели это могло бы быть сделано в настоящее время». «Более осторожным и с выгодами казны согласным», на его взгляд, было бы предоставление опекунскому управлению отсрочки платежей, а не «отобрание» Богословского округа.

Комитет министров 14 февраля 1878 г. вынужден был согласиться с мнением министра государственных имуществ и вновь корректировать условия продажи Богословского округа. «Принимая во внимание как произведенные уже затраты Башмаковым весьма значительной суммы... так и невыгодные для казны последствия обратного поступления округа в казенное управление», опекунскому управлению разрешили начать платежи в счет «покупной суммы» с 1 ноября 1881 г. и производить их с рассрочкой до 1915 г. «по банковским правилам»; стоимость движимого имущества снизили до 128 тыс. руб., предоставив рассрочку на десять лет, и на тот же период рассрочили расходы по совершению «крепостного акта». В целях компенсации ущерба остававшиеся в качестве залога 142 тыс. руб. были «обращены в доход казны в счет срочных за округ платежей». При этом опекунское управление обязывалось тратить доходы от добычи золота исключительно на развитие медного производства, «пока оно не будет доведено до 50 тыс. пуд. в год». «Никаких других льгот даруемо не будет, — пригрозили опекунам министры, — и в случае неисполнения поступлено будет по буквальному смыслу условий отчуждения Богословского округа». Александр II санкционировал эти решения 24 февраля 1878 г.; на их основе составили окончательный проект купчей крепости, которая и была подписана 12 апреля того же года председателем опекунского управления А. Д. Башмаковым и директором Горного департамента Ф. И. Раселли. Утверждение купчей состоялось 22 ноября 1878 г.¹⁴⁷

Новые льготы позволили опекунскому управлению продолжить восстановление рудников и заводов. В качестве консультанта был приглашен опытный горный инженер А. А. Ауэрбах, ставший затем управляющим округа. Он занялся углублением действовавших шахт и установкой новейшего для того времени оборудования, работавшего на силе пара. Первоначальные расчеты С. Д. Башмакова, утверждал он, оказались «совершенно неверными», поскольку именно золотоносные россыпи, на которые тот возлагал надежды, были истощены, а «месторождение медных руд настолько богато, что годовичная выплавка меди могла быть легко доведена не только до обязательной нормы... но и до 100 тыс. пуд. и более». «Старания о восстановлении медного дела увенчались большим успехом, — констатировали опекуны через пять лет, — выплавка меди началась в 1879 г. и в 1881 г. достигла уже 58 377 пуд., в 1883 г. — 79 138 пуд., а доходность в 1879 г. достигла 225 355 руб., в 1881 г. — 351 452 руб. и в 1883 г. — 538 800 руб.». «Упадок горного дела в Богословском округе происходил не от истощения его подземных

богатств, а единственно от недостатка средств или неразумного ведения дела, и последнее даже вернее, т. к. и Башмаков, и особенно опекунское управление над его наследниками располагали самыми ограниченными средствами, а тем не менее привели дела округа в такое состояние, в каком он со времен Походяшина никогда не находился», — констатировал А. А. Ауэрбах¹⁴⁸.

Когда обязательства перед казной относительно объема производства меди были выполнены, опекунское управление получило право «употреблять доходы с Богословского округа на общие нужды помимо округа», но не могло ими пользоваться, поскольку «запродавало медь вперед». К тому же частные кредиторы, «наблюдая успехи управления», стали требовать возвращения отсроченных по договоренности с ними долгов. Поэтому 6 июня 1884 г. было принято судьбоносное для Богословского округа решение. Опекуны сочли, что теперь доходное предприятие можно было выгодно продать за сумму, которая позволила бы выплатить оставшиеся долги. Именно «для расплаты с кредиторами» и было решено продать округ, сохранив подопечным наследникам С. Д. Башмакова другие доставшиеся от него активы.

В том же году Богословский округ у опекунского управления приобрела Н. М. Половцова за баснословную сумму в 5 504 907 руб. На новую владелицу переводились долги Горному ведомству (2 105 695 руб.) и Государственному банку (1 882 479 руб.) с установленной еще в 1878 г. рассрочкой платежей. В 1894 г. к Богословскому округу был присоединен купленный Н. М. Половцовой соседний Сосьвинский округ, и началось интенсивное развитие черной металлургии, в частности был возведен крупнейший на Урале Надеждинский завод, производивший железнодорожные рельсы. Ежегодные выплаты казне осуществлялись довольно стабильно. В 1896 г. округ был акционирован, а через два года Богословскому горнозаводскому обществу было разрешено оставшийся казенный долг обеспечить выпущенными им облигациями, переданными на хранение в Государственный банк¹⁴⁹.

Вятский округ

Еще один эпизод продажи казенных горных заводов относится к Вятскому округу, который всего 14 лет находился во владении казны после поступления от бывшего владельца Д. Е. Бенардаки в счет погашения его долга государству по винным откупам Восточной Сибири. По положению Комитета министров от 2 июля 1865 г. входившие в округ Кирсинский и Песковский заводы с 209 468 дес. земли поступили в казну за условную сумму долга в 500 тыс. руб. Это был единственный в XIX в. случай, на который казна пошла из-за того, что долг владельца образовался не по вине откупщика, а в результате государственной акцизной реформы. Казною в округе были предприняты меры, направленные на улучшение качества чугуна и железа, которые отправлялись большей частью на располагавшийся поблизости Воткинский завод. Существенно ограничивал объемы производства недостаток в округе лесов, пострадавших от пожаров еще в 1850-е гг. Поэтому, когда в 1873 г. в Министерстве финансов решили, что Вятские заводы, не выполнявшие военных нарядов, могут быть беспрепятственно назначены к продаже, главный начальник уральских заводов И. П. Иванов стал доказывать министру, что, наделенные лесами, они «получат в глазах покупателей значительно большую ценность», и вместе с управляющим просил передать им соседнюю Таволжанскую дачу. Но разрешено было только заготавливать лес из этой дачи, да и то «не безденежно, а за плату по действующей таксе»¹⁵⁰.

Тогда, видимо, горные власти надеялись на успех предстоявших торгов, поскольку уже получали предложение о покупке этого казенного округа. Еще в 1871 г. владелец соседних Холуницких заводов британский барон В. Рекстер-Вагстаф обращался к министру финансов с такой просьбой, «желая развивать производство... и встречая к тому препятствие в виде недостатка лесов» в своем собственном округе¹⁵¹. Ему было отказано, скорее всего, в расчете на будущие торги. Но пока они организовывались, барон успел продать Холуницкие заводы, а новые их владельцы сумели решить топливную проблему за счет других близлежащих дач. В июне 1875 г. просьба о «предварительном осмотре» Песковского и Кирсинского заводов поступила от надворного советника Д. Н. Шидловского, проживавшего в городе Павловске. Допуск был получен, но последствий не имел¹⁵².

«На исходе» 1877 г. в Министерство государственных имуществ обратились почетные граждане Пастуховы с предложением продать им Вятские заводы за 250 тыс. руб. «Принимая во внимание незначительный доход, получаемый казной от этих заводов, и необходимость затраты весьма крупного капитала на приведение в исправность всех пришедших в сильный упадок заводских устройств и зданий, — записано в «Историческом обозрении...» деятельности Министерства, — граф Валув входил с представлением в Комитет министров о продаже Вятских заводов с торгов, причем суммой для начала торга была назначена предложенная Пастуховыми — 250 тыс. руб.»¹⁵³. Но, видимо, министры не согласились со стартовой ценой, бывшей в два раза меньше той, за которую десятилетие назад они приняли эти предприятия в казну.

Не случайно подготовка к продаже затянулась на два года. Судя по информации Горного департамента, ее условия были согласованы и утверждены Комитетом министров лишь 16 февраля 1879 г., а на 8 июля назначены торги. Но они были признаны несостоявшимися «ввиду несоответствия сделанного предложения с условиями продажи». Вскоре после торгов министр государственных имуществ получил ходатайство Н. П. Пастухова и его двоюродного брата И. А. Пастухова (владельца купленного у казны Николае-Павдинского округа), желавших приобрести оба завода без торгов на специальных условиях. Почетные граждане предлагали заплатить казне уже 270 тыс. руб. с беспроцентной рассрочкой на семь лет¹⁵⁴. Остается предположить, что именно они приняли участие в неудавшихся торгах, предложив прежнюю заниженную сумму, и остались единственными претендентами на округ, расположенный рядом с принадлежавшими им же Омутнинскими заводами. Видимо, понимая, что другой вариант может и не представиться, горные власти после недолгих согласований составили новые условия продажи.

Заводы с лесными дачами (площадью 209 500 дес.), рудниками и устройствами продавались Пастуховым за предложенную ими сумму. Им предоставлялась возможность приобрести и «главнейшие запасы и материалы», имевшиеся при заводах, «по ценам, в какие запасы эти обошлись казне». Третья часть «покупной суммы» вносилась при утверждении купчей крепости, а на оставшуюся часть суммы давалась рассрочка на шесть лет без начисления процентов. «Исправность уплаты должных за заводы с их дачами и всем имуществом сумм» обеспечивалась «как самими покупаемыми заводами», так и принадлежавшим Пастуховым Омутнинским округом. На оба округа налагалось запрещение на какие-либо сделки, и совершался «закладной акт». В случае несвоевременных выплат взыскание сумм обращалось на заложенное имущество.

Передача совершалась «в ближайший срок... в продолжение текущего года без перерыва работ на заводах» с переводом на покупателей «всех прав и обязательств заводоуправления, вытекающих из заключенных не далее как в последние два года... договоров с подрядчиками, поставщиками и рабочими». Казенное управление должно было «удовлетворить служащих жалованием, мастеровых и рабочих людей платами сполна по день окончательной сдачи заводов».

Пастуховы были обязаны сохранить за населением предоставленные ему в пользование земли и подчиниться «без всякого за то вознаграждения... всем мерам по окончательному устройству быта сего населения, какие будут приняты правительством». Отчуждение заводов до уплаты «покупных сумм» допускалось не иначе, как с сохранением прежнего залога или предоставлением новых залогов «на должную сумму». Наконец, по желанию Пастуховых, им было разрешено в течение 15 лет пользоваться лесом «по низшей горнозаводской таксе» из той самой Таволжанской казенной дачи, которая разделяла Кирсинский и Омутнинский округа. Комитет министров решил «означенные предположения утвердить с тем, чтобы купчая крепость... была совершена не позже года со дня высочайшего утверждения настоящего положения», которое и состоялось 20 июля 1879 г.¹⁵⁵

Вскоре Горный департамент дал распоряжение управляющему Вятского округа И. А. Спиридовичу «приготовиться к сдаче заводов покупателям, имеющей начаться в октябре». Но уже в августе, «по словесному предложению» Департамента, Пастуховы согласились перечислить 15 тыс. руб. «на выработку железа на тех заводах до их приема, чтобы деньги эти были зачтены в первый платеж за принятые материалы». Управляющий 8 декабря 1879 г. доложил, что порученная ему передача заводов уполномоченному И. Ф. Лузину завершена и уже с 1 ноября они действуют «на средства новых владельцев». Пастуховым передали имущество «по заводской стоимости» на 191451 руб.; лесная стража была сокращена; служащие «увольнялись постепенно по минованию в них надобности». Между ними и заводоуправлением возникли споры о размере жалования и вознаграждения, до 1891 г. продолжались разбирательства по долгам рабочим. Пастуховы согласились «принять на себя выдачу богадельного провианта и пенсий... тем из числа рабочих, коим эти выдачи производились до передачи заводов в частные руки». Пермская контрольная палата, проводившая тогда ревизию, просила разъяснить, «какими правами пользуются Пастуховы в приобретенных заводах, т. е. правом полной собственности... или правом владельцев посессионных заводов?» «Вятские казенные заводы, — значилось в ответе Горного департамента, — проданы г-дам Пастуховым в полную собственность»¹⁵⁶.

Чтобы все было законным образом оформлено, требовалось заключить купчую крепость. Пастуховы просили в дополнение к условиям продажи освободить их от уплаты пошлины на сумму принятых ими припасов и материалов, а также включить в состав покупателей их брата Д. А. Пастухова. Проект купчей согласовали 5 июля 1880 г., и уже через три дня она была подписана у петербургского нотариуса. От имени Министерства государственных имуществ выступил действительный статский советник Я. П. Лебедев; новые владельцы сами подписали купчую. В ней значилось, что Пастуховы становились владельцами Кирсинского железодельного и Песковского чугуноплавильного заводов в границах дач, перешедших казне от Д. Е. Бенардаки. Они должны были внести третью часть «покупной суммы» до 20 июля 1880 г., а остаток ее — выплачивать в течение шести лет с 1 ноября 1879 г. С этого же срока

предполагалась рассрочка на три года суммы принятых припасов и материалов. Вятский нотариус утвердил акт 11 декабря 1880 г., а на следующий день составил закладную на заводы. Одна половина долга казне обеспечивалась залогом Омутнинского округа, другая — Вятского. На оба округа было наложено запрещение на совершение каких-либо сделок.

В ноябре 1885 г. ставший к тому времени единоличным заводовладельцем Н. П. Пастухов просил Горный департамент снять запрещение, поскольку «расчет по покупке был окончен и закладная оплачена сполна». Просьба была удовлетворена 9 апреля 1886 г.¹⁵⁷ Бывший казенный округ был объединен в одно горнозаводское хозяйство с Омутнинским и во владении Пастуховых продержался до акционирования заводов в 1913 г.

Заводы Царства Польского: продажа и аренда

Как уже упоминалось, решение о продаже горных заводов, принадлежавших казне в Царстве Польском, было принято раньше, чем в отношении заводов, располагавшихся в российских губерниях. Однако с 1 июля 1870 г. Горный департамент в Варшаве был упразднен, а его функции переданы в Горный департамент в Санкт-Петербурге. Отныне «на общих основаниях» ему подчинялись местные управления Западного и Восточного горно-административных округов Польши; ему же предстояло продолжить и начавшуюся приватизацию.

Центром «значительнейшего» Западного округа, располагавшегося к юго-западу от Варшавы, на границе с Пруссией и Австрией, считалось селение Домброва в Бендинском уезде Петроковской губернии. На территории округа действовали казенные чугуноплавильные и железоделательные заводы Гута-Банкова, а также цинковые заводы у Домбровы («Константин»), у города Бендина («завод Ксаверия») и Славков. Панковский чугуноплавильный и железоделательный завод находился близ города Ченстохова и составлял отдельное горнозаводское хозяйство, присоединенное к Западному округу.

Восточный округ с центром в Сухедневе располагался к юго-востоку от Варшавы, в Опоченском и Опатовском уездах Радомской губернии и в Келецком уезде Келецкой же губернии. Чугуноплавильное производство там развивалось на Стараховицком, Мостковском, Реевском, Бзинском, Мрочковском и Самсоновском заводах, кричное железо выделялось в Сухедневе и Баранове, пудлинговое и плющильное производства действовали в Михаловском, Бродском, Нетулиском и Сельпийском заводах; казенный механический завод работал в Бялогоне. В 1870 г. к Восточному округу был причислен и Сероцкий стальной завод, располагавшийся в Люблинской губернии¹⁵⁸.

Все эти предприятия группировались в так называемые «отделы» (подобия горнозаводских округов) и действовали «исключительно для частной потребности и в малых размерах». Поэтому Ликвидационной комиссии, созданной по именному указу от 19 февраля 1864 г. для «обеспечения землевладельцам справедливого вознаграждения за земли, поступившие в собственность крестьян», было поручено продать часть принадлежавших казне горных заводов и каменноугольных копей «в том размере, в каком сие окажется нужным»¹⁵⁹.

Первоначально на отчуждение назначались предприятия одного Восточного округа. Из справки Горного департамента следует, что «в исполнение высочайшей воли»

Комитет по делам Царства Польского (действовал в 1864–1881 гг. при императоре) «признал более удобным и с интересами казны согласным разрешить на первый раз передачу лишь некоторой части горных заводов в виде опыта на предложенных министром финансов основаниях». По заявлению М. Х. Рейтерна члены Комитета согласились избрать для этого заводы, относившиеся к Стараховицко-Нетулискому отделу Восточного округа, т. к. «на покупку этой группы заводов имелись уже в виду предложения некоторых капиталистов». Одобрение императора последовало 20 июня 1869 г.¹⁶⁰

В соответствии с утвержденными в начале 1870 г. условиями, на продажу выставились «чугуноплавильный завод Стараховице с состоящим в связи с ним пудлинговым заводом Михалов, пудлинговым и кричным заводом Броды, плющильным заводом Нетулиско и с причисленными к ним 19 дачами лесничества Илжа, имеющими пространства 21 950 дес., и 44 усадьбами лесной стражи, пространством 334 дес., а также железные рудники Геркулес, находившиеся в черте Стараховицкого завода, Генрих — в черте Илжевского лесничества, и Эльжбета — под деревней Тыхов, со всеми площадями, строениями, машинами и орудиями, находящимися на них запасами изделий, руды, угля и проч.». Торги назначались на 14 марта 1870 г. в Варшавской казенной палате. Их стартовая сумма равнялась 1 166 150 руб.

На «вторичных торгах» 18 марта того года «устояла» компания известных предпринимателей и горных деятелей: барона А.-Э. С. Френкеля, коллежского советника П. И. Губонина, генерал-майора А. А. Галла, генерал-лейтенанта А. Р. Гернгросса, купца первой гильдии Ф. П. Родоконаки, инженер-капитана В. И. Потемкина, статского советника М. И. Ратькова-Рожнова и коллежского советника В. У. Быковского. Она предложила за заводы 1167 тыс. руб. Как предусматривали условия торгов, $\frac{1}{5}$ часть этой суммы (т. е. 233 400 руб.) следовало внести при заключении купчей крепости, а уплата оставшейся доли (933 600 руб.) рассрочивалась на 36 с половиной лет «по банковским правилам». Кроме того, покупатели обязались принять движимое имущество заводов «с уступкой 20 % стоимости».

Результаты торгов были утверждены 28 марта 1870 г., а уже 30 марта компаньоны подали М. Х. Рейтерну прошение «о передаче купленного ими заводского имущества... барону Антону Френкелю». Именно с ним (от варшавского торгового дома «С. А. Френкель» выступал банкир Антон Ляский) 3 июня 1870 г. и был заключен контракт¹⁶¹. Владельцем предприятий оказался, таким образом, известный варшавский банкир А.-Э. С. Френкель, удостоенный в 1857 г. баронского титула за «примерное усердие при исполнении возложенных на него правительством поручений особой важности»¹⁶².

Несколько лет после покупки продолжались «пререкания» по расчету за движимое имущество, а также по поводу границ отводных земель. Через пять лет, 28 июня 1875 г., владелец организовал Акционерное общество Стараховицких горных заводов, пригласив в учредители богатого прусского графа Гвидо Генкель фон Доннерсмарка (его женой была знаменитая парижская куртизанка маркиза Паива) и тайного советника Н. Н. Суцова — бывшего крупного сенатского чиновника, превратившегося в известного российского предпринимателя. Ипотечный долг и все имущество, купленное у казны, были переведены на новое Общество, намеревавшееся не только эксплуатировать бывшие казенные предприятия, но и заниматься новыми разведками на территории Польши и даже устроить рельсопрокатный завод¹⁶³. Горный департамент

констатировал, что уже к 1877 г. Общество «затратилось на устройство заводов и лесного хозяйства» и подняло почти вдвое их оценку (до 2470 тыс. руб.). В то же время оно исправно вносило рассроченные платежи и к 1886 г. уменьшило свой долг перед казной до 709 тыс. руб., став одной из крупнейших металлургических фирм Царства Польского¹⁶⁴.

После продажи Стараховицких заводов отчуждение других предприятий Восточного округа приостановили (есть упоминания о готовившейся продаже Бялогонского и Сероцкого заводов) «из опасения, чтобы одновременная продажа их не понизила цену на торгах, а также в видах устранения покупателей-спекулянтов, которые, не заботясь о поддержании горнозаводского дела, пожелали бы эксплуатировать лишь приписанные к сим заводам леса». В середине 1870-х гг. дополнительным благоприятным обстоятельством для отложенной продажи казенных предприятий признавалось скорое завершение строительства железных дорог, которое должно было «улучшить экономическое положение заводов и вместе с тем увеличить их ценность».

Перевод горных заводов Царства Польского в подчинение Горного департамента вызвал ожидания предпринимателей в отношении торгов и по заводам Западного округа. О покупке всех казенных предприятий этого округа в июне 1870 г. ходатайствовал генерал-адъютант князь Л. Л. Радзивилл. Он повторил свою просьбу в феврале 1871 г., выступая уже в компании с мануфактур-советником И. А. Варгуниным и потомственным почетным гражданином Истоминым. В марте 1871 г. о том же подал прошение владелец имения Михевице Симон Кузницкий, в январе 1873 г. — капитан второго ранга А. П. Племянников.

Особый интерес вызывали предприятия Панковского отдела — одноименный чугуноплавильный и железоделательный завод с рудниками и три отдельные кричные фабрики, с 1868 г. уже бездействовавшие. Этот самостоятельный производственный комплекс располагался в Ченстоховском уезде Петроковской губернии, в 94 верстах от Домбровы. Там выплавлялось до 70 тыс. пуд. чугуна, часть которого употреблялась на отливку посуды и других изделий, а другая часть сразу поступала в продажу. Производство основывалось на древесном угле, приобретаемом из казенного лесничества или у частных лиц. По оценке, произведенной в 1864 г., Панковский завод с фабриками стоил около 103 тыс. руб., приписанные к нему 7396 дес. лесов — 518 тыс. руб., принадлежавшие заводу рудники — 17,5 тыс. руб. В 1869 и 1871 гг. кричные фабрики этого горного отдела уже выставлялись на торги, но покупателей на них тогда не нашлось.

В октябре 1871 г. уже известный Антон Ляский обращался с просьбой о продаже ему Панковского завода; в июне 1873 г. фирма «Лильпон, Рау и К³» ходатайствовала о покупке или аренде того же предприятия; в ноябре 1873 г. о желании принять этот завод в шестилетнюю аренду заявили варшавские купцы Мозес Нейфельд и Людвиг Леви, обязавшиеся платить ежегодно по 5 тыс. руб. Всем просителям тогда было отказано. М. Х. Рейтерн лишь приказал иметь эти предложения в виду, когда поступит распоряжение о продаже заводов¹⁶⁵.

Подготовка такого решения активизировалась после перехода Горного департамента в ведение Министерства государственных имуществ в 1874 г. В мае того года, в частности, были разработаны условия продажи Панковского завода. Наконец, по представлению министра П. А. Валуева от 27 ноября 1875 г. в Комитет по делам

Царства Польского, Западный округ был разделен на две части, одна из которых была «предназначена к отчуждению в частные руки путем продажи с публичного торга»¹⁶⁶. Высочайшее утверждение этого решения последовало 25 января 1876 г. Однако «особенно целесообразной» признавалась продажа не Панковского отдела, а той части Западного округа, которая состояла из Домбровских железных заводов под общим названием Гута-Банкова, прекративших свое действие в 1872 г., и каменноугольных копей, «добывание из коих угля, постепенно уменьшаясь, делалось для казны убыточным». По разработанным условиям, 20 % «покупной суммы» нужно было внести в 30-дневный срок, а остальная часть должна была выплачиваться в течение 25 с половиной лет под 7 % (или 36 с половиной лет под 6 %). Покупателю давалось право в течение первого года внести всю сумму «ликвидационными листами» — кредитными бумагами, которые польские землевладельцы получали в качестве выкупа крестьянских повинностей. Такая льгота должна была подтолкнуть местных предпринимателей к участию в торгах на эти заводы, располагавшиеся на границе с Пруссией и Австрией. Для ограничения участия в торгах иностранцев П. А. Валуев предписал «не делать вызов покупщиков в иностранных газетах... и допустить к торгам лишь тех, коих он, министр, признает благонадежными». В феврале 1876 г. к этим «кондициям» добавили еще условие поставки в казну до 500 тыс. «корцев» (ковшей) каменного угля из продаваемых копей для обеспечения производства на оставшихся пока в руках казны цинковых и прокатных заводах другой части Западного округа.

Объявление о торгах, назначенных на 12 июня 1876 г. в Совете министра государственных имуществ, опубликовали в «Правительственном вестнике», столичных «Ведомостях» и «Варшавском дневнике». За месяц до их открытия было подано пять заявлений, но в день торгов объявили о своем участии лишь двое претендентов — компания действительного статского советника Дурасова и надворного советника Баранова, дававшая за заводы и копи 1265 тыс. руб., и уже ставший капитаном первого ранга А. П. Племянников, предложивший 1300 тыс. руб. с дополнительным обязательством в течение первых пяти лет уплачивать в казну по $\frac{1}{10}$ коп. с каждого добытого «корца» каменного угля. За ним 16 июня и были утверждены результаты торгов¹⁶⁷.

Однако купчая крепость была составлена уже на двоих владельцев — того же капитана и, «по его просьбе», на ротмистра лейб-гвардии Кирасирского полка А. Е. Ризенкампа (известно, что в 1886 г. он купит на торгах еще и Залазинские заводы на Урале и в том же году продаст их своему тестю, «водочному королю» Урала поляку А. Ф. Полевскому-Козелл). «Покупная сумма» возросла до 1 398 536 руб., поскольку покупателям были переданы еще и казенные механические мастерские в Домброве и железные рудники «за инвентарную их стоимость»; 80 % этой суммы выплачивалось в течение 36 лет по 32 907 руб. в год. Кроме того, новым владельцам заводов передавалось движимое имущество на 85 тыс. руб. с рассрочкой платежа на три года.

Уже в июле 1876 г. А. П. Племянникову было разрешено передать разработку каменноугольных копей на 90 лет французско-итальянскому банку в Париже, а в мае 1877 г. он исходатайствовал разрешение на учреждение товарищества для устройства сталерельсового завода вместе с французским инженером Евгением Вердые, «составившим при анонимном Обществе стале- и железоделательных заводов Фирмини». Все эти проекты, видимо, были следствием того плачевного состояния, в котором находились купленные предприятия ко времени сделки. Как сообщалось в записке

Горного департамента, «все постройки по причине ветхости оказались с трещинами в стенах, с перегнившими стропилами и частью без крыш», а потому «за малым исключением не представляли возможности применить их при устройстве нового завода». Четыре доменные печи были построены 40 лет назад «по устаревшей конструкции... и не соответствовали настоящим требованиям». Комиссия, в состав которой вошли русские и французские инженеры, приглашенные А. П. Племянниковым, заключила, что «заводы Гута-Банкова, представляя собой некогда образец заводов подобного рода, в настоящее время настолько обветшали и устарели, что никакого промышленного значения не имеют и представляют собой лишь место, в экономическом отношении выгодное для постройки нового завода с целью приготовления стальных рельсов и железнодорожных принадлежностей». Вердье же обещал устроить новый завод на месте старого «в таком размере, чтобы он с первого же года был в состоянии прокатать не менее 500 тыс. пуд. стальных рельсов», с перспективой увеличить производство до 1 млн пуд.

Ходатайство было поддержано П. А. Валуевым, и 17 мая 1877 г. Комитет по делам Царства Польского разрешил организовать товарищество «с оставлением за Племянниковым ответственности перед правительством за исполнение принятых им по покупке обязательств». Вердье брал обязательство внести на устройство завода до 4 млн франков «из своих собственных средств или привлечь капиталы третьих лиц, могущих образовать акционерное общество»¹⁶⁸. Новый завод вскоре был построен и, видимо, считался состоявшим в аренде у французского анонимного общества. Официально условия деятельности в России Акционерного общества железодельного и сталелитейного завода Гута-Банкова в Домброве («Русская Польша») были утверждены 1 августа 1907 г. Общество с операционным капиталом в 6,3 млн франков ставило целью приобретение и эксплуатацию этого предприятия со 100 дес. земли, принадлежавшего наследникам уже скончавшегося А. П. Племянникова и А. Е. Ризенкампу, а также покупало их концессионные права на добычу минеральных богатств на 11 тыс. дес. в Петроковской губернии¹⁶⁹.

В феврале 1876 г., когда разрабатывались условия продажи заводов Гута-Банкова, П. А. Валуев намеревался представить в Комитет по делам Царства Польского и предложение о продаже заводов Панковского отдела Западного округа «ввиду их незначительной производительности и малой доходности». Трудность заключалась в том, что, в отличие от заводов Гута-Банкова, эти предприятия действовали на древесном угле и могли быть проданы лишь с приписанными к ним лесами. «В видах сохранения за казной как можно больших лесных пространств, представляющих в том крае значительную ценность», министр государственных имуществ намеревался значительно сократить площадь имевшейся заводской дачи. Тем более что в казенных лесах, расположенных вблизи заводов, находились охотничьи угодья фельдмаршала князя А. И. Барятинского, который ходатайствовал «о воспрещении отчуждения в частные руки некоторых участков заводских лесов». На другой участок претендовал владелец имения Клобуцко граф Доннерсмарк, желавший приобрести его «для регулирования границ охотничьего парка (зверинца) в означенном имении».

Комиссия, решавшая этот вопрос, постановила все-таки продать Панковский отдел, который, находясь в отдалении от центра окружного управления, «представлял затруднение для постоянного надзора» и требовал «по причине ветхости и недостаточности

имеющейся при нем водяной силы» существенных затрат, что «ввиду высочайшей воли о продаже казенных заводов в Царстве Польском едва ли было бы удобным». Тогда решили уступить кричные фабрики уже имевшимся «заявителям» на предложенных ими условиях, а сам Панковский завод выставить на публичные торги «на условиях согласно с предыдущей продажей»¹⁷⁰.

Известно, что в 1878 г. кричные фабрики были проданы по ценам от 1,2 тыс. до 6,5 тыс. руб. Торги же на Панковский завод были отложены, как сообщалось министерскими чиновниками, вследствие заявления, сделанного «одним частным лицом, о приобретении всех горнозаводских имуществ Западного округа». Но «происшедшее замедление в разрешении сего вопроса подало заявителю повод отказаться от сделанного им предложения». По свидетельству горного инженера С. А. Хильчинского, в 1880 г. этот завод был закрыт¹⁷¹. В последующие годы местные предприниматели подавали прошения об аренде бездействующего завода, но, видимо, не получили согласия.

В том же 1880 г., 26 марта, состоялись торги по продаже бездействовавшего Сероцкого стального завода, причисленного к Восточному округу. За 7,1 тыс. руб. его приобрел торговец Ш. М. Шпигельштейн, житель посада Фирлей, расположенного вблизи завода. Купчая крепость была подписана 1 августа того же года с рассрочкой платежа на шесть лет «равными полугодовыми платежами». Владелец, однако, не смог рассчитаться с казной в означенный срок, расплатившись лишь к 1893 г.¹⁷²

В результате всех этих продаж в Западном округе у казны остались лишь цинковые заводы и копи Домбровского отдела, в Восточном — чугуноплавильные и железоделательные предприятия Мрочковско-Реевского отдела и Бялогонский механический завод. Горный инженер В. К. Згленицкий, выступая на съезде железозаводчиков в 1885 г., отмечал, что после продажи лучших заводов и рудников у казны в Царстве Польском «остался только самый жалкий клочок заводов под названием Восточного горного округа, цинковые заводы и оставленные каменноугольные рудники в Домброве». Некоторые непроданные заводы закрылись, а «заведующие действующими заводами превратились в сельских хозяев». Эти предприятия, «как по своей малой производительности, так и по дороговизне и качеству производимых продуктов», не могли конкурировать с частными заводами. Инженер полагал, что оставшиеся заводы должны либо «отказаться от своей пассивной роли», к чему их подталкивала «внутренняя бюрократически-административная их организация, требующая во всяком малейшем отступлении от сметы постоянных рапортов, отношений и разрешений высшего начальства», либо подлежать продаже. «Проезжая по горным округам Царства Польского, — делился В. К. Згленицкий своими впечатлениями, — везде, на каждом шагу, видны оставленные рудники и живописные развалины заводов, на которых еще не столь давно кипела оживленная деятельность. Чтобы поднять местное горное дело, казна должна продать все эти заброшенные железные рудники и заводы, на которых разовьется самостоятельная производительность, оставив только за собою некоторые, упрочив на них образцовое производство». «Казна не должна быть никогда промышленником, — настаивал инженер. — Это уже всеми и везде признано. Но казна должна быть всегда руководителем, пособием для существующего и водворителем для несуществующего горного дела»¹⁷³.

Этот же эксперт упоминал о том, что в середине 1880-х гг. уже подготавливалась продажа казенных Олькушских галмейно-серебро-свинцовых рудников, остатков

Домбровских каменноугольных копей и цинковых заводов, но сделки по ним были осуществлены только в следующем десятилетии, когда предпочтение власти отдавали уже арендному способу передачи казенного имущества в частные руки.

По высочайше утвержденному 3 декабря 1890 г. положению Комитета министров прошли торги на остававшиеся во владении казны в бывшем Западном округе предприятия: Бендинский цинкоплавильный завод и такой же недействующий завод «Константин», Славковский цинкопрокатный завод, пять галмейных рудников и две каменноугольные копи. Видимо, такой полноценный промышленный комплекс привлек внимание не только местных предпринимателей. В ноябре 1891 г. была утверждена аренда этих предприятий компанией гвардии корнета П. П. фон Дервиза, младшего сына известного российского «железнодорожного короля», и инженер-подполковника в отставке Н. М. Шевцова, крупного военного инженера, строителя ялтинского и либавского портов. Для наблюдения за действиями арендаторов учреждался «правительственный надзор» в лице горного инженера на правах окружного, а чиновники, прежде занимавшие должности по управлению, оставались «за штатом».

Арендный контракт был подписан 11 декабря 1891 г. директором Горного департамента К. А. Скальковским с упомянутыми лицами, к которым подключился третий компаньон — состоявший в запасе капитан артиллерии А. А. Померанцев. Условия 60-летней аренды (по 19 октября 1951 г.) включали проведение обязательных подготовительных работ на копиях и рудниках в течение пяти лет «с целью разработки их на более глубоких горизонтах». За использованные площади компаньоны вносили ежегодно платежи от 30 до 60 руб. за десятину. Арендная плата за добытый уголь составляла $\frac{1}{2}$ коп., за вытопленный цинк — 45 коп., за продаваемые арендаторами цинковые руды — по 9 коп. за пуд, за добытые и увезенные с места добычи свинцовые руды — по 15 коп. за пуд, «все равно будут ли продавать эти руды или обрабатывать их собственными средствами». При этом в первые пять лет «арендная сумма» не должна была составлять менее 40,5 тыс. руб. в год. По истечении этого срока арендаторы обязывались ежегодно добывать не менее 10 млн пуд. каменного угля и выплавлять не менее 250 тыс. пуд. цинка «с тем, что в случае недостижения указанных норм ежегодно вносимая в казну арендная плата не могла быть ниже 162,5 тыс. руб.». Залогом переданного им казенного имущества становились государственные процентные бумаги на сумму 162,5 тыс. руб., из которой могли погашаться возможные долги по арендной плате¹⁷⁴.

Однако аренда на таких, безусловно, выгодных для казны условиях продолжалась лишь в течение первых пяти лет «более льготного содержания имущества». Затем арендаторы возбудили ходатайство о понижении предельной арендной платы, обещая привлечь к делу французских предпринимателей. Обсудив этот вопрос, Министерство земледелия и государственных имуществ при участии представителей финансового и контрольного ведомств нашло, что условия действующего договора действительно «представлялись в настоящее время невыполнимыми как вследствие... чрезвычайного падения цен на цинк против бывших во время заключения договора (более чем на 30%) и вообще крайне угнетенного положения нашей цинковой промышленности, так и вследствие оказавшегося полного несоответствия между состоянием арендуемых каменноугольных копей и определенной теми условиями минимальной обязательной добычей сего ископаемого».

В апреле 1898 г. в Комитет министров было внесено представление об изменении условий аренды «в случае передачи арендаторами своего предприятия образующемуся для сего Франко-русскому горному обществу». Устав этого Общества уже был утвержден 20 декабря 1896 г. Из прежних арендаторов учредителем выступил лишь один А. А. Померанцев, состоявший уже в ранге подполковника. Н. М. Шевцов скончался в 1892 г., и его участие в компании перешло наследникам. Третий компаньон, принадлежавший к известному предпринимательскому роду, видимо, передал свои полномочия А. А. Померанцеву, который, по отдельным сведениям, был управляющим делами Дервизов (он известен и как гражданский муж знаменитой балерины А. Я. Вагановой). В прессе этот эпизод трактовался как «крах Дервиза» с последовавшей «продажей русского цинкового дела бельгийцам»¹⁷⁵.

Из «французских подданных» организаторами Общества стали Юлий Ранвье, Эдмонд-Элий Кутелье и Эмиль Коллен. Основной капитал Общества составил 1,5 млн золотых рублей, разделенных на 12 тыс. акций по 125 руб. каждая. Бывшие арендаторы получили акции взамен передаваемого ими Франко-русскому обществу имущества, а «условия передачи» этого имущества должны были стать предметом обсуждения первого общего собрания акционеров с арендаторами. Общество наследовало и срок аренды, который истек 19 ноября 1951 г.¹⁷⁶ Условия же договора существенно упрощались: Обществу позволялось вносить ежегодно в казну «определенную сумму» в размере 50 тыс. руб., но оно должно было производить еще и «добавочную плату» за каждый пуд вытопленного цинка по 10 коп. при цене пуда цинка на Санкт-Петербургской бирже от 3,5 до 4 руб., по 25 коп. — от 4 до 4,5 руб. и по 45 коп. — при цене от 4,5 руб. и выше. Кроме того, с каждого пуда каменного угля, добытого сверх 3 млн пуд. из указанных контрактом отводных площадей, новые арендаторы должны были уплачивать по $\frac{1}{4}$ коп. Эти более реальные условия были одобрены Комитетом министров 12 июня 1898 г. По данным за 1913 г., Франко-русское горное общество все еще числилось арендатором «завода под Бендином» и завода «Константин»¹⁷⁷.

По положению Комитета министров от 12 ноября 1893 г. недействующий Мрочковский чугуноплавильный завод тоже без торгов был отдан в аренду на 12 лет «владельцу завода Каменна дворянину Витвицкому за плату по 1 тыс. руб. в год с обязательством вносить горную подать за чугун наравне с частными заводами». Как свидетельствовали горные чиновники, передача завода на столь легких условиях состоялась по той простой причине, что «не действующий в течение продолжительного времени завод представлял собой одни полуразвалившиеся здания, ремонт которых требовал значительной суммы до 30 тыс. руб., кроме того, завод ощущал недостаток в горючем материале». Арендатор же сообщал, что «не нуждался в казенном лесе», намереваясь возобновить действие домны на минеральном топливе, и обещал «произвести собственными средствами ремонт завода, а по окончании арендного срока вернуть его в исправном виде», что представлялось «весьма выгодным для казны». Кроме того, дворянин, оказывается, «обладал по предыдущей своей деятельности на заводах Урала и Царства Польского достаточной технической опытностью для надлежащего ведения заводского предприятия»¹⁷⁸.

По той же причине «совершенной оветшалости» перешел в арендное содержание и Бялогонский механический завод, числившийся за горным ведомством (располагался в Невахлевской гмине Келецкого уезда). Более 60 лет казна производила там

«земледельческие машины и орудия» и, по словам будущего арендатора, «достигла одно время значительного развития, когда в 1871 г. были установлены льготные условия для продажи заводом своих изделий земледельцам Царства Польского в шестилетний кредит». В последующие годы «производство значительно сократилось, и сам завод пришел в упадок». В 1889 г. туда был командирован известный ученый-агроном В. В. Черняев «для составления проекта необходимых преобразований и усовершенствований». Но проект, на реализацию которого требовалось около 25 тыс. руб., оказался слишком дорогим, поэтому вместо реконструкции было предложено отдать завод в долгосрочную аренду.

По положению Комитета министров от 1 марта 1896 г. Бялогонский завод передали без торгов в 15-летнюю аренду совладельцам фирмы «Каменский и Гросман» гражданским инженерам Каменскому, Дунину-Борковскому и купцу первой гильдии Гросману за ежегодную плату в 3 тыс. руб.¹⁷⁹ Однако представители этой фирмы неожиданно «уклонились от заключения с казной арендного договора», вследствие чего в мае 1898 г. Министерство земледелия и государственных имуществ «признало необходимым возбудить ходатайство» о передаче завода в аренду за ту же сумму, но уже на 30 лет отставному инженер-подполковнику Иосифу Скибинскому, причем за казной оставалось право повысить арендную плату через 15 лет на 50%. «Высочайшее соизволение» последовало 26 июня 1898 г.¹⁸⁰ «Приняв Бялогонский завод в арендное содержание в крайне неудовлетворительном состоянии, с годовым оборотом, не доходившим даже до 15 тыс. руб., — жаловался И. Скибинский в 1900 г. из Варшавы, — я сделал уже все возможное и доступное мне при весьма ограниченных личных моих средствах для приведения завода в порядок и развития его производительности, устроив, между прочим, новый обширный литейный отдел». На предприятии по-прежнему изготавливались молотилки, соломорезки, бороны, катки, корнерезки и другие сельскохозяйственные машины. Желая расширить производство и придать заводу «постоянную, исключительную специальность», арендатор намеревался «завести особый отдел усовершенствованных орудий для мельничных и крестьянских хозяйств и для добычи торфа и выделки из него брикетов». Но, не имея ни опыта и «достаточных сведений», ни денег «для выписки и испытания необходимых машин и орудий, наиболее пригодных для малых хозяйств», он просил А. С. Ермолова выписать из-за границы и прислать ему образцы этих устройств. Министр тогда «не нашел достаточных оснований» удовлетворить просьбу арендатора¹⁸¹.

Производство на оставшихся в собственности казны польских предприятиях, как следует из отчетов Горного департамента, с каждым годом сокращалось. Если в 1896 г. три чугуноплавильных завода — Бзинский, Реевский и Мостковский — выплавляли 329 241 пуд. чугуна, то в 1902 г. было произведено только 165 534 пуд. Первым в 1898 г. был закрыт Бзинский завод из-за недостатка угля. Печь Реевского завода, проработав некоторое время в 1901 г., в следующем году уже бездействовала «как из-за недостатка топлива, так и ввиду отсутствия спроса на чугун, запасы которого все накоплялись и не распродавались» в условиях наступившего промышленного кризиса. Тогда предполагалось остановить и Мостковский завод или «вместе с другими казенными заводами Западной горной области передать его в частные руки». «Главная причина бездействия... — объяснял инженер А. П. Шеповальников, автор статей о казенных заводах в «Горном журнале», — недостаток топлива, так как Управление государственными

имуществами Радомской губернии, в ведении которого находятся местные горнозаводские лесные дачи, ввиду возрастающего в данном районе спроса на лесные материалы, находит более выгодным для казны продавать лес в частные руки в виде строительного материала»¹⁸². Выплавив в 1903 г. 140 тыс. пуд. чугуна, Мостковский завод в декабре того же года был остановлен, поскольку «предполагалось совсем прекратить казенную эксплуатацию заводов Западного края и передать их в арендное содержание частным лицам на более или менее продолжительный срок»¹⁸³.

Торги состоялись 30 июня 1904 г. По их условиям Бзинский, Мостковский и Ревский чугуноплавильные заводы и Сельпийский железодельный завод сдавались в аренду на 24 года «с предоставлением арендатору всех принадлежащих казне прав на разработку железных рудников и исключительного права разведки и разработки в течение арендного срока всех месторождений железных руд в казенных лесничествах Западной горной области на протяжении 12 верст вокруг казенных заводов». «Предметом состязания» стала попудная плата за железную руду при обязательстве оплачивать в год не менее 2 млн пуд. Ежегодная плата за эксплуатацию казенного имущества составляла 4,5 тыс. руб.

В октябре 1904 г. Сенат утвердил результаты торгов за бендинским купцом второй гильдии Э. К. Руппом, предложившим наивысшую плату в 6 руб. 12 коп. за каждые 1,6 тыс. пуд. руды. Западное горное управление, осуществлявшее тогда горный надзор в Царстве Польском, 29 октября заключило договор в надежде на возрождение этих последних в регионе казенных предприятий. Но арендатор вскоре «показал себя неправильным контрагентом казны», и договор с ним пришлось расторгнуть. К 1912 г. нашелся новый арендатор. Тогда Совет министров одобрил передачу казенных предприятий Обществу Островецких заводов без торгов, сократив норму обязательной добычи руды до 1 млн пуд. Однако это акционерное общество «ввиду изменившихся обстоятельств в жизни предприятия» отказалось от аренды. Как свидетельствовали чиновники, горное ведомство «стало принимать меры к приисканию новых арендаторов, но ни на одном из сделанных предложений не могло остановить своего внимания вследствие недостаточной их выгоды для казны». В 1913 г. наконец было получено приемлемое предложение от владельца металлургических заводов «Скаржиско» инженера Степана Грабинского, ходатайствовавшего о передаче ему казенных предприятий без торгов «на точном основании договора с Руппом», но с нормой добычи руды в 1 млн пуд. и освобождением от платы за первые три года аренды. Он просил также передать ему, видимо, вышедший из аренды и бездействовавший Мрочковский завод, а также территорию давно закрытых Самсоновского и некоторых других заводов.

«Более выгодного предложения ожидать трудно... — полагали чиновники Горного департамента, — инженер Грабинский — богатый человек и владелец заводов, находящихся в непосредственном соседстве с казенными заводами, является лицом, вполне заслуживающим доверия как контрагент казны». Желательно, соглашались они, передать заводы без торгов, чтобы не привлечь «соискателей-спекулянтов», не потерять время и не нанести убытка казне. Министр торговли и промышленности С. И. Тимашев полностью согласился с этим мнением, и казенные заводы, вероятно, успели обрести нового арендатора¹⁸⁴. В июне 1917 г. заведующий отделом Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского К. Б. Бродский сообщал, что в 1915 г. территория Польши была занята войсками Центральных держав, а оставшееся там казенное имущество ныне переходило в собственность образуемого польского государства¹⁸⁵.

Отчуждение казенных лесных дач

В контексте начавшейся приватизации казенных заводов можно рассматривать и несколько известных нам случаев продажи лесных дач, принадлежавших горному ведомству на севере Урала и в Олонецком крае. По свидетельству горных чиновников, такие продажи были чрезвычайно редки, однако время от времени все-таки случались. Первый инцидент произошел в 1876 г. одновременно и в связи с торгами на Богословские заводы и, видимо, под воздействием сделки с И. А. Пастуховым по Николае-Павдинской даче. Тогда потомственный дворянин Х. Я. фон Таль подал прошение о продаже ему 120 тыс. дес. «в местности, лежащей между левым берегом реки Сосвы на границе Пермской и Тобольской губерний», обещая провести там разведки руд и выстроить металлургический завод.

Положение Комитета министров было утверждено 21 мая 1876 г. В соответствии с ним казна уступила Х. Я. фон Талю свои земли за 170 тыс. руб. на льготных условиях, но с серьезными обязательствами. При совершении сделки будущий владелец выплачивал только 20 % заявленной суммы, а внесение оставшейся части рассрочивалось на десять лет без начисления процентов. В течение пяти лет в границах дачи владелец должен был построить чугуноплавильный завод производительностью не менее 150 тыс. пуд. в год. В качестве залога принималось само купленное имение и 10 тыс. руб. При неисполнении условий земли должны были возвратиться казне. Директор Горного департамента Ф. И. Раселли 11 июня 1877 г. подписал договор с Х. Я. фон Талем, который тогда же обратился с просьбой «ввиду затруднительного положения в настоящее время денежного рынка» разрешить внести залог лишь при утверждении купчей крепости, оговорив, чтобы «производство предварительного отмежевания дачи не было остановлено». Тогда начальство не придало особого значения этому первому признаку несостоятельности покупателя. Он отсрочивал заключение купчей, видимо, подыскивая компаньонов, которые могли бы помочь ему выполнить условия договора. Лишь через год был внесен залог, а купчая утверждена только 8 мая 1880 г.¹⁸⁶

Не торопился владелец и со строительством чугуноплавильного завода. Как общал сам Х. Я. фон Таль, возведение завода он начал только 10 сентября 1880 г. Через год, если судить по его донесению, уже «была готова и действовала литейная с полудоменкой, в которой производилась отливка на заводские потребности из старого чугуна с примесью для пробы местных руд, механическая фабрика, кузница, верфь, на которой выстроено пять барж и десять лодок». Но, оказывается, в то время Х. Я. фон Таль действовал уже не как владелец дачи и будущего завода, а как директор-распорядитель учрежденного им Товарищества Сосьвинских чугуноплавильных заводов.

По более позднему свидетельству, «не имея средств на постройку завода, фон Таль пригласил к участию в деле... инженера генерал-майора Г. Е. Струве и баварского подданного А. И. Лессинга и вместе с ними образовал Сосьвинское товарищество, устав которого был высочайше утвержден 30 января 1881 г.». «Означенное Товарищество, избрав фон Талю директором-распорядителем, вверило ему утверждение прав собственности на дачу за Товариществом, устройство завода, разведку рудных залежей — и вообще ведение дел на месте, снабжая его по мере надобности достаточными денежными средствами, — и вполне было уверено, что фон Таль свою задачу исполнит к общему благу дела»¹⁸⁷.

Казалось, что директор справляется с порученным ему как инженеру делом. Местный исправник докладывал, что «устроенные при Сосьвинском заводе две штирийские домны, называемые иначе полудоменки, пущены в действие... и одна из них 9 июня 1882 г. произвела первый выпуск 20 пуд. чугуна». Но до конца года было выплавлено всего лишь 14 660 пуд. металла, что совершенно не соответствовало определенной договором норме. Горному правлению это, тем не менее, позволило «причислить Сосьвинский завод к разряду заводов, на полном праве собственности состоящих», и предоставить ему податную льготу. Однако уже в октябре 1882 г. домны остановились «по неимению на месте большого запаса угля и для некоторого переустройства колошника для предупреждения пожара, который по пуску в ход полудоменок казался весьма вероятным». По-видимому, колошник так и не был исправлен. В августе 1883 г. заводский исправник сообщил, что «3-го числа загорелась крыша литейной фабрики... и помещенные в том же здании две полудоменки, отражательная печь, механическая мастерская и паровая мельница, а также магазины с припасами, угольный сарай, часовня и госпиталь... сгорели до основания». Горели и леса в окрестностях завода, и, по словам чиновника, потушить их при сильном ветре не было «физической возможности». Убыток составил 60 тыс. руб. Случайно или нет, но пожар совпал с окончанием пятилетнего срока, отведенного для строительства завода. Горное начальство именно в это время интересовалось, исполнены ли условия заключенного в 1877 г. контракта и достиг ли Сосьвинский завод должной производительности.

Накануне этих событий компаньоны потребовали от директора полный отчет о его действиях и расходах. Выяснилось, что права на дачу так и не были закреплены за Товариществом; рудных залежей в даче не оказалось, а разведаны и отведены они были за 700 верст от завода на имя самого Х. Я. фон Таля; завод не был отстроен, хотя на него затрачен весь «складочный капитал и занятые у Общества Коломенского машиностроительного завода под чугун деньги, и сверх того сделано долгов более 80 тыс. руб.». Наконец, «в израсходованных суммах никаких отчетов получить не представлялось возможным». Такой «образ действий» директора побудил правление Товарищества устранить его от дел и «вверить ведение дел иным лицам, для чего правление снабдило их новыми средствами, занимаемыми у Коломенского завода». К этому подмосковному предприятию имел отношение пайщик Г. Е. Струве: его брат Аманд был директором-распорядителем Общества Коломенского завода¹⁸⁸.

В 1885 г. на Сосьвинском заводе возвели большую домну, производительность которой даже превышала установленную в контракте годовую норму в 150 тыс. пуд. чугуна. Но из-за сложностей с доставкой сырья из отдаленных рудников завод работал неритмично. Результатом этого стала ликвидация Товарищества Сосьвинских заводов и передача его имущества Обществу Коломенского завода в счет погашения долга в сумме 806 259 руб. Условиями сделки предполагался также перевод на Общество оставшегося после покупки дачи долга казне в размере 136 тыс. руб. Пайщики настаивали и на получении от своего бывшего директора-распорядителя неустойки в размере 100 тыс. руб.¹⁸⁹

Переход округа во владение Общества Коломенского завода был утвержден 9 августа 1888 г., при этом устанавливалось, что Сосьвинская дача и завод «составляют одно нераздельное горнозаводское имение» стоимостью 341 306 руб. Учитывая имевшиеся долги Обществу, можно заключить, что оно «простило» Товариществу многотысячные

суммы. Не упустил возможности отомстить Обществу за судебный иск по неустойке и бывший директор-распорядитель Товарищества. «Между тем, — сообщало правление Общества Коломенского завода в сентябре 1889 г., — г-н фон Таль спустя некоторое время воспретил выдачу книг для записи руды, добываемой Сосьвинским заводом, чем лишил Общество прав пользоваться рудниками, и по сие время, несмотря на укрепление прав на дачу за Обществом, рудники не перечисляет, а Сосьвинский завод, приканичывая прежние запасы и приобретая от Богословского завода низкопроцентную руду, в недалеком будущем будет вынужден приостановить свои действия». Правление Общества полагало, что у бывшего владельца не было законного основания для запрета использовать рудники, поскольку они уже почти три года не разрабатывались, а значит, могли быть признаны «тунележащими».

Видимо, так в конце концов и произошло, хотя известно, что в 1892 г. рудники выставлялись на торги, впоследствии приостановленные. Новым владельцам Сосьвинского округа удалось к 1894 г. погасить все казенные долги и 13 мая того года снять запрещение на его продажу, наложенное при утверждении купчей в 1880 г. Это было необходимо сделать, чтобы перепродать уральское имение, столь дорого им доставшееся, но, по-видимому, совсем не нужное. Известно, что еще в апреле 1892 г. правление Общества Коломенского завода просило Горный департамент разрешить продажу округа Н. М. Половцовой, владелице расположенного рядом Богословского округа, с которым у Сосьвинского завода уже имелись тесные контакты. Сделка состоялась 19 августа 1894 г., и, по-видимому, ее сумма покрыла значительные расходы Общества¹⁹⁰. Сосьвинский горнозаводский округ утратил свою самостоятельность и вошел в состав Богословского округа.

Другая попытка приобретения казенной дачи связана с именем барона С. С. фон Штемпеля, представителя разветвленного курляндского рода. Очевидно, ему были известны условия сделки с Х. Я. фон Талем. Ориентируясь на них, в мае 1878 г. барон подал П. А. Валуеву докладную записку, в которой просил продать ему «в потомственную собственность» 130 тыс. дес. земли, «желая заняться развитием горного промысла в... богато одаренном от природы северном крае». Указаны были и рубежи дачи: «от деревни Матушкиной по правому берегу Сосьвы до Тобольской границы десять верст, откуда по направлению к устью реки Салды при впадении ее в Туру, затем до устья реки Лобвы при впадении ее в реку Лялю и затем вновь до деревни Матушкиной». Он просил учесть при определении цены дачи, что покупает «совершенно тунележащую местность, в которой существует лишь две просечки зимних дорог, из которых одна ведет на село Меркушино, а другая — из Романово на Верхотурье». «Я полагаю, — делился барон своими планами, — что чугуноплавильное и стальное производства, которые могут быть поставлены на современных началах хозяйственной экономии и согласно новейшим техническим условиям, должны вознаградить труд по созданию их, если дело не будет обременено уже с самого начала до полной установки заводского дела большими платежами за право владения дачей, что было бы вдвойне чувствительно при медленности оборота капитала, которой страдают все наши заводы». Он предлагал заплатить по 1 руб. за десятину и при утверждении купчей крепости внести 15% всей суммы, а остальные 85% выплачивать в течение 15 лет без процентов или в течение 37 лет «по банковским правилам». Завод производительностью 150 тыс. пуд. чугуна в год предполагалось построить в пятилетний срок, на который барон надеялся получить отсрочку платежей.

По сведениям, затребованным из Лесного департамента, оказалось, что предлагаемый к покупке участок входит в состав смежных Вагранской и Лобвинской казенных дач и что в случае его выдела эти дачи были бы «совершенно отделены одна от другой... и потеряли связь с массой лежащих к западу казенных лесов». Барону предложили несколько изменить границы отчуждаемого участка, «выделив его не к югу, а к востоку от продаваемого г-ну Талю участка, а именно вдоль Тобольской границы, между реками Сосьвой и Турою». Но в ноябре 1878 г. С. С. фон Штемпель сообщил, что для его целей «более всего подходит первоначально избранный участок». Несмотря на явные неудобства, Лесной департамент согласился на его предложение, уточнив, что площадь отчуждаемого участка составит 121 тыс. дес. Предлагалось лишь повысить цену десятины до 1,9 руб. и дать рассрочку на десять лет без начисления процентов¹⁹¹.

В записке, составленной в Лесном департаменте для министра финансов в марте 1879 г., утверждалось, что «в Верхотурском уезде находится весьма значительное пространство казенных лесов, сбыт материалов из которых производится в небольшом размере лишь на местные потребности, и поэтому доставляемый этими лесами доход значительно превышает расходы по управлению и по уплате земских сборов». Именно это обстоятельство, убеждали министра чиновники лесного ведомства, наряду «со стремлением способствовать как промышленному развитию края, так и успеху горнозаводского дела, побуждало Министерство государственных имуществ принимать предложения частных лиц о продаже им в этой местности лесных площадей для занятия горным промыслом». Для убедительности сослались на статистические данные: если в 1874 г. «перевес расхода над доходом» составлял 1,89 руб. в расчете на 100 дес., то в 1877 г. он достиг уже 2,81 руб., и «едва ли существовали основания предполагать, чтобы это возрастание не имело места и в последующие годы». После таких аргументов С. А. Грейг не мог не поддержать планируемую сделку, решив, что она «не только желательна, но и для казны выгодна». Он предложил лишь сократить рассрочку до 3–5 лет с начислением процентов и ограничить рубку леса в отчуждаемой даче. Кроме того, министр советовал составить «на будущее время» общие правила продажи казенных дач, а пока ограничиться отчуждением трех участков (он имел в виду еще и земли, проданные И. А. Пастухову и Х. Я. фон Талю) «в ожидании результатов предпринятой меры».

Но неожиданно сделке воспротивился государственный контролер Д. М. Сольский, в отличие от министра финансов настороженно относившийся к отчуждению казенного имущества. Он полагал, что было бы лучше сохранить еще не востребованные верхотурские леса для действующих казенных и частных заводов Северного и Среднего Урала, уже испытывавших недостаток в древесном топливе, или для западных районов Тобольской губернии, леса которых были сильно истощены. Неизбежная в случае продажи вырубка лесов могла привести и «к обезлесению истоков рек системы Тобола», что уже отчасти сказывалось «затруднительностью для судоходства в летнее время». «Если питательные силы реки Тобола не будут защищены строго охранительными мерами, возможными лишь в руках правительства, — утверждал контролер, — то в будущем могут встретиться непоправимые препятствия для экономического развития края». Все эти соображения убеждали его в том, что «если верхотурские лесные дачи не представляют значительной ценности в настоящее время, то им суждено играть немаловажную для края роль в будущем, и потому они заслуживают

особого попечительства со стороны правительства». Он полагал, что ходатайство С. С. фон Штемпеля «не вызывается такими обстоятельствами, которые побуждали бы спешить отчуждением ему лесов в Верхотурском уезде». Барону же он советовал, прежде чем давать обещание устроить металлургический завод, заняться поиском «благонадежных залежей железных руд», для чего воспользоваться существующими законоположениями, которые «предоставляли в этом отношении достаточную свободу» и без приобретения земель в частную собственность.

Видимо, эти аргументы убедили А. А. Ливена, незадолго до этого назначенного управлять Министерством государственных имуществ. Возможно, он учел и не совсем удачные опыты продажи лесных дач «для горнозаводских надобностей» при его предшественнике. В апреле 1880 г. он «не нашел возможным удовлетворить ходатайство барона Штемпеля», а Д. М. Сольскому написал, что и не предполагал его «исполнить», поскольку «не находил вообще возможным допускать отчуждения государственного имущества в частные руки не иначе как при настоятельной к тому необходимости или в виду прямого требования о том закона»¹⁹².

Известно еще об одной сделке по продаже принадлежавших горным заводам земель в районе обширного Олонецкого округа. Они относились к Суоярвско-Салминскому имению, расположенному в Выборгской губернии. В свое время это имение было приобретено у крупного лесопромышленника коммерции советника В. Ф. Громова за 403478 руб. Еще в 1859 г. при министре финансов А. М. Княжевиче имение предполагалось уступить без торгов Акционерной компании Ловатского Старорусского железного завода. Но Военное министерство заблокировало сделку ввиду того, что «означенное имение служило одним из главных источников для снабжения Олонецких заводов чугуном, потребным на изготовление орудий и снарядов для предстоявшего укомплектования прибалтийских крепостей». Продажа была отложена «с тем, что если впоследствии признано будет продать это имение, то продажу его произвести с публичных торгов». Позже стало очевидным, что Александровский и Суоярвский заводы с их лесными дачами «вполне удовлетворяют потребностям округа», а принадлежавшие ему Салминское, Корписельское и Соанлакское имения, не приносящие доходов, оказались невостребованными. Министерство финансов разработало условия их продажи и представило их «на предварительное заключение» генерал-губернатору Великого княжества Финляндского. При рассмотрении дела в сейме решили, что «в видах упрочения положения крестьян... было бы всего полезнее предоставить финляндскому правительству сделать выкуп этих имений без торгов». Министерство финансов согласилось с предложением, поставив лишь условием, чтобы правительство «внесло в казну империи ту сумму, во что обошлось казне приобретение помянутых имений, именно 400 тыс. руб., считая в том числе и долги несостоятельных ландбауеров». Сделка была санкционирована 16 марта 1873 г.¹⁹³

Переход золотых промыслов в частные руки

Прииски Северной экспедиции

Как уже упоминалось, «оптимизация» расходов казны предусматривала продажу золотых промыслов, принадлежавших трем уральским горнозаводским округам — Богословскому, Екатеринбургскому и Златоустовскому. Важной вехой на этом пути стало

мнение Государственного совета от 18 октября 1871 г., давшее министру финансов полномочия на продажу промыслов «в определенной постепенности» и с разделением на мелкие участки. Другим значительным шагом были решения екатеринбургского совещания, состоявшегося 23 июля 1872 г., на котором были определены последовательность и некоторые особенности подготовки промыслов к продаже.

Передачу промыслов в частные руки предлагалось начать с самых отдаленных так называемых «приисков Северной горной экспедиции». Как сообщал главный начальник уральских заводов И. П. Иванов, еще в 1829 г. по инициативе министра финансов Е. Ф. Канкрин была организована поисковая партия для «исследования в геогностическом отношении казенных земель, лежащих к северу от округа Богословских заводов». Кроме основной цели — «ознакомления с минеральными богатствами этой части Урала», Северной экспедиции поручалось «сделанными ею открытиями увеличить запасы руд Богословского округа, на средства которого она была сформирована». Руд было найдено немного, но в Лялинской даче и Лозьвинской пустоши, расположенных за пределами окружной территории, участники экспедиции открыли 38 золотосодержащих приисков, 30 из которых в 1850-х гг. были обмежеваны, а восемь — «остались неограниченными». Часть их разрабатывалась казной, но «с прекращением на заводах обязательного труда» прииски были заброшены, тем более что они не приносили большого дохода из-за невысокого содержания металла в песках. В 1866 г. А. А. Иосса, занимавший тогда должность главного начальника уральских заводов, предлагал отдать эти прииски в частную разработку «ввиду невозможности по отдаленности охранения их от тайной выработки», но М. Х. Рейтерн в расчете на планировавшуюся продажу «изволил найти это предложение преждевременным»¹⁹⁴.

Между тем после вступления в силу Устава о золотопромышленности, в ноябре 1870 г. в местности, где располагались эти казенные прииски, было сделано несколько заявок частными лицами. Об этом как о нарушении прав казны «конфиденциально» донес в Горный департамент местный золотопромышленник Я. Н. Бурдаков, сам претендовавший на получение права разрабатывать казенные прииски. Департамент отреагировал на донос предписанием «ни под каким видом не утверждать за заявителями заявок и отводов... прежде полного и самого благонадежного исследования на месте и по документам о том, что означенные заявки не захватывают... ни казенных заявок, ни тех к ним отводов, которые предстоит сделать впоследствии при отдаче их на особых условиях в частные руки». Это надолго задержало выдвигание приисков на продажу, на чем еще в августе 1871 г. настаивал И. П. Иванов, вступивший в должность главного начальника уральских заводов.

Когда провели проверку частных заявок на соответствие с имевшимися межевыми документами, оказалось, что 13 из них действительно «простирались на некоторые прииски, открытые Северной экспедицией». Однако, как свидетельствовал И. П. Иванов, при обследовании на местности «получились совершенно неожиданные результаты: ...живые урочища, описанные в полевых журналах как метки казенных отводов, оказывались совершенно в стороне, а многих начальных пунктов приисков или вовсе не было открыто, или они открыты в местностях, противоположных описанию». Выяснилось, таким образом, что планы и полевые журналы были составлены в свое время неправильно, поэтому их нельзя было считать межевыми документами, имевшими юридическую силу. Для организации торгов возникла необходимость нового

межевания довольно значительного количества приисков Северной экспедиции, что, как полагал главный начальник, «в местности, совершенно удаленной на целые сотни верст от населения, и при полном отсутствии путей сообщения потребовало бы от казны больших расходов, рассчитывать на возврат которых через продажу приисков не представлялось оснований». Кроме того, он предрекал, что новое межевание вызовет претензии частных лиц и «возбудит судебный процесс, который при полной несостоятельности первоначальных межевых документов казна, конечно, проиграет, и в результате получатся только судебные издержки».

Организационно-подготовительные работы заняли много времени, за которое сам Богословский округ был продан С. Д. Башмакову. Но в условиях договора, заключенного с ним в 1875 г., отмечалось, что прииски Северной экспедиции оставались пока за казной. В сложившейся ситуации с межевыми документами И. П. Иванов изменил свою прежнюю позицию и в июне 1877 г. предложил Горному департаменту отказаться от торгов и признать всю местность, обследованную Северной горной экспедицией, «свободной для заявок на основании Устава о частной золотопромышленности». Министр государственных имуществ П. А. Валуев и директор Горного департамента Ф. И. Раселли вынуждены были согласиться и с аргументами, и с предложением главного начальника. Казне, по их признанию, оставалось только «довольствоваться той поземельной за прииски платой, которую промышленники будут вносить в силу Устава». Обсужденное в Комитете министров в июле 1877 г. представление П. А. Валуева было утверждено императором 13 августа того же года. Главным аргументом в пользу такого решения стало предположение, что открытие приисков Северной экспедиции для частной разработки, «не нарушая прав частных лиц, может иметь последствием весьма желательное водворение золотопромышленности в столь отдаленной местности». В этом министры не ошиблись. По данным за 1884 г., только в Лялинской казенной даче «по системе речки Лозьвы» было заявлено уже 47 приисков, принадлежавших 17 лицам и одному товариществу. Из них тогда разрабатывалось 20 приисков с годовой добычей более 4 пуд. золота¹⁹⁵.

Березовские промыслы

Вторыми в очереди на продажу, по плану Министерства финансов, стояли Березовские промыслы Екатеринбургского округа. О переходе их в руки частной компании есть полноценное исследование¹⁹⁶, поэтому ограничимся лишь кратким изложением этой истории с привлечением новой информации. Оказывается, о желании приобрести промыслы стало известно в Министерстве финансов еще в конце 1869 г., почти за два года до утверждения Правил о продаже. В декабре того года М. Х. Рейтерну поступило прошение от вице-адмирала П. И. Крузенштерна и полковника П. И. Рота. От лица компании, которую собирались организовать отставной полковник и 60-летний вице-адмирал (сын знаменитого адмирала И. Ф. Крузенштерна, совершившего кругосветное путешествие, сам известный ученый и путешественник), они просили «предоставить право добычи жильного золота из Березовских рудников посредством правильной их разработки и на тех основаниях и условиях, какие... благоугодно будет указать, с тем, однако, чтобы на приуготовительные работы к добыче руд... была дана четырехлетняя льгота».

Последнее условие было вызвано особыми обстоятельствами разработки этого первого в России жильного месторождения золота. Добыча началась вскоре после его

открытия в 1745 г., к 1823 г. она резко сократилась с 16 (в отдельные годы) до 4 пуд. и затем, понижаясь, совсем прекратилась в 1861 г. «вследствие наступившей тогда дороговизны и недостатка рабочих». Причиной общего сокращения подземной разработки рудного золота стало открытие там же в 1815 г. поверхностных золотоносных россыпей, не требовавших больших затрат на организацию работ. «Здесь, как и во многих других местах, — констатировал главный начальник уральских заводов А. А. Иосса, — открытие богатых золотых россыпей повело к упадку разработки коренных месторождений. При слабых водоотливных машинах, при дурных золотопромывательных устройствах рудное золото обходилось значительно дороже россыпного, и поэтому добыча первого мало-помалу сокращалась, затрат на разведку и подготовку рудных запасов не делалось, отчего разработка их становилась еще затруднительнее, а золото дороже». Просители тоже были осведомлены, как они писали, о «крайне невыгодном положении рудников, над которыми возвышалось озеро Шарташ, обилием вод своих препятствующее устройству шахт». Но знали они и о том, что, несмотря на столетнюю эксплуатацию, Березовские рудники были разработаны до глубины всего в 12–20 сажень и имели благоприятные перспективы.

П. И. Крузенштерн и П. И. Рот полагали, что казна не станет вкладывать средства в возобновление добычи золота «без ручательства в верном их возвращении» и что не будут успешными и торги, «куда являются по преимуществу лица, рассчитывающие на предприятия, интерес которых заранее может быть определен с полной достоверностью». Они подсчитали, что на отвод воды и возобновление работ потребуются огромная сумма от 500 тыс. до 900 тыс. руб., но, тем не менее, «решались пожертвовать как своими капиталами, так и капиталами других лиц, желающих участвовать в этом деле», обещая «чистую выгоду казны в попудных деньгах» и даже «увеличение благосостояния местного населения»¹⁹⁷.

Прошение активизировало обсуждение в разных инстанциях перспектив передачи Березовского месторождения в частные руки. В первую очередь М. Х. Рейтерн попросил высказаться главного начальника уральских заводов А. А. Иосса, вообще скептически относившийся к продаже казенных имуществ, дал отрицательное заключение, обратив внимание на ряд обстоятельств. Он указал, в частности, на то, что Березовские россыпи все-таки приносили казне ежегодный доход до 75 тыс. руб., а при достаточном финансировании можно было бы возобновить и шахтные работы. Необходимо провести основательное исследование месторождений, настаивал главный начальник, и только тогда «сделать заключение о выгодах, которые можно ожидать от разработки их, и о том, следует ли правительству оставлять их за собою для правильной и постоянной разработки на продолжительное время или же, как не стоящие таковой разработки и некоторых затрат, предоставить частным лицам».

Кроме того, А. А. Иосса обратил внимание на особенности расположения рудников и приисков в Березовской даче. «Большая часть кварцевых жил выходит на поверхность в разрушенном виде, и выходы их смешиваются с окружающими породами, так что невозможно определить границы между ними и покрывающими их золотоносными россыпями, — разъяснял он. — Поэтому в случае раздачи этих россыпей частным промышленникам нельзя будет разделить разработку песков от разработки жил, разрушенные выходы которых будут составлять продолжение россыпи в глубину». «Но и предпринять правильные горные работы едва ли кто решится, не имея в своем полном распоряжении всей золотоносной площади, на которой он мог бы сделать необходимые

устройства, завести водяное хозяйство для осушения рудников, для подъема руд, толчки и промывки их... Не владея поверхностью земли, — заявлял он, — рудопромышленник будет стеснен на каждом шагу в своих хозяйственных распоряжениях и предприятиях».

В рапорте Горному департаменту главный начальник уральских заводов повторил и свое общее заключение по поводу продажи казенных золотых промыслов, сделанное им еще на заседаниях Податной комиссии три года назад: «Золотоносная площадь Уральской области занимает пространство более 40 тыс. кв. верст, из них находится в округах казенных заводов... до 4,5 тыс. кв. верст. Из этого видно, что частный золотой промысел, которому предоставлено почти $\frac{9}{10}$ всей золотоносной площади, нисколько не стеснен казенными приисками. Казенные рудники привлекают к себе золотопромышленников потому, что лучше сохранились вследствие более умеренной и правильной разработки против частных, из коих многие истощены или испорчены усиленной и торопливой выработкой мест более богатых. Без сомнения, то же самое будет и с казенными приисками по отдаче их частным лицам». Резюме главного начальника включало предложение «отложить раздачу Березовских промыслов в частные руки, по крайней мере, до того времени, пока будут исследованы жильные месторождения»¹⁹⁸.

Поскольку в Горном департаменте к этому времени уже утвердилось мнение о необходимости продажи казенных промыслов, там было воспринято лишь замечание А. А. Иоссы о смежности рудного месторождения с россыпями, что вызывало необходимость составления «особых условий и правил» передачи их в частные руки. Позднее стало ясно, что и разделение золотоносных площадей на участки тоже «будет неудобно и повлечет за собой затруднения и столкновения между владельцами разных участков». Сменивший А. А. Иоссу в должности главного начальника уральских заводов И. П. Иванов предлагал вообще всю основную площадь жильного месторождения, равную 56 кв. верстам, не дробить на мелкие участки при передаче частным золотопромышленникам.

Следя за ходом обсуждения интересующего его вопроса, П. И. Крузенштерн несколько раз напоминал о своей просьбе, в феврале 1872 г. предложив предоставить его компании и добычу рудного золота, и разработку поверхностных россыпей, пообещав «обеспечить получаемый ныне казной с россыпью ежегодный доход с надбавкой 10% залогом, вносимым перед началом каждого года в Министерство финансов государственными фондами и гарантированными правительством бумагами». «Смею думать, — заключал проситель, — что все предположения правительства по этому предмету при самом блистательном их осуществлении не дадут тех ощутительных выгод, которые представляются в настоящем моем предложении».

В марте того же года В. К. Рашет получил еще и письмо от новороссийского и бессарабского генерал-губернатора П. Е. Коцебу в поддержку предложения вице-адмирала. «Покорнейше прошу... уведомить меня о взгляде Вашем на предложение Крузенштерна, — писал губернатор, — и не отказать в содействии Вашем к его удовлетворению». Директор Горного департамента сообщил влиятельному ходатаю, что просьба его протеже уже дважды докладывалась М. Х. Рейтерну, но тот «ввиду последовавшего высочайшего повеления о передаче уральских казенных золотых промыслов в частные руки на указанных в нем основаниях и с торгов не мог признать возможным удовлетворить просьбу Крузенштерна в отношении Березовских промыслов». «С назначением торгов, — обещал директор, — ему представится возможность осуществить намерение

приобрести означенные промыслы, по всей вероятности... вместе с золотыми россыпями на поверхности рудников»¹⁹⁹.

Но именно торгов компаньоны изначально и хотели избежать, видимо не надеясь выиграть их «соревнованием» с другими предпринимателями. К тому времени как раз относятся предложения о покупке Березовских промыслов от других лиц, более известных в «предпринимательском мире». Так, в мае 1872 г. барон Г. О. Гинцбург и полковник лейб-гвардии Конного полка В. И. Асташев просили М. Х. Рейтерна предоставить им разработку промыслов на условиях, какие будут определены в Министерстве финансов. Заранее соглашаясь с этими условиями, компаньоны лишь обращали внимание на недопустимость «отдачи промыслов мелкими участками в частные руки», что, по их мнению, «убило бы это дело». Они полагали, что для правительства было бы «более гарантированно, не отчуждая в полную собственность Березовские рудники... отдать их в разработку с пяти- или шестилетним сроком для разведок».

По сообщению просителей, в компании с ними участвовали также статский советник Н. Д. Бенардаки и надворный советник М. А. Нуров. В дальнейшем В. И. Асташев уже от своего имени направлял запросы в Министерство финансов для разъяснения отдельных условий предстоящей сделки, что свидетельствует о его ведущей роли в компании. Отметим, что все компаньоны были крупными золотопромышленниками, участниками нескольких сибирских и дальневосточных компаний. Сам В. И. Асташев состоял тогда чиновником по особым поручениям при великом князе Николае Николаевиче (Старшем), был потомственным предпринимателем, унаследовавшим от отца золотопромышленный бизнес в Томской и Енисейской губерниях. Богатство, близость к влиятельной особе, великосветские связи, несомненный предпринимательский талант сделали В. И. Асташева, по оценке биографов, одним из главных деятелей «приватизационной кампании» 1870-х гг.²⁰⁰ Но и у него оказались опасные соперники.

Одновременно с Г. О. Гинцбургом и В. И. Асташевым две «записки о Березовском рудном месторождении» подал в Министерство финансов потомственный дворянин В. И. Базилевский, представитель другого рода крупных сибирских золотопромышленников, имевший к тому же высокие родственные связи. Он ничего не просил у министра, а только намекал, что «при благоприятных условиях продажи» рудники смогут разрабатываться «еще целое столетие». Главным же из этих условий он считал «переход Березовской дачи в руки капиталиста, знающего и любящего горное дело, чтобы работы приняли широкий размер, постепенно развиваясь на почве рациональных, хорошо понятых и хорошо примененных оснований горной науки и горного практического дела». «Было бы желательно, — писал он, явно намекая на собственную персону, — чтобы именно этот мотив был руководителем, когда будет решаться судьба Березовского месторождения»²⁰¹.

К ноябрю 1873 г. были разработаны условия предстоящих торгов: промыслы отдавались тому соискателю, который назначал дополнительно к горной подати (она составляла тогда 15% от добычи) высшую ставку процентных отчислений с добытого золота и одновременно передавал казне 100 тыс. руб. «за право разработки месторождения». В течение первых двух лет покупатель обязан был «приступить к подготовительным работам»; следующие три года отводились на «разведки и работы... с тем, чтобы с шестого года добывалось постоянно из руд золота не менее 10 пуд.».

Обеспечением выполнения первого условия служил залог в 50 тыс. руб.; если же не исполнялось второе условие, промыслы безвозмездно «отбирались в казну». Покупателю запрещалось в течение подготовительного периода разрабатывать поверхностные золотые россыпи и использовать старательские работы «под страхом отобрания рудников в казну». Та же мера назначалась и за остановку рудничных работ на срок более года «без уважительной причины». Таким путем Министерство финансов пыталось восстановить работу заброшенных рудников. Высочайшее утверждение этих условий последовало 14 декабря 1873 г., а торги были назначены на 8 мая 1874 г.²⁰²

Из двух претендентов, подавших заявления об участии в торгах, В. И. Базилевский предложил дополнительно 2% с пуда добываемого металла, а В. И. Асташев — 3,5%. Он и должен был получить право разработки Березовского месторождения, хотя последнее слово оставалось за министром. У обоих претендентов оказались влиятельные заступники. По свидетельству П. А. Валуева, первого из них поддерживал великий князь Константин Николаевич, который даже собирался лично приехать в Комитет министров на утверждение результатов торгов. Не остался без помощи влиятельных лиц и В. И. Асташев, которого поддержали генерал-адъютант П. А. Шувалов и член Совета министра финансов А. А. Половцов. Вслед за Комитетом министров император 15 мая утвердил результаты торгов все-таки в пользу В. И. Асташева, а 27 июня 1874 г. с ним были подписаны «кондиции» в Министерстве государственных имуществ. Тогда же заключили и «компанейский договор», урегулировавший отношения между участниками нового предприятия, которое получило официальное наименование «Березовское золотопромышленное дело полковника В. И. Асташева». В учредительский состав компании кроме самого В. И. Асташева (который получил 105 из 400 установленных паев) вошли Г. О. Гинцбург, П. А. Шувалов, а также золотопромышленник А. Ф. Переяславцев и «главноуправляющий компанией на месте» А. К. Фохт.

Отголоском этих событий, широко обсуждавшихся в «местном обществе», стал сюжет романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Золото». Но если вымышленная золотопромышленная компания «Генерал Мансветов и К°» по воле автора романа фактически разорилась и забросила рудничные работы, то реальная Березовская компания «Генерал Асташев и К°» (в 1878 г. В. И. Асташев стал генерал-майором и генерал-адъютантом) действовала, несмотря на сложности, все-таки успешно.

В марте 1876 г. компания решилась на приобретение и давно заброшенного казной Пышминского завода «для производства в нем протолчки и обработки руд жильного золота из Березовского месторождения». Завод располагался вне отведенного участка площадью 56 кв. верст и представлял собой две ветхие золотопромывательные фабрики, построенные казной в 1815 и 1820 гг. рядом с плотиной, возведенной еще в 1763 г. По свидетельству главного начальника уральских заводов И. П. Иванова, эти промышленные объекты «находились без всякой для казны надобности» из-за прекращения промысловых работ. В 1861 г. был осушен и заводский пруд, когда в русле реки Пышмы открыли «богатое песчаное золото», а плотина «потеряла значение и пришла в совершенный упадок». За право пользоваться 553 дес. земли бывшего завода и пруда была назначена ежегодная плата по 50 коп. за десятину. На участке разрешалось «возводить всякого рода здания и устройства, необходимые для эксплуатации Березовского месторождения, но не для других промышленных целей». Плотины предполагалось

восстановить только после «выработки золота по руслу Пышмы с условием сверх десятиной платы платить по 18,5% с пуда золота натурой»²⁰³.

Уже к лету 1876 г. было подготовлено 27 шахт, завершено строительство промывательной фабрики, механической мастерской, установлено несколько паровых машин. Представительная государственная комиссия признала подготовительные работы, на которые было затрачено до 800 тыс. руб., «совершенно выполненными». Вероятно, Компания торопилась окончить эти работы раньше срока в надежде получить разрешение на разработку приисков. Без этого, полагали пайщики, «березовское дело может оказаться слишком тяжелым по процентному соотношению ожидаемого барыша к капиталу, необходимому на постановку рудного дела». После обсуждения в правительственных инстанциях Компании было разрешено 16 июля 1877 г. разрабатывать россыпи в границах ранее отведенного участка в качестве вспомогательной меры к устройству рудников, а к концу 1878 г. было позволено и использование старательских работ²⁰⁴.

В марте 1876 г. Березовская компания вступила в борьбу за казенные прииски, расположенные в юго-западной части Екатеринбургского округа, когда они были выставлены на торги «для отдачи с подряда частным лицам... на четыре года с условием сдачи в казну всего добытого количества золота по установленной цене». Первый участок, площадью 65,4 тыс. дес., простирался с запада на восток от Екатеринбурга до деревни Бутаковой, а с юга на север — от дороги из Екатеринбурга в Тобольск до реки Пышмы; второй, площадью 73,9 тыс. дес., в одном направлении протянулся от дороги из Екатеринбурга через село Горнощитское на Полевской завод до рек Исети и Сысерти, в другом — от границы округа Сысертских заводов до дороги из Екатеринбурга в Тобольск.

На участие в торгах, вызвавших ажиотаж среди золотопромышленников, подали заявки 19 претендентов, среди которых оказались и пять представителей Березовской компании. За двумя из них — действительным статским советником А. М. Леманом и коллежским секретарем А. К. Фохтом, предложившим наименьшую цену за золотник, — оба участка и были утверждены. Но уже к маю 1877 г. эти участки были уступлены приобретателями В. И. Асташеву, который от имени Компании и заключил контракт с казной 3 июня 1877 г. Его условия существенно отличались от первоначальных и во многом соотносились с условиями контракта 1874 г. на Березовские рудники. Право разработки приисков давалось уже бессрочно («впредь до выработки») с уплатой казне 10% «натурой со всего добытого из россыпей, откидных песков, отвалов коренных месторождений золота». Компания обязывалась добывать в первое десятилетие не менее 10 пуд. лигатурного золота на каждом из участков под залог 30 тыс. руб.²⁰⁵ Новые золотоносные территории были присоединены к хозяйственному комплексу Березовской компании, расширив имевшиеся в ее распоряжении ресурсы и увеличив масштабы производства. По подсчетам исследователей, доля россыпного золота в общих объемах добычи драгоценного металла составляла в последующие годы в среднем 60%. Она сократилась примерно до 30% лишь в начале XX в. вследствие истощения россыпей и внедрения передового химического способа извлечения рудного золота.

За время своего существования Березовская компания неоднократно добивалась изменения условий контрактов с казной. Так, в 1885 г. до 8,5% сократились отчисления в казну с рудного золота, были уменьшены (до 5 пуд. с рудного золота и до 15 пуд.

с двух участков россыпного золота) и нормы ежегодной добычи. В 1895 г. переименованному (в связи с кончиной в 1889 г. основателя компании В. И. Асташева) Березовскому золотопромышленному товариществу было дано право добычи других полезных ископаемых. В 1896 г. началось химическое извлечение золота из эфелей, потребовавшее снижения подати до 3%. Новые уступки со стороны казны были сделаны в 1905, 1909, 1915 гг. вследствие истощения россыпей и необходимости углубления рудников. Благодаря этим льготам и капиталам обновлявшегося состава пайщиков, Березовское товарищество, развивая и совершенствуя свою деятельность, просуществовало до национализации в декабре 1917 г. К тому времени добыча составила около 1868 пуд. золота. Подать казне измерялась суммой в 2,4 млн руб., что соответствовало примерно 64 тыс. руб. годового дохода²⁰⁶. Поскольку при казенной разработке одни только прииски приносили прибыль до 75 тыс. руб. в год, выгодной «приватизацию» Березовских промыслов признавать не приходится, конечно, если предположить, что казна сумела бы поддерживать в течение долгих лет прежнюю производительность россыпей и восстановила бы заброшенные рудники.

В 1877 г. были проведены торги еще на три участка в юго-западной части Нижнеисетской дачи Екатеринбургского округа. Видимо, расположенные именно там восемь «неработающих приисков между деревнями Кургановой и Макаровой» в декабре 1875 г. просил передать ему на десять лет потомственный почетный гражданин И. Я. Рязанов, бывший городской голова Екатеринбурга. «Отец мой первый имел счастье получить в 1826 г. разрешение на право частного золотого промысла, — обосновывал он свою претензию. — За смертью же его я продолжаю с 1848 г. в Восточной Сибири и в Оренбургском крае работы в значительных размерах». Потомственный золотопромышленник обещал платить за аренду приисков «сверх обыкновенной подати добавочные 5%», надеясь «развить золотое промысловое дело в той местности и дать хороший доход казне»²⁰⁷. Установка на передачу казенных рудников с торгов не позволила тогда властям согласиться на это частное предложение.

На основании положения Комитета министров, утвержденного 18 апреля 1877 г., торги были назначены на 9 июня, а условия объявлены Горным департаментом в «Правительственном вестнике». Торги выигрывал тот претендент, который предлагал «наибольший размер процентного в пользу казны отчисления с добытого золота». В результате два участка достались компании известных российских предпринимателей П. И. Губонина и В. А. Кокорева — железнодорожных и нефтяных магнатов, учредителей крупнейшего Волжско-Камского банка и многих других промышленных и коммерческих фирм. Третий участок достался отставному гвардии поручику А. Э. Коцебу, известному не столько своим предпринимательством, сколько родством с влиятельными чиновниками, участие которых уже прослеживалось в истории продажи Березовских промыслов. Сразу после торгов министр государственных имуществ П. А. Валуев распорядился «принять возможные меры к ускоренной передаче помянутым лицам или их поверенным отданных им участков с находившимся на них имуществом»²⁰⁸.

Предписание начальства было выполнено. Уже 17 июля 1877 г. заключили договор с А. Э. Коцебу. В соответствии с ним, так называемый «южный» участок передавался отставному поручику «бессрочно, впредь до выработки месторождений». Северная граница этого участка проходила по дороге от деревни Кургановой до селения Горнощитского, восточная — по дороге в Полевской завод от Горнощитского до границы

Сысертского округа, а на юге и западе участок граничил с этим округом до Кургановой. За право разработки А. Э. Коцебу должен был платить предложенные им на торгах 16% «со всего добытого из россыпей, откидных песков, отвалов и коренных месторождений лигатурного золота и сдавать его казне тем порядком и в те сроки, какие установлены Уставом о частной золотопромышленности». Он обязывался добывать в первое десятилетие не менее 4 пуд. золота в год, не допуская старательских работ, и в качестве обеспечения должен был предоставить залог в 9600 руб., из которого «в случае невыработки» пополнялась недоимка. Право на разработку других полезных ископаемых на участке оставалось за казной; она же могла прекратить действие договора в случае нарушения арендатором его условий. Сам А. Э. Коцебу тоже мог отказаться от продолжения разработки и вернуть казне предоставленный ему участок, но только по истечении десятилетнего срока. Арендатор, видимо, сам приезжал принимать промыслы (в Екатеринбурге он временно проживал по Успенской улице в доме лесничего В. С. Тучемского).

На тех же условиях 26 июля 1877 г. был заключен договор с П. И. Губониным и В. А. Кокоревым. Оба предпринимателя проживали в столице (первый — на Дворцовой набережной, в доме № 10; второй — на Английской набережной, в доме № 22), а принимать имущество приезжал П. И. Губонин (он останавливался в Перми в доме Волжско-Камского банка на Покровском проспекте). По договору они обязывались сдавать в казну $26\frac{1}{4}\%$ от выработки, при этом в первое десятилетие должны были вырабатывать не менее 3 пуд. золота с каждого участка, обеспеченного залогом в 23 624 руб. Граница «северного» участка в 220 кв. верст проходила по Сибирскому тракту от деревни Решеты до границы мещанского выгона Екатеринбурга, затем поворачивала от выгона до дороги из Екатеринбурга в деревню Макарову, продолжалась до нее и по берегу Чусовой шла до Решет. Граница второго, «среднего», участка в 130 кв. верст на севере начиналась от южной грани «северного» участка и мещанского выгона Екатеринбурга, шла до села Уктус, на востоке — по дороге от Уктуса до Горного Щита, далее проходила по дороге до деревни Кургановой и по берегу Чусовой поворачивала до деревни Макаровой²⁰⁹.

Имея возможности находиться в Екатеринбурге, все арендаторы сразу же передали управление доставшимися им промыслами доверенным лицам. П. И. Губонин и В. А. Кокорев сначала уполномочили на это титулярного советника П. П. Храповицкого, а через год, после его отказа, — нижегородского мещанина И. А. Лодочникова. А. Э. Коцебу оформил доверенность на горного инженера Н. С. Боголюбского.

Летом 1878 г. условия договора с А. Э. Коцебу подверглись корректировке. По представлению П. А. Валуева норма выработки тогда была снижена с 4 до 1 пуд. золота в первые два года аренды. Когда же этот срок истек, за «невыработку» с него все-таки было предписано взыскать недоимку «или золотом, или по курсу кредитными билетами»²¹⁰. Из-за завышенных ожиданий «бессрочными» оба этих договора аренды не стали. В июне 1892 г. все три промысловых участка перешли новому арендатору — барону Г. О. фон Бреверну, которому в 1895 г. было разрешено «добывать попутно и другие, находящиеся в одном с золотом месторождении, ископаемые». За «все выработанные металлы и ископаемые» он обязывался платить подать «наравне с посессионными заводладельцами»²¹¹.

Кроме россыпей, в дачах Екатеринбургских заводов находилось еще 28 небольших золотых рудников, открытых «средствами казны». Но, по данным Горного департамента

за 1874 г., они были «мало исследованы и вовсе не разрабатывались». Когда Березовское месторождение выставлялось на торги, решалась судьба и этих рудников. Главный начальник уральских заводов И. П. Иванов предлагал обмежевать их «с составлением особых планов», описать «в отношении благонадежности и удобства разработки» и передать в частные руки «на точном основании Устава о золотопромышленности 1870 г. для продажи казенных золотых приисков» с обязательством приобретателя в течение первых десяти лет «приступить к правильной и безостановочной разработке с освобождением на это время от платежа поземельной платы».

В ответ министр финансов М. Х. Рейтерн обратил внимание на отсутствие в законодательстве «положительных правил относительно разработки частными лицами золотоносных рудников», поскольку упомянутый И. П. Ивановым Устав распространялся тогда лишь на добычу россышного золота. «Обстоятельство это, — полагал министр, — обуславливает крайнюю осторожность при каждом отчуждении из казны месторождений рудного золота, дабы обеспечить правильную эксплуатацию предоставленных в частные руки ископаемых богатств». Поэтому в своем представлении по этому делу в Комитет министров он предлагал «выждать окончания производимых по отграничению сих рудников работ», полагая, что при этом «необходимо выяснятся некоторые сомнения в возможности ныне же установить для продажи сих рудников условия, которые вполне бы обеспечивали правильную их эксплуатацию и оградили бы казну от претензий частных лиц».

Комитет министров, рассмотрев предложения М. Х. Рейтерна на заседании 2 июля 1874 г., одобрил «в общих чертах» передачу в разработку частным лицам с торгов 28 золотых рудников Екатеринбургского округа, предложив Министерству государственных имуществ составить условия их продажи. В ходе дальнейших работ выяснилось, что таких рудников не 28, а 29, но три из них «составляли принадлежность города». На продажу, таким образом, могли быть выставлены 26 месторождений, открытых, по данным Уральского горного правления, в период с 1758 по 1832 г. Их отграничение производилось на месте «по сохранившимся в натуре шахтам, шурфам и провалам простым обозначением границ, а не межевым порядком». При таких условиях, по мнению И. П. Иванова, на продажу следовало выставить каждый рудник отдельно, начиная торг с 1 тыс. руб. «за каждую отведенную площадь в 1 кв. версту». Видимо, на право разработки рудников было организовано несколько торгов, поскольку их результаты утверждались императором в течение 1876–1878 гг. «За передачею тех участков в разработку частным лицам» казна, видимо, освободилась от всех принадлежавших ей золотых промыслов в дачах Екатеринбургских заводов²¹².

Миасские промыслы

После екатеринбургских наступила очередь златоустовских Миасских промыслов, которые считались самыми богатыми среди всех казенных золотых приисков на Урале. Однако, как писал П. А. Валуев в октябре 1876 г., «вследствие их продолжительной разработки и они, видимо, истощились». Министр с сожалением констатировал, что «с прекращением обязательного труда и с последовавшим чрезмерным возвышением задельных плат рабочим при дороговизне на разные припасы и материалы», а главное, при значительной величине накладных расходов по управлению «добыча золота средствами казны и на Миассе с каждым годом становится все менее и менее выгодной».

Так, когда в 1874 г. промыслы дали 49 пуд. 12 фунтов лигатурного золота, прибыль, за исключением всех расходов и вычетов, достигла «весьма незначительной цифры» в 31 тыс. руб., что составило менее 5% на затраченный капитал. «Забываясь о развитии казенных золотых промыслов на Урале... — писал министр, — я лично осматривал в лето минувшего года Миасские промыслы... и признал необходимым поручить особой комиссией... ближайшее рассмотрение на месте условий этого промысла и изыскание мер к его улучшению»²¹³.

Созданная по предписанию министра комиссия осмотрела прииски и определила, что их особенностью было деление на «нагорные» и «русловые». Первые, «часто незначительные по протяженности, более гнездового характера», располагались «по скатам и увалам гор и холмов»; вторые же залегали по долинам рек, были «более обширными и постоянными», но накрывались мощным слоем пустых пород и вследствие глубины залегания были «водянистыми». К тому же все золотоносные месторождения в округе были недостаточно исследованы. Эти наблюдения позволили комиссии выработать меры по их улучшению, которые включали организацию «последовательной разведки» Миасской дачи и составление планов, устройство железной дороги для перевозки песков, установку гидравлических приспособлений и предоставление большей самостоятельности местной администрации.

Ознакомившись с докладом комиссии, П. А. Валуев предположил, что все эти меры потребуют времени и огромных затрат, а самостоятельность в управлении была совершенно невозможна «без нарушения основных начал казенной администрации». Не найдя «надежных способов к удешевлению добычи средствами казны», он счел «единственно возможной передачу приисков в частные руки», тем более что в Министерстве государственных имуществ уже имелись предложения об этом²¹⁴.

Как уже упоминалось, еще в 1865 г. (повторено в 1867 г.) Миасские прииски намеревался взять в аренду столичный предприниматель К. В. Лерхе. В том же году действительный статский советник М. А. Безобразов подавал прошения Александру II и М. Х. Рейтерну, предлагая «принять на себя арендное содержание» Миасских россыпей сроком на 60 лет и «составить компанию» для их разработки. «Я ручаюсь, — обещал он, — что наименьшая прибыль казны будет в 100 тыс. руб.» при арендной плате по 2,5 тыс. руб. за пуд золота. В первое десятилетие компания должна была сдавать в казну все золото, а затем получала бы право «располагать добытым металлом по своему усмотрению» после уплаты подати. «Мне по природному ходу вещей остается лет десять деятельности, которые я с пользой употреблю как на благо общее, так и на благо своей семьи, устрою дело, которое по вещественному своему значению можно назвать государственным», — объяснял проситель мотивы своих действий²¹⁵.

В 1867 г. доктор медицины П. А. Штерн (проживавший в Санкт-Петербурге по Фонарному пер. в доме Пашенко, кв. 4) хотел получить «на общем законном основании за двойную подать 12 тунележащих приисков», а также право поиска новых россыпей в течение трех лет «в тех местах Миасского округа... где ныне Уральское горное ведомство золото не разрабатывает и свои разведки не производит»²¹⁶.

В 1869 г. всю Миасскую дачу «с лесом и открытыми казенной золотыми приисками» просил продать ему флигель-адъютант граф А. А. Стенбок-Фермор, сын и уполномоченный владелицы Верх-Исетских заводов. Видимо, граф поторопился со своим предложением после знакомства с изданным как раз в том году отчетом В. П. Безобразова

о поездке на Урал, в котором автор счел продажу приисков «желательной и весьма выгодной для казны». А. А. Стенбок-Фермор рассчитал, что в 1861 г. за все прииски Гороблагодатского округа казна получила всего 29 тыс. руб., т. е. по 250 руб. за прииск. Около 300 расположенных в Миасском округе приисков «этой же ценой» дали бы всего 75 тыс. руб. Граф же предлагал уплатить 120 тыс. руб., правда с рассрочкой на 37 лет. «Всякая промышленность тогда только оживляется, когда она ничем не стеснена и не связана. Ничто не может быть шире и просторнее, — добавлял он, — как владение известным предметом на праве полной собственности»²¹⁷. Но, как и всем предшественникам, ему было отказано на том основании, что вопрос о продаже казенных заводов и промыслов еще не был к тому времени окончательно решен. Свое ходатайство никто из упомянутых заявителей не возобновлял после 1871 г., но тогда у Горного департамента имелись уже новые предложения.

В январе 1876 г. П. А. Валуев получил «конфиденциальную записку» директора Горного департамента Ф. И. Раселли, в которой тот сообщал, что «некоторые лица, занимающиеся золотопромышленностью и располагающие солидными материальными средствами, предполагают составить компанию и обратиться в Министерство государственных имуществ с предложением, не найдет ли оно полезным передать этой компании на известный срок разработку Миасских золотых промыслов и предоставить производить разыскания новых месторождений». Аренда, полагал директор, с одной стороны, могла бы избавить казну от «постоянных затруднений относительно оценки золотых промыслов», а с другой — «при известных условиях» стала бы не менее выгодной, чем продажа. Не названные им предприниматели предлагали в течение 24 лет передавать казне в качестве арендной платы четверть добытого золота с гарантией среднегодового объема казенной добычи.

Вслед поступило прошение и от самих компаньонов, раскрывшее прежнюю анонимность. Генерал-лейтенант граф Н. В. Левашов и потомственный дворянин И. К. Дараган намеревались взять в аренду Миасские промыслы уже сроком на 48 лет, но с платой в 20 % от добычи. «В обеспечение солидного исполнения принятых обязательств» они вносили бы залог в 20 % от средней годовой добычи в течение последних трех лет казенной эксплуатации и обещали начать работы уже в следующем году. Из двух просителей наиболее влиятельным был, конечно, граф Н. В. Левашов. В 1860–1870-е гг. он назначался орловским, затем петербургским губернатором, помощником управляющего Третьего отделения Собственной Его императорского величества канцелярии. Его отец был председателем Государственного совета и Комитета министров, а мать, Е. В. Пашкова, — правнучкой знаменитого южноуральского заводчика И. С. Мясникова.

Судя по записи на документе, просители лично встретились с министром и директором Горного департамента для уточнения условий сделки. В октябре 1876 г. Н. В. Левашов представил П. А. Валуеву «дополнение к просьбе», по его словам, «редактированное, согласно различных замечаний... в том виде, как они установлены были во время нашего разговора». По предложению министра в аренду отдавалась не вся огромная Миасская дача, «разработка коей одной компанией едва ли была доступна», а лишь ее южная часть, отделенная от северной части рекой Миасс. Директор Ф. И. Раселли настаивал на бессрочности аренды, «до выработки месторождений», при условии ежегодной добычи не менее 40 пуд. золота в течение первых десяти лет аренды. Принадлежавшее казне имущество приисков компания должна была не принять,

а выкупить с рассрочкой платежа и в обеспечение условий аренды предоставить залог в 125 тыс. руб. Как писал Н. В. Левашов, «при прочтении означенного дополнения Его высокопревосходительство изволил найти его согласным в общих чертах с основаниями, им одобренными»²¹⁸.

Действительно, П. А. Валуев был доволен соглашением. В письме министру финансов М. Х. Рейтерну он сообщал, что «сделанное компанией предложение 20% от выработки представляется настолько выгодным, что едва ли можно было рассчитывать на большее вознаграждение даже в том случае, если бы вся Миасская дача была разделена на участки и роздана по конкуренции», как это предполагалось делать по Правилам 1871 г.

М. Х. Рейтерн «вполне разделил мнение» П. А. Валуева. «Предложенный вариант аренды имеет ту выгоду, что каждый пуд золота доставит казне известный доход», — ответил он, указав в то же время, что продажа с торгов «имела бы то неоспоримое преимущество, что дело было бы отдано в частные руки за сумму, которая определилась бы торгами и заставила бы владельцев вести добычу на всей территории, а в случае аренды имелась опасность, что не будут выработаны такие пески, которые не в состоянии оплачивать означенную плату». Тем не менее, он согласился одобрить тот вариант, который министр государственных имуществ признал бы «наиболее удобным и выгодным».

Государственный контролер С. А. Грейг, прежде чем дать ответ, получил «удостоверения» от бывшего главного начальника уральских заводов А. А. Иоссы и управляющего Миасских промыслов Н. Д. Севастьянова как лиц, «близко стоящих к делу». Они уверяли, что казенная разработка, которую можно было бы «при безостановочной уборке пустой породы» поднять до 60–70 пуд. в год, принесла бы больше выгод, чем предполагавшаяся аренда. «На основании вышеизложенного, казалось бы, нет настоятельной необходимости особенно спешить передачею Миасских промыслов в частные руки», — советовал государственный контролер, но, так же как и министр финансов, оставлял последнее слово за П. А. Валуевым. «Если же Вы признаете аренду полезной, — добавлял он, — то я полагал бы вряд ли удобным передачу производить без торгов, причем мне казалось бы необходимым, если Вы сочтете нужным остаться при мнении о пользе отдачи этих приисков графу Левашову, ни в коем случае не дробить Миасскую долину на две части и предоставить ее всю в одни руки, потому что северная ее часть гораздо беднее золотосодержащими породами, нежели южная».

Последнее предложение было принято и передано компаньонам, которые поторопились с ним согласиться, тем более что оно соответствовало и их первоначальным намерениям. В скорректированные условия вошло положение о предоставлении им в аренду всей Миасской дачи площадью 185804 тыс. дес. с повышенным обязательством добывать в первое десятилетие до 60 пуд. золота и с увеличенным до 150 тыс. руб. залогом. «В доказательство того, что мы никак не имели намерения обратить просимую аренду в мелкую спекуляцию... — заверяли компаньоны, — обязуемся не раздроблять Миасскую дачу на мелкие участки и не передавать их в разработку другим лицам». Эти основные условия были одобрены Комитетом министров и 31 декабря 1876 г. утверждены Александром II²¹⁹.

В течение января — февраля 1877 г. арендаторы занимались формированием компании. По договору от 19 января того года Н. В. Левашову за участие в заключении арендной сделки досталось 40 паев, а И. К. Дарагану — 360 паев. За передачу паев

своему компаньону граф «получал 5% или 20-ю часть золота без всякого вычета». «Мы образуем компанию и принимаем в дело других лиц по общему нашему согласию», — писали арендаторы. Они сообщили также о том, что уже «изъявили желание на поступление в число компаньонов» полковник В. И. Асташев, генерал-адъютант граф П. А. Шувалов, генерал-адъютант граф И. И. Воронцов-Дашков, потомственный почетный гражданин П. И. Кузнецов и минусинский купец первой гильдии И. Г. Гусев. На следующий день И. К. Дараган уже передал 160 паев из своей доли В. И. Асташеву, который, получив два года назад Березовские промыслы, становился и полноправным участником компании, арендовавшей Миасские золотые прииски. Именно он и должен был по договору внести залог в Министерство государственных имуществ на все 400 паев. Наконец, 26 февраля 1877 г. был заключен итоговый договор о формировании компании «Миасское горнопромышленное дело графа Левашова, Дарагана и К°». В ее состав вошли тогда Н. В. Левашов (30 паев), И. К. Дараган (200), В. И. Асташев (120), П. А. Шувалов (30) и И. И. Воронцов-Дашков (20) с правом участия «во всех прибылях, доходах и убытках соразмерно количеству паев». В Санкт-Петербурге создавалась главная контора, там же созывалось общее собрание участников. Накануне этого события, 22 февраля, был подписан и арендный контракт с казной.

Казенные работы на Миасских приисках прекратились 1 мая 1877 г., и с того же дня промыслы поступили в распоряжение Компании, над действиями которой установили казенный надзор в лице окружного ревизора. Уже 5 мая чиновник Е. В. Пфейфер побывал на приисках. В докладе П. А. Валуеву он писал, что «застал усиленную работу компании». Все служащие, за исключением одного только бывшего управляющего Н. Д. Севастьянова, были «оставлены на своих местах, и нанято много новых служащих». Добыча золота не прекращалась, но «все внимание было обращено на разведку дачи и открытие новых запасов золота», для чего организовано 12 золотоискательных партий²²⁰. Так начинала свою деятельность на казенных Миасских промыслах частная компания. Как и следовало по договору, она приняла движимое имущество на сумму около 200 тыс. руб. Остальное имущество на 40 тыс. руб. было рассортировано «с целью перечисления некоторых годных предметов на другие казенные заводы и обращения негодных на продажу с публичного торга». Эта продажа, по некоторым сведениям, растянулась до середины 1890-х гг.²²¹

В руках частной компании, как и предполагал А. А. Иосса еще при обсуждении проекта в Податной комиссии, добыча золота сначала резко увеличилась. Так, если в первый год аренды, когда передавалось имущество и шло «ознакомление с местными условиями для правильной постановки сложного промышленного предприятия», было намыто всего 38 пуд., то на следующий год, когда было пущено пять «фабрик» и в работах задействовано около 10 тыс. «обывателей», добыча выросла уже до 113 пуд. В 1879 г. она достигла 130 пуд., при этом большая доля драгоценного металла была получена с помощью так называемых «золотничных работ», которые проводились старателями «по отвалам и бортам старых приисков». Поиски же новых месторождений долго «не приносили выгодных результатов», что послужило поводом для компаньонов просить о пересмотре условий аренды. В августе 1879 г. Н. В. Левашов писал об этом П. А. Валуеву. Указав на то, что 70 из 130 пуд. золота в том году было намыто все-таки с арендованных приисков, он пытался опровергнуть ходившие слухи о том, что «будто бы Компания довольствуется одними золотничными работами и мало

беспокоится об изыскании средств и увеличении производства своими собственными силами». Разведками того года были обнаружены золотоносные пески «бедного содержания», несмотря на то что Компании еще год назад разрешили использовать «архивные дела со сведениями о результатах прежних разведок в даче». «Решаюсь просить в случае образования новой компании, — писал граф, — представить соображения об изменении нашего контракта с казной в отношении обязательного количества добычи золота».

Намек о создании новой компании был, очевидно, связан с возникшими «мелкими недоразумениями» между компаньонами, о которых извещал министра Н. В. Левашов еще в июне 1879 г. Он, в частности, упомянул о И. К. Дарагане, который, получив половину паев, «по своему имущественному положению мог бы легко денежно обеспечить дело», но «не умел распоряжаться» и не пользовался «достаточным доверием в торговом мире для денежных оборотов». Инициатор «миасского дела» сообщал, что финансирование работ осуществлялось «благодаря другим пайщикам, в особенности генералу Асташеву», но их средств оказалось недостаточно для увеличения добычи золота и исполнения условий договора. В такой ситуации он просил разрешить передать промыслы французскому акционерному обществу, с которым, по его словам, «случайно сошлись... мои товарищи» и которое «предложило им скупить все их паи и принять на себя обязанности перед казной по разработке Миасских промыслов». «Значительные средства, — добавлял граф, — дадут возможность также обратить, наконец, серьезное внимание на разработку в Миасской даче рудного золота, присутствие коего несомненно»²²².

Дальнейшая история частной разработки золотых приисков в Златоустовском округе еще ждет своего исследователя. Известно, что условия контракта уточнялись в 1891 г., когда среднегодовая добыча была снижена до 30 пуд., и в 1911 г., когда ее сократили до 15 пуд. В августе же 1914 г. Миасская компания, наименование и состав участников которой неоднократно менялись, просила у ведавшего тогда горной отраслью Министерства торговли и промышленности о прекращении своей деятельности²²³. В июле 1915 г. специальная комиссия «из чинов Златоустовского округа» уже принимала дела бывшего Миасского золотопромышленного товарищества и определяла «порядок ликвидации» оставшегося от него имущества. В следующем году бывший Миасский завод был передан военно-промышленному комитету, а затем там оборудовали напильный цех. В феврале прошли торги на имущество, признанное «ненужным для надобностей казенных заводов», а летом местная уездная земская управа просила передать ей здание бывшей конторы, намереваясь открыть там высшее начальное училище²²⁴.

Примечания

¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 1283. Л. 2–7.

² Там же. Оп. 5. Д. 878. Л. 1, 1 об., 3–6 об.

³ Там же. Л. 8–9 об., 12–15; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 760. Л. 56, 70.

⁴ ПСЗ-П. Т. 48. № 52910.

⁵ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 760. Л. 184–200 об.

⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 881. Л. 6–9.

⁷ Там же. Л. 83, 92–94 об., 97, 97 об., 118, 122–123, 126–127 об., 129–134.

⁸ Там же. Л. 135–137, 148–151, 158, 161–167 об., 184–193, 200, 210–211 об., 220, 223, 240; ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 305 (Благодарю В. П. Митилюка за информацию об участниках торгов на имущество Екатеринбургской механической фабрики).

⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. Д. 4081. Л. 8, 8 об.

- ¹⁰ См.: ПСЗ-III. Т. 3. № 1642; ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 997.
- ¹¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 879. Л. 44, 66, 79, 81, 102–103, 129, 138.
- ¹² Там же. Оп. 65. Д. 2309. Л. 1–4 об.
- ¹³ См.: *Неклюдов Е. Г.* Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013. С. 183.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 875. Л. 20–26 об., 31–36.
- ¹⁵ *Ольховая Л. В.* К истории мелкого производства на Урале // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1963. Вып. 3. С. 38; *Поликарпов В. В.* От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX в. М., 2008. С. 261–262.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 1169. Л. 5–9, 18–19.
- ¹⁷ Там же. Л. 21–22, 32–33, 37, 50–52 об., 55–61 об., 65–67.
- ¹⁸ Там же. Оп. 5. Д. 887. Л. 1–2, 6–8.
- ¹⁹ Там же. Л. 3–5 об., 10, 19, 22.
- ²⁰ Там же. Д. 1891. Л. 1–11 об., 18, 18 об., 21.
- ²¹ Там же. Д. 1003. Л. 1–6, 9–11, 36–37 об.
- ²² См.: *Бочаров А. А.* Из истории нереализованных проектов реконструкции комплекса Новой Голландии (по документам РГАВМФ) // Елагинские чтения. 2003. URL: http://rgavmf.ru/lib/bocharov_nov_gollandiya.pdf (дата обращения: 15.05.2015).
- ²³ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1003. Л. 41–48, 62–64, 72–89, 95–98 об.
- ²⁴ См.: Прогулки по Петербургу. Демутов трактир (Бол. Конюшенная ул., 27). URL: http://walkspb.ru/zd/bol_konush27.html (дата обращения: 26.06.2016).
- ²⁵ См.: *Неклюдов Е. Г.* Указ соч. С. 402–407.
- ²⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1003. Л. 101, 129–137, 149–152, 167–171.
- ²⁷ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1002. Л. 31, 76.
- ²⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1004. Л. 7, 80, 80 об., 132, 132 об., 137–138, 149–156, 211; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1002. Л. 84, 84 об.
- ²⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1004. Л. 218–219.
- ³⁰ Там же. Оп. 65. Д. 2129. Л. 1–11.
- ³¹ См.: Узаконения и распоряжения правительства // Горный журнал. 1893. № 9; Журнал Горного ученого комитета от 24 марта 1895 г. № 63 по вопросу о расширении деятельности Гороблагодатского округа // Там же. 1896. № 1. С. 66–80.
- ³² ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1160. Л. 2–3, 24–25, 54, 58, 62–67, 85, 90–90 об.
- ³³ РГИА. Ф. 37. Оп. 13. Д. 1241. Л. 1–8 об., 13–14.
- ³⁴ ПСЗ-III. Т. 41. № 43055; Т. 46. № 50108.
- ³⁵ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 836. Л. 1а–3, 7, 32–34, 42; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 876. Л. 22, 22 об.
- ³⁶ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 836. Л. 49–50 об., 54, 76, 220–222.
- ³⁷ Там же. Д. 1027. Л. 1–4.
- ³⁸ Отчет уральской экспедиции для исследования хозяйства казенных горных заводов. СПб., 1888. Ч. 1. С. 479–484.
- ³⁹ См.: ПСЗ-III. Т. 11. № 7960.
- ⁴⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. Д. 4081. Л. 10 об.; Оп. 19. Д. 381. Л. 47–48.
- ⁴¹ *Сигов И.* Видения профессора Менделеева на Урале // Русское богатство. 1901. № 4.
- ⁴² См.: *Заблоцкий Е. М.* Личный состав уральских горных заводов. Классные чины. URL: <http://russmin.narod.ru/bioUral03.html> (дата обращения: 26.06.2016).
- ⁴³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 381. Л. 6–11 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 6, 12–13.
- ⁴⁵ Там же. Л. 49–56.
- ⁴⁶ См.: *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: энциклопедия.* Екатеринбург, 2001. С. 525; ГАСО. Ф. 24. Оп. 6. Д. 4897. Л. 9–9 об.
- ⁴⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 6. Д. 4734. Л. 7, 19; Оп. 19. Д. 1080. Л. 16–17.
- ⁴⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 345. Л. 22, 22 об.
- ⁴⁹ Там же. Оп. 5. Д. 1125. Л. 4–8 об.
- ⁵⁰ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 760. Л. 344, 344 об.; ПСЗ-III. Т. 2. № 1020.
- ⁵¹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 961. Л. 315–320 об.
- ⁵² Там же. Д. 1101. Л. 1–3 об., 17–18.
- ⁵³ Там же. Л. 21, 24–29, 31.
- ⁵⁴ *Барбот де Марни Е. Н.* Урал и его богатства. Екатеринбург, 1910. С. 137, 138.

- ⁵⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 6. Д. 4734. Л. 1, 21; Д. 4897. Л. 7.
- ⁵⁶ См.: *Поликарпов В. В.* Указ. соч. С. 249; *Шумкин Г. Н.* Казенные горные заводы Урала в политике горного ведомства в конце XIX – начале XX в. // Урал. ист. вестн. 2007. № 16. С. 38–44.
- ⁵⁷ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 961. Л. 1–14, 26–27.
- ⁵⁸ Там же. Л. 21, 23–23 об., 30–36 об.
- ⁵⁹ Там же. Л. 125, 154, 159.
- ⁶⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 12. Д. 175. Л. 1–5 об.
- ⁶¹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 961. Л. 296, 301–320 об., 349–352 об.
- ⁶² РГИА. Ф. 37. Оп. 12. Д. 175. Л. 69–79.
- ⁶³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 43. Л. 2–4 об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 6–15, 21.
- ⁶⁵ Там же. Д. 391. Л. 5–12.
- ⁶⁶ Там же. Л. 14–16 об., 20–21 об.
- ⁶⁷ См.: *Неклюдов Е. Г.* Указ. соч. С. 588–590.
- ⁶⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 391. Л. 22–24, 26–37, 40, 40 об.
- ⁶⁹ Там же. Л. 57, 72–73, 77–80.
- ⁷⁰ *Белов В. Д.* Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896. С. 154–158.
- ⁷¹ Уральская железная промышленность в 1899 г., по отчетам о поездке, совершенной с высочайшего соизволения: С. Вуколовым, К. Егоровым, П. Земляченским и Д. Менделеевым, по поручению г-на министра финансов, статс-секретаря С. Ю. Витте. СПб., 1900. С. 132, 133.
- ⁷² ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1389. Ч. 1. Л. 9–16; Оп. 6. Д. 5373. Л. 1; *Бисарнов М. Д.* Краткий обзор деятельности горного ведомства в 1905 г. (по отчету Горного департамента) // Горный журнал. 1905. № 8. С. 200.
- ⁷³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1174. Л. 78–79, 230; Оп. 6. Д. 5373. Л. 159, 171.
- ⁷⁴ Там же. Оп. 19. Д. 1389. Ч. 1. Л. 1, 6–7, 21–22, 65–68 об., 76, 183, 223–223 об.
- ⁷⁵ См. об этом: *Ольховая Л. В.* К истории мелкого производства на Урале (Нижнеисетская трудовая артель. 1906–1915 гг.) // Вопросы истории Урала. Вып. 3. Свердловск, 1963. С. 7–14; *Она же.* Из истории кооперативного движения на Урале в 1905–1914 гг. // Вопросы истории Урала. Пермь, 1966; *Милова О. Л.* Опыт арендного управления казенным заводом: рабочая артель Нижнеисетского железодельного завода (1906–1914) // Доклады Вторых Морозовских чтений. Ногинск; Богородск, 1996. С. 115–118.
- ⁷⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 7. Д. 121. Л. 10, 21, 40, 40 об., 86, 90–92, 105, 116, 481, 492, 492 об.
- ⁷⁷ Там же. Оп. 19. Д. 1080. Л. 16–17, 62, 69, 196, 220, 315, 384.
- ⁷⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 1525. Л. 4–7.
- ⁷⁹ Там же. Оп. 5. Д. 884. Л. 232–243 об.
- ⁸⁰ Там же. Оп. 64. Д. 585. Л. 34–37 об.
- ⁸¹ Там же. Л. 4–14 об.
- ⁸² Там же. Оп. 11. Д. 1113. Л. 1–8 об.
- ⁸³ См.: *Кондратенко Р. В.* Л. П. Семечкин. Судьба теоретика крейсерской войны. СПб., 2003.
- ⁸⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 64. Д. 585. Л. 48–58, 71–72 об.
- ⁸⁵ Там же. Л. 67–70 об.; Оп. 65. Д. 2000. Л. 17–21 об.; ПСЗ-II. Т. 50. № 54591.
- ⁸⁶ См.: ПСЗ-II. Т. 50. № 55361.
- ⁸⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 64. Д. 585. Л. 76–78, 83, 83 об., 85–91, 135, 141–142; Оп. 65. Д. 2000. Л. 17–21 об.
- ⁸⁸ Там же. Оп. 64. Д. 585. Л. 178–179 об.
- ⁸⁹ Там же. Оп. 65. Д. 2000. Л. 3–7 об.
- ⁹⁰ Там же. Л. 9–14, 17–23 об.
- ⁹¹ Там же. Оп. 12. Д. 129. Л. 1–16.
- ⁹² Там же. Д. 456. Л. 1–2.
- ⁹³ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. Ч. 5: Горное дело. СПб., 1888. С. 149.
- ⁹⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 12. Д. 719. Л. 1–4, 11–15.
- ⁹⁵ Там же. Л. 16–21; Оп. 64. Д. 585. Л. 228–231.
- ⁹⁶ Там же. Оп. 12. Д. 719. Л. 25, 25 об., 31–34 об., 42–44, 57–58, 64.
- ⁹⁷ Там же. Л. 78; Д. 1234. Л. 1; ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. Д. 4081. Л. 8 об. – 9 об.; Узаконения и распоряжения правительства // Горный журнал. 1892. № 11. С. 267, 268.
- ⁹⁸ См.: ПСЗ-III. Т. 2. № 1085.
- ⁹⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 884. Л. 19–22, 43, 46–49 об.; Оп. 64. Д. 585. Л. 4–11 об., 43, 43 об.
- ¹⁰⁰ Там же. Оп. 5. Д. 884. Л. 54–57, 69–70, 75–78 об.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 87–88, 105, 108, 157, 179, 209, 257–260.

- ¹⁰² ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. Д. 4081. Л. 8 об.–9 об.
- ¹⁰³ См.: Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. С. 151.
- ¹⁰⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 884. Л. 217–223, 232–243 об., 252, 252 об.; Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. С. 150.
- ¹⁰⁵ РГИА. Ф. 44. Оп. 4. Д. 204. Л. 1–10, 23, 30–31, 38, 68–76.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 59, 87–100, 119–122, 174, 186–187 об.
- ¹⁰⁷ См.: Об устройстве Алагирского серебрясвинцового завода в Осетии // Горный журнал. 1850. № 6. С. 104–119; Современное состояние Алагирского серебрясвинцового завода // Там же. 1861. № 3. С. 563–567; О горнозаводской производительности в Кавказском и Закавказском крае по 1863 г. // Там же. 1874. № 4. С. 124, 125; *Семяников Л. П.* Казенный Алагирский серебрясвинцовый завод на Кавказе // Там же. 1888. № 7. С. 62–65; *Бадов Ч. Р.* Русскоязычное население в истории Алагирского серебрясвинцового завода (вторая половина XIX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 11 (25), ч. 2. С. 36–40; *Чушева М. Ч.* Введение золотого стандарта рубля и его последствия для горнопромышленных предприятий Осетии в конце XIX – начале XX в. // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22232> (дата обращения: 30.03.2017).
- ¹⁰⁸ См.: *Миклашевский П. И.* Несколько слов о серебрясвинцовом производстве на Алагирском заводе на Кавказе // Горный журнал. 1878. № 1. С. 61–68.
- ¹⁰⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 268. Л. 1–3.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 3–13.
- ¹¹¹ Там же. Л. 15–18 об.
- ¹¹² Там же. Л. 23–29, 71–78, 147–150, 197–198.
- ¹¹³ Там же. Оп. 12. Д. 1218. Л. 4–5 об.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 1–2.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 3–9.
- ¹¹⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. Д. 4081. Л. 11 об.
- ¹¹⁷ См.: ПСЗ-III. Т. 15. № 11245, 11834.
- ¹¹⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 2083. Л. 11–13, 216, 256–265.
- ¹¹⁹ Там же. Л. 150–157.
- ¹²⁰ Там же. Л. 225, 256–265.
- ¹²¹ См.: *Бадов Ч. Р.* Указ. соч. С. 39; *Бисарнов М. Д.* Краткий очерк горнозаводской промышленности России за 1905 г. // Горный журнал. 1907. № 8. С. 192; *Шапирер П. Н.* Применение электричества в горной промышленности // Там же. 1900. № 8. С. 233.
- ¹²² См.: Официальная часть // Горный журнал. 1901. № 8. С. 209, 210.
- ¹²³ РГИА. Ф. 37. Оп. 68. Д. 309. Л. 1–3; Д. 246.
- ¹²⁴ См.: *Мосунова Т. П., Микитюк В. П., Неклюдов Е. Г.* Род Поклевских-Козелл. Екатеринбург, 2014.
- ¹²⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 68. Д. 671. Л. 1–4, 65–68 об., 199–200 об.
- ¹²⁶ Там же. Оп. 67. Д. 412. Л. 36–40.
- ¹²⁷ Там же. Оп. 68. Д. 671. Л. 229–230, 264–265.
- ¹²⁸ Там же. Оп. 67. Д. 719. Л. 4, 5, 8, 12–18; Оп. 68. Д. 671. Л. 381–383.
- ¹²⁹ См.: Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. С. 273.
- ¹³⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 13. Д. 1237. Л. 1–9.
- ¹³¹ Там же. Оп. 11. Д. 1138. Л. 1–9 об., 10.
- ¹³² Там же. Д. 886. Л. 1–4, 8–16, 22–23 об., 27–29 об., 33.
- ¹³³ См.: Николае-Павдинский завод // Горный журнал. 1867. № 11. С. 247–261.
- ¹³⁴ См.: *Неклюдов Е. Г.* Указ. соч. С. 428, 429.
- ¹³⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4291. Л. 1.
- ¹³⁶ Там же. Оп. 19. Д. 500. Л. 23–25, 100–103, 133.
- ¹³⁷ Там же. Л. 199, 240–242 об.; Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. С. 356, 449.
- ¹³⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 500. Л. 254–255 об., 261, 263, 267.
- ¹³⁹ См.: *Неклюдов Е. Г.* Указ. соч. С. 430–432.
- ¹⁴⁰ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. С. 143–145.
- ¹⁴¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 882. Л. 23–31, 200–206 об.; Оп. 73. Д. 114. Л. 11–13 об., 136 об.–141.
- ¹⁴² *Ауэрбах А. А.* Исторический очерк развития горного дела в Богословском округе. СПб., 1882. С. 3.
- ¹⁴³ См.: ПСЗ-II. Т. 50. № 54581.

- ¹⁴⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 73. Д. 114. Л. 2–7 об.
- ¹⁴⁵ Там же. Л. 11–14, 21–23, 30.
- ¹⁴⁶ Там же. Л. 54–61 об.
- ¹⁴⁷ Там же. Л. 99–105, 136 об.–141, 149–151; Оп. 5. Д. 882. Л. 200–206 об., 215.
- ¹⁴⁸ *Ауэрбах А. А.* Указ. соч. С. 3, 11.
- ¹⁴⁹ См.: *Неклюдов Е. Г.* Указ. соч. С. 555–566.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 414–417.
- ¹⁵¹ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 754. Л. 1–2.
- ¹⁵² РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1660. Л. 1–2.
- ¹⁵³ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. С. 145, 146.
- ¹⁵⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. Д. 4081. Л. 8, 8 об.
- ¹⁵⁵ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 981. Л. 27–30.
- ¹⁵⁶ Там же. Л. 51, 53, 57–58, 61–64, 317; Ф. 24. Оп. 19. Д. 121.
- ¹⁵⁷ Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2978. Л. 45–51 об.
- ¹⁵⁸ См.: ПСЗ-II. Т. 45. № 48322; *Дорошин П. П.* Перечень заводов и рудников Царства Польского // Горный журнал. 1858. № 4. С. 174–178; *Иосса Г. А.* О действии казенных горных заводов в Царстве Польском за 1959 г. // Там же. 1859. № 4. С. 132–147; *Хорошевский В. В.* Цинковые руды и плавка их в Западном горном округе Царства Польского // Там же. 1867. № 11. С. 151–172; Указания и распоряжения правительства // Там же. 1870. № 9. С. CVII–CXVI.
- ¹⁵⁹ ПСЗ-II. Т. 39. № 40611.
- ¹⁶⁰ См.: Рапорт директора Горного департамента, представленный господину министру финансов о состоянии горнозаводской промышленности в России за последние десять лет // Горный журнал. 1874. № 1/2. С. 25, 26, 33; РГИА. Ф. 37. Оп. 7. Д. 314. Л. 158.
- ¹⁶¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 7. Д. 2. Л. 8, 94–126; ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. Д. 4081. Л. 11 об.–12 об.
- ¹⁶² Френкели. URL: <http://ru.rfwiki.org/wiki/Френкели> (дата обращения: 26.04.2016).
- ¹⁶³ ПСЗ-II. Т. 50. № 54870.
- ¹⁶⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 7. Д. 2. Л. 292, 356, 553.
- ¹⁶⁵ Там же. Д. 314. Л. 1, 3, 15–18, 158–164.
- ¹⁶⁶ *Лоранский А. М.* Горнозаводское дело в России в 1875 г. // Горный журнал. 1876. № 3. С. 274–275; *Хорошевский В. В.* О горнозаводском товариществе в Царстве Польском // Там же. 1879. № 12. С. 381, 382.
- ¹⁶⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 1395. Л. 2–12, 15.
- ¹⁶⁸ Там же. Д. 1398. Л. 18–20, 26–35 об., 39–40 об., 46.
- ¹⁶⁹ ПСЗ-III. Т. 27. № 29446.
- ¹⁷⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 7. Д. 314. Л. 47, 64, 156–164.
- ¹⁷¹ См.: *Хильчинский С. А.* Статистико-экономический очерк железной промышленности Царства Польского // Горный журнал. 1883. № 6. С. 434.
- ¹⁷² РГИА. Ф. 37. Оп. 73. Д. 234. Л. 2–3, 18, 37–48 об., 258.
- ¹⁷³ *Згленецкий В. К.* О состоянии железной промышленности в Царстве Польском и необходимых мерах для ее развития // Горный журнал. 1886. № 5. С. 335–353.
- ¹⁷⁴ См.: Указания и распоряжения правительства // Горный журнал. 1891. № 12. С. XXII–XXXIII.
- ¹⁷⁵ *Корзун И. А.* Памяти горного инженера И. А. Антипова // Горный журнал. 1912. № 12. С. 393.
- ¹⁷⁶ ПСЗ-III. Т. 16. № 13556.
- ¹⁷⁷ См.: *Турьян С. А.* Горнозаводская промышленность России в 1913 г. // Горный журнал. 1917. № 1–3. С. 119.
- ¹⁷⁸ Об отдаче в аренду, без торгов, казенного Мрочковского чугуноплавильного завода в Родомской губернии // Горный журнал. 1894. № 10. С. 175; Отчет Горного департамента за 1893 г. СПб., 1894. С. 177–178.
- ¹⁷⁹ ПСЗ-III. Т. 16. № 12579.
- ¹⁸⁰ Там же. Т. 18. № 15724.
- ¹⁸¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 64. Д. 1913. Л. 2–3.
- ¹⁸² *Шеповальников А. П.* Сведения о действии доменных печей на казенных горных заводах за 1900 г. // Горный журнал. 1901. № 12. С. 283; *Он же.* Сведения о действии доменных печей на казенных горных заводах за 1902 г. // Там же. 1903. № 9. С. 376, 391.
- ¹⁸³ *Сурдул Н. И.* Сведения о действии доменных печей на казенных горных заводах за 1903 г. // Горный журнал. 1906. № 1. С. 122; *Он же.* Сведения о действии доменных печей на казенных горных заводах за 1904 г. // Там же. 1906. № 8. С. 241.
- ¹⁸⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 94. Л. 14–16 об.

- ¹⁸⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 73. Д. 157. Л. 1.
- ¹⁸⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 295 (2). Л. 2–5, 23–24, 36.
- ¹⁸⁷ Там же. Л. 71, 71 об.; Д. 295 (1). Л. 29–30 об.
- ¹⁸⁸ Там же. Д. 295 (2). Л. 78, 81, 89, 105, 109, 122; Д. 295 (1). Л. 29–30 об.
- ¹⁸⁹ Там же. Д. 295 (1). Л. 5–11, 25–26, 29–30 об.
- ¹⁹⁰ Там же. Л. 9–11, 29–30 об.; Д. 295 (2). Л. 234, 238.
- ¹⁹¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1020. Л. 1–10 об., 17.
- ¹⁹² Там же. Л. 29–37 об., 42, 46.
- ¹⁹³ См.: ПСЗ-II. Т. 48. № 52024.
- ¹⁹⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 873. Л. 1–4 об., 9–10.
- ¹⁹⁵ Там же. Л. 1а, 40, 40 об., 50–53, 57–62.
- ¹⁹⁶ См.: *Сапоговская Л. В., Рукосуев Е. Ю.* Березовская золотопромышленная компания (1874–1917 гг.). Екатеринбург, 2004.
- ¹⁹⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 872. Л. 3–4 об.
- ¹⁹⁸ Там же. Л. 6–12 об.
- ¹⁹⁹ Там же. Л. 17–28 об., 68–76, 80.
- ²⁰⁰ См.: *Сапоговская Л. В., Рукосуев Е. Ю.* Указ. соч. С. 119–132.
- ²⁰¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 880. Л. 93–98, 106–110.
- ²⁰² Там же. Д. 886. Л. 1–7 об.
- ²⁰³ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 913. Л. 1, 18–20 об.
- ²⁰⁴ См.: *Сапоговская Л. В., Рукосуев Е. Ю.* Указ. соч. С. 24–36.
- ²⁰⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 888. Л. 39–44, 130, 156; Д. 885. Л. 13, 143–144.
- ²⁰⁶ См.: *Сапоговская Л. В., Рукосуев Е. Ю.* Указ. соч. С. 46, 61–68, 173, 174, 222.
- ²⁰⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 12. Д. 113. Л. 1–3.
- ²⁰⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5769. Л. 1–2.
- ²⁰⁹ Там же. Л. 3–7 об., 17–20.
- ²¹⁰ Там же. Л. 9, 27, 31, 35, 43.
- ²¹¹ Там же. Оп. 16. Д. 391. Л. 77, 77 об.; Указания и распоряжения правительства // Горный журнал. 1896. № 1. С. 2, 3; *Барбот де Марни Е. Н.* Указ. соч. С. 309, 336.
- ²¹² РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 886. Л. 1–7 об., 16–30 об., 33, 86–88 об., 94 об.
- ²¹³ Там же. Д. 889. Л. 1–3.
- ²¹⁴ Там же. Л. 23–32 об.
- ²¹⁵ Там же. Оп. 11. Д. 881. Л. 1–6 об.
- ²¹⁶ Там же. Д. 1078. Л. 1–2.
- ²¹⁷ Там же. Оп. 41. Д. 237. Л. 1–8.
- ²¹⁸ Там же. Оп. 5. Д. 889. Л. 4, 17–21.
- ²¹⁹ Там же. Л. 62–64 об., 66–71, 90–92, 104–107 об.
- ²²⁰ Там же. Л. 118–125 об., 161, 186, 201–204, 220.
- ²²¹ Там же. Д. 890. Л. 342, 435.
- ²²² Там же. Д. 891. Л. 9–10, 25, 60, 67–73 об.
- ²²³ См.: Миасс. Энциклопедический словарь. URL: <http://miass.info/slovari/article.php?article=858> (дата обращения: 25.06.2016).
- ²²⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2762. Л. 7, 13–16, 18.

ГЛАВА III

ЛИКВИДАЦИЯ ПОСЕССИЙ

1. Подготовка проектов выкупа посессий (1863–1879)

Деятельность Горной комиссии

Посессионное право в России распространялось не только на горные заводы, но и на многие другие предприятия, относившиеся к так называемой фабрично-заводской промышленности. Их владельцы тоже старались избавиться от ограничений, сопряженных с полученными при основании фабрик казенными пособиями, и преуспели в этом больше, чем горнозаводчики. Уже с 1840-х гг. началось постепенное снятие с них «ограничительных условий посессионного владения», завершившееся сразу после реформы 1861 г.¹ Осуществить это фабрикантам и властям было проще из-за «облегченного» состава «фабричных посессий», к которым относились отведенные от казны земли, «приписанные мастеровые люди» и «дозволение владельцам на покупку крестьян»². После отмены крепостного права из этого перечня осталось только «пособие в землях», незначительное по своим масштабам.

Именным указом от 16 марта 1861 г. из разряда посессионных были исключены предприятия фабрично-заводской промышленности, «при коих не имелось ни крестьян, приписанных от казны, ни земель, отведенных казною»³. Государственный совет своим мнением от 27 мая 1863 г. освободил от условий посессионного владения и фабрикантов, имевших отведенные земли, причем эти земли они безвозмездно получили в «полную собственность»⁴.

К тому времени вопрос о «горной посессии» уже ставился в Комиссии по пересмотру Горного устава, и принятые меры по отношению к фабрикантам-посессионерам не могли не отразиться на ее деятельности. Судя по журналу заседаний Комиссии, еще в марте 1862 г. министр финансов М. Х. Рейтерн обращался в Главный комитет об устройстве сельского состояния относительно отмены существующих ограничений для посессионных горных заводов. Комитет 23 апреля предложил министру выработать «окончательные свои предположения по этому предмету». Ускорили подготовку законопроекта прошения уральских заводчиков-посессионеров, которые обратили внимание на возникший юридический прецедент, связанный с утратой для горных заводов значения «пособия в людях» и «правового пособия» и с принятыми решениями по отношению к фабрикантам. Казалось бы, подобные меры должны распространиться и на посессионный сектор горнозаводской промышленности и тем самым облегчить его положение в условиях острого финансового кризиса, который переживали тогда заводы.

В декабре 1862 г. подполковник И. П. Котляревский, управлявший Сергинско-Уфалейским округом наследников К. М. Губина, направил прошения Александру II

и главному начальнику уральских заводов Ф. И. Фелькнеру. Он просил перевести Сергинские заводы, состоявшие на посессионном праве, в разряд владельческих и платить за них «обыкновенную горную подать». О том же подали прошение и владелицы Кыштымских заводов М. Л. Харитоновы и Е. Л. Зотова, а также владелец Авзяно-Петровских заводов Д. Е. Бенардаки, которые, как и наследники К. М. Губина, испытывали крупные финансовые затруднения⁵. Местное горное начальство не имело ничего против такого «перечисления», поскольку получение заводами владельческого статуса отчасти снимало с него ответственность за них в столь сложный период. Более того, судя по имевшейся в распоряжении горных властей информации, на «перечисление» могли претендовать не только заявившие об этом, но и некоторые другие горнозаводские округа Урала, а также несколько посессионных заводов Замосковского района. Дело, таким образом, выходило за рамки единичного случая и приобретало общегосударственное значение. Поэтому оно и было передано на рассмотрение Горной комиссии.

Судя по программе заседаний, в феврале 1863 г. Комиссия начала обсуждать вопрос о посессионном праве, признанном, как уже упоминалось, не соответствующим новым условиям развития российской промышленности. Принятые и подготавливавшиеся в то время решения о «фабричной посессии» подтолкнули членов Комиссии рассмотреть возможности их распространения и на горнозаводскую отрасль. Очевидно, многоопытные «горные генералы» хорошо понимали отличие «горнозаводской посессии» от «фабричной» и вытекавшие отсюда трудности при ее ликвидации. Помимо «пособия в людях» и «правового пособия», она включала еще и «пособия в землях, лесах и рудниках». Несравнимы были и масштабы пособий: по имевшимся сведениям, ко всем российским посессионным фабрикам была приписана всего 21 тыс. дес. земли (в том числе 13 тыс. дес. — к одной Панаевской писчебумажной фабрике в Тобольской губернии), в то время как только уральские посессионные горнозаводские округа включали около 5 млн дес. земли. «Посессионные заводы, владея чрезвычайно обширными... пространствами данных от казны земель и лесов, едва ли могут без ущерба казенного интереса быть подведены под высочайше утвержденные 27 мая 1863 г. правила о посессионных фабриках, пользовавшихся ничтожными, сравнительно с посессионными горными заводами, пособиями», — полагали члены Комиссии. Заводы, имевшие «пособия в землях, лесах и рудниках», решили пока «оставить в числе посессионных». Но при этом было учтено, что некоторые из них пользовались рудниками, располагавшимися не на приписанных к заводам землях, а на соседних казенных территориях. Такая посессия, по мнению членов Комиссии, могла быть заменена действовавшей с 1806 г. податью (по $\frac{1}{4}$ коп. с пуда добытой руды), которую платили владельческие заводы, пользовавшиеся казенными рудниками⁶.

Одновременно был сделан важный шаг к прекращению распространения посессионного права на новые территории и строящиеся горные предприятия. Уже упоминалось, что по представлению министра государственных имуществ, поддержанному министром финансов, Государственный совет 18 марта 1863 г. одобрил новые правила о порядке наделения лесами горных заводов на территории Европейской России и Урала. Как новым, так и существующим частным заводам отводы казенных лесов безвозмездно в посессию больше не производились; отныне для снабжения топливом предприятия могли арендовать свободные лесные участки на срок не более 48 лет с правом ежегодно вырубать по одной лесосеке (рассчитанной на годовое потребление

топлива) за установленную по таксации лесов плату, не меняющуюся в течение всего арендного срока⁷.

Приняв все это во внимание, Горная комиссия разработала проект закона, аналогичного указу от 16 марта 1861 г., но касавшегося горнозаводчиков. Он был представлен Государственному совету и утвержден 9 декабря 1863 г. в качестве первого шага на пути решения посессионной проблемы. «Впредь до окончательного решения о том, на каком основании могли бы быть освобождены от посессионных условий заводы, имеющие в посессии от казны земли и леса», министру финансов было предписано «сделать распоряжения... об исключении из числа посессионных и перечислении во владельческие, относительно как размера подати с добываемых металлов, так и всех прав по владению и распоряжению... а) заводов, не имеющих от казны посессии в землях, лесах или людях, но числящихся посессионными потому только, что принадлежат или прежде принадлежали, с состоящими при них на посессионном праве крепостными заводскими людьми, лицам не дворянского состояния; б) заводов, кои, хотя и имели пособие в данных от казны рабочих людях (имелись в виду казенные мастеровые и непременно работники. — *Е.Н.*), но с изданием Положений 19 февраля 1861 г. не пользующихся более обязательною работою сих людей, и в) заводов, которые, не имея ни земель, ни лесов посессионных, пользуются... только отведенными на казенных землях рудниками с тем, что обязаны платить особо установленную подать по $\frac{1}{4}$ коп. серебром с пуда руды»⁸.

В ходе предварительного обсуждения подготовленного Комиссией законопроекта в Главном комитете об устройстве сельского состояния в него было включено важное условие «перечисления»: оно могло состояться только в том случае, если владельцы выполняют требования другого законодательного акта — «О мерах к обеспечению горнозаводского населения частных горных округов» от 3 декабря 1862 г., — в разработке которого принимала участие та же Горная комиссия. Для получения предусмотренных этим законом налоговых льгот заводчики должны были предоставить «состоящим при посессионных заводах мастеровым усадьбы безвозмездно, покосы же и топливо на первые три года — в безвозмездное пользование, а на следующие три года — за половину установленной платы». Эта взаимосвязь двух законоположений существенно повлияет на ход «перечисления», растянув его на длительное время (см. разд. 3 гл. III).

На основании имевшихся в Горном департаменте сведений был составлен список посессионных горных заводов, из которых следовало выбрать кандидатов на «перечисление». В ведении Уральского горного правления на территории Пермской, Вятской, Оренбургской, Уфимской и некоторых смежных губерний находилось 23 (из 42 частных) посессионных горнозаводских округа⁹. Из них Нижнетагильский округ, включавший 629 773 дес. земли и девять заводов, принадлежал представителю шестого поколения знаменитого рода уральских заводчиков камер-юнкеру П. П. Демидову, которому впоследствии перешел от дяди тосканский титул князя Сан-Донато. Округ имел «пособия в землях, лесах и рудниках, находившихся в заводских дачах». Представитель другой ветви этого рода полковник П. А. Демидов владел Ревдинскими заводами (200 455 дес.; три завода), пользовавшимися «пособиями в землях, лесах, рудниках, находившихся в дачах Екатеринбургских казенных заводов, и в людях, признанных в 1857 г. заводскими крепостными». Демидовские же Суксунские заводы (478 601 дес.; восемь заводов) с 1848 г. принадлежали первой в истории уральской промышленности акционерной компании. В 1863 г. она обанкротилась, а заводы были взяты в казенное управление. Считалось, что они пользовались «пособиями в землях, лесах и рудниках,

расположенных на казенных землях ведомства государственных имуществ (кроме Камбарского завода, признанного владельческим)».

Несколько крупных посессионных округов принадлежало потомкам знаменитого С. Я. Яковлева. Казенные земли, леса и рудники были у старейшего Невьянского округа (178969 дес.; три завода) наследников П. С. Яковлева. Верх-Исетский округ (691870 дес.; 13 заводов) графини Н. А. Стенбок-Фермор (урожденной Яковлевой) пользовался «пособиями в землях, лесах, рудниках, находившихся в казенных дачах, и в казенных мастеровых и непременных работниках». Наследники С. С. Яковлева владели Алапаевским округом (844581 дес.; четыре завода), который имел «пособия в землях, лесах, рудниках в дачах Екатеринбургских казенных заводов и в людях, признанных государственными мастеровыми и непременными работниками».

Наследницам вольского купца Л. И. Расторгуева потомственным почетным гражданкам М. Л. Харитоновой и Е. Л. Зотовой принадлежали Кыштымские заводы (425604 дес.; шесть заводов), считавшиеся посессионными, поскольку «состояли во владении недворян и имели вечноотданных людей, признанных в 1857 г. заводскими крепостными». Несколько наследников А. Ф. Турчанинова владели Сысертским округом (253960 дес.; пять заводов), который пользовался пособиями «в землях, лесах, рудниках, находившихся в дачах Каменского казенного завода, и в казенных мастеровых и непременных работниках». В Сергинско-Уфалейском округе (426413 дес.; восемь заводов) наследников почетного гражданина К. М. Губина посессионными считались пять Сергинских заводов. Они находились во владении недворян и пользовались «пособиями в рудниках, состоявших в дачах казенных заводов, и людях, признанных казенными непременными работниками». Небольшой Шайтанский округ (34666 дес.; два завода) принадлежал наследницам И. М. Ярцова — М. И. Кузьминой и О. И. Берг. Округ имел «пособия в землях, лесах и рудниках, находившихся в дачах Екатеринбургских казенных заводов».

Кнауфские заводы (187998 дес.; семь заводов) с 1853 г. находились во владении акционерной компании, но в 1864 г. из-за ее банкротства перешли под казенное управление. Считалось, что они состояли во владении недворян (их бывший владелец А. А. Кнауф был московским купцом) и имели «пособия в землях, лесах, рудниках, находившихся в казенных землях ведомства государственных имуществ». Два принадлежавших Кнауфскому округу Саранинских завода признавались посессионными только из-за недворянского статуса их бывшего владельца.

Заводы Кирсинские (209367 дес.; три завода) и Кажимские (119294 дес.; три завода) в списке были показаны отдельно, хотя составляли одно хозяйство в руках отставного поручика Д. Е. Бенардаки. Они числились посессионными, поскольку пользовались «пособиями в землях, лесах и рудниках, находившихся в казенных землях ведомства государственных имуществ, и в людях, признанных заводскими крепостными». Этому же владельцу принадлежали Авзяно-Петровские заводы (96076 дес.; два завода), которые пользовались лишь трудом казенных мастеровых.

Петербургский купец Ф. П. Никифоров владел двумя Гагинскими заводами, которые распологались на землях, кортомленных у башкир, и пользовались трудом казенных непременных работников. Холуницкие заводы (за ними числилась всего 6401 дес., но происходил отвод еще 300442 дес.; пять заводов) полковника А. Д. Пономарева имели «пособия в землях, лесах и рудниках, находившихся в казенных землях ведомства государственных имуществ, и в 74 казенных мастеровых». Казенные «пособия в землях, лесах и рудниках» имелись и у Шурминско-Залазнинских заводов (112829 дес.;

семь заводов) наследников майора Н. И. Мосолова. Такими же пособиями пользовался Омутнинский округ (75 507 дес.; два завода) ярославских купцов Пастуховых.

В группу уральских посессионных заводов входило также несколько мелких медеплавильных предприятий, составлявших самостоятельные горнозаводские хозяйства. Бемышевский завод (16 765 дес.) майора А. Е. Лебедева имел «пособия в землях, лесах, рудниках, находившихся в казенных землях ведомства государственных имуществ». «Как состоявший во владении недворян и имевший пособия в землях и рудниках» числился в сведениях Горного департамента и Шильвинский завод (10 000 дес.) елабужского купца Н. Н. Подъячева. Такие же пособия были у Мёшинского завода (3667 дес.) казанского купца А. А. Коровина. Святочудовский завод инженер-полковника А. А. Грамматчикова бездействовал с 1861 г., но все еще числился в составе посессионных предприятий, поскольку «располагался в площади Святочудовского медного рудника в даче Каменского казенного завода». Святочудовский завод прежде действовал на каменном угле Сухоложских копей и поэтому не имел отводных лесов. Графине О. Н. Рошефор принадлежал Уинский (Ольгинский) округ (50 189 дес.; два завода), в состав которого входил Уинский (Ольгинский 2-й) завод, признававшийся, в отличие от Шермяитского (Ольгинского 1-го), посессионным «как построенный на коротленных у татар землях, в 1807 г. признанных казенными». С 1862 г. оба предприятия уже не действовали. Богословский (Воздвиженский) завод П. И. Шелашникова (16 466 дес.) числился в горном ведомстве как посессионный, пользовавшийся трудом заводских крепостных. В 1863 г. он был перепрофилирован из медеплавильного в селитренный, но все еще оставался в горном ведомстве.

Кроме Урала, посессионные заводы были в Замосковном районе и на Кавказе. По данным Горной комиссии, 17 посессионных предприятий (из учтенных там 42 металлургических заводов и пяти «минеральных» — квасцовых и купоросных) располагались в Тамбовской, Рязанской, Калужской, Орловской, Пензенской и Ярославской губерниях и состояли в ведении Московского горного правления. Это были Виндреевский завод (к нему были приписаны 3202 дес. земли) А. Н. Еракова, Кирицкий (926 дес.) — К. Н. Смолянинова, Истинско-Залипяжский (244 дес.) — торгового дома Барковых, Мышегский (1282 дес.) — княгини Е. Г. Бибарсовой, Дугненский (189 дес.) — мещанина Д. Д. Лаврова, Сенетско-Ивановский (Хотьковский) (3863 дес.) — наследников К. А. Кавериной, Ханинский (6857 дес.) — купца И. Ф. Засыпкина, Серенский и Песоченский (133 и 39 дес. соответственно) — Е. И. Бенардаки, Бытошевский (11 671 дес.) — купца К. В. Мельникова, Авгорский и Сивинский (7157 дес.) — наследников почетного гражданина Н. Д. Манухина, Рябкинский (1086) — Д. С. Селезнева и четыре купоросных завода, принадлежавших купцу Котельникову (36 дес.), купцу Прокунину (211 дес.), братьям Свешниковым (63 дес.) и торговому дому Барковых (4 дес.). В пояснении к списку указывалось, что все эти горные заводы располагались «на собственных землях», за исключением Виндреевского завода и двух «минеральных» — завода Свешниковых и завода торгового дома Барковых, находившихся на городских землях¹⁰.

В начале 1860-х гг. посессионными считались и восемь из 11 медеплавильных заводов в Закавказье (в Тифлисской и Эриванской губерниях). По данным Главного управления кавказского наместника, это были Алавердский, Шамблугский, Кедабекский, Дашкесанский, Сицимаданский, Агаракский, Пирдоуданский и Мисханский заводы. Все эти небольшие предприятия принадлежали компаниям из нескольких совладельцев и пользовались казенными «пособиями в землях, лесах и рудниках»¹¹.

В России существовали и заводы, «приравненные к посессионным». В западных (польских) губерниях к ним могли относиться те предприятия, которые строились владельцами майоратных имений (такие случаи нам неизвестны); в Киргизской степи это были частные горные заводы, уже устроенные на окормленных землях (заводы С. И. Попова и его наследников). Поводом к распространению на них отдельных условий посессионного владения не были «пособия от казны». В первом случае контроль горного ведомства за расходованием природных ресурсов в майоратах, подобный тому, который действовал на посессионных заводах, объяснялся необходимостью сохранения ценности таких «нераздельных имений»; во втором — приравнивание заводов Киргизской степи к посессионным по размеру горной подати объяснялось тем, что заводчикам было запрещено приобретение земли киргизов в собственность¹².

По имевшимся в Горной комиссии данным, претендовать на перемену статуса по закону от 9 декабря 1863 г. из всех посессионных предприятий могли 17 уральских и 13 замосковных заводов, которые соответствовали пунктам 2а и 2б как не имевшие в посессии ни земель, ни лесов. «Все сии заводы, — отмечалось в журнале Комиссии, — считаются посессионными... потому только, что принадлежат или принадлежали, с бывшим крепостным заводским населением, лицам недворянского состояния. Из означенных 30 заводов четыре имели некоторое число данных от казны работников, а некоторым сверх того (как, например, губинским) отведены были... казенные рудники»¹³. Впоследствии эти предприятия и были «перечислены» в группу владельческих заводов (см. разд. 3 гл. III). Кавказские же посессионные заводы не попадали под условия «перечисления», поскольку пользовались «вещественными пособиями» и, кроме того, отношения их владельцев с казной основывались, как правило, на договорных началах. Поэтому перемена их статуса зависела от условий заключенных договоров, а не от положений закона 1863 г. В отношении заводов, «приравненных к посессионным», издавались особые узаконения (в 1886 г. — для киргизских, в 1895 г. — для майоратных польских), снимавшие распространявшиеся на них «условия посессионного владения».

Установив процедуру «перечисления» для посессионных заводов, не пользовавшихся «вещественными казенными пособиями», Горная комиссия обратилась к разработке механизма снятия посессионного статуса с оставшихся предприятий. К ним относились только уральские горнозаводские округа, имевшие «пособия в землях, лесах и рудах», в отношении которых Комиссия предложила «для изменения нынешнего характера их владения, с соблюдением при сем интересов казны, обратить посессии в собственность... не иначе, как посредством выкупа». Объяснялось это решение тем, что, «владея чрезвычайно обширными пространствами данных от казны земель и лесов», они «едва ли могли без ущерба казенного интереса быть подведены под высочайше утвержденные 27 мая 1863 г. правила о посессионных фабриках, пользовавшихся ничтожными, сравнительно с посессионными горными заводами, пособиями». Хотя в Объяснительной записке к составленному Комиссией проекту Горного устава упоминалось о том, что этот вопрос был обсужден «при участии заводоладельцев или их поверенных», вряд ли идея выкупа принадлежала им. Посессионеры настаивали на безвозмездной передаче земель, лесов и рудников, считая их своей собственностью, ограниченной лишь условием промышленного использования. Идея же выкупа вытекала из признания посессий собственностью казны, на чем настаивали члены Горной комиссии. Судя по интенсивности защиты этой идеи в государственных инстанциях и прессе, она была выдвинута Н. И. Михайловым, который активно отстаивал и права

казны на посессионные земли. По аналогии с выкупом крестьянских наделов при отмене крепостного права члены Комиссии сочли ее по-настоящему реформаторской для своего времени.

Однако прежде чем обговаривать условия выкупа, надлежало точно определиться с объектом сделки, т.е. с тем, что конкретно предстояло выкупать заводчикам у казны. Это была непростая задача. В итоге размышлений члены Комиссии пришли к заключению, что «оценка посессионных имений, связанная с таксацией земель и лесов», не только была бы очень сложной, но и «не имела бы за собой строгого справедливого основания». Если бы она проводилась по стоимости на текущий момент, то не учла бы капиталов заводовладельцев, вложенных в отводы «пустопорожных земель» для развития горного производства. Кроме интересов казны, «горные генералы» пытались учесть и интересы заводовладельцев, которые получили посессии «в бессрочное владение» и были за это «обложены в пользу казны добавочной податью с добываемых металлов». Эти установки и привели членов Комиссии к следующему решению основополагающего вопроса об объекте выкупа: ему подлежали не сами посессионные имущества, а лишь право казны на них, реализованное в виде добавочной подати, которая и «определяла стоимость каждого посессионного имения». Справедливой оценкой заводов сочли «капитализацию добавочной подати, ежегодно причитающейся с такого имения, во всегданнее владение предоставленного».

Процент капитализации Комиссия определила по аналогии с обыкновенной банковской процентной ставкой. Средняя добавочная подать при таком расчете составляла бы 5% выкупной суммы. Поскольку величина подати менялась «по действительному ежегодному размеру производства» в каждом округе, было предложено вычислить среднее ее значение «по десятилетней сложности и притом по такому ряду годов, в которые горное производство находилось вне каких-либо временных обстоятельств, имевших влияние на его размер». Таким интервалом членам Комиссии представлялись 1851–1860 гг., поскольку начавшееся после отмены крепостного права «переходное состояние не могло не иметь временного влияния на объем производства, а следовательно, и на размер платимой с него подати».

Посессионеру предлагалось либо внести сразу весь «выкупной капитал», либо получить рассрочку на 37 лет «по банковским правилам», т.е. с ежегодной уплатой 5%, «составлявших текущий интерес и заменявших для казны размер добавочной подати», и дополнительного 1% погашения всего капитала. Чтобы «поддержать непрерывность и исправность выкупных платежей и отстранить какие-либо попытки к преждевременному освобождению от положенных в законе ограничений относительно права распоряжения посессионным имением», члены Комиссии постановили, что эти ограничения сохранялись, и посессионное имение не переходило «на полное владельческое право, пока не совершится окончательно весь выкуп»¹⁴.

В результате обсуждения в предложенный Комиссией проект Горного устава, как уже упоминалось, вошла особая глава из семи параграфов «О порядке и правилах выкупа посессионных горнозаводских имений в собственность владельцев». Выкуп определялся, как и было установлено, «по десятилетней сложности» средней величины добавочной горной подати, которою были обложены посессионные заводы в сравнении с владельческими, капитализированной из 5%. В расчет принималась подать со всех добываемых на заводах металлов (чугун, медь и золото), внесенная заводчиками с 1851 по 1860 г. «Выкупной капитал» можно было уплатить сразу целиком или погашать

в течение 37 лет по 6% в год. Во втором случае завод платил горную подать «наравне с заводами владельческими», но не освобождался от посессионных ограничений, пока не совершался полный выкуп. Чтобы подтолкнуть посессионеров к добровольному заключению выкупной сделки, предполагалось установить этот порядок на 20 лет, после чего казна сохраняла за собой «право постановить новые правила, сообразные с экономическими обстоятельствами времени».

Две статьи определяли отношения между заводчиками и горнозаводским населением выкупаемых округов. Члены Комиссии сочли необходимым «позаботиться... об интересах заводского населения», поскольку после приобретения имений с населением «могло бы оказаться, что выкуп за посессию был бы уплачен, в сущности, не заводчиками, а крестьянами, с которых заводчик-собственник мог бы требовать на общем основании выкупа их земель по существующей оценке, значительно более высокой, нежели выкупная оценка посессии». Было установлено, что «вместе с приступом к выкупу» это население «изъёмлется» из имения вместе с усадьбами и земельным наделом и освобождается от всех обязательств к владельцу, поступит «в разряд людей поселенных на казенных землях», и подобно им подвергнется поземельному оброку в казну. Кроме того, населению предоставлялось право, «буде пожелает, получить в надел такое количество земли из своих расчищенных участков, какое нужно для составления высшего по числу душ надела»¹⁵.

Проведенный расчет по 17 учтенным Горной комиссией уральским посессионным округам показал, что казна в итоге должна была получить от выкупной операции 4691 122 руб., а средняя цена десятины леса составила бы 1,73 руб. (при колебаниях по отдельным округам от 0,34 до 6,56 руб.) (табл. 1).

Таблица 1

Расчет выкупной суммы по проекту Горной комиссии, руб.¹⁶

№ п/п	Округ	Средняя добавочная подать	Выкупная сумма	Цена лесной десятины
1	Нижнетагильский	105262	2105248	4,246
2	Верх-Исетский	29800	596010	1,354
3	Суксунский	13035	260704	0,909
4	Сысертский	30223	604471	2,878
5	Кнауфский	8567	171353	1,740
6	Ревдинский	6447	128956	0,799
7	Алапаевский	9371	187425	0,375
8	Невьянский	11244	224891	2,141
9	Шайтанский	5046	100919	6,559
10	Холуницкий	5857	117153	0,644
11	Омутнинский	1854	37087	0,547
12	Кажимский	1205	24100	0,340
13	Песковский*	1697	33945	–
14	Мосоловский	2507	50158	0,783
15	Бемьшевский	972	19455	1,760
16	Шильвинский	488	9767	0,977
17	Ольгинский*	974	19480	–
	<i>Итого</i>		4691122	

* Цена лесной десятины не была вычислена из-за отсутствия точных сведений о площади этих округов.

Проект правил выкупа посессий, разработанный Горной комиссией, в составе проекта Горного устава был представлен на обсуждение следующей правительственной инстанции, занимавшейся разработкой горной реформы, — Податной комиссии. Там проект подвергся детальному рассмотрению и частичной корректировке.

Коррективы Податной комиссии

При обсуждении подготовленного Горной комиссией проекта представители посессионеров, участвовавшие в заседаниях Податной комиссии в качестве членов-экспертов, вновь попытались добиться более выгодных для них условий ликвидации посессий. Они выступили с предложением о безвозмездной уступке посессионных земель, сочтя формулировки проекта Горной комиссии «не совсем удовлетворительными». «Выкуп... не сообразен с правом заводчика на посессионные дачи, не соответствует строгой справедливости и неудобен к исполнению на практике, — заявлял наиболее активный представитель «партии посессионеров» Д. А. Огородзинский. — При всеобщем безденежье весьма мало найдется таких заводчиков, которые были бы в состоянии внести вдруг такие суммы. А рассрочка на 37 лет оставляет заводчиков на посессионном праве, т. к. они будут целые десятилетия лишены возможности действовать совершенно свободно. Если правительству не угодно будет решить вопрос на тех же основаниях, что и по отношению к посессионным фабрикам, а принята будет система выкупа, то можно предсказать безошибочно, что переход этот очень долго не осуществится, т. к. на скорое совершение выкупа... нельзя иметь надежды»¹⁷.

«Заводчики заслуживают того, чтобы нынешнее их право владения... перешло в полное право собственности безвозмездно, — поддержал посессионеров представитель финансового ведомства Н. Н. Тютчев. — Они положили основание горному производству, расширили его, населили страну... Прежде у нас существовали поместья отдельно от вотчин. Отслужив службу государству, первые слились с последними. Ныне настал тот исторический момент, когда посессионные заводы должны соединиться с владельческими». Предложенный Горной комиссией выкуп, полагал он, даст «сумму, ничтожную для государства, а для посессионеров тягостную, которая помешает правильности расчета при ведении горного дела, а потому совершенно справедливо сравнять посессионные заводы с владельческими не в одной букве закона, но и в податях и отказаться от всякого выкупа».

В ответ Н. И. Михайлов напомнил, что посессионеры были поставлены «в весьма разнообразные условия относительно владения приграниченными к ним от казны землями и лесами». «Одним, — утверждал он, — отвод... произведен в прошлом столетии, другим — в недавнее время, а некоторым производится и теперь... Необходимость даровой уступки посессионным заводчикам доказывалась услугами, оказанными ими горному делу. Между тем есть заводчики, недавно получившие сотни тысяч десятин земли и не ознаменовавшие себя никакими заслугами на пользу горного промысла».

Приняв это замечание, Н. Н. Тютчев предложил тогда давать заводчикам «право на безвозмездную уступку... относительно давности владения», а Д. А. Огородзинский добавил, что «исходным пунктом такой давности» можно было бы принять 1794 г., когда впервые было проведено «положительное разделение частных горных заводов на имеющие и не имеющие от казны пособия установлением добавочной подати с первых». Но в этом случае, возразил ему В. П. Безобразов, «пришлось бы разбирать весьма разнообразные притязания и требования от заводов, учрежденных до 1794 г.,

и рассматривать права каждого завода в отдельности, что, конечно, было бы соединено с большими трудностями». Наконец, А. П. Заблоцкий-Десятовский еще раз напомнил членам Комиссии о том, что «упрощенный способ разрешения посессионных отношений», который был применен по отношению к посессионным фабрикам в 1863 г., невозможен для горных заводов, поскольку к ним были отведены казной огромные земельные площади (тогда они составляли 4,4 млн дес. уральских земель), безвозмездная уступка которых была бы невыгодна «для государственной экономии».

Проведенная по этому вопросу баллотировка показала, что 17 из 25 присутствовавших на заседании членов Комиссии отвергли безвозмездную уступку посессий. Любопытно, что в их числе оказался и единственный на том заседании представитель вотчинников Н. Н. Анцыферов, позиция которого, видимо, объяснялась частными интересами таких заводчиков, не желавших расставаться со своими конкурентными преимуществами перед посессионерами. Большинством голосов Податная комиссия признала целесообразным принять «те основные принципы освобождения заводчиков от условий посессионного владения, какие предложены были Горной комиссией», поскольку они отвечали не только интересам посессионеров, но и идее «взаимной выгоды» казны и владельцев от ликвидации посессий¹⁸.

В дальнейшем спор развернулся по вопросу о варианте выкупа. Е. И. Адауров выступил с критикой предложений Горной комиссии. «Капитализировать подать значит заставить платить дороже те округа, где больше работали, и дешевле те, где работали меньше», — доказывал он, проводя сравнение между демидовскими и яковлевскими округами. Действительно, по расчету Горной комиссии, Нижнетагильские заводы должны были платить по 3,34 руб. за десятину, в то время как, например, Алапаевские — всего по 0,21 руб. Вместо выкупа на основе подати (с присущей ему неравномерностью) этот представитель Государственного контроля предложил поступить проще — установить единую цену по 1 руб. за десятину и дать возможность заводчикам уплатить всю сумму в рассрочку по банковским правилам. Некорректным признавал предложенный Горной комиссией способ выкупа и В. П. Безобразов, отметив, что он «основывается на прошедшем, а не на будущем». Более целесообразно, на его взгляд, было бы определить «настоящее состояние горючего материала, леса и состава рудников» и принять за основу оценки «существующий нормальный доход, насколько он обеспечен в будущем». Главный лесничий уральских заводов Н. Г. Мальгин предлагал в основание выкупа посессий положить оценку леса и топлива, а экономист А. П. Заблоцкий-Десятовский — доходность имений, но не подать и тем более не леса и земли. Заводчик Д. П. Шипов счел более правильным взять в расчет площадь лесных дач. И. П. Арапетов, отстаивая позицию Горной комиссии, указал на юридическую правомерность выкупа на основе добавочной подати. «Выкупать можно только то, что кому-то принадлежит, — доказывал он. — Казне принадлежит только право на добавочную подать. Только это и можно выкупить. Другого элемента собственности казны нет. Земля же не может служить основанием выкупа, т. к. она находится в бессрочном владении заводчиков».

В сложившейся ситуации даже Д. А. Огородзинский стал уверять членов Комиссии, что заводчики «предпочтут выкуп подати выкупу земель и лесов, т. к. такая система и проще, и равномернее». «Количество земель и лесов не определяет еще действительную доходность заводов. Весьма часто многие земельные заводы — самые бездоходные», — утверждал он. В ответ Н. Г. Мальгин стал доказывать, что предложенный

расчет «отдаст столь огромные и богатые имения вместо десятков рублей за копейку десятину... и неминуемо приведет к упадку казенного дохода». «Если совершенно справедливо, что посессионные заводчики приложением капитала, знаний и труда оживили и просветили край, — рассуждал он, — то не менее справедливо и то, что 50 миллионов сельского населения, орошая своим трудовым потом возделанные ими в течение тысячелетия сотни миллионов десятин, несло огромные и сравнительно гораздо большие повинности. Однако в основу выкупной сделки крестьян с помещиками принято начало обязательной оценки надельных земель минимум 10–12 руб. за дес.». Справедливый расчет, по его мнению, должен был основываться «на определенных данных об оценке земель, руд и лесов... а не на общеэкономических и отвлеченных соображениях»¹⁹.

Параллельно шло столь же бурное обсуждение вопросов об обязательности или «факультативности» выкупа, одновременности его или уплате «по процентному расчислению». Стало ясно, что споры заводят Комиссию в тупик. В такой ситуации общее собрание 6 октября 1867 г. сформировало подготовительную комиссию и поручило ей «внести предложения об основаниях и самом способе выкупа». Членами этой комиссии стали Н. Н. Анцыферов, В. П. Безобразов, Ф. И. Раселли, П. П. Семенов и Л. А. Соколовский. Симптоматично, что в ее состав не вошел ни один из представителей посессионеров. Возглавить комиссию согласился герцог Н. М. Лейхтенбергский.

Выбор председателя подготовительной комиссии не был обусловлен лишь его высоким положением. Как уже упоминалось, в 1866 г. герцог предпринял поездку на Урал для знакомства с положением заводов. В отчете, представленном императору, он обращал внимание на завышенные налоги на частную горнозаводскую промышленность в России в сравнении с действующими налогами в западноевропейских странах, на высокие накладные расходы заводчиков и особенно на тот «исторический нарост — плод давно отживших экономических соображений», — каким представлялось герцогу посессионное право²⁰.

Под влиянием позиции председателя подготовительная комиссия «признала необходимым всячески облегчить выкупную операцию, дабы сделать ее доступной для нынешних способов заводладельцев и тем самым привлечь их, безо всяких принудительных правительственных мер, к возможно скорейшему добровольному выкупу предоставленных им посессионных имений». Наиболее приемлемым был признан предложенный Горной комиссией расчет выкупа на основе добавочной горной подати, в чем и выражалось «право казны на посессионные горнозаводские имения и отличие их от владельческих». Комиссия согласилась и с тем, что «всякая непосредственная оценка имений представляла бы огромные практические... затруднения и оттянула бы на неограниченное время желаемую развязку дела». «Ни нормальная доходность завода, ни ценность его естественных богатств, на которых иные члены комиссий предполагали основать выкупной расчет, не могли служить таким основанием, т. к., не говоря уже о практической трудности их исчисления, не было никаких данных для определения того, какая именно часть этого дохода или этой ценности должна подлежать выкупу, а вся их совокупность, очевидно, не могла быть предметом выкупа».

Приняв за основу предложенный Горной комиссией способ расчета выкупной суммы, члены подготовительной комиссии учли, что «сумма горных податей, уплачиваемая каждым заводом, представляет собой величину не постоянную, а колеблющуюся соразмерно с колебанием из года в год количества добываемых металлов, и притом величину, уменьшающуюся с истощением рудных запасов, а также и то, что выкупу

могут подлежать лишь богатства, остающиеся владельцам в будущем, а не те, которые они уже выработали в прошлом». В связи с этим комиссия «сочла справедливым капитализировать только те части ныне уплачиваемых посессионными заводчиками горных податей... которые как наиболее постоянные величины могли служить вероятным указанием на количество будущего производства заводов и имеющих поступать с него податей». Из расчета была исключена подать с золота как «предмета слишком непостоянной отрасли горного дела», а подать с меди «принята в расчет, по тому же соображению, в значительно уменьшенном размере — $\frac{1}{3}$ с коренных месторождений и $\frac{2}{3}$ — с менее благонадежных песчаных». Кроме того, за основание расчетов была принята средняя величина ежегодной подати не за дореформенное десятилетие, а за шесть лет, с 1861 по 1866 г., «как ближайших и притом заключающих в себе разнообразные эпохи действия заводов: эпоху, непосредственно предшествовавшую освобождению, переходное время освобождения горнозаводского населения и, наконец, эпоху несколько устанавливающегося горного хозяйства на началах свободного труда».

Основанный на этих приемах предварительный расчет показал, что «цифры ежегодных платежей оказывались даже умереннее нынешних горных податей», что должно было подтолкнуть заводчиков к выкупу. Для скорейшей развязки посессионных отношений подготовительная комиссия нашла также полезным признать заводчиков собственниками выкупаемых имений не с момента завершения выкупной операции, а «со дня приступа их к выкупу», т. е. «смотреть на них с этих пор только как на должников казны». Но для того чтобы «прочно обеспечить лежащий на них долг», было решено все-таки сохранить некоторые ограничения в распоряжении имуществом на время рассрочки выкупа. Кроме того, комиссия предложила разрешить тем заводчикам, которые не имели денег для единовременной уплаты выкупа, но хотели бы избавиться от посессионных ограничений, предоставлять в обеспечение долга «посторонние залоги». Наконец, с целью «окончательной развязки обязательных отношений» не только между заводчиками и казной, но и между заводчиками и горнозаводским населением, комиссия предложила им «ввиду предоставленных льгот» отказаться от прав на денежные оброки и безвозмездно передать населению наделы, определенные уставными грамотами, не доводя их до «высшего размера», как предлагалось в проекте Горной комиссии²¹.

Когда новый проект был представлен общему собранию Податной комиссии, К. И. Марченко неожиданно заявил, что о признании собственности казны на посессионные земли «нет никаких доказательств», поскольку на Урале не был «исполнен обряд государственного генерального межевания». Только такая процедура, по мнению этого представителя Межевого департамента Сената, могла, «не нарушая ничьих законных прав и выгод, развязать естественным путем запутанное разными вводными обстоятельствами право посессионное». Это заявление уже звучало в Податной комиссии при обсуждении проекта продажи казенных заводов и было отвергнуто, но его автор остался тогда «при своем мнении». Новому инциденту, ставившему под сомнение всю проделанную работу, не позволили разгореться. В. П. Безобразов и П. П. Семенов заявили о том, что генеральное межевание «не имеет ничего общего с выкупом горнозаводских посессий в собственность» и что оно никогда не служило препятствием к совершению земельных сделок. Д. А. Огородзинский и Н. Н. Анцыферов указали, что границы дач посессионных заводов были с точностью определены «владенными актами», к числу которых они относили и планы горного межевания, производившегося

землемерами после издания Проекта горного положения 1806 г. Уже в 1840-х гг. эти планы были перепроверены генеральными землемерами и получили «точно такую же силу, какую имели для дач частных владельцев акты генерального межевания».

В дальнейшем обсуждение проекта ограничилось постатейным уточнением отдельных аспектов выкупа. Не прошли внесенные Д. А. Огородзинским предложения о предоставлении посессионерам права полной собственности после внесения $\frac{1}{3}$ выкупа (по примеру разрабатывавшихся Податной комиссией правил продажи казенных заводов), а также о принятии в уплату «капитальной суммы» государственных процентных бумаг. Это, по мнению членов подготовительной комиссии П. П. Семенова и Н. Н. Анциферова, составило бы новую льготу заводчикам, которым и без того была «значительно облегчена выкупная операция». Обсуждался и сопряженный с основным предметом дискуссии вопрос о выкупе крестьянских наделов в посессионных имениях. Если его допустить, полагал Л. А. Соколовский, то заводчики «приобрели бы в собственность имения за счет мастеровых, наделив их обязательной землей по уставным грамотам» и получив с них выкупную ссуду. «Хотя выкупных сделок еще не было заключено в посессионных округах... из этого не следует, что они не могли быть совершены в будущем, особенно когда посессионным владельцам откроется возможность приобрести имения в собственность на льготных условиях», — предупреждал И. П. Арапетов. По этому вопросу Комиссия единогласно ходатайствовала перед «высшим правительством» о том, чтобы «со времени обнародования положения о выкупе посессионных заводов выкуп крестьянами их наделов не был допускаем»²².

К маю 1868 г. Податная комиссия подготовила окончательный вариант проекта Правил о выкупе посессий заводчиками у казны, который состоял из десяти статей. Помимо уже представленной методики расчета (ст. 2, 3), в документ были включены общие положения о выкупе горнозаводских имений «в полную собственность... со всеми входящими в их состав рудниками, лесами и прочими угодьями» (ст. 1). Имения могли выкупаться заводчиками лишь «в полном их составе», однако если какой-либо из заводов «по производству своему платил горную подать и был особо наделен от казны рудниками и лесами», то он мог выкупаться и отдельно (ст. 1, примеч. 1). При расщорке платежей на 37 лет с ежегодным взносом 6% в качестве залога могли выступать сами горнозаводские имения или «равноценные обеспечения... в денежных капиталах или недвижимых имуществах» (ст. 4–6).

Важная статья 7 проекта устанавливала границы прав заводчика в зависимости от выбранного им способа выкупа. Если он уплачивал всю сумму или предоставлял «посторонний залог», то сразу вступал в права собственности безо всяких ограничений. Владелец, который предпочитал воспользоваться рассрочкой, также получал право собственности на выкупаемое имение, но в распоряжении своей собственностью был ограничен до полной уплаты выкупной суммы теми правилами, которые были изложены в частично измененном проекте Горного устава, выработанном еще Горной комиссией. В частности, срок возможной остановки завода был сокращен с пяти до трех лет (по истечении этого срока он поступал в распоряжение казны и назначался в публичную продажу). При этом закрытие одного или нескольких заводов посессионного округа не могло служить поводом к отдельной продаже этих заводов в случае, если общая производительность горнозаводского округа не уменьшалась. Сохранение таких ограничений, по мысли законодателей, должно было стимулировать владельцев к досрочному выкупу посессий.

Утвержденными Податной комиссией Правилами допускалась трехмесячная задержка в уплате ежегодных выкупных платежей (с начислением штрафа), по истечении которой завод «со всеми принадлежностями» продавался казной с публичных торгов. Из полученной суммы удерживался долг по выкупу, остальное выдавалось прежнему владельцу. Если же «состоявшиеся на торгах цены не покрывали взыскания», то по распоряжению Горного департамента завод «отбирался в казну» (ст. 10).

Судьбу горнозаводского населения выкупаемых имений определяла статья 9. «Вместе с приступом к выкупу... — значилось в ней, — население... изымется окончательно и безвозмездно со своей усадебной оседлостью и поземельным наделом, уставными грамотами определенным, из состава имения и поступает в разряд крестьян-собственников; причем расчищенные собственными средствами и трудом крестьян участки остаются в их пользовании на основании существующих правил. Крестьяне сохраняют право на получение топлива и леса для построек за установленную плату в пользу владельца»²³.

В результате пересчета по новым Правилам выкупные суммы по всем округам (за исключением Ревдинского) существенно сократились, а общая сумма составила 2 656 980 руб., т. е. уменьшилась в 1,8 раза по сравнению с проектом Горной комиссии. Цена десятины леса в среднем составила 0,98 руб., но при этом она все еще заметно различалась по округам (от 0,12 до 2,69 руб.) (табл. 2).

Таблица 2

Расчет выкупной суммы по проекту Податной комиссии, руб.²⁴

№ п/п	Округ	Средняя добавочная подать с чугуна	Средняя уменьшенная подать с меди	Выкупная сумма	Цена лесной десятины
1	Нижнетагильский	20 477	38 099	1 171 538	2,362
2	Верх-Исетский	10 273	6 511	335 708	0,760
3	Суксунский	4 468	773	104 823	0,366
4	Сысертский	9 999	7 050	341 007	1,624
5	Кнауфский	1 268	1 324	51 868	0,526
6	Ревдинский	6 422	36	129 180	0,801
7	Алапаевский	9 214	1	184 322	0,369
8	Невьянский	4 736	–	94 719	0,901
9	Шайтанский	2 072	1	41 466	2,688
10	Холуницкий	4 257	–	85 150	0,468
11	Омутнинский	2 438	–	48 760	0,720
12	Кажимский	972	–	19 455	0,274
13	Песковский*	–	–	–	–
14	Мосоловский	2 161	–	43 234	0,675
15	Бемьшевский	–	158	3 172	0,286
16	Шильвинский	–	59	1 198	0,120
17	Ольгинский	–	69	1 380	–
	<i>Итого</i>			2 656 980	

* Во время обсуждения проекта Правил в Податной комиссии Песковский округ был уже «взят в казну».

Закончив составление Правил о выкупе посессий, Податная комиссия «в видах прекращения неудобств, сопряженных для казны и заводчиков в существовании посессионного права», предпочла не включать статьи в Горный устав, а изложить «в особом

приложении для отдельного представления на утверждение Государственного совета». Все это свидетельствовало о том, что Комиссия действительно желала скорейшей «развязки посессионных отношений» и постаралась предельно полно учесть интересы казны и возможности заводчиков, не упустив из виду и горнозаводское население. Вместе с тем на заседаниях звучали и вполне обоснованные сомнения в скором утверждении проекта. В частности, А. А. Абаза полагал, что «при слишком низкой цене выкупа нельзя ожидать утверждения правил... высшим правительством»²⁵. Это предположение подтвердилось сразу после завершения работы Податной комиссии над проектом Правил о выкупе посессий.

Обсуждение проекта в министерствах и заводоуправлениях

Как только подготовленный в Податной комиссии проект выкупа посессий поступил к министру финансов М. Х. Рейтерну, он направил его 15 июля 1868 г. в заинтересованные ведомства и в заводоуправления всех посессионных округов, видимо, из-за того что далеко не все они были представлены в Податной комиссии. Для рассмотрения отзывов было образовано Особое совещание под председательством А. К. Гирса; в его состав вошли чиновники Министерства финансов и Горного департамента В. К. Рашет, Ф. И. Раселли, Д. Ф. Кобеко, М. Н. Ахматов и П. Н. Николаев. Ход обсуждения, суть замечаний, а также возражения членов Совещания отразились в растиражированном 22 декабря 1869 г. журнале заседаний.

Министр внутренних дел А. Е. Тимашев в своем отзыве настаивал на том, чтобы в статью о правах населения, «водворенного на посессионных землях», было добавлено упоминание не только об условиях уставных грамот, но и о дополнительных к ним договорах, заключенных между заводчиками и заводским населением после подписания грамот. Совещание учло это замечание и внесло дополнение в Правила.

Государственный контролер В. А. Татаринов, согласившись с необходимостью выкупа, возвратился к поднятому его представителем в Податной комиссии вопросу о способе определения выкупной суммы, поскольку считал, что доходность заводов выражается не только их производительностью, но еще и «степенью знания дела, распорядительностью власти и усердием самих хозяев». Поэтому, полагал он, «принимая в основу выкупа один излишек подати... придется тем меньшую назначать за завод выкупную сумму, чем нерадивее и неопытнее был его хозяин».

Еще более резко высказался министр государственных имуществ А. А. Зеленой, ведомство которого отвечало за казенные леса и земли. Он признал предложенный способ оценки посессии «совершенно невыгодным для казны». В возглавляемом им Министерстве подсчитали, что средняя выкупная цена десятины земли окажется «гораздо ниже оценки крестьянских наделов и несравнимо ниже существующих цен отчуждаемых в частную собственность казенных лесов». «Определять выкуп податью неправильно, — писал министр, — потому что подать есть расход, а не доход завода; капитализированная подать заставит платить дороже те заводы, где больше работали, и дешевле, где работали меньше; способ оставляет вне соображения пространства земля, запасы лесов и рудные богатства, что и должно быть главным основанием для оценки». В отличие от В. А. Татаринова, ограничившегося одной критикой, А. А. Зеленой предложил производить расчет выкупной суммы так же, как при намечавшейся тогда продаже казенных заводов в частные руки, т. е. исходя из оценки принадлежавших им природных ресурсов.

«Эти основания, — возражали участники Особого совещания на замечания двух ведомств, — имелись в виду при составлении проекта, но найдены не настолько важными, чтобы перевесить достоинства... предложенной системы. Степень знания дела и усердие хозяев заводов... едва могут быть принимаемы в соображение при выкупе, как и вообще всякие нравственные элементы... Оценивать же посессию как казенные горные заводы нельзя, как невозможно смешивать две совершенно различные по существу своему операции — продажу имущества и выкуп его самими владельцами, не говоря уже о том, что специальная оценка каждого посессионного округа представляла бы большие практические затруднения и потребовала бы чрезвычайно много времени и разнообразных по местным условиям правил... Подчинить же правила выкупа посессии условиям выкупа крестьянских наделов невозможно, потому что тогда никто не согласится на выкуп»²⁶.

Жесткую позицию Министерство государственных имуществ отстаивало и по вопросу о посессионных лесах, которые считало безо всяких оговорок казенными. Еще во время работы Податной комиссии, в марте 1868 г., А. А. Зеленой предупреждал М. Х. Рейтерна о возможных последствиях «отчуждения казенных лесов в собственность посессионных заводчиков». «Последствия бесконтрольного пользования лесом, — напоминал он, — можно видеть на некоторых посессионных заводах, которые, истощив данные им совершенно достаточные для действия отводы, или ходатайствуют о новых дополнительных нарезках леса, или совсем прекратили свое действие. Было бы очень прискорбно, если бы подобное повторилось на заводах и в лесах, предположенных ныне к отчуждению в частные руки». В этой связи министр государственных имуществ полагал «полезнее не отчуждать лесов, приписанных к переходящим в частную собственность посессионным заводам, но, обращая в собственность владельцев одни только заводы, заключить с ними условия об отпуске потребных лесных материалов за известную плату или вырабатываемый металл. Самые же леса оставить в заведовании казенного лесного управления, которое должно будет охранять их, вести в них хозяйство и делать распоряжения об отпуске заводам леса на топливо и другие надобности». Такой порядок, по его мнению, предупредил бы вполне возможное «расстройство дел будущих собственников заводов, нераспорядительность их или какие несчастные случаи», поскольку «самый расстроенный и приведенный в упадок горный завод, но обеспеченный топливом, не останется впусе, а привлечет и деятелей, и капиталы»²⁷.

Резкие высказывания членов заводууправлений, прозвучавшие в ответ на это радикальное предложение, заставили Министерство государственных имуществ временно отступить. Так, управляющий Верх-Исетского округа в своем отзыве возмущался тем, что министр смог «связать в одном и том же предложении отнятие заводских лесов с выкупом посессий». «В случае взятия в казну лесов и земель за что же заводчики должны платить выкуп, — вопрошал он, — неужели за заводские строения, устройства и механизмы, заведенные на собственные деньги? Предложение министра сводится не к выкупу, а к экспроприации, которая решительно идет вразрез с установленными законами коренными началами посессионного права и явно противоречит благотельным намерениям правительства освободить горнозаводскую промышленность от всяких бесполезных стеснений»²⁸.

В очередной своей записке уполномоченный того же округа Д. А. Огородзинский попытался более аргументированно ответить всем «противникам выкупа горнозаводской посессии». Одни из них, констатировал он, «в принципе отвергают выкуп под

тем предложением, что в начале прошедшего столетия правительство, отдавая огромные пространства земли заводчикам, имело в виду укрепить горнозаводское дело на Урале и заселить этот край. Как скоро та и другая цель достигнута, как скоро установился взгляд, что все приписанные к заводам леса и земли остаются по-прежнему казенными, то было бы весьма опасно предоставлять несколько миллионов десятин этих земель небольшому числу заводовладельцев и устраивать, таким образом, вредную монополию». Этим «господам» он напоминал, во-первых о том, что «смущающее их пространство земли, отданное к посессионным заводам, не только не представляет излишка, но даже по количеству горючего материала недостаточно на заводское действие; отнять что-либо из этого количества в видах каких-то неопределенных опасений монополии означает вовсе закрыть заводы и прекратить горнозаводскую деятельность; а таких печальных результатов достигнуть гораздо проще: стоит только несколько десятков лет сохранить настоящее *status quo* — и заводы вследствие давления горной администрации сами собой закроются». Во-вторых, констатировал Д. А. Огородзинский, «леса и земли отданы заводам и закреплены за ними государственными актами навсегда, пока заводы действовать будут; следовательно, и другие опасения противников выкупа, опасения отдать казенные земли и леса в частные руки есть факт уже свершившийся полтора года тому назад и никогда никем не оспоренный». В-третьих, утверждал он, «желательная для заводчиков и не противоречащая в то же время интересам казны цель выкупа совсем иная: заводчики вовсе не имеют намерения захватить казенные земли, которыми они и без того, в силу своего права, владеют, пользуются и распоряжаются; выкупом посессий они желают освободиться от вмешательства горных властей, которые своими притязаниями только вредят горной промышленности».

«Другие противники правил выкупа не отвергают в принципе, — констатировал уполномоченный, — но указывают на то, что... назначен выкуп слишком незначительный, в общей сложности менее 1 руб. за десятину, но они забывают, что заводчикам продается вовсе не земля и не лес, которыми они и без того выкупа владели и пользовались, а продается только некоторое право казны на те леса и земли, право, выразившееся в виде платежа заводчиками полуторных горных податей»²⁹. Убежденное этими разумными аргументами, Особое совещание к мнению министра А. А. Зеленого не прислушалось.

Вслед за отзывами ведомств на проект выкупа посессий поступили заключения четырех заводоуправлений — Алапаевского, Невьянского, Верх-Исетского и Нижнетагильского. Первые три из них «не представили никаких существенных замечаний»; отзыв же главноуполномоченного крупнейшего демидовского округа А. О. Жонес-Спонвиля оказался участникам Совещания настолько важным, что его в распечатанном виде разослали по посессионным округам для ознакомления.

В отзыве главноуполномоченный обращал внимание на действительно серьезный недостаток проекта — на «чрезвычайную неравномерность» выкупа по различным округам. Так, при пересчете суммы выкупа выходило, что Нижнетагильские заводы выкупали 638 047 дес. земли по 1 руб. 83¹/₂ коп., Верх-Исетские — 724 163 дес. по 46²/₃ коп. и Алапаевские — 845 187 дес. по 21³/₄ коп. «Первая мысль моя, — размышлял А. О. Жонес-Спонвиль, — что единственная причина этой аномалии заключается в капитализации подати на медь», которая выплавлялась далеко не в каждом округе. Когда же он произвел вычет этой подати, различия уменьшились ненамного: тагильская десятина стала стоить 87 коп., верх-исетская — 29 и алапаевская — 21 коп. В то же время расчеты

показали, что Нижнетагильский округ производил на десятину своей площади гораздо больше чугуна, нежели его соседи. Главноуполномоченный предположил, что на это влияет не столько богатое содержание руды крупнейшего Высокогорского месторождения (которым пользовались и Верх-Исетские заводы) или ассортимент заводской продукции, сколько некий «скрытый коэффициент». По его мнению, в этот коэффициент входил «тот капитал труда, стараний и усилий, который вложен в заводы постепенно в течение почти двух столетий и который имеет влияние на более или менее лучший способ применения производительных сил и... извлечение возможной выгоды». Этот-то «громадный капитал» и стал, по мнению главноуполномоченного, причиной того, что «одно рабочее население производит более, нежели другое, равное по числу душ; что один рудник, правильно и осмотрительно разрабатываемый в течение многих десятков лет, производит более другого, столь же богатого; что одни леса, правильно разделенные на участки, при улучшенных путях сообщения и при рациональной рубке производят более, нежели совершенно такие же леса при другой обстановке». «Одним словом, это тот капитал, который дает настоящую цену имения... Справедливо ли было бы заставить выкупать этот капитал? А между тем не он ли является настоящей причиной полученного противоречия?» — намекал А. О. Жонес-Спонвиль на превосходство демидовского округа. Вместе с тем главноуполномоченный не нашел способа учета этого «скрытого коэффициента» и предложил при расчетах суммы выкупа хотя бы исключить подать с меди как «не гарантированную на будущее время» или определять стоимость десятины «по среднему выводу выкупных платежей между всеми заводами» (она, по его подсчетам, равнялась 90 коп.)³⁰.

Понятно, что расчет, предложенный А. О. Жонес-Спонвилем, не был выгоден ни одному из посессионных округов, кроме Нижнетагильского, поэтому поддерживать такую методику никто из управляющих не стал. Более того, Верх-Исетское заводоуправление нацелило свой новый отзыв, датированный 25 сентября 1872 г., на критику его взглядов относительно способа расчетов и выкупной операции в целом.

Если главноуполномоченный демидовского округа считал, что для заводчиков «выкуп есть денежный вопрос, не более», управляющий Верх-Исетских заводов «думал совершенно наоборот, что не для заводчика, а для интересов правительства вопрос о выкупе посессионного права есть не более как денежный вопрос, потому что существенное выражение этого права для правительства представляется единственно только в тех излишках податей, которые оно извлекало из посессии». «Другое дело для заводчиков, — писал он. — Для них посессионное владение давало себя чувствовать не столько излишними податями, сколько неопределенностью их прав на владение, неопределенностью их отношений к правительству, оно делалось ощутительным вследствие административного надзора, задерживающего развитие заводского хозяйства и нисколько его не охраняющего от расстройств».

Управляющий полностью поддерживал предложенный Податной комиссией вариант выкупа в части способа исчисления выкупной суммы. «Выкуп посессий, — настаивал он, — есть прямое следствие данных от казны пособий... а следовательно, потери казны определить легко капитализацией тех добавочных податей, которые она получала с посессионных заводов... Непосредственная оценка данных от казны пособий невозможна, да о ней не может быть и речи, потому что выкупаются не эти пособия, отданные даром, а возникшее от них посессионное право; следовательно, понадобится знать только относительное значение пособий по различным округам, а значение это

выражается непосредственно в количестве тех произведений, которые обложены добавочной податью». Вместе с тем управляющий соглашался с предложением А. О. Жонес-Спонвиля исключить из выкупа подать за медь, неосторожно упомянув о том, что в подведомственном ему округе как раз начиналась разработка нового медного рудника, с которым связывались большие надежды.

Конечно, в своем отзыве управляющий не мог обойти вниманием размышления главноуполномоченного по поводу того «капитала труда, стараний и усилий», который был вложен в развитие Нижнетагильских заводов, в отличие от других горнозаводских округов Урала. «На многих конкретных примерах» он пытался доказать, что производительность каждого заводского округа, от которой зависела величина подати, а значит, и сумма выкупа, «поставлена в известные границы... которые связаны не только с количеством, но и с качеством казенных пособий». Так, Невьянские заводы, обладавшие «прекрасной рудой в недалеком расстоянии и населенные даже в излишестве людьми, издавна привязанными к заводскому делу», имели недостаток в лесе, «истребленном не столько заводами, сколько этими излишками населения», отчего производительность заводов имела «самые незначительные размеры». Алапаевские заводы имели громадную дачу, но часть ее «густо и притом вблизи заводов» была заселена государственными крестьянами, которые истребляли заводский лес своими рощистями и распашками, в связи с чем «отдаленность леса стесняла его эксплуатацию и полагала границы производительности» этого округа. Сергинские, Шайтанские и Ревдинские заводы имели «достаточное количество лесов и мастеровых для заводского действия», но в них ощущался «весьма сильный недостаток в рудах хорошего качества». В результате этим заводам приходилось «приобретать руду из огромных расстояний от башкир Шадринского уезда», причем «трудность добычи подземными работами и дороговизна провоза» доводили цену руды, например, для Сергинского завода Губиных до 12 и даже 15 коп. за пуд. При таких условиях было «немыслимо широкое развитие заводской производительности».

Нижнетагильские заводы, по мнению автора отзыва, находились в совершенно иных условиях. «Нигде на Урале не встречается такого полного соединения всех необходимых данных для возможно широкого развития горного промысла, — констатировал управляющий. — Они населены почти исключительно горнозаводскими людьми, поставленными в такие экономические условия, что могут получать свой заработок только в заводах... по пространству земли, а в особенности по изобилию лесов Нижнетагильская дача занимает одно из первых мест; наконец, заводы сии обладают одним из лучших на Урале, почти не истощенным железным рудником и самым богатым из всех ныне действующих в России медным рудником, причем заводские фабрики расположены почти на самих рудниках». «Совокупность всех этих благоприятных условий, — заключал он, — дает возможность не стесняться какими-либо границами в развитии производительности Нижнетагильских заводов. От совокупности всех упомянутых выше природных богатств, от полнейшей соразмерности их происходит то, что усилия, старания и труды, затраты оборотного капитала, затраты капитала на постройки и усовершенствования всегда встречаются в Нижнетагильских заводах почву и приносят свои плоды». «Отсюда ясно, — подытоживал управляющий свои наблюдения, — что ценность нижнетагильской десятины... происходит не вследствие присутствия в ней скрытого коэффициента труда, стараний и усилий, а просто потому, что Алапаевские и Верх-Исетские заводы поставлены в гораздо менее благоприятные условия относительно

пользования данными от казны пособиями; следовательно, добавочная подать представляется возможно рациональным выражением посессионного права»³¹. Этот довольно убедительный ответ управляющего был адресован не только А. О. Жонес-Спонвиллю, но и В. А. Татаринovu и А. А. Зеленому, высказавшим подобные же сомнения.

Хотя отзывы заводоуправлений посессионных округов были составлены и направлены министру финансов «в кратчайшие сроки», дело о выкупе посессий затормозилось почти на четыре года. Более того, в эти же годы к дискуссии неожиданно подключилось еще одно заинтересованное лицо — «заводские крестьяне», недовольные условиями задуманной операции. По свидетельству Горного департамента, «слух о предстоящем переходе посессионных заводов в собственность их владельцев побудил некоторых из крестьян сих заводов обратиться к министру финансов с просьбой принять во внимание прежде допущения выкупа посессий... обеспеченность их быта». Эти обращения были поддержаны Пермским губернским по крестьянским делам присутствием, которое в 1871 г. уведомило, что «население посессионных заводов, около 95 тыс. ревизских душ, не будучи обеспечено земельным наделом и заводскими работами, настоятельно требует улучшения его быта, а по многим округам находится в бедственном положении»³².

Особое совещание в 1872 г. рассмотрело все поступившие материалы и, «приняв во внимание, что в то время оставались неразрешенными касающиеся населения посессионных заводов вопросы об отводе ему лесных участков, о предоставлении ему права получить надел, от которого оно при составлении уставных грамот отказалось, и об обращении рощистей в надел, нашло необходимым приостановиться выкупом посессий до разрешения общего вопроса о мерах к обеспечению быта приписанного к горным заводам населения»³³. Этим решением дело о выкупе посессий было отложено на неопределенный срок.

Разработка «проекта Валуева — Штофа»

Отсрочка утверждения Правил о выкупе посессий вызвала негативную реакцию со стороны горнозаводчиков. В отличие от проявивших осторожность министерских чиновников, они были уверены в том, что проблема устройства быта бывших крепостных решена зафиксированными в самих Правилах условиями и действующими законами. Единственным препятствием они считали нерешенность вопроса о землеустройстве нескольких десятков тысяч государственных крестьян, населявших некоторые посессионные дачи. «Во всяком случае представляет значительное неудобство, — констатировал поверенный Верх-Исетского округа Д. А. Огородзинский, — отдать посессионные земли в полную собственность заводчиков за известное вознаграждение, а потом из этих же земель нарезать крестьянам земельный надел за оброк в пользу казны». Но тогда было известно, что этот вопрос обсуждается в высших государственных инстанциях и его решение не заставит себя долго ждать.

Поэтому, когда 10 марта 1876 г. была утверждена Инструкция о порядке отграничения земельного и лесного надела и о способе исчисления оброчной подати с государственных крестьян, водворенных в казенных и посессионных заводских дачах в губерниях Вятской и Пермской, заводчики сочли возможным ходатайствовать о возобновлении дела о выкупе посессий. «Так как ею (Инструкцией. — Е. Н.) предоставлены крестьянам только те земельные угодья, которыми они ранее пользовались и за которые платили... оброк не заводам, а в казну в виде подушного оклада; так как лесные

участки она предоставила крестьянам в пределах действительной необходимости, а ранее сего крестьяне платили лесной налог также в казну, а не заводам, то с изданием Инструкции вопрос о выкупе посессий нисколько не видоизменился, — вполне резонно полагал Д. А. Огородзинский, — а следовательно, и это последнее препятствие к осуществлению выкупа ныне уничтожилось. В настоящее время нет положительно никаких заслуживающих уважения причин, которые могли бы воспрепятствовать внесению в Государственный совет проекта Правил о выкупе посессий, если только... г-н министр государственных имуществ П. А. Валуев разделяет... убеждение о необходимости покончить с посессионным правом»³⁴.

В сентябре 1876 г. от имени владелицы Верх-Исетских заводов графини Н. А. Стенбок-Фермор поступило прошение, призванное привлечь внимание министра к отложенному делу. «Излишне было бы повторять, что различные стеснения и ограничения, сопряженные с посессионным владением, препятствуют правильному развитию горного промысла на Урале и лежат тяжелым бременем на заводах, — разъяснялось в прошении. — В заводском хозяйстве уже давно представляется необходимость сделать коренные преобразования; но для этого заводчикам нужна прежде всего экономическая свобода, которой они пользуются далеко не вполне». «Как представитель одного из самых значительных посессионных округов на Урале» графиня настаивала на том, чтобы вопросу о выкупе посессий «дано было дальнейшее движение». В черновике прошения сохранилась и последняя фраза, свидетельствующая о понимании посессионерами общности своих интересов (из-за двусмысленности она была исключена из окончательного варианта): «Причем я остаюсь в полной уверенности, что и другие владельцы посессионных заводов вполне разделяют мое желание с помощью выкупа посессий покончить все свои обязательства к казне». В феврале 1877 г. прошение с точно такой же аргументацией было получено и от владельца Шайтанских заводов П. В. Берга, что свидетельствует о договоренности некоторых заводчиков о совместных действиях»³⁵.

Прошения повлияли на позицию П. А. Валуева, который «разделил убеждение» посессионеров, как они и ожидали. В своих ответных «соображениях» министр указал, что «хотя вопрос о мерах к обеспечению быта населения горных заводов еще не был разрешен в общем своем виде, но выработанные в этом отношении меры для казенного населения (имелась в виду не только упомянутая выше Инструкция от 10 марта 1876 г., но и Инструкция от 12 марта 1877 г. о наделении мастеровых и сельских работников казенных округов. — *Е. Н.*) ...делают разрешение его и для крестьян посессионных заводов нетрудным». Поэтому, полагал он, «нельзя не признать своевременным дать предположению о выкупе посессий дальнейшее движение с целью скорейшего прекращения отношений, давно уже признанных тягостными для казны и владельцев и вредными для дела». Но, вникнув в суть дела, министр не оставил без внимания и недостатки, выявившиеся в ходе обсуждения проекта Податной комиссии, и дал санкцию на составление нового проекта выкупа посессий. Его «главнейшими целями» должны были стать, во-первых, «большее обеспечение быта горнозаводского населения посессионных заводов», на чем настаивали казна и «заводские крестьяне», и, во-вторых, «большая равномерность тяжести выкупа для отдельных заводских округов», на что указывали отдельные заводчики и представители некоторых государственных ведомств. Именно эти недостатки прежних проектов и было поручено устранить министерским чиновникам под руководством самого министра и начальника Отделения частных заводов Горного департамента А. А. Штофа.

Исходя из сложившейся практики решения земельного вопроса, когда в большинстве посессионных округов усадьбы и покосы предоставлялись горнозаводскому населению безвозмездно, а оброки за наделы не взыскивались, авторы нового проекта признали, что применение предложенных Податной комиссией мер «весьма мало изменило бы нынешнее положение крестьян, почему нельзя не обратить внимание на другие стороны крестьянского быта, требующие улучшения». В частности, предлагалось включить в наделы рощисты за оброк, «принятый для государственных крестьян», а также выделить населению лесные участки (по примеру казенных заводов) в размере от 1 до 3 дес. на ревизскую душу за уплату в казну лесного налога. Желанием «поставить заводское население в такое положение, при котором возможные изменения в заводском хозяйстве — уменьшение или даже прекращение заводской деятельности — оказывали бы на их быт по возможности меньшее влияние», было обусловлено и предложение увеличить их наделы до норм, установленных для государственных крестьян и населения казенных заводов. Вопреки опасениям Податной комиссии, что земельные наделы «отвлекут крестьян от заводов», в Министерстве государственных имуществ полагали, что «владение крестьян землею, предоставив для них вспомогательный источник заработков... может оказать лишь пользу горному промыслу тем, что побудит население тверже держаться своей оседлости». Составители нового проекта сочли, что «с распространением на население посессионных заводов тех прав, которыми пользуются бывшие государственные крестьяне и которые распространены на казенные заводы, и с изъятием наделов его из состава выкупаемых имений вопрос об улучшении быта этого населения будет, по-видимому, окончательно решен».

Для устранения второго недостатка — «неравномерности тяжести выкупа» по горнозаводским округам — был предложен иной подход к вычислению выкупной суммы. В его основу был положен все тот же принцип капитализации добавочной подати, но ее размер выводился не из средних данных за прошедшие годы, поскольку «нельзя было полагать, что производительность заводов останется прежней на долгое время», а исходя из примерной оценки «естественных богатств заводских дач». Чиновники решили, что в основу расчета должны лечь не «пространства земли» (поскольку пока не было ясно, сколько ее останется у заводчиков после исключения неудобных и надельных участков) и не рудники (их ценность нельзя было точно установить), а «только имеющие значение леса». Подобные предложения звучали еще в Податной комиссии, но тогда они были отвергнуты из-за отсутствия достоверной информации о природных ресурсах горнозаводских округов. По прошествии десятилетия состояние ведомственной статистики, видимо, улучшилось.

Формула расчета представлялась авторам министерского проекта в таком общем виде: «выкупная сумма определяется путем капитализации добавочной подати соответственно тому размеру ежегодного производства, какой допускается количеством и родом приписанных к данному заводу от казны лесов». Для этого требовалось вычислить сначала «то количество металлов, какое может быть произведено с помощью определенного лесного пространства без расстройства леса», и «то количество топлива, которое потребно заводам для производства определенного количества металлов». Затем вычислялась сумма добавочной подати с означенного количества металлов, которая капитализировалась из тех же 5% в итоговую выкупную сумму. Предполагалось, что новой таксации лесов не потребуются, а их площади по каждому округу будут определены приблизительно, за вычетом крестьянских лесных наделов. Капитализации

подлежали только подати с чугуна и меди, а средние нормы расхода древесного топлива на плавку чугуна и на его передел в железо брались из опыта одного Нижнетагильского округа, поскольку по нему имелись наиболее полные сведения³⁶.

Основываясь на этих представлениях, в 1878 г. Министерство государственных имуществ подготовило текст новых Правил о выкупе посессионных горнозаводских имений в собственность их владельцев, куда было включено 13 статей. Кроме описания принципа расчета в них вошли и другие новые положения, касавшиеся процедуры выкупа. Так, заводчики, пожелавшие приступить к выкупу, письменно извещали об этом Министерство государственных имуществ и, если не соглашались с уже сделанными вычислениями, могли просить «о командировании на их счет в сии имения особой комиссии с целью исправления по собранным сведениям данных о лесном пространстве... с тем, что решение сей комиссии... почиталось окончательным и для владельцев обязательным» (ст. 4, 5). Посессионерам предоставлялось право отказаться от выкупа части имения «с предоставлением ее казне и с соразмерным количеству леса в сей части уменьшением выкупной суммы» (ст. 6). Исключение составляли три посессионных округа — Суксунский, Кнауфский и Мосоловский, которые тогда находились в управлении казны и были выставлены на продажу с публичных торгов. Выкупная сумма за них причислялась к сумме казенных долгов заводов и возмещалась государству при их продаже. При этом округа переходили покупателю в собственность (ст. 7, примеч.).

В остальном новый проект предусматривал те же правила, что и проект Податной комиссии, с некоторыми уточнениями (в частности, ответственность за всю операцию возлагалась не на Министерство финансов, а на Министерство государственных имуществ в связи с переводом горного ведомства в его подчинение в 1874 г.) и с изъятием положений, показавшихся лишними (к примеру, было удалено первоначально включенное в проект запрещение владельцам отчуждать недра земли отдельно от поверхности, поскольку этого и так не допускалось действующим законодательством). Новизной отличалась статья 3, содержавшая перечень мер «по обеспечению быта» населения выкупаемых имений. В комплекс этих мер вошли положения о безвозмездности предоставления в собственность населению усадеб и поземельного надела, определенных уставными грамотами и дополнениями к ним, а также о праве крестьян, чей «постоянный надел» вместе с росчистями не достигал нормы высшего надела для данной местности, «принять недостающее до этой нормы количество земли (если это окажется по средствам заводского округа возможным) за оброчную в пользу казны плату в размере, установленном для населения казенных горных заводов». «Во всех прочих отношениях, как-то: относительно выгонов, росчистей, лесного надела, прав и обязанностей крестьян ко владельцам предоставленных им земель и угодий и порядка вымежевания наделов» — применялись к населению посессионных заводов правила, установленные для населения казенных горных заводов. Приложением к Правилам служила сложная таблица по расчету выкупной суммы (она частично воспроизведена в табл. 3).

Судя по данным табл. 3 и оценкам самих авторов проекта, расчет по новому методу все-таки дал «разные цифры для разных заводов, но далеко не в той мере, какую представлял расчет по системе Податной комиссии». Хотя цена лесной десятины колебалась всего в пределах от $75\frac{1}{2}$ до $123\frac{1}{4}$ коп., было предложено еще и округлить эти значения, «доведа их до средних для данной местности». В результате, по сравнению

Таблица 3

Расчет выкупной суммы по проекту Министерства государственных имуществ 1878 г.³⁷

№ п/п	Округ	Выкупная оценка лесной десятины, коп.	Исправленная оценка, коп.	Общее лесное пространство, дес.	Население по 10-й ревизии, рев. душ	Приблизительное пространство леса за вычетом наделной земли, дес.	Приблизительная выкупная сумма, руб.
1	Нижнетагильский	123,00	120	495 800	26 923	441 954	530 344
2	Верх-Исетский	112,50	120	439 929	25 748	388 433	466 119
3	Суксунский	89,75	90	286 677	21 365	243 947	219 552
4	Сысертский	95,00	95	209 965	10 244	189 477	180 003
5	Кнауфский	75,50	90	98 457	10 762	76 933	69 239
6	Ревдинский	123,25	120	161 202	7 573	146 056	175 267
7	Алапаевский	94,50	95	498 607	28 903	440 801	418 761
8	Невьянский	89,50	90	105 018	16 174	72 670	65 403
9	Шайтанский	120,50	120	15 385	2 378	10 629	12 754
10	Холуницкий	86,00	90	181 890	3 757	174 376	156 938
11	Омутнинский	94,75	95	67 684	1 798	64 088	60 883
12	Кажимский	99,25	90	70 762	376	70 010	63 009
13	Мосоловский	86,25	90	63 997	3 594	56 809	51 128
14	Бемышевский	89,25	90	11 054	874	9 306	8 375
	<i>Итого</i>			2 706 427	160 469	2 385 489	2 477 780

с прежним расчетом, цена десятины (а также и сумма выкупа) для десяти округов повысилась, а для четырех — Шайтанского, Нижнетагильского, Сысертского и Невьянского — понизилась, но, по мнению авторов, «осталась для посессионных владельцев вообще достаточно льготной». На 6,7 % уменьшилась и общая сумма выкупа (с 2 656 980 до 2 477 780 руб.), что объяснялось изъятием из числа выкупаемых десятин предполагаемого лесного надела крестьян (всего до 312 тыс. дес.) и исключением из расчета трех округов — Шильвинского, Ольгинского и Мёшинского, прекративших к тому времени свое существование. Общая сумма оказалась ниже и возможной суммарной добавочной подати с чугуна и меди более чем на 282 тыс. руб., но, считали авторы, «приняв во внимание, что кроме выкупной суммы казна будет получать еще лесной налог и частью оброчную плату с крестьянских наделов, нельзя не признать, что предложенная оценка для казны неубыточна».

Завершая подготовительную работу, авторы нового проекта высказывали убеждение в том, что его утверждение приведет «к скорейшей развязке посессионных отношений между казной и заводладельцами», поскольку «еще бóльшая льготность предложенных правил» для заводчиков позволяла ожидать, что «все они не замедлят приступить к выкупу». Но если бы надежда не оправдалась, предполагалось «вместе с утверждением... правил испросить разрешение высшего правительства о тех заводчиках, кои не приступят к выкупу в течение известного срока, например пяти лет, войти с особым представлением, клонящим к прекращению посессионного ими владения иным путем»³⁸. В контексте этого туманного предложения заметно снижалась значимость принципа добровольности выкупа, но вместе с тем оно еще раз доказывало решимость Министерства государственных имуществ под руководством П. А. Валуева довести это явно затянувшееся дело до конца.

Как и десятилетие назад, проект новых Правил, получивший неофициальное наименование «проект Валуева — Штофа», был отправлен «на предварительное

заклучение» государственного контролера, министров внутренних дел и финансов. Высшие чиновники страны «не встретили препятствий к представлению означенного проекта на рассмотрение в законодательном порядке». Министр финансов передал его в Податную комиссию, которая также не стала возражать против «главных оснований проекта, т. к. основания сии, сохраняя принятое и Податной комиссией начало соразмерности выкупной суммы с количеством добавочной подати, которой казна могла бы ожидать от посессионных заводов, обещали не меньшие для казны выгоды... а вместе с тем имели в виду достижение большей равномерности тяжести выкупа для отдельных заводов и большее обеспечение быта крестьян». Комиссия предложила внести лишь некоторые уточнения, в частности о целесообразности брать в залог при переходе на отсроченный выкуп сами горнозаводские имения, которые, «представляя более значительную ценность, нежели сумма выкупа, служили бы надежным обеспечением сей последней»; о преимущественной уплате выкупной суммы «пред всеми казенными и частными долгами» при возможной публичной продаже посессионных заводов; о сокращении срока перехода к выкупу до трех лет, а в случае его пропуска — о возможности «вхождения с представлением не только о прекращении тем или другим путем посессионного владения, но и о принятии надлежащих мер к устройству быта их населения».

Предложения Комиссии не встретили возражений в Министерстве государственных имуществ и были внесены в проект новых Правил. П. А. Валуев принял на себя обязательство «войти в установленном порядке с особым представлением, клонящим к прекращению посессионного владения другим путем и к надлежащему устройству быта населения», в отношении тех заводчиков, которые не приступят к выкупу в течение трех лет со времени опубликования Правил. Министр утвердил подготовленный проект 8 февраля 1878 г. и представил его на обсуждение в Государственный совет³⁹. На этот раз мнение посессионеров не выяснялось и, судя по всему, министерский проект был им не известен. В типографии заказали напечатать всего 30 экз. проекта Правил о выкупе посессионных горнозаводских имений, предписав «за напечатанием проекта... набор разобрать»⁴⁰.

В 1879 г. началось обсуждение проекта в Государственном совете. Члены Департамента государственной экономии и Департамента законов на совместном заседании «вполне согласились с заключением статс-секретаря Валуева о том, что условия посессионного владения, ставящие заводчиков во всех действиях и распоряжениях в чувствительную зависимость от правительства, утратили прежнее полезное значение и сопровождаются ныне лишь стеснениями и затруднениями для обеих сторон». Но, «признавая прекращение посессионного права вообще желательным», члены Совета усомнились в целесообразности «неразрывной связи выкупа посессий с устройством быта горнозаводского населения», декларировавшей в обсуждаемом проекте. «Заводовладельцы легко могут из осторожности и опасения, что в надел крестьян отойдут вместе с землями залегающие в сих последних рудные месторождения, не решиться на выкуп посессий, а это тягостно отзовется на населении... — рассуждали они. — Между тем настоящая необеспеченность положения горнозаводского населения настоятельно требует возможно скорейшего принятия административных мер к окончательному устройству быта его на более прочных основаниях, и потому дело сие не должно бы, по-видимому, быть поставлено в зависимость от готовности или нежелания заводчиков приобрести в собственность горнозаводские посессии».

Не усматривая вследствие этого «необходимости ставить вопрос об устройстве быта населения в неразрывную связь с общим вопросом о прекращении посессионного права», члены Государственного совета пришли к заключению, что «первый из сих вопросов должен быть поставлен впереди второго вопроса как требующий еще некоторой разработки».

Затем придирчивые члены департаментов неожиданно обратились к суждению о том, «насколько вообще может быть признано ныне своевременным разрешение вопроса о выкупе посессионных имений ввиду последствий недавно открытой Уральской железной дороги». (Эта дорога, пущенная в 1876 г., соединила два крупных промышленных центра — Пермь и Екатеринбург.) «Действительно, — размышляли государственные чины, — дорога эта, облегчая перевозки к заводам материалов, открывает для эксплуатации многие бывшие прежде недоступными части лесных дач и рудников, за сим, соединяя центры уральской горной промышленности с обширными залежами каменного угля, она, с одной стороны, доставит некоторым заводам возможность перейти от употребления древесного топлива к производству на топливе минеральном и удешевит чрез то стоимость металлов, а с другой стороны, побудит те заводы, вблизи коих не окажется благонадежных залежей каменного угля, закрыть ввиду конкуренции заводов, более благоприятствуемых, железное производство и обратить свою деятельность на выплавку чугуна». Приняв во внимание эти обстоятельства, «долженствующие произвести неминуемый переворот в горной промышленности Урала и создать для местных заводов такие в будущем условия, какие теперь трудно и представить, члены департаментов нашли, что при таком положении дела едва ли было бы ныне возможно вполне оценить экономическое и финансовое значение предложенной системы выкупа... и что осторожнее было бы отложить рассмотрение этого вопроса до того времени, когда можно было бы с большей вероятностью судить о предстоящей в будущем деятельности уральских посессионных заводов и когда вместе с тем подготовятся более точные и подробные данные о земельных владениях посессионных заводов и о пространствах к обеспечению быта местного населения земельных и других угодий». С этой целью Министерству государственных имуществ было рекомендовано «ныне же принять меры к точнейшему приведению в известность земель и лесов... и к пополнению вообще тех важных пробелов в статистических материалах относительно местного землевладения, на которые само Министерство ссылается как на одно из обстоятельств, препятствующих до сих пор упрочению быта населения».

Следствием этих рассуждений стало мнение Государственного совета, утвержденное 19 июня 1879 г., в соответствии с которым министру государственных имуществ рекомендовалось «выждать последствий для местной горнопромышленности от проведения Уральской железной дороги, а затем возобновить представление по сему предмету в то время, когда он, по ходу дела, признает сие полезным». Кроме того, ему же предписывалось «безотлагательно приступить к более подробной разработке вопроса об окончательном устройстве быта населения посессионных горных заводов... путем, между прочим, приведения в точнейшую известность существа прав, пространства и качества владений по каждому имению и затем предположения свои по сему предмету внести... на утверждение в установленном порядке в связи с делом о выкупе посесий или отдельно от оногo, как по обстоятельствам окажется более удобным»⁴¹. Этим мнением Государственного совета реформа посессионного права была приостановлена

уже не административным решением, а «на законных основаниях», и поставлена в прямую зависимость от окончания поземельного устройства горнозаводского населения.

Примечания

- ¹ См.: Рыбаков Ю. Я. Промышленное законодательство России первой половины XIX в. М., 1986. Гл. 3.
- ² ПСЗ-I. Т. 40. № 30574.
- ³ ПСЗ-II. Т. 36. № 36739.
- ⁴ Там же. Т. 38. № 39675.
- ⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6097. Л. 1, 8, 24–25.
- ⁶ См.: О ходе заседаний Комиссии по пересмотру Горного устава // Горный журнал. 1864. № 1. С. 3–11.
- ⁷ См.: ПСЗ-II. Т. 38. № 39388.
- ⁸ Там же. № 40358.
- ⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6097. Л. 11–20.
- ¹⁰ См.: Журналы Комиссии по пересмотру Горного устава // Горный журнал. 1864. № 1. С. 86–90; РГИА. Ф. 47. Оп. 1. Д. 49. Л. 4–13; Ф. 37. Оп. 3. Д. 1045; Оп. 5. Д. 790. Л. 12, 38.
- ¹¹ См.: О горнозаводской производительности в Кавказском и Закавказском крае по 1863 г. // Горный журнал. 1874. № 4. С. 124–127.
- ¹² См.: Штоф А. А. Горное право. СПб., 1896. С. 419, 433.
- ¹³ О ходе заседаний Комиссии по пересмотру Горного устава. С. 10.
- ¹⁴ Объяснительная записка // Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1868. Т. 13, ч. 3. С. 138–145.
- ¹⁵ Проект Горного устава, составленный особой комиссией // Там же. С. 380–383.
- ¹⁶ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 222–223; Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 13, ч. 3. Прил. к IV разд.
- ¹⁷ См.: Журнал общего собрания комиссии № 61 по проекту Горного устава // Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 13, ч. 4. СПб., 1868. С. 169–174; ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 132–140.
- ¹⁸ См.: Журнал общего собрания комиссии № 61... С. 183–192.
- ¹⁹ Там же. С. 175–177, 193–197.
- ²⁰ Выписка из отчета Е. И. В. герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергского // Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 13, ч. 4. Прил. XIX.
- ²¹ См.: Проект Правил о выкупе посессионных горнозаводских имений в собственность владельцев, составленный подготовительной комиссией, с объяснительной запиской и таблицами // Там же. Прил. XXI.
- ²² Журнал общего собрания комиссии № 61... С. 251–273.
- ²³ Проект Правил о выкупе посессионных горнозаводских имений в собственность владельцев, составленный общим собранием Комиссии с приложением // Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 13, ч. 4. Разд. II; ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 213 об.–221.
- ²⁴ Проект Правил о выкупе посессионных горнозаводских имений в собственность владельцев, составленный общим собранием Комиссии...; ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 222–223.
- ²⁵ Журнал общего собрания комиссии № 61... С. 369.
- ²⁶ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 85–92.
- ²⁷ Там же. Л. 28–30.
- ²⁸ Там же. Л. 14, 31–40.
- ²⁹ Там же. Л. 140–145.
- ³⁰ Там же. Л. 93–101.
- ³¹ Там же. Л. 102–130.
- ³² РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1996. Л. 81.
- ³³ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 188–213.
- ³⁴ Там же. Л. 132–140.
- ³⁵ Там же. Л. 146–148; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1755. Л. 17–18.
- ³⁶ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 188–213.
- ³⁷ Там же. Л. 230–231.
- ³⁸ Там же. Л. 200–204.
- ³⁹ Там же. Л. 204–213.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1801. Л. 20, 21.
- ⁴¹ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 280–282.

2. Новые проекты и решения (1880–1914)

Инициативы заводчиков

После того как вопрос о выкупе посессий был поставлен Государственным советом в зависимость от завершения землеустройства горнозаводского населения и от последствий строительства Уральской железной дороги, заблокированный «проект Валуева — Штофа» пролежал без движения в Министерстве государственных имуществ почти целое десятилетие. В это время основное внимание в ведомстве уделялось подготовке проекта землеустройства населения в посессионных округах, для чего была создана особая комиссия при Горном департаменте.

Первоначально разработчики проекта предложили самый простой вариант — в качестве основы «устройства быта» этой категории населения использовать с некоторыми изменениями Инструкцию от 12 марта 1877 г. о наделении населения казенных горных заводов. В 1883 г. Горный департамент внес это предложение на обсуждение Соединенного присутствия Совета министерства и Горного совета. Но горнозаводчики, узнав об этом намерении, его не поддержали. Соглашаясь с сохранением за населением всех земель и угодий, находившихся, как тогда выражались, в «фактическом пользовании мастеровых», они в своих прошениях протестовали против включения лесных участков в состав наделных земель из опасения того, что «лесной надел быстро будет истреблен населением и затем начнется хищничество леса из заводских дач». Другим не менее спорным вопросом стало право владения недрами наделных земель, которое посессионеры желали оставить за собой вопреки Инструкции, отдававшей это право собственникам наделов.

Поясняя сложившуюся ситуацию, главный лесничий уральских заводов В. Н. Мылов писал, что «вопрос выкупа усложняется необходимостью оградить вполне все интересы населения от всякого возможного посягательства на них будущего полного, неограниченного собственника-посессионера». В ряду мер, «ограждающих от порабощения и произвола», основной являлось предоставление населению «возможно обширных, хотя бы и не нужных при настоящих условиях, земельных и лесных наделов». Но распространение принципа акцессии на наделные земли как государственных крестьян, так и горнозаводского населения вело «к изъятию из района постоянного горного промысла весьма значительного пространства... и грозило подорвать самую будущность заводов, а вместе с тем вело к разорению и всё тесно, неразрывно экономически связанное с ней население». Если законодательство крестьянской реформы 1861 г., предоставившее наделы в пользование заводскому населению, «устраивало... его быт, не подрывая горнозаводского промысла как питающего это население», то в изданных в 1876 и 1877 гг. инструкциях «надел и крестьян, и мастеровых определяется уже вполне однообразно, вопреки и Положениям 1861 г., и уставным грамотам, и совершенно различным условиям, в каких находилось то и другое население к заводам». Впрочем, будучи последовательным, этот пишущий для «Горного журнала» чиновник выступал и против предоставления права на недра посессионерам из опасения, что развитие горного промысла в таком случае будет поставлено в зависимость от «личной воли собственника»¹.

В 1886 г. состоялось новое обсуждение готовившегося проекта землеустройства в Министерстве государственных имуществ, куда пригласили и представителей заводладельцев. Основным предметом обсуждения стал именно вопрос о недрах. Судя

по записке, поданной от лица заводчиков, они настаивали на сохранении своего права владения недрами, ссылаясь на то самое посессионное право, от которого желали освободиться, хотя именно оно гарантировало исключительно им возможность разрабатывать месторождения руд тех металлов, которые производились на заводах. Они обращали внимание на наличие некоторых исключений в существующем законодательстве по вопросу о недрах надельных земель (например, казачьих), где государство отступило от общего принципа акцессии. «Особенные условия горнозаводского хозяйства, наличие государственного интереса в сохранении его существования, наконец, особенности в самом поземельном устройстве населения, получающего свой надел даром, по доброй воле владельцев, могли бы вызвать и особое правило для этих земель, отсутствие которого может иметь для заводов роковой практический смысл, тогда как для сотен тысяч других земельных имуществ в России наличие его или недостаток имеют лишь чисто теоретическое значение», — полагали заводчики. Однако министерские чиновники «не признали возможным испрашивать эту меру в законодательном порядке ввиду проявленной неоднократно Государственным советом настойчивости к сохранению принципа нашего законодательства о принадлежности недр собственнику земной поверхности». В такой ситуации посессионеры выдвинули требование обмена угодий хотя бы в течение 10 лет со времени отграничения наделов мастеровым. Кроме того, они надеялись, что все затратные «межевые действия» будут производиться «правительственными средствами и на счет казны».

Заводчики предложили также не разделять, а объединить вопросы о «наделении мастеровых» и о «наделении заводов», т.е. об отложенном выкупе посессий. В своем прошении, поданном министру государственных имуществ М. Н. Островскому в начале 1887 г., они настаивали на том, что «окончательное поземельное устройство горнозаводских мастеровых, проживающих в посессионных дачах, тогда только не нарушит заводских интересов, когда заводовладельцы сами станут собственниками дач одновременно с ними, а не позже их». Просители ходатайствовали «о безотлагательном разрешении вопроса об освобождении принадлежавших им горнозаводских имений от посессионных условий и признании их... в правах полной собственности на те земли и леса, которыми они ныне владеют на праве ограниченном». Министр «изволил поручить Горному департаменту внести это дело на обсуждение... Государственного совета совместно с делом о поземельном устройстве горнозаводского населения посессионных округов»².

Выполняя поручение министра, чиновники Департамента вскоре усомнились в возможности объединения двух вопросов. Опираясь на мнение Государственного совета 1879 г., они сочли, что «требовать одновременного представления... дела о выкупе посессий и об устройстве быта заводского населения значило бы... задерживать движение этого последнего дела, подготовленного уже настолько, что для окончательного рассмотрения его в Соединенном присутствии потребует, вероятно, лишь одно заседание, после чего дело это может быть немедленно... сообщено на заключение подлежащих ведомств». Но на вопрос о том, «может ли быть ныне же дан ход делу о выкупе посессий», они, тем не менее, ответили утвердительно. В Департаменте решили, что спустя восемь лет после открытия движения по Уральской железной дороге уже можно смело судить о последствиях этого шага для горнозаводской промышленности.

Когда главный начальник уральских заводов И. П. Иванов запросил «конфиденциальные отзывы» от заводоуправлений по вопросу о значении дороги, он получил

совершенно предсказуемые отклики. Так, управляющий Верх-Исетским округом А. И. Роджер писал, что вообще «затрудняется указать на какие-либо крупные проявления благотворного влияния этой дороги». «Конечно, — продолжал он, — удешевилась доставка металлов на Каму из ближайших к дороге заводов, но удешевилась весьма незначительно по сравнению с прежним водяным сплавом; представилась возможность отправлять заводские грузы во внутренние губернии России в течение всего лета, а не однажды в год во время весеннего сплава; представилась возможность перевозить руду из ближайших к дороге рудников. Но, в общем взятые, все эти льготы слишком ничтожны, слишком исключительны для того, чтобы серьезно влиять на развитие уральской горной промышленности. Главнейшая цель, с которой строилась Уральская дорога с Луньевской ее веткой, состояла в том, чтобы соединить северные каменноугольные копи с рудниками Среднего Урала. Но дорога была сооружена прежде, чем убедились в пригодности луньевского каменного угля для всех металлургических операций, а впоследствии оказалось, что для главнейшей из этих операций — доменной плавки — луньевский уголь не годится, особенно ввиду потребности в чугуна высокого качества, которым доселе славится Урал; с другой стороны, и руды Среднего Урала, на перевозку которых на север точно так же основывался расчет постройки дороги, оказались далеко не в изобилии, так что их едва достаточно для выплавки того чугуна, который переделывается весь без остатка на местных посессионных заводах. Таким образом, намеченная правительством при постройке Уральской дороги цель не была достигнута. Хотя посессионные заводы в большинстве действительно прогрессируют, производительность их действительно ежегодно возрастает, но железная дорога тут ни при чем... что доказывается тем, что количество выделяемых на уральских заводах металлов возросло постепенно как до, так и после постройки дороги, и дорога в данном случае не дала никакого толчка, который вдруг приподнял бы горную промышленность». Таким образом, открытие движения по Уральской железной дороге, по мнению управляющего, «никак не могло повлиять на изменение проектированных ранее Правил о выкупе посессий или критику расчетов выкупной суммы»³.

Опираясь на подобные оценки, 19 февраля 1887 г. в Горном департаменте решили «не медлить возобновлением дела о выкупе». Но чиновники сочли, что разрешение посессионного вопроса не могло заключаться «в простом представлении в Государственный совет проекта, выработанного девять лет тому назад при таких предположениях по устройству быта заводского населения, которые значительно отличаются от принятых ныне». По их мнению, тот проект необходимо было вновь подвергнуть тщательному рассмотрению, для чего следовало «сообщить его на заключение местного горного начальства, которое не было с ним ознакомлено», собрать «дополнительные сведения о составе посессионных имений», а затем передать обновленный проект на обсуждение министрам финансов, внутренних дел, юстиции и государственному контролеру. Но только в мае 1889 г. главный начальник уральских заводов получил министерское предписание «доставить необходимые сведения и соображения относительно оснований для нового проекта выкупа посессий». Тогда же ему был передан текст Правил о выкупе, составленный А. А. Штофом в 1878 г. при министре П. А. Валуеве, для ознакомления заводоуправлений и подготовки отзывов.

Так заводчики и их управления сумели, наконец, ознакомиться с проектом 11-летней давности. Судя по записке Верх-Исетского заводоуправления, против «нового

приблизительного расчета выкупных сумм», сделанного в том проекте, «никто из заводладельцев не протестовал, а равным образом не возражал и против порядка, в котором должен совершаться выкуп». Понятно, почему не последовало возражений от Нижнетагильских заводов, выкупная сумма которых по «проекту Валуева — Штофа» понизилась более чем в 2,2 раза (с 1 171 538 до 530 344 руб.) в сравнении с расчетом Податной комиссии. Промолчали и представители большинства посессионных округов, для которых сумма выкупа была увеличена. Так, Верх-Исетский округ мог быть выкуплен за 466 119 руб. вместо 335 708 руб., т. е. в 1,4 раза дороже. Очевидно, что желание заводчиков поскорее освободиться от условий посессионного владения превышало расходы на это мероприятие. Управляющий Санкт-Петербургской конторы Верх-Исетских заводов С. Е. Тупиков предлагал согласиться с этим проектом «главным образом потому, что всякие возражения и замечания могли бы только затормозить это дело, окончательное разрешение которого так желательно»⁴.

Однако возобновление дела о выкупе посессий последовало лишь после издания 19 мая 1893 г. долгожданных Правил о завершении поземельного устройства мастеровых и сельских работников посессионных горных заводов⁵. Тогда заводчики смогли убедиться в том, что, выиграв в борьбе за леса, они если не проиграли, то и не выиграли безоговорочно в своей борьбе за недра надельных земель. Как предлагали сами посессионеры, горнозаводское население получало дополнительно в свое пользование только выгоны по 600 кв. саженей на душу, но не лесные площади. Мастеровым лишь гарантировался прежний сервитут на лес и дрова из заводских дач на тех же условиях, что и населению казенных заводов. В Правилах сохранилось положение о возможности «прирезки к наделу до известной нормы», как предлагалось Министерством государственных имуществ, но лишь исключительно «из ненужных для заводского действия земель», т. е. безлесных участков.

Однако в отношении прав на недра законодатель не отступил от общероссийской нормы и не сделал исключения для посессионеров. Вместе с наделом недра переходили в собственность населения, но не сразу, а по истечении 15 лет. Это время предоставлялось заводчикам для разведки, разработки, а в случае необходимости — и для обмена отходивших населению территорий. В этом вопросе уступка заводчикам заключалась лишь в продлении срока с 10 (как они сами предлагали) до 15 лет. Стоимость же всех межевых работ на заводских землях посессионеры должны были оплатить пополам с казной. (В дальнейшем это правило затормозит ход землеустройства из-за несвоевременного финансирования казной данной операции.) В целом, предложенная властью компромиссная модель окончательного землеустройства горнозаводского населения посессионных округов учла интересы всех сторон, включая и заводчиков. Казалось, что издание Правил устраняло и главную причину задержки выкупа посессий, поставленного в прямую зависимость от решения земельного вопроса.

Вопрос о посессионном праве был дополнительно актуализирован изданием в том же 1893 г. новой редакции Горного устава, чего заводчики ожидали еще со времени работы Горной комиссии. Вопреки надеждам, кодекс включал прежние нормы посессионного права, введенные еще в начале XIX в. (были исключены лишь статьи об использовании труда заводских крепостных). Все это вместе взятое не могло не подтолкнуть заводчиков к новым активным действиям. В марте 1895 г. в преобразованное Министерство земледелия и государственных имуществ было подано очередное совместное прошение посессионеров.

Напомнив министру А. С. Ермолову предысторию вопроса о выкупе посессий, просители убеждали его в том, что «с разрешением вопроса о наделе населения заводчикам крайне необходимо освобождение от посессионных условий для того, чтобы стать на одном уровне со своими соседями — конкурентами, пользующимися вотчинным правом, — и направлять заводскую деятельность сообразно с современными потребностями промышленности, для успеха которой необходима полная свобода действий». Помимо этого, в прошении прозвучали и новые мотивы, вызванные последствиями поземельного устройства населения. «Несомненно, — утверждалось там, — что... каждому заводчику придется произвести расход, быть может в несколько десятков тысяч рублей, ради безвозмездного обращения надела в собственность населения... Кроме того, для сохранения за заводами залежей ископаемых заводчикам необходимо в назначенный срок произвести усиленные разведки; за неимением же ныне у заводчиков таких угодий, которые могли бы быть предложены в обмен населению, им придется еще производить для этой цели расчистку и обработку подходящих площадей. Операции эти могут потребовать спешных затрат, еще более значительных, чем... по съемке и межеванию надела... Взамен же этих крупных жертв заводчики не получают никаких преимуществ: их землевладение остается в тех же посессионных условиях, давно уже признанных утратившими полезное значение и обоюдно стеснительными».

Просители «почтительнейше» ходатайствовали перед министром «о направлении вопроса об освобождении... заводов от посессионных условий к разрешению на условиях, возможно неотяготительных для владельцев». Припомнив то, что прежний вариант выкупа долгое время был им неизвестен, посессионеры просили «предоставить им ознакомиться с предложениями по этому вопросу предварительно внесения таковых в Государственный совет и сохранить в них, по примеру прежних проектов, условия подчинения заводов новым правилам лишь при добровольном на то согласии их владельцев».

Уже в апреле того же 1895 г. был получен ответ от временно управляющего Горным департаментом А. М. Афросимова, в котором обращалось внимание на незавершенность землеустройства горнозаводского населения и государственных крестьян в посессионных дачах, с чем законодатель связывал возобновление дела о выкупе посессий⁶. Это потребовало от посессионеров и их заводоуправлений дополнительных усилий.

«Ходатайство заводовладельцев об освобождении их от посессии, — заявляли авторы подготовленной тогда общей записки, — вызвано сознанием угрожающих им обстоятельств, что всякое промедление в разрешении этого вопроса задерживает дальнейшее их развитие к увеличению выработки металлов и удешевлению их, что увеличение заводской работы принесло бы не меньшую пользу казне нормальной податью, взамен полоторной, и дало бы большему числу людей заработок». Поднимался и вопрос о незавершенности межевания наделов государственных крестьян и горнозаводского населения в посессионных округах, что отодвигало выкуп посессий до времени его окончания. Авторы записки заверяли министра, что «отграничение наделов государственных крестьян... уже окончено, а продолжают лишь споры по некоторым селениям». Не составляла особого препятствия, по их мнению, и незавершенность землеустройства горнозаводского населения, поскольку «простой вычет из общей площади дачи безлесных и неудобных земель», за счет которых только и могли расширяться, по правилам 1893 г., наделы мастеровых, позволял легко вычислить площадь

остающихся за заводами лесов, т. е. «величину того пособия казны, за которое в 1863 г. заводы оставлены в посессионных условиях».

Полагая, что «предложить что-либо логичнее заводчики едва ли успеют», авторы записки напоминали о том, что «проект Валуева — Штофа» 1878 г. не был отвергнут ни Государственным советом, ни «тогдашними министрами». «Министерство государственных имуществ находило ранее, в 1887 г., что вслед за разрешением вопроса о наделении горнозаводского населения не будет уже препятствий приступить к делу о выкупе посессий, для чего и собирало сведения и посылало проект о том графа Валуева на заключение местного горного начальства. Недостаток окончательного ограничения наделов населения не признавался тогда препятствием к выкупу посессий... как и при составлении проекта графа Валуева». «Подесятинный расчет суммы выкупа, конечно, не может быть сделан точно до окончания вымежевания наделов, — соглашались авторы. — Но приблизительное исчисление такой суммы с условием позднейших зачетов заводчикам излишней уплаты или недополученной казной при платежах в рассрочку, а равно возврата или дополучения при единовременных взносах выкупной суммы, вполне осуществимо, и заводчики охотно бы ему подчинились».

Для того чтобы убедить министра, который был «не знаком со всеми частностями вопроса о посессионном праве», предлагалось воспользоваться предстоящим приездом А. С. Ермолова на Урал. «Местные деятели» намеревались не только «найти много случаев ознакомить его с массою неудобств посессионного права, крайне вредных заводчикам, обременительных для горной администрации, а казне совершенно бесполезных», но и доказать министру, что «сохранение подесятинного расчета выкупной суммы для заводчиков крайне важно». Поскольку такой расчет «впервые проявился в проекте графа Валуева, составленном г-ном Штофом, ныне видным деятелем центральной горной администрации и сотоварищем А. С. Ермолова по лицею» (имелся в виду Императорский Александровский лицей), они рассчитывали на поддержку министра.

«Система г-на Штофа так проста... — утверждалось в переписке заводууправлений, — что А. С. Ермолов легко усвоит ее и впоследствии будет сознательным ее сторонником, по крайней мере в отношении округов, производящих одно железо». Сомнительным могло показаться министру лишь исключение из оценки добавочной подати за золото и платину. Предлагалось доказывать необходимость этого «непостоянством такого промысла, влиянием на него лажа (премия при переводе цены золота на бумажные деньги. — *Е. Н.*), рискующего ныне не только уменьшиться, но и вовсе исчезнуть». «К выкупу подлежать должно будущее горнозаводского дела в округе, а не его прошлое: при рассрочке платежей на 37 лет кто может поручиться, что добычей золота и платины будут цифры, соответствующие какому-либо периоду из прошлого. В случае надобности... можно бы заявить г-ну министру, что заводчики предпочли бы уплачивать и впредь добавочную подать с золота и платины, чем принять на выкуп капитализацию ее по средней величине за какой-либо период прошлого времени», — рекомендовали инициаторы плана действий. В этой связи было высказано предложение о необходимости полного отказа от полуторной подати с драгоценных металлов и даже с меди. Этим, считали в заводууправлениях, правительство «даст возможность обрабатывать с меньшим содержанием металла медные руды, золотосодержащие и платиновые россыпи, чрез что, несомненно, увеличится получение этих металлов и... поступление нормальной подати». Некоторые другие беспокоившие посессионеров мелкие вопросы было

предложено совсем не поднимать, чтобы не испугать министра сложностями решения дела о выкупе посессий⁷.

Во время своего путешествия А. С. Ермолов, на которого возлагались большие надежды, скорее всего, сумел ознакомиться с общим мнением посессионеров и их заводоуправлений, дополнительно изложенным в коллективном прошении от 6 марта 1896 г. Следствием этого стало создание Особой комиссии при Горном департаменте под председательством члена Горного совета тайного советника А. А. Штофа, соавтора проекта 1878 г. Комиссия должна была в очередной раз «рассмотреть вопрос о выкупе посессионных имений в собственность их владельцев». Об этом директор Департамента Н. А. Денисов известил Уральское горное управление 29 сентября 1897 г. Ввиду того что «упомянутая Комиссия в скором времени приступит к своим занятиям», он просил поторопиться подготовить сведения по последней таксации о масштабах и состоянии лесов посессионных дач, их ежегодном приросте, о нормах вырубок и отпуске леса населению. Эти данные, поступившие от заводоуправлений, были отправлены в Санкт-Петербург к июню 1898 г., когда Комиссия, на которую заводчики возлагали большие надежды, уже начала свою работу.

Однако надежды посессионеров натолкнулись на изменившееся к тому времени общественное мнение и на иное отношение чиновников как к выкупу посессий, так и к предложенной методике его расчета. Отголоском этих перемен могут служить рассуждения уже упоминавшегося В. Н. Мылова по поводу посессионного вопроса, опубликованные в «Горном журнале» в 1892 г. Не отрицая целесообразности выкупа, он вернулся к уже не раз высказывавшемуся мнению о том, чтобы выкуп земли был произведен в полную собственность «не иначе, как по возможно высоким ценам, не ниже, например, оценок земских». Доводы в пользу понижения оценки, предлагавшиеся в свое время Податной комиссией (принять во внимание те заслуги, «какие оказали уже эти заводы государству развитием горного дела»), не имели, по его мнению, «никакого значения, потому что заслуги эти были вознаграждены давно сторицею теми миллионными состояниями, какие приобрели некоторые заводовладельцы при содержании заводов на посессионном праве владения». Выкуп имений должен был сопровождаться обязательством использовать их исключительно в интересах горного дела и ведения «нехищнического горного хозяйства» при условии возврата земель казне после закрытия заводов. «По моему мнению, — размышлял главный лесничий, — это единственный путь, на котором могут сойтись все современные интересы государства, казны, общества и посессионера и который сколько-нибудь удовлетворительно разрешает это темное, исторически запутанное и не определенное право владения, каким признали его комиссии Горная и Податная в 1860-х гг. и каким оно осталось поныне, несмотря на усиленную работу над разъяснением его таких светлых умов, как Огородзинский, Полетика, Михайлов, Марченко, Петров и проч., выяснивших только одно положение, что право посессионного владения нельзя приурочить вполне ни к одному из гражданских законоположений, определяющих пространство прав на поземельное имущество», и потому это право нуждается «в видоизменении законодательным путем»⁸.

Предложения чиновников, участвовавших в работе Особой комиссии 1898 г., оказались еще более радикальными. Вопреки желанию посессионеров, Комиссия категорически отвергла проект бывшего Министерства государственных имуществ, не согласившись с методикой расчета выкупной суммы исходя из величины добавочной

подати. Все предшествовавшие проекты, решили члены Комиссии, «ошибочно принимали в расчет для выкупа одну только добавочную горную подать, как бы считая, что все права казны на посессии исчерпываются этой податью». «Посессия не есть частное имение, лишь обязанное платить добавочную подать... и посессионные земли не перестали с отдачею их заводам принадлежать казне как собственнику... — полагали они, — ввиду чего выкупом посессии в собственность заводчик приобретает не одно освобождение от уплаты добавочной горной подати, но и право собственности на заводскую дачу, а с ним и освобождение от существующих стеснений в пользовании и распоряжении последнею». Недостатками прежнего проекта были признаны и «слишком низкая выкупная оценка дач (около 1 руб. за десятину)», и сохранение лесного сервитута, и отказ от учета подати за золото, которая была обращена «в особый раскладочный налог». При отсутствии протоколов заседаний Комиссии остается предполагать, что эти ее заключения были связаны с общей установкой главы ведомства А. С. Ермолова не допускать отчуждения государственных имуществ без особой необходимости, что, как было показано выше, отразилось и на его отношении к продаже казенных горных заводов.

Отвергнув проект 1878 г. и пересмотрев базовые принципы выкупа, Особая комиссия, тем не менее, не пришла к окончательному заключению «об основаниях, на которых мог бы быть построен новый проект выкупа». Как кратко сообщалось в записке Горного департамента, только два члена Комиссии, имена которых не назывались, выдвинули «предположения» об этом. Один из них предлагал не составлять общего для всех заводчиков положения, а «произвести для каждой посессионной дачи через особую комиссию из представителей казны и владельца дачи оценку ее и половину этой оценки признать за выкупную сумму». Другим членом Комиссии был предложен совершенно иной подход, отвергавший идею выкупа и предусматривавший «справедливое разверстание посессионных имений между казною и владельцами». В связи с таким неожиданным для посессионеров поворотом событий от них поступило ходатайство о приостановке работы Комиссии «до предоставления им подробных сведений и соображений»⁹.

Смена парадигм: «проект А. А. Штофа»

Лишь в 1899 г. заводчики смогли ознакомиться с подготовленными к этому времени в виде проекта новыми Правилами о прекращении посессионного владения горнозаводскими дачами на Урале¹⁰. «Владельцам уральских посессионных горнозаводских дач, — было записано в первой статье Правил, — предоставляется в собственность безвозмездно: а) земля, занятая заводами с их постройками и прудами... в размере, не превышающем в совокупности 300 дес.; б) рудники и прииски, заявленные или фактически разрабатывавшиеся заводладельцами в посессионных их дачах до издания настоящего узаконения, а также принадлежащие заводладельцам в чужих дачах (кроме отводов, полученных на казенных свободных землях на общем основании законов о частной горной промышленности на сих землях) в границах имеющихся отводов, а при неимении таковых в тех границах, какие будут указаны новым отводом в размере не более 1 кв. версты для каждого рудника или прииска». Вторая статья сообщала, что «посессионные дачи, кроме указанных в первой статье частей их и наделов местного населения по закону 19 мая 1893 г., становятся полною собственностью казны с ограничениями, указанными в статьях третьей и четвертой».

Эти «ограничения» сохраняли за бывшими владельцами заводских дач исключительное право поиска в них ископаемых, «составляющих предмет свободного горного промысла», и право на получение отводов для их добычи до 19 мая 1908 г. на основании общих законов о частном горном и золотом промысле на казенных землях. До этого времени дачи оставались «закрытыми для посторонних горнопромышленников, кроме добычи драгоценных камней», разрешенной по закону от 12 февраля 1896 г. Каждая бывшая посессионная дача считалась «предоставленной владельцу состоящего в ней завода для пользования лесными материалами на основании... закона 29 мая 1895 г. и в размере, соответствующем потребности завода в сих материалах, насколько это допускается состоянием дачи». Лишь до «завершения лесоустройства дачи с отграничением и таксацией лесосек» ее использование «со стороны заводоуправления» производилось «на существующих основаниях и бесплатно».

Взамен этого заводчики освобождались «от всех связанных с посессионным владением стеснений в праве распоряжения рудниками, заводами и заводским действием со дня издания настоящего узаконения», а от уплаты добавочной горной подати — «со времени окончания таксации лесов» (ст. 5). Кроме того, обязанность снабжения местного населения лесными материалами переходила казне. Министру земледелия и государственных имуществ предоставлялось право установить порядок принятия в казну бывших посессионных дач и «разрешать все могущие встретиться... вопросы и недоразумения, не подлежащие по свойству своему судебному законодательному рассмотрению» (ст. 6).

Этот краткий, но емкий документ привел уральских посессионеров и их заводоуправления в полное замешательство, поскольку в корне противоречил как их ожиданиям, так и прежним намерениям горных властей, выраженным во всех проектах выкупа посессий. По их мнению, он свидетельствовал о том, что власть внезапно решилась на самое радикальное изменение в системе своих отношений с заводчиками по соображениям, ничего общего не имеющим с их насущными интересами, которые посессионеры пытались донести посредством своих многочисленных записок. Вопреки этим интересам, власть через 30 лет вернулась к тем предложениям, которые еще в 1868 г. внес министр государственных имуществ А. А. Зеленой и которые тогда были отвергнуты лояльной к заводчикам Податной комиссией. Вряд ли высшие горные власти не прогнозировали ответной реакции заводчиков на проект, фактически предлагавший уничтожить их «вековые права» на посессионные земли и ведущий к распаду той окружающей организации промышленности, органичной частью которой были заводские дачи. Вероятно, это был своего рода «пробный шар» властей в отношении как заводовладельцев, так и общественного мнения.

Как и следовало ожидать, проект вызвал скорый и решительный протест заводчиков, направленный в первую очередь против его автора. Им, к общему удивлению, оказался тот же самый А. А. Штоф, на которого прежде так уповали посессионеры за разработку проектов выкупа. Переиздавая свой основательный труд о горном праве в 1895 г., он уделил особое внимание посессионному праву, хотя и отметил, что в настоящее время посессионные заводы представляют «сравнительно небольшой остаток весьма многочисленной прежде категории горных заводов, имевших от правительства разные пособия». Придерживаясь официальной точки зрения, он, опираясь на оспоренное заводчиками разъяснение Сената 1876 г., утверждал, что «посессионные земли не составляют собственности заводчиков, хотя бы и ограниченной... земли эти не перестали принадлежать казне, которая лишь отделила от своего права собственности

на них право пользования и до известной степени право распоряжения, предоставив эти последние права частному горнозаводчику бессрочно». Коснувшись в книге возбужденного в 1860-е гг. вопроса о выкупе заводчиками посессионных земель в собственники, он отметил, что вопрос этот «не получил еще законодательного разрешения, хотя и не остановлен», но ни словом не обмолвился о возможности другого подхода к ликвидации посессионного права. Он лишь многозначительно намекнул на то, что утвержденный 29 мая 1895 г. новый закон «Об изменении порядка снабжения частных горных заводов древесным материалом из казенных лесов» предоставит заводчикам благоприятные возможности его получения «на иных основаниях». Заводам, расположенным в местностях, не отличавшихся обилием лесов, разрешалось покупать лесные материалы у казны с торгов, периодически проводимых местными управлениями государственных имуществ, а в местностях, изобилующих лесами (например, в Восточно-Сибирской, Западно-Сибирской, Уральской и Северной горных областях), «закон давал заводчикам широкую возможность пользоваться казенными лесными материалами для заводских целей на весьма льготных условиях» по сравнению с посессионным правом¹¹. Отношение А. А. Штофа к посессии, а также появившиеся в 1890-е гг. законы не только об отводе казенных лесов, но и о землеустройстве населения посессионных округов, по всей видимости, и подтолкнули его к разработке нового проекта ликвидации посессионного права.

Реакция посессионеров на «проект А. А. Штофа» в полной мере отразилась в безымянной записке, составленной в начале 1900 г. в Верх-Исетском заводууправлении, которое всегда выступало зачинщиком действий, направленных на отмену посессионного права. Скорее всего, она была составлена управляющим А. И. Фадеевым для Главного правления имениями наследников Н. А. Стенбок-Фермор в Санкт-Петербурге. Автор записки пытался не только критиковать новый «проект А. А. Штофа», но и понять причину столь неожиданной и резкой перемены во взглядах важного чиновника.

«До настоящего времени, — писал хорошо осведомленный автор, — все суждения правительства по вопросу о переходе владений на посессионном праве во владение на праве собственности (что правительством признавалось желательным и необходимым) выражались формулой „выкуп посессий“... причем правительством предлагался заслуживающим особого внимания проект выкупа, основанный на капитализации добавочной горной подати. Комиссии, занятые этим вопросом, во всех своих работах никогда не отступали от намеченного пути, но появившийся законопроект г-на Штофа внезапно изменяет предположенное направление правительства, разом признавая ничтожными все работы действовавших до сего времени комиссий».

Анализируя проект, автор приходит к заключению о том, что он противоречит и действующим законам. Хотя законодательство «оставляло открытым вопрос о том, к какому виду владения должно относиться владение землями, лесами и рудниками на посессионном праве», оно недвусмысленно определяло это владение «не ограниченным каким-либо сроком и потомственным», настаивал он. «Рассматривая проект г-на Штофа с этой точки зрения и оставаясь спокойным собственником имущества, которое не может быть насильственно изъято из владения его без явного нарушения основных прав собственности, — замечал автор, — предстоит только удивиться, каким образом г-н Штоф, не имея оснований отрицать неотъемлемость прав посессионеров, мог предложить им свой проект в надежде получить их согласие на умаление их прав безо всякой замены таковых какими-либо выгодами».

Помимо этой базовой правовой нормы, проект полностью противоречил «той идее, во имя которой у высшего правительства родилось стремление избавить посессионеров от установленного для них вида владения». «Основанием к такому стремлению, — пояснял автор записки, — послужило сознание того, что правильное употребление посессионерами данных им от казны пособий могло бы происходить только в том случае, когда бы посессионеры относились к этим пособиям как к своей неотъемлемой собственности, т.к. только интерес собственника может служить источником полной свободы в своем настоящем и будущем. Вот почему правительство, желая обратить посессионное владение горнозаводскими именьями в собственность их владельцев, предложило установить выкуп посессий». Новый же проект предлагал изъятие посессионных земельных владений в казну вместо выкупа их в собственность заводчиков.

Серьезные опасения у автора записки вызвало и положение проекта об открытии посессионных дач с 19 мая 1908 г. «для поисков и добычи в них ископаемых частными лицами». Очевидно, что этот срок был заимствован из закона от 19 мая 1893 г. об окончательном поземельном устройстве населения посессионных округов, который предоставлял заводчикам 15-летний период для поисков руд на надельных землях и для их обмена. По «проекту А. А. Штофа», те же самые поисковые работы нужно было проводить уже на всей территории округа «и в результате обеспечить свой завод ископаемыми на вечное его действие». «По самым разнообразным причинам, — утверждал автор записки, — это предположение может остаться неисполненным, что не только возможно, но почти неминуемо, хотя бы даже проектируемый срок был увеличен вдвое и втрое». Тогда заводовладельцу ничего не останется, как «производить фиктивные разведки и делать наобум сплошные односторонние отводы», но уже не безвозмездно, а «на общем основании законов о частном горном промысле на казенных землях».

Значимой опасностью, вытекающей из того же положения проекта, представлялось и неизбежное, по мнению автора записки, появление на бывших посессионных землях после 1908 г. массы мелких горнопромышленников, которым потребуется значительное количество лесных материалов. Но их неоткуда будет взять, кроме как из тех же самых дач, которые предоставлялись и заводчику «для пользования лесными материалами в размере, соответствующем потребности завода в сих материалах, насколько это допускается состоянием дачи по ее устройству». Таким образом, делал вывод автор, «покровительство к развитию будущей частной мелкой промышленности в бывшей посессионной даче... будет в той же мере служить к умалению средств для поддержания существования крупной промышленности, а может быть, и к полному разрушению ее... что... будет достигнуто, если распоряжение лесами оставить за казною, чему примером могут служить существующие казенные дачи». Автор записки был совсем не против «мелкого горного промысла», но не без оснований полагал, что «только крупная горнозаводская промышленность может достичь наивысшего для нее развития и желанных результатов».

Обращаясь к другим источникам «проекта А. А. Штофа», автор обнаружил их в уже упоминавшемся законе от 29 мая 1895 г. Реагируя на нараставший «топливный голод» на Урале, писал он, правительство заменило этим законом давно критикуемые и фактически не использовавшиеся Правила 1863 г. В соответствии с новым законом, лес мог предоставляться заводчикам «для всех без исключения заводских надобностей» за «попенный сбор», не превышающий «низшей местной таксы на хвойный дровяной лес» и неизменный в течение 25 лет. Заводчики могли также арендовать участки казенных

земель площадью до 300 дес. на срок до 90 лет. Эти участки признавались в таком случае «свободными для частного горного, золотого и нефтяного промыслов»¹². «Проект А. А. Штофа» предоставлял посессионеру те же 300 дес. земли, но не в аренду, а в собственность и безвозмездно, а также лес «за попенные деньги и на тех же кондициях, кои составляют закон». Но казна предоставляла лес из той же посессионной дачи, а значит, по мнению автора, не в качестве льготы с целью «поощрить крупную горную промышленность и дать ей возможность встать на твердую почву в будущем», а в виде «обмена одного права на другое». Эта замена представлялась автору «клонящей не к поощрению крупного горного промысла, а к его угнетению», из чего следовало, что проектируемые А. А. Штофом мероприятия шли «не параллельно, а прямо вразрез с намерениями правительства», почему и не могли подлежать осуществлению.

Автор записки, задавшись вопросом о том, «чем же вызван подобный антагонизм к посессионным владельцам», которым, по его мнению, был проникнут «проект А. А. Штофа», нашел следующий ответ: в широком смысле — ухудшившимся к этому времени отношением общества к уральским горнозаводчикам вообще и к посессионерам в частности, в узком же — влиянием на позицию чиновника получивших известность работ В. А. Удинцева, защитившего в 1896 г. магистерскую диссертацию по посессионному праву.

Именно В. А. Удинцев в своих трудах попытался юридически обосновать, что добровольная подать, положенная в основание выкупа посесий, не составляет существа посессионного права, поскольку «помимо требования заводского действия за казной оставалось еще кое-что — право земельной собственности». Поэтому, считал правовед, нельзя трактовать предполагаемую сделку между посессионерами и казной как выкуп, так как выкуп есть обратное приобретение отчужденного, а посессионеры ничего не отчуждали казне и потому ничего не могут выкупить у нее. Напротив, «пользование посессионными землями отчуждено заводчикам казною... и казна, очевидно, могла бы откупиться от посессионеров, выкупив свои земли». Такая, по мнению В. А. Удинцева, ошибочная юридическая интерпретация сделки, прекращающей отношения посессионеров к казне, влекла за собой расширение их монопольных прав, что «не соответствовало интересам горного дела», поскольку препятствовало развитию в горнозаводских округах частной промышленности и совсем не гарантировало ее развитие самими заводчиками, освобожденными от обязательств поддерживать «заводское действие».

«Итак, — резюмировал правовед свои размышления, — выкуп как способ ликвидации посессионного права надо считать невозможным по соображениям юридическим, а скрывающееся за ним отчуждение казенных земель в пользу посессионеров — не соответствующим интересам горного дела, заводского населения и вообще общенародной пользе. Можно поэтому удивляться, что в течение почти 50 лет, протекших с того времени, когда впервые возбужден был вопрос о ликвидации посессионного права, ни в комиссиях, ни в литературе... не говорилось ни о чем другом, кроме выкупа». Он считал вполне возможным «способ, обратный выкупу и заключающийся в приобретении посессионных заводских округов не посессионерами у казны, как было до сих пор, а казной у посессионеров». Но поскольку отводные земли и леса В. А. Удинцев безоговорочно считал собственностью казны, то покупка их у посессионеров и не предполагалась. Приобретение же самих заводов и движимого заводского имущества представлялось ему нецелесообразным ввиду вполне обнаружившегося «неудачного ведения казенного заводского хозяйства» и «неуверенности в полной применимости

кооперации к производству» вследствие неудачных попыток передачи нескольких казенных заводов в управление рабочих артелей. Поэтому он и предлагал осуществить сделку на принципах, положенных впоследствии в основу «проекта А. А. Штофа»¹³.

Сравнивая представления правоведа и чиновника, автор записки замечал, что «г-н Штоф не только непосредственно заимствовал основные мысли своего проекта... но и вообще находится под влиянием труда г-на Удинцева», который, по его мнению, «хотя и претендует на труд научный, в сущности таковым не является, а представляет собой лишь выражение беспочвенной вражды к крупному землевладению», причем правовед стремится «отличить свой труд совершенно оригинальными взглядами... ссылаясь при этом на суждения... малокомпетентных лиц». Автор записки полагал, что «знакомиться с нуждами и затруднениями горного промысла Урала надо... не по газетным статьям и выкладкам земских статистиков, а на месте, стоя близко у самого дела и заглянув в заводские книги, хотя бы только недавно истекших лет, в которых красной нитью проходят не баснословные доходы, о коих наобум говорят не знакомые с делом люди, а убытки или таковые доходы, которые ничтожны в сравнении с тем, что вложено в дело десятками поколений заводчиков-посессионеров». Поэтому, полагал он, имея в виду идеолога В. А. Удинцева и автора проекта А. А. Штофа, «если допустимы для молодого ученого... увлечения оригинальными идеями во имя их оригинальности и без знакомства его на месте с истинным положением вещей, то недопустимы такого рода увлечения лицу, к которому должно быть предъявлено требование на его полное и всестороннее знакомство не только с теорией исследуемого права, но и с фактическим положением дела, из него вытекающего»¹⁴.

Вместе с тем отзывы других заводоуправлений оказались более лояльными, поскольку их авторы смогли увидеть известную экономическую выгоду от отделения лесов от заводов. Так, в 1899 г. ее расчет предпринял управляющий Нижнетагильскими заводами П. И. Замятнин. Выходило, что в случае реализации «проекта А. А. Штофа» расходы этого крупнейшего посессионного округа на уплату горной подати сократятся на 121,7 тыс. руб., вследствие отмены уездного и губернского сбора и поземельного налога — на 45 тыс. руб., из-за того, что отпадет необходимость выделять средства «на содержание лесной администрации и охраны лесной дачи округа», — на 45 тыс. руб., т. е. всего на 211,7 тыс. руб. При покупке необходимых для «заводского действия» 135 тыс. куб. саженей древесного топлива пришлось бы заплатить казне лишь 67,5–74,3 тыс. руб. «Сравнивая эту цифру с исчисленной выше суммой, — писал демидовский управляющий, — окажется, что с опубликованием нового закона в том виде, как он проектирован, ежегодные сбережения заводовладельцев выразятся огромной цифрой 141 тыс. руб. Но вся польза одними этими цифровыми выводами далеко не исчерпывается. С переходом на положение собственников заводов владельцы освободятся от отпуска лесных материалов местному населению и сопряженных с этим отпуском разного рода недоразумений и отчетности; от охраны лесной дачи от самовольных порубок и захватов; от составления по ним протоколов и ведения массы дел, начиная от земских начальников и кончая губернским присутствием; от сбережения дачи от самовольной пастьбы скота и сенокосения, которые так распространены среди местных мастеровых... и, наконец, самое главное, владельцы избавятся от массы переписки с разными должностными лицами даже по уяснению самого вопроса о том, в чем именно заключаются их права как посессионеров и по отношению к местному населению, и по отношению к владению дачами. Эти вопросы в последнее время благодаря,

с одной стороны, непониманию земскими начальниками и другими прикосновенными к делу должностными лицами, а с другой — превратному толкованию их в литературе требуют от заводоуправления затрат и времени, и труда...»¹⁵

Тем не менее, никогда заводчики и их представители не предлагали перейти на такой вроде бы выгодный им вариант взаимоотношений с казной. Здесь, как и полагал безымянный автор цитированной записки, теория сталкивалась с практикой. Отграничение лесов от сохранявшей свой древесно-угольный профиль уральской металлургии означало для них утрату гарантированной и оберегаемой (несмотря на имевшие место рецидивы «хищничества») топливной базы заводов. С точки зрения заводчиков, это было равносильно закрытию заводов, поскольку, как они полагали, «немыслимо существование горнозаводского предприятия, которое не обеспечено самым существенным условием жизнеспособности его — горючим»¹⁶.

Судя по опыту прежних лет, заводчики считали казенное лесное ведомство, с которым предстояло перейти на арендные или рыночные отношения, очень ненадежным партнером. В одной из своих записок они не без оснований обращали внимание на «несоответствие интересов горной и лесной промышленности и нежелание лесного ведомства приносить интересы лесного дела в жертву горной промышленности». «Положение дела ухудшится во много раз с передачей посессионных лесов казенному ведомству, заинтересованному не в горном деле, которое было и остается ему чуждым, а в правильной постановке лесного хозяйства, — прогнозировали они. — Лесное ведомство будет неизбежно стремиться освободиться от обязательства в пользу посессионных заводов, и в результате получится полная необеспеченность их горючим...»¹⁷ Такая вполне реальная перспектива перекрывала любые экономические выгоды от передачи лесов казне. Не без оснований заводчики полагали, что зависимость от казенного ведомства может быть чревата еще и появлением «дополнительных поводов для административного произвола». «Отнятие лесов от заводов» должно было привести к «обесцениванию заводов», что «лишало их кредита, а вместе с тем вело и к окончательному разорению». Кроме того, заводские дачи хранили в своих недрах неисчислимые минеральные богатства как залог будущего развития горнозаводской промышленности.

Судя по всему, резкая реакция заводчиков на «проект А. А. Штофа» была вызвана не только нежеланием расстаться с огромными земельными владениями, но и вполне обоснованными опасениями за судьбу крупной уральской металлургии — их «родового дела». Они настаивали на том, что самым простым и выгодным для казны и заводчиков вариантом была бы передача лесов в их собственность путем выкупа посессий, т. е. превращение посессионных округов во владельческие, которые, по данным статистиков, развивались более динамично и показывали пример эффективности при существовании той же окружной организации, но без «казенной опеки».

Убежденность посессионеров в правомочности модели выкупа посессий нашла поддержку и даже, как тогда говорили, «научную санкцию» у Д. И. Менделеева, который в составе ученой комиссии совершил летом 1899 г. поездку на Урал с поручением «посильно осветить давно назревший вопрос об уральской железной промышленности». В отличие от автора последнего министерского проекта, Д. И. Менделеев считал посессионеров «историческими тружениками металлургического дела на Урале». «Они владеют, — писал он, — $2\frac{1}{4}$ млн дес. земли (у казенных заводов $2\frac{1}{2}$ млн дес.), а производят в год около 12 млн пуд. чугуна (казенные же только около 5 млн пуд.), т. е. почти треть (учитывая еще частновладельческие округа. — *Е. Н.*) производительности всего Урала

определяется этими заводами. От них идет главная слава уральского железа (Яковлевых, Демидовых и др.), они, несомненно, еще и ныне стоят впереди всего уральского движения, и они, хорошо освоившись в крае, конечно, двинут железное дело вперед, если темнота, часто господствующая в уральских земельных отношениях, а особенно в посессионных, заменится полным светом». Именно в такой «неопределенности, запутанности и условности» владельческих прав увидел ученый одну из существенных причин «малой подвижности» уральской промышленности. «Промышленность есть следствие полной ясности прав собственности», — со знанием дела писал Д. И. Менделеев. Посессионное право необходимой ясности как раз и не вносило. Поэтому ученый предлагал «совершенно покончить с таким устарелым способом движения промышленности, как посессия», и с помощью «державной воли... сделать посессионеров полными владельцами своих земель, оставшихся за наделом крестьян». Как и заводчики, он полагал, что «возвышенная горная подать», составлявшая «как бы арендную плату за право посессии», может быть капитализирована, и тогда будет покончено «с вмешательством казны во владение посессионеров»¹⁸.

Горячее сопротивление заводчиков и мнение маститого ученого несколько охладили пыл министерских реформаторов. «Проект А. А. Штофа» был отложен до лучших времен, в то время как высказанное в Особой комиссии 1898 г. предложение решать посессионную проблему отдельно по каждому округу с учетом его специфики неожиданно получило продолжение.

Проекты выкупа холуницкой и невьянской посессий

В начале XX в. несколько специальных совещаний (по Бемьшевскому, Невьянскому и Холуницкому округам) пытались решить судьбу таких посессионных имений, где сложились особые условия. Примененный расчет выкупной суммы за часть дачи Бемьшевского округа (см. разд. 3 гл. III), где уже давно прекратилось заводское производство, был неприемлем для других посессионных округов. Разработанные же проекты для двух других горнозаводских хозяйств — Невьянского округа наследников П. С. Яковлева и Холуницкого округа И. А. Поклевского-Козелл — оказали влияние на дальнейший ход дела о ликвидации посессионного права.

В начале 1904 г. при Министерстве земледелия и государственных имуществ была создана комиссия под председательством А. А. Штофа для обсуждения условий освобождения Холуницких заводов от «посессионных ограничений». Как объяснял директор Горного департамента Н. А. Иосса, вопрос «был поставлен вне очереди, будучи выделен из общего вопроса о выкупе посессий». Правительству, сообщил он, «по необходимости пришлось считаться с тем особым положением, в котором очутились Холуницкие заводы благодаря задолженности их владельца, передаче заведования заводами особому конкурсу и предначертанной высочайшим повелением скорейшей продаже оных в другие руки», для чего и «признано было необходимым освободить эти заводы теперь же от посессии»¹⁹.

Довольно крупный Холуницкий горнозаводский округ был приобретен в рассрочку «водочным королем» Урала А. Ф. Поклевским-Козелл в 1873 г. и через 14 лет объединен им под общим управлением с купленным в 1887 г. владельческим Залазинским округом. Как уже упоминалось, проблемы с прежде достаточно успешно функционировавшим хозяйством начались уже после кончины владельца и раздела имения между его сыновьями в 1898 г. Когда в 1902 г. новый владелец округа И. А. Поклевский-Козелл

был объявлен «несостоятельным должником», организованное кредиторами конкурсное управление остановило заводы. Но по просьбе оставшегося без работы населения казна с санкции императора выделила 600 тыс. руб. на возобновление работы и продление действия Холуницких заводов до их публичной продажи. Для этого и потребовалось разработать условия продажи, учитывавшие возможность изменения правового статуса заводов.

Комиссия А. А. Штофа признала ту очевидную истину, что никто не купил бы заводы без лесов, и предложила новую методику выкупа. Она основывалась на безоговорочном признании того, что при переходе посессионного округа в частную собственность казна теряет не только добавочную подать, но и «свое право собственности на имение», а также «право известного вмешательства в распоряжения владельца заводским действием и лесом». Ограничиваться капитализацией одной лишь подати при таком подходе было явно недостаточно.

Поскольку денежная оценка «выгод владельца от устранения посессионных стеснений» не поддавалась определению, а потерю горной подати можно было легко оценить по примеру прежних проектов выкупа, основанных на принципе капитализации подати, то комиссия сосредоточилась на выработке методики оценки тех «приобретений владельца, которые имели вполне вещный характер». К ним, в частности, относились рудники. По причине их «потенциальной исчерпаемости» комиссия решила считать «бессрочное право посессионеров пользоваться рудником... равным на деле праву собственности на него» и не нуждающимся в оценке. Из расчета выкупной суммы исключались также безлесные земли, которые должны были перейти в надел местному населению, «земли под заводами и их устройствами, за которые требовать плату с заводчика было бы несправедливо», и «небольшие пространства пашен и покосов, утилизируемые владельцем для своих надобностей... ввиду их незначительности».

По мнению членов комиссии, не представляла большого труда и оценка «важнейшей составной части посессии» — леса: в случае каких-либо затруднений ее можно было осуществить «по доходности десятины казенных лесов в ближайших к посессионному имению местностях». Но поскольку посессионер имел законное право пользоваться лесом «для своих заводских надобностей», было признано необходимым «вычесть стоимость этого права», которую, как полагали члены комиссии, нетрудно будет определить «по размеру действительного пользования лесом со стороны посессионера и по доходности десятины леса». Кроме того, вычету подлежал сервитут по снабжению лесом местного населения, лежащий на посессионерах по закону 1893 г. Было предложено заменить его лесным наделом населению и из стоимости выкупаемой лесной дачи вычесть стоимость этих наделов «по той же оценке, какая будет принята для всей вообще дачи». Из-за спешности дела было решено не проводить специальной оценки Холуницкой лесной дачи.

Итогом работы комиссии стала следующая формула оценки посессионных прав казны в Холуницких заводах: «выкупная за посессию сумма определяется капитализацией добавочной горной подати, действительно уплаченной посессионным владельцем в среднем за известное число последних лет, и присоединяемую к сему стоимостью лесной дачи, определяемую по доходности десятины ближайших казенных лесов, за вычетом из этой стоимости: 1) определяемой по размеру действительного пользования в последние годы лесом для заводских целей и по доходности десятины при таком пользовании стоимости права заводчика на пользование лесом и 2) стоимости

того числа десятин леса, которое потребуется для отвода населению лесных наделов на основании особого о сем закона». Понимая некоторую сложность предложенной формулы, комиссия сочла возможным заменить этот расчет «вычетом из всей лесной площади дачи того количества десятин, которое эксплуатируется для заводских целей и потребуется для надела населению, и оценкой лишь остального количества»²⁰. Разумеется, дополнительная к стоимости заводов наценка за освобождение округа от посессионного права сделала и без того трудную продажу Холуницкого округа совершенно нереальной. Она и не состоялась, а заводы самой казне пришлось впоследствии принять в свое владение (см. разд. 3 гл. III).

Не менее тяжелое финансовое положение старейших Невьянских заводов стало причиной прекращения и там металлургического производства, что, согласно условиям посессионного владения, вело в случае «невозобновления действия» в течение трех лет к передаче заводских лесов в казну. Обращение владельцев в 1902 г. в Нижегородско-Самарский земельный банк за ссудой не дало результата: банк отказался принять в залог посессионный округ, где не было закончено наделение землей населения²¹. В таких условиях в июле 1905 г. владельцы подали ходатайство об освобождении их от посессионных ограничений, «тормозящих правильное развитие горного промысла».

«Прибегать к помощи правительства путем исходатайствования ссуды на льготных условиях, если бы и было возможно по состоянию государственных финансов, значило бы лишь несколько отсрочить гибель заводов, — писали они. — Достать же и доставить постоянно потребные капиталы на стороне — за границей или в России, как в этом вполне убедились Главное правление Невьянских заводов после многочисленных переговоров в деловых сферах, возможно не иначе, как добившись предварительно освобождения заводов от ограничений посессионного права». Пытаясь в такой ситуации до минимума сократить свои издержки, они полагали, что «на выкуп земель из посессионного права нельзя смотреть как на покупку означенных земель от казны, т. к. путем выкупа владельцы не приобретают имущества, а лишь дополняют свои права к имуществу, уже находящемуся у них во владении». Невьянским владельцам наиболее рациональным представлялся расчет выкупной суммы за их заводы «по формуле Валуева — Штофа» 1878 г. Выходило, что после наделения населения землей в распоряжении заводов предположительно останется всего около 15 тыс. дес. леса, которые при правильной эксплуатации могли давать ежегодно только 5 тыс. куб. сажень дров для выплавки 225 тыс. пуд. чугуна. Капитализированная добавочная подать с такого количества металла и определила выкупную сумму в 56 250 руб. Рассчитывая на скидку, которую тот же проект предусматривал в случае внесения сразу всей суммы, владельцы предлагали заплатить казне за перевод Невьянских заводов в их полную собственность 50 тыс. руб.²²

Ходатайство не осталось без внимания. Для его рассмотрения было создано особое совещание под председательством А. А. Штофа и с участием членов Горного совета Н. А. Денисова, В. В. Веселовского, В. А. Вольского и начальника Отделения частных заводов Горного департамента А. А. Сорокина. Отдел промышленности Министерства финансов представлял горный инженер А. В. Богданов, от юрисконсультской части выступал В. И. Иванов, от Государственного контроля — старшие ревизоры Департамента гражданской отчетности Н. К. Крылов и Н. Г. Вальтер. Главное правление имений наследников П. С. Яковлева представляли его члены Ф. М. фон Крузе, И. М. Яковлев и их заместители А. С. Недошивин и А. А. Шанин.

Сочтя ненужным останавливаться на «общем вопросе о том, следует ли стремиться к прекращению посессионной формы владения горными заводами, который уже давно предрешен правительством в утвердительном смысле», совещание «признало снятие ограничений с Невьянских заводов желательным и обратилось к обсуждению способов выполнения этой задачи». Однако на заседании, состоявшемся 31 октября 1905 г., представителям владельцев сразу же было указано на недопустимость рассматривать посессию как ограниченное право собственности, на невозможность обойти закон 1862 г. о трехлетнем сроке бездействия заводов, а также на вполне реальную перспективу передачи имения в казну в случае «невозможности дальнейшего ведения чугуноплавильного производства». Перейдя к обсуждению предложенной владельцами суммы выкупа, члены совещания признали ее существенно заниженной и не учитывающей подати с добываемого в Невьянской даче золота. В довершение всего им было рекомендовано «в интересах промышленности и населения» воспользоваться тем самым способом снятия посессионных ограничений, который предложил А. А. Штоф в 1899 г.

До следующего заседания представители Главного правления должны были обсудить это предложение с заводовладельцами. Те сочли, что «в силу дарованных им прав и существа законоположений» земли их имения являются неотъемлемыми, и «ни под каким видом» не соглашались «ни за себя, ни за своих наследников на отказ от своих прав на означенные земли». Они настаивали на выкупе остающихся после наделения населения земель, но уже не рискнули назначить сумму выкупа, а предложили определить ее «по справедливой оценке доходов казны от посессионной подати». Свое предложение они подкрепили заявлением о том, что «при изменении цен на чугун... они полагают возможным продолжить чугуноплавильное производство».

Поставив таким образом на место зарвавшихся невянских владельцев, члены совещания на заседании 17 ноября «не нашли препятствий к дальнейшему обсуждению вопроса на почве новых предложений Главного правления». Тогда было выдвинуто несколько вариантов расчета выкупной суммы, после обсуждения которых все члены совещания, не исключая и представителей Главного правления, приняли за основу расчет, предложенный председателем А. А. Штофом. Он основывался на идее разделения горной подати на две составные части — плату за земли и леса и плату за руды. Поскольку за добытую на казенных землях руду заводчики-вотчинники платили по $\frac{1}{4}$ коп. с пуда, а для выплавки пуда чугуна требовалось (согласно данным по Невьянским заводам) два пуда руды, то выходило, что на долю руды в добавочной подати ($1\frac{1}{4}$ коп.) причиталось $\frac{1}{2}$ коп., а остальные $\frac{3}{4}$ коп. составляла плата за земли и леса. В результате такого расчета выкупная сумма за передаваемые в собственность владельцев реальные 27 тыс. дес. леса и рудники, капитализированная из 5% от величины средней добавочной подати за последние 10 лет, достигала 144,5 тыс. руб.

Представители заводчиков не возражали и против выкупа золотых приисков, хотя указали, что «с каждым годом дача заметно беднеет золотом... и в недалеком будущем оно окажется исчерпанным». Тем не менее, учитывая, что приемы золотодобычи совершенствуются и проводятся поиски новых месторождений, члены совещания признали необходимым включить в выкупную сумму плату за золото, но «ввиду значительно меньшей обеспеченности дохода казны от золота сравнительно с доходом от чугуна допустить для вычисления вознаграждения казны за золото капитализацию дохода не из 5, а 10%». Представителям Главного правления ничего не оставалось, как согласиться и с этим расчетом, увеличившим общую сумму выкупа еще на 48,3 тыс. руб. Но они

заявили, что без рассрочки на 37 лет «владельцы были бы лишены в настоящее время возможности воспользоваться допущением выкупа», размер которого почти в четыре раза превысил их предложение.

Итогом работы особого совещания стало подготовленное «на уважение» Государственного совета заключение о предоставлении владельцам возможности приобрести части Невьянской дачи, оставшиеся после надела местного горнозаводского населения, за 192,8 тыс. руб., рассроченных на 37 лет при платеже 5% «интереса» и 1% погашения. Однако дальнейший ход дела был приостановлен до решения вопроса о землеустройстве горнозаводского населения, которое предполагалось завершить к 1907 г.²³

Но к тому времени было предложено изменить нормы землеустройства населения, включив и лесной надел. Расчеты созданного в 1908 г. при Уральском горном управлении совещания показали, что за счет заводской территории невозможно было выделить не то что по 3 дес. (как требовало население), но даже и по 2 дес. на «наличную душу». Решение было найдено в отводе наделов из дач соседних горнозаводских округов (Нижнетагильского, в частности), которым отрезанные участки возмещались из казенных Монетной и Илимской дач. Тогда же Сенат пересмотрел и вопрос о наделах бывших государственных крестьян, проживавших на территории Невьянского округа. Участки решено было увеличить за счет земель округа. В результате в распоряжении заводууправления могло остаться всего около 5,5 тыс. дес. В такой ситуации у владельцев, акционировавших к тому времени заводы, «возникли сомнения в том, может ли вообще иметь для заводов какую-либо реальную выгоду приобретение в собственность столь сравнительно незначительного пространства округа, не представляющего... интереса ни в минеральном отношении, ни в отношении лесопромышленном (за истощением лесонасаждений)»²⁴. Выкуп утратил для них свою актуальность и был отложен.

Хотя оба разработанных в 1904 и 1905 гг. проекта выкупа холуницкой и невянской посессий так и не были реализованы, примененные новые методики расчета выкупной суммы были учтены при подготовке очередного общего проекта ликвидации посессионного права.

Особое межведомственное совещание 1905–1907 гг.

Владельцы остальных посессионных округов, не рассчитывая на особое отношение к ним со стороны властей, в том же 1905 г. вновь проявили инициативу и возбудили ходатайство «об ускорении рассмотрения общего вопроса о прекращении посессионного права». Вероятно, они надеялись на смягчение проявившейся прежде новой позиции властей в связи с передачей Горного департамента из Министерства земледелия и государственных имуществ в ведение вновь образованного Министерства торговли и промышленности, которое должно было защищать их интересы. Одним из первых мероприятий нового ведомства стала организация в конце 1905 г. Особого межведомственного совещания по посессионному вопросу, приступившего к работе в феврале 1906 г.

Председателем вновь созданного Совещания назначили того же тайного советника А. А. Штофа, занявшего должность товарища министра торговли и промышленности. Он был не только хорошо знаком с «посессионным вопросом», являясь автором двух проектов его решения и участником многих специальных комиссий, но и, судя по всему, склонен к компромиссам. В состав Совещания включили представителей других

ведомств, горнозаводчиков и руководителей их региональной организации — Совета съездов горнопромышленников Урала, действовавшего с 1897 г. От Министерства торговли и промышленности выступали директор Горного департамента Н. А. Иосса, вице-директор Е. Н. Васильев, председательствующий в Горном совете Н. А. Денисов, члены Совета министерства В. В. Веселовский, В. А. Вольский, А. А. Сорокин и юрисконсульт В. С. Садовский. Министерство финансов представляли начальник отдела Департамента государственного казначейства М. А. Кислинский, начальник отдела Департамента окладных сборов А. Н. Веснин и член Комитета управления внутренних водных путей и шоссейных дорог В. П. Бонч-Осмоловский; Государственный контроль — помощник генерал-контролера Департамента гражданской отчетности Н. Г. Вальтер и старший ревизор Н. К. Крылов. От Государственного управления земледелия и землеустройства (бывшего Министерства земледелия и государственных имуществ) выступали управляющий канцелярией Г. И. Лисенков, директор Департамента государственных земельных имуществ А. А. Риттих, вице-директор А. Е. Смирнов и заведующий Отдела по поземельному устройству в горнозаводских дачах на Урале М. Б. Струве. Членами Сопещения стали также товарищ председателя Совета съездов В. В. Желватых и заведующий делами А. Е. Богдановский. От Верх-Исетских заводов выступали управляющий А. И. Фадеев и член правления А. С. Недошивин (муж совладелицы В. Н. Недошивиной), от Шайтанских — А. М. Керзин, от Алапаевских — совладелец граф М. Н. Граббе, В. Д. Набоков (муж совладелицы Е. И. Набоковой), члены правления Г. Л. Схолл-Энгбертс и П. Ф. Денике, от Омутнинских — А. Р. фон Дезен, от Нижнетагильских — совладелец П. П. Демидов, председатель правления А. Н. Ратьков-Рожнов, юристы В. Д. Белов и Н. Д. Былим-Колосовский, от Сысертских — С. И. Литтауэр, от Кажимских — В. С. Косолапов и Ф. И. Репнин. Вместе с тремя делопроизводителями в Сопещании принимали участие 37 членов. От государственных ведомств и от посессионеров выступало равное число представителей — по 17 чел.²⁵ В таком усиленном и сбалансированном составе Особое межведомственное совещание было призвано обсудить и окончательно решить застарелый вопрос о ликвидации посессий.

Судя по опубликованным журналам заседаний, 7 февраля 1906 г. были обсуждены общие подходы к проблеме. Представители Государственного управления земледелия и землеустройства и Государственного контроля сразу же заявили о нежелательности «с точки зрения государственно-народных интересов» отчуждения в частную собственность больших земельных пространств. Председатель вынужден был напомнить им, что задача Сопещения заключалась не в решении вопроса путем отчуждения, а в выработке «наиболее справедливого способа». Договорились разработать «общую формулу для всех заводов, а затем в зависимости от особенностей каждого округа внести в нее поправки». Большинство членов высказалось не за обязательность, а за «факультативность» для заводчиков принятия выработанного Сопещанием способа ликвидации посессий. Это решение имело принципиальное значение. Оно существенно повлияло на дальнейший ход Сопещения, где сначала предполагалось рассмотреть «проект А. А. Штофа», предложенный им в 1899 г.

Но на следующие два заседания (17 и 24 февраля) свои варианты, близкие к проекту председателя, представили еще два члена Сопещения. Коллежский советник Н. Г. Вальтер предлагал цену за пользование отошедших в казну лесов устанавливать «путем деления суммы всех современных расходов (добавочной горной подати, земельных повинностей и расходов по лесоводству) на число куб. саженей леса, какое может быть

получено из дачи к отпуску без права продажи». Статский советник Г. И. Лисенков выступил даже с особой запиской, призывая «охранять права казны на земли и леса», на которые покушались посессионеры, мечтая лишь поскорее «приступить к продаже леса на сруб, переведя действие заводов на минеральное топливо». Пытаясь взглянуть на посессионное право с позиции казны, он приходил к выводу, что «для казны это право является бременем, поскольку, будучи собственником земель и лесов, она не может ими распоряжаться». Следствием такого взгляда оказалось его предложение о «выкупе лежащих на казне как на собственнике посессионных ограничений в пользу заводчика». Оценив среднюю величину ежегодного отпуска леса, он предлагал «капитализировать оную сумму из обычных ныне 5%» и тем самым определить размер вознаграждения, выплачиваемого казной заводчику «за лишение его прав на отпуск леса из приписанных к заводу дач». Вместо выкупленных лесов заводчик имел право покупать топливо на «заводское действие» по таксовой стоимости из казенных дач. Земли же под заводскими и рудничными постройками автор проекта считал возможным уступить заводчикам в собственность с внесением «незначительной суммы, получающейся при капитализации из 5% среднего размера уплаченной за последние пять лет горной подати».

«Такой способ ликвидации посессионного права, — считал Г. И. Лисенков, — представляется очень простым, легко осуществимым и вполне справедливым». На предполагаемое им самим «единственное возражение», что «лишение топлива могло бы поставить заводчика в затруднительное положение, а правительство заинтересовано в развитии горной промышленности», он отвечал, что «поддержка горной промышленности не может быть безграничной, и следует желать, чтобы скорее наступило время, когда заводчики будут рассчитывать на свои силы, а не на поддержку правительства». В случае если такой способ будет признан неприемлемым, Г. И. Лисенков предлагал продать заводчикам земли по их оценочной стоимости с исключением затраченных ими средств «на улучшение земли»²⁶.

Уловив враждебное настроение некоторых чиновников и более мягкую позицию председателя, представители Алапаевского, Верх-Исетского, Нижнетагильского, Омутнинского и Сысертского округов сделали два письменных заявления. В них они опровергали опасения чиновников о том, что в случае перехода лесов в собственность заводчиков те «прекратят горное дело и перейдут на лесопромышленность». Главным доводом служил пример владельческих заводов, которые, обладая правом продажи леса, не останавливали «заводское действие» даже в самые трудные времена. «Имея громадные капиталы, затраченные в заводах, владельцы не могут от них отказаться, тем более что в заводских лесах, расстроенных продолжительной эксплуатацией на топливо, ценных пород, имеющих помещение на рынке, найдется относительно мало, — замечали они. — Разработка же леса в виде дров для сбыта их на рынки, по отдаленности последних, вообще говоря, невозможна». «Совершенно верно, что, сделавшись полными собственниками, владельцы могут закрыть заводы убыточные, — соглашались представители посессионеров, — но зато они же усилят деятельность заводов, находящихся в лучших географических условиях. Такое преобразование должно признать совершенно естественным и неизбежным, а с точки зрения государственной экономики даже желательным, тем более что возможность более рациональной утилизации лесов откроет новые заработки для населения заводов с сокращенной или закрытой фабричной деятельностью. От этого могут выиграть народное хозяйство и заводчики, но отнюдь не потеряет казна»²⁷.

Представители посессионных округов критиковали также закон 29 мая 1895 г., на основе которого по «проекту А. А. Штофа» заводы должны были пользоваться казенными лесами. Основной критике подвергся краткий срок действия установленной лесной таксы, что не давало возможности учесть заранее расходы на топливо. «У заводчиков не может быть уже уверенности в обеспечении заводов на продолжительное время достаточным количеством дешевого лесного горючего», — писали авторы заявления. «Доколе Урал, подобно другим заводским районам, не будет обеспечен возможностью покупать топливо как рыночный товар, — вновь убеждали они, — вопрос о заготовке горючего будет составлять одну из самых серьезных частей... хозяйства». Переход заводских лесов в ведомство Лесного департамента только усложнит организацию «этой важнейшей отрасли хозяйства». «Заводы и леса на Урале составляют одно целое... — отмечали представители посессионеров. — Отделять леса от заводов равносильно передаче одного и того же имущества двум хозяевам, имеющим различные интересы в этом имуществе, что на практике никогда не давало положительного результата».

Кроме указания на правовую несостоятельность предложенного варианта, представители заводчиков пытались убедить членов Совещания и в его финансовой невыгодности. Они писали, что для некоторых округов, в частности Нижнетагильского, такой способ перехода в разряд владельческих был бы неприемлем по причине их залога в ипотечном банке. «Снятие посессионных ограничений, — утверждали они, — рассматривается как мера к улучшению положения заводов, но для Тагильских заводов принятие предложенных условий... только ухудшит положение, ибо, прежде чем согласиться на отчуждение в казну лесов, им придется уплатить... их долг банку. Изъятие же такой крупной суммы повлечет, конечно, разорение заводов. Если же допустить, что правительство возьмет этот долг на себя... то справедливость требует, чтобы и другие заводы, не заложенные в земельном банке, также получили бы соответствующее вознаграждение... которое определяется приблизительно за все посессионные леса и земли в 20 млн руб.». Были подсчитаны также убытки казны из-за потери дохода от посессионной подати, которая колебалась тогда от 220 тыс. до 250 тыс. руб. в год. Оказывалось, что доходы от предполагаемых «попенных сборов» за пользование казенным лесом были значительно ниже. Кроме того, на казну перешли бы обязанности по охране лесов, по содержанию администрации и платеж земских повинностей, которые прежде возлагались на заводчиков.

В заключение вновь решительно утверждалось, что «сохранение в дальнейшем посессионного права не выгодно ни для какой стороны и что естественным следствием оставления в силе этого отжившего института было бы окончательное разорение всех посессионных предприятий». В связи с этим представителям заводчиков виделось «только два способа ликвидации посессии: или заводские округа в полном их составе переходят в казну, или в том же составе перечисляются в состав владельческих». В первом случае они предлагали безвозмездно передать права на земли и леса и выражали желание получить только балансовую стоимость предприятий, т. е. «стоимость заводских сооружений, материалов, продуктов и долговых обязательств»; во втором случае казне предлагалась «стоимость ее доходов от посессионных имений». «Всякая средняя мера не может дать коренного разрешения вопроса и, естественно, в большей или меньшей степени будет страдать теми же недостатками, как и посессионное право», — подчеркивали они²⁸. Разумеется, уступка заводов по балансовой стоимости, включавшей еще и частные «долговые обязательства», была совершенно неприемлема для казны.

Позицию посессионеров поддержал и представитель Совета съездов А. Е. Богдановский, который обратил внимание на убыточную деятельность казенных заводов, «списывающих убытки на счет казны... и сбивающих цены на металлы». «Если казна не может выступить в роли предпринимателя, — считал он, — то не рациональнее ли предоставить возможность действующим ныне предпринимателям-посессионерам развивать свою настоящую деятельность, от чего выиграют все, включая и казну».

В результате столь массивного натиска на заседании 24 февраля А. А. Штоф сам предложил отказаться от дальнейшего рассмотрения как своего, так и других проектов, «основанных на принципе, неприемлемом для посессионеров». Представители Государственного управления земледелия и землеустройства и Государственного контроля протестовали, но председатель напомнил им о том, что «при условии факультативности прекращения посессионного права для заводчиков» никто из них не согласился бы на неприемлемый для них вариант решения проблемы, что означало бы провал работы возглавляемого им Совещания. В такой ситуации оставался только предложенный более 40 лет назад вариант выкупа посессий заводчиками у казны. Было решено обсудить на следующем заседании разработанный годом ранее вариант выкупа для Холуницких заводов, который мог быть положен в основу общего проекта²⁹.

Однако последующие три заседания (3, 10 и 14 марта) пришлось посвятить обсуждению другого насущного вопроса, который с 1870-х гг. считался основным препятствием на пути скорейшего решения посессионной проблемы, но, казалось, был решен с изданием в 1893 г. закона о землеустройстве населения посессионных округов. Представитель оппозиционно настроенного по отношению к заводчикам Государственного управления земледелия и землеустройства М. Б. Струве привлек внимание членов Совещания к тому, что этот закон «не устранил нужды населения в земле», а предложенная к рассмотрению схема ликвидации холуницкой посессии полностью игнорировала проблему крестьянского землеустройства.

На Совещании обозначились две противоположные позиции. Представители Министерства финансов, Государственного контроля и Государственного управления земледелия и землеустройства повторили, что закон 1893 г. «нельзя признать окончательно завершающим земельное устройство мастеровых посессионных заводов», особенно в части принятого в нем исчисления населения по последней, десятой (1857 г.), ревизии. Излагая эту позицию, А. Н. Веснин утверждал, что сохранение такого счета спустя столетия после ревизии было бы «совершенным анахронизмом», и предлагал выделять землю «по расчету высшего душевого надела на наличную душу».

Сообща выступили представители Горного департамента и посессионеров. Они находили, что «слишком широкое наделение... вредно отразится на заводах и самом населении, занимающемся заводскими работами, а руководствоваться соображением о возрастании численности населения было равносильно уничтожению горного промысла на Урале». Закон 1893 г., по их мнению, едва ли можно было признать «недостаточным», поскольку он закрепил за населением фактическое пользование землей, включая захваты, в результате чего в отдельных округах душевые наделы достигали 40 дес. Представители посессионеров все же предпочли сгладить ситуацию, заявив, что они «отнюдь не отказываются пойти навстречу потребностям населения в земле, насколько удовлетворение сих потребностей не нарушило бы существующих условий деятельности и развития заводов». Они даже предложили взамен лесного сервитута предоставить населению лесной надел по 2 дес. на ревизскую душу, а после завершения

землеустройства по действующему закону отграничить в каждой заводской даче «земельный резерв», из которого бы выделялись населению дополнительные наделы в случае прекращения или сокращения деятельности завода³⁰.

Однако это заявление только обострило полемику. Приводя имевшуюся в их распоряжении статистику землевладения и землепользования, стороны отстаивали свою точку зрения и никак не могли прийти к соглашению. Дискуссионным оставался и вопрос о том, кого включать в «наличные души» — мастеровых и сельских работников, как их определяли уставные грамоты, всех обывателей горнозаводских селений или только тех, кто постоянно работал на заводах. Разошлись мнения и по вопросу о том, кому должен принадлежать «земельный резерв» — заводчикам, которые, по выражению А. Е. Смирнова, старались бы передать в него землю, «усеянную пнями вырубленного леса», казне или населению, что привело бы, по мнению представителей посессионеров, «к ряду недоразумений, включая платеж налогов населением и пр.».

Председатель А. А. Штоф и другие представители горного ведомства отстаивали незыблемость закона 1893 г., «столь недавно изданного и, по господствующему до сих пор убеждению, вполне обеспечивающего интересы населения». Такая позиция объяснялась не только тем, что изменение закона дискредитировало ведомство, принимавшее непосредственное участие в его разработке, но и тем, что оно «парализовало бы результаты уже достигнутых заводами соглашений на почве сего закона» и заставило бы правительство и заводчиков «принять на себя расходы по дополнительному наделению». Горные чины не могли не учесть и мнение представителей посессионеров, которые утверждали, что земли сельскохозяйственного пользования уже и так отошли населению, а дальнейшее наделение «было бы равносильно уничтожению возможности не только развития, но даже попросту существования горного дела в посессионных округах». Тем более, считали они, наделение по высшей норме совсем не гарантировало благосостояния населения, поскольку в большинстве округов оно не смогло бы прокормиться только земледельческими занятиями³¹. Предвидя трудность достижения соглашения по этому вопросу, председатель принял предложение горнозаводчиков образовать подготовительную комиссию, чтобы согласовать «цифровые подсчеты» более узким составом участников Собрания.

На седьмом заседании 23 марта А. А. Штоф предложил вернуться к «коренному вопросу об условиях выкупа» (от которого Собрание уклонилось три недели назад), вероятно, рассчитывая на то, что хотя бы по этому вопросу будет достигнуто соглашение. Но первые же выступления вновь выявили противоположность мнений, несмотря на согласие представителей посессионеров с «главными основаниями холуницкой схемы». Они лишь просили уменьшить выкупную сумму для тех заводов, которые действовали на покупном горючем, и увеличить процент капитализации (что вело к уменьшению выкупной суммы) с меди и золота из-за «колебаний доходности и вообще случайности величины этой доходности».

Противниками выкупа выступили представители Министерства финансов, которые заявили о невыгодности для казны продажи земли на основании расчета капитализированной горной подати «ввиду безусловного подорожания земли в будущем». Невыгодной они считали и рассрочку платежа, хотя полагали, что немедленная уплата выкупной суммы повлечет за собой обращение заводчиков к кредиту, «может быть и иностранному». «При таких условиях, — предупреждал А. Н. Веснин, — земля легко может оказаться в руках иностранцев, что не в русских интересах». «В соображение

должны быть приняты права казны на возмещение... тех убытков, которые она могла бы потерять от лишения доходов, соединенных с существованием посессии, — считали финансисты, — но должны быть в известной степени учтены в пользу казны и те выгоды, которые получит заводчик с освобождением его от посессионных ограничений и с переходом в его полное распоряжение земель и лесов». Не повлияло на эту позицию и напоминание о том, что горнозаводские имения облагаются промысловым налогом, который возрастет в случае увеличения заводского производства. При голосовании двое представителей Министерства финансов остались при своем мнении, остальные высказались за капитализацию горной подати. Представители Государственного контроля согласились с этим, но с оговоркой, что за основу вычисления выкупной суммы должна быть принята подать «за года, когда она поступала в более выгодном для казны размере».

На восьмом заседании 14 апреля был обсужден принцип «расчленения» горной подати ($\frac{2}{5}$ — на руду и $\frac{3}{5}$ — на лес), предложенный А. А. Штофом при обсуждении судьбы невьянской посессии в 1905 г. Поскольку его применение снимало проблему вычисления подати для округов, которые пользовались покупным горючим, Совецание признало этот принцип вполне приемлемым. Дальнейшее обсуждение сосредоточилось на определении объектов выкупа и величины процента капитализации. По этим вопросам позиции членов Совецания вновь разошлись. Большинство представителей ведомств настаивало на пониженном проценте, что повышало выкупную сумму. Представители посессионеров, Совета съездов и некоторые члены Горного совета отстаивали более высокую ставку, особенно в отношении меди, золота и платины, которые, как считалось, приносили, в отличие от железа, непостоянный доход. Поскольку голосование не прояснило ситуацию, было решено «расчеты выкупной суммы в соответствующем числе вариантов возложить на ту же подготовительную комиссию». По инициативе председателя ей было поручено внести предложения о способе учета в общей выкупной сумме приобретаемого заводчиками права на природные ресурсы, не облагаемые горной податью, — строевой лес и «побочные ископаемые» (т. е. те, которые «не выделялись и не выплавлялись на заводах»), а также выяснить, возможно ли дополнительное обложение за «излишние леса», которые могли оставаться «за неупотреблением для заводских целей и за отводом населению»³².

Таким образом, важнейшим промежуточным итогом деятельности Особого межведомственного совещания стало возвращение к выработанному еще в 1860-х гг. способу ликвидации посессионного права путем выкупа заводчиками земель и лесов у казны. Принципиальная позиция представителей посессионеров и руководителей Горного департамента преодолела в этом вопросе сопротивление чиновников финансовых ведомств, ратовавших за вариант «отчуждения или разверстания посессионных угодий». Но эта уступка посессионерам компенсировалась утверждением иного, расширенного, понимания объема прав казны на посессионные имения, которое не ограничивалось одной капитализированной горной податью. Председатель А. А. Штоф, временно управлявший тогда Министерством торговли и промышленности, извещал Николая II о том, что «из хода занятий сего Совецания выяснилась целесообразность и необходимость разрешения вопроса в направлении, одинаково безобидном, не нарушающем интересов сторон и по возможности общем для всех посессионных округов Урала». «Сообразно сему и намечены способы решения вопроса, окончательный выбор из коих наиболее соответственного окажется возможным по изучению на месте некоторых сторон

существования и деятельности посессионных заводов... с коей целью на Урал в текущее лето командирована особая межведомственная комиссия», — сообщал он³³.

Эта подготовительная комиссия «для определения выкупной суммы и решения землеустроительного вопроса» была образована под председательством члена Горного совета статского советника А. А. Сорокина. От Горного департамента в нее вошел профессор Н. П. Асеев, от Министерства финансов — В. П. Бонч-Осмоловский и М. А. Кислинский, от Государственного контроля — Н. К. Крылов, от Лесного департамента — В. П. Князев и от посессионеров — А. С. Недошивин.

На трех заседаниях (25 апреля, 2 и 3 мая) члены этой комиссии обсудили поставленные перед ними вопросы и провели предварительные расчеты выкупной суммы, исходя из предложенных общим собранием процентных ставок (табл. 4). Несмотря на то что сумма выкупа многократно возрастала по сравнению с прежними расчетами, ее еще нельзя было признать окончательной. В соответствии с принятыми ранее установками, посессионеры должны были дополнительно оплачивать права на «побочные ископаемые», драгоценные камни и строевой лес, что могло привести к еще большему увеличению выкупной суммы. В то же время из нее предполагалось вычесть долю подати за леса, покупаемые заводчиками на стороне, а для этого следовало вычислить «топливные возможности» заводских дач с исключением из них наделных земель населения.

Таблица 4

**Предварительный расчет выкупной суммы
при различных вариантах капитализации горной подати, руб.³⁴**

№ п/п	Округа*	Варианты расчета		
		4 % от чугуна, 4 % от меди, 6 % от золота	4 % от чугуна, 7½ % от меди, 7½ % от золота	5 % от чугуна, 10 % от меди, 10 % от золота
1	Алапаевский	582 500	582 500	466 000
2	Верх-Исетский	879 167	787 499	699 000
3	Нижнетагильский	2 877 500	2 232 664	1 740 000
4	Омутнинский	127 500	127 500	102 000
5	Сысертский	545 833	538 166	429 000
6	Кажимский	31 240	31 240	25 000
7	Шайтанский	139 417	138 582	110 700
	<i>Всего</i>	5 183 157	4 438 151	3 571 700

* Невьянский округ не включили в эти расчеты, поскольку вопрос о нем тогда еще решался в особом совещании.

На заседаниях подготовительной комиссии разногласия проявились фактически по всем обсуждаемым проблемам. Наиболее острая полемика развернулась по вопросам о порядке определения вычета «за потребляемое количество древесины» и оценке переходящего на заводчиков права собственности на все полезные ископаемые. При обсуждении первого вопроса выяснилось, что посессионеры учитывали топливо, идущее не только на выплавку чугуна, но и на передел его в железо. На основании того, что леса давались заводам для осуществления полного металлургического цикла, эту позицию отстаивали А. С. Недошивин и Н. П. Асеев. Остальные участники настаивали на учете «только древесины, потребной для производства чугуна», поскольку горная

подать взималась именно с пуда чугуна. В противном случае «казна, несомненно, потеряла часть своего дохода от посессионных имений».

По второму вопросу, касавшемуся права на недра, посессионеры не ограничились одним представительством, а составили особую докладную записку. В ней они пытались доказать, что «требование дополнительного вознаграждения казне за эксплуатацию побочных ископаемых является несправедливым, противоречащим духу общего государственного законодательства и могущим только тормозить развитие горного дела», и утверждали, что «сама техника оценки этих прав весьма затруднительна». Рассматривая предварительные расчеты как завышенные, заводчики писали, что «ни в коем случае не могут согласиться на какую бы то ни было дополнительную уплату сверх выкупной суммы». Общим для членов комиссии стало лишь убеждение в том, что целый ряд вопросов, поставленных перед ними, «не мог быть разрешен по имеющимся данным... а лишь по ближайшему ознакомлению на местах».

В мае 1906 г. А. А. Сорокин, В. П. Бонч-Осмоловский, В. П. Князев, А. С. Недошин и присоединившийся к ним М. Б. Струве выехали в Пермскую губернию для «всестороннего ознакомления на месте с положением посессионных заводов». До середины августа они осматривали Сысертский, Шайтанский, Верх-Исетский, Нижнетагильский, Алапаевский, Невьянский и Омутнинский округа, «опрашивали заводоуправления с проверкой на местах сообщенных ими сведений», обсуждали положение округов совместно с представителями главных правлений, рассматривали особые записки, составленные заведующим поземельным устройством на Урале М. Б. Струве и представителем Лесного департамента В. П. Князевым. Возвратившись в Санкт-Петербург, комиссия уже в полном составе (включая нового представителя от Государственного контроля С. А. Гадзяцкого) систематизировала материалы обследования и представила их в особых журналах заседаний. В 1907 г. в составленные «землеустроительные таблицы» были внесены уточнения, сообщенные сменившим М. Б. Струве новым заведующим уральским землеустроительным отрядом К. Д. Понюшевым.

Важнейший расчет касался количества леса, остающегося в распоряжении заводов после наделения населения. По настоянию нескольких членов комиссия признала необходимым все-таки изменить положения закона 1893 г., в частности увеличить надел до высшей нормы душевого надела в Пермской губернии в 5 дес. и заменить лесной сервитут лесным наделом по 2 дес. на «наличную душу».

При таком расчете оказалось, что Невьянский, Нижнетагильский и Шайтанский округа оставались не обеспеченными «посессионным горючим», что подтолкнуло членов комиссии к мысли о необходимости снижения для них выкупной суммы. В итоге было предложено уменьшить на $\frac{3}{5}$ капитализированную сумму средней добавочной подати (которая, как считалось, приходилась в структуре этой подати на горючее) в соответствии с недостатком топлива в Нижнетагильском и Шайтанском округах. В отношении Невьянского округа, где леса не хватало даже на потребности населения, комиссия рекомендовала руководствоваться тем самым способом ликвидации посессии А. А. Штофа, который предполагал «справедливое разверстание имения между казной и владельцами». Остальные посессионные округа комиссия нашла «обеспеченными посессионным горючим и не подлежащими уменьшению выкупной суммы».

В отношении природных ресурсов, не составлявших посессии (в частности, «побочных ископаемых» и строевого леса), комиссия предложила «с момента перехода имений на право собственности заводладельцев... разрешить их свободную

эксплуатацию под условием оплаты в пользу казны известного долевого отчисления от суммы продажи на сторону», а через «значительный срок» (от 15 до 25 лет) дать заводчикам возможность выкупить это право путем взноса капитализированных от суммы продаж отчислений казне. Было предложено оценить право на добычу и продажу драгоценных камней «по капитализации дохода казны (из 4%) от продажи разрешительных билетов» и прибавить полученную сумму к выкупу. «Такой порядок, — полагали члены комиссии, — должен удовлетворить интересы всех сторон. Казна кроме достижения общегосударственных выгод получит вознаграждение; интересы горной промышленности не пострадают... а заводчики получают дополнительную выгоду». Возражения А. С. Недошивина, настаивавшего на безвозмездной передаче посессионерам права свободного распоряжения «побочными ископаемыми», были забаллотированы большинством членов подготовительной комиссии³⁵.

Самая острая полемика развернулась по вопросу о дополнительном наделении населения землей до 7 дес. (включая лесной надел) на «наличную душу», что, как считали инициаторы этой меры М. Б. Струве и В. П. Князев, поставит мастеровых «вне всякой зависимости от заводов... и обеспечит их быт при сокращении или прекращении заводских действий», а заводчики таким путем «избавятся от всякого обязательства перед населением». А. С. Недошивин возражал, заявляя, что заводские заработки имеют для населения несравненно большее значение, поэтому «как в интересах самого населения, так и в интересах общегосударственных надлежит озаботиться обеспечением за населением возможности получения и в будущем той работы, которая для Урала представляется наиболее естественной по природным его условиям и с которой население более или менее свыклось». «Если земледельческий труд в горнозаводских округах искусственно поставить на первый план, заработки же на заводах свести на второй план, то уральские заводы, вследствие неизбежного в таком случае понижения качества труда, едва ли окажутся в состоянии выдержать конкуренцию с прочими горнозаводскими районами империи, имеющими рабочих, приспособленных к заводским работам, которые составляют единственное их средство к существованию», — предрекал он.

А. С. Недошивин также доказывал, что с отграничением от многих заводов «значительной лесной площади для наделения населения и сокращением, как результатом этого отграничения, заводского действия себестоимость производства настолько повысится, что одно это обстоятельство может заставить заводы совершенно прекратить действие». В таком случае земледельческий труд не спасет непривычное к нему население. Не без основания он полагал, что наиболее возможным последствием предоставления населению большого земельного и лесного надела станет то, что оно «срубит лес и продаст тому же заводууправлению, землю же вместо того, чтобы заниматься самому сельским хозяйством, будет сдавать в аренду»³⁶.

Но позднее под влиянием усиливавшихся волнений на Урале А. С. Недошивин пересмотрел отношение к наделу в 7 дес., решив, что таким путем заводчикам будет выгоднее навсегда избавиться от любых притязаний горнозаводского населения. «Тогда, — докладывал он Совету съездов в октябре 1906 г., — на всякое требование работы заводчик будет и нравственно, и юридически вправе сказать, что дача работы зависит от его воли и что требующий получил полный надел и может... существовать землею, а если он желает работать на заводе, то должен подчиняться предъявляемым ему заводом требованиям». Он, как и прежде, не сомневался в том, что часть рабочих продаст

наделы и из них образуются «безземельные кадры постоянных рабочих» по типу европейского или южнороссийского пролетариата³⁷.

Предложения, изложенные на последних заседаниях комиссии (21 марта и 9 апреля 1907 г.), вместе с систематизированными данными по посессионным округам были по распоряжению министра торговли и промышленности Д. А. Filosofova представлены сначала на его рассмотрение. Как записано в журнале, «дальнейшее движение вопроса было приостановлено ввиду выраженного министром желания лично ознакомиться с посессионным вопросом» во время предполагаемой его поездки на Урал.

Это неожиданное решение, скорее всего, было вызвано не столько недоверием министра к деятельности Особого совещания, сколько опасением дополнительного возбуждения общественного мнения в период революции. Симптомы этого выразились в правительственных запросах российских парламентариев и в поступивших в Совет министров прошениях «с мест», которые касались различных аспектов посессионной проблемы. В частности, деятельность комиссии А. А. Сорокина на Урале возбудила опасения населения посессионных округов по поводу того, что власти келейно разрешат заводчикам выкупить леса и земли до завершения землеустройства. На имя председателя Совета министров 23 декабря 1906 г. поступила телеграмма от доверенного Нижнетагильского сельского общества Павла Никулина: «Ввиду проникновения в печать слухов о состоявшемся решении частного собрания в правительственных сферах о ликвидации посессионного права и переходе такового на праве полной собственности посессионерам, что, безусловно, крайне тяжело отзовется на материальном положении населения края и грозит полным разорением, просим Ваше высокопревосходительство впредь до удовлетворения требований населения округа в наделении их землей и до полного отграничения и приема этих наделов ликвидацию посессионного права приостановить».

Помощник управляющего делами Совета министров Н. В. Плеве переслал телеграмму Д. А. Filosofovu с просьбой «сообщить надлежащие по изъясненному предмету сведения для доклада председателю». «Что за вздор! Ничего подобного не может быть решено», — начертал рассерженный министр на полях полученной телеграммы. В официальном ответе на запрос он кратко напомнил о работе Особого межведомственного совещания, сообщив, что оно лишь «временно прекратило занятия свои и в весьма непродолжительное время может приступить к разработке собранных на месте материалов». «Что же касается опасения, высказанного в телеграмме... — писал он, — то последнее не соответствует действительности, т. к. вопрос о ликвидации посессионного права в каком бы то ни было определенном направлении еще далек от своего разрешения, а тем более в том смысле, как это говорится в упомянутой телеграмме».

Вслед за первой в конце января — начале февраля 1907 г. были получены еще две телеграммы от обществ Нейво-Алапаевского и Нейво-Шайтанского заводов Алапаевского округа. В одной содержалась просьба отложить выкуп до окончания землеустройства населения на основании закона 19 мая 1893 г., в другой — «не проводить закона в порядке 87-й статьи впредь до разрешения Думы окончательно завершить землеустройство». Просителям объявили, что «совещание еще не закончило своей работы и что вопрос этот по окончательной его разработке будет внесен на рассмотрение законодательных учреждений, т. е. Государственной думы и Государственного совета»³⁸.

Эти, а также депутатские запросы (в частности, поданный в марте 1906 г. запрос о спорности права залога посессионных округов в ипотечных банках), в которых

проявилась общественная позиция по отношению к посессиям и посессионерам, видимо, подвигли министра торговли и промышленности лично ознакомиться с проблемой во время пребывания на Урале. Другим следствием стала публикация материалов работы Особого совещания, что позволило всем желающим узнать о его деятельности. Видимо, и сами посессионеры сделали выводы из сложившейся ситуации. Понимая, что провести реформу через Государственную думу, где открыто проявили себя их противники, будет нелегко, они решили добиваться в первую очередь освобождения от таких посессионных ограничений, которые не требовали санкции законодательных органов. Работа же Особого межведомственного совещания была приостановлена, как оказалось, навсегда.

Последние предложения заводчиков и властей

Выраженное министром Д. А. Filosoфовым желание лично разобраться в посессионной проблеме позволяло заводчикам надеяться на скорейшее ее разрешение. Совещание с участием министра было организовано 15–17 сентября 1907 г. в Нижнетагильском заводе — центре одного из крупнейших посессионных округов Урала. На встречу собрались представители администрации Алапаевских (управляющий Ф. Т. Петров), Верх-Исетских (управляющий А. И. Фадеев), Невьянских (управляющий Е. Н. Барбот-де-Марни), Нижнетагильских (председатель Главного правления А. Н. Ратков-Рожнов, управляющий Г. А. Марков и юрисконсульт А. А. Иванов) и Омутнинских (управляющий Р. Я. Гартван) заводов. Министра сопровождал временно управлявший в то время Горным департаментом Д. П. Коновалов, главный начальник уральских заводов П. П. Боклевский, ревизор землеустройства М. Б. Струве и главный лесничий уральских заводов Г. М. Боголепов. От Совета съездов горнопромышленников Урала выступали А. С. Недошивин и секретарь В. В. Мамонтов. Об участии поверенных от обществ мастеровых в журнале совещания не упоминалось, как и в сохранившемся отчете А. С. Недошивина. Эти два источника передают атмосферу той важной встречи, иногда расходясь в деталях.

На предварительном заседании 15 сентября была согласована программа совещания. Министр предупредил, что целью обсуждения будет «отноюдь не окончательное решение вопроса о ликвидации посессионного права, а лишь наиболее полное его освещение и выяснение того значения, которое придадут ему заинтересованные в нем лица». Поэтому он предложил обсудить, во-первых, «причины, обусловившие стремление владельцев освободиться от посессионной формы владения», и, во-вторых, то, «какими мерами возможно это достигнуть».

Заседание 16 сентября началось с того, что А. С. Недошивин от имени посессионеров представил уже не раз звучавшие «доводы к уничтожению посессионного права». Он акцентировал внимание на условности владения, препятствовавшей получению кредита в земельных банках и привлечению ссудного капитала при акционировании, на «стеснениях свободы распоряжаться заводами», которые «ставят промышленную жизнь округов в зависимость от усмотрения лиц, ведающих горное дело», и на принципе нераздробимости посессионных имений, который лишал заводы возможности «целесообразно распределять и эксплуатировать свои имущества». Со всеми этими утверждениями не согласился П. П. Боклевский, явно задетый упреком в адрес горной администрации. Он заявил, что «отноюдь не считает посессионное право отжившим свой век и ставящим заводы в невозможность дальнейшего успешного развития».

«Посессионные ограничения» не внушают опасения не только отечественным промышленникам, но и «иностранным капиталистам за будущность посессионных округов», утверждал он. В доказательство своих слов главный начальник уральских заводов привел пример «английских капиталистов, которые прислали недавно доверенных лиц для осмотра Невьянского и Сысертского округов с целью их приобретения». Сославшись на владельческие Кыштымские заводы, которые, несмотря на «изобилие исключительных естественных богатств... находились в самом печальном финансовом положении», он сделал вывод о том, «что судьба горнозаводского предприятия зависит отнюдь не от формы владения, а главным образом от более или менее успешного им руководства». Контроль горного ведомства П. П. Боклевский рассматривал как «гарантию более осмотрительного расходования естественных богатств посессионных округов и употребления их для целей горного дела, а не каких-либо иных». Он согласился лишь с тем, что принцип нераздробимости заводов и данных им посессий, «проводимый во всей своей полноте», стеснял посессионеров, и даже предложил ввести в законы «корректив в виде допущения в известных случаях, с ведома и разрешения Горного департамента, отчуждения частей посессионных имений, но непременно на том же посессионном праве». «Этот корректив, — утверждал главный начальник, — сделал бы возможным как продажу участков посессионных земель, так и их обмен» и, в частности, позволил бы Невьянским заводам «отдать в посторонние руки Высокогорский участок... или войти... в соответствующую долю участия в проектируемое Общество для эксплуатации руд Высокой горы». Выступивший вслед за ним Д. П. Коновалов подтвердил, что принцип нераздробимости противоречит «современному духу промышленности, которая стремится специализировать производство», поскольку он «связывает в одно целое ряд предприятий, не имеющих, по существу, никакой связи, и, благодаря сему, вносит дезорганизацию в дело»³⁹.

Министр, со своей стороны, «признал весьма стеснительными для промышленника обусловленные посессионным правом ограничения и присоединился к мнению о желательности так или иначе уничтожить их вредное влияние на ход промышленной жизни Урала». Как писал А. С. Недошивин, в первый же день Д. А. Философов предложил обсудить в общих чертах способы ликвидации посессий, которые были предложены в ходе работы Особого совещания. Он сразу же признал бесперспективным переход посессионных округов в казну, поскольку правительство «не располагало свободными средствами... и вообще смотрело отрицательно на казенное хозяйство промышленным предприятием». Министр сообщил о том, что знаком с возражениями посессионеров по поводу варианта разверстания посессий и с их согласием лишь на вариант выкупа, но предупредил, что «неизбежное сосредоточение при этом в частных руках значительных земельных пространств весьма трудно допустить в настоящее время земельного кризиса». Фактически это означало его приверженность «проекту А. А. Штофа».

Представителям посессионеров пришлось вновь доказывать неприемлемость, как выражался министр, «справедливого разверстания земель между казной и заводами». А. С. Недошивин выразил общее мнение заводчиков о неприятии «проекта А. А. Штофа», во-первых, «вследствие невозможности в уральских предприятиях отделить лесное хозяйство от заводов как неразрывно между собой связанных» и, во-вторых, по причине того, что леса некоторых округов находились в залоге. Это, пояснял он, лишало владельцев даже «возможности согласиться на отчуждение лесов, т. к. иначе им пришлось бы оплатить долг из оборотных средств, что физически невозможно». Было

обращено внимание и на несовершенства закона 29 мая 1895 г., в соответствии с которым по «проекту А. А. Штофа» предполагалось отпускать лес заводам и который имел «весьма ограниченное применение на практике». Представители заводчиков высказались и по поводу нежелательности концентрации «крупных земельных богатств в одних руках». На прирезанные к уральским заводам леса и земли нельзя смотреть как на «земледельческое имущество», доказывали они. Посессионные земли ценны именно для развития горнозаводской промышленности, которая и обеспечивает местное население всем необходимым для жизни. «По климатическим и почвенным условиям» они непригодны для сельского хозяйства и поэтому не помогут разрешить земельный кризис. К тому же площадь этих земель была не так уж значительна (она не превышала 1,3 млн дес.), тогда как в распоряжении казны в одной только Пермской губернии имелось до 30 млн дес. В этом вопросе представители посессионеров нашли поддержку у главного начальника уральских заводов, «категорически высказавшегося за недопустимость по условиям горнозаводской промышленности на Урале отделения лесов от заводов». Посессионеры даже согласились и в дальнейшем «подчиниться в отношении лесов существующему контролю Горного управления» и высказались за издание специального лесоохранного закона для всего Урала.

В своем отчете А. С. Недошивин утверждал, что приведенные доводы убедили министра, который «признал этот способ непригодным и остановился на третьем способе, причем им были приняты основные положения выкупа, выработанные Особым совещанием». Судя же по журналу заседания, где об этом даже не упоминается, «адвокат» посессионеров выдавал желаемое за действительное. Министр, видимо, уклонился от прямой поддержки проекта выкупа, но не стал настаивать и на его недопустимости. Он благоразумно предпочел не обострять ситуацию, а перейти к обсуждению «возможных способов помощи заводчикам». «Некоторые из посессионных ограничений неразрывно связаны с посессионной формой владения и могут быть устранены лишь с ликвидацией посессионного права, т. е. в порядке законодательном», — заявил Д. А. Философов. К таким ограничениям он отнес все те, на которые во вступительном слове обратил внимание А. С. Недошивин. «Но среди ограничений есть и такие, — заметил министр, — которые могут быть сняты без санкции законодательных органов в порядке административного распоряжения или, в крайнем случае, в порядке верховного управления». Это были стеснения в праве эксплуатации строевого леса на продажу, в разработке «побочных ископаемых» и в продаже железных руд, отпускаемых частновладельческим заводам из посессионных имений. Эти ограничения, выявление которых А. С. Недошивин приписывал себе, судя по его отчету, и было предложено обсудить в последний день работы совещания⁴⁰.

Много споров вызвал вопрос о «побочных ископаемых». Посессионеры доказывали, что допущение свободного горного промысла в посессионных землях ставит их в невыгодное положение, и соглашались с этим «лишь в случае распространения начал горной свободы и на земли частных владельцев». Министр не был склонен драматизировать ситуацию и срочно разрабатывать правила пользования принадлежащими казне ископаемыми в посессионных округах, поскольку считал, что и по действующему закону казна имеет право предоставлять их для разработки частным лицам, включая и посессионеров. «Если заводчики займутся добычей и обработкой этих ископаемых, то им уже сейчас предоставлено право беспошлинной торговли продуктами переработки», — заявил он. Тем не менее, министр выразил желание «оказать им самые

широкие льготы, вплоть до бесплатного предоставления в разработку недр посессионных земель». Главный начальник уральских заводов П. П. Боклевский высказался против такого разрешения, полагая, что «в интересах справедливости было бы необходимо обложить побочные ископаемые попудной платой, тем более что эти ископаемые имеют в большинстве случаев большую ценность, чем железная руда». Д. П. Коновалов поддержал мнение министра, напомнив о том, что разработка полезных ископаемых на казенных землях допускается бесплатно. В итоге Д. А. Философов пообещал по возвращении в Санкт-Петербург еще раз заняться рассмотрением этого вопроса, «исходя из желательности оказания промышленникам широких льгот», а до тех пор дал указание главному начальнику разрешать заводчикам разработку «побочных ископаемых» «под условием обязательства в случае, если за добычу будет установлена попудная плата, внести ее за все добытое количество ископаемого».

Обсуждая вопрос об «обложении железной руды, добытой в посессионных округах и вывезенной на владельческие заводы, и об оплате добавочной податью чугуна, выплавленного на посессионных рудах и на покупном горючем или на покупных рудах и посессионном горючем» (что практиковалось в некоторых округах), представители заводчиков предложили взимать лишь «ту часть подати, которая приходится или на руду, или на горючее». П. П. Боклевский был согласен на такой расчет «по норме совещания Штофа», но только не для медных руд, которые могли обрабатываться «мокрым способом» без использования топлива. Д. А. Философов предложил и по этому вопросу войти с представлением в Совет министров, а до тех пор «признал возможным вывоз посессионных железных руд на владельческие заводы под условием принятия сими последними на себя обязательства оплатить эту руду в том размере, какой будет впоследствии установлен». Определение размера подати за медную руду тоже откладывалось до выяснения «степени участия горючего в медном производстве».

На заседании был обсужден и вопрос о продаже строевого леса. По настоянию П. П. Боклевского разрешение продавать на сторону лесные материалы допускалось лишь «под условием уплаты в пользу казны по 37¹/₂ коп. с куба древесины». Вместо предоставления Горному управлению ежегодной сметы и плана лесного хозяйства определили составлять их сразу на три года⁴¹.

На этом совещании завершилось. По сообщению А. С. Недошивина, перед отъездом из Нижнего Тагила Д. А. Философов заверил присутствовавших в том, что отдаст распоряжение о скорейшем окончании работы Особого межведомственного совещания. «Министром признана необходимость выкупа, и будет дан ход делу, — констатировал воодушевленный автор отчета. — Все положения Особого совещания министром приняты, и только в отношении способа оценки прав заводчиков на леса и побочные ископаемые совещанию придется пересмотреть положения, выработанные комиссией А. А. Сорокина»⁴². Посессионеры с оптимизмом восприняли итоги тагильского совещания. Они полагали, что убедили министра в необходимости ликвидации посессионного права именно тем способом, который считали для себя приемлемым, и склонили его к немедленной отмене ограничений в правах распоряжения ресурсами своих округов, что могло дать быстрый экономический эффект. Главное — так давно остававшееся без движения дело, как казалось им, двинулось с места.

Судя по проекту всеподданнейшего доклада, подготовленного в Министерстве торговли и промышленности по результатам поездки Д. А. Философова на Урал, заводчики почти не ошиблись в своих предположениях. Хотя решение «сложной и многотрудной

задачи», какой представлялась ликвидация посессионного права, по мнению министра, могло последовать «лишь в более или менее отдаленном будущем», он предложил уже сейчас «принять какие-либо меры к облегчению положения посессионных заводов». Этим министр надеялся «в значительной мере ослабить те неудобства, которые ныне вызывались посессионным правом, и таким образом создать условия, которые способствовали бы нормальному развитию горнозаводского дела в посессионных округах»⁴³.

Однако случилось то, чего никто не предвидел. Всего через два месяца после возвращения с Урала Д. А. Философов скоропостижно скончался на 46-м году жизни. Когда прерванная по распоряжению министра работа Особого совещания не возобновилась, заводчики, не теряя времени, обратились к властям с напоминанием о принятых решениях.

После назначения министром торговли и промышленности И. П. Шипова от имени Совета съездов горнопромышленников Урала ему были направлены ходатайство и пояснительная записка, в которых вновь подробно описывались «наиболее отяготительные ограничения посессионного права» и напоминалось о работе Особого совещания и о результатах совещания в Нижнем Тагиле. Там, сообщали представители посессионеров, «было постановлено, что ввиду сложности как самого вопроса окончательной ликвидации посессионных отношений, так и процедуры проведения его в законодательном порядке... можно решить частный вопрос о снятии с посессионных заводов в порядке верховного управления некоторых из ограничений посессионного права, создающих практические неудобства и стесняющих развитие промышленности не только посессионных округов, но и всей Уральской области».

Горный департамент поддержал ходатайство уральских горнопромышленников. Посессионеры, доказывали чиновники, «не могут пользоваться всеми наличными ресурсами своих округов в должной мере и по этой причине конкурировать с имеющимися на Урале заводами, состоящими на праве полной собственности и поставленными вследствие сего в более благоприятные условия». «Ощущая весьма острый недостаток в оборотных средствах, посессионные заводы лишены возможности кредитоваться в той мере, как этого требует в известный момент ведение дела, а также привлекать к участию в предприятии капиталистов, отдающих в большинстве случаев предпочтение предприятиям, состоящим на полном праве собственности», — продолжали они. Ссылаясь на то, что многие частновладельческие округа (Лысьвенский — наследников П. П. Шувалова, Чёрмозский — князя С. С. Абамелк-Лазарева, Нытвенско-Чусовской — Камского акционерного общества и др.) «терпят недостаток в рудах, но имеют избыток в лесах», чиновники горного ведомства полагали, что разрешение посессионерам торговать ресурсами «восстановит нарушенное равновесие рудных и лесных богатств» уральских заводов.

Новый министр сочувственно отнесся к просьбе посессионеров и рекомендации горных чиновников. Для Совета министров было подготовлено его предложение «впредь до окончательного разрешения вопроса о ликвидации посессионного права или полного его урегулирования» дать посессионерам возможность продавать на сторону руды «при оплате $\frac{1}{4}$ коп. с пуда железной руды и $\frac{1}{5}$ коп. с каждого процента меди в каждом пуде медной руды». Отдавать какие-либо распоряжения по общему вопросу об освобождении заводов от посессионных ограничений, требовавшему изменения законов, решили не торопиться по причине его сложности и обширности⁴⁴. Тем не менее, уже на 1908 г. было запланировано его рассмотрение в Государственной думе⁴⁵.

Однако все эти намерения вновь не осуществились. Судя по последующим событиям, в этом сыграла свою роль позиция товарища министра торговли и промышленности Д. П. Коновалова, которому вместо А. А. Штофа было поручено курировать посессионную проблему. Даже предоставление «частных льгот» было отложено — якобы из-за того, что они «существенным образом не облегчали положение посессионных заводов». Скорее всего, опасаясь обвинений в адрес Министерства в том, что оно «идет на поводу у посессионеров», новый куратор решил не разделять посессионные ограничения на две предложенные группы и вновь вернуться к общему проекту, который бы целиком проходил утверждение в законодательных органах. Таким образом, вариант поэтапной отмены посессионных ограничений, который можно считать важнейшим достижением этого этапа подготовки реформы, был отвергнут. Дело, на которое было потрачено столько усилий, могло вновь оказаться отложенным на неопределенное время.

Уловив это настроение, посессионеры обратились в Министерство торговли и промышленности с очередным ходатайством. В ответ им было предложено «представить конкретные пожелания... о способе ликвидации посессионного права». Уполномоченные граф М. Н. Граббе и А. С. Недошивин 10 мая 1908 г. передали министру «Главные основания проекта перечисления посессионных горнозаводских округов, предусмотренные высочайше утвержденным 9 декабря 1863 г. мнением Государственного совета». В этом документе посессионеры представили своего рода результат работы Особого межведомственного совещания 1905–1907 гг. и совещания в Нижнем Тагиле 1907 г. Ссылка на закон 45-летней давности указывала на взаимосвязь проекта с тем законом и напоминала о том, сколько лет уже продолжается обсуждение посессионного вопроса.

«Главные основания...» предполагали «перечисление» посессионных заводов в разряд владельческих путем выкупа владельцами лесов, земель и рудников у казны. Его сумма определялась посредством капитализации средней добавочной подати за чугун и медь и «раскладочного сбора» с золота и платины за последние 10 лет по облегченному варианту, выработанному комиссией А. А. Сорокина (5% за чугун и по 10% за медь, золото и платину). Предусматривался предложенный Особым совещанием вычет за покупное горючее путем «расчленения» горной подати (ст. 1, 2). Точные расчеты выкупной суммы возлагались на Уральское горное управление. Заводские леса оставались под надзором этого же управления, которое утверждало подготовленные заводоуправлениями трехлетние сметы. В пределах этих смет заводчики могли «свободно распоряжаться древесной массой» и даже продавать лес с уплатой в пользу казны четверти средней горнозаводской таксы 1908 г. (ст. 3, 4). Им разрешалось также добывать с целью продажи полезные ископаемые, за исключением железных и медных руд, благородных металлов и нефти, при условии, что они будут уплачивать казне «долевое отчисление, устанавливаемое применительно к существующим по сему предмету законоположениям для горного промысла Царства Польского». По истечении 15 лет заводчики могли выкупить права на ресурсы своих имений путем уплаты казне «капитализированной суммы из 5% попенной платы за последние 10 лет» за леса и «среднего за последние 10 лет дохода казны от устанавливаемых дополнительных отчислений» за ископаемые (ст. 5). Все выкупные суммы по желанию заводчиков могли быть рассрочены на 36 лет на условиях кредита земельных банков. Посессионеры брали обязательство исполнить действующие законоположения по землеустройству горнозаводского

населения, которому предоставлялось право вместо лесного сервитута получить лесной надел «в размере 2 дес. на наличную душу, считая к 1 января 1907 г.» (ст. 6, 7).

Этим проектом заводчики показали пример соединения своих собственных интересов с выгодами казны как признаваемого ими участника посессионных отношений и с требованиями горнозаводского населения. Они согласились со многими положениями, от которых прежде категорически отказывались. Выкупная сумма значительно повышалась вследствие включения в ее состав капитализированных податей за медь, золото и платину. По предварительным расчетам, ее общая величина от «перечисления» восьми оставшихся к тому времени посессионных округов могла достигнуть 3,4–3,6 млн руб. Был признан дополнительный выкуп за леса и «побочные ископаемые» посессионных дач. Заводчики согласились на дополнительный лесной надел населению в расчете не на ревизскую, а на «наличную душу». Все это говорило о готовности посессионеров пойти на компромисс для получения вождеденной экономической свободы.

Поданные в Министерство торговли и промышленности «Главные основания...» не могли остаться без внимания. Вместе с представленными комиссией А. А. Сорокина «данными с мест» их предполагалось рассмотреть на возобновленных заседаниях Особого межведомственного совещания «с участием представителей как тех же участвовавших в Совещании ведомств, так и ведомства юстиции». И. П. Шипов 17 июня 1908 г. сделал такое распоряжение и назначил своего заместителя действительного статского советника Д. П. Коновалова новым председателем Совещания.

Однако в недрах Министерства торговли и промышленности зрело нечто вроде заговора против неговорчивых посессионеров. «Представляя Вашему превосходительству краткое извлечение из книги профессора Вс. Удинцева „Русское горноземельное право“, в которой он намечает путь ликвидации посессионного права, — сообщалось в направленной Д. П. Коновалову безымянной записке, — позволю себе доложить... что... не лишним было бы в межведомственном совещании под Вашим председательством обсудить как известный Вам проект ликвидации посессионного права тайного советника А. А. Штофа, так и совместно с ним предложенный профессором Удинцевым, но без участия представителей от посессионеров, ввиду их заявления о несогласии на всякие способы ликвидации посессионного права, не основанные на принципе перехода к ним в собственность посессионных имений»⁴⁶.

Судя по неполным сведениям, «план ликвидации посессионных отношений», заявленный для обсуждения, был даже радикальнее «проекта А. А. Штофа». Его целью ставилось «обеспечение горнозаводской деятельности края, возможность удовлетворения возрастающих потребностей населения в землях и лесах, принятие мер к охране и целесообразному использованию лесов... и чтобы пользование ископаемыми, лесом и водной силой соответствовало бы современным условиям промышленности». Предполагалось «расчленив посессионное право на следующие части: право на недра, право на поверхность, право на леса и право на водяную силу». Недра распределялись между государством и посессионерами «в соответствии с действующими законами», т. е. без каких-либо изменений. Леса предлагалось поделить на два «разряда» — горные и равнинные. В отношении первых переход участков в полную собственность населения допускался только в исключительном случае, и только отдельные площади могли отдаваться в пользование для земледельческих целей. Равнинные леса могли отводиться отдельными участками в собственность, если почва была пригодна для возделывания

земледельческих культур и если «можно было признать, что лесом занята чрезвычайно большая часть территории»⁴⁷.

Эти предложения, вполне вероятно, и были частью «проекта В.А. Удинцева», на который намекал безымянный автор записки. Еще в первых своих трудах популярный правовед предлагал для ликвидации монополии горнозаводчиков на природные богатства осуществить отраслевое разделение горнозаводской промышленности, элементом которого и было отделение лесов и рудников от заводов. Условием этого должно было стать и «разделение горнозаводского права на составляющие его элементы» по образцу законодательства большинства западноевропейских стран⁴⁸.

Тем не менее, этот проект, скорее всего еще не проработанный основательно, пока не рассматривался в Министерстве в качестве возможного варианта решения посессионной проблемы; не поторопились чиновники и с возобновлением работы Особого межведомственного совещания. Обсуждение посессионной проблемы стало одним из главных вопросов министерского Совещания по выработке мер к подъему горнопромышленной жизни Урала, открывшего свои заседания в январе 1909 г. под председательством Д.П. Коновалова. Его целью стала «выработка практических, а поэтому легко и быстро осуществимых мер» для развития уральской промышленности, которая, как записано в журнале заседания 22 января 1909 г., «ныне находится в упадке, а местами даже обнаруживает тревожные признаки разложения».

Для обсуждения вопроса о посессионном праве к работе этого Совещания привлекались не только высшие горные чины (Н.А. Иосса, Н.Н. Курмаков, П.П. Боклевский, И.Н. Урбанович, Г.Д. Азанчеев, П.М. Саладиллов), но и руководители Совета съездов горнопромышленников Урала (В.В. Желватых, Ф.Ф. Фосс, Д.П. Карницкий) и представители посессионеров (А.Н. Митинский, А.С. Недошивин, А.Н. Ратьков-Рожнов, Н.А. Павлов, А.Р. фон Дезен, М.Н. Граббе, П.Ф. Денике, Ф.И. Репнин, Г.Л. Схолл-Энгбертс). Дискуссия между ними, судя по сохранившимся журналам, состоялась на заседаниях 10, 12, 18 и 25 февраля⁴⁹.

Видимо, негласной задачей чиновников было в очередной раз попытаться сдвинуть посессионеров с их твердой позиции, к которой они склонили членов Особого совещания 1905–1907 гг. и от которой не отказались и в своем последнем проекте, представленном в Министерство торговли и промышленности в 1908 г. Подводя итог работы межведомственного Совещания, Д.П. Коновалов пояснил, что на основе предложенных там трех вариантов (переход посессионного имущества в собственность либо казны, либо посессионеров; раздел имущества между ними) невозможно решить посессионную проблему, поскольку ни один из них не удовлетворяет интересам всех сторон. Представители правительственных ведомств не принимали первый вариант, «ввиду затруднительности ассигнования для осуществления его денежных средств и нежелательности обременения казенного хозяйства», а также второй, «отдающий в частную собственность громадные земельные площади»; лишь третий вариант, по их мнению, обеспечивал интересы казны, защищаемого ею населения округов и продолжение «горнозаводского дела». Посессионеры считали приемлемыми для себя первый (при известных условиях) и второй варианты, но третий «находили менее обеспечивающим успех горной промышленности, нежели даже условия посессионного владения». «В целях достижения практических результатов» председатель счел нужным выработать такой способ ликвидации посессионных отношений, который бы позволил избежать «крайних черт» всех трех вариантов.

На заседаниях такие возможные варианты представили чиновники Министерства торговли и промышленности. Г. Д. Азанчеев предложил вернуться на путь индивидуальных соглашений по каждому посессионному округу с учетом нескольких факторов. При недостатке денежных средств у владельцев предпочтительным, на его взгляд, был переход имения в казну; при наличии достаточного оборотного капитала — в собственность владельцев; если в округе отсутствовали лесные площади, необходимые для полноценной работы предприятий, то «вопрос решался еще проще» — по предложенному А. А. Штофом варианту. Д. П. Коновалов тоже не исключал возможности полной ликвидации посессионных отношений для одних округов и «частичных улучшений» — для других. «Собственно для горного дела земля не нужна, — размышлял он, — для него требуются руды, топливо, силы. Если есть возможность обеспечить посессионерам эти факторы и не распространять прав их на другие, не свойственные горной промышленности области, то правильным путем для решения вопроса явится постановка его на эту именно почву». «Руководством к действию должна служить и точка зрения современных условий горной промышленности, — дополнял он. — Одно из них — специализация, расчленение предприятий». «Нет никакой необходимости в союзе вещей, естественной связи не имеющих, — заявил председатель, явно ориентируясь на идеи В. А. Удинцева. — Не нужно терять из виду, что особенно теперь, когда правительство озабочено вопросом земельным, точка зрения о том, что посессионное право — право казны на землю, будет всемерно защищаться. Богатства недр не вечны и не возобновляемы. Наступит время, когда они будут окончательно выработаны, тогда основание к пособию от казны в лесах и землях утратится, и государство вправе обратить посессионные площади для других целей»⁵⁰.

После замечания о неоспоримости права казны на посессионные земли А. С. Недошивин не преминул в очередной раз пояснить, что посессионеры так не считали. Действительно, заявил он, «они высказывались в том смысле, что им право собственности не принадлежит, но такового и за казной они не признавали». «На земли посессионного имения никому право собственности не принадлежит, — уточнил он, — они являются объектом особого посессионного права». Отреагировал он и на предложения чиновников, заявив, что, несмотря на целый ряд совещаний, где поднимался вопрос о ликвидации посессионных отношений каким-либо другим способом, заводчики «не пришли к иным выводам за явной невыгодностью их для горного дела». «В отделении лесов и земель от заводов, — пояснил он, — посессионеры предвидят положение, значительно худшее в сравнении с посессионным правом, и всестороннее обсуждение других способов ликвидации привело их к непоколебимому убеждению в том, что приемлемым в целях успеха дела является только тот способ, при котором леса и земли перейдут в их собственность». На замечание же о том, что казне, бесспорно, принадлежит право собственности на «побочные ископаемые», А. С. Недошивин ответил, что это совсем не служит препятствием для реализации их проекта, а скорее «дает доказательство необходимости сосредоточения разработок всех ископаемых в одних руках». «Допущение посторонних лиц... — отметил он, — может повлечь нарушение прав посессионеров, создать препятствие к разработке посессионных месторождений и внушает опасение за целостность и правильную вырубку лесов». Высказав в очередной раз принципиальную позицию посессионеров о приемлемости для них лишь проекта выкупа посессий, А. С. Недошивин от лица всех представителей предложил на этом закончить обсуждение и перейти к выяснению «других нужд уральской горнозаводской промышленности».

На столь дерзкое заявление председатель заметил, что это во многом облегчает задачу Министерства, которому остается лишь внести на обсуждение Особого межведомственного совещания проект, подготовленный посессионерами, но он предупредил, что это вызовет несогласие правительства на его применение. Не следовало упускать из виду и «могущее встретиться в Государственной думе принципиальное несогласие ликвидировать посессионное право путем передачи в собственность посессионеров громадные земельные площади». Д. П. Коновалов добавил, что в Думе уже «звучало мнение о необходимости, воспользовавшись трехлетним бездействием посессионного завода, принять создавшееся положение как начальный момент для ликвидации посессионного права и что с таким мнением необходимо считаться при обсуждении вопроса с точки зрения практических результатов». П. П. Боклевский тоже попытался надавить на посессионеров, предположив, что «отказ от отыскания других способов соглашения» едва ли выгоден для них. «При настоящем положении, — пригрозил главный начальник уральских заводов, — закон дает казне возможность чрезвычайно стеснить их деятельность, настаивая на точном исполнении всех его требований».

В такой обстановке А. С. Недошивин заявил, что в законе нет указания на обязательность вести в посессионных имениях только выплавку металлов и что владельцы могут перейти «на золотое производство» даже «при неприменении казной закона о снабжении горючим материалом посессионных округов». А на замечание П. П. Боклевского о том, что переход округов в собственность посессионеров, судя по «весьма плачевному состоянию» многих частновладельческих округов, еще не является залогом успеха, он напомнил членам Совещания о том, что «главной причиной неуспеха дела» служит присущая посессионному праву неопределенность прав посессионеров и вытекающая отсюда неуверенность их в своем будущем. «Владелец капитала требует гарантий дохода и обеспечения имущества, — резонно заметил он, — что при настоящем положении посессионного горнозаводского предприятия не может иметь места».

Чтобы сгладить накал полемики, в разговор вступили миролюбиво настроенные члены Совещания. Инспектор И. Н. Урбанович напомнил о значительных долгах, которые лежали на посессионных округах вследствие их залога. Если бы казна решилась отобрать леса и земли у посессионеров, то ей пришлось бы платить по этим долгам. Предлагаемый проект «разверстания посесий» он счел несправедливым, поскольку тот ставил посессионные заводы «в менее благоприятные условия для конкуренции» по сравнению с владельческими предприятиями. Неожиданно и Н. А. Иосса засомневался в верности позиции властей, увидев в переходе округов в частную собственность «положительные последствия» благодаря появившейся у владельцев «возможности раздробления округов, облегчения передачи в другие руки, быть может, более умелые и способные улучшить положение заводов».

В качестве последней попытки склонить посессионеров к согласию на возвращение земель и лесов казне председатель пообещал предоставить им возможность заключать договор о снабжении топливом из казенных лесов на более льготных условиях, чем даже позволял закон 1895 г. Однако все представители посессионеров заявили, что «весьма трудно, почти невозможно надеяться на правильность снабжения лесом из казенных дач», сославшись при этом на фактическую неприменимость этого закона на практике (к тому времени им воспользовались лишь путиловские заводы в Олонецкой губернии). Присутствовавший на заседании чиновник Лесного департамента В. П. Князев согласился с этим, заявив, что и само лесное ведомство не считает действующий закон

совершенным. Но в то же время он не поддержал предложение председателя, изложив позицию своего ведомства, которое при переходе посессионных лесов в казну соглашалось лишь на контроль за их «правильной эксплуатацией», но совсем не собиралось организовывать снабжение заводов «лесным горючим», что «сделало бы такой переход лишней и тяжелой для казны обузой». В сложившейся безвыходной ситуации Д. П. Ковалов, видимо, счел бессмысленным продолжать дискуссию, негласно согласившись с мнением, ранее высказанным И. Н. Урбановичем, о том, что «при невозможности достичь взаимного соглашения между казной и посессионерами единственным путем было бы сохранение посессионного права, но с известными изменениями, клонящимися к снятию некоторых ограничений»⁵¹.

Посессионеры же, как и обещали, 26 марта 1909 г. подали министру торговли и промышленности ходатайство, пытаясь без посредников донести до него свою точку зрения. Они сообщили, что «на предварительном Совещании господином товарищем министра была предложена к обсуждению программа, совершенно противоречащая тем основаниям, которые были изложены в проекте... и совершенно не отвечающая интересам горной промышленности, т. к. главнейший ее принцип заключался в отделении лесов от заводов». Вследствие «разногласий во взглядах на способ ликвидации посессионного права» они просили перенести рассмотрение посессионного вопроса в Особое межведомственное совещание, которое официально никто не распускал, а «в настоящей комиссии перейти к рассмотрению и выяснению общеуральских нужд»⁵².

В том же прошении представители посессионеров акцентировали внимание недавно назначенного министром В. И. Тимирязева именно на тех «спорных моментах», которые выявились на предварительном Совещании. Как и прежде, возражения сводились к опасению отчуждать большие земельные пространства в частную собственность «ввиду возможной в будущем нужды государства в земельном фонде, могущем удовлетворить требованиям населения в земле». Сторонники этого мнения, констатировали авторы ходатайства, упускали из внимания как сравнительно небольшие размеры оставшихся в распоряжении посессионеров земель, так и их непригодность для сельского хозяйства. «Правда, — отмечали авторы, — в последнее время население занялось хлебопашеством, и можно встретить в посессионном Урале довольно значительные площади возделанных полей, но земледелие это может служить лишь подспорьем для населения, т. к. коммерческих выгод дать не способно, и если бы прекратилась заводская деятельность и замерла бы вместе с тем промышленная жизнь края, то никакая величина земельных наделов не спасла бы население от нищеты. Самой природой Урал предназначен для горной промышленности, и интересы последней в видах государственных должны быть поставлены на первое место».

Посессионеры в очередной раз доказывали очередному министру, что, «как бы хорошо ни был оборудован завод, но если у него нет полной уверенности в обеспечении горючим при полном отсутствии угольного рынка на Урале, такой завод... не имеет никакой ценности». По этой причине заводчики «никак не могли отказаться от прав на леса, т. к. никакие условия владения этими лесами не могли считаться твердо их обеспечивающими». «В настоящее время, — писали они, — когда требуются громадные затраты для выведения заводов в состояние, отвечающее современным требованиям жизни, этот вопрос является особо важным. Однако вынужденное владение обширными пространствами страшно увеличивает накладные расходы, которые могут быть смягчены лишь рационально построенным хозяйством, позволяющим возможно

интенсивнее пользоваться этими именами, но здесь на каждом шагу приходится встречаться с ограничениями посессионного права». Посессионеры просили «по возможности скорее вырешить вопрос» и настаивали на том, чтобы это произошло для всех заводов единообразно и независимо от того, в каком финансовом положении находятся отдельные округа⁵³.

По представлению Горного департамента на 6 апреля 1909 г. было назначено совещание для обсуждения вопроса о ликвидации посессионного права в служебном кабинете В. И. Тимирязева. Участниками совещания должны были стать 11 высших чинов Министерства торговли и промышленности и Горного департамента, представитель Совета съездов горнопромышленников Урала и восемь представителей от всех посессионных округов⁵⁴. Судя по составу, это заседание не рассматривалось как возобновление работы Особого межведомственного совещания, на чем настаивали посессионеры. Последующие события свидетельствуют о том, что на этом заседании было принято решение пока не возобновлять приостановленную работу Особого совещания, а включить в состав рабочего министерского совещания представителей от посессионеров и вместе обсудить предложенный ими проект. Его председателем вновь был назначен Д. П. Коновалов, а членами остались Н. А. Иосса, Н. Н. Курмаков, Г. Д. Азанчеев, И. Н. Урбанович, к которым добавились начальник Отделения частных заводов Горного департамента В. А. Тухолка, член Горного совета профессор финансового права И. Х. Озеров и представители посессионеров и Совета съездов А. Н. Митинский, А. С. Недошивин, В. В. Желватых и Д. П. Карницкий.

Отдельные сохранившиеся журналы этого совещания свидетельствуют, что оно открылось весной 1909 г. и до перерыва на летние каникулы обсудило вопрос о ликвидации посессионного права, признанный представителями горнопромышленников Урала «самым важным из всех относящихся к Уралу вопросов». Как кратко записано в одном из журналов, «в совещании вполне определенно выяснился тот план этой ликвидации, который, по мнению представителей посессионных заводчиков, соответствовал бы их интересам». Но поскольку «горным ведомством в начале работы настоящего совещания еще не был подготовлен приемлемый, с его точки зрения, план ликвидации посессионного права, то в течение летнего перерыва занятий совещания названное ведомство и было занято выработкой такого плана, который в ближайшее время будет закончен и внесен на обсуждение совещания, а затем, по внесении в него тех или иных изменений, если таковые будут признаны совещанием необходимыми, поступит вместе с планом ликвидации, предложенным посессионерами, на рассмотрение межведомственного Совещания по вопросу о ликвидации посессионного права, занятия которого предполагается возобновить в самом ближайшем будущем». «Таким образом, — констатировали члены министерского совещания, — разработка указанного вопроса, признанного как горнопромышленниками, так и горным ведомством одним из важнейших вопросов истории Урала, близится в настоящее время к своему завершению, и программа этой разработки ныне вполне определилась»⁵⁵.

Однако, судя по высказываниям представителей горного ведомства на возобновленных осенью 1909 — зимой 1910 г. заседаниях, даже к этому времени ничего еще точно не определилось. Так, на заседании 14 октября 1909 г. И. Н. Урбанович неожиданно заявил, что причина упадка уральской промышленности заключается не в посессионном праве и земельной неустроенности населения, не в слабом развитии железных

дорог и отсутствии торгово-промышленного кредита, на что указывали другие участники совещания, а в невозможности снижения себестоимости заводской продукции, которая не могла конкурировать с металлами южнороссийских заводов. Он предлагал открыть для частных заводов разработку крупнейших казенных рудников и создать «смежные округа» в целях централизованной заготовки древесного топлива по примеру Чусовского завода и Богословского округа. «Меры г-на Урбановича хороши, — реагировал В. В. Желватых, — но препятствием к их осуществлению как раз и является посессионная форма владения некоторыми округами, исключающая возможность такого синдицирования». На заседании 4 февраля 1910 г. некоторые члены совещания критически отнеслись и к жалобе представителей посессионеров на трудности привлечения паевых и ссудных капиталов. Дело не в форме владения, заявили они, а в солидности закладываемого предприятия, хотя в качестве примера рассматривался случай с отказом Ярославско-Костромского земельного банка принять в залог крупнейший Верх-Исетский округ.

На том же заседании участники от Совета съездов горнопромышленников Урала вновь говорили о необходимости разрешить посессионерам продавать руды и строевой лес, который «безжалостно сжигался в топках металлургических печей», и о преимущественном праве добычи «побочных ископаемых». Используя высказанные чиновниками мнения, они выдвигали сходные обоснования отмены принципа нераздробимости посессионных имений. Это, как они полагали, позволило бы «изменять границы округов соответственно условиям залегания ископаемых и допускать обмен лесных участков в видах использования сплавных рек для доставки леса к пунктам центрального углежжения»⁵⁶.

Вновь зайдя в тупик, министерское совещание в очередной раз показало, что поиск устраивавшего всех варианта ликвидации посессионного права бесперспективен, тем более что эта тема вызывала неоднозначную реакцию в обществе, и особенно — среди горнозаводского населения и его защитников в Государственной думе.

Так, избранный в Думу третьего созыва от Пермской губернии рабочий Пермских пушечных заводов Н. М. Егоров, ставший одним из наиболее активных представителей социал-демократической фракции, еще в 1909 г. призывал «к полной, немедленной и безвозмездной ликвидации посессионного права», имея в виду изъятие посессионных земель у владельцев в пользу горнозаводского населения. Обвинения сыпались на посессионеров и от других депутатов. Так, в запросе 39 членов Государственной думы, поданном министру торговли и промышленности в январе 1909 г., утверждалось, что «ввиду неизбежно приближающейся ликвидации посессионного права... заводчики... явно стараются производить такие комбинации, которые окончательно запутали бы и без того сложные посессионные отношения и дали бы им возможность ликвидировать эти отношения с наивозможно большей выгодой для себя». Примером служила «всё растущая задолженность посессионных владений как по отношению к государственной казне путем залога имений, так и по отношению к рабочему населению путем задержки в выдаче заработной платы...»⁵⁷

Сменивший в ноябре 1909 г. В. И. Тимирязева министр торговли и промышленности С. И. Тимашев, выступая перед Думой 10 марта 1910 г., заявил, что в посессионном вопросе «возможно решение в пользу полного упразднения посессионного права или же в пользу урегулирования отношений между заводчиками и казной». «Как бы этот вопрос ни был решен, я только одно могу заявить в настоящую минуту, — говорил

он, — я считаю, что домогательства посессионеров считать посессионные земли своей собственностью, безусловно, неправильны и... не могут получить удовлетворения»⁵⁸.

В такой ситуации возобновление работы Особого межведомственного совещания выглядело совершенно бесперспективным, поскольку принятый им принцип факультативности позволял заводчикам блокировать любые проекты, кроме того, который они одобряли. Предпочтительнее выглядела тактика откладывания решения общей проблемы и реагирования на конкретные вопросы развития отдельных посессионных округов. Тем более что для такого варианта был и весомый аргумент — так до конца и не завершённое землеустройство горнозаводского населения. По свидетельству самих посессионеров, Министерством торговли и промышленности были «допущены за последнее время некоторые отступления, несколько ослабляющие ограничительное влияние постановлений, требующих употребления всех естественных богатств посессионного имения исключительно для производства заводов». В качестве ближайших примеров приводилось разрешение И. А. Поклевскому-Козелл в 1902 г. выплавлять руду из посессионного Холуницкого округа на ему же принадлежавших Залазнинских владельческих заводах или разрешение, данное в 1907 г. владельцам посессионных Нижнетагильских заводов, на продажу руды Высокогорского месторождения Лысьвенским владельческим заводам. Условием этого разрешения становилась уплата добавочной подати за чугун, выплавленный из «посессионной руды»⁵⁹. Но подобная «льготная практика Министерства лишь в незначительной мере ослабляла неблагоприятное влияние устаревших и стеснительных норм посессионного права и не могла оправдать отсрочку разрешения посессионного вопроса во всей его полноте», — полагали заводчики⁶⁰.

Так и не дождавшись возобновления работы Особого совещания, посессионеры не отказались от давления на власти. Они стали активнее действовать через укрепившую к тому времени свой авторитет отраслевую организацию — Совет съездов уральских горнопромышленников. В 1912 г. там была составлена и растиражирована Памятная записка о ликвидации посессионного права. В ней власти прямо обвинялись в бездеятельности и констатировалось, что «все старания заводчиков изменить существующее положение не увенчались успехом, ибо органы правительства до сего времени не находили возможности рассмотреть этот весьма важный вопрос». Перечислив все ограничения, «создаваемые отжившим правовым институтом», авторы записки утверждали, что их устранение «не только не нарушает в чем-либо государственных интересов... а является делом государственной важности»⁶¹.

Новое ходатайство министру торговли и промышленности со значительно усиленной аргументацией было составлено от лица Совета съездов 28 августа 1914 г. и подписано его председателем Н. Н. Кутлером. По всей вероятности, посессионеры решили, что в условиях наступившего военного времени государство, рассчитывая на поддержку промышленников, может пойти на уступки. «Успех борьбы государства с внешними врагами в значительной степени зависит от сохранения основ его материального благополучия, — писали авторы ходатайства. — С этой точки зрения в настоящее время особенно настоятельными являются меры, направленные к укреплению положения промышленности. К числу таких мер относится, между прочим, и устранение стеснений для свободного существования и развития горной промышленности Урала в виде посессионного права, имеющего применение к весьма значительной группе старейших заводов... Печальный опыт недавнего прошлого заставляет опасаться за судьбу посессионных заводов в случае нового кризиса, если заводы эти не будут освобождены

от пут посессионного права. Опасения эти тем более серьезны, что посессионные заводы вынуждены были за последнее время расширяться и переустраиваться в соответствии с новейшими требованиями техники и увеличивать с этой целью свою задолженность, которая в случае кризиса скажется весьма тягостно. С другой стороны, ликвидация посессионного права, если таковая будет предпринята, во всяком случае потребует довольно продолжительного времени, почему вопрос о ней должен быть возбужден, по возможности, заблаговременно».

«Необходимо вернуться к идее выкупа, — настаивали посессионеры. — Условия этого выкупа могут быть разнообразными, и вопрос о них нуждается в подробной разработке. Несомненно, что при желании обе заинтересованные стороны легко могут прийти по этому вопросу к соглашению. Совет съездов... в дополнение к уже возбужденному ходатайству, согласно постановлению экстренного съезда, бывшего в ноябре 1912 г., имеет честь почтительно ходатайствовать... не будет ли Вами признана возможность подвергнуть вновь рассмотрению при участии представителей от посессионных заводов вопрос о перечислении посессионных предприятий в разряд владельческих».

Реакцию С. И. Тимашева передает его резолюция карандашом, оставленная на ходатайстве: «При современном напряжении всех сил государства ставить... столь сложные проблемы совершенно невозможно». «Прошу исполнить указание министра», — приписал секретарь, поставив точку в многолетнем деле о ликвидации горнозаводской посессии⁶².

Примечания

¹ См.: *Мылов В.Н.* К вопросу о праве собственности на недра земные // Горный журнал. 1892. №3. С. 500–502, 515.

² ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 232–238, 356–359 об.

³ Там же. Л. 180–187.

⁴ Там же. Л. 14–20, 162–163, 280–282.

⁵ ПСЗ-III. Т. 13. №9628.

⁶ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 300, 349–354.

⁷ Там же. Л. 363–374 об.

⁸ *Мылов В.Н.* Указ. соч. С. 515, 516.

⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1345. Л. 110–117; Оп. 67. Д. 195. Л. 2–4.

¹⁰ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 21–22.

¹¹ См.: *Штоф А.А.* Горное право. СПб., 1896. С. 188, 189, 418–421.

¹² ПСЗ-III. Т. 15. №11735.

¹³ См.: *Удинцев В.А.* Посессионное право. К истории уральского землевладения. М., 1892; *Он же.* Посессионное право. Киев, 1896.

¹⁴ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 4691. Л. 24–29 об.

¹⁵ Там же. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2427. Л. 5–7 об.

¹⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1477. Л. 17–19.

¹⁷ Там же. Д. 1403. Л. 143–146.

¹⁸ См.: Уральская железная промышленность в 1899 г. по отчетам о поездке, совершенной с высочайшего соизволения: С. Вуколовым, К. Егоровым, П. Земятченским и Д. Менделеевым, по поручению г-на министра финансов, статс-секретаря С. Ю. Витге. СПб., 1900. С. 101, 126.

¹⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1277. Л. 13–15 об.

²⁰ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов с журналами Особого совещания, образованного в 1905 г. для рассмотрения этого вопроса. СПб., 1906. Ч. 1. С. 15–19; СПб., 1907. Ч. 2. С. 171–174.

²¹ См.: *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 136.

²² См.: Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. 1. С. 1–11.

²³ Там же. С. 19–32; РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1518. Л. 5–21 об.

²⁴ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. 2. С. 125, 126.

- ²⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 394. Л. 3.
- ²⁶ См.: Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. 1. С. 40–42, 45–48, 126–135.
- ²⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1277. Л. 8–11 об.
- ²⁸ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. 1. С. 35–44; СПб., 1908. Ч. 3, вып. 2. С. 73–75.
- ²⁹ Там же. Ч. 1. С. 45–48.
- ³⁰ Там же. С. 55–58.
- ³¹ Там же. С. 58–79.
- ³² Там же. С. 81–98.
- ³³ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1366. Л. 5–6 об.
- ³⁴ Составлено по: Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. 1. С. 98–108.
- ³⁵ Там же. Ч. 2. С. 1–3, 153–164; Ч. 3, вып. 2. С. 76.
- ³⁶ Там же. Ч. 2. С. 27–34, 155.
- ³⁷ См.: *Алеврас Н. Н.* Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, 1996. С. 61, 62.
- ³⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1403. Л. 1–4, 92–97.
- ³⁹ Там же. Д. 1345. Л. 72–95 об.
- ⁴⁰ См.: Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. 3, вып. 1. С. 3–10.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1345. Л. 72–95 об.
- ⁴² Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. 3, вып. 1. С. 3–10.
- ⁴³ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 472. Л. 48–50.
- ⁴⁴ См.: Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. 3, вып. 1. С. 11–35.
- ⁴⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1403. Л. 127, 130–131.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 67. Д. 195. Л. 19–20.
- ⁴⁷ Там же. Л. 22.
- ⁴⁸ См.: *Удинцев В. А.* Русское горноземельное право. Киев, 1909. С. 319, 320.
- ⁴⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 73. Д. 181. Л. 1, 38.
- ⁵⁰ Там же. Л. 51–57 об., 60–66.
- ⁵¹ Там же. Л. 67–74.
- ⁵² Там же. Оп. 65. Д. 1477. Л. 1–5 об.
- ⁵³ Там же. Д. 1403. Л. 136–137 об.
- ⁵⁴ Там же. Л. 138–139.
- ⁵⁵ Там же. Д. 1520. Л. 47–53.
- ⁵⁶ Там же. Л. 53–65 об., 100–131.
- ⁵⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1540. Л. 2–2 об.
- ⁵⁸ Цит. по: *Друзин М. В.* Уральские горнозаводчики и власть в конце XIX — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013. С. 105, 113–115.
- ⁵⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 343. Л. 6–7.
- ⁶⁰ Там же. Оп. 65. Д. 1403. Л. 143–146.
- ⁶¹ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 21. Л. 30–33 об.
- ⁶² Там же. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1403. Л. 143–146.

3. Практика отмены посессионного статуса заводов (1861–1917)

«Перечисление» заводов по законам 1863 и 1886 гг.

Уральские заводы

Начало сокращению количества посессионных горнозаводских имений в России было положено еще Горной комиссией, подготовившей проект закона о «перечислении в разряд владельческих» тех посессионных заводов, владельцы которых пользовались трудом казенных работников и заводских крепостных или разрабатывали рудники на казенных землях. В соответствии с мнением Государственного совета от 9 декабря 1863 г. на Урале претендентами на такое «перечисление» были определены Кыштымские заводы наследниц купца Л. И. Расторгуева, Саранинские — Кнауфского округа, Сергинские — наследников К. М. Губина, Кагинские — купца

Ф. П. Никифорова, Авзяно-Петровские — Д. Е. Бенардаки и Богословский завод В. П. Шелашникова.

Уральскому горному правлению было поручено организованно провести кампанию по «перечислению» указанных заводов, предварительно собрав сведения о выполнении заводчиками требований законоположения, касавшихся предоставления «состоящим при заводах мастеровым усадеб безвозмездно, покосов же и топлива — на первые три года в безвозмездное пользование, а на следующие три года — за половину установленной платы». Как уже упоминалось, эти социальные условия «перечисления» были заимствованы из указа «О мерах к обеспечению горнозаводского населения частных горных округов» от 3 декабря 1862 г., который вводил их на случай, если бы заводчик воспользовался предоставленной этим же законом трехлетней льготой в платеже горной подати в 1863–1865 гг.¹

Первоначально местные горные власти решили воспользоваться уже имевшимися данными, которые еще в июне 1863 г. Уральское горное правление просило прислать губернские по крестьянским делам присутствия. Но, рассмотрев эти сведения, горные чиновники нашли их «не вполне удовлетворительными», хотя, опережая события, все вышеназванные заводы заявили о выполнении условий, а некоторые уже и внесли подати в уменьшенном размере. Тогда Горное правление повторно запросило губернские присутствия «наблести со своей стороны... и уведомить о тех заводах, в которых будут окончательно проведены в действие все меры, предположенные во мнении Государственного совета»².

Однако крестьянские учреждения и на этот раз не торопились с ответом, ссылаясь на отсутствие точной информации с мест. Так, 20 августа 1865 г. член Пермского губернского присутствия П. Д. Соломирский (сам владелец Сысертских заводов) советовал горным властям обратиться за сведениями к мировым посредникам или заводским исправникам. Но чиновники Горного правления сочли для себя невозможным «входить в непосредственное сношение с подчиненными губернским присутствиям лицами» и настоятельно просили выполнить запрос. Принципиальность чиновников шла до того, что они сначала даже не приняли необходимые им сведения, когда их прислали мировые посредники Кыштымских и Авзяно-Петровских заводов. На поступавшие от заводчиков и их поверенных прошения о скорейшем «перечислении» чиновники отговаривались тем, что «перечисление будет зависеть от общего для всех заводов распоряжения министра финансов, которое может последовать не прежде, как по предоставлении Его высокопревосходительству затребованных Горным правлением от губернских присутствий сведений»³.

В такой ситуации под давлением заводчиков министр финансов решился не на «общее распоряжение», а на частные постановления в отношении отдельных округов, выполнивших требования закона. Первыми поступили точные сведения об Авзяно-Петровском округе. «Владелец Бенардаки, — сообщалось в записке Уральского горного правления еще в ноябре 1864 г., — предоставил всем мастеровым усадьбы в дар, безвозмездно покосы и топливо не только на установленный срок, но и на дальнейшее время». Уполномоченные Кыштымских заводов Г. В. Дружинин и А. А. Зотов также заявили, что предоставили все эти льготы по уставной грамоте, введенной еще в октябре 1861 г. Поэтому 10 апреля 1865 г. М. Х. Рейтерн утвердил решение Совета Корпуса горных инженеров о переводе Кыштымских и Авзяно-Петровских заводов в разряд владельческих «со времени внесения означенных условий в уставные грамоты и объявления

о том крестьянам, но, во всяком случае, не ранее как с 9 декабря 1863 г., т. к. закон обратного действия не имеет». Это постановление было исполнено Горным правлением 9 июня 1865 г.⁴

Однако уже этот первый случай «перечисления» вызвал полемику. Кыштымские уполномоченные в своих прошениях настаивали на пересмотре указанных сроков, поскольку считали, что «перечисление» автоматически ведет к снижению с этого же времени горной подати. Они заявляли, что перевод заводов должен состояться со времени введения уставных грамот, что давало бы основание для возврата им переплаченной подати, льготы по которой распространялись только на металлы, выплавленные в 1863–1865 г. Это, считали уполномоченные, будет существенным подспорьем заводам, которые очень нуждались в капиталах для расчета с рабочими и для отправки «железных караванов». «Для мастеровых, — писали они, — имеет значение сущность дела, а не исполнение формальностей, а как льготы им уже доставлены в свое время, то и перечисление заводов из посессионных во владельческие, по нашему убеждению, совершенно справедливо будет определить со введения уставных грамот... независимо от исполнения формальностей (речь идет о публичном объявлении об этом мастеровым. — *Е.Н.*), состоящих на обязанности мировых учреждений, а не владельцев». Кроме того, жаловались уполномоченные, мировой посредник, руководствуясь министерским указанием, назначил «новый льготный срок мастеровым», увеличив тем самым «сумму пожертвований, которыми заводы приобрели право на уменьшение горной подати». Поэтому, считали они, «нет никакого основания принимать тот же срок для исчисления льгот мастеровым, который принимает Горное правление за срок перечисления заводов из посессионных во владельческие»⁵. Это прошение привело к последствиям, на которые владельцы и их поверенные совсем не рассчитывали: оно заставило власти обратить внимание на не раскрытый во мнении от 9 декабря 1863 г. вопрос о сопряженном с «перечислением» сроке снижения горной подати.

Хотя возвращение податей было не в интересах казны, само выполнение высочайше одобренного законоположения не подвергалось властями никакому сомнению. В ноябре 1866 г. директор Горного департамента В. К. Рашет даже укорял главного начальника уральских заводов за то, что за истекшие три года «перечислены» только два округа. «Замедление в рассмотрении прав и перечислении других заводов, — напоминал он, — происходит... по недостатку сведений... о том, какие из заводов по удостоверению крестьянских учреждений выполнили все требуемые означенным высочайшим постановлением условия». Директор извещал о том, что сам министр финансов, обратив внимание на то, что «замедление в перечислении Сергинских заводов наследников Губина вызвало уже жалобу на сие со стороны поверенного по тем заводам купца Тезякова, поручил Горному департаменту ускорить рассмотрение и окончить дело»⁶.

Как и прошение кыштымского заводоуправления, жалоба Тезякова была вызвана «совершенно расстроеным состоянием» Сергинско-Уфалейского округа, в те годы взятого в казенное управление. По подсчетам поверенного, в случае «перечисления» округа со времени составления уставных грамот заводам следовало вернуть около 15 тыс. руб., что составило бы «весьма важное пособие... для поддержания местного населения заводскими работами... впредь до окончательной продажи этих заводов». Однако в уставных грамотах Сергинских заводов, кроме льгот мастеровым, оказалось вписанным условие уплаты «необременительного денежного сбора на составление общественного капитала» за предоставленные мастеровым покосы. Оно-то и вызвало

сомнения властей и задержку решения о «перечислении». После того как в апреле 1865 г. Горное правление не сочло это условие «препятствием для предоставленных законами льгот», дело о Сергинских заводах получило ход⁷. Его рассмотрение вместе с прошением кыштымских уполномоченных выявило новые проблемы «перечисления», которые вытекали из установленной властями связи законоположений 3 декабря 1862 г. и 9 декабря 1863 г. и усложнили его осуществление.

Одна из проблем была замечена в самом Уральском горном правлении советником Ф. М. Ботышевым, который утверждал, что право «перечисления» должно быть отделено по срокам от права платежа податей по размеру владельческих заводов. «Первое право, — считал он, — определяется сроком предоставления заводоуправлением рабочим тех льгот, которые установлены законом 3 декабря 1862 г.; второе же начинается со дня окончания платежа заводами подати по уменьшенному размеру», назначенного тем же законоположением. В итоге при решении вопроса о «перечислении» Сергинских заводов министр финансов предписал, чтобы «сопряженным с оным перечислением изменением размера горной подати заводы сии воспользовались лишь со времени окончания льготного в платеже подати периода по правилам 1862 г., ибо в противном случае заводы в один и тот же период воспользовались бы двойной льготой». Это разрушило надежды заводчиков на возврат якобы переплаченных горных податей. Сергинским, Кыштымским и Авзяно-Петровским заводам, воспользовавшимся податными льготами в 1863–1865 гг., было разрешено лишь с 1866 г. «начать пользоваться правом внесения податей по размеру владельческих заводов»⁸.

Другую проблему выявило Пермское губернское присутствие, пекущееся не столько о сроках снижения подати, сколько о предоставлении заводчиками сопряженных с «перечислением» льгот мастеровым. В феврале 1869 г. оно уведомило Горное правление о том, что мастеровые Сергинских заводов воспользовались шестилетними льготами в 1863–1869 гг. Но это, сочли в присутствии, означает всего лишь завершение обязательств, взятых заводами в соответствии с законом 1862 г. для получения трехгодичного сокращения горных податей. «Перечисление» же в разряд владельческих заводов по закону 1863 г. должно быть сопряжено с предоставлением мастеровым нового шестилетнего льготного времени в пользовании покосами и топливом. «За сим, — писали члены присутствия, — для переименования посессионных Сергинских заводов в разряд крепостных Губины обязаны еще предоставить мастеровым льготы... с 1869 по 1875 г.». Главная контора Сергинско-Уфалейского округа, в те годы возвращенного владельцам и вновь стоявшего на грани банкротства, была согласна с любыми условиями, лишь бы поскорее заводы были признаны владельческими. «Чем скорее совершится это переименование, — писал управляющий, — тем более будет оказано существенной помощи для заводов при настоящем критическом их положении»⁹.

Озадаченные подобной трактовкой законодательного акта губернским начальством, местные горные власти попросили разъяснений в Министерстве финансов. В октябре 1869 г. Горный совет обсудил вопрос и нашел, что нет оснований делать вывод о том, что «для приобретения права на перечисление... заводы должны вторично дать населению льготы... т. к. полное повторение их невозможно (в частности, в отношении уже предоставленной в собственность «усадебной оседлости». — *Е. Н.*), и если бы закон 1863 г. действительно имел в виду потребовать от владельцев... каких-либо новых пожертвований в пользу населения... то таковое новое требование... было бы положительно указано, а не сделано было бы ссылки на закон 1862 г.». Вместе с разъяснением

Горного совета 25 октября 1869 г. в Уральское горное правление поступило и постановление о «перечислении» Сергинских заводов с момента «окончания льготного в платежах времени», т. е. с 1866 г. Горное правление 22 ноября 1869 г. вынесло на этот счет свое решение, предупредив заводскую контору о том, что переплаченные с того времени горные подати, скорее всего, уйдут на погашение должной быть начисленной за тот же срок подати с добытой руды из казенных рудников. Это было закономерным следствием приобретения нового статуса, на что Сергинско-Уфалейские заводы ответили отказом добывать руды в казенных дачах¹⁰.

Выявившиеся в ходе всех этих разбирательств различные трактовки закона, казавшиеся времени признания нового статуса заводов и срока начала уплаты горных податей по размеру подати владельческих заводов, а также различные точки зрения на зависимость этих сроков от окончания действия льгот мастеровым совсем запутали участников кампании по «перечислению» заводов. В этой связи еще 16 апреля 1868 г. Главный комитет об устройстве сельского состояния утвердил положение, в соответствии с которым предлагалось допускать «по надлежащему удостоверению перечисление в разряд владельческих таких заводов, где не было казенных мастеровых... и окончательно устроен быт заводских крестьян»¹¹. Это положение, тем не менее, не разрешило всех сопряженных с «перечислением» проблем и не устранило возможность неоднозначной трактовки закона, что привело к пересмотру некоторых уже принятых решений и даже к бюрократическим ошибкам.

Более всего от этого пострадал Кыштымский округ. Путаница привела к тому, что только в 1874 г. Горным советом было вынесено решение, определившее точный срок «перечисления» двух Кыштымских, Каслинского и Сак-Элгинского заводов этого округа — с 30 апреля 1865 г., а Шемахинского — с 22 января 1865 г., т. е. со времени окончания льготного периода по платежу подати, но «с тем, однако, чтобы горная подать по расчету владельческих заводов взималась с 30 апреля 1871 г.», т. е. с момента окончания второго льготного срока для мастеровых. Несмотря на то что это противоречило решению того же Горного совета 1869 г., министр финансов не вник в суть дела и согласился с этим постановлением.

Через два года эта ошибка была замечена и исправлена Уральским горным правлением. «Вместо срока, с которого Кыштымские заводы должны воспользоваться правом на уменьшение взноса податей, наступающего вслед за истечением данного заводам льготного периода, — сообщалось в записке Горного правления от 10 июня 1876 г., — был ошибочно принят срок, непосредственно следующий за тем периодом, в который были даны заводоуправлением льготы мастеровым. Поэтому в изменение состоявшегося постановления постановить вновь, что сопряженным с перечислением в разряд заводов владельческих правилом на уменьшение взноса подати Кыштымские заводы должны воспользоваться по истечении льготного в платеже податей срока, т. е. начать уплату податей по праву заводов владельческих с чугуна, выплавленного в 1866 г., а не с 30 апреля 1871 г., как было заключено в прежнем постановлении»¹². Только после этого был сделан окончательный перерасчет горной подати с заводов, которые уже 11 лет считались владельческими.

Попытку пересмотреть сроки уплаты пониженной подати предприняло и управление Авзяно-Петровских заводов. Оно напомнило властям о том, что казенные непременные работники этих заводов были переведены в Гороблагодатский округ еще в 1853 г., что влекло за собой необходимость возврата переплаченной с того времени

подати на более чем 8 тыс. руб. Уральское горное правление в 1872 г. согласилось с тем, что эти заводы действительно «не подходили под действие мнения Государственного совета от 9 декабря 1863 г. как заводы, не пользовавшиеся уже во время издания Положений 19 февраля 1861 г. обязательными работами данных им от казны людей и никакими другими от казны пособиями». Но Горный совет, сославшись на то, что самим заводоуправлением своевременно не было подано ходатайство о «перечислении», 13 октября 1872 г. отказал в просьбе. Авзяно-Петровским заводам было разрешено вносить пониженную горную подать только с металлов, выплавленных начиная с 1866 г.¹³

В сентябре 1874 г. Горный департамент вновь обратил внимание на медлительность в проведении кампании. «Перечислены по настоящее время только Кыштымские, Авзяно-Петровские и Сергинские заводы, — отмечалось в предписании главному начальнику уральских заводов И. П. Иванову. — Перечисление же остальных заводов затянулось за недоставлением Вашим превосходительством затребованных в 1864, 1866, 1867 и 1869 гг. сведений о том, какие из поименованных заводов исполнили, по удостоверению крестьянских учреждений, требования правил 9 декабря 1863 г.». Замечания начальства «подхлестнули» ход явно затянувшегося дела.

В частности, вскоре было принято решение о Богословском селитряном заводе. Оказалось, что его владелец В. П. Шелашников сам не торопился с «перечислением», задумав совсем освободиться от всякого платежа горной подати путем исключения своего завода из горного ведомства. Основанием для столь серьезного намерения послужило то, что селитра вырабатывалась на этом предприятии не из минерального сырья, а в так называемых «буртах, или насыпях, путем искусственно возбужденного химического процесса из веществ органического происхождения — навоза, разных нечистот и гнилого дерева». В 1871 г. Горный департамент предписал разобраться в этом деле, «собрав самые полные сведения». Основываясь на данных Уральского горного правления о том, что «медеплавильное производство на Богословском заводе уже не существует, а производство буртовой селитры к горной промышленности не относится», Горный совет 3 октября 1874 г. санкционировал передачу завода в ведение Департамента мануфактур и внутренней торговли «с тем, чтобы все отведенные заводу на казенных землях медные рудники были взяты обратно в казну»¹⁴.

Некоторые осложнения возникли с двумя Саранинскими заводами, входившими в состав Кнауфского округа. Еще в 1853 г. они были признаны владельческими, поскольку, в отличие от пяти других заводов округа, были основаны на частных, а не на казенных землях. Считая так, акционерная компания, владевшая ими до 1864 г., получила льготы по горной подати, предоставив мастерам покосы и топливо только на два года, как это и полагалось для владельческих заводов по закону 1862 г. Но из-за бюрократических формальностей Уральское горное правление не признало владельческий статус этих заводов и включило их в ведомость на «перечисление». Упустив это из вида, Пермское губернское присутствие только в 1867 г. уведомило Горное правление о том, что мастерам Саранинских заводов льготы были ошибочно предоставлены только на два года, а не на шесть лет. Но лишь через два года губернское начальство постановило «взамен полученных уже владельцами Кнауфских заводов льгот по платежу горных податей предоставить мастерам Саранинских заводов право пользования покосами, если они пожелают их удерживать за собой, на основании Дополнительных правил, на три года за половинную плату, считая срок сих льгот с 31 марта 1869 г.». Кроме того, как настойчиво добивались губернские власти, по истечении этого

льготного срока мастерские могли воспользоваться еще и льготами по закону 1863 г., и только после этого Саранинские заводы получали право на «перечисление» в разряд владельческих.

Когда в 1875 г. поступили сведения от Пермского губернского присутствия об исполнении Кнауфским округом требований законов, Горный совет решил, что Саранинские заводы должны быть «перечислены» с 9 декабря 1863 г. «с тем, чтобы уменьшенным размером подати они воспользовались со времени окончания льготного периода, т. е. с 1 апреля 1875 г.». Но уже через год, после прецедента с Кыштымскими заводами, чиновники исправили свою очередную ошибку. «Принимая во внимание, что Саранинские заводы числятся посессионными только по недворянскому происхождению своих владельцев и что мастерским предоставлены все льготы... с 31 марта 1869 г.» (хотя мастерские от покосов отказались из-за их отдаленности), Горный совет 9 июня 1876 г. рекомендовал перечислить их во владельческие «со времени внесения означенных льгот в уставные грамоты», т. е. с 10 апреля 1869 г. Уральскому горному правлению осталось лишь уточнить, что «Кнауфские заводы воспользовались уже... льготным периодом в податях и затем на продолжение в этом отношении льгот не имеют уже права, т. к. в Саранинских заводах выплавка чугуна не производится»¹⁵.

Затруднения с «перечислением» Кагинских заводов возникли в связи с тем, что их владелец Ф. П. Никифоров, хотя и предоставил мастерским все льготы с 1862 по 1867 г., не сумел вовремя воспользоваться податными льготами. Как следует из записки Уральского горного правления, «по стечению несчастных обстоятельств, а именно вследствие разрушения плотины и повреждения заводских устройств от наводнения», эти заводы в 1863–1865 гг. «находились в бездействии», в 1866 г. — «в неполном действии» и поэтому представляли «положение исключительное, требующее особого обсуждения». В ходе рассмотрения всех обстоятельств дела в 1868 г. горные чиновники пришли к заключению, что нельзя лишать Кагинские заводы податных льгот, поскольку их «действие было остановлено не по прихоти владельца, а по стечению несчастных обстоятельств, подвергших его весьма значительному убытку», и рекомендовали допустить льготы в 1867–1869 гг. Горный департамент и министр финансов в феврале 1869 г. согласились с этим мнением, но с условием, чтобы «льготы не распространялись на металлы, выплавленные свыше того, что было выплавлено в предшествовавшее льготному периоду время, и чтоб в счет льгот была зачислена податная недоимка за 1862 и 1866 гг.».

Но вслед за этим решением возникли новые непредвиденные обстоятельства. Как сообщал мировой посредник, владелец заводов умер, а наследники от наследства отказались. Заводы перешли в опекуновское управление за долги казне, но уже не действовали. Тем не менее, свидетельствовал тот же мировой посредник в 1875 г., даже после этого льготы мастерским никто не отменял, и они продолжали пользоваться ими, несмотря на истечение льготного времени. Получив эту информацию, Горный департамент в апреле 1876 г. предписал «перечислить» Кагинские заводы «по примеру Авзяно-Петровских и Кыштымских заводов со времени действительного предоставления мастерским упомянутых льгот». Уральское горное правление 3 июня того же года выполнило это предписание, указав, что воспользоваться правом снижения горной подати заводы могли «после истечения льготного периода по правилам 1862 г., т. е. с 1 января 1870 г.», хотя в то время заводы уже год как бездействовали¹⁶.

В ходе этой кампании был также поднят вопрос о Шаквинском заводе Суксунского округа. В 1864 г. он не был включен в составленную тогда «ведомость заводов, следующих к перечислению», но в примечаниях упоминалось о том, что при «разборе прав заводчиков» в 1847 г. не было принято «решительное заключение» о статусе этого предприятия «впредь до судебного рассмотрения документов, по которым приобретены к заводам земли от татар». Когда в 1875 г. Горное правление подготовило новые сведения о заводах, по которым еще не было принято решение, в список попал и этот завод, находившийся тогда в казенном управлении и бездействовавший с 1862 г. Видимо, по этой причине никакого судебного разбирательства о его статусе прежде не производилось. После того как были «наведены надлежащие справки», открылось, что еще в 1845 г. земли, на которых строился завод, были признаны купленными его основателем А. Н. Демидовым «в полную собственность по крепостным актам». При отсутствии других пособий это давало все основания считать завод владельческим с того времени, а значит, исключить его из списка заводов, подлежащих «перечислению», о чем Горный департамент уведомил Уральское горное правление в апреле 1878 г. Но его чиновники защитили «честь мундира», сославшись на то, что судебные решения им были неизвестны, и 29 мая того же года постановили, только сейчас «исключив Шаквинский завод из числа посессионных, признать его владельческим»¹⁷.

В той же ведомости 1875 г. оказались еще Уинский (Ольгинский 2-й) завод графини О. Н. Рошефор и Мёшинский завод К. И. Яхонтова. Их владельцы по собственной инициативе подали судебные иски Горному правлению, пытаясь доказать право собственности на заводские земли. Но поскольку установление этого права не входило в компетенцию горных властей (оно могло быть подтверждено только ведомством государственных имуществ), в 1878 г. иски были отклонены, а Уинский и Мёшинский заводы так и остались в разряде посессионных¹⁸. Заметим, что в те годы оба завода уже бездействовали, т. е. владельческий статус был необходим лишь для того, чтобы владельцы могли получить в собственность приписанные к заводам земли.

Замосковные заводы

По данным Горной комиссии, в соответствии с мнением Государственного совета от 9 декабря 1863 г. на перемену статуса могли претендовать все 13 посессионных заводов Замосковного региона (посессионными считались тогда еще четыре квасцово-купоросных завода, не учтенных при «перечислении» и, видимо, выведенных из горного ведомства). К ним отнесли Ханинский, Сенетско-Ивановский, Авгорский, Сивинский, Дугненский, Бытошевский, Мышегский, Истинско-Залипяжский, Серенский и Песоченский заводы и три уже не действовавших в начале 1860-х гг. завода — Кирицкий, Рябкинский и Виндреевский¹⁹. Все эти небольшие предприятия считались посессионными, поскольку «имели пособие в крепостных заводских людях». Общей «кампании по перечислению», подобной той, которая осуществлялась на Урале, здесь не проводили, скорее всего, из-за ликвидации в 1865 г. Московского горного правления. Каждый из заводовладельцев действовал самостоятельно в зависимости от сложившейся ситуации.

Представленный в списке посессионных предприятий Мышегский завод, расположенный в Тарусском уезде Калужской губернии, как вскоре выяснилось, не подходил ни под какие условия «перечисления» и был ошибочно включен в составленную для Горной комиссии ведомость. Причиной этого оказались неточные сведения

как о статусе рабочих, так и о статусе земель, на которых располагался завод, во владении княгини Е. Г. Бибарсовой. Еще в декабре 1861 г. она обратилась в Московское горное правление с просьбой перевести этот чугуноплавильный завод, считавшийся посессионным, в разряд владельческих. Княгиня поясняла, что завод был основан Мосоловыми в 1729 г. «на земле Боровского Пафнутьева монастыря, отданной архимандритом по записи от 15 сентября 1728 г. в количестве 141 дес. из платежа оброка по 17 руб. в год». Во время генерального межевания земля «поступила в ведомство казны» и в 1795 г. была «оставлена в пользу Мосоловых из платежа такого оброка, который они платили прежде». В 1808 г. Мышегский завод перешел во владение генерал-майора А. А. Чесменского, а в 1825 г. за долги владельца его продали с публичных торгов князю Я. Д. Бибарсову. После его кончины в 1833 г. вдова унаследовала завод по духовному завещанию. В том же году по распоряжению министра финансов и с согласия Сената Московское горное правление, проводившее «разделение заводов Замосковского края на имеющие и не имеющие пособия», признало Мышегский завод посессионным «как устроенный на казенной земле, несмотря на ежегодный оброк, вносимый в Калужскую казенную палату». С того времени вместо оброка вдова стала платить полуторную горную подать. В 1861 г. этот платеж составил 3723 руб. за выплавленные 97 697 пуд. чугуна, что, разумеется, превышало прежние расходы владелицы²⁰. Чтобы изменить статус завода, она решила выкупить оброчные земли и 3 мая 1861 г. получила согласие на это Комитета министров. Купчая крепость была заключена 11 октября того же года, что и дало владелице повод просить о переводе Мышегского завода в разряд владельческих «со времени приобретения ею казенной земли покупкою»²¹.

Директор Горного департамента А. Р. Гернгросс счел требование княгини «неосновательным», поскольку Мышегский завод, по его сведениям, кроме земли, пользовался еще отведенными к нему рудниками в казенной Малиновой засеке и владел «на заводском праве» 238 ревизскими душами мастеровых. Княгине пришлось дополнительно пояснять, что с 1839 г., когда были введены правила о порядке добычи руд из Малиновой засеки, она «по обременительности и невозможности добычу той руды прекратила» и пользовалась только двумя рудниками, расположенными на ее собственных землях в Крапивенском уезде Тульской губернии. Насчет же крепостных княгиня заявила, что они «состояли исключительно на дворянском праве». В июне 1862 г. она повторила свою просьбу, которая на сей раз была признана Горным департаментом несвоевременной, ввиду того что закон «об отмене существующих ограничений для посессионных заводов» тогда только еще проектировался.

Когда же закон появился, владелица подала ходатайство в Сенат, который в июле 1864 г. предписал министру финансов рассмотреть дело, «приняв во внимание изданные 9 декабря 1863 г. правила». Тогда-то и выяснилось, что Мышегский завод не подпадает под эти правила, поскольку с 1861 г. не пользуется казенной землей, а его работники считаются крепостными. В такой ситуации Горному департаменту ничего не оставалось, кроме как «признать справедливым перечисление Мышегского завода со дня приобретения по купчей в полную собственность земли, которой до этого завод пользовался в виде пособия от казны». Сенатский указ об этом вышел 3 июня 1865 г., а предписание Московского горного правления от 9 июля того же года стало одним из последних решений этого вскоре упраздненного органа²².

Первым из списка Горной комиссии был «перечислен» по закону от 9 декабря 1863 г. Сенетско-Ивановский завод, расположенный в Жиздринском уезде Калужской

губернии. В 1865 г. он состоял во владении корнета П. А. Каверина, которому, видимо, достался после смерти матери и раздела имущества с сестрами, но находясь в аренде у крупного горнопромышленника С. И. Мальцова. В своем прошении, направленном министру финансов в ноябре 1865 г., корнет пояснял, что завод числился посессионным лишь потому, что прежде им владели «лица недворянского состояния». «Но никогда никакими пособиями от казны ни в землях, ни в лесах он не пользовался, — утверждал владелец, — мастеровых при оном не состояло, а есть одни только сельские работники, которые по добровольно заключенному договору перешли на выкуп».

Горный департамент запросил сведения о выполнении владельцем сопряженных с «перечислением» условий «по обеспечению быта населения» у Калужского губернского по крестьянским делам присутствия, а оно в свою очередь потребовало от мирового посредника прислать копии уставных грамот. Дело затянулось, что побудило влиятельного арендатора обратиться с прошением к директору Департамента В. К. Рашету. «Принимая близкое участие в этом деле, т. к. Сенетско-Ивановский завод состоит у меня в аренде, — писал С. И. Мальцов в июле 1867 г., — я решаюсь обратиться с покорнейшей просьбой оказать со своей стороны содействие к удовлетворению совершенно законной просьбы Каверина». Вскоре выяснилось, что «выкупной договор» был заключен еще 15 ноября 1863 г. В соответствии с ним крестьяне «получили полный надел и на правах мастеровых не состояли», а следовательно, и социальные условия «перечисления» на них не распространялись²³.

По представлению министра финансов Главный комитет об устройстве сельского состояния 16 апреля 1868 г. разрешил перевод Сенетско-Ивановского завода в разряд владельческих «относительно размера подати и прав на владение и распоряжение... со дня окончательного прекращения временнообязанных к владельцу завода отношений состоявших при заводе сельских работников». В мае того же года Горный департамент определил этот срок с 1 ноября 1864 г., а переплаченную с того времени сумму (3224 руб.) предписал «зачислить в будущую горную подать»²⁴.

Песоченский (Митинский) чугуноплавильный и Серенский железодельный заводы, основанные Баташовыми, составляли единый производственный комплекс. Они располагались в Козельском и Перемышльском уездах Калужской губернии. В начале 1860-х гг. заводы принадлежали почетной гражданке, алексинской купчихе первой гильдии Е. И. Масловой, вышедшей замуж за К. Д. Бенардаки, сына известного российского предпринимателя и уральского заводчика Д. Е. Бенардаки. Как сообщала сама владелица, горнозаводское имение (вместе с бумажной фабрикой, двумя мельницами, селом и деревней) досталось ей частью по наследству от отца, частью — путем покупки от Д. П. Хлебникова. С начала 1866 г. заводы были отданы в аренду потомственной почетной гражданке А. Н. Криворотовой, а в декабре 1868 г. поверенный владелицы уже просил Горный департамент о разрешении продать все имение «арендаторше» в рассрочку за 72 тыс. руб. серебром²⁵.

Еще в период аренды будущая владелица и купец М. И. Криворотов (вероятно, ее сын и наследник) не преминули воспользоваться возможностью изменить статус заводов, считавшихся посессионными лишь «по владению людьми без других вещественных пособий». Однако при этом они столкнулись с некоторыми трудностями. Оказалось, что, в отличие от рабочих Песоченского завода (им, очевидно, льготы были предоставлены), серенские мастеровые «не имели своих усадеб, а помещались в домах, выстроенных от заводов», и поэтому не подпадали под действие закона 9 декабря 1863 г. В такой

ситуации с разрешения Калужского губернского по крестьянским делам присутствия им было предоставлено право «или работать на заводе по вольной цене, или избрать, как безземельным, иной род жизни» и даже переселиться в другие регионы. Договорившись с мастеровыми и губернскими властями, М.И. Криворотов обратился к министру финансов М.Х. Рейтерну, который «входил с представлением» о возможности «перечисления» Серенского завода в Главный комитет об устройстве сельского состояния. Согласно утвержденному 3 июня 1868 г. положению, Серенский завод был признан владельческим, а его мастеровым 28 мая 1870 г. была дана возможность переселиться на казенные земли в Оренбургскую или Самарскую губернии «с льготами и пособиями, для переселяющихся горнозаводских мастеровых установленными»²⁶. Тогда же, видимо, было принято решение и о перемене статуса Песоченского завода.

«Перечисление» Ханинского завода, расположенного в Лихвинском уезде Калужской губернии, может послужить примером того, как эта сложная процедура воспринималась местными гражданскими властями. Этот бывший демидовский завод к началу 1870-х гг. перешел во владение многочисленных наследников почетного гражданина И.Ф. Засыпкина, которые 7 октября 1870 г. совершили «полюбовный» раздельный акт, передав горнозаводское имение «младшей партии» наследников в лице жены ротмистра К.И. Чебышевой, жены поручика Е.И. Стаховской и почетных граждан Н.И. Засыпкина, М.И. Засыпкина и Ю.И. Засыпкиной (к «старшей партии» принадлежали вдова Е.М. Засыпкина и ее старшие дочери — жена штабс-капитана Р.И. Чернова, жена поручика Л.И. Курманская и наследники их скончавшегося брата Д.И. Засыпкина). После этого проживавшие в Туле заводовладельцы сообщили, что доставшееся им предприятие не действовало уже с 1866 г. и должно быть продано «как для расчета с сонаследниками, так и для покрытия казенных и частных долгов». Горный департамент разрешил продажу при условии не раздроблять посессионное имущество²⁷.

Но уже подготовленная продажа осложнилась тем обстоятельством, что в начале 1871 г. по решению уездного полицейского управления за долги рабочим были распроданы с торгов не только оставшиеся на заводе чугуны и железо, паркет и оконные рамы, но и 290 дес. леса на сруб. Владельцы жаловались на то, что выигравший торги купец Г.Ф. Макаров уже приступил к «беспощадной рубке леса, выводя его из заводской дачи». Эти действия местных властей расценивались ими как «неправильная продажа посессионного имения в раздробительном составе», что не только понижало стоимость предназначенного к продаже имения, но и противоречило закону.

Окружной инженер М.И. Иванов выяснил, что полицейское управление осуществило продажу леса на том основании, что сочло Ханинский завод не посессионным, а владельческим, заручившись в том удостоверением мирового посредника. Последний же полагал, что, отдав безвозмездно усадьбы и луга, а также предоставив мастеровым возможность пользоваться топливом из заводской дачи, владельцы тем самым выполнили условия для «перечисления» завода, который уже и мог считаться владельческим. Не учел мировой посредник лишь того, что утверждение этой операции по тому же закону «предоставлялось распоряжению министра финансов».

Подключившееся к делу Калужское губернское правление поспешило признать вину подведомственной ему полиции, расценив продажу леса как «произвольную и преждевременную» и к тому же лишавшую заводовладельцев свободы в распоряжении находившейся под лесом земель, что при отсутствии судебного определения «составляло нарушение права собственности». Противоположной точки зрения

придерживались покупатель и поддержавший его окружной инженер. Они полагали, что акт продажи леса на сруб не являлся нарушением принципа нераздельности посессионных имуществ, поскольку отчуждалась не земля как недвижимое имущество, а лишь произрастающий на ней лес, считавшийся имуществом движимым. Но, в отличие от инженера М. И. Иванова, купец Г. Ф. Макаров продолжал при этом настаивать на владельческом статусе имения. «Если когда-либо Ханинский завод и именовался по владению людьми посессионным, то перестал быть таковым на основании высочайшего повеления от 9 декабря 1863 г.», — писал он в своем прошении в Горный департамент, опасаясь отмены результатов торгов. Он также акцентировал внимание на том, что совладельцы прежде сами закладывали лес, видимо, считая его своей собственностью, не присутствовали при описи имущества, несмотря на многократные приглашения, а главное — пропустили месячный срок, назначенный для обжалования постановления о публичной продаже.

В такой неоднозначной ситуации чиновники Горного департамента сочли за лучшее не вмешиваться в спор о праве собственности, сославшись на подвернувшийся аргумент об истечении срока для обжалования распоряжения Лихвинского полицейского управления²⁸. Вероятно, это дело послужило для министра финансов поводом официально «перечислить» Ханинский завод в разряд владельческих, поскольку в ходе разбирательства подтвердилось выполнение владельцами условий для этого.

Не удалось с первого раза воспользоваться и возможностью «перечисления» Истинско-Залипяжского завода, располагавшегося в Пронском уезде Рязанской губернии. В июле 1869 г. такую попытку предприняла Администрация по делам разорившегося торгового дома «Дмитрия Баркова сыновья», в ведении которой тогда находилось это предприятие, купленное 25 августа 1860 г. потомственным почетным гражданином Д. Ф. Барковым у С. Д. Полторацкого вместе с двумя игольными фабриками. «При заводе нет ни земель, отведенных казной, ни крестьян, приписанных от казны», — утверждали администраторы. Хотя при Столпянской фабрике числилось 257 ревизских душ крепостных, но все они получили полный надел по уставной грамоте, утвержденной еще 29 октября 1861 г. Администраторы называли Истинско-Залипяжский завод чугунолитейным (т. е. не считали его горным) и полагали, что его следует исключить из разряда посессионных на основании указа от 16 марта 1861 г., касавшегося предприятий фабрично-заводской промышленности.

Однако Департамент торговли и мануфактур, куда обратились вольно или невольно заблуждавшиеся администраторы, не обнаружил в числе подведомственных ему предприятий этот металлургический завод и обратился в Горный департамент, дополнительно сообщив, что игольные фабрики уже признаны владельческими на основании указа от 27 мая 1863 г. Окружной инженер М. И. Иванов пояснил, что Истинско-Залипяжский завод все-таки состоит в горном ведомстве, поскольку по своему профилю является не чугунолитейным, а полноценным чугуноплавильным и железодельным предприятием. За последнее пятилетие на нем выплавлялось в год до 53 692 пуд. чугуна из местных железных руд. В селе Истье, где располагался завод, проживало 737 чел., в числе которых значилось «данных от казны» 430 мастеровых. По сведениям М. И. Иванова, «ни топлива, ни покосов мастеровым не было предоставлено, а все это они приобретали покупкой». Горный совет, рассмотрев эти сведения, 10 июня 1870 г. постановил отказать просителям «по неисполнению в точности установленных правил 9 декабря 1863 г.», относившихся к подобного рода горным заводам²⁹.

Через два года Истинско-Залипяжский завод с фабриками и 419 дес. земли приобрело Общество русского рельсового производства. В соответствии с Уставом, утвержденным 14 октября 1872 г., завод передавался учредителями (они же, видимо, были кредиторами владельцев и членами Администрации) — надворным советником Х. Мейеном, потомственным почетным гражданином и скопинским купцом первой гильдии И. Рыковым, петербургским купцом первой гильдии К. Вахтером и статским советником Е. Бернардом — в собственность Общества «на законном основании»³⁰. Статус завода при этом не уточнялся.

В 1888 г. Общество русского рельсового производства попыталось исключить завод из горного ведомства на том основании, что металлургическое производство там было прекращено в 1885 г. «Остановка заводского действия и невозобновление его в течение трех лет не представляют такого обстоятельства, которое само по себе... может служить достаточным основанием к исключению завода из списка горных, ибо обстоятельство это не доказывает невозможности возобновить плавку чугуна в ближайшем будущем», — отреагировал директор Горного департамента Н. А. Кулибин, поручив окружному инженеру уточнить намерения владельцев. Оказалось, что доменный цех был остановлен на неопределенное время «за недостатком горючего», а рельсопрокатный — окончательно прекратил свое действие, и даже само здание цеха было разобрано, а оборудование распродано. Работы продолжались лишь в нескольких мастерских, где из остатков металлов изготавливались проволочные канаты, чугунные отливки и разного рода механизмы для единственной действующей в то время в имении Коленской игольной фабрики³¹. Вывести завод из горного ведомства тогда не удалось, а у акционерного общества, скорее всего, не нашлось и средств на восстановление полномасштабного производства и своевременную уплату накопившегося казенного долга. В феврале 1891 г. окружной инженер В. В. Яковлев сообщал, что в его ведении находится все еще бездействующий посессионный Истинско-Залипяжский завод, срок дозволенной законом остановки которого уже давно истек³².

Видимо, напоминания горного начальства о необходимости восстановления завода и рассрочка казенного долга на длительный срок подтолкнули акционеров к более решительным действиям, направленным на перемену статуса предприятия с целью облегчения поиска инвестиций. По положению Комитета министров, утвержденному 27 июня 1897 г., Общество русского рельсового производства было переименовано в Общество Истьянских металлургических и механических заводов. В соответствии с Уставом, новое Общество со значительным капиталом в 2 млн руб. золотом было создано для организации выплавки из местной руды чугуна и стали и для производства всякого рода металлических изделий и машин. Там же было зафиксировано, что Истьянскими чугунолитейным и железоделательным заводами Общество владеет на праве собственности, что означало перемену статуса предприятия с посессионного на владельческий, видимо, происшедшую в ходе этой формальной смены владельца³³.

В феврале 1876 г. окружному инженеру М. И. Иванову неожиданно поступила просьба от конторы другого — Богдано-Петровского завода, расположенного в Лихвинском уезде Калужской губернии, «сделать зависящее распоряжение о перечислении завода из посессионных во владельческие и о сложении горной подати на 50 % или о зачислении прежних платежей в счет последующих». К прошению было приложено свидетельство мирового посредника о том, что владелица этого предприятия уже

выполнила требования закона в отношении мастеровых, что давало право на «перечисление».

Прошение вызвало недоумение у М. И. Иванова, поскольку Богдано-Петровский завод, в то время принадлежавший вдове коллежского советника М. А. Величковской (она сдавала завод в аренду купцу Тяпкину), по документам не числился посессионным, располагая 7180 дес. «помещичьей земли». Окружной инженер сообщал в Горный департамент, что со времени своего вступления в эту должность в июле 1865 г., т. е. уже около 11 лет, он считал Богдано-Петровский завод владельческим и что завод «всегда пользовался владельческим правом в отношении платежа податей и никаких лишних денег не переплачивал». Наоборот, докладывал он, за заводом числится небольшая недоимка за 1875 г. На этом основании инженер предполагал «оставить просьбу конторы без последствий». «Из отношения Вашего... видно, что Вы не знакомы с распоряжениями Вашего начальства, а равно... не имеете надлежащего сведения о Богдано-Петровском заводе, — довольно резко ответил поверенный арендатора, — а потому заводоуправление вновь имеет честь просить Вас, милостивый государь, ходатайство завода вместе с отосланным к Вам свидетельством мирового посредника предоставить в Горный департамент, а ежели Вам этого сделать неуютно, то возратить обратно свидетельство, и заводоуправление от себя предоставит в Горный департамент вместе с Вашим отзывом»³⁴.

Тон письма и особенно тот факт, что управление арендатора якобы не представляло, какую платит подать, и настаивало на посессионном статусе завода, заставили окружного инженера вновь обратиться в Горный департамент за разъяснениями. В ноябре 1876 г. оттуда сообщили, что в ходе «разбора прав заводчиков» в 1850 г. действительно предполагалось перечислить Богдано-Петровский завод в разряд посессионных с обложением платежом полуторной подати «по владению им недворянином после 1811 г.», но Государственный совет в 1852 г. все-таки оставил ему прежний владельческий статус, о чем было «объявлено владельцам через заводского исправника». «Горный департамент предлагает Вам сообщить конторе... — советовали из Санкт-Петербурга, — что как сей завод не состоит посессионным и платит с выплавленного металла горную подать, установленную для заводов владельческих, то и не требуется распоряжения о его перечислении». После того как окружной инженер выполнил предписание высшего начальства, заводоуправление более не поднимало вопроса о «перечислении»³⁵.

В этом деле обращает на себя внимание, конечно, декларируемая неосведомленность не столько дамы-владелицы, сколько арендатора по поводу статуса предприятия и размера горной подати. Возможно, это была ошибка или уловка предпринимателя, задолжавшего казне горную подать. Основанием для такого предположения служит то, что, ходатайствуя о «перечислении», он ссылаясь не на мнение Государственного совета от 9 декабря 1863 г., а на более ранний указ от 3 декабря 1862 г., который требовал от заводчиков тех же социальных мер, но не для перемены статуса завода, а для получения трехлетней льготы в размере 75% по «попудной подати» за чугун и 50% — по «оборочной подати». В свое время Богдано-Петровский завод не воспользовался этой льготой. Оказавшись в трудной ситуации, арендатор, видимо, решил таким путем поправить свое положение, но не разобрался основательно в довольно путаном законодательстве, с чем столкнулись тогда же и уральские заводчики.

Следующим по времени стало дело о «перечислении» Дугненского завода, располагавшегося в Калужском уезде. В апреле 1882 г. его владелец полковник Е. А. Погожев

сообщил министру государственных имуществ о том, что его предприятие в свое время получило посессионный статус лишь по причине принадлежности «лицу купеческого звания, не имевшего права владеть крепостными людьми», а вещественных пособий совсем не имело. Владелец соглашался «предоставить усадебную оседлость мастерам в их собственность безвозмездно», тем более что, как он писал, «заводские крестьяне и мастера с самого начала введения уставных грамот были мною избавлены от уплаты назначенного оброка именно в виду улучшения их быта». Однако предусмотренную на случай «перечисления» льготу в обеспечении населения топливом он предоставить не мог, поскольку не имел лично ему принадлежавших лесов при заводе. Взамен этого полковник предлагал передать мастерам в бесплатное пользование выгонную и луговую землю на шесть лет³⁶.

Это обстоятельство, осложнявшее принятие административного решения, побудило министра государственных имуществ обратиться в Государственный совет, который только и мог вынести определение по случаю, не предусмотренному действующим законодательством. Подготовленные для этого материалы свидетельствовали о том, что мастера Дугненского завода пользовались земельным наделом в размере 90 дес., включая усадьбы, заливные луга по берегам Оки и выгоны для скота, а также имели мельницу, приносящую до 50 руб. годового дохода, и «издельный заработок» на заводе от 2 до 8 руб. в неделю. В то время там действовали две доменные печи и в среднем выплавлялось до 116 тыс. пуд. чугуна в год. Кроме того, заводовладелец платил за мастеровых все подати и отказался от положенного ему оброка. «В настоящее время, пока завод в ходу, — констатировали чиновники Горного департамента, сославшись на мнение Калужского губернского по крестьянским делам присутствия, — быт мастеровых можно считать обеспеченным, а предоставленное владельцем обеспечение достаточным для перечисления Дугненского завода в разряд владельческих».

После санкции Государственного совета 25 ноября 1883 г. было утверждено положение об особых условиях «перечисления» этого предприятия, видимо, в общих чертах совпадавших с предложениями владельца. Об их выполнении Е. А. Погожев заявил в ноябре 1888 г., а в августе следующего года Калужское губернское присутствие признало дугненских мастеровых «состоящими на праве владельческом» с 23 июня 1889 г. С этого же дня Горный департамент в октябре 1890 г. признал и сам завод утратившим посессионный статус³⁷.

Крайне запутанной оказалась история «перечисления» Бытошевского завода, располагавшегося в Брянском уезде Орловской губернии. Основанный Мосоловыми, он в первой половине XIX в. перешел во владение купцов Мельниковых и в начале XX в. принадлежал представителю третьего поколения рода — потомственному почетному гражданину В. К. Мельникову.

В апреле 1909 г. владелец подал министру торговли и промышленности прошение, в котором утверждал, что завод «никогда никакими пособиями в землях, лесах или людях от правительства не пользовался». И хотя во времена крепостного права мастера приобретались его дедом и отцом «исключительно на свои средства», завод был включен в состав посессионных «как один из тех, владельцы коих получили дозволение владеть заводом и при оном крепостными людьми, не имея прав дворянства». После издания закона 9 декабря 1863 г. его отец не успел воспользоваться возможностью «перечисления» из-за проблем, возникших при землеустройстве местных мастеровых. Этот «сложный и спорный вопрос», вызывавший, по словам владельца,

«коренное разногласие и разные колебания среди правительственных установлений, различно решавшийся и затем перерешавшийся Орловским губернским присутствием и министерствами внутренних дел и финансов», получил «твердое разъяснение» только в начале XX в. Сенат в 1903 г. и 1906 г. признал, что на Бытошевский завод, который, видимо, переживал нелегкие времена, должен распространяться указ от 3 декабря 1862 г. В соответствии с ним, мастеровые, оставшиеся без работы, получали право на высший размер надела.

Мировое соглашение между заводовладельцем и мастеровыми было подписано в 1908 г. По словам заводчика, они получили дополнительно 3116 дес., «по своему качеству представлявшие громадную ценность благодаря включению строевых лесов и заливных лугов, а по местности же своего расположения являвшиеся в высшей степени удобными для мастеровых по непосредственному и равномерному примыканию отведенных земель каждого сельского общества к усадебным постройкам». «Для обеспечения материального быта мастеровых мною за свой счет сделано во много раз больше, чем сколько требуется законом 9 декабря 1863 г., — полагал заводчик. — При таких условиях, имея в виду, что формальное нахождение завода в числе посессионных сопровождается серьезными ограничениями права собственности заводовладельца и тяжелым стеснением промышленной его деятельности, следует признать, что дальнейшее формальное причисление Бытошевского завода к разряду посессионных представлялось бы незаконным, неосновательным и весьма несправедливым». В новом письменном заявлении, датированном декабрем 1909 г., В. К. Мельников пояснил, что отведенный мастеровым лес обеспечивает их топливом не только на шесть лет, как требовал закон, он предоставляет им «всегдашнее обеспечение». Тем не менее, чтобы ускорить ход дела, заводчик согласился, если потребуется, в течение оговоренного срока дополнительно выдавать лесные материалы мастеровым из оставшихся в его владении лесных участков³⁸.

Министерство финансов, от которого требовалось согласие на сделку, заявило, что «перечисление» может осуществиться «не прежде, как по выяснению, получили ли крестьяне данные крепости на усадебные земли, при каковом условии эти земли только и могут почитаться укрепленными за ними в собственность, и вступили ли в законную силу уставные грамоты». При этом, дополняли чиновники, «предварительно должна быть также отобрана от владельца подписка о согласии его подчиниться требованию в отношении обеспечения мастеровых топливом в случае признания его обязательным местным губернским начальством». Сам министр финансов В. Н. Коковцов еще более усложнил ситуацию, «изволив присовокупить, что разрешение выкупной ссуды за предоставленные бывшим мастеровым Бытошевского завода земли... может последовать не прежде, чем сам завод будет перечислен в разряд владельческих», поскольку на земельные наделы, предоставленные мастеровым посессионных заводов по закону 3 декабря 1862 г., не распространялось действие ни Положения о выкупе от 19 февраля 1861 г., ни Положения об обязательном выкупе от 28 декабря 1881 г.

Таким образом, изменение посессионного статуса завода не могло состояться прежде получения мастеровыми «данных грамот» на предоставленные им земли. Но эти акты заводчик, «разделявший обладание землей с казною», не был правомочен оформлять, пока оставался посессионером. Более того, условием подписания грамот по закону являлся переход мастеровых на выкуп и сопряженное с этим получение заводчиком выкупной ссуды, которая могла быть утверждена властями только после того, как завод приобрел владельческий статус. На сложившуюся правовую коллизию обратил

внимание министр торговли и промышленности С. И. Тимашев в сентябре 1910 г. «Я нахожу... необходимость скорейшего осуществления проектируемого перечисления Бытошевского завода», — писал он, полагая представить столь неоднозначное дело на заключение Совета министров³⁹.

К рассмотрению запутанного вопроса Совет министров обратился в январе — феврале 1911 г. Министры склонились все-таки к возможности «перечислить» завод при условии обеспечения мастеровых топливом, если это сочтет необходимым «местное губернское начальство», и «выдачи крестьянам данных крепостей на уступленные земли немедленно по воследовании разрешения на выкупную ссуду». В утвержденном Николаем II 24 февраля 1911 г. положении Совета министров было записано, что С. И. Тимашев «нашел возможным ныне же осуществить предоставленное ему... право и перечислить Бытошевский посессионный чугуноплавильный завод... в разряд владельческих»⁴⁰. На это решение его, очевидно, подтолкнуло желание ускорить окончание столь долго тянувшегося дела о землеустройстве населения.

В мае 1911 г. было получено постановление Орловского губернского по крестьянским делам присутствия, в котором раскрывались некоторые подробности этого землеустройства. «По полюбовному соглашению 15 мая 1908 г. с заводовладельцем Мельниковым мастеровые получили в надел земли, более чем наполовину покрытые частью дровяным и частью имеющим громадную ценность строевым лесом, в общей сложности доходностью не менее как на 1 млн руб., — сообщалось в постановлении. — По донесению земского начальника, в первые же три года после наделения... мастеровые свели ценные строевые леса и в их пользовании в настоящее время имеется лишь дровяное насаждение на тех же площадях, которое при разумной эксплуатации достанет не менее как на 20 лет». Ввиду этого губернские чиновники полагали, что дополнительного обеспечения топливом со стороны заводовладельца не требовалось, но необходимо было «подчинить данные Мельниковым леса действию лесоохранительного закона» во избежание «скорого его истребления мастеровыми»⁴¹.

Не до конца проясненным остается статус Авгорского (в источниках встречается также название Авгарский, Авгурский) чугуноплавильного завода, составлявшего в середине XIX в. единый производственный комплекс с Сивинским железодельным заводом. Основанные купцами Миляковыми в Краснослободском уезде Пензенской губернии, эти предприятия перешли по наследству во владение купцов Манухиных и в 1860-е гг. принадлежали представителю второго поколения этого рода — инженер-штабс-капитану А. Н. Манухину. Желание совершенствовать и развивать заводы и получать большую прибыль для уплаты долга по залогоу имения в Санкт-Петербургской сохранный казне заставило владельца в 1869 г. дополнительно сделать частный заем в 50 тыс. руб. у своей жены Е. Д. Манухиной⁴².

Видимо, это не помогло поправить положение заводов, и в ноябре 1871 г. владелец просил Горный департамент разрешить ему продать их на посессионном праве владимирскому купцу Н. Л. Философову и муромскому купцу Н. В. Зворыкину⁴³. Хотя разрешение было получено, эта сделка не состоялась. Через шесть лет, в декабре 1877 г., А. Н. Манухин вновь подал прошение о продаже своего горнозаводского имения, на этот раз — краснослободским купцам второй гильдии И. Д. Голову и Н. А. Баженову. Именно им по купчей крепости, утвержденной в марте 1878 г., перешли Авгорский и Сивинский металлургические заводы, а также находившийся в селении Сивинь винокурный завод⁴⁴.

По свидетельству новых владельцев, в 1888 г. был остановлен Авгорский завод, а вслед за ним — и Сивинский железодельательный. Купцы пожелали сосредоточиться на развитии винокурения и в 1891 г. просили у пензенского нотариуса дать им залоговое свидетельство для получения рассрочки по акцизу на вино. Однако нотариуса насторожил посессионный статус имения, поскольку в этом случае для выдачи залогового свидетельства требовалось разрешение Горного департамента. Купцам, не сталкивавшимся прежде с какими-либо проявлениями посессионного права, пришлось обращаться в Департамент за разъяснениями. «Просим, — ходатайствовали они, — выслать удостоверение, что железодельательный завод и само имение при селе Сивинь освобождены от условий посессионного владения и состоят на праве частного владения, а если еще не освобождены, то известить, что со стороны Горного департамента не имеется препятствий на выдачу залогового свидетельства»⁴⁵.

Разрешение заводчики получили вместе с «побуждением» к возобновлению металлургического производства по причине того, что истек разрешенный трехлетний срок остановки горных заводов, чего они, по всей видимости, никак не предполагали. В том же 1891 г. купцы подали прошение о разделе их общего имения. Директор Горного департамента К. А. Скальковский не возражал против уже свершившегося превращения Сивинского завода в винокуренный, но лишь при условии, что при Авгорском заводе, который все еще значился чугуноплавильным, «останется достаточное для постоянно его действия количество лесов и земель».

Раздел между совладельцами задержался в связи с кончиной Н. А. Баженова и переходом прав на половину общего имения его наследникам — вдове А. Ф. Баженовой и сыновьям Александру, Владимиру и Алексею. В сентябре 1892 г. они подали прошение, в котором заявили о передаче всего имения купцу И. Д. Голову. Поскольку раздробление посессионных заводов такой формой «раздела» не предусматривалось, Горный департамент легко согласился на эту сделку.

В 1895 г. бывшее горнозаводское имение все еще значилось посессионным. Тогда И. Д. Голову потребовалось открыть кредит в Пензенском отделении Государственного банка, как он утверждал, «для развития деятельности на винокуренном заводе в имении при деревне Сивинь и чугуноплавильном заводе в имении при деревне Авгор... а также для увеличения оборотного капитала на ведение сельского хозяйства в этих имениях»⁴⁶. Видимо, получив кредит, владелец сумел частично восстановить деятельность Авгорского завода. Так, из отчета окружного инженера за 1905 г. следует, что на этом предприятии, принадлежавшем тогда купцу Н. И. Голову (очевидно, сыну И. Д. Голова), было выплавлено 9506 пуд. литого чугуна⁴⁷. Статус имения при этом в источнике не указывался. Вероятно, авгорская посессия сохранилась до 1917 г.

Владельцы трех бездействующих в начале 1860-х гг. посессионных горных заводов Замосковского края — Кирицкого, Рябкинского и Виндреевского — добивались от властей не столько «перечисления» этих предприятий в разряд владельческих, сколько признания их ликвидированными и исключенными из горного ведомства с прекращением взыскания «оброчной подати», которая собиралась с доменных печей, даже если они не действовали.

С 1831 г. поводом к этому для замосковских заводчиков могло стать разрешенное властями репрофилирование их металлургических предприятий «в другие фабрики и мануфактуры, не требующие истребления лесов», в случае, если они «заведут подобные заводы в Южном крае»⁴⁸. Никто из них, однако, на такое вложение капиталов

не решился, хотя многие обзаводились в своих горнозаводских имениях винокуренными, стекольными и другими предприятиями. Основным мотивом для закрытия горных заводов становилось исчерпание природных ресурсов, в первую очередь руды.

Именно под этим предлогом еще в 1857 г. решился просить о ликвидации Кирицкого чугуноплавильного завода, расположенного в Спасском уезде Рязанской губернии, его владелец надворный советник К. Н. Смольянинов. Завод достался ему в 1855 г. вместе с купленными у наследников основателя — купца Боленса — имением и зеркальной фабрикой. Совет Корпуса горных инженеров, куда на экспертизу было направлено ходатайство владельца, «принимая во внимание физическую невозможность продолжать действие завода... нашел справедливым не обязывать Смольянинова платежом горной подати». Но Сенат в 1859 г. уточнил, что ходатайство владельца «может быть удовлетворено не прежде, как по совершенному закрытию завода и по учинению постановления о том, куда должны поступить люди, к оному приписанные»⁴⁹.

Владельцу, видимо, уже после издания закона 9 ноября 1863 г. удалось доказать, что крепостные мастеровые обеспечены работой на зеркальной фабрике, и получить разрешение на «перечисление» Кирицкого завода в разряд владельческих. Это, в свою очередь, предопределило решение Московского горного правления исключить завод «из числа оброчных статей» и освободить владельца от платежа горной подати еще до упразднения этого органа в 1865 г.⁵⁰

Подобная же ситуация сложилась на Рябкинском посессионном заводе отставного штабс-капитана Д. С. Селезнева. Он приобрел этот чугуноплавильный завод, расположенный в Краснослободском уезде Пензенской губернии, 18 июля 1852 г. у наследниц И. М. Ярцова — Е. И. Николаевой и О. И. Берг (они же владели Шайтанским посессионным округом на Урале). Еще в 1851 г. владелицы просили горные власти о закрытии завода и переводе мастеровых в казну из-за нерентабельности производства, вызванной «убогостью» руд и дороговизной древесного топлива. Новый владелец тоже не собирался развивать металлургическое производство: покупая завод, он рассчитывал на то, что власти удовлетворят прошение его предшественниц. Но ему пришлось вновь обращаться к министру финансов с тем же предложением. «Владея заводом в продолжение восьми лет, — писал Д. С. Селезнев в апреле 1861 г., — я со своей стороны убедился, что за совершенным истощением... материалов и с задачей с торгов купцу Сорокину казенных приисков, из которых добывалась руда, Рябкинский завод поставлен в совершенную невозможность продолжать свое действие». В 1860 г., когда завод выплавил всего 9762 пуда чугуна, производство остановилось. Закрытие завода и переселение мастеровых на казенные земли владелец счел «единственно возможным исходом, который мог бы оградить заводчика от дальнейших совершенно напрасных и разорительных расходов и по возможности облегчить в будущем устройство быта заводских людей»⁵¹.

Московское горное правление, куда прежде обращался штабс-капитан, согласилось с его просьбой, помогло в 1862 г. переселить 605 (из 695) ревизских душ бывших мастеровых в Самарскую губернию и обратилось в Горный департамент с предложением о закрытии Рябкинского завода. Ответ оттуда поступил уже после издания мнения Государственного совета от 9 декабря 1863 г. с разъяснением, что Д. С. Селезнев может распорядиться своим заводом «во всем пространстве прав полной собственности», если предприятие будет «перечислено» в разряд владельческих после выполнения сопряженных с этим обязательств по отношению к оставшимся при заводе мастеровым. В 1865 г. бывшие мастеровые получили предусмотренные на этот случай льготы,

но «перечисление» было отложено до выдачи им «данных грамот» на усадьбы. Когда же в октябре 1867 г. и это условие было выполнено, оказалось, что на заводе накопилась недоимка по «оброчной подати». Владелец просил об освобождении его от этого платежа, сообщив, что завод уже не существует и что возобновлять его работу он не намерен. Рассмотрев просьбу, Горный совет рекомендовал «поступить с Рябкинским заводом так же, как указано было... в отношении к Кирицкому заводу Смольянинова». Министр финансов так и сделал: 28 марта 1868 г. он исключил завод из числа горных и списал с владельца податную недоимку⁵².

Затянувшаяся история «перечисления» Виндреевского посессионного завода особенно ярко характеризует бюрократическую подоплеку данной операции. Это предприятие, расположенное в Спасском уезде Тамбовской губернии, было основано тульскими купцами Баташовыми на земле ясачных крестьян и пользовалось лесной дачей, которая в 1820 г. была «отобрана в казну». Это привело к спаду производства на заводе, принадлежавшем тогда мещанке Очкиной (урожденной Баташовой), к его остановке в 1823 г. и разорению мастеровых (1060 ревизских душ), не имевших земельных угодий. Сложившееся положение побудило министра финансов 19 ноября 1824 г. обратиться в Сенат с предложением выставить завод на публичные торги с обязательством покупателя либо восстановить его, либо учредить вместо него «какую-либо фабрику с припиской к оной горнозаводских людей и с платежом в казну ежегодно горной подати 2804 руб. ассигнациями», что составляло среднюю величину подати за последнее десятилетие работы завода.

Сенат 31 июля 1825 г. утвердил это решение, но его реализация по разным причинам откладывалась. Между тем муж умершей владелицы обратился к Николаю I с просьбой об отсрочке торгов до предполагавшегося расчета его с военным ведомством по поставке провианта: полученными деньгами мещанин Очкин намеревался покрыть все казенные и частные взыскания по заводу. Сенат «уважил» это ходатайство в 1836 г., но в 1840 г. выяснилось, что Очкину «никаких денег от казны не причитается». Вслед за этим Сенат 20 января 1841 г. определил «подвергнуть Виндреевский завод публичной продаже на прежде определенных основаниях». После четырех провалившихся торгов имение все-таки было куплено в январе 1859 г. генерал-майором А. Н. Ераковым.

Еще до «переторжки» А. Н. Ераков просил освободить его от условий покупки, «предоставив ему устроить в имении то, что найдет себе выгодным». Но под угрозой отмены результатов торгов генералу пришлось согласиться на все условия. Когда же новый владелец, видимо, прежде не бывавший на заводе, приехал туда в декабре 1861 г., он «ни завода, ни строений, к оному принадлежавших, ни самих материалов в действительности не нашел, плотина была прорвана, пруд спущен, так что завод существовал по одному только названию». «Такая громадная разница в сведениях о состоянии завода с тем положением, в каком он ныне находится, — жаловался А. Н. Ераков, — может быть объяснена только неудачами 30-летней продажи имений Очкиной». Он сообщал о том, что намеревался построить в имении винокуренный завод, но при этом отказывался от платежа установленной горной подати, просил исключить Виндреевский завод из числа горных и переселить бывших крепостных мастеровых на казенные земли «для устройства их быта»⁵³.

По аналогии с решениями по Кирицкому и Рябкинскому заводам, члены Совета Корпуса горных инженеров в 1863 г. постановили, что ходатайство А. Н. Еракова

о «сложении» горной подати может быть удовлетворено лишь после исключения Виндреевского завода из числа посессионных «с обязательством обеспечения заводских людей». Но это последнее мероприятие затянулось на 13 лет. Первоначально мастера-вым предложили 2236 дес. земли, находившихся на расстоянии более 15 верст от поселения, причем проезд к наделам через казенный лес был запрещен «для предотвращения самовольных порубок». Люди отказались от этих земель и просили о замене их другими. Лишь в 1876 г. они составили «приговор», согласившись принять всего 1225 дес., но из близлежащей Виндреевской дачи. На согласования ушло еще несколько лет. Наконец в марте 1882 г. Горный департамент получил уведомление от тамбовских властей о завершении «устройства быта» всех бывших мастеровых.

Тогда же было возобновлено приостановленное 19 лет назад дело о «перечислении» Виндреевского завода. Но на пути принятия такого решения встал вопрос о недоимке «оброчной подати», начислявшейся все эти годы и достигшей 18 тыс. руб. Запрошенный по этому вопросу юрисконсульт Министерства государственных имуществ усомнился в правомерности требования уплаты подати, сочтя, что А. Н. Еракову «было продано то, чего в действительности вовсе не было», и что он своевременно заявил об этом горному начальству.

Директор Горного департамента Г. Л. Грасгоф 8 марта 1882 г. подписал заключение, в котором была приведена довольно любопытная аргументация принятого им решения о списании с владельца податной недоимки: «В объявлении о продаже завода он значился совершенно разрушенным, тогда как в действительности... он вовсе не существовал». В такой ситуации директор счел, что «едва ли казна имеет юридическое право требовать за какой бы то ни было период времени... исполнения таких обязанностей, как восстановление горнозаводского дела или замещение оногo другим фабричным производством, кои, очевидно, находились в прямой зависимости от существования хотя бы и совершенно разрушенного завода». Подтвердительный указ Сената последовал 10 августа 1884 г. вместе с разрешением исключить Виндреевский завод из числа действующих горных предприятий. Произошло это по прошествии 60 лет со времени его остановки⁵⁴.

Сибирские заводы Поповых

Еще 18 ноября 1833 г. семипалатинскому купцу С. И. Попову было дано разрешение на землях «сибирских киргизов во внешних округах Омской области» искать и разрабатывать «руды всякого рода, не исключая и благородных, перевозить для извлечения из них металлов... беспошлинно во внутренние округа Западной Сибири, где учреждено им будет серебropлавильное или другое заведение». В дополнительном положении Сибирского комитета от 3 ноября 1835 г. отмечалось, что земли для рудных разработок и заводов он обязан был приобретать «не иначе как по добровольному согласию и по заключенным условиям с самими киргизами, коим сии земли принадлежат, и при том с ведома и согласия непосредственных властей сих киргизов». Таким образом, он мог владеть землями лишь на посессионном праве и ему не дозволялось покупать их в полную собственность, т. к. «сие последнее право несовместно с существом Учреждения о сибирских киргизах». Другие предприниматели тоже получали возможность заниматься горным промыслом на этих землях, «кроме права на устройство завода и на отвод к нему земли и лесов», дарованного пока одному С. И. Попову⁵⁵. На коротколенных у киргизов землях им были пушены серебро-свинцово-медные

заводы: в 1844 г. — Благодато-Стефановский (Кувский), в 1849 г. — Александровский, действовавшие на каменном угле открытых там же месторождений.

После кончины С. И. Попова в 1853 г. его дело продолжили сыновья Александр (участник заседаний Горной комиссии) и Николай, которые построили еще несколько заводов на киргизских землях. Как свидетельствуют специалисты, предприятия Поповых были маломощными и, как правило, закрывались по истечении 20-летнего льготного срока «в платеже горных податей»⁵⁶. Посессионный статус заводов в такой ситуации не имел большого значения. Но если льготный период истекал, а завод мог еще продолжать действовать, то размер горной подати становился значимым фактором развития, особенно в условиях недостатка финансов у заводладельцев. Возможно, именно они инициировали в 1886 г. пересмотр прежних решений о статусе своих сибирских предприятий. В июне того года министр государственных имуществ М. Н. Островский предложил «частные горные заводы, устроенные в Киргизской степи на окоротомленных у киргизов землях, перечислить по отношению к размеру горных податей в разряд владельческих». Соответствующее решение Комитета министров последовало 30 июня 1886 г.

Однако один из заводов Поповых — Степановский медеплавильный — не соответствовал этим условиям. Он был основан вдали от остальных предприятий, на территории Тарского уезда Тобольской губернии, и должен был работать на древесном топливе. По просьбе А. С. Попова в 1864 г. генерал-губернатор Западной Сибири разрешил отвести к будущему заводу лесной участок «в дачах казенных лесов Бобровских и Кустакских», основываясь на уже упоминавшемся решении Сибирского комитета от 3 ноября 1835 г. Комментируя ситуацию, Горный департамент отметил, что безвозмездные отводы лесов к частным заводам были запрещены 18 марта 1863 г. Тем не менее, 1 января 1868 г. Степановский завод был пущен якобы «с отводом к нему лесного участка» и с «причислением» к заводам Поповых, располагавшимся в «киргизской степи», на том основании, что завод «проплавлял» руды, которые добывались в тех местах.

После кончины Н. С. Попова его брат А. С. Попов и сын-наследник С. Н. Попов в июне 1873 г. совершили раздел имущества, в соответствии с которым Степановский завод перешел во владение последнего. Когда в 1888 г. закончился льготный период, встал вопрос о начислении податей. В соответствии с ранее принятыми решениями местное горное начальство постановило «внести завод в разряд владельческих для взимания с выплавленной меди подати по 50 коп. с пуда». Однако вскоре выяснилось, что завод был остановлен еще в 1871 г., а в 1877 г. имевший крупные долги перед казной С. Н. Попов получил разрешение передать на 90 лет свои права «на принадлежавшие ему по договорам с киргизами горнозаводские в Киргизской степи рудники и заводы» французскому обществу «Национальный банк»⁵⁷. В такой ситуации был поднят вопрос уже не о статусе завода, а об отчуждении в казну отведенной к нему лесной дачи. Когда же в сентябре 1892 г. Управление государственными имуществами в Западной Сибири провело порученный ему поиск документов, ни сведений об условиях, на которых был произведен отвод, ни самого договора с Поповыми обнаружить не удалось. Сохранились лишь документы Тобольской казенной палаты, из которых стало ясно, что дело об отводе было «зарешено» еще в 1877 г. в связи с закрытием завода, а казенные леса так и не были «окончательно предоставлены Попову»⁵⁸. Таким образом, отсутствовали основания как для отчуждения лесной дачи, так и для «перечисления» Степановского завода.

Частные попытки отмены посессионного статуса заводов

Посессионеры, которые не могли рассчитывать на «перечисление» своих заводов, предпринимали самостоятельные шаги по их переводу в разряд владельческих. Из известных нам случаев отметим подобную попытку владельца Нижнетагильского округа П. П. Демидова. Не дожидаясь результатов работы Горной комиссии, он в 1865 г. подал Александру II прошение, в котором обосновывал необходимость признания своих владельческих прав на заводские земли и их недра опасением, что они станут объектом притязаний «посторонних горнопромышленников». Проявившееся в Комиссии намерение открыть широкий доступ в посессионные дачи частным предпринимателям испугало тогда многих заводчиков. Ранее, признавался П. П. Демидов, такой возможности у «посторонних промышленников» не было, поскольку они «должны были действовать в среде рабочих рук, состоявших в распоряжении заводоладельцев, но с прекращением крепостного права... они непременно вторгнутся в посессионные дачи даже только для того, чтобы помешать делу и получить отступное». Это, по его мнению, неизбежно должно было привести к дроблению округа «на множество отдельных мелких владений к ущербу не только горному делу в России, но и казне, ибо результаты деятельности мелких промышленников никогда не дадут казне того дохода, какой получается теперь от больших горных посессионных заводов».

Сочтя, что такое опасение явно преувеличено, и полагая, что «исключительное освобождение Нижнетагильских заводов послужило бы справедливым основанием к подаче ходатайств других посессионных владельцев», чиновники Горного департамента рекомендовали прошение отклонить. В официальном ответе отказ был мотивирован указанием на разработку в Горной комиссии «соображений об отмене посессионного владения горнозаводскими имениями вообще», на основании которых впоследствии и могло состояться изменение статуса демидовского округа⁵⁹.

Такая же реакция последовала и на прошение Главного правления Алапаевских заводов наследников С. С. Яковлева, когда в 1875 г. оно обратилось к министру государственных имуществ П. А. Валуеву. В то время дело о ликвидации посессий было отложено до разработки «мер к обеспечению быта приписанного к горным заводам населения». В такой неопределенной ситуации владельцы Алапаевского округа попытались заключить с властью «особые условия, на которых мог бы состояться выкуп Алапаевских заводов из посессии». Общее собрание собственников поручило тогда членам Главного правления графу Н. Ф. Орлову-Денисову, В. Н. Рукавишникову и Н. Н. Манзею «войти в сношение с правительством», убедив его в том, что в своем имении они уже передали мастеровым участки «без обложения оброком». «Вопрос этот общий и не может быть разрешен в отношении к тому или другому имению в отдельности», — заключил директор Горного департамента Ф. И. Раселли⁶⁰. Такой решительный настрой властей надолго прервал попытки посессионеров без особых оснований обращаться с просьбами об изменении статуса заводов в индивидуальном порядке.

Но после почти 30-летнего перерыва, в течение которого посессионная проблема «в общем порядке» так и не была решена, заводчики вернулись к прежней тактике. Сразу несколько просьб от крупнейших посессионеров было подано в 1904 г., во время разразившегося тогда острого экономического кризиса, от которого особенно сильно страдали посессионные заводы. Кроме того, посессионерам стало известно, что в высших инстанциях уже не исключалась возможность индивидуального подхода к выкупу посессий для тех округов, где сложились особые условия. В этой связи Главное правление

имениями наследников П. П. Демидова заявило о понесенных убытках. «Необходимость переустройства, которым только и можно достигнуть удешевление производства при столь сильно пониженных ныне конкуренцией южных заводов ценах на железо, — уверяли члены правления, — вызывала необходимость свободы действий, не выжидая разрешения общего вопроса о посессионном праве». Одна из главных причин, затруднявших «правильное решение» этого вопроса, заключалась, по их убеждению, в том, что «установление общих оснований, которые одинаково подходили бы для всех посессионных заводов, представляется делом крайне трудным и могущим потребовать значительного еще времени». Правление просило, чтобы «вопрос был ныне же решен по отношению к Нижнетагильскому округу», и со своей стороны предлагало «произвести выкуп посессии за определенную сумму... в текущем же году» с обязательным условием закончить наделение землей мастеровых⁶¹.

Более конкретные предложения сделало тогда же Главное правление имениями наследников Н. А. Стенбок-Фермор, владельцев Верх-Исетских заводов. «Обоюдоневыгодный порядок вещей», сложившийся для владельцев и казны в рамках посессионного права, в столь тяжелое для заводов время кризиса, по словам членов правления графа А. А. Стенбок-Фермора, князя П. Б. Щербатова и В. Н. Безобразова, «грозил разорением и безработицей и... становился прямо-таки убийственным». Они предложили казне особый расчет выкупной суммы за посессионные леса, который исходил из «общей выручки, какую сама казна, как владелец, могла бы извлекать от эксплуатации полного лесного прироста, оставшегося в распоряжении заводов». Просители указали, что из 702 тыс. дес., составлявших территорию Верх-Исетского округа, в надел населению отводилось 326 648 дес., а 118 075 дес. земли признавалось неудобными. Остаток в 257 277 дес. леса они и предлагали выкупить за 233 740 руб. из расчета ежегодной «выручки казны» от горной подати (11 687 руб.), капитализированной из 5%. Члены правления обращали внимание министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова на то, что им приходилось нести еще и крупные расходы по землеустройству населения⁶².

Оба эти ходатайства вновь остались без удовлетворения. Из ответов Горного департамента следует, что причиной отказа стало положение Нижнетагильского и Верх-Исетского округов, которое не признавалось столь же критическим, как, например, положение Холуницких или Невьянских заводов (напомним, что в 1904–1905 гг. на особых министерских совещаниях обсуждался вопрос о выкупе холуницкой и невянской посессий). По отношению же к Нижнетагильским и Верх-Исетским заводам чиновники «не усмотрели никаких оснований... к принятию экстренных мер»; более того, они вновь опасались, что «удовлетворение ходатайства... лишь повредит делу успешного разрешения теоретически общего вопроса о выкупе посессий»⁶³. Тем не менее, эти действия заводчиков, свидетельствовавшие об обострении посессионной проблемы, сыграли свою роль: они подтолкнули власти к новому рассмотрению вопроса в Особом межведомственном совещании под руководством А. А. Штофа.

Уже во время работы Особого совещания, в марте 1906 г., с подобной же просьбой обратился к Николаю II совладелец Сысертских заводов егермейстер Д. П. Соломирский. Недостаток оборотных средств, констатировал он, вызывал необходимость «привлечь к финансированию заводов участие русских и иностранных капиталистов», которые «опасались вкладывать свои средства, пока существует посессионное право». Он ходатайствовал о «государевом повелении зачислить в ближайшее по возможности

время Сысертский горнозаводский округ в разряд владельческих с выкупом по справедливой оценке». А. А. Штоф, временно управлявший тогда Министерством торговли и промышленности, докладывал Николаю II, что в период работы Особого совещания «выделение дела о Сысертских заводах казалось бы неудобным», тем более что оно «не вызывалось какими-либо особыми условиями современного положения сих заводов»⁶⁴. Отметим, что посессионный статус не помешал владельцам этого округа в 1912 г. продать его акционерному обществу с участием английского капитала.

По всей видимости, последняя попытка ликвидации посессий в индивидуальном порядке и по инициативе владельцев была предпринята наследниками Д. Е. Бенардаки, владельцами Кажимского горнозаводского округа. Судьба заводов Д. Е. Бенардаки во второй половине XIX в. сложилась весьма драматично. Крупнейший в России винный откупщик в 1830–1850-е гг. приобрел три горнозаводских округа на Урале (владельческий Троицкий, посессионные Авзяно-Петровский и Кирсинско-Кажимский) и даже пытался получить лесной отвод для организации масштабного металлургического производства в Вологодской губернии. Отмена винных откупов в 1862 г. привела к банкротству откупщика, который оказался должником казны. Расплата по долгам по повелению императора была осуществлена в основном за счет уральских имений предпринимателя. В 1866 г. Кирсинский и Песковский заводы, составлявшие самостоятельный металлургический комплекс, были переданы казне «в уплату недоимки по откупам Восточной Сибири» за условную сумму в 500 тыс. руб. Это был единственный в истории XIX в. случай перехода уральских частных заводов в собственность казны. Как уже упоминалось, в 1879 г. эти, как их стали называть, Вятские заводы были проданы Пастуховым в собственность и составили единое хозяйство с уже принадлежавшим им посессионным Омутнинским округом. Также в 1860-е гг. государству за 920 тыс. руб. были переданы земельные дачи Троицких заводов и нескольких других имений Д. Е. Бенардаки, тоже зачтенные в счет долга откупщика. Закрытые из-за потери лесов Троицкие заводы не возобновили больше своей работы. Авзяно-Петровские заводы в 1875 г., а Кажимские — в 1880 г. (уже после перехода владения наследникам Д. Е. Бенардаки) поступили в опекуновское управление. Первые, как упоминалось выше, были переведены в разряд владельческих по закону 1863 г. и позже проданы Комаровскому акционерному обществу; вторые так и остались в составе посессионных имений наследников.

До 1912 г. владельцы не предпринимали никаких действий для изменения статуса своих заводов. Но, судя по поданному тогда прошению министру торговли и промышленности, намеревались сделать это еще в 1896 г., когда было упразднено учрежденное над ними попечительство. Однако препятствием к тому оказалось незавершенное землеустройство населения округа. В 1911 г. оно было окончено, и вскоре Главная контора наследников возбудила ходатайство о «перечислении» в надежде таким путем повысить ценность имения, которое они задумали продать. Основанием для этого послужило убеждение в том, что единственной причиной зачисления Кажимских заводов в разряд посессионных стало их недолгое нахождение до покупки Д. Е. Бенардаки в руках купца А. И. Маликова.

В Горном департаменте было заведено дело, заключение по которому Д. П. Коновалов поручил сделать члену Горного совета В. А. Удинцеву. Тот счел мотивы владельцев недостаточными для изменения статуса заводов, поскольку они не включали главного доказательства — установления владельческих прав на приграничные к заводам

земли. Изучив сложную историю этих предприятий, которые неоднократно переходили из рук в руки, В. А. Удинцев выяснил, что к одному из заводов округа — Ньючимскому чугуноплавильному — были отведены земли «из государственных порожних дач». Это и дало основание заключить, что «завод считается посессионным не только потому, что Маликов не был дворянином... а по приграничению казенных земель». «Перечисление не соответствует интересам казны и не оправдывается законом», — таков был вполне прогнозируемый вердикт эксперта, положенный в основу министерского решения⁶⁵.

Однако в начале 1914 г. от наследников Д. Е. Бенардаки, видимо желавших поможь будущему владельцу избавиться от посессионного статуса имения (в это время ими уже была заключена сделка с В. А. Бутлеровым), поступили «новые доказательства», из которых следовало, что Ньючимский завод был построен в дачах черносошных крестьян без всякого пособия от казны, а планировавшийся в конце XVIII в. отвод казенных лесов на 60-летнее «заводское действие» не состоялся. Горный департамент счел эти основания достаточными для того, чтобы признать «окончательно установленным факт отсутствия у завода пособия от казны в землях и лесах, несмотря на высказанные профессором Удинцевым сомнения... полагая, что завод числится посессионным лишь потому, что с 1848 по 1858 г. принадлежал с состоявшими при нем на посессионном праве крепостными людьми лицу недворянского состояния». Однако такому решению воспротивились члены Горного совета. К В. А. Удинцеву присоединился тогда С. С. Абамелек-Лазарев. Вместе они обратили внимание на отсутствие «бесспорных, основанных на документах доказательств того факта, что все входящие в округу Ньючимского завода земли и леса приобретены владельцами сего завода в полную собственность», а косвенные указания, встречающиеся в некоторых актах, представлялись им «отчасти недостаточно убедительными, отчасти же им могли быть противопоставлены указы, свидетельствующие о противном». Сомнительным показалось и длительное бездействие самих заводчиков. «Не ясно, — удивлялись члены Горного совета, — почему до настоящего времени владельцы не только не протестовали... против признания земель и лесов сего завода данными от казны, но даже сами заявляли в категорическом виде о наличии у завода посессии в землях и лесах, проявив странную неосведомленность в столь, казалось бы, важном для всякого хозяина вопросе, как объем и характер прав принадлежавшего ему завода на входящее в его округу земельное имущество». «Возможность ошибки в этом отношении, конечно, не может быть безусловно отрицаема, хотя и представляется маловероятной», — полагали они.

По этому поводу Главная контора наследников Д. Е. Бенардаки сообщала, что в отдаленные времена «как администрация, так и сами владельцы привилегированного состояния мало придавали значения разнице в терминологии и, приобретая заводы покупкою, по крепостным актам, за огромные, в особенности по тому времени, суммы наличных денег, тем более вполне сознательно считали таковые заводы принадлежавшими на праве полной собственности. Ввиду этого и родитель нынешних владельцев Д. Е. Бенардаки... бесспорно считал заводы... своею собственностью, оплачивал вообще всякие требовавшиеся с него подати и как с посессионного заводчика, и как с владельческого». Эти наивные аргументы, конечно, не были приняты в расчет, и 27 марта 1914 г. товарищ министра торговли и промышленности Д. П. Коновалов утвердил мнение Горного совета «оставить ходатайство Главной конторы без удовлетворения»⁶⁶.

Изменение статуса заводов в ходе продаж

Суксунский округ

Несколько уральских горнозаводских округов утратило свой посессионный статус при организации публичных торгов. Это коснулось в основном тех заводов, которые в тяжелый для уральской горнозаводской промышленности период начала 1860-х гг. оказались на грани банкротства и были взяты в казенное управление. Именно их рекомендовал продать в первую очередь или вернуть владельцам В. П. Безобразов в своем отчете о поездке на Урал, составленном для Податной комиссии. Из них в управлении казны надолго остались три округа — Суксунский, Мосоловский и Кнауфский. Однако это управление оказалось малоэффективным, следствием чего и стало решение об отмене их посессионного статуса «в исключительном порядке на основании особых высочайших повелений».

Суксунский посессионный округ, принадлежавший одной из ветвей рода Демидовых, с 1848 г. из-за долгов владельцев находился в 12-летнем владении первой в истории уральской горнозаводской промышленности акционерной компании «Товарищество Суксунских горных заводов»⁶⁷. После ее банкротства и отказа Демидовых ввиду отсутствия средств выкупить акции (как того требовал устав Товарищества) заводы по высочайшему повелению от 31 мая 1863 г. были взяты в казенное управление «с назначением к продаже с публичных торгов на удовлетворение казенных и частных долгов». Вскоре управляющий от казны полковник И. А. Соваж официально принял заводы. По его словам, бывшие демидовские предприятия находились в таком «растроенном положении», что, «несмотря на значительное со стороны правительства денежное пособие... не приносили никаких доходов», а потому не были в состоянии погашать казенные долги. В такой ситуации задачей нового управления становилось лишь поддержание заводов до их продажи, в результате чего только и можно было вернуть казенные ссуды.

К середине 1863 г. из восьми заводов округа уже был остановлен железодельный Шакинский, на грани закрытия находились Суксунский, Бымовский и Ашпский заводы. Вскоре и их деятельность была свернута, но в 1864 г. вновь возобновлена на Ашпском и Бымовском медеплавильных заводах на один год «для выполнения условий указа от 3 декабря 1862 г. о мерах обеспечения горнозаводского населения». Управляющий полагал, что «уведомление о закрытии действия» следовало сделать и по отношению к Уткинскому, Молебскому, Тисовскому и Камбарскому заводам «ввиду убыточности производства». В условиях, когда казна отказалась от субсидирования заводов и оказывала лишь минимальную поддержку только ради «предоставления народонаселению средств к существованию», он не видел возможности «продолжать действие» заводов Суксунского округа без убытка.

Важнейшими общими причинами убыточности производства И. А. Соваж счел «неблагоприятные естественные условия заводского округа вследствие разбросанности заводов, взаимной их зависимости и раздробленности в управлении, чрез что значительно увеличивались общие и накладные расходы». Сыграла свою роль и дороговизна магнитных руд, поставлявшихся из отдаленного Высокотского месторождения. Вследствие удаленности куреней и «непомерно высоких плат, требуемых рабочими», очень дорого обходился заводам и древесный уголь. Все это отражалось на высокой себестоимости чугуна и железа. Из-за отсутствия оборотного капитала тяжелым

бременем ложились на заводы податные и залоговые обязательства, выплаты по которым достигали 50 тыс. руб. в год. В результате каждый заводский год заканчивался с растущими убытками, а не погашавшиеся вследствие этого долги только увеличивались⁶⁸. Кроме того, формально заводы должны были рассчитаться примерно со 120 индивидуальными и корпоративными пайщиками обанкротившегося Товарищества Суксунских горных заводов (в число которых входили люди с такими громкими именами, как К. В. Нессельроде, А. Л. Штиглиц, Дж. Ротшильд, Д. Е. Бенардаки и др.)⁶⁹.

В 1865 г. часть крупных пайщиков напомнили о себе, обратившись к Александру II с просьбой принять заводы в казну «с выдачею взамен оных выкупных свидетельств» на 875 тыс. руб. серебром, остававшихся, по их подсчетам, от рыночной стоимости заводов (2,3 млн руб.) за вычетом всех казенных долгов. «Если принять в уважение, что с 1 мая 1857 по 1 мая 1858 г. на сих заводах выделано 14 447 пуд. меди и 387 860 пуд. железа и что есть надежда на проведение через Пермскую губернию железной дороги для удобства передвижения металлов и местных продуктов, — убеждали пайщики, — то для казны предвидится со временем огромный доход от означенных заводов».

Однако министр финансов М. Х. Рейтерн не дал согласия на не такое уж привлекательное, на его взгляд, предложение просителей. «Ввиду огромного долга и нахождения в упадке... а также по состоянию в казенном управлении и назначении в продажу с публичных торгов, ваше ходатайство не может быть удовлетворено за совершенной ненужностью заводов сих казне, имеющей и без того значительное число собственных горных заводов», — таково было окончательное резюме власти по делу об обанкротившемся Товариществе Суксунских горных заводов⁷⁰.

Но и казенное управление находилось в сложной ситуации. В условиях бездоходности имения необходимо было либо проводить коренную модернизацию всего заводского комплекса, либо как можно скорее продать заводы. Первый путь требовал значительных капиталовложений, на что казна не решалась, поскольку формально не владела заводами, а лишь управляла ими. Более приемлемой и вытекавшей из сути казенного управления являлась продажа имения, но она откладывалась первоначально в связи со сложностями оценки восьми заводов, затянувшейся на долгие годы. Лишь к концу 1860-х гг. совместными усилиями горных и гражданских властей удалось составить описи имущества⁷¹. Первые публичные торги, на которые было выставлено Суксунское имение, состоялись в 1870 г., но они не привлекли покупателей. Основные причины этого крылись в масштабах хозяйства, в сложной производственной структуре округа и в его посессионном статусе.

Еще в 1867 г. Министерство финансов обратилось в Уральское горное правление с запросом о возможности раздела округа на части «на тот случай, если продажа в целом составе всего имения признана будет затруднительной». Управляющий И. А. Соваж тогда же представил свои замечания. Он считал, что «железные» заводы округа могут составить либо один, либо два «участка». В первом случае между ними сохранились бы прежние производственные связи; во втором — потребовалась бы их перестройка и раздел общего участка Высокогорского рудника. В первый «участок» могли войти Молебский чугуноплавильный, Суксунский и Тисовский переделные заводы, находившиеся на реке Сосьве и имевшие удобное водное сообщение. Уткинский чугуноплавильный завод был связан по рекам Чусовой и Каме с железодельным Камбарским, несмотря на то что по суше их разделяли 600 верст. Шаквинский завод, прежде переделывавший в сорта железо Тисовского и Суксунского заводов, уже

не принимался в расчет по причине закрытия и перехода бывших мастеровых на оброк. Наконец, Бымовский и Ашапский медеплавильные заводы так же, как и «железные», могли составить либо один, либо два «участка» в зависимости от того, сохранялись между ними прежние производственные связи (черновая «бымовская» медь очищалась в Ашапском заводе) или же они разрывались, и каждый завод превращался в самостоятельное предприятие с законченным производственным циклом. Итак, заключал И. А. Соваж, округ мог быть разделен на несколько «участков», «основываясь на различии в производствах Суксунских заводов, на взаимных их отношениях и других местных условиях»⁷².

В 1869 г. Министерство финансов организовало комиссию из горных инженеров и лесничих «для исследования на месте способов к успешной продаже частных заводов, находившихся вследствие неблагоприятно сложившихся обстоятельств в казенном управлении и обремененных казенными и частными долгами в размере, далеко превышающем стоимость самих заводов». Среди них были и Суксунские заводы, отчет о положении которых был опубликован в «Горном журнале». Их состояние, по мнению комиссии, давало «ясное понятие о том, что при настоящем положении заводов, в особенности при том способе продажи, который до сего времени практиковался над ними, казна... никогда не будет в состоянии продать Суксунские заводы со всевозможными льготами и рассрочками платежей», более того, «едва ли найдутся покупатели, пожелавшие приобрести их совсем за бесценок»⁷³.

О состоянии Суксунского округа в 1873 г. свидетельствует записка управления соседних Верх-Исетских заводов. «Даже и без указанной выше статьи, — констатировал автор, — каждый живущий на Урале и хотя сколько-нибудь интересующийся местной горной промышленностью знает, что уже много лет Суксунские заводы почти только по названию можно считать горными заводами в буквальном значении этого слова, что под именем Суксунского округа следует разуметь местность, густозаселенную бывшими мастеровыми и государственными крестьянами, причем как те, так и другие занимаются хлебопашеством, извозом, ремеслами и всякими отхожими промыслами, но только не работами на заводах, в которых обращается самая ничтожная часть местного населения». Даже при наступившем благоприятном состоянии рынка металлов, прогнозировал автор записки, Суксунские заводы «никогда не поправятся, что они, взятые вместе как одно неделимое целое, останутся навсегда горными заводами по одному только названию, и чем более будет употреблено усилий для того, чтобы поддержать за ними значение горных заводов, тем результаты будут плачевнее».

Только Уткинский чугуноплавильный завод, по его мнению, был перспективен в плане дальнейшего развития, имея «рудники, леса и вполне достаточные заводские сооружения». Остальные семь заводов «оставались горными только по названию»: Бымовский и Ашапский медеплавильные — «вовсе не имели руд»; Молебский чугуноплавильный — был «весьма беден рудниками»; Шаквинский железодельный — был возведен «не на месте, и постройка его оправдывалась только крепостным трудом»; Суксунский со вспомогательным Тисовским и Камбарский железодельные заводы были «окружены преимущественно пришлым населением», которое занималось выгодными кустарными промыслами или работами на пристани «при набивке хлеба и погрузке его». Кроме того, здания и сооружения всех этих заводов были «крайне ветхи, а на некоторых — даже вовсе разрушились», причем везде «чувствовался и недостаток

в лесном материале». Такое техническое состояние заводов приводило к тому, что «доход с одного Уткинского и отчасти Камбарского заводов поглощался убытками в остальных заводах... весь без остатка», более того, «даже образовывался хронический дефицит, увеличивающийся ежегодно и без того огромный долг на округе». «Конечно, при затрате капитала еще можно возобновить заводские фабрики, можно построить новые сооружения и машины, можно, наконец, возвышенной заработной платой снова привлечь рабочие руки, — полагал автор записки, — но нельзя добыть руды из истощенного рудника, нельзя добыть горючий материал из заводской дачи с разоренными лесами. В этом отношении капитал бессилен, и поэтому положение вышепоименованных семи заводов никогда не поправимо».

Единственным выходом представлялась «раздробительная» продажа округа, при организации которой заводы, имевшие «горнозаводское будущее», были бы отделены от остальных и продавались как «действительно горнозаводские имения», а заводы, утратившие это качество, переводились бы в разряд «имений хлебопахотных» и продавались по ценам, основанным «на выгодах, которые можно извлечь из их земельных угодий и леса». Однако такая продажа противоречила базовому принципу нераздельности, накрепко связавшему посессионные заводы с предоставленными им «казенными пособиями в землях, лесах и рудах». Но закон позволял в отдельных случаях «из общей массы заводов выделять один и более заводов, но только таких, кои могут продолжать свое действие, независимо от прочих, и без которых остальные из разделяемых заводов совершенно обойтись в состоянии». Опираясь на эту статью Горного устава, автор записки находил вполне возможным выделить из состава Суксунского округа Уткинский завод с его лесной дачей и продать его как можно скорее, тем более что Верх-Исетское заводууправление, оказывается, имело виды на это предприятие, граничившее с дачами Верх-Исетского округа. В 1873 г. оно ходатайствовало перед правительством о скорейшей продаже Уткинского завода, как писал автор, «продаже взаимно полезной и в то же время совершенно неизбежной для окончательного разрешения вопроса о Суксунском округе». По более позднему свидетельству, это предложение было отклонено, поскольку продажа «была обусловлена совокупностью всех Суксунских заводов»⁷⁴.

Правительство в течение 10 лет так и не смогло решиться на «раздробительную» продажу, предпочитая объявлять новые торги в ожидании покупателя всего округа. Безрезультатными оказались даже попытки распродажи имущества остановленных заводов, «несмотря на двукратные публикации о том в губернских Ведомостях». Удостоверившись наконец в бесперспективности этого пути, власти решились реализовать идею раздела округа. Основанием для этого стал Проект условий для продажи состоящих в казенном управлении горнозаводских имений, высочайше одобренный 1 июля 1883 г. В соответствии с этим актом, три состоявших тогда в долгосрочном казенном управлении округа «разделялись на самостоятельные в хозяйственном отношении части и продавались с публичных торгов частями в полную собственность лиц, кои пожелают оные приобрести, без обязательства производить добычу руд и плавку... металлов». Торги предполагалось вести «от суммы казенного долга, падающего на каждую предлагаемую в продажу часть имения». Разделение имений и казенных долгов на части предоставлялось компетенции министра финансов и министра государственных имуществ «по взаимному соглашению». Были установлены и льготы по платежу «покупной суммы», рассроченному на 37 лет⁷⁵.

В соответствии с этим Проектом, через два года была образована межведомственная комиссия для раздела Суксунского округа. В нее вошли управляющий заводами статский советник А. П. Кавадеров, горный инженер коллежский советник В. В. Воронцов и старший ревизор Пермской контрольной палаты надворный советник Заволжский. Комиссия должна была приступить к работе в мае 1885 г. и завершить свою деятельность к осени, «чтобы к продаже имения в Санкт-Петербургской сохранной казне могло быть приступлено в начале будущего 1886 г.». На первом заседании, состоявшемся 10 июля, были сформулированы главные задачи комиссии — «разделить Суксунское имение на самостоятельные в хозяйственном отношении участки, доступные по ценности своей возможно большему числу покупателей», и определить «относительную стоимость сих участков», составив подробные описи каждого из них.

Оперативно проведя 13 заседаний, уже 1 августа 1885 г. комиссия предложила правительству предварительный вариант раздела. «На основании свидетельств, собранных комиссией лично на месте и доставленных заводууправлением», было предложено продать в 1886 г. «как имения горнозаводские» Молебский чугуноплавильный завод и его лесную дачу, Уткинский чугуноплавильный с Камбарским железодельным заводом и отдельную дачу сгоревшего в 1869 г. и так и не восстановленного Ашапского медеплавильного завода. Остальные части имения — Суксунский, Тисовский, Шаквинский железодельные заводы и Бымовский медеплавильный — предполагалось продать «как имения лесные или сельскохозяйственные», поскольку, как было записано в отчете, «они не имели горнозаводской будущности и не могли существовать самостоятельно». Комиссия предлагала разделить их дачи на мелкие участки и провести торги в Перми, чтобы привлечь «главнейших покупателей этих участков в лице крестьян и крестьянских обществ, отыскивающих вообще вследствие экономических условий новые уголки для применения своего земледельческого труда». Все имение было оценено комиссией в 2 090 765 руб. Тогда же, видимо, были скорректированы льготные условия продажи. Из суммы продажи предлагалось вычесть капитализированный оброк и лесной налог за надел, переданный заводскому населению, и выкупную сумму по деревням Поздянке и Старковой (сделки были совершены соответственно в 1874 и 1877 гг.). Из оставшейся суммы покупателю разрешалось заплатить наличными деньгами $\frac{1}{4}$ часть, но при этом он должен был оплатить все земские и казенные недоимки, а также расходы на деятельность комиссии. Погашение остальной суммы рассрочивалось на 24 года «из 5 % интереса и $2\frac{1}{4}$ % погашения»⁷⁶.

Выводы комиссии вызвали неоднозначные отклики. Утверждалось, например, что «почтенный и солидный труд оценочной комиссии дает богатый материал для группировки предложенных участков в каком угодно виде». Тем не менее, Горный департамент одобрил этот проект, уточнив лишь, что продажа Камбарского, Суксунского и Тисовского заводов может последовать только после их остановки, о чем необходимо было заблаговременно известить рабочих. С этой целью Министерство государственных имуществ приказало немедленно «сделать надлежащее распоряжение о предварении... относительно предполагаемого закрытия в 1887 г. действия сих трех заводов». Правда, в документе оговаривалось, что такое предварение «не отнимало у заводчика (т. е. у казны как «временного владельца». — *Е. Н.*) права оставить сие намерение без исполнения по изменившимся обстоятельствам»⁷⁷.

Между тем, пока обсуждались и принимались непростые решения о судьбе Суксунских заводов (вследствие чего оттягивались назначенные на начало 1886 г. торги),

они, по оценке управляющего, «не имея заказов на железо и чугун... пришли к такому истощению денежных средств, что дальнейшее продолжение действия оказалось положительно невозможным и закрытие их стало вопросом времени»⁷⁸. Положение Суксунских заводов становилось отчаянным. В этот самый момент было получено известие о продаже всего округа.

В роли долгожданного покупателя выступил титулярный советник А. П. Демидов — старший сын умершего еще в 1858 г. бывшего владельца П. Г. Демидова. Видимо, к идее возвращения родового имения его подтолкнуло решительное намерение казны выставить Суксунский округ на публичные торги в 1886 г. на льготных условиях 1883 г. или по частям. До 1885 г. он никак не проявлял своего намерения, но ввиду реальности продажи имения решил вступить в борьбу за заводы. С этой целью им был предложен иной вариант решения «суксунской проблемы». Начиная с февраля 1885 г. он подал несколько прошений в Горный департамент и министру государственных имуществ, в которых просил «выслушать его предложения об уплате казенных долгов и войти с ним в соглашение, не прибегая к продаже с аукциона». По тому, что он хотел узнать общую сумму заводских долгов и «ту, которая будет безусловно исключена» из этой суммы на основании проекта 1883 г., суть предложений А. П. Демидова становится вполне ясной: он намеревался воспользоваться льготными условиями продажи заводов за сумму казенных долгов, но без торгов.

Юридическим основанием для этого А. П. Демидов считал свое наследственное право владения Суксунскими заводами, статус которых в то время действительно был не вполне определенным. Сам А. П. Демидов и его стряпчий В. Н. Мамонтов уверяли власти в том, что в 1848 г. предприятия поступили не во владение Товарищества Суксунских горных заводов, а в срочное 12-летнее пользование. По истечении «арендного срока» в 1860 г. оно не совершило никаких юридических актов на владение и в 1863 г. добровольно передало заводы в казенное управление, в результате чего «течение приобретательной давности для Товарищества прекратилось и более до сего времени не возобновлялось». «Следовательно, — резюмировали просители, — Товарищество Суксунских заводов права собственности не приобретало, а Демидовы не лишались по этой причине собственности на заводы». «По прошествии арендного срока Товарищество не пожелало приобрести означенные заводы в собственность и до сих пор как от прежних владельцев, так и после смерти их от меня, единственного их наследника, заводов этих совершением купчей крепости не приобретало, — писал А. П. Демидов министру М. Н. Островскому, — а потому я прошу Ваше высокопревосходительство считать эти заводы принадлежащими мне, а не Товариществу Суксунских заводов, которое в течение 25 лет уже не проявляет своего существования».

В. Н. Мамонтов, в свою очередь, пытался убедить министра государственных имуществ в том, что «заводы не могут быть проданы как неизвестно кому принадлежащие». «Если бы такие торги и состоялись, — полагал он, — то они не могли бы иметь никаких последствий, покупатель не получит на них никакой крепости, и результатом их будет лишь бесполезный крупный процесс с казною; то же самое будет и в том случае, если заводы будут продавать как принадлежащие Товариществу, которое по крепостным книгам и документам не значитесь собственником их и не имеет судебного решения о признании за ним права собственности на заводы по давности и самое существование коего сомнительно, т. к. оно с 1863 г. ничем не проявилось и даже... не значитесь в числе торговых учреждений... Удовлетворение же ходатайства моего доверителя для него

весьма существенно, т. к. при условии признания за ним права собственности он мог бы уплатить казенные недоимки разного рода, за которые заводы назначены в продажу, и, освободив их от казенного управления, заняться деятельною эксплуатацией их»⁷⁹.

Ввиду важности дела оно было передано на заключение юрисконсульту Максиму и в Министерство финансов, поскольку продажа проводилась по распоряжению подведомственной ему Санкт-Петербургской сохранной казны. Юрисконсульт все-таки признал имение «принадлежащим Суксунскому товариществу», а Министерство финансов вообще сочло вопрос о владельцах несущественным. «Долги Санкт-Петербургской сохранной казне и Государственному казначейству состоят не на владельцах Суксунского округа, а на самом округе, — сообщалось в отзыве Министерства финансов, — а посему... взыскание казенных долгов обращено непосредственно на самый округ, причем продажа округа имеет быть произведена на основании высочайше утвержденных 1 июля 1883 г. правил». Получив эти заключения, Горный департамент в феврале 1886 г. отказал просителю. Там сочли законным рассматривать настоящее казенное управление преемником прав Товарищества Суксунских заводов, а не Демидовых, которые, как и Товарищество, «в течение более 20 лет... никакого отношения к заводам не имели». А. П. Демидову рекомендовали либо идти в суд, либо, «если желает, явиться на торгах соискателем продаваемого имущества», для чего не было никакой надобности предварительно признавать его собственником этого имущества. Просителю не преминули также напомнить о том, что он может «простираť свои права собственности» только на два завода — Камбарский и Шаквинский, поскольку остальные шесть заводов Суксунского округа состояли на посессионном праве⁸⁰.

«Но с кем судиться? — вопрошал А. П. Демидов в личном письме М. Н. Островскому. — Никто моих прав не оспаривает, ответчика нет, да суд и не может отменить мнение Комитета министров, высочайше утвержденное. Остается один путь выйти из созданного многими годами лабиринта — вызвать меня к соглашению об уплате долга казне и испросить высочайшего повеления передать мне заводы, не доводя до продажи». Доказывая свое право, он вновь утверждал, что «никто не может указать, чтобы Товарищество с 1848 г. владело заводами на праве собственности хотя бы минуту, а с 1863 г. никто не может указать даже существования Товарищества, а между тем призрак этот в течение почти года мешает приступить к соглашению между правительством и мною для покупки заводов». Решение «продать заводы участками, разбив их на мелкие крестьянские хозяйства», он счел бесперспективным «ввиду того, что за отграничением крестьянских наделов от тех же имений население не нуждалось более ни в лесах, ни в землях». «Неполучение ответа, — предупреждал он, — несомненно, может парализовать мое намерение погасить лежащие на заводах долги казне, ибо еще сегодня готовые на это дело капиталы не могут оставаться неопределенное время не помещенными в другое дело»⁸¹.

Министр государственных имуществ вынес дело на обсуждение Соединенного присутствия Совета Министерства и Горного совета, которое 31 августа 1886 г. утвердило прежнее «мнение» Горного департамента. Вероятнее всего, высшие чины были уверены в том, что А. П. Демидов, несмотря на его уверения, не располагает необходимыми для возмещения долгов денежными средствами. По имеющимся в их распоряжении сведениям, казенный долг Суксунских заводов составлял около 3,4 млн руб. (на 1 января 1885 г. долг по займу 1852 г. — 1 186 180 руб., включая проценты за просрочку — 344 833 руб.; по ссудам Государственного казначейства, выданным с 1848

по 1884 г., — 2070708 руб., включая проценты за просрочку — 239622 руб.; недоимки по земским сборам — 116168 руб.)⁸². Даже по льготным условиям 1883 г. сумма продажи должна была составить не менее 2370 тыс. руб. Ожидать от одного покупателя (даже носящего знаковую фамилию Демидов) внесения такой огромной суммы казалось совершенно нереальным. Но, очевидно, в Министерстве государственных имуществ многого не учли.

Как оказалось, в тот же день, когда Соединенное присутствие подтвердило прежнее «мнение» Горного департамента, Александр III утвердил положение Комитета министров о продаже Суксунских заводов А. П. Демидову без торгов на льготных условиях 1883 г. Изменив свое прежнее намерение, Министерство финансов 13 сентября 1886 г. предписало Санкт-Петербургской сохранной казне продать А. П. Демидову заложенное имение всего за 1,5 млн руб. Казенные долги, не покрываемые «покупной суммой», подлежали «сложению со счетов». В соответствии с правилами 1883 г., из суммы продажи вычитались 571159 руб. капитализированного оброка и 25651 руб. выкупной ссуды по двум деревням. Из оставшихся 903190 руб. определялась $\frac{1}{4}$ часть (225797 руб.), к которой прибавлялись расходы на комиссию (2015 руб.), земские и государственные сборы (соответственно 155736 руб. и 311 руб.). В итоге сумма, которую А. П. Демидов должен был единовременно внести в казну, составила всего 383860 руб. Остальные 519330 руб. были рассрочены на 24 года с наложением на имение «запрещения» совершать какие-либо сделки. Владелец брал обязательство вносить платежи по долгу «исправно и своевременно», в противном случае имение у него «отбиралось» и вновь назначалось в публичную продажу.

После того как А. П. Демидов оплатил сделку, в Санкт-Петербурге 3 декабря 1886 г. была подписана «данная» на Суксунские заводы. По смыслу положения Комитета министров восемь заводов с рудниками (площадь имения составляла около 475 тыс. дес.) переходило А. П. Демидову «на праве полной собственности»⁸³. Эта формулировка означала, что Суксунский округ утрачивал свой посессионный статус и становился владельческим в полном составе.

Можно предположить, что в этом деле А. П. Демидову помогли его высокие родственные связи. Напомним о том, что его мать была дочерью когда-то всесильного графа А. Х. Бенкендорфа. После смерти мужа П. Г. Демидова она в 1859 г. вышла замуж за князя С. В. Кочубея, сына председателя Государственного совета и Комитета министров. Женой самого А. П. Демидова была племянница председателя Департамента государственной экономии Государственного совета А. А. Абазы (правда, ко времени совершения сделки супруги уже находились в разводе). Двоюродный брат Н. П. Демидов в 1873 г. унаследовал громкий титул и фамилию светлейших князей Лопухиных. Ему же перешло и богатейшее майоратное имение Лопухиных Корсунь в Киевской губернии. Граф В. Н. Ламздорф вспоминал о том, что, когда в 1895 г. это имение было доведено до разорения, жена Н. П. Лопухина-Демидова, урожденная Столыпина, выхлопотала через императрицу-мать списание огромного долга мужа перед правительством. По этому поводу будущий министр иностранных дел замечал, что «Его величество нередко проявляет безмерную щедрость»⁸⁴. Этот случай государственной помощи Демидовым был, как видим, не первым в истории рода.

Таким образом, бывшее посессионное Суксунское имение Демидовых вернулось к ним уже как частновладельческое. Однако в этом статусе оно просуществовало недолго. Как оказалось, А. П. Демидов предпринял свои довольно рискованные шаги

в расчете на ссуду в 1 млн руб., которую он намеревался получить в Нижегородско-Самарском земельном банке под залог купленного имения. Известно, что в счет этого залога банкирской конторой Г. О. Гинцбурга были переведены 373 623 руб. Государственному казначейству и 200 908 руб. Санкт-Петербургской сохранной казне. «С уплатой Демидовым состоящих на имени казенных долгов он, Демидов, становится полноправным владельцем Суксунского имения», — сообщалось в предписании Горного департамента. Передача заводов состоялась 11 августа 1887 г., когда А. П. Демидов вступил во владение и управление Суксунским округом, где к этому времени фактически бездействовали все заложенные предприятия⁸⁵.

В такой ситуации, требовавшей значительных ассигнований на возобновление производства, на ускорение его технической модернизации, вялотекущей в условиях 23-летнего казенного управления, а также на более рациональную организацию всего хозяйственного комплекса, остатка банковской ссуды хватило ненадолго. Хотя уже осенью 1887 г. возобновилась работа на Уткинском и Молебском заводах (по одной домне), после чего были пущены Суксунский и Камбарский железодельные заводы, производительность округа к 1890 г. не поднималась выше 165 тыс. пуд. чугуна и 50 тыс. пуд. железа в год и была крайне нестабильной⁸⁶. Возникли также серьезные проблемы социального характера, связанные с трудоустройством населения закрытых или сокративших производство заводов.

В условиях сохранявшейся убыточности предприятий демидовское управление изыскивало любые средства для пополнения кассы, используя, в частности, новый — владельческий — статус округа. Известно, что в 1889 г. оно заключило «лесорубный договор» с яранским купцом И. Л. Бердниковым. В некоторых заводских дачах самим управлением была организована промышленная вырубка леса на продажу. Довольно оригинально осуществлялось финансирование Камбарского завода: проживавшие там «более или менее состоятельные личности» (купцы Кондюрин, Волков, Вавилов и др.) приняли на свой счет покупку чугуна и железного лома и даже «выдавали заводууправлению авансом деньги, из коих производились все вообще сопряженные с переработкой этих материалов в железо расходы». Они же затем «через посредство местных рабочих кустарей перерабатывали его в различные изделия, преимущественно в экипажи, и сбывали последние на ближайших ярмарках»⁸⁷.

Арендный договор на Бымовский завод был заключен с почетным гражданином В. А. Хлудовым 11 декабря 1889 г. С того времени единственное оставшееся в структуре Суксунского округа медеплавильное предприятие возобновило свое действие, но в гораздо меньшем, чем прежде, масштабе (в 1890 г. был выплавлен всего 341 пуд). В аренду были переданы также мукомольные мельницы на речке Юркан (крестьянину Рогожникову) и у плотины Тисовского завода (мастеровой девице Черноголовой)⁸⁸.

После первой закладной владелец получил в том же банке дополнительную ссуду в 300 тыс. руб., а также брал частные ссуды. В 1888 г. был совершен более выгодный «перезалог» части имения в Ярославско-Костромском банке. Однако уже в 1889–1890 гг. А. П. Демидов не сумел вовремя расплатиться с кредиторами. Закономерным следствием этого стало признание его «несостоятельным должником» по определению Московского окружного суда от 25 апреля 1890 г. Конкурсное управление было открыто в Москве 5 мая того же года с передачей ему заводского имущества должника. Председателем управления был избран присяжный поверенный С. А. Муромцев, будущий лидер партии кадетов и председатель I Государственной думы. Целью конкурса была

«ликвидация дел несостоятельного должника Демидова в возможно краткий срок». Без промедления новое управление приступило к продаже того, что еще имело рыночную ценность и могло возместить вложенные кредиторами деньги. За основу было принято давнее решение казны продавать имение по частям, для чего уже не было препятствий ввиду его владельческого статуса⁸⁹.

Первым из Суксунского имения вышел Бымовский завод, находившийся в аренде. Его покупателем выступил сам арендатор В. А. Хлудов, принадлежавший к знаменитому роду московских текстильных магнатов. По решению общего собрания кредиторов от 17 июля 1890 г. завод с дачей площадью 491 дес. достался ему всего за 15 тыс. руб. Купчая крепость была подписана С. А. Муромцевым и В. А. Хлудовым в Москве 9 августа того же года⁹⁰.

Собрание кредиторов, состоявшееся 29 ноября 1890 г., санкционировало продажу другого предприятия — крупнейшего в Суксунском округе и наиболее перспективного Уткинского чугуноплавильного завода. В декабре слух о его продаже достиг Верх-Исетского заводоуправления, давно уже приглядывавшегося к нему. Поскольку со времени первого ходатайства о покупке прошло почти 17 лет, заводоуправление запросило у конкурса новые сведения о состоянии завода. Но 17 декабря управляющий Верх-Исетского округа А. И. Роджер получил известие о том, что Уткинский завод, вероятно, уже продан⁹¹. Купчая крепость была подписана 24 декабря 1890 г. в Санкт-Петербурге куратором конкурсного управления присяжным поверенным Н. Л. Ясинским и коллежским ассессором Н. Н. Анцыферовым, выступавшим от лица покупателя — отставного капитана второго ранга графа С. А. Строганова, владельца Пермского майората. Вместе с заводом и 65 870 дес. земли ему переходили участки Высокогорского и Шишимского рудников. Сумма сделки составляла 735 тыс. руб. серебром, из которых 391 263 руб. переводились на С. А. Строганова в виде долга Нижегородско-Самарскому банку. Кроме того, граф выплачивал банку 31 693 руб. на погашение недоимки текущего года. Остальные 312 044 руб. частями поступили в распоряжение конкурса⁹².

10 октября 1891 г. состоялось «окончательное» собрание кредиторов, которое предоставило кураторам конкурсного управления право заключать сделки и на другие предприятия округа. В соответствии с этим решением через год состоялась следующая крупная продажа — Камбарского железодельного завода.

Еще летом 1892 г. сами мастеровые обратились в Горный департамент с прошением взять завод в аренду при условии предоставления казенной ссуды. Это предложение было сделано ими по причине того, сообщал расследовавший дело окружной инженер Н. П. Коженков, «что жизнь почти половины населения завода находилась в тесной зависимости от действия последнего». После того как этот завод поступил в конкурсное управление, его производительность уменьшилась с 37 тыс. до 10 тыс. пуд., что повлекло за собой резкое сокращение штата рабочих с 1130 до 300 чел. По подсчетам окружного инженера, еще 340 чел. занимались кустарными промыслами, связанными с заводским производством. Остальные 490 работников вынуждены были «приступить к истреблению и сбыту на пристани поступившего им в надел, но еще окончательно не утвержденного за ними леса, а когда последнего уже не стало, то начали заниматься другими работами, а именно сплавом лесных произведений... и отхожими промыслами на ближайšie уральские горные заводы». Если бы «действие завода» прекратилось полностью, то большая часть его населения уже вряд ли бы нашла работу. Мастеровые, уверял Н. П. Коженков, «до сих пор еще не приступили к обработке предоставленных

им за оброк земельных участков» по причине «незнакомства населения с этой отраслью промышленности, неимения на это денежных средств и неудовлетворительного размежевания пахотных участков между всеми членами камбарского сельского общества».

Но у рабочих оказался более серьезный конкурент. Купец Г. С. Кондюрин тогда же заявил о своем намерении купить или взять в аренду Камбарский завод. На оба предложения об аренде конкурсное управление ответило отказом. Оно «обязано по закону ликвидировать дела несостоятельного должника Демидова в возможно краткий срок... почему и вынуждено отказать... — объяснял окружной инженер, — т. к. не считало себя вправе обременять завод каким-либо долгосрочным арендным договором, существование которого послужило бы препятствием к его продаже», т. е. главной цели конкурса. На предложение же купца о покупке завода последовало согласие⁹³.

В Москве 22 декабря 1892 г. была подписана купчая крепость между куратором конкурсного управления Ф. М. Енько-Даровским и бирским купцом Г. С. Кондюриным. Камбарский завод с дачей площадью 6131 дес., «со всеми лесами, водами, строениями... и с движимостью, составляющей необходимую принадлежность заводским строениям», достались купцу за 65 тыс. руб., включая лежавшую на заводе часть банковской ссуды в размере около 30 тыс. руб.⁹⁴

Вскоре была заключена купчая крепость и на оставшиеся заводы Суксунского округа. Тот же уполномоченный конкурса Ф. М. Енько-Даровский 19 февраля 1893 г. продал промышленный комплекс Молебского, Суксунского и Тисовского заводов крупным пермским пароходчикам братьям Каменским. Три предприятия с 15 652 дес. земли ушли за 325 тыс. руб. серебром, из которых 189 915 руб. переводились на покупателей в виде долга банку. Управление получило от этой сделки 135 085 руб. наличными. В том же году был продан сгоревший в 1869 г. и так и не восстановленный Ашاپский завод дворянину А. Н. Ганецкому. Это был известный владелец Сандуновских бань в Москве, который организовал в своем уральском имении лесное хозяйство, построил лесопильный завод. Дача Шаквинского завода была распродана крестьянам Сажинской и других волостей⁹⁵. Незадолго до последней сделки, 19 января 1893 г., А. П. Демидов скончался на 48-м году жизни. Без сомнения, унижительная для него распродажа родового имения не могла не повлиять на здоровье последнего из рода Демидовых владельца Суксунского горнозаводского округа.

Мосоловские заводы

Другой посессионный округ — Шурминско-Залазнинский, или Мосоловский — состоял из двух частей, находившихся в 330 верстах друг от друга. Залазнинские заводы (Верхний, Нижний и Залазнинско-Белорецкий), расположенные в Глазовском уезде Вятской губернии, выплавляли чугуны из бурых железняков и переделывали его в полосное железо кричным способом. Шурминские заводы (Верхний, Средний, Нижний и Буйский), расположенные в Уржумском уезде той же губернии, выплавляли чугуны из болотных руд и, смешивая его с чугуном Залазнинских заводов, тоже выделяли кричное полосное железо. По свидетельству специалистов, вследствие недоброкачества руд это железо «имело почти неисправимые дурные свойства». Производительность заводов в 1860/61 операционном году составила 190 335 пуд. чугуна⁹⁶. Будучи под залогом в Петербургской сохранной казне, они подошли к 1861 г. без оборотного и запасного капиталов, что и послужило основной причиной финансового краха. Он выразился не только в неуплате казенных податей, но и в прекращении заготовки

заводских припасов и продовольствия для мастеровых. В 1861 г. рабочие пожаловались на «несвоевременное удовлетворение их заработными платами», что стало поводом для расследования, наложения секвестра на выплавленный металл и обвинения владельца — отставного майора Н. И. Мосолова — в «неисполнении собственных обязанностей к своим крестьянам»⁹⁷.

В ответ заводчик объявил, что «совершенно не может продолжать хозяйственное управление без содействия правительства, что заводоуправление потеряло все моральное влияние на народ, расстроилось во всех расчетах и не имеет средств к составлению сумм, потребных для заводского производства». При фактическом отказе Н. И. Мосолова от управления своими заводами Уральское горное правление сочло возможным учредить опеку. Но Вятское по крестьянским делам присутствие, лучше представлявшее крайне ограниченные возможности уездных опеков своей губернии, «пришло к убеждению» о необходимости учреждения над Шурминско-Залазнинскими заводами казенного управления. Оно и было санкционировано 29 сентября 1861 г. верховной властью, в компетенции которой находились такие вопросы. Горное правление назначило в качестве управляющего от казны инженер-подполковника Н. Д. Романовского, прежде служившего управляющим Артинского казенного завода⁹⁸. Это событие совпало с кончиной Н. И. Мосолова, случившейся 2 октября 1861 г., и с переходом владения его многочисленным наследникам — вдове, четырем сыновьям и четырем дочерям. До 1864 г. они не вмешивались в дела казенного управления, пока со всей очевидностью не проявилась его низкая эффективность.

Уже после года казенного управления министр финансов М. Х. Рейтерн констатировал, что заводы наследников Н. И. Мосолова «не только не обещают выйти из затруднительного своего положения, но и не в состоянии продолжить свое действие без пособия со стороны правительства». «По случаю несправного взноса платежа» в Санкт-Петербургскую сохранныю казну высочайшим повелением от 1 февраля 1863 г. заводы были назначены в публичную продажу с отсрочкой взыскания всех «податей и повинностей»⁹⁹.

Это назначение подтолкнуло наследников, опасавшихся продажи своего имени «за бесценно», к более решительным действиям. Они не без оснований обвинили казенного управляющего в том, что «в продолжение почти двух лет положение заводов нисколько не улучшилось, т. к. кредиторы не получили даже процентов по предъявленным обязательствам, наследники также не получили ни копейки, а казенные недоимки и заимообразно взятые ссуды не только не пополнены, но еще выросли». Мосоловы просили главного начальника уральских заводов А. А. Иоссу «остановить вовремя злоупотребления... которые делаются к явному лишь ущербу и разорению», и назначить управляющим хорошо знакомого им инженер-подполковника В. М. Малахова, служившего управителем Нижнеисетского завода¹⁰⁰.

Когда выяснилось, что торги откладываются на неопределенное время в связи с «пересмотром» составленных уездным исправником описей имущества, в которых Санкт-Петербургской сохранный казной были обнаружены многочисленные недостатки, А. А. Иосса решил на предложенные Мосоловыми меры. В ноябре 1864 г. он составил докладную записку министру финансов, в которой представил компромиссное объяснение сложившейся ситуации. «Заводы наследников Мосолова, — сообщал он, — приняты были в казенное управление в самом расстроеном виде, производство их было в крайнем упадке, и вся техническая часть совершенно запущена. Вообще, положение,

в которое они были приведены разными невыгодными обстоятельствами, таково, что при нынешней дороговизне рабочих рук и первых потребностей нельзя надеяться на выгодное действие заводов. В таком положении, кроме денежного пособия заводам, необходим был управляющий энергичский, опытный как в технической, так и в хозяйственной части управления, чтобы продолжать действие по возможности с меньшей невыгодой, тем более что по отдаленности сих заводов невозможно постоянно следить за производством их и действиями управляющего. К сожалению, подполковник Романовский, который мог управлять благоустроенным заводом казенным под руководством горного начальства, оказался недостаточно опытным для управления отдаленными частными заводами, до крайности расстроеными, где он должен был действовать самостоятельно и не имел возможности ни совещаться с кем-либо, ни испрашивать постоянно разрешений действиям своим». «Конечно, и более опытный управляющий едва ли был бы в состоянии вести без убытка действие заводов... — полагал А. А. Иосса, — но за всем тем я нахожу подполковника Романовского недостаточно опытным для управления заводами... и потому полагал бы полезным... назначить к управлению впредь до продажи заводов подполковника Малахова, как офицера опытного и распорядительного».

Размышляя о будущем Шурминско-Залазнинских заводов, А. А. Иосса писал, что «по невыгодности действия заводов... следовало бы их закрыть, чтобы избежать ежегодного убытка, но, имея в виду продажу оных и то обстоятельство, что закрытые однажды заводы требуют значительных расходов на возобновление действия», он полагал менее убыточным продолжить работу заводов, «приняв все меры к сокращению по возможности расходов и увеличению выделки для удешевления металлов... а также поспешить продажей заводов»¹⁰¹.

Управление заводами наследников Н. И. Мосолова в марте 1865 г. принял В. М. Малахов. В отличие от своего предшественника, который заявлял о намерении закрыть предприятия, он в смете на следующий же год заложил чистую прибыль до 88 тыс. руб., из которых 40 тыс. руб. предназначались на уплату казенного долга, а 48 тыс. руб. — на составление запасного капитала «для обеспечения заводских оборотов». Он даже пришел к заключению, что «предположение Уральского горного правления о закрытии заводов может быть отменено».

За столь оптимистичным прогнозом нового управляющего последовало ходатайство владельцев об отмене назначенной продажи и о рассрочке казенных долгов на 37 лет. Они просили пока оставить заводы в казенном управлении «впредь до присказания ими средств к принятию оных в свое распоряжение». Император принял эти предложения 29 октября 1865 г., предупредив, что «при первой неисправности в уплате рассроченных долгов заводы будут подвергнуты немедленной продаже». Ежегодно в Государственное казначейство за казенную ссуду в 165 тыс. руб. заводы должны были уплачивать 11 937 руб. и по залогу имущества в Санкт-Петербургской сохранный казне на сумму 248 170 руб. — 14 890 руб.¹⁰²

Последующие события наводят на предположение, что именно в отсрочке продажи и заключался тайный смысл настойчивости владельцев при назначении «энергического» В. М. Малахова. Он же, вольно или невольно, содействовал осуществлению их плана. Уже на следующий год железо сумели продать только по заниженной цене, и заводы остались без прибыли. Управляющий телеграфировал главному начальнику: «Железа покупателей нет. Хлебом помогло земство», — и просил его о новой ссуде и залоге металлов в Екатеринбургской конторе Государственного банка.

Памятуя о прежних обещаниях, чиновники Горного правления писали в октябре 1868 г., что «вправе были ожидать в последующие годы если не прогрессивного возрастания благосостояния заводов Мосоловых, то сохранения, по крайней мере, того положения их, в каком они, по удостоверению Малахова, находились в 1865 г. Между тем в настоящее время финансовое положение заводов достигло такой степени кризиса, что рабочие в течение девяти месяцев остаются неудовлетворенными заработной платой, и заводоуправление находит, очевидно, совершенно невозможным обойтись без пособия от казны». Действительно, производительность заводов упала тогда почти вдвое, а В. М. Малахов «не только не внес назначенные платежи, но и не представил объяснений»¹⁰³.

В мае 1869 г. М. Х. Рейтерн «обратил особое внимание на небрежение исполнения коллежским советником Малаховым обязанностей, на него возложенных», и приказал «строго рассмотреть его действия». Через год он предложил главному начальнику уральских заводов «сделать немедленно зависящее распоряжение об устранении Малахова». Управитель Нижнетуринского завода В. А. Латынин вступил в должность управляющего Шурминско-Залазнинских заводов в августе 1870 г. Одновременно заводы были вновь назначены в публичную продажу¹⁰⁴.

Но владельцы, видимо, не утратили еще надежды на возвращение родового имущества, поскольку торги ни в 1871 г., ни в 1872 г. не увенчались успехом. Известно, что по их ходатайству В. А. Латынин в феврале 1872 г. выезжал в Санкт-Петербург «по делам управления». Каких-либо существенных решений на том совещании, по всей видимости, принято не было, поскольку «историей» с В. М. Малаховым владельцы окончательно дискредитировали себя в глазах властей. Производительность заводов поддерживалась в те годы на минимальном уровне лишь с целью «дотянуть заводы до продажи». Управляющий сообщал, что, хотя он сократил расходы наполовину, ему все равно не хватает денег. В 1875 г. на Залазнинском заводе возникли даже «затруднения от недостатка денежных средств при заподряде рудопоставщиков и неуплате податей за них... так, что земская полиция сделала распоряжение согнать рабочих с заводских рудников»¹⁰⁵.

В сентябре того же года вместо В. А. Латынина управляющим был назначен горный инженер Н. В. Романов. Свою деятельность он начал с выяснения положения и перспектив развития Шурминско-Залазнинских заводов, рассчитав, что без убытка в любом случае не обойтись. По его мнению, этот убыток происходил «частью от цены выделяемого сорта, выходящего из спроса, частью от качества железа, не пользующегося уважением рынка, и частью от малой величины выделки металла и технических несовершенств его производства». Поэтому «коренное устранение убытка было возможно только направлением деятельности заводов, частью или вполне, на другие сорта железа, более ценные, чем полосное». Но это требовало «серьезных пожертвований, на которые заводы... не имели никаких средств». Общая сумма долга достигала тогда 897 435 руб., в том числе 646 014 руб. был долг казне, рассроченный в 1865 г. на 37 лет, 18 180 руб. — долг рабочим, не выплаченный еще со времен «владельческого управления», и 233 241 руб. — долг, накопленный уже во время казенного управления. При этом только долг рабочим, по словам управляющего, имел «некоторое попятное движение», сократившись за 14 лет всего на 800 руб. Остальные долги «имели движение только поступательное, совершаемое с быстротой вражеского натиска». Если продолжить деятельность заводов «по принятой системе запродаж и залогов», полагал он,

то в начавшемся операционном году убыток составит 15 163 руб. и «количество долга, подлежащего немедленной уплате... делается почти равным всему оборотному капиталу». «Это полное банкротство, далее которого идти нельзя», — подытожил Н. В. Романов результаты казенного управления.

Горный инженер предлагал либо дать заводам субсидию в 300 тыс. руб. и после уплаты «текущих долгов» открыть новые производства, «вполне способные сделать заводы прибыльными», либо заменить субсидию разрешением вырубить и продать 50 дес. леса из отведенной к Шурминскому заводу Козьмодемьянской дачи. Еще одним вариантом могла стать передача заводов «в бесплатную аренду» с принятием долгов, накопившихся со времен казенного управления, но успех этого варианта управляющий считал «весьма сомнительным». «Если ни один из этих трех выходов не будет признан за возможный, — полагал Н. В. Романов, — то ничего не остается более, как закрыть заводы, додержав имеющиеся запасы и продав как наличный, так и имеющий выплавиться из запасов чугуна на посильное удовлетворение кредитов и рабочих людей»¹⁰⁶.

По предписанию главного начальника уральских заводов в сентябре 1875 г. на заводы прибыл горный начальник Камско-Воткинского округа статский советник В. И. Тимофеев, которому было поручено не только дать заключение на предложения Н. В. Романова, но и помочь временно остановленным тогда Шурминским заводам, где не оказалось запасов провианта. Обсудив с управляющим сложившееся положение, В. И. Тимофеев согласился с его предложениями, рассмотрев подробнее вариант закрытия заводов, хотя считал, что они (особенно Залазинские) еще довольно перспективны «относительно естественных богатств и рабочих рук». Для закрытия заводов, решил он, «не представится особенных затруднений со стороны обеспечения народонаселения», поскольку на Шурминских заводах оно могло быть вполне обеспечено землей, «хлебороднейшей в Вятской губернии», и, сверх того, «иметь обеспеченную заработку у местных лесопромышленников». Население Залазинских заводов также могло заниматься хлебопашеством, а «в случае скудости урожая» всегда имело возможность найти работу в окрестных заводах, «которые весьма нуждались в рабочих руках». Но более экономичным вариантом виделась В. И. Тимофееву правительственная субсидия в 300 тыс. руб., которая «при переустройстве заводов на более выгодные производства сортового железа» позволяла уплатить казенные долги в течение 15 лет¹⁰⁷.

Выбрать тот или иной вариант была уполномочена комиссия Министерства государственных имуществ, заслушавшая Н. В. Романова в Санкт-Петербурге в январе 1876 г. «Заводы наследников Мосолова не заслуживают дальнейшей поддержки их на казенные средства и должны быть закрыты до додержания наличных запасов их и проданы для возмещения состоящих на них казенных долгов», — таков был вердикт комиссии. Было предложено «взять заводы в казну за сумму стоимости наличного имущества по инвентарям с исключением из нее казенных долгов», затем Залазинские заводы продать «как горнозаводское имение со всеми принадлежавшими ему землями и лесами на правах полной собственности», а Шурминские заводы, не имевшие «никаких задатков для прочного и самостоятельного существования», продать как «имение, представлявшее возможность извлечения дохода из запаса состоящей при них рабочей воды». Мастерские наделялись землей и лесом «в размере и на правах окрестных крестьян». Комиссия определила также, что на расчет «по текущим долгам» и на закрытие заводов потребуется 115 тыс. руб., которые выделялись под залог Козьмодемьянской

лесной дачи. Ее же предполагалось «подвергнуть эксплуатации» для покрытия вложенных казенных денег.

Однако против принятия заводов в казенное владение выступило Министерство финансов, которое «выставило основания, отклоняющие его до употребления всех возможных средств к продаже заводов с торгов». В итоге 6 февраля 1876 г. Александр II санкционировал закрытие Шурминско-Залазнинских заводов и предписал до публичной продажи покрывать их содержание «эксплуатацией заводских лесов». Власти все еще надеялись на торги, хотя они безуспешно проводились Санкт-Петербургской сохранный казной в январе — феврале каждого года¹⁰⁸.

Вернувшись на заводы, Н. В. Романов распорядился в соответствии с данной ему инструкцией «расположить заводское действие так, чтобы целью его было... додержать имеющиеся уже запасы угля и других материалов и приступить к подготовительным мерам для начатия в возможно непродолжительное время эксплуатации посредством сплошной рубки делянок Козьмодемьянского участка Шурминской дачи». Вскоре было остановлено действие Буйского завода, Залазнинские же заводы вырабатывали последнее сырье. В апреле 1876 г. последовало разрешение ежегодно назначать лесосеки на продажу «в спелых насаждениях одним или несколькими участками на 200 десятин». Были даже проведены первые торги, но никто тогда лес не купил.

В то же время закрытие Шурминско-Залазнинских заводов сопровождалось чередой «мистических» событий. В декабре 1876 г. Н. В. Романов неожиданно был признан «умопомешанным». Он тут же был отчислен «по болезни», а вместо него назначили коллежского асессора Н. Л. Никольского, который вступил в должность в январе 1877 г. Он сообщил, что только на двух мосоловских заводах (Верхнезалазнинском и Залазнинско-Белорецком) «производилось одно доменное действие», но и оно вскоре было остановлено. Драматические события после этого в очередной раз не заставили себя долго ждать. Новый управляющий отправился в Воткинск для переговоров о сбыте чугуна, но на обратном пути был «разбит параличом так, что левая рука и нога оказались без всякого движения и повредило частию язык». Н. Л. Никольскому был дан отпуск «на излечение» в Казани, но, вернувшись оттуда, он внезапно скончался¹⁰⁹.

Новым казенным управляющим был назначен надворный советник А. В. Андреевский, который вступил в должность в сентябре 1877 г. Главной его заботой стали охрана и поддержание в удовлетворительном состоянии имущества закрытых заводов, а также распродажа лесных участков «на сруб», неудачно начавшаяся еще при Н. В. Романове. В свое время тот полагал, что причиной срыва торгов было «противодействие представителей местных лесопромышленников вновь открывающейся торговой фирме». А. В. Андреевский объяснял провал «чересчур дорогой оценкой, ни на чем не основанной, а также слишком тяжелыми условиями уплаты денег». Надо, считал он, «оценить делянки по таксам Вятской губернии и условиями продажи не отягощать покупателей, а, напротив, привлекать их, давая льготы». «Чем скорее Залазнинские заводы будут проданы или присоединены к управлению Вятских казенных заводов, а Шурминские — переданы в Управление государственных имуществ или проданы как лесные хозяйства, тем менее понесет правительство затрат и убытков», — убеждал он Горное правление.

В 1878 г. были пересмотрены условия продажи леса, и с того времени началась успешная распродажа отдельными мелкими участками Козьмодемьянской лесной дачи. Всего до 1882 г. А. В. Андреевский продал 1156 дес. леса, что позволило ему даже

сформировать «свободный капитал», который был положен в банк «для приращения процентов»¹¹⁰.

Видимо, за подобные успехи управляющий был переведен в марте 1883 г. на должность горного начальника Гороблагодатских заводов, а на его место назначен надворный советник П. П. Боклевский, до этого преподававший минералогию в Межевом институте и участвовавший как представитель казны в деятельности Товарищества Березовского золотопромышленного дела и Комиссии по строительству Самаро-Уфимской железной дороги¹¹¹. В сентябре того же года он представил записку в Горный департамент, в которой ходатайствовал о разрешении «в видах интересов казны восстановить действие Залазнинского завода, ввести в Шурминском заводе плавку сырого чугуна, устроить при среднешурминской плотине лесопильную мельницу, а в Буйском заводе устроить писчебумажную фабрику и ввести эксплуатацию лесной дачи этого завода». Все это предполагалось им исполнить «средствами заводов» для того, чтобы «поднять ценность их в глазах покупателей» на новых торгах. Но высшее начальство ответило решительным отказом «ввиду очередного назначения этих заводов в продажу на январь или февраль будущего года»¹¹².

К этим торгам власти готовились более основательно, составив Правила о продаже Мосоловского имения, которые были утверждены императором 1 июля 1883 г. одновременно с уже упоминавшимся Проектом условий для продажи трех посессионных округов, состоявших тогда в казенном управлении. Мосоловское имение было первоначально поделено на девять частей. Отдельные части составили Козьмодемьянская лесная дача и дача Залазнинских заводов. Дача Буйского завода была разделена на четыре участка, дача Шурминских заводов — на три. Предполагалось провести торги в течение 1884 г. Была также организована комиссия для описи всех частей имения, в которую от горного ведомства вошел управляющий П. П. Боклевский¹¹³.

Первоначально определенное количество частей и сроки торгов пришлось пересмотреть. Продажи начались только в 1885 г. Тогда три лесных участка общей площадью 2512 дес., выделенных из Буйской и Шурминской дач, были проданы жене коллежского ассессора М. И. Терминской. Три участка общей площадью 11 985 дес. из тех же дач купили крестьяне деревни Турека Уржумского уезда Бушуевы, занимавшиеся лесопромышленностью.

Большинство же участков, включавших и бывшие заводы, было продано в 1886 г. объявившимся тогда покупателям, но уже без торгов и в рассрочку. Буйское имение площадью 42 222 дес. с домом в Уржуме купили за 30 тыс. руб. те же лесопромышленники Бушуевы. Участок «Залазнинские заводы» приобрел за 95 тыс. руб. флигель-адъютант полковник А. Е. Ризенкамф. «Шурминские заводы» были утверждены за купцом И. Бердинским за 11 025 руб. Покупатели обязались уплатить казенные и земские недоимки¹¹⁴. В том же 1886 г. все проданные участки были переданы новым владельцам, ни один из которых, впрочем, не собирался восстанавливать металлургическое производство. На этом не настаивали и горные власти. В начале 1887 г. А. Е. Ризенкамф уже перепродал свою Залазнинскую часть имения А. Ф. Поклевскому-Козелл, в руках которого она возродилась как часть принадлежавшего ему Холуницкого округа.

Оставшаяся непроданной Козьмодемьянская дача выставлялась на торги несколько раз, пока в 1889 г. не была «обращена в собственность казны». Ее передали Вятскому управлению государственных имуществ в счет казенных долгов, составлявших 439 735 руб., которые тогда же были списаны. Казенное управление бывшими

Шурминско-Залазинскими заводами 1 ноября 1886 г. закрылось, а последний, седьмой по счету, управляющий П. П. Боклевский был назначен окружным инженером (впоследствии он станет главным начальником уральских заводов)¹¹⁵. Мосоловский округ перестал существовать как посессионное горнозаводское имение.

Кнауфские заводы

Кнауфские заводы, получившие наименование по имени своего владельца, немца по национальности, московского купца первой гильдии А. А. Кнауфа, из-за его банкротства в начале XIX в. пережили ряд административных преобразований (кредиторское управление барона А. Ралля и купца В. Доути в 1818–1828 гг., последующее 25-летнее казенное управление), пока наконец не были акционированы в 1853 г. Новыми владельцами заводов стали тогда многочисленные иностранные и российские кредиторы уже умершего владельца, которым предстояло вернуть не только свои вложения, но и долг казне по залогу имения в Государственном банке в размере 341 600 руб. В управлении кредиторов оказались Юговский, Курашимский, Бизярский медеплавильные заводы, Нижний и Верхний Иргинские и Нижний и Верхний Саранинские железодельные заводы, по сметам Компании на 1862 г. оцененные в 1 258 349 руб. По стечению разнообразных обстоятельств 1861/62 операционный год для Компании Кнауфских заводов оказался последним. «Полный» убыток составил тогда 137 690 руб., что при отсутствии оборотного и запасного капиталов свидетельствовало о полном банкротстве Компании¹¹⁶.

В ноябре 1862 г. директора правления Компании действительный тайный советник Е. П. Ковалевский, действительный статский советник Г. В. Лерхе и петербургский купец первой гильдии А. А. Гитасов, казалось, нашли выход из положения. «Высвободиться из петли натурально можно было бы через продажу заводов, — писали они министру финансов М. Х. Рейтерну, — но горный промысел в общем мнении упал до крайних размеров, и все убеждены, что он восстановится в возможной степени только тогда, когда раздробится и будет в руках таких людей, которые заменят собою управляющих, механиков и мастеров, и тогда, когда уральские горнозаводские рабочие ознакомятся со свободным трудом и с попечением о себе и своих семействах». Директора сообщали о том, что «в настоящее несозревшее время успели склонить... купца Татаринова принадлежащие Компании Иргинские и Саранинские железодельные заводы взять в арендное содержание на 12 лет». По их мнению, А. В. Татаринов сочетал в себе все вышеназванные качества и был наиболее подходящей кандидатурой на роль арендатора, а впоследствии и владельца заводов. Он происходил из мастеровых, служил управляющим, имел опыт владения Кагинскими заводами, купленными в компании с Ф. П. Никифоровым, и обещал не только арендовать заводы, но и купить их у Компании Кнауфских заводов. Был даже составлен проект контракта, в соответствии с которым с 1 января 1863 г. купец брал железодельные заводы Кнауфского округа в 12-летнюю аренду и обещал «не позже как в последние месяцы 12-го арендного года внести покупную сумму 200 тыс. руб. серебром, а равно и все прочие обязанности исполнить».

Появление такого арендатора было большой удачей для обанкротившейся акционерной компании. «Этой сделкой, — сообщали директора, — дело Компании положительно ограждается от совершенной гибели тем, что Татаринов будет исправно вносить в Государственный банк капитал и проценты за Иргинские и Саранинские заводы... а уплата долга на медеплавильных Юговском, Бизярском и Курашимском

заводах, остающихся в руках Компании, будет исправно производиться из 10 тыс. руб., ежегодно получаемых от Татаринова в аренду за железные заводы, а потом, по взносе за них покупной суммы 200 тыс. руб., обеспечится этой суммой даже в случае, если бы эти медеплавильные заводы сами собой не приносили никаких выгод и не составляли ценности»¹¹⁷.

Санкт-Петербургская сохранный казна, куда после закрытия Заемного банка был переведен долг заводов, в марте 1863 г. рассмотрела просьбу директоров и арендатора и нашла ее «не совсем согласной с общим порядком», но, тем не менее, допустила передачу заложенных заводов в аренду на предложенных условиях. Казалось бы, все складывалось удачно, но сделка так и не состоялась. Поскольку заключение арендного договора превышало полномочия директоров Компании, они планировали созвать общее собрание акционеров для рассмотрения и утверждения условий договора с А. В. Татариновым. «В случае неизъявления согласия Общим собранием, или Департаментом горных и соляных дел, или Государственным банком само собой разумеется, что контракт совершен быть не может», — констатировали директора¹¹⁸. Поскольку ни Департамент, ни Санкт-Петербургская сохранный казна не отклонили сделку, остается предположить, что с ней не согласились сами акционеры, чем и обрекли заводы на закрытие.

Управляющий Б. И. Кениг стал просить о закрытии предприятий еще в 1862 г. Он предлагал остановить заводы на пять лет с предоставлением мастеровым земельных наделов, от которых они отказались по уставным грамотам. Департамент горных и соляных дел с санкции министра финансов 26 января 1863 г. разрешил закрыть Курашимский и Бизярский заводы «на законных основаниях». Еще одним «ослаблением» стало разрешение приостановить в 1864–1866 гг. взнос долга по залогом заводов в бывшем Заемном банке¹¹⁹.

Но все предпринятые меры уже не могли спасти Кнауфские заводы. Ситуация обострилась до предела, когда к финансовым проблемам Компании, целью которой был не столько подъем производительности заводов, сколько возврат долгов акционерам, добавились непредвиденные обстоятельства. В августе 1864 г. о положении Кнауфского округа подробно доложил главному начальнику уральских заводов назначенный управляющим вместо Б. И. Кенига инженер-подполковник П. П. Дорошин. Он сообщил о том, что «слишком памятные уральским заводам последние пять лет непомерной дороговизны хлеба истощили не только запасной, но и операционный капитал Кнауфской компании. По освобождению же мастеровых в 1861 г. от обязательного труда все они отказались от поземельного надела, удержав, однако ж, в пользовании своем обширные покосные и пахотные земли, не платя за них ничего заводам. К этому же времени последовал упадок цен на металлы вообще, а убогость медных руд Кнауфского округа повлекла за собой закрытие двух медеплавильных заводов — Бизярского и Курашимского. Наконец, в июне 1862 г. сильное наводнение разрушило в двух главных железоделательных Саранинских заводах до основания плотину и с тем вместе уничтожило многие заводские строения с большим запасом материалов, вследствие чего годовая производительность железа не могла с того времени до нынешнего 1864 г. достигнуть и половины прежнего размера... Следовательно, действие заводов... не могло уже приносить никакого барыша... получался значительный убыток, который увеличился еще более от меди, выплавляемой от убогих руд на одном лишь из трех медеплавильных заводов — Юговском».

На этом несчастья для Кнауфских заводов не прекратились. Весной в обширных лесах Саранинской дачи «вспыхнул вдруг в четырех местах сильный пожар... который уничтожил большое пространство леса и до 1360 куренных сажен дров с запасом угля». Вслед за тем «при сильном порыве ветра начался в середине селения Нижнесаранинского завода пожар, истребивший 440 обывательских домов, заводские строения и магазины с имуществом, две церкви, два госпиталя и 3746 коробов угля, приготовленного для выковки железа». «От такого нового несчастья, — констатировал управляющий, — заводы подверглись еще большему стеснению, приготовление железа уменьшилось и убытки увеличились до крайних размеров... Между тем второй караван с металлом отошел от Саранинской пристани только верст на 60 и далее двигаться не мог по случаю необычайного мелководья реки Уфы, а первый караван хотя доставлен на Нижегородскую ярмарку, но от продажи с него металла заводы не получают ни копейки, напротив, из заводов нужно бы еще послать 9731 руб. для того, чтобы покончить расчеты с покупателями металла за полученные от них в прошлом году задаточные деньги и с Государственным банком по залогу этих металлов в Екатеринбургской конторе, тогда как в заводах нет ни денег, ни запасов главных материалов. Правление же Компании не имеет в своем распоряжении решительно никаких средств не только продолжать заводскую деятельность, но и производить какую бы то ни было уплату процентов по казенным долгам, а также горных и всяких других казенных податей и повинностей». В такой безвыходной ситуации правление Компании вновь обратилось к властям с просьбой об очередной финансовой помощи. Когда же ему было отказано, члены правления не нашли ничего лучшего, как обратиться с просьбой о восстановлении на Кнауфских заводах казенного управления «за неимением в распоряжении Компании никаких средств продолжать заводское действие»¹²⁰.

Решение о передаче Кнауфских заводов в казенное управление было одобрено 31 августа 1864 г. Александром II с одновременным назначением их в публичную продажу «на удовлетворение казенного долга». Министр финансов приказал управляющему П. П. Дорошину принять дела Компании «для хранения и на случай могущих потребоваться справок», но не разрешил платить частные долги «по обязательствам прежнего управления»¹²¹.

Уральское горное правление составило для управляющего особую инструкцию из 21 пункта, отразившую намерения казны. «Тотчас по принятии заводов» он должен был «вникнуть в настоящее их положение и, соображаясь с естественными их средствами и с наличными запасами денег, провианта, фуража, главных заводских материалов и выделанными металлами, начертать план будущему действию заводов» и представить его в Горное правление. Финансирование работ предлагалось осуществлять путем залога металлов в Екатеринбургской банковской конторе. Управляющий должен был «изыскивать меры к сколь можно успешному и выгодному действию заводов», но при этом «избегать коренных преобразований в технике и администрации, стараясь лишь поддерживать в улучшенном виде прежний по действию заводов порядок... без явного для заводов убытка, в особенности же ни мало не останавливать приготовление всех изделий, какие выделялись обыкновенно для вольной продажи и по заказам, а преимущественно тех, на которые заключены заводами контракты». В заключение Горное правление сочло нужным присовокупить, что, «полагаясь сполна на... усердие, деятельность и распорядительность» управляющего, оно надеется на то, что он «употребит все

возможные старания, чтобы привести Кнауфские заводы в совершенно удовлетворительное положение по количеству, совершенству и сходной цене изделий»¹²².

Складывается впечатление, что от П. П. Дорошина ожидали чуда. Его же взгляд на будущее Кнауфских заводов был пессимистичным. Еще не вступив в управление, он уже просил главного начальника уральских заводов А. А. Иоссу разрешить ему заявить о намерении закрыть все Кнауфские заводы через год. Однако уже через полгода казенного управления, видимо, «вникнув в настоящее положение заводов», П. П. Дорошин скорректировал программу их дальнейшего развития. В своей обстоятельной записке он предложил не возобновлять деятельность остановленных на три года Бизярского и Курашимского заводов «по причине совершенного истощения в них руд и безнадёжности на новое их открытие», а продолжить производство на медеплавильном Юговском, а также на Нижнеиргинском и Верхнесаранинском заводах, ограничив их ежегодную производительность 70 тыс. пуд. железа. По его подсчетам, выгоднее было бы увеличить ее до 110 тыс. пуд., но для этого потребовалось бы не только возобновить кричное производство на разрушенных наводнением заводах, но и ввести там пудлингование, на что управляющий не имел полномочий по инструкции. Наконец, инженер предлагал списать с заводов прежние долги, чтобы они освободились от обременительной уплаты процентов. «Если же на совершенное уничтожение или хоть на незначительное уменьшение долга, давящего заводы, нет надежды, — размышлял он, — то, не найдя покупателей, необходимо скорее сдать земли и леса в ведение Министерства государственных имуществ, чтобы избежать непроизводительной затраты денег на управление, на присмотр за заводским имуществом и лесами, на мировые учреждения и на земельный сбор». Однако исполнить задуманное П. П. Дорошину не пришлось, поскольку в июле 1865 г. он был назначен окружным инженером в Замосковский район, а его место занял переведенный из Сысертских заводов инженер-капитан Н. А. Грамматчиков, ставший вскоре подполковником¹²³.

Взгляд нового управляющего от казны на Кнауфские заводы оказался сходным с мнением П. П. Дорошина. Он также полагал, что в сложившейся ситуации выгоднее продолжать убыточную деятельность предприятий, стараясь разными способами сокращать убытки. Главной причиной убыточности медеплавильного производства он назвал «истощенное состояние рудников, небогатое содержание... руд, отчего приготавливаемая медь и обходилась дорого». Причина убыточности железодельного производства также крылась в «бедном содержании» железа (от 35 до 38%) в разрабатываемых в округе гнездовых рудных месторождениях и в той же малоэффективной организации рудничных работ. Управляющий дополнительно сообщил, что лесная дача Иргинских заводов «находится в крайне расстроеном состоянии, так что часть угля для этих заводов заготавливается в Саранинской даче, отчего уголь обходится значительно дороже». Недостаточным он счел и штат заводских рабочих, вследствие чего приходилось нанимать даже в кричные и пудлинговый цехи «посторонних» работников. Кроме того, в «ветхом состоянии» находились «механизмы» железодельных заводов округа. Все это в итоге не позволяло увеличить объемы производства чугуна и железа и повышало себестоимость металлов. «Несмотря на то что приготовительные цеховые цены на них невысоки, — писал Н. А. Грамматчиков, — но накладными расходами, хотя также весьма умеренными, раскладываемыми на таковое небольшое количество металлов, значительно удорожается общая их ценность»¹²⁴.

В 1867 г. управляющим был поднят вопрос о статусе Саранинских заводов. «Перечисление» их в разряд владельческих, тем не менее, задержалось, как уже упоминалось, из-за необходимости «обеспечить быт мастеровых». Тогда же встал вопрос о возобновлении деятельности Курашимского и Бизярского заводов, остановленных на три года. Но его удалось быстро решить под предлогом того, что указ от 3 декабря 1862 г., устанавливавший срок возможного закрытия посессионного завода, не распространялся на предприятия, взятые в казенное управление¹²⁵.

Тяжелое положение Кнауфских заводов усугублялось еще и растущими долгами, начисление процентов на которые так и не было отменено. Санкт-Петербургская сохранный казна ежегодно настойчиво напоминала о росте недоимки и предписывала «в случае получения с заводов каких-либо доходов доставить оные в казну на пополнение долгов». Продолжение казенного управления, таким образом, только ухудшало финансовое положение заводов, что могло негативно отразиться на результатах торгов. Однако торги все никак не назначались по обычной для такого случая причине — ввиду сложности составления описи и оценки заводов.

В ноябре 1866 г. министр финансов «заметил медленность в составлении описей», что подтолкнуло местные гражданские власти к скорейшему их завершению. Но Санкт-Петербургская сохранный казна, которая выступала посредником при продаже заводов, «нашла, что описи составлены с отступлением от нормы», и дважды возвращала их для доработки. В апреле 1869 г., когда по итогам года убытки составили уже более 15 тыс. руб., Н. А. Грамматчиков пожаловался главному начальнику уральских заводов А. А. Иоссе, что он как может изворачивается без денежной поддержки властей Кнауфских заводов, но «от медленного составления описей, несмотря на многократные настояния Горного правления, от двукратной переделки их заводы остаются в казенном управлении уже шестой год» и не было не только торгов, но даже и публикации о продаже, и «когда состоится продажа, весьма сомнительная по состоянию заводов, неизвестно»¹²⁶.

С разрешения А. А. Иоссы управляющий 1 июля 1869 г. «предварил» мировых посредников и работающих мастеровых о закрытии через год всех Кнауфских заводов, предупредив их, что «не имеет возможности держать запас провианта». Видимо, решительные действия казенного управления, чреватые осложнениями при продаже бездействующих заводов, заставили высшие горные власти более внимательно отнестись к судьбе Кнауфских заводов и начать выделять деньги на их работу. Даже когда 27 ноября 1870 г. сгорела кричная фабрика и воздуходушные меха на Нижнесаранинском заводе и ковка железа там была остановлена, завод на следующий год возобновил свою работу на казенные деньги. Железо Кнауфских заводов охотно покупал Торговый дом Пастуховых, а также нижегородский купец М. Г. Рукавишников¹²⁷.

Активизировалась и подготовка к продаже заводов. Еще в 1867 г. директор Горного департамента В. К. Рашет предписал Уральскому горному правлению «представить соображения о том, каким образом округ Кнауфских заводов мог бы быть разделен на части... на тот случай, если бы продажа тех заводов в целом составе всего имения признана была затруднительной». Запрошенный об этом управляющий предложил разделить округ на четыре самостоятельные части. Отдельно, считал он, мог действовать, а значит, и быть продан Юговский завод. Закрытие Бизярский и Курашимский заводы, «если бы впоследствии явилась возможность возобновить в них работы», могли быть также проданы по отдельности. Нижнеиргинский завод, «имея в своем распоряжении

рудники, леса, равно доменное и кричное производство», тем не менее, «не мог действовать с выгодой самостоятельно, без пособия других заводов», поскольку «почти половинное количество выплавляемого на заводе чугуна переплавлялось в железо на Верхнеиргинском и Саранинских заводах». Два же Саранинских завода, «связанных между собой общей лесной дачей и общим заводским производством», не могли быть проданы отдельно один от другого, да и от Иргинских заводов, поскольку не имели «собственных железных рудников и доменного действия»¹²⁸. Эти рекомендации были отправлены тогда же в Санкт-Петербург, но последствий они не имели.

Через четыре года это стало причиной отказа известному екатеринбургскому купцу П. А. Злоказову, когда он в 1871 г. обратился в Горный департамент с просьбой уступить ему Юговский завод «для перевода его на винокурное производство или для отдачи в арендное содержание». Министр финансов ответил, что прошение купца «не может подлежать ныне рассмотрению... за нерешением вообще вопроса о раздробительной продаже частных горных заводов»¹²⁹.

С 1870 г. начались ежегодные публичные продажи Кнауфского округа в полном его составе через Санкт-Петербургскую сохранную казну. Для этого неоднократно проверялись и уточнялись описи заводского имущества. Но все торги оканчивались безрезультатно: никто не решался купить убыточные заводы, долг которых казне составлял, по подсчетам управляющего, 695417 руб. Безнадежность торгов и всё возрастающая убыточность заводов из-за понижения цен на железо все-таки заставили правительство принять решение об их закрытии. В феврале 1877 г. последовало министерское распоряжение: «Действие Кнауфских заводов... расположить так, чтобы целью его было додержать имеющиеся запасы угля и других материалов и затем закрыть оные». В результате 1878/79 операционный год стал последним в истории Кнауфских заводов. Тогда на Нижнеиргинском и Нижнесаранинском заводах было выделано всего 1199 пуд. железа¹³⁰.

Но даже закрытые заводы требовали значительных средств на охрану лесных дач и зданий, на уплату земских и других податей. По подсчетам Н. А. Грамматчикова, на это уходило не менее 20 тыс. руб. в год, однако горные власти не собирались выдавать управляющему деньги на эти расходы. Ему приходилось рассчитывать лишь на ограниченные внутренние ресурсы округа — на сдачу в аренду заводских мельниц и месторождения «огнепостоянной глины», а также земельных угодий, оставшихся после наделения крестьян. С 1878 г. к этому прибавилась еще и продажа леса из богатой Саранинской дачи, выведенной к тому времени из разряда посессионных. Благодаря этим мерам кое-как удавалось сводить концы с концами, но продолжалось это недолго.

В июле 1884 г. заводский исправник С. И. Черепанов рапортовал о новом бедствии на Кнауфских заводах. «Незавидное или, вернее сказать, грустное положение заводов по бездействию их... ныне вызывает сострадательные и неприятные для слуха разговоры о совершающихся в нем и окрестностях его приключениях с ущербом для жителей от огня, вспыхнувшего ныне около заводского поселения в некоторых лесных местностях, когда жители находились на полевых работах». Впечатлительный исправник просил главного начальника уральских заводов «об удержании одуревших от свободы... жителей, считавших по своему дикому или безрассудному убеждению заводские земли с лесами своими, без сомнения, не понимая... гибельной причины от истребления по своему произволу лесов как необходимого и неценного материала в жизни нашей для всех». Пожар, по его предположению, произошел «от неосторожного обращения

с огнем кого-либо из заводских жителей во время собирания в лесу ягод земляники с табачными папиросами или трубками». С. И. Черепанов доносил, что лесообъездчики отказываются от службы из-за скудного жалования, хотя, по его сведениям, управляющий выручал от продажи леса до 7 тыс. руб. в год. «Грамматчиков проживает в Красноуфимске, — описывал исправник ситуацию в округе, — поэтому идет ропот о безначалии на Юговском заводе, в коем хотя и считается на службе несколько человек из местных жителей, но из них приходит в контору только один, считающийся бухгалтером, да и он уклоняется от выслушивания претензий сторожей, говоря, что это не отнесится до его обязанностей»¹³¹.

В ответ на запрос начальства управляющий предоставил сводку доходов и расходов за последний год, из которой следовало, что «от оброчных статей» было выручено 3292 руб., от продажи «лесных материалов» — 5478 руб., арендная же плата за добычу глины составила 120 руб. Итого «в доходе» оказалось 8890 руб. В то же время «на содержание заводоуправления» нужно было потратить 14 606 руб., на уплату разных сборов — 9950 руб., да еще следовало заплатить долг, «накопленный от неполной выдачи служащим содержания», в размере 21 303 руб. Расход, таким образом, превышал доход в пять раз. «Увеличить поступления, — писал Н. А. Грамматчиков, — нет никакой возможности, т. к. единственный для этого источник — продажа леса из Саранинской дачи — едва может дать показанную в смете сумму 5478 руб., и то лишь при благоприятных обстоятельствах»¹³². Оставлять ситуацию с продажей округа без изменений было уже невозможно.

Как уже упоминалось, в 1883 г. столичная межведомственная комиссия одобрила давно обсуждавшийся вариант «раздробления» посессионных округов, находившихся в казенном управлении, с целью их продажи по частям «на погашение казенных долгов». Кнауфский округ был поделен на девять частей, которые, как считалось, легче будет продать по отдельности. Но, видимо, и такое «облегчение» не помогло. После неудачи очередных торгов, организованных в 1889 г. в Санкт-Петербурге, Горный департамент решился на необычный шаг. Он обратился к Пермскому губернскому земству с предложением о посредничестве при продаже Кнауфского горнозаводского имения населению самой губернии. Главному начальнику уральских заводов И. П. Иванову было разъяснено, что это предложение «подлежит осуществлению лишь в случае, если выработанные земством порядок и условия... продажи... будут признаны со стороны министерств государственных имуществ и финансов удовлетворительными». Поскольку Горный департамент желал получить «категорический ответ по возможности в непродолжительное время», земство пообещало рассмотреть предложение на своей чрезвычайной сессии¹³³.

XIX сессия Пермского губернского земского собрания избрала Особую комиссию для изучения положения Кнауфских заводов и выработки условий их продажи. В ее состав вошли лесной ревизор В. А. Вольский, представлявший горное ведомство, председатель Красноуфимской уездной земской управы И. А. Шевелин и гласные А. Я. Невзоров, Н. Н. Агров и И. А. Рогов. Администратором был выбран В. А. Вольский «как лицо, хорошо знакомое с лесным хозяйством и положением дел в Кнауфском имении». Приступив к работе, Комиссия получила замечания нового казенного управляющего имением Л. С. Воинова, который предлагал «во избежание чересполосицы во владениях частных лиц с казною» начать продажу с малопродуктивных дач Иргинской, Юговской, Бизарской и Курашимской, которые «не покрывают полученными с них доходами

расходов, потребных на присмотр их», и лишь затем приступить к продаже Саранинской дачи, поскольку «от находящихся в ней оброчных статей и продажи леса она в состоянии не только удовлетворить собственные расходы, но и пополнять расходы других дач и даже уплачивать текущие земские сборы». Также были получены сведения о долгах Кнауфских заводов. Оказалось, что долг Санкт-Петербургской сохранный казне вырос к этому времени до 817 143 руб., а ссуды, полученные казенным управлением с 1864 г., составили 185 тыс. руб. Заводы должны были уплатить 97,5 тыс. руб. земских податей и более 57 тыс. руб. частным лицам и мастерам за провиант. Общая же сумма долгов, включая частные, простиралась до 1 896 719 руб.

«Все здания крайне ветхи, находятся в полуразрушенном состоянии, — сообщалось в документах Комиссии, видимо посетившей заводы, — сооружения в том же положении, если не в худшем: машины и горны представляют из себя материал пригодный на лом и груды кирпичей и камня и, наконец, громадное большинство материалов не только не имеют никакой ценности, но еще требуют некоторых расходов на очистку от них занятых помещений, как, например, аптекарские материалы, давно заготовленные и хранящиеся в несоответствующем помещении». В результате Комиссия оценила заводское имущество всего в 62 тыс. руб. (вместо 156 тыс., по расчету Горного правления), но подняла с 355 тыс. до 412 тыс. руб. оценку земель и лесов округа. В целом же, выходило, что сумма, за которую земство бралось продать Кнауфское имение, была на 37 тыс. руб. меньше того, во что казна оценила имение.

Более того, земство потребовало передать управление Кнауфским округом своим уполномоченным с тем, чтобы «с этого момента участие горного ведомства в заведовании заводским имуществом прекратилось, а равно и отчетность перед Государственным контролем». Принципиальная позиция земства заключалась в том, что передаваемое ему имение следовало признать не горнозаводским, а «исключительно как пригодное для лесного и сельскохозяйственного использования». Оно также настаивало на пересмотре правил продажи 1883 г. и на нарезке участков в соответствии с желанием покупателей. «При раздробительной продаже, не стесняемой формальностями, соблюдение которых обязательно для агентов казны», земство ожидало «запроса на покупку участков со стороны крестьян и вообще земледельцев и мелких промышленников». Оно бралось в течение семи лет «сделать с правительством окончательный расчет», по которому казне доставалось всего 284 296 тыс. руб. Остальная сумма должна была пойти на «удовлетворение служащих в администрации заводов», на уплату прежних долгов тем же служащим и рабочим, а также земских недоимок и податей¹³⁴.

В августе 1889 г. состоялась чрезвычайная сессия Пермского губернского земского собрания, которая одобрила доклад Особой комиссии. «Скорейшая, по возможности, продажа имущества Кнауфских заводов крайне необходима как для правительства, так и для земства, — констатировалось в том докладе. — Первое, как надо думать, убедилось горьким многолетним опытом, что только путем продажи представляется возможность избавиться от имущества, долг казне на котором из года в год увеличивается... Второе, т. е. земство, с продажей заводов избавится от одного из крупных неплательщиков, получит накопленные недоимки, приобретя в покупателях новых плательщиков земских налогов, и, наконец, не будет вынуждено докучать правительству своими ходатайствами о взносе хотя бы части земского налога казной за Кнауфские заводы»¹³⁵.

Но все эти доводы и расчеты не убедили горное начальство. Видимо, обещанная земством перспектива вернуть казне сумму, которая была почти в четыре раза меньше

долга и даже не достигала его «первоначального размера» (341 600 руб.), не показалась властям заманчивой. Предложения земства были отвергнуты, вероятно, к неудовольствию главного начальника уральских заводов, которому вновь предстояло неопределенное время заботиться о фактически уже навсегда утратившем горнозаводскую ценность Кнауфском имении.

Следующие шесть лет ничего нового в судьбе округа и его казенного управления не произошло. «Вырученные от продажи леса и оброчных статей суммы, — сообщал Л. С. Воинов в 1894 г., — употребляются на содержание тех же заводов: на жалование служащим, лесной страже, караулу и другим лицам и на прочие расходы... требующие до 12 тыс. руб., кроме земских и т. п. налогов». Управляющий жаловался на то, что «экипажи все разрушились, а бурый мерин от старости лет и болезни... лежит без движения и для дальнейших работ совершенно не годен». В это же время Горный департамент уведомлял о безуспешности проводившихся торгов. Известно, что безрезультатно закончились, в частности, торги в феврале 1892 г. «с суммы долга». Тогда Министерство финансов вошло в Комитет министров с представлением «о предъявлении имения к торгам в январе или феврале 1893 г., но уже не с суммы долга, а с предложенной цены», на что и получило разрешение¹³⁶. Видимо, это и дало результаты.

Так, в сентябре 1894 г. Горный департамент известил главного начальника уральских заводов о том, что генерал-лейтенант А. Ф. Павлов, «предлагая купить Кнауфское горнозаводское имение и желая предварительно осмотреть оное, возбудил... ходатайство о допущении его или его поверенного к осмотру названного имения». Но, судя по всему, этот осмотр заставил генерала отказаться от своего намерения. Прошел без малого год, когда пришло известие о том, что 30 июня 1895 г. все девять участков имения наконец были проданы «со всеми находящимися в сих участках сооружениями и устройствами в полную собственность полковника Бобянского». При этом «уплата покупной суммы производилась без начисления процентов в течение года, ранее чего покупатель не имел права приступить к эксплуатации приобретенных участков»¹³⁷.

Для реализации оставшегося в имении движимого имущества была создана ликвидационная комиссия под председательством инженера И. Н. Крыжановского, которая по какой-то причине не торопилась с окончанием работ. «Если ликвидационной комиссией не будет закончено дело по проведению возложенного на нее поручения к 1 января 1899 г., — предупреждал Л. С. Воинов, — то я поставлен буду в крайне невыгодное положение... по недостатку денег». Видимо, И. Н. Крыжановский закончил распродажу имущества к февралю 1899 г. Тогда он сдал в Пермское отделение Государственного банка вырученные им 46 546 руб. Но по этому поводу возникли какие-то недоразумения, что привело к созданию при Уральском горном управлении новой комиссии для проверки деятельности ликвидационной комиссии (в состав комиссии вошли тот же Л. С. Воинов и лесничий А. И. Шминке, назначенный «заведующим Кнауфского имения»). Хотя в конце 1899 г. или в самом начале 1900 г. казенное управление было упразднено, А. И. Шминке еще поручалось реализовать «оставшуюся непроданной часть имущества и оброчных статей»¹³⁸. Вместе с прекращением казенного управления завершилась и история остановленных еще в 1863–1879 гг. семи заводов посессионного Кнауфского округа, проданного как негорнозаводское имение.

Под самый финал этой затянувшейся драмы неожиданно напомнили о себе акционеры Компании Кнауфских заводов. В апреле 1899 г., через 35 лет после ее ликвидации, С. П. и В. П. Берги, которым по наследству досталось 33 акции, просили уведомить

их о том, «не нужна ли подача какого-либо официального заявления в комиссию, а равно есть ли у нее какое-либо имущество и на что могут, в конце концов, рассчитывать владельцы акций»¹³⁹. Поскольку рассчитывать акционерам было явно не на что, ответа они не получили.

Ревдинский округ

Перемена статуса уральских Ревдинских заводов тоже была осуществлена «в исключительном порядке на основании особого высочайшего повеления», отданного с целью ускорить продажу имущества заводладельца Г. М. Пермикина, который был признан «несостоятельным должником». Этот известный в свое время исследователь-минералог и крупный предприниматель, владевший золотыми приисками в Якутской области и Абаканским железодельным заводом в Минусинском округе Енисейской губернии (куплен у наследников купца А. Г. Кольчугина в 1870 г.), имевший недвижимость в Иркутске и Санкт-Петербурге, еще в 1861 г. пытался обосноваться в уральской горнозаводской промышленности. Тогда в компании с екатеринбургским купцом Е. П. Трофимовым он обратился к властям с просьбой взять в аренду находившиеся в казенном управлении Сысертские заводы¹⁴⁰. Хотя эта сделка не состоялась, желание стать заводчиком у Г. М. Пермикина, видимо, не пропало. Новая попытка, предпринятая через 12 лет, увенчалась успехом.

В 1873 г. за 800 тыс. руб. серебром предприниматель приобрел у П. А. Демидова Ревдинско-Рождественский округ, находившийся под опекунским управлением за долги владельца. Г. М. Пермикину достались Ревдинский, Бисертский и Мариинский посессионные заводы и три Рождественских вотчинных завода с железными рудниками (включая участок Высокогорского месторождения) и землями общей площадью 226 729 дес. Чтобы уменьшить «покупную сумму», он согласился уплатить в рассрочку казенные и частные долги владельца, рассчитывая покрывать их из заводских доходов¹⁴¹.

Три года спустя заводский исправник К. А. Вандышев свидетельствовал, что Г. М. Пермикин купил заводы «в полнейшем расстройстве, как в техническом устройстве их, так и в хозяйственном отношении», и «с самого начала своего владения приступил к преобразованиям». Он начал с ремонта заводских корпусов, поскольку они были до того ветхи, что исправник был вынужден «не раз настойчиво требовать или перестройки, или приостановки работ, т. к. ежечасно можно было ожидать разрушения их, что даже и случилось в 1873 г. в кричном корпусе, благодаря случаю, без несчастий для людей». «Видя сильное истощение лесов в Ревдинской даче, вследствие нерационального хозяйства прежнего владельца», Г. М. Пермикин «с первого же года приступил к постройке газовых, системы Сименса, печей, применив топки к употреблению хвороста, щепы, коры и т. п.». На месте сторевшего Мариинского завода был построен «совершенно новый листокатальный завод с двумя прокатными машинами, из коих одна самой новейшей конструкции». В Бисертском заводе приступили к постройке новой доменной печи, которую предполагалось пустить в октябре — ноябре 1877 г. В Ревдинском заводе владелец открыл «совершенно новое механическое заведение, поставив в нем значительное количество станков и машин, приобретенных за границей, и вместе с тем установил в заводе специальное производство рельсовых скреплений, каковые и поставляются по контракту на Уральскую горнозаводскую железную дорогу». Помимо этого, заводчик «не жалел средств и на розыск руд и вообще ископаемых богатств

в своей даче», где были открыты новые железные и медный рудники «с хорошим содержанием», залежи серного песка и колчеданов. Началось также строительство первого на Урале Рождественского никелевого завода. Как свидетельствовал исправник, «самый никелевый рудник и производство этого металла, вследствие огромных затрат, превышающих 70 тыс. руб., и той неистощимой энергии, с каковой г-н Пермикин принялся за опыты и развитие этого производства, встали теперь на твердую почву».

На реконструкцию заводов в течение трех лет было потрачено 315 630 руб. Однако «результат всех тех огромных затрат и плоды трудов», по мнению исправника, не смогли проявиться в полной мере. Этому помешали перешедшие на Г. М. Пермикина казенные и, особенно, частные долги П. А. Демидова, которые «объявились» уже после покупки. Оказалось, что за те же годы заводовладелец выплатил последних на сумму 545 917 руб. и еще остался должен около 230 тыс. руб. Следствием «постепенного выхватывания денег из оборотного капитала в уплату долгов» и оказалась финансовая несостоятельность заводчика. Уже в 1876 г. заводоуправление не смогло полностью рассчитаться с рабочими и вместо денег стало расплачиваться железом. Все это не позволяло вовремя вносить рассроченные казенные долги, горные и другие подати¹⁴².

Главный начальник уральских заводов И. П. Иванов созвал особую комиссию «для собрания сведений, чтобы на их основании представить свои соображения об упадке заводов и о мерах к поддержанию их». Участвовавший в ее работе статский советник А. Г. Померанцев сделал те же самые выводы, что и исправник К. А. Вандышев, добавив к перечню причин «расстроеного состояния» заводов еще и то, что «в прежнее время был испорчен и запущен участок Ревдинских заводов в Высокогорском руднике», а также указал на отсутствие в округе золотопромышленности, которая «в других частных округах служила подспорьем железнному делу и в критических обстоятельствах помогала продолжению заводского дела». «Меры Пермикина... — утверждал он, — привели бы Ревдинские заводы в выгодное положение, если бы не встретилось недостатка в средствах... и вообще нельзя не отдать справедливости г-ну Пермикину в том, что он является одним из полезных деятелей на Урале»¹⁴³.

Но в принятии какого-либо ответственного решения горное начальство опередила Санкт-Петербургская сохранныя казна, распорядившаяся в октябре 1876 г. назначить заводы «неисправного плательщика» Г. М. Пермикина в публичную продажу. Екатеринбургская дворянская опека взяла их в свое управление «до будущей продажи», запретив владельцу, как это полагалось, въезд в имение и устранив его от сбора доходов и пользования ими. На роль опекуна согласился бывший уполномоченный владельца, его зять граф М. М. Стенбок, которому было разрешено, несмотря на долги, закладывать металлы в казенном банке.

«Отсрочка более-менее дала возможность входить в запасы по зимнему пути материалов, продолжать выделку железа и производить расчеты рабочих людей, — извещал опекун в феврале 1877 г., — но, тем не менее, заводы, в настоящее время не имея других средств и получая ссуды в сложности только по 90 коп. за пуд железа, далеко не могут из этой цифры покрывать все текущие издержки». В том же году, основываясь на докладе министра финансов, император повелел все новые казенные недоимки Ревдинских заводов «причислить к капиталам по сим долгам и составленную таким образом сумму (927 789 руб.) рассрочить на 37 лет... с тем, чтобы в первые три года платить только половину ежегодных платежей, а остальные с начислением 5% уплатить в оставшиеся 34 года». Обеспечением новой льготы должны были служить заводы,

другие имения и золотые прииски Г. М. Пермикина. Но взять с него письменное обязательство оказалось трудно, поскольку в то время, по сведениям заводууправления, он отправился на свои сибирские прииски. Однако иркутские власти известили, что там его нет, а проживает он в Санкт-Петербурге¹⁴⁴. Оказывается, тяжело заболев в Сибири, Г. М. Пермикин возвратился в столицу, где и скончался 3 июня 1879 г. в возрасте 66 лет.

Наследники — вдова, два сына и три дочери — из-за долгов не стали «вступать в наследство», оставив имение в опекуном управлении. Оно же справлялось лишь с уплатой текущих податей, которые благодаря контролю специально назначенного чиновника ежегодно вычитались при залоге железа в Екатеринбургской банковской конторе. Непрекращавшиеся задержки с выплатами Санкт-Петербургской сохранной казне привели к тому, что заводы все-таки были выставлены на продажу, которую назначили на 7 февраля (с «переторжкой» 10 февраля) 1883 г. Продажа, однако, не состоялась из-за «чрезмерно завышенной» суммы долга. Ревдинско-Рождественские заводы остались в опекуном управлении, которое только за счет краткосрочного залога металла кое-как сводило концы с концами. В 1885 г. оно уже просило не вычитать долги из получаемых ссуд, поскольку иначе не могло вовремя расплачиваться с рабочими¹⁴⁵.

При таком положении надолго задержалось и наделение земель горнозаводского населения округа. Но именно эта мера отчасти решила долговые проблемы заводов. В 1888 г. опекун М. М. Стенбок и бывшие мастеровые закрытых Рождественских передельных заводов пришли «к добровольному соглашению», согласно которому они получили земельные наделы без начисления оброка, но с переводом на них части заводского долга (около 300 тыс. руб.). Выкупные ссуды перечислялись из Крестьянского поземельного банка не владельцу, а сразу Государственному казначейству. В результате этой сделки Рождественское имение было изъято из опекунского управления и передано «в заведование и распоряжение конкурсного управления по делам Пермикина».

Конкурсное управление было открыто еще 26 ноября 1884 г., но недвижимое имущество должника, составлявшее основной его капитал, не было тогда передано в его ведение до урегулирования вопроса о землеустройстве горнозаводского населения. Теперь же конкурсу было предписано «при совершении актов на продажу имений Пермикина, заложенных в Санкт-Петербургской сохранной казне, руководствоваться установленными правилами... до того, пока не покроется через продажу вовсе долг сохранной казне». Видимо, в 1890 г. соглашение о выкупных платежах было заключено и с ревдинскими мастеровыми. В связи с этим конкурсному управлению было передано из опеки и Ревдинское горнозаводское имение, а выкупные платежи рассрочены мастеровым на 37 лет¹⁴⁶.

Уполномоченный Управления горной частью на Урале коллежский советник С. Я. Закожурников в ноябре 1890 г. передал Ревдинские заводы представителю конкурса инженер-технологу Н. Г. Палкину. «Положение заводов крайне печально, — делился тот своими первыми впечатлениями, — главных материалов хватит не более как на один месяц, а для вывоза требующегося количества не имеется вовсе денег, и к довершению такого несчастья в заводских прудах оказалось очень мало воды». За время опекунского управления выплавка чугуна упала с 644 тыс. до 421 тыс. пуд., в 1890 г. прекратил свою деятельность восстановленный было Средне-Рождественский завод, сдававшийся опекой в аренду. Все бывшие Рождественские заводы были превращены в сельскохозяйственные имения и распроданы по частям. Не сумев найти покупателей на Абаканский завод, конкурс передал его в 1888 г. рабочей артели в аренду на 10 лет.

В 1893 г. конкурсному управлению было дано разрешение отдать в аренду и разработку принадлежавшего Ревдинским заводам участка Высокогорского рудника обществу «Кама». Ему также предоставили возможность направлять доходы от предполагаемой распродажи имения на удовлетворение претензий кредиторов (около 200 тыс. руб.), и «только затем могущие оказаться свободными денежные суммы» направлялись бы на возмещение долгов Санкт-Петербургской сохранный казне и Государственному казначейству¹⁴⁷. Казна, таким образом, фактически поступилась частью своих старинных, еще дореформенных, долгов в пользу частных кредиторов Г. М. Пермикина.

Вероятно, предоставленная возможность вернуть так неудачно вложенные капиталы подтолкнула кредиторов к более активным поискам покупателей бывшего имения Г. М. Пермикина. Удача, казалось, улыбнулась им уже в конце 1894 г., когда конкурс подписал «задаточную роспись» с правлением Товарищества Сергинско-Уфалейских заводов на продажу Ревдинского горнозаводского имения «со всеми находящимися в нем заводами, лесными дачами, землями и рудниками» за 1155 тыс. руб. Конкурсное управление брало на себя обязательство ходатайствовать перед правительством не только о рассрочке всех долгов, но и о «переводе имения с посессионного на владельческое право». Но даже в случае «неблагоприятного исхода» этого ходатайства Товарищество соглашалось принять имение «на тех правах и обязанностях, какие конкурсные имеет», и совершить сделку не позднее трех месяцев со дня уведомления о его результатах. В качестве залога конкурсное управление получило аванс в 50 тыс. руб. Уже 15 декабря 1894 г. общее собрание кредиторов утвердило продажу заводов¹⁴⁸.

Очевидно, что сделанное конкурсу предложение было для него выгодным, а намерения правления Товарищества Сергинско-Уфалейских заводов — самыми серьезными. Видимо, оно планировало объединение граничивших друг с другом двух крупных горнозаводских округов и ради этого шло на значительные издержки. Однако на пути к скорейшему заключению сделки встали непредвиденные препятствия. В Санкт-Петербургский окружной суд была подана жалоба «от Ратькова и других противников» решения о продаже Ревдинских заводов Товариществу, в результате чего сделка была отложена. Документы умалчивают о подоплеке этих событий, но они дают возможность предположить, что приобрести на выгодных условиях довольно перспективное горнозаводское имение пожелало не одно Товарищество Сергинско-Уфалейских заводов. Его соперником в этом деле оказался известный предприниматель и, судя по всему, кредитор Г. М. Пермикина В. А. Ратьков-Рожнов, который предложил за заводы большую на 120 тыс. руб. цену¹⁴⁹.

Состоявшееся 20 декабря 1896 г. общее собрание кредиторов на этом основании приняло решение о продаже Ревдинских заводов именно В. А. Ратькову-Рожнову. На оформление сделки ушло еще два года. Задержка отчасти была связана с претензиями наследников Г. М. Пермикина, неожиданно проявивших себя после многих лет невмешательства в дела управления. Поняв, что им ничего не достанется от продажи заводов, они в 1895 г. и в январе — феврале 1896 г. подали императору и в Министерство государственных имуществ несколько прошений об учреждении вместо конкурса нового опекунского управления. При этом опекуном с их стороны соглашался стать «такой опытный и знающий общественный деятель, как капитан-лейтенант М. И. Кази» (бывший директор Одесского и Балтийского судостроительных заводов, председатель Русского технического общества и Комиссии по развитию в России судоходства и торговли; добавим, что он умер в 1896 г.)¹⁵⁰.

Но мнение министра государственных имуществ А. С. Ермолова по поводу предложения наследников Г. М. Пермикина оказалось не в их пользу. «Ни существующее ныне конкурсное управление, ни всякого вида опекуновское управление, если бы таковое было учреждено... по самому назначению своему не могут затрачивать потребных на улучшение имения сумм, — писал он министру юстиции Н. В. Муравьеву. — Поэтому единственным средством к поднятию заводов... является продажа их солидному капиталисту или товариществу в возможно непродолжительное время. Настоящее время особого оживления горной промышленности представляется весьма благоприятным для полной ликвидации дел несостоятельного должника Пермикина, и всякая задержка в такой ликвидации, по мнению моему, была бы невыгодна для казны... и горнозаводского дела». Еще более лаконичный отзыв министра юстиции («Ходатайство об учреждении опеки подлежит безусловному отклонению») не оставил наследникам, так и не вступившим в права владения, никакой надежды на возврат им Ревдинских заводов¹⁵¹.

Председатель конкурсного управления действительный статский советник В. И. Иванов 16 декабря 1898 г. подписал крепостной акт на продажу Ревдинского горнозаводского имения В. А. Ратькову-Рожнову за 1275 тыс. руб., включая 1 051 145 руб. казенных долгов, переводившихся на покупателя. Ему же переходил Абаканский завод в Хакасии (в мае 1901 г. этот завод сгорел, но по просьбе рабочих владелец его восстановил; в 1912 г. завод все-таки был закрыт из-за нерентабельности¹⁵²). Конкурсному управлению досталось около 224 тыс. руб. «на удовлетворение кредиторов».

Накануне покупки, 10 декабря 1898 г., Николай II утвердил положение Комитета министров, согласно которому долги Ревдинских заводов по судам из Санкт-Петербургской сохранный казны и Государственного казначейства были вновь рассрочены на 28 лет «с платежом 4 % роста и погашения». Особо значимой была льгота по передаче покупателю посессионных заводов на праве полной собственности, что фактически означало отказ государства от собственности на природные ресурсы округа, включая значительные лесные массивы¹⁵³.

Вопрос о «перечислении» Ревдинских заводов поднимался в правительственных кругах еще с 1895 г., видимо, с целью привлечь покупателей. Как уже упоминалось, об этом ходатайствовало конкурсное управление, возглавляемое представителем Министерства финансов. Вероятно, и новый владелец приложил к этому свои усилия, занимая влиятельную должность городского головы Санкт-Петербурга, будучи «единственным представителем и собственником» лесопромышленного торгового дома «Громов и К°», которому принадлежали лесные дачи площадью свыше 385 тыс. дес. в Олонецкой и Новгородской губерниях. В столице В. А. Ратьков-Рожнов занимался скупкой земельных участков и строил доходные дома. В 1890-е гг. он также стал крупным золотопромышленником, приобретя акции ряда уральских (в частности, Миасской) и сибирских золотопромышленных компаний¹⁵⁴.

При вступлении во владение Ревдинскими заводами некоторые затруднения неожиданно вызвал перевод на пониженную горную подать. Для заводчика это условие покупки было, видимо, чрезвычайно важным. Об этом свидетельствует тот факт, что он сразу же подал прошение в Горный департамент об уменьшении размера подати не с момента утверждения купчей, а со времени ее подписания, т. е. на полгода раньше. Однако Уральское горное управление напомнило, что чугун Ревдинских заводов производился преимущественно из руды Высокогорского месторождения, находившегося в Нижнетагильском округе, и Макаровского — в Сысертском округе, являвшихся

посессионными. В этой связи было приказано брать податъ с выплавлявшегося из этой руды чугуна как с посессионных заводов. Многочисленные протесты и прошения поверенного Н. Г. Стрижова привели к приостановке взыскания повышенной подати до решения этого вопроса в Горном совете. Но обсуждение там затянулось, что было выгодно заводчику, и даже в 1911 г. Горное управление так и оставалось в неведении по поводу того, какую податъ взимать с владельческих Ревдинских заводов за чугун, выплавленный из высокогорской руды¹⁵⁵.

В 1912 г. В. А. Ратьков-Рожнов скончался, а в следующем году наследники продали округ П. Г. Солодовникову — председателю правления крупнейшего Нижегородско-Самарского земельного банка, в залоге у которого находились тогда Ревдинские заводы, пережившие с помощью банковской ссуды тяжелые годы промышленного кризиса. Наследники пытались отдельно продать и принадлежавший им участок Высокогорского месторождения, видимо, для того чтобы таким путем разрешить сложный вопрос с использованием руды. Однако Горный совет, где обсуждалась возможность такой сделки, выразил сомнение в ее правомерности, поскольку рудник, в отличие от заводов, проданных В. А. Ратькову-Рожнову на праве собственности, оставался в посессионном владении и не мог быть продан отдельно от заводов. В купчей, заключенной в 1898 г., оговаривалось, что отведенные заводам железные рудники переходили к новому владельцу «на тех же основаниях, на каких рудники эти были отведены во владение Пермикина», т. е. на посессионном праве¹⁵⁶.

За права владельцев вступился тогда управляющий округом горный инженер С. А. Гайль. «Частновладельческие заводы, — писал он в Горный департамент, — несомненно, могут быть проданы даже по частям, и, во всяком случае, продажа их никоим образом не может быть связана с Высокогорским рудником, если бы даже последний принадлежал В. А. Ратькову-Рожнову на отводном или каком-либо ином праве. С другой стороны, т. к. по закону отдельного рудника на праве посессионном быть не может, то и к Высокогорскому руднику не может быть применен принцип неотдельности от завода и его можно продать отдельно от Ревдинского имения». «Понятие „посессионные рудники“ отсутствует в законодательстве, — утверждал он, — а есть „посессионные заводы“; создавать же договорным порядком, т. е. включать в купчую крепость вид посессионного владения, законом не предусмотренного, недопустимо». Ссылаясь на закон 9 декабря 1863 г., управляющий настаивал на том, что законодатель тем самым «решил совершенно уничтожить посессионное право по отношению к рудникам, приписанным к заводам, кои имели пособие от казны лишь в виде приграниченных рудников», забывая, что в акте имелись в виду рудники, приписанные к частным заводам, но располагавшиеся на казенной земле¹⁵⁷.

Вопрос об «отдельной продаже» участка Высокогорского рудника, ввиду его неоднозначности, был передан на рассмотрение в Сенат, а сам участок — выведен из объектов сделки. Дело еще находилось в Сенате, когда в ноябре 1914 г. П. Г. Солодовников обратился с просьбой передать ему в пользование этот участок «в видах снабжения рудою Ревдинских заводов»¹⁵⁸. Скорее всего, так и произошло после получения крупных военных контрактов в 1915 г. Невыполнение условий этих контрактов привело в октябре 1917 г. к секвестру округа и передаче его в ведение Министерства торговли и промышленности. В таком состоянии реквизируемый Ревдинский округ находился до 17 марта 1918 г., когда был национализирован и передан в управление Деловому совету¹⁵⁹.

«Отобрание» посессий за нарушение законодательства*Ирбинская посессия*

Еще с 1740 г. на базе Ирбинского железорудного месторождения в Енисейской губернии действовал небольшой казенный Ирбинский завод, считавшийся первым чугуноплавильным и железоделательным предприятием в Сибири. По некоторым сведениям, уже в 1770-е гг. он был передан «в купеческое содержание» (вероятно, в аренду) московскому купцу И. Г. Савельеву, а в 1801 г. перешел в распоряжение иркутского купца Кузнецова и казанского купца Патюкова¹⁶⁰. По сведениям Горного департамента, бездействующий завод с лесной дачей был назначен для передачи в посессионное владение по сенатскому указу от 8 июня 1816 г., в соответствии с которым Пермское горное правление 17 декабря 1825 г. отдало дачу во владение купца Патюкова с условием в пятилетний срок возобновить действие Ирбинского завода. Это был, видимо, один из первых договоров, заключенных казной с частным лицом, на владение горным заводом на посессионном праве. По некоторым сведениям, завод возобновил работу еще в 1823 г., но вновь закрылся в 1829 г. В соответствии с «данной грамотой» от 2 сентября 1841 г., Ирбинская дача площадью 127 022 дес. была продана с торгов «тайной советнице» Евгении Бескоровайной на тех же условиях.

Но ни через пять лет, ни даже через 20 лет владелица так и «не приступила к восстановлению заводского действия, а занималась лишь золотопрмышленностью». По некоторым сведениям, в начале 1860-х гг. к покупке Ирбинского имения проявили интерес предприниматели А. М. Ширияев и А. Г. Кольчугин, намеревавшиеся строить в Сибири металлургический завод. Уже был заключен предварительный договор о продаже, но открытие нового месторождения железных руд в том районе изменило планы предпринимателей. Они отказались от покупки Ирбинской дачи и в 1866 г. построили вблизи нее Абаканский завод¹⁶¹.

Когда сведения об этом достигли столицы в 1867 г., Министерство юстиции предложило «отобрать посессионные земли в казну». Но 20 октября того же года владелица «дала подписку, в коей обязалась устроить и пустить в действие Ирбинский завод в предложенный ей, по приказанию министра финансов, пятилетний срок». Когда и этот срок прошел, Горный департамент, все еще надевшийся на владелицу, продолжал предоставлять ей всё новые отсрочки, «отказывая в просьбе тем, которые изъявляли желание добывать руды в посессионной даче Бескоровайной». Когда же в 1877 г. ввиду невыполнения условия владелице грозило новое объяснение с властями, она прибегла к другому способу удержать за собой богатую ресурсами дачу, заявив о намерении выкупить ее в полную собственность с рассрочкой платежа на 37 лет, но при этом продолжала тянуть время.

В 1881 г. горное ведомство все-таки решилось подать иск «об отобрании Ирбинской посессионной дачи в распоряжение казны». Енисейский губернский казенных дел стряпчий 1 ноября 1882 г. предъявил иск в Минусинский окружной суд, требуя дополнительно взыскать с ответчицы 26,5 тыс. руб. убытков, понесенных казной «от неполучения за дачу пошлин». Иск основывался на том, что Е. Бескоровайная, владея Ирбинской дачей на посессионном праве, «не исполнила обязательств, сопряженных с посессионным владением, и, несмотря на многократные отсрочки, которые давались ей по ее просьбам... поныне не устроила завода и в действие его не пустила, и потому пользовалась дачей неправильно».

Однако, как и прежде, суд столкнулся с упорным нежеланием ответчицы признать свою вину и отказаться от обширной земельной дачи, вероятно, приносившей ей немалый доход. На запрос суда она вдруг объявила, что приобрела дачу с публичного торга «в вечное и потомственное владение», а потому никогда себя не считала «посессионной владелицей». Кроме того, настаивала Е. Бескоровайная, со времени покупки прошло уже «несколько сроков давности», что, якобы в любом случае, давало ей право собственности на приобретенное имущество. В связи с осуществлением судебной реформы дело было перенесено в Енисейский губернский суд, который 10 декабря 1886 г. вынес свое определение: «...спорную дачу, изъяв из владения Бескоровайной, передать в распоряжение казны». «Бескоровайная, как и ее предшественник купец Патюков, владела дачей на основе договора с казной, — пояснял суд, — и если бы она исполнила договор, пустив Ирбинский завод, то имела бы право владеть дачей вечно и потомственно, но поскольку она завода не устроила и в действие не пустила, чего и сама не отрицает, то и пользоваться дачей, назначенной для сего завода, права не имеет». Принцип же давности владения действующим законодательством не распространялся на казенные земли, отданные в условное пользование. В то же время суд постановил «не входить в рассмотрение убытков» из-за отсутствия данных для их определения¹⁶².

До принятия судом постановления владелица не дожила, и апелляцию подал в Сенат ее сын коллежский ассессор Анатолий Бескоровайный, который показал не меньшую изворотливость в отстаивании права владения обширной посессионной дачей. Он доказывал, в частности, что «неисполнение условий договора не дает еще казне права требовать нарушения оно, а влечет за собой лишь право требовать такого исполнения». Кроме того, по его сведениям, купец Патюков пустил завод еще 21 сентября 1823 г. и, таким образом, ко времени заключения договора с казной в 1825 г. уже выполнил условие, нарушение которого послужило для казны основанием для возбуждения иска. Наследник счел, что Ирбинская дача тогда же перешла в собственность Патюкова, а потом и его матери Е. Бескоровайной.

Все эти «заявления» были отвергнуты Апелляционным департаментом Сената в феврале 1889 г. Обратившись к тексту актов, сенаторы выяснили, что по договору 1825 г. земля предоставлялась купцу Патюкову «в содержание с возложением на него обязанности постройки завода в пятилетний срок», что соответствовало условиям посессионного владения. Е. Бескоровайной в 1841 г. имение перешло «на том же основании», что и купцу, а горное ведомство, «постоянно требуя от нее исполнения возложенных обязанностей, никогда не признавало за нею права собственности». «Апеллятору» разъяснили, что «на точном основании закона неисполнение условий договора... должно повлечь за собой отобрание дачи в казну с устранением всяких прав Бескоровайной и ее преемников». Решение Енисейского губернского суда было оставлено в силе, а проситель подвергнут «узаконенному штрафу за неправую его апелляцию».

Но на этом коллежский ассессор не успокоился. Он подал три «всеподданнейшие жалобы» на постановление Сената, выдвинув новые, еще более сомнительные аргументы. А. Бескоровайный уже не отвергал прав посессионного владения Ирбинской дачей, но утверждал, что казна сама не выполнила условий договора, в частности не командировала горного инженера для устройства завода, а также пропустила срок на предъявление иска к его матери. Он полагал, что «обращение земли обратно в казенное ведомство могло иметь место только при первоначальном невыполнении условий, на которых земля была отдана в пользование... и что если признать за казной право

требовать вторичного их исполнения, то... следует назначить для сего вновь пятилетний срок». Опираясь на закон 3 декабря 1862 г., он настаивал на том, что в случае невозобновления «заводского действия» в трехлетний срок завод не изымается у владельца, а берется в казенное управление или назначается в публичную продажу.

На этот раз «дело об Ирбинской посессии» рассматривалось в Общем собрании Сената. Выяснилось, что горное ведомство еще в 1866 г. направляло «для содействия к возобновлению Ирбинского завода» горного инженера И. А. Спиридовича и отказало Е. Бескоровайной в замене его только тогда, когда инженер после трех лет работы «не нашел возможности исполнить порученного ему дела по невыгодности предложенных ему со стороны владелицы условий». Все же правовые доводы истца были признаны «неосновательными». Сенаторы пояснили, что «самая сущность посессионного владения и возлагаемые при этом казною на посессионного владельца обязанности указывают на то, что казна вправе требовать от такового владельца их исполнения не только при начале, но и во все время продолжения его владения, чтобы пользование его казенною землею действительно соответствовало той цели, для которой этот вид владения установлен законом». Для верности Сенат даже заручился поддержкой Министерства юстиции, которое в ответе на запрос дало очередное определение посессионного права как «временного права пользования, прекращающегося с окончанием заводского действия»¹⁶³.

Сенат также констатировал, что иск против Е. Бескоровайной подавался казной не один раз, но предоставляемые ей отсрочки задерживали его исполнение. Срыв владелицей всех предыдущих договоренностей «не давал ни малейших оснований» для того, чтобы обязать казну предоставить новую отсрочку ее наследникам. Что же касается самого акта изъятия имущества, то он признавался уместным, поскольку правила, на которые ссылался проситель, не относились к настоящему делу. Они, заявили сенаторы, по крайней мере, предполагают существование самого завода, который уже не действовал более 60 лет, и к тому же установлены для «обеспечения горнозаводского населения», которого в окрестностях бывшего Ирбинского завода давно уже не было. Жалобы, таким образом, были «оставлены без уважения», а новый сенатский указ от 17 февраля 1892 г. сохранил прежнее решение суда в силе¹⁶⁴.

Последнее упоминание об Ирбинской лесной даче встретилось нам в «разных делах» Горного департамента за 1902–1903 гг. Тогда томский купец Г. Д. Дистлер обратился в горное ведомство с просьбой об обмене принадлежавшего ему в этой даче золотого прииска на другой в связи с «закрытием» дачи для частного горного промысла «в интересах лесохозяйства будущего металлургического завода». Горное начальство спустя восемь десятилетий после остановки Ирбинского завода все еще, видимо, рассчитывало на возрождение этого старинного предприятия¹⁶⁵.

Уинская посессия

Еще более запутанным и сложным оказалось дело об «отобрании» земель Уинского и Шермяитского заводов. Эти небольшие медеплавильные предприятия, составлявшие самостоятельное горнозаводское хозяйство, находились в Осинском уезде Пермской губернии. В 1769 г. заводы были куплены у А. И. Глебова и перешли во владение рода Яковлевых. Проблемы со статусом этих заводов, возникшие из-за прав на земли, коротленные у башкир и татар еще в XVIII в., привели к отграничению в 1840–1842 гг. от Уинского завода лесных дач, к переселению на них государственных крестьян и к

переводу завода в 1853 г. в разряд посессионных (Шермяитский завод оставался владельческим) в ходе проводившейся тогда властями кампании по проверке прав заводчиков. Наследникам С. С. Яковлева это послужило поводом к постепенному закрытию заводов, что повлекло за собой сокращение выплавки меди с 3 тыс. до 1 тыс. пуд. и перевод части крепостных на Алапаевские заводы. Когда наряду с хозяйственными проблемами владельцы столкнулись еще и с активным сопротивлением мастеровых, они приняли решение о продаже «беспокойных» Уинских заводов¹⁶⁶.

После перехода имения в январе 1859 г. к графине О. Н. Рошефор (урожденной Коптевой) началась новая полоса «неурядиц», приведших к остановке заводов. Видимо, совершая покупку, она плохо представляла положение имения, которое было лишено оборотного капитала еще при бывших владельцах. В августе 1860 г., через полтора года после покупки, графиня прибыла на Урал. Тогда Уинские заводы предстали перед владелицей «во всей красе». Со слов министра финансов А. М. Княжевича, цитировавшего в своем предписании письмо графини, «она не нашла во всех заводских строениях и плотинах ни одного места не гнилого и не обратившегося в пепел». «Довольно того, — описал он образно переданную О. Н. Рошефор картинку, — что, когда графиня подошла к перилам заводской плотины и только тронула их, в ту же минуту и на всем пространстве они рухнули в воду». Более того, «в виду самой владелицы» из-за неосторожности казенного лесничего сгорели угольные кучи, заготовленные для Уинского завода. Графиня обнаружила также, что местная казенная палата, в ведении которой находились отмежеванные земли, «выжгла и вырубилла все, что было около сего завода, и потому уже бросается отчаянно на леса, стоящие вблизи Шермяитского завода...» По ее мнению, от действий властей «страдал не один интерес владельца и казны, но страдало все помещичье население, претерпевая ежедневно буйства и обиды от самовольного заселения между ними русских и татар, которые, вторгнувшись на жительство посреди самого селения, отнимают у них сенокосы и даже скошенное сено... уводят и убивают лошадей... и распахивают даже рудники». «Словом, — заключала О. Н. Рошефор свои наблюдения, — нет житья и спокойствия этому несчастному народонаселению потому только, что на правах владельца их на эти земли наименование посессионных отяготело».

Обнаружив, таким образом, «крест, на котором благосостояние заводов было распято и доньяне стенало беззащитно потому, что не было старания ни от кого, чтобы подать ему, страждущему безвинно, спасительную руку помощи на основании законов», О. Н. Рошефор упрекала Горное правление в ошибочном, по ее мнению, переводе Уинского завода в разряд посессионных. Она собралась опровергнуть это решение, хотя и не смогла представить удостоверявшие факт покупки земли документы, якобы «сгоревшие во времена пугачевщины». «Что владельцу остается, — писала графиня, — как не самому раскрывать такие истины... о которых частному лицу и знать бы не следовало, если бы он не был заставлен входить во все подробности обстоятельств, по которым Уинский завод... до крайности стеснен и разорен». Ее аргументы, как видно из приведенных цитат, были в основном эмоциональными. «Лишать кого-либо законно принадлежащей собственности есть вещь столь важная и ответственная перед Богом, что, конечно, никто в полном сознании сего не пожелает», — писала она в Горное правление в надежде на то, что чиновники усомнятся и вернут ей право собственности на землю¹⁶⁷.

В своих многочисленных прошениях, направленным в Уральское горное правление, Министерство финансов и императору, она настаивала на ошибочности

«перечисления» Уинского завода в 1853 г. в разряд посессионных, уверяя, что татары не являлись вотчинниками заводских земель и не имели на них документов, а появились там только после «пугачевского замешательства» и «скрывались в лесах Яковлевых от податей казенных». «Можно ли таким голословным заявлением Азиатской Орды... уничтожить вотчинное право на эти земли владельцев Уинского завода, существующее уже с лишком столетие?» — риторически вопрошала графиня, добавляя, что «казенных людей при Уинском заводе нет ни одного, казенных земель — ни вершка, рудников казенных — также ни одного». «Труд мой для исследования самой истины, полагаю, не будет напрасным... — рассчитывала заводчица. — Горное правление наведет порядок, и мой Уинский завод вздохнет в скором времени той жизнью, которой он достоин для истинной пользы казны, для чего крайне необходимо спокойное владение». «Уповая на одно Божье провидение», владелица решила в 1861 г. даже изменить название заводов, дав им имя Ольгинских. Тем самым, полагала О. Н. Рошефор, она лично утверждает владельческий статус заводов. «С душевным удовольствием, — писал министр финансов, — графиня желает новоименованным заводам ныне быть счастливее во всех отношениях прежнего своего несчастного наименования и существования»¹⁶⁸.

Однако местные горные власти неукоснительно придерживались буквы закона, еще в 1840-х гг. подтвердившего казенный статус спорных земель Уинского завода по причине «уничтожения вотчинных прав продавателей — татар». Эти земли, утверждали чиновники Горного правления, тогда же перешли «в ведомство государственных имуществ», и были «приняты меры относительно назначения сему заводу пропорции леса». Но это решение оспорили, «с одной стороны, башкиры и мещеряки, а с другой — татары и государственные крестьяне», что, видимо, и остановило межевание. Только 3 марта 1859 г., т. е. через полтора месяца после продажи Яковлевыми Уинских заводов, последовал указ Сената о прекращении спора и об определении для Уинского завода «положенной пропорции лесов». Земли же, которыми завод до того пользовался, было приказано «замежевать в одну округу с казенными волостями»¹⁶⁹. Следствием этого и стали те действия казенной палаты, на которые в 1860 г. жаловалась владелица.

Тогда же Сенат потребовал от графини документы на право владения дачей Шермяитского завода, площадь которой составляла 310 335 дес. Эти земли, как оказалось, во время генерального межевания в Оренбургской губернии не были формально обмежеваны «по случаю отграничения завода в 1800 г. в Пермскую губернию». Владелица в этот раз смогла предоставить акт от 16 июля 1759 г. об уступке башкирами Гайнинской волости основателю Шермяитского завода А. И. Глебову «от того завода во все стороны по 50 верст леса». «Вольно ему, Глебову, на той нашей вотчине на свой завод руду возить и на медь плавить», — было записано в грамоте¹⁷⁰.

В январе 1861 г. Межевая канцелярия откомандировала своего чиновника в Уинские заводы. Когда же тот отмерил 50-верстное пространство от Шермяитского завода, якобы «навечно» окортомленное у башкир, в его границах оказался и Уинский завод со своей дачей. Таким образом, получалось, что посессионная дача находится внутри вотчинной. Графиня немедленно «объявила спор о принадлежности ей в крепостную собственность» этих земель и, считая данный факт бесспорно доказывающим владельческий статус не только Шермяитского завода, но и Уинского, выставила счет Горному правлению за якобы «несправедливо» переплаченную с 1853 г. горную подать. Следствием этого, в свою очередь, вновь стала приостановка межевания, в результате чего отвод лесов для Уинского завода так и не был произведен.

Тем временем на заводах произошли события, еще более усложнившие ситуацию. Побывавший там в мае 1862 г. чиновник по особым поручениям при пермском губернаторе Синельников получил устную жалобу рабочих, которые заявляли, что управляющий «не платит им жалованья, что у них нет семян на посев, что нет в складе ни меди, ни провианта и тому подобные изветы». Следствием этого стали распоряжения губернатора и Пермского губернского по крестьянским делам присутствия о выделении денежного пособия рабочим, а также об установлении опеки над владельческим Шермяитским заводом. Уральскому горному правлению было предложено учредить на Уинском посессионном заводе казенный присмотр, как предписывал сенатский указ от 18 июня 1845 г. в случае «справедливых жалоб рабочих». Осинский земский суд получил предписание вызвать владелицу или ее поверенного и произвести опись Шермяитского завода при передаче его в опеку.

Дальнейшие события развивались стремительно. «Такие произвольные действия губернских властей при существовании вследствие обнаруженного тогда подстрекаательства некоторых порочных людей нерасположения населения заводов к исполнению своих обязанностей, — записано в одном из документов, исходящих из «штаба» владелицы, — имели последствием вначале то, что рабочие бросили работы, заводские служители отказались исполнять свои обязанности, а местный управляющий 1 июля самовольно закрыл заводское действие, послав в Горное правление донесение, что он сделал это от невыносимого противодействия местных губернских властей, а впоследствии скрылся с заводов, не сдав никому управления и не дав отчета владелице в заводском действии и в расходе полученных им на это действие денег»¹⁷¹.

В то же время ни Осинская дворянская опека, ни земский суд, ни даже Уральское горное правление не торопились исполнять распоряжение губернатора. Горные чиновники резонно полагали, что учреждение казенного присмотра «имело бы значение и силу только при действии завода, а Уинский графини Рошефор завод остается... по произвольному распоряжению заводовладелицы без действия, а заводские люди при собственных своих занятиях». «Эта остановка заводского действия... — пришли они к выводу, — делает излишним учреждение казенного присмотра с целью прекращения стеснительного положения рабочих... тем более, что попечение о продовольствии заводских крестьян... возложено на Комиссию народного продовольствия»¹⁷².

По отзыву опеки, причиной задержки ее действий явилось отсутствие в Осинском уезде дворян, «из которых можно было бы назначить опекуна», хотя, как оказалось, было разрешено поручить управление Шермяитским заводом одному из членов уездного суда. Но и с этим опека не торопилась, поскольку не могла принять завод без описи. Суд же, который должен был составить опись, не решался сделать это без поверенного от владелицы, как того требовал закон. О. Н. Рошефор в такой ситуации, естественно, не только сама не явилась на заводы, но и не передала на это полномочий управляющему. Она вновь обратилась в разные инстанции с жалобами, в которых утверждала, что никогда и никакого пособия от губернских властей лично не просила и не получала. Следствием же «существования номинальных опеки и присмотра», по ее мнению, стало «расхищение заводского имущества и совершенная невозможность продолжения работ», поскольку «под предлогом присмотра и опеки стали являться в заводы исправники каждый раз, как только владелицею делалось распоряжение о ремонте по заводам и плотинам, так что положительно мешали в том, доведя до разрушения». Например, когда в 1863 г. она послала гвардии ротмистра Карташова

«открыть заводское действие», пермский губернатор А. Г. Лошкарев «под предлогом бессмысленным» запретил это делать. Более того, едва Карташов уехал из заводов, как случилось новое происшествие: в Уинском заводе, где прежде очищалась медь, 30 сентября сгорела медеплавильная фабрика. «Истребление этой фабрики с расхищением подвижности, — уверяла заводчица, — сделало окончательную преграду действию обоих заводов, и она сгорела неизвестно еще по какой причине и весьма удивительно, будучи уже с год без действия и окруженную водой»¹⁷³.

Но губернские власти не собирались сдаваться под натиском жалоб заводчицы. Эти жалобы, полагали они, не имели никакого основания, поскольку ни опека, ни казенный присмотр еще не были установлены, вследствие чего они и «не могли иметь никакого влияния на продолжение или остановку заводского действия». В губернском правлении подсчитали также все известные долги графини, достигшие 13 547 руб., большую часть которых составлял долг рабочим по заработной плате.

Пермское губернское правление сделало «строгое замечание» Осинскому земскому суду «за бездействие». Тот направил «вторичную повестку» О. Н. Рошефор. Но обнаружить графиню ни в Москве, ни в Петербурге не удалось. Московская управа благочиния сообщила, что она, возможно, выехала в одно из своих имений, находившихся в разных губерниях. Тогда в мае 1865 г. губернское правление предписало уже Осинскому полицейскому управлению «немедленно приступить к описи и оценке заводов для продажи с публичных торгов на удовлетворение долгов». Сразу же обнаружившаяся заводчица вновь протестовала. «Пермское губернское правление... сделало журнальное постановление о продаже заводов моих с аукциона, выводя долги... из коих все ложь, и тех долгов не следует с меня ни копейки», — сообщила она главному начальнику уральских заводов, ссылаясь на сенатский указ от 9 марта 1865 г., по которому Уинский завод якобы был «перечислен» в разряд владельческих с возвращением владелице переплаченной с 1853 г. горной подати. «При этом случае вполне надеюсь, что Ваше превосходительство не упустит из виду предупредить весь вред, причиненный горному делу наступами на существование заводов от пермских губернских властей, и выскажет отчаянность таких их действий, в которые они вошли безответственно, разрушив в такое короткое время то, что с таким трудом и попечением и огромною затратою капитала устраивалось и поддерживалось более столетия... Подобные казусы вряд ли когда-либо бывали в поднебесной», — как всегда патетично завершила графиня свое прошение.

Но оказалось, что О. Н. Рошефор выдавала желаемое за действительное. Сенат в 1865 г. предписал министру финансов лишь провести расследование о землях Уинских заводов. На запрос министра Уральское горное правление ответило, что «по изложенным в деле обстоятельствам не представляется в настоящее время никакого основания к перечислению Уинского, или Ольгинского 2-го, завода в разряд владельческих и что документы, которые графиня Рошефор представила для доказательства прав своих, не заключают в себе никаких данных в поддержку этих прав». В то же время главный начальник уральских заводов А. А. Иосса соглашался с тем, что в случае признания Сенатом прав графини на Шермяитскую дачу Уинский завод, располагавшийся внутри этой дачи, должен быть переведен в разряд владельческих. Он также полагал, что тогда следовало бы вернуть графине и переплату по горной подати с этого завода, но не с 1853 г., а со времени его покупки в 1859 г. Однако решение этого вопроса оказалось достаточно сложным. По сообщению межевщика, в черту 50-верстного отвода к Шермяитскому заводу входили еще до 150 владельческих и казенных дач, многие

из которых были уже «обмежеваны генерально». Из-за этой «несообразности владенного акта с действительным положением владения» межевание вновь было остановлено «впредь до сенатского постановления»¹⁷⁴.

Пока же окончательное решение не было принято и с учетом того, что на заводах О. Н. Рошефор накопились долги по горным податям (отсрочить их уплату «до будущей выплавки» она безрезультатно просила еще в 1863 г.), Горное правление предписало исправнику Суксунских заводов В. Г. Ильину участвовать как в опекуном управлении, так и при описи и оценке Ольгинских заводов. В ноябре 1865 г. он побывал там и «по личному удостоверению» убедился в отсутствии на заводах и доверенного от владелицы, и управляющего от опеки, «кроме одних лиц, охраняющих заводские строения». Заводы по-прежнему бездействовали, а уволенные от работ крестьяне, по его наблюдениям, «большей частью занимались хлебопашеством... а некоторые из них уехали... для приискания вольной службы».

В условиях полной «неразберихи» в управлении, видимо, началось расхищение заводского имущества. В марте 1866 г. бывшие заводские мастерские заявили в волостное правление о том, что «заводоуправление графини Рошефор уничтожает медеплавильные печи». На запрос исправника бывший тогда в статусе управляющего подпоручик Трубников сообщил, что не имеет никаких «официальных сведений» о том, что подведомственные ему заводы взяты в опеку, и порекомендовал исправнику и управе не командовать, а «обратить внимание на тех лиц, которые постоянно производят воровство, как днем, так и ночью». Управа, в свою очередь, упрекнула управляющего в «несправедливом нарекании на тамошних жителей в расхищении заводского имущества», уведолив Уральское горное правление о том, что сам Трубников «отбыл из заводов неизвестно куда в половине апреля месяца»¹⁷⁵.

В последующие годы сложившаяся на Ольгинско-Уинских заводах ситуация существенно не менялась. Губернское и Горное правления состояли в вялотекущей переписке, которая свидетельствует о том, что ни опека над Шермяйтским заводом, ни казенный надзор за Уинским заводом так и не были организованы, а Сенат не спешил рассмотреть дело о земельных правах О. Н. Рошефор. Она, видимо, путешествовала, а ее делами занимался муж И. Л. Рошефор, проживавший в Санкт-Петербурге и исполнявший роль доверенного лица.

Бездействующий Уинский завод вновь обратил на себя внимание горных властей в 1870 г., когда обнаружилось, что давно истек трехлетний срок, на который разрешалось закрывать посессионные предприятия. Это влекло за собой новое назначение завода к продаже с публичных торгов, тем более что у графини накопились казенные долги как по прежним ссудам, так и по горным податям с недействующих, но все еще числившихся в горном ведомстве заводов.

В октябре 1870 г. в Горный департамент поступило прошение от коллежского секретаря Н. И. Дублицкого, подписавшегося «управляющим конторой Ольгинско-Уинских заводов графини Рошефор». «Горное правление, вопреки всем статьям горных законов, не оказало заводам никакого покровительства и защиты, а предметы сожжения фабрики и самовольного истребления заводских лесов остались до сего времени горным ведомством не обследованными, — жаловался он. — Вместо оказания покровительства и защиты от разорительного для заводов произвола губернских властей, и особенно по Уинскому заводу (правильно или неправильно, но считающемуся посессионным), Горное правление само увеличило затруднительность положения их, начав

делать на эти не действующие с 1 июля 1862 г. заводы, как на действующие, разные начеты, тогда как имело о прекращении действия их своевременное официальное донесение. Начеты эти ежегодно увеличивались новыми пенями за неуплату уже сделанных и дошли до значительной цифры. Затем давали распоряжения об описи заводского имущества и строений для продажи с публичных торгов, несмотря на то что графиня и поверенные ее постоянно и доказательно протестовали против неправильности сих начетов и просили впредь до окончательного сложения их зачесть в сумму, следующую графине Рошефор с горного ведомства в возврат за излишне переплаченную уинскую медь... основываясь на неопровержимых доказательствах того, что Уинский завод в действительности не есть посессионный». В заключение Н. И. Дублицкий просил «сложить все начеты», т. к. «отстранение стеснения» было необходимо ввиду распоряжения владелицы об «отстройке вновь завода Шермяитского, а по производству следствия (о пожаре 1863 г. — *Е. Н.*) и завода Уинского»¹⁷⁶.

Вряд ли намерения О. Н. Рошефор «отстроить» завод были основательными: они, вероятнее всего, были направлены на то, чтобы в очередной раз избежать продажи (тем более что о конкретных шагах по восстановлению заводов в документах нет никаких сведений). Уинские заводы 1 марта 1871 г. вновь были назначены Пермским губернским правлением к публичной продаже. Тогда же произвели перерасчет долга и определили его в размере 7804 руб., из которых поверенный графини признал только 45 руб. Но торги, как и следовало ожидать, отложили в связи со все еще не завершенным делом о правах владелицы на земли.

К подаче очередного прошения О. Н. Рошефор подготовилась основательнее, собрав материалы и издав в Санкт-Петербурге несколько «сборников документов древней Шермяитской дачи» и книгу по истории Уфимской провинции, вызвавшую полемические заметки известного пермского историка Н. К. Чупина¹⁷⁷. Возможно, это ускорило рассмотрение дела в Сенате, который вынес наконец свое решение. В указе от 6 июля 1875 г. утверждалось, что «все обстоятельства дела явно обнаруживают, что притязания графини Рошефор касаются не межевых вопросов, а определения вотчинных ее прав на спорную местность». После 15 лет раздумий Сенат предложил графине, «если она желает получить в свое владение земли», обратиться с иском в суд. Межевой канцелярии предписывалось «дать дальнейший ход» остановленному делу по межеванию земель¹⁷⁸.

О переплаченной подати О. Н. Рошефор размышляла на протяжении четырех лет, пока не решилась в 1879 г. подать в Екатеринбургский окружной суд встречный иск к Горному правлению, требовавшему от нее уплаты уже только 6338 руб. (ее же претензии в совокупности простирались до 68,2 тыс. руб.). Защищать интересы казны поручили коллежскому ассессору И. Э. Ландезену, который, ознакомившись с иском, назвал его «преждевременным... и ошибочно преувеличенным в самом размере исковой суммы». Он подал в суд опровержение и просил ускорить слушание дела. По доверенности истицы присяжный поверенный Бибииков предоставил в ответ 69 «документов и справок, которыми старался доказать владельческое право графини Рошефор на дачу Уинского завода», и заявил об уменьшении суммы иска до 24,4 тыс. руб. В такой ситуации товарищ председателя суда отложил слушания, «приняв во внимание обширность и многосложность этого дела».

При подготовке к новому судебному заседанию И. Э. Ландезен, видимо, обнаружил основной изъян в позиции горного ведомства в отношении статуса Уинского

завода, признанного казной посессионным, но так и не наделенного лесами, несмотря на предписания высшей власти. В свою очередь Министерство государственных имуществ, которому следовало этим заниматься, заявило, что прежде «должно удостовериться, будет ли пущен завод владелицей и в каком размере». Однако в Петербурге, куда был отправлен запрос, графини не оказалось. Более того, некто Кисель-Загоранский, который громко именовал себя «управляющим горнозаводским производством на Урале графини Рошефор», сообщил, что, «согласно контракта с Рошефор и имея доверенность, приступает к управлению Уинской дачей... и будет отдавать земли в аренду и продавать лес на сруб». Юрист Уральского горного правления, размышляя над сложившейся коллизией, счел, что «к прирезке встречается в настоящее время препятствие не только в том, что этот завод не действует, но также и в том, что графиня Рошефор вовсе не просит и не желает такого наделения ее завода казенными лесами, полагая, что окружающие завод земли принадлежат ей на праве собственности», и рекомендовал до решения суда не принимать никаких мер¹⁷⁹. Дело, таким образом, все усложнялось, а слушание его все откладывалось.

Тогда к следствию подключился юрисконсульт Министерства государственных имуществ. Он заключил, что при рассмотрении иска О. Н. Рошефор о долгах суд отклонился от его сути, а вопрос о признании за графиней права собственности на лесные дачи имеет другой предмет и должен быть рассмотрен «путем самостоятельного иска к надлежащим при том ответчикам, а не по своему выбору и усмотрению». Вопрос же о статусе Уинского завода по законам вообще «не состоял по значению таких предметов... ведению и разрешению судебных установлений». Таким образом, становилось понятным, что вопрос о долгах по горным податям, непосредственно связанный с установлением прав владения на заводы, вообще не может быть решен судебным порядком. Воспользовавшись этим обстоятельством, И. Э. Ландезен на заседании, состоявшемся 18 сентября 1881 г., добился того, что иск О. Н. Рошефор был «оставлен судом без рассмотрения». Графине, прибывшей в Екатеринбург, ничего не оставалось, как подать очередную жалобу на окружной суд в Казанскую судебную палату. Но и та 21 декабря 1881 г. признала эту жалобу «не заслуживающей уважения». Следующим шагом заводчицы стала подача кассационной жалобы в Сенат. Неспешный Сенат 20 мая 1883 г. тоже оставил ее «без последствий», истица при этом отсутствовала¹⁸⁰.

Графиню долго разыскивали в Петербурге, Перми и Туле. В 1888 г. обнаружили лишь местопребывание ее доверенного лица, которым оказался ее сын, знаменитый архитектор Н. И. Рошефор, проживавший в Петербурге. «Снести о местожительстве графини Рошефор и в случае открытия ее местопребывания распорядиться о предъявлении ей исполнительного листа о взыскании издержек», — предписали судебные власти. Но из столицы вновь пришло известие, что, «несмотря на неоднократные розыски графини, нельзя было обнаружить ее местонахождение, т. к. она постоянно меняет свое жительство, и это обстоятельство лишило возможности привести в исполнение решение... о розыске».

В этой ситуации надлежало «обратить иск» на недвижимое имущество графини в Уинском и Шермяйтском заводах. Еще в 1883 г. исправник рапортовал, что в первом из них имелись в собственности О. Н. Рошефор земляная плотина и два деревянных дома, «пришедших в совершенную ветхость», а во втором — разрушенная заводская плотина и новая деревянная изба. Уральское горное правление сочло, что этого имущества, «судя по его положению», будет явно недостаточно на покрытие взыскания,

«особенно если на это же имущество будут отнесены издержки по описи, оценке и продаже его». Оно даже просило разрешения прекратить дело, но в Горном департаменте не нашли достаточных оснований для этого и рекомендовали прежде все-таки продать имевшееся имущество.

К решению «столь важного вопроса» подключилось и Пермское управление государственных имуществ, в 1884 г. предложившее «прирезать десятин 40–50 под спрудную воду» к плотине Уинского завода, которую в таком случае могло бы купить за несколько тысяч рублей уинское сельское общество, чьи земли окружали плотину. Этот вариант выглядел вполне реальным, поскольку, как было известно управлению, крестьяне Уинской волости заявили ходатайство «о предоставлении в надел покосов, образовавшихся из-под спрудной воды выпущенного заводского пруда»¹⁸¹.

В начале 1886 г. уже Горный департамент предложил продать Уинский завод «с правом на приграничение к нему для его действия коронных лесов и с тем, чтобы продажа эта была совершена в пользу владелицы завода, но с вычетом расходов по производству описи и продажи и казенных взысканий». Когда же окружному инженеру П. П. Боклевскому предписали провести эту опись, он отправил в Уральское горное правление очень показательную записку, свидетельствующую о состоянии когда-то известного завода. «Не имею возможности выполнить поручение, не зная этого завода, — писал обескураженный инженер. — Не представляется ли это название опиской, и по созвучию не следует ли читать Кувинский (один из заводов Строгановского майората. — *Е.Н.*). Настоящее недоразумение покорнейше прошу мне разъяснить».

Составление описи и оценку поручили другому, более осведомленному, инженеру М. Д. Белоусову и старшему заседателю полицейского управления Капачинскому. Опись Уинского завода они составили 26 августа 1887 г. в отсутствие бесследно пропавшей заводчицы и ее поверенных. «Из заводских устройств и сооружений решительно ничего в целости не сохранилось, — указывалось там. — Все фабрики обрушились, и от них остались только признаки в виде остатков сгнивших свай, канавок и насыпей, указывающих на когда-то бывшее их существование. Плотина тоже полуразрушена и прорез ее совершенно сгнил, так что в пруде сохранилось воды незначительное количество... Из зданий и строений точно так же ни одного не осталось, и только места, где существовали строения, сохранили признаки в виде канав и насыпей». Чиновники выяснили, что площадь участка под бывшими заводскими зданиями составляла всего 34 дес. 585 кв. саженей и оценили все имущество в 600 руб.; они подсчитали, что для возобновления выплавки меди в прежнем объеме (в среднем по 1817 пуд. в год) потребуются прирезать 11,5–12,5 тыс. дес. леса.

Опись отослали в Санкт-Петербургское губернское правление, где 11 декабря 1892 г. должны были состояться торги. Горный департамент определил их условия: вместе с Уинским заводом продавалось и право на приграничение 12,5 тыс. дес. казенных лесов (в соответствии с нормой ежегодной выплавки 1,8 тыс. пуд. меди). Покупатель приобретал право посессионного владения и обязывался восстановить работу завода в течение трех лет. При нарушении новым владельцем этих условий завод вновь назначался к продаже. В объявлении о торгах не скрывалось, что за именем числится 8135 руб. казенных долгов (в эту сумму были включены и судебные издержки, которые власти так и не смогли взыскать с графини), а также частные долги¹⁸².

Как и следовало ожидать, торги оказались безуспешными. Поэтому в июне 1894 г. Горный департамент сделал запрос главному начальнику уральских заводов: «Следует

ли испытывать новые торги или уже признать Уинское имение утратившим значение горнозаводского и обратить его в казну?» Окружной инженер М. Д. Белоусов еще дважды осматривал Уинский завод. Его вердикт был таков: «Уинское имение не имеет никакого значения в смысле горнозаводского, т. к. месторождения медных руд... крайне незначительны и бедного содержания металла, поэтому допустить возможность возобновления действия... заводов не представляется никаких оснований, тем более что от прежних заводских зданий и сооружений в настоящее время нет и следа». Однако бухгалтерия Уральского горного управления по-прежнему исправно начисляла проценты по так и не выплаченному долгу бывших Уинских заводов¹⁸³.

О. Н. Рошефор на все эти решения уже никак не отвечала. Она обнаружилась в октябре 1899 г., когда главный начальник уральских заводов получил, вероятно, весьма удивившую его телеграмму. «Какого разряда горную подать вносит Шермяитский владельческий мой завод?» — вопрошала графиня. П. П. Боклевский телеграфировал: «Шермяитский завод частновладельческий. Подать меди отменена». «Не нахожу слов благодарить Вас за обязательный Ваш ответ на мою телеграмму... — писала графиня в следующем своем послании из Москвы. — Но не поняла, что в ней сказано о горной подати? Что она с меди отменена? То что это значит? И как отменена? Не будете ли Вы так любезны пояснить мне это частным письмом. Премного обяжете». Графиня указала свой петербургский адрес, упомянув, что задержится в Москве только на два дня. «Милостивая государыня Ольга Никифоровна, на письмо Ваше... имею честь разъяснить, что слова в телеграмме моей „подать меди отменена“ обозначают, что с 1 января 1899 г. подать с меди для владельческих заводов отменена», — вежливо, но сдержанно ответил главный начальник. Следующая депеша от О. Н. Рошефор не могла не потрясти его. «Когда именно и каким образом разрушен Шермяитский мой завод? Было ли произведено горным ведомством следствие?» — вопрошала владелица.

Отмена подати стала очередным поводом для О. Н. Рошефор вновь поднять вопрос о статусе бывших ее заводов и потребовать прислать ей разные документы прежних лет. Материалы о пожаре 1863 г., оказывается, нужны ей были для подтверждения своих прав на Уинский завод, который она спутала с владельческим Шермяитским. Поскольку, полагала она, горные власти не провели тогда следствия, то и не считали завод посессионным. Кроме того, графиня обнаружила в печатных «Материалах для статистики» за 1873 г., что ее Ольгинский округ был показан в составе владельческих заводов. На этом основании графиня просила П. П. Боклевского исключить Уинский завод из разряда посессионных, поскольку, как она рассуждала, «право посессионное суть право договорное, а ни у меня, ни у прежних владельцев такого договора не было и не будет...» В том же прошении она намекнула на то, что уже имела разговор с самим министром земледелия и государственных имуществ, который «принял благодушное сочувствие к этим заслуженным государству ветеранам — более столетнего существования без всякого пособия от казны — частновладельческим заводам».

В прошении, направленном министру, графиня, оказывается, не только вновь доказывала свое имущественное право на заводы, но и обещала «ввиду отмены подати с меди, вносящей новую эру жизни в медное производство, к поднятию горного дела на Урале... восстановить их полезное государству действие при более тысячи собственных рудников, на собственных своих землях, лесах и водах и на собственном владельческом капитале». Однако в последних строках своего многообещающего ходатайства она вдруг обращалась к министру с просьбой «приказать кому следует выдать ей

по обоим заводам по новому горному закону вместо снятой подати с меди то, что ее заменяет»¹⁸⁴. Поскольку прежде графиня требовала денежную компенсацию за якобы переплаченную ею подать с Уинского завода, надо полагать, что теперь она решила получить с казны деньги уже за оба завода. В этом, очевидно, и заключался тайный смысл ее последней попытки хоть что-то извлечь из столь опрометчиво приобретенного много лет назад горнозаводского имения.

Конечно, ни министр А. С. Ермолов, ни главный начальник уральских заводов П. П. Боклевский не поверили обещаниям владелицы, не подкрепленным хоть какими-нибудь практическими шагами. Затребованные ею документы в 1900 г. были отправлены на ее адрес, но в деле о статусе заводов ничего нового они не открывали. Относительно «договоров о добровольном перечислении Уинского завода в разряд посессионных», которые графиня тоже желала иметь, ей сообщили, что «таких нет и не могло быть, т. к. перечисление это сделалось помимо воли владелицы, властью правительства». Больше от графини никаких телеграмм, писем или прошений не поступало. Известно, что 4 марта 1904 г. она скончалась. В 1906 г., когда бухгалтерия Уральского горного управления в очередной раз напомнила о ее долге, увеличившемся уже до 9679 руб., главный начальник распорядился «возбудить ходатайство о его сложении как безусловно безнадежном». После рассмотрения вопроса в Горном совете министр финансов 24 марта 1907 г. согласился списать этот долг со счета Уральского горного управления.

Тогда же Пермское управление государственных имуществ уведомило Горный департамент о том, что земельная дача Уинского завода давно находится в его ведении и эксплуатируется «как неокладная оброчная статья». Участок площадью 34 дес. под бывшими заводскими строениями поступил «при земельном устройстве» в надел заводских крестьян, а о месте площадью 100 дес. под бывшим прудом велась переписка (речь шла о продаже его крестьянам), но сделка все никак не могла состояться из-за слишком высокой цены (с учетом стоимости уже разрушенной плотины). С оценкой крестьяне не соглашались, заявляя, «что желают купить прудище для сельскохозяйственного использования, а не для промышленного заведения»¹⁸⁵. Вопрос же о границах Шермяйтской земельной дачи, видимо, так и не был решен властями. Внук заводчицы граф Н. Н. Рошефор, будучи в 1908 г. сверхштатным чиновником по особым поручениям при Вятском губернском правлении, все еще полагал, что помимо 350 дес. в Ковенской губернии он владеет «1 млн дес. на Каме» (видимо, до такого масштаба в глазах наследника выросло утраченное горнозаводское имение)¹⁸⁶.

Мёшинская, шильвинская и святочудовская посессии

Отрывочные сведения еще о нескольких подобных случаях с посессионными заводами, подведомственными Уральскому горному правлению, дают основание полагать, что их постигла та же участь, что и описанные выше имения.

Небольшой Мёшинский медеплавильный завод, расположенный в Мамадышском уезде Казанской губернии, уже в недействующем состоянии 27 апреля 1872 г. купил у казанского купца А. А. Коровина коллежский секретарь К. И. Яхонтов, живший в Казани. Поскольку новый владелец совсем не торопился возобновлять работу предприятия, можно предположить, что для него имел значение не столько завод, сколько заводские леса и земли площадью 3667 дес. Но для их промышленной эксплуатации требовалось изменить статус владения, чем К. И. Яхонтов и занялся вскоре после

покупки. Поводом послужило то обстоятельство, что Мёшинский завод изначально признавался владельческим и только в ходе кампании «по разбору прав заводчиков» в 1852 г., как и Уинский завод, был переведен в группу посессионных. Тогда выяснилось, что он был построен на землях ясачных татар, которые Сенат еще в 1807 г. признал казенными. Получив таким путем «пособия в землях и расположенных там рудниках», завод в 1848 г. перешел во владение купца А. А. Коровина, что означало приобретение им и пособия, дающего заводчикам недворянского происхождения право посессионного владения крепостными людьми. Это последнее пособие «уничтожилось» после отмены крепостного права, а от имущественных пособий К. И. Яхонтов сначала попытался освободиться, сообщив, что при прежнем владельце горное начальство якобы не принимало мер «по наблюдению за лесами». Это, по его мнению, означало, что оно не рассматривало имение как посессионное, что и давало основание приобрести земли в собственность «по силе срока давности»¹⁸⁷.

Конечно, столь сомнительный аргумент был отклонен Горным советом, рассматривавшим жалобу владельца. Ему также напомнили, что по общим гражданским законам «казенные земли, состоявшие в пользовании частных лиц на известных условиях или для известного употребления, не могли быть приобретаемы в собственность по праву давности, как бы долго то пользование ни продолжалось». Тогда К. И. Яхонтов подал иск к Уральскому горному правлению в Казанский окружной суд об отмене решения 1852 г. о посессионном статусе Мёшинского завода, т. к. он полагал, что оно было проведено не по закону, а «в пределах высшей распорядительной власти». Но в 1874 г. иск был признан «таким для владельца требованием, по которому Горное правление не имело права вступать с истцом в состязание»¹⁸⁸. По некоторым данным, в том же году завод сгорел и больше не восстанавливался. Скорее всего, он был исключен из списка горных предприятий, а посессионные земли возвращены в ведение местного управления государственных имуществ. Владелец же после нескольких неудачных попыток изменить судебным порядком статус имения оставил эту затею, не проявив столько же настойчивости, как Бескоровайные или О. Н. Рошефор. Отметим, что уже в ходе работы Горной комиссии Мёшинский завод не брался в расчет при обсуждении вопроса о выкупе посессий.

В 1870-е гг. из документации исчезают упоминания и о небольшом медеплавильном Шильвинском заводе, находившемся в Оренбургской губернии и принадлежавшем мензелинским купцам Подъячевым. Безуспешно добываясь от лесного ведомства отвода удобных лесных площадей, Н. Н. Подъячев не справился с финансированием производства и остановил его в 1868 г. Назначенные тогда же публичные торги на завод с приграниченными лесами были организованы только в 1882 г.: они откладывались из-за споров о величине долга владельца казне. По условиям торгов покупатель обязывался в пятилетний срок восстановить «заводское действие». Но торги не состоялись «по неявке желающих торговаться». Побывав на заводе в 1890 г., окружной инженер рапортовал о том, что там «заводских и фабричных строений нет ни одного, даже в разрушенном виде; строения все разобраны и проданы. От плотины осталась только земляная насыпь... Лесные дачи... до сих пор Управлением государственных имуществ не эксплуатировались и, будучи все время под охраной и в ведении казенных лесничих, находятся в полном порядке и представляют очень хорошие лесные участки». Он полагал, что «успешной продажи с торгов Шильвинского посессионного имения и возобновления на нем выплавки меди ожидать нельзя, а потому для казны будет

выгоднее передать... лесные дачи для эксплуатации в полное распоряжение лесного ведомства и горнозаводское предприятие считать тут оконченным». Так и было сделано: лес перевели в разряд «дач единственного владения казны», а в 1894 г. сохранившееся заводское имущество распродали «на пополнение казенных долгов» (они достигали 170 тыс. руб.). Все, что осталось от имения бывшего посессионера, было куплено местными жителями за 8 руб. 10 коп. Остальной долг был признан «безнадежным» и в 1909 г. списан со счета Уральского горного управления¹⁸⁹.

Еще один небольшой Святочудовский медеплавильный завод, основанный в 1856 г. компанией горных инженеров во главе с А. А. Грамматчиковым, фактически был брошен владельцами. Он представлял собой первое на Урале предприятие, работавшее на каменном угле Сухоложского месторождения, расположенного в даче казенного Каменского завода. Хотя лесов для завода не требовалось, он считался имевшим «пособия в землях и рудниках». Деятельность предприятия была остановлена уже в мае 1861 г., когда в Екатеринбургском округе прекратилась разработка копи, откуда по договору должен был поступать уголь. А. А. Грамматчиков попытался восстановить утраченные производственные связи и в 1863 г. добился того, что ему передали в аренду Сухоложскую копь. Но время определенно было упущено. Сам владелец вскоре поступил на службу к Голицыным в качестве управляющего их заводов и промыслов. На запрос Уральского горного правления о причинах «невозобновления завода», сделанный в марте 1868 г., он отговорился «поздним будто бы утверждением за ним копи». Когда Горное правление потребовало уплаты «оброчной подати» с медеплавильных печей, он ответил, что «действие завода прекратил и от пользования им на посессионном праве отказался». Не обнаружив в своих делах объявления владельца об этом, Горное правление в октябре 1868 г. еще раз обратилось к нему с вопросом: «...намерен ли он восстановить действие Святочудовского завода на тех условиях, на каких разрешена постройка его, и если намерен, то когда именно завод будет пущен в действие?» Но, как следует из записки того же правления за январь 1870 г., «решение владельца оставалось до сих пор необъявленным по неотысканию за всеми принятыми мерами места его жительства». Тогда же Уральское горное правление предложило зачислить медный рудник, как «гунележащий», в казенную собственность, а заводское имущество подвергнуть публичной продаже для взыскания недоимки. Однако Горный департамент 3 марта 1870 г. на это ответил, что «по представленным правлением обстоятельствам дело сие пока никаких... распоряжений не требует». Святочудовский завод более уже не возрождался¹⁹⁰.

Особые случаи по отдельным посессиям

Холуницкая посессия

Как уже упоминалось, финансовые проблемы владельца крупных Холуницко-Залазнинских заводов И. А. Поклевского-Козелл привели к признанию его в 1902 г. «несостоятельным должником». Такой результат, вероятно, предвидели два его старших брата, когда в декабре 1898 г. отделили ему «заводскую часть» их обширного совместного имения, а именно Холуницкий посессионный округ с пятью заводами и 205 тыс. дес. отведенной им земли в Слободском уезде Вятской губернии и смежный с ним Залазнинский вотчинный округ с тремя заводами и 34 763 дес. земли в Глазовском уезде той же губернии. По условиям раздела оба горнозаводских округа считались залогом

за взятую им у братьев сумму в размере 1,2 млн руб. сроком на 25 лет и с выплатой по 100 тыс. руб. в год до 1 января 1902 г., а в дальнейшем — через каждые два года с числением 5%¹⁹¹.

Такие условия предопределялись накопившимися долгами И. А. Поклевского-Козелл братьям за время совместного владения, которые те и пытались обеспечить, «переведа» их на предоставленное ему заводское имущество. Если верить инженеру М. А. Павлову, работавшему в то время в Холунице, скандал, вероятнее всего вызванный крупным карточным проигрышем И. А. Поклевского-Козелл, привел к тому, что братья заплатили его долг, но потребовали обеспечения — им и оказались два горнозаводских округа на Урале.

«Вскоре после этого, — вспоминал М. А. Павлов, — к нам пожаловал Иван Поклевский — новый владелец — очень приятный в обращении, умный, деликатный... У нас ему не с кем было играть в карты, и он скоро уехал. Все были довольны новым хозяином... Но такая благодать продолжалась недолго, приблизительно полтора года. В конце концов Иван Поклевский проиграл нас в карты. Ян разорился, и Зигелю (управляющий А. А. фон Зигель. — *Е. Н.*) пришлось расплачиваться с рабочими и служащими из своих личных средств, пока не разрешился вопрос о судьбе заводов»¹⁹².

Трудно судить о достоверности этих сведений, но известно, что 7 мая 1900 г., через полтора года после раздела имущества, братья ссудили Ивану еще 400 тыс. руб. под вторую закладную на прежних условиях. К 100 тыс. руб., которые он должен был ежегодно выплачивать им до 1 января 1902 г., прибавились еще 33333 руб. Поскольку 22 февраля 1901 г. заводчик подписал третью закладную на округ у актарского кушца второй гильдии Н. М. Аносова (200 тыс. руб. были взяты на два года) под высокие 12%, можно понять, что он действительно очень нуждался в средствах¹⁹³.

Тогда же владелец обращался за ссудой в Нижегородско-Самарский земельный банк, который оценил Холуницкий округ в 3,6 млн руб., но соглашался выдать под его залог только 1,3 млн руб. Заключение сделки воспрепятствовали лежавшие на округе посессионные ограничения¹⁹⁴. Начавшийся промышленный кризис не позволил И. А. Поклевскому-Козелл рассчитаться с долгами посредством заводских доходов, снизившихся из-за сокращения производства. Совершать выплаты по первому и второму залогам в установленные сроки оказалось нечем. Братья Викентий и Станислав Поклевские-Козелл 18 сентября 1902 г. обратились в суд для взыскания долга «ввиду непоступления срочных платежей и процентов по закладным». По-видимому, они рассчитывали на передачу им залогового имущества, т. е. Холуницкого и Залазнинского округов, или же на возврат долга после публичных торгов. Хорошо представляя характер младшего брата, они вполне могли прогнозировать подобное развитие событий еще при разделе имения в 1898 г. Уже 7 октября 1902 г. И. А. Поклевского-Козелл объявили несостоятельным должником, по его делам было образовано конкурсное управление в целях реализации долгового имущества. Конкурсный управляющий остановил заводы, начал их опись и оценку, предполагая весной 1903 г. выставить их на публичные торги.

Но дело получило неожиданный поворот. Остановка заводов вызвала жалобы рабочих, оставшихся без средств к существованию. О выделении денежных средств из казны просил министра финансов и управляющий заводов. Николай II 20 ноября 1902 г. на докладе С. Ю. Витте написал: «Я боюсь, что целое селение, живущее работою на этих заводах, останется без куска хлеба. Это необходимо предотвратить». Немедленно было

образовано межведомственное совещание (под председательством товарища министра финансов В.И. Ковалевского) об оказании правительственной поддержки Холуницким заводам. «Всесторонне обсудив объявление Пермским окружным судом владельца Холуницких заводов И. А. Поклевского-Козелл несостоятельным должником и возможные правительственные меры для финансового спасения заводов и сохранения... 14-тысячного рабочего населения», совещание рекомендовало предоставить заводам ссуду «в видах могущих возникнуть там беспорядков». В 1903 г., когда положение на заводах не изменилось к лучшему, новое межведомственное совещание под председательством товарища министра финансов В.И. Тимирязева вновь обсудило меры по его исправлению и снова рекомендовало предоставить заводам особые финансовые льготы. Тогда же император санкционировал отпуск из казны 600 тыс. руб. на возобновление и продление работы Холуницких заводов до их публичной продажи¹⁹⁵.

Решение верховной власти существенно изменило цель конкурса: из организации по «ликвидации имущества несостоятельного должника» он фактически превращался в действовавший на казенные деньги орган по управлению заводами. Конкурс 2 марта 1903 г. выдал подписку Министерству финансов о том, что обязуется расходовать ассигнования из Государственного казначейства «на восстановление и продолжение действия заводов впредь до перехода их в частные руки в видах обеспечения этим путем продовольствия местному населению», а полученные от продажи металлов суммы — «обращать на погашение казенных заимствований с начислением на них 5% годовых преимущественно перед другими долгами». Конкурсному управлению было рекомендовано «вести производство в сокращенном размере против средних норм в последние годы с тем, чтобы сокращение это упало преимущественно на сортовое железо, выделка коего представляется наименее выгодной»¹⁹⁶.

Управляющим Холуницких заводов был назначен горный инженер И.Ф. Симсон, которому конкурс поручил возобновить их работу. Но, по его информации, «едва заводууправление, пользуясь полученной ссудой, приступило к восстановлению работ, как главный залогодержатель предъявил к заводам на основании закладной претензию и остановил перевозку необходимых для работ продуктов». Объясняя свои действия, В.А. Поклевский-Козелл сообщал, что в то время «заводы не могли быть возобновлены, т.к. ...были описаны и назначены в продажу по исполнительным листам, полученным из судебных учреждений, в удовлетворение взысканий наших по имеющимся у нас закладным крепостям в сумме 1,6 млн руб.». Чтобы лишить Поклевских-Козелл такого права, Министерство финансов по согласованию с Министерством юстиции «испросило высочайшего повеления, последовавшего 21 февраля 1903 г., о временной приостановке осуществления прав залогодержателей... впредь до отчуждения Холуницкого округа в посторонние руки, с тем, однако, чтобы эти меры ни в чем не умаляли имущественные интересы залогодержателей, вытекающие из залогового права, и чтобы были приняты соответствующие меры к скорейшей продаже округа»¹⁹⁷.

Заинтересованное в этом конкурсное управление уже 28 ноября 1903 г. организовало торги с общей суммы долгов (почти 3,5 млн руб.), «включая долги ипотечные, казенные и входящие в общую конкурсную сумму». Но ни один покупатель на торги не явился, что поставило и казну, и конкурсное управление в сложное положение. Предполагая, что следующие торги, назначенные с той же стартовой цены, вновь окажутся безрезультатными, конкурсное управление «предоставило министру финансов ряд соображений в пользу продления действия заводов за счет казны впредь

до приискания надежного на них покупателя помимо торгов, прося его указаний, как поступить в дальнейшем с продажей заводов». Министр Э.Д. Плеске не настаивал на организации торгов, но «возбудил сначала вопрос о продаже заводов помимо торгов при условии снятия с Холуницких заводов посессионных ограничений, а затем — вопрос о приобретении заводов в казну путем покупки у залогодержателей их претензий по закладным»¹⁹⁸.

Как уже упоминалось, в 1904 г. комиссия под председательством члена Горного совета А. А. Штофа разработала условия освобождения Холуницких заводов от посессионных ограничений. Но расчет, выполненный по предложенной комиссией формуле, только увеличил сумму продажи, что делало ее еще менее вероятной. Между тем, как сообщалось в записке Горного департамента, при создавшемся «крайне ненормальном положении правительству приходилось для поддержания рабочего населения... субсидировать предприятие, сделавшееся в последнее время ввиду резкого и все прогрессирующего падения цен на железо чрезвычайно убыточным. Вследствие сего задолженность Холуницких заводов казне постоянно возрастала, а вместе с тем уменьшалась вероятность получить обратно выданные казенные ссуды».

В июне 1905 г. вопрос «о наименее убыточном для казны способе ликвидации Холуницкого горнозаводского предприятия» был внесен для обсуждения в образованное под председательством министра финансов В.Н. Кокковцова совещание, которое пришло к заключению, что «самым благоразумным выходом из нынешнего затруднительного для заводов положения являлось бы приобретение в казну Холуницкого и Залазнинского округов путем покупки за возможно невысокую цену претензий всех кредиторов несостоятельного должника И.А. Поклевского-Козелл». После предварительных переговоров с залогодержателями и конкурсом определилась цена их претензий: 1,3 млн руб. — за закладные Поклевских-Козелл, 85 тыс. руб. — за закладную Н. М. Аносова и 165 тыс. руб. — «за претензии, входящие в общую конкурсную массу», т. е. общая сумма составила 1550 тыс. руб.

Это предложение было внесено на обсуждение в Комитет министров, который 20 декабря 1905 г. «признал его подлежащим рассмотрению Государственного совета». Однако и этот орган уклонился от решения столь сложного вопроса, «связанного с крупным расходом казны», и 17 апреля 1906 г. передал его на рассмотрение Государственной думы. Последовавший роспуск Думы первого созыва приостановил ход дела. В начале 1907 г. общее собрание кредиторов, «не желая длить более конкурсное производство, продолжающееся уже четыре года, причем никто из кредиторов до того времени не получил удовлетворения», единогласно постановило, что «если по вопросу о ликвидации Холуницких и Залазнинских заводов соглашения с казной в той или иной форме не состоится до 1 февраля 1907 г., то поручить конкурсному управлению принять зависящие меры к немедленной ликвидации всего предприятия с приостановлением деятельности заводов».

Ввиду такого оборота дела Министерство торговли и промышленности признало необходимым «безотлагательно решить вопрос о ликвидации отношений казны к Холуницким заводам» и в январе 1907 г. вновь внесло его на рассмотрение Совета министров. Д.А. Философов, возглавлявший тогда Министерство, предложил два способа такой ликвидации — либо отмену приостановления прав залогодержателей и предоставление им и конкурсному управлению права «распорядиться заводами по своему усмотрению», либо немедленное приобретение заводов в казну за сумму не свыше

1550 тыс. руб. Совет министров 30 января 1907 г. поручил министру торговли и промышленности вновь «войти в переговоры с залогодержателями и конкурсным управлением о покупке... всех их претензий... и затем войти с представлением в Государственную думу и Государственный совет об отмене приостановки прав залогодержателей»¹⁹⁹.

Одновременно с отменой 2 марта 1907 г. этой «приостановки» состоялись новые переговоры с залогодержателями, где они подтвердили свои прежние условия. Д. А. Философов 12 апреля внес представление о покупке Холуницко-Залазнинских заводов в Государственную думу второго созыва. Но история повторилась: Думу распустили еще до рассмотрения дела. Конкурсное управление было вынуждено вновь подать заявление, подкрепленное прошением присяжного поверенного М. П. Домерщикова. «В течение четырех лет, — писал он, — заводы находятся в совершенно неопределенном положении. Производимые на них на средства казны работы обеспечивают местное заводское население... чтобы оно могло удовлетворить самые настоятельные свои потребности — не умереть с голоду... Отсюда становится понятным то существующее среди них и выразившееся в целом ряде беспорядков возбуждение, которое, к счастью, до сих пор носило довольно миролюбивый характер. По удостоверению управляющего заводами И. Ф. Симсона, настроение местного населения продолжает оставаться повышенным, и успокоение может принести только определенное решение вопроса о дальнейшей судьбе заводов»²⁰⁰. Конкурсное управление ходатайствовало «о скорейшем разрешении сего вопроса в порядке статьи 87 Основных законов», т. е. без участия регулярно закрывавшейся Государственной думы. К этой просьбе присоединились и освобожденные от ограничений залогодержатели Поклевские-Козелл.

Совет министров вновь слушал дело о Холуницко-Залазнинских заводах 23 ноября 1907 г. Предложение о проведении решения об их покупке «в порядке верховного управления» было отклонено, а Д. А. Философову поручено в очередной раз договориться с залогодержателями и конкурсом. Министры не без оснований полагали, что «достигнутые ранее соглашения, обусловленные определенными сроками, ныне потеряли уже свою силу; новые же кредиторские требования... могут быть заявлены в таких преувеличенных размерах, при коих для казны едва ли не окажется предпочтительнее вовсе отказаться от предложения о покупке Холуницких заводов»²⁰¹.

В январе 1908 г. Министерство торговли и промышленности получило заявление В. А. Поклевского-Козелл. «Согласие на передачу прав на две закладные... — писал он, — я заявлял еще в 1905 г., предпочитая по личным мотивам получение определенных по обоюдному соглашению сумм из Государственного казначейства неприятной необходимости предъявлять иск казне о возможных убытках, причиненных нашим имущественным интересам... Идя и ныне навстречу желанию правительства, я согласен не изменять размера этой суммы (1,3 млн руб.) при условии получения всей суммы при совершении сделки одновременно без всяких рассрочек. На этом последнем условии я считаю вправе настаивать, тем более что со времени соглашения в 1905 г. нами понесены крупные потери в процентах на основной капитал. Срок настоящего согласия я считаю для себя обязательным до 1 июня 1908 г.». Вскоре, однако, было получено «дополнительное заявление», в котором залогодержатель соглашался на единовременное получение при сделке 500 тыс. руб. с отсрочкой уплаты остальной суммы до января 1909 г. и с начислением 5%. Свою уступку В. А. Поклевский-Козелл объяснял тем, что она «представляется желательной в интересах Государственного казначейства»²⁰².

Переговоры с конкурсным управлением прошли успешно (оно согласилось на свои прежние условия), в отличие от переговоров с Аносовыми, которые объявили, что «уступка казне претензий может состояться лишь при условии уплаты полностью всей основной суммы (200 тыс. руб.) и процентов (61 тыс. руб.)». В результате пересчета «стоимость приобретения претензий» увеличилась на 176 тыс. руб. Тогда Министерство торговли и промышленности предложило всем кредиторам снизить сумму своих претензий в соответствии с размером их доли в общей стоимости заводов (Поклевским-Козелл — на 112 тыс. руб., конкурсу — на 13 тыс., Аносовым — на 51 тыс. руб.), чтобы общая сумма равнялась тем же 1550 тыс. руб.

«С последнего договора протекло уже более двух лет, — ответил на это предложение В. А. Поклевский-Козелл, — и, таким образом, мы сделали казне новую значительную уступку на всю сумму не полученных нами процентов (200 тыс. руб.). В этом отношении... не могут иметь значение ни происшедшая в движении дела о покупке заводов крайняя медленность, ни бесплодность переговоров казны с другими лицами, заинтересованными в этой покупке, ввиду того что ни то ни другое не может быть поставлено нам в вину. На этом основании, к крайнему нашему сожалению, мы лишены возможности согласиться на уменьшение суммы». Тогда же были получены телеграммы и от других заинтересованных лиц. Уполномоченные конкурса заявили, что кредиторы И. А. Поклевского-Козелл и без того «довели уже свои требования до минимума». Для них новое предложение Министерства торговли и промышленности «явилось настолько неожиданным и не вызываемым обстоятельствами», что управление даже не сочло нужным созывать общее собрание кредиторов, «зная заранее, что предложение это будет отвергнуто». Вполне предсказуемой оказалась и реакция Аносовых: их поверенный сообщил, что «вследствие безрезультатности переговоров с казною и неизвестности срока окончания сделки... они отказываются уменьшить цену»²⁰³.

В начале 1908 г. сразу несколько различных министерских совещаний обсуждало дальнейшую судьбу Холуницких заводов. Видимо, это было вызвано поступившим в Горный департамент 12 февраля прошением Н. П. Пастухова о покупке Залазнинских заводов, которые располагались рядом с принадлежавшими ему родовыми Омутнинскими заводами и купленным у казны Кирсинским (Вятским) округом. За «очищенные» от всех долгов заводы с лесной дачей площадью 35 тыс. дес. он предлагал 250 тыс. руб. с рассрочкой уплаты на 20 лет²⁰⁴.

В марте 1908 г. совещание «по вопросу о положении Холуницких заводов в связи с планом действия сих заводов в случае приобретения в казну» проходило под председательством директора Горного департамента Н. Н. Курмакова при участии инспектора по горной части И. Н. Урбановича, «имевшего случай летом 1907 г. лично на месте ознакомиться с Холуницким округом», главного начальника уральских заводов П. П. Боклевского, «близко знакомого с состоянием округа на основании 22-летней служебной деятельности сначала в качестве окружного горного инженера, а затем главного начальника», и бывшего помощника горного начальника Камско-Воткинских заводов инженера Д. П. Карницкого.

Холуницкий посессионный округ был признан «представляющим значительную земельную ценность» в первую очередь из-за своих лесных богатств, эксплуатация которых облегчалась возможностью сплава леса по протекавшим в пределах округа рекам — Чепце и Белой. Его продажа частным лицам на праве полной собственности представлялась членам совещания «легко осуществимой за крупную сумму в 2–3 млн руб.».

Но большинство участников того совещания высказалось против продажи, «ввиду того что при современной остроте земельного вопроса в России отчуждение в частные руки такой значительной земельной площади (205 тыс. дес.) было бы шагом весьма ошибочным, тем более что это до некоторой степени предreshало бы вопрос о способе ликвидации посессионного права, еще далеко не выясненный». Лишь Д. П. Карницкий рассматривал округ как малопригодный «для целей колонизации, которую в настоящее время исключительно преследует правительство, стремясь к сосредоточению в своих руках через посредство Крестьянского банка возможно больших земельных площадей». Он полагал, что продажа заводов на посессионном праве или отдельно от лесных дач маловероятна. «Не говоря уже о русских капиталах, привлечение которых к горнозаводскому делу на Урале при современном состоянии уральской промышленности и денежного рынка является невозможным, — заключал Д. П. Карницкий, — иностранные капиталисты... ни в каком случае не пойдут на приобретение округа не на праве полной собственности, тем более что имеющиеся за последнее время неудачи некоторых горнозаводских предприятий в России, основанных на иностранные капиталы, в значительной степени ослабили интерес иностранцев к русскому железному делу». Итогом обсуждения стало признание участниками совещания целесообразности приобретения Холуницкого посессионного округа в казну.

В отношении Залазнинского владельческого округа совещание согласилось с необходимостью его продажи в частные руки. П. П. Боклевский заявил, что приобретение округа для Н. П. Пастухова имело бы «несомненную выгоду, устраняя чересполосицу между принадлежащими ему Омутнинской и Пудемской дачами, а также недостаток руд и опытных рудничных рабочих, ощущавшийся Омутнинскими заводами, и, наконец, предоставляя этим заводам богатую лесную дачу, прорезанную двумя сплавными реками — Залазной и Белой, что весьма удешевило бы стоимость заготовки горючего». Но предложенная предпринимателем сумма показалась существенно заниженной²⁰⁵.

Основываясь на выводах совещания, Горный департамент отверг возможность закрытия заводов как вариант, который «ставил бы их в точно такое же положение, что и пять лет назад, и делал совершенно бесцельными те крупные затраты, которые казна уже понесла», и предложил приобрести все заводы в казну посредством покупки залоговых и кредиторских претензий. Очевидно, что при этом пришлось бы списать казенные долги, обременявшие имение еще с момента его покупки А. Ф. Поклевским-Козелл и значительно увеличившиеся за прошедшие годы, а также оплатить недоимки земству и долги рабочим. Но это компенсировалось бы приобретением в казну богатых лесных дач общей площадью до 245 тыс. дес., которые можно было продать или сдать в аренду. Департамент подчеркивал, что «не ожидает в ближайшем будущем каких-либо финансовых выгод от пользования означенным имуществом, но он усматривает в таком решении наименее убыточный, наиболее достойный и скорый выход из положения». Учитывая же «общую тенденцию к повышению стоимости земельной собственности», чиновники сочли, что покупка имения, «хотя бы и на севере Европейской России, но в крае, примыкающем к громадному водному пути, где возможно земледелие и в особенности лесной промысел, со временем могла бы... легко оказаться выгодной даже и в экономическом отношении». Министр торговли и промышленности И. П. Шипов одобрил это решение и предложил Совету министров приобрести в казну Холуницкий и Залазнинский округа, «ассигнуя для этого 2261081 руб. со сложением пошлин, казенных недоимок и долгов». В цену включили 1751 тыс. руб. на выплату по закладным

с процентами, 460 081 руб. — земских недоимок и 50 тыс. руб. «на удовлетворение претензий вечных рабочих»²⁰⁶.

Смету расходов на покупку округов направили для заключения министру финансов В. Н. Коковцову, который предложил рассрочить расплату с кредиторами на 1909–1910 гг., поскольку «такая значительная сумма не была предусмотрена в государственной росписи 1908 г.». Председатель Совета министров П. А. Столыпин 21 мая 1908 г. уведомил И. П. Шипова о том, что представленный им проект «не встретил препятствий в Совете министров, но было принято в соображение замечание министра финансов». Проект поступил на рассмотрение Государственной думы третьего созыва 10 июня 1908 г.²⁰⁷

Пока шли переговоры и принимались решения, положение Холуницких заводов все более ухудшалось: они работали в убыток и требовали дополнительных инвестиций со стороны казны. Но, как оказалось, в государственную смету 1909 г. были заложены суммы только на предполагавшуюся покупку заводов, но не на поддержание их «действия». Вместе с тем прошедшее 16 декабря 1908 г. заседание Бюджетной комиссии Государственной думы «единогласно признало такое приобретение нежелательным для казны и пришло к заключению о необходимости поручить правительству принять меры к обеспечению населения на случай возможного закрытия заводов». «Есть основание предполагать, — считали чиновники Горного департамента, — что в указанном смысле этот вопрос будет разрешен и в пленарном заседании Думы».

К мнению депутатов стал склоняться и П. А. Столыпин, обратив внимание на накопление долгов и особенно беспокоивших его недоимок по земским сборам. «Финансовое положение земства... совершенно подорвано систематической неуплатой сборов... — писал он, — и всякое промедление... крайне тяжело отразится на земском хозяйстве». По его данным, с 1903 г. на поддержку Холуницких заводов казна уже затратила 1 628 100 руб., а долги по земским сборам выросли до 515 040 руб. «Лишь стремление обеспечить материальное положение заводских рабочих побудило правительство поддерживать в течение восьми лет путем крупных денежных жертв убыточное заводское предприятие, — размышлял министр. — В настоящее же время, когда ликвидация последнего неизбежна... продолжение заводского действия за счет казенных субсидий уже не может, казалось бы, иметь особого значения для заводского населения, интересам которого, по мнению моему, более отвечал бы отпуск средств, необходимых для непосредственного удовлетворения насущных потребностей рабочих по закрытии предприятий впредь до завершения землеустройства». «По сим соображениям, — заключал он, — я признал бы целесообразным прекратить субсидирование за счет казны конкурсного управления... приняв меры к незамедлительному взысканию недоимок земских сборов, числящихся на состоявшем в этом управлении имуществе, и к скорейшему, по возможности, устройству местного населения в земельном отношении». Как можно судить по записи «Совершенно правильно» на полях документа, министр торговли и промышленности И. П. Шипов согласился с мнением П. А. Столыпина²⁰⁸.

Таким образом, отношение высшей администрации к ситуации на Холуницких заводах существенно изменилось: от не оправдавшей затрат поддержки «заводского действия» правительство намеревалось перейти к непосредственной поддержке заводского населения. Совет министров 13 января 1909 г. санкционировал передачу на заводы 100 тыс. руб. «только в целях поддержания заводского населения путем выдачи ему продовольственных ссуд». Кроме того, предписывалось «привести наличность материалов

к тому состоянию, как это было на 1 марта 1903 г.», что означало готовность казны «приступить к прекращению своих отношений с заводами».

Однако в начале февраля 1909 г. все-таки возникла надежда продать Холуницкий округ. Согласно записи в журналах Совета министров от 5 февраля и 11 марта 1909 г., внесенное в прошлом году в Государственную думу третьего созыва новое представление Министерства торговли и промышленности было вновь заслушано Бюджетной комиссией. Но если в декабре 1908 г. ее члены отклонили предложение о приобретении Холуницких и Залазинских заводов в казну, то теперь некоторые члены комиссии выразили противоположное мнение «о предпочтительности в интересах как казны, так и местного населения не допустить означенные заводы до ликвидации, но приобрести таковые в казну для передачи их за сим в частную эксплуатацию». В ситуации, «когда вопрос о том или другом способе ликвидации отношений», казалось, был близок к своему разрешению, министры предпочли вновь ссудить деньги на возобновление работы заводов и, кроме 100 тыс. руб., отпустили еще 150 тыс. руб. Управляющий И. Ф. Симсон сообщал, что задолженность перед рабочими в феврале — марте составляла 160 тыс. руб. и продолжала ежедневно увеличиваться на 5 тыс. руб. Снаряжение «весеннего каравана» было приостановлено, что угрожало «оставить без ликвидации все железо», в то время как «толпы рабочих ежедневно осаждали заводские конторы, требуя расчета»²⁰⁹.

Будущее заводов, по-видимому, не вызывало сомнений и у заводского населения. В конце февраля 1909 г. министру торговли и промышленности В. И. Тимирязеву поступило несколько прошений. Рабочие Залазинского округа просили, не останавливая заводы, продать их Н. П. Пастухову, который, как им было известно, еще за год до того сделал заявление о покупке заводов. Они убеждали министра в том, что «означенные заводы... материалами, необходимыми для производства горных работ, обеспечены на многие десятки лет и что залежи руд в их дачах... составляют самый высокий процент выработки из них металлов». С переходом заводов к Н. П. Пастухову, уверяли просители, «повысится их производительность и таковые не будут уже находиться в том хаотическом положении, в каком они находятся в настоящее время при... конкурсном управлении».

Жители Холуницкого округа в оценке своих перспектив проявили еще больше здравого смысла. Они просили «подать им руку помощи» посредством устройства ремесленных училищ и развития «другого рода полезного труда», в случае же закрытия заводов «дать возможность переселиться на указанные правительством предприятия, а кто пожелает — обзавестись сельскохозяйственным инвентарем... или указать, где есть свободные и хлебородные местности, и помочь переселиться и устроиться на новом месте, а особые меры принять к тем, кто находится в безвыходном положении вследствие увечий, старости и смерти единственных работников, и не имеющих потомства». Рабочие ходатайствовали также о постройке железнодорожной ветки между городами Слободским и Глазовым, которая, по их уверениям, «была бы великой помощью всем окрестным заводам и поселениям». «Тогда бы даже нам, — писали они, — и правительственная никакая помощь была бы не нужна и все бы мы могли устроиться на тех же старых своих местах и вечно были бы с куском хлеба при ней (железной дороге. — *Е. Н.*) от разных работ»²¹⁰.

Телеграммы с просьбой о помощи рабочие направляли и в адрес Государственной думы. Тем не менее, 27 мая 1909 г. она все-таки отклонила законопроект о покупке

казной Холуницко-Залазнинских заводов за 2 261 081 руб., как предлагали министерские чиновники, «со сложением сверх сего со счетов всех числившихся на этих заводах старых казенных долгов и недоимок». Именно «значительность требуемых ассигнований из средств Государственного казначейства» была названа главной причиной отказа. После этого председатель Совета министров П. А. Столыпин предписал министру торговли и промышленности В. И. Тимирязеву прекратить «все отношения казны к сим заводам в смысле дальнейшего поддержания их действия путем предоставления денежных средств», а Министерству внутренних дел было дано распоряжение оказать безвозмездную продовольственную помощь населению заводов и увеличить ее норму. Совет министров 28 июля 1909 г. одобрил эти предложения и «предоставил дело его дальнейшему течению», что позволило конкурсу и залогодержателям быть свободными в своих действиях. В этой ситуации конкурсное управление приняло решение постепенно сокращать производство и затем его полностью прекратить. И. Ф. Симсон уже 23 сентября уведомил Горный департамент о том, что «действие всех заводов остановлено, за исключением Белохолуницкого, который заканчивает через десять дней переработку заготовленной болванки, и управление озабочено приведением в ясность движимого имущества заводов и заводских построек»²¹¹.

Прекращение субсидирования, приведшее к остановке заводов, послужило причиной целого ряда проблем, возникших у казны, которая дорого расплачивалась за свои «благие намерения» спасти заводы и их население. В сентябре 1909 г. В. И. Тимирязев получил шифрованную телеграмму от вятского губернатора П. К. Камышанского, который извещал министра о том, что еще в июле он «личным объездом всех заводов убедился, что 4 тыс. рабочих и семьи их, в общем до 12 тыс., остаются не только без заработка, но и без средств к существованию... Землеустройство только начинается». Предусмотрительный губернатор распорядился об экстренном командировании на заводы «чинов полиции, 125 стражников для охраны администрации, заводского имущества, складов муки и для предупреждения поджогов». Он также просил командующего войсками Казанского округа перевести из Вятки казачью сотню на Белохолуницкий завод и пытался обеспечить население продовольствием. «При общем пока спокойствии на заводах возможно ожидать беспорядков, проявлений личной мести к администрации, поджогов», — предупреждал П. К. Камышанский.

Но рабочие, вероятно уже свыкшиеся с мыслью о закрытии заводов, думали не столько о погромах, сколько о путях выхода из сложившейся ситуации. «По дошедшим до нас сведениям, — писали председателю Совета министров рабочие Залазнинского завода в сентябре 1909 г., — известно, что конкурсное управление... при предстоящей продаже завода и лесной дачи намерено продать последнюю лесопромышленникам на сруб... Просим приостановить продажу лесной дачи... и принять меры к продаже завода Н. П. Пастухову... что только и может обеспечить существование населения... за отсутствием удобных наделных земель». Однако в ответной телеграмме просителям разъяснили «невозможность удовлетворения их ходатайства», поскольку «Залазнинские заводы с их дачей принадлежат конкурсному управлению, которое поэтому вправе распорядиться этими заводами по своему усмотрению».

В сентябре 1909 г. рабочие Климковского завода Холуницкого округа подали прошение П. А. Столыпину о передаче им завода «для эксплуатации на артельных началах в самом ближайшем времени, пока еще углевывжигательные печи и рудники не разорены». «Мы не просим никаких оборотных сумм, — писали они, — но нам желательно

лишь получить за каждый выплавленный пуд чугуна 40 коп.; мы же примем на себя все расходы как цеховые, так и накладные, исключая земские подати, и будем возобновлять запасы руды и угля. Означенный чугун будет нами доставляться за 3 коп. на Сарьянскую пристань на реке Вятке, откуда фрахт пароходства в его баржах до Нижнего и Царицына стоит 5 коп. Таким образом, казна получит на Волге чугун по цене 48 коп., когда даже и нынешняя цена, чрезвычайно низкая, равна 56 коп. Убедительно просим согласиться на наше предложение, которое избавит казну от крупных расходов на переселение, а нас — от неизбежного разорения»²¹².

Тревожило министерских чиновников и конкурсное управление. Его председатель присяжный поверенный Н. Падалка просил Министерство торговли и промышленности, ответственное за сложившуюся ситуацию, оплатить услуги членов управления, которое, «будучи ограниченным по закону полуторалетним сроком», продолжало работу семь лет, исключительно ввиду того что на него было возложено заведование Холуницкими заводами, действовавшими на средства казны. За последние пять лет, сообщал он, члены управления «не получали никакого вознаграждения, т. к. кредиторы справедливо полагали, что... их работа производится исключительно в интересах казны, а не кредиторов, и что промедление в закрытии действия конкурса приносит даже ущерб кредиторам, отдаляя на неограниченный срок выдачу удовлетворения... члены управления несли труд и расходы как по заведованию заводами, так и по ликвидации ежегодных крупных партий железа... и имеют право получить причитающееся им вознаграждение из оклада по 2 тыс. руб. каждому в год, всего за пять лет — 30 тыс. руб.». «Такие оклады, — уточнял председатель, — надо считать более чем умеренными ввиду того, что общая сумма их составляет менее $\frac{1}{2}$ процента с суммы, вырученной от ликвидации принадлежащего казне железа»²¹³.

Не замедлили отозваться на происходившие события и залогодержатели. Еще в июле 1909 г. В. А. Поклевский-Козелл пытался выяснить намерения казны в вопросе о компенсации убытков вследствие приостановки залоговых прав в 1903–1907 гг. «Ныне, — писал он министру В. И. Тимирязеву, — получив свободу действовать для ограждения наших прав, мы, тем не менее, прежде чем обратиться к осуществлению наших залоговых прав в отношении Холуницких заводов по суду... считаем необходимым просить Ваше высокопревосходительство поставить нас в известность о предположениях правительства по вопросу о расчетах с нами за нанесенные нам убытки».

Предчувствуя опасность, исходившую от залогодержателей, министр заручился мнением нескольких ведомственных юристов, вынесших общий вердикт, конечно же, не в пользу Поклевских-Козелл. Поскольку «объект закладных остался в неприкосновенности, — полагали юристы, — то меры, указанные в высочайшем повелении от 21 февраля 1903 г., никакого ограничения прав залогодержателей не произвели. Имущество осталось в целости, ущерба не потерпело, а поэтому иск являлся бы необоснованным. Над имуществом было образовано конкурсное управление, которое имело право распоряжаться им. Высочайшее повеление являлось законом правомерным; неизбежные органические последствия его, вызванные течением времени, не могут служить основанием для исков».

Основываясь на мнении компетентных лиц, В. И. Тимирязев известил В. А. Поклевского-Козелл о том, что «ввиду принятого Государственной думой взгляда на отсутствие у залогодержателей права требовать со стороны казны какого-либо возмещения за приостановку их прав... Министерство... придерживаясь такого же взгляда,

не считает для себя возможным входить ныне с Вами... в переговоры о расчетах казны за упоминаемые в Вашем прошении убытки»²¹⁴.

Других просителей министр торговли и промышленности даже не удостоил ответом. Конкурсное управление немедленно приступило к исполнению главной своей обязанности — реализации имущества. Оно занялось подготовкой публичных торгов, рассчитывая, вероятно, «получить удовлетворение» по их итогам. Холуницкие заводы были выставлены на торги 15 мая 1910 г. «с полной суммы претензий в общем размере 2,8 млн руб., из которых на казенные и земские недоимки, пользующиеся правом преимущественного удовлетворения перед первой закладной, приходилось 924 154 руб. и на претензии по закладным — 1 875 846 руб.». Но торги не состоялись «за неявкою желающих торговаться» и были вновь назначены на 29 сентября того же года. На этих торгах казна, оставшись единственным участником, «оставила Холуницкий округ за собой за сумму казенных претензий». На тот же день были назначены торги на Залазнинские заводы «с полной суммы претензий ипотечного характера» в размере 780 тыс. руб., из которых казенные и земские недоимки составляли 150 668 руб., а претензии по закладным — 629 332 руб. Как и на первые торги по Холуницкому округу, покупатели тогда не явились, поэтому новые торги 11 декабря 1910 г. начались «с рубля». Залазнинский округ приобрел пермский купец П. С. Жирнов за 400 тыс. руб., из которых оставшаяся после выплаты казенных и земских недоимок часть в размере 249 332 руб. была направлена на удовлетворение долга по первой закладной. Таким образом, сообщалось комиссией, организовавшей торги, «в пользу братьев Поклевских поступило около 249 тыс. руб., в пользу наследников Аносова не поступило ничего»²¹⁵. По-видимому, ничего не получили и кредиторы вместе с конкурсным управлением. Санкт-Петербургский окружной суд 7 мая 1911 г. утвердил результаты торгов и «укрепил» Холуницкий округ за новым владельцем — Министерством торговли и промышленности. С переходом заводов в собственность казны холуницкая посессия утратила свое значение.

Невьянская посессия

Во многом похожая история произошла с невьянской посессией после неудачной попытки владельцев Невьянского горнозаводского округа в 1905 г. выкупить земли, оставшиеся после наделения многочисленного местного населения. Несмотря на звучавшее на Особом межведомственном совещании 1905–1907 гг. предложение применить к Невьянскому округу разработанный А. А. Штофом проект «разверстания посессий», наследники П. С. Яковлева не соглашались расстаться со своими земельными владениями, заметно сократившимися в ходе землеустройства местного населения. Скорее всего, это было вызвано их желанием развивать на оставшейся территории округа золотопромышленность в то время, когда из-за недостатка лесов работа металлургических заводов была остановлена. В 1906 г. владельцы провели акционирование, передав свои права Обществу Невьянских горных и механических заводов наследников П. С. Яковлева. Это помогло упорядочить управление и имущественные отношения между многочисленными совладельцами, но не принесло дополнительных инвестиций и не привело к возобновлению работы предприятий.

Когда в 1909 г. истек трехлетний срок остановки головного Невьянского завода, горное ведомство было вынуждено возобновить дело «об отобрании невьянской посессии» (см. разд. 2 гл. III). О его значимости свидетельствует уже тот факт, что

Совещание по выработке мер к подъему горнопромышленной жизни Урала в январе 1909 г. начало свою работу с обсуждения положения именно этих заводов. «Выяснение отношений между казной и владельцами Невьянского посессионного имения, — констатировали участники Совещания, — встретило затруднение в том, что главный предмет посессии — леса в Невьянском округе почти совершенно истощены и что при разрешении вопроса в смысле отобрания его у владельцев за бездействие заводов в течение трех лет... необходимо будет считаться с правами владельца первой закладной за округ» (имелся ввиду частный залог округа у графа А. П. Шувалова)²¹⁶. Принадлежавший Невьянским заводам участок Высокогорского рудника с санкции Совета министров был «принят в казну» и по договору от 4 июля 1909 г. сдан в аренду С. С. Абамелек-Лазареву²¹⁷.

В декабре 1909 г. главный начальник уральских заводов П. П. Боклевский в своем рапорте писал, что «дальнейшее пользование отводными к Невьянским заводам землями и лесами... должно быть признано непроизводительным, нецелесообразным и убыточным для казны». Впервые он решился «возбудить вопрос о принятии мер к прекращению посессионного права в Невьянском округе если не совсем, то, по крайней мере, в лице настоящего его владельца — акционерного общества». Изъятие посессии он находил мерой вполне законной, т. к. «постановлением Горного устава и практикою горного ведомства установлено то положение, что заводское действие является безусловным предположением правильного пользования посессионными землями и что с прекращением этого действия... должно быть прекращено и посессионное право на отведенные заводам от казны земли, леса и рудники». Он считал, что даже нахождение округа под частным залогом не должно препятствовать «операции по отобранию посессии», которая может быть осуществлена либо с санкции императора, либо путем предъявления судебного иска к посессионеру (как в случае с Ирбинским заводом)²¹⁸. Назревал еще один прецедент с изъятием посессионных земель у одного из старейших горнозаводских округов Урала.

Обсудив предложения главного начальника, Горный департамент в марте 1910 г. высказался «за необходимость, целесообразность и законность прекращения посессии в Невьянском горном округе». «Заводское действие не только не достигает цели, для которой даются посессии, но фактически и совсем почти прекратилось... добыча золота является только придатком к заводскому действию, неспособным сохранить посессию с прекращением заводского действия... а нахождение заводов в залоге не может быть тормозом, т. к., давая посессионеру разрешение на заключение займа под заклад посессии, казна не отказалась от принадлежащих ей по закону прав на посессионные заводы и не ограничила себя в них», — к такому заключению пришли горные чиновники. Но вслед за П. П. Боклевским они сочли «отобрание Невьянского округа в управление казны совершенно неприемлемым» не столько ввиду неизбежных в таком случае расходов, сколько из-за бесперспективности возобновления выплавки чугуна в округе, где не имелось достаточных запасов леса, был отчужден крупный рудник и не было завершено землеустройство населения.

Тогда в Горном департаменте «возникла мысль связать вопрос о землеустройстве с судьбой самой посессии, разрешив его лишь путем добровольного соглашения как с акционерами, так и с залогодержателем Невьянского округа». Чиновниками был предложен план, предусматривавший возвращение Невьянской посессионной дачи в распоряжение казны с передачей ее в аренду бывшим владельцам сроком на 36 лет

для добычи золота и с предоставлением на три года права разведки всех видов полезных ископаемых, которые затем могли быть предоставлены им для разработки «со взносом попутной платы». Акционерное общество освобождалось от лесного сервитута, а казна принимала на себя заботу об отводе населению лесного надела. В случае «недостижения на этой почве соглашения» Горный департамент предлагал «отобрать невьянскую посессию в казну путем предъявления владельцам судебного иска по примеру прекращения ирбинской посессии»²¹⁹.

Но, как и пять лет назад, акционерное общество не согласилось с этим предложением. Члены правления оправдывали бездействие Невьянского завода нежеланием возобновить производство, а внешними обстоятельствами — отсутствием рынка угля на Урале и «длительной неблагоприятной конъюнктурой чугунного рынка в связи с мощной конкуренцией гигантских доменных печей Донецкого бассейна, работающих на минеральном топливе». Они сообщали, что взамен доменного производства «озаботились введением новых производств» — постройкой драг и литьем труб, — что обеспечило работой местное население и, по их мнению, давало основания для сохранения округа в руках акционерного общества. Однако это не смягчило позицию горных властей.

Сменивший В. И. Тимирязева на посту министра торговли и промышленности С. И. Тимашев 17 февраля 1911 г. представил в Совет министров записку, в которой открыто заявил, что «казна заинтересована в скорейшем устранении нынешних владельцев невьянской посессии от дальнейшего пользования ею вследствие крайней их неисправности, выражающейся как в весьма продолжительном бездействии Невьянского завода, так и в неплатеже недоимки горной подати». Поскольку из двух возможных мер — установления казенного управления и продажи с публичных торгов — первая была сопряжена с «излишними для казны расходами... и ставила ее в затруднительное положение по отношению к залогодержателю», министр настаивал на применении второй «меры воздействия на неисправного посессионера»²²⁰.

В такой ситуации акционеры вынуждены были пойти на экстраординарные меры. С разрешения министра финансов и коммерческого суда 9 марта 1911 г. они передали управление Невьянским округом особой Администрации, состоявшей из представителей Государственного и многих частных банков, у которых акционерное общество брало кредиты. Эта Администрация приняла на себя обязательство «восстановить дела округа, ассигновав для этой цели значительные капиталы».

Прошение на имя министра торговли и промышленности от председателя Администрации обер-церемониймейстера графа В. А. Гендрикова (мужа бывшей основной владелицы и нынешнего крупнейшего акционера С. П. Гендриковой) и ее членов — представителя Государственного банка барона П. А. Бера и представителя Санкт-Петербургского частного коммерческого банка С. И. Литтауэра — поступило 22 апреля 1911 г. «В то время, когда Администрация, столь сильная в финансовом отношении, изучает только что порученное ей дело и занята созданием широкого плана исправления и призыва к жизни всех производительных сил Невьянского округа, в то время, когда Администрация благодаря исключительной конъюнктуре чугунного рынка спешно разрешает вопрос о восстановлении доменного производства... в то время, когда кредиторы полны надежд относительно будущего Невьянского округа, в то время, когда заводское население обрадовано поступлением новых средств для расширения золотого промысла и эксплуатации минеральных богатств Невьянского округа...

действия Администрации парализуются вышеуказанным представлением Вашего высокопревосходительства, — возмущались влиятельные просители. — Неблагоприятное для Администрации решение этого вопроса не только отразилось бы весьма губительно на судьбе Невьянского округа и его населения, но окончательно подорвало бы кредитоспособность и других уральских посессионных предприятий в тот момент, когда эти предприятия так сильно нуждаются в кредите». «Антикризисное» управление просило не назначать Невьянские заводы в продажу, а для возобновления доменного производства разрешить «отпуск горючего в виде ли древесного угля из казенных горнозаводских дач, или в виде приграничения к округу лесного надела применительно к закону 29 мая 1895 г.»²²¹.

Пока не началось рассмотрение дела о невянской посессии, в канцелярию Совета министров поступила еще и «записка заинтересованных лиц» (скорее всего, она была составлена в Совете съездов горнопромышленников Урала, где представители Невьянского округа играли одну из ключевых ролей). В ней утверждалось, что Невьянские заводы никогда не нарушали «договорных отношений» с казной; наоборот, возложенные на них при получении посессии обязательства «они выполнили, явившись пионерами частной горной промышленности в России, и в продолжение двух веков своего существования они неизменно были поставщиками железа как в казну, так и для общего потребления в государстве». Авторы записки заявляли, что указ от 3 декабря 1862 г., на который опирались власти при назначении заводов в публичную продажу, не может быть к ним применен, поскольку, осуществляя землеустройство, заводы «обеспечили быт населения», в то время как горное ведомство не выполнило свои обязанности по обеспечению заводов лесом. Они рассматривали основное производство Невьянского округа в то время — разработку золота — «как, несомненно, занятие горным делом» и предупреждали, что «отобрание лесов в административном порядке без предварительной судебной санкции возложило бы на казну обязательство удовлетворить залогодержателей» (к тому времени округ был уже заложен вторично). «Все сказанное, — резюмировали «заинтересованные лица», — приводит к убеждению в настоятельной необходимости, раз только правительство желает сохранить горную промышленность на Урале, ликвидировать вообще посессионные отношения, а не применять отдельных мер в отношении того или другого посессионного округа»²²².

Попытка Горного департамента опротестовать доводы авторов записки не принесла успеха. На заседании, состоявшемся 6 июня 1911 г., Совет министров «признал более правильным воздержаться пока от принятия означенной меры (публичной продажи. — *Е. Н.*), предоставив Министерству торговли и промышленности предложить Администрации по делам Невьянских заводов привести последние в требуемые законом условия, т.е. возобновить в них доменное производство». Уже 3 декабря 1911 г. Администрация рапортовала о том, что одна доменная печь «задута», а вторая будет пущена в середине 1912 г.²²³ Исполнив решение Совета министров, Администрация отвела от Невьянских заводов угрозу как продажи, так и конфискации посессий.

Бемшевская посессия

Дело о бемшевской посессии выделяется из числа подобных дел, поскольку оно представляет тот случай, когда посессионные отношения владельцев с казной должны были прекратиться из-за исчерпания минеральных ресурсов для продолжения «заводского действия». К тому же оно оказалось, вероятно, единственным, по которому

владельцы и власти сумели договориться, разделив между собой посессионные земли, хотя и не на условиях проекта «разверстания посессий» А. А. Штофа. Дело началось еще в 1880-е гг. и завершилось только в 1905 г.

Бемьшевский округ был одним из самых мелких на Урале (его площадь составляла всего 15765 дес.), в лучшие годы на единственном действовавшем там заводе выплавлялось до 2,6 тыс. пуд. меди. Он принадлежал дворянскому роду Лебедевых, которому достался от родственников Осокиных, и уже с середины XIX в. приносил владельцам одни убытки. В 1879 г. округ перешел наследникам майора А. Е. Лебедева и по отдельному акту, заключенному между ними 17 декабря 1881 г., остался в общем владении трех сестер — Е. А. Ивашевой, Е. А. Трубниковой и М. А. Корвин-Круковской. Не прошло и года после этого события, как в ночь с 6 на 7 сентября 1882 г. Бемьшевский завод сгорел «до основания». Заводовладельцы решительно высказались за восстановление предприятия, но не на прежнем месте, неудобном «из-за маловодья» и отдаленности лесов, а на другом, расположенном на реке Умяк, ниже впадения в нее речки Бемьшевки. Однако, по свидетельству окружного инженера П. П. Боклевского, это потребовало бы «весьма крупных денежных затрат, между тем как целый ряд предшествовавших пожару лет от действия завода постоянно получался весьма значительный убыток». «Положение делалось год от года все более безотрадным, требовались постоянные расходы на содержание заводоуправления и местной стражи, уплату земских и других повинностей», недоимка по которым достигла почти 12 тыс. руб. Все это привело к тому, что вятский губернатор, а затем и Горный совет, не поверив обещанию владельцев, в 1883 г. «признали нужным обратить Бемьшевское посессионное имение в публичную продажу с тем, чтобы на покупателя была возложена обязанность в течение пяти лет отстроить сгоревший завод и пустить в действие, доведя его до не менее 1000 пуд.»²²⁴.

Чтобы не потерять «родовое имение», владельцы пытались опротестовать посессионный статус завода, якобы построенного их предками «без помощи правительства», но не преуспели в этом. Горное начальство имело документальное свидетельство того, что в конце XVIII в. к Бемьшевскому заводу были отведены казенные леса и земли. В то же время дело с продажей затянулось, поскольку проведенная местным начальством опись имения была признана составленной «с отступлением от существующих правил». Заводчицы воспользовались отсрочкой и по совету П. П. Боклевского в 1888 г. организовали «основательные разведки рудников». Эти исследования показали, что «хотя рудоносные пласты имеют весьма значительные размеры и по своему протяжению (до 2–3 верст), и по мощности (до 1½ — 2 аршин), но орудняющее вещество, состоящее из медной сини, медной земли и красной медной руды, распределено в глинистой породе пласта крайне неравномерно». «Годной руды может быть получено с квадратной сажени всего 20–30 пуд., — определил окружной инженер, — что едва ли окупит стоимость ее добычи; между тем рудники отстоят от завода на расстоянии 60–70 верст, и одна перевозка обходится почти в ту же цену, как и добыча». К тому же многие рудники располагались на крестьянских наделах, «почему крестьяне весьма неохотно допускали производить даже разведку», да и после отмены крепостного права нанять рабочих в той местности «было крайне затруднительно». «При наличии всех этих условий, — констатировал П. П. Боклевский, — нельзя не вынести твердого убеждения, что Бемьшевский завод ни при каких усилиях и жертвах не может быть восстановлен и поставлен в выгодные условия действия». Такое заключение снимало с владельцев ответственность за восстановление сгоревшего завода. Тогда же выяснилось, что

бывшие крепостные задолжали им более 24 тыс. руб. за пользование пахотной землей и сенокосами. Губернские власти предписали взыскивать с крестьян накопившуюся на заводе земскую недоимку. Большую же ее часть погасил И. И. Шамшин, за которого овдовевшая Е. А. Ивашева вышла замуж. «При таком положении дела, — сочли в губернском правлении, — приступить к описи и продаже имущества наследниц Лебедева на пополнение земской недоимки надобности в настоящее время не имеется»²²⁵.

В сложившейся ситуации для владельцев не оставалось иного выхода, как возбудить вопрос «о допущении выкупа родового именина из посессионного владения в их собственность в качестве именина негорнозаводского». Несколько прошений об этом было подано министру государственных имуществ в 1889–1890 гг. Поскольку такое предложение противоречило намерениям властей осуществить выкуп всех посессионных именин на общих основаниях, владелицы запаслись рядом дополнительных соображений, подсказанных, видимо, компетентным И. И. Шамшиным, управлявшим в то время Межевым департаментом Сената. Помимо главного аргумента о бесперспективности заводского дела, в прошениях обращалось внимание на «исключительность положения Бемьшевского завода, делающего возможным как отдельный его выкуп из посессии, так и упразднение горнозаводского его характера». Завод, подчеркивали владелицы, был единственным посессионным предприятием в той местности, что, по их мнению, давало право «принять относительно его меры без связи с... прочими посессионными заводами». Кроме того, уже проведенное в округе наделение земельными участками бывших крепостных исключало его из числа тех, на которые должны были распространяться проектируемые в то время правила об окончательном устройстве населения посессионных заводов. В ходатайстве также упоминался прецедент с Мосоловскими заводами, проданными казной в 1885–1886 гг. частным лицам «без обязательства производить добычу руды и плавку металлов и с рассрочкой платежа».

Владелицы не сомневались в том, что у них имелись и «нравственные основания на сохранение за собой Бемьшевского именина». В изложении Горного департамента, эти основания звучали так: «Создавшееся положение... не зависело от воли и действий заводовладельцев и не могло быть ими предотвращено. Оставить всю тяжесть... неблагоприятных условий... на настоящих владельцах завода, безо всякого внимания к их родовому праву и значительным капиталам, употребленным на завод, едва ли было бы соответственно с достоинством правительства. Ущерб, который им это причинило бы, будет для заводовладельцев крайне чувствительным, между тем выгоды казны от горной подати... могут быть обеспечены иным способом». Владелицы предлагали выкупить остававшиеся после наделения крестьян земли округа «по правилам выкупа посессионных земель», но «на условиях, на коих проданы Мосоловские заводы», т. е. без сохранения их горнозаводского профиля²²⁶.

Главный начальник уральских заводов И. П. Иванов поддержал просьбу владельцев округа, не имевшего «горнозаводской будущности». Он считал, что как для них, так и для казны «наилучшим исходом было бы допущение выкупа посессии на тех же основаниях, какие будут выработаны для всех уральских посессионных заводов». Однако директор Горного департамента Н. А. Кулибин рассудил иначе. Выкуп, полагал он, «не противоречит той цели, с которой правительство сначала жертвовало свои земли частным лицам в посессионное владение, а засим предоставило им право выкупать на льготных условиях, т. е. цели развития горной промышленности, потому что по естественным условиям сих именин, богатых ископаемыми и лесом, наивыгоднейший

способ извлечения из них дохода заключался бы все-таки в горнопромышленной их эксплуатации, а принадлежность имения владельцу на праве собственности побуждала бы последнего к более хозяйственному и бережливому отношению к горным богатствам». «Таким образом, — резюмировал Н. А. Кулибин, — основанием к предоставлению льготного права выкупа являлась уверенность в том, что горнозаводское имение, и будучи выкуплено, не утратит своего полезного значения для горной промышленности, а усугубит его. Само собой разумеется, что такая уверенность по отношению к каждому имению прежде всего требует наличности в нем благоприятных естественных для горного промысла данных и что имение, у которого эти данные отсутствуют, не дает и основания к допущению льготного выкупа». В Горном департаменте также подсчитали, что выкупная сумма Бемышевского округа, по последнему «проекту Валуева — Штофа» 1878 г., составила бы всего 8375 руб., в то время как стоимость этого имения в случае продажи его как лесного — около 93 тыс. руб. Для окончательного решения дело о бемышевской посессии было передано на рассмотрение Горного совета²²⁷.

Совет 6 июня 1890 г. вынес постановление, которое не совсем отвечало желанию владелиц. С одной стороны, он не нашел «достаточных оснований настаивать на восстановлении заводского действия» и согласился с тем, что имение может быть продано в частную собственность «без всякого ущерба для горного промысла». Но такой выкуп существующими законоположениями не предусматривался, и удовлетворение ходатайства владелиц возможно было «лишь на путях монаршего милосердия». С другой стороны, Горный совет счел, что предложенный владелицами способ выкупа «не может иметь места», поскольку выкупу подлежало «не горнозаводское имение и не посессионное право, а казенная лесная дача», по отношению к которой не было оснований допускать льготную оценку, а надлежало руководствоваться тем общим порядком, который был принят при продаже казенных недвижимых имуществ²²⁸.

Владелиц уведомили о том, что делу будет дан ход в случае их согласия на предложения Горного совета. Около года им потребовалось на то, чтобы определить свою позицию. В апреле и мае 1891 г. они направили императору и министру государственных имуществ новые прошения, настаивая на льготном выкупе. Дело о бемышевской посессии вернулось в Горный департамент и было на этот раз поручено А. А. Штофу как специалисту, «занимавшемуся составлением предположений о выкупе всех посессионных заводов». Тогда он придерживался взгляда на добавочную подать как на единственное поддающееся учету проявление посессионного права. «Основой выкупного расчета может быть лишь сумма добавочной подати с нормального количества выплавки», — писал он. Расчет оказался прост: капитализация подати при ежегодной выплавке в 1 тыс. пуд. составляла 10 тыс. руб.

Директор Горного департамента К. А. Скальковский согласился с этим мнением, но ему воспротивился министр финансов И. А. Вышнеградский. «Приобретение Бемышевской дачи как лесохозяйственной, — писал он в своем отзыве, — желательнее для них (владелиц. — *Е.Н.*) в видах эксплуатации оной, и определенная Министерством государственных имуществ сумма в 10 тыс. руб. едва ли может быть признана соответствующей действительной ее стоимости... и не отвечает интересам казны». Не принимая во внимание никаких «нравственных оснований» для льготного выкупа, министр финансов предложил организовать публичную продажу дачи «без возложения обязательства возобновить действие завода», что, по его мнению, и дало бы владелицам возможность приобрести имение «через соревнование на торгах»²²⁹.

В пику И. А. Вышнеградскому владелицы указали на существующее в законах положение от 16 марта 1798 г., по которому в случае возвращения посессионных имений в казну из-за прекращения «заводского действия» владельцы должны были получить вознаграждение «по оценке». «В видах возможного соглашения с министром финансов в существующем разногласии по оценке завода... — писали они в очередном прошении министру государственных имуществ, — просим сообщить ему наше ходатайство о благосклонном отношении к нашим родовым правам... и сделанным нами же денежным затратам... для ограждения нас от окончательного разорения по упомянутому заводу». Тогда к спорному делу было привлечено Министерство юстиции. В отзыве министра Н. В. Муравьева признавалось право посессионера «возбудить ходатайство о вознаграждении его за произведенные затраты или оставленные здания завода», равно как и право казны при определении цены руководствоваться общими для всех правилами безо всякого исключения в пользу владельцев.

«Неполнота и неясность существующих законов о посессионном праве, при оказавшейся невозможности продолжать заводское действие... — писала в Горный департамент от лица сестер Е. А. Шамшина в мае 1895 г., — не открывают для выхода из этого затруднительного положения иного пути, как тот, который указывает министр юстиции... Полагая, что мы имеем нравственное право на сохранение за собою нашего родового по закону посессионного имения, сбереженного в ущерб собственным имениям, мы ходатайствуем не о выдаче нам в вознаграждение за потерю посессионного права какой-либо суммы, а о разрешении нам приобрести в собственность состоявшую с лишком 140 лет в родовом нашем владении посессионную дачу на тех условиях, какие правительство найдет возможными». Однако в случае, «если Министерство земледелия и государственных имуществ полагало более целесообразным и справедливым определить... вознаграждение известной суммой», владелицы соглашались и на такой исход дела, но затруднялись в определении этой суммы «не потому, что не сознавали тяжести понесенной потери, а по совершенной невозможности добросовестно выразить ее точную бесспорную цифрой». Одно только недвижимое заводское имущество оценивалось ими в 22 140 руб.²³⁰

Дело обсуждалось в различных инстанциях несколько лет. По сообщению главного начальника уральских заводов, за это время Бемышевское имение с каждым годом «все более и более расстраивалось», не принося дохода ни казне, ни владелицам. Он неоднократно обращался в Горный департамент с просьбой либо установить «компетентное управление... для охранения казенного имущества», либо поскорее взять имение в казну²³¹.

По неотложности дела и ввиду выявившихся в ходе многолетнего обсуждения разногласий министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов в декабре 1896 г. предложил образовать межведомственную комиссию «для всестороннего рассмотрения условий выкупа Бемышевского завода, а равно и определения дохода, какой можно было извлекать из имения казне в случае казенной эксплуатации». Комиссия была создана при Горном департаменте под председательством того же А. А. Штофа. Ее заседания проходили с участием членов Горного совета А. М. Афросимова и В. В. Веселовского, ревизора Лесного департамента А. Ф. Тура, управляющего Гражданского отделения Министерства юстиции И. М. Арцыбушева, столоначальника Особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов В. П. Муравьева и младшего ревизора Департамента гражданской отчетности Государственного контроля М. А. Калинина. Владелицы избрали своим представителем присяжного поверенного Д. С. Ивашина.

Судя по журналам заседаний за октябрь — ноябрь 1897 г., члены комиссии пришли к заключению о том, что «с юридической точки зрения казна имеет несомненное право потребовать возвращения себе Бемышевской дачи, в которой невозможно возобновление заводского действия», но должна возместить владельцам «ценность строений и за лишение права на получение оброка с населения». Они склонились к тому, что следует все-таки учесть и «нравственные поводы к более милостивому отношению правительства к владельцам дачи, заключающиеся в заслугах рода Лебедевых-Осокиных по дворению и ведению в течение более века горного промысла». Однако мнения о размере вознаграждения разделились. Представитель Министерства юстиции считал, что владельцам необходимо компенсировать расходы по охране лесов с того времени, когда «просители оказались фактически в положении хранителей имения, обязанных в надлежащей целостности сдать оное казне». Представитель же Министерства финансов полагал, что на счет казны должны быть отнесены и повинности, лежащие на имении с того времени, как «посессионное право на него прекратилось». Прочие участники высказались категорически против каких-либо компенсаций, обвинив самих владельцев в том, что они «не отказались своевременно от убыточного имения». Прозвучало также предложение безвозмездно оставить им около 300 дес. земли под постройками (как чуть позже будет определено в «проекте А. А. Штофа»), но Д. С. Ивашинцев «доказал по плану, что такой выдел не удовлетворяет желанию владельцев и неудобноисполним ввиду значительной чересполосицы землепользования в даче».

Передачу Бемышевской дачи владельцам «с вознаграждением казны» большинство членов комиссии признало нежелательным вариантом решения дела «ввиду того, что ценность лесного имения постоянно возрастала». Тем не менее, на этот случай представитель Лесного департамента предложил расчет выкупной суммы исходя из капитализации не добавочной подати, а лесного налога, в соответствии с которым эта сумма определялась в 88 660 руб. с рассрочкой выплаты на 37 лет. Наиболее желательным исходом комиссия сочла возврат дачи казне с вознаграждением владельцев в размере капитализированного из 4% крестьянского оброка (772 руб. в год) и ценности построек. Однако в своем выступлении поверенный наследник майора А. Е. Лебедева сообщил, что предложенные условия их не удовлетворяют и не могут быть добровольно ими приняты. В этот решающий момент владельцы, забыв о своих прежних обещаниях беспрекословно подчиниться решению властей, стали настаивать на продаже им дачи и просить о предоставлении «больших льгот в виде уменьшенной покупной суммы по капитализации чистого дохода или уменьшении при рассрочке платежа процентов роста и увеличении рассрочки до 48–66 лет». В такой ситуации, «не находя... возможности достигнуть соглашения с владельцами Бемышевского имения, комиссия положила представить о сем на благоусмотрение министра земледелия и государственных имуществ» и закрыла свои заседания²³².

Дело о бемышевской посессии вновь приостановилось. В то же время ревизия, проводимая Уральским горным управлением, выявила «неудовлетворительное управление лесами» в Бемышевском имении. Через год, в декабре 1898 г., владельцы напомнили о себе, сделав новое предложение — «купить часть дачи с тем, чтобы остальная часть поступила в казну». Главный начальник уральских заводов П. П. Боклевский поддержал этот вариант. Он напомнил о том, что леса Мосоловских заводов были проданы в свое время казной по 7,1 руб. за десятину, а Кнауфских — по 5 руб. «лицам совершенно посторонним». По той же цене, полагал он, можно «уступить собственные леса

и посессионному владельцу, которому, по мнению комиссии и горного ведомства, надлежит оказать некоторую льготу как прекратившему действие не по своей воле, а по истощению руд». Но Министерство земледелия и государственных имуществ не торопилось решать дело о Бемьшевской посессии. Только в связи с постоянными сообщениями Горного управления о все новых порубках и «неправильной постановке лесного хозяйства» в заводской даче А. С. Ермолов в 1904 г. приказал дать делу дальнейшее движение.

В ситуации, когда с 1898 г. «протекли уже безрезультатно шесть лет и успеха не предвиделось», Горный департамент предложил образовать новую комиссию «в связи с возражениями владельцев», но на этот раз исключительно из представителей Министерства земледелия и государственных имуществ, поскольку мнение других ведомств было известно. Возглавить ее хотели поручить председательствующему в Горном совете Н. А. Денисову, но из-за его занятости руководство вновь передали тайному советнику А. А. Штофу. В состав Комиссии по делу о дальнейшем назначении Бемьшевской посессионной дачи вошли члены Горного совета В. В. Веселовский, Е. Н. Васильев, В. А. Вольский, А. А. Сорокин, юрисконсульт Г. И. Лисенков и поверенный от владельцев. На этот раз им стал сам И. И. Шамшин, бывший по статусу выше всех членов Комиссии: к тому времени он был действительным тайным советником и членом Государственного совета. Ему, сообщала жена-заводовладелица, «все обстоятельства дела хорошо известны», и он может «предоставить за владельцев требуемые от них отзвы». Это назначение, без сомнения, сыграло свою роль.

Заседания Комиссии прошли в мае — июне 1904 г. Поверенный владелец сумел доказать, что Бемьшевское имение может быть легко поделено на две части — «населенную» (площадью 11 531 дес.) и «лесную» (4233 дес.). Владелицы отказывались от первой части, которая передавалась казне, и «удовлетворялись покупкою второго участка в полном его объеме». На том дело и порешили. «Покупная цена» десятины была определена в 7,1 руб. («по примеру Мосоловских заводов»), а «покупная сумма» — «круглой цифрой» в 30 тыс. руб. с рассрочкой выплаты на 48 лет. Недоимки оставались на владельцах «с обязательством уплаты их до совершения покупного акта». Владелицы согласились с принятыми решениями, и Комиссия, выполнив свое предназначение, была распущена²³³

Процедура утверждения заключения Комиссии несколько затянулась в связи с тем, что государственный контролер, на отзыв которого оно поступило, нашел цену десятины заниженной, а рассрочку — завышенной. Он предложил цену увеличить до 9,5 руб., а срок выплаты сократить до обычных 37 лет. В ответ на это владельцы «указали на стеснительность такой продажи и ходатайствовали о неувеличении суммы». На согласования потребовался чуть ли не год. Наконец 22 марта и 6 апреля 1905 г. дело о Бемьшевской посессии заслушал Комитет министров. Предложение министерской Комиссии было утверждено с сокращением рассрочки платежа до 37 лет.

Первый участок бывшей Бемьшевской посессионной дачи 30 мая 1905 г. поступил в заведование Вятского управления земледелия и государственных имуществ. В ходе приемки было замечено «огромное лесоистребление на сумму от 150 тыс. до 200 тыс. руб.». Следствие обвинило в злоупотреблениях управляющего Бемьшевского имения Попова и конторщика Кашеварова, осуществивших порубки в течение зим 1903–1905 гг. Однако это не отразилось на положении бывших владельцев. Они заключили купчую крепость на второй участок дачи 28 сентября 1905 г. Более того,

не воспользовавшись льготой по отсрочке, они поторопились выплатить всю «покупную сумму» к июню 1906 г. По некоторым данным, 9 октября 1906 г. они же совершили раздельный акт, в соответствии с которым остатки бывшего заводского имени перешли в собственность Е. А. Шамшиной и, вероятно, были объединены с принадлежавшими ей же смежными Гурьевской и Пустошинской дачами²³⁴. Бемышевская посессия прекратила свое существование.

Чатахская посессия

История чатахской посессии на Кавказе представляет собой особый случай. Она служит ярким примером возникновения и прекращения посессионного права владения горным заводом по договору предпринимателя с казной, что практиковалось в новых промышленных регионах (на Кавказе, в Сибири), где в XIX в. власти пытались насаждать горный промысел, оказывая предпринимателям разнообразную поддержку.

Еще в начале 1850-х гг. кавказский наместник князь М. С. Воронцов, следуя своему желанию «развивать в крае частную промышленность», поручил управляющему горной частью А. Б. Иваницкому исследовать Чатахское месторождение железных руд в Болнисском ущелье, расположенном в Тифлисской губернии, «в видах устройства чугуноплавильного завода». Как уже упоминалось, во время наместничества князя был построен лишь казенный Алагирский серебросвинцовый завод, наладить же чугуноплавильное производство не удалось.

При новом наместнике князе А. И. Бяратинском организация этого важного дела была доверена частному лицу — прибывшему в Тифлис баденскому консулу в Одессе Эрнсту Либу, который обратился к наместнику с просьбой помочь ему устроить чугуноплавильный и железоделательный завод «с пособием от казны в 20 тыс. руб.». «Формальные условия» с Либом были заключены 26 июня 1860 г. Они включали его обязательство через полтора года пустить завод производительностью до 150 тыс. пуд. чугуна, а выделку железа начать не позднее конца 1864 г. К будущему предприятию отводились казенные леса и земли в Болнисском ущелье (2096 дес.), а владельцу предоставлялась беспроцентная ссуда с уплатой в течение восьми лет, начиная с 1863 г. Кроме того, после пуска завода Э. Либ освобождался на 10 лет от горной подати, «с которой сопряжено владение на посессионном праве». Взамен этих льгот консул должен был продавать чугун и железо казне «в потребном количестве» с уступкой 25% цены, установившейся в Тифлисе, а на рынок в течение льготного срока заводская продукция могла поступать «на 10% ниже местных цен на железо, привезенное из России»²³⁵.

Как следует из записки, составленной в Горном департаменте в 1878 г., Э. Либ привлек к строительству завода отставного прусского гюттенмейстера (горный чин) Германа Бернулли, арендовал у помещиков Шаншиевых на продолжительный срок еще до 1,5 тыс. дес. леса, поскольку «лес на казенном отводе оказался истощенным», и попытался привлечь к финансированию «некоторые заграничные торговые дома, но те по причине острого финансового кризиса от участия отказались». В такой ситуации в 1861–1862 гг. Э. Либу было ссужено по распоряжению наместника еще 60 тыс. руб. Но, не завершив строительства, 21 сентября 1862 г. заводчик скончался, «назначив после себя наследницей бездетную вдову свою Марию», а она, в свою очередь, уполномочила директора Департамента государственных имуществ на Кавказе действительного статского советника Ю. Ф. Витте (отца будущего премьер-министра) «окончить начатое предприятие». По свидетельству его потомков, это произошло не без давления

местных властей. А. И. Барятинский и начальник Главного управления наместника А. Ф. Крузенштерн «убедили Витте против желания его принять завод на себя, обещая ему всякое содействие и покровительство, почему и выдали ему до 20 тыс. руб., а Витте привлек инженера Бернулли... и многих частных лиц», в числе которых был и А. Ф. Крузенштерн. Сам Ю. Ф. Витте и его жена тоже вложили в дело крупные суммы. С помощью этих средств были достроены доменная печь и литейная, и 28 декабря 1862 г. посессионный завод, названный Чатахским, дал первый чугун.

Вскоре выяснилось, что духовная Э. Либа составлена «без соблюдения установленных форм, не имела подписей свидетелей и потому не могла быть законно утверждена». Ставший в то время кавказским наместником великий князь Михаил Николаевич 23 марта 1863 г. распорядился «договор с Либом уничтожить, т. к. ни он, ни вдова не исполнили его условий», а завод передать в посессионное владение Ю. Ф. Витте и Г. Бернулли с переводом на них рассроченного на восемь лет казенного долга в 105 тыс. руб. под 8%. Не была забыта и вдова М. Либ: ей назначили пожизненную пенсию 2 тыс. руб. в год, которую выплачивали новые владельцы завода. К 1865 г. они обязывались начать выделку железа.

Подписав договор 3 сентября 1863 г., заводовладельцы выполняли его условия до внезапной кончины Ю. Ф. Витте, случившейся 31 мая 1868 г.²³⁶ На тот момент заводское имущество оценивалось в 436 тыс. руб., долги составляли около 678 тыс. руб., в том числе казенные — более чем 190 тыс. руб. «Неудовлетворительность» финансового положения завода горные чиновники объясняли «большими затратами на его первоначальное устройство», которые были обусловлены как «местными обстоятельствами», так и «недостаточностью капиталов учредителей, заставившей их прибегать к невыгодным частным займам». «Лишившись главного распорядителя» в лице Ю. Ф. Витте, писали горные чиновники, завод «не только не имел средств к продолжению своей деятельности, но она окончательно должна была пасть под гнетом обременявших его долгов».

В своем прошении наследники Ю. Ф. Витте (вдова и пятеро детей) поясняли, что его «заботы и лишения... были так велики, что он совершенно расстроил свое здоровье и лишился жизни», а семейство потеряло не только вложенные в предприятие деньги, но и единственное имение в 5 тыс. дес. «отличной земли», пожалованное Ю. Ф. Витте за 25-летнюю службу на Кавказе. По их словам, это имение было заложено Мирзоеву за долги по заводу и продано за 15,5 тыс. руб., тогда как стоило до 100 тыс. руб. Как позже вспоминал С. Ю. Витте, «Чатахские заводы были причиной полнейшего разорения всего нашего семейства: из людей богатых мы сделали людьми с крайне ограниченными средствами»²³⁷.

Опасаясь за свои капиталы, частные кредиторы Чатахского завода тоже обратились к наместнику с прошением о недопущении публичных торгов, которые по закону назначались для покрытия преимущественно казенных долгов. Великий князь поступил благородно, «признав недостойным правительства, преследуя одни только свои материальные интересы, ввергнуть в разорение семейства деятелей, честно и усердно посвятивших свой труд и свое состояние на предприятие, не по их вине до сих пор неприбыльное, и частных лиц, которые доверили общеплезному делу свои капиталы». «Принимая во внимание необходимость развития на Кавказе железных дорог и нефтяного промысла, требовавших металла, и важное значение Чатахского завода в военном отношении, дававшего в случае надобности средства удобного и скорого получения

потребностей для артиллерии и флота», наместник распорядился во избежание остановки завода снабжать его казенными заказами «с учреждением особого надзора со стороны горного управления за правильным расходом задатков и уплат».

Благодаря государственным заказам (в частности, в 1869 г. исполнялся заказ для строящейся Закавказской дороги) Чатахский завод продолжал свою деятельность, правда в 1868–1870 гг. было произведено всего 58 190 пуд. различных чугунных отливок и 9619 пуд. кричного железа. Одновременно шли поиски покупателя, но они не увенчались успехом. В 1871 г. наместник исходатайствовал новую, беспрецедентную, льготу — ежегодного предоставления казенных заказов на 150 тыс. руб. или выдачи заводу денежного пособия по 10 тыс. руб. вместо заказов на 50 тыс. руб. Владельцев же обязали в течение года «предоставить удостоверение о приобретении ими капитала не менее 600 тыс. руб. для устройства полного железного производства и для уплаты частных долгов» посредством создания акционерного общества. Казенный долг был рассрочен на 23 года. Более того, 27 сентября 1871 г. император продлил срок акционирования до 1 октября 1873 г., а устройства полного цикла производства — до 1 января 1875 г.²³⁸

Владельцы завода не теряли времени: в 1873 г. они «вошли в переговоры с разными иностранными капиталистами и вступили в соглашение с временно проживавшим в Тифлисе великобританским подданным Вильямом Претименом», заключив с ним 10 июля того же года предварительный договор о продаже завода. К подготовке его условий подключились и горные власти, заботившиеся о возвращении казенного долга. Льгота по заказам была сохранена и даже продлена на 22 года; рассроченный казенный долг В. Претимен мог вносить либо ежегодными платежами по 9,5 тыс. руб., либо вычетом за выполненный заказ или из дарованного денежного пособия. Правда в случае остановки завода в течение 20 лет хотя бы на год казна оставляла за собой право «прекратить всякое пособие». «Приобретатель» был обязан к концу 1875 г. довести производство железа до 150 тыс. пуд. в год, для чего ему разрешался беспшлинный ввоз необходимых «машин» и запасных частей из-за границы. За все недвижимое имущество завода, включая леса и рудник, он должен был уплатить всего 40 тыс. руб., но расплата с частными кредиторами ложилась на его плечи. В документах упоминалось, что кредиторы в надежде вернуть хотя бы часть вложенных денег согласились тогда получить «по 40 коп. за рубль», чем существенно облегчили условия продажи. Помимо этого, с момента заключения купчей крепости В. Претимен становился полным собственником завода, с которого снимался посессионный статус. Эти условия были приняты всеми сторонами, но разразившийся в Европе финансовый кризис «затруднил реализацию капитала, потребного на настоящее предприятие»²³⁹. Один из ходатаев по этому делу позже сообщал, что британцу «вследствие ошибочных, неумелых и неточных его действий перед капиталистами не удалось привлечь таковых, т.к. капиталисты, к коим обращался Претимен, не увлекаясь тогда еще сохранявшим достаточно приличный вид заводом, обращали серьезное внимание на самый существенный предмет эксплуатации, на рудники... но вследствие нераскрытия и нерасчистки таковых, а тем и невозможности досконального исследования и определения мощности залегающих в оных руды, дело не смогло состояться»²⁴⁰.

По сведениям Горного департамента, когда эта сделка сорвалась (упоминалось даже о том, что вскоре В. Претимен умер), владельцам Чатахского завода были сделаны новые предложения: одно — из Парижа о продаже завода французской компании,

другое — из Москвы от английской компании. Французы, однако, не согласились с предложенными условиями, а англичане только собирались прибыть для переговоров. Сами же владельцы сообщали о том, что в 1875 г. «имели в виду четыре компании, желающие купить Чатахский завод». Представители одной из них (вероятно, той же английской), «московский богатый коммерсант Клейн с товарищем американцем Вильям», в марте приезжали в Тифлис, но после переговоров «нашли нужным совещаться с другими членами общества в Лондоне». В числе претендентов упоминалось также и Общество Поти — Тифлисской железной дороги. Однако все усилия владельцев не привели к успеху: в ноябре 1875 г., когда уже истек отведенный им срок для окончания строительства завода и были прекращены субсидии от правительства, они заявили об остановке производства и безрезультатности самостоятельных поисков покупателя. Сложилась ситуация, когда у казны «появилось право самой распорядиться устройством Чатахского завода». Наместник 5 декабря того же года предписал «подвергнуть остановленный завод публичной продаже».

На торги, назначенные на 8 февраля 1876 г., явились лишь два претендента — дворянин Соломон Шабуров и почетный гражданин Артемий Яров, из которых первый предложил «высшую цену» — 3,5 тыс. руб. На «переторжке», состоявшейся, как и полагалось, через пять дней, С. И. Шабуров «возвысит объявленную сумму согласия не изъявил». Из-за «ничтожной» величины предложенной суммы наместник признал торги несостоявшимися и назначил проведение их повторно. По ходу дела, однако, выяснилось, что он превысил свои полномочия, включив в состав выставленного на продажу имущества сами заводские здания, которые «не могли быть источником возмещения казенных долгов», поскольку располагались не на казенной, а на частной земле Шаншиевых, арендованной еще Э. Либом. Сами Шаншиевы в это же время заявили свои права на заводские постройки. В апреле того же года великий князь Михаил Николаевич был вынужден собрать особое совещание, где ситуация отчасти прояснилась. Как оказалось, С. И. Шабуров за 120 тыс. руб. купил частный долг Ю. Ф. Витте и Г. Бернулли княгине Клавдии Абхазовой (жене князя А. Д. Абхазова) в 206 тыс. руб. Эта сумма была ею предоставлена владельцам завода в 1864 г. «на устройство вальцового заведения». Покупка частного долга потребовалась предприимчивому дворянину для подачи иска на его возмещение за счет заводского имущества. Как выяснили местные власти, в марте 1876 г. он уже осуществил продажу движимого имущества и даже намеревался просить о продаже самого завода «на пополнение своего долга». Такие действия «беззастенчивого приобретателя» были расценены как незаконные, нарушающие запрет на какие-либо частные сделки, наложенный на все заводское имущество после первой же казенной ссуды. По распоряжению наместника проданное имущество было арестовано и оставлено на заводе «в прежнем положении».

Реакция властей заставила С. И. Шабурова действовать более осторожно. В том же 1876 г. он «вошел в соглашение» с заводовладельцами, отказался от получения «долга Абхазовых», принял на себя обязательство уплатить 73 тыс. руб. А. Ф. Крузенштерну, дал «некоторую сумму на расплату с прочими кредиторами» и еще 5 тыс. руб. в счет долга заводским рабочим. Он даже обещал предоставить «небольшую часть» казенного долга с тем, чтобы оставшаяся сумма была списана, и не просил у казны никаких субсидий. Владельцы согласились с этими предложениями, но начальство не прислушалось к их мольбам и назначило новые торги «с полным убеждением, что за завод на торгах дадут те же деньги, которые были предложены Претименом». «Семейство

Витте не знает, что делать и как выйти из такого несчастного положения, — сообщали сочувствовавшие чиновники. — Вдова при старости уже своих лет... не имеет покоя, расстроила и убила совершенно свое здоровье, ожидая с каждым днем потерять всякие средства к жизни, т. к. Шабуров может обратиться взыскание долга 206 тыс. руб. на пенсию ее и дочери и на жалованье сыновей»²⁴¹.

Напряжение сохранялось четыре года, прежде чем было принято новое решение о продаже чатахской посессии. За это время лишь в 1878 г. министру государственных имуществ П. А. Валуеву поступило предложение от инженера Н. О. Барташевского, «проживавшего большей частью на Кавказе», об «утверждении за ним концессии на разработку железных руд на Чатахском заводе или же о передаче ему завода на посессионном праве». Инженер настаивал на сохранении всех тех «преимуществ», которые в свое время были обещаны В. Претимену, но вместо уплаты казенного долга просил новую субсидию в 30 тыс. руб. В то же время С. И. Шабуров вновь предложил уплатить все частные долги и поднял «покупную сумму» до 31 тыс. руб. при условии списания всего оставшегося казенного долга (тогда он составлял уже 246 тыс. руб.).

В августе 1880 г. вопрос о чатахской посессии рассматривал Кавказский комитет в Санкт-Петербурге, разбиравший дела, решения по которым выходили за рамки компетенции наместника. Основным предметом обсуждения стала целесообразность списания казенного долга. Отношение Горного департамента было отрицательным, т. к. это могло иметь «значение вредного для интересов казны прецедента»: на такую же меру могли претендовать и несколько других посессионных округов на Урале, общая задолженность которых достигала 4 млн руб. Тем не менее, 8 апреля 1882 г. император утвердил решение Комитета «о передаче завода в посессионное владение дворянину Шабурову со сложением числившихся на заводе казенных долгов». Член Кавказского комитета князь М. Т. Лорис-Меликов отметил, что «при настоящем положении нельзя было ожидать лучших результатов». Семья Витте наконец смогла освободиться от разорившего ее завода без дополнительных потерь.

Контракт с С. И. Шабуровым был подписан только 8 ноября 1884 г. В соответствии с ним, Чатахский завод должен был возобновить свою работу в течение трех лет и выделять ежегодно не менее 100 тыс. пуд. железа. Однако вступление во владение задержалось почти на год, что означало перенос срока ввода предприятия до конца 1888 г. Но к тому времени завод так и не заработал, а в Управление горной частью на Кавказе поступило уведомление С. И. Шабурова о том, что из-за «притязаний помещиков Шаншиевых... деятельность завода не может быть обеспечена исключительно одним древесным топливом, и необходимо приблизить доменные печи к рудникам и воспользоваться дешевым минеральным топливом, перевозимым по Закавказской железной дороге». В связи с этим владелец просил не разрывать договора и дать ему еще три года для реализации условий контракта²⁴².

Следующее прошение об отсрочке подала министру государственных имуществ М. Н. Островскому уже вдова умершего в конце 1888 г. заводчика и опекунша его малолетних детей Виктория Шабурова. «Войдя в затруднительное положение наследников», министр удовлетворил эту просьбу: ввод завода в действие откладывался до конца 1891 г. Когда же подошел и этот срок, М. Н. Островский получил новое прошение от вдовы, в котором та сообщала, что «не смогла воспользоваться отсрочкой», поскольку все эти годы занималась уплатой долгов мужа, достигавших 1,2 млн руб. Ей

пришлось с этой целью расстаться с имением Ткибули в Кутаисском уезде (где находились залежи каменного угля) «путем образования акционерного общества».

Горный департамент, рассмотрев прошение вдовы о предоставлении новой трехлетней отсрочки, по понятным причинам признал такой шаг рискованным, тем более что у него появился новый, более солидный, претендент на Чатахский завод. В сентябре 1888 г. просьбу о передаче ему завода подал проживавший в Тифлисе гражданский инженер со знаковой фамилией Богач, представлявшийся «инициатором и учредителем» Ткибульского каменноугольного общества, о котором упоминала и В. Н. Шабурова. И. Ф. Богач сообщил, что Шабуровы «не предприняли никаких работ и представили завод на произвол стихии, которая и довела его до полного разрушения». «В этом я лично убедился в 1887 г., осматривая завод совместно с несколькими иностранными горными инженерами и капиталистами, приехавшими по моей просьбе для покупки завода от Шабурова, — писал он. — В это время мы нашли завод в таком жалком положении, что решили, что нужно построить завод новый и воспользоваться только некоторыми стенами зданий». Если верить новому претенденту, бывший владелец даже и не собирался восстанавливать производство, как обещал властям, а намеревался лишь выгодно реализовать доставшееся ему имение. По свидетельству И. Ф. Богача, сначала тот намеревался уступить свои права за 300 тыс. руб., включая акции нового общества на 150 тыс. руб., когда же приезжие согласились, он поднял свои претензии до 700 тыс. руб., в результате чего «иностранцы прекратили с ним всякие переговоры». Аппетиты В. Н. Шабуровой оказались не меньшими: когда в июле 1891 г. И. Ф. Богач предложил ей 50 тыс. руб. «за уступку прав ее на остающиеся четыре месяца владения», вдова отказалась и «потребовала 100 тыс. отступного». Ввиду нарушения со стороны В. Н. Шабуровой условий контракта он просил передать ему «владение Чатахским заводом», обещая за два года «составить общество» и не позже 1 января 1894 г. приступить к постройке «чугуноплавильного, железодельного, сталеплавильного и ферромарганцевого завода» на руде Чатахского месторождения и на каменном угле — Ткибульского. Инженер предлагал казне те же 40 тыс. руб., которые были условием несостоявшейся сделки с В. Претигменом, и просил передать ему имение в собственность.

Помимо этих обещаний, инженер заручился поддержкой влиятельных лиц, в том числе главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и командующего войсками Кавказского округа графа С. А. Шереметева. «Зная лично инженера Богача за солидного, энергического и практичного деятеля и относясь с полным доверием к предложению его, имеющему, по моему мнению, весьма серьезное значение как исходящее от лица, воодушевленного искренним желанием привести в исполнение полезное для края дело», граф ходатайствовал перед М. Н. Островским «о сочувственном отношении к делу». Навели справки о «контрагенте» и чиновники Горного департамента. Оказалось, что И. Ф. Богач был австрийским подданным, православного вероисповедания; уже 22 года он жил в России, был женат на русской подданной и прежде служил на железных дорогах на Урале и в Закавказье.

В феврале 1892 г. горные власти отказались продлить отсрочку В. Н. Шабуровой, признав условия контракта нарушенными «со стороны настоящих владельцев», но первоначально отклонили и просьбу И. Ф. Богача. Ему предложили «явиться соискателем» на новых торгах, для которых предполагалось разработать и новые условия продажи Чатахского завода. При этом ему многозначительно намекнули на то, что имение может быть продано «в посессионное владение или в полную собственность».

В августе того же года окружному инженеру А. Г. Цейтлину было поручено принять управление бездействующим заводом «для отдачи его в частное содержание общим порядком». При этом оказалось, что «казенные угодья» даже не были приняты бывшими владельцами и до сих пор формально значились в ведомстве местного управления государственных имуществ²⁴³.

Однако первоначальные планы властям пришлось все-таки скорректировать. «В виду Министерства, — сообщали чиновники в 1893 г., — нет предложений со стороны частных лиц об уступке им завода в аренду или посессию, но имеется лишь одно предложение на покупку в полную собственность. Полагая, что этот вид частной эксплуатации горнозаводского имения представляет едва ли не наилучшую гарантию в том, что приобретатель вложит в дело должную энергию и осмотрительность, следует признать, что такая продажа является наиболее целесообразной». К тому же оказалось трудным назначить на торгах начальную цену за завод, который «около 20 лет находился в бездействии и пришел в расстроенное состояние». Под давлением таких обстоятельств и было принято решение продать Чатахское имение единственному претенденту И. Ф. Богачу без торгов. Решение согласовывалось с министром финансов С. Ю. Витте, которому это имение было, конечно, памятно. При этом цену подняли до 80 тыс. руб. с рассрочкой платежей на 10 лет без начисления процентов, но согласились передать завод в собственность, т. е. изменить правовой статус имения с посессионного на владельческий. Через пять лет заводчик должен был возобновить выплавку чугуна «под опасением неустойки в 8 тыс. руб.». Высочайшее разрешение последовало 6 июня 1894 г., но ввод во владение затянулся на целый год, вероятно, из-за сложности реализации еще одного условия — покупки у Шаншиевых земельного участка, на котором была расположена основная часть заводских построек.

В планах нового владельца было восстановить чугуноплавильное производство на самом Чатахском заводе, построить вспомогательный железодельный завод на реке Кура (или на реке Храм), а перевозку грузов осуществлять по железной дороге. С этой целью в мае 1895 г. было составлено Первое закавказское общество железодельных, сталелитейных и механических заводов «Дамурдаг», учредителями которого выступали граф П. А. Гейден, граф А. Г. Кейзерлинг и И. Ф. Богач, уступавший Обществу Чатахское горнозаводское имение и два купленных им каменноугольных участка. Узнав об этих планах, С. Ю. Витте счел их свидетельством «спекулятивных целей» претендента. Сам же И. Ф. Богач не скрывал, что первоначально намеревался именно таким путем составить капитал хотя бы в 600 тыс. руб. «для открытия заводского действия». «Вступив во владение 28 мая 1895 г., — вспоминал он позже, — ...я исходатайствовал высочайшего утверждения устава акционерного общества „Дамурдаг“ (утвержден 21 июня 1896 г.²⁴⁴ — Е. Н.). Но новизна этого дела на Кавказе и не установившиеся там правильные гражданские отношения явились тормозом для осуществления дела, т. к. господа капиталисты ставили мне непомерно тяжелые условия реализации дела, доходящие до 40% всего акционерного капитала. Такие условия, фиктивно увеличивая основной капитал, мною, безусловно, не могли быть приняты». В сложившейся ситуации «явилась необходимость начать за личный свой счет» ремонт оборудования Чатахского завода, сделать изыскания для строительства железнодорожной ветки от Карской дороги до рудников, выкупить наконец землю у Шаншиевых, устроить отвод протекавшей через завод речки, ввести «строгое наблюдение за сохранением лесов», на что в итоге было истрачено до 227 тыс. руб. Но на большее денег у И. Ф. Богача не хватило.

Вовремя владельцем были внесены только два платежа в счет рассроченной «покупной суммы». Уже в 1898 г. он просил вместо денег принять в казну землю, выкупленную им у Шаншиевых за 12 тыс. руб. Министр финансов С. Ю. Витте счел это «поводом к выяснению, в какой мере Богачем осуществляется намерение правительства в отношении развития местной горной промышленности». Кавказское горное управление «пришло к заключению о денежной несостоятельности владельца и нежелательности в интересах казны оставлять завод в его управлении». Однако министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов «не признал удобным отбирать завод» и, видимо, разрешил отсрочку долга со строгим предписанием не допускать повторения такой ситуации. Но на следующий год вместо очередного платежа И. Ф. Богач обратился в Министерство земледелия и государственных имуществ за кредитом в 300 тыс. руб. под залог Чатахского имения с вычетом всей суммы долга. Свою просьбу он обосновал «отсутствием местного банковского кредита»²⁴⁵. В 1900 г. истекал пятилетний срок, установленный для пуска завода. Невыполнение условий договора грозило не только учреждением казенного присмотра, но и назначением завода в продажу, что и произошло в октябре 1901 г.

«Продажа с публичных торгов Чатахского завода, — сообщал прибывший в столицу владелец, — окончательно меня разорит, тогда как я совершенно неповинен в неисполнении принятых мною на себя обязательств». Объяснение своим неудачам он находил в наступившем экономическом кризисе, который, по его словам, «настолько испугал европейские биржи, что прилив в Россию иностранных капиталов совершенно прекратился, а на русских капиталистов совершенно нельзя было рассчитывать». Горный департамент счел объяснение И. Ф. Богача «правдоподобным» и усомнился в возможности успешной продажи горнозаводского имения в условиях кризиса. В результате было предложено оставить имение в руках владельца с включением в залог купленной у Шаншиевых земли, которая в 1900 г. уже была им заложена у петербургского купца Э. А. Рено за 80 тыс. руб. Владельцу следовало освободиться от частного залога и тем самым дать основания для новой отсрочки платежей.

В декабре 1903 г. в Горном департаменте получили последнюю весть от И. Ф. Богача. Он сообщал, что летом «тяжелая и продолжительная болезнь приковала его к постели... лишив возможности не только предпринять необходимые меры к выполнению предписанного условия, но даже... выехать из Санкт-Петербурга для устройства дела на Чатахском заводе». Он обещал, что находившийся в Париже Э. А. Рено по возвращении в Санкт-Петербург немедленно «освободит заложенную ему землю». Горные чиновники могли усомниться в достоверности очередного оправдания заводчика, если бы вскоре не получили известие об его кончине, случившейся 28 марта 1904 г.

Следующее прошение было получено уже от вдовы Елизаветы Богач, ходатайствовавшей об отсрочке платежа «на время производства разборки документов, оставшихся после покойного мужа, ибо имущественное положение его еще не было выяснено». В Горном департаменте учли «тяжелое положение семьи контрагента» и предоставили полугодовую отсрочку. Но когда «разборка» документов завершилась, наследники «не стали заявлять свои права из опасения, что количество долгов превышало стоимость оставшегося имущества». «Главными заинтересованными лицами» по наследству И. Ф. Богача остались казна и частные кредиторы: казне он не выплатил полностью «покупную сумму» и неустойку за неисполнение условий договора, претензии же кредиторов превышали 400 тыс. руб. (в их числе оказались и Шаншиевы, заявившие права на купленные у них земли, за которые И. Ф. Богач тоже не успел расплатиться,

и «иностранец» Э. А. Рено, получивший эти земли в залог). Если казна была заинтересована в скорейшей продаже имения, взятого ею под особый надзор, то кредиторы просили отсрочки на время начавшейся войны с Японией и еще на два года после ее окончания, полагая, что только тогда металлургическая промышленность «войдет в обычную норму и представится возможность привлечь капиталы для оборудования завода». Они, видимо, подали иск в Санкт-Петербургский коммерческий суд, который 30 марта 1905 г. признал И. Ф. Богача «несостоятельным должником» и учредил конкурсное управление под председательством присяжного поверенного Гальперина. Горный департамент дал кредиторам разрешение найти покупателя на Чатахское имение в течение года при условии погашения казенного долга и восстановления завода. Но в конце 1906 г. они вновь просили о годичной отсрочке, аргументируя свою просьбу тем, что «немедленная продажа имения отняла бы у кредиторов и казны возможность выручить полностью требуемые суммы». После очередного запроса конкурсное управление сообщило, что «входит в соглашение с одним иностранным акционерным обществом» («группой бельгийских капиталистов», которую представлял инженер Э. Кениф), которое якобы намеревалось приобрести Чатахское имение с целью сооружения чугунолитейного завода. В 1907 г. рассмотрев это предложение, Горный совет счел его более выгодным для казны, чем продажу имения с торгов «на общем основании». Но с тех пор конкурс прекратил всякую переписку с Горным департаментом, вследствие чего чиновники не могли обнаружить местопребывание этого управления²⁴⁶.

Пока шли поиски, в августе 1909 г. министр торговли и промышленности В. И. Тимирязев получил предложение о покупке Чатахского имения от дворянина Иосифа Виттига, хорошо знакомого, судя по его пространному прошению, с состоянием заинтересовавшего его предприятия. Прежде чем «войти в соглашение с казной о возобновлении завода», претендент сообщил, что «при подробных, детальных и неоднократных осмотрах» имения он обнаружил там «ряд невероятных препятствий и дефектов, без устранения коих едва ли возможно будет когда-либо и с кем-либо осуществить это дело, как требовавшее затраты более 800 тыс. руб. наличного капитала, громадного риска и серьезного, осторожного труда». К таким обстоятельствам он отнес сложные земельные отношения в имении, где рудники и леса располагались на казенных землях, первоначально переданных в посессию, а затем — в собственность; сам же завод был построен на арендованных частных землях, выкупленных прежним владельцем у Шаншиевых и заложённых у Э. А. Рено. К тому же еще в 1860-е гг. на посессионных землях обосновалось несколько «тифлиских граждан», захватив лучшие участки, на которых они возвели разные постройки. В 1894 г. местный мировой судья незаконно признал эти участки частной собственностью «по давностному владению», а затем они были проданы И. Ф. Богачу, который и за них не успел полностью расплатиться. Другие «жилыцы» захватили участки с согласия лишь надсмотрщика лезгина Кулаева, «безотлучно проживающего и распоряжающегося всем имением и имуществом Богача по сие время».

И. М. Виттиг счел ошибочными действия скончавшегося владельца, который, вместо того чтобы «оберегать и защищать права и интересы казны от вступщиков и захватчиков, вошел с ними в разные частные сделки и комбинации, к чему, как говорят, был принужден настоятельными требованиями и угрозами, свойственными лицам, населяющим и проживающим в этих местностях». И. Ф. Богач, по его мнению, вместо того чтобы «отстраивать завод, о чем, как оказалось, в течение восьми лет и не думал, увлекся и понастроил ненужных, никуда не годных и в данный момент разваливающихся

построек (к ним проситель отнес, в частности, «школу для будущих детей не существующих у него служащих». — *Е.Н.*), чем окончательно убил и уничтожил поставленное ему договором с казной обязательство восстановить и водворить в имении чугунно-железное производство». В результате такой «длительной бесхозяйственности», писал И.М. Виттиг, «лес вырубается, два железных рудника, не разрабатывающиеся с 1871 г. в течение 38 лет, совершенно развалились и засыпались, дорог не существует, мостов не существует, пахотными, сенокосными, пастбищными землями и лесными пространствами пользуются все, кто только желает».

Предварительными условиями покупки Чатахского имения И.М. Виттиг назвал его межевание, выселение частных лиц и организацию охраны. Его предложение сводилось к тем же 40 тыс. руб., за которые имение в свое время продавалось В. Претимену, с уплатой этой суммы в два срока в течение восьми лет, к исходу которых завод должен был открыть свое действие. Не исключалась и возможность создания компании или товарищества для эксплуатации горнозаводского имения. Что касается исчезнувшего из поля зрения Горного департамента конкурсного управления, то более осведомленный претендент не признавал его прав на продажу имения, называл конкурс «существующим только на бумаге и ровно никакого фактического действия не принявшим, а в данный момент, со смертью председателя, и вовсе несуществующим». Очевидно, писал он, что у конкурса, взявшегося за посредничество, «покупателя не было, нет и не будет, т.к. конкурс, заблуждаясь, полагает возможным извлечь на этой комбинации несообразную выгоду». Очередной претендент убеждал министра в том, что сам он соглашается на сделку исключительно с целью «ограждения интересов казны от дальнейшего хищения и разорения казенного добра»²⁴⁷.

Сведения о состоянии Чатахского имения, полученные от И.М. Виттига, заставили Горный департамент потребовать от Кавказского горного управления их подтверждения или опровержения. Местные чиновники лишь в феврале 1911 г. в основном подтвердили приведенные в прошении факты, уточнив лишь, что лесная дача находилась «не в таком уж плохом состоянии». Стоимость заводского имущества на казенной земле вместе с лесами была ими оценена в 133 тыс. руб., поэтому предложенная покупателем сумма оценивалась как «недостаточная». В такой ситуации Горный департамент еще раз попытался обратиться к конкурсному управлению, которое неожиданно откликнулось в январе 1912 г., сообщив, что переговоры о продаже имения «близки к благоприятному завершению». Конкурс вновь просил не выставлять имение на продажу, поскольку это «отняло бы у кредиторов всякую надежду получить какое-либо удовлетворение». Когда же безрезультатно истекла трехмесячная отсрочка, надежда на продажу Чатахского имения «бельгийским капиталистам» окончательно рухнула.

«Казна должна отказаться от долго преследовавшей ее (с середины минувшего столетия) и уже весьма дорого обошедшей ей задачи по насаждению чугуноплавильного производства в Закавказском крае», — решили умудренные многолетним опытом чиновники Горного департамента, намереваясь прекратить попытки возобновить в Чатахском имении горнозаводскую деятельность. Предложение же И.М. Виттига сочли «в общих чертах отвечающим видам горного ведомства и заслуживающим... полного внимания». Из его заявления, направленного в Горный департамент в апреле 1917 г., узнаем, что в 1911 г. он наконец получил ответ на свое предложение, в котором, видимо, были сформулированы новые условия продажи. После переговоров они стали «приемлемыми для всех сторон», были одобрены министром торговли и промышленности и министром

финансов. Но затем «дело пошло еще более медленным темпом». Причина этого, как полагал И. М. Виттиг, крылась в завязанной Горным департаментом «совершенно ненужной переписке с конкурсным управлением», что «окончательно затормозило дело». На самом деле виновником задержки оказался юрисконсульт Министерства торговли и промышленности, который в августе 1913 г. разъяснил, что «у казны имеется лишь один путь — обратить имение в публичную продажу», поскольку по купчей, заключенной с И. Ф. Богачем, имение передавалось ему в собственность и не указывалось, что при неисполнении условий договора оно переходит во владение казны. Поэтому ей принадлежало лишь закладное право на Чатахское имение, что не давало оснований для продажи его без торгов от имени казны. Основываясь на этом заключении, Горный департамент дал распоряжение Кавказскому горному управлению выставить имение в публичную продажу за сумму казенного долга, достигшую тогда 81 тыс. руб. В ответ управление попросило для проверки и описи имущества 1,3 тыс. руб., которые были выделены, но только в 1915 г.

Переговоры с И. М. Виттигом, очевидно, были приостановлены, но он не придал этому серьезного значения, поскольку счел заключение юрисконсульта неверным, а прежние согласованные уже условия продажи — сохраняющими свою силу. «Я был сильно поражен, узнав, что Горный департамент, игнорируя состоявшиеся со мной соглашения, приостановленные только для облечения их в законные акты вследствие некоторых неточных и неясных юридических положений, не известив меня, вошел в переговоры с другими совершенно новыми лицами», — подал он свой протест в Горный департамент, когда, видимо, узнал о назначенных торгах. «Не веря в возможность тайного и беспричинного устранения моих прав от дела, тормозящегося не мною и не по моей вине, — продолжал негодующий заявитель, — я... обращаюсь к директору Горного департамента приостановить ходатайство новых просителей и окончить со мной такое на условиях уже выработанных и одобренных, но приостановленных лишь только ввиду неправильного и незаконного направления Горным департаментом имения в публичную с торгов продажу». «Заявление» было подписано 19 апреля 1917 г.²⁴⁸ Ответа на него не последовало по вполне понятным причинам.

Решения по закавказским медеплавильным заводам

В середине XIX в. посессионными считались несколько медеплавильных заводов в Закавказье — в Эриванской, Тифлисской и в выделившейся из нее в 1867 г. Елизаветпольской губерниях. До присоединения этой территории к России там действовала горная регалия. «Положение для грузинского горного производства», утвержденное 3 февраля 1816 г., было призвано упорядочить развитие этого промысла в Закавказье и согласовать правила его ведения с законами империи. Тогда казна сохранила за собой права на действующие на частных землях заводы и рудники, а также на отведенные к ним леса, предоставив их «в свободное употребление» предпринимателей. В качестве компенсации помещики получали равный отвод площадей из «пустых казенных земель» и 10% от прибыли рудопромышленника или заводчика. На будущее же вводился принцип акцессии, предполагавший, что «всякое новое приискание руд, минералов и камней и добыча их в землях помещичьих, так и устройство в них заводов... производились не иначе, как с согласия владельцев» и с разрешения горного начальства. На этих же договорных началах горный промысел допускался и на казенных землях, при этом формировалась особая разновидность посессии, отличная от установленных административным порядком посессионных отношений на Урале и в Замосковном крае²⁴⁹.

Как отмечал управляющий горной частью на Кавказе инженер И. А. Штейнман, горный промысел в этом регионе имел «все те недостатки, которые неминуемо должны были обнаружиться как оттого, что основание ему положено греками, хотя любителями горного дела, но не только не имеющими в нем никаких познаний, а даже большей частью людьми безграмотными и совершенно неумными, так и потому, что он находился долгое время под смешанным управлением различных учреждений без достаточно самостоятельного со стороны специального надзора». Действительно, закавказские медеплавильные заводы в середине XIX в., как правило, принадлежали компаниям мелких предпринимателей греческого происхождения, применявшим «самые неумелые и хищнические» способы горных разработок и «весьма несовершенный», так называемый «азиатский», метод выплавки меди. Он отличался от принятого на заводах европейской части страны тем, что «плавка руд велась в низких шахтных печах прямо на черную медь, без промежуточных операций», и был возможен при условии использования «исключительно богатых руд и полном пренебрежении рудами с незначительным содержанием металла». Выплавленная в небольших объемах медь продавалась в основном в том же регионе и шла на изготовление посуды, «употреблявшейся туземцами вместо стеклянной и глиняной»; часть металла отправлялась в Персию²⁵⁰.

По данным Главного управления кавказского наместника за 1863 г., к посессионным заводам относились Алавердский (Алвердский, Аллавердский) и Шамблугский, расположенные в Борчалинском уезде Тифлисской губернии, Кедабекский и Дашкесанский — в Елизаветпольском уезде той же губернии. В Эриванской губернии в Александропольском уезде действовал Сицимаданский (Сисимаданский) завод, в Ордубадском уезде — Агаракский и Пирдоуданский заводы, в Новобаязетском — Мисханский завод.

Об одном из них, Дашкесанском заводе, построенном в 1855 г., уже в начале 1860-х гг. стало известно, что вследствие «постоянных споров и тяжб между владельцами-рудопромышленниками» там фактически не осуществлялось «правильного производства». И. А. Штейнман утверждал, что «компания армян, получившая разрешение на разработку медных руд, после семи лет, в течение которых было выплавлено всего до 180 пуд. меди, прекратила, по несостоятельности, свои дальнейшие работы», а рудники были признаны «тунележащими»²⁵¹.

О производительности Пирдоуданского завода со времени его основания в 1855 г. наместническое управление не имело достоверных сведений, за исключением того, что в 1861 г. он произвел всего 10 пуд. меди. Основанный в 1850 г. Мисханский завод «находился в бездействии по случаю недостаточности учредителя»²⁵². В обзоре горнозаводского производства за 1876 г. все эти посессионные предприятия были отнесены к недействующим²⁵³, а полученные ими посессии, очевидно, возвратились казне.

Из остальных посессионных заводов самыми старинными признавались смежные Алавердский и Шамблугский заводы. По сведениям Управления горной частью на Кавказе, первый «существовал еще при грузинском правительстве и по присоединению Грузии к России до 1816 г. находился в распоряжении бывшей Грузинской горной экспедиции, а в том году, по невыгодности казенного управления, предоставлен в пользование греков-рудопромышленников... выходцев из Турции, которые в 1823 г. устроили в восьми верстах от Алавердского другой медеплавильный, Шамблугский, завод». Он был построен на казенной земле, а Алавердский — на земле князей Аргутинских-Долгоруковых, уступленной владельцами казне. До 1846 г. к заводам были приписаны 34 армянские деревни, но в том году кавказский наместник князь М. С. Воронцов «по

настоятельным просьбам жителей» освободил их от заводских работ и «испросил высочайшего повеления... на отдачу самих заводов на откуп с торгов». Однако «на торги желающие не явились, а греки-рудопромышленники вследствие затопления рудников и замеченного ими истощения руд готовились возвратиться на родину — в Анатолию». Тогда управляющий горной частью на Кавказе А. Б. Иваницкий убедил греков отказаться от переселения в Турцию, пообещав им «помочь устроить их положение». Грамотой наместника от 23 ноября 1849 г. заводы были оставлены в пользовании греков на посессионном праве при условии платежа в казну горной подати, равной 10% от выплавки меди, и «непрерывного исполнения всех мер, предписанных заводчикам в отношении сохранения лесов... и правильной разработки рудников».

Под руководством горных специалистов и «не без некоторого материального пособия от правительства» греки принялись в 1850 г. «с новой надеждой и усердием за горное дело». Вскоре были найдены штоки богатой руды, заложена водоотливная штольня, устроен плавильный завод с печами и воздуходувной машиной и введено правильное лесохозяйство и более совершенное углежжение. Но все эти действия, «клонившиеся к благосостоянию заводов», вскоре «были парализованы несогласиями и интригами образовавшихся между промышленниками мелких партий или компаний, и горному делу на означенных заводах стала угрожать неминуемая опасность прекращения производства, несмотря на мощност и богатство рудного месторождения». Для предотвращения этого местное начальство признало необходимым «все образовавшиеся мелкие партии и компании соединить в одно по каждому заводу правильное товарищество... и по соглашению с рудопромышленниками составить для действия означенных товариществ уставы в виде опыта». Усилия специально образованной для этого в 1865 г. комиссии увенчались успехом: в конце того же года были составлены два товарищества и выработаны проекты уставов, которые и были «преподаны к руководству». Вступившие в действие уставы предполагали деление владения на паи, распределение их между многочисленными пайщиками и создание правления из четырех членов, избираемых ежегодно, а «техническая часть» была вверена приглашенному специалисту²⁵⁴.

После истечения 20-летнего срока действия временных уставов в 1887 г. местное горное начальство предполагало их пересмотреть, но 22 августа того года Алавердское товарищество заключило арендный договор с коллежским ассесором В. Е. Извековым, передав ему на 30 лет завод с землей и лесами площадью около 9 тыс. дес. Ему же отдавалось соседнее Шамблугское имение, «пайщики которого являлись участниками и в Товариществе Алавердского завода». По сообщению князя С. С. Абамелек-Лазарева, в 1897 г. побывавшего на Кавказе по заданию Горного департамента, аренду заводов в 1887 г. получило французское Общество Ахталских рудников, от имени которого, возможно, и выступал В. Е. Извеков. Получив заводы за 9 тыс. руб. арендной платы, это Общество, тем не менее, действовало неумело и «гадательно», не проводя серьезных разведок вполне перспективных месторождений. Шамблугский завод при его осмотре в 1897 г. лежал «весь в развалинах», а на Алавердском заводе производительность оставалась почти на том же уровне, что и при греках-посессионерах, колеблясь от 1,3 до 6,5 тыс. пуд. меди в год²⁵⁵.

Вопрос же о пересмотре уставов Кавказское горное управление не поднимало до конца 1894 г., а когда в том году оно запросило об этом Горный департамент, его директор К. А. Скальковский ответил, что пересмотра не требуется «ввиду поступления заводов в аренду Извекову и... невозбуждения арендатором ходатайства об изменении устава»²⁵⁶.

Не вполне ясно, когда аренда В.Е. Извекова (или Общества Ахталских рудников) превратилась во владение французского Кавказского промышленного и металлургического общества (возможно, преемника прежнего арендатора). Председатель правления Общества кавалер ордена Почетного легиона Иосиф Лямезиер в 1912 г. сообщал, что оно образовалось, согласно акту от 12 октября 1897 г. с первоначальным капиталом в 1250 тыс. франков, который вырос уже на следующий год до 5,5 млн. Крупный иностранный капитал в руках специалистов сумел вывести старейшие в регионе медеплавильные предприятия в лидеры отрасли. Владея Шамблугскими и Ахталскими рудниками и построив дополнительно новый завод «Манес» (в отличие от Алавердского и Шамблугского заводов, он состоял на владельческом праве), французское Общество увеличило производство до 231,5 тыс. пуд. меди в 1913 г.²⁵⁷ Чтобы помочь Обществу развернуть столь масштабное производство, добавочная посессионная подать с продукции Алавердского завода была снижена с 25 до 10 коп. с пуда меди. При этом Кавказское горное управление бдительно следило за правильным начислением подати по «шнуровым книгам». Горный надзор, как и полагалось, требовал сверки объемов добытой руды с объемом выплавленной меди и начислял недоимки в случае обнаружения несоответствий²⁵⁸.

Катарский посессионный завод возник, видимо, во второй половине 1860-х гг. на основе одноименного месторождения медных руд и располагался на казенных землях, отданных в посессию компании, в которую в 1868 г. входили Бегларов, Тер-Мкртчянц, Ходжамировы и Паниев. Тогда завод выплавлял до 2 тыс. пуд. меди в год и на нем трудилось до 160 чел. По свидетельству И. А. Штейнмана, владея одним из самых богатых месторождений руды и располагая достаточными капиталами, заводчики просили «о выписке для них плавильного мастера и изъявляли намерение устроить завод по европейской системе»²⁵⁹.

В начале XX в. предприятие принадлежало уже Александру Мелик-Азарьянцу и Торговому дому братьев Мутафовых. В 1903 г. они просили разрешения устроить в пределах рудничного отвода фабрику для получения меди путем цементации. Через год А. Мелик-Азарьянц подал новое ходатайство о создании фабрики уже в заводском отводе, где предполагалось добывать медь из отвалов принадлежавших ему Сюникских и Катарских рудников. Заводчик обещал, что до 300 пуд. такой меди сначала будет поступать для переплавки на возведенный им Сюникский завод, а впоследствии — перерабатываться на Катарском посессионном заводе. В 1905 г. такое разрешение было дано, но, видимо, последствий не имело²⁶⁰. Известно, что в 1915 г. оба этих предприятия уже принадлежали Кавказскому промышленному и металлургическому обществу, причем Катарский завод бездействовал²⁶¹.

Строительство Сицимаданского завода было разрешено в 1849 г. компании греков-рудопромышленников. Завод начал работать в 1850 г. и считался посессионным вследствие приписки 252 дес. казенной земли и рудников. По сведениям за 1868 г., там выплавлялось до 900 пуд. меди, а в состав владельцев входил 21 участник «из греков и армян»²⁶². В 1888 г. завод был у них «отобран за неплатеж недоимки» и продан с публичных торгов жителю Алавердского завода И.И. Вестфалу. По купчей от 31 июля 1892 г. он продал значительную долю владения по частям: $\frac{2}{5}$ — дворянину инженеру В.А. Скаржинскому, проживавшему в Потии; $\frac{1}{10}$ — дворянину В.Х. Цешковскому; $\frac{4}{10}$ — нотариусу В.Ф. Гриельскому, жившему в Батуме. Видимо, И.И. Вестфаль рассчитывал таким путем привлечь в дело дополнительные капиталы. Заключенный 8 июля 1893 г. «товарищеский договор» определил их взаимные отношения, касающиеся

эксплуатации завода с принадлежавшими ему рудниками. «Компанейский» капитал составил всего 33 тыс. руб.²⁶³

Трудности по снабжению завода сырьем привели к его остановке в конце 1897 г. В. Ф. Гриельский так описывал последующие события: «Завод должен был прекратить незначительную плавку, которую периодически производил на древесном топливе, т. к. не имел запасов руд в неправильных греческих выработках... Всякие полумеры, предпринятые владельцами, вызывали значительные расходы, но не давали никаких практических результатов... Становилось очевидным, что только капитальные работы по проложению новых штолен и шахт... могли бы представить вероятие открытия новых залежей руды, но подобное оборудование рудников требовало весьма крупных затрат, между тем первоначально составленный капитал был израсходован, а новыми ассигнованиями денег совладельцы не желали рисковать». Более того, И. И. Вестфаль и В. Х. Цешковский, «подпаив под влияние горного инженера Калликста Черневского, предполагавшего присоединиться к сицимаданскому делу без денег, выдали ему фиктивные денежные обязательства на свои права, вопреки и в нарушение договора». «Я, — продолжал В. Ф. Гриельский, — категорически воспротивился подобным поступкам... пригрозив возбудить дело о несостоятельности со злым оттенком, но за смертью Цешковского и за передачей Черневским его исполнительных листов... Красневскому оставил это намерение, предпочтя откупиться от претензий Красневского, что и выполнил, и фактически стал обладателем прав Вестфалья и Цешковского»²⁶⁴.

С 1898 г. осуществлялись лишь рудничные работы на средства одного В. Ф. Гриельского, пытавшегося вести разведки не только на заводских рудниках, но и на располагавшемся в шести верстах Шамблугском месторождении. Свидетельство на его разведку он получил в 1896 г. вместе с совладельцем В. А. Скаржинским. Однако возникшие между компаньонами «разные недоразумения» привели к тому, что В. А. Скаржинский в 1902 г. решил выйти из дела, передав свою долю владения тому же тифлисскому купцу второй гильдии Б. Г. Красневскому. Компаньон протестовал, доказывая, что Красневский отнюдь не Борис Григорьевич (под этим именем он упоминался в документах), а Борох Гершкович и не имеет права заниматься горным промыслом. Но Кавказское горное управление не приняло этот довод для аннулирования сделки, поскольку еврей Красневский имел купеческий патент, который давал ему право на горный промысел в пределах Кавказской области. Причиной отказа стало правило, действовавшее еще с 1836 г., в соответствии с которым совладелец посессионного имения, прежде чем продать свою долю постороннему лицу, был обязан обратиться с предложением о покупке к соучастникам по владению, чего В. А. Скаржинский не сделал²⁶⁵. В результате он так и остался в составе совладельцев вместе с наследниками В. Х. Цешковского и с В. Ф. Гриельским, который в 1901 г. приобрел дополнительно лишь $\frac{1}{10}$ долю И. И. Вестфалья.

Не получая от совладельцев ничего, кроме неприятностей, В. Ф. Гриельский в сентябре 1904 г. стал просить разрешение на постройку в посессионном отводе нового завода без их участия. «Во время частых посещений Санкт-Петербурга, — сообщал он, — я ознакомился со способом плавки сернистых руд, изобретенным горным инженером Н. П. Лебедевым, войдя с ним в соглашение о применении его способа на устраиваемом заводе и поручив сооружение такового наблюдению самого изобретателя и ведение плавки на первый год под его личным руководством». Видимо, рассчитывая усилить свою аргументацию, он неосторожно упомянул о том, что «наводил справки» в самом

Горном департаменте и «вынес такое убеждение, что его предложение может и должно быть удовлетворено».

Получив сообщение В. Ф. Гриельского, директор Горного департамента Н. А. Иосса возмутился таким бесосновательным утверждением заводчика, «противоречившим существующим узаконениям». Он предписал не разрешать строительство нового предприятия до тех пор, пока В. Ф. Гриельский не получит согласия двух своих совладельцев, а также напомнил о возможности «отобрания» в казну старого завода или продажи его с торгов, как велел поступать закон по отношению к бездействующим более трех лет посессионным горным заводам.

По поводу последнего утверждения завязалась полемика Горного департамента с Кавказским горным управлением, не желавшим окончательного прекращения «сицимаданского предприятия». Поскольку в руднике, «питавшем завод и составлявшем по закону его неотъемлемую принадлежность», работы не прекращались, то в управлении сочли, что «вопрос об отобрании следует разрешить в отрицательном смысле». Н. А. Иоссе пришлось разъяснить местным властям особенности посессионного права. «Рудники составляют вещественное пособие казны посессионному заводу для действия его, — отвечал он, — а следовательно, производство работ на руднике во время бездействия завода не может считаться заводским действием и служить поводом к оставлению завода в руках его владельцев». Вместе с тем директор не исключал возможности разрешить постройку завода, если В. Ф. Гриельский представит «формальное заявление остальных совладельцев об отсутствии с их стороны препятствий к этому»²⁶⁶.

В марте 1905 г. Горный совет обсудил сложившееся положение и рекомендовал, «не вмешиваясь во взаимные отношения между Гриельским и его товарищами, испросить через Комитет министров высочайшего соизволения на оставление Сицимаданского завода в руках нынешних владельцев с тем, чтобы ими был учрежден в посессионной даче взамен разрушенного старого новый завод на минеральном топливе не позднее пяти лет». Было предложено также до истечения этого срока не считать за основание для изъятия завода отсутствие на нем выплавки меди. Эти предложения и были одобрены Комитетом министров и утверждены императором 11 ноября 1905 г.

В августе 1911 г. Горный департамент предписал Кавказскому горному управлению уведомить о выполнении требования относительно строительства завода. Управление в отчете указывало, что в 1905–1907 гг. была произведена планировка места для строительства, возведено здание завода и сложены рудообжигательные печи, устроена турбина, проведены водопровод и колесная дорога; в 1908–1909 гг. — оборудована электростанция для освещения заводских зданий, для подъема руды и водоотлива; в 1910 г. — установлены аппараты для извлечения меди «мокрым способом», правда они бездействовали «вследствие отрицательных результатов опытных работ». Сообщалось, что новый Сицимаданский завод возобновил работу 14 октября 1906 г. и уже выплавил около 13,5 тыс. пуд. меди²⁶⁷. Единственное, о чем не уведомили местные чиновники, кто же проводил все эти работы — бывшие совладельцы вместе с инженером Н. П. Лебедевым или новый владелец П. П. Акопов, который значился таковым в документах за 1915–1917 гг. Тогда именно он ходатайствовал об определении границ предприятия и о «нарезке для нужд завода нового участка», что косвенно свидетельствует о сохранении посессионного статуса вновь построенного предприятия²⁶⁸.

Агаракский посессионный завод, основанный в 1846 г., судя по описанию управляющего горной частью на Кавказе И. А. Штейнмана, находился в 1868 г. на грани полной

остановки. Вместо 2,4 тыс. пуд. меди, которые ежегодно можно было выплавлять на заводе «по сделанному лесному отводу» площадью 604 дес., производство едва достигало 300 пуд. Рудники были затоплены, но оставались вполне перспективными для дальнейшей разработки. Заводские устройства включали печь «азиатской конструкции» и горн для очистки черновой меди, но во время осмотра фактически бездействовали. Все это, по мнению инженера, свидетельствовало о намерении владельцев завода — грека Степана Кондасова и персиянина Хаджи Багира — совсем остановить производство²⁶⁹.

Дальнейшее развитие событий подтвердило предположение И. А. Штейнмана. По сведениям Горного департамента, в 1871 г. завод прекратил свою работу и вместе с отведенными ему на посессионном праве лесной дачей и рудником вскоре был подвергнут публичной продаже за накопившуюся горную недоимку, составлявшую 2875 руб. Первые торги были проведены при уездном управлении, но оказались безуспешными, вторичные — уже при губернском управлении, но и они не состоялись. Тогда Управление горной частью на Кавказе предложило «оставить завод за казной в уплату недоимки», что и было санкционировано министром государственных имуществ М. Н. Островским 10 октября 1884 г. Агаракский завод с лесной дачей был «обращен в казну» и передан в ведение местного управления государственных имуществ, а рудник объявлен «тунележащим»²⁷⁰.

Фактически эти решения прекратили действие агаракской посессии, хотя история рудника на этом не завершилась. Вслед за публикацией решения министра в газете «Кавказ» грек Георгий Чеймазиди заявил о своем желании получить отвод для дальнейшей эксплуатации рудника. Горное управление дало согласие, предложив «воспользоваться старым Агаракским заводом по уплате числившейся на нем недоимки». В письменных заявлениях (они поступили в январе и мае 1885 г.) Г. Чеймазиди сообщал о том, что отложил свое решение об использовании рудника до момента завершения начатой им геологической разведки. «Выяснив степень благонадежности рудника», в декабре того же года грек заявил о том, что готов построить новый завод производительностью 2 тыс. пуд. меди в год в случае отвода ему бывшей заводской дачи. Но когда Горное управление потребовало от него предоставить планы и более точные сведения о новом предприятии, Г. Чеймазиди сообщил, что он «оставил предположение строить завод и просит уступить ему безвозмездно старый завод на время не меньше трех лет, по истечении которых он или построит новый завод, или оставит за собой старый с уплатой числившейся на нем недоимки».

Принять предложение Г. Чеймазиди горным властям мешали два обстоятельства. Первое заключалось в том, что бывший завод был уже выведен из горного ведомства, поэтому заявителю следовало обращаться в другую инстанцию. Кроме того, за время переписки с Г. Чеймазиди на тот же рудник сделали заявки другие предприниматели — житель близлежащего города Ордубада Сеид Мир-Адиль Хаджи Мир-Ага-оглы, а также житель села Пороча Микиртыч Бякиев и житель Кавартского владельческого завода Франкопулов (названные в источнике бывшими владельцами Агаракского завода). Хотя всем им было отказано на том основании, что первая заявка была подана Г. Чеймазиди, ордубадский житель в августе 1887 г. опротестовал это решение. В своей записке Сеид настаивал на том, что посессионный завод и рудник нельзя отделять один от другого, вследствие чего просил передать ему все бывшее Агаракское горнозаводское имение с целью возобновить производство на ныне закрытом заводе и работу «тунележащего» рудника «на свои собственные средства», обещая уплатить

накопившуюся недоимку. Он указал и на отсутствие в законодательстве «правила первой заявки», добавив, что, по его сведениям, Г. Чеймазиди не намеревался восстанавливать рудник, а всего лишь «приискивает покупателя... за хороший куш»²⁷¹.

Хотя Горный устав действительно давал чиновникам возможность, «не стесняясь правом, приобретенным заявкой, предоставлять рудничный отвод по своему усмотрению лицу, не принимавшему участия в открытии месторождения», власти стремились отводить на Кавказе рудники преимущественно первооткрывателям, «имея в виду, что противоположный порядок может окончательно отбить у частных лиц охоту разыскивать месторождения». В этой связи Горный совет в январе 1889 г. рекомендовал оставить рудник за Г. Чеймазиди, который, несмотря на уверения Сеида, как выяснилось, все-таки проводил разведку месторождения. Вместе с тем предлагалось установить годичный срок для начала добычи «с тем, чтобы в случае неисполнения этого требования рудник был объявлен свободным к отводу другим лицам»²⁷². Так и решено было поступить в этом сложном случае, однако Агаракский завод, видимо, все же не был восстановлен. Ни в отчете С. С. Абамелек-Лазарева за 1897 г., ни в официальных сведениях Горного департамента за 1915 г. этот завод не значился в числе действующих предприятий.

Во второй половине XIX в. одними из крупнейших в регионе стали заводы, основанные известными прусскими предпринимателями братьями Вернером, Вильямом и Карлом Сименсами. В апреле 1864 г. они купили Кедабекское меднорудное месторождение у «турецкоподданных греков», которые еще в 1855 г. получили от наместника разрешение пользоваться окрестными лесами и выплавлять медь на устроенном ими одноименном заводе. Интерес Сименсов к кавказским рудам был вызван потребностью в меди: она использовалась при проведении телеграфа, чем они активно занимались в то время. Предполагалось создать в Закавказье современное крупное производство, для чего потребовался отвод лесов, который и был осуществлен в 1867–1868 гг. Тогда же был введен в действие обновленный Кедабекский завод, производительность которого по договору с казной была рассчитана на 40 тыс. пуд. меди в год. На 15 лет завод освободили от платежа горной подати, разрешив впоследствии начислять ее в размере, установленном для владельческих заводов.

По свидетельству директора Кедабекского завода В. Больтона, строительство предприятия было сопряжено с серьезными трудностями. «Завод лежит в горах на вышине 4500 футов над уровнем моря, в 200 верстах от Тифлиса, — сообщал он. — К нему ведет из долины Куры самая первобытная дорога с подъемом в 3000 футов. Во время строительства не существовало Закавказской железной дороги и потому пришлось доставлять туда все машины и заводские приспособления на быках с берегов Черного моря, на расстояние более 500 верст. За неимением на Кавказе в то время сведущих людей, все служащие выписаны были из заграницы, а первые мастеровые — из Нижнетагильского завода (И. А. Штейнман сообщал, что «для первоначального выжигания угля и успешной выплавки меди» из Тагила были приглашены 16 мастеровых, «которые уже успели доказать на деле полезность такой меры»²⁷³. — *Е.Н.*). Рудники вообще не были разведаны, а единственный действовавший рудник — затоплен. Постройка самого завода и жилых зданий продолжалась пять лет сряду». Когда же производительность предприятия достигла установленных по договору 40 тыс. пуд., выяснилось, что оно при таких условиях «не имеет будущности»: требовалось увеличить годовое производство меди, чтобы покрыть все накладные расходы. Поэтому 21 марта 1879 г.

Сименсы подали прошение о разрешении постройки нового завода в том же посессионном отводе для ежегодной выплавки 20 тыс. пуд. меди. Одновременно они добивались разрешения на строительство узкоколейной железной дороги длиной в 30 верст, которая бы соединила оба предприятия, а также ходатайствовали о дополнительном отводе леса, который обеспечил бы завод топливом в соответствии с установленной производительностью. Получив разрешение и отвод, в мае 1883 г. владельцы завершили строительство Калакандского завода, на которое потребовалось 100 тыс. руб., и железной дороги стоимостью 800 тыс. руб. При этом, по сообщению В. Больтона, Сименсы «не пользовались никакими чужими капиталами», вкладывая ежегодно в дело от 150 тыс. до 200 тыс. руб. Когда же «стали образовываться небольшие прибыли, они не вынули эти доходы из оборота, а... употребили на разные усовершенствования и постройку завода и железной дороги, а следовательно, не имели ни малейшей личной выгоды»²⁷⁴.

Эти аргументы потребовались директору для того, чтобы обосновать свою просьбу не останавливать заводы после достижения нормы годовой выплавки и не начислять повышенную горную подать за сверхнормативный металл. Посессионные ограничения в данном случае воспрепятствовали росту производства. Когда в 1885 г. производительность обоих заводов превысила 80 тыс. пуд. (при допустимых 60 тыс.), управляющий горной частью на Кавказе В. И. Мёллер счел это нарушением договора и распорядился, чтобы «братья Сименсы впредь не позволяли себе, не испросив предварительного разрешения установленным порядком, вести выплавку меди в размере выше назначенной нормы и чтобы не уклонялись от правильной разработки отведенных им рудных месторождений и... по отношению к горючему материалу».

Карл Сименс, который, приняв российское подданство, вел семейные дела в империи, жаловался министру государственных имуществ на действия местного горного начальства, своими требованиями ставившего заводы на грань остановки. В условиях, когда из-за падения рыночных цен на медь рентабельность предприятия достигалась лишь за счет увеличения производства, это начальство, напротив, требовало его сокращения. Кроме того, «излишне взысканная пошлина», сообщил владелец, была в это время для него «особенно чувствительна».

Побывав по заданию Горного департамента на заводах Сименсов, В. И. Мёллер убедился в том, что, «благодаря аккуратности и толковитости заведующего рудником иностранца Шрёдера», добыча руды велась правильно, но «относительно лесной операции не все... обстояло благополучно». Причиной тому называлось отсутствие плана лесного хозяйства, который требовалось составлять при эксплуатации посессионных дач и которому нужно было неукоснительно следовать. В такой ситуации министр государственных имуществ М. Н. Островский «в виде особой льготы» простил Сименсам допущенное нарушение договора, но потребовал все-таки уплатить повышенную горную подать за медь, выплавленную сверх нормы²⁷⁵.

В последующие годы заводовладельцы стали своевременно обращаться за разрешением о превышении нормы производительности (в частности, в 1890 г. — до 108 тыс. пуд.), аргументируя просьбу переводом производства «на нефтяное топливо и отчасти введением электролитического процесса». Но осуществить это удалось не сразу из-за недостатка мазута и средств его транспортировки. Поэтому потребность в древесном топливе не сократилась, более того, понадобились новые лесные отводы. Последний из них был предоставлен в 1891 г.: тогда Кедабекская заводская дача увеличилась почти до 22 тыс. дес. В 1892 г. был составлен 10-летний план лесного хозяйства,

при этом Карл Сименс (Вильям скончался в 1883 г., Вернер — в 1892 г.) взял на себя обязательство оплатить таксационные работы²⁷⁶.

Но уже в 1903 г., когда пришло время для составления нового плана, директор заводов Г. Келле заявил об истощении запасов руды в Кедабекском руднике, которых, по его словам, едва ли хватило бы на полгода работы предприятий. О недостатке руд сообщал еще в 1897 г. и побывавший там С. С. Абамелек-Лазарев. «Необходимо самым энергичным образом искать новые рудные месторождения, — советовал он, — иначе дни обширного Кедабекского предприятия сочтены». В своем отчете князь упомянул также о том, что Сименсы были готовы даже продать дело, если бы нашлись покупатели²⁷⁷. В сложившейся ситуации директор счел бессмысленными крупные расходы на предстоящую ревизию и новые таксационные работы «ввиду возможного прекращения работы заводов в недалеком будущем» и ходатайствовал об отсрочке ревизии на два года. Когда же предоставленная отсрочка закончилась, Г. Келле в январе 1905 г. вновь попросил перенести ревизию, но уже на неопределенное время, ссылаясь на «необнаружение в Кедабекском руднике достаточных запасов руды». Горный департамент согласился предоставить новую отсрочку лишь на пять лет, но когда и она истекла, в январе 1910 г. новый директор Кедабекского завода (Калакендский был уже закрыт) А. Г. Эрн сообщил, что «доверители его (это были наследники Вернера Сименса и умершего в 1906 г. Карла Сименса. — *Е. Н.*) ввиду крайне стеснительного положения заводов... не находят возможным дать средства на ревизию и... готовы отказаться от заготовки лесных материалов в посессионной даче», полностью заменив древесное топливо нефтепродуктами (для их доставки к заводу был проложен нефтепровод длиной 42 версты от станции Далляр Закавказской железной дороги) и донецким антрацитом. Когда же через год он вновь повторил свою просьбу, директор Горного департамента Я. И. Хованский распорядился «отобрать в казну заводскую посессионную лесную дачу» в случае, если владельцы в течение года не выделят 12,9 тыс. руб. на составление нового плана лесного хозяйства.

В июне 1912 г. А. Г. Эрн сообщил, что «в самое последнее время в окрестностях Кедабека обнаружались признаки руды, до обследования коих... было бы преждевременно отказываться от надежды на возможность дальнейшего ведения Кедабекского медного предприятия». Последняя отсрочка по его просьбе была предоставлена до конца 1912 г. Хотя в том году на заводе выплавляли около 95 тыс. пуд. меди, деньги для составления плана лесного хозяйства так и не были внесены. В такой ситуации Кавказское горное управление распорядилось изъять заводскую дачу в казну. В свою очередь директор завода счел возможным просить об отмене добавочной горной подати и вообще о снятии посессионного статуса с имения, в котором оставалось всего 69 дес. казенной земли под строениями. В июне 1913 г. он ходатайствовал о предоставлении заводу этой площади «на арендных началах» и об исключении Кедабекского завода, «как не имеющего вещественных от казны пособий», из разряда посессионных с «перечислением» его во владельческие. Однако уже в феврале 1914 г. А. Г. Эрн просил оставить «заводский отвод» на посессионном праве ввиду «трудности определения размера арендной платы»²⁷⁸.

Эти действия заводоуправления и местной администрации поставили высшие горные власти в сложную ситуацию. «Вследствие неразделимости по закону недвижимого имущества посессионных заводов, из состава всего имущества не могут быть выделены каким бы то ни было образом (путем ли отчуждения в другие руки или путем отображения в казну) отведенные заводам земли и леса. Они могут быть отображены в казну или

отчуждены лишь вместе с заводом, — размышляли чиновники Горного департамента. — Между тем законных поводов для отобрания земель и лесов от Кедабекского завода вместе с самим заводом также не имеется налицо. Такое отобрание может явиться лишь следствием трехлетнего бездействия завода. Но Департаменту известно, что Кедабекский завод продолжает действовать». Отобрать посессионную дачу «при отсутствии возможности обосновать это на нормах действующего закона, а также и на специальных условиях предоставления упомянутых отводов» можно было только с высочайшего разрешения. «Однако необходимость прибегать к испрошению такого разрешения через Совет министров, — полагали чиновники, — устраняется силою того обстоятельства, что само заводууправление заявляет согласие об отобрании... ссылаясь на обременительность для завода нести расходы, сопряженные с пользованием этими дачами. Вопрос об отобрании лесных отводов представляется в данном случае лишенным характера принудительной меры и, приобретая значение добровольного отказа от пользования предоставленным правом, не требует для своего осуществления какой-либо санкции со стороны верховного управления и обуславливает лишь необходимость соответствующего хозяйственного распоряжения со стороны подлежащих казенных ведомств относительно дальнейшего назначения освобождающегося казенного имущества»²⁷⁹.

Найдя, таким образом, простой выход из сложной ситуации, Министерство торговли и промышленности в июне 1915 г. согласилось передать лесные дачи в ведение Главного управления землеустройства и земледелия «с оставлением 69 дес. в распоряжении завода». Полтора года ушло на передачу имущества и организацию особого казенного лесничества. Между властями и заводууправлением еще продолжались споры о том, кто должен платить за работу лесничих, когда 30 января 1917 г. в Горный департамент поступило ходатайство от поверенного наследниц К. Сименса — российских потомственных дворянок баронессы М. К. Гренивиц и баронессы Ш. К. Буксгевден. Совладелицы просили «разрешения на продажу в полном ходу завода Кедабек, расположенного на посессионной земле, русскому Чорохскому медному и рудному акционерному обществу», устав которого был утвержден в том же месяце.

Однако решение вопроса было приостановлено вмешательством Особого делопроизводства по правительственному надзору за торгово-промышленными предприятиями, принадлежавшими подданным враждебных государств. Оно «возбудило вопрос о фиктивности передачи наследниками германскоподданного Вернера фон Сименса половины принадлежавших им прав на Кедабекский завод наследникам русскоподданного Карла Сименса», которая состоялась, видимо, в начале Первой мировой войны. В августе 1917 г. это учреждение запросило у Министерства торговли и промышленности сведения об акционерном обществе — о составе его правления, капитале и акционерах. Выяснилось, что его учредителем выступил горный инженер Р. Ф. Зиверт²⁸⁰. Других сведений в распоряжении Министерства не оказалось, не последовало и окончательного решения по спорному вопросу о продаже Кедабекского завода вместе с его сократившейся до заводского отвода посессионной дачей.

Еще один посессионный завод — Дилижанский — был основан греком Егором Ефремовым и коллежским секретарем Маркаром Арцруни в Казахском уезде Елизаветпольской губернии. В 1869 г. компаньоны договорились начать разработку медного рудника и возвести небольшой завод (с производительностью до 1 тыс. пуд. меди в год) «близ селения старого Дилижана» при условии отвода казенного лесного участка. В 1871 г. разрешение было получено, и 20 сентября 1877 г. завод, названный

Дилижанским, вступил в действие. От казны ему было предоставлено на посессионном праве 72 дес. земли под постройки и 590 дес. леса.

Однако уже через два года владельцы остановили завод под предлогом «разных невыгодных экономических условий», включая отдаленность отведенной лесной дачи. В 1881 г. они просили о новом отводе леса «в ближайшем расстоянии», в противном случае — «о принятии завода в казну с вознаграждением их за произведенные затраты». Ходатайство было отклонено, поскольку Управление горной частью на Кавказе сочло, что «ссылка на отдаленность леса, находившегося в семи верстах по шоссеиной дороге... являлась неосновательной», а отвести другой участок леса «не представлялось возможности». Чиновники заключили, что на самом деле остановка стала следствием недостатка капиталов у компаньонов. Ввиду того, что она последовала «без ведома и распоряжения начальства», горная подать по-прежнему начислялась за установленную норму выплавки металла. Когда недоимка достигла значительной для владельцев суммы в 2,6 тыс. руб., они возбудили ходатайство об ее списании и в 1887 г. получили согласие на это при условии возобновления производства меди.

Дилижанский завод в том же 1887 г. был вновь пущен и проработал до 1898 г., ежегодно выплавляя от 298 до 877 пуд. меди. В декабре 1898 г. Кавказское горное управление сообщало, что «вследствие неблагоприятных обстоятельств, сложившихся ввиду споров между совладельцами, а также и того, что наследники Арцруни отдавали завод в аренду, он пришел в полный упадок, близкий к разрушению». Тогда выяснилось, что за это время Е. Ефремов «фактически устранил себя от участия в деле» и вскоре умер, так что «единственным хозяином завода оставался М. Арцруни, а после его смерти — наследники его». Один из сыновей Маркара, присяжный поверенный С. М. Арцруни, пояснил, что, когда он «удалил» арендатора грека Тригонова, тот «по злобе и вражде» разрушил все заводские постройки, включая медеплавильные печи, чем и была вызвана новая остановка предприятия. Наследник изъявил готовность построить новый завод «взамен полуразвалившегося старого» всего за один год, но Горное управление сочло его предложение неубедительным и в 1901 г., когда истек трехлетний срок разрешенной законом остановки посессионного завода, постановило изъять отведенную к нему лесную дачу. «Посессионные владельцы... неоднократно нарушали требование закона, самовольно уменьшая норму минимальной выплавки... и прекращали даже вообще заводское действие, и в то же время постоянно возбуждали перед Министерством земледелия и государственных имуществ ходатайства о предоставлении им разного рода льгот и об оставлении в их пользовании завода и лесной дачи, не принимая никаких серьезных мер к возобновлению приходящих в упадок завода и рудника», — сообщалось в записке Горного департамента²⁸¹.

Не сдавался и энергичный С. М. Арцруни. Проживая в Тифлисе, в 1903–1904 гг. он подал несколько прошений и записок в Министерство земледелия и государственных имуществ, в которых жаловался на «затянувшиеся пререкания» между ним и Кавказским горным управлением «о дальнейшем назначении Дилижанского завода и его лесной дачи». Именно эту неопределенность в положении имения он считал причиной остановки своих работ по восстановлению предприятия. «Дело, стоившее моему отцу и мне сотни тысяч, потребовавшее от нас столько жертв материальных и моральных, послужившее даже... причиной преждевременной смерти отца и требующее расходов и поныне... — раскрывал он тяжелые последствия этих «пререканий», — не должно оставаться в таком неопределенном положении». «Отнятие леса... — добавлял

он, — равносильно полному лишению меня всех путей и возможностей продолжать заниматься рудничным делом».

Однако в ходе проведенного окружным инженером обследования выяснилось, что ремонтировать старые заводские сооружения и устройства не было никаких оснований, поскольку заводские печи были «самого примитивного типа и все они пришли в окончательную негодность... шахты затоплены водой, которая не откачивалась... лесная дача совершенно расстроена... запас руд незначительный и не представляет возможной выплавки в 3 тыс. пуд., какую следует считать минимальной для безубыточного действия завода». В феврале 1904 г. Горный департамент на основании этого заключения и пропуска владельцем трехлетнего срока для восстановления завода рекомендовал «обратить завод и рудник с дачей в казну», после чего рудник объявить «тунележащим» и открытым для новых заявок, сохранившиеся же заводские постройки продать с публичных торгов в счет накопившейся недоимки, а приписанную к заводу лесную дачу передать местному управлению государственных имуществ²⁸².

После того как эти мероприятия были приведены в действие в том же 1904 г., что фактически привело к ликвидации дилижанской посессии, бывший заводчик обратился с жалобой в Сенат, который 25 сентября 1907 г. «оставил ее без последствий». Но на этом дело не закончилось: у С. М. Арцруни нашлись влиятельные защитники в лице некоторых членов Горного совета, а также кавказского наместника графа И. И. Воронцова-Дашкова. Первые заявили, что «правило о трехлетнем бездействии» не могло относиться к Дилижанскому заводу, при котором «вовсе не имелось особого горнозаводского населения», ради которого и было в 1862 г. установлено это правило, да и затянувшиеся на много лет «пререкания», на которые жаловался заводчик, не по его вине существенно ухудшили положение предприятия. Наместник же аргументировал свое заступничество нежелательностью закрытия горного завода в регионе, которым он управлял. В то же время С. М. Арцруни вел себя довольно странно: еще до сенатского постановления он за отказ от своей апелляции обратился к министру торговли и промышленности с просьбой предоставить ему в долгосрочную аренду «рыболовные статьи» в Новобаязетском уезде Эриванской губернии, обещая платить казне по 4 тыс. руб. в год. Министр резко отклонил эту просьбу.

Ходатайство влиятельного наместника привело к некоторым результатам, но не совсем тем, на которые рассчитывал С. М. Арцруни. Государственный контролер П. Х. Шванебах, которому в 1907 г. пришлось давать отзыв по этому делу, указал на «нежелательность восстановления действия посессионного права как неудобного и для казны, и для владельца», а его преемник П. А. Харитонов на следующий год предложил вместо посессии предоставить бывшему владельцу Дилижанский завод в аренду без предусмотренных на этот случай торгов «во внимание к понесенным им убыткам». Это предложение устроило как горное ведомство, «затруднявшееся продажей завода», от которого «остались одни лишь развалины, не представлявшие ценности», так и бывшего посессионера, упорно добивавшегося компенсации понесенных убытков. В октябре 1909 г. он согласился на предложенные ему условия аренды, но на всякий случай попросил за убытки, которые исчислялись, по его данным, в 300 тыс. руб., «вознаградить» его «взамен Дилижанского рудника отводом 3 дес. заведомо нефтяного участка в местах активной добычи нефти»²⁸³.

По выработанным в Горном департаменте условиям Дилижанский рудник передавался арендатору на 30 лет с правом устроить завод для выплавки 1 тыс. пуд. меди

и с ежегодным платежом по 25 коп. с пуда и 72 руб. — за участок. Однако препятствием к скорейшему утверждению условий аренды сначала стали выявленные Горным советом их «несовершенства», а также наличие многочисленных заявок на рудник, объявленный «тунележащим» еще в 1904 г. Только 15 февраля 1917 г. Совет министров согласился на выработанные Горным департаментом условия аренды «ввиду понесенных Арцруни потерь», но утверждению этого решения помешало отречение Николая II. Временное же правительство, 29 марта 1917 г. вновь рассмотрев дело, заняло более принципиальную позицию. «Принимая во внимание, что отдача казенного имущества в аренду без торгов является изменением закона и что медный рудник представляет собой важное достояние государства, — было записано в протоколе заседания, — не признано возможным отдать Арцруни Дилижанский рудник в арендное содержание без торгов». Бывшему владельцу рекомендовалось на общих основаниях принять участие в организуемых торгах, «буде пожелает заняться разработкой этого месторождения»²⁸⁴. Неизвестно, принял ли С. М. Арцруни это предложение, но вряд ли можно сомневаться, что провести торги не успели до октябрьских событий 1917 г.

Примечания

¹ ПСЗ-П. Т. 37. № 38989.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6097. Л. 30–41, 42–45, 81.

³ Там же. Л. 98–104, 154–159, 162–165.

⁴ Там же. Л. 125–127, 98–104, 130–131, 572.

⁵ Там же. Л. 122, 166–171.

⁶ Там же. Л. 211–212.

⁷ Там же. Л. 141–142, 236, 239–240.

⁸ Там же. Л. 279, 290, 334–343.

⁹ Там же. Л. 228–236.

¹⁰ Там же. Л. 348–351, 363–365.

¹¹ ПСЗ-П. Т. 43. № 45728.

¹² ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6097. Л. 564–572, 593.

¹³ Там же. Л. 375, 395–396.

¹⁴ Там же. Л. 430–476.

¹⁵ Там же. Л. 526, 586–591.

¹⁶ Там же. Л. 222–224 об., 430–476, 552–558, 580, 582.

¹⁷ Там же. Л. 42–45, 573, 608, 618, 622–623.

¹⁸ Там же. Л. 430–476.

¹⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 829. Л. 3–4.

²⁰ Там же. Оп. 5. Д. 1782. Л. 2.

²¹ Там же. Оп. 3. Д. 1047. Л. 1–6 об.

²² Там же. Л. 7–13, 27 об., 36, 36 об., 51–59, 69.

²³ Там же. Д. 1157. Л. 1–10, 36–37.

²⁴ Там же. Л. 42 об., 52; ПСЗ-П. Т. 43. № 45728.

²⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 4. Д. 479. Л. 1–2 об.; Оп. 3. Д. 1214. Л. 1–3.

²⁶ Там же. Оп. 65. Д. 1578. Л. 1–3 об.; ПСЗ-П. Т. 45. № 48428а.

²⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1234. Л. 4–11.

²⁸ Там же. Л. 15, 29–30, 38–54, 60.

²⁹ Там же. Оп. 5. Д. 841. Л. 1–2, 5–10.

³⁰ ПСЗ-П. Т. 47. № 51398.

³¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 270. Л. 1–4, 8–9 об., 23.

³² Там же. Д. 338. Л. 11.

³³ ПСЗ-П. Т. 17. № 14366.

³⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 971. Л. 1–3, 5.

³⁵ Там же. Л. 10–14.

³⁶ Там же. Оп. 65. Д. 2027. Л. 1, 1 об.

- ³⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2027. Л. 10–15 об., 39–42.
- ³⁸ Там же. Д. 1480. Л. 1–4, 13.
- ³⁹ Там же. Л. 40–42, 59–61, 73.
- ⁴⁰ ПСЗ-III. Т. 31. № 34827.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1480. Л. 70–71 об.
- ⁴² Там же. Оп. 4. Д. 524. Л. 1–2, 6.
- ⁴³ Там же. Д. 609. Л. 1–2.
- ⁴⁴ Там же. Оп. 65. Д. 29. Л. 1.
- ⁴⁵ Там же. Д. 338. Л. 1, 5–8 об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 19–23, 27.
- ⁴⁷ Там же. Оп. 67. Д. 452. Л. 2.
- ⁴⁸ ПСЗ-II. Т. 6. № 4634.
- ⁴⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 73. Д. 28. Л. 9 об.
- ⁵⁰ Там же. Оп. 3. Д. 1045. Л. 22 об., 66.
- ⁵¹ Там же. Д. 1045. Л. 1–2, 4–13.
- ⁵² Там же. Л. 30–32 об., 44–46, 50, 55–59, 62, 64.
- ⁵³ Там же. Оп. 73. Д. 28. Л. 1–3, 73–84.
- ⁵⁴ Там же. Л. 7, 58–59, 62–64, 71–72, 102, 122.
- ⁵⁵ ПСЗ-II. Т. 10. № 8532.
- ⁵⁶ Новиков В.Я. Первопроходцы Казахстана. Степан Попов. URL: <http://novikovv.ru/stepan-popov> (дата обращения: 17.05.2016).
- ⁵⁷ ПСЗ-II. Т. 52. № 57555.
- ⁵⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 292. Л. 1–2, 4–6, 12, 12 об.
- ⁵⁹ Там же. Оп. 4. Д. 419. Л. 2–5 об.; Оп. 3. Д. 1162. Л. 3–7.
- ⁶⁰ Там же. Оп. 5. Д. 1755. Л. 1–3.
- ⁶¹ Там же. Оп. 65. Д. 1277. Л. 1–2 об.
- ⁶² Там же. Л. 8–11 об.
- ⁶³ Там же. Л. 13–16.
- ⁶⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1366. Л. 2–3, 5–6 об.
- ⁶⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1670. Л. 1–3, 23–29, 64.
- ⁶⁶ Там же. Л. 75–76, 78–88, 91.
- ⁶⁷ См. об этом подробнее: Неклюдов Е.Г. Первый опыт акционирования горнозаводских округов Урала в середине XIX в. // Индустриальное наследие. Саранск, 2007. С. 267–275.
- ⁶⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6628. Л. 95, 214–215, 260, 260 об., 371–373, 380.
- ⁶⁹ Там же. Д. 5772. Л. 239 об.–244 об.; Д. 5564. Л. 782, 891.
- ⁷⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 4. Д. 397. Л. 1–11.
- ⁷¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6628. Л. 1034, 1211, 1280–1281, 1329–1330.
- ⁷² Там же. Л. 882–892.
- ⁷³ Там же. Ф. 72. Оп. 1. Д. 4077. Л. 1; Описание частных горнозаводских имений, назначаемых к продаже за казенные долги (Суксунский округ) // Горный журнал. 1870. № 11. С. 379–452.
- ⁷⁴ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 4077. Л. 1–12, 26.
- ⁷⁵ ПСЗ-III. Т. 3. № 1660.
- ⁷⁶ Там же. Ф. 24. Оп. 21. Д. 81. Л. 1, 33, 35, 74–75, 139–140; Д. 8. Л. 2; Оп. 19. Д. 59. Л. 2–13.
- ⁷⁷ Там же. Оп. 21. Д. 81. Л. 29–30.
- ⁷⁸ Там же. Л. 91–94, 104.
- ⁷⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 73. Д. 43. Л. 1, 5–6, 10, 35–45.
- ⁸⁰ Там же. Л. 52–54, 60–75 об.
- ⁸¹ Там же. Л. 94–99.
- ⁸² Там же. Л. 4, 4 об.
- ⁸³ Там же. Оп. 65. Д. 268. Л. 12, 70–74, 77–87; ГАСО. Оп. 19. Д. 59. Л. 2–14 об.
- ⁸⁴ См.: Краснова Е.И. Такие разные Демидовы. СПб., 2007. С. 87, 131, 135; Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 314–315.
- ⁸⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 21. Д. 81. Л. 157, 162, 178, 180, 194, 206, 252, 263, 280, 283, 329, 376, 556, 678.
- ⁸⁶ См.: Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 42, 96, 241, 326, 327, 442, 445, 461, 517.
- ⁸⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 445. Л. 4–9 об.
- ⁸⁸ Там же. Оп. 19. Д. 190. Л. 2–3 об.; Д. 253. Л. 2–3 об.

- ⁸⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 268. Л. 1–2, 153, 173, 219, 290; Сук-Су, студеная вода / Сост. В. А. Шкерин. Екатеринбург, 1999; Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. С. 445.
- ⁹⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 190. Л. 2–3 об.
- ⁹¹ Там же. Ф. 72. Оп. 1. Д. 4077. Л. 25–26.
- ⁹² Там же. Ф. 24. Оп. 19. Д. 104. Л. 8–10 об.
- ⁹³ Там же. Оп. 20. Д. 455. Л. 1, 4–11, 16–19.
- ⁹⁴ Там же. Оп. 19. Д. 280. Л. 5–8 об.
- ⁹⁵ Там же. Д. 253. Л. 2–3 об.; Д. 1104. Л. 10–11.
- ⁹⁶ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 901. Л. 75–81.
- ⁹⁷ Там же. Д. 333. Л. 1, 11, 25.
- ⁹⁸ Там же. Л. 31–36, 40, 46.
- ⁹⁹ Там же. Д. 333. Л. 63–64, 86; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 721. Л. 1–2 об., 12.
- ¹⁰⁰ ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 333. Л. 102–109, 112–116.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 138–140.
- ¹⁰² Там же. Л. 146, 168, 173, 210, 225, 328.
- ¹⁰³ Там же. Л. 231–233, 236, 251.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 242, 263–264, 268.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 287, 288, 290, 292, 344–345.
- ¹⁰⁶ Там же. Д. 901. Л. 75–81.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 87–101.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 174, 190–195 об., 567; Ф. 24. Оп. 32. Д. 2075. Л. 1, 28.
- ¹⁰⁹ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 901. Л. 235, 249, 295; Ф. 24. Оп. 32. Д. 2076. Л. 35, 106, 110.
- ¹¹⁰ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 901. Л. 317–318, 324, 327, 340, 353, 371, 378–384, 567–570.
- ¹¹¹ Там же. Ф. 24. Оп. 13. Д. 739. Л. 1, 2.
- ¹¹² Там же. Л. 535–556, 559.
- ¹¹³ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1992. Л. 5, 9.
- ¹¹⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 21. Д. 56. Л. 3–5, 14, 49, 85, 115.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 135, 153, 177, 184 об.
- ¹¹⁶ См.: Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. С. 387–400.
- ¹¹⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1073. Л. 1–2 об., 3–7, 9–12 об.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 25, 26–28.
- ¹¹⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 145. Л. 7–8, 24, 26 об.
- ¹²⁰ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 363. Л. 86.
- ¹²¹ Там же. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2997. Л. 1–8; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1128. Л. 1–4, 12, 16.
- ¹²² ГАСО. Ф. 24. Оп. 21. Д. 2. Л. 5–10 об.
- ¹²³ Там же. Л. 25, 35, 55, 57–58, 79–87, 136, 153.
- ¹²⁴ Там же. Л. 262, 539–540 об.
- ¹²⁵ Там же. Л. 512, 580, 640–641; Ф. 43. Оп. 1. Д. 363. Л. 229.
- ¹²⁶ Там же. Ф. 24. Оп. 21. Д. 2. Л. 316, 606 об., 666, 773.
- ¹²⁷ Там же. Л. 770, 809–811, 1039; Д. 51. Л. 28, 41, 94; Ф. 43. Оп. 1. Д. 363. Л. 450–455 об., 461, 462, 506–508.
- ¹²⁸ Там же. Ф. 24. Оп. 21. Д. 2. Л. 507, 508, 511.
- ¹²⁹ Там же. Д. 51. Л. 25.
- ¹³⁰ Там же. Оп. 32. Д. 2997. Л. 1–8; Оп. 21. Д. 51. Л. 110, 157, 207, 318, 322–324 об., 392, 416, 518, 711–712.
- ¹³¹ Там же. Оп. 21. Д. 51. Л. 725–730.
- ¹³² Там же. Л. 734, 755, 756.
- ¹³³ Там же. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1992. Л. 5; Ф. 24. Оп. 19. Д. 561. Л. 80; Оп. 21. Д. 45. Л. 1–2, 25.
- ¹³⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 21. Д. 45. Л. 10–11 об., 17, 17 об., 22, 29–34.
- ¹³⁵ Там же. Л. 35–44.
- ¹³⁶ Там же. Оп. 19. Д. 561. Л. 30–32, 36, 40, 76; РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 268. Л. 287.
- ¹³⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 561. Л. 9, 80.
- ¹³⁸ Там же. Л. 81, 129, 234, 239, 276, 277, 298, 320.
- ¹³⁹ Там же. Л. 291.
- ¹⁴⁰ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 335.
- ¹⁴¹ Там же. Ф. 24. Оп. 6. Д. 3225. Л. 50 об., 68–72.
- ¹⁴² Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 925. Л. 1–6, 35, 68.
- ¹⁴³ Там же. Л. 14–16, 28 об., 35.

- ¹⁴⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 6. Д. 3225. Л. 169–179 об., 188–190 об., 195–198, 205, 233–234, 248–249, 252 об.
- ¹⁴⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2659. Л. 4–6; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1261. Л. 11, 36, 51, 56, 59.
- ¹⁴⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1261. Л. 69–72.
- ¹⁴⁷ См.: Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. С. 404; *Кудымов А. Б.* Рождественские железоделательные заводы XVIII–XIX вв.: краткий исторический очерк // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург, 2003. С. 54–57; *Зиновьев В. П.* Экономические организации рабочих Сибири во второй половине XIX — первые годы XX в. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/his/01/image/21-33.pdf> (дата обращения: 15.03.2016); ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1261. Л. 82, 86, 95, 100; Д. 471. Л. 3, 27–38.
- ¹⁴⁸ ГАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 537. Л. 2–4, 6.
- ¹⁴⁹ Там же. Л. 84, 87–88, 121.
- ¹⁵⁰ Там же. Л. 144, 154; РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2659. Л. 1–10, 13–14.
- ¹⁵¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2659. Л. 15, 17.
- ¹⁵² См.: *В. Б.* Прекращение деятельности Абаканского чугуноплавильного и железоделательного завода В. А. Ратькова-Рожнова // Горный журнал. 1912. № 2. С. 235.
- ¹⁵³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1261. Л. 103, 105, 108–109, 142–143.
- ¹⁵⁴ См.: *Дубин А. С.* Ратьковы-Рожновы в Санкт-Петербурге и на Урале // Сплелись времена, сплелись страны... Вып. 10. СПб., 2002. С. 60–72; РГИА. Ф. 1032. Оп. 1. Д. 23. Л. 19; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1261. Л. 134–136; *Сапоговская Л. В.* Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург, 1998. С. 179.
- ¹⁵⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1261. Л. 133, 169, 172–173.
- ¹⁵⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1698. Л. 1–2, 4–6.
- ¹⁵⁷ Там же. Л. 11–12, 15–17 об.
- ¹⁵⁸ Там же. Оп. 67. Д. 784. Л. 2–7.
- ¹⁵⁹ См.: *Неклюдов Е. Г.* Предприниматель, менеджмент и власть в 1917 г.: специфика отношений в условиях войны и революции // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2014. № 3 (15). С. 39–42; Национализация промышленности на Урале: сб. документов. Свердловск, 1958. С. 305.
- ¹⁶⁰ См.: Ирбинский железоделательный завод. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ирбинский_железоделательный_завод (дата обращения: 20.07.2016).
- ¹⁶¹ См.: *Саянский (Попков) О.* Абаканский завод. Город Абаза. Хакасия. Ч. 1. URL: <http://sayansib.ru/articles/articles-about-sayan/106-abakan-plant-city-abaza-khakassia-part-1> (дата обращения: 20.07.2016).
- ¹⁶² РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 301. Л. 1–6 об.
- ¹⁶³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1282. Л. 64; РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1518. Л. 5; Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов с журналами Особого совещания, образованного в 1905 г. для рассмотрения этого вопроса. СПб., 1907. Ч. 2. С. 174–178.
- ¹⁶⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 301. Л. 7–12.
- ¹⁶⁵ Там же. Ф. 37. Оп. 67. Д. 424. Л. 24–25.
- ¹⁶⁶ См.: *Неклюдов Е. Г.* Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013. С. 460–477.
- ¹⁶⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 2073. Л. 7–15, 73.
- ¹⁶⁸ Там же. Л. 1, 7–15.
- ¹⁶⁹ Там же. Оп. 19. Д. 322. Л. 2–6.
- ¹⁷⁰ Там же. Д. 632. Л. 289–291.
- ¹⁷¹ Там же. Л. 215–220.
- ¹⁷² Там же. Оп. 5. Д. 2154. Л. 29–73.
- ¹⁷³ Там же. Оп. 32. Д. 2073. Л. 184; Д. 639. Л. 1, 2.
- ¹⁷⁴ Там же. Оп. 6. Д. 4655. Л. 187, 188; Оп. 32. Д. 2073. Л. 250–254, 334.
- ¹⁷⁵ Там же. Оп. 5. Д. 2154. Л. 21; Оп. 6. Д. 3224. Л. 1–4.
- ¹⁷⁶ Там же. Оп. 6. Д. 3224. Л. 9; Оп. 5. Д. 2154. Л. 100 об., 101; Оп. 19. Д. 632. Л. 220; Оп. 32. Д. 2997. Л. 1–8.
- ¹⁷⁷ См.: Сборник документов древней Шермяитской дачи. СПб., 1873; Сборник юридических документов древней Шермяитской дачи. СПб., 1873; *Штукенберг А. И.* Общий кратко-хозяйственный обзор Ольгинской-Шермяитской дачи. СПб., 1867; Исторические записки местности прежней Уфимской провинции, где был центр древней Башкирии. СПб., 1867; *Чутин Н. К.* О некоей исторической будто бы записке // Пермские губернские ведомости. 1870. № 53, 60–64.
- ¹⁷⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 6. Д. 3224. Л. 13, 15; Оп. 32. Д. 2073. Л. 337.
- ¹⁷⁹ Там же. Оп. 19. Д. 632. Л. 29, 38, 41, 43, 50.
- ¹⁸⁰ Там же. Л. 67, 68, 86, 119, 141.
- ¹⁸¹ Там же. Л. 149, 152, 155, 162–163.

- ¹⁸² ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 322. Л. 2–6, 13, 15–16, 32–35, 40, 59, 67; Оп. 6. Д. 4655. Л. 198.
- ¹⁸³ Там же. Оп. 19. Д. 632. Л. 192; Оп. 6. Д. 4655. Л. 212, 212 об.
- ¹⁸⁴ Там же. Оп. 19. Д. 632. Л. 195–198, 201–204 об., 206–207 об.
- ¹⁸⁵ Там же. Л. 240, 259, 271, 273.
- ¹⁸⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1404.
- ¹⁸⁷ Там же. Оп. 3. Д. 1082. Л. 31 об.–39.
- ¹⁸⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6097. Л. 430–476; Ф. 72. Оп. 1. Д. 3958. Л. 188–203; РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 1233. Л. 2–3, 10.
- ¹⁸⁹ См.: Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX в. С. 437–451.
- ¹⁹⁰ Там же. С. 456–460.
- ¹⁹¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 68. Д. 671. Л. 86–87.
- ¹⁹² Павлов М. А. Воспоминания металлурга. Киров, 1992. С. 157.
- ¹⁹³ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 2111. Л. 72–87.
- ¹⁹⁴ Там же. Оп. 67. Д. 412. Л. 16 об.
- ¹⁹⁵ Там же. Оп. 5. Д. 2019. Л. 239–241; Китанина Т. М. Материалы межведомственных совещаний и комиссий как источник для изучения положения уральской промышленности и землеустройства горнозаводского населения // Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала в досоветский период. Свердловск, 1982. С. 59–64.
- ¹⁹⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 2019. Л. 236.
- ¹⁹⁷ Там же. Л. 239–241.
- ¹⁹⁸ Там же. Д. 2111. Л. 72–87.
- ¹⁹⁹ Там же. Д. 2019. Л. 239–241.
- ²⁰⁰ Там же. Оп. 67. Д. 457. Л. 62 об.–64 об.
- ²⁰¹ Там же. Л. 54–57; Оп. 5. Д. 2019. Л. 30–32 об.
- ²⁰² Там же. Оп. 67. Д. 457. Л. 65–66.
- ²⁰³ Там же. Л. 71–72.
- ²⁰⁴ Там же. Оп. 73. Д. 98. Л. 28–29.
- ²⁰⁵ Там же. Л. 52–55 об.
- ²⁰⁶ Там же. Оп. 67. Д. 457. Л. 57–60 об.
- ²⁰⁷ Там же. Оп. 73. Д. 98. Л. 126, 126 об., 163; Оп. 5. Д. 2019. Л. 193.
- ²⁰⁸ Там же. Оп. 5. Д. 2019. Л. 175, 178, 193–198, 210–212.
- ²⁰⁹ Там же. Л. 234–236, 260 об., 292.
- ²⁰¹ Там же. Л. 266–270.
- ²¹¹ Там же. Л. 329, 334, 336, 345, 346.
- ²¹² Там же. Оп. 73. Д. 98. Л. 303, 325, 338, 338 об.; Оп. 5. Д. 2019. Л. 344.
- ²¹³ Там же. Оп. 73. Д. 98. Л. 407.
- ²¹⁴ Там же. Л. 294, 301, 301 об., 375.
- ²¹⁵ Там же. Оп. 5. Д. 2111. Л. 72–87.
- ²¹⁶ Там же. Оп. 73. Д. 181. Л. 11.
- ²¹⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1469. Л. 1, 12, 28.
- ²¹⁸ Там же. Д. 1282. Л. 64–79, 88.
- ²¹⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1518. Л. 5–21 об.
- ²²⁰ Там же. Л. 31.
- ²²¹ Там же. Л. 42–43.
- ²²² Там же. Л. 52–57.
- ²²³ Там же. Л. 44–49, 51, 70; ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1282. Л. 79, 86, 88.
- ²²⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1263. Л. 2, 5, 6, 14–19 об.
- ²²⁵ Там же. Л. 60–62, 73–76 об., 84.
- ²²⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2376. Л. 1–10.
- ²²⁷ Там же. Л. 10–13.
- ²²⁸ Там же. Л. 14–34.
- ²²⁹ Там же. Л. 51–57, 80–83.
- ²³⁰ Там же. Л. 94–99 об., 150, 152–155, 169–172 об.
- ²³¹ Там же. Л. 149, 173.
- ²³² Там же. Л. 195, 195 об., 221, 254, 269–306.
- ²³³ Там же. Л. 343, 354, 368–372, 379, 407–409, 413–419.
- ²³⁴ Там же. Л. 429, 453, 536, 574, 587, 615, 627.

- ²³⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1988. Л. 27–39 об.
- ²³⁶ *Шилов Д. П.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917: биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 122.
- ²³⁷ *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 47.
- ²³⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1988. Л. 27–39 об.
- ²³⁹ Там же. Л. 1–4, 10 об., 13, 21–22 об.
- ²⁴⁰ Там же. Оп. 68. Д. 261. Л. 1–10.
- ²⁴¹ Там же. Оп. 65. Д. 1988. Л. 27–39 об.
- ²⁴² Там же. Л. 62, 65–67, 73, 117, 130.
- ²⁴³ Там же. Л. 138, 163, 197–199, 202–215, 252–253 об., 284.
- ²⁴⁴ ПСЗ-III. Т. 16. № 13089.
- ²⁴⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1988. Л. 294–301 об., 365, 396 об., 473, 505, 593, 633, 661.
- ²⁴⁶ Там же. Д. 913. Л. 28–31 об., 91–92, 98–106 об., 173, 179–184 об., 190, 239, 268, 314–319.
- ²⁴⁷ Там же. Оп. 68. Д. 261. Л. 1–10, 18–19 об.
- ²⁴⁸ Там же. Л. 11–13, 20–26 об., 29–47, 53–54 об., 56, 62 об.
- ²⁴⁹ ПСЗ-I. Т. 33. № 26116; *Штоф А. А.* Горное право. СПб., 1896. С. 181.
- ²⁵⁰ См.: *Штейнман И. А.* Записка об осмотре горных заводов и промыслов Кавказского и Закавказского края // Горный журнал. 1869. № 10. С. 1–29; *Мёллер В. И.* Горнозаводский промысел Кавказа в 1885 г. // Там же. 1886. № 12. С. 455–483.
- ²⁵¹ *Штейнман И. А.* Указ. соч. С. 23.
- ²⁵² О горнозаводской производительности в Кавказском и Закавказском крае по 1863 г. // Горный журнал. 1874. № 4. С. 124–127.
- ²⁵³ См.: Горнозаводская производительность в России в 1876 г. // Горный журнал. 1878. № 4/5. С. 135, 136.
- ²⁵⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2193. Л. 1–4.
- ²⁵⁵ См.: *Абамелек-Лазарев С. С.* Отчет о командировке в Закавказье // Горный журнал. 1897. № 3. С. 381–384.
- ²⁵⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2193. Л. 7–15, 27–34, 48–52.
- ²⁵⁷ См.: Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности. Пг., 1915. С. 154, 155.
- ²⁵⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 68. Д. 306. Л. 5, 7, 49–51.
- ²⁵⁹ *Штейнман И. А.* Указ. соч. С. 16, 17, 28.
- ²⁶⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 68. Д. 193. Л. 1, 6, 7.
- ²⁶¹ См.: Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности. С. 156.
- ²⁶² *Штейнман И. А.* Указ. соч. С. 21.
- ²⁶³ РГИА. Ф. 37. Оп. 68. Д. 111. Л. 5–13, 35.
- ²⁶⁴ Там же. Д. 195. Л. 3–5.
- ²⁶⁵ Там же. Д. 111. Л. 16, 41, 41 об., 58–70.
- ²⁶⁶ Там же. Д. 195. Л. 1–2, 7–8, 13, 18–19.
- ²⁶⁷ Там же. Л. 20–28, 44, 48–49 об.; Оп. 67. Д. 453. Л. 2–7.
- ²⁶⁸ Там же. Оп. 68. Д. 360. Л. 3, 3 об.
- ²⁶⁹ См.: *Штейнман И. А.* Указ. соч. С. 13, 14.
- ²⁷⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 292. Л. 1–8.
- ²⁷¹ Там же. Оп. 65. Д. 256. Л. 1, 13–18.
- ²⁷² Там же. Л. 21–29, 32.
- ²⁷³ *Штейнман И. А.* Указ. соч. С. 25.
- ²⁷⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 2128. Л. 23–31 об., 50–60.
- ²⁷⁵ Там же. Л. 1–5 об., 18–23, 38, 48.
- ²⁷⁶ Там же. Л. 78, 89–91, 93; Д. 3037. Л. 1, 1 об.
- ²⁷⁷ См.: *Абамелек-Лазарев С. С.* Указ. соч. С. 377.
- ²⁷⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 3037. Л. 6, 9, 13, 26, 30–34 об., 44, 55–57, 60, 64–65, 81–82 об.
- ²⁷⁹ Там же. Л. 88–96.
- ²⁸⁰ Там же. Л. 110–116, 129, 136, 148, 149.
- ²⁸¹ Там же. Оп. 5. Д. 2094. Л. 9–12, 29–39, 103.
- ²⁸² Там же. Л. 2–5 об., 43–61 об.
- ²⁸³ Там же. Л. 64–66 об., 71–75, 91–92 об., 99–104.
- ²⁸⁴ Там же. Л. 125, 131–133, 226, 248, 253 об., 254, 265, 265 об.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История горного промысла в России XVIII — начала XX в. наполнена различными преобразованиями. Некоторые из них имели значение крупных реформ, определявших облик промышленности на целые десятилетия. К ним можно отнести Бергпривилегию 1719 г., на основе которой была создана российская горнозаводская промышленность в виде комбинированной отрасли, сочетавшей добычу руд с выплавкой металлов, или Проект горного положения 1806 г., реализация которого превратила эту промышленность в форме казенных, посессионных и владельческих округов в особую административно-хозяйственную структуру с «полным строем отдельного управления» и всеохватывающим правовым кодексом. Такое же значение могла иметь и горная реформа, которая в середине XIX в. была инициирована и подготавливалась в Министерстве финансов. Необходимость перемен в 1850-е гг. вызывалась наличием серьезных недостатков в развитии отечественной горнопромышленности, сосредоточенной в основном на Урале; с началом Великих реформ 1860–1870-х гг. стало также необходимым привести организацию горной отрасли в соответствие с менявшимися в стране социальными и экономическими условиями.

От первых шагов подготовки горной реформы до завершенных проектов, с 1852 г. по 1868 г., прошло 16 лет, что, казалось бы, свидетельствует о чрезмерной растянутости процесса. Но при этом следует учесть, что на первом этапе подготовки, связанном с деятельностью Комиссии для изыскания средств к развитию железного производства в России (1852–1857 гг.), осуществлялись в основном исторические и экономико-статистические исследования, которые были призваны определить основные направления предстоящих преобразований. Первоначально они виделись в форме «частных улучшений» действующего законодательства с целью облегчить условия для отечественного предпринимательства ввиду предполагавшегося «открытия» импорта металлов из Западной Европы. Однако пришедшее понимание масштабности необходимых изменений привело членов Комиссии к выводу о недостаточности отдельных «облегчений» для заводчиков или же «временных мер» и о необходимости целого комплекса преобразований в ведущем частном секторе горной промышленности. Тогда определилась потребность в изменении формы казенного надзора, в статусной унификации категорий зависимого горнозаводского населения, в более равномерном распределении податей между владельческими и посессионными заводами, а также в распространении законов на новые отрасли горной промышленности и на формирующиеся промышленные регионы страны. В этом и заключалось

значение работы Комиссии для изыскания средств на начальном этапе подготовки горной реформы.

Следующий этап был связан с деятельностью Комиссии по пересмотру Горного устава (1857–1866 гг.), само название которой раскрывает основное ее назначение как инстанции, призванной разработать проект более глубоких преобразований, касавшихся всех секторов горной промышленности и общего отраслевого управления. Ее деятельность стала частью процесса подготовки системных реформ, развернувшегося в то время в России¹. Премстственность направления деятельности этой и предшествующей комиссий определялась сходным составом участников, представленным высшими чинами горного ведомства. Это замыкало обсуждение проекта Горного устава рамками профессионального диалога специалистов и единомышленников, как правило преодолевавших возможные разногласия.

Работа Горной комиссии затянулась по объективным причинам. В первый период деятельности (1857–1861 гг.) Комиссия отвлеклась от своей цели и выступила в качестве одной из высших инстанций подготовки законопроектов крестьянской реформы 1861 г., касавшихся зависимого горнозаводского населения казенных и частных заводов². Лишь выполнив этот труд, Комиссия занялась разработкой проекта нового кодекса горных законов, который теперь должен был соответствовать не только определившимся потребностям развития отрасли, но и новым общественным условиям, менявшимся под воздействием начавшихся в стране реформ. На это Горной комиссии потребовалось около пяти лет (1861–1866 гг.), составивших второй, основной, период ее деятельности. Такой немалый срок был обусловлен как усложнением задач Комиссии, так и характерной для пореформенного времени либерализацией самого механизма подготовки законопроектов, вышедшего за рамки чисто бюрократической деятельности³. Организаторы попытались подключить к работе Комиссии широкий круг горных деятелей, а также пригласили к сотрудничеству предпринимателей в лице проживавших в столице горнозаводчиков. Деятельное участие последних осуществилось в 1864 г. в форме подачи письменных предложений и непосредственного обсуждения насущных вопросов на нескольких заседаниях Комиссии. Это приблизило разработанные правила функционирования частных заводов к потребностям их владельцев, но лишь в той мере, как это представлялось целесообразным «горным генералам».

Подготовленный Комиссией к 1866 г. проект Устава распространялся лишь на определенные минералы (в первую очередь металлические руды и ископаемые угли), добыча и обработка которых уже составляли «одну из важнейших отраслей народного хозяйства» и требовали «специальных знаний и особого искусства». Отменялись прежние сословные и национальные ограничения на поиск и разработку полезных ископаемых. Особое горное управление сохранялось, но его функции были сведены к организации самого горного промысла и контроля над его «правильной постановкой»; надзор за заводским населением передавался общей полиции, а прежний «горно-судебный порядок» ликвидировался. Сохранив в существующем виде центральное горное управление в форме особого департамента Министерства финансов, Комиссия упростила структуру регионального управления, оставив лишь одно Уральское горное правление, и предоставила больше распорядительной власти низовому окружному управлению, отменив действие прежних «штатов» казенных заводов, «стеснявших местную распорядительность». Ориентируясь на опыт Франции и Бельгии, Комиссия заменила непрофессиональный контроль частной горнопромышленности в лице заводских исправников системой специального горного надзора в виде института окружных инженеров и предусмотрела

деление страны на горно-административные области и округа, образующиеся по мере распространения горного промысла по территории империи. Опыт Англии и желание заводчиков подсказали введение отдельного права собственности на недра при сохранении действовавшего в стране правила акцессии, что расширяло права землевладельцев в распоряжении недрами и должно было способствовать развитию промысла. Пример Пруссии и Швеции определил отмену действовавшего в России принципа нераздельности горнозаводских имуществ, что могло бы привести к дроблению округов и самостоятельному развитию отраслей сложноорганизованной горнозаводской промышленности. Частный горный промысел был допущен на «свободных казенных землях» (при упрощенной процедуре получения отводов для горной разработки), а также на «общественных землях», принадлежащих сельским и казачьим обществам и некоторым категориям «инородцев». Корректировке подверглась и действующая налоговая система: ее ограничили сбором подати лишь с тех металлов, производство которых уже получило широкое распространение (чугун, медь, золото, платина и серебро). Был сохранен способ сбора горной подати с объемов выплавлявшегося или добывавшегося металла, но при этом величина подати сокращалась, а ее натуральная форма сохранялась только для драгоценных металлов. Комиссия отменила и прежние «карательные» формы наказаний за нарушение горных законов, признав более действенными преимущественно меры «денежного взыскания». Впервые вводились и правовые меры воздействия на предпринимателей за нарушение разработанных Комиссией правил найма рабочих на заводы и рудники и правил безопасности работ. Был также подготовлен проект Устава о горнозаводских товариществах, призванных регулировать отношения трудовых коллективов с владельцами предприятий и заботиться о благополучии своих членов.

Важнейшим в работе Горной комиссии стал вопрос о посессионном праве и судьбе посессионного сектора горнозаводской промышленности, включавшего тогда до половины частных округов Урала и значительную группу заводов Замосковского района и Закавказья. Благодаря участию горнозаводчиков в обсуждении этого вопроса Комиссия признала посессионное право и связанные с ним ограничения предпринимательской деятельности не соответствующими современным потребностям развития промышленности. Она подготовила закон 9 декабря 1863 г., выводивший из-под влияния этого права заводы, не пользующиеся «вещественными» казенными пособиями, и разработала проект выкупа заводчиками таких посессий у казны. До момента выкупа было предложено отменить большинство «посессионных ограничений» в пользовании природными ресурсами горнозаводских округов и связанные с этим ограничения самого «заводского действия».

То обстоятельство, что проект Устава подготавливался в самом горном ведомстве, безусловно, повлияло на его содержание. В нем отразились в первую очередь представления высших горных чинов о путях дальнейшего развития отрасли под руководством государства⁴. Это нашло выражение в сохранении самой системы отраслевого горного управления, необходимость которого не подвергалась сомнению и обосновывалась спецификой промысла, требовавшего профессионального отношения. Но благодаря научному подходу (изучение отечественного исторического опыта, действующего европейского законодательства, достижений современной горной науки), а также искреннему желанию членов Комиссии, представлявших горную элиту той эпохи, достичь поставленной цели заложенные в проект идеи должны были привести к сокращению излишней государственной регламентации отрасли, к совершенствованию управления казенным

сектором промышленности и к расширению возможностей для развития владельческого и, особенно, посессионного секторов (с перспективой «уравнения» их в правах).

Третий — самый короткий и самый неоднозначный — этап подготовки горной реформы связан с деятельностью Комиссии для пересмотра системы податей и сборов (1866–1868 гг.), призванной разработать «окончательную редакцию» проекта Горного устава «по связи его с системой налогов вообще и по отношению к делам общего управления». Хотя эта Комиссия тоже действовала при Министерстве финансов, она по своему статусу была на порядок выше Горной, поскольку возглавлялась самим министром, имела более широкие полномочия и состав участников, представлявших несколько центральных ведомств. Кроме того, для обсуждения проекта Устава были приглашены в качестве членов-экспертов с правом голоса известные экономисты и статистики, а также крупные горнозаводчики или их представители. Это оставило в меньшинстве приглашенных разработчиков проекта из состава Горной комиссии и во многом предопределило результат работы Податной комиссии. Она не просто отредактировала представленный проект, но, по сути, создала альтернативный вариант Горного устава, существенно отличавшийся от начального.

В соответствии с проектом Податной комиссии, горный промысел совсем лишался своего «особого значения» и по правовым условиям был приближен к другим отраслям российской промышленности. Это выразилось в первую очередь в слове управленческой «вертикали» и рассредоточении функций горного ведомства между несколькими министерствами. Полностью ликвидировался региональный уровень горного управления при сохранении лишь местного управления казенными горнозаводскими округами в лице горных начальников, подчинявшихся непосредственно министру финансов. Центральная власть была представлена только несколькими горными инспекторами, курировавшими окружные управления. Ведомство полностью освобождалось от функции содержания обширной социальной инфраструктуры казенных округов. Надзор за частными предприятиями был признан бесполезным и отменен, а наблюдение за безопасностью рудничных и заводских работ предоставлено общей полиции; сбор же горных податей возложен на действующие в стране акцизные учреждения. Еще более упростились правила для горных разработок и возведения заводов на свободных казенных и общественных землях, где по примеру порядков Северо-Американских Соединенных Штатов предпринимателям предоставили право выкупа отводов. Поддержав предложение Горной комиссии о дроблении земельной собственности, Податная комиссия поставила вопрос о возвращении к принципу «горной свободы» на частновладельческих землях, вызвавший протесты заводчиков. Обсуждался и был положительно решен вопрос о предоставлении владельцам заводов и рудопромышленникам по примеру некоторых европейских стран возможности устраивать съезды «для совещаний о нуждах и пользах горной промышленности и для представления о них правительству».

Острейшую проблему посессионного права Податная комиссия решила в том же ключе, что и Горная, поддержав его ликвидацию путем выкупа посессий заводчиками у казны. Была лишь несколько упрощена методика выкупа с целью облегчить эту операцию. Если Горная комиссия стремилась только определить пути совершенствования управления казенными заводами, то Податная комиссия получила санкцию верховной власти и на отчуждение части казенных горных имуществ, располагавшихся в то время на Урале и Кавказе, в Олонецком крае, Донбассе и Царстве Польском. Она оставила за казенными заводами исключительно оборонную специализацию (ею были

разработаны еще и правила предоставления им военных заказов) и составила проект Правил о продаже и перечень заводов и золотых промыслов, подлежащих отчуждению.

Таким образом, на третьем этапе подготовительной работы горная реформа, можно сказать, приобрела законченный вид. Проект Горного устава, включавший общие правовые условия развития отрасли, был дополнен смежными проектами правил выкупа посессий и продажи казенных горных заводов. В результате их реализации частновладельческий сектор горнозаводской промышленности должен был сохраниться и получить стимул к развитию, посессионный — быть полностью ликвидирован, а казенный — ограничиться несколькими оборонными предприятиями и обслуживавшими их металлургическими заводами.

Однако именно на третьем этапе подготовки горной реформы прежнее согласие ее разработчиков сменилось противостоянием представителей горного ведомства другим участникам заседаний Податной комиссии. Столкнувшись с иными мнениями, выходящими за пределы их профессиональных представлений, горные чиновники смогли отстоять далеко не все свои предложения, как они полагали, уже исчерпавшие потенциал реформы. Позиция заводчиков, стремившихся к максимальному облегчению правовых и экономических условий для своей предпринимательской деятельности и в то же время к получению льгот от казны, прозвучала на заседаниях Комиссии более отчетливо. В главном она была поддержана влиятельными либеральными экономистами, пытавшимися со своей стороны минимизировать вмешательство государства в экономику, в том числе и в частное предпринимательство. Позиция представителей других государственных ведомств определялась не столько интересами развития горной промышленности или современными экономическими теориями, сколько стремлением предотвратить дополнительные бюджетные затраты или имущественные потери казны, поэтому во многих аспектах она тоже не совпадала с мнением горных чинов. Широкий состав Податной комиссии и предопределил конечный результат ее работы в виде самостоятельного проекта Горного устава.

Если проект Горной комиссии 1866 г. ориентировался в основном на совершенствование существующих условий функционирования горнопромышленности и в этом смысле выглядел продолжением предыдущего пути ее развития, очищенного от устаревших явлений и норм, то проект Податной комиссии 1868 г. предлагал кардинальное изменение традиционных институтов и действующей системы горного управления, сложившейся в начале XIX в. Судя по содержанию предложенных проектов, Горная и Податная комиссии выработали две модели организации горной промышленности. Первая предполагала, что частный сектор будет успешно развиваться под благотворным — направляющим и контролирующим — влиянием горных специалистов, объединенных в рационально организованные государственные структуры; вторая тоже предусматривала динамичное развитие частного горного промысла, но при отсутствии казенной регламентации, благодаря лишь здравомыслию и ответственности предпринимателей и профессиональной помощи им со стороны наемных горных инженеров. Эти представления и отразились в двух вариантах реформы. Первый из них имел то неоспоримое достоинство, что требующий профессионального отношения горный промысел оставался под надзором специалистов; второй, отдавая дань идее либерализации предпринимательской деятельности, вместе с казенной регламентацией и сопутствовавшей ей коррупцией устранял и этот надзор, особенно необходимый в ожидании бурного роста промышленности. И тот и другой варианты не были свободны от идеализации, в первом

случае — горных инженеров и чиновников, во втором — горнопромышленников и горнозаводчиков; оба могли иметь и негативные последствия в виде бюрократизации деятельности, с одной стороны, или усиления «хищничества» — с другой.

В сложившейся ситуации, когда руководители горной отрасли выступили против проекта Устава Податной комиссии, министр финансов М. Х. Рейтерн предпочел отказаться от единовременной реформы в пользу постепенных преобразований, начавшихся еще во время работы комиссий. (Заметим, что такая же участь постигла и проект нового Промышленного устава, который в те же годы разрабатывался в Комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного⁵.) К тому же сопутствующие проекту Правила о продаже казенных заводов и Правила о выкупе посессий не вступили сразу в законную силу. Первые, пройдя процедуру утверждения, 18 октября 1871 г. превратились в закон, но его исполнение Государственный совет отложил до завершения землеустройства населения казенных округов. После этого процесс утверждения Правил о выкупе посессий был остановлен самим министром финансов в 1872 г. до завершения землеустройства казенного и горнозаводского населения посессионных округов.

В результате обновление горного законодательства пошло эволюционным путем «частичных изменений», определявшихся «по указанию опыта». Это предполагало введение необходимых новаций осторожно и последовательно, что, на наш взгляд, более соответствовало процессу реформирования уже функционирующей отрасли экономики и фактически исключало возможность контрреформы. Это позволяло также корректировать намеченные преобразования, приближая их к потребностям развивавшейся промышленности, хотя и усиливало зависимость процесса от личных взглядов и мнений сменявших друг друга руководителей отрасли. Но главное, эта тактика не могла не привести к победе первого варианта реформирования отрасли, поскольку текущая работа по совершенствованию законодательства оставалась в компетенции действующего горного ведомства, которое возглавляли бывшие члены Горной комиссии. Как и предполагали либеральные экономисты, отдаленным следствием этого стало расширение горного ведомства и его влияния на развитие промышленности.

Если Горная комиссия, предлагая сохранить региональное управление, рассматривала его только в виде одного Уральского горного правления, то по мере распространения частного промысла на новые территории сформировалась целая сеть подобных государственных учреждений. В 1886–1900 г. обширная территория империи была разделена на 11 горных областей. С 1892 г. новая управленческая сеть получила унифицированный вид: в семи областях, самых крупных или удаленных от центра, действовали однотипные органы горного управления, подведомственные Горному департаменту; ему же непосредственно были подчинены руководители остальных четырех малозначимых горных областей, не имевших региональных управлений. В отдельных областных органах соединялось управление казенными заводами с надзором за частными предприятиями; там, где не было казенных предприятий, в управлениях сосредоточивался только горный надзор.

Этот профессиональный надзор стал одним из важнейших компонентов новой административной системы, полностью соответствующим предложениям Горной комиссии. Его появление относится еще ко времени работы этой Комиссии (с 1862 г. профессиональный горный надзор был организован в Замосковном районе в виде опыта, с 1865 г. — уже официально), а распространение шло одновременно с образованием горных областей, делившихся на горно-административные округа. Окружные инженеры,

их помощники и казенные маркшейдеры наблюдали за правильностью и безопасностью работ на заводах и рудниках, за соблюдением законодательства, в том числе и совершенствовавшихся правил найма рабочих, а также за поступлением горных податей.

Изменения в податной системе были осуществлены в 1869 г. так, как их спроектировала Горная комиссия с целью облегчить налоговое бремя для частного предпринимательства. Правда признанный тогда более удобным старинный метод «попудного» обложения продержался до введения в стране в 1898–1901 гг. новой системы налогов с предпринимателей, основанной на комбинированном подходе, который включал и элементы подоходного налога. Такую замену не предлагала даже Податная комиссия, но в соответствии с ее предложениями функция сбора нового «промышленного налога» была изъята из горного ведомства и передана финансовым учреждениям.

Наконец, были реализованы и предложения Горной комиссии (поддержанные, впрочем, и членами Податной) о введении принципа «горной свободы» на казенных землях сначала для добычи драгоценных металлов (в 1870 г.), затем — некоторых новых полезных ископаемых, в частности нефти (в 1872 г.), и наконец — почти всех минералов (в 1887 г.). Постепенно эти правила распространились на окраины России и на некоторые другие разновидности землепользования. В Царстве Польском было введено право первооткрывателя на разработку месторождений главных ископаемых на частных землях (1870, 1873, 1892 гг.). Но помещичьи и надельные крестьянские земли на основной территории империи остались под действием акцессии, несмотря на всё громче звучавшие предложения о возвращении к «порядкам горной свободы».

Из предложений Податной комиссии получила распространение организация региональных съездов предпринимателей. Хотя полномочия, дарованные с 1874 г. съездам горнопромышленников и горнозаводчиков, а позже — и других групп предпринимателей, не выходили за пределы обсуждения их «насущных нужд», это явление можно считать позитивным как в плане развития самого предпринимательства, так и с точки зрения его взаимодействия с властью. Предпринимались и попытки координации действий региональных организаций: в 1887 г. была открыта Постоянная совещательная контора железозаводчиков, имевшая, впрочем, довольно ограниченное значение. Реализовались и предложения Податной комиссии о передаче православных церквей, расположенных в заводских поселках, духовному ведомству в 1873 г., а учебных заведений низшего звена в казенных округах — Министерству просвещения в 1879 г. Социальной поддержкой работников всё более деятельно занимались предусмотренные обоими проектами горнозаводские товарищества, получившие распространение на казенных заводах.

Дискуссионными все эти годы оставались вопросы о роли казенных заводов и о сущности горной посессии, что влияло на принимаемые решения о судьбе вызывавших особую озабоченность казенного и посессионного секторов горной промышленности.

Приватизация казенных горных заводов и промыслов, санкционированная верховной властью в 1871 г., принесла свои первые плоды уже на следующий год, когда состоялась продажа И. А. Пастухову части Богословского округа с Николае-Павдинским заводом (купчая утверждена в 1875 г.). В 1875 г. С. Д. Башмаков купил другую часть этого округа с Богословским и Петропавловским заводами (купчая утверждена в 1878 г.). Еще в 1870 г. (по особому распоряжению) барону А.-Э. С. Френкелю были проданы Стараховицкие заводы, а в 1876 г. А. П. Племянникову и А. Е. Ризенкампу — заводы Гута-Банкова (Домбровские) в Царстве Польском. Около 1875 г. в собственность Л. П. Семечкина и Н. Ф. Мещерина перешел недействующий Петровский

завод Луганского округа. В 1880 г. Пастуховы приобрели Вятский округ на Урале, а Ш. М. Шпигельштейн — Сероцкий завод в Польше. В 1877 г. Х. Я. фон Талю была уступлена (купчая совершена в 1880 г.) Сосьвинская лесная дача с целью устройства металлургического завода.

Осуществилась запланированная передача в бессрочную эксплуатацию казенных золотых промыслов. В 1874 г. разработка Березовского золоторудного месторождения перешла компании В. И. Асташева. Ей же досталась в 1877 г. часть россыпей в Екатеринбургском округе; другая часть была отдана компании П. И. Губонина и В. А. Кокорева, а также А. Э. Коцебу (в 1892 г. эти прииски разрабатывал уже барон Г. О. фон Бреверн). В 1877 г. Миасские прииски достались компании графа Н. В. Левашова. Прииски Северной экспедиции, причисленные к Богословскому округу, в том же году были открыты для частной разработки всем желающим.

Кроме того, в 1870-е гг. намерения приобрести казенные Артинский и Саткинский, Серебрянский и Нижнетуринский, Каменский и Нижнеисетский, Луганский и Алагирский заводы, а также закрытые Екатеринбургскую механическую фабрику и Екатеринбургский монетный двор высказывали многие покупатели, в том числе и вполне перспективные (например, П. П. Демидов, Д. П. Соломирский, П. В. Берг), но им было отказано по разным мотивам (некоторые из этих предприятий не входили в утвержденный список на отчуждение, или показались невыгодными предложения казны либо предпринимателей). В 1879 г. Серебрянский и Нижнетуринский заводы Гороблагодатского округа даже выставлялись на торги, но компания купцов А. И. Гоберга и А. А. Ломача была отстранена от сделки за нарушение условий продажи; в 1876, 1879–1881 гг. организовывались, но так и не состоялись торги на опытный Лисичанский завод Луганского округа.

Первый, приватизационный, период кампании по отчуждению казенных имуществ завершился к 1881 г., когда в руках казны оставались еще многие назначенные к продаже предприятия. Но их участь решалась уже не по планам реформаторов 1860-х гг., а министрами государственных имуществ М. Н. Островским и А. С. Ермоловым, допускавшими лишь возможность аренды заводов или даже полное прекращение отчуждения. Это отступление от утвержденного верховной властью курса можно отчасти рассматривать как контрреформу, которая была вызвана не только трудным ходом приватизации, но и тем, что под влиянием различных обстоятельств (текущего переоборудования заводов; динамичной рыночной конъюнктуры, превращавшей убыточные казенные заводы в предприятия, временно приносившие доход; интенсивности заказов оборонных ведомств, особенно возраставшей в военное время) менялось отношение власти к вопросу о предназначении казенных горных заводов. Власть по-прежнему колебалась в принятии решения, рассматривая различные варианты — от признания исключительно оборонного профиля таких предприятий, их значения как инициаторов внедрения новых металлургических технологий или как регуляторов рыночных цен на металлы, до поощрения их широкой коммерческой деятельности. В 1910 г., при министре торговли и промышленности С. И. Тимашеве, был утвержден новый план отчуждения казенных заводов, предполагавший их аренду или закрытие. Однако к его реализации приступить не успели в связи с началом Первой мировой войны.

Следствием пересмотра правительственного курса стало то, что на втором этапе отчуждения (1882–1915 гг.) заключались лишь договоры аренды наиболее убыточных заводов, несмотря на просьбы предпринимателей о приобретении их в собственность. В 1892 г. состоялось заключение договора аренды Юговского завода Пермского

округа с инженерами И. Н. Урбановичем и Д. И. Захаровским (аренда была прекращена вместе с закрытием этого предприятия около 1900 г.). Ввиду назначения к ликвидации Нижнеисетского завода расформированного Екатеринбургского округа его взяла в аренду в 1904 г. рабочая артель, действовавшая до 1914 г. Из имущества, принадлежавшего Лисичанскому заводу, одну каменноугольную шахту удалось в 1882 г. сдать в аренду, другую затопили после неудачных торгов, а остальное имущество распродали в 1883–1885 гг. В 1895 г. Алагирский завод на Кавказе был отдан в аренду Н. В. Фильковичу, который на следующий год передал свои права российско-бельгийскому обществу «Алагир» (вместо устаревшего казенного предприятия оно вскоре построило новый цинкоплавильный завод). В 1891 г. состоялась передача в аренду цинковых заводов Царства Польского компании П. П. фон Дервиза (в 1898 г. предприятия перешли в аренду Франко-русскому горному обществу). В 1893 г. был сдан в аренду Мрочковский завод, в 1898 г. — Бялогонский; в 1904 г. сразу несколько других железодельных заводов Царства Польского (Бзинский, Мостковский, Реевский и Сельпийский) с торгов поступило в аренду Э. К. Руппу (в 1913 г. вместе с Бялогонским и Самсоновскими заводами они были переданы в аренду С. Грабинскому). Вместо предлагавшейся аренды чугуноплавильных заводов Олонецкого округа власти предпочли их закрыть в 1904–1908 гг., оставив в действии лишь Александровский снарядный завод. Наконец, в 1915 г. поступивший во владение казны Холуницкий горнозаводский округ перешел в аренду Вятскому губернскому земству. Кроме того, в 1883 г. после безуспешных попыток аренды недействующие Екатеринбургская механическая фабрика и Екатеринбургский монетный двор были переданы железнодорожному ведомству, а Луганский завод перешел в 1892 г. в подчинение Военного министерства.

В результате происшедших перемен во владении и управлении казны из десяти горнозаводских округов сохранилось всего пять — Гороблагодатский, Златоустовский, Пермский, Воткинский и Олонецкий; от упраздненного Екатеринбургского округа остался только самостоятельный Каменский завод, а Нижнеисетский завод после возвращения из аренды был причислен к Воткинскому округу. Все предприятия, принадлежавшие казне в Царстве Польском, Донбассе и на Кавказе, были сданы в аренду, переданы в другие ведомства или закрыты. Изменилась и структура казенного сектора горнозаводской промышленности за счет перехода в частные руки или в другие ведомства медеплавильной, монетной, золотодобывающей, серебросвинцовой и каменноугольной отраслей. Оставшиеся казенные предприятия занимались рудопромышленностью, черной металлургией, производством военной продукции и машиностроением. Сама операция по отчуждению не принесла казне значительных материальных выгод, но ее первоначальная цель — сокращение нерациональных государственных расходов, — скорее всего, была достигнута за счет прекращения бюджетного финансирования проданных, закрытых или арендованных предприятий.

Ситуация в посессионном секторе тоже изменилась, но не совсем тем путем, который предлагали Горная и Податная комиссии. Подготовленный в 1868 г. согласованный проект выкупа посесий заводчиками у казны посредством капитализации добавочной горной подати сначала был отложен самим Министерством финансов, а в 1878 г. заменен новым «проектом Валуева — Штофа». Его утверждение, впрочем, тоже было отложено Государственным советом до завершения землеустройства населения уральских посессионных заводов, правила которого были изданы только в 1893 г. В такой ситуации в Министерстве земледелия и государственных имуществ был подготовлен альтернативный

«проект А. А. Штофа» 1899 г., предложивший заводчикам вместо выкупа «разверстать» посессию с казной. Этот проект усиленно навязывался посессионерам на нескольких межведомственных совещаниях в начале XX в., но те столь же настойчиво боролись против его утверждения, идя на многие уступки, отразившиеся в их компромиссном проекте 1908 г. Но ни предложенный реформаторами 1860-х гг. выкуп посессий, ни их «разверстание» так и не осуществились из-за разногласий между властями и заводчиками; в начале XX в. владельцам заводов удалось лишь добиться снятия некоторых «посессионных ограничений» (на залог округов и на продажу природных ресурсов) по частным распоряжениям властей. Однако неудача общей реформы посессионного права не исключила возможности сокращения по разным причинам количества посессионных горнозаводских имений в России, тем более что с 1863 г. (для Европейской России и Урала) и с 1876 г. (для Кавказа) новые подобные имения уже не могли появиться.

Заметным стало действие подготовленного Горной комиссией закона 1863 г., в соответствии с которым при участии Уральского горного правления в состав владельческих имуществ до 1878 г. были «перечислены» Кыштымский, Авзяно-Петровский и Кагинский посессионные округа, Сергинские заводы Сергинско-Уфалейского округа, Саранинские заводы Кнауфского округа и Шаквинский завод Суксунского округа. В Замосковной горной области изменили свой статус Сенетско-Ивановский, Песоченский, Серенский, Ханинский, Истинско-Залипяжский, Дугненский, Бытошевский, Виндреевский, Кирицкий и Рябкинский заводы. Правда эта операция растянулась здесь до начала XX в. из-за отсутствия организационного начала. «Приравненные» к посессионным сибирские (на «киргизских землях») и польские майоратные заводы получили возможность платить горную подать наравне с владельческими по указам соответственно 1886 и 1895 гг.

Мосоловский (Шурминско-Залазнинский), Суксунский и Кнауфский округа, долгое время бывшие в казенном управлении, а также Ревдинский округ на Урале получили владельческий статус при их публичной продаже по особым высочайшим распоряжениям в 1880–1890-е гг. За нарушение допустимого срока бездействия завода (по постановлениям судебных или горных органов) были возвращены в казну посессионные земли Ирбинского завода в Сибири, а также Уинского, Мёшинского, Шильвинского и Святочудовского заводов на Урале. Холуницкая посессия утратила свое значение при переходе в казенное владение в 1911 г. Из нескольких попыток изменить статус заводов частным порядком достигла цели только одна: в 1905 г. казна и владельцы провели раздел посессионной земельной дачи Бемышевского завода на Урале, где дальнейший горный промысел был признан бесперспективным. Несколько посессионных замосковных и уральских заводов, специализировавшихся на производстве химических веществ, были выведены из горного ведомства. Долго сохранялось посессионное право владения в Кавказской горной области, где оно основывалось на договорных началах. В 1860-е гг. там даже появилось несколько новых посессионных медеплавильных заводов (Катарский, Калакентский, Дилижанский). Пять закавказских горных посессий было ликвидировано вместе с прекратившими свою деятельность Дашкесанским, Пирдоуданским, Мисханским, Агаракским и Дилижанским заводами. Единственный же в регионе Чатахский чугуноплавильный завод в 1894 г. изменил свой посессионный статус при продаже по особому разрешению.

В результате всех этих изменений к концу имперского периода на Урале из 23 посессионных округов осталось всего восемь — Нижнетагильский, Верх-Исетский,

Алапаевский, Невьянский, Сысертский, Омутнинский, Кажимский и Шайтанский. В Замосковном районе из 13 металлургических предприятий посессионный статус сохранился только у Авгорского чугуноплавильного завода. На Кавказе посессионный статус из 12 заводов сохранили шесть предприятий — Алавердский, Шамблугский, Катарский, Сицимаданский, Кедабекский и Калакентский заводы, хотя не все они оставались действующими. «Территория» отжившего свой век посессионного права по всей Российской империи сократилась с начала 1860-х гг. до 1917 г. примерно с 5 млн до 1,3 млн дес. земли.

Подводя общий итог исследования, отметим, что, несмотря на усердную работу Горной и Податной комиссий 1860-х гг., Великой горной реформы как «революции сверху» в масштабах горной отрасли, сравнимой с другими официально объявленными реформами тех лет, не получилось. Произошло это не потому, что она оказалась несвоевременной или была слабо подготовлена. Напротив, общие идеи реформаторов (освобождение отрасли от чрезмерной казенной регламентации и создание благоприятных условий для развития свободного горного промысла) не только соответствовали насущным потребностям самой горнозаводской промышленности, но и находились в русле проводимых в стране социальных и экономических преобразований. Непосредственная же подготовка законодательного обеспечения реформы продолжалась целое десятилетие с участием всех заинтересованных сторон: чиновников горного и других ведомств, ведущих экономистов, горных инженеров и горнозаводчиков.

Однако, в отличие от Великих реформ, участникам процесса подготовки не удалось создать согласованный проект преобразований в горной отрасли, как уже отмечалось, из-за их разного представления о том, какой должна быть будущая модель организации промышленности. Основное различие подготовленных проектов Горного устава — 1866 г. и 1868 г. — заключалось в решении фундаментального вопроса о степени и формах участия государства в развитии отрасли. Этот вопрос закономерно возникал как в связи с приоритетным значением горнозаводской промышленности в экономике страны и с наличием особой формы горного налогообложения, так и вследствие органичной связи промысла с природными ресурсами, имевшими государственное значение. Хотя в этом смысле проект Горной комиссии 1866 г. выглядел более консервативным, а проект Податной комиссии 1868 г. — более радикальным, для своего времени оба они являлись либеральными, поскольку при всех различиях в определении роли государства отдавали предпочтение частному предпринимательству в развитии промышленности и стремились оградить его от излишней казенной регламентации. В этом отношении оба проекта были разработаны в духе Великих реформ царствования Александра II.

Тем не менее, сложившаяся неопределенная ситуация отразилась на судьбе проектов Горного устава, ни один из которых не был доведен до официального утверждения. Однако это не стало основанием для их забвения. Как было показано выше, дальнейшее развитие горного законодательства во второй половине XIX в. осуществлялось под руководством членов Горной комиссии и их преемников в направлении, обозначенном в проекте 1866 г. Ориентация на его базовые принципы, на наш взгляд, позволяет говорить о последующей эволюции горного законодательства как об осуществлявшейся (в одном из двух разработанных в 1860-е гг. вариантов) горной реформе, которая приобрела особую форму раздробленного на части и растянутого во времени процесса. Индикатором и результатом этого стал Горный устав 1893 г., действовавший до конца

имперского периода. По форме и содержанию он был сходен с проектом Горной комиссии, хотя и отличался от него в первую очередь масштабом своей юрисдикции, распространявшейся на добычу и обработку всех минералов.

Результат развития самой горнозаводской промышленности в условиях затянувшейся и в отношении казенного и помещичьего секторов так до конца и не завершённой реформы не мог не оказаться противоречивым. С одной стороны, горная отрасль долгое время сохраняла остатки прежних форм в виде этих секторов промышленности с присущими им системными недостатками. Концентрация казенного и помещичьего секторов в основном на Урале превратила его в регион, где металлургия развивалась с большим отставанием и серьёзными проблемами. С другой стороны, возможности, предоставленные частному предпринимательству, в целом способствовали динамичному развитию владельческого сектора российской промышленности, который к концу XIX в. продвинулся далеко вперед по сравнению с серединой столетия. Его рост «вширь» (на новых территориях) и «вглубь» (технический прогресс) привел даже к масштабному перепроизводству, вызвавшему глубокий металлургический кризис в начале XX в.⁶

Кризис обострил существовавшие противоречия и вызвал необходимость нового реформирования горного законодательства. Для этого были созданы необходимые институты: действовали Комиссия для выработки законоположений в развитие, дополнение и изменение статей Горного устава (1902–1904 гг.), Совет по горнопромышленным делам (1904–1917 гг.), Временное особое совещание для разработки и проведения в жизнь мероприятий, направленных к подъему горного промысла в России (1917 г.). Их участники обсуждали актуальные вопросы перехода от акцессии к «горной свободе»; унификации правил ведения горного промысла на различных категориях земель; изменения структуры горного ведомства путем разделения функций управления и надзора и освобождения ее от «лишних элементов». Тогда же появились и уже упоминавшиеся новые варианты решения помещичьей проблемы и вопроса о судьбе казенных горных заводов. Эти подготовительные меры были приостановлены войной и революцией и не достигли уровня завершённых проектов 1860-х гг. Но в своих размышлениях реформаторы начала XX в. во многом отталкивались от реализованных предложений Горной комиссии и двигались в направлении, указанном Податной комиссией. Значение разработанных в 1860-е гг. проектов горной реформы и заключается в их востребованности на протяжении последующего полувеккового периода развития горнозаводской промышленности России.

Примечания

¹ См.: *Захарова Л. Г.* Самодержавие и реформы в России. 1861–1874 (к вопросу о выборе пути развития) // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 32.

² См.: *Горовой Ф. С.* Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961.

³ См.: *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России. М., 1954.

⁴ См.: *Рибер А. Дж.* Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России. С. 44–72.

⁵ См.: *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 93–96.

⁶ См.: *Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е гг. XX в.). М., 1994. С. 85.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаза А. А., государственный контролер (1871–1874), министр финансов (1880–1881), член Податной комиссии 69, 76, 78, 88, 93, 200, 367, 457
- Абамелек-Лазарев С. С., князь, владелец Чёрмо́зских заводов, член Горного совета 108, 145, 149, 150, 151
- Абамелек С. Д., князь, поверенный Чёрмо́зских заводов, участник заседаний Горной комиссии 29, 30, 43, 44, 67, 152, 157, 160, 413, 449, 508, 529, 534, 536, 545
- Абих Г. В., профессор минералогии 293
- Абхазов А. Д., князь 520
- Абхазова К., княгиня, кредитор Чатахского завода 520
- Абхазовы, княжеский род 520
- Авдаков Н. С., председатель Совета съездов представителей промышленности и торговли 155
- Авилов, плавильный мастер и пробирер Алагирского завода 293
- Агров Н. Н., гласный красноуфимского земства 473
- Ададу́ров Е. И., чиновник Государственного контроля, член-эксперт Податной комиссии 69, 70, 75–77, 79–81, 83–85, 94, 95, 97, 179, 180, 208, 362
- Адлерберг В. Ф., министр императорского двора и уделов (1852–1870) 167
- Азанчев Г. Д., начальник Отделения казенных заводов, вице-директор Горного департамента 152, 229, 238, 416, 417, 420
- Акопов П. П., владелец Сицимаданского завода 532
- Аксаков Н. Н., делопроизводитель Горной комиссии 20, 21
- Алеврас Н. Н., историк 160, 424
- Александр II, российский император (1855–1881) 5, 6, 10, 11, 108, 109, 161, 162, 165, 183, 201, 205, 207, 242, 253, 280, 312, 314, 343, 345, 353, 446, 451, 465, 469, 556
- Александр III, российский император (1881–1894) 132, 136, 211, 214, 245, 288, 290, 457
- Аллори, французский топограф 184
- Ананьич Б. В., историк 7, 11
- Андреев Е. Н., член Совета торговли и мануфактур, член Императорского Русского технического общества 118, 119, 195
- Андреевский А. В., управляющий от казны Московскими заводами 465
- Анненков Н. Н., член Государственного совета 13
- Аносов Н. М., актарский купец 497, 499, 507
- Антипов А. И., делопроизводитель Горной комиссии, член-эксперт Податной комиссии, заведующий Горным департаментом Царства Польского (1867–1869) 20, 21, 31, 69, 72–74, 87–89, 95, 108, 109, 157, 165, 174, 178, 351
- Анциферов Н. Н., уполномоченный Строгановых, участник заседаний Горной комиссии, член-эксперт Податной комиссии 25, 29, 69, 76, 172–174, 362–365, 459
- Арандаренко В. И., директор Горного департамента (1912–1915) 155, 238
- Арапетов И. П., директор канцелярии Министерства императорского двора и уделов, член Горной комиссии, член-эксперт Податной комиссии 18, 20, 31, 68, 74, 75, 101, 178, 362, 365
- Аргутинские-Долгорукие, княжеский род 528
- Армстронг Р. А., начальник Санкт-Петербургского монетного двора, член Комиссии для изыскания средств к развитию железного производства в России 14, 17, 20
- Арсентьев Н. М., историк 68
- Арсеньев А. И., горный начальник Камско-Воткинского округа 22, 187
- Арцуни М., коллежский секретарь, владелец Дилижанского завода 537, 538
- Арцуни С. М., присяжный поверенный, совладелец Дилижанского завода 538–540
- Арцыбушев И. М., управляющий Гражданским отделением Министерства юстиции 514
- Асеев Н. П., профессор Горного института 405

- Асташев В. И., генерал-майор, учредитель Березовского общества, участник Миасской компании 271, 337–340, 346, 347, 553
- Ауэрбах А. А., управляющий Богословским округом, предприниматель 119, 155, 310, 314, 315, 350, 351
- Афанасьев А. И., управляющий Воткинским заводом 236
- Афросимов А. М., временный управляющий Горным департаментом (1895), член Горного совета 384, 514
- Багир Х., персиянин, совладелец Агарацкого завода 533
- Бадов Ч. Р., историк 350
- Баженов Александр Н., совладелец Авгорского завода 441
- Баженов Алексей Н., совладелец Авгорского завода 441
- Баженов В. Н., совладелец Авгорского завода 441
- Баженов Н. А., краснослободский купец, владелец Авгорского и Сивинского заводов 440, 441
- Баженова А. Ф., совладелица Авгорского завода 441
- Базен П. П., инженер путей сообщения, ученый 212
- Базилевский В. И., золотопромышленник 205, 337, 338
- Байтулин Д. А., житель Кушвинского завода, претендент на Серебрянский и Кушвинский завод 255
- Балашов А. А., владелец Симского округа 96
- Баранов, надворный советник, претендент на покупку Домбровских заводов 321
- Баранов Э. Т., граф, член Государственного совета 200
- Барбот-де-Марни Е. Н., управляющий Невьянским округом 348, 352, 409
- Барклей, британский предприниматель 284
- Барков Д. Ф., потомственный почетный гражданин, владелец Истинско-Залипяжского завода 435
- Барковы, купеческий род 357
- Барташевский Н. О., инженер, претендент на Чатахский завод 521
- Барышников М. Н., историк 7, 11
- Барятинский А. И., князь, генерал-фельдмаршал, кавказский наместник (1856–1862) 322, 517, 518
- Баташовы, тульский купеческий род 433, 443
- Башмаков А. Д., гофмейстер, предприниматель 310, 312–315
- Башмаков С. Д., покупатель у казны Богословского округа 310–315, 334, 552
- Бегер Ф. Ф., директор Горного департамента (1843–1849), председатель Комиссии для изыскания средств к развитию железного производства в России 14
- Бегляров, совладелец Катарского завода 530
- Безак А. П., оренбургский генерал-губернатор (1860–1865) 57, 58
- Безобразов В. Н., член Главного правления Верх-Исетских заводов 447
- Безобразов В. П., экономист, член-эксперт Податной комиссии 8, 11, 69–71, 73, 75, 76, 78–82, 84–86, 88, 89, 91–94, 177, 178, 180, 182–193, 196, 197, 199, 200, 202, 208, 225, 343, 361, 362, 363, 364, 450
- Безобразов М. А., действительный статский советник, претендент на аренду Миасских промыслов 343
- Бек-Гергардт В. Н., инженер, поверенный 213
- Белинковы, екатеринбургский купеческий род 274
- Белов В. Д., правовед, историк 6, 10, 127, 158, 159, 208, 225, 233, 240, 250, 276, 349, 399
- Белов Д. В., золотопромышленник 309, 310
- Белосельские-Белозерские, княжеский род 197, 309
- Белосельский-Белозерский Э. А., князь, владелец Катавского округа 96
- Белоусов М. Д., окружной инженер 261, 492, 493
- Беляев А. М., чиновник Военного министерства, член-эксперт Податной комиссии 69
- Бенардаки Д. Е., владелец Авзяно-Петровского, Кирсинско-Кажимского и Троицкого округов, участник заседаний Горной комиссии, член-эксперт Податной комиссии 25, 26, 29, 61, 69, 164, 167, 203, 300, 315, 317, 354, 356, 425, 433, 448, 449, 451
- Бенардаки Е. И. (см. Маслова Е. И.), жена Н. Д. Бенардаки 357
- Бенардаки К. Д., совладелец Авзяно-Петровского и Кажимского округов 433
- Бенардаки Н. Д., статский советник, участник компании по аренде Березовских промыслов 337
- Бенкендорф А. Х., граф, начальник Третьего отделения Собственной Его императорского величества канцелярии (1826–1844) 457
- Бентхен В. В., участник торгов 244
- Берг В. П., акционер Компании Кнауфских заводов 475
- Берг О. И. (урожд. Ярцова), владелица Шайтанского округа и Рябкинского завода 356, 442
- Берг П. В., владелец Шайтанского округа 253, 254, 373, 553
- Берг С. П., акционер Компании Кнауфских заводов 475
- Берд Ж. Ф., петербургский купец, претендент на покупку Олонецкого округа 213
- Бердинский И., купец, покупатель лесных участков Мосоловских заводов 466
- Бердников И. Л., яранский купец 458
- Берд Ч., инженер, предприниматель, основатель машиностроительного завода в Санкт-Петербурге 213

- Бержье, французский топограф 184
Бернард Е., статский советник, учредитель Общества русского рельсового производства 436
Бернулли Г., прусский готтенмейстер, совладелец Чатахского завода 517, 518, 520
Бер П. А., барон, член Администрации Невьянских заводов 509
Бескоровайная Е., владелица Ирбинского завода 482–484, 495
Бескоровайный А., владелец Ирбинского завода 483, 495
Бибарсов Я. Д., князь, владелец Мышегского завода 432
Бибарсова Е. Г., княгиня, владелица Мышегского завода 357, 432
Бибиков, присяжный поверенный 490
Бисарнов М. Д., горный инженер 160, 349, 350
Блудов Д. Н., главноуправляющий Вторым отделением Собственной Его императорского величества канцелярии (1839–1861) 17
Бобянский А. Ф., полковник, владелец Кнауфского имения 475
Богач Е., владелица Чатахского завода 524
Богач И. Ф., инженер, владелец Чатахского завода, учредитель общества «Дамурдаг» 522–525, 527
Богданов А. В., горный инженер 396
Богдановский А. Е., заведующий делами Совета съездов горнопромышленников Урала 399, 402
Боголепов Г. М., главный лесничий уральских заводов 409
Боголюбовский Н. С., горный инженер, управляющий золотыми приисками 341
Боклевский П. П., окружной инженер, главный начальник уральских заводов (1897–1912) 152, 153, 222, 227, 228, 230–232, 239, 263, 277, 278, 409, 410, 412, 416, 418, 466, 467, 492–494, 501, 502, 508, 511, 515
Болей, британский предприниматель 284
Боленс, купец, владелец Кирицкого завода 442
Больтон В., директор Кедабекского завода 534, 535
Бонч-Осмоловский В. П., член Комитета управления внутренних водных путей и шоссейных дорог 399, 405, 406
Бородин В. М., екатеринбургский купец, участник торгов 244
Борх А. М., граф, директор правления Товарищества Суксунских горных заводов 12
Ботышев Ф. М., советник Уральского горного правления 242, 427
Бочаров А. А., историк 348
Бояршинов И. А., архитектор 243
Браун, британский предприниматель 284
Бреверн фон Г. О., барон, арендатор золотых приисков Екатеринбургского округа 341, 553
Брехов, крестьянин 244
Бродский К. Б., заведующий отделом Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского 327
Брок П. Ф., министр финансов (1852–1858) 14, 17, 18
Бузунов А. А., лесничий Екатеринбургского округа 269
Буковецкий С. И., горный инженер 152, 160
Буксгевден Ш. К., баронесса, совладелица Кедабекского завода 537
Булацель, надворный советник, претендент на покупку Лисичанского завода 289
Булацель Ф. Н., предводитель дворянства Славяносербского уезда 286
Бунге Н. Х., министр финансов (1882–1886) 11, 211
Буранов Ю. А., историк 423
Бурдаков Я. Н., золотопромышленник 333
Буслов Г. В., коллежский регистратор, поверенный И. А. Пастухова 307
Бутнев Н. Ф., горный начальник Олонецких заводов, член Горной комиссии 20, 21, 31
Бутлеров В. А., член Государственного совета, владелец Кажимского округа, претендент на аренду Холуницкого округа 300, 449
Бушуевы, крестьяне, покупатели лесных участков Мосоловских заводов 466
Быковский В. У., участник компании по аренде Стараховицких заводов 319
Былим-Колосовский Н. Д., правовед, представитель Нижнетагильского округа 399
Бякиев М., житель села Пороча, претендент на Агаракский завод 533
Вавилов, купец 458
Вавилов, поставщик руды 259
Ваганова А. Я., балерина 325
Вагнер А. В., горный инженер, участник Николаев-Павдинского товарищества 307
Валберг А. И., заведующий Управлением горной частью на Кавказе (1882–1886) 296
Валетов Т. Я., историк 159
Валуев П. А., министр государственных имуществ (1874–1879) 8, 116–118, 207, 212, 246–248, 250, 252, 282–285, 309–313, 316, 320–322, 330, 334, 338, 340–346, 372, 373, 376, 377, 380, 382, 383, 385, 396, 446, 513, 521, 554
Валуев, пермский купец 251
Вальтер Н. Г., старший ревизор, помощник генерал-контролера Департамента гражданской отчетности 396, 399
Вандышев К. А., заводский исправник 476, 477
Варгунин И. А., мануфактур-советник, участник компании по покупке казенных заводов Западного округа Царства Польского (1870–1871) 281, 320

- Васильев А. И., граф, министр финансов (1802–1807) 96, 106, 127, 165
- Васильев Е. Н., вице-директор Горного департамента (1896–1904), член Горного совета и Горного ученого комитета 143, 229, 230, 399, 516
- Вахтер К., петербургский купец, учредитель Общества русского рельсового производства 436
- Величковская М. А., владелица Богдано-Петровского завода 437
- Величковский К. П., генерал-майор, претендент на аренду Луганского завода 287, 288
- Вердые Е., французский инженер, предприниматель 321, 322
- Вернадский И. В., экономист, член-эксперт Податной комиссии 69–76, 173, 174, 176, 177, 180, 182
- Веселовский В. В., член Горного совета, член Совета Министерства торговли и промышленности 143, 396, 399, 514, 516
- Веселовский М. П., экономист, член-эксперт Податной комиссии 69, 72, 75, 100, 174
- Веснин А. Н., чиновник Департамента окладных сборов 399, 402, 403
- Вестфаль И. И., совладелец Сидимаданского завода 530, 531
- Виленский Б. В., историк 10
- Вильям, американский предприниматель, претендент на Чатахский завод 520
- Виноградов А. А., инженер, претендент на аренду шахты «Капитальная» 291
- Витвицкий, арендатор Мрочковского завода 325
- Витте С. Ю., министр финансов (1892–1903) 224–227, 240, 349, 423, 497, 518, 521, 523, 524, 545
- Витте Ю. Ф., директор Департамента государственных имуществ на Урале, владелица Чатахского завода 517, 518, 520, 521
- Виттиг И. М., претендент на Чатахский завод 525, 526, 527
- Воинов Л. С., управляющий от казны Кнауфским округом
- Волков, купец 473, 475
- Вольский А. А., член Совета съездов представителей промышленности и торговли 155
- Вольский В. А., лесной ревизор, член Горного совета, член Совета Министерства торговли и промышленности 396, 399, 473, 516
- Вольстет И. И., управляющий Нижнетагильскими заводами, претендент на покупку Богословского округа 179, 207, 304
- Воробьев К. П., астраханский купец, владелица Николае-Павдинского округа 309
- Воронцов В. В., управляющий Воткинским заводом 236, 454
- Воронцов-Дашков И. И., граф, генерал-адъютант, кавказский наместник (1905–1915), участник Миасской компании 346, 539
- Воронцов М. С., князь, кавказский наместник (1844–1854) 292, 293, 517, 528
- Воронцов Н. В., горный начальник Пермских пушечных заводов 258
- Воронцова Е. А., историк 158
- Всеволожский Н. В., совладелец Пожевского округа 96, 250
- Вуколов С. П., химик, участник научной экспедиции 1899 г. 240, 277, 349, 423
- Вышнеградский И. А., министр финансов (1887–1892) 69, 513, 514
- Вяткин М. П., историк 6, 10
- Гаврилов Д. В., историк 6, 10
- Гадзяцкий С. А., чиновник Государственного контроля 406
- Гайль С. А., управляющий Ревдинским округом 481
- Галл А. А., генерал-майор 319
- Ганецкий А. Н., покупатель Ашабского завода 460
- Ганке (Ганне) А. И., инженер-технолог Петровского завода 285, 286
- Гармиза В. В., историк 10
- Гартван Р. Я., управляющий Омутнинским округом, претендент на аренду Холуницкого округа 300, 409
- Гёбель, магистр 111
- Гейден П. А., граф, учредитель общества «Дамурдаг» 523
- Гейкинг фон А., барон, отставной гвардии ротмистр, претендент на Алагирский завод 295
- Гельмерсен Г. П., директор Горного института (1856–1872), член-эксперт Податной комиссии 69, 80, 101, 119
- Гендель С. С., инженер путей сообщения, претендент на Нижнеисетский завод 271, 272, 273
- Гендриков В. А., граф, обер-церемониймейстер, член Администрации Невьянских заводов 509
- Гендрикова С. П. (урожд. княжна Гагарина), графиня, совладелица Невьянского округа, акционер Общества Невьянских горных и механических заводов 282, 509
- Гернгросс А. Р., директор Департамента горных и соляных дел (1855–1861), член Горной комиссии 17, 20, 23, 257, 304, 319, 432
- Гернгросс А. Р., член Горного совета и Горного ученого комитета, член Горной комиссии 17, 20, 31
- Гессен И. В., историк 10
- Гиндин И. Ф., историк 7, 11
- Гинцбург Г. О., барон, учредитель Березовского общества 337, 338, 458
- Гирс А. К., товарищ министра финансов, помощник председателя Податной комиссии 68, 81, 85, 95, 97, 169, 171, 173–175, 367

- Гирс Ф. К., председатель Комиссии для изучения быта киргизов, эксперт Податной комиссии 90, 91
- Гитасов А. А., петербургский купец, директор правления Компании Кнауфских заводов 25, 467
- Глебов А. И., владелец Уинских заводов 484, 486
- Глинка В. А., главный начальник уральских заводов (1837–1856) 14
- Гоберг А. И., рижский купец, претендент на Серебрянский и Нижнетуринский заводы 250–255, 553
- Голицын М. А., князь, владелец Нытвенского округа 96
- Голицыны, княжеский род 22, 496
- Голов И. Д., краснослободский купец, владелец Авгорского и Сивинского заводов 440, 441
- Голов Н. И., сын И. Д. Голова, владелец Авгорского завода 441
- Горлов П. Н., горный инженер, историк 119
- Горовой Ф. С., историк 100, 557
- Граббе М. Н., граф, уполномоченный Алапаевских заводов 399, 414, 416
- Грабинский С., инженер, арендатор польских казенных заводов 327, 554
- Грамматчиков А. А., главный механик уральских заводов, владелец Святочудовского завода 23, 357, 496
- Грамматчиков В. А., горный начальник Гороблагодатских заводов, правовед 10, 186, 187, 276
- Грамматчиков Н. А., управляющий от казны Кнауфским округом 259, 470–472, 473
- Грасгоф Г. Л., вице-директор, директор Горного департамента (1881–1882) 120, 254, 269, 290, 291, 444
- Грейг С. А., государственный контролер (1874–1878) 207, 252, 285, 313, 331, 345
- Гренивиц М. К., баронесса, совладелица Кедабекского завода 537
- Гриельский В. Ф., нотариус, совладелец Сициманданского завода 530, 531, 532
- Громов В. Ф., коммерции советник, лесопромышленник 332, 480
- Гросман, купец, претендент на Мрочковский завод 326
- Грот К. К., директор Департамента неокладных сборов (1861–1869), член Податной комиссии 69, 94, 95, 174, 175, 200
- Губин К. М., потомственный почетный гражданин, владелец Сергинско-Уфалейского округа 63, 353, 354, 356, 424
- Губина А. И. (урожд. Кони; во втором браке — Ушакова), владелица Сергинско-Уфалейского округа 167
- Губины, московский купеческий род 192, 194, 371, 426, 427
- Губонин П. И., предприниматель, арендатор золотых приисков в Екатеринбургском округе 271, 319, 340, 341, 553
- Гужон Ю. П., предприниматель, претендент на аренду Юговского завода 260
- Гусев И. Г., минусинский купец, участник Миасской компании 346
- Гуськова А. К., врач-радиолог 9
- Гуськова Т. К., историк 9
- Гущин, унтершихтмейстер, бухгалтер и письмоводитель Алагирского завода 293
- Давыдов А. П., изобретатель, претендент на аренду Олонцекого округа 212
- Данчич Д. В., горный начальник Луганского округа 291, 292
- Дараган И. К., учредитель Миасской компании 344, 345, 346, 347
- Дашков Д. Д., поверенный Благовещенского завода, участник заседаний Горной комиссии 26, 28, 29, 61, 189
- Дашкова Е. В. (урожд. Пашкова), владелица Благовещенского завода 25, 29
- Деви М. П., помощник главного начальника уральских заводов (1900–1915) 279
- Деви П. П., член Горного совета 143
- Дезен фон А. Р., представитель Омутнинского округа 399, 416
- Дельвиц А. И., барон, инженер 118
- Демидов А. Н., основатель и владелец уральских заводов 431
- Демидов А. П., владелец Суксунского округа 455–459, 460
- Демидов Н. П., светлейший князь Лопухин-Демидов, владелец Корсуни 457
- Демидов П. А., владелец Ревдинского округа 355, 476, 477
- Демидов П. Г., владелец Суксунского округа 455, 457
- Демидов П. П., князь Сан-Дonato, владелец Нижнетагильского округа, претендент на покуску Серебрянского завода 26, 119, 179, 248, 250, 252, 355, 399, 446, 447, 553
- Демидовы, дворянский род 179, 305, 309, 394, 450, 455–457, 460, 541
- Денике П. Ф., член Главного правления именными наследников С. С. Яковлева 399, 416
- Денисов Н. А., директор Горного департамента (1896–1900), председательствующий в Горном совете 139, 143, 222, 299, 386, 396, 399, 446, 516
- Дервиз фон П. П., гвардии корнет, арендатор цинковых заводов в Царстве Польском 324, 325, 554
- Джаншиев Г. А., историк 10

- Диксон, британский предприниматель 284
Дистлер Г. Д., томский купец 484
Дитмар фон Н. Ф., председатель Совета съездов горнопромышленников Юга 149
Добровольский С. М., профессор, главноуполномоченный Нижнетагильских заводов, участник заседаний Горной комиссии, член-эксперт Податной комиссии 26, 27, 29, 67, 69, 248
Долгорукие, княжеский род 285
Долгорукий С. А., князь, статс-секретарь, претендент на покупку Лисичанского завода 289
Домерщиков М. П., присяжный поверенный 500
Домонтович К. И., директор Департамента окладных сборов, член Податной комиссии 69, 80
Доннерсмарк фон Г. Г., граф, учредитель Акционерного общества Стараховицких заводов 319, 322
Дор, инженер, директор Общества «Алагир» 300
Дорошин П. П., управляющий от казны Кнауфским округом, окружной инженер 351, 468–470
Доути В., англичанин, купец, конкурсный управляющий Кнауфским округом 467
Дриттенпрейс, аптекарь 284
Дружинин Г. В., генерал-майор, уполномоченный Кыштымских заводов, участник заседаний Горной комиссии, член-эксперт Податной комиссии 25–27, 29, 69, 70, 73, 74, 79, 80, 89, 92, 94, 97, 173, 425
Дружинина О. П. (урожд. Харитонова), совладелица Кыштымского округа 25
Друзин М. В., историк 424
Дубин А. С., историк 543
Дублицкий Н. И., коллежский секретарь, управляющий Ольгинскими заводами 489, 490
Дунин-Борковский, инженер, претендент на Мрочковский завод 326
Дурасов А. Ф., коллежский советник, претендент на покупку Юговского завода 256, 257, 260
Дурасов П. Ф., гвардии ротмистр, претендент на покупку Юговского завода 256, 257, 260
Дурасов, статский советник, претендент на покупку Домбровских заводов 321
Дурново П. П., генерал-майор, претендент на покупку Богословского округа 309, 310
Дюбуи П. К., главноуполномоченный Общества франко-русских заводов 213
Егоров К. Н., технолог, участник научной экспедиции 1899 г. 240, 349, 423
Егоров Н. М., рабочий, депутат III Государственной думы 421
Егоров П. И., главный начальник уральских заводов (1913–1917) 238, 279
Ежевский Н., ревизор Пермской контрольной палаты 242
Екатерина II, российская императрица (1762–1796) 20, 79, 106
Елизавета Петровна, российская императрица (1741–1761) 188
Елькин А. И., уполномоченный по охране имущества Холуницкого округа 304
Енько-Даровский Ф. М., куратор конкурсного управления Суксунского округа 460
Ераков А. Н., генерал-майор, владелец Виндреевского завода 357, 443, 444
Ермолов А. С., министр земледелия и государственных имуществ (1893–1905) 134, 139, 144, 145, 214, 215, 217, 219, 221, 224, 225, 227, 233, 255, 261, 276, 326, 384, 385–387, 447, 480, 494, 514, 516, 524, 553
Ефремов Е., грек, владелец Дилижанского завода 537, 538
Жалобин А. Е., арендный управляющий Юговским заводом 262
Желватых В. В., товарищ председателя, председатель Совета съездов горнопромышленников Урала 399, 416, 420, 421
Железкин В. Г., историк 6, 10, 240
Жемчужников, действительный статский советник, претендент на покупку Лисичанского завода 289
Жирнов П. С., пермский купец, покупатель Залазинского имения 507
Жонес-Спонвиль А. О., главноуполномоченный Нижнетагильских заводов 119, 250, 369, 370, 371, 372
Жуковский Е. М., военный губернатор Забайкальской области (1860–1863) 54
Журавлев И. В., екатеринбургский купец, участник торгов 244
Заблоцкий-Десятовский А. П., экономист, член-эксперт Податной комиссии 69, 70, 83, 84, 362
Заблоцкий Е. М., историк 348
Заволжский, надворный советник, старший ревизор Пермской контрольной палаты 454
Загряжский А. П., владелец Каноникольского завода 57
Зайончковский П. А., историк 10, 557
Закожурников В. Ф., управляющий чертежной частью Уральского горного правления 184
Закожурников С. Я., уполномоченный Управления горной частью на Урале 478
Замятнин П. И., управляющий Нижнетагильским округом 392
Запарий В. В., историк 7, 11
Засыпкин Д. И., почетный гражданин 434
Засыпкин И. Ф., почетный гражданин, владелец Ханинского завода 357, 434

- Засыпкин М. И., почетный гражданин, владелец Ханнинского завода 434
- Засыпкин Н. И., почетный гражданин, владелец Ханнинского завода 434
- Засыпкина Е. М., почетная гражданка 434
- Засыпкина Ю. И., почетная гражданка, владелица Ханнинского завода 434
- Захарова Л. Г., историк 10, 557
- Захаровский Д. И., горный инженер, арендатор Юговского завода 260–263, 554
- Захваткин П. А., доверенный от рабочих Холуницких заводов 300, 301, 303
- Звонков, рудничный смотритель Алагирского завода 293
- Зворыкин Н. В., муромский купец, претендент на покупку Авгорского и Сивинского заводов 440
- Згленицкий В. К., горный инженер 323, 351
- Зеленой А. А., министр государственных имуществ (1862–1872) 367–369, 372, 388
- Земятченский П. А., минералог, участник научной экспедиции 1899 г. 240, 349, 423
- Зиверт Р. Ф., горный инженер, учредитель Чорохского акционерного общества 537
- Зигель фон А. А., управляющий Холуницким округом 497
- Зиновьев В. П., историк 543
- Злоказов Н. А., екатеринбургский купец, претендент на покупку Артинского и Саткинского заводов 247
- Злоказов П. А., екатеринбургский купец, претендент на покупку Юговского, Каменского и Нижнеисетского заводов 273, 274, 472
- Злоказовы, екатеринбургский купеческий род 246, 273, 274
- Зотов А. А., потомственный почетный гражданин, уполномоченный Кыштымских заводов 425
- Зотова Е. Л. (урожд. Расторгуева), совладелица Кыштымских заводов 354, 356
- Зубков К. И., историк 10, 156
- Иваницкий А. Б., управляющий горной частью на Кавказе (1848–1860) 202, 292, 293, 517, 529
- Иванов А. А., юрисконсульт 409
- Иванов А. О., член Горного ученого комитета 228
- Иванов В. И., юрисконсульт, председатель конурсного управления Ревдинскими заводами 396, 480
- Иванов В. М., смотритель Нижнеисетского завода 278
- Иванов И. П., главный начальник уральских заводов (1871–1896) 202, 204–206, 241, 242, 308, 311, 315, 333, 334, 336, 338, 342, 381, 429, 473, 477, 512
- Иванов М. И., окружной инженер 434–437
- Иванов Н. П., помощник горного начальника Екатеринбургского округа 243, 244, 249, 257–259, 265, 268–271, 273–276
- Иванов П. А., горный инженер, историк 7, 11
- Иванов С. В., управляющий Пермской контрольной палатой 222
- Иванов С. Н., купец, покупатель у казны шахты «Дагмара» 291
- Ивашева Е. А., см. Шамшина Е. А. 511, 512
- Ивашищев Д. С., присяжный поверенный 514, 515
- Иващенко Г. Н., помощник окружного инженера 299
- Игнатъев Н. П., министр государственных имуществ (1881) 134, 290
- Игнатъева Е. Л., графиня, владелица Николае-Павдинского округа 309
- Извеков В. Е., коллежский асессор, арендатор Алавердского и Шамблугского заводов 529, 530
- Изнар Н. Н., член Совета съездов представителей промышленности и торговли 155
- Ильин В. Г., заводский исправник 489
- Ильинский М. С., генерал-майор, начальник Владикавказского округа 293
- Иосса А. А., главный начальник уральских заводов (1863–1870), член Горного совета и Горного ученого комитета, член-эксперт Податной комиссии 69, 118, 120, 170–172, 202, 206, 249, 288, 305, 306, 333, 335, 336, 345, 346, 461, 462, 470, 471, 488
- Иосса Г. А., директор Горного департамента Царства Польского (1857–1861), член Горного совета и Горного ученого комитета, член Горной комиссии 17, 20, 21, 31, 351
- Иосса Н. А., директор Горного департамента (1900–1907), председательствующий в Горном совете и Горном ученом комитете (1907–1913) 139, 143, 146, 147, 152, 153, 158, 226–229, 238, 394, 399, 416, 418, 420, 532
- Ислентьев Н. Т., верхотурский купец, золотопромышленник 306
- Истомин, потомственный почетный гражданин, претендент на покупку казенных заводов Западного округа Царства Польского 320
- Ищутова О. Н., историк 7, 11
- Кабат Н., коллежский секретарь, претендент на покупку Алагирского завода 294
- Кавадеров А. П., управляющий Суксунским округом 454
- Каверин П. А., корнет, владелец Сенетско-Ивановского завода 433
- Каверина К. А., владелица Сенетско-Ивановского завода 357
- Кази М. И., капитан-лейтенант 479
- Казицын П. Р., вице-директор Лесного департамента, эксперт Податной комиссии 90

- Калинин И. В., уполномоченный рабочих Нижнеисетского завода 277
- Калинин М. А., младший ревизор Департамента гражданской отчетности Государственного контроля 514
- Каменские, пермские пароходчики, покупатели Суксунско-Молебских заводов 460
- Каменский, инженер, претендент на Мрочковский завод 326
- Камышанский П. К., вятский губернатор (1909–1910) 505
- Канкрин Г. А., племянник С. Д. Башмакова 313
- Канкрин Е. Ф., министр финансов (1823–1844) 107, 292, 333
- Капачинский, старший заседатель полицейского управления 492
- Карбовский, губернский инженер 244
- Карницкий Д. П., горный инженер, член правления Совета съездов горнопромышленников Урала 416, 420, 501, 502
- Карпинский А. П., ученый-геолог 302
- Карташов, гвардии ротмистр, поверенный 487, 488
- Картерон, французский инженер 292
- Кафенгауз Л. Б., экономист 557
- Кейзерлинг А. Г., граф, учредитель общества «Дамурдаг» 523
- Келле Г., директор Кедабекского завода 536
- Кениг Б. И., управляющий Кнауфским округом 468
- Кениф Э., инженер, представитель бельгийских предпринимателей 525
- Кеппен А. П., горный инженер, автор историко-статистических исследований 207
- Керзин А. М., уполномоченный Шайтанских заводов 399
- Киреев А. А., гвардии полковник, претендент на покупку Каменского и Нижнеисетского завода 264
- Кисель-Загоранский, управляющий Ольгинскими заводами 491
- Кислинский М. А., чиновник Департамента государственного казначейства 399, 405
- Китанина Т. М., историк 544
- Клейн, коммерсант, претендент на Чатахский завод 520
- Клинка А. А., помощник управителя Юговского завода 262
- Кнауф А. А., немец, московский купец, владелец Юговского (Кнауфского) округа 356, 467
- Княжевич А. М., министр финансов (1858–1862) 22, 56, 167, 256, 304, 332, 485
- Князев В. П., чиновник Лесного департамента 405, 406, 407, 418
- Кобеко Д. Ф., управляющий общей канцелярией Министерства финансов, член Податной комиссии 69, 77, 367
- Ковалевский В. И., товарищ министра финансов (1900–1902) 498
- Ковалевский Е. П., директор правления Компании Кнауфских заводов 467
- Коженков Н. П., управитель Нижнеисетского завода, окружной инженер 267, 269, 270, 459
- Кокцов В. Н., товарищ министра финансов (1896–1900), министр финансов (1904–1905, 1906–1914) 220, 222, 225, 227, 277, 439, 499, 503
- Кокорев В. А., предприниматель, арендатор золотых приисков в Екатеринбургском округе 271, 340, 341, 553
- Коллен Э., организатор Франко-русского горного общества 325
- Кольчугин А. Г., купец, владелец Абаканского завода 476, 482
- Кондасов С., грек, совладелец Агаракского завода 533
- Кондратенко Р. В., историк 349
- Кондюрин Г. С., бирский купец, владелец Камбарского завода 458, 460
- Коновалов Д. П., товарищ министра торговли и промышленности (1908–1915) 152–154, 235, 238, 409, 410, 412, 414–420, 448, 449
- Константин Николаевич, великий князь, генерал-адмирал 118, 284, 338
- Корвин-Крукоская М. А. (урожд. Лебедева), со-владелица Бемшевского завода 511
- Корепанов Н. С., историк 7, 10, 156
- Корзухин И. А., горный инженер 351
- Корибут-Кубитович Г. Д., член попечительства над П. Д. Соломирским, член-эксперт Податной комиссии 69
- Корнилов А. А., историк 10
- Коробейников А. А., мещанин, участник торгов 244
- Коровин А. А., казанский купец, владелец Мёшинского завода 357, 494, 495
- Корсаков М. С., генерал-губернатор Восточной Сибири (1861–1871) 54
- Косолапов В. С., представитель Кажимских заводов 399
- Котельников, владелец купоросного завода 357
- Котляревский И. П., горный инженер, начальник Отделения казенных заводов Горного департамента 119, 191–197, 199, 208, 353
- Кох К. Я., инженер, поверенный 213
- Коцебу А. Э., гвардии поручик, арендатор золотых приисков в Екатеринбургском округе 271, 340, 341, 553
- Коцебу П. Е., новороссийский и бессарабский генерал-губернатор (1862–1870) 198, 336
- Кочубей С. В., князь, претендент на Петровский завод 281, 282, 457
- Краббе Н. К., морской министр (1860–1874) 197, 280

- Краков, мещанин, претендент на покупку Лисичанского завода 289
- Красневский Б. Г., тифлисский купец 531
- Краснова Е. И., генеалог, историк 541
- Крашенинников В. А., претендент на покупку Лисичанского завода 289
- Криворотов М. И., купец, владелец Песоченского и Серенского заводов 433, 434
- Криворотова А. Н., потомственная почетная гражданка, арендатор и владелица Песоченского и Серенского заводов 433
- Крисчн Д., историк 10
- Крот(ков) Н. Е., надворный советник, претендент на аренду Юговского завода 260
- Крузенштерн А. Ф., начальник Главного управления кавказского наместника 518, 520
- Крузенштерн И. Ф., адмирал, путешественник 334
- Крузенштерн П. И., вице-адмирал, претендент на аренду Березовских промыслов 334–336
- Крузе фон Ф. М., член Главного правления имений наследников П. С. Яковлева 396
- Крыжановский И. Н., горный инженер 475
- Крылов Н. К., старший ревизор Департамента гражданской отчетности 396, 399, 405
- Кудымов А. Б., историк 543
- Кузнецов А. И., московский купец, претендент на покупку Петропавловского завода 305, 306
- Кузнецов, иркутский купец, арендатор Ирбинского завода 482
- Кузнецов Н. В., горный начальник Богословских заводов 307
- Кузнецов П. И., потомственный почетный гражданин, участник Миасской компании 346
- Кузницкий С., претендент на казенные заводы Западного округа Царства Польского 320
- Кузьмина М. И. (урожд. Ярцова), совладелица Шайтанского округа и Рябкинского завода 356
- Кулибин Н. А., директор Горного департамента (1882–1891) 119, 120, 136, 245, 266, 273, 274, 286, 287, 297, 308, 436, 512, 513
- Куломзин А. Н., член Государственного совета, историк 207
- Курмаков Н. Н., директор Горного департамента (1907–1910) 152, 153, 233, 416, 420, 501
- Курманская Л. И. (урожд. Засыпкина), жена поручика 434
- Кутелье Э.-Э., организатор Франко-русского горного общества 325
- Кутлер Н. Н., председатель Совета съездов горнопромышленников Урала (1913–1918) 422
- Лаврычев В. Я., историк 7, 11
- Лавров Д. Д., мещанин, владелец Дугненского завода 357
- Лавров Н. М., потомственный почетный гражданин, претендент на аренду Юговского завода 260
- Лазарев Л. Е., совладелец Чёрмозских заводов 44
- Лазаревский М. И., чиновник Горного департамента 238
- Лазарев Х. Е., владелец Чёрмозских заводов 25, 28, 29, 43
- Ламанский Е. И., управляющий Государственным банком (1866–1881), член Податной комиссии 69, 70, 80, 176
- Ламанский Я. И., секретарь Ученого комитета Корпуса горных инженеров, член Горной комиссии 21, 31
- Ламздорф В. Н., граф, министр иностранных дел (1901–1906) 457, 541
- Ландезен И. Э., коллежский асессор, юрист 490, 491
- Лапин В. В., историк 10
- Латынин В. А., горный инженер, управляющий от казны Мосоловским округом, историк 10, 14, 66, 100, 463
- Лебедев А. Е., майор, владелец Бемышевского завода 357, 511, 515
- Лебедев Н. П., горный инженер 531, 532
- Лебедевы, дворянский род 511, 512, 515
- Лебедев Я. П., начальник Отделения частных золотых промыслов Горного департамента 204, 317
- Левашов Н. В., граф, генерал-лейтенант, учредитель Миасской компании 344, 345–347, 553
- Леви Л., варшавский купец, претендент на аренду Панковского завода 320
- Левитский А. С., горный начальник Гороблагодатского округа 256
- Лейхтенбергская М. Н., герцогиня 309
- Лейхтенбергский Е. М., герцог 309
- Лейхтенбергский М. Е., герцог 194
- Лейхтенбергский Н. М., герцог, президент Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества (1865–1891), почетный член Податной комиссии 69, 91, 162, 363, 379
- Леман А. М., действительный статский советник, участник Березовской компании 339
- Лемке М., историк 10
- Лерхе Г. В., директор правления Компании Кнауфских заводов, участник заседаний Горной комиссии 25, 29, 467
- Лерхе К. В., претендент на аренду Миасских приисков 171, 343
- Лесенко Д. Д., горный инженер 130, 159
- Лесовский С. С., управляющий Морским министерством (1876–1880) 283
- Лессинг А. И., учредитель Товарищества Сосвинских чугуноплавильных заводов 328
- Либих фон Ю., немецкий химик 174
- Либ М., владелица Чатахского завода 518

- Либ Э., баденский консул в Одессе, владелец Чатахского завода 517, 518, 520
- Ливен А.А., светлейший князь, управляющий Министерством государственных имуществ (1879–1881) 116, 134, 206, 250, 254, 259, 289, 290, 332
- Лизель Г.В., директор Златоустовской оружейной фабрики 22
- Лиленфельд О.Ф., полковник, управляющий Сестрорецким заводом 188
- Линденбаум М.К., член Главного правления именьями наследников С.С. Яковлева 25
- Липин В.Н., член Горного ученого комитета 229
- Лисенков Г.И., управляющий канцелярией Государственного управления земледелия и землеустройства, юрисконсульт 399, 400, 516
- Литвак Б.Г., историк 10
- Литтауэр С.И., представитель Сысертских заводов, член Администрации Невьянских заводов 399, 509
- Лобко П.Л., государственный контролер (1899–1905) 255
- Лодочников И.А., нижегородский мещанин, управляющий золотыми приисками 341
- Ломач А.А., петербургский купец, претендент на Серебрянский и Нижнетурицкий заводы 253–255, 553
- Лонгинов В.А., делопроизводитель Комиссии для изыскания средств к развитию железного производства в России, член Горной комиссии 14, 18, 20, 21, 31, 98
- Лоранский А.М., член Горного совета и Горного ученого комитета, историк 7, 11, 103, 119, 144, 156, 351
- Лорис-Меликов М.Т., князь, министр внутренних дел (1880–1881), член Кавказского комитета 521
- Лохвицкий Н.Д., уржумский (вятский) купец, претендент на покупку Богословского округа 304
- Лошкарев А.Г., пермский губернатор (1860–1865) 488
- Лузин И.Ф., уполномоченный 317
- Лукошков В.В., представитель оренбургского генерал-губернатора, член-эксперт Податной комиссии 69, 91, 170
- Лыкин П.Т., депутат от горного ведомства в Пермском по крестьянским делам присутствии 184
- Львов С.Е., князь, владелец Пожевского округа 301
- Любимов М.И., пермский купец, претендент на покупку Серебрянского завода 254, 291
- Лямезиер И., председатель правления Кавказского промышленного и металлургического общества 530
- Ляский А., претендент на покупку Панковского завода 319, 320
- Макаров Г.Ф., купец, лесопромышленник 434, 435
- Малахов В.М., инженер-подполковник, управляющий от казны Мосоловским округом 461–463
- Маликов А.И., тульский купец, владелец Кирсинско-Кажимских заводов 448, 449
- Мальгин Н.Г., главный лесничий уральских заводов, член-эксперт Податной комиссии 69, 70, 79, 90, 362
- Мальцов С.И., генерал-майор, владелец Людиновских заводов, член-эксперт Податной комиссии 12, 69, 71, 92, 96, 97, 100, 119, 433
- Малявин С.Ф., товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства 152
- Мамин-Сибиряк Д.Н., писатель 338
- Мамонтов В.В., секретарь Совета съездов горнопромышленников Урала 409
- Мамонтов В.Н., адвокат 455
- Манзей К.Н., поверенный Алапаевских заводов, участник заседаний Горной комиссии 29
- Манзей Н.Н., член Главного правления именьями наследников С.С. Яковлева 446
- Манзей С.С., совладелица Алапаевского округа 29
- Мансветов, генерал, герой романа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Золото» 338
- Манухин А.Н., инженер-штабс-капитан, владелец Авгорского завода 440
- Манухин Н.Д., почетный гражданин, владелец Авгорского завода 357
- Манухина Е.Д., жена А.Н. Манухина 440
- Манухины, купеческий род 440
- Мария Николаевна, великая княгиня, герцогиня Лейхтенбергская 309
- Марков Г.А., управляющий Нижнетагильским округом 409
- Маркус В.М., сенатор, начальник Отдела по финансам Царства польского, член Податной комиссии 109
- Марченко К.И., чиновник Межевого департамента, член Податной комиссии 176, 208, 364, 386
- Маслова Е.И., алексинская купчиха, владелица Песоченского и Серенского заводов 433
- Матвеев, претендент на аренду Холуницкого округа 300
- Мевиус А.Ф., горный инженер 195
- Медведников В.Г., потомственный почетный гражданин, претендент на покупку Петропавловского завода 305, 306
- Мейен Х., надворный советник, учредитель Общества русского рельсового производства 436
- Мелик-Азарьянц А., совладелец Катарского завода 530
- Меликов Л.И., князь, исполняющий должность кавказского наместника (1880) 295
- Меллер А.П., начальник Обуховского завода 238

- Мёллер В. И., управляющий горной частью на Кавказе (1885–1893) 535, 545
- Мельников В. К., потомственный почетный гражданин, владелец Бытошевского завода 438, 439
- Мельников К. В., купец, владелец Бытошевского завода 357
- Мельников П. П., главноуправляющий путями сообщения (1862–1865) 248
- Мельниковы, купеческий род 438, 440
- Менделеев Д. И., ученый-химик, участник научной экспедиции 1899 г. 225, 226, 240, 348, 349, 393, 394, 423
- Метлин Н. Ф., управляющий Морским министерством (1856–1860), член Государственного совета 200
- Мещерин Н. Ф., горный инженер, поверенный, покупатель у казны Петровского завода 282, 284, 552
- Мещеринов Г. В., представитель Военного министерства в Податной комиссии 77
- Микитюк В. П., историк 350
- Миклашевский П. И., горный инженер 294, 350
- Миллер Ф. Л., управляющий Екатеринбургской конторой Государственного банка 243
- Милова О. Л., историк 349
- Милютин Д. А., военный министр (1861–1881) 197, 283
- Миляковы, купеческий род 440
- Мирзоев, залогодержатель 518
- Митинский А. Н., горный инженер, профессор Горного института 7, 11, 229, 238, 416, 420
- Михаил Николаевич, великий князь, кавказский наместник (1862–1881) 201, 294, 518, 520
- Михайлов А. В., петербургский купец, претендент на покупку Екатеринбургской механической фабрики 241
- Михайлов Н. И., делопроизводитель Горной комиссии, член-эксперт Податной комиссии 20, 21, 31, 44, 48, 68, 70, 78–80, 82–84, 87, 88, 100, 101, 170, 358, 361, 386
- Модерах К. Ф., пермский и вятский генерал-губернатор (1796–1811) 33
- Москвин А. А., управитель Екатеринбургского монетного двора 243
- Мосолов Н. И., отставной майор, владелец Шурминско-Залазинских заводов 357, 461, 462
- Мосоловы, дворянский род 63, 432, 438, 461, 463, 464
- Мосунова Т. П., историк 350
- Муравьев В. П., столоничальник особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов 514
- Муравьев Н. В., министр юстиции (1894–1905) 480, 514
- Муромцев С. А., присяжный поверенный, председатель I Государственной думы 458, 459
- Мутафовы, совладельцы Катарского завода 530
- Мылов В. Н., главный лесничий уральских заводов 380, 386, 423
- Мясников И. С., основатель и владелец южно-уральских заводов 256, 344
- Набоков В. Д., представитель Алапаевских заводов 399
- Набокова Е. И. (урожд. Рукавишникова), совладелица Алапаевского округа 399
- Нардова В. А., историк 10
- Небольсин Г. П., экономист, член Государственного совета 200
- Невзоров А. Я., гласный красноуфимского земства 473
- Недошивин А. С., правовед, член Главного управления именными наследников П. С. Яковлева 396, 399, 405–407, 409–412, 414, 416–418, 420
- Недошивина В. Н. (урожд. Сабир), совладелица Невьянского округа 399
- Нейфельд М., варшавский купец, претендент на аренду Панковского завода (1873) 320
- Неклюдов Е. Г., историк 10, 11, 67, 68, 348–351, 541–544
- Нессельроде К. В., граф, министр иностранных дел (1822–1856), акционер Товарищества Суксунских заводов 451
- Нестеровский Н. Я., горный инженер 158
- Никитин С. Н., ученый-геолог 302
- Никифоров Ф. П., петербургский купец, владелец Кагинского округа 356, 425, 430, 467
- Николаев П. Н., начальник Отделения частных золотых промыслов Горного департамента, член Горного совета, член-эксперт Податной комиссии 69, 204, 206, 367
- Николаева Е. И. (урожд. Ярцова), владелица Шайтанских и Рябкинского заводов 442
- Николай I, российский император (1825–1855) 96, 293, 443
- Николай II, российский император (1894–1917) 145, 227, 235, 239, 277, 278, 280, 404, 440, 447, 448, 480, 497, 540
- Николай А. П., барон, начальник Главного управления кавказского наместника 294
- Николай Николаевич (Старший), великий князь 337
- Никольский Н. Л., управляющий от казны Мосоловским округом 465
- Никулин П., доверенный Нижнетагильского сельского общества 408
- Нобель Л. Э., инженер, предприниматель 118, 119, 195
- Новиков В. Я., историк 541
- Новицкий, вице-инспектор Корпуса лесничих 251
- Новосильский Ф. М., адмирал, член Государственного совета 200

- Нуров М. А., предприниматель, участник компании по аренде Березовских промыслов 204, 337
- Оболенский Д. А., князь, член Государственного совета 200
- Огарев Н. А., владелец чугунолитейного завода на Петергофской дороге 97
- Огильви Н. А., управитель Нижнеисетского завода 272, 273
- Огородзинский Д. А., поверенный Верх-Исетских заводов, член-эксперт Податной комиссии 27, 47, 69, 70, 79–84, 87, 93, 96, 97, 100, 361, 362, 364, 365, 368, 369, 372, 373, 386
- Озеров И. Х., профессор финансового права 238, 279, 420
- Озерский А. Д., главный начальник Алтайских заводов, член Горной комиссии, член-эксперт Податной комиссии 17, 22, 23, 69, 72, 73, 98, 99, 101, 170, 171
- Оленев А. С., купец, поверенный Нижнетагильских заводов, участник торгов 189, 205, 244
- Ольховая Л. В., историк 348, 349
- Ольховский Н. И., начальник отделения Департамента горных и соляных дел, участник заседаний Горной комиссии 21
- Опочинин Ф. П., член Государственного совета 13
- Орлов-Денисов Н. Ф., граф, член Главного правления именными наследников С. С. Яковлева 446
- Орлов-Денисов Ф. В., граф, член Главного правления именными наследников С. С. Яковлева 25
- Орнштейн С. С., бежецкий купец, претендент на аренду Луганского завода 286, 287, 288
- Осокины, дворянский род 511, 515
- Оссовский Н. И., член Горного ученого комитета 229, 238
- Островский М. Н., министр государственных имуществ (1881–1893) 69, 120–122, 124, 132, 134–136, 173, 178, 209–215, 240, 255, 260, 265, 271, 276, 287, 290, 291, 295–297, 381, 445, 455, 456, 521–533, 535, 553
- Очкин, мещанин, владелец Виндреевского завода 443
- Очкина (урожд. Баташова), мещанка, владелица Виндреевского завода 443
- Павел I, российский император (1796–1801) 106
- Павлов А. Ф., генерал-лейтенант, претендент на покупку Кнауфского имения 475
- Павлов М. А., горный инженер, ученый 497, 544
- Павлов Н. А., представитель Нижнетагильских заводов 416
- Падалка Н., присяжный поверенный, председатель конкурсного управления Холуницкими заводами 506
- Паива, маркиза, парижская куртизанка 319
- Пален К. И., граф, министр юстиции (1867–1878) 95
- Палкин Н. Г., инженер-технолог, представитель конкурсного управления Ревдинскими заводами 478
- Паниев, совладелец Катарского завода 530
- Панин, генерал-майор Терского казачьего войска, претендент на аренду Алагирского завода 296
- Панцержинский Ч. В., управляющий Каменским заводом 231
- Паньков П. И., председатель Вятской губернской земской управы 303
- Пастухов А. М., ярославский купец, владелец Омутнинского округа, участник Николае-Павдинского товарищества 306, 307, 308
- Пастухов Д. А., потомственный почетный гражданин, совладелец Омутнинского округа и покупатель у казны Вятского округа 118, 119, 317
- Пастухов И. А., потомственный почетный гражданин совладелец Омутнинского округа, покупатель у казны Николае-Павдинского и Вятского округов 307, 309, 316, 328, 331, 552
- Пастухов Н. П., владелец Омутнинского округа, покупатель у казны Вятского округа, претендент на покупку Залазнинского округа 316, 318, 501, 502, 504, 505
- Пастуховы, ярославский купеческий род 316–318, 357, 448, 471, 553
- Патюков, казанский купец, арендатор и владелец Ирбинского завода 482, 483
- Пашков А. В., владелец южноуральских заводов, участник заседаний Горной комиссии, член-эксперт Податной комиссии 26, 29, 69
- Пашков В. А., владелец южноуральских заводов, член-эксперт Податной комиссии 26, 29, 69, 80, 88, 93, 119, 175, 181, 208
- Пашков М. В., владелец южноуральских заводов 57
- Пашков Н. М., владелец южноуральских заводов, участник заседаний Горной комиссии 26, 29, 30, 61
- Пашкова Е. В., мать графа Н. В. Левашова 344
- Пель Ф. А., инженер-механик, претендент на покупку Олонецкого округа 213
- Перетц А. А., начальник Инспекторского отделения, начальник штаба Корпуса горных инженеров (1861–1863), член Горной комиссии 17, 20, 21, 31
- Переяславцев А. Ф., золотопромышленник, учредитель Березовского общества 338
- Перловский В. В., горный начальник Олонецкого округа 213
- Пермикин Г. М., красноярский и иркутский купец, владелец Ревдинского округа 476–481

- Петр I Великий, царь Московский (1682–1721), российский император (1721–1725) 15, 106, 120, 130, 151, 212
- Петров А. А., столоничальник Горного департамента, участник заседаний Горной комиссии 21, 31, 386
- Петров Н. П., председатель Временного управления казенных железных дорог 245
- Петров Ф. Т., управляющий Алапаевским округом 409
- Печаткин И. П., кандидат минералогии, претендент на покупку Богословского округа 207, 304
- Пещуров И. А., чиновник Морского министерства, член-эксперт Податной комиссии 69
- Пивинский Н. А., горный инженер, участник торгов 244
- Пиленко Д. В., младший партионный офицер 292
- Плеве Н. В., помощник управляющего делами Совета министров (1906–1910) 408
- Племянников А. П., капитан первого ранга, покупатель у казны Домбровских заводов 320–322, 552
- Плеске Э. Д., министр финансов (1903–1904) 499
- Побережников И. В., историк 10, 156
- Погодин М. П., участник Николае-Павдинского товарищества 306
- Погожев Е. А., полковник, владелец Дугненского завода 437, 438
- Подъячев Н. Н., купец, владелец Шильвинского завода 495
- Подъячевы, уфимский купеческий род 495
- Поклевский-Козелл А. Ф., владелец Холуницкого и Залазнинского округов 300, 321, 394, 466, 502
- Поклевский-Козелл В. А., предприниматель, залогодержатель 497, 498, 500, 501, 506, 507
- Поклевский-Козелл И. А., владелец Холуницкого и Залазнинского округов 300, 394, 422, 496–501
- Поклевский-Козелл С. А., дипломат, залогодержатель 497
- Полетика В. А., горный инженер 119
- Полетика И. А., горный инженер, редактор «Горного журнала» 22, 25, 67, 386
- Поликарпов В. В., историк 6, 10, 240, 348, 349
- Половцов А. А., член Совета министра финансов (1874) 338
- Половцова Н. М., владелица Богословского округа 315, 330
- Полторацкий С. Д., владелец Истинско-Залипяжского завода 435
- Поляков В. Ф., горный инженер 287
- Поляков (Я. С.), горнопромышленник 203
- Померанцев А. А., подполковник, арендатор цинковых заводов в Царстве Польском 324, 325
- Померанцев А. Г., управитель Юговского завода 259, 477
- Пономарев А. Д., полковник, владелец Холуницкого округа 356
- Пономаревский-Свидерский В., генерал-майор 239
- Понюшев К. Д., заведующий уральским землеустроительным отрядом 406
- Попов А. С., потомственный почетный гражданин, владелец Степановского завода, участник заседаний Горной комиссии 16, 26, 29, 56, 57, 444, 445
- Попов Н. С., потомственный почетный гражданин, владелец Степановского завода 16, 444, 445
- Попов С. И., семипалатинский купец, владелец Благодато-Стефановского (Кувского) и Александровского заводов 26, 56, 57, 135, 358, 444, 445, 541
- Попов С. Н., потомственный почетный гражданин, владелец Степановского завода 16, 444, 445
- Попов Ю. В., владелец Николае-Павдинского округа 309
- Потемкин В. И., инженер, участник компании по аренде Стараховицких заводов 319
- Поткина И. В., историк 7, 11
- Походяшин М. М., верхотурский купец, основатель и владелец Богословского округа 315
- Претимен В., британский подданный, претендент на Чатахский завод 519–522, 526
- Пржибыльский Б. К., польский заводчик 119, 195
- Прокунин, купец, владелец купоросного завода 357
- Путилов А. И., председатель правления Русско-Азиатского банка 238
- Пфейфер Е. В., горный инженер 346
- Радзивилл Л. Л., князь, генерал-адъютант, участник компании по покупке казенных заводов Западного округа Царства Польского 320
- Разумов Н. И., директор Горного департамента (1915–1917) 238
- Ракуса-Суцевский К. К., предприниматель 238
- Раль А., барон, придворный банкир, конкурсный управляющий Кнауфскими заводами 467
- Ранвье Ю., организатор Франко-русского горного общества 325
- Раселли Ф. И., член Горной комиссии, член-эксперт Податной комиссии, директор Горного департамента (1873–1881) 18, 20, 31, 68, 72, 76, 79, 86, 116, 120, 173, 182, 258, 282, 314, 328, 334, 344, 363, 367, 446
- Расторгуев Л. И., вольский купец, владелец Кыштымского округа 356, 424
- Расторгуев Я. И., золотопромышленник 167, 204, 205
- Ратьков-Рожнов А. Н., председатель Главного правления Нижнетагильских и Луньевских заводов 399, 409, 416

- Ратьков-Рожнов В. А., владелец Ревдинского округа 479–481, 543
- Ратьков-Рожнов М. И., участник компании по аренде Стараховицких заводов 319
- Рашет В. К., член Комиссии для изыскания средств к развитию железного производства в России, член Горной комиссии, член-эксперт Податной комиссии, директор Горного департамента (1861–1873) 14, 20, 22, 31, 68, 72–74, 77, 101, 104, 105, 108, 115, 116, 165–168, 170, 178, 179, 190, 191, 197, 199, 202–204, 206, 242, 247, 249, 268, 274, 281, 336, 367, 426, 433, 471
- Резвой О. П., чиновник Военного министерства, член-эксперт Податной комиссии 69
- Рейнке Э. М., горный инженер, управитель Алагирского завода 292, 293
- Рейтерн В. Г., граф, барон Нолькен, историк 207
- Рейтерн М. Х., министр финансов (1862–1878), председатель Податной комиссии 11, 24, 25, 31, 68, 103, 109, 110, 113–115, 161, 165, 168, 173, 182, 190, 198–200, 205–207, 241, 242, 248, 280, 283–285, 304, 306, 319, 320, 333–337, 342, 343, 345, 353, 367, 368, 425, 434, 451, 461, 463, 467, 551
- Рекстер-Вагстаф В., барон, владелец Холуницкого округа 316
- Рено Э. А., петербургский купец, залогодержатель 524, 525
- Решин Ф. И., представитель Кажимских заводов 399, 416
- Ржевский В. К., чиновник Министерства внутренних дел, член-эксперт Податной комиссии 69, 72, 85, 96, 97, 178
- Рибер Дж. А., историк 557
- Ризенкамф А. Е., полковник, покупатель Залазнинских заводов 321, 322, 466, 552
- Риттих А. А., директор Департамента государственных земельных имуществ 399
- Рогов И. А., гласный красноуфимского земства 473
- Рогожников, крестьянин, арендатор мукомольной мельницы 458
- Роджер А. И., управляющий Верх-Исетским округом 382, 459
- Родзянко А. П., полковник лейб-гвардии Кавалергардского полка, претендент на аренду Холуницкого округа 301
- Родоконаки Ф. П., участник компании по аренде Стараховицких заводов 319
- Рожков В. И., начальник Екатеринбургского монетного двора и Екатеринбургской механической фабрики, участник заседаний Горной комиссии, член Горного ученого комитета 21, 196, 208
- Романов В. И., начальник Воткинского завода, член Горной комиссии 20, 31
- Романов Н. В., управляющий от казны Мосоловскими заводами 463–465
- Романовский Н. Д., инженер-подполковник, управляющий от казны Мосоловскими заводами 461, 462
- Рот П. И., полковник, участник компании по аренде Березовских промыслов 334, 335
- Ротшильд Дж., барон, акционер Товарищества Суксунских заводов 451
- Рошефор И. Л., граф, поверенный 489
- Рошефор Н. И., граф, архитектор 491
- Рошефор Н. Н., граф, чиновник по особым поручениям 494
- Рошефор О. Н. (урожд. Коптева), графиня, владелица Ольгинских (Уинских) заводов 357, 431, 485–491, 493, 495
- Ружицкий Е. Л., механик Екатеринбургского округа 269
- Рукавишников В. Н., мензелинский купец, член Главного правления имениями наследников С. С. Яковлева 446
- Рукавишников М. Г., нижегородский купец 471
- Рукоусев Е. Ю., историк 6, 10, 158, 352
- Рупп Э. К., бендинский купец, арендатор казенных заводов в Царстве Польском 327, 554
- Рыбаков Ю. Я., историк 379
- Рыков И., скопинский купец, учредитель Общества русского рельсового производства 436
- Рязанов А. Т., екатеринбургский купец, владелец Спасского завода 56
- Рязанов И. Я., потомственный почетный гражданин, золотопромышленник 340
- Савельев И. Г., московский купец, арендатор Ирибинского завода 482
- Садовский В. С., юрисконсульт 399
- Саладиллов П. М., правовец 152, 416
- Саларев Н. А., чиновник по особым поручениям Уральского горного управления 262, 263
- Сальмон М., доверенный британской фирмы «Браун, Болей и Диксон» 284
- Самарский-Быхолец В. Е., начальник штаба Корпуса горных инженеров (1845–1861), член Комиссии для изыскания средств к развитию железного производства в России, председатель Горной комиссии, член-эксперт Податной комиссии 14, 17, 20–22, 24, 29–31, 68, 72, 101, 105, 168, 170
- Сапоговская Л. В., историк 6, 10, 157, 352, 543
- Сафонов И. И., генерал-майор Терского казачьего войска, претендент на аренду Алагирского завода 296
- Саянский (Попков) О., историк 543
- Свешниковы, владельцы купоросного завода 357
- Севастьянов Н. Д., управляющий Миасскими приисками 204, 208, 345, 346

- Севастьянов Н. И., надворный советник, претендент на покупку Екатеринбургской механической фабрики 241
- Сеид Мир-Адиль Хаджи Мир-Ага-оглы, житель Ордубада, претендент на Агаракский завод 533, 534
- Селезнев Д. С., отставной штабс-капитан, владелец Рябкинского завода 357, 442
- Семенов М. М., горный инженер 243
- Семенов Н. П., литератор, историк 10
- Семенов П. П., статистик 70, 72, 73, 75–77, 85, 88, 92, 94, 95, 173, 174, 176–178, 180, 363–365
- Семенов (Семенов-Тянь-Шанский) П. П., директор Центрального статистического комитета (1863–1882), член Податной комиссии 69
- Семечкин Л. П., капитан-лейтенант, претендент на покупку Луганского завода, покупатель у казны Петровского завода 119, 282–284, 349, 552
- Семяников Л. П., горный инженер 350
- Сигов И. С., публицист 261, 348
- Симанов И. И., екатеринбургский купец, претендент на покупку зданий Екатеринбургского монетного двора 245
- Сименс Вернер фон, совладелец Кедабекского завода 534–537
- Сименс Вильям фон, совладелец Кедабекского завода 534–536
- Сименс Карл фон, совладелец Кедабекского завода 534–537
- Симсон И. Ф., управляющий Холуницким округом 498, 500, 504, 505
- Синельников, чиновник по особым поручениям при пермском губернаторе 487
- Скалковский К. А., директор Горного департамента (1891–1896) 98, 100, 105, 119, 139, 157, 324, 441, 513, 529
- Скаржинский В. А., инженер, совладелец Сидиманданского завода 530, 531
- Скачков М. М., екатеринбургский купец, претендент на покупку зданий Екатеринбургского монетного двора 245
- Скибинский И., инженер, арендатор Бялогонского завода 326
- Скиндер А. И., инженер, предприниматель 119, 195
- Смирнов А. Е., вице-директор Департамента государственных земельных имуществ 399, 403
- Смольянинов К. Н., надворный советник, владелец Кирицкого завода 357, 442
- Соваж И. А., управляющий от казны Суксунскими заводами 186, 450, 451, 452
- Соколовский Л. А., член Комиссии для изыскания средств к развитию железного производства в России, член Горной комиссии, член-эксперт Податной комиссии 14, 17, 20, 31, 68, 70, 71, 72, 75, 77, 78, 81, 87–89, 92, 94, 101, 173, 174, 177, 182, 363, 365
- Солодовников П. Г., банкир, владелец Ревдинского округа, претендент на аренду Холуницкого округа 301–303, 481
- Соломирский Д. П., совладелец Сысертских заводов, претендент на покупку и аренду Нижнеисетского завода 270, 274, 275, 447, 553
- Соломирский П. Д., совладелец Сысертских заводов 69, 425
- Сольский Д. М., государственный контролер (1878–1889) 211, 252, 290, 331, 332
- Сорокин А. А., начальник Отделения частных заводов Горного департамента, член Совета Министерства торговли и промышленности 143, 396, 399, 405, 406, 408, 412, 414–516
- Спиридович И. А., управляющий Вятским округом 317, 484
- Стандершельд К. К., генерал-майор, управляющий Тульским оружейным заводом 188
- Старынкевич Д. С., чиновник по особым поручениям 236, 238
- Стаховская Е. И. (урожд. Засыпкина), владелица Ханинского завода 434
- Стенбок М. М., граф, опекун и уполномоченный Ревдинских заводов 477, 478
- Стенбок-Фермор А. А., граф, поверенный Верх-Исетских заводов, участник заседаний Горной комиссии 26, 27, 29, 30, 48, 68, 343, 344, 447
- Стенбок-Фермор Н. А. (урожд. Яковлева), графиня, владелица Верх-Исетского округа 26, 69, 356, 373, 389, 447
- Степанов В. Л., историк 7, 11
- Степанов И. М., уполномоченный рабочих Нижнеисетского завода 277
- Столыпин П. А., Председатель Совета министров 503, 505
- Столыпина О. В., жена Н. П. Лопухина-Демидова 457
- Стрижов Н. Г., поверенный 481
- Строганов Г. А., граф, владелец Кыновских заводов 96, 309
- Строганов С. А., граф, владелец Пермского майората и Билимбаевских заводов 459
- Строганов С. Г., граф, совладелец Кыновских заводов 25, 29
- Строганова Н. П., графиня, владелица Пермского майората и Билимбаевских заводов 25
- Строгановы, дворянский род 25, 29, 100, 172, 174, 203, 307, 309
- Стрельман А. П., уральский берг-инспектор (1854–1869) 22, 23, 42–44, 47, 63
- Струве Г. Е., инженер, учредитель Товарищества Сосьвинских чугуноплавильных заводов 328, 329

- Струве М. Б., заведующий Отделом по поземельному устройству в горнозаводских дачах на Урале 399, 402, 406, 407, 409
- Структов В. Г., правовед 10
- Суворов А. А., светлейший князь, претендент на покупку Серебрянского и Нижнетуринаского заводов 255
- Суворов А. В., генералиссимус 310
- Сурдул Н. И., автор статей в «Горном журнале» 240, 351
- Сухозанет А. И., владелец Юрюзанского округа 246
- Сухозанет И. О., генерал-адъютант, представитель Юрюзанских заводов 12, 96
- Сущов Н. Н., тайный советник, учредитель Акционерного общества Стараховицких заводов 319
- Схолл-Энгбертс Г. Л., член Главного правления именными наследников С. С. Яковлева 399, 416
- Сысоев П. И., надворный советник, претендент на покупку Артинского и Саткинского заводов 246, 247
- Таборовский А. О., тайный советник, опекун 312
- Таль фон Х. Я., покупатель у казны Сосьвинской лесной дачи, учредитель Товарищества Сосьвинских чугуноплавильных заводов 245, 246, 328–331, 553
- Татаринов А. В., стерлитамакский купец, совладелец Кагинского округа, претендент на аренду Кнауфского округа 467, 468
- Татаринов В. А., государственный контролер (1863–1871) 161, 197, 198, 367, 372
- Тезяков, купец, поверенный Сергинских заводов 426
- Темников И. Н., горный начальник Пермского округа 238
- Тенгоборский Л. В., член Государственного совета 13
- Терминская М. И., жена коллежского асессора, покупатель лесных участков Мосоловских заводов 466
- Тер-Мкртчянц, совладелец Катарского завода 530
- Тернер Ф. Г., вице-директор Департамента внешней торговли Министерства финансов, член Податной комиссии 175
- Тигранов Г. Ф., начальник Инспекторского отделения Горного департамента 155, 157, 159
- Тимашев А. Е., министр внутренних дел 367
- Тимашев С. И., министр торговли и промышленности (1909–1915) 233–237, 267, 302, 327, 421, 423, 440, 509, 553
- Тиме И. А., профессор Горного института 215, 255
- Тимирязев В. И., товарищ министра финансов (1902–1905), министр торговли и промышленности (1905–1906, 1909) 233, 236, 277, 419–421, 498, 50–506, 509, 525
- Тимофеев А. Е., совладелец Михайловского завода 274
- Тимофеев В. И., горный начальник Камско-Воткинского округа 464
- Тимофеев М. А., екатеринбургский купец, претендент на аренду Нижнеисетского завода 274, 275
- Титов А. А., историк 10
- Толмачев Е. П., историк 10
- Трапезников Н. К., иркутский купец, покупатель у казны Николаевского завода 38, 165
- Тригонов, грек, арендатор Дилижанского завода 538
- Трофимов Е. П., екатеринбургский купец, претендент на аренду Сысертского округа 476
- Трубников, подпоручик, управляющий Ольгинскими заводами 489
- Трубникова Е. А. (урожд. Лебедева), совладелица Бемшевского завода 511
- Тугендгольд Ф. В., старший ревизор Государственного контроля, член-эксперт Податной комиссии 69, 75
- Тулисов Е. С., историк 7, 10, 156
- Туннер Г. Ф., австрийский ученый-металлург, директор Леобенской горной академии 198, 199, 208
- Тупиков С. Е., управляющий Главной конторой Верх-Исетских заводов 383
- Тур А. Ф., ревизор Лесного департамента 514
- Турский К. Г., архитектор 242
- Турчанинов А. Ф., владелец Сысертского округа 63, 356
- Турьян С. А., горный инженер 351
- Тухолка В. А., начальник Отделения частных заводов Горного департамента 420
- Тучемский В. С., лесничий 341
- Тучков П. А., член Государственного совета 13
- Тыдельский В. И., горный инженер 158
- Тыртов П. П., управляющий Морским министерством (1896–1902) 224
- Тютчев Н. Н., чиновник по особым поручениям Министерства финансов, член Податной комиссии 69, 80, 361
- Тяжкин, купец, арендатор Богдано-Петровского завода 437
- Удинцев В. А., правовед 7, 11, 391, 392, 415–417, 423, 424, 448, 449
- Урбанович И. Н., член Горного совета и Горного ученого комитета, инспектор по горной части, арендатор Юговского завода 144, 152, 215, 228, 229, 238, 255, 256, 260, 261, 416, 418–421, 501, 554
- Ушаков П. П., генерал-майор, участник Николаево-Павдинского товарищества 167, 205, 306

- Фадеев А. И., управляющий Верх-Исетским округом 389, 399, 409
- Фармаковский С. П., управляющий делами синдиката «Кровля», претендент на аренду Холунского округа 300
- Фелькнер И. Ф., инспектор каменноугольных работ в Земле войска Донского 22, 23, 281
- Фелькнер Н. А., горный начальник Олонцекого округа, член-эксперт Податной комиссии 69
- Фелькнер Ф. И., горный начальник Луганского округа (1847–1853), главный начальник уральских заводов (1856–1863) 14, 23, 48, 161, 257, 293, 354
- Фиксен, Санкт-Петербургский купец, инициатор горных разведок в Архангельской губернии 111
- Филиппов Т. И., государственный контролер (1889–1899) 224
- Философов Д. А., министр торговли и промышленности (1906–1907) 408–413, 499, 500
- Философов Н. Л., владимирский купец, претендент на покупку Авгорского и Сивинского заводов 440
- Филькович Н. В., лейтенант запаса, арендатор Алагирского завода 297–299, 554
- Фиттингф, барон, домовладелец 304
- Фосс Ф. Ф., член правления Совета съездов горнопромышленников Урала 416
- Фохт А. К., коллежский секретарь, учредитель Березовской компании 338, 339
- Френкель А.-Э. С., барон, покупатель у казны Стараховицких заводов 319, 351, 552
- Френкель С. А., основатель торгового дома 319, 351
- Фролов Д. С., полковник, управляющий Ижевским оружейным заводом 188
- Фуллон И. А., директор Горного департамента (1849–1855), член Комиссии для изыскания средств к развитию железного производства в России 14
- Фундуклей И. И., генеральный контролер Царства Польского 110
- Харитонов А. И., потомственный почетный гражданин, участник торгов 244
- Харитонов П. А., государственный контролер (1907–1916) 539
- Харитонов М. Л. (урожд. Расторгуева), совладелица Кыштымского округа 354, 356
- Хильчинский С. А., горный инженер 323, 351
- Хлебников Д. П., предприниматель 433
- Хлудов В. А., почетный гражданин, арендатор, владелец Бымовского завода 458, 459
- Хованский Я. И., директор Горного департамента (1910–1912) 536
- Ходжамировы, совладельцы Катарского завода 530
- Хок С., историк 10
- Хорошевский В. В., горный инженер 351
- Храповицкий П. П., титулярный советник, управляющий золотыми приисками 341
- Христофоров И. А., историк 10
- Хусгавель Х., финский инженер 275
- Цейтлин А. Г., окружной инженер 523
- Цешковский В. Х., совладелец Сицимаданского завода 530, 531
- Чарноцкий И. М., секретарь начальника штаба Корпуса горных инженеров, участник заседаний Горной комиссии 21
- Чеботарев, коллежский регистратор, претендент на покупку Лисичанского завода 289
- Чебышева К. И. (урожд. Засыпкина), владелица Ханинского завода 434
- Чевкин К. В., начальник штаба Корпуса горных инженеров (1834–1845), председатель Департамента государственной экономии (1862–1872) 200
- Чеймазиди Г., грек, претендент на Агаракий завод 533, 534
- Чекалов С., грек, открыватель Садонского серебряно-свинцового месторождения 292, 293
- Черепанов С. И., заводский исправник 472, 473
- Черневский К. Ю., смотритель Каменского завода 265, 531
- Чернова Р. И. (урожд. Засыпкина), жена штабс-капитана 434
- Черноголовая, мастеровая девица, арендаторша мукомольной мельницы 458
- Чернышев Ф. С., член Главного правления имениями наследников С. С. Яковлева 25
- Чернявский А. Г., вятский губернатор (1915–1916) 303
- Черняев В. В., ученый-агроном 326
- Чесменский А. А., генерал-майор, владелец Мышегского завода 432
- Чиканцев И. И., управляющий Сысертским округом 275
- Чупин Н. К., екатеринбургский историк 490, 543
- Шабуров С. И., владелец Чатахского завода 520, 521, 522
- Шабурова В. Н., владелица Чатахского завода 521, 522
- Шамшин И. И., управляющий Межевым департаментом Сената (1884–1893), член Государственного совета 512, 516
- Шамшина Е. А. (урожд. Лебедева, в первом браке Ивашева), совладелица Бемышевского завода 514, 517
- Шандра И. А., историк 158

- Шанин А. А., член Главного правления именными наследников П. С. Яковлева 396
- Шаншиевы, помещики 517, 520, 521, 523–525
- Шапирер П. Н., горный инженер 350
- Шапошников Е. А., вице-директор Горного департамента, член Комиссии для изыскания средств к развитию железного производства в России 14
- Шаховский В. Н., князь, министр торговли и промышленности (1915–1916) 279, 304
- Шацилло К. Ф., историк 6, 10
- Шванебах П. X., государственный контролер (1906–1907) 539
- Шевелин И. А., председатель Красноуфимской уездной земской управы 473
- Шевцов Н. М., инженер, арендатор цинковых заводов в Царстве Польском 324, 325
- Шелашников В. П., владелец Богословского селитренного завода 425, 429
- Шелашников П. И., владелец Богословского медно-селитренного завода 357
- Шепелев Л. Е., историк 7, 11, 158, 557
- Шепелёвы, дворянский род 63
- Шеповальников А. П., горный инженер, чиновник Горного департамента 238, 326, 351
- Шереметев С. А., граф, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, командующий войсками Кавказского округа (1890–1896) 522
- Шидловский Д. Н., надворный советник, претендент на Вятские заводы 316
- Шиленков П. Н., уполномоченный Нижнетагильских заводов 248, 249
- Шилов Д. П., историк 545
- Шипов Д. П., совладелец Илевского и Вознесенского заводов, член-эксперт Податной комиссии 69, 74, 94, 119, 362
- Шипов И. П., министр торговли и промышленности (1908–1909) 413, 415, 502, 503
- Ширяев А. М., претендент на покупку Ирбинского имения 482
- Шкерин В. А., историк 542
- Шминке А. И., лесничий, заведующий Кнауфским именем 475
- Шпигельштейн Ш. М., житель посада Фирлей, покупатель у казны Сероцкого завода 323, 553
- Шрёдер, заведующий Кедабекским рудником 535
- Штейнман И. А., управляющий горной частью на Кавказе (1866–1885) 528, 530, 532–534, 545
- Штейнфельд П. К., главный механик уральских заводов 242, 269
- Штемпель фон С. С., барон, претендент на покупку казенных земель 330, 331, 332
- Штерн П. А., доктор медицины, претендент на аренду Миасских приисков 343
- Штиглиц А. Л., барон, предприниматель, акционер Товарищества Суксунских заводов 451
- Штоф А. А., правoved, член Горного совета и Горного ученого комитета 8, 10, 104, 132, 134, 136–138, 143, 144, 146, 148–152, 159, 160, 240, 372, 373, 376, 379, 380, 382, 383, 385–399, 401–404, 406, 410–412, 414, 415, 417, 423, 447, 448, 499, 507, 511, 513, 514–516, 545, 554, 555
- Штраус Н. И., окружной инженер 261, 262
- Штукенберг А. И., инженер 543
- Шувалов А. П., граф, кредитор Невьянских заводов 508
- Шувалов П. А., граф, генерал-адъютант, учредитель Березовской компании, участник Миасской компании 338, 346
- Шувалов П. П., граф, владелец Лысьвенского округа 413
- Шульц И. И., главный лесничий уральских заводов 184
- Шульц П. А., чиновник Министерства государственных имуществ, эксперт Податной комиссии 86–88, 134
- Шумкин Г. Н., историк 6, 10, 239, 240, 349
- Шустов С. Г., историк 100
- Щастливцев С. И., горный инженер, управляющий Алагирским заводом 295
- Щелин Д. Д., претендент на покупку Лисичанского завода 289
- Щелков Ф. Ф., золотопромышленник 204
- Щербатов П. Б., князь, член Главного правления Верх-Исетских заводов 447
- Щицинский В. А., инженер 245, 246
- Эйдельман Н. Я., историк 10
- Эрн А. Г., директор Кедабекского завода 536
- Эстрович Б. И., купец, претендент на покупку шахт Луганского округа 290, 291
- Юз Дж., учредитель Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производств 118, 203, 280, 282
- Яковлев В. В., окружной инженер 436
- Яковлев И. А., совладелец Верх-Исетского и Невьянского округов 12
- Яковлев И. М., совладелец Невьянского округа, член Главного правления имений наследников П. С. Яковлева 396
- Яковлев П. С., владелец Невьянских заводов 44, 356, 394, 396, 507
- Яковлев С. С., владелец Алапаевских заводов 25, 27, 356, 446, 485
- Яковлев С. Я., основатель и владелец уральских заводов 356
- Яковлева Н. А. (см. Стенбок-Фермор Н. А.) 356
- Яковлевы, дворянский род 179, 305, 394, 484, 486

- Янов П. С., претендент на покупку Олонцкого округа 213
- Яринский М. Г., екатеринбургский купец, участник торгов 244
- Яров А., почетный гражданин, претендент на Чатахский завод 520
- Ярцов И. М., владелец Шайтанского округа 356, 442
- Ясинский Н. Л., присяжный поверенный, куратор конкурсного управления 459
- Ясюкович И. И., член Совета съездов представителей промышленности и торговли 155
- Ятес В. Е., временный екатеринбургский купец, претендент на покупку зданий Нижнеисетского завода 268, 269, 271
- Ятес Ф. Е., временный красноуфимский купец, претендент на покупку зданий Нижнеисетского завода 268, 269, 271
- Яхонтов К. И., коллежский секретарь, владелец Мёшинского завода 431, 494, 495
- Field D., историк 10

Научное издание

Неклюдов Евгений Георгиевич

**ГОРНАЯ РЕФОРМА В РОССИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА:
ОТ ЗАМЫСЛА К РЕАЛИЗАЦИИ**

Редактор *И. В. Зырянова*

Корректор *Н. В. Лесогор*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 17.04.2018. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 46,44. Заказ № 1222
Тираж 300 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

М. Х. Рейтерн,
министр финансов (1862–1878),
председатель Податной комиссии

Здание Министерства финансов. Санкт-Петербург. Фото конца XIX в.

П. А. Валуев,
министр государственных
имуществ (1874–1879)

А. А. Ливен,
управляющий Министерством
государственных имуществ (1879–1881)

Н. П. Игнатьев,
министр государственных имуществ (1881)

М. Н. Островский,
министр государственных имуществ
(1881–1893)

А. С. Ермолов,
министр земледелия
и государственных имуществ
(1893–1905)

В.И. Тимирязев,
министр торговли и промышленности
(1905–1906, 1909)

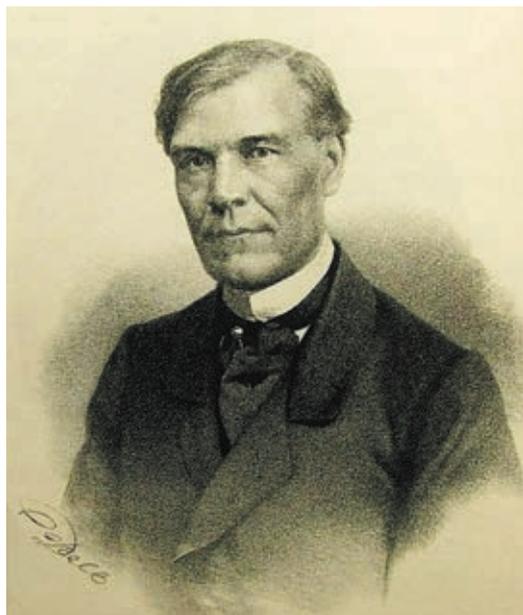
Д. А. Философов,
министр торговли и промышленности
(1906–1907)

И. П. Шипов,
министр торговли и промышленности
(1908–1909)

С. И. Тимашев,
министр торговли и промышленности
(1909–1915)

В. А. Татаринов,
государственный контролер (1863–1871)

А. А. Абаза,
государственный контролер (1871–1874),
член Податной комиссии

С. А. Грейг,
государственный контролер (1874–1878)

Д. М. Сольский,
государственный контролер (1878–1889)

Ф. Ф. Бегер,
директор Горного департамента (1843–1849),
председатель Комиссии для изыскания средств
к развитию железного производства в России

А. Р. Гернгросс,
член Горного совета и Горного ученого комитета,
член Горной комиссии

В. К. Рашет,
директор Горного департамента
(1861–1873), член Горной комиссии,
член-эксперт Податной комиссии

Н. М. Лейхтенбергский,
президент Императорского
минералогического общества
(1865–1891), почетный член
Податной комиссии

А. Д. Озерский,
член Горной комиссии,
член-эксперт Податной комиссии

Г. П. Гельмерсен,
директор Горного института (1856–1872),
член-эксперт Податной комиссии

В. П. Безобразов,
экономист, член-эксперт Податной
комиссии

А. П. Заблоцкий-Десятовский,
экономист, член-эксперт Податной комиссии

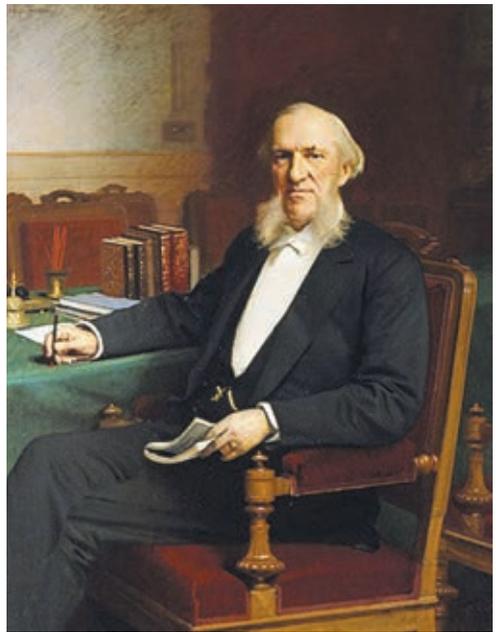
И. В. Вернадский,
экономист, член-эксперт Податной комиссии

П. П. Семенов-Тян-Шанский,
директор Центрального статистического
комитета (1863–1882), член Податной
комиссии

К. К. Грот,
директор Департамента неокладных сборов
(1861–1869), член Податной комиссии

Е. И. Ламанский,
управляющий Государственным банком
(1866–1881), член Податной комиссии

Н. А. Кулибин,
директор Горного департамента
(1882–1891)

К. А. Скальковский,
директор Горного департамента
(1891–1896)

Н. А. Денисов,
директор Горного департамента
(1896–1900)

Н. А. Иосса,
директор Горного департамента
(1900–1907)

Д. П. Коновалов,
директор Горного департамента (1907),
товарищ министра торговли
и промышленности (1908–1915)

Здание Горного института. Санкт-Петербург. Фото конца XIX в.

Здание Уральского горного управления. Екатеринбург
Фото начала XX в.

Дом главного начальника уральских заводов. Екатеринбург
Фото С. М. Прокудина-Горского. 1909 г.

А. А. Иосса,
главный начальник
уральских заводов (1863–1870)

И. П. Иванов,
главный начальник
уральских заводов (1871–1896)

В. И. Мёллер,
начальник Управления горной частью
Кавказского края (1885–1893)

В. А. Грамматчиков,
горный начальник Гороблагодатских заводов
(1866–1870)

А. М. Лоранский,
член Горного совета и Горного ученого
комитета (1890–1913)

Л. Э. Нобель,
инженер, предприниматель

А. А. Ауэрбах,
горный инженер, предприниматель

Д. И. Менделеев и инженеры Кушвинского завода. Фото 1899 г.

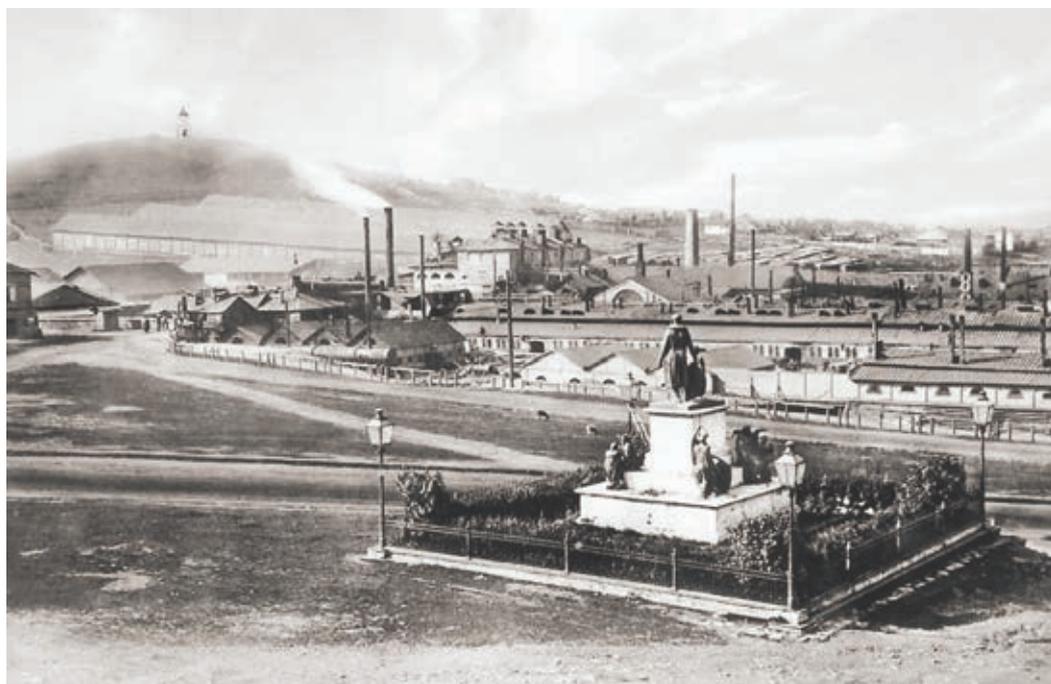
С. Ю. Витте,
министр финансов (1892–1903),
председатель Комитета министров
(1903–1906), председатель Совета
министров (1905–1906)

В. Н. Коковцов,
министр финансов
(1904–1905, 1906–1914),
председатель Совета министров
(1906–1914)

Невьянский завод. Фото начала XX в.

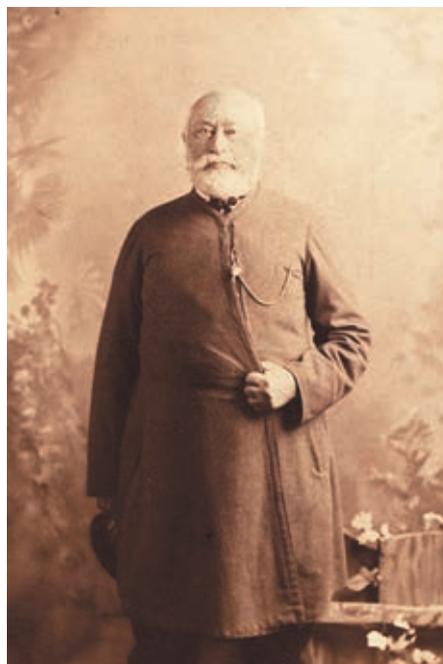

Нижнетагильский завод. Фото начала XX в.

Д. Е. Бенардаки,
владелец Авзяно-Петровских
и Кирсинско-Кажимских заводов,
участник заседаний Горной комиссии,
член-эксперт Податной комиссии

Г. В. Дружинин,
уполномоченный Кыштымских заводов,
участник заседаний Горной комиссии,
член-эксперт Податной комиссии

С. И. Мальцов,
владелец Людиновских заводов,
член-эксперт Податной комиссии

К. Н. Манзей,
поверенный Алапаевских заводов, участник
заседаний Горной комиссии

А. А. Стенбок-Фермор,
поверенный Верх-Исетских заводов,
участник заседаний Горной комиссии

Ф. В. Орлов-Денисов,
член Главного правления
Алапаевских заводов

Х. Е. Лазарев,
владелец Чёрмо́зских заводов

С. Д. Абамелек,
уполномоченный Чёрмо́зских заводов,
участник заседаний Горной комиссии

В. А. Пашков,
поверенный Воскресенского, Верхоторского
и Богоявленского медеплавильных заводов,
член-эксперт Податной комиссии

П. П. Демидов,
владелец Нижнетагильских заводов

А. О. Жонес-Спонвиль,
главноуполномоченный Нижнетагильских заводов (в окружении сыновей П. П. Демидова).
Фото конца XIX в.

Д. П. Соломирский,
владелец Сысертских заводов

С. С. Абамелек-Лазарев,
владелец Чёрмоозских заводов,
член Горного совета

Иван Альфонсович, Викентий Альфонсович и Станислав Альфонсович Поклевские-Козелл,
владельцы Холуницких заводов. Фото конца XIX в.

К. фон Сименс,
владелец Кедабекского завода
в Закавказье

П.П. фон Дервиз,
арендатор цинковых заводов
в Царстве Польском

Члены Совета съездов горнопромышленников Юга России
Фото 1911 г.

Н. В. Левашов,
учредитель Миасской
золотопромышленной компании

Екатеринбургская золотосплавочная контора
Фото С. М. Прокудина-Горского. 1909 г.

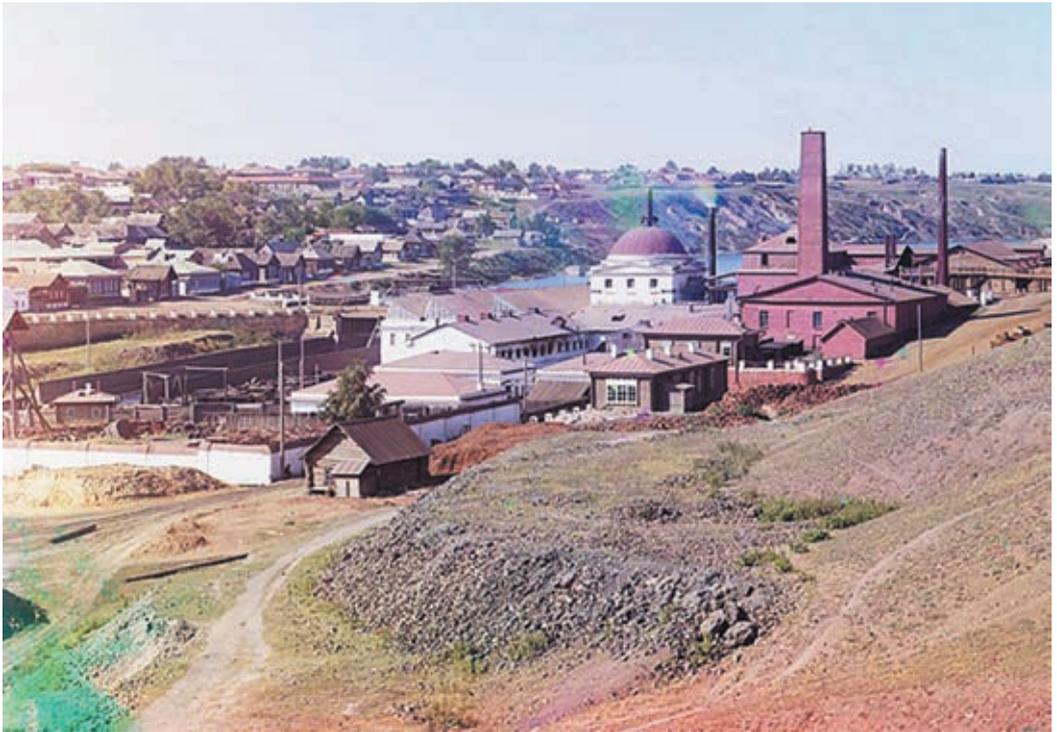
В. И. Асташев,
учредитель Березовской
золотопромышленной компании, участник
Миасской золотопромышленной компании

В. А. Кокорев,
арендатор золотых приисков
в Екатеринбургском округе

П. И. Губонин,
арендатор золотых приисков
в Екатеринбургском округе

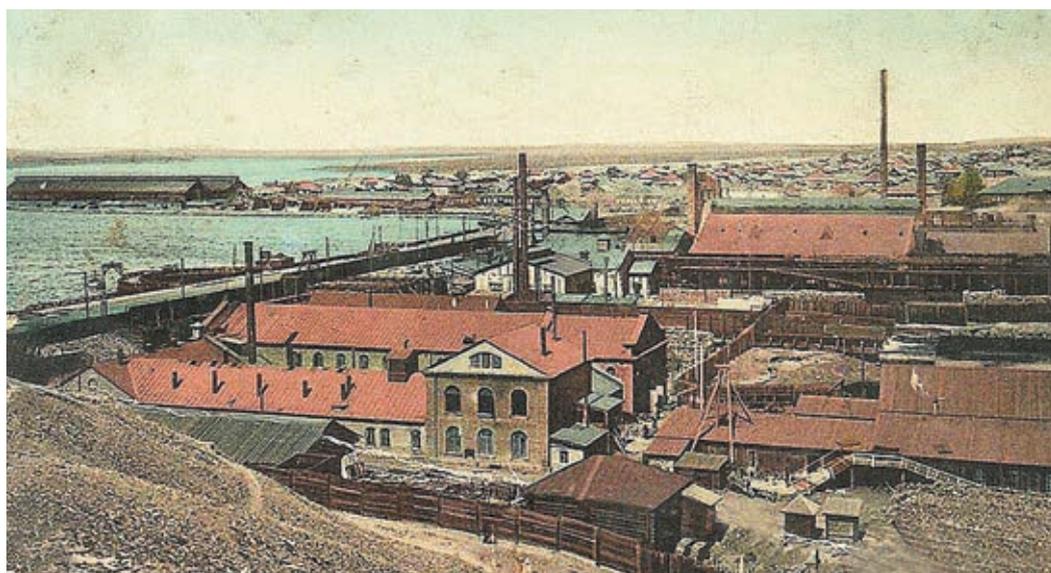
Каменский завод
Фото С. М. Прокудина-Горского. 1909 г.

Здания Екатеринбургской механической фабрики и монетного двора
Фото В. Л. Метенкова. Конец XIX в.

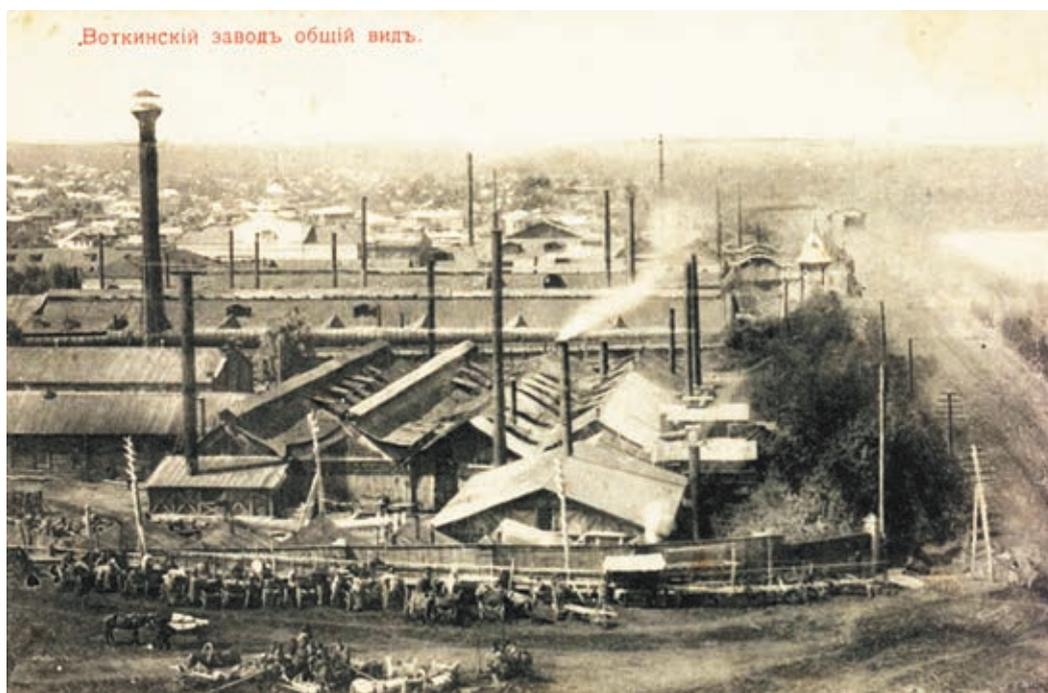
Златоустовский завод
Фото С. М. Прокудина-Горского. 1909 г.

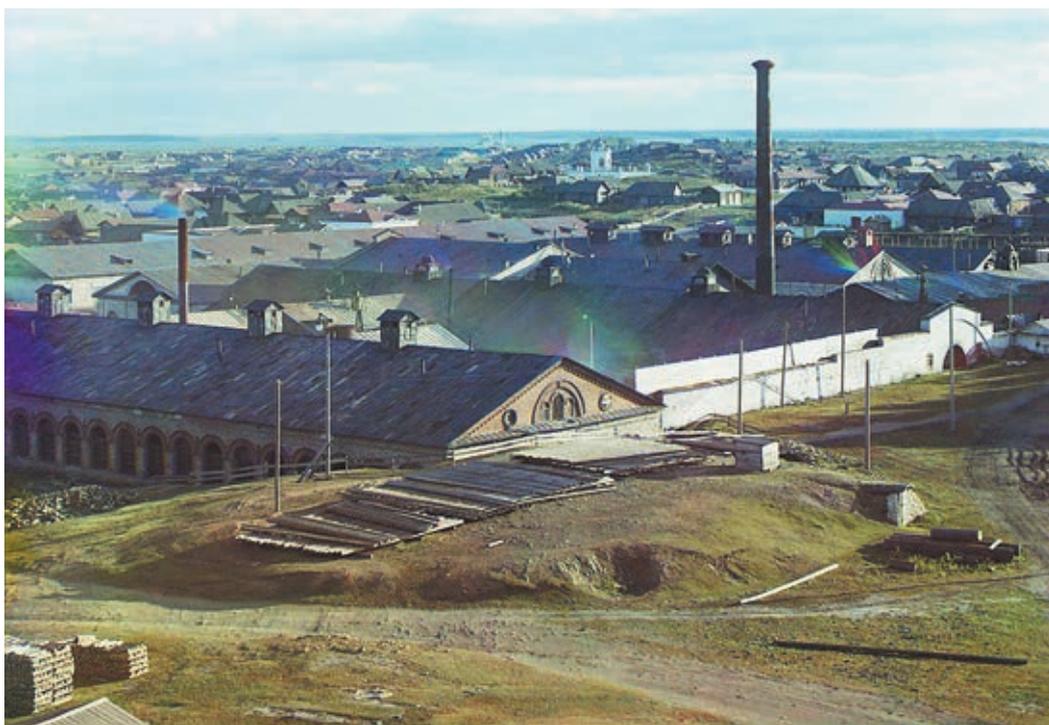
Богословский медеплавильный завод
Фото начала XX в.

Пермские пушечные заводы
Фото начала XX в.

Воткинский завод
Фото начала XX в.

Каслинский завод. Фото С. М. Прокудина-Горского. 1909 г.

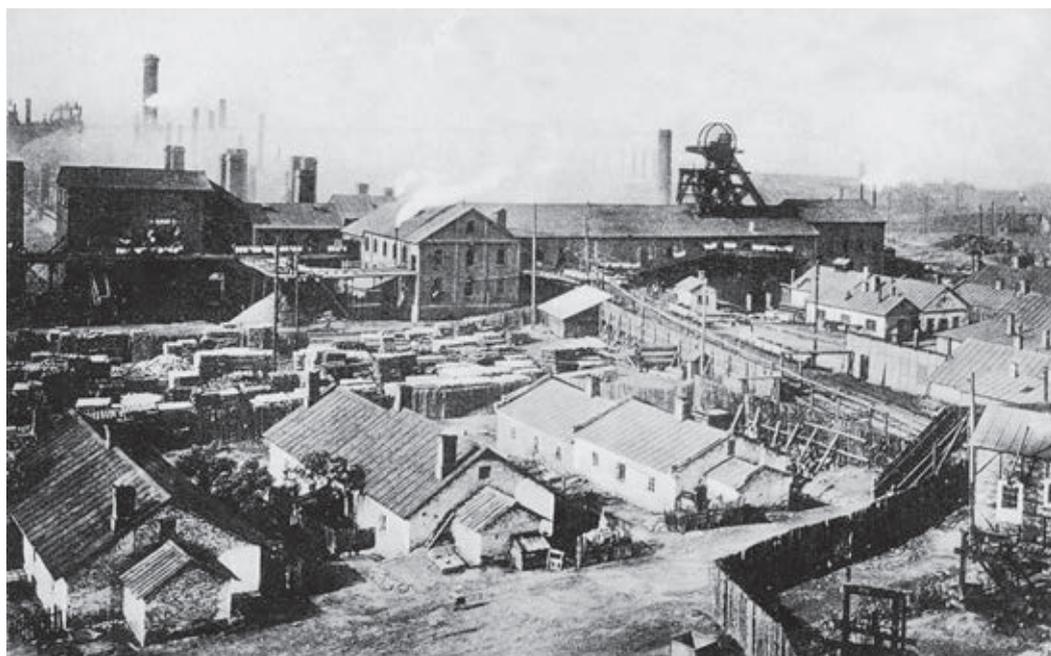
Верх-Исетский завод. Фото С. М. Прокудина-Горского. 1909 г.

Александровский завод. Петрозаводск
Фото начала XX в.

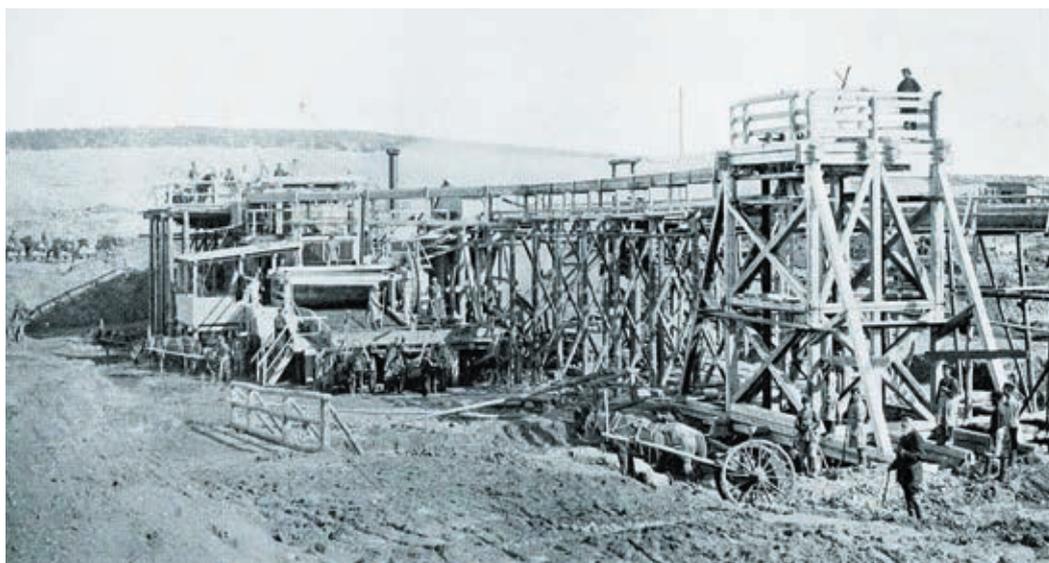
Алагирский серебросвинцовый завод
Фото конца XIX в.

Луганский завод
Фото начала XX в.

Шахта «Дагмара» в Лисичанске
Фото конца XIX в.

Березовские прииски. Золотопромывная фабрика
Фото конца XIX в.

Старатели на Березовских золотых приисках
Фото С. М. Прокудина-Горского. 1909 г.